НАРТХЭР
АДЫГЭ ЭПОС

НАРТЫ
АДЫГСКИЙ ЭПОС

**ГУМАНИТАР КЪЭХУТЭНЫГЪЭХЭМКІЭ ИНСТИТУТ –
ФЕДЕРАЛЬНЭ КЪЭРАЛ БЮДЖЕТ ІУЭХУЩІАПІЭ «УРЫСЕЙ
АКАДЕМИЕМ И КЪЭБЭРДЕЙ-БАЛЪКЪЭР ЩІЭНЫГЪЭ ЦЕНТР»
ФЕДЕРАЛЬНЭ ЩІЭНЫГЪЭ ЦЕНТРЫМ И КЪУДАМЭ**

АДЫГЭ ІУЭРЫПУАТЭМ И АНТОЛОГИЕ ЗЭУЖЬ

НАРТХЭР

АДЫГЭ
ЭПОС

ещанэ тхылъ

◊

БЭДЫНОКЪУЭ

ЩАУЕЙ

Налшык
2020

УДК 398.224
ББК 82.3 (=602.2)-6
Н30

ИГИ КБНЦ РАН-м и ЩIэныгъэ советым и унафэкIэ къыдокI

ЩIэныгъэ редакторхэр:
Быхъурэ М.Ф., Гъут I.М. (редактор нэхъыщхьэ), *Табыщ М.А.*

Тхылъыр зэхэзылъхьахэр, текстхэр урысыбзэкIэ зэзыдзэкIыу
еIуэлIапхъэхэр хуэзытхыжахэр:
Быхъурэ М.Ф., Гъут I.М. (гупым и унафэщI),
Нало З.М., *Табыщ М.А.*, *ЩIыпIынэ А.А.*

Пэублэ статьяхэр зытхар *Гъут I.М., Быхъурэ М.Ф.*

Рецензентхэр:
филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор *БакIуу Хъ.И.*
филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат *Гъут Л.I.*

Н30 **Нартхэр. Адыгэ эпос.**
ISBN 978-5-91766-172-8
Ещанэ тхылъ. Бэдынокъуэ. Щауей / тхылъыр зэхэзылъхьахэр, текстхэр урысыбзэкIэ зэзыдзэкIыу еIуэлIапхъэхэр хуэзытхыжахэр: Быхъурэ М.Ф., Гъут I.М., [н.] – Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным щыхуагъэхьэзыр къудамэ, 2020. – Н. 582.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

Адыгэ IуэрыIуатэм и антологие зэужьым и къыкIэлъыкIуэ томым хыхьащ пасэрей адыгэ лIыхъужь эпосым щыщ нартхэу Бэдынокъуэрэ (Шэбатыныкъуэ) Щауейрэ ятеухуа хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ. Текстхэр къыхэщыпыкIащ мы лIыхъужьхэм ехьэлIа сюжет псори, хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ щызекIуэ щIыналъэм и географиери, ахэр адыгэбзэкIэ зэрызекIуэ диалектхэри тхылъым къищын хуэдэу.

ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)
ISBN 978-5-91766-172-8

© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов,
вступительная статья, 2020
© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов,
З.М. Налоев, М.А. Табишев,
А.А. Ципинов, составление, 2020
© ИГИ КБНЦ РАН, 2020

**ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

АНТОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА

НАРТЫ

АДЫГСКИЙ ЭПОС

третий том

◊

БАДИНОКО

ШАУЕЙ

Нальчик
2020

УДК 398.224
ББК 82.3 (=602.2)-6
Н30

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научные редакторы:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (главный редактор), *Табишев М.А.*

Составление, перевод, комментарии тома:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (руководитель группы),
Налоев З.М., Табишев М.А., Ципинов А.А.

Вступительные статьи *Гутова А.М. и Бухурова М.Ф.*

Рецензенты:
доктор филологических наук *Баков Х.И.*
кандидат филологических наук *Гутова Л.А.*

Н30 **Нарты. Адыгский эпос.**
ISBN 978-5-91766-172-8
Третий том. Бадиноко. Шауей / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.] – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 582 с.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

В очередной том серийного издания антологического свода адыгского фольклора включены сказания о младших богатырях архаического эпоса, богатырях-нартах Бадиноко (Шабатыныко) и Шауее. Тексты подобраны таким образом, чтобы в издании были отражены все сюжеты, связанные с именами данных персонажей, география распространения сказаний и диалекты, на которых сказания бытуют.

Н30 **Narts. Adyghe epic.**
ISBN 978-5-91766-172-8
The third volume. Badinoko. Shawei / compilation, translation, comments by Bukhurov M.F., Gutov A.M., [etc.] – Nalchik: Editorial and Publishing Department IHR KBSC RAS, 2020. – 582 p.
ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)

The next volume of the serial edition of the anthological code of Adyghe folklore includes legends about the younger heroes of the archaic epos, the hero-narts Badinoko (Shabatynyko) and Shawei. The texts are selected so that the publication reflects all the plots associated with the names of these characters, the geography of the distribution of legends and the dialects in which the legends exist.

© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов, вступительная статья, 2020
© М.Ф. Бухуров, А.М. Гутов, З.М. Налоев, М.А. Табишев, А.А. Ципинов, составление, 2020
© ИГИ КБНЦ РАН, 2020

ISBN 978-5-91766-174-2 (т. 3)
ISBN 978-5-91766-172-8

Быхъурэ М.Ф., Гъут І.М.

БЭДЫНОКЪУЭРЭ ЩАУЕЙРЭ ЕХЬЭЛІА ХЪЫБАРХЭМРЭ ПШЫНАЛЪЭХЭМРЭ

ЩІэныгъэлІхэм ирагъэкІуэкІа къэхутэныгъэхэм тепщІыхьмэ, нарт эпосыр ди деж къызэрысам хуэдэу зэпэщыным илъэс мин бжыгъэ ихьауэ жыпІэ хъунущ. А зэманым къриубыдэу, ІуэрыІуатэм зэрихабзэщи, абы зыщІишащ цІыху гъащІэм и зыужьыныгъэм кърикІуа дэтхэнэ зы къэхъугъэри, дэтхэнэ зы зэхъуэкІыныгъэри. Абы къикІращи, эпосыр зэфІэувэныр къыгуэхыпІэ имыІэу епхащ ар къэзыгъэщІа лъэпкъым и тхыдэм, къикІуа гъуэгуанэм, и гупсысэм, и хабзэм. Псалъэм папщІэ, зэман жыжьэ дыдэм къызэрыщежьам и щыхьэту къэлъытапхъэщ, абы дызыщрихьэлІэ мотив, сюжет куэдым я къуэпсхэр зэгуэр цІыхум хэлъа миф гупсысэкІэм, дуней еплъыкІэм пыщІауэ зэрыщытыр. Псом хуэмыдэжу а зэпыщІэныгъэр иджыри зэрыбыдэр хыдолъагъуэ эпосым и ублапІэ лъэхъэнэм – Амыщ, Тхьэгъэлэдж, Лъэпщ сымэ я циклхэм. Апхуэдэу пасэрейхэщ анэ лъэхъэнэм (матриархат) ижь зыщІихуахэу, иужькІэ цІыху зэхэтыкІэм зихъуэжу патриархатым щыхуэкІуэ лъэхъэнэм и «Іэужьу» Сэтэней, Сосрыкъуэ сымэ я циклхэм зыщызыубгъуа сюжет куэдхэри. Ауэ абы къикІыркъым зэфэзэщу къызэдежьа пасэрей пкъыгъуэ защІэкІэ нарт эпосыр гъэнщІауэ, атІэ, зэрыжытІащи, дэтхэнэ зы лъэхъэнэщІэми и лъэужь абы къыхинащ. Мыпхуэдэ Іуэху бгъэдыхьэкІэм тепщІыхьмэ, зи цІэ къитІуа лІыхъужьхэм елъытауэ, Уэзырмэс, Батрэз, Ашэмэз сымэ «зэрынэхъыщІэм» гу лъумытэу къанэркъым.

Мы къыжытІахэр кууэ щызэпкърыха къэхутэныгъэ купщІафІэ куэд нобэкІэ щыІэхэщ. Ауэ абыхэм иджыри зэ кІэщІу къыщІытедгъэзэжыр мы тхылъым и зэхэлъыкІэр къэтІуэтэн папщІэщ. Къапщтэмэ, илъэс зыбжанэ хъуауэ дгъэхьэзыр «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъхэм я ухуэкІар зытегъэпсыхьари а нэщэнэхэрщ: ахэр зэкІэлъыхьащ, нарт эпосыр зэрызэфІэува, зэрызиужьа щІыкІэр ІупщІу абыхэм къищын хуэдэу. Япэ тхылъым хыхьащ ублапІэ лъэхъэнэм къызэщІиубыдэ циклхэмрэ Сосрыкъуэ ехьэлІа, нэхъ пасэрейуэ къалъытэ хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ. ЕтІуанэм къыщызэщІэкъуащ лъэхъэнэкІэ абыхэм къакІэлъыкІуэ Уэзырмэс, Батрэз, Ашэмэз сымэ я циклхэр. Нэхъ иужьу зэпэщахэм ящыщщ нартхэу Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехьэлІа сюжетхэр, мы ещанэ тхылъым къыщыхьахэр. Мыпхуэдэу къыщІалъытэми тегъэщІапІэ иІэщ. Нэхъ пасэу къэунэхуауэ дызытепсэлъыхьа циклхэм къащхьэщыкІыу, мы хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ сюжет къэзыгъэщІ мотив нэхъыщхьэу хэтхэр хэку хъумэнымрэ курыт лІэщІыгъуэхэм зекІуэлІ нэсым бгъэдэлъын хуейуэ къалъытэ хьэл-щэн псори къэІуэтэнымрэщ. Псалъэм папщІэ:

«*Зэпымыууэ къакIуэурэ хэкум лъы щызыгъажэу, мылъкур зезыпхъуэу, къулайсызыгъэрэ гузэвэгъуэрэ хэкум къизылъхьэу щыта чынтыдзэ бий бзаджэр зэхиукIэри чынтым я лъапсэри Бэдынокъуэ игъэгъущащ*», – къыщыжыIащ мы тхылъым хыхьа хъыбархэм ящыщ зым (еплъ: 1 Iыхьэ, № 5), икIи абы наIуэ къещI хэку хъумэныр Бэдынокъуэ и къалэн нэхъыщхьэ дыдэхэм ящыщ зыуэ зэрыщытыр. Аращ хъыбархэм, пшыналъэм мы лIыхъужьыр сытым дежикI чынтыр и никъуэкъуэгъуу къыщIыхэщыр. «Бэдынокъуэ къызэралъхуам» (еплъ: 1 Iыхьэ, № 1) хъыбарым Бэдынокъуэ и анэми нарт Хэкур бийм щехъумэ. А псом къагъэлъагъуэ циклым мы Iуэхугъуэм мыхьэнэшхуэ зэрыритыр.

Амыщ мэз псэущхьэхэр къызэригъэIэсэр, Тхьэгъэлэдж ху жылэр къызэрихутэр, Лъэпщ гъубжэр, Iэдэр, уадэр зэрищIыр, Сосрыкъуэ мафIэ къызэрихьыр къызыхэщыж сюжетхэм ебгъапщэмэ, мыпхуэдэхэр куэдкIэ яужь иту эпосым къызэрыхыхьам шэч хэлъкъым.

Мыбдежым дигу къэдгъэкIыжынщ Сосрыкъуэ и бийм щыпэщIэувэкIэ, къигъэсэбэп Iэмалхэр. Пэжщ, зы нарти зыпэмылъэщыну Iуэхугъуэшхуэхэм ар пэрохьэ, зы лIыгъэ гуэр, къару, хахуагъэ хэмылъу, дауикI, мафIэ къихьыну иныжь шынагъуэм деж кIуэркъым. Ауэ, нэхъыщхьэу гу зылъытапхъэращи, иныжьым ар зэрытекIуэр бзаджагъэрэ мэгъу зэфIэкI бгъэдэлъыр къызэригъэсэбэпыфымрэщ. Апхуэдэу зэрыщытым Сосрыкъуэ и пщIэр игъэлъахъшэуи пхужыIэнукъым. Пасэрей цIыхум дежкIэ сыт хуэдэ Iэмалри (къарури, бзаджагъэри, мэгъу зэфIэкIри) лIыгъэщ, бийм утекIуэ закъуэмэ. Аращи, а зэман жыжьэхэм зэфIэува образым а хьэл-щэнхэр хэлъ хъуащ. КъыжыIапхъэщ мы щытыкIэм и кIапэлъапэхэм Батрэз, Ашэмэз сымэ я циклхэми дызэрыщрихьэлIэр. НэгъуэщIу жыпIэмэ, мы лIыхъужьхэри Iэмалым, бзаджагъэм щыхуекIуэ щыIэщ, ауэ Сосрыкъуэ ехьэлIа сюжетым абы ирит мыхьэнэр мыбдежым къыщотIасхъэри, лIыхъужьыгъэр, хахуагъэр ищхьэ къокIуэ, мы образхэр, абыхэм теухуа сюжетхэр нэхъ иужьыIуэкIэ зэрызэфIэувам и нэщэнэу.

Бэдынокъуэ «и лъэхъэнэм» лIыгъэм и пщалъэу къалъытэр хахуагъэрщ, лIыхъужьыгъэрщ, абы къыхэкIкIи бзаджагъэрэ Iэмалкlэ бийм утекIуэным нэхъ емыкIу щымыIэу мэхъу. Абы ипкъ иткIэ ар зыхуэгъэпсари лIыгъэ зехьэнырщ, апхуэдэу зэрыщытри мы пычыгъуэм IупщIу къыхощ:

Сэ сыгъуогу лъапэ лъыхъукъым,
Сыпсэлъыхъуу щIалэкъым,
СылэгъунакIуэкъым,
Сэ сыщIасэ щIалэкъым,
Сэ зекIуэ сыкIуэнущи,
Гъусэ сымыгъуэт… (еплъ: 1 Iыхьэ, № 12).

ГъэщIэгъуэнращи, пшыналъэ псом и кIыхьагъкIэ ар къэзыгъэщIам игъафIэри, иIэтри апхуэдэ хьэл-щэнырщ, апхуэдэ шыфэлIыфэрщ. А щытыкIэр иджыри зы щапхъэкIэ дгъэбелджылыну тфIэигъуэт:

Ныртышхуэ шути, мэшэс,
Терч ирегъэзых,
ПсыжькIэ щыщIокIыж.
Тхъуэжьу щхьэщIыдзэ кIыхьу
Шы лъэпкъыу зыщIэмыхьэжым

Къамыш щэ уэгъуэр ирех,
Хышхуэм хуэдуи ар йожьэ,
Жьышхуэм хуэдуи ар макІуэ… (еплъ: 1 Іыхьэ, № 12).

Тхылъым ущеджэкІэ, гу лъумытэнкІэ Іэмал иІэкъым, Бэдынокъуэ ехьэлІа ІуэрыІуатэр мыпхуэдэ щапхъэ куэдхэмкІэ гъэнщІауэ зэрыщытым. Псоми я гугъу тхуэмыщІми, мы зы Іуэхугъуэм тепсэлъыхьын хуейуэ къыдолъытэ, мы лІыхъужьым и «дуней тетыкІэр» абы наІуэу къызэригъэлъагъуэм къыхэкІкІэ. Дызэрыщыгъуазэщи, нэхъ пасэу зэфІэува циклхэм курыхыу щыпхышари пасэрей мотивхэрщ: Сосрыкъуэ ейм мафІэ къэхьынымрэ лІыгъэкІэ зэрыгъэунэхунымрэщ (мы иужьрейр лъабжьэ хуэхъуащ Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзэуам теухуа пшыналъэм; мыпхуэдэ фІэщыгъэщІэ сюжетым етта пэтми, Сосрыкъуэ текІуэныгъэр зэрызыІэригъэхьэр бзаджагъэщ); Батрэзрэ Ашэмэзрэ ейхэм – лъы щІэжынырщ, е псоми дызыщрихьэлІэ нысащІэ къэшэнырщ. Пэжщ, мыхэр псори лІыхъужьыгъэкІэ гъэнщІащ. Абыхэм къащхьэщыкІыу, Бэдынокъуэ и мурад нэхъыщхьэр зытеухуар лІыхъусэжь (рыцарь) нэсым бгъэдэлъын хуей хьэл-щэн псор – лІыгъэр, хахуагъэр, къарур, бэшэчынагъыр, пхъашагъыр, зэпІэзэрытыныгъэр, адыгэ хабзэм ткІийуэ тетыныр, н. – гъэлъэгъуэнырщ. Къапщтэмэ, аращ ар нарт хасэм щІэкІуэри.

КъызэрыІуэтам щхьэхуэныгъэ бгъэдэлъ пэтми, мы щытыкІэ дыдэхэм Щауей и циклми дыщрохьэлІэ. Абы и щапхъэ гъуэзэджэщ, псалъэм папщІэ, абы и шу гъусэхэр зэриущийр: «– *Фэ зыщІыпІэ фыкІуауэ фежьэмэ,* «*Шу гуп сыхуэзащ*», – *жыфІэу зевмыт,* <…> «*Мор шу закъуэщ*», – *жыфІэу, фытегушхуэу зевмыпщыт,* – *жиІыт, жеІэ. Ар нартһэм яжриІэрт, жеІэ, щежьэкІэ, ежьэгъуэ къэсыхукІэ*» (еплъ: 2 Іыхьэ, № 5). Апхуэдэхэщ гъуэгу здытетым зыхуэза шур езым и деж хьэщІэу къыхуэкІуэу къыщищІэкІэ, и Іуэху къигъанэу къызэригъэзэжри, хабзэм тету ар зэригъэхьэщІэри, зекІуэ здришэжьэну къыщыжриІэкІэ, «хьэуэ» лъэпкъ къыхимыгъэкІыу, уеблэмэ, здашэри имыщІэу икІи щІэмыупщІэу хьэщІэм зэрыдежьэри, зэгъусэу бийм (иныжьым) емыбгъэрыкІуэу е щэхуу теуэ мыхъуу, ІуащхьэпІалъэ иритрэ къриджэу лІы закъуэу зэрыпэуври, абы щыгъуэми, бийм и щІыгу ит пэтми, пауэр абы лъигъэсу, зэзэуэн хуей хъуми, хъуэщнэщыгъэрэ бзаджагъэрэ зыхэплъхьэ хъунур имыдэу, лІыгъэм, хахуагъэм къахьыну псор япэ иригъэщрэ ахэр ІупщІ къэзыщІ зэуэкІэр къыхихыу зэрыщытыр, иныжьым и шы гуартэр къыщахукІи, пхъэрым зыпэщІигъэхуэну шы ужьым зэриувэр, губгъуэ нэщІым кранэу уае кращІэкІыжа нэужьи, щІыІэм е мэжэщІалІагъэм къигъэдзыхэрэ къэмыкІуэжу, атІэ ежьэну псалъэ зэраритам къыхэкІыу, и гъусэхэм пэплъэу зэрыщысри, зекІуэлІ зэрихабзэу, къихуа былымым щыщ жылэм зэрахуигуэшри, нэгъуэщІ куэдхэри. Мыбыхэм ягуоувэ Щауей и адэр псэууэ, абы унагъуэ унафэр ІэщІэлъу къызэрыгъэлъэгъуари. Ауэ мыбдежым хъыбарыр «зыхущІэкъур» а хабзэ дахэр къэІуэтэжыныр аркъудеиркъым. Дызэрыщыгъуазэщи, мыбы ипэ къит лІыхъужьхэм хэт и адэр мыпсэужу езыхэр къалъхухэр, хэти, иджыри псэуми, ямыцІыхуу къохъухэр. ЩІэныгъэлІхэр зыхуэкІуа гупсысэхэм тепщІыхьмэ, адэншэу сабийр дунейм къытехьэныр е анэ закъуэм (фызабэм) ар ипІыныр къэзыІуатэ мотивхэм я къуэпсхэр анэ лъэхъэнэм (матриархат) къыщожьэр, икІи, цІыхум и къэухьым зэрызиузэщІ, я зэхэтыкІэм зэрызихъуэж елъытауэ, зэхъуэкІыныгъэхэр игъуэтурэ къогъуэгурыкІуэхэр. Псалъэм папщІэ, Батрэз иджыри ныбэм илъу и адэр къаукІри (апхуэдэщ Ашэ-

мэзи), Вакъуэ-нанэ епI. Бэдынокъуэ и адэр псэу щхьэкIэ, щIалэ цIыкIу зэриIэр кърамыгъащIэу, щIыунэм щапI. Абыхэм хуэдэкъым Щауей: и адэр псэущи, сыт хуэдэ унафэри зыIэщIэлъыр аращ. Абы и щапхъэщ, псалъэм папщIэ, Щауей хьэщIэ къыхуэкIуэу къыщищIэкIэ, ар гъэхьэщIа зэрыхъунум теухуауэ и адэм зэречэнджэщыр. Мыр ящыщщ эпосым «щIэщыгъуэу» къыхыхьауэ щытахэм.

Къэтхьа щапхъэ зыбжанэхэмкIэ, дауикI, къызэщIэкъуа хъуркъым, нэхъ иужьу къэунэхуауэ циклхэм къахэщ пкъыгъуэ псори. Ахэр куэдкIэ нэхъыбэщ, ауэ апхуэдэу зэрыщытым къикIыркъым, мы хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ пасэрей мотив, сюжет ущримыхьэлIэххэу. Мыбы и лъэныкъуэкIэ гу зылъытапхъэращи, IуэрыIуатэм и хьэлщ, нэхъ пасэу къежьа хъыбархэм е пшыналъэхэм нэхъ иужьыIуэкIэ къэунэхуа пкъыгъуэхэр зыщIишэу, апхуэдэ дыдэуи пасэрей пкъыгъуэхэр иужькIэ зэфIэувахэм къыхыхьэу. Мы иужьрейм и щапхъэу жыпIэ хъунущ дызытепсэлъыхь Бэдынокъуэрэ Щауейрэ я циклхэр. Псалъэм папщIэ, зи лъапсэр жыжьэ къыщежьэхэм ящыщщ Бэдынокъуэ иджыри ныбэм илъ щIыкIэу и гъы макъыр зэрызэхахыр, Щауей иныжьыпхъум (мэзылIым и пхъум) къызэрилъхур, ахэр сабийуэ къэзылъхуахэм пэIэщIэ зэращIыр (Бэдынокъуэ ягъэкIуэдыну хыфIадзэ, Щауей и анэ Нэрыбгей щахъумэну Iуащхьэмахуэ лъапэ яхьри щапI, е пхъуантэм далъхьэхэри псым хадзэхэр, н.), псынщIэу зэрыхэхъуэхэр, шыр, Iэщэ-фащэр къаIэрыхьэн папщIэ, зыпхыкI гъэунэхуныгъэхэр, Щауейрэ и хьэщIэмрэ я лъы щIэжыкIэри, нысащIэ къэшэкIэри, иныжьхэм, бгъэжь Ан-акъ сымэ я образхэри, нэгъуэщI куэдхэри. Ауэ абы къигъэлъагъуэркъым мы лIыхъужьхэм я циклхэр зэман жыжьэм щызэфIэуварэ мы пкъыгъуэхэр мыбыхэм я деж къыщежьауэ. АтIэ, къэхъураращи, куэд щIауэ зэтеувауэ хьэзыру пасэрей циклхэм хэтхэр мыбдежым къыщыгъэсэбэпауэ арщ. Псалъэм папщIэ, еджагъэшхуэхэм къызэралъытэмкIэ (еплъ В.Я. Пропп, Дж.Дж. Фрэзер, Л.Я. Штернберг, н. я лэжьыгъэхэм), телъыджагъэ хэлъу сабийр дунейм къытехьэныр зэгуэр я фIэщ хъууэ яIуатэу щытащ. Ауэ цIыхум и зэхэщIыкIым, и къэухьым зиужьу а фIэщхъуныгъэхэр нэхъ мащIэ хъуа, е текIуэтыпа пэтми, абыхэм къатепщIыкIыжа мотивхэр IуэрыIуатэм къыхэнащ, художественнэ къалэн ягъэзащIэу: ар лIыхъужь нэхъыщхьэр къызэрыхагъэщхьэхукI, абы и образыр зэраIэт Iэмалхэм ящыщ зы хъуащ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, лIыхъужь нэхъыщхьэр мыдрейхэм хуэдэн хуейкъым, ар абыхэм къащхьэщыкIын хуейщ и дуней къытехьэкIэмкIэ (апхуэдэу псынщIэу зэрыхэхъуэмкIи, ныбэм илъу е гущэхэлъ сабийуэ къылъыкъуэкI лIыгъэхэмкIи, н.). Мы щытыкIэр «нэхъыжь дыдэу» къалъытэ лIыхъужьхэм я деж къыщожьэ, иужькIэ къэунэхуа образхэм хэухуэна мэхъу. Абы щыгъуэми, нэхъапэу къежьахэм деж ар къызэрыIуэта щIыкIэм нэхъ пасэрей теплъэ щаIэщ.

Нэхъ пасэрейуэ икIи нэхъ IупщIу мыр къызыхэщыр Сосрыкъуэ и образырщ – ар мывэм къыдахыр. АдэкIэ мотивым и лIэужьыгъуэу эпосым нэхъыбэу зыщызужьхэм ящыщщ, къызэрыгуэкI нартрэ (егъэлеяуэ къаруушхуэ зыбгъэдэлъщ) миф лъэпкъ гуэрым къыхэкIа цIыхубзрэ зэрышэрэ, я зэхуаку сабийр къыдэкIыу. Мыбдежым дигу къэдгъэкIыжынщ, нарт щIалэм (Пызыгъэщ) хы щIагъ дунейм щыпсэу лъэпкъым щыщ Емыгъэзэш-гуащэр (Мыгъэзэш-гуащэр) къишэу, Хъымыщрэ Уэзырмэсрэ (Орзэмэджрэ Имысрэ) абыхэм къызэралъхуар, Хъымыщым испыпхъур щхьэгъусэ ищIу, Батрэз къазэрыщIэхъуар. Абы къыдэкIуэу, Хъымыщи, Уэзырмэси, Батрэзи, Ашэмэз ящIыгъужу, дунейм къытохьэ, я адэхэр мыпсэужу. Мыбыхэм къащхьэщыкIыу, Бэдынокъуэ

и адэри нартщ, и анэри нартщ, ауэ ІуэрыІуатэм и хабзэмкІэ адрейхэм къащхьэщызыгъэкІ нэщэнэ гуэр мыбыхэми яхэлъын хуейщи, и анэр зауэлІу, къару егъэлеярэ лІыхъужьыгъэрэ бгъэдэлъу къэгъэлъэгъуащ – зауэлІ фащэкІэ хуэпауэ чынтыдзэм поуври нарт хэкур бийм щехъумэ (еплъ: 1 Іыхьэ, № 1). Мыр нэхъыбэу зыдэтлъагъур эпосым и зыужьыныгъэр щыужьых лъэхъэнэрауэ жыпІэ хъунущ. Апхуэдэщ нэхъ иужьыІуэкІэ зэфІэувауэ къалъытэ Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ и образри: и анэ хъуну Пагуэ егъэлеяуэ къаруушхуэ хэлъщи, езым хуэдэ цІыхухъу щхьэгъусэ ищІыну къелъыхъуэ; псы адрыщІым къикІа шу гупым апхуэдэр щыхилъагъуэкІэ, ар псэуэгъу ещІри, сабии – Тэтэрщауэ – зэдагъуэт. Мыр дыдэр хыдолъагъуэ нарт эпосым къыкІэлъыкІуа тхыдэр зи лъабжьэ лІыхъужь эпосым и щІэдзапІэ лъэхъэнэми: Андемыркъан и дуней къытехьэкІар къэзыІуатэ языныкъуэ хъыбархэм къазэрыхэщымкІэ, мы лІыхъужьым и адэр хитІ зэхуакум щыпсэу, къару зэрамыщІэж зыбгъэдэлъ лІы абрагъуэщ. Щауей и Іуэхукіэ жыпІэмэ, ар къызыхэкІамкІэ мы дызытепсэлъыхьахэм къазэрыщхьэщыкІым гу лъумытэу къанэркъым: абы и адэ Къанж нартщ, ауэ и анэр иныжьыпхъущ (хьэмэрэ мэзылІым ипхъущ). Апхуэдэу щІыщытыр хуэпхь хъунущ, мы циклым хыхьэ хъыбархэр лІыхъужь псысэм нэхъ пэгъунэгъуу, нэхъыбэу абы и нэщэнэхэр зыщІишауэ зэрыщытым. Ауэ, дауэ мыхъуами, мыбдежми мотивым щигъэзащІэр ищхьэкІэ зи гугъу тщІа художественнэ къалэн дыдэрщ – Щауей и образыр хэІэтыкІынырщ.

Зи къуэпсхэр зэман жыжьэ дыдэм къыщежьэхэм ящыщхэщ Бэдынокъуэ и адэр укІыпІэм **къызэрыришамрэ жьы хъуар Жьыгъеибг едзыхыжыныр** нартхэм зэразыхригъэнамрэ теухуа сюжетхэр. Къапщтэмэ, я къэІуэтэкІэкІэ зэмыщхьми, сюжетитІри зэлъэпкъэгъущ – жьы хъуар укІыжыныр хабзэу нартхэм яхэлъу зэрыщытар, ар зэрыщагъэтар къаІуатэу арщ. ЩІэныгъэлІхэм къыжаІахэр тегъэщІапІэ пщІымэ (еплъ, псалъэм папщІэ, Дж.Дж. Фрэзер и лэжьыгъэхэм), сюжетхэр къежьэным лъабжьэ хуэхъуащ, пасэ зэман жыжьэ дыдэм цІыхум яхэлъу щыта хабзэ лІэужьыгъуитІ. Япэм и гугъу пщІымэ, а лъэхъэнэм псэуахэм я къэухьым къызэритІасэмкІэ, **зыщыгугъ ехъулІэныгъэхэр (узыншагъэри, гъавэри,** н.) къеуэлІэныр зэлъытар жылагъуэм я пашэрт. Абыхэм зэрагугъэмкІэ, фІы къыдэкІуэн папщІэ, ар узыншэу, фафІэу, къаруфІэу, зэфІэкІ иІэу щытын хуейт. Ауэ и ныбжь хэк**Іуатэрэ а щытыкІэхэр дамылъагъуж**мэ, насыпыншагъэ къахуихьыну къалъытэрти, ар ягъэкІуэдыжырт, и пІэми нэгъуэщІ ирагъэувэрт. Хъыбар куэдым къызэрыхэщымкІэ, Бэдын нартхэм я нэхъ шу лъэрызехьэщ, я тхьэмадэри, хасэм унафэ щызыщІри аращ, ауэ жьы щыхъукІэ, нартхэм унафэ ящІ, ар яукІыжыну. АрщхьэкІэ Бэдынокъуэ кърегъэл (еплъ: 1 Іыхьэ, № 23, 24, н.).

Еджагъэшхуэхэм къыжаІам тепщІыхьмэ, лъэпкъ куэдым зэгуэр яхэлъащ етІуанэ сюжетым лъабжьэ хуэхъуа хабзэр: губгъуэрысІэпхъуэшапхъуэу зи гъащІэр зыхь пасэрей цІыхум къытехьэлъэу къыщІэкІынт, **жьы хъууэ мыщэкІуэжыфыр, зи шхын къэзмылэжьы**жыфыр, лъэрымыхь хъуар ягъэшхэнуи, а зэрыс щІыпІэм къыщанэрти, езыхэр адэкІэ **Іэпхъуэхэрт, мыдрейри абдеж щыкІуэдыжырт. Пэжщ, и**джырей цІыхум дежкІэ, дауикІ, ар хабзэ мыхъумыщІэщ, ауэ а лъэхъэнэм зэманыр зыІутыр арати, ар я псэукІэт. Мыбдежым къыхэгъэщыпхъэщ, апхуэдэ лъэхъэнэ зэгуэр зымыгъэунэхуа лъэпкъыр зэрыгъуэтыгъуейр: я жьыкІэфэкІэр **бгым щадзыжу хьэмэрэ губгъуэм къранэрэ ежьэжу щы**тауэ дуней псо тхыдэм къыхощыжыр. Псалъэм папщІэ, **Евразие континентышхуэм иса пасэрей лъэпкъ Іэджэми, Америкэ Ипщэмрэ Ищхъэ-**

рэмрэ зи псэупIэу щыта индейцхэми а хабзэр зэрахэлъам и тегъэщIапIэ куэд щыIэхэщ. Бэдынокъуэ теухуа хъыбарми аращ: Бэдын жьы хъуащи, нартхэм я хабзэмкIэ, Бэдынокъуэ тажьджэ ищIу, и адэр абы ису Жьыгъеибг щидзыжын хуейщ. АрщхьэкIэ, и адэр иукIыжыну игу темыхуэу, егъэпщкIури бгъуэнщIагъым щепI (еплъ: 1 Iыхьэ, № 22, н.). Хъыбарым еджэм и гугъэнкIэ хъунщ, пэж дыдэу лъэпкъым мыпхуэдэ хабзэ яхэлъарэ ар Iуэрыуатэм къигъэлъэгъуэжу. Къапщтэмэ, сюжетыр хъыбарым лъабжьэ зэрыхуэхъуам къыдэкIуэу, апхуэдэу уригъэгупсысынри хэлъщ, *Жьыгъеибг* фIэщыгъэцIэр зэрихьэу ди щIыналъэм бгы зэрыщыIэм.

ЩIэныгъэлIхэм къызэрахутащи, нарт хъыбархэм къыщыIуэта Iуэхугъуэхэр, абыхэм дызыщрихьэлIэ лIыхъужьхэр пэж дыдэу зэрыщыIам шэч къытрамыхьэу яIуатэу щытащ. А щытыкIэм къишащ, эпосым къыхэщыж фIэщыгъэцIэхэр щIыпIэ куэдым щIагъуэтар. Апхуэдэхэщ «ХьэрэмэIуащхьэ», «Лъэпщ и кIыщ», «Лъэпщ и уадэуапIэ», «Тхьэгъэлэдж и Iуащхьэ», «Хъудымыжъ иуджыпI», «Сэтэней и хьэку», «Сосрыкъуэ и къантешэ гъуэгур», «Сосрыкъуэ и шы гъэджэгупIэ мывэр», испы унэр, нэгъуэщI куэдхэри. Жьыгъеибгри апхуэдэу жыпIэ хъунущ. Сюжетыращи, мыр лъэпкъ куэдым зэIэпахыу яхэлъхэм щыщщ. Абы и щыхьэтщ Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ (адэкIэ – АТ) псысэ сюжетхэм хузэхалъхьа дуней псо сюжетгъэлъагъуэр. Абы мы сюжетыр АТ 981 бжыгъэмкIэ къыщыгъэлъэгъуащ. Дызэрыщыгъуазэщи, мыпхуэдэ сюжетхэм я лъапсэм къыщыщIидзэр къэхутэжыгъуейщ: зы щIыпIэ гуэрым къыщежьэу, зэIэпахыурэ псом я дежи щызэлъэщIыса, хьэмэрэ лъэпкъхэм къакIуа гъуэгуанэр зэрызэщхьым къыхэкIыу, зэхуэдэу псом я дежи къыщыунэхуа – гурыIуэгъуэкъым. Ауэ, дауэ щымытами, ди IуэрыIуатэм хэтщ, нэхъыбэ дыдэу зыщызужьахэми ящыщ зыщ – эпосым и мызакъуэу, псысэхэми куэду ущрохьэлIэ.

Мыбдежым тепсэлъыхьыпхъэщ нэгъуэщ зы Iуэхугъуэми. Зэ еплъыгъуэкIэ хъыбарыр хущIэкъуу къыпщохъу, пасэ зэман жыжьэм щы**Iа хабзэжьыр къиIуэтэжыну. Ауэ, дызэригугъэмкIэ, абы и мыхьэ**нэр нэхъ куущ. ЗэрыжытIащи, IуэрыIуатэм и хьэлщ, гу зылъуигъэтэну зыхущIэкъу Iуэхугъуэр художественнэ Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэмкIэ хи**IэтыкIыу. Мис апхуэдэ къалэн и «пщэ къыдэхуэу» жыпIэ хъунущ мы**быи. Хъыбарым щ**Iэлъ гупсысэ нэхъыщхьэр зыхуэунэтIар зыщ: нэхъы**жьым нэхъ лъапIэ щыIэкъым, абы гъащIэ илъэгъуащ, и чэнджэщхэри лъэпкъ псом дежкIэ щхьэпэщ, куэд зылъэгъуам и псалъэм джатэ Iэпщэм къыхуэмыхьыр къихьынкI**э мэхъур. Бэдын псэууэ къанэу чэнджэщ къа**римытатэмэ, нартхэр гъаблэм ихьынут.

Къапщтэмэ, жьы укIыжыныр къызыхэщ Iыхьэр хъыбарым хэмытами, адэкIэ сюжетым зэрызиужьымкIэ гурыIуэгъуэ хъунут, Бэдынокъуэ мы хабзэфIыр къызэрыригъэжьар. Ауэ къызэрыгуэкIыу ар къудейм фIэкIа къыщымыIуэтатэмэ, сюжетыр гъэщIэгъуэн ящымыхъуу кIуэдыжыпэнри хэлът. Аращи, апхуэдизу лъэпкъым игъафIэ, игъэлъапIэ хабзэр – нэхъыжьым пщIэ хуэщIыныр – иIэтын, нэхъ нэ лейкIэ иригъэплъын папщIэ, хъыбарым едаIуэм и гур зыгъэпIейтей, сюжетым адэкIэ къыщыхъунум упэзыгъаплъэ Iыхьэ япэ къоувэ. Апхуэдэщ «*Нартхэм хабзэу яIэу щытащ, жьы хъуар Жьыгъеибг дахрэ щадзыжу*», – жыхуиIэ щIэдзапIэр, зи гугъу тщIа хабзэжьыр зи лъабжьэр.

Мы Iэмалыр ящыщщ, нэхъыбэ дыдэу, зэмылIэужьыгъуэ куэду зэтепщIыкIыжауэ IуэрыIуатэм къигъэсэбэпхэм. Апхуэдэ къалэн ягъэзащIэ хъыбарым е псысэм и щIэдзапIэм деж лIыхъужь нэхъыщхьэр бэлэбанэу хуэпауэ, тхьэмыщкIэ унагъуэм къыхэкIауэ, лъэпкъи-

къупщхьи имыIэу, зэкъуэшищым я нэхъыщIэрэ псоми я щIэнэкIалъэу, щIалащэрэ (гущэхэлъ сабийуэ), зекIуэ здашэну дзыхь хуамыщIу къэгъэлъэгъуауэ зэрыщытым. ИщхьэкIэ зэрыжытIам хуэдэу, хъыбарым е пшыналъэм щIэдэIум мыпхуэдэ лIыхъужьым занщIэу гу лъетэр, адэкIэ абы и гъащIэр зэрыхъунур, и насып къихьынур зригъэщIэнуи щIохъуэпс, ар зэхихыными хуопабгъэр. ИкIи, зыри зэрыщымыгугъауэ, зыкъызэкъуехри лIыгъэщIапIэ йохьэ, къарурэ хахуагъэрэ зэхьэлIэн хуей Iуэхугъуэшхуэхэр зэфIэхыным пэрохьэ, текIуэныгъэри зыIэрегъыхьэ.

Псалъэм папщIэ, Щауей ехьэлIа хъыбархэм мы лIыхъужьыр мыпхуэдэу къэгъэлъэгъуащ: «*Къанжэ и къуэ Щауейр щу фейцейт, мо санэхуафэ кIуэ зэшитIым я щхьэм хуагъэфэщакъым, бэлэбанэр ягъусэну, ауэ шур яцIыхуртэкъыми зыри жырамыIэу кIуэхэрт*» (еплъ: 2 Iыхьэ, № 8). АрщхьэкIэ, сюжетым адэкIэ зэрызиужьщи, абы къращIэкIа жэщий-махуий уаеми къол, мэжэщIэлIагъри зыхуегъэшэч, икIи, нэхъыщхьэращи, я нэхъ нарт хъыжьэу зыкъэзылъытэж зэшитIыр зыпэмылъэщар игъэзэщIэныр хузэфIокI: тенджыз Iуфэм щыIэ алъп емылыджхэр къеху.

Мы щIыкIэм тету гъэбелджылащ Щауей и хьэщIэри (еплъ: 2 Iыхьэ, № 5). ЩIэдзапIэм деж ар шу мыхьэнэншэ цIыкIуу къэгъэлъэгъуащ. Ауэ, фэ лъэпкъ ирамыплъу шууийм абы зыщрапщыткIэ, зыкъызэкъуехри шухэр зэтреуд, щхьэж иш трипхэжри ирихужьауэ ихуу, Щауей къегъуэтыж. «Шу мыфэмыцым» къылъыкъуэкI къарумрэ хахуагъэмрэ къызэрыIуэтар ар къудеймкIэ зэфIэкIыркъым: бланагъэ зэрыбгъэдэлъым и нэщэнэу, жэщ къэсыхункIэ езым зы гъэлъэхъу, и шым мэкъу **Iэтэрэ Iус къэпрэ яшхыу, хьэщIэгъуэ исынущ, мазэ псокIэ къэмыушу, зи**мыгъазэу жеинущ, нэхъыщхьэращи, Щауей гъусэ ищIа пэтми, ар къегъанэри, и закъуэу бий щIыналъэм йохьэри иныжь шынагъуэхэм япоув.

Мыбдежым дэтхэнэ зы пасэрей пкъыгъуэм и гугъу тхуэмыщIами, къэтхьа щапхъэхэмкIэ наIуэ хъууэ къытщохъу, ахэр къыздежьар, нэхъ иужькIэ зэфIэува циклхэм къызэрыхыхьар, абыхэм щагъэзащIэ къалэныр, нэхъыщхьэжращи, ик**Iэм-икIэжым ныбжькIэ лъэхъэнэ зы**хуэмыдэхэм къыщежьа мотивхэр (пасэрейхэмрэ иужьрейхэмрэ) зэхэухуэна хъукIэрэ, Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехьэлIа IуэрыIуатэхэкI нэгъэса къэгъэщIа зэрыхъуар. А псом къикIращи, зы лъэныкъуэкIэ уеплъмэ, пасэрей пкъыгъуэхэмкIэ циклхэр гъэнщIауэ зэрыщытыр и нэщэнэщ, нэхъапэу зэфI**эува эпос лIэужьыгъуэм (нарт эпосым) мыхэр зэрыхи**убыдэм, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ мы щытыкIэм къегъэлъагъуэ миф фIэщхъуныгъэхэм кIуэ пэтми эстетическэ къалэн ягъэзащIэу хъурэ циклхэм зэIэпахыу къызэрыгъуэгурыкIуэр, уеблэмэ, иужькIэ къэунэху тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосми зэрыхыхьэр. Андемыркъан лIыгъэрэ хахуагъкIэ къылъэщIыхьэ щыIэкъым, IуэрыIуатэм пасэ дыдэу хабзэ хуэхъуахэм ящыщщи, абы и дуней къытехьэк**Iэр зым ейми хуэ**дэкъым: бгъэ абрагъуэр тохуарзэ, хитI зэхуакум къыдехри Къэбэрдейм къехь. Щауей хуэдэу ар «шу мыфэмыцу» къэгъэлъэгъуакъым, ауэ хъыбарым мы образыр хи**IэтыкIыну, абы гу лъыдигъэтэну «хущIокъури», мып**хуэдэ нэщэнэ гуэр мыбыи кIэрылъын хуейщ, абы щыгъуэми мы жанрым къыщыIуэтахэр гъащIэм и пэжым пэблагъэу зэрыщытым мыри нэхъ къезэгъыу гъэпсауэ. Хъыбар куэдым къызэрыхэщымкIэ, Андемыркъан къалъхуащ, нэчыхь зимыIэ пщымрэ унэIутымрэ. Циклыр щызэфIэувэ лъэхъэнэм ар **Iуэху къемызэгът, емыкIушхуэт. Абы папщIэкIи ар мы**дрей пщыхэм Iумпэм ящIу къыхощ. АрщхьэкIэ «пщы къабзэхэм» мыбы и зэфIэкIым хуэдиз зыбгъэдэлъ гуэри къахэкIыркъым. Ди зэманым нэхъ

пэгъунэгъужу зи циклыр зэпэща хъуа Къазэнокъуэ Жэбагъы пэж дыдэу дунейм зэрытетари, щыпсэуа лъэхъэнэри, щIыпIэхэри, уэркъ унагъуэм къызэрыхэкIари тхыдэтххэм къахутэжа пэтми, IуэрыIуатэм, зи гугъу тщIы художественнэ Iэмалым ипкъ иткIэ, абы и образым кIэрелъхьэ, языныкъуэ вариантхэм къызэрыхэщымкIэ, блэ къешэкIауэ къалъхуу. ДауикI, мыбы и къуэпсхэри миф гупсысэкIэхэм къызэрыщежьэм шэч къыпхутехьэнукъым. Нэхъыбэу зызужьа къэ**IуэтэкIэу лъэпкъым зэрихьэ**ращи, Андемыркъан хуэдэу, мыри нэчыхьыншэу къалъху, ар щIахъумэн папщ**Iи бацэм кIуэцIылъу яхьри мэлыхъуэ пщыIэм традзэ. Зэрынэ**рылъагъущи, пэжымрэ IуэрыIуатэм абы кIэрилъхьамрэ шурэ лъэсрэ я зэхуакущ. Апхуэдэу ар къыщIэгъэлъэгъуам и щхьэусыгъуэращи, лъэпкъ псом игъафIэ лIы Iущым и образыр къыхигъэбелджылыкIын папщIэщ: пэщIэдзэм деж лIыхъужьыр зыми емыщхь дуней къытехьэкIэ иIэу къэIуэтащ, ауэ, зыри зэрыщымыгугъауэ, егъэлеяуэ губзыгъагъэрэ акъылышхуэрэ къылъыкъуокI. Мыбдежым дызытепсэлъыхь Бэдынокъуэрэ Щауейрэ т**IэкIу дыкъыбгъэдэкIами, дызыхущIэкъуар зыщ – пасэ ды**дэм къыщежьэу лъэпкъым игъэпса образ къэгъэщIыкIэр, сюжет ухуэкIэр мыдэкIи къызэрахьэсыр наIуэ къэтщIын папщIэщ.

Сюжетхэм я зэхыхьэкIэм, я цикл къэгъэщIыкIэм теухуауэ жыпIэмэ, Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехьэлIахэр нэхъ кIасэу зэрызэфIэувам тегъэщIапIэ хуэхъу IуэхугъуэхэмИ гу лъумытэу къанэркъым. Япэ лIыхъужьым и циклыр къэзыгъэщIыр «Бэдынокъуэ и пшыналъэрщ», мыбы къепхыжащ адрей сюжету хъуар. Мыхэр псори гупышхуитIу зэщхьэщыбгъэкI хъунущ: 1) лIыхъужьым и гъащIэр къызыхэщыжхэр; 2) япэ гупым хэмыхьэу, ауэ лIыхъужьым ехьэлIа сюжет щхьэхуэхэр.

Нэхъапэ зэфIэувауэ къалъытэ дэтхэнэ зы циклми хуэдэу, япэ гупым щызэкIэлъыхьащ лIыхъужьым и дуней къытехьэкIар, и сабиигъуэр (иджыри ныбэ илъу и гъы макъ зэрызэхахыр, къэзылъхуахэм пэIэщIэ зэращIыр (ягъэкIуэдыну зэрыхыфIадзэр), цIэ зэрыфIащыр, зэрагъашхэр, гущэм къехыу зек**Iуэн зэрыщIидзэр, щIыунэм зэрыщапIыр, псынщIэу зэ**рыхэхъуэр, шымрэ **Iэщэ-фащэмрэ къызэрыIэрыхьэр, н. къызыхэщ мотив**хэу зэхэтщ), игъэхъа лIыхъужьыгъэхэр, дунейм зэрехыжар къэзыIуатэ сюжетхэр. Зэ еплъыгъуэкIэ мы щытыкIэм пыплхьэни пыпхыни щымыIэ хуэдэщ: нарт эпосым и цикл ухуэкIэ хабзэм мыри тетщ. Ауэ, нэхъ куууэ укIуэцIрыплъмэ, гу лъумытэу къанэркъым а ухуэкIэр мыбдежым «къызэрыщыт**Iасхъэм»: лIыхъужьым и гъащIэ псор – дунейм къыщыте**хьам къыщыщIэдзауэ зэрыкIуэдыжам нэсыху – къигъэлъагъуэу курыхыу циклым щыукъуэдияуэ щытын хуеяр нэгъэсыпакъым. Тхылъым хыхьа хъыбархэм къызэрагъэлъагъуэщи, Бэдынокъуэ зэраукIар къэзыIуатэ сюжет щхьэхуэ, псалъэм папщIэ, Сосрыкъуэ ейм хуэдэу, щыIэкъым. Мы Iуэхугъуэр наIуэ къэзыщI Iыхьэр нэгъуэщI сюжетым, Джылахъстэн и пхъур Сосрыкъуэ къызэришам теухуам, пкъыгъуэ къудейуэ хэувэу арщ. Абы къикIращи, зэрыхуэбгъэфащэ хъунумкIэ, нэхъ пасэу къэунэхуа Сосрыкъуэ и циклым къыщхьэщыкIыу, мыбдежым мыхьэнэ нэхъыщхьэр зэтар лIыхъужьым и лIыгъэмрэ хахуагъэмрэщ, ауэ, эпосым и хабзэм мыри «тетын хуейщи», а Iуэхугъуэри «IэщIыб ищIыркъым», пкъыгъуэ щхьэхуэ къудейкIэ фIэкIа абы гулъытэ хуимыщIми. Абы къыдэкIуэу, циклыр зэщIэкIыжа «Бэдынокъуэ и пшыналъэр» стиль и лъэныкъуэкIэ лIыхъужь эпосым и хабзэм тету гъэпсами, мыдрейуэ прозэу къэIуэтахэр поэтикэрэ стилкIэ лIыхъужьыгъэкIэ гъэнщIа хъыбарыжьхэм нэхъ пэгъунэгъущ, а щытыкIэмкIи ахэр нарт эпосым къыкIэлъыкIуа тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосым нэхъ пэблагъэ мэхъу. Ахэри щыхьэт тохъуэ,

мы циклыр «зэрынэхъыщIэм». Мыбы тепщ**Iыхьмэ, щхьэусыгъуэншэу цик**лым къыхэмыхьауэ жыпIэ хъунущ нарт эпосым и къупхъэм къимытIасэ «Бэдинокъуэ зэрагъэжейуэ щыта гущэ уэрэдри» (1 Iыхьэ, № 4). Псом хуэмыдэу зи гугъу тщIы нэщэнэхэр ядыдолъагъу етIуанэ сюжет гупым хыхьэхэм. Псалъэм папщIэ, Бэдынокъуэ лIыхъужьыгъэ игъэхъэным и пIэкIэ, шу гъусэ къудейуэ хъыбар куэдым къыхощ. Апхуэдэхэщ «Нарт Хъыжьэ и хъыбарыжьыр» (1 **Iыхьэ, № 39), «Чэчанэ и къуэ Чэчанэ» хъы**барым и л**Iэужьыгъуэхэр (1 Iыхьэ, № 40, 41, 42), н. Къапщтэмэ, мышху**эдэ къалэн Щауеи и пщэ къыщыдэхуэ щыIэщ: «Щауейрэ и хьэщIэмрэ» (2 Iыхьэ, № 4, 5) хъыбарым мы лIыхъужьым щигъэзащIэр дэIэпыкъуэгъу къалэнщ.

Апхуэдэ дыдэу лIыхъужь псысэм и нэщэнэ куэди циклхэм зэщIашащ. Дызэрыщыгъуазэщи, мы жанр лIэужьыгъуэр эпосым къызэрыщхьэщагъэкI щытыкIэ зыбжанэ щIэныгъэлIхэм ягъэбелджылауэ щыIэщ. Кууэ а псоми дытемыпсэлъыхьми, нэхъыщхьэу зыбжанэм я гугъу щIыпхъэщ. Япэрауэ, эпосыр зыхуэунэтIар нартхэм я дунейр къэгъэлъэгъуэнырщ. ЕтIуанэрауэ, эпосыр циклу – лIыхъужьым и гъащIэр къыщыIуэта сюжетхэр зэкIэлъыхьауэ – зэхэтщ. Ещанэрауэ, эпосым щхьэхуэныгъэу бгъэдэлъщ, лIыхъужь нэхъыщхьэр хэкIуадэу зэрыщытыр. ЕплIанэрауэ, эпосым дежкIэ Iэмалыншэкъым, псысэм и бзэр къулей зыщI щIэдзапIэ, курыт, кIэух жыIэгъуэ зэрыIыгъхэр къэгъэсэбэпыныр («*Зы къуажэ гуэрым зы лIыжьрэ зы фызыжьрэ дэст*», «*КIуэм-лъейм, кIуэм-лъейм, мащIэрэ кIуа, куэдрэ кIуа…*», «*Тхъэрэ псоууэ къэнэжащ*», н.). Къапщтэмэ, Бэдынокъуэ ехьэлIауэ щапхъэу къэтхьа «Нарт Хъыжьэ и хъыбарыжьыр», «Чэчанэ и къуэ Чэчанэ» хъыбарыр, нэгъуэщI куэдхэри апхуэдэщ: зы лъэныкъуэкIэ хъыбархэм я нэщэнэхэр бгъэдэлъми, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ лIыхъужь псысэм пэблагъэ хъуащ. Бэдынокъуэ и циклым иджыри эпосым и щытыкIэ куэдыр хэтлъагъуэ пэтми, Щауей ехьэлIам хыхьэ хъыбархэм, ахэр зы циклу къызэщIэкъуарэ нартхэм я дунейр къыхэщу зэрыщытыр къыумылъытэмэ, псоми лIыхъужь псысэкIэ уеджэми, ущыуэнукъым, апхуэдизкIэ ахэр мы жанрым пэгъунэгъу хъуащи. Аращи, Щауей и циклым увыпIэ щхьэхуэ иубыду – нарт эпосыр, тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосыр, лIыхъужь псысэр зэпызыщIэ, я зэхуаку дэт лъэхъэнэу – жыпIэ хъунущ.

Мыбдежым нэгъуэщI зы Iуэхугъуи къэлъытапхъэщ. Ар циклхэр, псом хуэмыдэу Бэдынокъуэ ехьэлIар, адрей псысэ лIэужьыгъуэхэм (телъыджей, новеллэ псысэхэм) зыщызужьа сюжетхэмкIэ зэрыгъэнщIарщ. Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгъэлъагъуэм тегъэщIауэ жыпIэмэ, мыбы дызыщрихьэлIэхэм ящыщщ AT 449 (телъыджагъэ зыбгъэдэлъ щIопщымкIэ къоуэри, Бэдынокъуэ псэущхьэ зэмылIэужьыгъуэхэм я сурэтым йохьэ; пщым и пхъур уд фызыжь цIыкIум щехъумэ; мы иужьрейм и фIыщIэкIэ цIыху мэхъуж (1 Iыхьэ, № 37)), AT –976** (Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ бажафэр зэрызэпаубыдар (1 Iыхьэ, № 45, 46)), AT 981 (жьы укIыжыныр нартхэм зэрызэханар (1 Iыхьэ, № 22, 23)), AT 1137 (Хьэгъур теухуа сюжет цIэрыIуэр (1 Iыхьэ, № 38)), н. Абыхэм къагъэлъагъуэ, нарт эпосымрэ псысэ жанр лIэужьыгъуэхэмрэ мотивкIэ, сюжеткIэ, образ хьэлщэнхэмкIэ зэхъуажэу къызэрызэдэгъуэгурыкIуар.

Мыбдежым дызытепсэлъыхьа мащIэм Бэдынокъуэрэ Щауейрэ я циклхэм бгъэдэлъ щхьэхуэныгъэ псор къызэрызэщIамыкъуэми, апхуэдэу хъун папщIи къэхутэныгъэ куу зэрегъэкIуэкIын хуейми шэч хэлъкъым. Ауэ къэтхьа щапхъэ зыбжанэри щыхьэт тохъуэ, мы циклхэр нэхъ иужьыIуэкIэ зэпэща зэрыхъуам. Апхуэдэу абыхэм къагъэлъагъуэ

эпосыр мифологием къыпкърыкIыу къикIуа гъуэгуанэм щыщу иужьрей лъэхъэнэм игъуэта щытыкIэри – зы лъэныкъуэкIэ тхыдэр зи лъабжьэ лIыхъужь эпосым, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ лIыхъужьыгъэкIэ гъэнщIа псысэм лъагъуэ зэрыхишэр. Ауэ нарт эпосым и зыужьыныгъэр мыбдежым кIэщу щыпичыуи пхужыIэнукъым. Мыбыхэм къакIэлъокIуэ мы нэщэнэхэр нэхъ IупщIыжу къызыхэщ, абы и мызакъуэу, мотиву, сюжету, образхэм я хьэл-щэну эпосым зригъэпэщауэ хъуар «къызэщIэзыкъуэж» цикл зыбжанэ, хъыбар щхьэхуэ зыкъом (Алыдж, Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ, Архъэшэу, Джылахъстэн, Къущ, Тотэрэш, Адииху, Мэлэчыпхъу, н. теухуахэр). Мы тхылъыр зыгъэхьэзырахэм ди мурадщ, абыхэми зы том щхьэхуэ яхухэтхыну.

* * *

Тхылъыр щыдгъэхьэзырым дэ дыхущIэкъуащ, мыпхуэдэ къыдэкIыгъуэхэм папщIэ щIэныгъэм къиштауэ нобэкIэ щыIэ хабзэхэм ткIийуэ дызэрытетыным. Абы ипкъ иткIэ, къэтхьа хъыбар, пшыналъэу хъуар зэратхыжа дыдэм хуэдэу теддзащ. ЗыгуэркIэ мыгурыIуэгъуэ гуэр хэтмэ, псалъэхэр, пычыгъуэхэр дэгъэхуарэ зэхэщIыкIыгъуейуэ щытмэ, къызэрезэгъкIэ ахэр дгъэнэхуэжащ, абы щыгъуэми апхудэхэр дэ зэрыдиIэдакъэщIэкIыр кърихэдгъэщыну дамыгъэ щхьэхуэхэмкIэ (<>, [], (), н.) къэдгъэлъагъуащ. Тхылъым кIуащ Iэрытхыу, фонограммэу тхыжауэ ИГИ КБНЦ РАН-м и архивым щыхъумахэр, къыдэкIыгъуэ щхьэхуэхэм къытрадзауэ щытахэр. Текстхэр къыщыхэтщыпыкIым къэтлъытащ и пэжыпIэкIэ къаIуэтэжу зэратхыжам щыхьэт техъуэ нэщэнэхэр. АдэкIэ гулъытэ лей хуэтщIащ сюжетхэр нэхъ ирикъуу зэрыщытым, дэтхэнэми и бзэм бгъэдэлъ къулеягъым. Сюжетхэр къыхэтхащ, къаIуатэ Iуэхугъуэ елъытарэ дэтхэнэ лIыхъужьми и гъащIэр (къыщалъхуам къыщегъэжьауэ дунейм щехыжам нэсыху) нэхъ ирикъуу къызэрыгъэлъэгъуэжам тещIыхьауэ. Апхуэдэ дыдэуи яужь диташ адыгэр зыщыпсэу дэтхэнэ зы щIыналъэм щатхыжахэри мыбдежым къызэрыщызэщIэткъуэным, къызэраIуэтэжа диалектым и дэтхэнэ щхьэхуэныгъэри зэрытхъумэным. Абы къыхэкIащ зы сюжетым къытригъэзэжу зыбжанэрэ къыщIэкIуэр. Текст къэсыхункIэ урысыбзэкIэ зэддзэкIри къэзыIуэтэжар, зытхыжар, щатхыжа щIыпIэр, зэманыр, псалъэ мыгурыIуэгъуэхэр, сюжет къэс бгъэдэлъ щхьэхуэныгъэхэр наIуэ къэзыщI еIуэлIапхъэхэри щIыдгъужащ. Тхылъым гуэдзэн хуэтщIам теухуауэ жыпIэмэ, зэрынэрылъагъущи, мыбдежым къыщытхьащ хъыбарыр е пшыналъэр къэзыIуэтэжахэр, зытхыжахэр, щатхыжа щIыпIэр IупщI къэзыщI цIэ гъэлъагъуэхэр, урысыбзэкIэ зэдмыдзэкIауэ къэна псалъэхэм я псалъалъэ, псалъэ къэс я мыхьэнэр гъэбелджылауэ щIыгъужу. Нотэхэр къитхащ «Адыгэ уэрэдхэмрэ пшыналъэхэмрэ» (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под. ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. В.Х. Барагунова и З.П. Кардангушева. М., 1981. Т. 2.) тхылъым.

А.М. Гутов, М.Ф. Бухуров

НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ О БАДИНОКО И ШАУЕЕ В ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ

Центральные герои двух циклов, которые представлены в данном томе, близки между собой в столь достаточной степени, что позволяет объединить их в одном издании. Прежде всего, здесь надо отметить их стадиально-типологическую близость. Это обнаруживается не столько в сюжетике и центральных мотивах сказаний, сколько в том, что сказания об обоих героях с полным на то основанием могут быть отнесены к одному и тому же этапу продуктивного периода эпоса. Если за основной прицип идентификации взять эволюционно-типологический ряд, устанавливаемый в соответствии с совокупностью названных выше параметров, то, без сомнения, образы нартов Бадиноко / Шабатыныко и Шауея следует отнести к типам героев позднего периода продуктивной стадии формирования эпоса[1]. В отличие от сказаний ранних циклов (Сатанейгуаша, Озырмес, Сосруко, Батраз, Ашамез) в сказаниях о героях позднего периода формирования архаического эпоса мотивы, непосредственно связанные со спецификой мифологического мышления, чаще всего, отодвигаются на периферию, вместо них на первый план выходят сюжеты и мотивы, либо имеющие с мифологией опосредованную связь, либо настолько адаптированные к подлинно художественному изложению, что элементы архаического мировосприятия осознаются в них не иначе, как сознательно или неосознанно используемый художественный прием. Это не исключает отдельных случаев обращения к мифоэпическому пласту народной культуры, что мы увидим в отдельных сюжетах, посвященных и нарту Бадиноко, и нарту Шауею.

С точки зрения типологии названные признаки сближают между собой и сюжеты двух циклов, и в некоторых случаях повествовательную стилистику, и, как следствие, образы самих главных героев. Но при этом важно учитывать, что персонажи двух циклов функционально не дублируют друг друга, каждый из них сохраняет собственные индивиду-

[1] Мы должны здесь пояснить, что различаем два варианта толкования понятия «продуктивный период». Первый, который мы имеем в виду в данном случае, предполагает весь временной промежуток живого функционирования жанра, поскольку каждый случай исполнения произведения в русле традиции сопряжен с творчеством, в которое входит и варьирование на уровне сюжета и даже характера исполнения. Второй вариант, согласно Б.Н. Путилову, допускает стадиальный отрезок, в течение которого наиболее интенсивно формируется основное сюжетное ядро эпоса с его центральными мотивами, типами центральных персонажей, спецификой отражения действительности, особенностями художественного стиля и языка. В данном случае сочетание «продуктивный период» мы употребляем во втором его значении).

альные особенности, имеет свой особый характер связи с архаическим и более поздним, историко-героическим, пластами всего многоцикличного нартского эпоса. В данном отношении сказания о нартах Бадиноко и Шауее, при всех своих расхождениях в сюжетике и даже поэтике, образуют некое относительное единство, что вполне оправдывает объединение данных циклов в одном томе в структуре настоящего издания.

* * *

Нарт Бадиноко (Бадинокъуэ, пщы Бадынокъуэ – Пши Бадиноко, Шэбатыныкъо – Шабатыныко) один из наиболее популярных героев адыгской версии нартского эпоса. Его можно считать одним из этнически выраженных героев адыгской версии: имя Бадиноко / Шабатыныко и связываемые с этим персонажем сюжеты более всего сконцентрированы в адыгских сказаниях. Правда, число сюжетов, которые устойчиво связываются с его именем, не столь велико, как, например, сюжеты, так же устойчиво относимые к циклу нарта Сосруко. Но благодаря тому, что сказания о данном герое имеют весьма широкое распространение в адыгской среде на всей территории исторического расселения и компактного проживания адыгов и известны в множестве вариантов, по общему уровню популярности он уступает, разве что тому же нарту Сосруко, которому часто противопоставляется в сказаниях его цикла. (Здесь мы должны заметить, что некоторые сюжеты зафиксированы в циклах об обоих названных героях, чему мы видим объяснение в частичном сходстве функций. Например, таков сюжет об избавлении героем отца от ритуальной расправы. Однако это имеет весьма ограниченное хождение и число подобных сюжетов сравнительно невелико). Стадиально образ нарта Бадиноко / Шабатыныко правомерно относить к героям более позднего периода продуктивной жизни адыгского архаического эпоса. Это в немалой степени определяет его амплуа как героя, образ которого выражен более однозначно, нежели образы таких персонажей адыгского эпоса как Сатаней-гуаша, Сосруко, Батраз, Ашамез. Нарт Сосруко, как один из наиболее архаических героев эпоса, характеризуется не только богатырской силой и мужеством. Он также наделяется отнюдь такими «нерыцарскими» с нашей точки зрения чертами как обладание магическими свойствами, хитрость, коварство, вероломство. В образах нартов Озырмеса, Батраза, Ашамеза эти качества, «объективно» оцениваемые обществом как негативные, не занимают столь большого места, и это, как мы предполагаем, обусловлено более поздней стадией их формирования как эпических персонажей. Однако и здесь в ряде поступков названных героев налицо и хитрость, и элементы магии, хотя здесь они не являются такими выраженными, как в образах Сатаней-гуаши или Сосруко. Если признать принцип моральной оценки поступка за исходный при определении стадиального положения всего цикла, то формирование образа Бадиноко / Шабатыныко завершилось еще позже, чем формирование образов Озырмеса, Батраза, Ашамеза, поскольку для данного героя вовсе не характерно прибегать к магии, хитрости или вероломству. Как отмечается многими исследователями адыгского эпоса этот персонаж олицетворяет идеал подлинно благородного наездника – сильного, мужественного, справедливого, всегда честного и несколько прямодушного (последнее становится и причиной его гибели). И это сближает его образ с идеальным образом средневекового рыцаря.

Вместе с тем, как не раз отмечалось многими исследователями, сказания, традиционно ассоциируемые с данным образом, могут иметь и весьма архаические истоки. Так, например, два сюжета, которые чаще всего связываются с избавлением престарелого отца от ритуальной расправы или же от сбрасывания его со скалы, однозначно указывают на древнейшие обычаи, отмеченные у разных народов мира. Это сюжеты из числа т.н. «культурных деяний». Первый из них весьма напоминает прекрасно описанный Дж. Фрейзером архаический обычай наследования власти, когда от вождя-предводителя, помимо проницательного ума, требовались совершенно определенные физические качества – достаточная сила, ловкость, выносливость, способность к воспроизводству и т.д. Это возводит истоки мотива к широко распространенным у многих народов мира представлениям и правилам жизни, характерным для верований членов первобытного общества и их представлениях о жизненном цикле. В свою очередь, многие атрибуты этих представлений весьма близки к универсальной мифологической модели, в центре которой стоит древнейший миф – об умирающем и воскресающем боге: герой (у нас это отец героя) изолируется от привычной среды (уезжает из дому на хасу нартов, где его ожидает ритуальное умерщвление), жена снаряжает для его спасения сына (это и есть герой в сказании адыгов), который побеждает нартское сообщество и вызволяет своего отца, восстанавливая этим статус-кво. Изложенное не означает, что сказание явилось зеркальным отражением древнейшего периода истории народа-носителя эпоса. Речь может идти только о том, что Нартиада как феномен художественного словесного творчества, отразила в данном сюжете древнейшие представления, причем, средствами искусства.

Не менее ранние, а, возможно, еще более древние истоки правомерно увидеть в сюжете об упразднении обычая сбрасывать стариков со скалы *Жьыгъеибг* (букв.: *Скала оплакивания стариков*). У многих древних народов мира зафиксировано правило избавляться от стариков или немощных людей разными способами. Так, древние японцы также сбрасывали стариков со скалы. Американские индейцы и некоторые кочевнические племена Азии оставляли своим немощным старикам или больным провизию на первое время и сами уходили в другие места, оставив своих ослабевших сородичей на произвол судьбы, а вернее – на верную гибель. Рациональное объяснение этому обычаю, представляющемуся в наше время однозначно жестоким и диким, – невозможность на определенной стадии своего развития, а именно в пору ведения примитивных форм хозяйствования и добывания средств жизнеобеспечения, содержать старых и больных соплеменников.

Однако древнейшие мифоэпические мотивы, как известно, способны к трансформации и могут существовать даже тогда, когда породившие их объективные обстоятельства и базирующиеся на них представления давно уже перестали быть актуальными и вышли из обихода. Возможно, в данном случае, как и во многих других, когда речь идет о мотивах архаического эпоса, мы имеем дело с глухими отголосками ритуализованных сакральных действий и тех вербальных компонентов древнего ритуала, которые давно утратили свое магическое значение, секуляризовались и стали полноправными феноменами словесного искусства.

Элементы архаики можно отметить и в ряде других сказаний цикла о данном герое. Но все же типология образа определяется не по отдельным мотивам, а по комплексу признаков, устанавливающих основную

тональность повествования. В данном случае, конечно же, есть все основания для того, чтобы, как мы выше отмечали, относить этого героя к числу персонажей поздней стадии формирования эпоса. Об этом свидетельствует и центральный в данном цикле «Пшинатль о нарте Пшибадиноко»: основной пафос его не добывание блага (как, например, в сказании о добывании огня нартом Сосруко), не богатырское соперничество («Бой Сосруко с Тотрешем»), не кровная месть (пшинатли о нартах Батразе и Ашамезе) и не богатырское сватовство (которое рельефно просматривается во втором сюжетном плане многих сказаний о богатырских подвигах), а демонстрация рыцарских достоинств – богатырской силы, красоты, сурового нрава, этикетных достоинств. Можно полагать, что архаические элементы в большинстве случаев их проявления в цикле Бадиноко / Шабатыныко не стали стадиальными идентификаторами героя, а явились не более, чем исходным, подсобным «строительным материалом» для формирования всего цикла. С одной стороны, они определяют жанровую принадлежность сказаний о данном герое к архаическому нартскому эпосу, с другой – они же обеспечивают межжанровый континуум, подводя поэтику, тематический ряд и повествовательную стилистику эпоса от системы представлений мифоэпического характера к эстетическим характеристикам позднего эпоса, который вызревал в недрах более древнего жанра. Еще одним аргументом в пользу высказанного суждения надо признать структурные особенности прозы в данном цикле: если «Пшинатль о Бадиноко», центральный в своде текстов, выдержан строго в стиле героико-эпической традиции (лиро-эпическая форма), то целый ряд из прозаических сказаний, посвященных данному герою, типологически и стилистически более близок к преданиям о наездниках подвигах, и это прямо сближает их с поздним эпосом. В свете этого не представляется случайным появление в данном цикле протяжной по форме исполнения «Колыбельной, под которую укачивали нарта Бадиноко».

Как и в циклах, посвященных Озырмесу, Батразу, Ашамезу и некоторым другим героям адыгской версии «Нартов», эпическая «биография» нарта Бадиноко намечена рельефно: довольно подробно разработаны сюжеты или сюжетные элементы, посвященные рождению героя, его детству, воспитанию, первому появлению на хасе нартов. Но все же эта линия до конца не доведена, если законченным циклом считать совокупность сказаний, которые возможно расположить в последовательности – от рождения до героической гибели героя. Заметим, в то же время, что если в циклах о Батразе и Ашамезе вся биографичность заключается в мотивах о рождении, богатырском детстве и первом подвиге (далее деяния героя «нанизываются», но не располагаются в соответствии с его жизненным циклом), то в данном случае все же есть мотив гибели главного героя (он погибает при осаде крепости или селения упрямого отца девушки, не желающего во исполнение своего обещания выдать дочь за нарта Сосруко). Однако мотив гибели все-таки не является в данном случае центральным и сюжетообразующим, а всего лишь сопутствует другому, который и выполняет роль ядра повествования. Поэтому мы склонны считать, что биографический принцип в группе сказаний о нарте Бадиноко не доведен до такой степени завершенности, которая налицо в цикле о старшем нарте Сосруко. Уместно будет заметить, что и в сказаниях о таком бесспорно архаическом персонаже как Озырмес / Орзамес мы не находим прямого описания гибели героя; вместо этого

представлен сюжет о последнем подвиге этого нарта, заключающийся в применении постаревшим героем военной хитрости по отношению к исконным врагам нартского племени. Поскольку то же самое отмечается и относительно ряда других героев, можно полагать, что потребности в этом народ-носитель эпической традиции не осознавал: для него было достаточно того, что и чудесное рождение, и героическая гибель, и ряд других непременных атрибутов эпической «биографии» героя были с достаточной основательностью разработаны в отношении к центральному герою, нарту Сосруко. Во всех других циклах было достаточно более или менее выраженных «опорных» нарративов, не обязательно повторяющих все основные моменты из эпической жизни персонажа, но намечающих, пусть и пунктиром, основные вехи и специфические отличия.

Как и образы других богатырей-нартов, а возможно даже более последовательно, образ Бадиноко сопоставлен (порою и прямо противопоставлен) в сказаниях с образом центрального героя адыгского эпоса Сосруко. Мы полагаем, что это явилось одним из способов идеализации героев более поздних циклов: если оказывается, что малоизвестный для аудитории богатырь в чем-то важном превосходит нарта Сосруко, самого знаменитого из эпических героев, это уже повод для того, чтобы обратить на него внимание. Разумеется, такой прием идеализации одного персонажа, как мы смеем полагать, мог повлечь за собой и некоторое снижение образа самого любимого в народе центрального героя, гораздо более других идеализированного в целом ряде сказаний и эпических песен. Однако, как ни парадоксально, подобная «девальвация» не особенно затрагивала цикл о самом нарте Сосруко, а происходила в рамках циклов о более поздних богатырях. Это обеспечивается относительной автономией каждого цикла в системе условностей всего эпоса: в центре внимания, а значит и в качестве объекта наибольших симпатий, аудитории представлен главный герой цикла; за пределами же данного цикла действует уже иная шкала оценок, которая фокусирована на другой персонаж как исходный. Поэтому в сказаниях адыгского эпоса, как, впрочем, и в эпосах других народов, получается так, что в сюжетах, посвященных ему, центральный герой данного цикла (например, нарт Сосруко) остается всегда могущественным и любимым, а в сказаниях о каком-либо другом герое он уже персонаж периферийный, и могущественным и близким к эпическому идеалу оказывается тот персонаж, которому эти сказания посвящаются. При сохранении многих атрибутивных признаков, которые определены в посвященных ему сказаниях, в «чужих» циклах, как правило, богатыри утрачивают свое определяющее значение. Это общее правило не ведает исключений и в данном случае. Более того, оно получает дополнительную мотивацию тем, что «младший» герой откровенно противопоставляется своему «старшему» собрату, и это становится одним из приемов его идеализации.

* * *

Сын Канжа Шауей, единственный сын Нарыбгеи – это устойчивая формула, содержащая полное имя данного эпического героя. Цикл сказаний о нем принято причислять к типологически наиболее поздним, так же, как и сказания о Бадиноко / Шабатыныко. Между тем, как и в сказаниях об этом нартском богатыре, здесь при ближайшем рассмотрении сюжетов, традиционно связываемых с именем этого героя, неслож-

но обнаружить, что налицо характерный для некоторых других циклов симбиоз мотивов весьма архаического происхождения со сказочными мотивами, очевидно, относительно позднего времени возникновения.

Так, например, в сказании о женитьбе отца героя налицо целый ряд весьма древних мотивов, восходящих к мифоэпической системе ранних форм словесного творчества. Это образ уродливой мифической великанши, которая сшивает две кромки ущелья; она же выдает за нарта, ищущего себе невесту, свою, похожую обликом на себя, дочь; сюда же правомерно отнести образ орла, который похищает невесту героя. Таковы же и мотивы кровной мести, сопровождаемые жутким с современной точки зрения отрубанием головы противника в качестве трофея и ритуальным выпиванием крови врага. Столь же архаичны и стадиально мотивированы некоторые другие эпизоды, устойчиво представленные в вариантах сюжета о рождении героя. Неслучайны и, отнюдь, не сказочны (т.е. никак не являются плодом осознанного вымысла), а мифологичны в своем генезисе мотивы борьбы героя и его таинственного товарища с фантастическими великанами иныжами. Элементы магии характерны также для образа кузнеца Дабеча, представленного в цикле в качестве деда героя, и для помощников героя или его противника (трехногий жеребец, крылатый конь и пр.).

С другой стороны, герой представлен как идеальный тип наездника относительно позднего типа. Он беспрекословно принимает необычайные и трудновыполнимые условия содержания неведомого гостя, не расспрашивая его ни о чем, а полностью вверяясь ему и подчиняясь его воле, как лицу, обладающему правом гостя. Затем он, так же, не задавая никаких вопросов, отправляется вместе с незнакомцем по первому его зову в поход-зеко и послушно исполняет все поручения того, вмешиваясь в борьбу только в момент крайней необходимости и по сигналу-призыву со стороны своего подопечного. Этим он в идеальной форме воплощает канонические заповеди кодекса идеального наездника, соблюдающего *адыгэ хабзэ*, т.е. свода правил поведения раннефеодального адыгского наездника.

Достойно быть отмеченным, что залогом полной органичности сочетания настолько разностадиальных представлений в пределах одного эпического цикла является мотив кровной мести, один из центральных в сказаниях о данном герое. Как известно, вендетта как явление традиционной культуры имеет сравнительно древнее происхождение, но она оказалась весьма жизнеспособной, адаптировалась к изменяющимся обстоятельствам и со всякого рода трансформациями сохранялась в гораздо более поздние эпохи у разных народов мира, в том числе и на Кавказе. На протяжении многих столетий кровная месть оставалась у многих народов одним из общественных институтов, не исчезая со сменой формаций, а лишь приспосабливаясь к обстоятельствам. Она явилась сюжетообразующим фактором и в нартских сказаниях, и в сказке, и в историко-героических преданиях. Художественное значение данного феномена не в самом мотиве, а в форме его выражения, и эта форма всякий раз видоизменяется – не просто для разнообразия форм, а, прежде всего, для выражения разных элементов его содержания.

Как можно предположить, судя по отмеченным признакам, цикл нарта Шауея действительно сформировался в своей основе на поздней стадии продуктивного периода адыгского нартского эпоса. Во всяком случае, завершение продуктивного периода сюжетообразования централь-

ных сказаний цикла произошло довольно поздно. Но вполне очевидно, что «строительным материалом» для его становления послужили мотивы, отдельные образы и система представлений достаточно древнего происхождения, сохранившиеся в художественной системе мифологии, сказки, а частично перешедшие в легенды и предания. Поэтому в целом в образе нарта Шауея обнаруживаются разностадиальные компоненты, хотя доминируют черты не архаические, а более характерные для раннефеодально-рыцарских отношений (например, скромность в поведении, идеальное исполнение героем функции бысыма по отношению к гостю, а затем «помощника» в борьбе с противником).

Несмотря на кажущуюся легкость стадиальной идентификации отдельных персонажей и мотивов, как те, так и другие могут быть весьма сложны по природе. Например, далеко неоднозначны образы противников, в роли которых выступают великаны-иныжи или огромный орел-людоед. Таинственный гость героя впоследствии не только оказывается женщиной, но еще и женщиной, способной превращать ночь в день, а день – в ночь, то есть она обладает магическими способностями, и это также указывает на архаические корни образа. Можно предположить, что подобные персонажи вошли в эпос из богатырской сказки, которая, в отличие от героического эпоса, гораздо менее синкретична, нежели героический эпос, и в большей степени ориентирована на вымысел. По сути, весь цикл, посвященный Шауею, более, чем сказания о других эпических героях, близок к богатырской сказке, что обнаруживается не только в тематике и отдельных образах, но и в поэтике.

Так, все сказания о данном герое зафиксированы только в прозе, и это сближает их с повествовательной стилистикой сказки. Характерна в данном плане употребительность в текстах ряда типично сказочных медиальных и финальных формул (*напр.,: кIуэм лъейм, кIуэм лъейуэрэ – едут-скачут, едут-скачут / едет-скачет…; куэдрэ кIуа, мащIэрэ кIуа – долго ли ехали, мало ли ехали...*). Но проза типична и для преданий в циклах историко-героического эпоса, которые нередко могут иметь прямые параллели с действительностью. Речь в данном случае идет о характере отношений к реальности таких категорий как время и пространство в тексте эпического повествования, то есть об отношении к *правде* как категории философского плана. Вернее, встает вопрос, что признавать за правду в цикле сказаний о герое, где фигурируют и великаны, и женщина с фантастическими способностями, и герой, который представлен весьма близким к образу стихийно-реалистического плана. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что носитель мифо-эпического сознания не задается вопросом о том, сколько здесь правды, а сколько сознательного вымысла. Правда и вымысел не расчленяются, то и другое принимаются как данность. Вернее, «установка на невыдуманность» не предполагает прямой альтернативы между вымыслом и подлинной правдой. Как и в сказаниях о других героях адыгского нартского эпоса, в данном случае более всего уместным нам представляется термин, введенный М.И. Стеблиным-Каменским *синкретическая правда*.

В данном плане рассматриваемый цикл, по своим основным атрибутивным признакам относящийся к героическому эпосу раннеклассического типа, располагается в пространстве, смежном с древними мифэпическими нарративами и поздними историческими сказаниями. Отсюда их равная близость по форме, характеру сюжетосложения и особенно-

стям поэтики и к богатырской сказке, которая тяготеет к осознанности вымысла как творческой манере, и к преданиям, которые нередко имеют прямые параллели с реальной действительностью. По данной причине в одном сюжете органически соединены разнохарактерные и разностадиальные по своей типологии мотивы.

Некоторые из них, возникшие в лоне мифологического сознания, находят новую интерпретацию. Например, мотив одиночества в древних мифоэпических нарративах связывается с образом «культурного героя», призванного создавать не только блага для общества, но и сам этот мир. В сказаниях о нарте Шауее / Карашауее этот мотив имеет совершенно иную функцию: одиночество в разъездах интерпретируется как его бесстрашие или же невозможность найти среди племени нартов достойного сподвижника. Данный мотив весьма близок другому, так же архаическому по своей природе – *безотцовству эпического героя*. Но в данном случае этот мотив неактуален: родословная героя по отцовской линии устойчиво определяется в целом ряде вариантов сказаний о Шауее. Более того, имя отца входит в устойчивую формулу как компонент полного имени героя: «Сын Кажа Шауей, единственный сын Нарыбгеи». Уместно для сравнения напомнить фактическое «безотцовство» таких мифоэпических персонажей как Сатаней-гуаша, Тлепш, Тхагаледж, Амыш, эпизодичность образа отца в цикле нарта Сосруко, периферийность образа отца в циклах об Озырмесе, Ашамезе, Бадиноко.

Есть основания полагать, что вполне определенная по фольклорным записям «эпическая генеалогия» Шауея – свидетельство сравнительно более позднего периода формирования цикла сказаний о нем. На это наталкивает приведенная устойчивая формула полного имени и весьма «нетрадиционное» отношение матери к своему ребенку, а сына – к матери. Она пожирает своих детей, и героя от такой участи спасает только хитрость третьего лица. Сам же он держит свою мать на привязи, поскольку, став свободной, она способна принести много вреда. Достаточно устойчиво определяемый отец – явление для нартского эпоса нечастое. Заметим, что главный герой адыгского эпоса нарт Сосруко чаще всего именуется или воспитанником, или сыном Сатаней-гуаши. Имена отцов таких нартов как Озырмес / Орзамедж, Ашамез и даже Бадиноко / Шабатыныко или варьируются (свидетельство позднейшей «идентификации», которая не успела вписаться в многовековую традицию) или же связанные с ними сюжеты не разработаны. Исключение в данном плане составляет отец Батраза, нарт Хымыш, но это проблема, заслуживающая специального рассмотрения. При этом характерно, что воспитание героя и его наставление – прерогатива женщины (Сатаней-гуаши, Вако-наны, безымянной матери или воспитательницы). Очевидно, что патрилокальная «эпическая генеалогия» героя как прием его идеализации – явление позднего периода продуктивной стадии эпического творчества.

Из других этноязыковых версий Нартиады сказания о Шауее / Карашауее более всего популярны в карачаево-балкарском фольклоре. Некоторые образы, представленные в данном цикле, можно признать результатом совместного художественного творчества двух соседних этносов, объединяемых многими иными признаками общности. В данном отношении цикл сказаний об этом герое представляет собой один из примеров совместного творчества разноязычного коренного населения Кавказа или же генетической общности культур этих народов. С одной стороны, значительное число совпадений в именах, сюжетике, отдель-

ных образах эпических героев соседних народов свидетельствует об общих истоках ядра цикла (это и имена, и конкретное воплощение мотива поисков суженой, и описание великанши-матери невесты, и нравы матери героя). С другой – достойна внимания география распространения сказаний о данном герое в среде адыгов. Она охватывает весь ареал их традиционного расселения – от современной Кабарды до Причерноморской Шапсугии.

Заслуживает также быть отмеченным, что первое упоминание о нарте Шауее («Канже и сын его <…> Шауе») мы находим у Шоры Ногмова (История атыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым. – Тифлис: 1861, с. 47), одного из первых просвещенных адыгов, который многие годы занимался собиранием и изучением феноменов адыгской народной культуры. Последние же записи сказаний о нем произведены в конце XX столетия. Изложенное можно рассматривать как бесспорное свидетельство довольно широкой популярности данного эпического персонажа. Тем самым, это еще один веский аргумент в пользу наиболее вероятного кавказского происхождения как данного цикла сказаний, так и нартского эпоса в целом как явления народной культуры.

* * *

При подготовке материалов мы стремились сохранить все сколько-нибудь важные особенности как в написании имен, так и вообще в графике. Транслитерация, которая была необходимой при подготовке записей XIX в., выполнена с максимальной фиксацией языковых (фонетических) особенностей источника. Область, в которую мы позволили себе более смело вмешиваться, это пунктуация и разбивка на слова, фразы и иногда предложения. В случаях, когда мы считали это целесообразным и не нарушающим целостного представления, иногда допускали собственное деление текста на предложения. При этом случаи, когда отдельные слова или целые выражения оставались непонятными, мы предпочитали оставлять текст без изменения, а предлагаемое нами прочтение выделить особо.

Редколлегия несет солидарную ответственность за подбор и научную текстологическую подготовку всех материалов. При этом за кабардинские материалы персонально ответственны А.М. Гутов и М.Ф. Бухуров, а за тексты на западноадыгских диалектах – М.А. Табишев. Комментарии к текстам составлены А.М. Гутовым или совместно всеми членами редколлегии. Указатели (исполнителей, собирателей, населенных пунктов и пр.) составил М.Ф. Бухуров.

Япэ Іыхьэ

БЭДЫНОКЪУЭ
(ПЩЫБАДИНОКЪУЭ, ШЭБАТЫНЫКЪО)

Часть первая

БАДИНОКО
(ПШИБАДИНОКО, ШАБАТЫНЫКО)

Считаем необходимым отметить, что произношение имени героя и его написание разными собирателями имеет варианты, причем порою сильно различающиеся. Так, у западных адыгов чаще всего герой именуется *Шэбатыныкъо – Шабатыныко*. Восточные адыги (современные кабардинцы и черкесы) называют данного персонажа *Бэдынокъуэ – Бадиноко* или же *Пщыбэдынокъуэ – Пшибадиноко*. В записях последняя форма встречается и в приведенном виде, и в форме *пщы Бэдынокъуэ – пши Бадиноко*. Семантика форманта *пщы-* восходит к слову, которое имеет значения *князь, предводитель, старейшина*. В контексте эпического повествования более предпочтительно второе из названных значений – предводитель. Случаи, когда форму *Шабаданоко – Шабатыныко* используют кабардино-черкесы, можно объяснить влиянием со стороны носителей западных диалектов; здесь свою роль сыграло то, что в первой половине XIX в. масса кабардинцев ушла со своих земель и поселилась на реке Лабе, рядом с носителями диалектов современного адыгейского языка. Полагаем, что еще до начала деятельности по собиранию и публикации адыгского фольклора происходило некоторое обособление фольклорных традиций, и это отразилось, прежде всего, на языке – разделением на диалекты. В середине XIX в., когда начались работы по собиранию образцов адыгского фольклора, произошло нечто вроде воссоединения западноадыгской и восточноадыгской фольклорных традиций, что и получило свое отражение в варьировании имени данного героя.

1. БЭДЫНОКЪУЭ КЪЫЗЭРАЛЪХУАР

Бэдынокъуэ нарт лъэпкъым къыхэкIащ. И анэри нарт лъэпкъщ, и адэри нарт лъэпкъщ.

Нартхэм биижь бзаджэ яIэу, куэдрэ зауэ къращIылIэу щытащ. Зы зэман гуэрым хъыбар ирагъэщIащ, нартхэм я бийм я деж кIуэуэ езэуэну гурылъ зэращIамкIэ. Зы тэлай дэкIри, нартхэм хъыбар зэрырагъэщIам хуэдэу хъыбари кърамыгъащIэу, жэуапи кърамытыжу, биижьыдзэр нартхэм зэрымыщIэу къатеуащ. Нартыжьхэм хабзэу яхэлът, зэзэуэну бийм пIалъэ ирату, хъыбари ирагъащIэу: «Дывэзэуэну дынэкIуэнущ мыпхуэдэ зэманым», – жаIэрэ. АрщхьэкIэ бийм хабзэр икъутэри: «Нартыжьыпкъ ткъутэнщ, нарт хэку тхъунщIэнщ», – жаIэри нарт хэкум къихьащ. Бийр залымт, гущIэгъуншэт, щIыхьыншэт, хэкум гузэвэгъуэ къралъхьащ. Нартхэр зы махуэрэ зы жэщрэ бийм езэуауэ, пщэдджыжь пшэкIэплъыр къыщищIым,

И хьэ самырыр бгъурыдзэу,
И бгъэ гъэсахэр щхьэрыдзагъэххэу,
Тхъуэ-къарапцIэу блапщэ щхьэ гъуру
IэкIуэцIрыжым тесыххэу,
И бжыпэ уэгъуэр лIы уэгъуищэ пэлъытэу,
Зригъэлъэтэхым, къашыргъэ пщэхуу,
И афэху джанэр зыщIыпщIу,
Езыр гу ищI-бгы ищIу
Шу ябгэр къолъыс,
Хьэ самырыбэри еутIыпщ,
И джатэ Iэпщэр егъэз,
Биижьыбэдзэри егъэгулэз,
Гузэва нартхэми ягу мэзэгъэж.
Бий гуащIэр гъэру йощIых,
Къахыхьа закъуэр нартхэм ямыщIэ,
ЗэрагъэщIэнри ялъэкIкъым,
Бийр хьэдэ лъэрыщIыкIыу щIыпIэм къренэ,
Псэууэ къина закъуэм нэIурыдзэныр ныхуещI,
«Хъыбар ягъащIэ», – жыхуиIэу,
Iэ гупэ уэгъуэри хуещIыжри
КъыздикIа лъахэми иутIыпщыжщ.

Нартхэм щIэхыу хасэ къащIри зэпрадзыжу зопсалъэ: «Дауэ къэтщIэн, дауэ зыхэтшэн мы шу ябгэу шыбгырыдзэр?» – жаIэурэ мэчэнджащэхэр. Нартыжьу зэхуэсахэм Сосрыкъуи яхэтт, ауэ зыри жиIэртэкъым, жыжьэу яхэтIысыкIат. Сосрыкъуэ бгъэдыхьэхэри ечэнджэщыну къыщрагъажьэм, зыри яхужимыIэу, щагъэтыжащ. Нартхэр зэпсалъэ мыхъумэ, жэуап зэщамыгъуэту зэхэтт.

Зи щхьэр ямыщIэу
Зи лIыгъэр къащIа
Гъусэншэ шур къэсри
Хабзэ бащэр и нэIурыту
Нарт зэхэтхэм къащыхэпсыхэм,
Сосрыкъуэ къыщылъэтри еубзэрабзэу,
Бзэ IэфI и бэщэныр и фэу
Бгъэдэлъэдащ.

ФIэхъусыр зэфIэкIыу
ФIыщIагъэр щрагъэбэкIым,
Нарт дамыгъэм къыIуигъэплъахэщ:
– Сэри сывихэку цIыхущ,
Нарт щауэгъуу къысхуейм сыкъигъуэтынщ.
Псалъэр вгъэгунащIэу,
Iэщэр вгъэхьэулейуэ фызэрызэхэтыр
Ди хэку къезмыгъэкIуу,
ДызэкIунуи къысфIэмыщI,
СыкъэвмыщIэу сыкIуэжынри тызогъакIуэ, – жиIэри, къахэкIыжри къежьэжащ.

Нартхэм я щхьэр къыфIэхуауэ, жагъуэ ящыхъуауэ къызэхинащ.

Сосрыкъуэу бзаджагъэр зи пэIудзыным, езым и хьэл елъытауэ, мурад ищIащ зыщыщкIэ шу закъуэр зригъэцIыхуну, щауэгъу зыхуищIыну. Шу закъуэ къежьэжам и ужь Сосрыкъуэ къиувэри здыдыхьэж къуэладжэр зригъэлъэгъуащ, зэрыхьэж унагъуэри зригъэцIыхуащ.

Зи къалэныр зыгъэзащIэу зауэм къикIыжу, нартхэм къахэкIыжу унэм къэкIуэжа зауэлIри къэсыжри, и шым увыIэпIэ иритри езыми зигъэзэгъэжащ.

Зы тэлай дигъэкIри, Сосрыкъуэ «Сыщауэгъу лъыхъуэщ», – жиIэри а зауэлI шу закъуэр зыдыхьэжа пщIантIэм щепсыхащ. Сосрыкъуэ зыщепсыха унагъуэр къыхуэгуфIащ: «Ди гуапэщ, ди цIыхухъу, ди нэхъыжь дэмысми, къэсыжынщ», – жаIэри ирагъэблэгъащ. Сосрыкъуэ зыщепсыхам зыбжанэрэ щыхьэщIащ. АрщхьэкIэ зыкIэлъыкIуа зауэлI щауэгъу ищIыну игу илъыр къыхуэмыщIыхуу, цIыхухъуи имылъагъуу Сосрыкъуэ я деж игъэзэжащ.

Аргуэру зы тэлай дигъэкIри, а унагъуэм я деж, зы нарт шу гъусэ ищIри, Сосрыкъуэ къэкIуащ. Ирагъэблагъэри, куэд дэмыкIыу, мэрэмэжьейр иIыгъыу, нэмысыр и бащэу, къан хъыджэбзхэри и гъусэу бысым фызыр Сосрыкъуэ зыщIэс унэм щIыхьащ. «Зи лIыгъэр бащэу щауэгъу зи щIасэ Сосрыкъуэ! «ЦIыхухъу дэскъым», – жыпIэу зумыгъэхъаджэ, мыр Щэбэтын и щIапIэщ, езыми и къэсыжыгъуэщ, ди вы хъуныпэрыхъухэри хьэзырщ, къан хъыджэбзхэри щыIэххэщ, зумысыгъуэджэу мы мэрэмэжьеибжьэм къытхуефэ, «Унэм я гуащэр фадэбжьэрыхьщ», – жыпIэуи думыгъэпщIэншэ», – жиIэри унэм я гуащэм мэрэмэжьеибжьэр щыхуишийм, Сосрыкъуэ къэIэбэри, фадэбжьэр Iихри, хъуахъуэри ирифащ. «Щауэгъу махуэ ухъу!» – жиIэри унэм я гуащэр къыщIэкIыжащ.

Ефэ-ешхэр яублэри вы гъэшхиблри яухыхукIэ, зэхэсащ.

Сосрыкъуэ къыщIэкIауэ илъэгъуащ, нартхэр биижь бзаджэм щезэуа щIыпIэм пщэдджыжь пшэкIэплъыр къыщищIым бий лъапсэр изыха зауэлI ябгэр зытеса тхъуэ-къарапцIэу блапщэ щхьэ гъуру IэкIуэцIрыжыр щIыунэм къыщIашауэ зэпалъэщIыхьу. «Хэт иш?» – жиIэу щIэупщIэну и щхьи хуимыгъэфащэу, Сосрыкъуэ бжэблыпкъыр хих щIыкIэу унэм щIыхьэжащ.

Санэхуафэр щаухым, щауэгъу щыIахэри зэбгрыкIыжри, Сосрыкъуэрэ и нарт гъусэмрэ зэхуаIуэтащ, тхъуэ-къарапцIэ блапщэ

щхьэ гъурыр къыщIашыну. АрщхьэкIэ ар зыщIэт щIыунэм Iулъ амбэрэмывэр къахуIугъэкIуэтакъым. Сосрыкъуэ зэхэзещхъуэн зищIу жэщым унэм щIыхьэу Iэщэ-фащэр зригъэлъагъун игу илъу хуежьа щхьэкIэ, къехъулIакъым.

Пщэдджыжьым нэхулъэр щищIым, Щэбэтын къэсыжащ. Езым и унэм зэрыщIыхьэжу, «Сосрыкъуэ ди хьэщIэщ», – къыщыжраIэм, «Си деж къыщIэфшэ, хьэщIэщым щIэвмыгъэсу», – жиIэри Сосрыкъуэ иригъэшащ.

Ефэ-ешхэр яублэри, бланэр я нышу, вы гъэшхар я Iусу, мэрэмэжьейм зэдефэу здызэхэсым, унэм я гуащэр зэрылъэщыджэм нарт Сосрыкъуэ гу лъимытэххэу, ныбэм илъ сабийм и гъы макъыр зэхихащ. Жэщибл-махуиблкIэ санэхуафэр зэхэта иужькIэ, Сосрыкъуэ, и нарт гъусэр дэщIыгъуу, къэкIуэжащ.

Нарт хасэ ящIри зэпсэлъылIащ:

– Фыз лъэщыджэр лъхуэрэ хъулъхугъэ къилъхумэ, къыфIэддыгъунщи кIуэдыпIэ къыхуэдгъуэтынщ, бзылъхугъэ къилъхумэ – дэрбзэру диIэнщ, – жаIэри.

– КIуэдыпIэу сыт хуэтщIын? – жаIэу щызэчэнджэщым, Сосрыкъуэ, бзаджагъэр зи башэр, къэпсалъэри:

– Нартхэ ди ЩхьэлъащIэуэсым къедгъэдыгъунщи, пхъуантэм дэтлъхьэнщ, къуэжь дыджым щыдгъэкIуэдынщ, – жиIащ.

Арыххэти, унафэр ящIри нартхэр зэбгрыкIыжащ. Сосрыкъуэ нартхэ я ЩхьэлъащIэуэсри Щэбэтынхэ игъэкIуащ.

ЩхьэлъащIэуэсыр зэрыкIуэрэ жэщийрэ махуийрэ щрикъум, Щэбэтын и фыз лъэщыджэм щIалэ къызэрилъхуар Сосрыкъуэ къыжригъэIащ. Сосрыкъуэ нарт шухэр игъакIуэри, ЩхьэлъащIэуэсым сабийр къидыгъури къариташ.

Нартхэм сабийр пхъуантэм далъхьэри, къуэжь дыджым яхьри, къыданэри къэкIуэжахэщ. Нартхэр къызэрыкIуэжу, жэщым уэшхышхуэ къешхри, псыдзэ къежэхым пхъуантэр къуэм къыдихри тафэм къытринауэ, пщэдджыжьым къазыхъуэ фызым къигъуэташ. Къазыхъуэ фызым пхъуантэ къигъуэтар и закъуэ къыщыхуэмыIэтым, щIэхыу унэм къэкIуэжри, и щхьэгъусэр къишэри, пхъуантэр унэм яхьащ. Пхъуантащхьэр трахри, щIалэ дыгъэ пIащэ, «сабийщ» хужыпIэнкIэ мащIэу къыдэкIащ. ЛIымрэ фызымрэ гуфIэри зы тэлайкIэ япIащ.

Нартхэм я деж ЩхьэлъащIэуэсыр нэсыжри яжриIащ: «Щэбэтын и унэгуащэр ежьауэ сабийм мэлъыхъуэ, фыкъищIэмэ, щIы фIыцIэр IэгукIэ фигъэгъэзэнщ, езыр цIыхубз пэмыщIщ, фи биижьхэр хэзыгъэщIа шу закъуэ ябгэр ар дыдэрщ», – жиIэри.

Нартыжьхэр гузэващ, гузэсащ. Сосрыкъуи яхэсу хасэ ящIри гупщысащ: «Бэдынокъуэ дунейм къытехьэжыкъуэ хъумэ, сыт гъэкIуэдыкIэу къыхуэдгъуэтыну?» – жаIэри. Нартхэм зыри къамыгупсысыфу, Сосрыкъуи къахуэмыпсалъэу, зэхэкIыжащ.

Щэбэтын и гуащэр Бэдынокъуэ и лъыхъуакIуэ къикIухьу къазыхъуэм хуэзэри Iуэхур щриIуэтылIэм, къазхэр зэщIэлъэтащ. Бэдынокъуэ и анэм абы гу лъитэри къазыхъуэм зришэкIащ. Къазыхъуэ фызым къыжриIащ, Бэдынокъуэ пхъуантэм дэлъу къызэригъуэтар. Унэм ишэри сабийр и анэм къритыжащ. Къазыхъуэ фызри и щхьэгъусэ лIыжьри къыздишэри, Бэдынокъуи къишэжри и анэр къэкIуэжащ. Бэдынокъуэ и анэм къызэригъуэтыжар

зыми иримыгъащIэу, Щэбэтыну и адэми имыщIэххэу, сабийр ядыгъуу яукIауэ псоми я гугъэу, щIыунэм щипIащ. ЗригъэпIар Бэдынокъуэ пхъуантэм дэлъу къэзыгъуэта къазыхъуэ фызымрэ абы и щхьэгъусэ лIымрэщ.

Бэдынокъуэ зыш, хьэ самыритI, бгъитI дапIащ. Бэдынокъуэ илъэсий и ныбжь нэсыху, и анэм и быдз ефащ. ЗэрапIар бланэлщ.

РОЖДЕНИЕ БАДИНОКО

Бадиноко произошел из нартского рода. Его мать из нартского рода, его отец тоже из нартского рода.

У нартов были заклятые суровые враги, <и они> часто затевали с ними войны. Однажды нарты известили своих врагов, что собираются прийти к ним воевать. Прошло некоторое время, и вражеское войско, не оповестив <нартов>, как это сделали нарты, и не ответив на их предупреждение, <само> неожиданно напало на нартов. У нартов был обычай назначать врагу, с которым они будут воевать, время сражения и извещать их: «В такое-то время придем к вам сражаться», – говоря.

Но враг, нарушив обычай, со словами «Переломаем нартские кости, разорим нартский край», – вторгся в страну нартов. Враг был жестоким, безжалостным, непочтительным, он наводил ужас на весь край. После того, как нарты один день и одну ночь сражались с врагом, на утренней заре...

С самырами, рядом бегущими,
С прирученными орлами, над головою парящими,
На сиво-вороном, с шеей, как у змеи, сухоголовом,
<Коне>, способном проскочить через сложенные в трубочку ладони…
Удар острия его копья равен сотне богатырских ударов,
Когда соскакивает <с коня>, он подобен соколу с белой шеей,
Его белая кольчуга <на солнце> сверкает,
Ужас наводит он на врагов и хребты им ломает –
<Вот такой> всадник суровый является,
Стаю собак-самыров он выпускает,
Меч крепкой рукой держит,
Вражье войско огромное устрашает,
Страхом охваченных нартов вдохновляет.
Воины вражеские плененными падают <ниц – ?>.
Нарты не знают того одинокого <всадника>
И не могут узнать, <кто он такой>.
Тела врагов он скошенными в поле оставляет,
Единственному, кто остался в живых, ставит клеймо на лице,
«Будь вестником <поражения>», – говоря,
Дает ему оплеуху и
Отпускает его в свой край.

Нарты спешно собирают хасу, спрашивают они друг у друга: «Как узнать нам, <кто этот всадник>, как сделать этого грозного всадника нашим союзником?» – так говоря, советуются <они>. Среди собравшихся нартов был и Сосруко, но он ничего не говорил

и, удалившись от них, сидел <молча>. Подошли к Сосруко, и когда спросили у него совета, <он> ничего не ответил <нартам>, и его оставили <в покое>. Стояли нарты так и советовались, но никто не мог ответить. <Вдруг>:

Тот, кого не знали в лицо,
<Но> кого узнали в подвиге,
Одинокий всадник явился и,
Строгие обычаи соблюдая,
Когда он спешился в кругу нартов,
Сосруко вскочил и, притворно <приветствуя его>,
Желая сказать много лестных слов,
<К нему> подбежал.
Когда <нарты> поздоровались <с ним>
И стали безмерно благодарить его,
<Всадник> показал им нартское тавро:
– Я тоже из вашего края,
Кто захочет иметь меня нартом-соратником, тот найдет меня.
То, что вы много говорите впустую,
То, что оружие носите зря,
По мне, это недостойно нашего края.
Не думаю, что мы поладим,
Поэтому мне лучше уехать от вас неузнанным, –
Сказал он так, вышел <из круга> и пустился в обратный путь.

Он оставил нартов, поникших и огорченных, <и уехал>. Коварный Сосруко, у которого было в обычае прибегать к хитрости, задумал узнать, кто тот одинокий всадник, и стать его соратником. Отправился Сосруко следом за одиноким всадником и выследил, в какое ущелье он свернул. Узнал он и то, в какой дом тот возвратился.

Исполнив в сражении свой долг, воин, оставив нартов, уехал от них и вернулся домой, поставил коня в конюшню, а сам пошел отдыхать. Выждав некоторое время, Сосруко со словами «Я ищу товарища», спешился во дворе, куда въехал тот одинокий всадник.

В семье, где Сосруко остановился, его встретили приветливо: «Мы рады <твоему приезду>; наших старших, наших мужчин, нет <дома>, <но скоро> они вернутся», – сказали ему и пригласили <в дом>. Некоторое время гостил там Сосруко. Но, так и не увидев того воина, за которым поехал с намерением стать ему соратником, не увидев и других мужчин <в доме>, Сосруко вернулся домой.

Выждав еще некоторое время, Сосруко вновь приехал в ту семью вместе с одним нартским всадником. <Их> пригласили <в дом>, и через некоторое время в комнату, где сидели Сосруко и <его спутник>, придерживаясь этикета, вошла госпожа в сопровождении кан-девушек, в руках <неся рог> с *марамажеем*.

– Сосруко, в ком много мужества, кому многие товарищи любы, «<В доме> нет мужчин», – говоря, не гневайся, это подворье Шабатына, ему тоже подошла пора возвращаться; готов наш <убойный> вол, который пасся на первой луговой траве, есть и кан-девушки. Не побрезгуй, выпей рог марамажея. «В <этом> доме рог с напитком подносит госпожа», – говоря, <для себя> унижением

это не посчитай, – когда так сказала гуаша и подала рог марамажея, Сосруко принял рог с напитком, произнес хох и выпил. – Будь на товарищей счастлив, – сказала гуаша и вышла.

Начался пир, и продолжался он до тех пор, пока не съели семь откормленных волов.

Выйдя <во двор>, Сосруко увидел, как чистили выведенного из подземелья сиво-вороного, с шеей, как у змеи, сухоголового, поджарого <коня>, на котором сидел тот грозный всадник, который с утренней зарей появился там, где нарты сражались с коварным врагом, и уничтожил вражеское войско. Сосруко счел недостойным спросить: «Чей конь?», и вошел обратно в дом так, словно желал вышибить дверные косяки.

Когда закончилось санопитие, друзья, которые там были, разошлись, Сосруко и его спутник договорились увести сиво-вороного, с шеей, как у змеи, сухоголового <коня>. Но <они> не смогли <даже> отодвинуть абра-камень, лежавший у входа в подземелье, где стоял конь. Сосруко решил притвориться заплутавшим и ночью войти в дом, чтобы взглянуть на доспехи, но <и это> ему не удалось.

Наутро, с зарей, вернулся Шабатын. Как только он вошел в дом, ему сообщили:

– У нас гостит Сосруко.

– Приведите его ко мне, не держите в хачеше, – сказал он и велел позвать к себе Сосруко.

<Снова> устроили пир: лани у них были угощением для гостей, а откормленный вол – их пища. Когда они сидели и пили марамажей, нарт Сосруко, не подозревавший, что гуаша ждет ребенка, услышал плач младенца, находившегося в чреве гуаши.

Семь дней и семь ночей продолжалось санопитие, и после этого Сосруко вместе со своим спутником вернулся домой.

Нарты созвали хасу и условились так:

– Если <та> женщина родит мальчика, выкрадем его и погубим; если девочку – <она> будет нам портнихой.

– Как погубить его? – когда, так говоря, нарты стали совещаться, Сосруко, богатый на коварства, заговорил и сказал так:

– Попросим нашу нартскую Снежноволосую старуху выкрасть его, положим в сундук и бросим в Бездонный овраг.

Решили так нарты и разошлись. А Сосруко послал нартскую Снежноволосую старуху к Шабатыновым. После того, как <Сосруко> отправил Снежноволосую <к Шабатыновым>, прошло восемь дней и восемь ночей, <старуха> известила Сосруко, что жена Шабатына родила мальчика. Сосруко послал всадников, и Снежноволосая старуха выкрала младенца и передала им.

Нарты положили ребенка в сундук, отнесли в Бездонный овраг, оставили там и вернулись. Ночью, как только нарты вернулись, разразился сильный ливень, и потоком снесло сундук из оврага на равнину. Утром его нашла пастушка гусей. Женщина не смогла поднять сундук; быстро вернулась она домой, призвала <в помощь себе> мужа, и вместе они отнесли сундук к себе. Подняли крышку сундука, – там лежал чудесный мальчик, слишком

большой, чтобы сказать о нем «младенец». Муж и жена обрадовались и стали воспитывать его.

Снежноволосая старуха вернулась к нартам и сообщила им:

– Жена Шабатына отправилась разыскивать своего ребенка. Если <она> узнает, <что вы украли мальчика>, то заставит вас голыми руками черную землю вывернуть. Она – не обыкновенная женщина; она и есть тот самый одинокий грозный всадник, который побил ваших врагов.

Нарты могучие встревожились, забеспокоились. Устроили они хасу вместе с Сосруко и стали думать: «Если вдруг на свет возвратится Бадиноко, как погубим его?» Нарты так ничего и не придумали, а Сосруко им ничего не сказал, с тем они и разошлись.

Разыскивая Бадиноко, жена Шабатына встретила пастушку гусей и, когда поведала она ей о своем горе, гуси дружно взлетели. Все поняла мать Бадиноко и обняла женщину. Пастушка гусей рассказала, как нашла Бадиноко лежащим в сундуке. Повела она ее в дом и вернула мальчика матери. Мать <Бадиноко> возвратилась домой, взяв с собой и пастушку гусей, и ее старого мужа, и Бадиноко. О том, что нашла Бадиноко, мать никому не сказала; и Шабатын, его отец, тоже ничего не знал; все решили, что ребенок похищен и убит; так мать его в подземелье и вырастила. А воспитывали его пастушка гусей, которая его нашла в сундуке, и ее муж.

Вместе с Бадиноко содержали <в подземелье> одного коня, двух собак-самыров, двух орлов. Бадиноко до восьмилетнего возраста пил материнское молоко. Кормили его мясом лани.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 1. Исп. Камаца Начоев: 1879 г.р., с. Малка Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 15.06.1949 г. А. Бичоев. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о появлении нарта Бадиноко. Характерен мотив женщины-воительницы: ею представлена безымянная мать героя, которая в эпосе фигурирует только в вариантах сказания о рождении данного богатыря. Она еще до рождения нарта Бадиноко расправляется с вражеским войском, устрашающим не только врагов, но и воинство самих нартов. Таким образом, она становится своего рода символическим предзнаменованием скорого появления героя. Так же типичны для цикла о данном персонаже двойственное отношение нарта Сосруко к герою, мотивы враждебного отношения к нему всего общества нартов и тайного воспитания мальчика. Оригинален мотив плача ребенка, находящегося еще в материнской утробе: он отмечен только в вариантах данного сказания и, как вариант мотива о чудесном рождении, тоже интерпретируется как знак появления на свет необычного богатыря. В одном из вариантов, оригинал которого не сохранился, а дошедший до нас список имеет явные сле-

ды обработки, противником нарта Бадиноко представлен Тлебыцажей (см. № 3). Он выслеживает незнакомого всадника, который расправился в одиночку с целым войском чинтов, узнает, что это женщина, жена нарта Бадына, слышит голос младенца из ее утробы. Возвратившись к нартам, он сообщает им, что слышал голос младенца из материнского чрева. Чтобы легче было осуществить свой замысел, он рассказывает нартам, будто до этого он посетил бога души Псатху, который ему сообщил следующее. Одна гуаша беременна, и тот, кто у нее родится, истребит весь нартский род: если это будет девочка, она сложит песню-плач, с появлением которой женщины перестанут рожать. И это исполнится как только девочка подрастет и выйдет замуж. Родится же мальчик – первым его словом будет проклятие нартского рода; в день, когда он возьмет в руки меч, погибнут все нартские мужи. Согласно сказанию, этот навет и послужил причиной отчужденного отношения нартского общества к герою. В том же варианте фигурируют мотивы похищения новорожденного, его чудесного спасения, богатырской колыбели, быстрого роста героя.

2. ШЭБАТНЫКЪО ИКЪЭХЪУГ'ЭР

Нартыхэм зэошхо яIэу, къяорэм лъэшэу къыгъэгумэГ'ыхэу, къыздиГ'ыгъэр амышIэу зы шыу ин горэ къахахьи, нартыхэр згъэгумэГ'ырэ заор афиухыгъ. Зыщыщи ашIагъэп. Ай тетэу ахэГ'ыжьи кIожьыгъэ.

– ТэГ'э къиГ'ыгъ, тэГ'э кIожьыгъэ? – аIуи, шыум Г'эупшIагъэх.

– Моу мыГ'э кIожьыгъэ, – аIуагъ.

– Дунаим тетымэ, ар сэ къызэзгъэшIэщт, – ыIуи, Саусырыкъо ыуж ихьагъ.

Пшызэ зызэпрэИи'ы гъогу лъагъо горэм техьи, а гъогум рыкIуагъ. Доны нэсыгъ. Унагъо горэм дэхьагъ. Щаоу зыдэхьагъэм зы хьаГ'эщ дэт, зы унэ дэт, зы къакъырэ гори дэт.

ЛIитIу горэ щаум хъызмэт тIэкIу горэ щашIы дэтых. Ащ нэмиI цIыф дэтэп.

Хъэбар гъэшIэгъон къыхьын ымылъэГ'эу, Саусырыкъо къэкIожьыгъ. Нартымэ хъэбар къыхьын зэримылъэГ'ыгъэр ариIожьыгъ.

– Ау ай джыри зэ сыкIощт, – ыIуагъ.

Зы куп томаш тыригъашIи, кIуагъэ.

ХьаГ'эщым ихьагъэу исэу, зы шыу ин горэ къыдэхьажьыгъ. Шыур зэрзэтесэу занГ'эу кIуи шэщым Г'эхьагъ, ау къыГ'экIыжьыгъэу ылъэгъугъэп.

Зы куп тешIагъэу зы бзылъфыгъэ ин горэ хьаГ'эщым къихьагъ. ШIуфэс къырихыгъ, «уизэпэш бэгъуагъэмэ!» ыIуи къыриIуагъ.

Ар ыпашъхьэ къызехьэм ыныбэ Г'элэ гъы макъэ къиIукIэу зэхихыгъ.

Ай нэмыIрэ хъэбар къымыхьэу етIани Саусырыкъо къэкIожьыгъ.

Нартыхэр зэIуигъакIи Саусырыкъо ариIуагъ:

– Къэслъэгъугъэр мый фэд, бзылъфыгъ къэслъэгъугъэр [мый фэд]. Ыныбэ Гъэлэ гъы макъэ къиIукIэу зэхэсхыгъ. Ар Гъалэу къызыхъуГэ, нартыхэр текIодылIэщт. Ай игъэкIодыГэ теусэн фае.

– Тащтэу хъущт адэ ар? – аIуи нартыхэр шэлъэу егупшысагъэх.

Гощмэфэжъыр раIоу нартымэ шъуз хьаIу-хьажэу шъузыжъ горэ яIагъ.

– ТелъэIуны джар дгъэкIощт, – аIуи, нартымэ зэдаштагъэ.

Къызхащи, нартымэ къыраIуагъ:

– УкъыздиIигъэр ябгъэшIэщтэп, укIоны щаум удэхьащт, уIорыжъорэу удэсгозэ, шъузыр хъошэн зихьаГэ, шъузэу ащ ыдэжь ихьарэм адихь. Гэлэхъу къызилъфыГэ – къэтыгъуи къэхь. Пшъашъэ къызилъфыГэ – зи емыIу.

Гъогур рагъэлъэгъуи, Гощмэфэжъыр атIупщыгъ. Гощмэфэжъыр нэси щаум дэхьагъ. Унэисымэ, зы унэм иГымэ адрэ унэм ихьэу, мэIорыжъорызы ахэт.

Арэу шъузыр хъошэным ихьагъ. Шъузэу унэм ихьагъэмэ ежьри ахэтэу адихьагъ. Сабыир къызэхъум, Гэлэхъоу къызыГэкIым, мо шъузымэ къашIуитыгъуи, къыхьи къэкIожьыгъ.

Галэр кIодыгъэ. Мо Гощмэфэжъыр къыздиГыгъи зыдэкIожьыгъи ашIэрэп.

Нартыхэр къызэIукIи, Галэм еплъыгъэх.

– Мыр таущтэу дгъэкIодыщт, къэхъу хъущтэп, – аIуагъ. – Пхъуантэ горэм дэтлъхьаны, пытэу зэдэтIулIэны, – зы хъотэ куужъ горэ яIэти, – ащ дэтыдзэщт, – аIуагъ.

Пхъуантэр агъэтэрэзыгъ. Хъэдэныжъхэр, бзыуцыфыжъхэр далъхьи, шъабэ ашIыгъ. Ай Галэр хагъэгъуалъхьи, пытэу зэтраIулIи, ахьи а хъотэ куужъым дадзагъ, «дэлIыхьажьын» аIуи.

Къазхэри чэтхэри агъэхъоу, бын ямыIэу зы лIыжъырэ зы ныожъырэ щыIагъэх. А хъотэ куужъэу зыдадзагъэм ыцыпэ губгъом ихьащтыгъ. Ощхышхо къещхызэ а хъотэ куужъым дэлъадэзи, псыр куоу дэхъухьагъ. Псыр куоу зэхъум пхъуантэр къырихьыжьагъ. Мо псым къырихьыжьэгъэ пхъуантэр губгъом къырихьагъ. Къазэхъо лIыжъ-ныожъымэ пхъуантэр къагъотыгъ.

ЛIыжъыр еIи шъхьай, пхъуантэр фэIэтыгъэп. Ныори деIи, дэлъыри амышIэу, унэм къахьыгъ. Зызэтраутым, ыIахъомбэшхо ыжэ дэлъэу Гэлэхъу дэхэ цIыкIу къыдэГыгъ.

– Тхьам сыхьатмафэ тыригъажьи, зыми едгъэшIэнэп, ар, тэ бын тиIэпызы, ар тпIун, – аIуи, лIыжъымрэ ныомрэ гушIуагъэх.

Галэр зышIокIодыгъэ нартыр зыкъзэкIоцIипхи къежьагъ.

– А Гощмэфэжъыр ары нахь нэмыГэп ар зытыгъугъэр, – ыIуи, Чынт къиГи ар къэкIуагъ.

Къушъхьэ горэм къырекIоГы пэтэу, мо къазрэ чэтырэ зыгъэхъурэ лIыжъ-ныожъхэм къаIукIагъ. ЯупшIыгъ:

– Гощмэфэжъ зыфаIорэр тэ щыI? – ыIуи.

– Сы епшIэщт мо Iае дэдэм? – къыраIуагъ.

– Сы Iомакъэу зэхэшъухыгъэр? СиГалэ ай къытыгъугъ, – ыIуагъ.

Ныомрэ лIыжъымрэ Галэм игугъу къызешIым, къызэплъзэплъыжьыхэу уцугъэх.

– Шъумыщт, зыгорэ зэхэшъухыгъэ щыIэмэ, къысашъуIу, – ыIуагъ.

– Мый фэдэу пхъуантэм дэлъэу шъэо цIыкI тэ къэдгъотыгъ, – аIуагъ ныомрэ лIыжъымрэ.

– Ара? Ащыгъум некIох, сэ симыI'алэмэ зи шъосIонэп, – ариIуагъ шыум.

Къащагъ. I'алэр рагъэлъэгъугъ.

– Сэ сиI'алэ, – ыIуагъ, – шъумыщын, сэ нартымэ къышъуязгъэIон щыIэп. Шъуинартымэ мый фэдэ зэошхоу къяхъулIэгъагъэр шъошIэжьа, – ыIуи къяупшIыгъ.

– ТэшIэ, – аIуагъ.

– Джай шыу инэу къахахьи, заор зыухыгъагъэр сэры, – ыIуагъ, – сэ сыбзылъфыгъ. Шъощынэмэ некIох. Мый нэхьрэ щыIакIэ шъуимыI нэмыIэмэ, шъусIыгъыщт, – къариIуагъ.

Щэщы зэхъум, лIыжъымрэ ныожъымрэ къыздихьи къэкIожьыгъ.

Унэ арити, ыгъэIысыгъэх. I'алэр арегъэпIу.

– Быдз ебгъэшъонэу къакIо шъуIоу шъукъэмыдж. Ешъон зыхъуI'э сэ сыкъэкIощт, – къариIуагъ.

ЛIыжъымрэныожъымрэI'алэрапIугъ,ежьхэриолIэжьыфэхэI'э нарт шъузым ищау дэсыгъэх.

А I'алэр ары Чынт Шэбатыныкъоу къэхъугъэр.

РОЖДЕНИЕ ШАБАТНЫКО

Когда у нартов было большое сражение и нападающий [враг] сильно угрожал, неизвестно откуда явился в их среде один огромный всадник и покончил со сражением, котрое сильно обеспокоило нартов. Чей он не знали. Вот так он уехал от них и возвратился к себе..

– Откуда явился, куда делся? – так говоря, расспрашивали о всаднике.

– Вот туда уехал, – сказали.

– Если он живет в этом мире, я найду его, – сказал Саусырыко и отправился следом за ним.

Переправился он через *Пшызу* и его путь вышел на одну тропу, он поехал по той тропе. Достиг он Дона. Въехал в какой-то двор (букв.: *к какой-то семье*). Во дворе, в который он въехал, стоит один хачещ, стоит один дом, стоит какая-то коновязь. Там же во дворе двое мужчин находятся, возятся, что-то делают – больше никого нет.

Не сумев принести никакого интересного хабара, Саусырыко возвратился. Он сообщил нартам, что не смог принести им ничего важного.

– Но я еще раз туда поеду, – обещал он.

Некоторое время спустя, он снова прибыл туда.

Когда он сидел, войдя в хачещ, во двор въехал какой-то огромный всадник. Всадник прямиком на коне направился в конюшню, но <Саусырыко> не заметил, чтобы тот оттуда выходил.

Через некоторое время в хачещ вошла одна огромного роста женщина. Она приветствовала его и сказала ему: «Да умножатся твои успехи!».

Когда она явилась перед ним [нартом Саусырыко], он услышал плач ребенка, раздававшийся из ее чрева.

Не принеся иных вестей, затем Саусырыко возвратился домой. Собрал он нартов и сообщил им:

– Вот, что я увидел, вот такова женщина, которую я увидел. Я услышал плач ребенка из ее чрева. Когда он родится, нарты от него погибнем. Нам надо поразмыслить над тем, как его погубить.

– Так как же это будет? – сказав, нарты глубоко задумались.

Была у нартов одна старушка по имени Гощмафеж, женщина умевшая колдовать.

– Попросим ее и отправим туда, – решили нарты единодушно.

Пригласили ее нарты и сказали:

– Не дашь знать, откуда ты явилась, отправишься туда и войдешь во двор, прикинувшись полоумной, будешь там обретаться, а как настанет время разрешиться женщине от бремени, войдешь к ней вместе с женщинами, которые к ней будут входить. Если родится мальчик, похить его и принеси нам. Если родится девочка, ничего не говори [не делай].

Показали ей дорогу и отправили Гощмафеж. Вошла Гощмафеж во двор. Ходит она там среди домочадцев, из одного строения в другое входит, болтает.

Между тем, женщина начала рожать. Вместе с женщинами, которые входили к роженице, она [Гощмафеж] тоже вошла. Как ребенок появился на свет, и как оказалось, что это мальчик, она похитила его у тех женщин и была такова.

Мальчик пропал. Откуда явилась эта Гощмафеж, куда делась – никто не ведает.

Нарты собрались и рассмотрели мальчика.

– Как бы нам его погубить, потому что нельзя, чтобы он вырос, – сказали. – Положим его в какой-то сундук, крепко его заколотим, – была у них одна глубокая балка, – туда его выбросим, – решили.

Приготовили сундук. Уложили туда старые тряпки, вату, мягко выложили. Уложили туда мальчика, крепко заколотили, отнесли к той глубокой балке и выбросили, «сам там умрет», – сказали.

Жили один старик и одна старуха – бездетные, пасли они гусей и кур. Они как раз вышли на равнину возле той глубокой балки. Пошел большой дождь, он стек в эту глубокую балку, вода поднялась и заполнила ее. Когда вода поднялась, она понесла и сундук. Тот сундук, поднятый водой, вынесло на равнину. Его нашли старик и старуха гусепасы.

Старик попытался, но не смог поднять сундук. Старуха ему помогла, и они вместе притащили сундук к себе домой, не ведая, что в нем находится. Когда они взломали его, вышел оттуда прекрасный мальчик, держащий свой большой палец руки во рту.

– Да отправит нас Бог в счастливую дорогу, никому об этом не скажем, нет у нас детей, и его мы будем воспитывать, – сказав, обрадовались старик со старухой.

Нарт [нартская женщина], потерявшая мальчика, затянула пояс и отправилась на поиски.

– Это та Гощмафеж похитила, а никто иной, сказала она и проехала она [страну] Чирт и приехала сюда.

Проезжая по склону одной горы, она повстречалась со стариком-старухой, которые пасли гусей и кур. Спросила она:

– Где живет та, которую зовут Гощмафеж? – сказав.

– Зачем тебе она, такая недобрая? – сказали они..

– Какие слухи вы слыхали? Она похитила моего ребенка, – ответила она.

Когда она заговорила о ребенке, старик и старуха начали переглядываться.

– Не бойтесь, если вы что-то слыхали, расскажите мне, – попросила она.

– Вот таким образом, лежащим в сундуке мы нашли мальчика, – рассказали старик и старуха.

– Так? Тогда пойдемте [и покажите мне]: если это не мой ребенок, то ничего не скажу, – попросила всадница.

Привели его, показали мальчика.

– Это мой ребенок, – сказала она, – не бойтесь, я защищу вас от нартов. Помните, как у ваших нартов было такое-то сражение? спросила она.

– Знаем, – ответили они.

– Я тот огромный всадник, который прибыл к нартам и решил исход сражения, – сказала она. – Я женщина. Если вы боитесь, поехали со мной. Если у вас всего вот такая жизнь, я возьму вас к себе, – обещала она.

Как опустился вечер, она забрала старика и старуху и возвратилась к себе. Выделила она им дом и поселила там, чтобы они растили мальчика.

– Когда надо грудь ему дать, не зовите меня, я сама приду, – сказала она.

Старик и старуха вырастили мальчика, сами же до самой смерти жили во дворе нартской женщины.

Вот тот мальчик и есть родившийся Чирт Шабатыныко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 18–21. Исп. Исмаил Куваев: 1876 г.р., а. Хакуринохабль Адыгеи; абадзех. Зап. 20.10.1958 г. М. Хуажев. Перевод на русский язык А. Гутова.

3. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКІЭЛЭГЪОР

Зы лъэхъанэ горэм Чынтэм ядзэхэр нартымэ къязэонхэу Нарт хэгъэгум къихьэгъагъэх. Чынтымэ Нарт хэгъэгор аунэкІэу, унэмэ машІор акІадзэу, лІыжъыхэмрэ шъузыхэмрэ сабый цІыкІухэмрэ аукІэу, джарэу жъалымагъэ зэрахьэхэзэ къакІотыгъэх. Ау зэхъум, нартымэ лІэу шым ешэсын зылъэкІынэу Нарт хэгъэгум исыхэр зэкІэ къэзэрэІэтыгъэх.

Нартыхэр чынтымэ язэонхэу апэгъокIыгъэх. Нартыхэр лIэбланэу зэотыгъэх, ау ахэр мэкIагъэх. Нартымэ ялъытыгъэмэ, чынтыхэр бэ хъутыгъэх. Зы нарт шыу пэпчъы чынт шыуишъэ пыеу иIагъ. Нартымэ чынтэу аукIытыгъэр бэ, ау чынтыхэр бэ мэхъухэти, ахэкIыми пшIэтыгъэп. Ау зы нарт чынтмэ заукIыджэ шIэхэу хэпшIыкIытыгъэ, нартыхэр макIэти. Заор бэрэ щыIэны зыхъурэм, нартымэ чынтыхэр къатекIоны, нарт лъэпкъэр дунаем темытыжьынэу нартымэ къашIошIытыгъ.

Аузэ, нартымэ къызыдэкIыгъэри амышIэу зы шыу горэ къахэхьагъ. А шыор маары зыфэдэр: ижьабгъуджэ хьэджашъо гот, исэмэгуджэ хьэджашъо гот, ышъхьагъыджэ бгъэжъышкохэр щэхьарзэхэшъ итых. А шыор арэу щытыгъ аIошъ къаIотэжьы. Шэу зытесым ыпшъэ блапшъэм фэдэу, пчыпыджынэу лIэр зэрэзаорэм шыблэ макъэр пыIукIэу, жъыутэхэу тыгъэм пэджэгоу тандж паIо щыгъ.

А шыум чынтыхэр ыгъэщтагъэхэшъ, зыдэкIожьынхэр ашIэжьырэп. Шыоу къэкIуагъэм пыер зэхеупкIатэ, ащ зэкIэ дзэу къэкIуагъэр зэхегъэтакъо.

ЗэкIэ нартыхэр зэупчIыжьых:

– Хэт мы шыор? Джы нэсы тэ щыIагъ мыр, тэди щызэуагъ?

Нартымэ агу чэф къихьажьыгъ. Пыер къушъхьэ тIуакIэмэ адэтэу рафыжьагъ.

Шыоу къэкIуагъэм чынтыхэр къезэонхэ алъэкIырэп, шыум ахэр уцым фэдэу еупкIатэх. ЛIыгъэшко хэлъэу ар чынтымэ язэуагъ. Чынтымэ ядзэхэр ащ зэхиупкIэтагъ. Джыри пыим щыщэу зы нэбгырэ къэнагъ. Шыор ащ жьыхьарзэм фэдэу шъхьарэлъадэшъ, тамыгъэ редзышъ:

– Къэбар хьыжь чынтыхэр зэрэкIодыгъэмджэ, – еIошъ, етIупщыжьы. – Джы укъызыкIоджэ, усыукIыт.

Чынтыр ытIупщыжьыгъ.

Нартымэ агъэшIагъо шыум ышIагъэр.

– Хэты щыщ мы шыор? – аIо, – тэщтэу къэкIонэу хъугъэ? Тэди къэкIырэ? Хэт ащ гъусэ фэхъугъагъ?

Нартыхэр зым зэр еупчIыжьых, ау шыор, дзэр зэхэзыупкIэтагъэр, зыми ышIэу ыIорэп.

Нэсрен-жакIи шыор зыщыщэр ымышIэу ыIуагъ, Iащэмэзи:

– Ащ игугъу ашIэу зэхэсхыгъэп, – ыIуагъ. Саусэрыкъуи а шыор зыщыщэр ышIахэтыгъэп. Нартымэ ащыщ горэми а шыор къызыдэкIырэр ышIэтыгъэп.

Шыум екIолIэнышъ, еупчIыни нартымэ къахэкIырэп. ЕтIанэ зыми ымышIэрэ шыу закъор нартымэ къякIолIагъ. Нартыхэр гушIозэ пэгъокIыхи:

– Тхьэуегъэпсэу непэ къинэу тфызепхьагъэмджэ! – раIуагъ.

Нартымэ тхьагъэпцIэу ыджи пцIыусэу Лъэбыцэ-кIакор ахэтыти, шыум къызыдэкIырэмджэ еупчIынэу ечъэлIагъ.

– Сэри шъощ сыфэдэкъабз, нарт лъэпкъымэ сащыщ, шъыд паеджэ сэ макъэ къысэшъумыгъэIоу нарт хэгъэгум ахэр къижъугъэхьагъэх? Нарт хэгъэгор зэкIэ тызэхэтэу къэдгъэгъунэнэу типшъэрылъ, – ыIуагъ шыум. – Джы сэ сыкIожьыт, зыгорэджэ иджыри тхьамыкIагъо къышъохъулIэмэ, нэIуасэ тызэфэхъун, тхьамыкIагъо къызяхъулIэджэ ары цIыфхэр анэхьэу нэIуасэ зызэфэхъухэрэр, – ыIуи, шыор ежьэжьыгъ.

– Шъыд пщIэр, тэдэ укъэкIырэ? – аIоу нартыхэр шыум еупчIыгъэп. Ащыджэ лъэшэу кIэгъожьыгъэхэу нартыхэр щытыгъэх.

ЕтIуанэ Лъэбыцэ-кIаком шыор къызыдэкIырэр зэригъэшIэнэу унашъо ышIыгъ. Лъэбыцэ-кIаком а шыор ныбджэгъу ышIымэ ежьырыджэ нахьышIоу еплъыгъ.

Лъэбыцэ-кIакор шым теIысти, шыоу ежьэжьыгъэм ыужы ихьагъ. Зы шыум ыужы зы шыур итэу, тIори зэлъыкIозэ, къушъхьэ тIуакIэм нарт Шэбатынэ иунэу дэтым нэсыгъэх.

Зыщыщ ымышIэрэ шыор Iэгум дэхьажьи, шым епсыхи, шэр шышIоIум шIохидзи, лIэр унэм зэрихьажьыгъэр Лъэбыцэм ылъэгъугъ.

Лъэбыцэр зыкупырэ щыти, ежьыри Шэбатынэ иIэгу дэхьагъ. Iэгум зыдахьэм, шъуз горэ сэнабжъэр ыIэгу итэу къыпэгъокIыгъ.

– УтихьакI, тегъэпсахьыгъэу Лъэбыцэ лIэбланэр, угу хэмыгъэкI, «бзылъфыгъэ къыспэгъокIыгъ» умыIо, тиунэ хъулъфыгъэ зыпари исэп, зэкIэ зекIо кIуагъэу къэтых. «Къысэзытырэр бзылъфыгъ» умыIоу, мы сэнабжъэм ешъу!

– Ари арэу орэхъу, – ыIуи, Лъэбыцэ-кIаком сэнабжъэр ришъугъ.

ХьакIэу къэкIуагъэм пае цу гъэшкэгъибл шIуабзынэу шъузым унашъо ытыгъ.

ИлI дэмысэу шъузым Лъэбыцэм ешкэ-ешъо фишIыгъ. Лъэбыцэр ешкэ, ешъо, мэчэфы, ау етIуани ежь къызыфэкIогъэ Iоф шъэфми егъэгумэкIы.

– Тэдэ хъугъа мы Iэгум къыдэхьажьыгъэ лIэр? Мы унэм джы дэдэм зы хъулъфыгъи исэп, – еIо Лъэбыцэм. – Сэ слъэгъузэ мы Iэгум шыор къыдэхьажьыгъ, унэми къихьажьыгъ, тыдэ хъугъэ ар?

Лъэбыцэ-кIакор унэм къызекIым, имынэIосэ шыор зытесыгъэшэр бзылъфыгъэмэ аукъэбзэу Iэгум дэтэу ылъэгъугъ.

Лъэбыцэм шэр ышIэжьыгъ, шым ыпшъэ блапшъэм фэдэу лIы бэлахьэр зытесыгъэр ары. Лъэбыцэ шэр зишымджэ бзылъфыгъэмэ яупчIыныджэ ыдагъэп. Зыми зи римыIоу унэм ихьажьи, ешкэ-ешъор ригъэжьэжьыгъ. Пчыхьэм ешъонэр заухым, Лъэбыцэр унэм икIи, шэщэу блапшъэ зиIэшэр зэрытым кIуагъэ, шэр къыритыгъукIын ихьисапэу. Ау шэщэр чIычIэгъым чIэтыгъ, арыти шэщыпчъэм мыжъошкоу Iугъэуагъэр Iуигъэзынэу Лъэбыцэр кIочIэгъу фэхъугъэп. ЕтIанэ «шыум ыкIуачIэ зыхэлъэр изекIо щыгъынхэр арынджи хъун, ахэр стыгъуных» ыIуи шъхьамджэ, зекIо щыгъынхэр зэрылъ унэр къыхигъэщын ылъэкIыгъэп. Лъэбыцэм зекIо шъуашэхэр зэримыгъотыгъэр лъэшэу шIоигъуаджэу шкыншIэщым ихьажьи гъолъыжьыгъэ, ау чъыен ылъэкIырэп, зызэпырегъазэ-зыкъызэпырегъэзэжьышъ щылъ нахь.

Нэфшъагъом зекIо къикIыжьи нарт Шэбатынэ къэкIожьыгъ.

– ХьакIэ лъапIэ уиI! – аIуи Шэбатынэ зыраIом,

– Моу къашъущэ, ащ фэдэ хьакIэр шкыншIэщым рагъэлъа? – ыIуагъ.

Нартымэ хьакIэр къызафакIоджэ хьакIэщым рагъэблагъэтыгъэ нахь, шкыншIэщым ращэтыгъэп. Ащ фэшIыджэ Лъэбыцэр Шэбатынэ хьакIэщым аригъэщэжьыгъ. Мэлы гъэшкэгъиблэр хьакIэм фаукIынэу Шэбатынэ унашъо итыгъ.

ИкIэрыкIэу ешкэ-ешъор ригъэжьэжьыгъ. Шэбатынэ ягуащэ сэнабжъэр Лъэбыцэм къырихьэлIагъ, санэр Лъэбыцэм къы-

ритызэ, бзылъфыгъэм ыныбэ кIоцIы кIэлэцIыкIу гъы макъэ къиIукIэу Лъэбыцэм зэхихыгъэ. Лъэбыцэм зыпари зэхимыхыгъэм фэдэ зишIи, бзылъфыгъэм сэнабжъэр Iихыгъ. Мэфиблырэ чэщиблырэ ахэр ешкагъэх-ешъуагъэх. Яенэрэ мафэм Лъэбыцэр ядэжьы къэкIожьыгъ. Лъэбыцэм утегущыIэны зыхъуджэ, ар зыфаер: ежь Лъэбыцэм нахь лъэшырэ нахт лIы дэгъурэ Нарт хэгъэгум имысынэу, ежь Лъэбыцэм нартыхэр зэкIэ ыIэ илъынэу арыгъэ.

Ащ фэшI арии зыщыщ амышIэрэ шыори ныбджэгъу ышIы зыкIышIоигъуагъэр Лъэбыцэм. Зыщыщ амышIэрэ шыум ыкIучIэ зыхэлъэр зэригъэшIэнышъ, ар ыукIынэу Лъэбыцэм ыгу хэлъыгъ.

Лъэбыцэ-кIаком утегущыIэпэны зыхъуджэ, ащ нартыхэр гъэпцIагъэджэ зэрищэхэу, ыгъапцIэхэу щытыгъ, ащ ыIорэри зэкIэ нартымэ ашIошъы хъутыгъэ.

Лъэбыцэ нарт Шэбатынэ дэжь къэтызэ, кIэлэцIыкIоу бзылъфыгъэм ыныбэ кIоцIы къигъыкIэу зэхихыгъэр къызыхъуджэ, ар Лъэбыцэм итIуанэ хъунэу, ащ иягъэ къекIынэу шIышIытыгъ. Ащ пае а кIэлэцIыкIор къызыхъуджэ ыгъэкIодынэу Лъэбыцэм унашъо ышIыгъ.

Лъэбыцэр нарт Шэбатынэ дэжь къэкIыжьи къызэкIожьым, нартымэ зэIукIэ афишIыгъ. Нартымэ зэIукIэ ашIымэ, тхьэматэу яIагъэр Шэбатынэр ары, ау мызэгъэгум Шэбатынэ зэIукIэм щымыIэнэу, ежь Лъэбыцэр тхьамэтэнэу ыгъэпсыгъ. Нартымэ пцIы минхэр афиуси, Лъэбыцэм зэIукIэр къызэIухи, нартымэ къариIуагъ:

– Нартыхэр, сэ бэ мышIэу Тхьэм дэжь сыкIогъагъ ыджи сеупчIыгъ «Нартхэр джыри дунаем бэрэ тетыха?» сIуи. Ар сIуи сызеупчIым:

– Нартыхэр бэрэ пэмытэу дунаем ехыжьытых! – Тхьэм къысиIожьыгъ.

ЕтIуани:

– Шъыдыгъу ахэр дунаем зехыжьытхэр? – зысэIом, Тхьэм къысиIуагъ:

– Зы нарт бзылъфыгъэ горэм кIэлэцIыкIу хидзагъ. А бзылъфыгъэм пшъэшъэжъые къылъфэу ар пшъашъэ хъоу зыдэкIорэ мафэм щегъэжьагъэу нарт шъузыхэр лъфэжьытхэп. А шъузым шъао къыфэхъоу шъаор лIы хъоу дэпкъым екIуалIэу чатэр къызиштэрэ мафэм нарт хэгъэгум лIэу исэр зэкIэ лIэт, къысиIуагъ. – Нарт шъузыбэ малъфэ, ахэмэ ащыщэу нартыхэр зытекIодэтэр тэущтэу къэпшIэн? – сIуи, етIуани Тхьэм сеупчIыгъ. – Нарт шъузымэ ащыщ горэм ныбэм зихъуагъэр мэзищы хъугъэу кIэлэцIыкIор ныбэ кIоцIым къегъыкIы, ар пшъэшъэжъыеу къегъыкIымэ, нарт шъузыхэр егъашIэм лъфэжьытыхэп, еIо. Ар шъэожъыеу къегъыкIымэ, нартылIыхэр кIодытых, нартылIыхэр зэкIэ лIэтых, еIо. – Тхьэм джахэр къысиIуагъ, – ыIуи, Лъэбыцэм зэIукIэмэ къахиIуагъ.

Лъэбыцэм къыIуагъэр зэкIэ нартымэ ашIошъ ыгъэхъугъ.

– Арышъ, нартыхэр, сэ тыгъуасэ Шэбатынэ дэжь сыщыIагъ. Шэбатынэ ишъузы сэнабжъэр къыситызэ зыкъызеуфэм, ыныбэ кIэлэцIыкIу къигъыкIэу зэхэсхыгъэ ыджи ар гъэнэфагъэу шъао хъут, – ыIуагъ Лъэбыцэм. – А шъаор къызыхъуджэ, тэ дгъэкIодын фае, амырымэ – текIодылIэт.

Лъэбыцэ-кIаком къыIуагъэм нартыхэр лъэшэу ригъэгупшысагъэх.

Нартымэ сабый къэхъугъакIэр зэраукIытэр лъэшэу агу хэкIытыгъ, ау Лъэбыцэ пцIыусым кIэлэцIыкIор къэхъоу чатэр зиштэджэ, нартэу щыIэр етэкъохынэу нартымэ ашIошъ ыгъэхъугъэти, ашIэн ашIэтыгъэп. Ыджи нарт Шэбатынэ ишъузы кIалэр къызыфэхъуджэ, къатыгъунышъ аукIынэу зэIукIэм унашъо щашIыгъ.

– Тэщтэу кIэлэцIыкIор къытIэкIыхьат? – еупчIыгъэх нартыхэр Лъэбыцэм. – Тэ нартыхэмджэ мамыкоу тиIэр Бирамыпхъу ары. Ар кIалэ къызыфэхъурэ шъузымэ ащэ зэпыт нахь, ныожъи нарт хэгъэгъум исэп. Шэбатынэ ишъузы кIалэр къыфэхъуны зыхъуджэ, Бирамыпхъу ныор дгъэкIот, – ыIуагъ Лъэбыцэм.

Шэбатынэ ишъузы кIалэр къыфэхъуны зыхъуджэ, Бирамыпхъу агъэкIонэу нартымэ тыраубытагъ. КIэлэцIыкIор къэхъуны зэхъум, мамыкоу Бирамыпхъу ныор кIуагъэ ыджи кIэлэцIыкIор къызэхъум, Бирамыпхъу къытыгъуи, кIэлэцIыкIор нартымэ къаритыгъ.

КIэлэцIыкIум нартыхэр зеплъым, кIэлэцIыкIор щхыгъэ, ащ ищхыкIэ тыгъэ нэфым фэдэу нартымэ къашIошIыгъ.

КIэлэцIыкIор зэрэщхыпцIыгъэм мэхьанэ горэ иIэу нарт Шъэуае къыIуагъ ыджи кIалэр амыукIэу псаоу къагъэнэну тыраубытагъ. Нартымэ чъыгэешко раупкIи, а чъыгаем хьэкъуашъо хашIыкIи, а хьэкъуашъом кIэлэцIыкIор рагъэгъолъхьагъ.

КIэлэцIыкIор зэрэгъэгъолъхьэгъэ хьэкъуашъор къушъхьэм ахьи, къушъхьэм хъуатэу иIэмэ анахь куум кIэлэцIыкIор зэрилъэу хьэкъуашъор дагъэуцуагъ. Хьэкъуашъор хъуатэм къыдагъэуцуи, нартыхэр къызэкIожьыхэм:

– Унашъоу къэпшIыгъэр дгъэцэкIагъэ, кIэлэцIыкIор тыукIыгъэ, – аIуи Лъэбыцэм раIуагъ.

Ар зыраIом, Лъэбыцэр гушIуагъэ, къэхъумэ тIуанэ фэхъутыгъэгъэ кIэлэцIыкIор аукIыгъэу Лъэбыцэм шIошIи.

Хъуатэу кIэлэцIыкIор зыдэлъым чэщым жьыбгъэшкор къыщилъыгъ, ошъопщэшко къэхъуи, ощхышкор щырикIыкIэхэу къыщещхыгъ. ПчыкIэр джэгоу, шыблэр гъуагъоу ощхышко къызещхым, хъуатэу хьэкъуашъор зыдэтым псэр дизы хъугъэ. Хъуатэм псэр дизы зэхъум, кIэлэцIыкIор зэрэдэлъэу хьэкъуашъор псым къырихьыжьагъ. КIэлэцIыкIор зыдэлъ хьэкъуашъор къушъхьэм къычIихи, псым шъофышком къырихьагъ.

А шъофышком нартымэ якъазыхэр щигъэхъоу нарт ныо горэ изакъоу итыгъ. Зэджэм къэзэхъо ныор зэдаIом, кIэлэцIыкIу гъы макъэ ытхьакIумэ къыридзагъ. Ныор хьэкъуашъом екIуалIи зеплъым, хьэкъуашъом кIэлэцIыкIоу дэлъэр щхыпцIыгъэ. Ар зэщхым, ищхыкIэ тыгъэ нэфым фэдагъ. Ныом кIэлэцIыкIор ыштагъ:

– ШIухьафтынэу силIыжъ фэсхьыт, – ыIуагъ ныом. Ныом кIэлэцIыкIор ядэжьы ыхьыгъ.

А чIыпIэм ехъулIэу нартымэ зэIукIэ ашIыгъ. Нартымэ зэIукIэу ашIыгъэм Бэрамбыхъу ныор къакIуи къариIуагъ:

– ШъошIэ шъо нартыхэр, чынтымэ ядзэхэр къызытэкIум, тичIыгу къытфэзыгъэнэжьыгъэу тэ псаоу тыкъэзыгъэнэжьыгъэ шыу бэлахьэу къэкIогъагъэр? А шыор хъулъфыгъэп, ар нарт Шэбатынэ ишъуз арыгъэ. Бзылъфыгъэм текIон кIуачIэджэ Нарт хэгъэ-

гум лIы исэп. А шъузым тхьэмыкIагъо къехъулIагъ. КIэлэцIыкIоу къыфэхъугъэр кIодыгъэу лъэхъу. КIэлэцIыкIор шъо къызэрэшъутыгъугъэр ащ зишIэджэ, Iэ пцIанджэ чIыгор зэпырышъуигъэгъэзэт, шъузыфэсакъыжь!

Нартыхэр щтагъэх, зэIукIэр зэбгырыхъушъутыжьыгъэ. Апэдэдэ Лъэбыцэ-кIаком кIитхъужьыгъ.

Нарт Шэбатынэ ишъуз кIэлэцIыкIум лъыхъузэ, къэзэхъо ныом дэжьы къэсыгъ. Шэбатынэ ягуащэ къэзэхъо ныом еупчIыгъ:

– Шэбатныкъу ыщIэу кIэлэцIыкIу сшIокIодыгъ, ар о зыгорэджэ плъэгъугъэна? – ыIуи.

Шэбатныкъо ыщIэ къызэрэриIуагъэм тетэу зэкIэ къазхэр ошъогум дэбыбэягъэх. Къазыхэр ошъогум зыдэбыбаехэм, Шэбатныкъо янэ гушIуагъэ ыджи ныом зыжэхидзи IаплI рищэкIыгъ. Къэзэхъо ныом шъузэр ядэжьы ыщи кIэлэцIыкIор кушъэу зэрылъэр ригъэлъэгъугъ. Шэбатныкъо янэ зелъэгъум, щхыпцIыгъэ. Шэбатныкъо янэ гушIом къыхэкIыу гъыгъэ ыджи кIэлэцIыкIор ыхьыжьи шъузэр ядэжьы кIожьыгъэ.

Шэбатынэ ишъузы кIэлэцIыкIор къыхьыжьи къызэкIожь нэужым, къэзэхъо ныоу кIэлэцIыкIор къэзыгъэнэжьыгъэмрэ ныом илIыжъыри лъигъакIохи къаригъэщагъэх. Ныом кIэлэцIыкIор хьэкъуашъом илъэу зэригъотыгъэр къызеIуатэм, нартымэ ащыщ горэ кIэлэцIыкIум къызэрешэрэр ышIагъ Шэбатыны ишъузы.

Шэбатынэ ишъузы чIыунэ аригъэшIыгъ ыджи а чIыунэм Шэбатныкъо чIигъэгъолъхьагъ. Къэзэхъо ныомрэ лIыжъымрэ ариIуагъ:

– Сэ Шэбатныкъо сырян. Ар шъо къэжъугъэнэжьыгъ арышъ, шъо къэшъумылъфыгъэми, Шэбатныкъо шъорыджэ хымэп. Шэбатныкъо ыукIы шIоигъоу нартымэ ащыщ горэ къешэ, арышъ, сэ сышъолъэIу Шэбатныкъо мы чIыунэм шъудычIэсэу шъупIуныджэ, – ыIуагъ шъузым. – СикIалэ икъэбар нартымэ ащыщ горэм ешъумыгъашI, аужыпкъэм ятэу къязыгъэлъфыгъэми ежъугъашIэ хъутэп. Шым ешэсын ылъэкIыны охъуфэджэ шъупIу, шъулэжьы, – ыIуагъ.

Ар къазыреIом, ныомрэ лIыжъымрэ гушIуагъэх.

– Мы уашъор тишыхьатэу тхьэ тэIо! Мы кIалэр цIыф етымыгъэлэгъунджэ ыджи фэдэлI нарт шъузы къымылъфыгъэу ар тэ лIы тшIын.

Ыджыри тамэ зыгот шы лъэпкъэу, алъпыджэ заджэхэрэ шы лъэпкъэр, Шэбатныкъо пае ахъунэу лIыжъымрэ ныомрэ аIуагъ. ЕтIуанэ:

– Шэбатныкъо пай бгъэжъ чанхэмрэ самырджэ зэджэхэрэ хьэ лъэпкъыхэмрэ дгъэсэнхэу гущаIэ отэты, – аIуагъ.

– Хъут ащыгъум, кIэлэцIыкIум шъунаIэ тежъугъэт, игъы макъы цIыф зэхешъумыгъэхы, – ыIуагъ Шэбатныкъо янэ. – Ар гъы зыхъуджэ шкэнэу арышъ, кIалэм дэжь сыкъызыщыкIотэр сэ сэшIэ, – ыIуагъ.

Шэбатныкъо къызэхъум ятэ дэсыгъэп, зекIо кIуагъэу къэтыгъ. Шэбатынэ зекIо къикIыжьи къызэкIожьым, шъузэр лIым ынэгу кIэмыплъэу:

– Сэ кIэлэ лIагъэ къысфэхъугъэти, Iошъхьэ лъапсэм щычIэстIэжьыгъ, – риIуагъ.

Ныомрэ лIыжъымрэ Шэбатныкъо чIыунэм щапIугъ нартымэ амышIэу. Зы илъэсым адрэ кIэлэцIыкIумэ ахахъорэм фэдиз зы мафэм Шэбатныкъо хахъотыгъ.

Шэбатныкъо кушъэу зыхэлъым хэмыфэжьэу хъугъэ. ЕтIуанэ лIыжъымрэ ныомрэ чэщ мэзахэм цуий кIэшIагъэу чъыгэешко къалъэшъуи, Шэбаныкъо кушъэ фашIыгъ. Шъыхьышъор кушъэпсы фашIыгъ.

Шэбатныкъо янэ непэ блэ быдз ригъашъотыгъ. Ныоми шкын дэгъухэр ригъэшкэтыгъэх. Шъыхь куцIыхэр, дэшкохэр, бжъэ шъоу – джахэр ригъэшкытыгъэх.

Ныом кушъэр ыгъэсысызэ Шэбатныкъ мощтэу, мыхэр къыфиIотагъ:

– Непэ мэфэшко маф,
Непэ сэ сIорэр шIэхэу орэхъу!
Заом узыкIоджэ нэфшъагъом уфэдэу,
Унафэу, мафэм фэдэу унэфэу нарт шыу ухъут!
Алъпэу узытесэр жьыхьарзэм фэдэу псынкIэу зекIоу,
Уижьабгъуджэ хьэджашъохэр готыхэу,
УисэмэгукIэ хьэджашъохэр готыхэу,
Бгъэжъышкохэр чанэу уашъхьагъы итыхэу,
Уитанджы паIо тыгъэ хьадзом пэджэгоу,
Уипчыпэ шыблэ макъэр пыIукIэу,
Дзэм ыцыпэ укъыщежьэмэ,
Адрэ цыпэмджэ укIэкIыжьэу
ЗэкIэ дзэмэ уатекIот!

Ахэр ныом къызеIо нэужым, кушъэпсыхэр къызэпиути. Кушъэм къыхэкIи, Шэбатныкъо джэхашъом къытехьагъ. Дэпкъым екIуалIи чатэу пылъагъэр къыпихи, чатэм зэрэрызэотым тетэу нарт чатэмджэ зигъэсагъ. Бгъэжъхэр нэIуасэ ышIыгъэх. Шэбатныкъо самгъурыхьэхэр зэригъэсагъэх.

Джар икъэхъукIэу Шэбатныкъо къэхъугъ. Шэбатныкъо янэ илъэсиблэ быдз ригъэшъуагъ.

ЮНОСТЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

В некоторые времена войска Чинтии вступили на землю Нартии, чтобы воевать с нартами. Чинты продвигались, разоряя Нартский край, поджигая дома, убивая стариков, женщин и детей, творя такое насилие. Когда такое случилось, поднялись все мужчины в Нартском краю, кто только был способен сесть на коня.

Нарты вышли навстречу, чтобы воевать с чинтами. Они сражались мужественно, но их было мало. По расчетам нартов, чинтов было <очень> много. Против одного нартского наездника приходилось сто чинтских всадников. Нарты побивали множество чинтов, но тех было так много, что потери даже никак не замечались. Но когда чинты убивали одного нарта, это осознавалось тут же, потому что их было мало. Когда сражение затянулось, нарты почувствовали опасность, что чинты их одолеют и истребят.

В таком положении вдруг неожиданно для нартов явился один наездник. Этот наездник был вот какой: с правой стороны

его борзая собака бежала, с левой стороны его собака борзая бежала, над ним орлы могучие огромные кружили. Рассказывают, что вот таким был тот наездник. Шея коня, что под ним, была подобна шее змея, от копья, которым сражался тот муж, извергались громовые раскаты, на голове его, переливаясь на солнце, сиял шлем.

Тот наездник так устрашил чинтов, что они не знают, куда бежать. Наездник прибывший кромсает врагов, все войско явившееся перемешивает.

Все нарты друг друга спрашивают:

– Кто этот наездник? Где он до сих пор был и где воевал?

Нарты воспрянули духом. Погнали они врага по горной долине.

Чинты не в силах противостоять явившемуся наезднику, а наездник их косит, как траву. С великим мужеством он воевал против чинтов. Он искромсал все чинтское войско. Еще один человек из врагов в живых оставался. Наездник на него налетел, словно вихрь, поставил на нем клеймо:

– Будешь вестником о том, как чинты погибли, – сказав, отпустил его. – Еще раз придешь – убью.

Отпустил он чинта. А нарты дивятся тому, что он совершил.

– Из каких этот наездник? – говорят. – Как он явился сюда, откуда он, кто его спутник?

Нарты друг у друга спрашивают, но кто этот наездник, изрубивший <целое> войско, никто не ведает.

Насирен-жаке сказал, что не знает, чьего роду этот всадник, и Ащамез заявил:

– Я о нем и рассказов не слыхивал.

Саусарыко тоже не ведал, откуда этот всадник. Из нартов никто не знал, откуда явился этот наездник.

Из нартов не находится никого, кто бы подъехал к нему и расспросил бы. Тогда тот никому не известный одинокий всадник сам приблизился к нартам. Те с радостью встретили его:

– Благодарим за то дело, что ты сегодня совершил, – сказали.

Среди нартов <самым> лукавым и лживым был Тлебыца-коротыш, он-то и подбежал к всаднику, чтобы расспросить, откуда он явился.

– Я такой же, как и вы все. Как же вы допустили, что, не известив меня, позволили прийти им в нартский край? Наш общий долг совместно оберегать нартскую землю, – заявил всадник. – Теперь я уеду. Если еще какая беда с вами случится, тогда и поближе узнаем друг друга. Люди лучше узнают друг друга в беде, – сказал так всадник и уехал.

– Каково твое имя, откуда ты явился? – так никто из нартов не осмелился его спросить. Еще долго стояли нарты, сожалея о том.

Тогда Тлебыца-коротыш решил узнать, откуда тот вышел. Он подумал, что для него будет лучше подружиться с этим всадником. Тлебыца-коротыш сел на своего коня и пустился за уехавшим всадником. Один всадник следуя за другим всадником, оба один другого преследуя, они достигли дома нарта Шабатына, что в горной долине.

Тлебыца увидел, как незнакомый всадник въезжает во двор, спешивается, коня крепит к коновязи и входит в дом. Он некоторое время подождал и сам въехал во двор Шабатына. Когда он въехал во двор, ему навстречу вышла одна женщина с чашей сано в руке.

– Ты наш <дорогой> гость, богато снаряженный Тлебыца мужественный, не обижайся, говоря «встретила меня женщина», в доме нашем ни одного мужчины нет, все уехали в *зеко*. Не брезгуя тем, что подает женщина, испей из этой чаши.

– Пусть оно так и будет, – сказал Тлебыца-коротыш и выпил чашу сано.

Женщина распорядилась в честь приезда гостя зарезать семь откормленных быков. Женщина в отсутствие своего мужа устроила для Тлебыцы пиршество. Тлебыца ест-пьет, пьянеет, но все же беспокоится и о деле, по которому прибыл.

– Где же тот муж, который возвратился в этот двор? В этом доме сейчас нет ни одного мужчины, – говорит Тлебыца. – На моих глазах в этот двор въехал всадник и вошел в дом, куда же он делся?

Когда он вышел из дому, Тлебыца-коротыш увидел, как женщины во дворе чистят коня, на котором сидел тот незнакомый всадник. Тлебыца узнал коня: это был тот самый конь с шеей словно у змея, на котором сидел славный муж. Тлебыца не решился спросить у женщин, чей это конь. Никому ничего не говоря, он вернулся в дом и продолжил застолье. Когда вечером пиршество завершили, Тлебыца вышел из дому и направился к конюшне, где стоял конь со змеиной шеей, в надежде увести его. Однако конюшня была в подземелье, а ворота были заперты огромным камнем и у Тлебыцы силы не хватило на то, чтобы его отодвинуть. Потом он решил: «Возможно, сила всадника в его воинских одеждах, я их похищу»; но он не сумел выбрать ту комнату, в которой лежали [были спрятаны] одежды. Сильно расстроенный тем, что не смог отыскать боевые снаряжения, Тлебыца возвратился в трапезную и улегся, но заснуть не может, только так поворачивается, этак поворачивается.

Под утро нарт Шабатын возвратился из зеко и явился домой.

Когда ему сообщили: «У тебя дорогой гость», <он сказал:>

– Ведите его сюда, разве такого гостя держат в *трапезной*?

Когда к нартам являлись гости, их принимали в хачеще, но не вели в кухню. Вот поэтому Шабатын велел перевести Тлебыцу в хачещ. Он распорядился забить для него семь баранов. Он заново открыл застолье (букв.: *еду-питье*). Шабатынова гуаща поднесла чашу с сано Тлебыце. Когда она вручала чашу Тлебыце, он услышал плач младенца, раздающийся из утробы женщины. Тлебыца притворился, будто ничего не слыхал и взял из рук женщины чашу с сано. Семь дней-семь ночей они пировали (букв.: *ели-пили*). На восьмой день Тлебыца уехал к себе домой.

Если говорить о Тлебыце, то он хотел, чтобы в стране нартов не было никого мощнее его и достойнее его, чтобы все нарты были в руках его самого, Тлебыцы.

Вот поэтому Тлебыца захотел подружиться с неизвестным наездником. В тайне он вынашивал намерение проведать о слабо-

стях неизвестного наездника и погубить его. Если <еще> говорить о Тлебыце-коротыше, он обманывал нартов, непрестанно врал им, а нарты верили его словам.

Тлебыца опасался, что появившись на свет, тот младенец, плач которого из материнской утробы он слышал, когда был у нарта Шабатына, станет ему соперником и может навредить ему. Поэтому Тлебыца задумал погубить того младенца, как только тот появится на свет.

По возвращении от нарта Шабатына Тлебыца созвал собрание нартов. <Обычно> когда нарты устраивали собрания, тхаматой [ведущим] был Шабатын, но в этот раз Тлебыца устроил так, что Шабатын должен был отсутствовать, а тхаматовать будет он сам. Он наплел нартам тысячу небылиц и, открыв встречу, Тлебыца заявил:

– Нарты, я недавно посетил *Тха* и спросил его: «Долго ли еще нарты будут ходить по свету?». Когда я так спросил...

– Нарты немного времени спустя покинут этот мир, – ответил мне Тха.

Тогда...:

– Почему они покинут этот мир? – когда я так спросил, Тха мне сказал:

– Одна нартская женщина забеременела (букв.: *понесла младенца*). Если эта женщина родит девочку и эта девочка станет девушкой, то с того дня, как она выйдет замуж, нартские женщины перестанут рожать. Если та женщина родит мальчика, то с того дня, как он возмужает и, подойдя к стене, возьмет [снимет со стены] меч, все мужи нартской страны умрут, – сказал он мне.

«Многие нартские женщины рожают, как нам среди них [новорожденных] отличить того, от которого род нартов должен погибнуть?» – спросил я снова у Тха. – «Из чрева одной из нартских женщин зародыш трехмесячный заплачет; если это плач девочки, то нартские женщины в жизни больше не будут рожать, говорит. Если это мальчик заплачет, то умрут все нартские мужи, говорит. – Вот так мне Тха сказал», – сказав так, заявил Тлебыца собранию.

Тлебыца убедил нартов во всём сказанном им.

– Вот так, нарты, я вчера был у Шабатына. Когда жена Шабатына приблизилась ко мне, чтобы вручить чашу сано, я услышал из ее чрева детский плач, и это явно плач будущего мальчика, – заявил Тлебыца. – Когда этот младенец родится, мы должны его погубить, а не то мы через него погибнем.

Сказанное Тлебыцей-коротышом вынудило сильно призадуматься нартов. Нарты опечалились тем, что надо убить дитя новорожденного, но лжец Тлебыца так уверил их в том, что как только мальчик возьмет в руки меч, все нарты перемрут, что они не могли взять в толк, что делать. Все же решили, что как только жена Шабатына родит, они его похитят и убьют.

– Как же мальчик попадет к нам в руки? – спросили они у Тлебыцы.

– У нас, нартов, повитухой Бырамбух. Ее всегда приглашают, когда у женщины должен появиться ребенок, других старух [по-

витух] во всей стране нет. Когда у жены Шабатына должен будет появиться ребенок, мы старуху Бырабух и пошлем <к ней>, – ответил Тлебыца.

Нарты так и решили – когда у жены Шабатына должен будет появиться ребенок, отправить туда Бырамбух. Как настала пора родиться ребенку, повитухой пошла к ней старуха Бырамбух, и когда ребенок родился, она его похитила и вручила нартам.

Когда нарты взглянули на ребенка, он засмеялся, смех его показался нартам солнечным светом. Нарт Шауае заявил, что смех младенца что-то означает, и <поэтому> решили не губить малыша, а в живых оставить. Нарты срубили огромный дуб, из <ствола> этого дуба выдолбили лодку и в эту лодку уложили малыша. Лодка, в которую уложили малыша, отнесли в горы и опустили в самое глубокое ущелье, которое там было. Когда нарты возвратились после того, как опустили лодку в ущелье...

– Мы твое приказание исполнили, мальчика убили, – сообщили они Тлебыце.

Когда так сказали, Тлебыца обрадовался, потому что поверил, будто тот, кто, повзрослев, мог бы стать ему соперником, и вправду убит.

В ущелье, в котором лежал младенец, нагрянул большой ветер, налетела большая туча, прошел сильный проливной дождь. Когда прошел большой дождь с сверкающими молниями и раскатами грома, ущелье, в котором была та лодка, заполнилось водой. А когда оно заполнилось водой, лодку вместе с младенцем унесло течением. Лодку, в которой был младенец, вынесло с гор и водой принесло на широкую равнину.

На той широкой равнине пасла в одиночестве нартских гусей некая старуха. <Ребенок> подавал голос, старуха прислушалась и расслышала плач ребенка. Когда старуха, подойдя к лодке, посмотрела, младенец, лежащий в лодке, засмеялся. Когда же он смеялся, его смех напоминал солнечный свет. Старуха взяла младенца на руки:

– Отнесу моему старику в подарок, – решила она. <Так> она принесла младенца к себе.

К тому времени как раз в той местности нарты устроили сборище. На то сборище, устроенное нартами, явилась старуха Бырамбух и заявила:

– Знаете ли вы того славного наездника, который спас нашу землю и нас оставил в живых, когда на нас напали войска чинтов? Тот наездник не мужчина, это жена нарта Шабатына. В стране нартов нет такого, кто смог бы одолеть эту женщину. <Так вот,> с этой женщиной случилась беда: ребенок, которого она родила, исчез, и она его разыскивает. Если только узнает, что это вы похитили, она заставит вас голыми руками распахать землю, будьте настороже!

Нарты перепугались, и сборище <быстро> рассеялось. Первым убежал Тлебыца-коротыш.

Жена нарта Шабатынько, разыскивая своего ребенка, дошла до старухи, пасущей гусей. Шабатынова гуащa спросила у старухи, пасущей гусей:

– У меня пропал ребенок по имени Шабатнько, не видала ли ты его каким-либо образом? – так сказала.

Как только она назвала имя Шабатнико, все гуси взлетели под небеса. Когда гуси взлетели под небеса, мать Шабатнико обрадовалась, бросилась к старухе и обняла ее. Старуха, пасущая гусей, привела женщину к себе домой и показала ей колыбель, в которой лежал младенец. Увидев свою мать, Шабатнико засмеялся. Мать младенца от радости всплакнула, а затем забрала младенца и пошла к себе домой.

Жена Шабатына, по возвращении домой вместе со своим младенцем, послала людей с поручением привести старуху, которая пасла гусей, и ее старика. Когда старуха рассказала, что нашла младенца в <долбленой> лодке, жена Шабатына поняла, что кто-то из нартов преследует его.

Жена Шабатына велела вырыть подземелье и поместила туда Шабатнико. Старухе, пасущей гусей, и <ее> старику она сказала:

– Я – мать Шабатнико. Вы же его спасли, хотя не вы его родители, Шабатнико для вас не чужой. Кто-то из нартов преследует, желая погубить Шабатнико, поэтому я вас прошу пожить в этом подземелье вместе с Шабатнико и растить его, – сказала женщина. – Не допустите того, чтобы слух о моем сыне дошел до кого-нибудь из нартов, даже отцу, его родителю, нельзя говорить о нем. Растите его, пока он не достигнет возраста, когда сможет садиться на коня, делайте, – сказала.

Когда она так сказала, старуха и старик обрадовались:

– Это небо во свидетели имея, клянемся, что мы вырастим мальчика так, что ни один человек его не увидит, и сделаем из него такого мужа, подобного которому еще не рождала <ни одна> нартская женщина!

А еще они обещали растить для Шабатнико коня крылатой породы, по названию альп. Затем...:

– Мы слово свое даем, что для Шабатнико обучим быстрых орлов и собак из породы, называемой самыр.

– Хорошо тогда, только присматривайте за мальчиком, пусть никто не услышит звук его плача, – сказала мать Шабатнико. – Когда он заплачет, это означает, что он хочет есть, поэтому я знаю, когда мне прийти к мальчику, – сказала.

Когда Шабатнико родился, отца дома не было, он тогда находился в зеко. По возвращении Шабатына из зеко домой жена, не глядя мужу в глаза, сказала:

– У меня родился мертвый ребенок, и я его закопала у подножия горы.

Старуха со стариком растили Шабатнико в подземелье, втайне от нартов. За день он прибавлял столько, сколько другие дети за целый год. Стал он не умещаться в колыбели, в которую его укладывали. Тогда старик и старуха приволокли на восьми волах в безлунную ночь большой <брус> дуба и из него сделали колыбель. Ремни из оленьей шкуры ему колыбельными завязками сделали.

Мать кормила Шабатнико грудью семь раз в день. И старуха кормила его хорошей пищей. Оленьими мозгами, грецкими орехами, пчелиным медом она его потчевала.

Старуха, покачивая колыбель, вот так ему пела:

Сегодняшний день – священный день,

Сегодня мое слово пусть скоро сбывается!

Когда ты на битву отправишься, пусть ты будешь рассвету подобен,

Ясным, словно день, ясным нартским наездником ты станешь!

Чтобы альп под тобой носился легко, словно ветра порыв,

Чтобы справа от тебя борзые собаки бежали,

Чтобы слева от тебя борзые собаки бежали.

Чтобы над тобой орлы могучие резво парили,

Чтобы шлем твой в лучах солнца играл,

Чтобы с конца твоего копья громовый звук раздавался,

Чтобы с одного конца войска начавши,

До другого его конца ты проходил,

Все войско ты <один> побеждать будешь!

Когда так старуха ему спела, Шабатныко разорвал колыбельные завязки, вышел из колыбели, стал посреди комнаты. Подошел он к стене, снял меч и тем мечом наловчился, учась, как надо сражаться.

Вот таким образом Шабатныко появился. Семь лет кормила его мать грудью.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 103–111. Исп. Мадин Пщидаток: 1929 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Самозапись М. Пщидатока 13.09.1969 г. Перевод на русский язык А. Гутова.

Основная сюжетная линия сказания имеет довольно широкое распространение в рамках данного цикла. Налицо контаминация творческого характера мотивов о рождении героя, о его злоключениях в младенческом возрасте (включая модификацию мотива «удаления героя» вместо его умерщвления – компонент «Эдипова комплекса»), о его воспитании втайне от нартов и даже от родного отца, об участии эпизодических персонажей – безымянных старухи и старика – в воспитании героя. Оригинально, что в роли антагониста представлен Тлебыца-коротыш, один из центральных персонажей пшинатля из другого цикла, о мести нарта Ашамеза за кровь своего отца. Только в данной записи козни нартов против Шабатныко / Пшибадиноко мотивируются претензиями антагониста на статус предводителя над всеми нартами, что становится формальной причиной его вражды с Шабатныко, хотя линию Тлебыцы-коротыша резонно рассматривать как один из вариантов объективации мотива преемственности власти.

Зеко (*зекIо*) – поход, наезд, путешествие.

Трапезная (*шкыншIэщ*) – букв.: *кухня / помещение, где готовят еду* – речь идет о большом помещении, где готовка совмещена с застольем, чтобы подавать блюда горячими. Предпо-

ложительно, что в данном случае речь могла бы идти о *хачеще* (*хьачIэщ / хьэщIэщ*), комнате или отдельном доме для гостей, где могут быть совмещены и приготовление блюд, и угощение, и место ночлега. Однако далее в тексте дано недвусмысленное разъяснение, что речь идет действительно именно о кухне как помещении, не достойном для приема высокого гостя.

Тха (*Тхьэ*) – букв.: *бог* – общее нарицательное имя бога, а также одно из собственных имен верховного божества в адыгской мифологии.

4. БЭДИНОКЪУЭ ЗЭРАГЪЭЖЕЙУЭ ЩЫТА ГУЩЭ УЭРЭД

Уэу-уэ, уэредэ-рейдэ, нартурэ лIыхъу нэху,
«Дыгъэ махуэ!» щIыжытIэ,
ФIыуэ хужытIэ псори къылъос,
Зиусхьэн «дэшэсыр» хьэ самырщ.
ЗэрыдэшэсыкIыр хуарэ тхъуэрапцIэщ,
Данагъуэр зи шхуэмылакIэ,
Я кIэхэр зи дыщэ Iунэ,
Нэкур зэдэзыгъэз.
Хы къуапибл зэзыгъэзыр уэ уи адэщ,
Джын-Джын куэщI къыщыдыгъэр уэ уи анэщ,
Быфэкъу анэ дыщэ пыIэ хуогъэщI,
Тхьэм къегъэщI уи лъэрыгъ зэдеIэр.
ДжатитI зэблихъуурэ мэзауэ,
Зауэм щахыхьэкIэ нарт фафIэщ,
Зиусхьэн и фэгъууи хэт щыIэ?
Нартыжьу щыIэми щIоупщIэр,
ЛъапIэбэу щыIэхэр къегуэш,
Дарий гуэшыным дэдгъэзащ,
Къимыгъэзэххэурэ мэзауэ,
Зауэм щахыхьэкIэ нарт фафIэщ.
Узэбакъуэ дыщэ джатэ къыздэпхьщ,
Узыщепсых жылэ бий бгъэубзэщ.
Уэ уи Лъостэныбзэри щIыбауэщ,
Хьэхьей макъхэри щэдзыгъуэщ.
Дзэр зыущхьэкIури уи джатэщ,
Уи джатэуэкIэри зыми памыщI.
Уи гъащIэм бэр щIолъэIу,
ЗэщIогъэуIуэри шу мин бгъэшэсщ,
Маисэу чынтыдзэ пашэм йокIуалIэ,
ЛIыгъэ хуекIуэри и тетыгъуэм треху.
И хуарэгъуэ псыгъуэр и Iэдэжщ,
Iэдэж уанэр егъаджэ,
Абы и джэ макъым дыщэ джэд долъатэ,
И къэкIухьыкIэр лъатэгъэфэщ,
Шу миныр зыщIэмыхьэ,
Ди нанэ зэрахьэкIын,
Укъэхъуну сохъуахъуэ!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ, КОТОРОЙ УКАЧИВАЛИ БАДИНОКО

Уоу, уоу, уареда-реда, нартский муж ясный,
Солнцем ясным нами именуемый,
Все доброе, что ему предрекаем, ему достается.
Кто вместе с <моим> *зиусханом* выезжает, – это *собаки-самыры*,
На чем он выезжает, – это гнедая *хуара*,
Шелк желтый – его удила,
Хвост <его коня> золотом заплетен,
Глазницами своими он вращает,
Кто окраины семи морей объезжает, твой отец,
Кто солнцем сверкает на коленях *Джин-Джина*, твоя мать,
Для кормилицы твоей ты велишь изготовить золотую шапочку,
Куда твое стремя направится, то Богом даруется.
Сменяя два меча, он сражается,
Когда он в сражение вступает, он нарт яснолицый,
Кто есть, подобный <моему> зиусхану!
Обо всех славных нартах, какие есть, он справляется
[Все славные нарты, какие есть, о нем справляются – ?]
Все драгоценное, что есть <на свете>, он <щедро> раздаривает,
Дареные <им> шелка нам мир открывают,
Не оглядываясь на мир, он сражается,
Когда он в сражение вступает, он нарт яснолицый.
Где ты ступил, оттуда меч золотой добыл,
Где ты спешился, там враждебное племя заискивать заставил,
Твоя *Тлостановская тетива* до спины [насквозь] пробивает,
Клики военные – в три полета стрелы <вокруг всё охватывают>,
Войско целое что устрашает это твой меч,
Твой удар мечом ни с чем не равняют.
За твою жизнь люди просят [к богам взывают],
На твой призыв тысячу всадников ты на коней сажаешь,
<С> *маисой* он к предводителю чинтского войска подъезжает,
Мужеством превзойдя, с предводительства свергает,
Его буланого хуару под уздцы ведет,
Седло, что на коне, под уздцы ведомом, звенеть заставляет,
От его звона фазаны взлетают,
Его посадка полету подобна,
Тысяча всадников тебя не догоняет,
Да будешь ты усладой нашей наны,
О том, чтобы ты вырос, я *хох* говорю!

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 7. Исп. Хажисмель Карданов: 1860 г.р., а. Бесленей Карачаево-Черкесии; бесленеевец. Зап. 25.09.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Данный текст – единственный, в котором в системе героического эпоса адыгов самостоятельно представлено произведение

жанра колыбельных песен. Как известно, эпосы многих народов мира аккумулируют смежные фольклорные жанры, а также в весьма полной мере отражают мифологические представления и связанные с ними ритуалы, вместе с описанием обрядов и приуроченным к ним фольклором в них содержится и другая ценная этнографическая информация. В адыгском эпосе довольно редки случаи подобных прямых параллелей с системой верований и инкорпорации других фольклорных жанров, хотя мифологическая основа и общефольклорный контекст совершенно очевидны. Так же обстоит дело и со многими этнографическими реалиями: дискретный мир народного эпоса никак не является да и не представляется аналогом реального мира его носителей, эпос функционирует по своим законам, в значительной степени эстетическим, опирающимся на действительность, но не повторяющим ее доподлинно.

Взаимоотношения эпоса с реальной действительностью, как правило, опосредованы путем отражения ее в системе художественных условностей. Данный случай представляет собой одно из редких исключений из правила, но и здесь исключение достаточно мотивированно: надо признать, что «Колыбельная … Бадиноко» весьма органично вплетается и в цикл о данном герое, и вписывается в общую систему мифо-эпических координат.

Зиусхан (*зиусхьэн*) – букв.: *господин*, здесь, скорее всего, использовано в исходном значении слова: *зи уз схьын – чьи болезни я на себя возьму*. Это логически соответствует субъекту речи – кормилице, от лица которой песня исполняется. Омоформа части слова с тюркским «*хан*» здесь случайна.

Собаки-самыры (*хьэ самыр*) – порода охотничьих собак, борзая; присутствие в сопровождении богатыря собак-самыров – один из атрибутов нарта Бадиноко в посвященном ему цикле.

Хуара (*хуарэ*) – лошадь чистокровной породы.

Джин-Джин (*Джын-Джын*) – значение слова однозначно не объясняется. Возможно, это мифический топоним, обозначающий некую местность, почитаемую как сакральная.

Тлостановская тетива (*Лъостэныбзэ*) – сочетание встречается только в данном тексте. Изготовление добротной тетивы приравнивалось к искусству, поэтому имена мастеров или мастериц этого занятия получали широкую известность. Полагаем, что определение «*тлостановский*» здесь это указание на особое качество тетивы, изготовленной славным мастером и названное его именем.

Маиса (*маисэ*) – сталь особой закалки, часто упоминаемая в эпических сказаниях.

Хох (*хъуэхъу*) – благопожелание, один из популярных жанров адыгского фольклора.

5. БЭДЫНОКЪУЭ ЧЫНТЫМ ЗЭРЕЗЭУАР

Нартхэм къезэуэну чынтыдзэр къакIуэри хэкум къетIысылIат. Нартхэм я деж тIасхъэщIэх къагъэкIуа чынт лIыкIуэм Бэдынокъуэ хэкум зэрисыр хъыбару яхуихьыжащ. Чынтыдзэ пашэм ар щызэхихым, и мурадым чэнджэщ хилъхьэри гупсысащ. Чынтыдзэр нартхэм къезэуэну Бэдынокъуэ къыфIэлIыкI хъуащ.

Бэдынокъуэ и анэр чынтым къацIыхурт – и лIыгъэр ящIэрт. Щэбэтын и гуащэм и IэщIэпIыкI щауэм чынтыдзэр къызэрытемыкIуэнум гу къылъатащ.

Нартхэми Бэдынокъуэ и хъыбар зэхахыу, и лIыгъэр зэхахыу, и шыфэлIыфэр ямыцIыхуу щытт, ялъэгъуатэкъым.

– Бэдынокъуэу бланэ гъэшхар зи шэджагъуашхэ,

Вы гъэшхар зи пшапэ Iус,

Уи шэсыгъуэр къэсащ.

Уи алъпыжьу пцIэгъуэплъ псыгъуэм уанэ къытелъхьэ,

Уи хьэ самырхэр зыщIыгъу,

Уи бгъэ гъэсахэр здешажьэ,

Зехьэжьи яхыхьэ,

Хэкум къихьахэр иупщIэ,

УпщIакIуэхэр зумыгъэчэу,

Уи лIыгъэр енщ, – жиIэри Бэдынокъуэ и анэр къэпсэлъащ.

И анэм и псалъэр щиухым, зызэщIиIуэнэщ, зызэщIиIэтэщ, нэхъу-нэхъуу къеплъу Бэдынокъуэ къэпсалъэри жиIащ:

– Сызэребгъажьэщ си къэкIуэжыкIэр, – жиIэри.

Бэдынокъуэм и анэм шу щышэскIэ Iэщэрэ фащэу зыхуейр псори ихьэзырт, Бэдынокъуэ и лIыгъэри ищIэххэрти гушхуауэ жиIащ:

– Уи пцIэгъуэплъу блапщэ щхьэ гъурыр

Iэ кIуэцI ижыну гъэпсащ,

Хьэгъуэ-хугъуэ Iус щIэпIыкIщ,

Май мазэкIэ мэкъу пащIауэщ,

ЩIыунэрыпIщ.

Абрэмывэр IугъэкIуэти зыкъегъащIэ!

Уи уанэр дыжьын хэщIыкIщ,

Уи Iэщэ-фащэр фIэдзагъэххэщ,

Къыпыхи зэхьэлIэ,

ЛIым я лейуи ежьэ,

Угужьейуи умызджыздж,

Уи зыджэ макъыр шууищэу,

Нартищэ лIыгъэр уи зэ уэгъуэу,

Хуарэжь жэрыгъэр уи лъэбакъуэу,

«Мыхъу-мыпцIэ» къыныс,

КъетIысэхахэри хэгъащIэ,

Нартыжьхэми закъыскуегъащIи

ЩIы фIыцIэ лъэгур къэубэ,

Биижьурэ чынтыдзэ пашэр къахэш,

Я нэхъ шэрыуэри къехьэх,

Зэхахыжын щхьэкIэ зы напэ Iурыдзэри Iурылъу

Нэхъ лъэрыхьыр гъэкIуэж.

Уэ си щIалэу нэ пIащэ,

Іэщэр къащти къэшэс,
Уи шы тесыкІэми сегъэплъ, –
жиІэри щепсалъэм, Бэдынокъуэ шым уанэ трилъхьащ, Іэщэфащэри зыкІэрилъхьэри, пщІантІэкум къихьэри шэсащ. Уафэгум хъыринэ ныщещІэщ, ищІэфынумкІи и анэм гугъэу къыхуиІэр щыбыдэри, Бэдынокъуэр дэкІащ.

Шымрэ лІымрэ я жэщибл-махуибл гъуэгур зы махуэ никъуэ гъуэгу фІэкІ къыщымыхъуу, чынтыдзэ бзаджэу хэкум къетІысылІам нэсри, къалъагъуу я бгъумкІэ яблэкІащ. Зы тэлай икІуа нэужьмэ, къигъазэри хъыбар къаригъэщІащ: «Зывгъэхьэзыр, сывэзэуэныр гурылъщ», – жиІэри.

Чынтыдзэм ар щызэхахым, ахэр хьэзырыххэт, зауэр ирагъажьэри, пщыхьэщхьэ пшэплъыр къимыдзу, чынтыдзэр Бэдынокъуэм ІэщІэухащ. Чынтыдзэ пашэр къиубыдри, шыпхэмкІэ и гупэр гъэзауэ, шыщхьэмкІэ и щІыбыр гъэзауэ, шым трипхащ. Чынтыдзэ пашэм игъуса шум и нэкІум удын тридзэри хъыбарегъащІэу я хэкум иутІыпщыжащ. Езы Бэдынокъуэ чынтыдзэ пашэр шым тепхауэ нартыжь хэкум къришэри къришэкІыурэ наІуэ ящищІащ.

Бэдынокъуэ и лІыгъэр къэзыщІа, ищІари зылъэгъуа нартыжьхэри гузэсащ, хуэусэни къахэкІащ.

Чынтыдзэ пашэр псоми наІуэ ящищІа нэужькІэ, Хьэрэмэ Іуащхьэ дришейри, чынтыдзэр къыздикІа лъэныкъуэмкІэ и гупэр гъэзауэ чынтыдзэ пашэр игъэуври, и джатэмкІэ еуэри тІууэ зэгуиупщІыкІащ, «Чынтыдзэм и кІэухыр зэрымыр дыдэр псоми ирелъагъу!» – жиІэри.

Зэпымыууэ къакІуэурэ хэкум лъы щызыгъажэу, мылъкур зезыпхъуэу, къулайсызыгъэрэ гузэвэгъуэрэ хэкум къизылъхьэу щыта чынтыдзэ бий бзаджэр зэхиукІэри чынтым я лъапсэри Бэдынокъуэ игъэгъущащ.

Бэдынокъуэ и лІыгъэр абдежым къыщынаІуэри, нартыжьхэр бий къыхуэхъуащ, лІыгъэкІэ зэратекІуэнур къыщащІэм, «Дэ мыбы дигъэпсэункъым, дигъэтыншынкъым, мыр лІыгъэкІи тхуэгъэкІуэдынкъым, Іэмалрэ хьиляэрэ къэдгупсысу абыкІэ дыпэмылъэщмэ», – жаІэри.

Бэдынокъуэ игу нэсыртэкъым, хабзэу щыІэмрэ нартыжьхэм яхэлъымрэ. Абы къыхэкІкІи шу закъуэу къикІухьу щытащ. Бэдынокъуэ цІыху къытемыплъэу щІыунэкІэ ипІащ и анэм. Абы ещхьыркъабзэуи, Бэдынокъуэ дэнэ щыІэми къызэрекІуэлІэжу, зыми иримыгъэлъагъуу и анэм щІыунэм щигъэпсэууэ, зыхуейзыхуэфІынхэр зыми имыщІэу и анэм хузэфІигъэкІыу, и анэм псори хуищІэу щытащ.

КАК БАДИНОКО СРАЖАЛСЯ С ЧИНТАМИ

Чтобы воевать с нартами, чинтское войско прибыло и расположилось у <границы> их края. Чинтский воин, посланный к нартам на разведку, принес <своим> весть о том, что Бадиноко находится в стране <нартов>. Когда предводитель чинтского войска услышал это, он усомнился в своих намерениях и призадумался.

<Из-за того, что> Бадиноко был с нартами, чинтское войско не решалось нападать на них.

Чинты знали мать Бадиноко: им было известно ее мужество. Они поняли, что войску чинтов не победить отпрыска гуаши Шабатына.

Нарты тоже слыхали о Бадиноко, слыхали о его мужестве, но не знали, как он выглядит, <так, как> они его <никогда> не видели.

– Бадиноко, чей обед – откормленная лань,
Чей ужин – откормленный вол,
Пришло тебе время садиться на коня.
Своего поджарого гнедого альпа оседлай,
Возьми с собой своих собак-самыров,
Поведи с собой приученных орлов,
Помчись и вступи <в битву>,
Изруби тех, кто вторгся в страну <нартов>,
А тех, кто будет расспрашивать, не удостаивай ответа.
Ты преисполнен мужества, –
сказала мать Бадиноко.

Когда мать закончила свое напутствие, Бадиноко встрепенулся, подтянулся, посмотрел <на нее> открытым взглядом и сказал:

– Как проводишь меня, таким и будет мое возвращение.

У матери Бадиноко были наготове оружие и доспехи, всё необходимое всаднику. Она знала о мужестве Бадиноко и уверенно сказала ему:

– Твой гнедой, с шеей, как у змеи, сухоголовый <конь>
Готов проскользнуть сквозь сложенные в трубочку ладони,
Ячменем и просом вскормлен он,
Майским сеном кормлен он,
В подземелье взращен он.
Отодвинь абра-камень и покажись <ему> [покажи свою мощь].
Твое седло – изделие из серебра,
Твои доспехи висят наготове,
Сними <их> и надень на себя.
Отправляйся <в путь> достойнее всех мужчин,
Испугавшись, не вздрагивай,
Пусть голос твой будет подобен <голосу> ста всадников,
Пусть один твой удар будет равен ударам ста могучих нартов,
Пусть один твой шаг будет равен бегу могучей хуары,
До всех оробевших доберись,
<Сюда> добравшихся <врагов> сразу,
Покажи <свое мужество> перед могучими нартами,
Вытопчи черную землю,
Заклятого врага, предводителя чинтского войска, плени,
Самых метких из них сразу,
А чтобы <другие> знали <о твоей победе>,
Поставь клеймо на лице самому смелому
И вестником отправь <его> домой.
О, мой большеглазый сын,
Возьми оружие, садись <на коня>

И покажи мне, как ты сидишь на коне, – когда <мать> так сказала, Бадиноко оседлал коня, надел на себя доспехи, вывел коня на середину двора и сел на него. На небесных качелях поигрался он [порезвился верхом на коне в небесах], показал своей матери то, на что он пригоден, и выехал со двора.

Путь, на который <доброму> коню и <доброму> всаднику нужно семь дней и семь ночей, он посчитал как полдневный, достиг коварного войска чинтов, стоявших у <земли нартов>, и на глазах <у чинтов> проехал мимо.

Уехав на какое-то расстояние, он повернул обратно и известил их: «Готовьтесь, мое намерение – сразиться с вами!»

Когда чинтское войско услышало это, оно уже было готово; затеяли <они> битву, и Бадиноко еще до вечерней зари истребил все войско чинтов. Поймал он предводителя чинтского войска и, усадивши на коня лицом к хвосту коня и спиной к голове коня, привязал к седлу. Стремянному при предводителе чинтского войска он на лице клеймо поставил, и вестником отправил в их край. Самого же предводителя чинтского войска, связанного на коне, Бадиноко привез в страну нартов, возил и всем показывал.

Нарты, испытавшие мужество Бадиноко и видевшие его деяния, встревожились, <но> среди них нашлись и те, кто захотел воспеть <его подвиги>.

После того, как Бадиноко показал всем предводителя чинтского войска, <он> повел <его> на Харама-гору и, повернув в ту сторону, откуда пришло чинтское войско, рассек его мечом надвое со словами: «Пусть все видят, что это является концом чинтского войска!»

Бадиноко истребил коварное вражеское войско чинтов, непрестанно нападавшее <на нартов>, заливавшее край кровью, забиравшее добро, сеявшее нищету и тревогу, и уничтожил род чинтов. Там проявилась сила Бадиноко, и нарты стали его врагами, и они, убедившись, что он превосходит их в храбрости, сказали: «Он не даст нам житья, не даст покоя; мы не сможем победить его силой, если не одолеем при помощи хитрости».

Бадиноко не нравились существовавшие у нартов обычаи и нравы, поэтому разъезжал он одиноким всадником. Мать взрастила его в подземелье, тайком от людей. Так же, где бы ни бывал Бадиноко, как только он возвращался, мать никому не показывала его, а сразу уводила в подземелье. Втайне от всех она содержала его в достатке и делала для него все, что нужно.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 14. Исп. Мухамед Бжунаев: 1856 г.р., а. Бесленей Карачаево-Черкесии; черкес. Зап. 23.09.1949 г. А. Бичоев. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о происхождении и первом подвиге нарта Бадиноко / Шабатыныко. Мо-

тив рождения героя в данном варианте детально не разработан, но он достаточно прозрачно подразумевается, поскольку налицо такие мотивы как вражеское нашествие, женщина-воительница, эпизоды содержания героя вдали от чужих глаз в подземелье вплоть до его возмужания и первого его появления на свет, описание условий, в которых его воспитывала мать. Примечателен также мотив одиночества героя: истоки его правомерно видеть в древнейших мифологических представлениях, однако эволюция художественного сознания способствовала его функциональной трансформации. Одиночество, сближающее героя раннего типа эпоса с «первочеловеком, в позднеэпических циклах и исторических преданиях стало трактоваться как признак бесстрашия героя или же отсутствия достойных ему спутников.

До всех оробевших добериев – перевод условный в связи с тем, что в тексте оригинала упор сделан не на семантику, а на звуковую организацию фразы.

6. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКЪЭХЪУКІ

Шэбатныкъо ятэ Орзэмэджэр Чырты къырагъэкІи нартымэ тхьэматэу къафагъэкІуагъ. Нартымэ лъэшэу ар къины кафэхъугъ. «Тэ тхьэматэ къытхэкІытагъэба!» зыфэпІон фэдэ агу къихьагъ. Орзэмэдж аукІынджэ щэщынэхэти, тхьагъэпцІыгъэджэ агъэкІодынэу агу къихьагъ.

Сэтэнаер бзылъфыгъэ Іушэу щытыгъэти, нартымэ ягухэлъы гу лъетэ. Шэбатныкъор къызыфэхъуджэ ятэ римыгъашІэу чІы чІэгъыджэ арегъэпІу. АпІун зэхъум, чІы чІэгъум шы, хьэпаниитІу, бгъэшхъуитІу аІоу зэрэгъэсэнхэу чІитІупщхьагъэх. КІалэри лІы хъугъэ, шыри шы хъугъэ. Ятэу Орзэмэджэр нартымэ агъэлІэнэу зэхалъхьагъэ, ежь къафакІожьырэп. Нартхэр Орзэмэдж зэрэтемыкІотыхэр къагурыІуагъэти, зэІукІэм бжъэу щиІэтытым щэнаутыр халъхьаны агъэлІэнэу рахъуахьыгъ.

Сэтэнаер чІахьи кІалэм фиІотагъ:

– Мыщ фэдизым чІы чІэгъыджэ узфэсІыгъыгъэр зы мафэ ныІэп. Неущы нартымэ ешкэ-ешъо зэхахьэ яІ. Уятэ джащ щагъэлІэнэу нартмэ зэхалъхьагъэ. Нартхэр зэхэхьагъахэ, бжъэр уятэ ратыгъах. Бжъэр ымыІэтызэ узынэмысыджэ, уятэ бжъэм, щэджэныблэр хэлъышъ, ыгъэлІэт.

– Адэ, тян, шъыдэущтэу сыкІота ащ? Сэ дунаем хэслъэгъукІыгъэ щыІэп.

– Тенэ къырыгъуаз, узыІукІэрэм еупчІ «Нарт яунэ тэдэ щыІ?» Іуи. Пщыщанэ занкІэу екІу, Пшызэджэ кІуи, нартымэ ячэмэхъо бзылъфыгъэ Пшызэ ныбэ ущыІукІэт. УзыІукІэджэ ублэмыкІ, шъыд ыІуагъэджи ушІомыкІ, тэрэзэу еупчІ.

Сэтэнай-гуащэр цІыф Іушэу, Нарты шъыд щыхъумищышІэми игулъытэ лъыІэсэу щытыгъ. Арыти, илІ нарт Орзэмэджы нартыхэр къызэрепыихэрэр зелъэгъум:

– Бэ шІэн, макІэ шІэн, Орзэмэдж къагъэлІэнэу къыфежьэтых. Ау зыхъуджэ, мы лІыжъэр укІыпІэм къизыщыжьышъун кІуачІэ

сицахь телъэу зизгъэІэн фае, – ыІуи, Шэбатныкъо мы Іофым шъэфэу фигъэхьазырыгъ.

ХитІор чІым щылъэразэу, бгъэшхъуитІор огум щылъэразэу, хьэмэ къыхафырэр бгъэмэ къаубытэу, зылъэгъурэм ыгъэшІагъоу Шэбатныкъор къежьэ.

Нартымэ ячэмахъо, Сэтэнаем зэриІуагъэу, Пшызэ ныбэ къыщыдэкІы. Бзылъфыгъэ пщІанэм шъхьэрахьэ. Бзылъфыгъэр гоІагъэ, ау шъыдэу зызешІыми, Шэбатныкъор шІокІыгъэп – бзылъфыгъэм ыбгъэ зыІуилъхьагъ.

– Усян ахърэтыджи, дунаеджи.

– НитІоу узэмылъэгъур нэшъу Тхьа ешІ! – ыІуи, шІэхэу зифэпэжьыгъ.

– Тянэжъ-гуащ, сыхьэкІэ гъозадж сэ, Іалэдж яунэжъ зыдэщыІэр къысаІу.

– Іалэдж яунэжъ шъыдым сигъэшІэн, сикІал, чэщырэ сыкъыдэкІы, мафэрэ сыдэхьажьы, нартымэ сырячэмахъожъ тхьамыкІэу шъофым сит нахь, сэ шъыдым сигъэшІэн нарт яунэжъ?

ЗэрэшІомыкІытэр бзылъфыгъэм къызгурэІом, къыриІуагъ:

– А сикІэлэ дах, шъыд осІона? АІоу зэхэсхыгъэр осІон нахь, зи сшІэрэп. Мы бгым узыдэкІыджэ, нартымэ уанэмысэу Іалэдж яунэжъ щыт. Пшъэшъэ дахэ ис, дэрые-бзэрый, чыжьэджэ укъылъэгъут. Псэлъыхъожъымэ икъэлапчъэу аутагъэм ухэнэныджэ щтагъо, ежьыри бзылъфыгъэ дахэшъ, уигъэукІытэнджэ чІыпІэ щтагъу узэрыхьатэр.

Шэбатныкъо ащ къыгъэгубжыгъ:

– Тянэжъ-гуащ, Алахьым сыщымыщтэу, быдзыщэм сыщымыщтагъэмэ, Іэхъомбэшком укІэзгъэпшыни. Зы псыжъ сыІукІэмэ, сифарэ хэнэнэу, зы хьэжъ сыІукІэмэ, сыукІытэжьынэу сэ Чыртэ сыкъикІэу мыщ сыкъэкІуагъэп сэ.

КъыбгъодэкІи, Пшызэ къикІи, къежьагъ. ХьэпаниитІумэ къалъэрэзахьэу, хьэмэ къыхагъэхъушъутырэр бгъашхъом къаубытэу, иш жьэу къыІукІырэм гъогу нэпцитІор ылыгъоу Іэкуандэ-дахэу лъагэу щэгъынданкъым исым чыжьэджэ къылъэгъугъ. Шыум фэдэ шыу ды нэсы ылъэгъугъэпти, шыум къыгъащти, куоу-кыеу щэгъындакъым къехи, янэу Сэтэнаем дэж чІэкІыгъ.

– Си Іэкондэ-дах, шъыд укъэзгъэщынагъэр?

– Тянэжъ-гуащ, зы шыу къакІошъы, Чырты къимыкІыгъэмэ, Нарты къыралъфагъэп.

– Іэкондэ-дах, укъэмыщын, укъэмыукІыт, хьазырэу щыІэм сыхэплъэн, мыхьазырэм ыужы сихьан, къедгъэблэгъэн! Цугъом ибжъэпэплъэр къурмэны фэтшІын, гъэлъэхъум ипщэрэр ащ Іэпэщыпсэу игъусэу, Іэлэдж ягъэхъунэу ныбжьи цІыф зэрытымыгъэхьагъэм уиш щыдгъэхъун шъІори шъупэгъокІ! – ыІуи, кухнэм чІэхьажьыгъ.

Шэбатныкъор къэси Іэкуандэм икъэлапчъэу псэлъыхъожъымэ аутагъэм къеуцолІагъ. Іэкуандэр щэгъындакъэм къехи, кІыгъунитІоу иІэр ежь нахьи дэхащэу къыпэгъокІыгъэх.

Пхъэ цуакъэмэ къарыкІыхи, ныбжьи цІыф фамышІагъэу лъэпэд кІыпцІэджэ къыпэгъокІыгъэх.

– ТихьакІэу тикІас, еблагъ! Цугъом ибжъэпэплъэр къурмэны фядгъэшІын, гъэлъэхъум ипщэрэр ащ иІэпэщыпс. Іэлэдж

игъэхъунэу цIыф зэрытымыгъахьэрэм уиш щыдгъэхъун, Iэкондэдахэри пшъхьэ хэдгъэуIон!

– СыешкэкIо-ешъуакIоп, сызекIокIо кIалэ нахь. Шъуицугъо бжъэпэплъэр псэхалIэ Тхьа ешI, шъуигъэлъэхъу пщэрэри тыгъужъмэ Тхьа арегъэлI, Iэкондэ-дахэри тыщылIэ Тхьа ешI!

Къэлэпчъэшкоу Iулъэр къызэридзэкIи псыжъым къыхидзагъ.

– Псэлъыхъожъ бзаджэу Iэкуандэм дэжь къакIорэмэ лъэмыдж афэрэхъу!

Пшъашъэм зэремыблэгъэтэр къыгурыIуи къыиIуагъ:

– Нарт язэIукIэ укъэсыгъ, моу бгым удэкIымэ, чыжьэжьэп. Нартымэ яунэ унэ фыжьы кIахь, унэ къебэ-наб, кIэсэныбэ кIэт, кIэсэнэу кIэтхэр цуиймэ зэрафащ, ащ ипэIулъашъо шы бгъэлыбэм къэсы. ЦIыфыбэ къекIолIагъэшъ, уятэ унэшъошIэу яI, узынэмысыджэ уятэ агъэлIэт. Шым уепсыхынышъ, уихьэрэ уишырэ къэбгъэнэнышъ, лъэсэу уахэхьат.

ЗэриIуагъэм фэдэу шым епсыхи, щэгъындакъэ Iэшэ-шъуашэу пылъэр зыпихи унэIутэу Iутым ритыгъ. УнэIутым ыIэтын ылъэкIыгъэп, столэу зытырилъхьагъэр зэхицIыцIагъэ.

– Мыр гъэIылъыпIэ фэдиз икъурэп! – ыIуи, Iэхъомбэжъыеджэ Шэбатныкъо Iаби зыгуилъхьэжьыгъ.

ЦIыфхэр IуигъэзыкIи, ятэ зыкIэрыс столым кIэрыхьагъ. Бжъэр ыIэтыгъахэу аужырэ гущаIэр Орзэмэджы къешIыжьы:

– Нартхэр, мыщ семышъозэ, хэти лъэгъунэу иIэр къерэIу, сызешъуахэджэ, хэт къыIуагъэми пкIэ иIэжьэп.

Аущтэу зыщиIоным, бжъэр ыIэтыгъахэу, ыжэ нэмысыпэу Шэбатныкъор унэм ихьагъ, столым кIэлъырихьи, бжъэр Орзэмэджым IэкIигъэзыгъ. Бжъэм щэджыблэу хэлъэр столым «лъылъылъ» ыIоу телъэдагъ. Шэбатныкъо къыгъази къикIыжьыгъ.

Шэбатныкъо янэ дэжь къэкIожьи зэкIэ хъугъэр фиIотагъ.

– Аферэм! – ыIуи, чIы чIэгъым хьи, [бгъэи, ши], кIали чIищэжьыгъэх.

Орзэмэджи шъхькIо иIэу къежьэжи къэкIожьыгъ. Орзэмэдж лъэшэу зэрэчэфынчъэм Сэтэнаеми гу лъитагъ, гукъанэу иIэр ыуж имыкIэу къыригъэIуагъ.

– Нартымэ сагъэлIэнэу зэхалъхьагъэу зы кIалэ сыкъыгъэнэжьыгъ. КъысэхъулIэгъэпстэумэкIалэрзэрэсымышIэрэр анахь сшIокъин.

– А лIыжъ, ащыгъум моу къакIо, – ыIуи, Сэтэнаем Орзэмэджэр чIыунэм чIищагъ. (Калэм зыригъэбылъыгъ). Шыри, хьэхэри, бгъэхэри ышIэжьыгъэх.

– Мыщ зы ащэкIэ, – ыIуагъ Орзэмэджы.

КIалэри къыкъокIи, ащ апэрэу ятэрэ ыкъорэ щызэрэлъэгъугъэх.

Ащ щегъэжьагъэу Орзэмэдж мэIыстыжьы, кIалэри чIы чIэгъым къычIащыжьи, шъхьафиты хъужьыгъэ.

– Джы, тят, о щыс, сэ нартымэ адэжьы сыкIот уилъэуасэ къэсхьыжьынэу.

– КIо, сыкIон пIомэ, сэ унашъо пфэсшIыжьырэп, узекIон плъэкIыт, – ыIуагъ Орзэмэджы.

Шэбатныкъо кIуи нартхэр зэIуигъэкIагъэх.

– Сятэ илъэуасэ схьыжьынэу сыкъэкIуагъ.

– КъаIо, къыттеплъхьэрэр тихьылъэ.

– Уашъом лъэуей ешъудзэу шъузыдэкIуаеджэ – сятэ илъэуасэджэ сштэжьыт. Щыбзэджэ псы къысфэшъухьи сежъугъашъуи – сятэ илъэуасэджэ сштэжьыт. Цацэм пылъэу тхъор сфэжъугъажъи….

– Ащджэ Iэмал тиIэп, къыттеплъхьэрэр тихьылъэ.

– Ащыгъум, Нарты данэу илъэр зэкIэ къэшъуугъоу. Хьарэм хъуатэ ар къыщыжъугъэсти, дэнэ стафэу сиIалъмакъ из къызысэшъутыджэ – сятэ илъэуасэджэ сштэжьыт.

Нартымэ данэу яIэр къаугъои зэкIэ агъэстыгъ. Жьыбгъэшко къаришIылIи, дэнэ стафэр ашIуихьыгъ.

– Ащыджи шъумыIэмалымэ, Нарты къуапцIэу исэр къэшъуугъои, шъуукIы. Лъэр сищырыкъумэ къадэмыоу сыхэжъугъэуцомэ – сятэ ылъэуасэджэ сштэжьыт.

КъуапцIэу Нарты исэр Хьэрам хъуатэ яплъызэ щышIуаригъэбзыгъ. Лъэр чIыгум ришъуи икъугъэп. Дащ тетэу Шэбатныкъо къаригъэгъокIоди, къыгъази, къэкIожьыгъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТЫНЫКО

Орзамедж, отец <нарта> Шабатынико, был прислан из *Чиртии* к нартам предводительствовать. Нартов это очень сильно обидело. «Неужели из нас самих не мог бы выйти предводитель!» – возмущались они. <Но> все же, побоявшись открыто убивать Орзамеджа, они задумали погубить его хитростью.

Сатанае была ведь мудрая женщина, и она разгадывает намерения нартов. И когда у нее родился Шабатынико, она отдает его на воспитание, чтобы его растили тайно в подземелье. Когда дошло до его содержания, в подземелье, вместе с ним туда поместили коня, двух борзых собак, двух сизых орлов – чтобы все они росли, привыкая друг к другу. <Со временем> и мальчик стал мужчиной, и конь стал конем. Чтобы погубить отца его, Орзамеджа, нарты придумывают <различные> способы, а он сам к ним более не идет. Нарты поняли, что им не одолеть Орзамеджа, и приготовили яд, чтобы положить его в чашу, которую он должен был поднимать на сборище.

Сатанае вошла к юноше и поведала ему:

– Столько-то времени я тебя в подземелье держала ради одного такого дня. Завтра у нартов будет застольное собрание. Нарты приготовились там погубить твоего отца. Нарты уже собрались, чашу твоему отцу в руки подали. Если не успеешь туда раньше, чем твой отец поднимет [поднесет к губам] чашу, в нее запустили ядовитых змей, и он погибнет.

– А как, мать наша, я доберусь туда? Я ведь в свете мало что видел.

– Правь путь по *Тену*, встречного спроси: «Где здесь дом нартов?». Правь прямо к *Пщищане*, выезжай к *Пшизе* и там повстречаешь нартскую пастушку, в Пшизе освежающуюся. Как повстречаешь, как бы она ни увертывалась, не проезжай мимо, пока не узнаешь всего, что нужно.

Сатанае-гуаща была человек мудрый, она умела постичь своим умом все, что бы ни происходило в Нартии. И вот, когда она заметила, как нарты враждебны к ее мужу Орзамеджу, она решила:

– Много ли <времени> пройдет, мало ли пройдет, они решатся погубить Орзамеджа. Раз так, я должна заиметь сильного <человека>, которому я доверила бы вызволение моего мужа с гибельного места. – С тем она тайно и подготовила Шабатыныко к такому делу.

Две <борзые> собаки по земле кружат, два сизых орла по небу кружат, то, что собаки выгонят, орлы ловят, те, кто их видит, диву даются – вот так Шабатыныко выезжает.

Как Сатанае и говорила, нартская пастушка освежается в Пшизе. Подъезжает он к обнаженной женщине. Женщина расстроилась, но что бы она ни делала, Шабатыныко не отстает от нее: *приложился он к ее груди* <и заявил ей>:

– <Отныне> ты мне мать и на том, и на этом свете.

– Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя! – сказала она и скоро оделась.

– Мать наша, добрая гуаща. Я важный гость, укажи мне где стоит большой дом Аледжей.

– Откуда мне знать, где это дом Аледжей, сын мой, я выхожу <со своего двора> в ночь, возвращаюсь <на исходе> дня, я бедная нартская пастушка, только в долине и обретаюсь, откуда мне знать, где большой дом нартов.

<Однако> поняв, что тот от нее не отстанет, она рассказала ему:

– О сын мой прекрасный, что я тебе скажу? Ничего я не знаю, разве что расскажу тебе то, что от других слыхала. Как на эту гору поднимешься, еще не достигнув нартов, стоит большой дом Аледжей. Там прекрасная девушка сидит, шьет-кроит, издали тебя приметит. Есть опасность, что ты можешь увязнуть у крепостных ворот, перед которыми трясина взбита женихами, да и сама она так прекрасна... Вот в такое опасное место ты явился, где опозориться можешь.

Шабатыныко это рассердило:

– Мать наша старая гуаща, не побойся я Аллаха, *не побойся я материнского молока, заставил бы тебя проползти под расставленными мною большим <и указательным> пальцами.* Я из Чиртии приехал и сюда явился не за тем, чтобы моя *фара* застряла в первой лужице, которую встречу, чтобы я струсил при встрече с первой *потаскухой*.

Уехал он от нее, переправился через Пшизу, поехал <дальше>. Две борзые собаки рыщут, и то, что собаки вспугнут, сизые орлы ловят, жар изо рта его коня края дороги опаляет – вот таким его приметила издали *Акуанда* прекрасная, сидящая на балконе. Так как всадника, подобного этому всаднику, она до сих пор не видала, он ее напугал, и она с криком-визгом спустилась с балкона и вышла к своей матери Сатанае.

– Моя *Аконда* прекрасная, что тебя напугало?

– Мать наша добрая гуаща, <сюда> один такой всадник приближается, что если он не из Чиртии, в Нартии такой не рождался.

– Аконда прекрасная, не пугайся, не стесняйся, я посмотрю, что у нас есть наготове, а что не готово, за это примусь, мы его приветим! Рыжего быка краснорогого мы ему пожертвуем, самого жирного валуха на соус добавим, «Мы пустим твоего коня пастись на лугу Аледжа, в которое никого не пускаем», – говоря, выйдите ему навстречу! – сказав так, <Сатанае> ушла в кухню.

Шабатыныко прибыл и стал напротив ворот, которые были испоганены <неудачливыми> женихами.

Аконда прекрасная спустилась с балкона и с двумя спутницами, которые были еще краше ее самой, вышла ему навстречу.

Они сошли с *пхацуаков* и в одних чулках, какой чести в жизни никого не удостаивали, пошли ему навстречу.

– Гость наш, дорогой нам, будь гостем. Рыжего краснорогого быка мы тебе пожертвуем, валух откормленный к нему на соус будет, пустим твоего коня пастись на лугу Аледжа, в которое никого не пускаем, а Аконда прекрасная тебе голову причешет.

– Я не искатель еды-питья, а воин-наездник. Пусть ваш рыжий краснорогий бык волей божьей сам подохнет, пусть вашего валуха откормленного волей божьей волк задерет, ваша Аконда прекрасная волей божьей в родительском доме помрет!

<С этими словами> он большие крепостные ворота, что висели, вывернул и в лужу большую швырнул:

– Пусть женихам злосчастным, что приезжают к Акуанде, вместо моста послужат.

Девушка, поняв, что он не войдет гостить, сказала ему:

– Ты достиг места встречи нартов, как в гору взберешься, дальше уже недалеко. Нартский дом – дом белый длинный, дом покосившийся-перекосившийся, со многими опорами, опоры, что стоят, восемью волами приволочены, впереди них оградой брёвна, что по грудь лошади. Там людей много собралось, и твой отец у них предводительствует, если не успеешь, твоего отца погубят. <Прибыв туда,> ты с коня спешишься, собак своих и коня своего оставишь и пешим подойдешь.

Как она и говорила, он с коня спешился, снял с себя лук и оружие-снаряжение и отдал это прислужнику, стоящему. Прислужник не смог это поднять, а стол, на который он положил это, подломился. Это плохое место, сказавши, Шабатыныко мизинцем поднял и на себя же повесил. Затем он раздвинул людей и протиснулся к столу, за которым сидел его отец. Поднявши чашу, Орзамедж говорит свое последнее слово:

– Нарты, пока я не выпил это, у кого какие заботы есть, пусть выскажет. После того, как выпью, кто бы что ни сказал, уже ничего не будет значить.

Когда вот так говоря, он поднимал чашу, но еще не успел поднести ее к губам, Шабатыныко вошел в дом; подойдя к столу, он выбил чашу из рук Орзамеджа. Ядовитая змея, сидящая в кубке, со звуком «тли-тли-тль» поползла по столу, а Шабатыныко повернулся и вышел.

Возвратился он к своей матери и рассказал, как все было.

– Добро! – сказала она, и увела в подземелье и собак, и <орлов, и коня,> и юношу.

Орзамедж, расстроенный, ушел и возвратился домой. Сатанае заметила, каким расстроенным был Орзамедж, и, не медля, разговорила его о случившемся.

– Когда нарты приготовили <средство>, чтобы умертвить меня, какой-то парень меня спас. Из всего, что со мной случилось, я больше расстроен из-за того, что не знаю этого парня.

– Эй, старик, в таком случае иди-ка вот сюда, – позвала Сатанае и повела Орзамеджа в подземелье.

Парню она велела спрятаться. А коня, собак, орлов он узнал.

– Среди них недостает одного, – сказал Орзамедж.

Тогда и парень вышел, там впервые отец и сын увидели друг друга. С той поры и Орзамедж отходит от дел, и парня выводят из подземелья и он становится свободным.

– Теперь, отец, ты сиди, я же отправлюсь к нартам взять плату за кровь.

– Иди, если хочешь, я тебе не указ, ты сам способен вести дело, – сказал Орзамедж.

Шабатыныко отправился и собрал нартов.

– Я явился взять плату за кровь моего отца.

– Говори: то, что ты возложишь на нас, то и будет нам ношей.

– Если к небу приставите лестницу и взберетесь <по ней> – это я возьму платой за кровь моего отца. В решете принесите воды и дайте мне напиться – и это я возьму за кровь моего отца. На вертеле мне поджарьте масло...

– На это сил у нас нет, и что ты возложишь, то и будет нам ношей.

– Если так, весь шелк, что есть в Нартии, соберите, сожгите на Харама-горе и когда наполните пеплом от сожженного шелка мою котомку, это я приму как плату за кровь моего отца.

Нарты собрали весь шелк, который у них был, подожгли. Но поднялся сильный порыв ветра и все развеял.

– Если вы этого не можете, соберите в Нартии всех смуглых, убейте их. Когда я ступлю и кровь достанет мне до голенищ, это я приму как плату за кровь моего отца.

Всех смуглых в Нартии на виду у него он заставил убить на Харама-горе. Земля впитала их кровь и еще не насытилась. Вот так Шабатыныко заставил их <самих себя> уничтожить и возвратился домой.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 14–18. Исп. Муслимет Кушу: 1918 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 10.07.1963 г. Щ. Схаляхо. Перевод на русский язык А. Гутова.

Судя по содержанию, происхождение данного сюжета правомерно возводить к обычаю преемственности власти в архаическом обществе: очевидно, что изначальной причиной убиения предводителя является не вражда, а достижение им преклонного возраста. Поэтому процедура имеет ритуальный характер. Кроме того, примечательно, что старого предводителя сменяет

его сын, в чем можно видеть истоки династического наследования власти.

Текст представляет собой фиксацию одной из завершительных стадий цикла, о чем свидетельствуют несколько признаков. В их числе – явное смешение жанровых признаков и сюжетных элементов разных циклов. Так, предводитель нартского племени «назначается» издалека (из страны Чиртии), матерью героя и покровительницей девушек-«соблазнительниц» оказывается одно и то же лицо (Сатаней-гуаша), вместо традиционного нартского пастушка представлена женщина – персонаж явно из волшебной сказки, признаком нетворческой контаминации надо признать фрагмент сюжета о мести нарта Батраза (невыполнимые условия платы за кровь, причем за неубитого отца) и др. Между тем образ центрального героя достаточно колоритен, отдельные фрагменты сохранили художественное своеобразие выразительных языковых средств, налицо и интересные приемы сюжетосложения. Вопреки названию, центральным мотивом сказания является не рождение героя, а история вызволения им отца из места ритуального убиения состарившегося предводителя.

Чиртия / Чинтия (*Чырты*) – эпическая страна племени *чирт / чинт,* которое в адыгской версии нартского эпоса чаще представлено как враждебное племени нартов; оно упоминается чаще всего в цикле Бадиноко / Шабытыныко.

Тен, Пщищана, Пщиза (*Тенэ, Пщыщанэ, Пшызэ*) – адыгские гидронимы: *Тен – Дон, Пщиза / Псыж – Кубань, Пщищана* – видимо, один из притоков Кубани.

«***...приложился он к ее груди***» – речь идет о дошедшем до средневековья ритуале символического породнения посредством прикосновения мужчины к женской груди, после чего по обычному праву он приравнивается к ее сыну. Более популярен в волшебных сказках, где герой таким образом становится «*сыном*» *старухи-ведьмы,* которая становится его помощницей, в ином случае она могла бы стать мощным вредителем или даже съесть его. В частности, фраза «*Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя!*» – это сказочная формула, явно перекочевавшая в эпический текст на стадии его разрушения.

«***...не побойся я материнского молока***» – как у многих народов, отношение адыгов к материнскому молоку было сакральным; пренебрежение этим обстоятельством считалось страшным грехом.

Заставить «... проползти под расставленными ... большим <и указательным> пальцами» – иносказательное «унизить».

Фара / хуара (*фарэ / хуарэ*) – лошадь чистокровной породы.

Потаскуха – в оригинале использовано слово «*хьэжъ*» – буквальное значение «*старая собака»;* наш перевод смысловой, в соответствии с контекстом.

Аконда – в тексте имя героини варьируется: *Акуанда / Аконда.*

Пхацуаки / пхаваки (*пхъэ цуакъэ / пхъэ вакъэ*) – подчеркнуто высокая деревянная обувь, подобие древнегреческих котурн, ношение их было прерогативой знатных особ.

7. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКЪЭХЪУКІ. ОРЗЭМЭДЖ КЪЫЗЭРИГЪЭНЭЖЬЫГЪЭР

Шэбатныкъо ятэ Орзэмэдж ыцІагъ. Чырты щыщыгъ. Орзэмэджэр Чырты къикІыти, Нарты Іалэдж яунэжъы тхьаматэджэ къакІотыгъ. Нартмэ ятхьэмэтагъ.

Орзэмэджым ягуащэ Шэбатныкъо ышъо хэфагъ. ЛІэр дэмысэу Орзэмэдж къэтгоу Шэбатныкъо къэхъугъ. Шэбатныкъо къызэхъум, тхьамыкІэхэу зы лІыжъырэ зы ныожъырэ къуаджэм дэсыгъэти, Сэтэнае Шэбатныкъоу къэхъугъэр чІыунэ аригъэшІыгъ. АригъэшІышъы, кІалэм дэй а лІыжъ-ныожъхэр чІитІупщыхьагъэх. ЛІыжъэр къэкІожьыгъ мафэм. КъызэкІожьым, мощтэу риІуагъ лІыжъым Сэтэнае:

– А лІыжъ, – ыІуагъ, – кІалэ горэ тшІокІодыжьыгъ укъэтгоу. Одэ чІыгу лъагэу плъэгъурэм чэу лъапсэм джай чІэстІэжьыгъэшъ, олъэгъу, – риІуагъ лІыжъым.

ЛІыжъэр ай пылъыныя, ай ыужы икІыжьыгъ.

Сэтэнае чІахьэмэ, чІыунэм Шэбатныкъо быдз къыригъашъомэ чІэкІыжьэу, лІыжъым ымышІэу чІыунэджэ Сэтэнае Шэбатныкъо аригъэпІугъ. Зы тхьаркъо чІитІупщыхьагъ дигъэсэнэу, хьажъу щыритІу чІитІупщыхьагъ дигъэсэнхэу, зы шы къунан цІыкІу ежь кІалэм дэхъунэу чІитІупщыхьагъ. Илъэс пчъагъэ кІалэр Іоф ышІэнэу охъуфэ, чІыунэм нэфынэ ымылъэгъоу чІэсыгъ.

Ятэ Орзэмэджэр нарт зэІукІэм щыІэу аукІынэу зэхалъхьагъ нартмэ.

Сэтэнае чІыунэм чІахьишъ, Шэбатныкъо къычІищыгъ, ишый, ихьый [къычІищыгъ].

– Мы сыкъызтепщагъэр шъыда?

– Дунай зыфаІорэр ары сикІал, – ыІуагъ. – Сэ узфэспІугъэу узфэзлэжьыгъэр непэ фэдэ мафэр ары. Уятэ Орзэмэджэр нартмэ агъэлІэт, – ыІуагъ, – непэ. Непэ узнэмысджэ, уятэ уиІоф хэлъыжьэп. Уежьэнышъы, укІот Іалэдж яунэжъ. Хэт уІукІэми, еупчІ, – ыІуагъ, – узыІукІэрэм. Донэ Іушъо укъырыкІот, – ыІуагъ, – Пшызэ уикІыт, – ыІуагъ.

– Іалэдж яунэ унэ фыжь кІахь, – ыІуагъ. –

Унэ къебэ-неб,

КІэсэныбэ кІэт,

ПэІулъашъоу Іулъэр шы бгъэлыбэм къэсы, – ар илъэгагъ.

Пшызэ икІыгъор уифарэ ишычэпэпс, – ыІуагъ. –

Фэрэ псыгъоу узтесэр къамыщ огъу епхынышъ, Іакуандэ ыІоу пшъэшъэ дахэ горэм, щагъындакъым лъагэу исым, нэкІапэм кІырыплъэу чыжьэу укъыщилъэгъут. Сэраеу зыдэсым уебгъукІот, – ыІуагъ, – къыппэгъокІыт, – ыІуагъ, – Іакуандэр. – Еблагъ, тихьакІэу тикІас, ыІонышъы. – Титхьэм тигъэхъумэ, удгъатхъэ тшІоигъу, – ыІонышъ, къыппэгъокІыт. Нартмэ ащышышъ ежьыри, уигъэбыяунышъ, уигъэгужъон ыгу хэлъ, – ыІуагъ. – «Тхьэм тигъэхъумэ, удгъатхъэ тшІоигъу, ыІот!» а бзылъфыгъэм. Уемыблагъ! – ыІуагъ. – «Сыешкэ-ешъолІэп!» Іори еІу, – ыІуагъ. – «СызекІо шъау! Іалэджы яунэжъ, сыхьакІэ гъозаджэшъ, къысаІу [еІо], ыІуагъ».

– Ари бгъотын, еблагъ, тихьакI.

– Сыешкэ-ешъолIэп, Iалэджы яунэ сыфаешъы, зыдэщыIэр къысаIу, –ыIуагъ, – ошIэмэ.

– Iалэджы яунэ укъэсыгъ. Чыжьэжьэп. Ари бгъотын. Мы бгым узыдэкIыджэ зыщэджэгъо гъогу, – ыIуагъ. – Нартхэр зэIукIагъэу зэхэтых, укъалъэгъут.

Шэбатныкъо ежьи дэкIыгъ бгым. Нартмэ къалъэгъугъ чыжьэджэ.

ЛIэр лIы пхъашэу зэтесы, лIы гъэнэфагъэу. ИхьэпаныйтIо чIылъэм щэлъэразэх. Итхьаркъо IэситIу къалъэрэзахьэу, Шэбатныкъо шъофым къихьагъэу къакIоу алъэгъугъ нартэу зэIукIагъэмэ. Нартмэ якъэрэгъулэу пчъэIупэм Iутмэ чыжьэу къыщалъэгъугъ:

– Шъуезэрэгъашкэ, шъуезэрэгъашъо шъхьам, мый зы шыу къакIошъ, нартхэр лъэпкъынчъэу шъуехъулIэнджэ сэщынэ. Ихьэ къыхигъэшъутырэр итхьаркъо IэситIумэ къаубытэу, ишы лъэгуандж'эм къэсэу чIыгу гъугъэр пхыритхъэу къакIо! – ыIуагъ. – Ишы тхъубэу къыпызырэр щамсый къыфэхъужьы. А фэдизджэ мэхъэшагъоу къакIо, – ыIуагъ.

Къэсыгъ зэIукIэм.

Шэбатныкъо ежьэнэу зэхъум, моущтэу риIогъагъ янэм:

– Сэнэфыбжъэхэр ешъохэу аIыгъыт. Уятэ Орзэмэджым сэнэфыбжъэу ратыгъэм щэджыблэ хэлъ ыгъэлIэнэу. Джы узынэсыджэ, уилъэгъугъэп, уятэ урикъомэ, ышIэтэп. ПсэукIэлэжьакIэу нартхэр зэрэлэжьэтэр къафеIуатэшъ, пчэгум ит, – ыIуагъ. – Ар къызиIотахэджэ сэнэфыбжъэм ешъот. Ащ емышъогоу уятэ къэджэт:

– Нартхэр, мыщ темышъогоу лъэгъун зиIэм къерэIу. Тызешъуахэджэ ишIуагъэ къэкIожьытэп къапIорэм, ыIонышъы. Ащ ыужджэ: «Сэ лъэгъун сиI!» Iуи джэ, амэ бэшъ къекIолIагъэр къыбнэсытэп. Iухьэри Iанэу зыкIэлъырысым екIуалI занкIэу, сэнэфыбжъэу ыIыгъэр ыIэгу итэу щыт, – ыIуагъ. – Уичатэ къихри, узэрэIухьагъэм тетэу еуи IэкIэут, – ыIуагъ. – IэкIэути, щэджыблэр сэнэфыбжъэм къыхэзыт, – ыIуагъ. – Уятэ зыгъэлIэтагъэ щэджыблэр къызыхэзэу джэхашъом къызытефэджэ, чатэмджэ еуи зэпыупкI. КъызэкIакIуи уцужь яжэу. ЗэIукIэр къаухыт, – ыIуагъ. – Къежьэжь, – ыIуагъ. – Iоф адыуиIжьэп. Къежьэжь!

Шэбатныкъо къежьэжьыгъ, ихьи ибгъи зэкIыгъоу. Ятэ Орзэмэджым шыу къылъыригъэжьагъ:

– СагъэлIэтагъэу мы нартмэ, сыкъэзыгъэнагъэр сымышIэу мэкIожьы, – ыIуи.

КъыкIэхьагъ Шэбатныкъо шыоу къакIорэр.

– А кIал, – ыIуагъ, – титхьэматэ къыуаджэ, – ыIуагъ.

Къыгъэзагъ Шэбатныкъо. Къыгъази ыдэй къызыIохьэм, ятэ Орзэмэджым къыриIуагъ:

– А кIал, нартмэ сагъэлIэтагъэу сыкъэбгъэнагъ, ау узыщыщэр тшIэрэп, – ыIуагъ.

– Сэ сызыщыщым Iоф дыуиIэп, – ыIуагъ. – Шъуиунэ ошIэжьмэ, кIожь, – ыIуагъ. – Икъугъ апэ узэритыгъэр.

Шэбатныкъо къежьэжьишъы, зы мафэджэ къэсыжьыгъ.

– Шъыд къэбар къэпхьыгъ, сикIал? – Сэтэнае ыIуагъ.

– Тян, згъэцэкIагъэ зыфэпIуагъэр зэкIэ.

– Дэгъу, – ыIуагъ, – бгъэцэкIагъэмэ. ЧIыунэм чIэхьажьыгъ ши лIи.

Ятэ Орзэмэджэр чэщ-мэфэ заулэ къэти, къэкIожьыгъ.

Ай фэдэу лIыжъэр къызыдэхьажьыджэ ныор пэгъокIы ишэныгъ. ЛIыжъэр лъэшэу чэфынчъэу къыдэхьажьыгъ щаум.

Унэм къырищэжьи гъомылэпхъэ IашIоу ышкытхэри зэблихыгъэх, ау, лIыжъым гукъанэ зэриIэр пшIэнэу, ышкыгъэ щыIэп. Сэтэнае риIуагъ мощтэу:

– Адэ, лIыжъ, нэгушIоу, чэфэу укъэкIожьытыгъ. Шъыд къыохъулIагъ?

– Сэ къысэхъулIагъэ щыIэп.

Ары шъхьэй, фигъэгъугъэп ныом. Ныом къэбар ешIэ.

Ныор ыужы имыкIыхэу кIэкIэупчIахьэ хъуи, къыригъэIуагъ лIыжъым гухэкIэу иIэр.

– А ныу, – ыIуагъ, – орыджи гухэкI сиIэп, – ыIуагъ. – Гукъани сиIэп. Ау гукъанэу сиIэр нартмэ сагъэлIэтагъэу сыкъэзгъэнэжьыгъэр зыщыщ зэрэсымышIэрэр сигукъан, – ыIуагъ.

ЛIыжъым ныор етхьагъэпцIэкIи:

– А лIыжъ ащ фэдэу къо уиIэнджэ пшIэмэ, шъыд а фэдизэу къэпштэн мылъкуджэ?

– Е ныу, – ыIуагъ, – ар къэпIон плъэкIынэп, мылъкоу ай ыуасэр. Хэкоу тэ тызэрысым мылъкоу илъым ыпэу къэсштэн, – ыIуагъ.

– Моущтэу осIогъагъэба, лIыжъ, – ыIуагъ. – КIалэ горэ шIокIодыжьыгъ осIогъагъэба?

– КъысэпIогъагъ!

– КIалэр къызэхъум, умышIэу мый фэдэрэ лIыжъырэ мый фэдэрэ ныожъырэ язгъэпIугъ. ЯзгъэпIугъэр чIыунэм чIэс, – ыIуагъ, – мо къакIо, лIыжъ, – ыIуи, лIыжъэр рищэжьагъ.

– Мырарымэ пшIэжьына укъэзгъэнэжьыгъэр?

– Ары, – ыIуагъ. – СэшIэжьы. Мы хьэри игъусагъ. Мы тхьаркъохэри игъусагъэх.

– Ащыгъум, джар о пкъошъ, о уиIыстыжьыгъу, – ыIуагъ ныом.

Орзэмэджы джар иIыстыжьэу IыстыжьиI, Орзэмэджы пщыгъоу, тетыгъоу иIагъэмрэ IэнатIэу иIагъэмрэ Шэбатныкъо ритыжьи, Шэбатныкъо пщыгъомрэ тхьамэтагъэмрэ къыфэнэжьи, Орзэмэдж тIысыжьыгъэ.

Шэбатныкъо нартмэ ахэхьажьи, нартхэр лъэпкъынчъэ ехъулIагъ. ЗэкIэ ыухыгъ.

Ятэ зэрагъэлIэгъагъэм илъэуасэджэ пщынынджэ нартымэ атырилъхьэмэ, лъэуасэхэр къафимыгъэкъухэу, афэмылъэкIын атырелъхьэмэ, зэрифэхэгоу, Нарт хэкоу ежь зыфэгъэзагъэ хъугъэр ыухыгъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТЫНЫКО. КАК ОН СПАС ОРЗАМЕДЖА

Отца Шабатыныко звали Орзамеджем. <Сам Орзамедж> происходил из чиртов. Он прибыл из Чиртии и явился в старинный дом Аледжей предводительствовать. Был он у нартов предводителем.

Гуаша [супруга] Озермеджа, <Сатанае>, понесла в своем чреве Шабатыныко. Шабатыныко родился во время отсутствия мужа, когда Орзамедж был в отъезде. Когда Шабатыныко родился, в том селении жили бедные старик и старуха, и Сатанае велела им вырыть подземелье. Когда вырыли, она принесла и поместила (букв.: *запустила*) туда младенца. Когда старик [муж / Орзамедж] возвратился однажды, вот что сказала ему Сатанае:

– Эй, старик, – сказала она, – пока ты отсутствовал, мы потеряли одного ребенка. Вон там, на вершине, которую ты видишь, под оградой я его захоронила, – вот так она сказала старику.

Старик долго ли печалился, он примирился с этим.

Сатанае приходила в подземелье, кормила <малыша> грудью и уходила, а старик [Орзамедж] об этом и не знал, вот так в подземелье и вырастили Шабатыныко. Туда она *запустила одного голубя*, чтобы вместе <с мальчиком> воспитать, двух щенков запустила, чтобы вместе <с мальчиком> воспитать, одного жеребеночка двухлетку запустила, чтобы вместе с мальчиком рос. До тех пор, пока возраст такой не подошел, когда юноша мог дела делать, он находился в подземелье, не видя света.

Когда его отец, Орзамедж, был на нартском собрании, нарты задумали его погубить. Сатанае вошла в подземелье, вывела Шабатыныко на свет, вывела вместе с ним и его коня, и его собаку.

– Куда ты меня привела?

– Это то, что называют дунае [белым светом], сын мой, ответила она, – я тебя растила, я тебя готовила ради одного такого дня, как сегодня. Нарты убьют сегодня твоего отца Орзамеджа. Если сегодня не успеешь явиться <на собрание нартов>, то считай, что до отца твоего тебе уже дел нет [считай, что ты лишишься своего отца]. Отправишься ныне и поедешь в старый дом Аледжей. Кого бы ни встретил, спрашивай, – сказала, – всякого встречного. По <берегу> Дона поедешь, – сказала, – Через Пшизу переправишься, – сказала.

Аледжевых дом белый длинный, – сказала, –

Дом перекосившийся,

Много опор имеющий,

Ограда (букв.: *бревно*), перед ним находящаяся, коню по грудь – такой высоты.

Переправа через Пшизу – для твоего фары – до его боков, – сказала. – Фаре тонкому, что под тобой, нанесешь удар плетью, и одна дева прекрасная по имени Акуанда, что сидит на балконе, осматриваясь, краем глаза тебя приметит. К стене, за которой она сидит, подскачешь, – сказала, – навстречу тебе она пойдет, – сказала, – эта Акуанда. – «Добро пожаловать, наш гость, нам дорогой, – скажет она. – Если наш бог позволит, нам хочется тебя

угостить», – скажет она, идя тебе навстречу. Сама она из нартов и у нее на уме остудить тебя, подольше задержать. «Если бог нам позволит, нам хочется тебя угостить», – скажет та женщина. «Я не муж, охочий до еды-питья!» – скажи ей, – сказала. – Я наездник-воин! Старому Аледжевых дому я важный гость, подскажи, <где он>» – спроси, – сказала.

<…>

– И это найдешь [это никуда не денется], добро пожаловать, наш гость.

– Я не муж, охочий до еды-питья! Мне нужен дом Аледжевых, подскажи, – сказал он, – если знаешь.

– Аледжевых дома ты достиг, это уже недалеко. Ты его найдешь. Как на эту гору поднимешься, дальше всего полдня пути, – ответила <Акуанда>. – Нарты уже стоят там, собравшись, они тебя приметят.

Шабатыныко двинулся и поднялся на гору. Нарты увидели его издали: муж на вид суровый, муж бывалый. Его две борзые собаки по земле кружат, его два ручных голубя <в небе> кружат. <Вот таким> выехавшего на чистое поле увидели Шабатыныко собравшиеся нарты. Нартский сторожевой, что стоит у дверей, первым его издали увидел:

– Вы едите-пьете, а сюда один всадник едет, так вот, я боюсь, что через него нарты без роду останутся. Того, что его собаки выгонят, его ручные голуби ловят, а конь его по самые колени ров по иссохшей земле прорывает, вот как он едет! – сказал он. – Пена, падающая с его коня, ему укрытием служит – вот как он едет, – сказал.

Прибыл он на сборище.

<Еще> когда ему настала пора ехать, мать так наказывала:

– Они будут в руках держать чашу *светлого сано*. В чаше светлого сано, что подадут твоему отцу Орзамеджу, сидит ядовитая змея, чтобы его погубить. Когда ты доберешься туда, твой отец тебя не заметит, он не знает, что ты его сын. Он стоит у [напротив] входа и рассказывает нартам, как им жить-быть, как работать, – сказала. – Когда он это выскажет, <тут же> выпьет чашу светлого сано. Но прежде чем выпить, твой отец кликнет:

– Нарты, *покуда мы это не отведали,* у кого какие заботы есть, пусть скажет. После того, как выпьем, его слова не будут иметь значения. – Вот так он скажет.

Вот после этого ты подай голос: «У меня есть забота!», а не то там собравшихся много, может тебе и не достанется… Продвигайся и прямо подойди к столу, за которым он сидит, он там будет стоять с чашей светлого сано в руке, – сказала. – Обнажи свой меч сразу, как подойдешь, ударь и выбей чашу из рук, – сказала. – Выбей из рук, и ядовитая змея из чаши со светлым сано упадет, – сказала. – Как упадет ядовитая змея, что должна была убить твоего отца, как она упадет на пол, ударь мечом и разруби ее. Затем отступи и стань в стороне. Там встреча и завершится, – сказала. – <Тогда> возвращайся, – сказала, больше тебе там делать нечего. Возвращайся!

<…>

Шабатынько повернул назад – вместе со своими собаками и своими орлами. Отец его, Орзамедж, послал следом за ним всадника, сказав:

– Спасший меня от нартской среды, желающей меня погубить, уезжает, а я его имени не узнал.

Догнал тот всадник Шабатынько:

– Эй, парень, – сказал он, – наш предводитель зовет тебя, – сказал.

Повернул назад Шабатынько. Повернул он, и когда подъехал, его отец Орзамедж ему сказал:

– Эй, парень, ты спас меня от нартов, готовых меня погубить, только мы не знаем, чьих ты будешь, – сказал.

– Чьих я буду до того тебе дела нет, – ответил <Шабатынько>. – Если знаешь, где ваш дом, возвращайся домой, ответил. – Хватит, сколько ты был первым.

Шабатынько развернулся и за один день прибыл домой.

– Какие вести принес, сын мой? – спросила Сатанае.

– Мать, я исполнил все, что ты сказала.

– Браво, – сказала, – если исполнил.

И конь, и мужчина ушли в подземелье.

Его отец Орзамедж несколько дней-ночей еще отсутствовал [был в пути] и <только потом> добрался до дому.

Когда старик вот так возвращался, было в правилах, чтобы старуха выходила ему навстречу. Старик въехал во двор сильно расстроенный. Ввела она его в дом, и разные вкусные угощения, что он захотел бы отведать, принесла, но, судя по всему, старик был так расстроен, что мало чего поел. Сатанае спросила его вот так:

– Ну, старик, обычно ты возвращался веселый и чуть под хмельком, а что <ныне> с тобой случилось?

– Ничего особенного со мной не случилось.

Однако старуха так просто не отстала от него. Она <ведь> знала правду. Она так настойчиво стала его расспрашивать, что вынудила его рассказать обо всех переживаниях.

– Эй, старуха, – сказал он, – что касается тебя у меня никакого недовольства нет, – сказал. – Но я расстроен тем, что не знаю того, кто меня спас, когда нарты хотели меня погубить, – сказал.

Старуха пошла на хитрость:

– Эй, старик, если бы ты узнал, что у тебя есть такой сын, какому бы богатству ты это предпочел?

– Э-э, старуха, – ответил он, – ты выговорить не сможешь, чему это можно приравнять. Я это предпочту всему добру, что есть в стране, где мы живем, – сказал.

– Я <однажды> говорила тебе, старик, что у меня ребенок погиб <при родах>, говорила?

– Говорила.

– <Так вот,> когда ребенок родился, я втайне от тебя отдала его такому-то старику и такой-то старухе на воспитание. Тот, кого они воспитали, находится в подземелье, – сказала, – вот поди-ка сюда, старик, – сказав, она повела старика <в подземелье>.

– Если он, узнаешь ли того, кто тебя спас?

– Его, – сказал <Орзамедж>, – узнаю. И эти собаки были с ним, и эти голуби были с ним.

– Коли так, это твой сын, и тебе пора уйти на покой (букв.: *сесть*), сказала старуха.

Вот так Орзамедж ушел на покой. И княжение, что он держал, и предводительство, что он держал, он передал Шабатыныко. Княжение и предводительство достались Шабатыныко, а Орзамедж ушел на покой. Шабатыныко ушел к нартам и извел весь нартский род. Всех покончил. За то, что они погубили [хотели погубить] его отца, он на них наложил такую плату за кровь, которую они не могли выплатить, а по этой причине он их притеснял. Вот так он покончил с нартским краем, который ему достался.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 32–36. Исп. Махамод Хашханок: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 18.05.1959 г. З. Керашева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст повторяет основные мотивы предыдущего: так же отцом героя называется чужеземец из «страны чиртов», совпадают имена родителей героя и центральные сюжетные элементы (негативное отношение к Орзамеджу со стороны нартов, дальновидность Сатанае, которая прячет героя в подземелье именно для неожиданного для всех вызволения Орзамеджа, обреченного на ритуальное умерщвление), описание поездки героя на собрание нартов, сцены встреч в пути и спасения отца и пр. Несмотря на то, что текст прозаический, в нем фрагментарно проявляются элементы поэтического ритма и некоторые атрибуты стихотворной организации текста (звуковые и лексические повторы, организующие ритм, а также высокая концентрация характерных образных выражений). В стилевом отношении текст больше сохраняет соответствия системе эпических атрибутов. Но при этом налицо фрагментарность отдельных частей, свойственная сказителям, которым не приходится систематически исполнять то или иное произведение. Так, после эпизода наставлений матери, где упоминаются предстоящие герою встречи и свершения, в повествовании налицо лакуна: выпадает пространный фрагмент, в котором должны излагаться сами события – встреча с нартским пастухом, прибытие к дому, где живет «соблазнительница», наконец, описание самого центрального эпизода избавления отца. Между тем именно такие «дубли» – вначале в наставлениях матери и только затем как описание совершающихся событий – и призваны создать художественное повествование с подлинно эпической масштабностью. Сказитель «перескакивает» сразу на диалог героя с «соблазнительницей». Затем повествование возвращается к наставлениям матери перед отправкой героя, а далее вновь фрагмент прерывается описанием действий уже после избавления отца.

«***...запустила одного голубя***» – видимо, это оговорка сказителя: и по смыслу и содержанию в других вариантах фигурировать должны или *орлы,* или *соколы.*

Светлое сано: сано – хмельной напиток, приготавливаемый и выдерживаемый длительное время в большом сосуде. При созревании он образует несколько слоев, каждый из которых имеет свое название – «*светлое сано*», «*красное сано*», «*темное сано*» и пр. первые три считаются престижными, причем из них самое почитаемое – это «*светлое сано*».

«***... покуда мы это не отведали***» – в старину на торжествах все пирующие, составляющие один круг, выпивали из одной большой чаши: тамада, произнося тост, отпивал из чаши и затем пускал ее по кругу; поэтому здесь глагол и употреблен в форме множественного числа.

8. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКЪЭХЪУКІ. ЯТЭ КЪЫЗЭРИГЪЭНЭЖЬЫГЪЭР

Шэбатныкъо къежьагъ, ышІэтхэр янэ къызыреІуахэм. Ибгъэшхъо Іасэ ышъхьагъджэ щыфарзэу, ихьэпание шэр къыгъэлъэрэзахьэу, Тенэ къырыгъуази, Пшызэ иикІыгъончъэр шы чэпэпсы фэмыхъоу къикІыгъ. Нартхэмэ ячэмэхъожъы губгъом къыщыІукІи, «бэхъу-бэжъу» ыІуи, сэлам къыщырихыгъ, зыригъэлъэтэхи, чэмэхъожъым ыбыдзи зыІуилъхьагъ.

– Нарты ячэмахъоу Тхьам бэу зэригъэхъун, Іалэджы унэ тащджэ гъэзагъа? – ыІуи Шэбатныкъор еупчІыгъ.

– Іалэджы яунэ сэ шъыд фэсшІэн? – ыІуагъ чэмахъом. – Сэ сыІэхъолъахъу, сыхъорэлІыкІ, сычэмэхъожъ, чэщэу сыкъыдэкІы, чэщэу сыдэхьажьы. ЗэраІоу зэхэсхыгъэр осІон:

Унэ къебэ-наб,
КІэсэныбэ кІэт.
КІэсэнэу кІэтэр цуиймэ зэрафащ,
ПэІулъашъоу Іулъэр шы бгъэлыбэм къэсы,
Зы гуащэ исышъ, баджэм зыдегъазэ,
Цызэу къырыдэкІы,
Иджэхэшъуакіэ итхьэмэфакІу,
ЛэгъунэкІо шъаомэ пчъэІур аутагъ,
Уифарэ хэускІутэмэ, укъэукІытэжьын.

– Нарты ячэмэхъожъ, зы псынжъы сыІукІэмэ, сифарэ хэускІутэнэу, зы хьабз сыІукІэмэ, сыукІытэжьынэу, Чыты сыкъикІи Нарты сыкъэкІуагъэп сэ! Ахърэтыкъом серэмынэгуери, Іэхъомбэ бармэкъым учІэзгъэпшын, – ыІуагъ Шэбатныкъо.

Нарт Шэбатныкъо ифэрэ псыгъо къызэкІекъузэ,
Идэнэ кІэпщ чапэм щегъабзэ,
Шы лъэгум къычІэзырэр
КІочІэф-кІочІапцІэу ошъуапщэм дефые,
Ихьэ къыхигъэщтырэр ибгъашхъо еубыты...

КъакІозэ, Іалэджы яунэ къытеплъагъ. Іакондэ-дахэу Іалэджы япшъашъэр щэндакъэм исыти, зэплъэм шыор ылъэгъугъ.

Пшъашъэр дышъэ папыщитIумэ къарыпкIи, щэндакъэр щэ пкIэгъу фэмыхъоу пытым къэсыжьыгъ.

– Тянэжъ-гуащ, зы шыу нэплъэгъум къихьагъэшъ, Чыт къимыкIыгъэмэ, Нарты къихъуагъэп фэдэ! Шэбатныкъоу зигугъу тшIырэр арэу сшIошIы, а къакIорэр, – ыIуагъ Iакуандэм. – ШIыгъэ щыIэмэ, ухьазыры, мышI щыIэмэ, шIэхэу ыужы ихь, тян, – ыIуагъ.

А пшъашъэм Шэбатныкъо фэшъхьаф дэмыкIонэу ыIотыгъ. Шэбатныкъо къызэрэхъутэр ащ ышIэу щытыгъ, ежэтыгъ. Арыти, къэхъугъахэми ымышIэу, зэрэтеплъэу ышIагъ зэрэ-Шэбатныкъор.

Iакондэ-дахэм янэ гуащэм иджэнэ IэкIэпитIу диупкIи, ыIэлджэнэшъуитIу дигъэчэрэзэягъ, шIыгъахэу щыIэр къыгъэхьазырыгъ, пщэрахьынэу ыуж ихьагъ.

Шэбатныкъор ябылымышку лъэшэу! А заулэр аIофэу, ашIэфэджэ Шэбатныкъор къэси, къыдэхьагъ. Iакуандэ икIыгъэу дэтыти, пэгъокIи риIуагъ:

– Еблагъ, тихьакIэу тикIас!

– Тхьауегъэун! – ыIуагъ Шэбатныкъо. – СыхьакIэ гъозадж сэ, Iалэджы яунэу нартхэр зыщызэхэсым сыщыгъозаджэшъ, сэгъэлъэгъу.

– Ау умыIо, еблагъ, тихьакIэ, тицугъо бжъэпэплъ фядгъэукIын, тигъэлъэхъу пщэри щыпсы фядгъэшIын, тисэнэф кIади фядгъэушъхьасын, ти Iакуандэ-дахи пшъхьэ хэдгъэуIон, – ыIуагъ пшъашъэм.

– Сыешкэ-ешъуакIоп,
СылэгъунэкIо шъаоп,
Шъуицугъо бжъэпэплъ тыгъужъым елI,
Шъуигъэлъэхъу пщэри псэхалIэ ехъуахь,
Шъуисэнэф кIадэ ычIэджэ екIошъ,
Шъуи Iакондэ-дахи тыщылIэ ТхьэешI.

– Iалэдж яунэ тары сIуагъэшъ, сэгъэлъэгъу, – ыIуагъ Шэбатныкъо. ЛIэр чэмахъом къызэкIигъэгубжахьыгъэу къэсыгъ!

– Мы унэшкоу цIыфыхэр къызэрыщырэр ары, – ыIуи, пшъашъэм унэр ригъэлъэгъугъ.

Шэбатныкъо епсыхи, шэр шышIоIум рипхыгъ. КIуи, унэ пчъэIум Iухьагъ.

Ятэу Орзэмэджым бжъэр ыIыгъэу Iанэм Iусэу, цIыфмэ къяджэтыгъ:

– Къэбарэу къышъуфэтIотагъэм щыкIагъэ иIэмэ, къэзыIотым къерэIу, гукъанэ зиIэми игукъанэ джы дэдэм къерэIу, къымыIоу мы бжъэр зисшъуджэ, итIанэ ишIуагъэ къэкIожьытэп. Нарт хасэм ыIуагъэр игъуа, игъуаджа? – Орзэмэджы ыIоу ыкъо зэхихыгъэ.

Зызэхехым, макъэ ыгъэIугъ:

– Сэры лъэгъун зиIэр. КъэсэбгъаIомэ, къэсIот, – ыIуи, Шэбатныкъо джагъэ.

– Хэты щыщыми къэжъугъакIу ар зыIорэр? – ыIуи, нарт Орзэмэдж къэджагъ.

Щыфмэ гъогу рати, Шэбатныкъор ахэхьагъ. Апахьи, Iанэм Iухьагъ. Орзэмэджы еIэшъхьауи, бжъэр IэкIиутыгъ. IэкIиути, Iанэм тыригъэфагъ. Бжъэр убэтагъэ. Щэджыблэу хэлъым зыкъимыIэтызэ, Шэбатныкъо ичатэ къырипхъоти, зэхиупкIэтагъ.

ЗыкъызэригъэзэкIи, чатэджэ къызэом, Iалэджыпщэу шхъор зэхэзылъхьагъэм ытхьакIумэ къыгуигъэзыгъ.

Нартхэр пчъэм факIохэу къежьэжьыгъэх.

– Зэ шъукъызэтеуцу, нартхэр, – ыIуи, атехъупкIи къыгъэуцугъэх.

– Нарт Орзэмэдж IотэжьакIоу шъуапэ ижъугъэуцуагъ. Iалэджыпщым ар ымыдэу Орзэмэдж ыгъэлIэнэу ибжъэ щэджыблэ хилъхьагъи, мары шъуеплъ, джары сшIагъэр зытесшIахьыгъэр, – ыIуи, Шэбатныкъом Iалэджы игухэлъ нафэ къышIыгъ.

– А сикIал, зэ къэуцу, къэуцуи сыздэгъэгущаI, – ыIуагъ Орзэмэджы. – Сэ сшIотхьамыкIагъор, лIыгъи зепхьагъ, ау о узыщыщэри зэрэсымышIэрэр ары.

– Сызыщыщым о Iоф дыуиIэп, шъуиунэ ошIэжьымэ, кIожь, – ыIуи, Шэбатныкъо къыдэкIыжьыгъ.

Шэбатныкъо ежьэжьи, а мафэм нэсыжьыгъ. Нарт Орзэмэджи ежьэжьи, тхьамафэрэ тетыгъ.

Шэбатныкъо зынэсыжьым, янэ къеупчIыгъ:

– Шъыд къэбар къэпхьыгъ, фэмыф?

– ЗыфэпIуагъэр згъэцэкIагъэ, тян, – риIуагъ.

ЛIыжъ цIыкIумрэ ныо цIыкIумрэ къычIэкIыхи, шэри, хьэри, бгъэри, ежь Шэбатныкъуи чIыунэм чIащэжьыгъэх.

Орзэмэджи къэсыжьи къепсыхыжьыгъ. Идышъэ бэщ ынатIэ кIигъакъуи, жатIэм чIэтIысхьажьыгъ.

Сэтэнае къежьи, лIыжъым дэжь къэкIуагъ.

– Фэсыжь апщи, лIыжъ, – ыIуагъ шъузым. МэкIэ-мэкIэ дэдэу, ымакъэ къимыкIышъоу:

– Тхьэуегъэпсэу! – ыIуагъ илIы.

– Адэ, лIыжъ, шъыдэу учэфынчъа? Учэфэу укъэкIожьы уишэныгъэ, джы шъыд къэхъугъа? – ыIуи Сэтэнаер еупчIыгъ.

– Сычэфынчъэп, ныу, ау кIо гъогум сытеплъахьыгъаIошъ ары нахь, – ыIуагъ Орзэмэдж.

Ныом къэбар ышIэти, ащ нахьышIоу шIохиубытаIоу еупчIы хъугъэ.

– Къиныбэ сщэчыгъэ, сыпшъыгъ, джары сызкIэмычэфэр, – ыIуагъ Орзэмэджы. – Къэбар осIотэт. КъысэхъулIагъэр тхьамыкIагъу, шъхьакIо. Нарты ябжъэ сIытъэу пчэгум ситэу, фэдэ илъэс пэсыджэ щыIэкIэ-псэукIэу нартхэмэ яIэтэу, хасэу яIэм зэхилъхьэгъэ Iофэр къафэсIотэжьыгъэу, зы кIэлэ шыу горэ къыдахьи, зэIукIэм къахэхьагъ. ЗэIукIэм иаужырэ мафэу щытыти, бжъэр сIыгъэу: «хэты щыкIагъэ иI?» сIоу сыкъэупчIэзэ, «сэ сиI!» ыIуи а кIалэр къахэкIыгъ. Садэжь къыIухьи, бжъэу сIыгъэр сIэкIиутыгъ, ичатэ къырипхъоти, щэджыблэ къыхэкIыгъэти, къэогъу римыгъафэу ыупкIэтагъэ нахь, щэджыблэр хэлъэу санэм сешъуагъэмэ, къозэу сыригъэшъытыгъ. А слъэгъугъэм нарт япый къелытэп, иныжъмэ якIодыгъо къэсыгъ. Ау анахь сыгу къеожьырэр ащ фэдизэр зыгъэхъэгъэ кIалэр зыщыщэр зэрэсымышIагъэр ары, – ыIуагъ Орзэмэдж.

– О, лIыжъ, а кIалэм фэдэу къо уиIэнджэ пшIэмэ, шъыд фэдэ былым апэу къэпштэна? – ыIуи, шъузэр къеупчIыгъ.

– Дунэе былымэр шъыд сшIын, ащ фэдэ къо сиIэнджэ сэрэшIи, дунаем тет былымэр щытыми, къэсштэн, – ыIуагъ нарт Орзэмэдж.

– Арымэ, моу къакIо, лIыжъ, – ыIуи, Сэтэнаем Орзэмэдж рищажьи, чIыунэм чIищагъ.

– Мырымэ пшIэжьына а кIалэр? – ыIуи ныор къеупчIыгъ.

– Ары, мы хьэри игъусагъ, мы бгъашхъори игъусагъ, мы шыми тесыгъ, мы кIалэри ары, – ыIуагъ.

– Адэ, ащыгъум, джар о пкъо, лIыжъ. Илъэс пшIыкIутф-пшIыкIухыджэ узэкIэбэжьымэ, кIалэ горэ «ыпсэ пымытэу» къэхъуи, чэу лъапсэм чIэстIэжьыгъагъ осIогъагъэба? – ыIуагъ Сэтэнаем.

– Ары, къэри сэбгъэлъэгъугъагъэ, – ыIуагъ Орзэмэджы.

– Ащыгъум къэхъугъагъэр мыры, нарт Шэбатныкъу ары. Къызэхъум, Шэбатныкъу фэсыусыгъагъ. Мы лIыжъымрэ ныожъымрэ шъэфэу чIыунэ чIэгъым щязгъэпIугъ, а мафэр ары зыфэспIугъэри, – ыIуагъ Сэтэнае.

А чIыпIэм Шэбатныкъо нафэ къыщыхъугъ.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ШАБАТНЫКО. КАК ОН ОСТАВИЛ ОТЦА В ЖИВЫХ

Шабатныко выехал, как только мать объяснила ему, что надо делать. С серым орлом прирученным, который кружился над ним, с лающей борзой, бегающей вокруг коня, имея на примете *Тен*, он преодолел *Пшызу*, не замочив боков коня. В степи он повстречал нартского коровьего пастуха могучего, приветствовал его, сказав «*бэху-бэж*» (букв.: *много пасти-много изобилия*), махом слетел с коня и *приложился к груди коровьего пастуха могучего*.

– Нартский коровий пастух могучий, да приумножит Бог твое стадо, в какой стороне дом Аледжей? – сказав, спросил Шабатныко.

– На что мне дом Аледжей? – ответил коровий пастух могучий. – Я пастух подневольный, я предмет насмешек, я коровий пастух, затемно я выхожу, с темнотой возвращаюсь. А что говорят, как слышал, так тебе и поведаю:

Дом покосившийся,
С множеством подпорок,
Подпорки, что стоят, восемью волами приволочены.
Заграждение, что выложено, по грудь коню достает.
Там одна гуаша живет, лисицей поворачивается,
Белочкой выступает,
Путь до порога она за неделю проходит,
Парни, охочие до посиделок, пороги истоптали,
Если твой фара оплошает, опозоришься.

– Нартский коровий пастух могучий, не для того я из Читии уехал и в Нартию приехал, чтобы, если я одну лужицу встречу, оттого мой конь оплошал бы, если одну суку повстречаю, оттого я опозорился бы! Не считаясь с тем, что будет за это в *Ахирате*, заставлю тебя проползти под большим и указательным пальцами, – сказал Шабатныко.

Нарт Шабатныко своего тонкого фару затягивает <в ремни>,
Шелковую плеть на боках <коня> звучать заставляет,
То, что из под копыт коня вылетает,

Белыми птицами-черными птицами в небеса поднимает,
То, что его собака выгонит, его серый орел ловит…

Едучи так, увидел он дом Аледжей. Акуанда прекрасная, девица Аледжей, на балконе сидела, и когда глянула оттуда, увидела всадника. Девица прыгнула в золотые *папыщи* и в три прыжка вернулась в дом.

– Мать наша милая *гуащ*, в виду показался один всадник – если он не прибыл из Читии, то в Нартии такого не рождалось! Чудится мне, что этот скачущий сюда всадник тот Шабатныко, о котором мы <много> говорим, – сказала Акуанда. – Если есть готовое, то ты готова, если не готово, поскорее примись, мать, – сказала.

Та девица зареклась выходить за кого-либо замуж кроме Шабатныко. Она ведала, что Шабатныко должен явиться, она ждала его. Вот так, не ведая о том, что он уже появился, она с одного взгляда узнала, что это Шабатныко.

Мать-гуаща Акуанды прекрасной подоткнула полы своей сорочки, закатала рукава своей сорочки, достала то, что было наготове, принялась стряпать.

Очень им дорог Шабатныко! Пока они так суетились и готовились, Шабатныко сам прибыл, въехал во двор. Акуанда во двор вышедшей была, и пошла ему навстречу и так сказала:

– *Еблаг* (добро пожаловать), гость наш дорогой!

– *Тхауегаун* (да одарит тебя Бог благополучием)! – ответил Шабатныко. – Я гость, цель имеющий, ищу дом Аледжей, где нарты сидят, укажи мне его.

– Не говори так, добро пожаловать к нам, гость наш, мы в твою честь нашего быка бурого краснорогого пожертвуем, нашего валуха жирного на соус пустим, нашего белого сано кадку откроем, нашу Акуанду прекрасную усадим твою голову почесать, – сказала девица.

– Я не еды-питья искатель,
Я не по чужим лагунам завсегдатай,
Вашего бурого быка краснорогого пусть волк загубит,
Ваш валух жирный пусть сам подохнет,
Кадка вашего белого сано пусть снизу вытечет, и
Ваша Акуанда прекрасная в своем роду [не выходя замуж] пусть божьей волей помрет. Я спросил, где Аледжей дом, ты мне его покажи! – сказал Шабатныко. Он прибыл рассерженный еще пастухом коров!

– Это вот этот большой дом, где люди находятся, – сказав, девица показала дом <Аледжей>.

Шабатныко спешился и привязал коня к коновязи. Направился и подошел к порогу дома.

Его отец Орзамедж сидел за столом с чашей в руке и обращался к людям:

– Если есть недосказанное в рассказанных нами вам *хабарах*, пусть кто хочет, тот скажет, у кого на душе недовольство, пусть свое недовольство сейчас же здесь выскажет; если кто не выскажется, пока я не выпил эту чашу, потом желание его не исполнится. Верно ли, неверно ли то, что было сказано нартской хасой? – такие слова Орзамеджа услышал его сын.

Услышав, он подал голос:

– Это я имею что сказать. Если позволишь говорить, я скажу, – подал голос Шабатнико.

– Чьих бы он ни был, пропустите сюда того, кто это говорит! – кликнул нарт Орзамедж.

Люди дали дорогу, и Шабатнико вступил в круг. Вступил он и подошел к столу. Толкнул он Орзамеджа и выбил из рук его чашу. Выбил из рук и уронил на стол. Чаша раскололась. Раньше, чем ядовитая змея поднялась, Шабатнико выхватил свой меч и разрубил ее. Повернувшись, он ударом меча отрубил ухо у Аледжипща [князя Аледжа], который приготовил яд.

Нарты двинулись к двери.

– Остановитесь-ка, нарты! – окликнул он их и заставил всех стать.

– Вы поставили нарта Орзамеджа вперед, как говорящего от вас всех. Аледжипщ, которому это не по душе, пустил в его чашу ядовитую змею, чтобы погубить его – вот посмотрите, что я сделал, почему так сделал, – сказал он так и открыл замыслы Аледжа.

– О сын мой, остановись-ка и дай мне с тобой поговорить, – сказал Орзамедж. – я сожалею, что не знаю, чей ты будешь, хотя ты проявил доблесть.

– Чей я – до того тебе дела нет, если помнишь, где твой дом, отправляйся туда, – ответил Шабатнико и покинул двор.

Шабатнико поехал и в тот же день добрался до дому. Нарт Орзамедж тоже отправился домой и был в пути неделю.

Когда Шабатнико возвратился, мать спросила его:

– Какие хабары привез, *фамыф*?

– То, что ты мне наказывала, я испонил, мать, – ответил он.

Вышли старик и старушка и увели обратно в подземелье и коня, и собаку, и орла, и самого Шабатнико.

Орзамедж тоже возвратился и спешился. Он уселся на месте старшего, подперев голову своим золотым посохом.

Вышла Сатанае и явилась к старику:

– С возвращением, старик, – сказала женщина.

Тихо-тихо, еле слышно:

– Спасибо, – ответил ей муж.

– Так что это ты, старик, такой невеселый? В твоих правилах было возвращаться навеселе, что же нынче случилось? – спросила Сатанае.

– Я не без настроения, старуха, просто потому, что дорога меня немного утомила, – ответил Орзамедж.

Старуха знала, в чем дело, поэтому стала более настойчиво его расспрашивать.

– Я пережил неприятность, устал, потому и невесел, объяснил Орзамедж. – Расскажу тебе, что было. То, что со мной случилось, это недостойно и неприятно. Когда я стоял с нартской чашей в руках и рассказывал хасе о житье-бытье нартов за год, въехал во двор какой-то юный всадник и вошел в круг собравшихся. Это был последний день собрания, и когда я, держа чашу в руках, спрашивал: «У кого есть что невысказанное?». «У меня есть!» – заявил тот парень и выступил вперед. Он подошел ко мне, выбил из моих рук

чашу, что я держал, выхватил свой меч и изрубил ядовитую змею, которая была в чаше, не дав ей возможности ужалить; не то бы, выпил бы я сано с ядовитой змеей, на том месте я бы и отравился. От того, которого я там видел, ни один из врагов нартов не уцелеет, иныжам пришел конец. Но что меня больше всего расстраивает, так это то, что я не сумел узнать, кто же этот юноша, который столько совершил, – рассказал Орзамедж.

– О старик, если бы ты узнал, что у тебя есть такой сын, каким бы ты добром наперво пожертвовал? – спросила жена.

– На что мне добро всего мира, знать бы мне, что у меня такой сын, я бы не променял его на все добро этого мира, – ответил нарт Орзамедж.

– Ну если так, пойдем-ка сюда, старик, – сказав, Сатанае повела Орзамеджа и привела его в подземелье.

– Узнаешь ли в нем того парня? – спросив, женщина спросила.

– Он самый, и эта собака была вместе с ним, и этот сизый орел был с ним, и на этом коне он сидел, и это тот самый парень, – сказал он.

– Ну тогда, старик, это твой сын. Помнишь ли, как лет пятнадцать-шестнадцать назад я тебе сказала, что родился мертвый мальчик и что я его закопала под плетнем? – спросила Сатанае. Это он тогда родился, это нарт Шабатныко. Когда он родился, я назвала его нарт Шабатныко. Вот этому старику и этой старухе я поручила тайно его воспитывать в подземелье, и готовила я его к этому дню, – сообщила мужу Сатанае.

Вот там и стал явью Шабатныко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 36–40. Исп. Едидж Семен: 1866 г.р., а. Пчегатлукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 23.10.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой запись варианта сказания об избавлении нартом Шабатыныко своего отца от ритуальной расправы на пиршестве нартов. Обозначенный в названии сюжет о рождении героя в данной записи не разработан как самостоятельная сюжетная линия.

Тен (*Тэн*) – адыгское название реки *Дон.*

Пшиза (*Пшызэ*) – западноадыгское название реки *Кубань.*

Бэху-бэж (*бэхъу-бэжъу*) – традиционная формула приветствия пастуха у западных адыгов.

«***…и приложился к груди коровьего пастуха могучего***» – здесь явно неудачное использование ситуативного стандарта, чаще встречающегося в волшебных и богатырских сказках: герой сказки прикладывается к груди колдуньи-людоедки и этим не только избегает участи быть съеденным, но и превращает кол-

дунью в союзницу, поскольку этим жестом он становится для нее приемным сыном.

Ахират (*ахъырэт* – арабск.) – здесь – потусторонний мир.

Папыщи (*папыщхэр*) – нарядная обувь знатных дам, по стилю напоминающая босоножки.

Гуащ – западноадыгская форма слова «*гуащэ*».

Еблаг (*еблагъ / еблагъэ*) – традиционная этикетная формула приглашения гостя в дом.

Тхауегаун (*тхьауегъэун*) – одна из традиционных формул ответа на приглашение или на приветствие.

Хабары (*хъыбар / къэбар*) – известия, вести, предания.

Фамыф (*фэмыф;* кабард.-черк.: *хуэмыху – хомух*) – букв.: *ленивый, нерасторопный, неловкий, несообразительный.* Здесь – ироническо-обереговое обращение к младшему.

9. НАРТ ПЩЫ БАДИНОКЪУЭ И ЯПЭ ЕЖЬЭ

Сэтэней гуащэ санэхуафэ ищIат. Езы Сэтэней гуащэр Алыджхэ япхъут.

Моуэ Iухауэ
Мывэ унэжь,
Жыгеижь лъэгу,
Нартыжь джэгупIэ, – жаIэу щызэхуэсу унэжь гуэр яIэт.

Сэтэней абы сагрисефэ щищIауэ, нартыжьхэр щызэхуишэсауэ щызэхэст. Нэхъыпщыр Пщы-Дадэт, гупым я нэхъыжьыр нарт пщы Бадинокъуэ и адэ Албэч и къуэжьыр арт.

Нарт пщы Бадинокъуэ къызэралъхурэ цIыхум къахэмыхьауэ, и шыри езыри щIыунэм щIэту щапIу, ягъасэу, и шым ириджэгуу, сэшхуэм ириджэгуу, и хъыбар зэхах мыхъумэ, цIыхум ямылъэгъуауэ щытт. ЦIыхум яхыхьэми, гъэсаи хъуат, и къарури и акъылри зэщIыхьауэ щауэ хъупат.

Албэч и къуэжьыр санэхуафэм къэтт. Пщы Бадинокъуэ къэзылъхуа Албэч и къуэжьым и фызыр гузавэрт. И къуэм жриIащ:

– Си щIалэ, уи адэр лIыукIыпIэм ирашауэ си гугъэщ, и къэкIуэжыгъуэ махуэ пIалъэм фIэкIащ, гузавэ сиIэщи, хъыбар узогъащIэ.

Адэмрэ и къуэмрэ игъащIэм зэтеплъатэкъым, зэрыцIыхуртэкъым.

– Си анэ, си адэм сыт и шыфэлIыфэ, – еупщIащ <Бадинокъуэ>.

– Езыр нарту щыIэм я нэхъ инщ икIи я нэхъыжьщ, цей хужь быхъу щыгъыу жьантIэм дэсынущ, и шыр пщIэгъуалэ уэгущ, кIэ мащIэу, абы и шыр зыфIэдзам нэгъуэщI фIэдзауэ щытынукъым, – жери анэм и къуэм жэуап иритыжащ.

– АтIэ, апхуэдэмэ, хъунщ, – жери и шым уанэр трилъхьэри и щыпэдэкIыу дэкIащ.

И къуэр щыдэкIым, и анэм:

– Си щIалэ, умыбэлэрыгъ, Сэтэней и щхъухьпсыхьым уIэрыхьэнщ, дзыхь зыхуумыщIыпхъэм хуумыщI, – жриIащ.

– Умыгузавэ, си анэ, сымылІэну сыкъалъхуакъым, къэрабгъэр тІэу малІэ, лІыгъэ зиІэм зэ лІэгъуэщ щІэлъри, сэ схуэдэлІ къызэлъэпауэу сылІэми, сыщІумылъхьэж, лІы хуэдэу сылІэмэ, абы щыгъуэ си уэредадэщ, – жери анэм къыжриІэжащ.

Шы и кІуэкІэу ежьащ, зы теуэгъуэ икІури нартхэ я Іэхъуэм хуэзащ:

– Бохъу апщий, Іэхъуэ цІыкІуу нэщІэпкІэ!
Уи нэр къизгъэпкІынщ,
Нарт хъыбар къызжеІэ!
– Махуэм сыІэхъуэщ,
Жэщым сыхьэдэ хъурейщ,
Зы хъыбари сымыщІэ.
– Нарт хъыбар умыщІэу

Гъуэгущхьиблыр щызэхэкІым щхьэ утет, хьэм хуэдэ! – жери нарт пщы Бадинокъуэ йожьэж.

Нарт пщы Бадинокъуэ щежьэжкІэ, нартхэ я Іэхъуэ цІыкІури кІэлъоплъри:

– Хьэхьей, щауэ хужь Іэпщагъуэу
Бэлэрыгъ зекІуэкІэ!
Уи шыфэлІыфэр сфІэдахэщ,
Уи къэкІухьыкІэр си жагъуэщ.
«Фыз хъыбарщ», – жумыІэмэ,
Зы хъыбари бжесІэнщ:
Сэтэней ди пхъужьщ,
Къан хъыджэбз ди бащэщ,
Санэхубжьэ я кІадэщ,
Вы ехъуа я нышщ,
Гъэлъэхъу пшэри я шыпсщ,
Нартыжьу щыІэр зэхэсщ,
Хъымыщ и къуэжьыр къыщІэсщ,
Сосрыкъуи щІэсыххэщ.
Убэлэрыгъмэ, гъуэгупэ узыр къыуатынщ.
Нарт пщы Бадинокъуэ мэгубжьри,
И Тхъуэжьейм зыреч,
Шы гущІыІум самэрэш щоджэгу,
И шы лъабжьэм къыщІидзар
КъуанщІапщІэу мэхуарзэ,
И шыпэ бзийм кърихуам
Гъуэгу напщІитІыр нелыгъуэ.
Къилъэгъуащ Сэтэней и унэІутым,
Псыхьэ гъуэгум къытетт.
Псы баракъ хыфІидзэри
Сэтэней деж щІэлъэдащ:
– Уэ Сэтэней гуащэ,
Гуащэм я мыфэгъу,
Джэшыр зи дэгушыІэгъу,
Уэри умылъэгъуауэ,
Сэри сымылъэгъуауэ
Зы бэлыхьи къэсащ.
– Сыт и шыфэлІыфэ, куэпэч?
– Шы гущІыІум самэрэш щоджэгур,

И аужьым къуанщIапцIэр щохуарзэ,
И апэм пшагъуэ гуэрэныр пэщытщ.
– Алыхь-алыхь, куэпэч,
И аужьымкIэ щыхуарзэр
И шы лъэгу вабдзэм къыщIидзарщ,
И апэмкIэ пэщытыр
И шы пэщхъыным кърихуарщ,
Ар езыр нарт пщы Бадинокъуэщ.
Къежьащи, къыдэдгъэхьэх.
КъыщIокIри гъуэгупэм къытоувэр.
Нартхэ я щауэр къэсащ,
ЦIыхубзым нэмыс къыхуещI,
Хуэм зищIауэ къыблокI.
УнэIутым жреIэ:
– Нарт пщы Бадинокъуэ,
Чынтыр зи никъуэкъуэгъу,
Хьэгъухуэгъубэщ I,
Ябгэ щIыхьэху,
Хьэхуншэ шу!
Мыр Алыджхэ я унэщ,
Санэхубжьи ди кIадэщ,
Вы ехъуаи ди нышщ,
Гъэлъэхъу пшэри дукIащ,
Сэтэнеи ди пхъужьщ,
Къан хъыджэбзи ди бащэщ, еблагъэ!
– Я санэху кIадэм дзыгъуэ хырырелIэ,
Я вы ехъуар псэхэлIэ ирырехъу,
Я гъэлъэхъу пшэрыр дыгъужьым ирырешх.
Сэ сыешхакIуэ-ефакIуэкъым,
Сэ сылэгъунакIуэ щауэкъым,
Нарт щауэгъу солъыхъуэ.
КъыщимыгъазэкIэ, и добракъыбгъэр иregъэлъагъу.
– А сыбгъэлъэгъуар нартыжь джэгупIэщ, куэпэч!
КъыщымыувыIэкIэ…
– Мывэ унэжь,
Жыгеижь лъэгу,
Нартыжь джэгупIэмкIэ еблагъэ,
Хъымыщ и къуэжьыр къыщIэсщ,
Сосрыкъуэ щIэсыххэщ,
Гъуэгупэ узыр къыуатынщ, – жеIэ Сэтэней гуащэ.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД НАРТА ПШИ БАДИНОКО

Сатаней-гуаша устроила санопитие. Сама Сатаней-гуаша была дочерью Алиджевых.

Там отдаленно
Старый каменный дом <стоял>
Со старыми дубовыми полами –
Место игрищ могучих нартов…
Был <у нартов> какой-то старый дом, о котором так говорили,

где они собирались. Сатаней устроила там сагрисефа, куда пригласила нартов, и все вместе там <однажды> сидели. <Их> предводителем был Пши-Дада, а старшим за столом был отец пши Бадиноко, могучий Альбеков сын.

Было так, что нарт пши Бадиноко с самого рождения не выходил к людям; и его самого, и его коня растили и обучали в подземелье, там он выезживал своего коня, упражнялся с шашкой; люди только слышали рассказы о нем, а его самого не видели. Появляясь среди людей, он вел себя достойно: и по силе, и по уму стал он настоящим наездником.

Сын Альбеков был на санопитии. Мать пши Бадиноко, сноха Альбека, тревожилась. И сказала <она> своему сыну:

– Сын мой, кажется мне, что твоего отца подводят к гибели: срок его возвращения минул <а его все нет>; тревожась по этому случаю, я тебя об этом извещаю.

Отец и сын <до этого> никогда не виделись и не знали друг друга.

– Мать моя, каковы приметы моего отца? – спросил <Бадиноко>.

– Он выше и старше всех нартов, одет в широкую белую черкеску, он будет сидеть на почетном месте; его конь – белый с пятнами, с коротким хвостом; там, где он привязан, других коней не будет, – ответила мать сыну.

– Ну, раз так, хорошо, – сказал <Бадиноко>, оседлал своего коня и пустился в путь. Это был его первый выезд.

Когда сын еще собирался в путь, мать <сказала ему>:

– Сын мой, будь осторожен, <иначе> попадешь в колдовские чары <колдуньи> Сатаней; не доверяй, кому не следует.

– Не беспокойся, мать моя. Я не рожден, чтобы жить вечно; трус умирает дважды, а у отважного – всего одна смерть. Если я умру униженный таким же, как я, – не хорони меня; если же умру, как подобает мужчине, это для меня большая радость, – ответил он матери.

Пустил он коня достойным его ходом, одолел один переход и повстречал нартского пастуха.

– Да умножится твое стадо, пастушок, с глазами навыкате!

Выкачу тебе глаза,

Расскажи мне нартские хабары!

– Днем я – <живой> пастух,

А ночью – скорчившийся мертвец,

Никаких хабаров не знаю.

– Если не знаешь нартских хабаров,

Зачем торчишь у развилки семи дорог, собачье отродье! – сказал нарт пши Бадиноко и поехал дальше.

Когда нарт пши Бадиноко уезжал, нартский пастушок посмотрел ему вслед <и окликнул>:

– Эй, юноша светлый с желтым запястьем,

Бесстрашно разъезжающий!

Твой облик мне по душе,

Твоя манера ездить мне не по нраву.

Бабскими хабарами если не назовешь,

То один хабар я тебе поведаю:
Сатаней – у нас вдова,
Кан-девушек у нас много,
Белого сано – <полная> кадка у них,
Откормленный вол – угощение у них,
Жирный валух – соус у них,
Нарты могучие все там сидят,
И могучий сын Хымыша там тоже восседает,
И Сосруко там всегда сидит.
Будешь беспечным – не минуешь беды.
Гневается нарт пши Бадиноко,
Рвется <с места> его Тхожей,
<Бадыноко> на спине коня самереш танцует,
Что копыта коня выбивают –
Кружится <над ним> стаей грачей;
Что из ноздрей коня вылетает –
Опаляет обочины дороги.
Увидела его служанка Сатаней-<гуаши>.
Она стояла на тропе, по которой носят воду.
Бросает барак [бадью] с водой,
К Сатаней возвращается:
– Уа, Сатаней-гуаша,
С другими гуашами не сравнимая,
Фасоль чья собеседница,
И тобою не виданный,
И мною не виданный,
Кто-то могущественный явился к нам.
– Каковы его приметы, блудница?
– <Он> на спине коня самереш танцует,
Позади него грачиная стая кружится,
Впереди него туман клубится.
– Аллах-аллах, блудница,
То, что позади <него> кружится, –
Это комья из-под копыт его коня,
Что впереди стелется –
Это пар из ноздрей его коня;
Сам он – нарт пши Бадиноко.
Отправился <он в поход>, давай его завлечем.
Выходит <служанка> и становится на его пути.
Нартский наездник прибыл,
<Он> женщине почтение оказывает:
Придерживая коня, проезжает.
Служанка ему говорит:
– Нарт пши Бадиноко,
Чинты чьи соперники,
Завистников много наживающий,
Свирепости подмога,
Ничего в долг не берущий всадник!
Это дом Алиджевых,
Белого сано <полная> кадка у нас,
Откормленный вол – угощение у нас,

Жирного валуха мы зарезали,
Сатаней – вдова у нас,
Кан-девушек много у нас, будь нашим гостем!
– В кадке <вашего> белого сано пусть мышь утонет,
Откормленный вол <ваш> пусть издохнет,
Жирного валуха <вашего> пусть волк сожрет!
Я не любитель застолий,
Я не охотник до чужих лагун!
Я сотоварища себе ищу.

Когда <Бадиноко> не поворачивается к ней, <она> показывает ему свою упругую грудь.

– То, что ты показала мне, – место забавы могучих нартов, блудница.

Когда <Бадиноко> не останавливается...

– Зайди в гости в старый каменный дом
Со старыми дубовыми полами –
Место игрищ могучих нартов.
Там сидит сын Хымыша,
И Сосруко там всегда.
Не миновать тебе там беды, – говорит Сатаней-гуаша.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 6. Исп. Хамид Бевов: 1849 г.р., с. Дейское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. в 1949 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой фрагмент известного по более ранней публикации пшинатля о первом выезде нарта Пшибадиноко. Налицо признаки угасания эпической традиции или же недостаточно высокого уровня мастерства данного исполнителя, что проявляется в смешении прозы и поэтического текста, а также тенденции к лаконичности позднеэпического стиля; в результате песнь сохраняется во фрагменте. Текст публикуется как типичное явление для позднего этапа функционирования живой традиции.

ПЩЫБАДИНОКО.

Нартхе Пҫыбадіноко, къінтыр [1]) зјі ныкокоӈў, јі
Нартовыхъ Пшибадиноко, кинтскій (народъ) коему врагъ; его

зекӏон кыҫоӈа, јі-ш уане трелъӈа,
страсть къ похожденіямъ (его) безпокоитъ, (на) свою лошадь сѣдло накладываетъ,

шыныбепх ҫекузе, зҫекузері машес, лъхӏур ны'ошеӏ-
подпругу подтягиваетъ, обтянувшись садится верхомъ, храбрецъ со двора

сык, макӏогоре мелъej, мегерез јі-зако, бијім кыҫакӏоӈго,
выѣзжаетъ, ѣдучи прыгаетъ, кружится одинокій, враги гдѣ разъѣзжаютъ,

ҫale зераӈ ӷогўго, пҫеӷoale ҫымыгакӏем,
мальчиковъ провозятъ по той дорогѣ, бѣлую лошадь гдѣ не треножатъ,

ӷогуҫӈібl ҫызехекым, нартым ја 'ахӏом ҫы'уҫеҫ:
головы (начала) семи дорогъ гдѣ расходятся, нартовъ (ихъ) пастуха тамъ встрѣ-

„Бехӏў апҫі [2])“, крех.—„Тӈа уjӷапсеу, ҫаутилъ: „Да умножишься“, привѣтствуетъ.—„Богъ да продлитъ твою жизнь, юноша

оф!“—„Je 'ахоз цыкў, нарт хыбар кызже'ат“, жі.
хорошій!“—„Эй пастухъ старый малый, нартскія вѣсти скажи-ка“, говоритъ.

„Je, Бадіноко пҫ, ссе нарт хыбар дене сыҫен, жі,
„О, Бадиноко князь! мнѣ нартскія вѣсти гдѣ узнать, говоритъ,

махо псе'ум с-'ахоҫ, жеҫым ӈаде хурејго сыхелъҫ“.—
день цѣлый я пастухъ (есмь), ночью какъ трупъ круглый лежу“.—

„Ӈаге, уă нарт хыбар ӈумыҫего, ӷогўҫӈібlыр ҫызехекым,
„Итакъ, ты нартскія вѣсти ты не зная, начала семи дорогъ гдѣ расходятся,

сыҫӈа ӈукакого, ӈуҫы'ахоре?“—лъы хахор кагубзҫ, даказ
зачѣмъ пришедши, пастушествуешь?“—Мужъ удалый разсердился, стараго шя

мафего зеҫоне, камшы ҫе ӈоӷор кріzрі, кы'ујӷе-
какъ огонь разгорается, плети три удара ему кинувши, отъ него отста-

зыкыжҫ; зы теоӷуј кікоаго, 'ахоз цыкур
ранился (отдѣлился); одно протяженіе проѣхавши, пастухъ старый малый

гупҫысері, зы псалъі јігў какыжҫ: „Нартхе Пҫыбадіноко
подумавши, одно слово ему припомнилось: „Нартовыхъ Пшибадиноко

kaӷaze!“ ӂi'arі, kelʁgouaç; kiӷazeç jeʾane;—„Физ
вернись!“ сказавши, крикнулъ вслѣдъ ему; повернулъ онъ потомъ;—„Женская

ẋʁbarç, ӂumʁ'am, zʁ ẋʁbar zehecẋāçi, bӂes'anç,“
вѣсть (есть), какъ не скажешь; одну вѣсть я услышалъ, тебѣ скажу,“

ӂi'aç: „Сетанеj ji jeшxe jeфeç, ӷogў çha'um çnsç hap,
сказалъ: „У Сэтанэй (ея) ѣда (и) питье, дорогой надъ сидить она,

kasʁm abʁ çnzaʾfaze [3]), sane
приспѣвающіе тамъ закидываютъ одну за другую (привязываютъ лошадей), вино

xur ji kadeç, vʁ jeẋur ji nʁшç,
бѣлое у нея въ кадушкахъ (есть), быкъ кормленый у нея кормъ (для гостей),

ӷaʌexў пшері hyʾkāç, kan-ẋʁgebz dahemі hudaӷegegunç,
волохъ жирный зарѣзанъ, съ канъ-дѣвушками красивыми тебѣ дадутъ поиграть,

ẋʁgebz dahi je beçeç“, ӂi'āç.—„ham kiʌxoā
и дѣвушекъ красивыхъ у нихъ много есть,“ сказалъ.—„Сучкою рожденный

'aẋoʒ ʾʁkў, c-jeшxaʾke jefaʾkekām sse, c-leӷunaʾko [4])
пастушокъ, для того чтобы ѣсть и пить не я; по лагуне шатающійся

çaokām sse, c-hahuӷo beçkām, c-jebӷaʾçehaxўç, c-ha-
не юноша я, я заимствовавшій много не, я дающій другимъ удаль, я ни-

xunʁe шʁhuç, nart çeoӷў coʌʁʾxў, hyj ʾʁzʁ-
чего не заимствовавшій всадникъ, нарта пріятеля ищу, на твою ста-

ӷem c-jemʁnʌʁtem, jeʾanegyj zʁ soуent“.
рость если бъ не глядѣлъ, и опять разъ ударилъ бы тебя“.

Abʁ kʁ'yjӷezʁkrі, kāx ẋyāç, Сетанеj ji kуaӷemʾke.
Оттуда отъѣхавъ, спускаться сталъ, къ Сэтанэй (ея) аулу,

Сетанеj ji hune'utʁrі mʁvexў hunezgo ӂʁʁjeӡ
Сэтанэй (ея) горничной бывши изъ бѣлокаменнаго стараго дома съ дубовымъ ста-

ʌegўgo, nartʁm ja gegunec kʁçʁʾkaго, kʁʌeӷyāç; беда-
рымъ поломъ, нартовъ (ихъ) мѣсто игралища вышедши, увидѣла его; два

kiʾ [5]) ji'ʁӷt hune'utʁm psʁha ʾkongyj kājʒāt hap, mo shu
ведра держала горничная и по воду итти пошла было она, того всадника

ʾkor kʁçʁʌaӷum hunʁ'utʁm, çegxo jiӷazāç Сетанеj jidez:
ѣдущаго когда увидѣла горничная, быстро вернулась къ Сэтанэй (къ ней):

„Je, Сетанеj goaçe, goaçemі jamʁfeӷў, ʾʁkxўmі jafaӷoge,
„О, Сэтанэй госпожа, и на княгинь (ихъ) не похожая, и для людей странная,

тегмі [6]) ja мазытӈа! мнбыкере зы шыу коӄо, ha
и встающихъ (ихъ) лѣсная богиня! этой стороной одинъ всадникъ ѣдетъ, на того

шыум ходе шыу дji хекў çысы'агуj, сымыӆа-
всадника похожій всадникъ въ нашемъ околоткѣ тамъ чтобы былъ, я не видѣв-

ӻуā". — „Шнфе ӄынфем кыкеӆыпӆ çеӽго, ӄопеӄ", жі-
ши". — „Лошади и всадника виду приглядись скорѣе, непотребная", ска-

'арі Сетанеj кріӻаӻазаç çеӽго hуне'утым. — „Шнфе ӄынфемі ке-
зала Сэтанэй и возвращаетъ скорѣе служанку. — „Къ коню и всаднику при-

ӆыпӆç деӆаӻуāрі, жрі'ажç: „Je, Сетанеj
глядѣлась, и что примѣтила за нимъ, второпяхъ сказала ей: „О, Сэтанэй

гоаçе, гошыр зjі гушы'аӻў [7]), абы jі шнфе ӄынфер
госпожа, фасоли (ихъ) собесѣдница, онъ его лошади видъ, человѣка видъ

hарç: jапеке пшаӻо горонç jі, hуӡнмӄе куанçе бзнур çоӆа-
таковы: впереди тумана кругъ его, позади туда-сюда птица лета-

те, шнгуçы'ум шетырыр çе'ухо, маскегоре
етъ, лошади на спинѣ шатеръ раскидываетъ, искра за искрой отъ него

кы'уріхым ӻогў неӈçіӄыр jелыӻо, hа-бӻуjӄымӄе hа са-
исходящія дороги оба края палятъ, по обѣимъ сторонамъ собаки лов-

мырыр çогегў, ӻогў неӈçіӄым неуӆе кеуӆері ко-
чія играютъ, дороги (по) оба края туда взлетая—сюда вспрыгивая, ѣдетъ

ӄо, жі'ас; маскері заозаогоре кы'урех, дыӻері jіç-
сюда, сказала; искры одна за другой исходятъ (отъ него) и солнце надъ

hасыгўç абы, шысӈарі огум jетāç".
головою его, и голова лошади къ небу поднята".

Ӈуне'утым çімыӄмхум, уӓ Сетанеj гоаçего, гешхер зjі
Служанка когда не узнала, вотъ Сэтанэй госпожа, фасоли (ихъ)

гушы'аӻур, категç, jі пӽеваki [8]) креӻаçте, jі жеӽафер
собесѣдница, встала, и свои ходули приказываетъ подать, по (ему) полу

шегеӻоаӄот, кеӄотехрі зкріӄç, ӄеодеӊаӊем кысыдепӆым зе-
полдня проходила, спустившись выдвинулась, изъ калитки когда выглянула, (то)

ріӆаӻўго jіӄмхуāç шнур: „Je, hабзгоре hабз, жі'ас, je hаб-
увидѣвши тотчасъ узнала всадника: „О, сука сущая, сука ты, сказала, о, сука

зы, ӄопеӄ, уӓрі hумыӆаӻуāго, ссе слеӻуāмі
непотребная, и тобой чтобы невиданный, (изъ числа) мною видѣнныхъ

jaçммыçго! нобе дене кӏкыжат дде дммылаӷуāр? уā плā-
чтобы онъ не былъ; сегодня откуда явился бы нами не виданный? тобою видѣн-

ӷуāмі jaçыç hap, ссе слаӷуамі jахетāç hap; jапеке
ныхъ въ числѣ онъ, и мною видѣнныхъ (въ числѣ) былъ онъ; впереди

пшаӷого çыплаӷур, шы паçӏын ӷоз-ç; jihуʒнмӏке kolebзнуго
туманомъ что́ видится, лошади ноздрей паръ то; позади птицы

çылатер, шы легӳ вабʒе jатеç; шыгуçы'ум ша-
что́ летаютъ, лошади изъ-подъ копытъ грязь то; у лошади на спинѣ ша-

тыргоре çіухāр, саӷындаk зепылç; маскегоре кы'уріх-
тромъ что́ раскинуто, лукъ (то) натянутый; искрами исходящимъ отъ

го çыплаӷур, jі шы тӏхурымбеç; jезырі нарт Пçибади-
него что́ видишь, его лошади пѣна; самъ онъ нартъ Пшибади-

нокоç; hукелыплым, фырыçç; цыхӳ çнкеjмі
ноко есть; (если) приглядишься къ нему, онъ занятъ собою; людей вздорныхъ

jаçыçç; кӏінтыр jі нькокоӷӳç; кӏінты заомі
(изъ числа) онъ; кинтскій народъ ему врагъ; изъ кинтской битвы

кікāç hap, Тенке çыӷоазеç, Псыʒке çы-
пріѣхалъ онъ, по Тену (Дону) путеводитель есть; по Кубани (старой рѣкѣ) луч-

ӷоазекеjç; jезыр çhако мышеӄç; çhаçыçхого де-
щій путеводитель есть; самъ онъ обиды не сносящій; недовольнымъ если

кыжме, хуке векер 'уӷекінç; жен гегӳ çalер дфіçы-
выѣдетъ, всякій скотъ отгонитъ; въ альчики играющихъ дѣтей намъ подбе-

пынç; нартым цыхӳке код kахуjӷеконç; Сосруко jі
ретъ; на нартовъ людей послѣднихъ гибель пошлетъ, Сосруко (его)

легоаʒе [9]) хуjт бжыпеке зеріхуʒенç, дде дфекāмі; кыдет-
колѣна двѣ жилы копьемъ сдавитъ, если насъ минуетъ; привлечь

hахын дхоjеç çехго hap", жі'āç.
къ намъ намъ нужно скоро его", сказала.

Сетанеj гоаçем абгыçхого jі hунем самыркере 'одно,
Сэтанэй госпожа зеленаго стекла свой домъ самыромъ обмахиваетъ,

бжык ходегуj зjiӷепсç, сехӳ сеплі jеожç, абгі [10]) çhаӷубк-
копью подобно нарядилась, и бѣлила и румяна наложила, у стекляннаго окна

жем кыхотысç: „кеӷеблаӷç, кӏопеӄ, çехго" жі'арі hуне-
(для него) присѣла: „Пригласи сюда, непотребная, скорѣе" сказала и служан-

'утыр 'кӏіхӯҫ; hуне'утрі кегоуҫ нарт Пҫыбадінокем; „Je Пҫы-
ку выгнала; служанка оттуда крикнула нарта Пшибадиноко; „Эй, Пши-

бадінокого нарт, бжыҫһа дыкоако ӆакомі ја ӆеhуӡ, зјі шы-
бадиноко нартъ, копья двуглаваго племени (его) потомокъ, своей ло-

ӡыј јемыкухе; мыде зе каӷазет“ жі;
шади старой неудерживающій ни предъ чѣмъ; сюда разъ поверни-ка“ сказала;

нарт ӆы'хӯмі кыҫыӷазем, маӷе'хӯрі кріхҫ: „Мыр Allыгхе[11])
нартъ мужественный когда повернулъ, и привѣтствіе отдала: „Это Аллиговыхъ

јаhунеҫ“ жі'аҫ: „Сенехур ја кадеҫ, вы јеӽӯрі
(ихъ) домъ“, сказала: „Вино бѣлое въ немъ въ кадушкахъ, быки откормленные

ја пышҫ, ӷаӆеӽӯ пшері hуӽāҫ, кан хы-
въ немъ кормъ ночной для гостей, волохъ жирный зарѣзанъ, съ канскими дѣвуш-

гебз дахемі уадедӷегегунҫ; хыгебз дахі ја. беҫеҫ
ками красивыми тебѣ дадутъ поиграть; дѣвушекъ красивыхъ у нихъ много есть

мыбы; јеблаӷе ҫаоф“ жі'аҫ.—„Мыр Allыгхе јаhунемі,
тутъ; жалуй сюда, добрый юноша“ сказала.—„Это Аллиговыхъ (ихъ) если домъ,

фыӽе Тһам јеӷеhуне; санехӯго фјі кадер нар-
добромъ Богъ пусть дастъ жить въ домѣ; вина бѣлаго ваши кадушки нар-

тем рјевӷаф; вы јеӽӯго фјі пышыр фыӽе Тһам
тамъ дайте выпить; быка кормленнаго вашего для гостей добромъ Богъ

фјіӷашх; ӷаӆехӯ пшер hуӽорі фыӽе Тһам
да дасть вамъ скушать; волоховъ жирныхъ зарѣзанныхъ добромъ Богъ

фјіӷашх; кан хыгебз дахемі нартыр девӷегегӯ;
да дасть вамъ скушать; съ канъ-дѣвушками красивыми нартамъ дайте поиграть;

хыгебз дахего, фјі беҫері, нархым зрјевӷаше; сытһа-
съ дѣвками красивыми, коихъ много, нартамъ дайте распутничать; я не вѣ-

ӷӯгурымыӷо, сыӷунеӷӯ ҫасыкӓм; сыҫасе деӽоатекӓм, с-јеш-
щунъ, я сосѣдямъ не милый; я милыхъ не провожающій, я неѣдя-

хе јефаӽокӓм; ссе сыӷунаӽо ҫаокӓм; ссе hахуӷе беҫ-
щій и не пьющій; я по лагуне ходящій юноша не; я заимствующій много есмь

кӓм; с-јебӷаҫе hахӯҫ, с-hахунше шыhуҫ,
не; я заимствующій другимъ удаль, я ничего не заимствовавшій всадникъ;

нарт ҫаоӷӯ соӆыхо“.—„Нарт ҫаоӷӯ hухојем, ӽанже ји
нарта пріятеля ищу“.—„Нартскаго пріятеля если нужно тебѣ, Кянжа (его)

коӀмр пходӀотынс“.—„ӀӀанже ji коӀмі сыхојекӓм, нерысына стараго найдемъ тебѣ“.—„Княжа сынишку я хочу не; у несчастбӀејмі ji ko закоӀ: ӀӀale закорі ’узӀекыжынкӓм“.—ной женщины (ея) сынъ единый онъ: мальчика одинокаго погублю не“.—„Сосрукуj пходӀотынс“.—„Сосрукуj схомиj: језыр хоӀеӀаӀе„Сосруко тебѣ найдемъ“.—„И Сосрука не хочу тоже: самъ онъ хитрый бес, ji бзегеӀар јеубеӀ“.—„Нартхе Пӏмбадіноко,очень есть, его злонамѣренность превышаетъ“.—„Нартъ Пшибадиноко,жі’ӓӀ јеӀане Сетанеј, ӀӀінтрі зji ныkокоӀў, Сосруко јімысказала тогда Сэтанэй, съ кинтами враждующій, Сосруко хотя нѣтъмі, шы ӀӀыс нарт спеӀӓј; се фызмі сеумыдома, на коня садившемуся нарту уподоблена я; съ женщинами меня неравӀаӀhыт; hујӀhа јіумысыӀоге, зы ӀӀаде бзі кысхојфеняй; себя для не сочти въ обиду, одну вина чашу выпей у меня,kејблаӀі“.пожаловавъ ко мнѣ“.Сыт жі’амі, јегуӀуакӓм; ӀӀыхојмыЧто ни сказала, не обратилъ вниманія; когда вовсе ни нагуӀухем ji ӀӀhаӆанӀер ӀӀјіӀакӀ, пӀа бӀугухујтым что не обратилъ вниманія, свою голову открыла, шею бѣлую’ујӀапӆеӀ, арі ӀӀхыбар јihуӀӓм; кріӀеӀотехрі бызыӀем ӀӀіӀеппоказала, и то ни за что не почелъ; спустивши ниже груди показаӆеӀ, јеӀані хојгуӀўӓм, кріӀеӀотехрі ӀехебӀумла, и еще не могла обратить его вниманія, спустивши ниже’ујӀапӆеӀ; ӀӀыхојмыгуӀухем денехў уаӀер зепоказала; когда же вовсе не обратила его вниманія, шелковый шнурокъ порпіӀӀ, јіріӀехохыпеӀ, арі ӀӀхыбар јіӀакӓм: „Њынhā кынhām„Отъ заходящихъхуаӆхуā, ӀӀонже быӀhам трахā, уӓ пходе зыи входящихъ рожденный, съ навозной кучи снятый, тебѣ подобнаго безӀӣрмгыӀhа дедјі хеӀў јімысым, де дјі ӀӀыгум Тhар ӀӀјібшабашнаго въ нашемъ околоткѣ если нѣтъ, нашу землю Богъ даӏе; уӓ hукјемыблаӀемі сі·шхын зышхын зӀотынс„проклянетъ; хотя ты и не жалуешь, мое кушанье кто покушаетъ найду

ссе, сjи ф̌аде jізмфмні, зҕотмнҫ ссе“.—„Je Сетанej уд“, жі-
я, моя напитки кто выпьетъ, найду я“.—„Ахъ, Сэтанэй вѣдьма“, ска-

’аҫ jеѣане: „ҫх̌уӈ псмӈзехеҫе, нартмм зjі каҫезммҕенмж,
залъ затѣмъ: „составляющая отраву, всѣхъ нартовъ губящая,

сиз’убҕапљер нартмм jагегуӏ̈ес, уӓ пходе ӄопеӄім
что показываешь мнѣ, нартовъ забава есть, тебѣ подобная непотребная

ссе сидаӈахатем, нобарej махом сн-касмнтекӓм ссе; абы
меня если бы соблазнила, до сегодня дожилъ бы не я; этого

кмф̌ммыҕак, абы кмф̌мбҕекам, ӈузхоje ҫы’анҫ, жі,
не допускай, это если допустишь, что тебѣ нужно, будетъ, сказалъ,

нарт ҫаоҕў соѣмх̌орі, нарт х̌мбар пҫеме кызжеа“.—
нарта пріятеля я ищущій, нартскія вѣсти если знаешь, скажи-ка“.—

„Нарт х̌мбарі бжед’анҫ: куажекемӄе jех̀, нартмм jа-
„Нартскія вѣсти скажемъ тебѣ: къ концу аула поѣзжай, у нартовъ

санеху афеҫ, ӈар зи ҫефе ӈунер, ӈуне хуӡ бҕунжҫ,
вина бѣлаго питье, то гдѣ пьютъ домъ тотъ, домъ бѣлый кривой,

ӈуне бҕунж пх̀ашеҫ, пҫмдаді [12]) jа тӈамадего, Сос-
домъ кривой съ выпятившимся задомъ, князя-дѣда его старшаго, Сос-

рукуj jа пҫаф̌его, санехуаф̌ер абы ҫоҫ; нарт ҫаоҕў
руко прислужникомъ имѣя, бражничанье тамъ дѣлаютъ; нарта товарища

пхоаҕотмнҫ, абы ӈуӄом“.
тебѣ найдутъ, туда если поѣдешь“.

Куажекемӄе jіӈуѣмпҫаҫ jіѣане; куажекемӄе jех̀го-
Къ концу аула пустился потомъ; къ концу аула спускаясь

ре, ҫale ӄмкўхем каљаҕўҫ: „Aleӈ, aleӈ, ммбмке
внизъ, мальчики малые увидѣли его: „Ай, ай, по этой сторонѣ

зи шму коӄо“, жа’арі; уӓ Сосрукоҕго ӈармі же-
одинъ всадникъ ѣдетъ“, сказавши; вотъ Сосруко старый (если такъ) отъ

мих̀орыѣхўго, Сетанej jімыѣхуком, х̌мбармр зе-
пастуха коровъ будучи рожденъ, Сэтанэй пасынокъ, вѣсть ту услы-

хіҳҫ; ӈар шентмм тепи’ант? ммве шентмі кеj-
шалъ; тотъ на скамьѣ покоился ли бы? и съ каменной скамьи соско-

ѣеҫ; jі шырыкуj ѣыҕмхет; бжаблемі кыдепљҫ;
чилъ; го сапоги были надѣты уже; изъ за дверной рамы выглянулъ

зеріѣаӷӯго, кіцнхуāҫ шыу ӄор: „Je нарт дēle! Тӏар кы-
какъ увидѣлъ, узналъ всадника ѣдущаго: „Нарты глупые! Богъ да

ф̌хыбӷе-ф̌фе бӷырі кыф̌тіо! мы шыу каӄор
проклянетъ васъ и скала на васъ да упадетъ! этого всадника сюда ѣдущаго

сытго ф̌ымӕцӏнхӯре ф̌ф̌е? Нартхе Пҫынбадінокоҫ, кӏінтыр
какъ не знаете вы? Это Нартовъ Пшибадиноко, кинтскій

јі ныкокоӷӯҫ, кӏінты заомі кіӄāҫ, Тенке ҫыӷоа-
народъ ему врагъ, изъ кинтской битвы пріѣхалъ (онъ), по Дону путеводи-

зеҫ, Псыӡке ҫыӷоазекејҫ, језыр ҫыӈако мышекӏҫ,
тель есть, по Кубани лучшій путеводитель, самъ онъ обиды не сносящій,

ҫӈаҫыҫхого декыжме, ҳуке векер ’уӷекынҫ, кен гегӯ
недовольнымъ если выѣдетъ, всякій скотъ оттонитъ, въ альчйки играющихъ

ҫale дф̌іҫепынҫ абы, нартым зјі кыф̌ҫіӷаннинкāм абы“,
мальчиковъ тебѣ подберетъ онъ, нартовъ ни одного оставитъ не онъ“,

жі’āҫ.—„Дао ҫын, Сосруко? жі’арі; ӄенгеҫеӷӯ кыса’у-
сказалъ.—„Какъ намъ сдѣлать, Сосруко? сказавши; совѣтникомъ когда его

ҫым: „ӷјі Ӈанем кыҫы̆ӄекаӄе, зы Ӈамал јесҫенҫ“,
сдѣлали: „Нашей матери отъ когда онъ отдѣлался, одно средство сдѣлаю ему“,

жіа’āҫ Сосруко.
сказалъ Сосруко.

Нарт псе’урі зедыхасеҫ, Сосрукуј ја’упҫежеӷӯго:
Нарты всѣ посовѣтовались вмѣстѣ, Сосруко имѣя совѣтникомъ:

сане хубӡе краӷаӽо, блеҫӽоӡејіҫ ха’уӷынпҫӈаҫ;
вина бѣлаго чашу наливаютъ, сѣрыхъ змѣенышей трехъ туда впускаютъ;

нартыр паа ҫӈерыхго кызыдеӡеҫ; нарт Пҫынбадінокор зјі
нарты, шапки снявши, вышли вмѣстѣ; нарту Пшибадиноко, своей

шиӡыј јемыкужыр, сане хубӡем кыхеӷапӆеҫ;
лошади не удерживающему ни предъ чѣмъ въ вина бѣлаго чашу дали заглянуть;

блеҫхоӡӈыјем гукыӆітес, жыр пāҫе зтріӷакері, хекијекго
сѣраго змѣеныша запримѣтилъ, стальные усы выростивши, выкрикивая

јірі’уӆҫ блеҫӽоӡыјер шынакыҫем, санехубӡері каф̌ы-
придавилъ сѣраго змѣеныша ко дну наши, и вина бѣлаго чашу на-силу вы-

ріф̌ҫ: „ссе ф̌ысҫенҫ“, жі’арі, кіӷазеҫ јеӄане.
пилъ у нихъ: „я васъ узнаю“, сказавши, повернулся назадъ.

Нартыр зедыгуlезҫ, пҫыдаді хегузевыкҫ:
Нарты сильно опечалились, князь-дѣдушка особенно обезпокоился:

„Je Пҫыбадіноко, донкокунѣе дде дѣевыркӑм; мыде зекаӡазе,
„Ахъ, Пшибадиноко, ссориться мы имѣющіе силы не; сюда поверни,

ji шыпхўго ӈабібат дахер фызго ӈузот“. Ji шыпхурі
что мою сестру Хабибатъ красивую въ жены тебѣ отдаю“. И свою сестру

jірітāҫ; ӈаҫері краӡапсыхҫ, санехубӡері краӡафеҫ,
отдалъ; и гостя заставили слѣзть съ коня, и бѣлаго вина чашу заставили вы-

ja кафері зеха'убlеҫ; ӈаҫем траѣхāҫ;
пить, и свой танецъ начали; на гостя наложили (очередь плясать);

'ане ӈупҫакем деѣеjҫ ӈаҫер, 'анері jемӡасысго, шыпсрі [13]) jі-
стола на край вскочилъ гость, и стода не шевеля, и разсола не

рімкутго 'ане ӈупҫакер кіфыӈрі, кjеѣежҫ.— Сосруко
проливая, стола около края проплясавши, соскочилъ.— На Сосруко

траѣӈāҫ; Сосрукуj 'анем деѣеjізҫ, 'анері jімӡа-
наложили (очередь); Сосруко стола (на край) вскочилъ, и стола не шеве-

сысго, шыпсрі jірімкутго, шыпс ӈупҫакер кіфыӈāҫ абы; хи-
лилъ, и разсола не проливая, разсола по краю проплясалъ онъ; на Хи-

мыҫ[14]) тріѣӈāҫ: 'анері jімӡасысго хымысыӡым, шыпсрі jірім-
мыша наложили: и стола не шевелилъ Химышъ старый, и разсола не про-

кутго, 'ане ӈупҫакер кіфыӈāҫ, 'анемі кепкері, пхемӡў
ливая, стола около края проплясалъ, и со стола соскочивши, на досчатый

ѣегурыӡым кысытепкем: „сыбlе кыдхеуāҫ!“ жа'арі, ҫыбым
полъ когда прыгнулъ: „Молнія насъ ударила!“ сказавши, на дворѣ

дес ѣыӡхем „jele“, [15]) кыхеӡāҫ.
сидящіе старики „еле“, запѣли.

[1]) Кинты—народъ неизвѣстнаго происхожденія.

[2]) бехў—да много сдѣлается—умножится (бе—въ абадзехскомъ говорѣ означаетъ *много*), апҫі входитъ въ составъ привѣтствія, выраженнаго посредствомъ бехў; значеніе этого слова въ настоящее время утерялось.

[3]) зефаӡен—закидывать уздечку одну за другую на привязи лошадей; т. е. привязывать лошадей.

[4]) Лагуне (женская половина).

[5]) Бедак—вѣроятно, нѣчто въ родѣ ведра.

[6]) Встающихъ (поднимающихся) лѣсная богиня; поднимающіеся—это птицы и звѣри (по объясненію К. Атажукина).

[7]) Фасоли собесѣдница; ворожеи еще и теперь гадаютъ посредствомъ фасоли.

[8]) Ходули, бывшія въ употребленіи еще въ недавнее время у кабардинскихъ женщинъ.

[9]) Единственное мѣсто, гдѣ Сосруко былъ уязвимъ.

[10]) Употребленіе стекла не могло быть извѣстно въ то время, о которомъ говоритъ пѣсня.

[11]) Шора-Ногмовъ въ своей Исторіи (стр. 23) относитъ это названіе къ *грекамъ*.

[12]) Такъ названъ, вѣроятно, проживающій въ аулѣ старѣйшій нартъ; *дада* (дѣдушка) называютъ отца или какого-либо почтеннаго старца.

[13]) Хрѣнъ или просто соль, распущенная въ кисломъ молокѣ; подается вмѣстѣ съ вареным мясомъ.

[14]) Химышъ—отецъ Батраза (у осетинъ—Хамыц).

[15]) Ни происхожденіе, ни значеніе этого слова неизвѣстно.

Нартхэ Пщыбадинокъо,
КІьинтыр зи ныкъокъогъу,
И зейкІон къыщохьа,
Иш уанэ трелъхьа,
Шыныбэпх щІекъузэ,
ЗщІекъузэри машэс,
ЛІыхъур ныІуошэсыкІь,
МакІогорэ мэлъей,
Мэг'эрэз и закъо,
Бийим къыщакІохьго,
ЩІалэ зэрахь гъогуго,
ПщІэгъоалэ щы[а]мылъахъэм
Гъогущхьибл щызэхэк<І>ьым
Нартым я Іахъом щыІущІэщ,
«Бэхъу апщи» кърех.
«Тхьа уигъапсэу, щаофІ!»
«Е Іахъожь цІык<І>у,
Нарт хъыбар къызжеІат», – жи.
«Е Бадинокъопщ,
Ссэ нарт хъыбар дэнэ щы<с>щІэн, – жи, –
Махо псом с-Іахъощ,
Жэщым хьадэ хъурейго сыхэлъщ».
«АтІэ, уэ нарт хъыбар умыщІэго,
Гъуэгущхьиблыр щызэхэк<І>ьым
Сыщхьа укъакІого ущыІахъорэ?»
ЛІы хахор къагубжьщ,
Дакъажь мафІэго зэщІонэ,
Къамшы щэ огъор къридзри къыІуигъэзы<кІ>ыжщ.
Зы теогъуй къикІоаго,
Іахъожь цІык<у>р гупсысэри
Зы псалъи игу къак<І>ыжщ,

«Нартхэ Пщыбадинокъо,
Къагъазэ», – жиІари
К<І>ьэлъыгоуащ.
Къигъазэщ етІанэ.
«Фыз хъыбарщ, жумыІам,
Зы хъыбар зэхэсхащи, бжесІанщ, – жиІащ, –
Сэтаней и ешхэефэщ,
Гъогу щхьаІум щысщ ар,
Къасым абы щызафІадзэ,
Санэхур и к<І>ьадэщ,
Вы ехъур и нышщ,
Гъалъэхъу пшэри укІьащ,
Къан хъыг'эбз дахэми
удагъэг'эгунщ,
Хъыг'эбз дахи е[я] бэщэщ», – жиІащ.
«Хьам къилъхоа Іахъожь цІыку,
С<ы>ешхакІ<о>-ефакІ<о>экъэм ссэ,
С- лэгъунакІо щаокъэм ссэ,
С-хьахугъо бэщкъэм,
С-ебгъащІэхьахущ,
С-хьахуншэ шыущ,
Нарт щаогъу солъыхъу,
Уи лІыжьыгъэм семыплътэм,
ЕтІанэгуи зы[э] соуэнт».
Абы къыІуигъэзык<І>ьри
Къэ[е]х хъуащ Сэтаней и къуажэмкІьэ.
Сэтаней и унэІутыри
Мывэху унэжьго
Жыгыйежь лъэгуго
Нартым я г'эгупІэщ[м]
КъыщІэкІьаго къы[и]лъэгъуащ.
БедакъитІ иІыгът унэІутым,
Псыхьа кІонгуй къэйжьат ар,
Мо шыу кІор къыщылъагъум,
Уны<э>Іутым щІэгх'[х'г]о игъазэщ
Сэтаней и дежь:
«Е Сэтаней гоащэ,
Гоащэми ямыфэгъу,
ЦІыхуми яфагъог'э,
Тэг'ми я мэзытхьа!
Мыб[д]ыкэрэ зы шыу къокІо,
А шыум ходэ шыу
Ди хэку щыщыІагуи, сымылъагъуа».
«ШыфэлІыфэм къык<І>элъыплъ щІэх'го, кІопэкІь», –
ЖиІари Сэтэней
Къригъагъазащ щІэх'го унэІутым.
ШыфэлІыфэми къ[кІь]элъыплъщ,
Дилъэгъуари жриІажщ:
«Е Сэтаней гоащэ,
Го[э] зи гушыІагъу,
Абы и шыфэлІыфэр арщ:

Япэк<I>ьэ пшагъо горо[э]нщ,
<И>ужьымкIьэ къуанщIэ бзыур щолъатэ,
Шы гущIыIум шэтырыр ще(I)ухо,
Маскьэгорэ къыIурихым
Гъогу нэпIщIитIыр елыгъо,
А[и-?] бгъуйтIымкIьэ хьа самырыр щог'эгу.
Гъогу нэпIщIитIым
Неулъэ-къолъэри къокIо, – жиIащ. –
Маск'эри зао-заогорэ къыIурех,
Дыгъэри и щхьащыгущ абы,
Шыщхьари огум етащ».
УнэIутым щымыцIыхум,
Уэ Сэтаней гоащэго
Г'ешхэр зи гушыIагъур къатэг'щ,
И пхъэвакъи кърегъащтэ,
И жэх'афэр шэг'эгъоакIот,
КъекIотэхри з<ы>къ<ы>рикIьщ,
К(I)'эо дэхьапIэм къыщыдэплъым,
Зэрилъагъуго ицIыхуащ шыур:
«Е хьабзгорэ хьабз, – жиIащ, –
Е хьабзы кIопэкIь,
Уэри умылъагъуаго,
Ссэ слъэгъуами ящымыщго
Нобэ дэнэ къикIьыжат ддэ дымылъагъуар!
Уэ плъагъуами ящыщ<щ> ар,
Ссэ слъагъуами яхэтащ ар,
Япэ<кI>ьэ пшагъого щыплъагъур
Шы пащхъын гъозщ,
ИужьымкIьэ къолэбзыуго щылъатэр
Шы лъэгу вабдзэ ятIэщ,
Шы гущIыIум шатыргорэ щыух<у>ар
Сагъындакъ зэпылъщ,
Маск'эгорэ къыIурих'го щыплъагъур
И шы тхъурымбэщ,
Езыри нарт Пщыбадинокъощ,
Ук<I>ьэлъыплъым фырыщIщ,
ЦIыху щIык<I>ьейми ящыщщ,
КIьинтыр и ныкъокъогъущ,
КIьинты заоми къикIьащ ар.
Тенк<I>ьэ щыгъоазэщ,
ПсыжькIьэ щыгъоазэк<I>ьейщ,
Езыр щхьако мышэкIьщ,
Щхьащыщхъого дэк<I>ьыжмэ,
ХъукIьэ-вэкIьэр Iу<и>гъэк<I>ьинщ,
К<I>ьэн г'эгу щIалэр дфIищыпынщ,
Нартым цIыхукIьэ к<I>од къахуигъэк<I>онщ,
Сосрукъо и лъэгоажьэхуитI
БжыпэкIэ зэрихулIэнщ, ддэ дфIэкIьами.
Къыдэтхьахын дхойещ щэх'го ар», – жиIащ.
Сэтаней гоащэм абг'ыщхъого и унэм
Самырк<I>ьэрэ Iодыо,

Бжык<I> ходэгуй зигъэпсщ,
Сэхусэплъи еожщ,
Абг'и щхьагъубжэм къыхотIысщ:
«Къегъэблагъэ, кIопекIь, щIэх'го», – жиIари
УнэIутыр къ<ы>щIихущ,
УнэIутри къегоущ нарт Пщыбадинокъом:
«Е Пщыбадинокъого
Нарт бжыщхьа дыкъоакъо,
Лъ[I]акъоми я лIэужь,
Зи шыжьый емыкъухэ,
Мыдэ зэ къэгъазэт», – жи.
Нарт лIыхъуми къыщигъазэм,
МафIэхъури кърихщ:
«Мыр Аллыг'хэ я унэщ, – жиIащ, –
Сэнэхур я к<I>ьадэщ,
Вы ехъуар я нышщ,
Гъалъэхъу пшэри укIьащ,
Къан хъыг'эбз дахэми уадэдгъэг'эгунщ,
Хъыг'эбз дахи я бэщэщ мыбы,
Еблагъэ, щаофI», – жиIащ.
«Мыр Аллыг'хэ я унэми,
ФIыкIьэ Тхьам егъэунэ,
Санэхуго фи к'адэр
Нарт<х>эм рйевгъаф,
Вы ехъуго фи нышыр
ФIыкIьэ Тхьам фигъашх,
Гъалъэхъу пшэр укIьо<а>ри
ФIыкIьэ Тхьам фигъашх,
Къан хъыг'эбз дахэми
Нартыр дэвгъэг'эгу,
Хъыг'эбз дахэу фи бэщэри
Нар*хы*[тхэ]м зрйевгъашэ.
Сытхьагъугурымыгъо,
Сыгъунэгъу щIасэкъэм,
СыщIасэ дэкIоатэкъэм,
С-ешхэефакIокъэм,
Ссэ сылэгъунакIо щаокъэм,
Ссэ хьахугъэ бэщIкъэм,
С-ебгъащIэхьахущ,
С-хьахуншэ шыущ,
Нарт щаогъу солъыхъо».
«Нарт щаогъу ухойем,
КIьанжэ и къожьыр пходгъотынщ».
«КIанжэ и къожьми сыхойекъэм:
Нэрыбгейем и къо закъощ,
ЩIалэ закъори Iузгъэк<I>ыжынкъэм».
«Сосрукъуий пходгъотынщ».
«Сосрукъуий схомый:
Езыр хогъэщагъэбэщ,
И бзэг'эгъар еубэкIь».
«Нарт Пщыбадинокъо, –

ЖиІащ етІанэ Сэтаней, –
КІьинтри зи ныкъокъогъу,
Сосрукъо имысми,
Шы щІыс нарт спещІай,
Ссэ фызми сеумыгъащхьыт.
Уи щхьа иумысыгъог'э,
Зы фадэбжьи къысхойфэ, къейблагъи».
Сыт жиІами, егугъуакъэм.
Щыхоймыгугъыхэм,
И щхьалъанщІэр фІигъакІщ,
Пща бгъугухуитІым Іуигъаплъэщ.
Ари хъыбар иущІкъэм.
КъригъэкІотэхри
БыдзыщІэм щІигъэ[а]плъэщ.
ЕтІани хойгугъукъэм.
КъригъэкІотэхри
Щэхэбгъум Іуигъаплъэщ.
Щыхоймыгугъухэм,
Дэнэху уагъэр зэпикІьщ,
Иригъэхохыпэщ.
Ари хъыбар ищІакъэм.
«Нйыхьа-къыхьам хуалъхуа,
К(І)онжэбыщхьам траха,
Уэ пходэ зы цІырыгыщхьа
Дэ ди хэк(І)у имысым,
Дэ ди щыгум Тхьар щйибгэ,
Уэ укъемыблагъэми,
Си шхын зышхын згъотынщ ссэ,
Си фадэ изыфыни згъотынщ ссэ».
«Е Сэтаней уд, – жиащ етІанэ, –
Щхъухьпсыхь зэхэщІэ,
Нартым зи къащІэзым<ы>гъэныж,
СызІубгъаплъэр
Нартым я гьэгупІэщ,
Уэ пходэ кІопэкІым
Ссэ сыдахьахатэм,
Нобэрей махом
Сыкъасынтэкъэм ссэ.
Абы къыфІы<о>мыгъэк<І>ь,
Абы къыфІыбгъэкІьам,
Узхойе щыІанщ, – жи. –
Нарт щаогъу солъыхъори,
Нарт хъыбар пщІэмэ, къызже<І>а».
«Нарт хъыбари бжедІанщ:
Къуажэк<І>ьэмкІьэ ех',
Нартым я санэхуафэщ,
Ар зыщефэ унэр
Унэ хужь бгъунжщ,
Унэ бгъунж пх'ашэщ,
Пщыдади я тхьамадэго,
Сосрукъуй я пщафІэго,

Санэхуафер абы що[а-?]щI.
Нарт щаогъу пхуагъотынщ абы укIом».
Къуажэк<I>ьэмкIьэ иутIыпщащ итIанэ.
КъуажэкьэмкIьэ ех'горэ,
ЩIалэ цыкухэм къалъагъущ:
«Алэхь-алэхь,
МыбыкIьэ зы шыу къокIо», – жаIари…
Уэ Сосрукъожьго,
Арми жэмыхъорылъхуго,
Сэтаней и мылъхукъом
Хъыбарыр зэхих'щ,
Ар шэнтым тепыIант! –
Мывэ шэнтми къейлъэщ,
И шырыкъуи лъыгъыхэт,
Бжаблэми къыдэплъщ.
Зэрилъагъуго къицIыхуащ шыу кIор.
«Е нарт дейлэ,
Тхьар къыфхыбгэ ффэ,
Бгыри къыфтио!
Мы шыу къакIор сытго фымыцIыхурэ ффэ!
Нартхэ Пщыбадинокъощ,
КIьинтыр и никъокъогъущ,
КIьинты заоми къикIьащ,
Тенк<I>ьэ щыгъоазэщ,
Псыжькьэ щыгъоазэкьейщ.
Езыр щыхьак<I>омышэк(I)ьщ,
Щхьащыщхъого дэк<I>ьыжмэ,
Хъукьэ-вэкьэр Iу<и>гъэк<I>ынщ,
К<I>ьэн г'эгу щIалэ дфIищэпынщ абы,
Нартым зи къыфщIигъанынкъэм абы», – жиIащ.
«Дао <т>щIын, Сосрукъо?» – жи[а]Iари,
К(I)ьэнгещэгъу къыща(Iу)щIым…
«Ди анэм къыщыфIэкIьякIьэ,
Зы амал есщIэнщ», – жиIащ Сосрукъо.
Нарт псэ(I)ури зэдыхасэщ,
Сосрукъуй я (I)упщIэжэгъуго:
Санэхубжьэ кърагъахъо,
Блэщхъожьеищ ха(I)тIыпщхьащ.
Нартыр паа щхьэрыхго къызэдейжьэщ,
Нарт Пщыбадинокъор,
Зи шыжьи емыкъужыр,
Санэхубжьэм къыхе[а]гъаплъэщ,
Блэщхъожьыем гу къылъитэщ,
Жыр пащIэ зтригъак<I>ьэри
Хэк<I>иик<I>ьго ириIулIщ
Блэщхъожьыер шынакъыщIэм,
Санэхубжьэри къафIырифщ,
«Ссэ фысщIэнщ», – жиIари,
Къигъазэщ етIанэ.
Нартыр зэдыгулэзщ,
Пщыдади хэгузэвыкIьщ:

«Е Пщыбадинокъо,
Донкъокъунк<I>ьэ ддэ длъэк<I>ыркъэм,
Мыдэ зэ къагъазэ,
И шыпхъуго Хьабибат дахэр
Фызго узот».
И шыпхъури иритащ,
ХьащIэри кърагъапсыхщ,
Санэхубжьэр[м]и кърагъафэщ,
Я къафэри зэха(I)ублэщ.
ХьащIэм тралъхьащ.
Iанэ <I>упщIакIьэм дэлъейщ хьащIэр:
Iанэри емгъасысго,
Шыпсри иримк<I>утго,
Iанэ упщIакIьэр къифыхьри къйелъэжщ.
Сосрукъо тралъхьащ.
Сосрукъуи Iанэм дэлъейижьщ,
Iанэри имгъасысго,
Шыпсри иримкутго,
Шыпс упщIакIьэр къифыхьащ абы.
Хъымыщ трилъхьащ:
Iанэри имгъасысго Хъымыщыжьым,
Шыпсри иримкутго,
Iанэ упщIакIьэр къифыхьащ,
Iанэми къепк<I>эри,
Пхъэмгъу лъэгурыдзым къыщытепIк<I>эм,
«Щыблэ къыдхэуащ!» – жаIари,
ЩIыбым дэс лIыжьхэм
«Елэ» къыхе[а]дзащ.

<ПШИБАДИНОКО>

Нарта Пшибадиноко,
У которого кинты противники,
Жажда к выезду гложет,
На коня своего седло кладет,
Подпруги подтягивает,
Подтянувшись сам, на коня садится.
Муж доблестный выезжает,
Едет он, скачет,
Одиноко вертится.
Там, где враги разъезжают,
Там, где есть тропы, по которым юных похищают,
Там, где белых лошадей не стреноживают,
Встречает он нартского пастуха,
Бох апшием его приветствует.
«Бог да дарует тебе жизни, добрый наездник!».
«Эй пастушок маленький,
Поведай мне нартские хабары», – просит.
«Эй, Бадиноко-князь,
Откуда мне знать нартские хабары, говорит,

Целый день я пастух,
Ночью я трупом скорченным лежу».
«Как же это ты, не ведая нартских хабаров,
На развилку семи дорог
Пришел и пасешь <стадо>?».
Муж доблестный рассердился,
Огнем <жарким, как> от могучей коряги, он разгорается,
Одарил его тремя ударами плети, и
Оттуда повернулся.
Когда он проскакал одно *теого*,
Пастушок маленький поразмыслил и
Одно слово вспомнил:
«Нартов Пшибадиноко, вернись! –
Сказав, он вслед окликнул. –
Если за бабские хабары не примешь,
Один хабар я слышал, и тебе поведаю, – сказал. –
У Сатаней застолье-пиршество,
Живет она у края дороги,
Всякий прибывающий там спешивается.
Сано белое в кадке у нее,
Бык откормленный – угощение у нее,
Жирный валух забит у нее,
<Там > тебе с прекрасными *кан-девицами* порезвиться дадут,
Прекрасных девиц много у них», – сказал.
«Собакой рожденный пастушок маленький,
Я не любитель застолий, не любитель пиров,
Я не завсегдатай <чужих> лагун,
Я не *хахуго бещ,*
Я свирепости опора,
Я всадник, ничего в долг не берущий,
Я нарта-товарища себе ищу,
Не цени я твою старость,
И во второй раз ударил бы тебя».
Поворотил он оттуда и…
Стал спускаться вниз,
В сторону селения Сатаней <-гуаши>.
Служанка Сатаней…
Дом белый большой,
С дубовыми полами –
Место игрищ нартов…
Она, выйдя <оттуда>, увидала его.
Две бадьи несла служанка,
За водой она направлялась;
Когда того всадника увидала,
Служанка скоро направилась назад к Сатаней:
«О Сатаней-гуаша,
С <другими> гуашами несравнимая,
С <другими> людьми не схожая,
Встающих ты лесная богиня!
В эту сторону один всадник движется,
Этому всаднику равного всадника

В нашем краю я не видывала».
«Присмотрись к тому, каков он на вид, потаскуха», –
Сказав, Сатаней быстро завернула обратно служанку.
<Та> присмотрелась, каков он на вид, и…
Что увидела, рассказала:
«О Сатаней-гуаша,
Фасоль чья собеседница,
Его вид вот каков:
Спереди него тумана густота,
Позади него грачи-птицы летают,
На спине коня шатер расставляет,
Искры, что из <ноздрей его коня> пышут,
Края дороги опаляют,
По его бокам собаки-самыры резвятся,
Едет он, перескакивая два края дороги», – сказал.
И искры от него время от времени сыплются,
И солнце – вверху над ним,
И голова его лошади к небу поднята».
Когда оказалось, что служанка его не знает,
О Сатаней-гуаша,
Фасоль чья собеседница, поднялась,
Свои деревянные башмаки достать велит…
До порога путь – для нее на полдня,
Опустилась она и с места стронулась,
За ворота как выглянула,
Как увидала его, тут же узнала, кто этот всадник:
«О сука ты сука, – сказала, –
О сука и потаскуха,
Чтобы и ты его не видала,
Чтобы и не из тех был, кого я видала, –
Такой откуда бы взялся, не виданный нами!?
Он и в числе тех, кого ты видала,
Он и в числе тех, кого я видала:
То, что впереди него видишь – туман клубящийся,
Это пар из конских ноздрей.
То, что позади него <видишь> грачи-птицы летающие,
Это комья, взрытые конскими копытами,
То, что <видишь> на спине коня шатер расставленный,
Это сагайдак снаряженный,
То, что видишь искрами из ноздрей,
Это пена с его коня,
А сам он это нарт Пшибадиноко,
Если к нему присмотреться, *он много занят собой*,
Из людей своенравных он,
У которого кинты противники,
По Тену он <путей-дорог> знаток,
По Псыжу он знаток отменный,
Сам он обид непрощающий,
Если он от нас недовольным уедет,
Он угонит наш скот [отберет наше добро],
Мальчиков, играющих в бабки, заберет,

<Нарта> Сосруко коленные жилы
Концом копья прошьет,
Если он уйдет от нас.
Мы должны его завлечь поскорее», – сказала.
Сатаней-гуаша свой *дом стекленный*
Самыром обметает,
Копья древку подобно,
Сама наряжается,
Румянами красится,
У стекляного окна усаживается:
«Пригласи его к нам, потаскуха, скорее», –
Говорит и служанку выгоняет.
Служанка окликает Пшибадиноко:
«О Пшибадиноко,
Нарт, держащий копье с раздвоенным навершием,
Роду своему наследник <достойный>,
За уздечку своего коня не придерживающий,
Поворотись-ка разок сюда!», – говорит.
Когда нартский витязь повернулся
И приветствовал ее очаг…
«Это – дом Аллигов, – сказала <она>,
Сано белое в кадке у них,
Бык откормленный угощенье у них,
Валух жирный тоже забит,
С прекрасными кан-девицами тебе порезвиться дадут,
Прекрасных девиц много у них,
Будь гостем, наездник добрый», – сказала.
«Если это дом Аллигов,
На добро пусть он домом будет,
Сано белого кадку
Дайте нартам выпить,
Бык откормленный, что гостям на угощенье,
На радость пусть Бог даст вам съесть,
И валуха жирного, что забит,
<Тоже> на радость пусть Бог вам даст съесть,
Кан-девиц прекрасных, каких у вас множество,
Нартам отдайте для развлечений.
Я <же> вещун,
Я не любовник своих соседок,
Я не увлекаюсь любовницами,
Я не любитель застолий-пиршеств,
Я не любитель посещать чужие лагуны,
Я не *хахуго бещ,*
Я свирепости опора,
Я всадник, ничего в долг не берущий,
Я нарта-товарища себе ищу».
«Если тебе нужен нарт-товарищ,
Кянжева сына могучего тебе найдем».
«Кянжев сын могучий мне не нужен:
Он единственный сын у Нарыбгей,
Поэтому не стану губить единственного отпрыска».

«Сосруко тебе найдем».
«И Сосруко мне не нужен:
Он на многие хитрости матер,
Хитростей в нем многовато».
«Нартов Пшибадиноко, –
Сказала тогда Сатаней, –
У которого кинты противники,
Если и нет Сосруко в доме,
Меня приравняли к нарту, на коне восседающему,
С женщинами меня не ровняй,
Не посчитав для себя это недостойным,
Один рог напитка отведай, пожаловав к нам в гости».
Что бы она ни говорила, он не почел за честь.
Когда <же> он не почел за честь,
Она сдвинула покрывало с головы,
Шею и белые груди показала…
<Он> и это не почел ни за что.
<Тогда она> еще ниже сдвинула и всю грудь свою обнажила,
И это тоже он не почел ни за что.
<Она еще ниже> приспустила и голые бедра обнажила,
Когда он и это не почел ни за что, она разорвала шелковый шнур и
Совсем сбросила с себя <одежды>.
Но и это его не соблазнило…
«*<Эй,> рожденная на потребу приходящих-уходящих,*
С кучи навоза взятая»…
«Такого, как ты, другого бродяги
Если в нашем крае не найдется,
Пусть нашу землю Бог проклянет.
Хоть ты и не пожаловал к нам,
Кого моими гостинцами угощать, я найду,
Кого моими напитками поить я найду».
«Эй, Сатаней-колдунья, – сказал тогда <Пшибадиноко>, –
Сотворительница ядов,
Нартов без потомства оставляющая,
То, что ты мне обнажаешь, это место развлечений нартов,
Соблазняйся я такими потаскухами, как ты,
До нынешнего дня я бы не дожил.
Дальше этого не ходи.
Если дальше этого пойдешь,
То будет то, чего ты достойна.
Я нарта-товарища себе ищу,
И если знаешь хабары нартские, поведай мне».
«Мы и нартские хабары тебе поведаем:
Спустись к нижнему концу села,
<Там> у нартов санопитие идет,
Дом, где они пьют,
Дом белый, покосившийся,
Дом покосившийся, кособокий,
У них тамадой Пшидада,
У них Сосруко в подручных,

Вот такое там санопитие идет.
Если поедешь туда, тебе нарта-товарища сыщут».
Тогда припустил он в сторону нижнего конца селения.
Спускаясь [когда он спускался] в сторону нижнего конца селения,
Его увидели мальчишки:
«Аллах-Аллах,
Сюда один всадник едет», – сказали…
О, Сосруко могучий, рожденный от пастуха коров,
Сатаней-<гуаши> пасынок
Весть эту услышал…
Разве он усидел бы на стуле!
С каменного стула он соскочил,
А сапоги на нем были надеты,
Через дверной проем он выглянул,
И как увидел, тут же узнал всадника едущего:
«Эй, нарты глупые,
Да проклянет вас Бог,
Да обвалится на вас скала!
Этого всадника едущего
Как вы не узнаёте?
Это нарт Пшибадиноко,
Кинты его противники,
С кинтской войны он возвращается,
По Тену он <путей-дорог> знаток,
По Псыжу он знаток отменный,
Сам он обид непрощающий,
Если он от нас недовольным уедет,
Он угонит наш скот [отберет наше добро],
Мальчиков, играющих в бабки, заберет,
Нартов без наследников он оставит», – сказал.
«Как нам быть, Сосруко?», – сказали
И попросили совета когда…
«Раз он *миновал нашу мать*,
Я применю к нему одну хитрость», – сказал Сосруко.
Всем нартским обществом хасу устраивают
Вместе с Сосруко, их советчиком.
Наливают чашу белого сано,
Трех ядовитых змей в нее запустили.
Нарты с обнаженными головами вышли навстречу,
Нарту Пшибадиноко,
Который своего коня за узду не придерживает,
Дали глянуть на чашу белого сано,
Он ядовитых змей приметил.
Стальные усы выпустил он и
Так, что они запищали,
Тех ядовитых змей
Ко дну чаши <придавил> и
Чашу белого сано выпил.
«Буду знать вас», – сказав, затем он повернул назад.
Нарты заволновались,

Пшидада разволновался:
«О Пшибадиноко,
Тягаться с тобой мы не в силах,
Возвратись-ка сюда,
Сестру Хабибат прекрасную за тебя выдаю».
<Так> он и сестру свою за него выдал…
И гостя приняли с коня сошедшего,
И чашу белого сано ему поднесли,
И пляски завели:
Призвали гостя <танцевать>, и
Вспрыгнул на край стола гость,
И стол не пошатнув,
И подливы не расплескав,
На кромке стола сплясал он и спрыгнул.
Сосруко призвали, и
Сосруко тоже на стол вспрыгнул,
И стол не пошатнув,
И подливы не расплескав,
На кромке <чаши> с подливой сплясал он и спрыгнул.
Хымыша призвали:
И стол не пошатнул Хымыш могучий,
И подливу не расплескав,
На кромке стола он сплясал и
Со стола спрыгнул, и
Когда он на дощатый пол прыгал…
«Молния <с громом> в нас угодила!», – решив,
Старики, что во дворе были, *завели* «*Елле*».

Печатается по: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891. Отд. «*Кабардинские тексты*». *С. 21–30. Зап. К.М. Атажукин. Русский перевод был опубликован им же ранее* (*см.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1871. Отдел* «*Народные сказания кавказских горцев*». *С. 59–64*). *Сведений о месте и времени записи, а также об исполнителе собиратель не дает. Учитывая, что текст записан на кабардино-черкесском языке, а сам собиратель уроженец одного из кабардинских селений, расположенных на р. Малке, можно предполагать, что запись произведена или в его родовом селении, Атажукино-3* (*нынешнее селение Куба Баксанского р-на КБР*), *или в одном из ближайших к нему кабардинских сел. Печатаются факсимильная копия исходной публикации и наша транслитерация. Перевод на русский язык А. Гутова.*

Текст – первая в истории публикаций сказания о данном герое на языке оригинала. Это не только самая ранняя запись, но также один из вариантов, которые по полноте сюжета, по совершенству композиции и богатству художественного языка впору признать классическими. Полные и фрагментарные варианты

данного сказания как в поэтической форме (пшинатль), так и в прозе (хабар), записаны многократно на всей территории исторического проживания адыгов.

Бох апши (*Бохъу апщий*) – букв.: *Да приумножится* – традиционная формула-благопожелание, которым приветствуют пастуха.

Теого (*теуэгъуэ*) – мера длины, равная одному переходу, то есть расстоянию между двумя привалами всадника в пути.

Кан-девицы (*къан хъыджэбзхэр*) – эпизодические безымянные персонажи, статус которых нами не установлен со всей ясностью. Судя по контексту, они могут оказаться типологически близки жрицам древнеязыческих античных храмов. На это указывают следующие обстоятельства. Во первых, нет никаких указаний на то, что *кан-девицы* это люди низкого происхождения. Само слово «*кан*» (*воспитанник, любимец, объект внимания*), являющееся частью их нарицательного имени, указывает на то, что девушки имели определенный высокий социальный статус. Во вторых, они находятся в услужении у Сатаней-гуаши, что можно понимать как временное положение воспитанниц, которых почтенная повелительница наставляет и обучает для дальнейшей их социализации в нартское общество. Кажущееся уничижительным наделение их эпитетом «*копэкь*» – «*непотребная*» в контексте воспринимается как своеобразный оберег от сглаза.

Хахуго бещ (*хьэхугъо бэщI*) – в связи с тем, что смысл выражения не удается убедительно прояснить, мы предпочли оставить данный фрагмент без перевода.

Встающих… лесная богиня (*тэгьмэ я мэзытхьэ*) – смысл фразы также не удалось установить, но в данном случае семантика каждого слова понятна, непонятным остается значение всей фразы. Таковы же и следующие: «*он много занят собой*», «*дом стеклённый*», «*самыром обметает*».

В переводе, сделанном в источнике, вся тирада, начиная со слов «***Эй рожденный/ая на потребу…***» отнесена к прямой речи от лица Сатаней-гуаши. Прояснить смысл фрагмента затруднительно в связи с тем, что у нарицательных существительных в адыгских языках нет категории рода. Однако начальный стих тирады, как мы полагаем, надо отнести к речи героя, второй стих в равной степени может быть адресован как герою, так и Сатаней-гуаше, а последующие уже наверняка звучат от ее имени.

Миновал нашу мать – в речевой практике адыгов, а также в устной поэтической речи допускается ситуативно мотивированное употребление местоимения множественного числа вместо единственного. Выражение «*ди анэ*» (*наша мать*) – одна из идиом в адыгском языке, которая употребима, включая те случаи, когда прямая речь в тексте дана от первого лица единственного числа.

Завели «Елле» – имеется в виду ритуальная песня, исполняемая хороводом вокруг пораженного молнией или у места, куда угодил удар молнии.

11. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

Нарт Шэбатныкъо къэшэси, орэда,
Тенэ къырыгъуази, орэда,
Гъуазэ къырыдэкI, орэда,
Пшызэ иикIыгъохэр ишычэпэпс, орэда,
ИлъэрыгъитIухэр къыщызэбледз, орэда,
Хьарамы иIуашъхьэ къыщыдэкIуай, орэда,
ТIэсхъэ-нэсхъашэджэ зыкъыщеплъахь, орэда.
Нартмэ ячэмахъо, орэда,
Гъэгуабгъом чыжьэу щыIэкIэлъагъу, орэда,
Хъоумэ заритызэ зыкъафырегъахь.
– НитIоу узымылъэгъурэр о ТхьэмрекI!
– Бэхъуапщы, чэмахъу, – ыIуагъ, орэда,
– О Тхьэм уегъэпсэу, орэда,
Зышъхьэр тымылъэгъу, орэда,
Зигугъум тигъалIэу Шэбатныкъопщ, орэда,
Цукъэрэ гъэрихэр уилэпс зэкIэт, орэда,
Гъэлъэхъум ипщэрэр уиIэпэщыпс, орэда,
Шъоныбжъэ дахэр дэсыушъхьасын, орэда,
Фыгу мэтэ щэкIэр пIастэу фязгъэшIын, орэда,
Еблагъ, сихьакI! – етIуанэ къыреIо.
– О Тхьэм уегъэун, чэмахъу,
Сыешкэ-ешъуакIоп сэ, орэда,
Чыртым сыкъикIыгъ, орэда,
Нартым сыкъихьагъ, орэда,
СыхьакIэ гъозадж, орэда,
Iалэджы яунэжъэр, орэда,
Къысэбгъэлъэгъумэ, орэда,
Сежьэжьын хьакI, орэда.
– Е-о-ой, Шэбатныкъу, орэда,
КъэзгъэшIэгъэ тIэкIум, орэда,
Сычэмэхъожъэу, орэда,
Губгъожъым сит, орэда,
Шъыдэ гущэм сигъэшIэн ар сэ, орэда?
ЗэраIоу зэхэсхыгъэр, орэда,
Сэ къыосIотэн, орэда,
Унэгупэ пэф, орэда,
Унэ фыжь кIахь, орэда,
Тхьэ щэкI икIахьыгъ, орэда,
КIэсэнэу кIэтэр, орэда,
Цуиимэ зэрафащ, орэда,
ПэIулъашъоу Iулъэр, орэда,
Шы бгъэлыбэм къэсы, орэда,
Сэраем идэхьагъом, орэда,
Псэлъыхъом ишъаохэр, орэда,
Ащ щызэблэкIхэзэгъо, орэда,
Iаеу аутагъ, орэда,
Iэкуандэ-дахэр, орэда,
Щэндакъэм ис, орэда,
Саем узынэсыджэ, орэда,

УхэускIутэн, орэда,
Iэкуандэр зилъэгъуджэ, орэда,
УукIытэжьынджэ, орэда,
Боу ар щынагъу, орэда!
– Нартмэ ячэмэхъожъэу, орэда,
Нартэ яхьабзы къылъфыгъэр, орэда,
КъысапIорэр шъыд джы, орэда?
Зы сае сыхахьэмэ, орэда,
[СыхэускIутэнэу, орэда,]
Зы хьабзы силъэгъумэ, орэда,
СыукIытэжьынэу, орэда,
Чырцым сыкъикIыгъэу, орэда,
Нартым сыкъихьатэп, орэда.
Дэнэ кIэпщэр, орэда,
Шы чапэм щегъабзэ, орэда,
Боу шыбзыгъуитIор, орэда,
Зэпэлыдыжьэу, орэда,
ИлъэрыгьитIор, орэда,
Тыгъэ хьажъом пэджэгу, орэда,
Ишы лъэгу къычIэзырэр, орэда,
КъочIэпцIэ-къочIэф, орэда,
Ошъопщым дефые, орэда,
Шы пэбзыджынитIумэ, орэда,
Пщэсэу къарихырэр, орэда,
Купэрэ мэуцу, орэда,
Ихьам къыхигъэшъутырэр, орэда,
Ибгъэм регъэубыты, орэда,
Ибгъэмэ къыхагъэщрэр, орэда,
Ихьэмэ къаубыты, орэда,
ИхьапэниитIумэ, орэда,
Къалъэрэзахьы, орэда,
Ибгъэ IэситIумэ къалъэрэзахьэу, орэда,
Iалэджы яунэжъы, орэда,
Iэкуандэ дахэу, орэда,
Щэндакъэм исэр, орэда,
Чыжьэу щыIэкIэлъагъу, орэда.
– Ор, тянэу тян, орэда,
Ор, тянэ-гуащ, орэда,
Зы шыор къакIошъ, орэда,
Чырцым къимыкIыгъэмэ, орэда,
Нартым къыралъфагъэп, орэда,
Уидэнэджанэ, орэда,
Iапшъэр къыдещаери, орэда,
УипапыщитIор, орэда,
Лъапэджэ къызепфэу, орэда,
ШкыншIэщым чIахьэри, орэда,
Мыфэбэ-мычъыIэу, орэда,
Шкынэр фызэгъафэри, орэда,
Мы хьакIэу къакIорэр, орэда,
О ебгъэблагъэмэ, орэда,
Махълъэ хъут, орэда!

Сэтэнэе-гуащэр, орэда,
А лъахьэм мэтэдж, орэда,
Идэнэджанэ, орэда,
ИПашъхьэ къыдефый, орэда,
ИпапыщитIор, орэда,
Лъапэджэ зэрифэу, орэда,
ШкыншIэщым чIахьэшъ, орэда,
Мыфэбэ-мычъыIэу, орэда,
Шкынэр зэрегъафэ, орэда,
А фэдэ пэтыныя, орэда?!
А зэогъум къынэс, орэда,
Сэраем идэхьагъор, орэда,
Зэлъэгъу фэмыхъоу, орэда,
Нартыжъы делэхэр, орэда,
Унэ щызекIохэу, орэда,
Ипчэр а лъэхъанэм къычIесэ, орэда!
Фарэу зытесэр, орэда,
ШышIохэдзапIэм къышIохедз, орэда,
Нартыжъмэ къахахь, орэда,
ШIуфэсэр къарехы, орэда,
Ичатэ рахьыжьи, орэда,
Пкъэужъыем къыпалъ, орэда,
Пкъэужъыем къызпалъэм, орэда,
Чатэр фэмыIэт, орэда,
Зыдахьытэр амышIэу, орэда,
Нартыжъыхэр еуцу, орэда.
– Моу къахьыжь, нартыжъ,
Ащ шъуегъэгумэкIмэ, орэда,
ИщылъыпIэм, орэда,
ЗгъэIылъыжьын! – ыIуишъ, орэда,
Ар ыгъэIылъыжьи, орэда.
– Шъыд уилIыгъэ шIаI, – ыIуи, нартымэ къяупчI, орэда,
– ТилIыгъэ шIапIэр, орэда,
Боу къыотIотэн, орэда,
Iанэм пIастэр тизэу, орэда,
ПIастэр зэбгырыфыгъэу, орэда,
Щыпсэр ащ итэу, орэда,
Щыпсэр щимыгъэкIутэу, орэда,
Джэхашъом аштрамэр тизэу, орэда,
Къыщышъорэр тилIыгъэ шIапI, орэда!
– Къэшъухь, арымэ мыдэ, – ыIуишъ, орэда,
Унэм къарегъахь, орэда,
Iанэр ышъхьэ тетэу, орэда,
Къэшъонэр еублэ, орэда,
Зигъэчэрэгъуи, орэда,
Унэ плIэныкъор пхыреут, орэда,
Къызэплъэм, орэда,
Ипчым Саусырыкъор, орэда,
Рыджэгоу елъэгъу, орэда,
Е ар губжи, орэда,
Iанэр къычIедза, орэда,

Пчъаблэр къыхилъэшъуишъ къычIедз, орэда,
Ипчэр къызшIохелъэжь, орэда!
– ШъуасшIэрэр шъулъэгъун, орэда,
Нартыжъых, – ыIуи, орэда,
Къэблэпчъэ гъэпытагъэр, орэда,
ЕIэшъы къыIуетхъ, орэда,
Сэрэе дэхьагъум, орэда,
Пшъыжъым къыхедз, орэда,
Лъагъо шъуфэхъуных, орэда,
Нартыжъых, – ыIуи, орэда,
МашIор пыIукIэу, орэда,
О, къыдэкIыжь, орэда.
Нартыжъхэр егупшысэу, орэда,
АшIэжьытэр амышIэу, орэда,
Нартхэр къызэхенэ, орэда!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТНЫКО

Нарт Шабатныко сел на коня и, орада,
По Тену направляясь, и, орада,
По примете <путь выбирая>, выезжает, орада,
Пшизы броды для него по бока его коня, орада,
Стремена свои он крест-накрест складывает, орада,
На Харама-гору он там поднимается, орада,
В поисках слабых мест уязвимых мест озирается, орада,
Нартов пастуха [пастушку-?] коров, орада,
На обочине дороги вдалеке он примечает, орада,
По ущелью к нему [ней] подкрадывается…
– <Мои> глаза, что тебя не увидели, пусть Бог ослепит!
– Бохапщи, пастух коров, – сказал <Шабатныко>, орада.
– О дай Бог тебе жизни, орада,
Тот, кого самого мы не видим, орада,
Тот, о ком рассказами мы сыты, Шабатныкопщ, орада,
Черный бык шестилеток тебе на отварное с бульоном <будет>, орада,
Валух жирный тебе на соус <будет>, орада,
Напитка доброго кадку я тебе открою, орада,
Из тридцати мер пшена велю тебе пасту приготовить, орада,
Еблаг, гость мой! – во второй раз он ему говорит.
– О, пусть Бог дарует тебе блага, пастух коров,
Я не искатель пиров, орада,
Я из Чиртии выехал, орада,
Я в Нартию приехал, орада,
Я гость особый, орада,
Аледжей дом большой, орада,
Если мне укажешь, орада,
Я уеду – вот такой я гость, орада.
– Е-о-ой, Шабатынук, орада,
То немногое, что я на свете прожил, орада,
Я пастухом коров обыкновенным, орада,

В этом поле обыкновенном я провожу, орада,
Откуда, гуща, мне о том знать, орада.
Как по разговорам я слыхал, орада,
Так я и расскажу тебе, орада.
<Аледжей дом большой, орада,>
Это дом передом белый (букв.: *белофасадный*),
Дом белый длинный, орада,
В тридцать тха длиною, орада.
Опоры, что под ним стоят, орада,
Восьми волам под силу привезти, орада,
Ограда, что впереди него, орада,
Коню по грудь достает, орада,
Вход в эту крепость, орада,
Парни-женихи, орада,
Которые там друг друга сменяют, орада,
Сильно истоптали, орада.
Акуанда-красавица, орада,
На балконе восседает, орада,
Как достигнешь того места, орада,
Ты там оплошаешь, орада,
Когда это Акуанда увидит, орада,
Того, что ты оробеешь, орада,
Очень это страшно, орада!
– Нартов ты пастух коров презренный, орада,
Нартской сукой рожденный, орада,
Что ты тут мне говоришь? Орада.
Чтобы я в одну лужу войдя, орада,
<Я оплошаю, орада,>
Чтобы того, что одна сука меня увидала, орада,
Я оробею, орада,
<Не для того я> из Чиртии выехав, орада,
В Нартию приехал, орада.
Шелковой плеткой, орада,
На боках коня он орудует, орада,
Бока лошади
Сверкали ярче один другого, орада,
Его стремена, орада,
На ярком солнце сверкают (букв.: *играют*), орада,
То, что из-под копыт его коня вылетает, орада,
В небеса поднимает, орада,
То, что из ноздрей коня, орада,
Пламенем вырывается, орада,
Шатром становится, орада,
То, что его собаки выгоняют <из кустов>, орада,
Его орлам он дает поймать, орада,
То, что его орлы обнаружат, орада,
Его собаки ловят, орада,
Его собак визжащих, орада,
Кругами бегающих, орада,
Его орлов прирученных кругами летающих, орада,
Акуанда-красавица, орада,

На балконе восседающая, орада,
Вдалеке замечает, орада,
– Ор, мать наша, мать наша, орада,
О мать наша гуащa, орада,
Сюда один всадник едет, и, орада,
Если он не из Чирции прехал, орада,
В Нартии такой не рождался, орада,
Своей шелковой сорочки, орада,
Рукава подбери, орада,
Свои папыщи, орада,
Носками ног погоняя, орада,
В кухню войди и… орада,
Не горячим-не холодным, орада,
Угощение приготовь и… орада,
Этого гостя, что едет, орада,
Если приветишь, орада,
То он зятем станет, орада!
Сатанае-гуащa, орада,
Тогда встает, орада,
Своей шелковой сорочки, орада,
Рукава подбирает, орада,
Свои папыщи, орада,
Носками ног подгоняя, орада,
В кухню входит и… орада,
Не горячим-не холодным, орада,
Угощение приготовляет и… орада,
Долго ли она будет возиться? Орада,
Между тем [нарт Шабатынук] прибывает, орада,
В крепость въехать, орада,
Одного прыжка ему довольно, орада…
Нарты могучие глупые, орада,
В доме том ходят, орада…
Свое копье там он <в землю> втыкает, орада!
Фару, на которой он сидел, орада,
У коновязи привязывает, орада,
К нартам могучим он входит, орада,
Приветствие им говорит, орада,
Его меч принимают и, орада,
На опорном столбе вешают, орада,
Он [столб] меча не может выдержать, орада,
Куда положить, не зная, орада,
Нарты могучие оторопели, орада,
– Сюда возвратите, нарты могучие, орада,
Если это вам доставляет трудности, орада,
На его достойное место, орада,
Я его положу! – сказав, орада,
Он его положил и… орада.
– Каково ваше занятие (букв.: *где вы совершаете подвиги*)? Орада,
– О нашем занятии, орада,
Мы охотно расскажем тебе, орада,

Стол полный пасты, орада,
Паста по столу разложена, орада,
Подлива посередине стоит, орада,
Чтобы эта подлива не пролилась, орада,
А на полу … полно, орада,
Кто вот так сможет сплясать, – вот это мы считаем мужеством, орада!
– Давайте-ка тогда сюда, – сказал и… орада,
В комнату внести велит, орада,
Стол с содержимым, орада,
Начинает плясать, орада,
Разворачивается и… орада,
Пол-угла у дома разрушает, орада,
Выглянув <наружу>, орада,
Он видит Саусырука, орада,
Его копьем забавляющегося, орада,
Эх, он сердится и… орада,
Стол вышвыривает, орада,
Дверной косяк вырывает и выбрасывает, орада,
Дверь выбивает, орада.
– Что я вам устрою, увидите, орада,
Нарты вы могучие! – сказав, орада,
Ворота запертые, орада,
Одним рывком он разрывает, орда,
И у входа в крепость, орада,
В воду бросает, орада,
– Тропой вам послужит, орада,
Вам, нарты могучие, – говорит, орада.
Огнем пылая, орада,
О, он уезжает, орада.
Нартов могучих в раздумье, орада,
Не знающих что делать, орада,
Он оставляет, орада!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 122–126. Исп. Сагид Пщидаток: 1866 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 05.05.1959 г. А. Схаляхо. Перевод на русский язык А. Гутова.

…Шатром становится – здесь в оригинале явно проявляется купюра: пламя из ноздрей коня должно опалять края дороги, а шатер образует, как правило, не пламя из ноздрей, а обильная пена, падающая с крупа коня.

12. ЩЭБАТЫНЫКЪУЭ И УЭРЭД

Нарт Биданокъуэ
Чынты ныкъуэкъуэгъу,
Хьэгъуэ-фыгъуэ бэщI,
Ебгъэн щIыхьэху,
Хьэхуншэ шу.
– Хьэмэ къилъхуа,
Шытхъуэжьыр щIэфши
Мыдэ уанэ къысхутефлъхьэ!
Шытхъуэжьыр щIашыри
Уанэ хутыралъхьэ,
Ныртышхуэ шути, мэшэс,
Терч ирегъэзых,
ПсыжькIэ щыщIокIыж.
Тхъуэжьу щхьэщIыдзэ кIыхьу
Шы лъэпкъыу зыщIэмыхьэжым
Къамыш щэ уэгъуэр ирех,
Хышхуэм хуэдуи ар йожьэ,
Жьышхуэм хуэдуи ар макIуэ,
Гъуэгущхьиблыр щызэхэкIым тету
НартIэ Iэхъуэжь цIыкIур къыIуощIэ.
– НартIэ Iэхъуэжь цIыкIу,
Зы хъыбар къызжыIэ!
– Сэ хъыбар сымыщIэ...
– Хъыбар умыщIэмэ,
Мы гъуэгущхьибл зэхэкIым
Щхьэ утеува?
ЛIоу хъыбар щIомыщIэр?
– Махуэ псом сыIэхъуэщ,
Жэщ псом сыхьэдэ хъурейщ,
Хъыбар дэнэ щысщIэн!?
Шытхъуэжьым къоуэри къырехулIэ,
Къамыш щэ уэгъуэри худех,
Хышхуэм хуэдуи ар йожьэ,
Жьышхуэм хуэдуи ар макIуэ.
Нартхэ я Iэхъуэжь цIыкIур
Къы<з>щIогупшысыжыри абы кIэлъоджэ:
– Нарт Бидэнокъуэ,
Мыдэ зэ къэбгъазэмэ,
«Фыз хъыбар<щ>», – жомыIэми,
Зы хъыбар бжесIэнщ.
Нарту уэ уздэкIуэм
Выгъашхэр я Iэнэщ,
Гъэлъэхъур я шыпсщ.
Iэни имыгъэсысу,
Шыпс иримыкIуту
Лъапэ щэ щIэзысэм
Я пхъур иратынущ.
– Е хьэмэ къилъхуа!
Сэ сыгъуогу лъапэ лъыхъукъым,

Сыпсэлъыхъуу щIалэкъым,
СылэгъунакIуэкъым,
Сэ сыщIасэ щIалэкъым,
Сэ зекIуэ сыкIуэнущи,
Гъусэ сымыгъуэт.
Шытхъуэжьым йоуэри
КъуажэмкIэ къеунэтI.
Сэтэней-гуащэм
И унэIут фызитIым
Санэхур ягъажьэу
Псы Iуфэм Iуту
Шу къакIуэр ялъагъу.
УнэIут фызитIым
Гу<п>щIэуз ирах,
БэгъындакъыжьитIыр
ЗэраудэкI,
Мы псышхуэм хадзэ,
Гуащэм дей мэкIуэж.
– Уэ Сэтэней-Гуащэ,
Дэ зы шу тлъэгъуащи,
Уэ плъэгъуами хэмыт,
Дэ тлъэгъуами хэмыт.
– Сыт и лIыIуэ-лIыфэ,
Сыт и шыфэ щIыкIэ? –
Жери абы къыщIоупщIэ.
– Абы и лIыIуэ-лIыфэхэмрэ
Абы и шыфэ щIыкIэмрэ
Сытым дэ дигъаIуэрэ,
Сытыр дигъэIуатэрэ!?
Дэ зэрытфIэщIахэмкIэ,
Шытхъуэжь кIэлъэфщ,
Телъэфырыуэщ,
Зэуэм щымыбзэщхъуу,
Езым и фащэр
Дыгъэм полыд,
Зыпэлыдыжыр
И шыпхэм телъщ.
– Ей хьэбз куэпэчыжь,
Ар сыту гуих!
Мы щхьэгъумбжэшхуэр
Мо къысхузэIуфхи
Мыдэ зэ къысхуевгъэблагъэ.
УнэIут фызитIыр
ДэкIыгъуэм егъэув.
Шу къакIуэр къынос.
– Нарт Пщыбиданокъуэ,
Мыр пщы еблэгъапIэщ,
Мыр пщы епсыхыпIэщ, – жыраIэ щхьэкIэ,
Ар къахуеплъэкIкъым,
Ар къахуегугъукъым.
КъаблэкIыпэ щыхъукIэ,

Сэтэней-Гуащэр
Мэгузэвапэ,
И щхьэр хуфIегъэху,
Къригъэгъэзэн щхьэкIэ.
<Ар> щхьа абы къыхуегугъукъым,
Ар къыхуеплъэкIкъым.
Сэтэней-Гуащэр
Мэгузавэпэри
Абы кIэлъоджэ:
– Нарт Бидэнокъуэ,
Мыдэ зэ къэбгъазэмэ,
«Фыз хъыбар<щ>», – жомыIэми,
Зы хъыбар бжесIэнщ:
Нарту уэ уздэкIуэм
Выгъашхэр я Iэнэщ,
Гъэлъэхъур я шыпсщ.
Iэни имыгъэсысу,
Шыпс иримыкIуту
Лъапэ щэ щIэзысэм
Я пхъур иратынущ.
– Е хьэмэ къилъхуа хьэбз куэпэчыжь!
Сэ сыгъуогу лъапэ лъыхъукъым, – къыжриIащ гуащэм. –
Сэ сыпсэлъыхъуу щIалэкъым,
Сэ сылэгъунакIуэкъым,
Сэ сыщIасэ щIалэкъым,
Сэ зекIуэ сыкIуэнущи,
Гъусэ сымыгъуэт, – жери,
Шытхъуэжьым йоуэри,
Къамыш уэ макъым
УафэхъуэпскIыу зызэкъуидзу,
Шы лъэгум щIидзыр
Бгъащхъууи хуарзэу,
Шы пэ бзийм къырихым
Гъуэгу напщIитI илыгъуу
НартIэ декIэ еунэтI.
НартIэ де щынэскIэ,
Нартыжь зэшиблым
Фочышхуибл яIыгъыу
Абы къыпожьэ.
– Уэ нартыжь гу махэIэ,
Сэ фэ фызукIынуи,
Фысхьынуи сыкъэкIуакъым.
Сэ сыкъыщIэкIуар
Фэ фи благъагъэщ.
Нартыжь зэшиблым
ЩIакIуэшхуибл къыщIахыри
Къызэпаубгъуэ,
ЩIыгум нэмысу
Нарт Биданокъуэр
ХьэщIэщым щIашэ.
Джэгур ящIыну,

Я пхъур иратыну,
Камисэ къызэхуэсауэ
Абдей зэхэсу
Абы яхохьэ.
Джэгур ирагъажьэ,
Выгъашхэр я Іэнэщ,
Гъэлъэхъур я шыпсщ.
Іэнэр имыгъэсысу,
Шыпс иримыкІуту
Лъапэ щэ щІэзысэм
Я пхъур иратынущ.
Нартхэ Сосырыкъуэр
Абы къекІуэлІауэ щІэсащ,
Нарт Биданокъуэри
Абы щІыхьащ.
Нартхэ Сосырыкъуэ
Іэнэр къеІэтыри
Къэфэну къытохьэ.
Іэнэри егъэсыс,
Шыпсыри ирекІут,
Лъапэ щэ къыщІесэри
КъытокІыж.
Нарт Пщыбиданокъуэр ягъэгубжьыри,
Іэнэр къепхъуатэ...
Выгъашхэр я Іэну,
Гъэлъэхъур я шыпсу...
<Іэнэр> къеІэтыри,
Лъапэ щэ къыщІесэри
Шыпсыр иримыкІуту
Абы токІыж.
Нартхэ Сосырыкъуэ мэгубжь,
И сэшхуэжь къырехыри
СэшхуэпэмкІэ хесэ,
Сэшхуэ дакъэм къыщофэ.
Нарт Пщыбиданокъуэ
Губжьыгъаххэу щысти,
И сэшхуэжь къырехыри
Сэшхуэ дакъэмкІэ хесэ,
Сэшхуэпэм къыщофэри
Абы къохыж,
Пщащэр къаІырихын имыду
КъыщІокІыжыри, къожьэжыри…
Абы унафэ ящІ,
Камису зэхэсым:
– Нарт Пщыбиданокъуэ
ЕмылъэІуу, емыубзу
Къезыгъэгъазэу къыщІэзыгъэхьэжым
Ди пхъур еттынущ, – жыраІэ.
НартIэ Сосырыкъуэм
Ар жеІэ:
– Сэ къезгъэгъэзэнут... – жери

Абы къыпожьэ,
Жыжьу къыпогъуэкIыри
КъолъэIу:
– Нарт Биданокъуэ,
Мо зэ къэгъазэ.
Уи янэ лIыу <укъилъхуауэ> <...>
Абы дежым
Пщащэр ехьыри мэкIуэж.

ПЕСНЬ О ШАБАТЫНОКО

Нарт Биданоко,
Чинты чьи соперники,
Завистников много наживающий,
Свирепости подмога,
Ничего в долг не берущий всадник.
– Собакой рожденные,
Коня чалого могучего выводите,
Седло мне на него положите!
Коня чалого могучего выводят,
Седло на него <для Биданоко> кладут,
Нартский большой наездник он был и <на коня> садится,
По Тереку вниз направляется,
У Псыжа выходит.
Тхожа длинноклыкого,
Из лошадей никем недогоняемого
<Он> тремя ударами плети одаривает,
Морю большому подобно трогается,
Ветру большому подобно он движется,
У развилки семи дорог стоящего
Нартского пастушка встречает.
– Нартский пастушок,
Один хабар мне поведай!
– Я хабаров не знаю...
– Если хабаров не знаешь,
У развилки семи дорог
Зачем ты торчишь?
Почему хабаров не знаешь?
– Весь день я <живой> пастух,
Всю ночь я скорчившийся мертвец,
Откуда мне знать хабаров?
Коня чалого могучего ударяет и <на пастушка> правит,
Три ремня из спины <пастушка> вырезает.
Морю большому подобно трогается,
Ветру большому подобно он движется.
Нартский пастушок,
Подумав, кличет ему вслед:
– Нарт Биданоко,
Сюда если ты поворотишься,
Бабскими хабарами если не назовешь,

То один хабар я тебе поведаю.
У нартов, к кому ты едешь,
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них.
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
– Эй, собакой рожденный!
Я не легких путей искатель,
Я не юноша, невесту ищущий,
Я не охотник до чужих лагун,
Я не ходок по любовницам,
Я в поход желаю пойти и
Спутника себе не нахожу.
<Биданоко> коня чалого могучего ударяет и
К аулу направляется.
Сатаней-гуаши
Две служанки-женщины,
Сано белое готовя,
У берега реки находившиеся
Всадника едущего замечают.
Две служанки-женщины
Сердечную болезнь от этого получают,
Две бадьи старые
Друг о друга стукают и
В эту реку большую бросают,
К гуаше они возвращаются:
– Уа, Сатаней-гуаша,
Мы одного всадника видели;
Он не из тех, кого ты видела,
Он не из тех, кого мы видели.
– Каковы его манеры,
Какова стать его коня? –
Сказав, <Сатаней-гуаша> спрашивает о нем.
– Его манеры,
Его коня стать
Как мы опишем,
Как мы расскажем!
Как нам показалось,
Конь его чалый могучий, с хвостом по земле волочащимся,
Сам он с оттяжкой рубящий,
Куда ударит – промаха не знающий,
Его доспехи
Солнцу навстречу сверкают,
То, что сверкает,
На крупе его коня находится.
– Эй, сука да потаскушка,
Как это страшно!
Это окно большое
Распахните мне и

Сюда ко мне его пригласите.
Двух служанок-женщин
У выхода ставит.
Всадник едущий подъезжает.
– Нарт Пшибиданоко,
Это – князьями посещаемое место,
Это – князьями почитаемое место, – хоть говорят ему <служанки>,
Он на них не смотрит,
Он их не слушает,
Когда стал проезжать,
Сатаней-гуаша
Совсем взволнована,
Свою голову ему показывает,
Чтобы вернуть его,
Но он ее не слушает,
Он на нее не смотрит.
Сатаней-гуаша
Совсем взволнована,
Она ему вслед кричит:
– Нарт Биданоко,
Сюда если ты поворотишься,
Бабскими хабарами если не назовьешь,
То один хабар я тебе поведаю:
У нартов, к кому ты едешь,
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них.
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
– Эй, собакой рожденная сука да потаскушка,
Я не легких путей искатель,
Я не юноша, невесту ищущий,
Я не охотник до чужих лагун,
Я не ходок по любовницам,
Я в поход желаю пойти и
Спутника себе не нахожу, – говорит <Биданоко>.
Коня чалого могучего ударяет,
Камчи удара звук
Молнией низвергается,
Из под копыт вылетающее
Орлом сизым в небе кружится,
Из ноздрей коня извергающееся
Края дороги опаляет.
<Биданоко> к нартам направляется.
К нартам когда он прибывает,
Нартов могучих семеро братьев,
Семь ружей в руках держа,
Навстречу ему выходят.
– Уа, нарты могучие малодушные,

Чтобы вас убивать,
Чтобы вас пленить,
Я не затем прибыл,
Я прибыл затем,
Чтобы знакомиться с вами.
Нартов могучих семеро братьев
Бурок больших семь выносят,
Их в ряд расстилают,
С безмерной почестью
Нарта Биданоко
В хачеш ведут.
Чтобы устроить пляски,
Чтобы выдать свою дочь <замуж>
<Нарты> комиссией собрались и
Там сидели.
<Биданоко> к ним заходит.
<Нарты> начали плясать,
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них,
Стол не пошатнув,
Подливу не разлив,
На пальцах кто трижды спляшет,
Тому свою дочь отдать обещают <нарты>.
Нарт Сосруко
Там находился,
И нарт Биданоко
Входит <в хачеш>.
Нарт Сосруко
Столик поднимает,
Плясать выходит:
Стол расшатывает и
Подливу разливает,
На пальцах трижды пляшет и
<На свое место> возвращается.
Нарта Пшибиданоко гневаться заставляют,
Столик <он> хватает и...
Откормленный вол – угощение у них,
Валух – соус у них...
<Столик он> поднимает,
На пальцах трижды пляшет и,
Подливу не разлив,
<На свое место> возвращается,
Нартский Сосруко сердится,
Свою шашку могучую вынимает,
Шашки конец в пол втыкает
На рукояти шашки пляшет!
Нарт Пшибиданоко
Разгневанный сидел,
Свою шашку могучую вынимает,
Шашку рукояткой в пол втыкает,
На кончике шашки пляшет и

Оттуда соскакивает,
Девушку взять у них не соглашаясь,
Выходит <из хачеша> и уезжает.
Дело решают
Комиссией сидящие:
– Кто нарта Пшибиданоко,
Не заискивая перед ним,
Возвратить его сможет,
Тому нашу дочь отдадим, – говорят.
Нартский Сосруко
Говорит так:
– Я заставлю его вернуться.
Издали объезжает <его>,
Навстречу ему едет
И просит:
– Нарт Биданоко,
Один раз вернулся бы,
<Если> твоя мать <родила> тебя мужчиной <...>
Так он девушку эту насильно уносит и уезжает.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 701–ф/1. Исп. Адам Хажоков: 1903 г.р., а. Кошехабль Адыгеи; кабардинец. Зап. в 1951 г. М. Абитов. Выписка с магнитной ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова и М. Бухурова.

В нашем распоряжении имеется несколько записей этого пшинатля от данного исполнителя; они были произведены в разное время и разными собирателями (З.П. Кардангушев в 1949 г., А.М. Гадагатль в 1959 г., Э.Е. Алексеев в 1975 г.). Все они опубликованы в разных изданиях или же упоминаются в исследованиях. Настоящий вариант представляет интерес для сравнения с другими с целью установления характера вариативности эпического текста. В частности, он свидетельствует о продуктивном взаимодействии восточноадыгской традиции, которую представляет исполнитель, с западноадыгской, которая близка исполнителю по географическому расположению места жительства (аул Кошехабль – одно из селений, основанных в XIX в. т.н. «беглыми кабардинцами» на исторической территории западных адыгов).

13. ШЭБАТЫНЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

Нарт Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Ер зиныкъокъогъуба, о-орэда,
Хьэгъу-шъогъу бэшIыба, о-орэда,
Ябгэр зишIыхьафыба, о-орэда,
Хьэфынчъэ шыуба, о-орэда,

Шыумэ ямышъогъуба, о-орэда,
Нарт ишъэогъу имыс, о-орэда!
Тенэ къырыгъуазэба, о-орэда,
Гъуазэ къырыдэкIыба, о-орэда!
Пшызэ икIыгъожъы, о-орэда,
Ра, къырыдэкIошъыба, о-орэда,
А, къырекIошъэ'ыба, о-орэда!
– Нарт ящэмахъожъыба, о-орэда,
Боу охъу апщый! – реIоба, о-орэда!

Iахъор:
– Ра, тхьэуегъэпсэуба, о-орэда,
Зышъхьэ тымылъэгъоуи, о-орэда,
Зигугъум тыфалIэрэ, о-орэда,
Шэбатыныкъоба, о-орэда!
Еблагъэри! – еIоба, о-орэда!
Тищэмыбгъэ баери, о-орэда,
Ра, фэтыушIыныба, о-орэда,
Къылъы-гулъэ пкъанэри, о-орэда,
Уишым жъэхэтлъхьаныба, о-орэда,
Тэ тифыгу щалъэри, о-орэда,
Фэтыутэзыныба, о-орэда,
О Тхьэм уигъатхъэмэ, о-орэда,
Ра, удгъэтхъэжьыныба, о-орэда!

Шэбатыныкъу:
– СыешхэкIо-ешъуакIопи, о-орэда,
СыжьэгокIо шъаопи, о-орэда,
Шыоу сежьагъа'эпи, о-орэда,
О уищэмыбгъэ баери, о-орэда,
ХьэдэIусы'э огощи, о-орэда,
О уифыгу щалъи, о-орэда,
Бзыумэ Тхьа арегъэшхи, о-орэда,
Къылъы-гулъэ пкъанэри, о-орэда,
Хьэмылыу Тхьа ешI, о-орэда,
Iалэдж яунэжъыми, о-орэда,
Сэ сыриупшIакIоба, о-орэда,
Ащ игъогу лъапэри, о-орэда,
Ра, къысIэ'эгъахьэба, о-орэда!

Iахъор:
– Iалэдж яунэжъыхэр, о-орэда,
Гъогу лъэпэ-лъащэба, о-орэда,
Мые лъащэр Iутыба, о-орэда,
Гъогу лъэгъо закъоба, о-орэда,
Унэ фыжь 'ахьыба, о-орэда,
Тхьащэ' и'эхьагъыба, о-орэда,
Унэ плIэIупэфыба, о-орэда,
Унэ къихьэ-нихьэба, о-орэда,
'эсэныбэ 'этыба, о-орэда,
'эсэнэуи 'этыхэр, о-орэда,

Цуиймэ зэрафэлъэшъу, о-орэда,
Ащ ипэIулъашъори, о-орэда,
Шыбгъэлыбэм къэсыба, о-орэда,
Псэлъыхъо зэблэ'ымэ, о-орэда,
Зэхаутыхьагъэуи, о-орэда,
Зы темэн иIэзы, о-орэда,
Ра, уифэрэ псыгъори, о-орэда,
Ра, хэускIынтэныба, о-орэда,
Ра, Iэкондэ-дахэми, о-орэда,
Ра, укъилъэгъуныба, о-орэда,
УукIытэжьыныба, о-орэда!

Шэбатынык'у:
– Нарт яIэхъожъыба, о-орэда,
Ра, ящэмэхъожъыба, о-орэда,
Зы темэны иIэмэ, о-орэда,
О сифэрэ псыгъори, о-орэда,
Ра, хэускIынтэнэуи, о-орэда,
Сэ зы хьабзы слъэгъумэ, о-орэда,
Сыу'ытэжьынэуи, о-орэда,
Чынтэ сыкъыдэ'эуи, о-орэда,
Нарт сыкъэкIонэпи, о-орэда,
Си-Тхьэми семыплъымэ, о-орэда,
Iэхъомбэ бармыкъми, о-орэда,
Ра, ушIэзгъэпшыныба, о-орэда!

Домбаишъо 'эпщыри, о-орэда,
Ра, къеутIэрэбгъуба, о-орэда,
Шыбгъэм къырефэ'ыба, о-орэда,
Къыхырегъэутыба, о-орэда,
Ишы къыхиутырэр о-орэда,
КъочIэфы-къочIапцIэуи, о-орэда,
Ошъофым хехьаба, о-орэда,
Ихьэ къыхигъэщтырэр, о-орэда,
Ибгъэ регъэубытыба, о-орэда,
Ишыпэбзыджынымэ, о-орэда,
Пщэсэфэу къарихырэр, о-орэда,
Уцышъхьэр елыгъоба, о-орэда!

Iалэдж яунэшхоми, о-орэда,
Ра, къыфеунэтIыри, о-орэда,
Ра, Iэкондэ-дахэри, о-орэда,
Ра, шэндакъым исыти, о-орэда,
Ра, къызыпэшIоплъыми, о-орэда,
О дышъэ пхъэмбгъуитIури, о-орэда,
Ра, къызэхетакъоба, о-орэда,
Дышъэр Iэпытэкъузэ, о-орэда,
Ра, къызыщылъэтыба, о-орэда!

– Iэкуандэу хьабзы удэу, о-орэда,
Уды ежьэгъа'э, о-орэда,

А узыфэтэджырэр, о-орэда,
Тэ къи'ыгъэ шыуа, о-орэда?

– Тянэу Сэтэнаеба, о-орэда,
Сэтэнэе-гуащэба, о-орэда,
О гощэшIу шъхьантэба, о-орэда,
О гощэшхо нэфыба, о-орэда,
Мыщ зы шыу къэкIозы, о-орэда,
Чынты къимы'ыгъэмэ, о-орэда,
Нарт къыралъфагъэпи, о-орэда,
IэшIура'э кIэ'ыба, о-орэда,
ЩэкIэ'ым къырэоба, о-орэда,
О ищэбзэ бзашъхьэхэр, о-орэда,
Ра, мэзышхъом фэдэба, о-орэда,
Жьабгъу тэмэкъупшъхьэми, о-орэда,
Осэпсэуи щехыба, о-орэда,
Сэмэгу тэмэкъупшъхьэми, о-орэда,
Иумэ-обзэгъури, о-орэда,
ПлIэIупэм щэлыдыри, о-орэда,
Ра, зэпэлыдыжьырэр, о-орэда,
ИIэкIыIу телъ, о-орэда,
О имыджэрышIэхэр, о-орэда,
КIэпхым къыщэхъупскIэба, о-орэда,
Шырэу имаисэр, о-орэда,
КъекIоты-ехьажьыба, о-орэда,
Ишы тхъубэу пызырэр, о-орэда,
Щэтырэу мэуцуба, о-орэда,
Ихьэ гъэсэгъитIури, о-орэда,
БгъуитIур къыдачъыхьаба, о-орэда,
Ибгъэ гъэсэгъуитIури, о-орэда,
IэкIым щэчэрэзыба, о-орэда,
О зы шыу къакIошъы, о-орэда,
Нарт ишъогъу исэпи, о-орэда,
Тянэу Сэтэнаеба, о-орэда,
Сэтэнай-гуащэба, о-орэда!

– Ар Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Шэбатыныкъопщыба, о-орэда,
ЛIыхъу копкъ хэтхын, о-орэда!
Саурэу папыщитIумэ, о-орэда,
Дахэу къарэуцоба, о-орэда,
Жьабгъум къытеуцомэ, о-орэда,
Зэхэбаджэрэм фэд, о-орэда,
Сэмэгум теуцомэ, о-орэда,
Тэмэтазэм къеоба, о-орэда,
Бажьэу зыкъегъазэба, о-орэда,
Чэпшэм идэхьагъуми, о-орэда,
Зыкъытырегъафэба, о-орэда.

– О-уи! Шэбатыныкъоба, о-орэда,
Шэбатыныкъопщыба, о-орэда,

Зышъхьэ тымылъэгъоу, о-орэда,
Зигугъум тигъалIэрэр, о-орэда,
Еблагъэри еIоба, о-орэда!
О тицухъу бжъэпэплъыри, о-орэда,
Ра, тихьэ'э ныщыба, о-орэда,
Тигъэлъэхъу пщэрыри, о-орэда,
Ра, тиIапэщыпсыба, о-орэда,
Тисэнэфы 'адэми, о-орэда,
ЫшъхьэфытехынбаIо-орэда,
Тиордэ лэгъунэри, о-орэда,
Ра, боуи зэгъо'ыба, о-орэда,
Ра, ушыдгъэшыеныба, о-орэда,
О Iэкондэ дахэри, о-орэда,
Пшъхьэ хэдгъэуIонба, о-орэда,
Ти-Тхьэ уигъатхъэмэ, о-орэда,
Ра, удгъэтхъэжьыныба, о-орэда!

– О, уи, Сэтэнай-гуащ, о-орэда,
О гощэ хьашхъуашъуа, о-орэда,
Сыешхэ-ешъуакIопи, о-орэда,
СыжьэгокIо шъаопи, о-орэда,
Сышыу ежьэгъа'эпи, о-орэда,
Ра, уицугъо бжъэпэплъыри о-орэда,
ПсэхалIэ Тхьа ешIа, о-орэда,
Ра, уигъэлъэхъу пщэрыри, о-орэда,
Хьэмэ Тхьа арегъалIэ, о-орэда,
Уисэнэф 'адэми, о-орэда,
Цыгъо Тхьа хегъалIи, о-орэда,
[Уиордэ лэгъуни, о-орэда,]
МашIом Тхьа регъэста, о-орэда,
Iэкондэ дахэри, о-орэда,
ТыщырылIэ Тхьа ешIа, о-орэда!

– Тэ титхьэрыIуагъэми, о-орэда,
Укъимыубытыщтмэ, о-орэда,
Сэ усыубытынба, о-орэда,
Чэпшъэ зэтеушхори, о-орэда,
КъызэIуегъэожьба, о-орэда,
Ра, пелыуаныжъхэри, о-орэда,
Шылъэгуанжъэ ешIыба, о-орэда,
Хьалыр Iурегъэтхъыба, о-орэда,
Чэпшъэ зэтеошхори, о-орэда,
Ишы жалэ хэлъэу, о-орэда,
Темэным къыхедзэба, о-орэда.

– Iэкуандэм ипсэлъыхъомэ, о-орэда,
Гъогу афэхъун, о-орэда!
Нартхэр зыщэпэкIохэм, о-орэда,
Нартхэр зыщыхасэхэр, о-орэда,
Нарт яшIэгъо-шIапIэуи, о-орэда,
Iалэдж яунэшхоми, о-орэда,

Сэ сырилъыхъуакIоба, о-орэда,
Ары нахь, Iэкуандэ дэжь, о-орэда,
Псэлъыхъо сыкъакIоеп, о-орэда!

– О зэрэпшIоигъоу, уа-орэда,
Тхьам уегъэун, уа-орэда!
Сыешхэ-ешъуакIоп, уа-орэда,
Сылэгъунэкlо лIэп, уа-орэда,
Ыпшъэ сыкъи'и, уа-орэда,
КIахэм сыкъэкIуагъ, уа-орэда,
Iалэджы яунэ, уа-орэда,
Сыщыгъозадж, уа-орэда,
СыхьэкIэ гъозадж, уа-орэда,
Гъогу лъапэр къысапIомэ, уа-орэда,
Гъогум сырикIощт, уа-орэда,

– Арэу умыIо, уа-орэда,
Мыдэ къеблагъ, уа-орэда,
Тицугъо бжъэпэплъи, уа-орэда,
Тихьа'э ныщ, уа-орэда,
Тигъэлъэхъу пщэри, уа-орэда,
Щыпсы фядгъэшIын, уа-орэда,
Тисэнэф 'ади, уа-орэда,
Фядгъэушъхьэсын, уа-орэда,
Тиордэ лэгъунэри, уа-орэда,
Бэуи ар зэгъо'и, уа-орэда,
Iэкондэ дахэм, уа-орэда,
ЫкIори уипIэшъхьагъын, уа-орэда,
Пшъхьэми къыхэуIоу, уа-орэда,
Зы щэщ бысым, уа-орэда,
Тиунэ щипхын, уа-орэда,
НэфышIу укъи'ымэ, уа-орэда,
Гъогу лъапэри осIон, уа-орэда!

– Хьабз удэу, уа-орэда,
Джэдэжъым къысиIорэр, уа-орэда,
Сыдым фэгъэзагъ, уа-орэда,
СыешхэкIо-ешъуакIоп, уа-орэда,
СыжьэгокIо шъаоп, уа-орэда,
Сышыу къежьэгъа'эп, уа-орэда,
Шъуицугъо бжъэпэплъи, уа-орэда,
ПсэхалIэ Тхьа ешI, уа-орэда,
Шъуигъэлъэхъу пщэри, уа-орэда,
Хьамэ Тхьа арегъэлI, уа-орэда,
Шъуисэнэф 'ади, уа-орэда,
ЫкIэ'э екIуи, уа-орэда,
Уиордэ лэгъуни, уа-орэда,
МашIом Тхьа регъэст, уа-орэда,
Iэкондэ дахэри, уа-орэда,
Гъумы Тхьэ решIыхьи, уа-орэда,
ТыщылIэ Тхьэ ешI!

– Нартымэ ятхьарыIуагъэм, уа-орэда,
О укъимыубытыщтмэ, уа-орэда,
Сэ укъэсыубытын, – еIошъ, уа-орэда,
Iэконда дахэми, уа-орэда,
Чэупшъэ зэIуошхор, уа-орэда,
КъызэIуегъэожьы, уа-орэда,
Хьалыр дарегъэлъхьажьы, уа-орэда,
Пелыуаныжъхэри, уа-орэда,
ПшэIум Iуегъэуцо, уа-орэда,
Нартэу Шэбатыныкъор, уа-орэда,
Ифэрэ псыгъо къыIодысэ, уа-орэда,
О идэнэ ’эпщыр, уа-орэда,
Шы чапэм щегъабзэ, уа-орэда,
ЗыкъеутIэрэбгъу, уа-орэда,
Шыбгъэр сэх хэтIэгъитIум, уа-орэда,
КъырегъэуалIэ, уа-орэда,
Пелыуаныжъхэр, уа-орэда,
Шы лъэгуанжъэ ешIы, уа-орэда,
Чэупшъэ зэIуошхор, уа-орэда,
Ишы джалы хэлъэу, уа-орэда,
Ащи къыкIелъэшъу, уа-орэда,
Псынжъ шIыпIэ бзаджэм, уа-орэда,
Къехьы къеыхеупс’э, уа-орэда.

– Iэкуандэ ипсэлъыхъомэ, уа-орэда,
Гъогу афэхъун, – еIо, уа-орэда,
Къеуи къыдэ’ыжьа, уа-орэда.

– Уапа’э пщагъоу, уа-орэда,
Уаужъ’э гъозэу, уа-орэда,
УздэкIон умышIэу, уа-орэда,
Губгъэжъы нэ’ым, уа-орэда,
Тхьэ урегъан, уа-орэда.
Iэкондэ дахэр, уа-орэда,
Шыум къы’элъэбгэ.

ЗыдэкIожьын ымышIэу, уа-орэда,
Ыпэ’э пщагъоу, уа-орэда,
Ыужъ’э гъозэу, уа-орэда,
Бгъоджым къинагъ, уа-орэда,
Модэ’э кIуи – хъугъэп, уа-орэда,
Мыды’э кIуи – хъугъэп, уа-орэда,
КъыкIухь-ыкIухьыжьэ, уа-орэда,
Нарт яунэжъы ар ешIынатIэ, уа-орэда,
Щагум ари къыдахьэ, уа-орэда,
ПщэрыхьакIо шъаор, уа-орэда,
Ащи гуIэу къыпэгъо’ы, уа-орэда,
Сагъындакъыр къырехы, уа-орэда,
ПщэрыхьакIо шъаоми, уа-орэда,
Ерагъэу, нэбзыщыр ыгъэупIапIэу, уа-орэда,
ЛъэкI’апIэр ыгъэщэу, уа-орэда,

Унэми негъэсы, уа-орэда,
Дэпкъыдасэм къыпелъэ, уа-орэда,
Дэпкъыдасэр къыхечы, уа-орэда,
Сагъындакъыри къефэхы, уа-орэда,
Нарт япхъонтэшхо, уа-орэда,
Ари къытефэ, еубатэ, уа-орэда!

– Мардж, Шэбатынокъу, уа-орэда,
Ныбжьырэ унэжъэу, уа-орэда,
Мы унэжъри тэ тиІ, уа-орэда,
Къытемыкъутэжьын'э, уа-орэда,
Ори тыолъэІу, уа-орэда!

– ШъуилІэуж Тхьам егъэбагъу, уа-орэда,
Ащ игъэІылъыпІэ, уа-орэда,
Мэ'э дэд, уа-орэда!

ІэхъомбэжъыякІэм'э, уа-орэда,
Сагъындакъым къеІэ, уа-орэда,
Сагъындакъыр къыделъхьэжьы, уа-орэда,
ПщэрыхьакІо шъаом, уа-орэда,
Макъэ къырегъэшъы, уа-орэда,
Ишы Іупэ къыфеубыты, уа-орэда,
Къэшэси, къыдэ'ыжьы, уа-орэда,
Нартэу Шэбатынэр, уа-орэда,
Ядэжьы къэкІожьа, уа-орэда!

ПЩИНАТЛЬ О ШАБАТЫНЫКО

Нарт Шабатынико, *ба*, о-орада,
Суровость кому подмога, ба, о-орада,
Наездник, ничего не одалживающий, ба, о-орада,
С наездниками другими не схожий, ба, о-орада,
Нарта, достойного ему быть товарищем, нет, о-орада!
По Тену он направляется, ба, о-орада,
В <выбранную> сторону правит, ба, о-орада,
По Пшызе, что трудно перейти, о-орада,
Ра, он направляется, ба, о-онрада,
А, переправляется, ба,о-орада!
– Нартский коровий пастух могучий, ба, о-орада,
Да приумножится тебе! – говорит ему, ба, о-орада!

Пастух:
– Ра, *тхауегапсау* (букв.: *дай Бог тебе жизни*), ба, о-орада,
Тот, кого мы самого не видим, о-орада,
Тот, рассказы о ком мы слышать желаем, о-орада,
Шабатынико, ба, о-орада!
Будь гостем! – отвечает, о-орада!
Нашу корову яловую откормленную, о-орада,
Ра, в твою честь зарежем, о-орада,

Кытлы-гутла отборную, о-орада,
Перед твоим конем положим, о-орада,
Наше просо доброе, о-орада,
В твою честь почнем, о-орада,
Если тебе Богом дано вкусно поесть, о-орада,
Ра, мы тебя попотчуем, ба, о-орада!

Шабатыныко:
– Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не парень, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не на коне в путь отправился, о-орада,
Твою корову яловую откормленную, о-орада,
Да раздашь ты поминальной пищей, о-орада,
Твое просо доброе, о-рада,
Пусть Бог сделает, чтобы птицы склевали, о-орада,
Кытлы-гутла отборную, о-орада,
Пусть Бог в червей превратит, о-орада,
Аледжей дома могучего, о-орада,
Я ведь искатель, о-орада,
К нему дороги начало, о-орада,
Ра, ты бы мне дал, о-орада!

Пастух:
– Аледжей дом могучий, о-орада,
У дороги кособокий стоит, ба, о-орада,
Яблоня кособокая там стоит, ба, о-орада,
<К нему> путь – тропа единственная, ба, о-орада,
<Это> дом белый длинный, ба, о-орада,
Сто *тха* в длину он , о-орада,
<Это> дом с белым фасадом, ба, о-орада,
Дом, где много гостей бывает, ба, о-орада,
У него много опор, ба, о-орада,
Опоры, что его поддерживают, о-орада,
Такие, что восемь быков только могли приволочь, о-орада,
А впереди него препятствие, о-орада,
По грудь коню достает, ба, о-орада,
Женихи, что там сменяют друг друга, о-орада,
Его так истоптали, о-орада,
Там одна трясина есть, о-орада,
Ра, твой фара тонкостанный, о-орада,
Ра, там опозорится, о-орада,
Ра, Аканда красавица, о-орада,
Ра, если тебя увидит, ба, о-орада,
Ты застыдишься, ба, о-орада!

Шабатыныко:
– Нартов пастух скверный, ба, о-орада,
Ра, их пастух коровий, ба, о-орада,
Если там одна трясина есть, о-орада,
Да чтобы мой фара тонкостанный, о-орада,
Ра, там бы опозорился, о-орада,

Я же, одну суку увидав, о-орада,
Я застыдился бы, о-орада,
Из Чинтии отправившись, о-орада,
В Нартию не приехал бы, о-орада,
Не побойся я своего Бога, о-орада,
Под большим и указательным пальцами, о-орада,
Ра, я заставил бы тебя проползти, о, о-рада!

Плеть из кожи зубра, о, о-рада,
Ра, он распускает, ба, о-орада,
По груди коня стегает, ба, о-орада,
<Землю копытами> вырывать заставляет, ба, о-орада,
То, что его конь вырывает, о-орада,
Белыми птицами – черными птицами, о-орада,
В небеса уносится, ба, о-орада,
То, что его собака выгонит, о-орада,
Его орел ловит по его воле, о-орада,
Из ноздрей его коня пышущий, о-орада,
Пар жаркий, о-орада,
Травы верхушки опаляет, ба, о-орада!

К дому большому Аледжей, о-орада,
Ра, он направляется, о-орада.
Ра, Аканда красавица, о-орада,
Ра, на балконе сидит, и, о-орада,
Ра, как она глянула вперед, о-орада,
О, две дощечки золотые, о-орада,
Ра, она роняет, о-орада,
Золото рассыпая, о-орада,
Ра, она вскакивает, ба, о-орада!

– Акуанда-сука-ведьма, о-орада,
Ведьмой прослывшая, о-орада,
Тот в честь кого ты встаешь, о-орада,
Откуда взявшийся всадник? О-орада.
– Мать наша Сатанае, ба, о-орада,
Сатанае-гуаща, ба, о-орада,
О, добрых гуащ ты *надежный приют* (букв.: *подушка*),
О, ты гуаща большая светлая, ба, о-орада,
Сюда один всадник едет, о-орада,
Если он не из Чинтии прибыл, о-орада,
В Нартии такой не рождался, о-орада,
<Сам> легко до всего достающий (букв.: *коротколокотный*), о-орада,
Короткими стрелами стреляющий, о-орада,
О, его стрел головки, о-орада,
Ра, лесу огромному подобны, о-орада,
На правой стороне его, о-орада,
Роса идет, ба, о-орада,
На левой стороне его, о-орада,
Палица верная, о-орада,

На плече сверкает, о-орада,
Ра, то, что, ослепляя сверкает, о-орада,
На кисти его руки сверху лежит, о-орада,
О, его сбруя, о-орада,
На крупе сияет, о-орада,
Стальная его маиса, о-орада,
Сама <из ножен> выдвигается-вдвигается, о-орада,
Пена с лошади падающая, о-орада,
Шатром над ним поднимается, о-орада,
Его две собаки ученые, о-орада,
По бокам его рядом бегают, ба, о-орада,
Его два орла ученые, о-орада,
На руке его вращаются, ба, о-орада,
О, всадник один едет, о-орада,
В Нартии подобного ему нет, о-орада,
Мать наша Станае, ба, о-орада,
Сатанае-гуаща, ба, о-орада!

– Это Шабатыныко, ба, о-орада,
Шабатыныкопщ, ба, о-орада,
Мужа доблестного плоти мы заполучим, о-орада!
В сафьяновые папыщи, о-орада,
Она мерно становится, ба, о-орада,
На правую сторону станет, о-орада,
Всё как будто валится, о-орада,
На левую сторону станет, о-орада,
Все шатается, о-орада,
Лисицей [величаво] она поворачивется, о-орада,
Когда в ворота ему въезжать, о-орада,
Она навстречу выходит, ба, о-орада.

О-уи, Шабатыныко, ба, о-орада,
Шабатыныкоп, ба, о-орада,
Тот, кого мы не видим, о-орада,
Тот, о ком рассказы слышать желаем, о-орада,
Будь гостем! – говорит, ба, о-орада!
О наш бык краснорогий, о-орада,
Ра, наш угощение в честь гостя, ба, о-орада,
Наш валух жирный, о-орада,
Ра, наш соус, с пальцев стекающий, ба, о-орада,
С нашей кадки белого санно, о-орада,
Мы в твою честь крышку высадим, ба, о-орада,
Наша лагуна просторная, о-орада,
Ра, довольно укромная, ба, о-орада,
Ра там мы тебе поспать дадим, ба, о-орада,
О, Акуанду-красавицу, о-орада,
<Посадим> твою голову почесать, о-орада,
Если наш Бог тебя попотчует, о-орада,
Ра, мы тебя попотчуем, ба, о-орада!

О-уи, Сатанай-гуаща, о-орада,
О гуаща, на серую волчицу матерую похожая, о-орада,

Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не парень, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не всадник, что впервые отправился в путь, о-орада,
Ра, твой бык рыжий краснорогий, о-орада,
Пусть волей Бога издохнет, о-орада,
Ра, твоего валуха жирного, о-орада,
Волки пусть по воле Бога зарежут, о-орада,
В твоей кадке с белым санно, о-орада,
Мышь пусть по воле Бога подохнет, о-орада,
[Твоя лагуна просторная, о-орада,]
В огне пусть по воле Бога сгорит, о-орада,
И Акуанда-красавица, о-орада,
В родительском доме пусть по воле Бога и умрет, о-орада!

– Если наше коварство, о-орада,
Тебя не может одолеть, о-орада,
Я же тебя одолею, о-орада!
Ворота сдвижные большие, о-орада,
Она раздвигает, ба, о-орада,
<…>
Ра, пелюанов могучих, о-орада,
Ногами коня он топчет, о-орада,
Щеколду вырывает, ба, о-орада,
Ворота сдвижные большие, о-орада,
На шее коня висящие, о-орада,
В трясину бросает, ба, о-орада:
– Женихам Акандовым, о-орада,
Дорогой будет, о-орада!
Я же – где нарты собираются, о-орада,
Где нарты хасу устраивают, о-орада,
Где Аледжей дом большой, о-орада,
Вот что ищу, ба, о-орада,
Вот как, а не к Акуанде, о-орада,
Свататься я приехал, о-орада!

– Как тебе угодно, о-орада,
Пусть тебе Бог устроит, о-орада!
– Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не муж, охочий до чужих очагов, о-орада,
С верховий приехав, о-орада,
В низовья я прибыл, о-орада,
Аледжей дом где находится, о-орада,
Я не ведаю, о-орада,
Я гость непростой, о-орада,
Если начало дороги подскажешь, о-орада,
Я по той дороге отправлюсь, о-орада.

– Так не говори, о-орада,
Сюда войди гостем, о-орада,
Наш бык рыжий краснорогий, о-орада,
Это наше угощение в честь гостя, о-орада,

Нашего валуха жирного, о-орада,
Велим для тебя пустить под соус, о-орада,
Нашу кадку белого сано, о-орада,
Велим для тебя открыть, о-орада,
Наша *лагуна* просторная, о-орада,
Очень укромная, о-орада,
Акуанды красавицы, о-орада,
Бедра тебе изголовьем будут, о-орада,
В голове твоей она возиться будет, о-орада,
Одну ночь в нашем доме проведешь, о-орада,
А как добрым утром встанешь, о-орада,
Начало дороги тебе подскажу, о-орада!

Сука-ведьма, о-орада,
Блудницей мне сказанное, о-орада,
На что оно направлено? О-орада.
Я не тот, кто до застолий охочий, о-орада,
Я не юноша, охочий до чужих очагов, о-орада,
Я не впервые выехавший всадник, о-орада,
Ваш бык рыжий краснорогий, о-орада,
Пусть издохнет по воле Бога, о-орада,
Вашего валуха жирного, о-орада,
Пусть волки съедят по воле Бога, о-орада,
Вашего сано белого кадка, о-орада,
Пусть вытечет, о-орада,
Твоя лагуна просторная, о-орада,
Пусть в огне сгорит по воле Бога, о-орада,
И Акуанда-красавица, о-орада,
Пусть <безбрачной> забеременеет по воле Бога, о-орада,
Пусть в родительском доме до смерти пребудет по воле Бога!

– *Если нартская клятва*, о-орада,
Тебя не удержит, о-орада,
Я тебя удержу, – говорит и… о-орада,
Акуанда-красавица и, о-орада,
Ворота большие сдвижные, о-орада,
Захлопывает, о-орада.
Велит клин вложить, о-орада,
Пелюанов могучих, о-орада,
У двери ставит, о-орада.
Нарт Шабатыныко, о-орада,
На своего фару тонкостанного вскакивает, о-орада,
О, своей плеткой шелковой, о-орада,
На боках коня орудует, о-орада,
Напрягается, о-орада,
Грудью коня столбы, в землю врытые, о-орада,
Ударить заставляет, о-орада,
Пелюанов могучих, о-орада,
Под ногами коня оказаться заставляет, о-орада,
Ворота сдвижные большие, о-орада,
На шее коня болтающимися, о-орада,

Оттуда выволакивает, о-орада,
В Псынжа место лихое, о-орада,
Приносит и там швыряет, о-орада.

– Женихам Акуанды, о-орада,
Дорогой послужит, <сказав>, о-орада…
Взял и уехал, о-орада.

– Впереди тебя туман <пусть будет>, о-орада,
Позади тебя пар <пусть будет>, о-орада,
Чтобы не знать тебе, куда повернуть, о-орада,
В степи широкой безлюдной, о-орада,
Пусть Бог тебя оставит, о-орада, –
<Так> Акуанда-красавица, о-орада,
Вслед всадника прокляла.

Так, что <Шабатыныко> не знает, куда повернуть, о-орада,
Впереди туман <стоит>, о-орада,
Позади пар <стоит>, о-орада,
В поле широком он остался, о-орада,
Туда повернул – не получилось, о-орада,
Сюда повернул – не получилось, о-орада,
Блуждая-скитаясь, о-орада,
На могучий дом нартов он набрел, о-орада,
Во двор он въехал, о-орада.
Парень прислужник, о-орада,
К нему радостно навстречу идет, о-орада,
<Шабатыныко> свой сагайдак подает, о-орада,
Парень прислужник, о-орада,
С большим трудом, глаза закатывая, о-орада,
Ноги свои подгибая, о-орада,
До дому его доставляет, о-орада,
На крюк у полки вешает, о-орада,
Крюк вываливается, о-орада,
Сагайдак падает, о-орада,
На большой сундук нартов, о-орада,
Он обрушивается и ломает, о-орада.

– *Мардж,* Шэбатыныко, о-орада,
Старинным домом, о-орада,
Этот дом большой мы имеем, о-орада,
Не обрушать его на нас, о-орада,
Тебя мы просим, о-орада!

Ваш след да приумножит Бог, о-орада,
Его ложе <для вещей>, о-орада,
Очень маленькое, о-орада!

Мизинцем своим, о-орада,
Он поднимает сагайдак, о-орада,
И на место себе его кладет, о-орада,

Парню прислужнику, о-орада,
Он звук подает, о-орада,
<Тот> его коня за узду придерживает, о-орада,
Он садится на коня и уезжает, о-орада,
Нарт Шабатыныко, о-орада,
Домой возвращается, о-орада!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 54–62. Исп. Зафес Куваев: 1882 г.р., а. Хакуринохабль Адыгеи; абадзех. Зап. 30.01.1937 г. Д. Ашхамаф. Перевод на русский язык А. Гутова.

Аффикс -*ба,* прибавляемый к имени героя, а далее и к корням других слов, букв. соответствует частице «*ведь*»*;* однако в данном контексте семантика его ослаблена, и звукосочетание стало выражать лишь эмоциональную приподнятость речи. Поэтому мы в переводе отделили его от слова, к которому оно присоединяется в оригинале.

Тхауегапсау (*тхьэуегъэпсэу*) – букв.: «*дай Бог тебе жить*» – традиционная формула ответа на приветствие-благопожелание на западноадыгских диалектах.

Кытлы-гутлы (*къылъы-гулъы*) – название легендарной травы, обладающей фантастическими качествами.

Я не на коне в путь отправился… – значение фрагмента не совсем ясно; возможно, это речевая ошибка.

Тха (*тхьа*) – по предположению А.М. Гадагатля, здесь это мера длины.

<…> Судя по контексту повествования, здесь налицо лакуна: Сатаней-гуаща выпускает против героя своих пелюанов-силачей (см. следующий эпизод, с участием Акуанды).

Ра, пелюанов … – перевод фрагмента не дословный а смысловой.

Лагуна (*лэгъунэ*) – комната новобрачных.

«***Если нартская клятва…***» – перевод буквальный; судя по контексту, здесь более уместным было бы не «*клятва*», а «*слово*».

Мардж – клич, перизыв.

14. НАРТ ПЩЫ-БЭДЭНОКЪУЭ

Нарт пщы-Бэдэнокъуэ
Ер зи ныкъуэкъуэгъу,
ХьэгъуэщIыгъуэ бэщI,
Ябгэр зи щIыхьэху,
Шуми ящIымыгъу,
Шуми ящIыгъуэджэ,
И хуарэ псыгъуэм

Уанэр тырегъащIэ,
Псыжьу икIыгъуеижьым
Шы джабэпс хуэмыхъуу,
Хъыужьым и бзаджапIэм
ЛIыхъужьыр доущыкI.
Нартхэ я пхъыхьэпсэу
Я псыхьэ фызым
Шур IэщIолъагъуэр,
ГъужьитIыр (пэгунитIыр)
КъыщIедзри фызыр къокIуэж:
– Сэ зы шу слъэгъуат,
Шум щIымыгъуу,
ЯщIэгъуэджэу.
– Сыт шыфэ-лIыфэу?
– Абы и шыфэ-лIыфэм
ЩIагъуэу сыщыгъуазэкъым,
Гъуэжьеймми тесу жыжьэу
И маисэр куэпкъым щегъэлыд,
ЛIыхъур мэлыдыжыри
Уанэгум исщ,
Шы лъэгум къыщIихар
КъуанщIапщIэу уафэм хихуэжащ.
Шыпэ бзийм къырихум
Гъуэгу напщIэр елыгъуэ,
ЛIыхъум зелыгъуэжыри уанэгум ис.
– Нартхэ я пщы-Бэдэнокъуэ,
Еблагъэ, маржэ хъужыххэн!
– Сэ себлагъэ щхьэкIэ, гъуэгу лъапэ сыхуейуэ сыкъежьа?!
– Нартхэ я зэIущIэм хьэ хужьыбэр дэлъ,
Я улишэ (сэрей) Iулъыр шыбгъэныбэм къос.
Зы псыжь уIущIэнщи,
Уи хуарэр узчынтын (лIэн).
Сэтэней гуащэ укъилъагъумэ,
УукIытэжын.
– Нартхэ я Iэхъуэ-выхъуэу,
Нартхэ я жэмыхъуэжьу
Къуэрагъыжь зезылъафэ!
Сэ зы псыжь сыIущIэу,
Си хуарэ уэзджынтыну,
Сэ зы псэжь сыIущIэкIэ,
СукIытэжыну
Кынтым сыкъикIыу
Нартхэ сыкъэкIуэжынтэкъым. –
ЛIыхъур къогубжьыри:
– Нартхэм семыплътэмэ,
Си Тхьэм семыплъыжтэмэ,
Iэхъуамбэшхуэ бэрмакъым (къамышы)
УщIэзгъэпщынт!
Хуарэм къыкIуэцIоуэри
Псыжьу жыхуиIар
Псы джабэпс хуэмыхъуу,

Гуащэу жыхуиІами плъэгъуэ имыгъуэту,
БлоущыкІыри нартхэм я зэІущІэм нэсащ,
Хьэ хужьыбэу Іулъыри лъэныкъуэ иригъэзащ,
Улищэ (сэрей) Іулъри зэхикъутэри яфІыдыхьащ,
И шыр къызэфІидзэри унэм щІыхьа,
Бжэкъуагъым къуэувэри…
Нартхэм я хъуэхь-бжьэхьу
Шэджыблищи (благъуэ) бжьэр
КъырихьэлІэри лІыхъум къырита.
Шэджыблищу хэсыр
ПащІэкІэ къыриІулІыри къафІырифа,
Іэнэр имыгъэсысу,
Шыпсыр иримыкІуту Іэнэм къыщыфа,
Нартхэ я пщы-Бэдэнокъуэ,
Ер зи ныкъуэкъуэгъу.

НАРТ ПШИ-БАДАНОКО

Нарт пши-Баданоко,
Зло его противник,
Важного много свершающий,
Суровости опора,
С <другими> наездниками не знающийся,
С <другими> наездниками не водящийся,
На своего хуару тонкого
Седло прилаживает,
Псыж, который трудно перейти,
<Преодолевает так, что> бока коня не намокли,
На *Хеуа* недоступные места
Муж доблестный рысью поднимается.
Для нартов дрова приносящая,
Им воду приносящая женщина
Всадника замечает,
Пару ведер здоровенных
Она бросает и возвращается:
– Я одного всадника видела,
Не с другим всадником едущего,
Без спутников едущего.
– Как он выглядит (букв.: *каков вид коня-вид мужа*)?
– О виде его коня-виде мужа
Я не знаю много:
Сидя на буланом могучем, он издали
Маисой, что на бедре, сияет,
Сам, муж доблестный, сияющий
В седле восседает,
То, что из-под копыт коня вылетело,
Черными галками в небо запущено,
То, что из ноздрей коня вырывается,
Обочины дороги опаляет,
Сам муж доблестный распаленный в седле восседает.

– Нартов пши-Баданоко!
Будь гостем, ты, которому удачливым быть желаем!
– Если и буду гостем, разве на поиски женщин я выехал?
– У собрания нартов свора белых собак обитат,
Их ограда выше груди коня достает,
Одну трясину встретишь –
И там твой конь погибнет,
Если Сатаней-гуаша тебя увидит таким,
Ты оробеешь.
– Нартский пастух коров, пастух волов,
Нартский пастух коров презренный,
Таскающий длинную хворостину,
Будь я таким, что, встретив одну трясину,
Мой хуара погибнет,
И я, одну трясину встретив,
Оробею,
То, из Кинтов приехав,
В Нарты бы я не возвратился. –
Муж суровый гневается и…
– Не считайся я с нартами,
Не считайся со своим Богом,
Под большим <и указательным> пальцами
Я бы тебя вынудил проползти.
<С этими словами> он бьет хуару и
Псыж, о котором много говорят,
Преодолевает так, что бока коня не намокли,
Гуаше, о которой много говорят, не дав оглянуться,
Пробежал мимо рысью и на нартское сборище попал.
Белых собак свору, что обитала там, в сторону отогнал,
Стену, что стояла, он разрушил и въехал <во двор>.
Коня своего привязал и в дом вошел.
У двери встал и…
И разносчик заздравной чаши у нартов
Ему чашу с тремя змеями ядовитыми
Преподнес и вручил мужу доблестному.
Трех змей ядовитых, что в ней сидели,
Он усами пригвоздил и напиток выпил,
Стол не пошатнув,
Подливы не разлив, на столе он сплясал –
Нартов пши-Баданоко,
Зло его противник.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 7. Исп. Хажисмель Карданов: 1860 г.р., а. Бесленей Карачаево-Черкесии; бесленеевец. Зап. 25.09.1949 г. А. Бичоев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – фрагмент пшинатля о первом появлении Бадиноко на хасе нартов. В том, что некоторые части пшинатля логически

не связываются единым повествованием, можно видеть не только признаки распада сюжета, но также регрессивное влияние младшего эпоса, для которого подобные лакуны характерны, поскольку все недоразумения логического характера в поэтическом тексте находят объяснение в сопровождающем прозаическом предании.

Упоминаемые в тексте «*Хеуа недоступные места*», по всей видимости, инкорпорированы из сказания младшего эпоса об Андемиркане, где описываемые действия часто локализуются в устье маленькой речушки под названием *Хеу,* которая впадает в полноводную и бурную реку Черек.

15. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

Орэдэ, орэдэ, нарт Шэбатыныкъоуи,
Орэдэ, орэдэ, ер зинэкъокъогъури,
Орэдэ, орэдэ, хьагъу-шъогъу бэшIыри,
Орэдэ, орэдэ, хьафынчъэ шыури,
Орэдэ, Тенэ къыблэкIожьышъы,
Орэдэ, Нарты яIэхъожъым,
Орэдэ, бэхъуапщэри къыреIори!
– Орэдэ, зышъхьэ тымылъэгъоуи,
Орэдэ, зигугъум тигъалIэуи,
Орэдэ, теблэгъэнэу зыпIокIэ,
Орэдэ, цунэжъэуи пщэрыхэр,
Орэдэ, уихьакIэныщэуи,
Орэдэ, пкIэныкIэуи пщэрыхэр,
Орэдэ, уихьэкIэ уцэуи,
Орэдэ, Нарт Шэбатыкъоуи,
Орэдэ, ер зинэкъокъогъуи.
Орэдэ, зы псынжъ уIукIэтышъы,
Орэдэ, уиш хэуцыпэтышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, пэнэпцIэ чэуми,
Орэдэ, уиш елъэпэонышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, чэукIоцI ухъупагъэми,
Орэдэ, къэрэгъулишъэ дэтышъы,
Орэдэ, ащ ушIокIыпагъэми,
Орэдэ, гощитIоуи исыми,
Орэдэ, уагъэукIытэжьыни о!
– Орэдэ, нарт яIэхъожъэуи,
Орэдэ, нарт ябзэджэжъэуи,
Орэдэ, псынжъы сызыIукIэкIэ,
Орэдэ, сишы хэуцыпэнэуи,
Орэдэ, чэу сызеуалIэкIэ,
Орэдэ, сиш елъэпаоуи,
Орэдэ, зы цIыф цIыкIу слъэгъуи,
Орэдэ, сыкъызыкIэщтэнэуи,
Орэдэ, хьабзыхэр зыслъэгъукIэ,

Орэдэ, сыукIытэжьынэуи,
Орэдэ, сыхэгъэгу шыуа сэ!
Орэдэ, нарт яIэхъожъэуи,
Орэдэ, нарты ябзэджэжъэуи,
Орэдэ, хьабзыжъым къылъыфыгъ,
Орэдэ, мы Тхьам серэмыплъыри,
Орэдэ, IахъомбэжъыякIэкIэ,
Орэдэ, унэ къизгъэпкIынышъы,
Орэдэ, моу сыхэпкIэжьын! – еIо.
Орэдэ, псынжъым къызыIокIэми,
Орэдэ, зэогъур къырехыщъы,
Орэдэ, ишы къырегъалъэшъы,
Орэдэ, чэум къызеуалIэми,
Орэдэ, щэогъу къырехышъы,
Орэдэ, чэум къырегъалъэшъы,
Орэдэ, чэукIоцIы зэхъуми,
Орэдэ, къэрэгъулэу дэтыхэр,
Орэдэ, зэкIэ зэкIегъачъэшъы,
Орэдэ, еблагъэр къыраIошъы.
Орэдэ, нарт яунэжъыри,
Орэдэ, унэ къебэ-нэбэуи,
Орэдэ, кIэсэнызэкIэтэри,
Орэдэ, кIэсэнэуи кIэтыхэр,
Орэдэ, цура-цура лъэшъоуи,
Орэдэ, япэIожъылъашъохэр,
Орэдэ, ишыпкъэми къэсэуи,
Орэдэ, япчъэIулъэшъуагъэхэр,
Орэдэ, цуиплIы зэралъэшъоуи,
Орэдэ, шыбгъэкIэ рефэкIышъы,
Орэдэ, япэIожъылъашъохэр,
Орэдэ, къамыщ утIонкIагъэкIэ,
Орэдэ, паIохэр тырекъышъы.
Орэдэ, лIыхъур рагъэпсыхышъы,
Орэдэ, пкIакIор зышIуехехышъы,
Орэдэ, зыIатыны бгыкъури,
Орэдэ, унэми имылъэуи,
Орэдэ, сэшхори зышIуехэхышъы,
Орэдэ, зыIатыны пкъэури,
Орэдэ, унэми чIэмытэуи,
Орэдэ, кIэны хъуны сэшхори,
Орэдэ, моу къысэшъут! – еIошъы,
Орэдэ, пкIакIор егъэуцушъы,
Орэдэ, сэшхори шIухелъэшъы.
Орэдэ, лIыхъури мэтIысышъы,
Орэдэ, щэджыблыхэр хэсэуи,
Орэдэ, бжъэри къыфычIахьэшъы,
Орэдэ, щэджыблитIоу хэсыри,
Орэдэ, пакIэкIэ реIулIышъы,
Орэдэ, бжъэри къашIурешъушъы.
Орэдэ, пщэрыхьэуи чIэтыхэм,
Орэдэ пчъаблэр къыхалъэшъушъы,

Орэдэ, шъутыкIэ къицохъужьыхи.
Орэдэ, а ишхомылакIэри,
Орэдэ, тыжьын зэрэзакIэуи,
Орэдэ, илъэрыгъыкIэми,
Орэдэ, уцышъхьэр ылыгъоуи,
Орэдэ, лIыхъум зилыгъожьэуи,
Орэдэ, ионэгу исэуи,
Орэдэ, ихьэ сэрамитIори,
Орэдэ, бгъуитIукIэ рэготэуи,
Орэдэ, шылъэгум къыкIэзыри,
Орэдэ, огум щэчэрэзышъы,
Орэдэ, чIыгум щэчэрэгъушъы,
Орэдэ, къончIэф-къончIапцIэуи.
Орэдэ, гощитIоуи исыми,
Орэдэ, пацэм зырагъэзышъы,
Орэдэ, чIыпцIэм зырагъэпкIышъы,
Орэдэ, лIыхъури мэкIожьы!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНЫКО

Орада, орада, нарт Шабатыныко,
Орада, орада, кому зло противник,
Орада, орада, соперников много наживающий,
Орада, орада, наездник, ничего в долг не берущий,
Орада, мимо Тена едучи,
Орада, нартскому пастуху старому,
Орада, «Бох апщий», – говорит.
Орада, кого мы самого не видим, но
Орада, о ком рассказы нас замучили,
Орада, гостем буду, если скажешь,
Орада, бык могучий жирный,
Орада, твой гостевой ныщ.
Орада, нарт Шабатыныко,
Орада, со злом враждующий,
Орада, одну трясину ты повстречаешь –
Орада, конь твой там завязнет,
Орада, если это и минуешь,
Орада, об ограду из облепихи
Орада, твой конь оступится.
Орада, если и это миновал,
Орада, если во двор вступил,
Орада, <там> сто караульных находятся,
Орада, если и их минуешь,
Орада, две гуащи, там сидят и,
Орада, перед ними ты оробеешь!
– Орада, нартский пастух старый,
Орада, нартский лукавец старый...
Орада, чтобы одну трясину повстречав,
Орада, мой конь бы застрял,
Орада, чтобы одну ограду встретив,

Орада, мой конь бы оступился,
Орада, чтобы одного маленького человека встретив,
Орада, я бы дрогнул,
Орада, чтобы потаскух повстречав,
Орада, я бы оробел, –
Орада, такой ли я на весь край <славный> наездник!
Орада, нартский пастух старый,
Орада, нартский лукавец старый...
Орада, старой сукой рожденный,
Орада, не посмотри я на этого Тха [не побойся я Бога],
Орада, я <одним> мизинцем
Орада, тебе глаза выдавлю (букв.: *выскочить заставлю*) и,
Орада, тут же и выскочу, – говорит.
Орада, трясину повстречав,
Орада, <коня своего> одного удара <плети> удостаивает и
Орада, заставляет перепрыгнуть,
Орада, ограду повстречав,
Орада, <коня своего> трех ударов <плети> удостаивает и
Орада, через ограду перепрыгнуть заставляет,
Орада, внутри двора оказавшись,
Орада, караульных, что там находятся,
Орада, разбежаться заставил [разогнал],
Орада, «Добро пожаловать», – говорят, –
Орада, нартов дом большой,
Орада, дом перекосившийся,
Орада, подпорками поддерживаемый.
Орада, подпорки, его поддерживающие,
Орада, быками-быками [множеством быков – ?] приволоченный,
Орада, их брусья, что у основания <ограды>
Орада, по корпус коня высотой,
Орада, их брусья, что у основания веранды лежат,
Орада, четырьмя быками приволоченные,
Орада, <он> грудью коня отбрасывает,
Орада, их брусья, что у основания <ограды> лежат,
Орада, сдвоенной плетью [рукоятью плети],
Орада, шапки скидывает...
Орада, <нарты> мужа доблестного с коня принимают,
Орада, <и когда он> бурку снимает.
Орада, балки, которая выдержала бы ее,
Орада, в доме не находится,
Орада, когда он саблю свою снимает, то
Орада, столба, который выдержал бы ее,
Орада, в доме не находится,
Орада, *да чтобы* эта сабля *стала наследством*
Орада, дайте-ка ее сюда! – говорит и,
Орада, *ставит бурку* и
Орада, саблю надевает на нее.
Орада, муж доблестный садится [за стол], и
Орада, с ядовитыми змеями,
Орада, чашу ему вносят, и
Орада, двух змей ядовитых, что в ней сидят,

Орада, усами он пригвождает <к стенке чаши> и,
Орада, чашу осушает [выпивает].
Орада, прислуживающие, что там находились,
Орада, дверные косяки выламывая,
Орада, задом вываливаются.
Орада, тот поводок уздечки,
Орада, серебром переливается,
Орада, кончики его стремян,
Орада, верхушки травы опаляют,
Орада, муж доблестный распаленный,
Орада, в седле восседает,
Орада, две его собаки-самыры,
Орада, по двум его бокам стоят.
Орада, то, что из-под копыт коня вылетает.
Орада, по небу кружит,
Орада, по земле кружащее,
Орада, <это тот, у кого> белое – как у галки белое, черное – как у галки черное.
Орада, две гуащи, там сидящие,
Орада, к шерсти клонятся,
Орада, к черной земле клонятся.
Орада, Муж доблестный удаляется восвояси!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 174–177. Исп. Заубэч Огурлов: 1878 г.р., а. Урупский (Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех. Зап. 10.06.1962 г. А. Ашинов. Перевод на русский язык А. Гутова.

«***...да чтобы* эта сабля *стала наследством***» – форма проклятия, обращенного к сабле, но иносказательно указывающая на слабость постройки.

«*...ставит бурку*» – одно из непременных качеств кавказской бурки – это, при ее относительно небольшом весе, стоять «шалашиком» без какой-либо опоры.

16. НАТ ШЭБАТЫНЫКЪУ

Натэу Щэбатыныкъор!
Натэу тыжъ пекIухэр!
Натэу Щэбатыныкъор
Пщызэ къыридахь,
Пщызэр къыредэкI'
Ищыпэбзыдж'ынитIумэ маскI'эу къыкIэзырэр
Гъозэу мэуцу,
Ищы лъэгум къыкIэзырэр
Ошъогум еуцо,

Икъамыщ омакъэхэр куогъуиблэу егъэIу,
Сэтэнай-гуащэм псэжъэу ипсыхьакIом
ЛIыхъор IэкIэлъагъо.
ЛIыхъум наты ямэлахъо зыIуегъакI'э.

Щэбатыныкъу:
– Бэхъу апщы, мэлахъу,
Тхьэм бэу зэригъэхъун,
Натмэ сащыгъэгъуаз!

Мэлахъор:
– Натмэ сащымыгъуаз сэ,
Чэщ рэхъумэ сыдэхьажьы,
МэшIо макIэр къэсэшIы,
ПIэстэ макIэр къэсэшIы,
СиорзапIэ сэшIыжьы,
Нэф рэшъмэ сыкъыдэкIы,
Натмэ сащымыгъуаз сэ!
ЛIыхъор къызкIигъэгубжьи,
Щышъхьэр къэеутIобгъуи,
Щыбгъэм къекIэпауи,
ЛIыхъор ежьэжьыгъ.
Псэжъ тIупщыжьыгъэр
Псы гугумитIор къызэриутэкIэу,
ЗэриутэкIыжьэу псыхъом къэкIыжьы.
– Сэтэнай-гуащ!
ЛIыхъор къэслъэгъугъэшъ,
Наты фэдэлI имыс,
Зэу исмэ ащыщ!
Гуащэр къегъэгубжьи:
– Натхэр тэдэм къыщыпшIа?
Натхэр къызэпэкIэбгъэкIи псыхьэ укъэкI'ыжьия?
Чырэу илэныстэхэр гуащэм къепхъуати,
Псэжъэр къырегъащти,
ЛIыхъор IэкIэлъагъо.
Гуащэр къызэкIэумэ,
Дышъэ пхъуантэм гуащэр къеуцуалIи,
Пырджыгун джанэр гуащэм къызтелъашъо,
Щамэу игъощэджыфо къызщелъашъо,
Дыщэ папыщитIумэ гуащэр къреуцо,
ПчэIум къеуцукI'и:

Сэтэнай-гуащэр:
– ТихьакIэ, ор тикIас,
ХьакIэщым еблагъ!
Наты япщынэфохэр хьакIэщым пылъагъ,
Мэлыхъу кIэлъэшъухэр фядгъэукI'ын,
Чырэу тилэныстэхэр къыфзэIудгъэбзэн,
Цугъо бжъэпэплъхэр къыфядгъэфыжьын,
Чэщ гъолъыгъо уфаемэ къыпфэдгъотын!

Щэбатынукъу:
– СыхьэкIэко шъаоп сэ,
СыгъунэгъокIо кIалэп сэ,
Шъуимэлыхъу кIэлъэшъухэр
Тыгъужъым Тхьэ регъэшхых,
Чырэу шъуилэныстэхэр
Тхьэ зэпреут.
Шъуицугъо бжъэпэплъ псэхалIэу Тхьэ ешI,
Наты япщынэфохэр Тхьэ зэгуреут!
Натмэ сащыгъэгъуаз!
– Натхэр дэщэсыкIыгъ!
Къэф тIэкIу сыкъыхэгъаф,
Гугъэ тIэкIу сыкъыхэгъаф!
– Ямэфибл гъогухэр щэджэгъуапэкI'э зэпысчын!...

НАТ ШАБАТЫНУК

Натский Щабатынук!
Натский отцами могучими встречаемый!
Натский Шабатынук
По Пшизе <в долину реки> входит,
По Пщизе выходит,
Из ноздрей его коня
Искры сыпящиеся
Туманом <стеной> становятся.
То, что из-под копыт его коня вылетает,
В небеса поднимается (букв.: *становится*).
От его плети удара звук
На семь криков разносится.
Сатанае-гуащи
Водоносица распутная
Мужа доблестного видит.
<А сам> муж доблестный
Встречает натского чабана (букв.: *пастуха овец*).

Щабатынук:
– Бох апщий, чабан,
Да дарует тебе бог много чего пасти,
Расскажи мне про натов!

Чабан:
– О натах я не ведаю,
Ночь наступит – я возвращаюсь <домой, в селение>,
Огонь немного развожу,
Пасты немного готовлю,
Свою постель соломенную стелю,
Рассвет настанет – выхожу.
О натах я не ведаю!

Мужа доблестного он разгневал.
<Шабатынук> голову конскую развернул,

Грудь конскую огрел и
Уехал восвояси.
Распутница вольная
Два медных кувшина с водой друг о друга стукая,
Друг о друга ударяя,
Из поймы реки выходит:

– О Сатанай-гуащ!
Я мужа доблестного увидела –
Подобного ему мужа в Натии нет,
Он из тех, каких единицы!

Она гуащу гневит:
– Откуда ты о натах узнала?
<Ты> всех натов перебрала и <после этого>
С реки возвратилась, что ли?
Стальные свои ножницы
Гуаща хватает и
распутнице грозится,
Мужа доблестного замечает.
Гуаща, придя в себя,
У золотого сундука
Она становится,
В сорочку *из дорогого материала*
Гуаща одевается,
Щамского покроя штаны широкие надевает,
В золотые *папищи*
Гуаща ступает,
У порога становится:

Сатанай-гуаща:
– Гость наш, ор, нам дорогой,
Добро пожаловать в хачещ!
Натские инструменты славные (букв.: *пщины большие*)
<На стене> хачеща висят,
Валухов, волочащих курдюки,
Мы тебе в ныщ принесем,
Стальные наши ножницы
Мы для тебя кроить заставим,
Мы для тебя подогнать заставим.
Если тебе на ночь напарница в постели нужна,
Мы ее найдем!

Щабатынук:
Я не юноша, ходящий по гостям,
Я не парень, ходящий по соседям,
Ваших валухов, курдюки волочащих,
Волки пусть съедят,
Ваши ножницы стальные,
Бог пусть поломает.
Ваши быки рыжие краснорогие

Пускай сами подохнут.
Натские инструменты славные
Пусть бог <в щепы> расколет!
– Наты верхом на конях выехали!
<...>
Немного каф мне позволь,
Немного надежды мне позволь.
Их семидневный путь
Я до полудня одолею!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 142–144. Исп. Мустафа Хахо: 1885 г.р., а. Кфар-Кама, Израиль; хакучинец. Зап. 29.04.1963 г. Я. Щеуджен. Перевод на русский язык А. Гутова.

Нат – одна из особенностей данного диалекта – выпадение звука *-р-* в слове *нарт*. В источнике начертание имени героя варьируется: в одних случаях первая буква *Ш*, в других – *Щ*. Мы оставили это без изменения.

«***Семь криков»: один крик*** – мера, которой определяют расстояние.

«***...из дорогого материала***» – перевод условный, т.к. в источнике определение при слове «сорочка» не удалось идентифицировать.

Щамский – изготовленный в Щаме, т.е. Дамаске.

Папищи (*пэпыщ*) – обувь знатных дам, разновидность котурнов.

Пщина – здесь: общее собирательное название струнных смычковых и щипковых хордофонов.

«***Немного каф мне позволь,***
Немного надежды мне позволь» – значение данных двух стихов, в том числе и слова «*каф*», непонятно, поэтому их перевод условный.

17. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЪО ИОРЭД

Нарт Шэбатныкъу,
Ер зиныкъокъогъу,
Хьагъу-шъогъу бэшI,
Шыу зыпамышIыжьырэр Нарт Шэбатыныкъу!
Тенэ къырэгъуазэ,
Гъуазэ къырыдэкIы,
Пшызэ иикIыгъор о уишычэпэпс,
Уилъэрыгъыпситlур, ра, щызэблэодз,
Ныбэпхищыр пытэу къыкIекъузэ,
КIэпщ щэогъур Дул-дулым къырехы,

Ибгъэшхъо ІаситІур шъхьагъыми щэфарзэ,
Ихьа самыритІур бгъуитІум щэчэрэза,
Нарт яІахъо-цуахъом псынкІэуи тефарзэ.
– Нарт яІахъо-цуахъоу,
Нарт ячэмэхъожъ «Бэхъу апщи!» – реІо.
– Зышъхьэ тымылъэгъоу,
Зигугъум тигъалІэу Нарт Шэбатныкъу, еблагъ! – къыреІо.
Мы цугъо бжъэпэплъыр о уихьакІэнышщ,
Ныщым ипщэрыпІэр уиІапэщыпсыпхъ.
Сэтэнэе-гуащэр пшъхьэм хэдгъэуІони!
– Уицугъо бжъэпэплъыр псэхалІэ Тхьэ ешІ,
Ныщым ипщэрыпІэри хьами Тхьэ регъэшх,
Сэтэнэе-гуащэри тыщрылІэ Тхьа ешІ!
СыешхэкІо-ешъуакІоп сэ,
СылэгъунэкІолІэп,
Нартхэр зыщзэпекІоу,
ПекІор зыщашІырэм гъогу лъапэ сыфай!
– Нартхэр зыщзэпекІоу,
ПекІори зыщашІырэр Іалэдж яунэжъ –
Унэ къебэ-нэб,
КІэсэныбэ кІэт,
Ай ыгупэ кІэтыр цуийм зэрафащ,
Зы темэн иІэшъы, ухэускІытэн,
Іэкуандэ-дахэр тахътэм исышъы, ащ укъилъэгъун,
УукІытэжьын, Нарт Шэбатныкъу!
– Зы темэн сыІукІэмэ, сыхэускІытэнэу,
Зы хьабзыжъ слъэгъумэ, сыукІытэжьынэу,
Джырщым сыкъикІыгъэу
Нартым сыкъэкІуагъэп.
Мы Тхьам семыплъымэ,
Мы Іахъомбэ барыкъым о учІэзгъэпшыни!
Шы кІэпщы щэогъур Дул-дулым къырехы,
Ибгъэшхъо ІаситІури ышъхьагъым щэфарзэ,
Ихьэ самыритІури бгъуитІум щэчэрэзы,
Ишы лъэгу къыкІэзырэр
КъопцІэ гъучІышъоу ошъогум дефые,
Ишыпэбзыджын къикІырэм гъогу напцэр ылыгъоу
Шэбатныкъор макІо.
Іэкуандэ-дахэм чыжьэу къыщелъэгъу:
– Тянэу Сэтэнай, Сэтэнэе-гуащ,
Мыщ зы шыу къэкІошъы,
Ащ фэдэ шыу ори къэплъэгъугъэп,
Сэри слъэгъугъахэп,
Джырщым къимыкІыгъэмэ,
Нартым къихъухьагъэп!
А фэдэр пэтыныя,
Нарт Шэбатныкъо чэум къыдэхьагъ.
Іалэдж яунэжъым,
ПекІор зыщашІырэм агу рагъэблэгъагъ.
Нартыжъхэр зэІукІи,
Нартыбжъэхэр къырати,

Шэбатныкъор рагъашъуи,
Нартыжъхэр фэуси,
Чэум дашIыхьанэу къэблачъэхэр агъэпыти,
Нартыжъхэри Iууцуагъ.
Шэбатныкъор къэшэси,
Пчъэблыпкъыр къыхитхъи,
А темэнэу иIэм шыплIэмкIэ хилъашъуи,
Пчъэблыпкъхэри хидзагъ:
– Iэкуандэ ипсэлъыхъухэм гъогу афэхъун! – ыIуишъ,
Нартыжъхэри зэбгырифи,
Шэбатныкъори къэкIожьыгъ.

ПЕСНЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНУКЕ

Нарт Шабатнук,
Зло чей соперник,
Много дел свершающий,
<Других> всадников с кем не сравнивают это нарт Шабатынук!
По Тену <он> направляется,
По направленному <он> выезжает,
Пшиза, трудная для переправы, тебе до боков коня,
Твои два ремня стременных, ра, ты крест-накрест кладешь.
<Свои> три подпруги накрепко затягивает,
Трехкратный удар плетью Дуль-Дулю наносит,
Его два орла сизые ручные над головой кружатся,
Его две собаки-самыры по бокам вертятся,
На нартского пастуха коров-быков скоро налетает.
– Нартов пастух коров-быков,
Нартов пастух коров могучий, бох апщий! – говорит.
– Тот, кого мы не видим,
Тот, о ком рассказов мы наслышаны,
нарт Шабатнук, будь гостем! – отвечает.
Вот этот бык рыжий краснорогий – в честь тебя угощение,
Жирное самое в нем тебе на соус.
Сатанае-гуащу мы усадим тебе голову почесать!
– Твой бык рыжий краснорогий сам по себе пусть сдохнет,
Жирное самое в нем пусть волки съедят по воле Бога,
И Сатанае-гуаща пусть в родительском доме помрет!
Я не тот, кто до пиршеств охочий,
Я не муж, до чужих лагун охочий,
Мне нужно начало пути туда,
Где нарты собираются,
Где сборища свои устраивают!
– Там, где нарты собираются,
И где нарты сборища устраивают, это большой дом Аледжей;
Это дом перекошенный,
Со множеством опор,
У него первая опора – какую восемь волов могут везти,
Там есть одна трясина, ты в ней оплошаешь,
Акуанда-красавица на тахте сидит, она увидит тебя,

И тебе будет неловко, нарт Шабатнук!
– Если я одну трясину повстречаю, и там чтобы я опозорился,
Если я одну суку старую увижу, то ее застесняюсь,
Из *Джирща* выехав,
В Нартию мне нечего было ехать.
Не побойся я этого Бога,
Я бы под большим и указательным пальцами заставил тебя проползти!
Своей плети троекратный удар он Дуль-дулю наносит,
Его два орла ручных над его головой кружат,
Его две собаки-самыры по сторонам вертятся,
Те <комья земли>, что из-под копыт его коня вылетают,
Цветом черные, железоподобные, в небо взметаются,
Тем, что вырывается из ноздрей его коня, края дороги опаляя,
Шабатныко едет.
Акуанда-красавица его издали замечает:
– Мать наша Сатанае, Сатанае-гуащ,
Сюда один всадник едет

Подобного ему всадника и ты не видала,
И я не видала,
Если он не из Джырща приехал,
В Нартии такой не рождался!
Пока это происходило,
Нарт Шабатныко в ворота въехал.
В дом большой Аледжей,
Где сборище устраивают, во двор его приглашают.
Нарты могучие сошлись и…
Нартскую чашу ему подали,
Шабатныко напоили,
Нарты могучие ….
Все ходы вокруг укрепили и…
Нарты могучие стали напротив.
Шабатныко сел на коня и…
Столб у входа вырвал,
В ту трясину, что там была, на коне своем втащил и…
Туда столб входной швырнул:
– Женихам Акуанды это станет дорогой! – сказав,
Нартов могучих разогнал и…
Шабатныко возвратился.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 83–85. Исп. Асланчери Акушев: 1886 г.р., а. Егерухай Адыгеи; егерукай. Зап. 23.07.1961 г. С. Аутлева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Джирщ (*Джырщ*) – эпический топоним, встречается только в данном варианте; в других записях чаще упоминается *Чинтия*.

---

18. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЪУ

Нарт Шэбатыныкъу,
Шэбатыныкъопщ,
Хьэгъу-фэхъу бэшI,
Хьафыншэ шыу!
Нарты къырэгъуазэ,
Гъуазэ къырыдэ'ы,
Пшызэжъ ии'ыгъохэр
Шыщэпэс фэмыхъу,
Хъоу кIоцIыхэр къырикIуи,
Нарт ящэмахъо зыкъыIуигъа'и,
Ахърэтыкъо зыфишIыгъ.

Щэмахъор:
– Сиахърэтыкъоу, сикъо 'аси,
Укъызепсых'э сицу гъэрыхъур сихьа'эныщ,
Сищырмыщэу си'адэр къэсыушъхьэсын,
Сифыгу щалъэ пIастэ фыдэсышIын,
Ситэнэ шъогурыр щыпсы фыдэсшIын!

Шэбатыныкъу:
– Уицу гъэрыхъухэр хьалэлэу оуеI,
Уищырмыщэу уи'адэр хьалэлэу иошъу,
Уитэнэ шъогурхэр хьалэлэу ошх!
Сыешхэ-ешъуакIоп,
СыжьэгокIо лIэп,
Iалэдж яунэр силъэгъунэу
Гъогу лъапэ сыфаеу сыкъыIухьагъ.

Щэмахъор:
– Iалэдж яунэр унэ плIэIу,
Унэ фыжьы 'ыхь,
Унэ къебэ-неб,
'эсэныбэ 'эт,
ИпэIулъашъо шыбгъэлыбэм къызэлъынэсы,
Iэкуандэ пшъашъэу исышъы,
Бажьэм зырегъэзы,
Тыжьыным къырышIэ'ы,
'ыгъунитIоу иIэм дышъэр ябляpыпси,
Псэлъыхъо шъаомэ пшэIупэр аутагъ.
Псынжъым узхахьэ'э,
Уифэрэ псыгъор хэускIутэн,
Iэкуандэ-дахэр плъэгъумэ,
УуГытэжьынба,
Сиахърэтыкъоу, сикъо 'аси!

Шэбатыныкъу:
– Нартмэ ящэмахъу,
Щэмэхъожъ дел,
Зы псынжъы сыхахьэмэ,

Сифэрэ псыгъор хэускIутэнэу,
Зы хьабз слъэгъумэ, сыу'ытэжьынэу
КIытэм сыкъи'эу
Нарты сыкъэкIуя?
Ахърэтыкъом семыплъыгъаемэ,
Iэхъомбэшхо бэрмакъым удэзгъэ'ыни!
Губжъыгъэу къэшэсыжьи,
Шъхьам зиутIэбгъоу,
Дэнэ 'эпщ бгъузэр шы ныбэм къырифэ'и,
Шы лъэгум къычIэзрэр ошъогум щыфэразэу,
Къызехыжь'э шIышъхьэр тыриутэу,
Шым Iупсэу къыIукIырэр
Щэтырэу уцоу,
Ибгъэшхъо Iасэр ышъхьагъы щыфарзэу,
Ихьэ самритIур ибгъу'э щыщэрэзэу,
Хьэм къыхигъэшъутырэр бгъэм ригъэубытэу,
Бгъэм къыхигъэшъутырэр хьэм ригъубытэу
Шэбатыныкъор къыIукIыжьыгъ.
Къоу-къопкI зыкъишIэу,
Щэндакъым исэу
[Iэкуандэм Шэбатыныкъор]
Щыжьэу къыщелъэгъу.

Iэкуандэр:
– Тянэу Сэтэнэе-гуащ,
ШIуцIагъэ горэ сэлъэгъушъ,
Дзэ'э сшIома'и,
Хьа'э'э сшIобаIу,
ШхыншIэщым шIахьэри,
Мыфэбэ-мышыIэу къызэтегъэпсыхь!....
Сэтэнае ыIэлджэнашъо къыдегъэчэраз,
ЫIлъэпашъо дегъэчэрэзае,
ШхыншIэщым кIуи,
Мыфэбэ-мышыIэу зэтырегъэпсыхьэ,
Ащ нэсы'э Шэбатыныкъо
Къоу-къопкIы зыкъишIэу нартымэ къалъэгъу.

Нартхэр:
– ШIуцIагъэр тэлэгъушъ,
Дзэ'э тшIома'и,
Хьа'э'э къытфакIомэ,
ПэIошъхьарыхы'э тыпэжъугъэгъо'и,
А'э тызмыхъу'э –
Чэтэ ихыгъэ'э текIолIэжьын…
Шэбатныкъо къынэсыгъ –
Сэрэяпшэм Iухьи,
Чэупшэ блыпкъитIур хилъэшъуи:
– СэрэекIо шъаоми лъэмыжьы афэхъун, – ыIуи,
Псынжъым хидзи къызегъэзэжьым,
Нартыхэр къыпэзэрэгъохы:
– Тихьа'эу ти'аси,

Укъызепсыхы'э –
Тицугъо бжъэпэплъыр тихьэ'энышщ,
Тигъэлъэхъу пщэрыр къурмэн пфэтшIын!
Ти-Iэкуандэ-дахэр пшъхьэм хэдгъэуIон…
– Шъуицугъо бжъэпэплъэр шъуихьадэIуси,
Шъуигъэлъэхъу пщэр хьадэ'э ишъохи,
Шъуи-Iэкондэ-дахэр шъуиунэ елIыхь!
Сыешхэ-ешъуакIоп,
СылэгъунэкIо шъаоп,
ЛIыхъу дэжьэгогъу сыфае'э Чыт сыкъи'и
Нарт сыкъэкIуагъэшъ,
Нарт язэIукIапIэ къысэжъугъэлъэгъу!

Нартхэмэ Iалэдж яунэ къызырагъэлъэгъум, шым зэрэтесэу пчэу иIыгъыр щагум дисагъ. Хьа'эщым ибзэкуалъэ зыгорэм зыIуехым, ылъэ'апIэ ыгъэ'эзызыгъ, нэбзыцыр ыгъэупIэпIагъ. Ичатэ пкъэужъыем зыпалъэми – емыIыгъ!

– Сибысымхэр, сичатэ игъэIылъыжьыпIэ згъэIылъыжьын, разэ шъухъумэ, – ыIуи, ыбгы рилъхьажьи, тIысыжьыгъ.

Пчэу шIисагъэр нартымэ къафы'эчыгъэп. Саусырыкъо хъор-шэрти, егъутхьылIи, ыгъэсыси къы'ичыгъ. Пчыр унэм зырахьэм, Шэбатыныкъо губжъи къежьэжьыгъ.

Iэкуандэ ятэ Iалэдж:

– Зэ маржь, сихьа'э къезгъэгъазэрэм Iэкуандэ естын, – зеIом, Саусырыкъо хъор-шэрти, къылъежьи:

– Тихьа'эу ти'ас, къызыбгъазэ'э Iэкуандэ къысатыщтышъ, къэбгъэзэн'э сыолъэIу, – зеIом:

– Хъун! – ыIуи, къыригъэгъэзагъ.

Ар нартхэмэ къызалъэгъум:

– Тихьа'э къыгъэзагъэшъ – зы гушIуагъо. Махъулъэ тиIэшъ – гушIогъуитIу! – заIом:

– Хэт махъулъэ'э згъотыгъэр? – ыIуи Орзэмэдж къяупшIыгъ.

– Саусырыкъу! – раIуагъ.

– Хэты иджаурхэ' махъулъэ'э згъотыгъэр! Нартхэм'э шъуилIэуж кIодыгъагъа, сыдэу шъуащыщ горэ шъумыгъакIуи! – къариIуагъ.

Шэбатыныкъо унэм зехьэжым яупшIыгъ:

– Сыд лIыхъужъ гъэунэфыкIэу шъуиIэр? – ыIуи.

Нартхэмэ унэ джэхашъом аштрамыр къытратакъуи, лъапцIэ зашIы, щыпсыр ашъхьэ тетэу техьэхи, Шэбатыныкъор ахэтэу къашъохэзэ, аштрамыр хьаджыгъэ трашIыхьагъ. Шэбатыныкъо унэм шIэлэгъуалэу итыр къыригъэ'и, лIы ныбжьы'эу итыр шIуи'и, Орзэмэдж 'ыб шъхьэныгъупшэм'э и'ыжьэ, зылъэIабэм, ыцэгэнэлъыщ зэпи 'ыгъ.

Iэкуандэ ятэр Iалэдж Орзэмэдж нахь, Чылэхъстанэп.

НАРТ ШАБАТЫНУК

Нарт Шабатынук,
Шабатынукопщ,
Соперников много наживающий,

Ни у кого не одалживающий наездник,
В сторону Нартии направляющийся,
По знакам направление выбирающий,
Пщизы могучей переправы трудные
Ему до боков коня не достают,
По речным долинам едучи,
Повстречал он нартского коровьего пастуха,
Сделался ему *ахратуком* [приемным сыном].

Коровий пастух:
– Мой ахратуко, мой сын любезный,
Если здесь спешишься, годовалый <бык> тебе угощением <будет>,
Не пожалев, я свою кадку <хмельного напитка> открою,
Из <целого> ведра проса пасты тебе приготовлю,
Моего бычка пестрого на соус пущу!

Шабатынук:
– Пусть твой бык откормленный на радость тебе остается,
Твою кадку <хмельного напитка> пусть на радость ты сам выпьешь,
Твоего бычка пестрого на радость пусть ты съешь!
Я не искатель еды-питья,
Я не муж, ищущий веселья,
Аледжей дом – моя забота –
В поисках дороги к нему я к тебе явился.

Коровий пастух:
Аледжей дом – дом плечистый,
Дом белый длинный,
Дом покосившийся,
Много опор имеющий,
Его ограда до груди коню достает.
Там Акуанда в девушках сидит и
Лисице <подобно> она поворачивается,
Серебром она увешена (букв.: *от серебра ломится*),
По сторонам ее золотые цепочки,
Женихи ее перед домом землю замесили,
В грязь <эту> войдешь, и
Твоя фара тонкая там завязнет.
Ты же оробеешь тогда,
Мой ахратыко, мой сын любезный!

Шабатынук:
– <Эй ты,> нартов коровий пастух,
Коровий пастух глупый,
Чтобы попав в одну лужу,
Мой фара тонкий увяз,
Чтобы одну потаскуху увидев, я оробел,
Разве я из Китии [Чинтии] выйдя,
В Нартию явился?

Не посчитайся я с ахратыко,
Заставил бы тебя под большим и указательным пальцами проползти!
<Шабатынук>сел на коня рассерженный,
Шелковой узкой плетью по боку коня хлестнул и,
То, что вылетало из-под копыт коня, поднималось в небо,
А при падении разрушало поверхность земли,
Пена, что падала изо рта коня,
Шатром вставала,
Его серые орлы прирученные над ним кружили,
Его собаки борзые по сторонам его рыщут,
Что собаки выгонят, на тех орлов он напускает,
Что орлы выгонят, на тех собак напускает –
<Вот так> Шабатынько оттуда уехал.
Собою любуясь-красуясь,
Восседая, на балконе сидя,
<Акуанда нарта Шабатынука>
Издали примечает.

Акуанда:
– Мать наша, Сатанае-гуащ,
Что-то темное я примечаю –
Чтобы быть войском, мне кажется маловато,
Чтобы быть <компанией> гостей, мне кажется многовато.
Сатанае в кухонную комнату уходит,
Одевается не для жары и не для холода,
Рукава свои закатывает,
Штанины свои закатывает,
За приготовление еды принимается и
Готовит не горячее – не остывшее.
А пока это делается, Шабатынука,
Едущего-скачущего нарты замечают.

Нарты:
– Что-то темное мы видим,
Чтобы быть войском нам кажется маловатым,
Если это гости едут к нам,
С обнаженными головами встретим их,
А если этим не сумеем <расположить к себе>,
С обнаженными мечами подступимся...
Шабатынько прибыл к ним:
К крепостным воротам подступился,
Две боковые стойки вырвал и...
– Приходящим в крепость мостом послужит, – сказал и
В лужу швырнув, когда повернул назад...
Нарты навстречу ему высыпали:
– Наш гость, нам дорогой,
Если ты у нас спешишься,
Наш бык рыжий с красными рогами – *наш гостевой ныщ*,
Наш валух жирный в твою честь жертва,
Нашу Акуанду прекрасную <приставим> тебе голову расчесать.

Ваш бык рыжий с красными рогами вам поминальной пищей <пусть будет>,
Ваш валух жирный сам пусть сдохнет,
Ваша Акуанда прекрасная в своем доме пусть состарится (букв.: *помрет*).
Я не искатель еды-питья,
Я юноша, охочий до лагуны,
В поисках мужа доблестного достойного я из Читии явился и
В Нартию прибыл.
Укажите мне, где у нартов место встреч!

Когда указали ему дом Аледжей, он, сидя на коне, свое копье воткнул в землю посреди двора. Когда в хачеще кто-то взял у него колчан с луком и стрелами, у того колени задрожали, веки захлопали. И когда его меч на опору повесили, она не выдержала!

– Хозяева мои, повешу-ка я свой меч на его место, если вы согласны, – сказал он, повесил меч на свой пояс и присел.

Копье, что он воткнул, нарты не смогли выдернуть. Саусырыко ушлый был, он помочился под древком, расшатал и выдернул. Когда копье внесли в дом, Шабатынук рассердился и уехал.

Аледж, отец Акуанды:

– Постойте, *мардж*, кто сумеет вернуть моего гостя, за того выдам Акуанду, – когда он так сказал, Саусырыко ведь ушлый был, пустился вслед <за> Шабатынуком:

– Гость наш дорогой нам, если ты повернешь назад, за меня выдадут Акуанду, и поэтому я прошу тебя вернуться. – Когда он так сказал…

– Хорошо, – сказал тот и повернул назад.

Когда нарты увидали это…

– Наш гость возвращается, – это одна радость, мы обрели зятя, – это вторая радость, – заявили они.

– Кого я обрел зятем? – спросил у них Орзамедж.

– Саусырук! – ответили ему.

– Чьего же *гяура* я обрел в зятья! Разве же у вас нартов род пресекся, что не нашли из своей среды никого! – сказал он им.

Шабатынук, войдя в дом, спросил:

– Какие у вас есть способы испытания мужества?

Нарты посыпали середину комнаты водяными орехами, разулись, вышли на круг и вместе с Шабатынуком плясали, пока не истолкли *водяные орехи* в муку. Шабатынук выпустил всю молодежь, те, что повзрослее, сами выбежали. А Орзамедж хотел через окно вылезть, и когда <Шабатынук> схватил его, он сломал тому три ребра.

<Вот так,> отцом Акуанды является Аледж Орзамедж, но не Чилахстан.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 116–120. Исп. Исмаил Куваев: 1876 г.р., а. Хакуринохабль Адыгеи; абадзех. Зап. 12.02.1935 г. И. Цей. Перевод на русский язык А. Гутова.

Шабатынукопщ (*Шэбатыныкъопщ*) – формант *-пщ* является корнем слова *пщы,* букв.: *князь.* Однако оно полисемично и может означать *владетель, глава, предводитель.* В данном случае наиболее близко последнее из приведенных значений. Поэтому устойчиво маркирующий компонент в имени данного героя следует понимать не как обозначение сословно-классовой принадлежности, а как указание на его статус в воинской иерархии.

Ахратуко (*ахърэтыкъо*) – букв.: *ахърэт – загробный мир, -къо – сын* – приемный сын, который был призван в загробном мире стать заступником за мужчину, не породившего своего сына.

«***…наш гостевой ныщ***» – при приеме важного гостя полагалось в его честь зарезать жертвенное животное, *ныщ,* а в свидетельство того, что было принесено именно по данному случаю, на стол в свое время подавалась правая половина головы жертвы.

Мардж (*маржэ*) – междометие со значением призыва.

Гяур (*джаур*) – иноверец; здесь слово употреблено в значении *бесчестный, неверный, недостойный.*

Водяной орех (*аштрам*) – плод кустарникового растения с твердой скорлупой, имеющей острые шипы.

19. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ІАЛЭДЖ ЯУНЭЖЪ КЪЫЗЭРЭКІУАГЪЭР

Іалэдж яунэжъ Пщыщэ Іушъо Іутыгъ. Хъураеу къэтІахьыгъэу щыт зытетыгъэ чІыпІэр.

Іалэджмэ Сэтэнае япшъэшъагъ. Ар пшъэшъэ дахэтыгъ. Псэлъыхъо бэу иІагъ.

Нарт Шэбатныкъо чыртэ щыІагъ. Ар чыжьагъэ, аІо. Ащ къикІи Сэтэнае дэжь псэлъыхъо къэкІогъагъ. КъакІозэ ячэмахъо къыІукІэгъагъ.

– Бэхъу апщ! – риІуагъ. – Іалэдж яунэжъ сэгъэлъэгъу! – ыІуагъ.

Чэмахъоми:

– Еблагъ, тихьакІэ, – ыІуагъ. – Сэнэф кІадэр фэтэушъхьасын, цугъо бжъэпэплъэр фэтыукІын.

Нарт яунэжъ унэ Іубэ-Іущ,
Унэ фыжь кІахь,
КІэсэныбэ кІэт,
ПэІулъашъоу Іулъэр шы бгъэлыбэм къэсы,
Чэупчъэшкомджэ укІомэ –
Псэлъыхъомэ аутагъэм уифарэ хэускІутэн,
Чэупчъэжъыемджэ укІомэ –
Іэкуандэр плъэгъумэ уукІытэжьын!
Мэлым ипщэрэр щыпсыпхъэджэ кІыгъоу,
Іэкондэ-дахэр уакІыб къетІэхъузэ удгъэчъыен,
Къеблагъ, – ыІуагъ.
– Нарт ячэмахъу, – ыІуагъ, –
Нарт яхьажъы къылъфыгъ,
Сыешко-ешъуакІоп,

СыджэгокIо шыоп!
Псыжъ лъапэ слъэгъумэ,
Сифарэ хэускIутэжьынэу,
Зы хьабз слъэгъумэ, сыукIытэжьынэу
Чырты сыкъикIи Нарт сыкъэкIуагъэп!
Iэкуандэм ар чыжьэджэ къызелъэгъум, янэ риIуагъ:
– Зы шыу гъэшIэгъон къакIо! КIэко зэпедзэкI. Унэм къищ, щынаут хафэри жъугъэхьазыр, – ыIуагъ.
Нартхэр ешъоу санэм зэхэсыгъэхэти, Шэбатныкъо рагъэблагъи, Iэкондэ-дахэм щынаут зыхэлъ бжъэр къыритыгъ. Ришъугъ итэр. Зэрыт къамлыбжъэр ыкIыбджэ зэридзэкIыгъ.
Iалэдж яунэжъ якIопIэ шъыпкъэу,Iофэу ашIэтмэ ащытегущаIэтыгъэх, зэуакIохэр агъэсэтыгъэх, хьакIэщ шъхьаIэу нартхэм яIагъ.
Нарт Iуашъхьэхэр Новороссийскэ щегъэжьагъэу Пшызэ, Пщыщэ Iушъохэр къырыкIоу Гиагинскэм ылъэныкъоджэ макIо.
Адыгэхэр нартымэ къатекIыгъэхэу, абзи тэ тыбзэ дэдэр арыгъэу аIо.

КАК ШАБАТНЫКО ПРИЕЗЖАЛ В СТАРЫЙ ДОМ АЛЕДЖЕЙ

Старый дом Аледжей стоял на берегу Пщища. Место, где он стоял, было кругом окопано <рвом>. Сатанае была дочерью Аледжа. Она была красавица. К ней сваталось много женихов.
Нарт Шабатыныко был [*жил* – ?] в Чиртии. Говорят, это было далеко. Оттуда он прибыл и явился свататься к Сатанае. Едучи, он повстречал их пастуха коров.
– Бох-апщи! – приветствовал он. – Покажи мне старый дом Аледжей! – сказал.
Пастух коров <ответил>:
– Добро пожаловать, гость наш, – сказал. – <Мы в твою честь> кадку белого сано откроем, быка рыжего краснорогого забьем.
Нартский старый дом – дом широкий кособокий,
Дом белый длинный.
С многими подпорками,
Перед ним ограда до груди коня достает.
Если через большие ворота пойдешь,
<Там>, где женихи <трясину> взбили, твой фара завязнет,
Если через малые ворота пойдешь,
Акуанду увидев, оробеешь!
...Самую жирную овцу мы тебе на соус добавим,
Акуанду прекрасную тебе спину чесать дадим – вот так спать уложим,
Добро пожаловать, – сказал.
– Нартов пастух коровий, – сказал <Шабатыныко>, –
Нартов собакой старой рожденный,
Я не искатель еды-питья,
Я не всадник, ищущий развлечений!
<Чтобы> Псыжа протоку завидев,

Мой фара завяз,
<Чтобы> одну потаскуху увидев, я заробел –
Не таким я из Чиртии выехав, в Нартию явился!
Когда Акуанда его издали увидела, она сказала своей матери:
– <Там> один дивный всадник едет! Выстели перед ним бурки, введи в дом, да и сильного яду приготовьте, – сказала.
Нарты сидели и пили сано, они приняли Шабатныко, и Аконда прекрасная поднесла ему чашу с ядом. Он содержимое выпил, а саму чашу за спину [через голову] перебросил.
Аледжей старый дом был у нартов излюбленным местом сборищ, там они свои дела решали, воинов [юношей] <воинскому искусству> обучали, как хачещ держали. Нартские курганы тянутся от Новороссийска по Пщизе и Пщищу в сторону Гиагинской.
Говорят, что адыги произошли от нартов и что у них язык был тот же, что и наш.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 168–169. Исп. Тугуруг Хутыз и Нух Мугу: а. Джиджихабль Адыгеи; бжедуги. Зап. 12.01.1957 г. Ш. Хут. Перевод на русский язык А. Гутова.

20. ШЭБАТНЫКЪО НАРТЫ КЪЭЗЭРЭКIУАГЪЭМРЭ САУСЫРЫКЪО КЪЫЗЭРЭРИГЪЭЩАГЪЭМРЭ

Нартымэ ялъэкъогъу,
Хьагъу-фыгъу бэшI,
ЯбгэрышIы хьаф,
Хьафынчъэ шыу,
Баджэм къырэгъуазэ,
Цызэм къырэдэкIы,
Пшызэ икIыгъончъэ ишычэпэпс,
Фэрэ псыгъоу зытесыр
КопкъитIукIэ ефызы,
Изыгужъ нэкIым къыриутIокIагъэу нартымэ ячэмахъо чэлым къыкIэкIыгъэу къыIэкIэлъэгъуагъ.
– Уеблагъэ тшIоигъу, сихьакIэ! – ныом ыIуагъ.
– Бэу себлэгъэн, тянэжъ, лъэгъун сиI! – ыIуагъ.
Шым зыригъэлъэтэхи, Шэбатныкъо ныом ыбыдзышъхьитIу, ыкIыбыджэ щагъэти, «сыуян, сыуят!» ыIуи зыIуилъхьагъ.
Чэлым ригъэблагъи Шэбатныкъо ныом къэбарым хэхьагъэх:
– Тянэжъ-гуащ, – ыIуагъ, –
СыхьэкIэ гъозадж,
Чырты сыкъэкIыгъ,
Нартымэ яунэ сыщыгъозадж,
Сыбгъэгъуазэ сшIоигъу!
– Шъыдым сигъэшIэн, нынэ?

Нартымэ сырячэмахъу сэ,
Чэщэу сыкъыдэкIы,
Чэщэу сыдэхьажьы,
АIоу зэхэсхыгъэр мы чIапIэм щыосIон!
Нартымэ яунэ мы тхым узыдэкIэу,
Зы щэджэгъуакIо бгым удэкIуаемэ къэпIэкIэлъэгъот,
Унэ къебэ-наб,
КIэсэныбэ кIэт,
КIэсэнэу кIэтэр цуи[й]мэ зэрафащ,
ПсэлъыхъокIо шъаомэ
Къэлапчъэм идэхьагъу IуаупсыжьыкIыгъ,
Уишы хэускIытэу ущыукIытэжьынджэ
Бэу чIыпIэ бзадж, – ыIуагъ ныом.
– Тхьэм семыплъэу,
Быдзыщэм семынэгуемэ,
Iахъомбэшко бэрмакъым учIэзгъэплъыни, – ыIуагъ Шэбатныкъо. –
Зы псыжъым сырихьылIэмэ сишэр хэджэрдэнэу,
Зы хьабз слъэгъумэ сыукIытэжьынэу
Чырты сыкъэкIыгъэп!
Изыгужъ нэкIым къыщыреузакIэ,
Илъэрыгъэпсит Iор къыщызэбледзы,
Ихьэ къыхигъэщтрэр
Ибгъэ регъэубыты,
ХьапаниитIор чIылъэм щэпэразэ,
Бгъэшхъо IэситIумэ, о, къалъэрэзахьы,
Шэу зытесым
Къэтуанэм къэсэу чIы гъугъэр пхыретхъу,
Иш пэбзыджынит Iу къырихырэм
Гъогу нэпцитIор елыгъо,
Iэкуандэ щэндакъым исти,
Чыжьэджэ Шэбатныкъо къелъэгъу.
– Тянэу Сэтэнай! Зы шыу къакIошъ, Чырты къэмыкIыгъэмэ, фэдэ Нарты имыс! Шкынэу ебгъэшкытэр мыфэбэ-мычъыIэу къыфэухьазыр! Хьазырэу тыфэхъумэ, гъомылапхъэджэ тымыгъэукIытэмэ, тыритэкъуахьын!
– Зигугъу къэпшIыгъэмджэ, си Iэкуанд, – ыIуагъ, ащ пае укъэмыукIыт, укъэмыщын!
Сэтэнай-гуащэм Iэлджэнэ фыжьитIор дегъэчъэрэзае,
ЛъэкIэпэ фыжьитIори а чIапIэм егъэлъэразэ,
ШкынышIэщым макIо,
Цугъо бжъэпэплъэр икъурмэныпхъэу,
Гъэлъэхъум ипщэрэр иIэпэщыпсэу
А чIапIэм щеухьазыры.
Хьазыры зыщыхъуным,
Шэбатныкъо нэсы,
Къэлэпчъэ сэраим шыбгъэджэ еуцуалIэ,
Iэконда-гуащэр ипапыщитIумэ псынкIэу къарэуцо,
Щэндакъ лъапсэм псынкIэу къеуцохы,
Ежь икIыгъуитIу,
Ежь нахь мыIаеу щагум къыднэсых.

– Уеблагъэ тшIоигъу, Шэбатныкъу! – еIо Iэкуандэ, –
Тхьэм тигъэхъумэ, удгъатхъэ тшIоигъу!
Цугъо бжъэпэплъэр уикъурмэныпхъ,
Гъэлъэхъум ипщэрэр уиIэпэщыпс,
Анае ялыгъэу,
Къэлъшъхьэ зэрынэу цIыф зэрытымыгъахьэрэм
Уишы щыдгъэхъущт!
– Уицугъо бжъэпэплъ, – еIо Шэбатныкъо, –
Тыгъужъым ерэлI,
Уигъэлъэхъу Iэпэщыпсы цыгъор хэлIахь,
Сыешкэ-ешъолIэп,
Сышыу джэгулIы нахь.
Чъэрэу бзэжъ шIагъор къызэтырекъузэшъ,
Къэлэпчъэ сэраер шыбгъэджэ екъутэ.

– Iэкуандэ, – ыIуагъ Шэбатныкъо, – псэлъыхъокIо шъаомэ уикъэлапчъэ идэхьагъу Iуаупсынжъыкlыгъ аIуагъэшъ, лъэмыджэр афыхалъхь, къырыдэгъахьэх. Нартымэ язэIукIэ Шэбатныкъо къыфеузэнкIыжьы. Нартэу зэIукIагъэхэмэ шыор къызалъэгъум, плъакIоу яIэм:

– Нартэу зэIукIагъэхэр! – еIо, унэм ехьэшъ, –
Шъуезэрыгъашкэх,
Шъуезэрыгъашъохэшъ шъузэхэс,
Зы шыу горэ къакIо шъхьай,
Чэрты къимыкIыгъэмэ,
Фэдэ Нарты исэп!
Зэдэлъэгоджэмышъхьэу,
Зэдэпэ Io шъхьэрыхэу шъупэмыгъокIымэ,
Хьалачэ шъуригъэфэт, – ареIо нартэу зэIукIагъэмэ.

Нартэу зэIукIагъэхэр зэдэлъэгоджэмышъхьэу, зэдэпэIо шъхьарыхэу къыпэгъокIыгъэх. Къэлапчъэр псыкIэу фыIуахышъ, дагъахьэ. Шым епсыхи, шышIоIум иш ращэлIагъ.

Сэгъындакъэу ыIыгъэр хэгъырэим зыратым, ылъэкIапIэ ыгъэхъурзэзагъ. Унэм рахьи пкъэужъыем зыпалъэм, пкъэужъыер къырикIыкIэхыгъ. Пхъотэрым зытралъхьэм, пхъотэрэр зэгуикIыгъ.

– Мыщ игъэIылъыпIэ бэу мэкIэ дэд, – ыIуи,
Шэбатныкъо къышти ежь зыгуилъхьажьыгъ,
Аштрамэр къахьи унэм къыратэкъуагъ,
ЦокъитIор зыщигъэпкIи,
Iанэр ышъхьэ тыригъэуцуи,
Iанэр бгыкъум зеуалIэджэ,
Бгыкъо къефэхы,
Къашъоу къызытефэрэм,
Зыблыпкъ зэпиутрэр унэкIыбым ралъэшъокIы.

ИтIуанэ зэдэлъэгоджэмышъхьэхэу, нартэу зэIукIагъэхэр зэдэпэIо шъхьарыхэу къелъэIух шэбатныкъо:

– Ныбжьырэ зэIукIапIэу унэжъэр къытемыкъутэжь!
Шэбатныкъо агъэукIыти, къахэкIыжьи къежьэжьыгъ.

* * *

Іэкуандэм ятэу Чылэхъстэны унашъо ышІыгъ:

– Мы лІэу ежьэжьыгъэм, ымыгъэукІытэу, щынагъоджэ къезгъэгъазэрэм сипшъашъэу Іэкондэ-гуащэр естын, – ыІоешъ.

Саусэрыкъо а чІыпІэм рихьылІагъэу щыІэти:

– Сэ къезгъэгъэзэт! – ыІуагъ. Къылъежьагъ.

Саусэрыкъо зелъэІум, Шэбатныкъо къэуцолІагъ.

– Шъыд уилъэгъун? – ыІуи Шэбатныкъо Саусэрыкъо еупчІыгъ.

– Мы Іэгум къэбгъазэу зэ укъыдэхьажьы шІоигъу! – ыІуагъ Саусэрыкъо.

– Шъыд адэ ар зытехъуахьырэр? – ыІуагъ Шэбатныкъо.

– Сэрыджэ джэуап ухъут, оырджэ былым сэгъоты, укъычыукІытэ сшІоигъу!

– Шъыда сызэрэфэхъутэр?

– Нарт Чылэхъыстэны Іэмыр ышІыгъ: «Къезгъэгъазэрэм сипшъашъэ естын!» ыІуишъ.

– Ай фэдэ кІуакІэджэ укъысфэмыкІожь! – ыІуагъ Шэбатныкъо. Къыгъэзагъ итІуанэ, Іэгум дищэжьыгъ.

– Іэкуандэ къащэ, – Саусэрыкъо Чылэхъыстэны риІуагъ.

– КъэбгъэукІытагъ нахь, мы лІэр бгъэщынагъэп, щынагъоджэ къебгъэгъэзагъэп, – ыІуагъ Чылэхъыстэны. – Іэкуандэ остыжьытэп!

Шэбатныкъо а чІыпІэм щыгубжи, Іэкуандэ къаригъащи, Саусырыкъо къыраригъэтыгъ.

КАК ШАБАТЫНЫКО ПРИЕЗЖАЛ В НАРТИЮ И КАК ОН ЖЕНИЛ <НАРТА> САУСЫРЫКО

Нартского роду,
Много свершающий,
Суровости подмога,
В долг не берущий наездник,
На лисицу глядя, путь выбирает,
На белку глядя, в путь выезжает,
Пшиза, что броду не имеет, ему по бока коня,
Фару тонкую, на которой сидит,
Бедрами <своими> сжимает…

В пустынную степь выехав, приметил он вышедшую из шатра нартскую пастушку коров.

– Я буду рада, если ты пожалуешь ко мне, гость мой! – сказала старуха.

– С охотой пожалую, мать наша старая [добрая], у меня забота есть, – ответил <он>.

Соскочил Шабатныко с коня и со словами «ты моя мать, ты мой отец» приложился к грудям старухи, которые были перекинуты через плечи на спину.

Пригласила его в шатер старуха, и они пусились в хабары.

– Мать наша старая гуащ, – сказал он,
Я гость имеющий заботу,

Я из Чиртии прибыл,
В дом нартов я озабоченный пришел,
Если направишь меня, буду рад!
– Кто мне даст знать, сын мой?
Я у нартов пастушка,
Затемно выхожу,
Затемно возвращаюсь,
А что из рассказов слышала в этой местности, тебе поведаю!
Нартов дом – если по этому хребту пойдешь,
И путь полуденный проедешь, ты приметишь.
Это дом покосившийся,
С многими опорами,
И опоры такие, что <одну> восемь волов <только> могут вытянуть.
Парни-женихи приезжающие
У ворот в крепость <грязь> взбили.
Если твой конь оплошает, сам можешь опозориться, –
Такое это место коварное, – сказала старуха.
– Не побоялся бы я Бога,
Не посчитался бы я с тем, что пил грудное молоко,
Я бы тебя заставил под большим пальцем проползти! – сказал Шабатыныко. –
Разве мой конь, в одну реку войдя, там споткнется,
Разве одну суку увидав, я оробею, –
Не для того я из Чиртии приехал!
По степи пустынной он коня правит,
Стремянные ремни он крест-накрест кладет,
То, что его собаки вспугнут,
Его орлам он дает поймать,
Две собаки борзые по земле рыщут,
Два орла сизых ручных, о, <над ним> кружатся,
Конь, на котором он сидит,
По самое брюхо землю высохшую роет,
То, что из ноздрей его коня пышет,
Две брови дороги опаляет.
– Мать наша Сатанай! Сюда один всадник едет: если он не из Чиртии явился, то в Нартии такого нет! Угощение, которым ты будешь его потчевать, приготовь негорячее-нехолодное. Если мы сумеем подготовиться, если гомылой не оплошаем, то *он нас рассеет*.
– Тот, о ком ты рассказала, моя Акуанд, – сказала <Сатанай>, – из-за этого не стесняйся, не бойся!
Сатанай-гуаща засучивает белые рукава,
Ногами белыми там вращает,
На кухню идет,
Рыжий бык краснорогий ее жертвенное животное,
Из валухов самый жирный ее соукс,
Там она это готовит, и
Когда это должно быть готово,
Шабатыныко прибывает,
Против крепостной стены он грудью коня становится,

Акуанда-гуаща быстро становится в свои папыщи,
С высоты балкона быстро спускается,
А вместе с нею двое,
Не хуже ее самой с нею во двор выходят.
– Мы рады твоему приезду, Шабатнук! – говорит Акуанда, –
Если Бог нам позволит, нам было бы приятно тебя угостить!
Бык рыжий краснорогий – твое жертвенное животное,
Из валухов самый жирный – твой соус,
<Поле> кленами окруженное,
Где <травы> катль корень растет и куда мы людей не пускаем,
Твоего коня пустим пастись!
– Твой бык рыжий краснорогий, – отвечает Шабатынико, –
Пусть волк заест,
В твоем соусе из жира валуха пусть мышь сдохнет,
Я не муж, любящий пиршества,
А я всадник, любящий забавы <богатырские>.
…Мощный лук свой он вскидывает,
Крепостные ворота грудью коня выбивает.

– Акуанда, – сказал Шабатнико, – сказали, будто парни-женихи истоптали вход в твою крепость, поэтому сделай-ка им мост, чтобы они могли по нему к тебе въехать.

К сборищу нартов Шабатнико поворачивает. У тех нартов собравшихся сторожевой был, и он, увидев того всадника:

– Нарты, собравшиеся! – говорит, войдя в дом, –
Вы спорите,
Вы пиршествуете, сидите,
А вот едет какой-то всадник,
Если он не из Чартии,
То такого в Нартии нет!
Если все вместе на колени упав,
Если все вместе шапки сняв, не встретите его,
Он вас в беду ввергнет, – говорит он нартам собравшимся.

Нарты собравшиеся вместе на колени став, вместе шапки сняв, вышли ему навстречу. Ворота в крепость быстро растворили ему и впустили его.

Сошел он с коня, и коня его подвели к коновязи. Когда сагайдак, что он держал, подали *хагирею,* у того коленки подкосились. Внесли его в дом, и когда повесили на столбик, столбик тот сломался. Когда положили на сундук, он сундук развалил.

– Мест, надежных, чтобы его положить, очень мало, – сказав,
Шабатнико взял и на себя повесил,
…принесли и по комнате рассыпали.
<Шабатнук> скинул свою обувь,
Стол себе на голову поставил и…
Когда стол о балку стукается,
Балка валится,
Когда он в пляске кого заденет,
Тех, чьи кости он вывихнул, за дом уволакивают.

Потом нарты, собравшиеся, вместе на колени став, вместе шапки сняв, просят у Шабатнико:

– Наш дом старый, по обычаю служащий местом встреч, не разрушай!

Пристыдили Шабатныко, и он вышел от них и уехал.

* * *

Чылахстен, отец Акуанды, распорядился так:

– Кто сможет не уговорами, а под страхом вернуть сюда этого мужа, что вышел, за того я выдаю свою дочь Акуанду-гуащу, – сказал он.

Саусырыко случился там, и он:

– Я его верну, – сказал. И вслед за ним поехал.

Когда Саусырыко попросил его, Шабатныко согласился.

– Что у тебя за дело? – Сказав, Шабатныко спросил у Саусырыко.

– Ты можешь за меня быть ходатаем, через тебя я могу получить добро, прошу меня уважить!

– Чем я могу быть полезным?

– Нарт Чылахстен дал обещание: «Кто его сможет вернуть, за того я выдам свою дочь!», – сказал.

– Наперед с подобными делами ко мне не подходи! – сказал Шабатныко. Возвратился он, въехал во двор.

– Веди сюда Акуанду! – сказал Саусырыко Чылахстену.

– Ты уговорил этого мужа, а не устрашил, сказал Чылахстен, – Не отдам тебе Акуанду!

Тут Шабатныко рассердился, велел привести Акуанду и заставил выдать ее за Сусырыко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 177–182. Исп. Исмаил Кушу: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 18.05.1959 г. Х. Водождоков. Перевод на русский язык А. Гутова.

…Он нас рассеет (*тыритэкъуахьын*) – перевод дословный; видимо, здесь информант оговорился, т.к. по смыслу здесь должен быть глагол с позитивным содержанием.

Хагирей / хагарей (*хэгъырэй / хэгъэрей*) – принимающий гостя, хозяин; здесь – человек из обслуги.

21. НАРТ СОСРЫКЪУЭРЭ ПЩЫ БАДИНОКЪУЭРЭ ЗЭРЫЗЭНЫКЪУЭКЪУАМ И ХЪЫБАР

Аргудан Хьэмырзэхэ Жан и цIэу зы пхъу цIыкIу яIэт. Нарт Сосрыкъуэрэ Пщы Бадинокъуэрэ зэрыцIыхуртэкъым, ауэ я хъыбар зэрыщIэ мыхъумэ. Арти, зэгуэрым Сосрыкъуэ Бадинокъуэм и деж игъэкIуащ шу:

– Дызэрыгъэцlыху, къытхуэкlуэ хьэщlэу. Ди хъыбар зэрыщlэ мыхъумэ, дызэрымыцlыхуу дыщытын хуейкъым, – жиlэри.

– Хъунщ, – жири, пlалъэ къыритри къигъэкlуэжащ кlуар.

Мыдэкlэ Сосрыкъуэ пlалъэр къэмысу гъуэгум тес фызабэ гуэрыр игъэlущащ, Пщы Бадинокъуэ къыщыблэкlкlэ, иригъэблэгъэну.

Пlалъэр къэсри, Пщы Бадинокъуэр къежьащ, Сосрыкъуэ и деж къэкlуэну. <…> Сосрыкъуэ игъэlуща фызабэ дахэм и деж Пщы Бадинокъуэр къыщысым, фызабэр пэуващ:

– Нартурэ Пщы Бадинокъуэ,
Кынтыр зи ныкъуэкъуэгъу,
Хьэрхуэрыбэщl,
Ебгэн щlыхьэху,
Хьэхуншэ шу,
Шу зыпамыщlыж,
Къысхуеблагъэ, къысхуэхьэщlэ.
Гъэлъэхъум и пшэрыр
Уи хьэщlэнышщ,
Санэхуейуэ кlадэм
Сыхъэр къыхех.
– Гъэлъэхъум и пшэрыр
Хьэм яушхыж,
Санэхуейуэ уи кlадэм
Дзыгъуэ хырелlэ,
Уэ пхуэдэ хьэбз куэпэчыжь куэд слъэгъуащ,
Сахуеблэгъакъым армыхъумэ, – жири
Пщы Бадинокъуэр хуеблэгъакъым.
– Зы хэку псом я гъуазэ,
ПсыжькIэ щыгъуэзэджэ,
Псыжь икIыпIэр шы джабэпс зыщымыхъу,
Гъуабжэ бжьэ пэплъым и пшэрыр
Уи хьэщIэнышщ,
Санэхуейуэ кlадэм сыхъэр къыхех.

Къытхуеблагъэ, къытхуэхьэщlэ, – жиlащ етlуанэу фызабэ дахэм.

– Гъуабжэ бжьэ пэплъу пшэрыр
Хьэм яушхыж,
Санэхуейуэ уи кlадэм
Дзыгъуэ хырелlэ.
Уэ пхуэдэ хьэбз куэпэч Iэджэ
Сэ сырохьэлlэ,
Сахуеблагъэркъым армыхъу, –
жири етlуанэм щыгъуи еблэгъэн идакъым Пщы Бадинокъуэ.

А зэми, тlоми къыщыхуемыблагъэм, и бгъэхур иригъэлъэгъуащ. Ари щымыхъум, фlигъэхупэри и щахэр иригъэлъэгъуащ. Абыхэми дамыхьэхыу Бадинокъуэр хуеблэгъакъым.

– Пу елаусын! – жири <Бадинокъуэ> ежьэжащ.

Сосрыкъуэхэ нэсри дыхьащ. Жылэр абы щызэхуэсауэ зэхэтыххэти, ирагъэблэгъащ. Ефэ-ешхэр зэlуахагъэххэщи зэхэтщ. И шымрэ езымрэ зэрызэпсэлъам ипкъ иткlэ, дэнэ деж ирапхами, ар къыхечри зигъэкlэрахъуэурэ цlыхухэр хьэлэч

зэтрещIэ. Абы хуэдэу зэрыщытыр Пщы Бадинокъуэ ефэм хэсу щыжыраIэм, къыщIэкIри, гъущI пхъэлъантхъуэр къыхичауэ ар къырилъэфэкIыу, джэгуу и алъпыжьыр пщIантIэм дэтти, къиубыдыжри Сосрыкъуэ и гуэщ пкъом ирипхащ. Езыр зэрыщIыхьэжу, аргуэрыр къыхичри гуэщыр къигъэуащ. АбыкIи Бадинокъуэм хъыбар щырагъащIэм, «губжьауэ» къыщIэкIри шыр къиубыдыжащ:

– Хьэм яшхыжын, щхьэ уудэфа?! – жири жьэдэуэщ аби зырыригъэтIащ. ИтIанэ и дзапэ башыр уанэм къыкIэритIэтыкIри, щIым хихуэри шыр абы ирипхащ. – Тхьэр уэ бгъэпцIащ иджы, мыр уэ къыхомытхъыжым, – жири. Езыр унэм щIыхьэжащ, ефэу тIысыжащ.

Шыми дзапэ башыр къыхитхъыну екъу хуэдэу цIыхухэм ярегъэлъагъу. Зэхуэсахэм щалъагъукIэ, ахэр щIогъуэжхэри: «ТхуэукIынкъым Бадинокъуэр, дыукIыну ди мураду къэтша пэтми», – жаIэж. Иужьым, ефэхэу зыдэщысым, Сосрыкъуэ къыщылъэтри Iэнэ бжьэпэр къифыхьащ:

– НокIуэ, Нарт Пщы Бадинокъуэ! – жири къелъэжащ.

Пщы Бадинокъуэр къыщылъэтри, Iэнэм тет шыпсылъэ бжьэпэм къыщыфэри:

– КъокIуэж, Сосрыкъуэ! – жири тIысыжащ.

Сосрыкъуэ къыщылъэтри, и сэшхуэр къырипхъуэтри щIым хитIащ. Абы дэлъейри сэшхуэ Iэпщэм къыщыфащ, щызыхитIащ:

– НокIуэ, Нарт Пщы Бадинокъуэ! – жири къелъэжащ.

Пщы Бадинокъуэр къыщылъэтри и сэшхуэр къырипхъуэтащ. Сэшхуэпэр и цеикIэмкIэ иубыдри сэшхуэ дакъэмкIэ щIым хитIащ. Дэлъейри сэшхуэпэм щызыхитIащ.

Сосрыкъуэ абы фIэкIыу пэрыуэжыфакъым, нэщхъей хъууэ тIысыжащ.

Иужьым жылэр гузэващ: «Мыр Сосрыкъуэм хуэукIынукъым, езыр къиукIынущ армыхъу!» – жари. ИтIанэ унафэ ящIащ, шэсыжыбжьэу фадэбжьэ иратыну, блэщхъуэжьейхэр хэсу, абыкIэ Бадинокъуэр яукIыну. Апхуэдэуи ящIри фадэр иратащ, аршхьэкIэ блащхъуэжьейхэр къыщыдэсейм, абы зыкъыдащIу, Бадинокъуэ къэгубжьати, и пащIэцхэми цыпхыдзэу зырасащ. Блащхъуэжьейхэр пащIэкIэм пылъу итыр ирифри и фэр яхуидзыжащ:

– ЛIыгъэкIэ укъыщыспэмыхъум, фыз щхъухьпсыхькIэ укъысхуежьэжаи, бамэ, – жири, Сосрыкъуэ щхьэкIэ, ежьэжащ. Жылэм сэлам къарихыжри Пщы Бадинокъуэр кIуэжащ.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК СПОРИЛИ НАРТ СОСРУКО И ПШИ-БАДИНОКО

Нарт Сосруко и пши-Бадиноко не были между собой знакомы, а только знали друг о друге по хабарам. И вот однажды Сосруко отправил всадника к Бадиноко:

– Давай познакомимся, приезжай ко мне в гости. Мы знаем друг о друге только по хабарам, а так не знакомы, – говоря.

– Хорошо, – согласился <Бадиноко>, он назначил срок и отправил всадника обратно.

А между тем накануне назначенного срока Сосруко подговорил одну женщину, живущую у дороги, чтобы она пригласила к себе пши-Бадиноко, когда он будет проезжать мимо.

Настало время, и пши-Бадиноко выехал, чтобы посетить Сосруко. Когда же он доехал до той прекрасной вдовы, которую подговорил Сосруко, она вышла ему навстречу:

Нарт пши-Бадиноко,
Чинты чьи противники,
Много состязающийся,
Против зла выступающий,
Всадник, никому не служащий,
С кем всадников <других> не сравнить,
Пожалуй ко мне, будь моим гостем!
Из валухов <самый> жирный –
Тебе жертвенное угощение,
От кадки белого сано
<Тебе> морось поднимается.
– Из валухов <самого> жирного <твоего>
Пусть волки съедят,
В кадке светлого сано <твоего>
Пусть мышь подохнет.
Подобных тебе сук-потаскух я много повидал,
Да только в гости к ним не жаловал, – сказав,
Пши-Бадиноко не захотел быть ее гостем.
– <О ты,> во всем крае известный,
О Псыже хорошо не ведающий,
Брод, что по Псыжу, –
Для твоего коня – мелководье (букв.: *боков коня не достает*),
Из серых <быков> краснорогих <самый> жирный
Тебе – жертвенное угощение,
От кадки светлого сано морось поднимается,
Удостой нас своим посещением, будь нашим гостем!
– Серого краснорогого и жирного
Пусть волки съедят,
В твоей кадке светлого сано
Пусть мышь подохнет.
Со многими, как ты, суками-потаскухами
Я встречаюсь,
Да в гости к ним не жалую, –
сказав, пши-Бадиноко и во второй раз не захотел зайти к ней.

Когда он ни в первый раз, ни во второй не захотел быть ее гостем, <она> обнажила свои белые груди. Когда и из этого ничего не получилось, она совсем сбросила <одежду> и обнажила свой пах.

Бадиноко и этим не соблазнился и не стал к ней заходить.

– Тьфу на тебя! – сказал он и уехал.

Достиг он <дома> Сосрукова и въехал <во двор>. Весь народ уже был там, и его там приветили. Пир-застолье там уже началось, и оно <теперь> в разгаре. Как <пши-Бадиноко> со своим конем <заранее> уговорился, где бы коня ни привязывали, он все вырывает, вертится и калечит людей. Когда об этом сказали сидящему за пиршеством пши-Бадиноко, он вышел во двор: его могу-

чий альп <только что> выворотил железную коновязь и резвился, таская ее по двору. Поймал он <коня > и привязал к столбу, <подпирающему> навес <нарта> Сосруко.

Только он вошел в дом, как конь и этот столб выворотил и обрушил навес. Когда и об этом сказали пши-Бадиноко, он, <как будто> рассерженный, вышел и поймал своего коня:

– Чтоб тебя волки съели, что это ты сегодня разошелся! – сказав так, он дернул <за узду> и заставил его стать на дыбы. Затем он отстегнул от седла свою *сошку,* воткнул ее в землю и привязал к ней коня, сказав: «Попробуй-ка и ее вырвать!» (букв.: *Клятвопреступник ты, если и это не вырвешь*). Сам же снова возвратился в дом и сел пировать.

А конь показывает людям, будто пытается, да не может выворотить сошку. Видя это, собравшиеся про себя думают: «Не сможем мы погубить Бадиноко, хотя и позвали его с намерением погубить», – так говорят. Затем, в застолье, Сосруко вскочил <на стол> и сплясал на кромке стола:

– Твоя очередь, Нарт Пши-Бадиноко! – сказав, спрыгнул <со стола>.

Пши-Бадиноко вскочил, <вспрыгнул на стол,> сплясал на кромке чаши с подливой, стоявшей на столе, и:

– Снова твоя очередь, Сосруко! – сказав, сел <на свое место>.

Сосруко вскочил, обнажил свою шашку и вонзил в землю. Вспрыгнул на рукоять шашки и сплясал на пальцах на ней.

– Твоя очередь, Нарт Пши-Бадиноко! – сказал он и спрыгнул <с рукояти шашки>.

Пши-Бадиноко <тоже> вскочил, обнажил свою шашку, полой черкески взялся за ее острие и рукоять вогнал в землю. Вспрыгнул он на кончик шашки и сплясал на нем.

Сосруко не мог с ним после этого соперничать. Огорченный, он сел <на свое место>.

Тут народ заволновался: «Сосруко не сможет его одолеть, а он сам одолеет Сосруко!», – говоря. Тогда решили вручить ему стременной кубок с ядовитыми змеями, чтобы этим его погубить. Так они и сделали: вручили ему напиток, но только вот когда ядовитые змеи взметнулись, <готовые ужалить>, навстречу им – настолько Бадиноко был рассержен! – его усы ощетинились, словно зубья прялки. Оставив ядовитых змей свисать с усов, он выпил содержимое, а кубок швырнул стоящим <вблизи>.

– Вонючка, не сумев одолеть меня мужеством, ты прибегнул к бабским зельям! – бросил он <нарту Сосруко> и выехал вон <со двора>. Попрощался пши-Бадиноко с народом и уехал.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 9. Исп. Ильяс Утижев: 1873 г.р., с. Старый Урух Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.07.1949 г. С. Джамурзаев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой один из вариантов сказания о приезде нарта Бадиноко на хасу Нартов. Налицо следующие мотивы, устойчиво представленные в других вариантах: встреча в пути с женщиной (чаще всего это прислужница Сатаней-гуаши и сама Сатаней; здесь же – «*прекрасная вдова*», прибытие на хасу и состязание в пляске, «*озорство*» богатырского коня (в вариантах это сочетается с демонстрацией тяжести богатырского оружия или замещается ею), кубок с ядовитыми змеями. Своеобразие данного варианта заключается в интерпретации мотивов и проделках коня героя.

Сошка – приспособление для опоры при стрельбе.

22. БЭРДЫНОКЪУЭ И ХЪЫБАР

(*Жьы хъуар бгым щыдзын хабзэр зэригъэкIуэдар*)

Бэрдынокъуэ и адэ Бэрдын жыхуаIэр... Нартхэ хабзэу яIыу щытащ, илъэс бжыгъэ, илъэс бжыгъэм мылIэу щхьэдэхамэ, Жьыгъеибг жаIэри, абы дахырэ бгым щадзыжу.

Бэрдынокъуэ и адэ Бэрдыныр илъэс бжыгъэм икIат, бгым щамыдзыжу ядэнутэкъым, нартхэ я хабзэмкIэ. Бэрдынокъуэ тажьджэ ищIырт, и адэр иригъэтIысхьэу, Жьыгъеибг жыхуаIэм дихыу бгым щидзыжыну. Бэрдынокъуэ щIалэ цIыкIу иIыти, щIалэ цIыкIури бгъэдэтт.

– ЛIо, дядэ, мы тажьджэ пщIыр зэрыпщIынур? – жиIащ.

– Уэлыhий, мы тажьджэ сщIыр зэрысщIынурам, щIалэ цIыкIу, дадэ мыбы изгъэтIысхьэнурэ, Жьыгъеибг дэсхынурэ бгым щыздзыжынущ, – жиIащ.

– НтIэ, кхъыIэ, дядэ, ар щыбдзыжа нэужькIэ, мы тажьджэр сэ къысхуэхьыж. Сэри, уэри абы и ныбжь унэсымэ, ущыздзыжынущ, сэ тажьджэ схуэщIынукъыми, зесхьэну тажьджэри сэ къысхуэхьыж, – жиIащ, жи, щIалэ цIыкIум.

Ар Бэрдынокъуэмикl и гуапэ хъуакъым. АрщхьэкIэ щимыдзу хъунутэкъым, ядэнутэкъым. Тажьджэр ищIщ аби, Бэрдыныр иригъэтIысхьэри дихащ, Жьыгъеибгым щидзыну. Дихри, бгым нэсри, игъэувщ аби, абы псынщIэу ехыным щхьэкIэ, мывэ кIэращIэхэрт, къинэмыщI ящIэхэрт, хуабжьу ехыным щхьэкIэ. Мывэ кIэрищIэхэщ, къинэмыщIхэщ аби, Бэрдыныр абы иригъэтIысхьэри жыриIащ Бэрдынокъуэм:

– Иджы, дядэ, мы бгым уэ узэрыщыздзыр, уэлэhий, сфIэнасыпыуи ущызмыдз, сфIэфIуи ущызмыдз: хабзэщи, къытхуадэнукъым. Уэри уагъэпсэунукъым, сэри сагъэпсэунукъым. УщIыщыздзыращ, амыхъумэ си гуапэу ущыздзыркъым. Уи жагъуэ умыщI. Гъуэгу махуэ, дядэ! – жери еIэдэкъауэщ аби, щыридзыхым, жыгыжь гуэр тетт абы, бгым кIэрытти, мо ирадзыххэм щIы иратхъухам къуэпс хуит къищIауэ дунейм тету хъуар, моу ущIэплъым хуэду къуэпсыр лъагэуи, мывэ кIэрищIам щыщ зы мывэ къуэпсым дэлъадэщ аби, емыхуэхыу Бэрдыныр щIиупскIэу абы къыкIэрынащ, жеIэ.

КъыкIэрынэри, Бэрдынокъуэр еплъыхыри, мор къыкIэрынауэ щилъагъум щыгъуэ, къыдэплъейщ аби Бэрдыныри, Бэрдынокъуэр къыщилъагъум щыгъуэ, тIэкIу гуфIащ, жеIэ, Бэрдыныр, Бэрдынокъуэу и къуэм щхьэкIэ.

– ЛIоу, дядэ, нетIэ мы къомыр щыбжесIэм щыгъуэ, нэкIэ укъызэплъакъым идж[кI]и укъыскуэдыхьэшхакъым, иджы щхьэ удыхьэшхрэ? – щыжиIэм щыгъуэ...

– Уэлэhий, сыщIэдыхьэшхырам, щIалэ, – жиIащ, жеIэ, Бэрдыным, – сэ мыбдей сыкIэрыту, – жиIащ, жеIэ, – мы бгым, уэ иджысту мэуэ мыбдежым, сэ си ныбжь унэсауэ, уи бынхэм мыбыкIэ ущадзыжауэ, мэуэ ублэцIэфту услъагъу хуэдэу сфIэщIыри, аращ сыщIэдыхьэшхар, – жиIащ.

Ар щыжиIэм щыгъуэ…

– Уэлэhий, ущызмыдзын! – жери къыдихыжащ Бэрдыныр Бэрдынокъуэм.

Къыдихыжщ аби, Бэрдыныр къыдихыжри, тажьджэр абы иридзыхыжщ аби, Бэрдыныр къихьыжыну къырихьэжьэжа щхьэкIэ, я унэ ихьыжу ядэнутэкъым нартхэ, ягъэпсэунутэкъым.

– Уэлэhий, усхьыжу абы ямыдэну иджи дамыгъэпсэну, ауэ зы бгъуэщIагъ гуэр сощIэри, абы ущIэзгъэтIысхьэнщи, пшхын къыпхуэсхьурэ, абы ущыспIынщ, – жиIащ, – упсэухукIэ.

– Уезэшынщ, щIалэ, – жиIащ. – Сыкъэбужэгъунщ, уезэшынщ, – жиIащ. – ПхузэфIэкIынкъым. Сэ нобэм сщIэркъым, пщэдейм сщIэркъым, илъэсым сщIэркъым, илъэситIым сщIэркъым – сыткIэ пщIэн!

– Сезэшынкъым, – жиIащ, – иджи узужэгъункъым.

– НтIэ, хъунщ, – жери, бгъуэщIагъ гуэрым щIигъэтIысхьэри, ишхын хуихьурэ щэхуу абы щепIыр и адэр.

ЩипIурэ, тIэкIу гуваузе кIуащ и зэманым. КIуэри...

– ЛIо, щIалэ, сыкъыумыужэгъуну, уемызэшыну жыпIати, уезэшаи, сыту укъэгува? – жиIащ.

– Уэлэhий, семызэша иджикI, ауэ сыкъыщIэгуваращ, – жиIащ. – Нартхэ ди щIыпIэм кхъуэщхьэмыщхьэ лъэпкъ итыжкъым, – жиIащ, – къихъуэжыркъым. Нартхэ абы щхьэкIэ гузавэу зэхэтырти, гузавэм уадэмыгузавэу хъунт, сэри абы сахэхьэри, фIэIуэхуакъым, жаIынщ, жысIэри, гузавэм садэгузавэу сахэтурэ, абы сыщыгуващ. Ахэр зэбгырыкIыжа нэужькIэ, къыпхуэсхьынур къесхьэжьэри, псым сыкъыздэкIуэм, озыр гуэрым мыIэрысэ цIыкIуищ озырым зырихьу телъу слъагъущ аби, «Уэлэhий, мыIэрысэ цIыкIуищри къыхэсхынщи, ди адэм и гъуэмылэм хэлъу хуэсхьыным!» – жысIэри, сытехьэщ псыми, мыIэрысэ цIыкIуищыр къэзубыдыну сынэсауэ, мыIэрысэ цIыкIуищыр дэнэ кIуами сщIэркъым, – жиIащ, – псым щIилъэфам сщIэркъым – текIуэдыкIыжащ, – жиIащ, – мыIэрысэ цIыкIуищыр. Згъуэтыжакъым. Абыи сигъэгуващ, псыф хъуари тIэкIу скъузыжми, сытми.

– НтIэ, щIалэ, – жиIащ, – иджы дяпэкIэ псыми ухэмыплъэж, – жиIащ, – мыIэрысэ щхьэкIэ, кхъуэщхьэмыщхьэ щхьэкIэ. ЩIыми зыщумыплъыхь, – жиIащ, – кхъуэщхьэмыщхьэ щхьэкIэ. ИщхьэмкIэ удэплъейурэ къэкIухь, – жиIащ. – УщылъыхъуэнурищхьэмкIэщ.

Арати, гъуэмылэр иритри, къэкIуэжри къикIухьурэ, «Ярэбий, «ищхьэмкIэ» жиIащ мыбы», – жери, зы жыг гуэрым кхъуэщхьэмыщхьэ цIыкIуищ пыту илъагъущ аби, дэкIуейри, жыгым пыт кхъуэщхьэмыщхьэр къыпичри, къихьри...

– Нартхэ хьыи, мис апхуэдэри, ари нартхэ я дей щыфшхи, и жылэр фи щIым щIэфтIи, фи хэкум кхъуэщхьэмыщхьэр бэгъууэ къихъуэжынущ, – жиIащ <Бэрдын>, – итIанэ.

Къихьыри, яшхщ аби, и жылэр щIым щIатIэри, бэгъууэ кхъуэщхьэмыщхьэр къихъуэжащ абы.

Аргуэру кIуащ, гъуэмылэ хуихьащ. КIуэурэ, аргуэру гуващ.

– ЛIо, щIалэ, <щ>хьэ зыбгъэгува иджыри? СыкъыумыхьэлъэкIыну жыпIати, уемызэшыну жыпIати.

– Уэлэhий, иджи къызэмыхьэлъэкIа, иджи семызэш. Ауэ нартхэ ди щIыпIэм ху къытхуэкIыжыркъым, – жиIащ, – дэ. КъокIыр, – жиIащ, – ауэ къыщIэхъуэркъым, – жиIащ, – ху. Ауэ пыдупщIыжу фIэкIа, ху къыщIэхъуэркъым. «Ди хур мэкIуэд, хур йокIуэдыкI. Дауэ хъуну иджы?» – жаIэри гузавэти, гузавэм сахэтурэ, абы сыщыгуващ. ЗэбгырыкIыжа нэужькIэ, къытхуэна тIэкIур мырати, «МащIэми, згъэлыгъуэнщи хуэсхьынщ», – жысIэри, згъэлыгъуэри къыпхуэсхьащ, – жиIащ.

Абы щыгъуэ ху гъэлыгъуа яшхыу щытащ.

– НтIэ, щIалэ, – жиIащ, – иджы укIуэжа нэужькIэ, пхъэIэщэ щIэщIи, дэхуи Тхьэгъэлэдж и мэшхэр къыщихыу щыта, мэш щищIэу щыта, и мэш гъасэхэр щызыришэу щыта гъуэгу Iуфэхэр, и мэш гъасэхэр щиIуэу щыта хьэм жьэпкъхэр, хьэм гъунэхэр, и гъупщхэр щызэрихьэу щытахэр зэхэвыхь, щызыришэу щытахэр зэхэвыхьи, телъафэ щIыи къэгъэнэжи, фи мэшыр бэгъууэ абы къыхэкIыжынщи, къикIэжынщи, фи ху жыляри абы щыбгъуэтыжынщ, фи ху жыляри абы къыхэкIынщ – бэгъууэ мэшыр къыфхуэкIынщ, – жиIащ.

КъэкIуэжщ аби, пхъэIэщэр щIищIэщ аби, дихури зэхивыхьащ, а жыхуиIахэр. Телъафэ ищIри, къигъэнэжри, бэгъууэ мэшыр къэкIщ аби, «лъэдийм имыIыгъыж» жыхуаIэм хуэдэу бэгъууэ хур къыщIэхъуащ. Мэшыр къахыжщ аби, я ху жыляри абы къыхэкIащ, яхури абы щыбэгъуэжащ. Аргуэрыр къехъулIащ.

Аргуэру арати, «Уэлэhий, хури къыдэхъулIэжам!» – жери, кIуэурэ, гъуэмылэ хуихьурэ, аргуэру гуващ. Аргуэру гувэри...

– ЛIо, щIалэ, <щ>хьэ угува иджырикI?

– Уэлэhий, сыщIэгуварам: гузавэ яIэт нартхи, гузавэу зэхэтти, сэри садэгузэващ.

– ЛIо къэхъуар?

– Уэлэhий, нартхэ ди дей тIы лъэпкъ димыIэж, – жиIащ, – тIыр икIуэдыкIам. Мэл тIэкIу зиIэхэми тIы димыIыж, мэл зиIэхэми хэт лIэм, хэт фIагъэжым яшхыжурэ яухам, зыбгъупщI нэхъыбэ зиIэ щымыIыж, тIу-щы, зытхух, зыри зимыIэжыххэ щыIэм, – жиIащ.

– НтIэ, щIалэ, иджы укIуэжа нэужькIэ пщIэнуращ, – жиIащ, – мэл къэнахэр псори къеIых: зы зиIыми, тIу зиIыми, щы зиIымикI, зыбгъупщI зиIыми къеIыхи, зэхуэхуси, Амыщ итIхэр щигъэхъуу щыта щIыпIэм хуи, бжьыхьэми, абы щыбгъэхъуакIуурэ, махуищкIэ абы щыгъэхъуакIуэ, мэлхэр тIысым-къэтэджыжым, Амыщ и тIыр зыригъэсу щыта егъэзыпIэм игъэтIысхьи, жэщищкIэ абы игъэси,

хужи, мэлыр зейм етыжи, фи мэлхэр лъхуэнщи, щынэ къалъхунщи, фитIри абы къыхэхъукIыжынщи, фи мэлыри фхуэбэгъуэжынщ, – жиIащ.

Арати, ахуэду ищIщ аби, мэлыр къихужри, яритыжри, я мэлыр лъхуэри, ятIри абы къыхэхъукIыжри, я мэлри яхуэбэгъуэжащ.

Нартхэ мурад ящIащ:

– Мы Бэрдынокъуэ мыхуэдиз акъылыр къыздрихар дэнэ? Мыр къыжезыIэри лIо? Мы акъылыр <щ>хьэ иIэ мыбы? Кхъуэщхьэмыщхьэр икIуэдыкIмэ, кхъуэщхьэмыщхьэ цIыкIуищ къихьрэ, ар пшхырэ, и жылэр щIым щIэтIтIэм, кхъуэщхьэмыщхьэр бэгъуэжыну… Бэгъуэжащ. Ди хур икIуэдыкIымэ, хьэм жьэпкъхэр, ху щызыришу щытахэр, Тхьэгъэлэдж и хур щиIуу щытахэр, и гъупщыр щызэтрилъхьэу щытахэр, щызыришэу щытахэр зэхивыхьрэ къигъэнэжрэ, телъафэ ищIым къигъэнэжымэ, ди хур бэгъуауэ абы къытекIэжыну, ди ху жылэрикI абы къыхэкIыжыну, ди хури бэгъуауэ ди хэкум къихъуэжыну – дэнэ а акъылыр къыздрихар абы? А щIэныгъэр <щ>хьэ иIэ? Ар къыжезыIэр лIо? ТIыр икIуэдыкIырэ ди мэлыр тфIэкIуэдым, абы и гузавэ диIэмэ, мэл тIэкIу къэнар зэхуихусырэ, Амыщ и тIыхэр зыщигъэхъуу щыта щIыпIэм ихурэ, махуищкIэ абы щигъэхъуу, и тIыр зыригъэсу щыта егъэзыпIэм иригъэтIысхьэрэ, мэлыр иригъэсрэ, къихужрэ, ди мэлыр абы псэф щыхъуу, щынэ къалъхуу, дитIри абы къыхэхъукIыжу ди мэлыр бэгъуэжыну – ари къыздырихар дэнэ абы, а акъылыр? А акъылри къезытыр лIо? Уэлэhий, ар къыджимыIыу мыхъун!

Фадэ-пIастэ ящIащ нартхэ, санэхуафэ зэIуахащ. Бэрдынокъуэри яшащ абы. КъыжыраIащ Бэрдынокъуэм:

– Мы акъылыр къыздипхар дэнэ уэ, кхъуэщхьэмыщхьэр мыхуэду къипхьэжыну; мэшыр мыхуэду бвэрэ, щIыр зэхэбвыхьрэ, телъафэ пщIырэ къэбгъэнэжым, ди мэшыр бэгъуауэ хъуну? А акъылыр къыздипхар дэнэ? Ар къыбжезыIар лIо? Ди тIым, тIы димыIыжу ди мэлыр кIуэдым, мэлыр зэхуэпхусырэ, Амыщ и мэлхэр, итIхэр щигъэхъуу щытам махуищкIэ щыбгъэхъуу, и тIыр зыригъэсу щыта егъэзыпIэм жэщищкIэ ибгъэсрэ къэпхужрэ, мэлыр зейм ептыжым, мэлыр псэф хъурэ лъхуэуэ, дитIри абы къыхэкIыжу ди мэлыр бэгъуэжыну – а акъылыр къыздипхар дэнэ? Ар къыбжезыIар лIо? КъакIуи, мы санэхуафэр щIызыIутхар уэращи, мы санэхубжьэми ефэ, ар къыбжезыIари къыджыIэ, а акъылыр къыздипхар къыджыIэ! Къыджумыlэу хъунукъым! – жаIащ.

– Уэлэhий, вжезмыIыну! – жиIащ.

– Тхьэ умыIуэ, къыджумыIыу хъунукъым, – жаIэ.

– Санэхубжьэм сефэнщ, ауэ вжесIынукъым, – жиIащ.

– Хъунукъым къыджумыIыу! Къыджыlэ!

– Ар вжесIэмэ, нартхэ икIи фыкъызэшхыдэнущ, икIи фыкъызэбиинущ, фи джатэри къысхуэвгъэдэлъэнущ, – жиIащ.

– ИкIи дынобиинкъым, икIи дыношхыдэнкъым, ди джатэри пхуэдгъэдэлъэнкъым, къыджыIэ, – жаIащ.

– Уэлэhий, вжезмыIыну!

– Нартхэ ди Тхьэ мыгъэпцIу УащхъуэкIэ Нывэщхъуэ КIанэ жытIэу ди Тхьэ мыгъэпцIымкIэ тхьэ пхудоIуэ: икIи дыномыбиин, нартхэ ди Тхьэ мыгъэпцIу УащхъуэНывэщхъуэ

КIанэ жыхуиIымкIэ тхьэ пхудоIуэ, Псатхьэ жыхуиIымкIи тхьэ пхудоIуэ, икIи дыномыбиину, икIи дыномышхыдэну, ди джатэри пхуэдмыгъэдэлъэну! – жаIэри, тхьэ хуаIуэщ аби, санэхубжьэр къыIихри, ирифщ аби:

– ВжесIынщ-тIэ, иджы, – жиIыри жыриIащ: – Мыр къызжезыIэр ди адэращ, – жиIащ, – Бэрдынщ.

– Дэнэ ар здэщыIэр? Бгым щыбдзатэкъэ?

– Мыращ зэрыщытыр, щыздзакъым. Щыздзат, ауэ емыхуэхыу мис мыхуэду къыкIэрынэри, къыдэплъейри сыкъыщилъагъум, моуэ тIэкIу дыхьэшхащ. Япэм сыт жесIами, икIи къызэплъакъым, икIи къысщыдыхьэшхакъым. «ЛIо, дядэ, <щ>хьэ удыхьэшхрэ?» – щызысIэм, «Уэлэhий, сыщIэдыхьэшхырам, щIалэ: сэ си ныбжь унэсауэ иджыпсту сэ мыдей сыкIэрылъу моу уи бынхэм мыбыкIэ урадзыхыжауэ ублэцIэфт хуэду слъэгъуати, сфIэщIу аратэм сыщIэдыхьэшхыр», – щыжиIэм, къыдэсхыжщ аби, зэрыса тажьджэр абы щыздзыри, езыр къэсхьыжым вдэнутэкъым, унэм щывгъэпсэунутэкъыми, зы бгъуэщIагъ гуэрым щIэзгъэтIысхьауэ, ишхын гъуэмылэ хуэсхьурэ, абы щыспIу аращ, «Мыхуэдэ къэхъуащ», – жысIэм, мыр къызжиIыри аращ; «Мырат…», – жысIым, мыр къызжиIыу, «Мырат…», – жысIым, мыр къызжиIыурэ, мы акъылыр къызыбгъэдэсхар арат сэ, – жиIащ, – мы щIэныгъэр.

– НтIэ, дэнэ здэщыIэр?

– Мис мыхуэдэ бгъуэщIагъым щыIэщ.

– Псэу?

– Псэущ.

– НтIэ, къэтшэжынщ, – жаIэри, кIуэри къашэжащ Бэрдыныр.

Къашэжри Бэрдыныр и пщIантIэм дагъэтIысхьэжащ.

Нартхэ бгы щыдзыныр абдежым щагъэбыяущ, жьы хъуар бгым щадзыж илъэс бжыгъэр, блэкIар. Езыр псэухункIэ, езыр и унэ илIыхьыжым щIалъхьэм сщIэркъым, ахъум я бгы щыдзынри абдей щагъэбыяужри, Бэрдинокъуэр ядэ Бэрдыным и пщIантIэм дэлIыхьыжри, щIалъхьэжауэ жиIыращ хъыбарым. Сэ къызэрызгурыIуар ахуэдущ.

СКАЗАНИЕ О БАРДЫНОКО

(*Как был упразднен обычай сбрасывания старцев со скалы*)

У нартов был обычай, если человек перевалил определенный возраст, его сбрасывали с горы, которая называлась Жигеибг – Скала Оплакивания Старцев.

Отец <нарта> Бардыноко Бардын перевалил этот возраст, поэтому по обычаю нартов нельзя было его не сбросить с горы. Бардыноко делал плетеную корзину, чтобы посадить в него своего отца и сбросить его с горы Жигеибг. У Бардыноко был сын, и сын стоял рядом.

– Для чего тебе, отец, эта корзина, которую ты делаешь? – сказал он.

– Уаллаги, эта корзина нужна мне вот для чего: дедушку сюда посажу, отнесу к горе Жигеибг и сброшу его оттуда, – говорит.

– Тогда, отец, пожалуйста, когда ты его сбросишь, принеси мне эту корзину. Когда ты доживешь до его возраста, я тоже тебя туда сброшу; я не смогу сделать такую корзину, чтобы я его сберег, принеси мне его назад, – сказал, говорят, мальчик.

Бардыноко это не понравилось. Но нельзя было его не сбрасывать, не позволили бы. Он сделал корзину, посадил туда Бардына и понес, чтобы сбросить его с Жигеибг. Понес, дошел до горы, поставил <его>; чтобы <он> быстро падал, к нему камни привязывали; и другое делали, чтобы быстрее падал. Привязав и камни и еще что-то, Бардыноко посадил туда Бардына и сказал ему:

– Теперь, отец, то, что я тебя с горы сбрасываю, я не сбрасываю тебя, считая это за счастье, не сбрасываю тебя, желая этого: это обычай, и нам не позволят его нарушить. И тебя не оставят в живых, и мне не дадут жить. Вот почему я тебя сбрасываю, а не потому, что мне это нравится: не обижайся. Доброго пути, отец! – сказал, толкнул… и когда сбросил его, там росло одно старое дерево, на горе росло, от тех, кого сбрасывал, на земле образовывались глубокие следы и корни, были обнажены. Один из привязанных камней зацепился за корень и, не падая, Бардын повис там, покачиваясь, рассказывают.

Остался висеть, и тогда Бардыноко посмотрел вниз и увидел, что тот повис, Бардын посмотрел вверх и когда увидел Бардыноко, немного усмехнулся, говорят, Бардын своему сыну Бардыноко.

– Что, отец, когда я тебе все это говорил, ты и головы не поднял, и не посмотрел на меня, и не засмеялся, а теперь почему смеешься? – когда спросил, <Бардын ответил:>

– Уаллаги, я смеюсь потому, парень, – сказал, говорят, Бардын. – Мне привиделось, будто я здесь стою, – сказал, говорят, – у этой горы, а тебя, дожившего до моего возраста, твои дети сюда бросают как будто, и ты мимо пролетаешь, – так мне показалось, поэтому я засмеялся, – говорит.

Это когда он сказал...

– Уаллаги, я тебя не сброшу! – сказав, Бардыноко поднял Бардына.

Поднял Бардына, сбросил вниз корзину и хотел принести домой Бардына, но нарты не дали бы им жить.

– Уаллаги, они не позволят, чтобы я отнес тебя домой, и не дадут нам житья, я знаю одну пещеру, помещу тебя туда и буду еду приносить тебе, там буду тебя содержать, – говорит, – до конца жизни.

– Устанешь, парень, – говорит. – Я тебе надоем, – говорит. – Не справишься с этим. Я не знаю, <когда умру> – сегодня ли, не знаю завтра ли, не знаю через год ли, через два ли года – откуда мне знать!

– Не устану, – говорит, – и ты мне не надоешь.

– Ну, хорошо, – говорит. В какую-то пещеру его помещает, после туда приносит пищу, присматривает там за отцом. Так он ухаживал за ним и как-то раз позже обычного пришел. Пришел, а тот говорит:

– Что, парень, ты же говорил, что не устанешь, что я тебе не надоем, а все же устал, что-то припозднился ты, – сказал.

– Уаллаги, и не устал я, но задержался вот почему, – говорит. – В наших нартских местах совсем не осталось фруктовых деревьев, – говорит, – и новые не растут. Нарты, по этому поводу беспокоясь, собрались; с переживающими не сопереживать разве можно, вот я и присоединился к ним, подумав, скажут – не придал этому значения; вместе с переживающими сопереживая, там я задержался. После того, как они разошлись, я взял с собой то, что несу тебе, и когда шел к реке, увидел в одном озере три яблочка. «Уаллаги, эти три яблочка достану и отцу отнесу!» – решив, вошел в воду и.уже когда дошел, чтобы поймать три яблочка, три яблочка куда делись – не знаю, – говорит, – может, под воду ушли – исчезли с поверхности озера, – сказал. Не нашел <их>. И это меня задержало, пока выжимал промокшую <одежду> и прочее.

– Тогда, парень, – говорит, – из-за яблок, из-за фруктов впредь в воду не смотри, – говорит. И по земле не осматривайся, – говорит, – из-за фруктов. Глядя вверх, ходи, – говорит. – Искать надо наверху.

И вот, еду <он> отдал <ему>, повернул назад, в пути припоминая, что отец наказал смотреть вверх. И увидел он на одном дереве три маленьких фрукта зреющих, залез на дерево, сорвал растущие на нем фрукты.

– Нартам отнеси, вот так, это у нартов съешьте, а семена в землю заройте, и тогда на вашей земле фруктовые деревья вновь станут расти в обилии, – сказал ему отец.

Принес <он>, съели нарты <те яблоки>, семена зарыли в землю, и много фруктовых деревьев выросло на их земле.

Опять пошел <он>, отнес еду. В пути опять задержался.

– Что, парень, почему опять задержался. Ты же говорил, что я не буду тебе в тягость, что ты не устанешь.

– Уаллаги, и не в тягость <ты>, и не устал <я>, но у нас, у нартов, перестало расти просо, – говорит. – Растет, – сказал, – но не созревает, – говорит, – просо. Кроме того, что просто скашиваем, просо не созревает. «Наше просо пропадает, просо погибает. Как теперь быть?» – говоря, беспокоились нарты; находясь среди беспокоящихся, я и задержался. После того, как они разошлись, осталось нам вот это немногое, «хоть и мало, но поджарю и отнесу ему», – сказал я, поджарил и принес тебе, – говорит.

В те времена зерна проса поджаривали и ели.

– Тогда, парень, – говорит, – когда вернешься, запряги <лошадь в> плуг и выгони ее туда, где Тхагаледж свое просо убирал, где просо сеял, обочины дорог, по которым возил снопы своего проса, тока, на которых он молотил, где он возил снопы, гумно, где он молотил снопы, где он солому хранил, – все это вспаши, пробороную и так оставь. <После этого> вашего проса много там вырастет, вновь прорастет, ваши семена проса там и найдешь, ваши семена проса там и найдутся – урожай проса вырастет для вас богатым, – сказал <отец>.

Вернулся <Бардыноко>, запряг лошадь в плуг, выгнал ее и перепахал то, что отец ему сказал. Разровнял он пашню, оставил <ее> так, – и уродился хороший урожай проса, стебель растения не выдерживает, как говорят, такое просо уродилось. Просо убрали, и

семена проса оттуда получили, и их просо там возродилось. Вновь <ему> повезло.

И вот опять «Уаллаги, и просо опять уродилось!» – говоря, шел, неся <ему> еду, и опять задержался. Опять задержался:

– Что, парень, почему опять задержался?

– Уаллахи, вот почему я задержался: беспокойство было у нартов, беспокоясь, они собрались, и я с ними беспокоился.

– Что случилось?

– Уаллаги, у нас у нартов совсем нет уже племенных баранов, – говорит, – бараны вымерли. У тех, у кого есть немного овец, нет баранов, и у кого были овцы, то они подыхали, то их резали, пока не подохнут – и так исчезли они, больше, чем девять-десять <овец>, ни у кого уже нет, две-три, пять-шесть, а то и ни одной уже нет у многих, – говорит.

– Тогда, парень, как вернешься домой, вот что сделаешь, – сказал <отец>. – Оставшихся овец всех забери: и у кого одна есть, и у кого две есть, и три у кого есть, и девять-десять у кого есть – всё забери, сгони воедино, а осенью погони их на те места, где Амыш пас своих баранов, там их паси три дня, чтобы овцы садились-вставали, помести их там, где Амыш на ночь оставлял своих баранов, пусть они там три ночи проведут. Потом пригони опять и верни тем, кому они принадлежат, ваши овцы окотятся, принесут ягнят, и ваши бараны из них возродятся, и ваши овцы снова размножатся, – сказал.

Итак, он так сделал, затем пригнал овец назад, вернул их хозяевам, и овцы окотились, бараны из молоди возродились, овцы размножились.

Нарты решили:

– Откуда столько ума у этого Бардыноко? Это кто ему подсказывает? Столько ума откуда у него? Чтобы когда фруктовые деревья погибли, он принес три фрукта, мы съели их, семена зарыли в землю, и богатый урожай фруктов уродился. И уродился. Чтобы когда наше просо пропало, он вспахал гумно, где Тхаголедж просо обмолачивал, где он складывал снопы. Наше просо чтобы богатое уродилось, нашего проса семена чтобы оттуда возродились, наше просо чтобы вновь обильно уродилось на нашей земле – откуда такой ум он взял? Это знание почему у него есть? Это кто ему подсказал? Если бараны вымирают и мы теряем своих овец, если мы по этому поводу беспокоимся, оставшихся немногих овец согнав, погнав их на места, где Амыш пас своих баранов, три дня там пасет их, куда Амыш сажал своих баранов, сажает наших овец, держит их там, пригоняет, чтоб наши овцы там окотные стали, ягнят принесли, и наши бараны из них чтобы возродились, и наши овцы чтобы размножились – откуда он взял это, такой ум? И кто ему этот разум дал? Уаллаги, нельзя, чтобы он это нам не сказал!

Нарты приготовили еду, питье, пир закатили. И Бардыноко туда призвали. Сказали Бардыноко:

– Этот ум где ты взял: фруктовые деревья чтобы вот так вернуть? Пашню вот так чтобы вспахать, землю перепахать, разровнять ее, оставив так, наше просо чтобы богато уродилось? Этот ум где ты взял? Это кто тебе сказал? Если из-за отсутствия баранов

наши овцы вымирают, овец ты сгоняешь, три дня пасешь их на местах, где Амыш пас своих овец и баранов, держа их три ночи в загоне, где он держал своих баранов, и пригоняешь их домой, раздаешь овец тем, кому они принадлежат, овцы кожными становятся и от них пошли, и наши овцы размножились – этот ум откуда ты взял? Это кто тебе сказал? Приходи, и так как мы этот пир закатили для тебя, это вино выпей и скажи нам, кто это тебе сказал, и откуда ты взял этот ум! Не говорить тебе нам нельзя! – говорят.

– Уаллаги, не скажу вам! – сказал.

– Не клянись, нельзя не говорить, – говорят.

– Бокал вина выпью, но не скажу вам, – сказал.

– Нельзя не сказать! Скажи нам!

– Если это я вам скажу, вы, нарты, и поругаете меня, и враждовать будете, и ваши мечи выхватите, – говорит.

– И враждовать с тобой не будем, и ругать тебя не будем, и наши мечи вынимать не будем: скажи нам, – говорят.

– Уаллаги, не скажу!

– Нартским богом Уашхо, Серым Камнем именуемым, которому мы не изменяем, клянемся тебе: и враждовать с тобой не будем, и ругать тебя не будем, и саблями размахивать не будем. В этом мы именем Уашхо Серым Камнем именуемого, клянемся. Именем Псатха тоже кланемся не враждовать с тобой, не бранить тебя, не грозить тебе нашими мечами, – сказав, поклялись ему, и тогда он сказал:

– Вот теперь я скажу вам, – сказал и говорит им. – Это мне сказал отец наш, – говорит, – Бардын.

– Где он находится? Ты же сбросил его с горы?

– Вот в чем дело, не сбросил. Сбрасывал, но он не упал, а вот так вот зацепился, посмотрел вверх и, когда увидел меня, немного усмехнулся. А раньше, что бы я ни говорил, он не смеялся надо мной. «Что, отец, почему ты смеешься?» – когда я сказал, «Уаллаги, вот почему я смеюсь, парень: мне привиделось, будто ты дожил до моего возраста, а я здесь повис, и твои дети тебя сбрасывали, и ты как будто бы пролетал мимо, – так мне привиделось, так мне показалось, поэтому я засмеялся», Когда он так сказал, я высадил его из корзины, в которой он сидел, корзину сбросил , а так как вы не позволили бы его вернуть, дома вы бы не дали ему жить, в одну пещеру его поместил и, нося ему еду, там его содержал. «Вот такое случилось» – если я говорил, он говорил мне это: «Вот так», – если скажу, то он мне говорил, вот так. Вот этот ум я взял у него, – говорит, – это познание.

– Так где он?

– Вот в такой-то пещере.

– Он жив?

– Жив.

– Тогда мы его заберем, – сказали, пошли и привезли Бардына. Привезли и вернули Бардына в его двор.

С тех пор нарты перестали сбрасывать с горы стариков. Разве что в своем доме они умирали, и их хоронили, а сбрасывать с горы с тех пор прекратили, отец Бардыноко Бардын умер в своем дворе, и его похоронили, так говорит сказание. Я так понял.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663 – ф/6. Исп. Салих Маиров: 1904 г.р., с. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 27.09.1984 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.

Текст представляет собой последнюю по времени запись сказания об упразднении при посредстве нарта Бадиноко жестокого обычая сбрасывать с горы одряхлевших стариков. Мотив избавления от одряхлевших и немощных проник в фольклор из глубокой древности и типичен для многих народов во всех регионах мира. Публикуемый вариант характеризуется как высокой степенью аутентичности, так и полнотой и художественной завершенностью композиции.

23. БЭДЫН И КЪУЭ БЭДЫНОКЪУЭ И ХЪЫБАРЫЖЬ

(*И адэр ЖьыукI хасэм къызэрыришыжамрэ бгым щыдзын хабзэр зэригъэкIуэдамрэ*)

Бэдын нартым я нэхъ шу лъэрызехьу щытауэ жаIэ. Нарт хасэ зэхуэсамэ-щэ, Бэдын хасэм, гупым я нэхъыжьу яхэсу, я унафэщIу щыту, апхуэду екIуэкIыурэ-екIуэкIыурэ, Бэдын къезэуэну къыщышыну, хасэм тхьэмэдауэ тырагъэкIыну жыраIыну щышыну, ахуэду хъуа, текI'ын хуейуэ. ТекI'ын хуей хъуауэ, иг'ы, Бэдын зы къуэ къыхуалъхуат. Къуэ къыхуалъхуар, еуэри, янэм игъэпщкIуат, Бэдын и фызым. ИгъэпщкIури пщIэкI'э иригъэпIа и унэIутым, иригъэпIа, дунейм къытемыхьу. Аурэ екIуэкIым, аурэ екIуэкIыурэ, Бэдын и къуэр лIы хъуа. ЛIы хъури... Бэдын хасэм яша. Хасэм яшауэ, «Мис иг'ы хасэр зэхэтIысхьагъэнщ, зэхэсу къыщIэкI'ынщ», – <и фызым> щыжиIым, еуэри, Бэдынокъуэ жыриIащ итIанэ:

– Иг'ы, си щIалэ, – жиIащ, – сыт пщIэфын, – жиIащ, – уэ? Уядэр хасэм яшащ, хасэм кIуащ, ауэ нобэ хасэм фIыкIэ ираджакъым, – жери. – Хасэм щIраджам, – жиIа, – къуэщнэщыгъэ хэлъщ, – жери.

– Зыгуэр сщIэфынщ, ди анэ, – жиIа, – ауэ сыт Iэщхьэ пщIану сщIэн? – щыжиIым щыгъуэ... Арати Бэдынокъуэм ар щыжиIым...

– Мыдэ къакIуэ, си щIалэ, – жери..., амбрэнывэ Iугъэлъэдат. – Мы амбрэнывэм еIи сегъэплъ, – жиIа.

Амбрэнывэм еIэри, ядэм къызэрыIуихым хуэду тIукIэ къыIуидза.

– ЫIны, Алыхь, хъуным!

Iэщэ-фащэ къыщIихри зыкI'эрыригъэлъхьа. ЗыкI'эрыригъалъхьэри...

– Иг'ы, мыхуэдэ местэм, мис мыхуэдэ щIыпIэм, мыхуэдэ гъуогумкI'э укIуэнущ, мыра..., мыхуэдэ унэ урихьэлIэнущ.

Еуэри, иутIыпща, Iуохур зытетыр къыжыриIыри. КъиутIыпщыри, шууэ къокIуэ. Хасэр здэщыIэр Алыджhэ дейт. Арати Алыджhэ къэкIуэну къежьа. Къежьэри, еуэри къэлъейурэ...,

абы плъакIуэ яIэт езыhэмикI'и, къаплъэри зы шу кIуэуэ ялъэгъуа. Ялъагъури, нэрыплъэ зыIуидзу къеплъа:

– Алыхь-алыхь, – жиIа, – мы ди хэкум щыIэнэIым мыбы зы шу къокIуэри. И шы пэ гъуанитIым гъуэзыр къырихыу къокIуэ мыхуэдэ шу, къытхуэцIыхуркъым, – жари.

– Къащтэт, – жари, къыщIэкI'ри еплъahэ. Зыми къахуэцIыхуакъым, къахуэцIыхуртэкъым.

Нэсыри шым епсыха. Епсыхыри щIыхьа. ЩIыхьэщ унэми, фIэхъус сэлам, адэ-модэ щымыIыу, бжэр къызэIуихри езыр-езыру къыщIыхьащ, жеIэ, Бэдынокъуэ. ЩIыхьэри...

«Уи ядэр, – жиIа, – нэгъуэщIкI'э пцIыхунукъым, – жиIа, – адыгэ цей хужь щыгъщ, – жиIа, – лIыуэ щIэсым я нэхъ инщ, – жиIа, – лIыуэ щIэсым я нэхъ факIуэщ», – жиIа, янэм къыжыриIа.

Арати, ядэм фалъэ иратауэ иIыгът, техъуэхъухьу. Техъуэхъухьу иIыгъти, ядэм иIыгъ фалъэр, сэшхуэ кI'эрылъыр къырихщ аби, Iэбэри, фалъэм еуэри фалъэр IэщIикъутыхьа. IэщIикъутыхьыри, блащхъуэжьей хэст, жеIэ, и лъабжьэм, къыбгурыIуа, махъсымэм хэсу ящIауэ, фадэ пIащIэм. Арати, IэщIикъутыхьри, къыIэщIэхуа.

– Нартhэ фхуэмыгъуэну, – жиIа, – нартhэ дэ тхуэмахуэну, – жиIа.

<Ар> жери, фалъэр икъутэщ аби, къыщIиша ядэр, «Къэшэс мыбы!» – жери. Къэшэсыри, ядэр къыщIишщ аби, ядэр гъуогум къытыригъыувэжа. Ядэр гъуогум къытыригъыувэжыри: «Унэ уиIымэ, кIуэж, – жиIа, – сэ нартhэ згъэзэжынщ», – жиIа. Арати, ядэр къиутIыпщыжа. Яду ищIэркъым ар, езы ядэми и къуу ищIэрIым. Арати нартhэ игъэзэжыри:

– Нартhэ, – жиIа, – шурэлъэс фыджэгунумэ, – жиIа, – нартhэ фыкъыдэкI, – жиIа, – нартhэ сывдэджэгуну къэзгъэзащ, – жери.

Арати, щIалэр яцIыхутэкъыми, зэрыгъэшынэжа нартhэр:

– Нобэ мыхъуми, дызыхуэзэнщ. Хьэрэм<э> Iуащхьэ дызэхуипIалъэщ, Хьэрэм<э> Iуащхьэ дыщызэхуэзэнщ, – жари.

– НтIэ, пщэдей дэкI'ым, пщэдемыщкI'э сыкъокIуэ, фынэкIуэнумэ, – жиIыри, еуэри, щIалэр къежьэжа.

ЩIалэр къэкIуэжыри..., Бэдыныр нэсыжат.

Бэдыныр здэкIуэжам...

– Дауэ хъуа?

– Уалаha, фызыжь, – жиIа, – нобэ сирсыкI'ыну къыщIэкI'ынтэм,–жиIа,–мыхуэдущIалэбэлыхь,зыщIалэгуэр,ныщIыхьэщ, си фалъэр къысфIикъутэщ, си фадэ пIащIэр сфIырикIутщ, сфIырикIутыри, си Iэпщэр иубыдыри сыкъыщIишыжащ, – жиIа. – Гъуогум сыкъытыригъэувэжыри, «Унэ уиIым, кIуэж, тхьэмадэ!» – жиIыри сыкъиутIыпщыжащ, – жери.

– А щIалэр сыту нэхъ къэпщтэнт? – жиIа.

– Iэу! – жиIа.

– Къуэшу уиIам нэхъ къэпщтэнт, хьэмэ быну уиIам нэхъ къэпщтэнт? – щыжиIым, фызыр щеупщIым...

– Дунейм тет, – жиIа, – бын, бын лъэрызехьэ, зи къуэ, уи къуэ нэмыщIкI'э, абы нэхърэ нэхъыфI, – жиIа Бэдын.

Ар щыжиIым щыгъуэ...

– НтIэ, уи къуэщ, – жиIа, – ар, Бэдын.

– Іэу! Уэлэһий, – жиІа, – нартым хасэ щысщІыным, – жиІа, – ар си къуэ нэужькІэ.

– Алыхь, – жиІащ, – уи къуэм. Уэр щхьэкІэ нэзутІыпщам, – жиІыри. – ЩІалэр плъагъум, пщІыхужын? – жиІа.

– Щыгъа фащэр кІ'эрылъым, сцІыхужынщ, – жиІа.

Арати, щыгъа фащэр кІ'эрылъу къыщІиша. КъыщІишэри, еплъыри – арат а щІалэр.

– МыраІэ, – жиІа, – къыппежьар?

– Уэлэһи, арам.

– НтІэ, мыр уи къуэщ, – жиІа.

Ауэ екІуэкІым, ауэ екІуэкІыурэ зы зэмани тэлаи кІуащ, ауэ екІуэкІыурэ, Бэдыныр жьы хъуа. Бэдыныр жьы хъури, жьы хъур бгым яхьыжрэ, матэ ящІу щытт а зэмаными, еуэри Бэдыныр игъэтІылъа, «Уэлэһи, схуэмукІ'ыну, уэлэһи, икІи схуемыгъэдзыхыну сэ бгым», – жери.

Бэдыныр ишэщ аби, гъуэмылэ хуихьурэ игъашхыу, ауэрэ екІуэкІыурэ, аурэ щыІыурэ, гъаблэшхуэ къэхъуа. Гъаблэшхуэ къэхъури, гъаблэшхуэр здекІуэкІым, «Сыт хъыбар?» – жиІым къеупщІым, аурэ щытурэ, еуэри Бэдынокъуэм гъуэмылэ хуихьауэ:

– Уэлэһи, дядэ, – жиІа, – мыщІагъуэ, – жиІа. – Мы сэ къыпхуэсхь гъуэмылэр, – жиІа, – уэлэһи, къуажэм дэсым яшхыну ямыгъуэт, – жиІа Бэдынокъуэм. – Уэлэ**һи, Бэдын, – жиІа, – къуа**жэм и Іуохур мытэмэм, – жери.

Арати, гъатхэ хъуа, ауэдурэ екІуэкІ'ыурэ.

– НтІэ, иг'ы, си щІалэ, пщІэнуращ, – жиІа, – ху зытелъар вэ, – жиІа. – Ху зытелъар вэи, – жиІа, – жылэ уимыІэми, нэгъабэ ху зытелъар. Къуажэм мэл зы-тІу къахуэнам, тІы ямыІыжу щытымикІ, тІы зэрыту щыта чэтым, – жиІа, – игъыхьи, – жиІа, – мэлыр абы иубыдэ, – жиІа. – Уи мэлыр абы псэф щыхъунущ, – жиІа.

Арати, а зэрыжыхуиІам хуэду ищІа. ИщІыри, Алыхьым узэрелъэІуну и хур ху хъуа, и хур бэв хъури...

– Ярэби, – жиІа, – мыр дауэ ауэду зэрыпщІар?

– Іэу, сэ къасщІэ хъунуІэ?

Арати, къеупщІа аргуэру:

– Уи мэлһэр псэф хъуа, дэ дидеһэр хъуакъым, уэ тІы дэнэ къипха?

– Мыра..

– Хэт къыбжезыІар?

ЖиІыну мэшынэ.

– Уэлэһий, къызжезыІар си ядэрам.

– Уи ядэр куэд щІащ зэребдзыхыжырэ, дэнэ?

– Уэлэһий, езмыдзыха. Си ядэр мыхуэдэм щыІэм, мыхуэдэм щыІэм. Мыхуэду: «Мыра хъыбарыр?» – жиІыу къызэупщІырти, жесІэри, щыжесІэм, мыра къызжиІар.

– ЫІны!

Арати:

– НтІэ, Бэдын псэужмэ, къэхьыжыт.

Бэдыныр къихьыжыри къэкІуэжащ, жеІэ. КъэкІуэжыри, нартым итІанэ жьы хъуар укІын абдей щыщигъэта.

УкІыу хъуар абдей щыщигъэтыри, аурэ екІуэкІыурэ, Бэдын и къуэ Бэдынокъуэ Сосырыкъуэ и дей лІыгъэ зыхуэгъэсыпІэ

щызэхуэзэн хуей хъуа. Бэдынокъуэ ядэ Бэдынрэ Сэтэнейрэ зэшыпхъуитI я бынт, зэшыпхъуитI. Арати, Алыджhэ дей кIуа. Алыджhэ кIуэри, зыдэкIуам Бэдынокъуэ <Сосырыкъуэм> еупщIа, къыбгурыIуа:

– Уэ хэт ухъуну? – жери.

– Сэ Сосырыкъуэ сыхъунущ, – жиIа, – Сосырыкъуэ.

– Уэ хэт и къуэ ухъуну, – щыжриIым щыгъуэ...

– Сэ Сэтэней-гуащэ сырикъуэщ, – жиIа, – Сэтэней-гуащэ.

– НтIэ, – жиIа <Бэдынокъуэ>, – уэрэ дэрэ, – жиIа, – зекIуэ дыздэкIуэ хъунущ, – жиIа, – дэни дыздэкIуэ хъунущ, ауэ уэрэ сэрэ дызэзэуэж хъунукъым, – жиIащ, жеIэ, – дызэзэуэж, зэшыпхъуитI къалъхуа дыкъалъхужащ, – жиIащ, жеIэ.

Бэдынрэ Сэтэнейрэ зэшыпхъуитI я бынт, жеIэ.

Ар жызыIыу зэхэсхар Тенджыз ЛэкIу жари, илъэс зытхух мэхъур ар зэрылIэрэ, зыхыбл хъурэ, къыбгурыIуа, шыбзым дей лэгъупэжьу губгъуэм ита, нарт Бэдынокъуэ и хъыбарыр, ар жиIыу зэхэсха.

СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ О БАДЫНОКО, СЫНЕ БАДЫНА

(*Как он спас отца от Хасы убиения стариков и как отменил обычай сбрасывания стариков со скалы*)

Рассказывают, что Бадын был самым могучим из нартов. Вот, если соберется нартская хаса, Бадын там сидел старшим над всеми; вот так шло, шло, и со временем получилось так, что появились такие, которые хотели выступить против Бадына, хотели бы сказать ему, чтобы он ушел, но все же боялись его, вот так получилось. Настала пора, когда надо бы ему оставить свое верховенство, и в это время у него родился сын. Сына, что у него родился, – мать, жена Бадына – взяла и спрятала. Спрятала она и за плату отдала на содержание своей служанке, чтобы она воспитала его с условием, чтобы на свете никто об этом не знал. Так шло, так шло, и со временем сын Бадына возмужал. Возмужал он…, а Бадына позвали на хасу. Позвали его на хасу… «Вот теперь хаса наверно собралась», – когда так решила его жена, она взяла и сказала тогда Бадыноко:

– Теперь, сын мой, – сказала, – на что ты способен, спросила, – ты? Отца твоего позвали на хасу, отправился он на хасу, но сегодня его не к добру на хасу позвали, – сказала. – Позвали его на хасу, – сказала, – и в этом есть коварство, – сказала.

– Что-нибудь да смогу сделать, мать наша, – ответил он, – но что я поделаю голыми руками?

Когда Бадыноко так ответил…Итак, когда Бадыноко так сказал…

– Иди-ка сюда, сын мой, – сказала мать… там абра-камень был привален ко входу. – Толкни-ка этот камень и дай мне посмотреть, – сказала…

Толкнул он абра-камень и отбросил его вдвое дальше, чем отбрасывал его отец.

– Ага, Аллах, это пойдет!

Вынесла она оружие-снаряжение и дала ему надеть на себя. Дала ему надеть на себя и…

– Теперь, в такое-то место, в такую-то местность ты поедешь по такой-то дороге, так вот…, такой-то дом повстречаешь.

Взяла она и отправила его, рассказав, как дела обстоят. Отправила она, и он едет верхом. Хаса же находилась в доме Алиджей. Итак, он выехал, чтобы прибыть к Алиджам. Выехал он и скачет…

А у тех самих дозорные были ведь, поглядели они – и увидели едущего всадника. Приложил один к глазам подзорную трубу:

– Аллах-аллах, – сказали, – в нашем крае нет подобного тому, который сюда едет. Из ноздрей его коня марево пышет – вот какой это всадник, мы его узнать не можем…, – сказали.

– А ну-ка! – сказали и высыпали из дому, посмотрели. Никто его не опознал, никто и не знал его.

Прибыл он и спешился, сошел с коня. Спешился он и вошел в дом. Вошел Бадыноко и, без всяких приветствий и туда-сюда, отворил сам дверь без спросу, говорит, вошел и…

«Отца своего ты ничем иным не опознаешь, говорила <ему мать> кроме как тем, что он одет в адыгскую белую черкеску, – говорила, – среди мужей, сидящих там, он самый рослый, – говорила, – среди мужей, сидящих там, он самый видный», – говорила мать ему.

Итак, <Бадын> держал в руках чашу, поданную ему, и над ней произносил хох. Держал он чашу, произнося тост, <и Бадыноко> обнажил свою шашку, висевшую на боку, потянулся и разбил чашу, которую отец держал в руках. Разбил – и в ней, ты понимаешь, на дне махсымы, на дне тонкого напитка, змейка серая сидела. Итак, он ее разбил, и чаша выпала из рук.

– Вам, нарты, на горе пусть будет, нам, нартам, на радость пусть будет! – молвил <Бадыноко>

Сказал он так, разбил чашу и вывел отца оттуда, сказав: «Садись на него!»… Посадил на коня, увел оттуда своего отца и направил на обратную дорогу. Направил на дорогу и…: «Если у тебя есть дом, уезжай домой», – сказал. Вот так он своего отца вызволил. Тут и сам он не знает, что это его отец, и отец не знает о том, что это его сын. Итак, повернул он [Бадыноко] снова к нартам:

– Если вы, нарты, – сказал, – хотите поиграть в шурытлес, – сказал, – выходите, нарты, – сказал. – Я возвратился, чтобы с вами, нартами, поиграться, – сказал.

Ну а те юношу не знают [он им незнаком], а потому оробели нарты:

– Пусть и не сегодня, но мы встретимся. Место встречи нам Харама-гора, у Харама-горы и встретимся, – сказали.

– Ну тогда завтра пропускаем, и послезавтра я приезжаю, если вы собираетесь туда ехать, – сказал юноша и уехал.

Юноша приехал домой…

А Бадын уже прибыл домой… И там, где Бадын добрался домой…

– Ну как прошло?

– Уаллага, старуха, – ответил он, – сегодня бы я погиб (букв.: *переплыл бы <через реку смерти>*) только вот так-то, вошел один славный юноша, какой-то <незнакомый юноша>, чашу, что в руках

моих разбил, разлил <махсыму>, меня за запястья взял и вывел наружу, – сказал. – На дорогу обратную меня поставил и, сказав мне: «Если, тхамада, у тебя есть свой дом, отправляйся домой», – сказал и отправил меня, – так он сказал.

– Кем бы ты предпочел иметь этого юношу? – спросила <жена>.

– О! – воскликнул он.

– Предпочтешь ли иметь его братом, предпочтешь ли иметь его сыном? – так сказав, когда жена спросила…

– Есть ли на свете лучшее, – сказал, – чем иметь мощного отпрыска, есть ли лучшее, чем иметь сыном такого… – ответил он.

Когда он это сказал…

– Ну тогда это, – заявила она, – твой сын, Бадын.

– О, уалаги, – сказал он, – если это мой сын, я нартам хасу устрою!

– Аллах, это твой сын. И я его направила туда ради тебя, – сказала. – А ты его узнаешь, если того юношу увидишь,?

– Если он будет в том наряде, в котором там был, то узнаю, – ответил Бадын.

Итак, она ввела юношу в том самом наряде. Ввела его, <Бадын> посмотрел – и тот самый это и был.

– Не этот ли приезжал к тебе?

– Уаллаги, этот.

– Так вот, это твой сын, – сказала жена.

Так время шло, так шло, и прошло времени один *талай*, и вот так со временем Бадын состарился. Состарился Бадын, а в те времена было так, что кто состарится, того уносили и сбрасывали с горы. И вот настал черед Бадына. «Уалаги, я и убить его не смогу, уалаги, я и с горы его сбросить не смогу», – сказав, <Бадыноко>… отвел Бадына <в укромное место> и стал носить ему туда <тайно> *гомылу* (припасы). Так время шло, и настал большой голод. Настал большой голод, и пока был этот голод <отец иногда спрашивал>: «Как дела?». И однажды Бадыноко принес припасы:

– Уалаги, отец, неважные наши дела, – сообщил он. – такую гомылу, что я тебе приношу, живущие в селе не имеют, – сообщил Бадыноко. – Уалаги, Бадын, неважные дела в селении.

Вот так шло, и настала весна.

– А теперь, сын мой, ты поступишь вот как, – сказал Бадын, – вспаши места, где <в прошлом году> лежало просо, – так сказал. – Вспаши там, где лежало просо, не считаясь с тем, что у тебя нет семян. Если в селении и не осталось баранов, отгони овец в старые кошары, где в прошлом году держали баранов-производителей, загони туда овец и держи там, – сказал. – Там твои овцы понесут и приплод дадут, – сказал.

Итак, как ему было сказано, так он и сделал. Сделал так, и его просо уродилось такое, о каком только можно просить у Аллаха. Уродилось его просо, и…

– Яраби, – спросили у него, – как это ты так сделал?

– *Ау*, разве я не могу сам знать этого!

Тогда снова спросили его:

– Твои овцы окотились, наши не окотились, – откуда ты достал баранов-производителей?

– Так и так…

– Кто тебе сказал?

Он боится сказать.

– Уалаги, это мне отец сказал.

– Куда там, отца своего ты давно сбросил с горы..

– Уалаги, не сбросил я. Мой отец находится в таком-то месте, в таком-то месте. Когда на расспросы о наших делах я ему рассказал, мол вот какие у нас дела, он мне вот это и посоветовал.

– Ага-а!

Итак…

– Раз так, то если Бадын жив, доставь его обратно.

Доставил он Бадына назад и сам вернулся, говорит. Возвратился он, и на том нарты упразднили обыкновение убивать своих стариков.

Убивание всякое на том упразднилось, и вот так, живя, Бадыноко, сын Бадына, попал на встречу с Сосруко, у которого <нарты> испытывали на мужество. Бадын, отец Бадыноко, и Сатаней были отпрысками двух сестер, двух сестер. Итак, отправились к *Алиджам*. Отправились к Алиджам, и там, куда они прибыли, Бадыноко спросил, понимаешь, у Сосруко:

– Ты кто такой будешь?

– Я буду Сосруко, – ответил тот, Сосруко.

– А чьим ты сыном будешь? – когда так спросил…

– Я сын Сатаней-гуаши, – ответил Сосруко, – Сатаней-гуаши сын.

– Ну тогда мы с тобой можем вместе ездить в зеко, – сказал <Бадыноко>, – куда угодно можем вместе ездить. Но мы с тобой не можем драться, – сказал, говорит, – драться не можем, ибо мы происходим от тех, которые произошли от двух родных сестер, – сказал, говорит.

Бадын и Сатаней были отпрысками двух сестер, говорит.

Это я слыхал от Лэку Тенгизова; прошло лет шесть-семь, как он умер. Шесть-семь, понимаешь; он был старшим табунщиком, всю жизнь в пастбищах провел. От него я услышал этот хабар о нарте Бадыноко.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690-ф/26. Исп. Хачим Сеинов: 1930 (1926) г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 25.11.1985 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов – о первом появлении нарта Бадиноко на хасе нартов (избавление отца от расправы) и об упразднении обычая умерщвления стариков сбрасыванием их с горы. Так же налицо отголоски сюжета о побратимстве нартов Сосруко и Бадыноко.

Талай (*тэлай*) – мера времени, соответствует словосочетанию «*некоторое время*».

Гомыла (*гъуэмылэ*) – съестные припасы, собираемые на дорогу или на любой случай временного отсутствия дома.

Ау (*Iэу*) – междометие со значением удивления.

«***…к Алиджам***» (*Алыджхэ деж*) – форма, употребительная в адыгских языках; называнием имени одного из домочадцев (или фамилии) в форме множественного числа обозначается вся семья.

24. БЭДЫНРЭ БЭДЫН И КЪУЭМРЭ Я ХЪЫБАР

НтIэ, бын ямыIыу-щэ, «Бын диIынуIым», – жари я гугъэр хахыжауэ, Бэдын, Бэдынрэ и фызымрэ бын ямыIыурэ, и фызыр уэндэгъу хъури, гу зылъыримыгъатурэ, и бгыр щIикъузэми сытми гу зылъыримыгъатурэ, фызым щIалэ цIыкIур къелъхури, щIалэ цIыкIур дунейм къытыримыгъыхьу зыщIыпIэ щепI, Бэдын имыщIу. ЩепIыри, егъасэ, егъашхэ, зэрыхуейм уэду, фызыми-щэ лIыгъэ яIагъэнт а зэманым. Балигъ мэхъу, и Iэщэ-фащэhэри-щэ зэрегъэпэщ, ишhэри-щэ зэрегъэпэщ, хэплъыхьауэ.

Бэдын лIыжь хъуати, нартhэм-щэ яукIыну унафэ ящIа, а щIалэм ядэ Бэдын. Унафэ зэращIар Бэдын и фызым къищIат, «Адыдыд мыгъуэ, яукIынура мыр», – жери.

– Куэдщ мы Бэдын-щэ тхьэмаду къызэрытхэсар, куэдщ, мыр дывгъэукI, – жари <нартхэм>…

Сытми, мо Мысостей хуэдэ къуажэ цIыкIу хуэдэм-щэ, абы ефэ-ешхэ щащIыри, Бэдын абы зыхагъэтIысхьауэ абдей щаукIыну, и махъсымэм-щэ блащхъуэжьей хаутIыпщхьу ирагъэукIынурати, фызым ар, Бэдын и фызым, къищIати, и къуэм мыдрейм жыреIэ, и къуэр къыщIеш, и шыр къыщIеш:

– Иджы, балигъ ухъуащ, сызэрыхуейм хуэду-щэ, къыбгурыIуа, са ухъуащ. Уи ядэр яукIынущ, – жиIа, – иджысту мохуэдэ къуажэ цIыкIум, мохуэдэ унэм дей щIэсщ, жьантIэм дэсынущ, – жиIа, – уи ядэр. Махъсымэ шынакъыр къыIэщIагъэувагъэнкI'э хъун, къыIэщIамыгъэувамикI, къыIэщIагъыувэу яукIынуращ, – жиIащ, – уи ядэр. ЩIэхыу унэсу къазэрыIэщIэбгъэкIын..., – жери щIалэр иутIыпщщ аби-щэ, мо зы километр, километритI хуэду иIыжу-щэ нэсыным, а унэм нэсыным иIыу, и щIопщауэ макъымкI'э-щэ, Бэдын и къуэм и щIопщауэ макъымкI'э нартhэр зэхэзежэ хъуа.

– Алыхьым и цIэкI'э соIуэ, ди мыхэку шу ди хэкум къихьам, дэнэ къикIамикI. Ди унагъуэбжэр хуэтщIыжащ, – жари <нартхэм>...

Нэсщ, зыригъэлъэтэхщ шыми, шы фIэдзапIэм фIидзэри, щIыхьэри нартhэм заригъэдыгъуа, аткI'э-мыткI'э зыкъуадза. И джатэр къырихыри, мо жьантIэм дэс лIыжьым, мо стIолым щхьэпырыIэбыкI'ыри, и бгырыпхыпIэм дей фIигъанэщ джатэпэри, къыдигъыувыкIащ мор, къупщхьэ гуащэм хуэду:

– Хъунщ, тхьэмадэ, мыбы уазэрыхэсар, унэ уиIымэ, кIуэж, – жери, ядэр ахуэду <къригъэжьэжащ>, махъсымэм ефапIэ иримыту.

Арати, Бэдын къэкIуэжри, и фызым дей къыщIыхьэжыри:

– ЩIэхыу, фызыжь, хуабэщIыпс схуэщI, – жиIа, – Алыхьым и цIэкIэ соIуэ, си дзажэр игъэузам, – жиIа, – хуабэщIыпс схуэщI, –

жIа, – си дзажэр игъэуза. Ди мыхэку шу ди хэкум къихьащ, – жIа, – дунэхъуащ, – жIа.

– Сыт къыуищIар, дэн-щыIэ, сегъэплъыт, – жери...

И дзажыналъитI икъутат, жи, къыщыдихым щыгъуэ, сэшхуэпэмкIэ къыщыдихым.

– Алыхь, уи дзажыналъитI къутам, – жери…

– Уэлэhи, ар зыгуэр зэрикъутар сщIэрт сэ абы, – жери-щэ, – ди мыхэку шу ди хэкум къихьа, ди унагъуэбжэр хуэтщIыжа, – жери...

Ягъэгъуэлъа, хуабэщIыпс хуищIыри иригъэфа, <…>, хьэнтхъупс, прунж хьэнтхъупс ящIыри, кърырагъэпщыну.

Дзажэр къута иужькIэ, дохутырыми ара къыпхуащIэнур. «ХуабэщIыпс», – жаIыу щыта ипэкI'э. «ХуабэщIыпс ефэн хуей зи дзажэ къутар», – жаIыу щыта. Иджыри ара.

Ауэрэ <фызыр> еупщIа:

– НтIэ, а шур уи къуэм нэхъ къэпщтэну, хьэмэ уи къуэшым нэхъ къэпщтэну? – <…> жери фызыр къоупщI, Бэдын и фызыр.

Бэдын жери:

– Уэлэhи, къуэшыри хъарзынэм, ауэ си къуу щытам, нэхъ къэсщтэну мыгъуэтэм, – жIа.

– НтIэ, уи къуэщ, – жIа, – ар.

– Дауэ?

– Мыпхуэду-мыпхуэду, мыращ-мыращ, мыпхуэду-мыпхуэду илъэс лъандэрэ спIа, ара.

– ЫIhы.

Сытыми, ахуэду фыз къырагъэшэну... Иг'ы, къокIуэж Бэдын и къуэри...

– Иг'ы, сызэрыхуейм хуэду ухъуащ. Хъарзынэщ, тэмэмщ, ауэ иджы къыумышу, фыз къыумышу сарэзыIым, – жери пеубыд и анэм.

– НтIэ, хъуным, къэсшэнщ, ауэ хэт къэсшэн, уэ нэхъ хэт уигу ирихьырэ, ди анэ? – жери къыщеупщIым.

– Малчыпхъу къысхуэшэ, нэгъуэщI сыхуейIым, – жIа.

– Хъунщ, – жери зызэригъэпэщыри-щэ, а зэманым щыIыу къыщIэкIынт форму чэтэн джанэ-гъуэншэдж, чэтэным къыхэщIыкI'ауи-щэ, арауэ къыщIэкI'ынт щыIэри, зызэригъэпэщыри кIуа Малчыпхъухэ дей Бэдын и къуэр.

КIуэри, Малчыпхъуhэ зы къулей гуэру къыщIэкI'ынти, хьэшхуэжь, хьэ къуэлэн ин, хьэ бзаджэжь гуп дэлъти, къаувыхьауэщэ щIалэр ягъакIуэтэIым, пщIантIэкум дей. <…> Малчыпхъу щхьэгъубжэмкI'э къыдэплъэри...

– Ей, дянэ, – жIащ, – мо щIэпым зы щIалэ хашхыхь, – жIащ, – мы хьэм.

– Сыт жыпIэр, къэмыхъун, ямылъагъужын, щIэп жыхуэпIэр, дэнэ щIэп къыздикIар? – жери.

– Мисым, Алыхь, – жIащ, – щIэпым хашхыхьым, – жIащ, – къаувыхьауэ.

«ЩIэп» щIыжиIыр чэтэн джанэ-гъуэншэдж щыгъым щхьэкI'э жIаурат.

– УкъэмыхъукI'э уэ, – жери, янэр къыщIэкI'ри, блишыри, щIалэр щIишэри иригъэблэгъа.

ЩIалэр псэлъыхъут, мобы лъыхъуну кIуаурат, зыригъэлъагъунуи, янэр щIэкI'а, мор къыщIэна. ТIэкIу мыбыкI' экIуа, жыхафэгу<мкIэ>, мо пасэрей унэ кI'ыхьыжьым, къэкIуэжа, мо хъыджэбзыри щIэтти, зы пхъэ пшынэжь гуэр фIэлъти, къыфIихыри:

– УцIыхубз зэкI'элъыкIуэт, ауэ ущIакъуэ нэпцIщ, – жери къыригъэкI'а пхъэ пшынэжьым Бэдын и къуэм.

Малчыпхъуи къигъэзэжри, пхъэ пшынэжь блыным фIидзэжар къыфIихри къыригъэкI'а:

– СыщIакъуэ нэпцIкъым, нышэдибэ си лъэгурыдз лъэныкъуэр къысщыгъупщауращ, – жери.

Арати, къишащ Малчыпхъу Бэдынокъуэм.

Ауэдэ щIыкIэкIэ къишащ, жари ар жаIыу зэхэсха.

СКАЗАНИЕ О БАДЫНЕ И СЫНЕ БАДЫНА

Так вот, когда Бадын и жена Бадына уже разуверились в том, что у них будут дети, а детей у них не было, <вдруг> жена забеременела. Она, не выдавая признаков, подвязывая талию, не обращая внимания <мужа> на беременность, рождает мальчика и в тайне от Бадына растит его. Растит его, воспитывает, кормит, как она сама желает; в те времена, наверно, и среди женщин тоже были обладавшие мужеством. Вырастает <мальчик, и мать> готовит ему оружие-доспехи, снаряжает ему коня – всё отборное.

Бадын <к тому времени> состарился, и нарты, видишь ли, решились его убить, убить Бадына, отца того юноши. Жена Бадына узнала о том, что так решили нарты: «А ды-дыд, о горе, неужто его убьют!» – испугалась она.

– Довольно, сколько этот Бадын сидел у нас тхамадой, довольно, давайте теперь убьем его, – так говорили <нарты>.

Как бы ни было, устроили пиршество в одном таком маленьком селении, как вон тот Мисостей, усадили в своем кругу Бадына, намереваясь его там убить, а в его махсыму пустили серых змей, чтобы те его ужалили. Жена, Бадына жена об этом узнала, и вот она выводит своего сына <на белый свет>, выводит его коня:

– Теперь, <сынок>, ты возмужал, стал таким, каким я хотела видеть, понимаешь… Твоего отца хотят убить, – сказала, – сейчас он сидит в таком-то доме в таком-то селении, будет он сидеть на почетном месте, – сказала, – твой отец. Может быть, ему в руки дали чашу с махсымой, если и не дали, то хотят дать и убить, – сказала, – твоего отца. <Скорее садись на коня и> как бы его спасти тебе… – сказала так и отпустила парня. И когда до того дома оставалось с километр или с два километра, от звука удара его плети нарты уже забегали в панике.

– Аллаха именем клянусь, откуда бы он ни был, в наш край явился всадник не из нашего края. Конец всем нам настал, – заговорили они.

Прибыл он, соскочил с коня, привязал его к коновязи и заставил нартов притаиться, прятаться по углам. Обнажил он свой меч, потянулся через стол туда, где на почетном месте сидел тот

старик, поддел его за пояс и, приподняв, словно лубочную куклу, извлек оттуда:

– Достаточно, тхамада, сколько ты сидел в этой компании, если у тебя есть свой дом, возвращайся к себе, – сказал он, не дав тому возможности выпить махсыму.

Итак, Бадын возвратился домой, вошел к своей жене:

– Скорее, жена, приготовь мне *хуабашыпс* (букв.: *теплого жидкого*), – сказал, – Аллаха именем клянусь, он причинил боль моим ребрам. В наш край явился всадник не из нашего края, – сказал, – конец нам, – сказал.

– Что он тебе сделал, дай-ка посмотреть, – сказав…

Оказалось, что он сломал два ребра, когда концом меча поднимал его.

– Аллах, твои два ребра поломаны, – сказала она.

– Уаллаги, я знал, что он что-то мне поломал, всадник, явившийся не из нашего края, пропали мы, – сказал <Бадын>…

Уложили его, приготовила она ему хуабашыпс и дала выпить – ну *хантхупс*, рисовый хантхупс приготовили, *чтобы живот выпячивало*. Когда ребра сломаны, то и доктора только это же и могут тебе сделать. Раньше это называлось хуабашыпс. «У кого ребра поломаны, тот должен пить хуабашыпс», – так говорили. Да и сейчас так.

Тем временем <жена> спросила:

– Так, что же ты предпочел бы – иметь этого всадника, то ли сыном хотел бы иметь, то ли братом хотел бы иметь? – сказав, спрашивает жена, Бадына жена.

Бадын отвечает:

– Уаллаги, и брат такой это хорошо, но будь он моим сыном, я бы это ох как предпочел! – сказал.

– Так он твой сын, – сказала она.

– Как?

– Вот так-то и так, то-то и то-то, столько-то лет я его <тайно> воспитывала, вот так.

– Ага-а…

Вот таким образом, решают его женить… Между тем и сын Бадына возвращается…

– Теперь ты стал таким, как я хотела. Прекрасно, хорошо, но теперь необходимо тебе жениться, я не буду удовлетворена, пока ты не приведешь жену в дом, – говорит и такое условие ставит мать.

– Ну, если так, женюсь, только на ком я женюсь – кто тебе больше по душе, мать моя? – когда он так спросил…

– Приведи мне Малечипх, другой не хочу, – ответила она.

– Хорошо, – сказав, он снарядился; в те времена, наверно, были нарядом холщовая рубаха да штаны, изготовленные их холстины, видишь ли, видимо, это тогда только и было; и вот снарядился и отправился к Малечипх сын Бадына.

Прибыл он, а семья Малечипх, наверно была из богатых, и во дворе у них были серые матерые собаки, пегие собаки, злые огромные собаки, и они окружили парня посреди двора и не давали ему пройти. <…> А Малечипх выглянула в окно и сказала своей матери:

– Эй, мать наша, – сказала, – там в конопле эти собаки какого-то парня загрызают.

– Что ты мелешь, чтобы тебе не достичь зрелости, чтобы тебя на этом свете не видали, какая конопля, откуда здесь конопля? – сказала <ее мать>.

– Так вот же, – сказала та, – загрызают в конопле, – сказала, – окружив со всех сторон.

Она говорит «конопля», намекая на то, что он был одет в холщовые рубаху-штаны.

– Да не достигнешь ты взрослости, – сказав, мать ее вышла, провела парня и ввела в дом.

Парень был женихом, приехал, чтобы свататься к ней, познакомиться, поэтому мать вышла, а те остались в комнате. <Она> чуть прошлась туда, в сторону порога, в том старинном длинном доме, прошлась назад, та девушка; на стене висела одна старая *пхапшина,* он снял ее и:

– Ты девушка ладная, только чуть прихрамываешь, – вот так он наиграл, сын Бадына, на старой пхапшине.

Малечипх же повернулась, сняла со стены пхапшину, которую он повесил обратно, и сыграла вот что:

– Я не прихрамываю, а просто сегодня утром <одевалась,> забыла положить один подследник, – вот так.

Итак, вот Бадыноко женился на Малечипх.

Таким вот образом он женился, как я слышал.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690 – ф/25. Исп. Миша Хамуков: 1926 г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 25.11.1985 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А.Гутова и М. Бухурова.

В тексте контаминированы сюжеты о первом выезде нарта Бадиноко (спасение от гибели отца на нартском санопитии) и богатырском сватовстве. Второй сюжет осложнен мотивами умной и острой на язык невесты (Малечипх – главный персонаж другого цикла) и «говорящего» музыкального инструмента, устойчиво закрепленного за героем цикла о нарте Шауее.

Хуабашыпс (*хуабэщIыпс*) – архаизм: *похлебка;* специально приготавливаемая для тех, у кого случился перелом реберных костей. Для того, чтобы ребра правильно и надежно срослись, требуется, чтобы их постоянно распирало изнутри, для чего больных обильно потчевали похлебкой (см.: «*…чтобы живот выпячивало*»).

Хантхупс (*хьэнтхъупс*) – суп, похлебка.

Пхапшина (*пхъэ пшынэ*) – смычковый музыкальный инструмет, род скрипки.

25. НАРТ ШЭБАТЫНЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

Нарт Шэбатыныкъоба, уа-орэда,
ЛІыхъухэр зиныкъокъогъуба, уа-орэда,
Хьэгъу-шъугъо бэшІыба, уа-орэда,
Шыумэ анахьы пагэба, уа-орэда,
Шыумэ япэгэкІышъы, уа-орэда,
Хащэми ахахьэшъы, уа-орэда,
Гъуазэми рыдэкІыба, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъуа, уа-орэда!

– Нарт яІахъо-цуахъошъи, уа-орэда,
Нарт ячэмэхъожъыба, уа-орэда,
Къорэгъыжъ лъэшъу гущ, уа-орэда,
Тэ щыІ нарт яунэхэр, уа-орэда?

– Нартымэ яунэхэр, уа-орэда,
Ори къэплъэгъугъэ гущ, уа-орэда,
Унэ фыжьы кІыхьэба, уа-орэда,
Унэ къебэ-небэ гущ, уа-орэда,
КІэсэныбэ кІэтыба, уа-орэда,
Нартымэ яунашъхьэхэр, уа-орэда,
Дышъэ бгъэны фыжьыба, уа-орэда,
Дышъэ бгъэны ІуантІэ гущи, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъо гущ, уа-орэда,
Ра, мы Іэкуандэ-дахэми, уа-орэда,
Ра, укъилъэгъунышъы, уа-орэда,
Ра, къыпкІэнэкІэны гущ, уа-орэда,
А къыпщыдэхьащхыныба, уа-орэда!
– Ра, къысфеуцІэпІыба, уа-орэда,
Ра, мы хьэжъы-хьэбзэуи, уа-орэда,
Ра, мы хьэбзы ежьагъэ гущ, уа-орэда,
Дышъэ пхъэбгъужъыехэри, уа-орэда,
Сыд папкІэ оуцІэпІыеба, уа-орэда?

– Ра, мы тянэ, тянэ гущ, уа-орэда,
Ра, мы тянэ делэба, уа-орэда,
Ра, зы шыу къакІошъы, уа-орэда,
Іэкуандэм ипсэлъыхъо гущ, уа-орэда,
Іэкуандэм илъыхъуакІоба, уа-орэда
Іэкуандэм зыкъызэкІеупкІэшъы, уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъоми, уа-орэда,
Ра, къыстыпэгъокІышъы, уа-орэда,
– Еблагъэр! – къыреІоба, – уа-орэда,
Нарты Шэбатыныкъоба, уа-орэда,
О тицу шхъожъы пэплъыхэр, уа-орэда,
О уикъурмэныпхъэ гущ, уа-орэда,
Ра, чэмыбгъэ яехэр, уа-орэда,
Ра, уихьэкІэныщыба, уа-орэда!
– «Еблагъэр!» къысаІо гущи, уа-орэда,
Ра, мы хьэбзы-хьэбзы гущ, уа-орэда,

Ра, мы хьэбзыжъы уд гущи, уа-орэда,
Зышъхьэ мыпсэкIыхэр, уа-орэда,
О пфэмыдэ сэлъэгъу гущ, уа-орэда.

Iэкуандэм къырифылIыешъы, уа-орэда,
Iэкуандэр къырихьыжьэеба, уа-орэда,
Iэкуандэр къызэтхъокIышъы, уа-орэда,
Ра, дышъэ шышIоIухэм, уа-орэда,
Ра, къысфебэныгъэ гущ, уа-орэда,
О дышъэ шышIоIухэри, уа-орэда,
Ор къыхырегъэтхъышъы, уа-орэда,
Iэкуандэм итемэныхэми, уа-орэда,
О къыхырегъахьыба, уа-орэда,
Iэкуанэм итемэныхэм, уа-орэда,
Ор хыригъэкуагъэба, уа-орэда,
Iэкуанэм ипсэлъыхъухэми, уа-орэда,
Лъагъор афишIыгъэ гущи, уа-орэда.
Нартым илъэрыгъыхэр, уа-орэда,
Дэышъэ лъэрыгъыпсы гущи, уа-орэда,
Нартым ионэпсыхэр, уа-орэда,
Дышъэпсым хагъао гущи, уа-орэда,
Нарты шхомылакIэхэри, уа-орэда,
Дышъэ шхомылакIэ гущи, уа-орэда,
Нартым ишы джабгъухэми, уа-орэда,
Нартымэ ятамыгъэхэр, уа-орэда,
Ра, къысфытедзагъэба, уа-орэда.
Iэкуандэр къысфычIедзышъы, уа-орэда,
Iэкуандэм къепэгэкIышъы, уа-орэда,
Нарт Шэбатыныкъохэри, уа-орэда,
Ра, къашIокIожьыба, уа-орэда!

ПЩИНАТЛЬ О НАРТЕ ШАБАТЫНЫКО

Нарт Шабатыныко, ба, уа-орада,
Мужи доблестные кому соперники, ба, уа-орада,
Много свершающий, ба, уа-орада,
Среди всадников самый гордый, ба, уа-орада,
Со всадниками высокомерно себя держащий, уа-орада,
В хасу он вступает, ба, уа-орада,
И по пометке он выезжает, ба, уа-орада,
Нартский Шабатыныко, ба, уа-орада!

Нартский пастух коров-быков, уа-орада,
Нартский пастух коров могучий, ба, уа-орада,
Жердь большую таскающий, гущ, уа-орада,
Где находятся нартские жилища (букв.: *дома*), уа-орада.

Нартов жилища, уа, орада,
Ты и сам увидел, гущ, уа-орада,
<Это> дом белый длинный, ба, уа-орада,

Дом перекосившийся, гущ, уа-орада,
Со многими опорами, ба, уа-орада,
Нартских домов крыши, уа-орада,
Золотые кровли белые, ба, уа-орада,
Золотые кровли крученые, гущ, уа-орада,
Нартский Шабатыныко, гущ, уа-орада,
Ра, эта Акуанда-красавица, уа-орада,
Ра, увидит тебя, уа-орада,
Ра, посмеется над тобой, гущ, уа-орада,
А, смеяться будет над тобой, ба, уа-орада!
– Ра, <она> мне гадит, ба, уа-орада,
Ра, эта собака старая, собака-сука, уа-орада,
Ра, ты, сукою ставшая, гущ, уа-орада,
Золотые пластиночки, уа-орада,
Почему ты огаживаешь? ба, уа-орада.

– Ра, ты наша мать, наша мать, гущ, уа-орада,
Ра, ты наша мать глупая, ба, уа-орада,
Ра, один всадник сюда едет, уа-орада,
Он Акуанды жених, гущ, уа-орада,
Акуанды он искатель, ба, уа-орада.
Акуанда прихорашивается и… уа-орада,
Нарту Шабатыныко, уа-орада,
Ра, навстречу выступает, уа-орада,
«*Еблага!*» ему говорит, ба, уа-орада.
– Нартский Шабатыныко, ба, уа-орада,
О, наши быки серые рыжемордые, уа-орада,
Тебе – жертвенные животные, гущ, уа-орада,
Ра, коровы яловые круглые [упитанные], уа-орада,
Ра, в честь тебя угощение, ба, уа-орада!
– «Еблага!» мне говорит, гущ, уа-орада,
Ра, эта сука-сука, гуща, уа-орада,
Ра, эта сука старая ведьма, гуща, уа-орада,
У которой голова неприбранная, уа-орада,
Не таких, как ты, я видываю, гуща, уа-орада.

К Акуанде он подскакивает и, уа-орада,
Акуанду уносит, ба, уа-орада,
Акуанда назад поворачивает и, уа-орада,
Ра, золотые коновязи, уа-орада,
Ра, хватает, гущ, уа-орада,
О, золотые коновязи, уа-орада,
Ор, вырывает и, уа-орада,
В трясины Акуандовы, уа-орада,
О, <коня своего> притащить заставляет, уа-орада,
В трясинах Акуандовых, уа-орада,
Ор, вывалять заставил, ба, уа-орада,
Женихам Акуандовым, уа-орада,
Тропу он построил, гуща, уа-орада.
Нартские стремена, уа-орада,
С золотыми подтяжками, гуща, уа-орада,

Нартские подпруги, уа-орада,
Позолоченные, гуща, уа-орада,
Нартские поводья, уа-орада,
Золотые поводья, гуща, уа-орада,
Нартские тавра, уа-орада,
Ра мне [моему коню] нанесены, ба [ведь], уа-орада,
Акуанду он бросает и… уа-орада,
Акуанду не удостоив чести, уа-орада,
Нарт Шабатыныко (букв.: *нарты Шабатынуки*), уа-орада,
Ра, от них уходит, ба, уа-орада!

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 89–91. Исп. Мурат Чужев: а. Егерухай Адыгеи; егерукай. Зап. 22.11.1935 г. Других сведений нет. Перевод на русский язык А. Гутова.

…Где находятся нартские жилища? – здесь и ниже в некоторых фрагментах стилистика языка эпоса допускает употребление формы множественного числа вместо формы единственного; поскольку подобное или налицо, или не исключено, наш перевод условный.

Еблага (*еблагъэ, къеблагъэ / еблагъ, къеблагъ*) – формула приглашения в гости; букв.: «*будь близким*» / «*будь гостем*».

«***…наши быки…***» – согласно стилистике эпического повествования, форма множественного числа может употребляться по отношению к предмету в единственном числе.

26. НАРТ ПЩЫ БЭДИНОКЪУЭ И ХЪЫБАР

(*Хасэм зэрыкIуамрэ Лъэпщ и пхъур къызэрашамрэ*)

Нартхэ я Бэдинокъуэ, чынтыр зи ныкъуэкъуэгъу, и зекIуэныр къыщохьэри, и уанэжьыр тырекъуэ. Нартхэ я Бэдинокъуэ, чынтыр зи ныкъуэкъуэгъу, Псыжь икIыгъуэ закъуэт, шы джабэпси хуэхъукъым. Iэхъуэ цIыкIум ныхуозэри:

– Уэ бохъу апщий, Iэхъуэ цIыкIу! – жыреIэ.

– Упсэу апщий, еблагъэ! Нартхэ я Бэдинокъуэ, зи щхьэр тхуэмылъагъу, зи цIэм димыгъэпсэху, – жеIэ. – Выгъуэм и бжьэпэпсыр уи хьэщIэ нышщ, гъэлъэхъум и пшэрыр уи Iэпэшыпсщ, санэхум и фадэр щIэтIауэ щIэтщи, къыпхущIедгъэхынщ, Сэтэней-гуащэр ди пхъужь хьэщIэщ, – жи.

– Выгъуэм и бжьэпэпсыр хьэдэIус ухъу, гъэлъэхъум и пшэрыр псэхэлIэ ухъу, санэху и фадэм дзыгъуэр хэулIэ, Сэтэней-гуащэ и анэр хьэм <...>, сэ ешхакIуэ-ефакIуэ сыкъежьакъым. Нарт щауэгъу солъыхъуэри, нарт хъыбар къызжеIэ!

– СщIэркъым сэ нарт хъыбар!

Пщы Бэдинокъуэ мэгубжьыри къамышыкIэ тоухь.

– hей, hей, нартхэ я Бэдинокъуэ, зэ бэяу! Си фокIэщIыжьым гыныгъуэ щIизгъэфыхьар нобэ хуэдэ зы махуэщ, – жери фокIэщIыжьым къыщеIэкIэ, Бэдинокъуэ щIопщэуэныр щегъэт.

– «Нартхэ я Iэхъуэ щIалэжь цIыкIу нартхэ Бэдинокъуэ жаIэу цIэ зиIэр пабжьэм хиукIыхьащ», – жаIэу къыпхуэфащэкъыми, абы щхьэкIэ укъызогъанэ, ахъумэ узукIынут, – жери ар къыжыреIэ.

Бэдинокъуэ щIогъуэжри, йожьэжри зы теуэгъуэ икIуауэ:

– Хьэ-хьей, нартхэ я Бэдинокъуэ! – кIэлъогуоури, Бэдинокъуэ къегъазэри... – Губжьа-губжьауэ сопсалъэри щIопщ удыни хэсхащ, зы хъыбари бжесIынщ, – мыр жеIэ: – Нартхэ я санэхуафэщ, нартыжьхэри зэхэсщ, Насрэн ЖьакIэри яхэсщ, санэху кIадэри къыщытщ, Сэтэней-гуащэри къыщысщ, Сосрыкъуэжь цIыкIури щIэсыххэщ. Мы жылэм къуажэкIэм дыхьи дэгъэзеи, Сэтэней-гуащэ и унэIутитIыр къыдигъэжынщи щхьэлъащIэкIэ къыуигъэлъэIунщ – хуумыгъазэ. Дыхьэжынщи, Сэтэней-гуащэ къыдэжынщи къолъэIунщ, щхьэлъащIэкIэ – хуумыгъазэ. И бгъафэ хужьыр зэлъыIуихынщи уигъэлъагъунщ – хуумыгъазэ. И гъуэншэджыр лъигъэфтынщи и хьэдрэфтым уIуигъэплъэнщ – хуэгъазэ, – къыжыриIащ.

КъуажэкIэмкIэ дыхьэри, дыригъэзейри, Сэтэней-гуащэ и унэIутитIыр къыдигъэжри къыригъэлъэIуащ, щхьэлъащIэкIэ – хуигъэзакъым. Дэлъэдэжри, Сэтэней-гуащэ къыдэжри щхьэлъащIэкIэ къелъэIуащ – хуигъэзакъым. И бгъафэ хужьыр зэлъыIуихри иригъэлъэгъуащ – хуигъэзакъым. И гъуэншэджыр лъигъэфтри и хьэдрэфтым Iуигъаплъэри – хуигъэзащ. Жэщ бысым абы щырихри, пщэдджыжьым къуажэбгъумкIэ дэкIри дригъэзеящ. Дригъэзейри, нартхэ дей дэтыр къаплъэри къалъэгъуащ. ЩIэлъадэри унэми жыраIащ, нарт ефэ зэхэсым:

– Мыбы зы шу къокIуэри, япэмкIэ дыгъэр щопс, яужьыр пшагъуэ гуэрэнщ, ищхьэм къуанщIэр щызэрызохьэ, и дамэ лъэныкъуэм уэсышхуэр къыщос, и дамэ лъэныкъуэм дыгъэшхуэр къыщопс, и шыпэ бзийм къыриху маскIэм мы гъуэгу напщIэр елыгъуэ, езбы зелыгъуэж.

– НтIэ, ар зи шуукIэр нартхэ я Бэдинокъуэщ. Нартхэ я Бэдинокъуэ мы гуп дыгъэлым къытхыхьэм – дыхьэлэчщ.

– НтIэ, дауэ тщIыну?

– Фадэ пIащIэм щыщ гупыбжьэм ифкIи, блащхъуэжьеищ хэвдзи, Бэдинокъуэ абы иукIынщ.

Фадэ пIащIэм щыщ гупыбжьэм ирагъахъуэщ, блащхъуэжьеищ хадзэри... Бэдинокъуэ нэсащ. Иджы, нартхэ Iэлыджхэ я унэм уекIуэлIэн щхьэкIэ, зы шэд гуэр иIыт, цIыху гъэунэхупIу, а шэдым имыкIыр лIы мыхъуу. Иджы, а шэдым имыкIыу, хэмыхьу, еуэщ ишми, шэдым елъащ. Къамышы уэ макъыр зэхэзыхар къыщIэжащ, щытхэр; щысхэр къыщылъэтащ. Нарт Бэдинокъуэ ирагъэпсыхри, щIыхьэри, гупыбжьэр къыратри, <Бэдинокъуэ> и пащIитIыр маисэти, и пащIэмкIэ хэуэщ аби, блащхъуэжьеищыр плIанэпэм дигъэзыхьри, фадэр ирифри, блащхъуэжьейр пIэтIауэ-лъэкъуауэу илъу яритыжащ. «Мыр щхьэ къызэфщIа?» – жимыIыу ефэ гупым яхэтIысхьащ.

Ефэурэ зэхэсурэ, Сосрыкъуэжь цIыкIур къэчэфщ аби, къыщылъэтри, Iэнэм дэлъейщ аби зыхитIащ.

– Абы нэхърэ нэхъ хьэлэмэт сэ фэзгъэлъагъунщ! – жиIэри, зы нартыжь къэтэджри, сэшхуэпэмкIэ хихуэщ щIыми, сэшхуэ Iэпщэм тету зыхитIащ.

Бэдинокъуэ къэтэджри, сэшхуэ тIыгумкIэ хихуэри, сэшхуэпэм тету зыхитIащ.

Гупыр къокъутэж.

Нарт Сосрыкъуэ Лъэпщ и пхъум лъыхъурт, къыримыту щытт. Лъэпщ абы дэтти жыриIащ:

– Упсалъэм, нартхэ сащыщщ, жоIэ, Сосрыкъуэ. Уэлэhий, абы узыбгъуригъыувэм, нартхэ уащыщыр пэжым! – жери. – А умыгъуэтри бгъуэтынщ, – жери, и пхъур къыритыну.

– Сосрыкъуэ къызбгъурыувэ! – жери, щIэхыу шэсщ аби, Бэдинокъуэ бгъурыувэри къыдэкIыжащ.

Сосрыкъуэ щIыIэ зищIыфу щытт. Уае бзаджэ зрищIэкIщ, мо лIы ахъырзэманыр игъэпIыщIащ.

– Бэдинокъуэ, – жиIащ, – унеблагъэрэ зыбгъэхуабэм гуапэ сщыхъунут. Сэри Сэтэней-гуащэ сырищIалэщ, си унэжьри мыдежщ.

– Уэлэхьэ, сынеблэгъэным! – жери мо Iейуэ пIыщIар еблэгъащ.

Еблагъэри, Сосрыкъуэм хуабэ зищIыжри, хуэбэжащ. Ефэ-ешхэ къырищIэкIащ. Ешхэ-ефэ къырищIэкIауэ щысу, мыст, Лъэпщым дей нагъэсащ:

– Уэлэhий, уи пхъур ихьам Сосрыкъуэ! Уэлэhий, Бэдинокъуэ абы дей еблэгъам! – жари.

– Минрэ еблэгъам, Сосрыкъуэ си пхъур естынкъым! – жери, и гур зэщIищIэщ аби, и пхъур иригъэтIысхьэри, еуэри ежьэжащ, хэкум икIыжыну.

Ежьэжар, хъыбарыр щIэхыу модрейм нагъэсыжащ: «Хъуащ, аращ, ежьэжащ».

Бэдинокъуэ зэхихащ – щыжаIэкIэ, зэхэпхынкъэ! «Ей, ауэ вгъэбэяут а псалъэр!» – жери, ягъэбэяуащ. Аурэ щысурэ нэху щыри, Бэдинокъуэ щышэсыжым: «Сэ сежьэжыркъым, Сэтэней-гуащэ, дыгъуэпшыхь зы хъыбар зэхэсхащи, а хъыбарым кIэ имыIыу. МыбыкIэ къэзгъэзэжынущ сэ», – жыреIэ. Сосрыкъуэрэ абырэ шым мэшэс, зыбгъуроувэри макIуэ Лъэпщ деи, гу лъэужь къыдэкIам тоувэри, гу лъэужьыр ирахужьэри – жыжьэ ягъэкIуэнт гувыр! Зы хуей гуэрым ихьэри, выр игъэшхэну щIитIыкIауэ, Лъэпщ гурыгъыпэм дей, и пхъур гум тесу кIэщIохьэ.

– Мыр умыщIапхъэу пщIащ, Лъэпщ, ущыуащ: уипхъу Сосрыкъуэ ишэмэ, ущIэмыгуфIэр сыт! Сосрыкъуэ нартхэ ящыщщ, уэ улъхукъуэщауэжьщ, – жери шыщхьэр мыдкIэ къыщиIуэнтIэжым, Iэбэри, хъыджэбзым и блыпкъыр иубыдри, шыплIэм къыдигъэтIысхьэри къежьэжащ Бэдинокъуэ.

Сосрыкъуэ абдеж щыту къэнащ. Аурэ тэлей дэкIри, къыкIэщIыхьэжащ.

– ЛIо, Сосрыкъуэ, щхьэ укъэгува? – жиIащ.

– Уэлэхьий, хуэфащэ есщIам хьэмэ къилъхуам!

– ЛIо епщIар?

– Фэ нэмэзлыкъым хуэду щIым тескъуащ.

Мо Лъэпщ мо гъукIэм Iэдэ-уадэ иIыгъыу къыщIэкIынти, зыригъэукъуэдийри, и лъэ тхьэмпитIымрэ и Iэ бэлагъитIымрэ триIулIащ.

– ЫнтIэ, сэ ахуэдэ лей зесхьэркъым, – жиIащ. – Уи шыгъупIастэ сшхам щхьэкIэ укъызогъанэ, ахъум пIалъэ уэстынтэкъым, иджыпсту фIэкIа! – жеIэ. – Гъази къэутIыпщыж! – жери, Сосрыкъуэм къигъазэри, зэрыхиукIахэр къыхечыжри, Лъэпщыр хуит ещIыжыри, егъэзэжри къыкIыщIохьэж. Бэдинокъуэм къыкIэщIохьэжри, зэгъусэу къыдохьэж Сосрыкъуэ и дей. Ефэешхэ гуэр ящIри, ефэ-ешхэр зэфIокIыри, Бэдинокъуэр къошэсри къокIуэж. Сосрыкъуэ, и унэщи, къонэж.

ХАБАР О НАРТЕ ПШИ БАДИНОКО

(*Как он на хасу ездил и как у Тлепша дочь отбирали*)

Нартов Бадиноко, чинты кому противники, находит охота ему в поход отправиться, седло старое набрасывает на коня. Для нарта Бадиноко, чинты кому противники, через Псыж был всего один брод, вода его до боков коня не достает. Встречает пастушка:

– Бох апши, пастушок, – говорит ему.

– Пребывай в добром здравии, пожалуй в гости, нартов Бадиноко, кого мы еще не видели, чье имя не дает нам покоя, – говорит. – Откормленного вола лучшие части – тебе на угощенье, валух откормленный – тебе на подливу, вино белое зарыто – его вынесем тебе, Сатаней-гуаша, разведенка, у нас в гостях, – говорит.

– Откормленного вола лучшие части поминальной едой пусть будут, жирный валух пусть сдохнет, в белом вине мышь дохлая пусть утонет, матерью Сатаней-гуаши кобель пусть овладеет. Я не на пир приехал. Нарта достойного я ищу, нартский хабар мне поведай!

– Нартские хабары мне неведомы!

Пши Бадиноко гневается и бьет его плетью.

– Ой, ой, нартов Бадиноко, постой-ка! В моем коротком ружье светлый порох сыреет для такого дня, как сегодня, – сказав так, когда начал доставать короткое ружье, Бадиноко перестал бить его плетью.

– Чтобы о тебе не сказали недостойное, дескать какой-то пастушок где-то в кустах убил нарта Бадиноко, оставляю тебя в живых, а не то бы убил, – говорит.

Бадиноко пожалел о совершенном и отправился дальше, и после преодоления одного перегона...

– Эй, нартов Бадиноко! – кричит ему вслед <пастушок>, и Бадиноко возвращается. – В гневе я говорю, потому и заслужил удар плетью. Но один хабар я расскажу. – Вот что он рассказывает: – У нартов санопитие, бывалые нарты сидят вместе там. Насрен-Борода тоже там, вино белое, стоит в кадке там. Сатаней-гуаша сидит там, Сосруко невзрачный вечно там тоже. Въезжай в конец этого селения и правь вверх. Сатаней-гуаша вышлет двух служанок, и они будут приглашать тебя, ссылаясь на почтение к женщине, – не сворачивай. Они вернутся, выбежит Сатаней-гуаша и будет

умолять тебя, ссылаясь на почтение к женщине, – не сворачивай. Свои белые груди обнажит и покажет тебе их, – не сворачивай. Свои штаны скинет и покажет тебе свое срамное междуножье, – сворачивай, – сказал он ему.

Въехал он в конец села и направился вверх. Сатаней-гуаша двух служанок выслала просить его, ссылаясь на почтение к женщине, – не свернул. Сатаней-гуаша, сама выбежав, умоляла его, ссылаясь на почтение к женщине, – не свернул. Свои белые груди обнажила и показала ему, – не свернул. Скинула штаны и показала ему свое срамное междуножье, – свернул к ней. Погостил он ночью у нее, а наутро отправился наверх по окраине села. Когда он отправился, кто-то из нартов увидел его. Забежал в дом и рассказал пирующим нартам:

– Сюда один всадник едет: спереди у него солнце светит, сзади у него густой туман, над ним вороны кружат, со стороны одного плеча обильный снег идет, со стороны другого плеча яркое солнце светит. Искры из ноздрей его коня обочины опаляют, и сам он в гневе.

– Это посадка нарта Бадиноко. Если нартов Бадиноко явится в эту кампанию, покалечит нас.

– Тогда что будем делать?

– Крепкое вино в приветственную чашу налейте и бросьте туда трех змей, и они убьют Бадиноко.

В приветственную чашу налили крепкого вина, бросили туда трех змей... Бадиноко прибыл. Теперь, чтобы подъехать к дому нарта Алига, там было одно болото, которым людей испытывали и того, кто не смог его перейти, несостоявшимся мужчиной считали.

И вот теперь он, не въезжая в это болото, стегнул коня и перепрыгнул через него. Услышав звук плети, стоящие выбежали, сидевшие вскочили. Нарту Бадиноко предложили спешиться, зашел он, и когда дали ему приветственную чашу..., а усы у него стальные были, кольнул он своими усами трех змей, по углам их разогнал, вино выпил и отдал им чашу, в которой извивались змеи. «Почему вы так со мной поступили?» – не говоря, подсел к пирующей кампании.

Выпивая, сидели, и Сосруко-невзрачный, опьянев, вскочил на стол и станцевал.

– Я вам покажу еще более удивительное, – сказав, один бывалый нарт встал и, вонзив в землю шашку острым концом, станцевал на его рукояти.

Бадиноко встал и, вонзив шашку рукоятью, станцевал на его кончике.

Компания расходится (букв.: *распадается*).

Нарт Сосруко сватался к дочери Тлепша. Тот не хотел выдавать дочь за него. Тлепш был там, и он сказал ему:

– Сосруко, ты утверждаешь: «Я – нарт». Если он позволит тебе встать рядом с собой, тогда ты действительно нарт. Тогда ты добьешься, чего добиваешься, – сказав, пообещал выдать за него дочь.

– Сосруко, встань рядом со мной, – сказав, Бадиноко быстро сел на коня и поехал.

Сосруко умел вызывать холод. Вызвал он лютую стужу и того достойного мужа изрядно приморозил.

– Бадиноко, – сказал он, – если пожалуешь в гости и согреешься, мне будет приятно. Я Сатаней-гуаши сын и мой дом рядом.

– Уаллаги, пожалую я к тебе в гости! – сказав, очень замерзший Бадиноко пожаловал в гости.

После того как он пожаловал, Сосруко вызвал тепло и тот отогрелся. Устроил он ему пир, и это донесли Тлепшу:

– Уаллаги, Сосруко выиграл твою дочь! Уаллаги, Бадиноко пожаловал к нему в гости! – сказав.

– Если даже тысячу раз пожалует в гости, не отдам за Сосруко свою дочь! – сказав, Тлепш запряг арбу, посадил туда свою дочь и уехал, решив покинуть страну.

Когда он отправился, сообщили тому:

– Так мол и так, уехал он.

Бадиноко услышал об этом, – раз говорят, услышишь ведь! «Эй, прекратите, замолчите!» – сказав, успокоил их. Посидели и, когда он на рассвете садился на коня…: «Я не уезжаю, Сатаней-гуаша. Вчера вечером я услышал одну новость, и я не уеду, пока не увижу ее последствия. Я сюда вернусь», – говорит.

Вместе с Сосруко садятся на коней пристраиваются рядом друг с другом и отправляются к Тлепшу. Направляются по следу, далеко уйти разве дадут арбе! На одной поляне Тлепш распряг волов попастись. И когда он сидел на передке, а дочь в арбе, настигли их.

– Ты не должен был так поступить, Тлепш, неправ ты, если Сосруко женится на твоей дочери, почему ты не радуешься? Сосруко из нартов, а ты – тлекошауо, – так сказав, <Бадиноко> развернул коня, взял девушку за плечи и, посадив ее впереди себя, уехал. Сосруко остался там. Через некоторое время он догнал их.

– Что, Сосруко, почему задержался? – спросил <Бадиноко>.

– Уаллаги, я сделал то, что заслуживал этот собакой рожденный!

– Что ты с ним сделал?

– Подобно кожаному молитвенному коврику растянул его на земле.

У этого Тлепша-кузнеца, видимо, при себе были инструменты. Ими он и пригвоздил его двумя стопами и двумя кистями.

– Я так не бесчинствую, – сказал <Бадиноко>, – я ел твой хлеб-соль, поэтому прощаю тебя, а не то сроку жизни тебе не дал бы, кроме как сейчас. Вернись и освободи его! – сказал.

Сосруко вернулся, выдернул то, чем пригвоздил Тлепша, и, освободив его, догнал Бадиноко. Догнал <он> Бадиноко, и они вместе вернулись в дом Сосруко. Снова устроили пир и, когда пир закончился, Бадиноко уехал. Сосруко же остался в своем доме.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/13. Исп. Багиль Тарашев: 1904 г.р., с. Псыгансу Кабардино-Балкарии; кабардинец.

Зап. 29.09.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.

Текст примечателен тем, что содержит явные признаки поэтического текста, который был исходным для данного варианта. Об этом свидетельствуют проявляющийся местами в тексте ритм, свойственная поэтическим текстам аллитерация, повторы. Можно предположить, что падение социальной актуальности эпоса способствовало забвению исполнителем ранее усвоенного текста, поэтому он пересказывает содержание, вплетая в повествование отдельные фрагменты, близкие к поэтическому изводу.

27. НАРТ ПЩЫ БЭДЭНОКЪУЭ И ХЪЫБАР

(*Псэлъыхъу зэрыкIуамрэ нарт Сосырыкъуэр зэрыIэщIэкIуэдамрэ*)

Нарт Пщы Бэдэнокъуэ нартхэм яхэмыхьэу, ямыцIыхуу, зыдэщыIэр ямышIэу псэуащ.

Пщы Бэдэнокъуэ къежьащ, Сосырыкъуэ и деж кIуэну. КIуэурэ зы тэмэщэрэ кIуауэ, нартхэ я Iэхъуэм хуэзащ:

– Бохъу апщий, Iэхъуэ цIыкIу! – жиIащ.

Iэхъуэ цIыкIум къицIыхуащ, и хъыбар жаIэу зэхихамкIэ: «Мыр, шэч хэмылъу, Пщы Бэдэнокъуэщ», – жиIэри.

– Упсэу апщий, нарт Пщы Бэдэнокъуэ, чынтыр зи никъуэкъуэгъуу, зы хьэ закъуэ зи гъусэу, нарт гъусэ зимыIэу, езырикI е[я]бгэ щIыхьэхуу хьэхуншэ шыу, еблагъэ,– жиIащ.

– Сэ себлэгъэнукъым, ауэ нарт хъыбар къызжыIуэ, – жыриIащ.

– Сэ нарт хъыбар сщIэркъым, махуэм сыIэхъуэщ, жэщым сыхьэдэ хъуре<й>щ, – жиIащ.

Пщы Бэдэнокъуэр къыIукIыжыну щыхуежьэм, Iэхъуэ цIыкIум жиIащ:

– «Фыз хъыбарщ», – жумыIэм, сэ зыгуэр бжесIэнт, – жиIэри. – АтIэ, нартхэ я санэхуафэщ, я ефэ-ешхэщ, зыщефэр унэ хужь пхашэщ, нарт Сосырыкъуи абы яхэсщи, нарт щауэгъу къыпхуэхъунщ, – жиIащ.

Еуэри, ежьащ Пщы Бэдэнокъуэр, абы кIуэну. МыдэкIэ Iэхъуэ цIыкIур гъуэгу гъунэгъукIэ кIуэжыри яжыриIащ:

– Мыбы зыгуэр къокIуэри, нарт Пщы Бэдэнокъуэу си гугъэщ, – жиIэри.

Нарт Пщы Бэдэнокъуэр нэсащ.

Нартыжьхэр къыщIэжыри жаIащ:

– ФIэхъус апщий, нарт Пщы Бэдэнокъуэу чынтыр зи никъэкъуэгъуу, зы хьэ закъуэ зи гъусэу, нарт гъусэ зимыIэу, езырикI ебгэ щIыхьэхуу хьэхуншэ шыу, еблагъэ, – жаIэри.

Шым ирагъэпсыхыри и шыр пхъэлъатхъуэм фIадзэри, пхъэлъатхъуэр къыричащ. И къамышыр пылъапIэм фIадзэри, пылъапIэр къыхичащ. Езыр шэтым ягъэтIысыри, шэтыр икъутащ. Санэхубжьэ ирагъащ, блащхъуэжьей хагъэтIысхьэри. Хъуахъуэри ирифащ. И пащIэмкIэ шынакъ джабэм блащхъуэжьейр ириIулIыри, итыр ирифыри, блащхъуэжьейр хыфIидзэри иукIащ. Ефэхэурэ чаф ягъуэтыри къэфэну щIадзахэщ. Сосырыкъуэ къыдагъэкIыри, Iэнэм дэлъейри Iэнэ IупщIакIэм тету къэфащ,

Іэнэр мысысу, шыпсыр иримыкІуту. Абы иужькІэ Пщы Бэдэнокъуэр къыдагъэкІыри, шыпс ІупщІакІэм тету къэфащ. Къэфауэ шыпсым къыщелъыхыжым, и цеикІэм къыщІихуа жьым иныжьхэм вы гъашхэр зэрагъэва лэгъупым лэпс итыр ирикІутыри, иныжьхэм я лъакъуэр исахэщ. Лэгъупым и инагъыр вищ, виплІ хэхуэу абы хуэдэт.

Нарт Сосырыкъуэр абы зэгуигъэпыри мурад ищІащ, Пщы Бэдэнокъуэхэ кІуэну.

Сосырыкъуэр щІэкІыри Пщы Бэдэнокъуэм и шым тетІысхьэщ, Пщы Бэдэнокъуэ и хьэр япэ иригъ<э>увэри, ирихужьэри, Сосырыкъуэм ицІыхутэкъым Пщы Бэдэнокъуэм и унэри, хьэм ишащ. Сосырыкъуэр унэм щІыхьэри, щІалэ цІыкІуищ щІэст, Пщы Бэдэнокъуэ и къуэхэу. Унафэ яхуищІащ, лэгъупым изу псы иракІэу къагъэвэну. ЩІалэ цІыкІухэм къагъэващ. Сосырыкъуэм мо псы къэвам щІалэ цІыкІуищыри хидзэри, хэлъу къигъанэри, езыр къэкІуэжыри ефэм яхэтІысхьэжащ.

Ефэныр зэфІэкІыри, нарт Пщы Бэдэнокъуэр кІуэжащ я деж. ЗдэкІуэжам и къуищ псэууэ къигъэнар вауэ лэгъупым хэлъу ирихьэлІэжащ. ЖиІащ: «Мыр къызэзыщІа щыІэкъым, Сосырыкъуэ фІэкІа», – жиІэри.

Пщы Бэдэнокъуэм хъыбар къыригъэщІащ Сосырыкъуэм: «Хьэрэмэ Іуащхьэ пщэдей некІуалІэ», – жиІэри. Сосырыкъуэр гузэващ, шынащ и анэ Сэтэней-гуащэм жыриІащ, Пщы Бэдэнокъуэ и къуищыр зэригъэвар, абы къыхэкІкІэ, жэгъуэгъу зэригъуэтар, пщэдей Хьэрэмэ Іуащхьэм екІуэлІэну хъыбар къызэ<ры>ригъэщІар. Сэтэней-гуащэм и жагъуэ хъуащ, жыриІащ:

– Пщэдей Хьэрэмэ Іуащхьэ ущыкІуэкІэ, гъуэгум ущырихьэлІэнщ хьэпшып гъэщІэгъуэн, псы Іейуэ ухуэлІэу псы урихьэлІэнщ, уемыфэ, шхын ухуэлІэу пшхын урихьэлІэнщ, умышх, – жиІэри.

Сосырыкъуэр ежьауэ кІуэуэрэ гъуэгум къамышы дэгъуэ телъу ирихьэлІэри, къищтэри и лъейм диІуащ. КІуэуэрэ, Іейуэ псы хуэлІэ хъуащ, псынэ щІыІэ дыдэ ирихьэлІащ. Сэтэней жиІар игу къэкІыжыри ирифакъым. МэжалІэ лІэуэ хуежьауэ, мы хьэлэмэт зы жыг гуэрым пыту ирихьэлІа щхьэкІэ, ишхакъым. Ауэрэ здэкІуэм нэсу хуежьауэ, и Тхъуэжьейм еупщІащ:

– Иджы, Пщы Бэдэнокъуэ дезэуэну докІуэр, сыт уи лІыгъэ? – жиІэри.

Тхъуэжьейм жиІащ:

– Сэ си натІэм шэ къытемыхуэм, сыткІи сахуэукІынукъым, ауэ си натІэм къытехуэрэ саукІым, абы щыгъуи си фэр къытепхырэ пкъум, махуищкІэ сэбэп сыпхуэхъунущ, – жиІэри.

Тхъуэжьейр еупщІащ Сосырыкъуэм:

– Уэ сыт уи лІыгъэ? – жиІэри.

Сосырыкъуэм жиІащ:

– СэрикІ си куэпкъитІым къытемыхуэм, сыгузэвэнукъым, – жиІэри.

ТІум жаІэри къамышым зэхихыри, кІуэжыри Пщы Бэдэнокъуэ жыриІэжащ. Ар щхъухьпсыхьти, Сэтэней-гуащэми «Гъуэгум телъыр къыумыщтэ», – щІыжиІар арат.

Сосырыкъуэр нэсащ Хьэрэмэ Іуащхьэм. Зэзэуэныр щІадзэри, Пщы Бэдэнокъуэр къегу<о>уащ:

– НокІуэ, Сосырыкъуэ, – жиІэри жыр шэрхъыр Іуащхьэм къыригъэжэхащ.

Сосырыкъуэр блыпкъкІэ еуэри шэрхъыр дырихуеижащ.

Аргуэру къыригъэжэхыри, <Сосырыкъуэ> щхьэкІэ еуэри дырихуеижащ. Ещанэу къыщыригъэжэхым, Пщы Бэдэнокъуэм жиІащ:

– УлІым, куэпкъкІэ къеуэт! – жиІэри.

Ар Сосырыкъуэм зэрызэхихыу, и анэм къыжыриІауэ щытар игу къэкІыжыри, и лъейм дэплъэжыри, къамышыр щимыгъуэтыжым, ищІащ, зэрыщыуар. Сыт ищІэжынт, <Бэдэнокъуэ> жыр шэрхъыр къыригъэжэхыри, <Сосырыкъуэ> куэпкъкІэ еуэри, абы дежым и куэпкъитІыр пихащ.

Сосырыкъуэр щылъу кІиящ:

– ЛІыхъужьылъ изыфын, лІыхъужьыл зышхын! – жиІэри.

Ныбгъуэр къэкІуащ:

– ЛІыхъужьылъи семыфэн, лІыхъужьыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си щІопщ уэ макъыр уи дамитІым Тхьэм къыхилъхьэ, – жиІащ Сосырыкъуэм.

Нобэми ныбгъуэр щылъатэкІэ, и дамэ макъым цІыхур игъащтэу щІыщытыр аращ.

Аргуэру Сосырыкъуэр кІиящ:

– ЛІыхъужьылъ изыфын, лІыхъужьыл зышхын! – жиІэри.

Дыгъужьыр къэкІуащ, жиІащ:

– ЛІыхъужьылъи семыфэн, лІыхъужьыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си шым и пщэм хэлъ бланагъэр, къарур Тхьэм уи пщэм хилъхьэ, – жиІащ.

Нобэми дыгъужьым и пщэр щІэбланэр аращ.

Аргуэру Сосырыкъуэ кІиящ:

– ЛІыхъужьылъ изыфын, лІыхъужьыл зышхын! – жиІэри.

ТхьэкІумэкІыхьыр къэкІуащ, жиІащ:

– ЛІыхъужьылъи семыфэн, лІыхъужьыли сымышхын! – жиІэри.

– АтІэ, си шым жэрыгъэу хэлъыр Тхьэм уэ къуит, – жыриІащ.

Нобэми тхьэкІумэкІыхьыр щІэжэрыр аращ.

Иужь дыдэм къуаргъыжьыр къэкІуащ, жиІащ:

– ЛІыхъужьылъи сефэнщ, лІыхъужьыли сшхынщ! – жиІэри етІысылІащ.

Сосырыкъуэр Тхьэм елъэІуащ:

– ІукІэ укІэцІу, тхыцІэкІэ угъуалъхьэу, шыритІ фІэкІа къыумышу, шыритІым я зыхэзыри пшхыжу Тхьэм укъигъанэ, – жиІэри.

НобэмикІ къуаргъыр абы хуэдэу щытщ.

Сосырыкъуэм и кІуэдыжыкІэ хъу<а>р аращ.

ХАБАР О НАРТЕ ПШИ БАДАНОКО

(Сватовство Баданоко и гибель нарта Сосруко от его руки)

Нарт Пши Баданоко к нартам не выходил, <и нарты> не знали <его>, не знали также, где <он> жил.

Пши Баданоко отправился к Сосруко. Ехал он и, когда одолел какое-то расстояние, встретил нартского пастуха:

– Бох апший [да умножится твое стадо], пастушок! – сказал <Пши Баданоко>.

Пастушок слышал, что рассказывали о нем <люди>, и <по приметам> узнал его. «Несомненно, это – Пши Баданоко», – подумал он <и ответил>:

– Упсэу апший [век живи], нарт Пши Баданоко, чинты чьи соперники, лишь одну собаку с собой берущий, ни одного нарта с собой не берущий, витязь неистовый, ничего в долг не берущий всадник, будь нашим гостем! – сказал <пастушок>.

– Я не пожалую к тебе в гости, расскажи мне хабар о нартах, – сказал <Пши Баданоко>.

– Я хабаров не знаю, днем я <живой> пастух, а ночью – скорчившийся мертвец, – ответил <пастушок>.

Когда Пши Баданоко собирался уезжать, пастушок сказал:

– Бабскими хабарами если не назовешь, то один <хабар> я тебе поведаю. Так вот, у нартов – санопитие, у них – пир. Пьют они в кособоком белом доме, нарт Сосруко тоже с ними сидит, <он> станет твоим соратником.

Нарт Пши Баданоко отправился туда, а пастушок вернулся <к нартам> другой, короткой дорогой и сообщил <им>:

– Сюда кто-то едет, по-моему, это – нарт Пши Баданоко, – сказав.

Прибыл нарт Пши Баданоко. Выбежали <из дома> нарты и сказали:

– Фохус апший, нарт Пши Баданоко, чинты чьи соперники, лишь одну собаку с собой берущий, ни одного нарта с собой не берущий, витязь неистовый, ничего в долг не берущий всадник, будь нашим гостем!

<Нарты> помогли <Пши Баданоко> сойти <с коня> и привязали его коня к коновязи, <конь> вырвал коновязь. <Пши Баданоко> повесил свою плеть на крюк, но она сорвала крюк. Посадили <его> на стул – стул под ним сломался.

В чашу с белым саном <нарты> бросили серых змей и предложили <Пши Баданоко>. <Он> произнес тост и выпил. Своими усами <он> пригвоздил серых змей к стенкам чаши, выпил <сано>, серых змей бросил <на землю> и убил их. Пили <они> и, когда опьянели, устроили пляску. Предоставили черед Сосруко, и <он>, вскочив на стол, сплясал, стоя на краю стола. Стол не пошатнув и подливу не разлив, <сплясал Сосруко>. После этого черед предоставили Пши Баданоко, и <он> на краях <чаши> с подливой сплясал. Когда Пши Баданоко сплясал и спрыгнул с <чаши> с подливой, ветер, поднявшийся из-под его черкески, <опрокинул> котел, в котором иныжи варили <мясо> откормленного вола, и бульон, что находился там, вылился и обварил ноги иныжей. Величина

<этого> котла была такова: в нем умещалось <мясо> трех-четырех волов.

Нарт Сосруко разгневался и решил ехать к Пши Баданоко. Сосруко вышел <из дома>, сел на коня Пши Баданоко, впереди себя поставил его собаку и погнал ее: Сосруко не знал, где находился дом Пши Баданоко, и собака привела его. Сосруко зашел в дом, и там сидели три мальчика – сыновья Пши Баданоко. <Он> велел им наполнить котел водой и вскипятить ее. Мальчики вскипятили <воду>. Сосруко бросил мальчиков в кипящую воду, <их> оставил там, а сам вернулся к пирующим.

Закончился пир, и нарт Пши Баданоко уехал домой. Когда доехал, <он> застал сварившихся в котле трех своих сыновей. «Так со мной мог поступить только Сосруко», – подумал <он>.

Пши Баданоко оповестил Сосруко: «Завтра приезжай к Харама-горе», – сказав.

Сосруко забеспокоился, испугался <нарта Пши Баданоко> и рассказал своей матери Сатаней-гуаше, что он сварил трех сыновей Пши Баданоко, отчего <он> и стал ему <кровным> врагом, и, что он должен явиться к Харама-горе в назначенный <Пши Баданоко> срок.

Сатаней-гуаша опечалилась.

– Когда будешь ехать к Харама-горе, на дороге увидишь чудесные предметы – <не поднимай ничего>; в пути тебя одолеет жажда, и ты увидишь родник – не пей; испытывая сильный голод, найдешь еду – не ешь, – сказала <Сатаней-гуаша>.

Сосруко отправился <в путь>, ехал <он> и увидел лежащую на дороге красивую плеть, взял и заткнул за голенище своей роговицы. Ехал <он> и, через некоторое время стал изнывать от жажды. В пути он заметил холодный родник, но, вспомнив слова Сатаней, не стал пить. <Едучи дальше>, он сильно проголадался, но, хотя и увидел на какой-то яблоне много чудесных яблок, не стал есть. Так ехал <он> и, когда уже стал приближаться <к Харама-горе>, спросил своего Тхожея:

– Так вот, мы едем сражаться с Пши Баданоко. В чем твоя сила?

Тхожей ответил:

– Если в мой лоб не попадет стрела, ничем меня не убить, а если <стрела> попадет в мой лоб, то я погибну, <даже> тогда, если снимешь мою шкуру и распялишь, я тебе сослужу еще три дня.

Тхожей спросил Сосруко:

– А в чем твоя сила?

Сосруко ответил:

– Пока <стрела> не попадет в мои бедра, незачем мне беспокоиться.

Все, что сказали они, услышала плеть и, возвратившись, рассказала Пши Бадиноко.

[В ту плеть обернулась колдунья], вот почему Сатаней-гуаша говорила <Сосруко>: «Не поднимай ничего, что <увидишь> на дороге».

Прибыл Сосруко к Харама-горе. Начался поединок, и Пши Баданоко окликнул его:

– <К тебе> идет <жан шерх>, Сосруко! – так сказав, <Пши Бадиноко> спустил вниз стальное колесо.

Сосруко ударил плечом и загнал колесо обратно <на вершину>. <Пши Баданоко> снова спустил вниз <жан шерх>, и <Сосруко> ударил головой и загнал <жан шерх> обратно <на вершину>. Когда Пши Баданоко спустил <жан шерх> в третий раз, он крикнул <Сосруко>:

– Если ты <такой храбрый> муж, ударь бедром!

Как только услышал это, Сосруко вспомнил предупреждение своей матери, посмотрел на свою ноговицу, но там не оказалось плети, и тогда <он> понял, что совершил ошибку. Что оставалось ему делать? <Пши Баданоко> спустил <с горы> стальное колесо, <Сосруко> ударил бедром, и <колесо> ему оба бедра отсекло.

Сосруко, лежа <на земле>, воскликнул:

– Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прилетел перепел.

– Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя, – сказал <он>.

– Да сделает Тха, чтобы шум твоих крыльев был подобен звуку от удара моей плети, – пожелал ему Сосруко.

Вот почему, когда перепел взлетает, его крылья пугают людей.

Сосруко снова воскликнул:

– Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прибежал волк и сказал:

– Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя.

– Да сделает Тха, чтобы твоя сила была равна мощи, которая есть на холке моего коня, – сказал ему <Сосруко>.

Вот почему у волка шея крепкая.

Сосруко воскликнул <в третий раз>:

– Кто кровь героя будет пить, кто мясо героя будет есть!

Прибежал заяц и сказал:

– Я не стану пить кровь героя, не стану есть мясо героя.

– Да сделает Тха, чтобы ты бегал так быстро, как и мой конь, – сказал ему <Сосруко>.

Вот почему заяц обладает таким быстрым бегом.

После всех прилетела ворона.

– Я буду пить кровь героя, буду есть мясо героя, – сказала ворона и села <на тело Сосруко>.

Проклял ее Сосруко:

– Да сделает Тха, чтобы ты через рот яйца несла, на спине птенцов выводила, чтобы больше двух птенцов не выводила, да и одного из них сама бы съедала.

Вот поэтому вороны такие.

Так убили Сосруко.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 3. Исп. Аслангерий Кушхабиев: 1863 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.03.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст контаминирован из сюжетов о первом выезде нарта Пши Бадиноко (здесь – Пши Баданоко) и о гибели нарта Сосруко. Оригинально, что связкой между сюжетами, которые традиционно относятся к разным эпическим циклам, выступает органично вплетенный в повествование эпизод козней Сосруко. Он приезжает в дом Пшибаданоко и губит малых детей героя – мотив, который встречается чаще в быличках и не типичный для нартского эпоса. Вместе с тем, в данном случае он органично вписан в канву повествования.

Способ, которым Пшибаданоко узнает об уязвимом месте нарта Сосруко и пользуется им, нехарактерен для традиционно сложившегося образа этого героя как поборника открытых рыцарских приемов в борьбе и соперничестве. Привнесение элемента коварства, уместное в циклах о типологически ранних героях эпоса, несколько снижает традиционный образ, хотя частично мотивирован как ответ на жестокость, которую допустил по отношению к нему сам соперник. Завершающие сюжет этиологические мотивы также характерны для вариантов сказания о гибели нарта Сосруко. Данная запись единственная, где Бадиноко выступает в роли губителя нарта Сосруко.

28. ШЭБАТНЫКЪО НАРТЫМЭ АШЫПХЪУ КЪЫЗЭРИЩАГЪЭР

Нарты Шэбатныкъо нартымэ япыитыгъ. Ар Чынт хэгъэгу исытыгъ. Ар лIы дэгъутыгъ.

Нарты Шэбатныкъу,
Ер уинэкъокъогъу,
Хьагъу-шIэгъу бэшI,
ЛIымэ ялыягъ,
Ифарэ къычIещышъы,
Ныбэпхыр кIекъузэ,
Уанэр тырегъакIэшъы,
Тены икIыгъожъым къыIохьэ.
Тены икIыгъожъым фарэр къыхегъапкIэ;
Шы чэпэпс фэмыхъоу Тены къикIыгъ.
Тены къызекIыхэм маисэу ичатэр копкъым къыдедзэ,
Къызэпегъэлыды, зэпэлыдыжьэу онэгум ис.
Шы лъэгум кIэзыгъэр ошъогум хегъэзыхьэ,
Шы пэпбзыджыным къикIырэм
Гъогу нэпцэ уцхэр къелыгъо,
ЛIыхъур зелыгъожьышъы онэгум ис.

Нартымэ яIэхъожъэу къорэгъужъ лъэшъумэ а шыор алъэгъугъ. Отэрым мэкIожьышъ, мэлахъо тхьэматэм макъэ рагъэIу:

– Тэ зы шыу тлъэгъугъэшъ, тихэгъэгу шыоп, – А фэдизыр аIофэкIэ, Шэбатныкъо нэсы. Зэрэ-Шэбатныкъор къышIагъ мэлахъо тхьэматэм:

– Еблагъ, Шэбатныкъу!

Тхьэм уигъатхъэмэ, удгъэтхъэн,

ЧэмыкІэ пщэрыр уихьэкІэ ныщэу,
Мэлыбгъэ нэкІупцІэр уиІэпэщыпсэу утхьэкІэн!
– Нартымэ яІэхъожъых,
Къорэгъыжъы лъэшъух,
Уичэмыкіэ пщэри,
Уимэлы нэкІупцІэри
Мэлыхъуахьэмэ ятыри ягъэшхыжь.
Сэ сызылъыхъурэр
Нартыхэр ешхэ-ешъоу зыщзэхэсхэр ары.
Гъогу лъагъо къысашъуІомэ,
Джащ сэ сырыкІощт, – зеІом,
– Гъогу лъагъоу отІощтым зы псынжъ итышъ,
Уиш лъэпэхъынтэнышъ,
Сэтэнэе-гуащэм укъилъэгъуншъы, уукІытэжьын!
– Зы псынжъ слъэгъумэ – сиш лъэпэхъынтэнэу,
Зы хьабз слъэгъумэ – сыукІытэжьынэу
Чынт хэгъэгу сыкъикІэу
Нарт хэгъэгу сыкъихьагъэп, – къариІуагъ.
– Си-Тхьэ семыплъымэ,
Нартымэ яІэхъожъэу
Къорэгъыжъ лъэшъухэр,
ІэхъомбэцІэрамыІом шъукІэзгъэпшын, – ариІуагъ.

Ишым къыхао, а псынжъым къырегъалъэшъы, ашыпхъу гуащэмкІэ зыблырегъэхышъы, кІэичІэм къыдаплъэмэ, пэнэ сэраипцІэм щытым ифарэ Іуегъэзыхьэ. Чэупчъэу зыІухьагъэм ифарэ къырегъалъэшъы, зырегъэлъэлъэхышъы, фарэр шы шІоІум шІуедзэшъы, унапчъэр Іуехышъы, ехьэ. Нартхэр ешхэ-ешъоу зэхэсхэти, Шэбатныкъор къашІи:

– Еблагъ, Шэбатныкъу, – къыраІуагъ.

КъыпэгъокІыхи жэнтІапшъэм ащи дагъэІыстагъ. КъыдагъэІысти, бжъэкІыгъым къеджэхи, сэнабжъэр къыригъахъуи, щэджниблыр къыхалъхьи, бжъэр къырати, щэджниблы хилъхьагъэр акІэкІэ риІулІи, Іанэм къыдэкІуаий, Іанэр ымыгъэсысэу, щыпсэр римыкІутэу, столым къыщышъозэрэ, нартхэр къызэкІакІохэзэрэ унэм икІыжьыгъэх. ИкІыжьыхи, нартхэр хэхьажьыгъэх.

Шэбатныкъор къызехыжьым, нартхэр щыІэжьэп.
Ифарэ къешэси,
Фарэр къыгъэхъушІи,
Унэ кІыбым екІокІи,
Цуим зэрафэлъэшъурэр ІэдакъэкІэ къеуи,
Унэр зэхигъауи,
Чэупчъэм къекІолІэжьи,
Фарэр къыригъалъи,
Сагъындакъым къекІуи,
Онэкъопэпхэнджэу ышІи,
Фарэр къыгъэуцуи,
Щагъындакъым дэкІуаий,
Нарт пшъашъэр ІаплІыкІэ къырихьыхи,
ЧІыгум къыгъэуцу,
Ифарэм къешэсыжьи,

Пшъашъэр шыплIэм къыделъхьэ,
«Хьэхьай!» ыIоу къежьэжь:
– Нартхэр шъубатыр,
Нартхэ, шъуцIэрыIу,
Нартхэ, шъузэшыб,
Шыпхъу закъоу шъуиIэр
Нарт хэгъэгу исэхы,
Чынт хэгъэгу сэхьы!
Тены къыIохьэжьы,
Тенэ пшъашъэр къыпрехы.

КАК ШАБАТНЫКО ЖЕНИЛСЯ НА СЕСТРЕ НАРТОВ

Нарт Шабатныко враждовал с <обществом> нартов. Жил он в Стране Чинтов. Он был муж доблестный.

Нартский Шабатнук,
Зло – твой враг,
Много свершающий,
Из всех мужей самый славный,
Своего фару выводит,
Подпруги затягивает,
Седло приладив,
К переправе славной через Тен подъезжает,
У переправы славной через Тен он фару своего в воду пускает,
Не замочив бока коня, через Тен переправляется,
Через Тен переправившись, меч-маису к бедру своему прилаживает,
Заставляя его сверкать да сиять, в седле сидит [красуется].
То, что из-под копыт коня вылетает, в небе теряется,
То, что из конских ноздрей вырывается,
По обочинам дороги траву опаляет,
Муж распаленный в седле сидит.

Нартов пастухи добрые, на страже стоящие, примечают этого всадника. Они возвращаются на стоянку и тхамаду чабанов словом оповещают.

– Мы видели одного всадника, это всадник не из нашего края.

Пока это всё рассказывали, Шабатныко сам прибыл. Тхамада чабанов понял, что это Шабатныко:

– Будь гостем, Шабатнук!
Если Богу угодно будет, угостим тебя,
Откормленная телка тебе будет гостевой жертвой,
Ярка овечка с темной мордой тебе будет на подливу – так угостим!

– О нартские пастухи добрые,
Жерди длинные таскающие,
Твою телку откормленную, и твою овцу темномордую
Пастушьим собакам отдай и дай сожрать.
То, чего я ищу,
Это – где нарты сидят пируют.
Если укажете мне путь-тропу,

Я по ней поехал бы, – когда он так сказал…
– На пути-тропе, которую мы тебе укажем, вода глубокая есть,
Там твой конь оступится.
Сатаней-гуаша тебя увидит, – ты засмущаешься!
– Чтобы одну лужу повстречав, мой конь споткнулся,
Чтобы одну потаскуху повстречав, я засмущался,
Не таковым я из Страны Чинтов выехав,
В Страну Нартов явился! – ответил он.
– Не побойся я своего Бога,
<Вас,> нартских пастухов добрых,
Добрые жерди таскающих,
Я бы заставил под моим безымянным пальцем проползти, ответил он.

Стегнул он своего коня, перепрыгнул через ту воду. проехал на виду у их сестры-гуаши и, взглянув на конец селения, подогнал своего коня к колючей ограде. Ворота, к которым он пристал, он заставил своего фару перепрыгнуть, сам с коня спрыгнул и привязал фару к коновязи, раскрыл дверь в здание и вошел. Нарты сидели ели-пили, и они узнав Шабатныко…:

– Будь гостем, Шабатныко! – сказали ему.

Вышли ему навстречу и повели, усадили на почетное место. Усадили его, кликнули держателя чаши, налили чашу сано, запустили туда семь змеек и подали ему; семерых змеек, что пустили, он усами пригвоздил к стенке <и выпил, затем> вскочил на стол и, не пошатнув стола, не расплескав подливы, на столе сплясал; нарты отступились и покинули здание. Покинули здание и разошлись.

Когда Шабатныко спрыгнул, нартов уже не было.
Он сел на своего фару,
Заставил фару заржать,
Объехал с задней стороны дома,
<Столбы>, что восемь волов с трудом волокли, ладонью стукнул,
Порушил весь дом и
К воротам вернулся и
Фару заставил перепрыгнуть,
К мансарде открытой подъехал и,
Фару остановив,
На луку седла узду наискось накинул и
На мансарду взобрался и
Нартскую девушку на руках спустил и
Наземь ее поставил и,
Сам на своего фару сел и,
«Хахай!» – сказав, поехал.
– Вы, нарты, богатыри,
Вас нартов, много братьев,
Единственную сестру вашу
Из Страны Нартов я уношу и
В Страну Чинтов я увожу!
К Тену он подъезжает и
Через Тен девушку перевозит.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 210–213. Исп. Пщимаф Оситлов: 1887 г.р., а. Урупский (Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех. Зап. 20.12.1959 г. Л. Дахужева. Перевод на русский язык А. Гутова.

29. ШЭБАТЫНЫКЪО ІЭКУАНДЭ ДЭЖЬ КЪЫЗЭРЭКІУАГЪЭР

Нарт Шэбатыныкъуа
рирарэ-ща,
Шэбатыныкъопщыя
рирарэ-ща,
Ябгэр ишІыхьафыя
рирарэ-ща,
Ор, хьафынчъэ шыуя
рирарэ-ща.
Тенэ къырыгъуазыя
рирарэ-ща,
Гъуазэ къырыдэкІыя
рирарэ-ща,
Тенэ иикІыгъоми
рирарэ-ща,
Илъэрыгъыпситіори
рирарэ-ща,
Ай къыщызэбледзыя
рирарэ-ща.
Тенэ зыкъыхедзыя
рирарэ-ща,
Адэмэ къисыкІыгъыя
рирарэ-ща,
Изыгужъы нэкІыми
рирарэ-ща,
Ар къыреузанкІыя
рирарэ-ща,
Нартмэ ячэмахъоми
рирарэ-ща,
Шъофым къыщыІокІыя
рирарэ-ща.

Чэмахъор:
– Нарт Шэбатыныкъу,
рирарэ-ща,
Шэбатыныкъопщыя,
рирарэ-ща,
Зышъхьэр тымылъэгъоуи
рирарэ-ща,

Зигугъум тигъалIэрэр
рирарэ-ща,
Еблагъэ-еблагъэри
рирарэ-ща,
Гъэлъэхъум ипщэрэри
рирарэ-ща,
КъыфышIосыбзыныри
рирарэ-ща,
Сэнэфым икIадэри
рирарэ-ща,
Фэсыушъхьащынри
рирарэ-ща.

Шэбатыныкъу:
– Сыешкэ-ешъуакIопи,
рирарэ-ща,
СылэгъунэкIо шъаопи
рирарэ-ща,
Iалэдж яунэжъыми
рирарэ-ща,
Ра, сыщыгъозаджэшъы
рирарэ-ща,
Ар къэсэгъэлъэгъури
рирарэ-ща.

Чэмахъор:
– Ар сигъэшIэ тIэкIуми
рирарэ-ща,
Ар сычэмэхъожъэуи
рирарэ-ща,
Къорэгъыжъэр слъэшъоуи
рирарэ-ща,
Шъофыжъыми сити
рирарэ-ща.
Iалэдж яунэжъэри
рирарэ-ща,
Шъыдым сигъэшIэныя
рирарэ-ща,
АIоу зэрэсэIугъэри
рирарэ-ща,
Унэ щэгупэфыя
рирарэ-ща,
Унэ фыжьы кIахьыя
рирарэ-ща,
ТхьащэкI икIахьыгъэри
рирарэ-ща.
Ащ ипэIулъашъохэр
рирарэ-ща,
Шыбгъэлыбэм нэсыри
рирарэ-ща,
Ащ изыкIэсэнэри
рирарэ-ща

Цуиймэ зэрафищыри
рирарэ-ща.
Ай зы гуащэ исышъы
рирарэ-ща,
Щэндакъэу иплъапIэми
рирарэ-ща,
Тесышъы зеплъахьыя
рирарэ-ща.
Ащы ипсэлъыхъомэ
рирарэ-ща,
ПчъэIор аутагъэшъы
рирарэ-ща,
Шы дэгъу утесымэ
рирарэ-ща,
Дэкъу-дэсы дэкIыя
рирарэ-ща,
Шы дэи утесымэ
рирарэ-ща,
УхэускIутэни,
рирарэ-ща,
Ар Iэкондэ дахэри
рирарэ-ща,
Щэндакъэу иплъапIэми
рирарэ-ща
Тесышъы зеплъахьыя
рирарэ-ща,
Ащ укъызилъэгъуджэ
рирарэ-ща,
УщыукIытэныя
рирарэ-ща,
УукIытэжьыныя
рирарэ-ща.

Шэбатыныкъу:
– Зы хьабзэри слъэгъумэ
рирарэ-ща,
СыщыукIытэнэуи
рирарэ-ща,
Зы бзылъфыгъэ слъэгъумэ
рирарэ-ща,
СыукIытэжьынэуи
рирарэ-ща,
Шъыдэу къысэпIуагъыя
рирарэ-ща.
Уи-Тхьэм семыплъэу
рирарэ-ща,
Щыгъу-пIастэм семыплъымэ
рирарэ-ща,
IэкIоцI барымэкъыми
рирарэ-ща,
Ра, учIэзгъэпшыныя
рирарэ-ща.

Ор, идэнэ кIэпщэри
рирарэ-ща,
Шы чапэм щегъабзыя
рирарэ-ща,
Шы лъэгум къычIэчъырэр
рирарэ-ща,
КъопцIэкIэ-къопцIашхъоуи
рирарэ-ща,
Ошъопщым дефыиия
рирарэ-ща.
Ихьэ къыхигъэшъутырэр
рирарэ-ща,
Ибгъэм ригъэубытэуи
рирарэ-ща,
Адэмэ ежьэжьыгъыя
рирарэ-ща.
Iалэдж яунэжъыми
рирарэ-ща,
Ра, къыфеузэнкIыри
рирарэ-ща,
О Iэкондэ-дахэри
рирарэ-ща,
Щэндакъэу иплъапIэми
рирарэ-ща,
Тесышъы къелъэгъуя
рирарэ-ща.

Iэкуанд:
– Тянэу Сэтэная
рирарэ-ща,
Сэтэнэе-гуащыя
рирарэ-ща,
Зы шыори къакIошъы
рирарэ-ща,
Нартым къимыкIыгъэмэ
рирарэ-ща,
Чыртым къыралъфагъэпи
рирарэ-ща.
Ра, уишкыны IэшIори
рирарэ-ща,
Мыфэбэ-мычъыIэуи
рирарэ-ща,
Ра, къэгъэхьазырыя
рирарэ-ща.
О Iэкондэ дахэми
рирарэ-ща,
Ор, икIыгъуитIори
рирарэ-ща,
Ежь нахьи нахьы дахэуи
рирарэ-ща,
Ащ къыщыпэгъокIыя
рирарэ-ща.

Ащы ибатырыхэр
рирарэ-ща,
Ащ къыщызэблэчъыя
рирарэ-ща,
Ра, икъэблэчъэшкори
рирарэ-ща,
Ра, къыфыIуагъэчъыя
рирарэ-ща.
Шэбатныкъор къэсышъы
рирарэ-ща,
Ор, ишы лъэкъуиплIэри
рирарэ-ща,
Саем къынэмысэуи
рирарэ-ща,
Къелъи, къелъи къыдэхьагъэри
рирарэ-ща.

Iэкуанд:
– Нарт Шэбатыныкъуа
рирарэ-ща,
Щэбатыныкъопщыя
рирарэ-ща,
Зышъхьэр тымылъэгъоуи
рирарэ-ща,
Зигугъум тигъалIэрэр
рирарэ-ща,
Еблагъэ-еблагъыя
рирарэ-ща.
Гъэлъэхъум ипщэрыхэр
рирарэ-ща,
КъыпфышIуязгъэбзыныя
рирарэ-ща,
Сэнэфым икIадэри
рирарэ-ща,
Фэсыушъхьащыныя
рирарэ-ща.
Iэкуандэм ибатырыхэр
рирарэ-ща,
Къэблачъэм ечъалIэшъы
рирарэ-ща,
Къэблачъэр рагъасишъы
рирарэ-ща,
Хьалэр къыдадзэжьишъы
рирарэ-ща,
Уатэмджэ теожьыхэу
рирарэ-ща,
КъыщыIэкIэлъагъуя
рирарэ-ща,
Шэбатныкъо мэгубжыя
рирарэ-ща.

Шэбатынокъу:
– Уигъэлъэхъу пщэрыхэр
рирарэ-ща,
Тыгъужъ Іусы охъуя
рирарэ-ща,
Уисэнэфы кІадэми
рирарэ-ща,
Цыгъохэр хэлІахьыя
рирарэ-ща,
Къэблэчъэшком елъишъы
рирарэ-ща,
Адэмэ ежьэжьыгъыя
рирарэ-ща.

КАК ШАБАТЫНЫКО К АКУАНДЕ ПРИЕХАЛ

Нарт Шабатынико,
рирара-ща,
Шабатынокопщ,
рирара-ща,
Суровости подмога,
рирара-ща,
Ор, ничего в долг не берущий всадник,
рирара-ща,
По Тену направляется,
рирара-ща,
В выбранную сторону выезжает,
рирара-ща,
У переправы через Тен,
рирара-ща,
Ремни стремянные,
рирара-ща,
Там он крест-накрест складывает,
рирара-ща,
В Тен он бросается,
рирара-ща,
на другой берег переправляется,
рирара-ща,
В степь пустую великую,
рирара-ща,
он направляется,
рирара-ща,
Нартского пастуха коров,
рирара-ща,
В степи он встречает,
рирара-ща.

Пастух коров:
– Нарт Шабатынук,
рирара-ща,

Шабатынукопщ,
рирара-ща,
Тот, кого в лицо мы не видим,
рирара-ща,
Тот, слухами о ком мы пресытились,
рирара-ща,
Еблага, еблага и…
рирара-ща,
Из валухов самого жирного,
рирара-ща,
В честь тебя я зарежу и…
рирара-ща,
Белого сано кадку,
рирара-ща,
В честь тебя открою,
рирара-ща.

Шабатынук:
– Я не охочий до застолий,
рирара-ща,
Я не охочий до чужих лагун,
рирара-ща,
Аледжей дом могучий,
рирара-ща,
Мне незнаком,
рирара-ща,
Ты мне его укажи,
рирара-ща.

Пастух коров:
Ар, всю свою жизнь жалкую,
рирара-ща,
Ар, пастухом коров жалким,
рирара-ща,
Жердь большую с собой таская,
рирара-ща,
В степи широкой провожу,
рирара-щаж.
Аледжей дом могучий,
рирара-ща,
Где мне знать,
ририара-ща.
Как рассказывают и как я слыхал,
рирара-ща,
Это дом со двором, спереди белым,
рирара-ща,
Дом белый длинный,
рирара-ща,
в тридцать тха длиною,
рирара-ща,
Его ограда,
рирара-ща,

Коню по грудь достает,
рирара-ща.
Его одну опору,
рирара-ща,
Восемь волов с места сдвинуть могут,
рирара-ща.
Там одна гуаща живет,
рирара-ща,
Она на балконе обзорном,
рирара-ща,
Восседает и осматривается,
рирара-ща,
Ее женихи,
рирара-ща,
Подходы к воротам истоптали,
рирара-ща,
Если ты на добром коне сидишь,
рирара-ща,
Он препятствие одолеет,
рирара-ща,
Если ты на плохом коне сидишь,
рирара-ща,
Там ты опозоришься,
рирара-ща.
Ар, Акуанда-красавица,
рирара-ща,
На балконе обзорном своем,
рирара-ща,
Сидит и осматривается,
рирара-ща,
Когда она тебя увидит,
рирара-ща,
Ты ее застесняешься,
рирара-ща,
Ты засмущаешься,
рирара-ща.

Шабатынук:
Одну суку увидавши,
рирара-ща,
Чтобы я застеснялся,
рирара-ща,
Одну женщину увидев,
рирара-ща,
Чтобы я засмущался,
рирара-ща,
Почему ты мне так сказал,
рирара-ща!
Не считайся я с твоим Богом,
рирара-ща,
Не считайся я с твоими хлебом-солью (букв.: *солью-пастой*),
рирара-ща,

Между пальцами в руке,
рирара-ща,
Ра, заставил бы тебя проползти,
рирара-ща.
Ор, своей плеткой шелковой,
рирара-ща.
На боках коня орудует,
рирара-ща,
То, что из-под копыт коня вылетает,
рирара-ща,
Птицами белыми-птицами серыми,
рирара-ща,
В небеса поднимает, рирара-ща,
То, что его собака вспугнет,
рирара-ща,
Его орлу дает поймать,
рирара-ща,
Так уехав,
рирара-ща,
К дому могучему Аледжей,
рирара-ща,
Ра, прямо направляется,
рирара-ща.
Ор, Акуанда-красавица,
рирара-ща,
На своем балконе-обзорном,
рирара-ща,
Восседает и замечает его,
рирара-ща.

Акуанд:
– Мать наша Сатанае,
рирара-ща,
Сатанае-гуаща,
рирара-ща
Сюда один всадник едет,
рирара-ща,
Если он не из Нартии прибыл,
рирара-ща,
В Чиртии такой не рождался,
рирара-ща.
Ра твои угощения вкусные,
рирара-ща,
Не горячие-не холодные,
рирара-ща,
Ра, приготовь <для него>,
рирара-ща.
О, Акуанды-красавицы,
рирара-ща,
Ор, двойная переправа…
рирара-ща…

Ее самой красивее,
рирара-ща…
Ему навстречу выходит,
рирара-ща.
Ее богатыри,
рирара-ща,
Там забегали,
рирара-ща,
Ра, ее ворота большие,
рирара-ща,
Ра, ему распахивают,
рирара-ща.
Шабатыныко приехал и…
рирара-ща,
Ор, так, что четыре ноги его коня,
рирара-ща,
Плетня не коснулись,
рирара-ща,
Перепрыгнул и въехал во двор,
рирара-ща.

Акуанд:
– Нарт Шабатынук,
рирара-ща,
Тот, кого мы в глаза не видим,
рирара-ща,
Тот, о ком рассказами мы пресытились,
рирара-ща,
Еблага, еблага и…
рирара-ща,
Из валухов самого жирного,
рирара-ща,
Я велю в твою честь зарезать,
рирара-ща,
Белого сано кадку,
рирара-ща,
Я в твою честь открою,
рирара-ща.
Акуанды богатыри,
рирара-ща,
к воротам подбежали и…
рирара-ща,
Ворота заперли и …
рирара-ща,
Клинья заложили и…
рирара-ща,
Молотом забивали как…
рирара-ща,
Когда <Шабатыныко> такое увидал,
рирара-ща,
Шабатыныко гневается,
рирара-ща.

Шабатынук:
– Твои валухи жирные,
рирара-ща,
Пусть станут волчьей пищей,
рирара-ща,
В кадке твоего белого сано,
рирара-ща,
Пусть мыши утонут,
рирара-ща,
Через большие ворота перепрыгнул и…
рирара-ща,
К себе домой поехал,
рирара-ща.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 135–141. Исп. Хабидат Беретарь: 1903 г.р., а. Нечерезий Адыгеи; бжедуженка. Зап. 15.07.1964 г. Н. Багов. Перевод на русский язык А. Гутова.

30. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО КЪЫЗЭРИЩАГЪЭР

Нарт Шэбатныкъо нарт хэгъэгум исыгъ. Ягъунэгъу хэгъэгум иныжъхэр исыгъэх. Нарт Шэбатныкъо кIэлэ зикъэмыщэу, икъэщэгъу хъугъэу, хьазырэуи блэкIэу щытыгъ. Ай зэхихыгъэ иныжъмэ зы шыпхъу дэхэ горэ сым исурэтэу яIэу, унэм исы зыхъуджэ, остыгъэ пыбгъэнэнэу пчыхьэ мэзахэм ищыкIэгъагъэп – ежь унэр къызэпигъэнэфыжьытыгъ. Къанджым шIуцIэу хэлъэр ынапцэу, фыжьэу хэлъым фэдэр ыкIышъоу зэраIоу блэкIыгъэу пшъэшъэ дэхэ бэлахьэу щытыгъ, аIо. КъызэраIорэмджэ, пшъашъэр зэрэдахэм имызакъоу, лъэшэуи Iушыгъэу ары.

Уий фэдиз щытхъу зыпылъ пшъашъэр нарт Шэбатныкъо къыщэмэ шIоигъоу ыгу къэкIыгъ. Ау ар зыми дэкIон ымыдэу, псэлъыхъоу ыдэй дахьэрэри иныжъ зэшиблымэ къаукIэу, ай фэдэу цIыфыбэ екIодылIагъэу щытыгъ.

Еуи нарт Шэбатныкъо «хъу шIоигъор орэхъу!» ыIуи, къэшэси къежьагъ. ЫшнахьыкIи къыдежьагъ. Шэбатныкъо ар къекIугъэп, ыдагъэп.

– Гъэзэжь! – риIуагъ. Адрэми:

– Хьау, згъэзэжьытэп, мыхъу хъумэ, тичIыгу гъунапкъэ сыкъэсынышъ сыщыожэн нахь, – ыIуи, ыгъэзэн ыдагъэп.

Еомэ къакIохэзэ, яхэгъэгу ыгъунэ къызэсыхэм нарт Шэбатныкъо:

– Моджэ илъэсрэ къыщысаж, ащ нахьыбэрэ укъысэмыж, сыпсаумэ, а уахътэм къэзгъэзэжьытышъ, – ыIуи, ежьи кIуагъэ, ышнахьыкIэ къыгъэуцуи.

Нарт Шэбатныкъо еомэ чэщырэ зэригъахьэу, мафэрэ зигъэпсэфэу иныжъмэ яунэ фиузэнкIыгъэу кIозэрэ чэщ горэм шы лъэмакъэ горэхэр, гущыIэ макъэхэр ытхьакIумэ къыридзагъэх.

– Иныжъхэр арыкъомэ сшIэрэп! – ыIуи, гъогум зыдидзыхи уцугъэ. Щытзэрэ шыуитIу етIупщыгъэу зэрэгъэгущаIэхэзэ къыблэкIыгъэх. ЗытегущыIэхэрэр нарт Шэбатныкъо зыдэй кIорэ иныжъмэ ашыпхъу пшъашъэр ары. Шэбатныкъуи ишъыпкъэу ядэIугъ.

Шыумэ къаIуатэу зэхехы:

– Хэтми пшъашъэр зыщэ зышIоигъом хьэхэмрэ бгъэхэмрэ ахидзэнэу мэлышъуибгъу зыдихьын фае. Мэлышъохэмрэ шъхьэхэмрэ апэлъыфэхэ ежь ахэкIынышъ дэхьат пэнапцIэ сэраим. Ай зыдахьэхэджэ пчэгум итмэ анахь шышIоIу лъахъчэм иш рипхын фае. ЕтIанэ а унэ лъэхъчэжъ цIыкIоу Iэгум дэдзагъэу дэтым шъхьангъупчъэу хэлъым Iухьанышъ пшъашъэм ыIорэм едэIун фае. Iухьагъэр къышIэу, ай ыцIэ къыIоу, сыдэкIот ай фэдэм ыIоу къызиIоджэ, ащыгъум а Iухьагъэр сыхьэтмафэ ежьагъэшъ, ежэу щытмэ, пшъашъэр къикIынышъ къыдэкIот. Арэу зымыхъуджэ, зыгорэджэ ыцIэ къымыIомэ, псынкIэу хьэхэмрэ бгъэхэмрэ мэлышъомэ ауж имыкIыжьыхэзэ зыкъыIуригъэхыжьын фае. Армырмэ, аIэкIэкIодэт, – ыIуагъ зым.

Адрэр къэгущаIи:

– Нычэпэ фэдэ чэщ мэзахэр ары узекIонджэ дэгъур. Иныжъхэри дэсэп, лIы щыIэп нахь, – ыIуагъ.

Шыухэр зыблэкIыхэм, нарт Шэбатныкъо ыпэ ригъэхъугъ. Иныжъмэ ямэлхэр джау чIыпIэ горэм щытхэу ылъэгъугъэти, мафэм мэлибгъу къытыгъугъ. Пчыхьэ зыщыхъуным ашъо тырихыгъ. Мэлибгъумрэ шъуибгъумрэ зыдырихьыжьи, чэщ зэхъум ежьагъ.

Иныжъмэ япэнэпцIэ сэрай зынэсым, хьишъэр къыфилъыгъ, бгъишъэр къытебыбагъ. Лыхэр хьэмэ ахидзагъ, мэлышъохэр бгъэмэ афидзыгъ. Хьэхэмрэ бгъэхэмрэ ай аужы зехьэм, еуи ежь дэхьагъ.

ЛIитIумэ зэраIуагъэм фэдэу шышIоIу заулэ щытыти, анахь лъахъчэм иш шIохидзагъ.

Джау къогъу хьазырым къотэу щыт унэжъ лъахъчэ цIыкIум ишъхьаныгъупчъэ Шэбатныкъо Iухьагъ. Плъэмэ, ылъэгъурэр шIагъомэ яшIэгъожь: остыгъи шъыди хэмыгъэнагъэу унэ кIоцIэр мастэу пIэпызырэр къэпштэжьын зыфаIорэм фэдэу нэфын.

Нарт Шэбатныкъо зэрэIухьагъэм тетэу иныжъмэ ашыпхъу къэгущаIи унэIут пшъашъэу дисым риIуагъ:

– Нарт Шэбатныкъо къэкIуагъэшъ сэ сыдэкIот, о чъые, – ыIуи.

УнэIут пшъашъэр зэрэчъыягъэм тетэу иныжъмэ ашыпхъу къикIыгъ.

– Нарт Шэбатныкъу, – ыIуагъ ай, – амал иIэмэ, о мы Iэгум сыдэхыри, адырэ къанэрэр Iофыжьэп, – ыIуагъ.

Нарт Шэбатныкъо пшъашъэр шым къытыригъэIысти, псынкIэу къыдэкIыжьыгъ. ЫшнахьыкIэ зыдэщытым къэсыжьи, зэшитIумэ пшъашъэр къахьи къэкIожьыгъэх. Джэгушко ашIыгъ. Чэщ мэфиблэ нартхэр ешкагъэх, ешъуагъэх.

КАК ЖЕНИЛСЯ НАРТ ШАБАТНЫКО

Нарт Шабатныко жил в стране нартов. В соседней стране жили иныжи. Нарт Шабатныко был парень неженатый, какому пора было жениться и даже эта пора уже была на исходе. Он услыхал, что у иныжей есть одна сестра, писаная красавица; когда она дома, в безлунные вечера не нужно было зажигать свет – она сама освещала дом. Как говорится, то, что у сороки черное, – таковы были ее брови, то, что белое, подобным тому было ее тело, и <с замужеством> припоздавшая необыкновенно красивая девушка была, говорят. Как рассказывают, девушка была не только красива, но и очень умна.

Шабатныко решил, что хорошо будет ему жениться на девушке, настолько славной. Было так, что она ни за кого не хотела выходить, а кто к ним приезжал во двор свататься, того ее братья убивали, и многие так погибли.

Взял Шабатныко и решив, будь что будет (букв.: *пусть будет так, как <богу> угодно*), сел на коня и отправился <в путь>. С ним отправился и младший брат. Для Шабатныко это было не к лицу:

– Возвратись! – сказал он ему.

А другой:

– Нет, не возвращусь, если будет иначе, я до границ наших земель доеду и там буду тебя дожидаться, сказал он и не согласился поворачивать назад.

Вот так, едучи, когда они достигли границ своих земель, нарт Шабатныко <сказал так>:

– Вот тут подожди меня год, больше не дожидайся, буду живой – к этому сроку я вернусь, – сказал так, а сам поехал дальше, остановив там младшего брата.

Нарт Шабатныко ехал – по ночам в пути находясь, а днями отдыхая, направляясь прямо к дому иныжей; однажды ночью до его ушей донеслись топот каких-то лошадей и звуки каких-то разговоров.

– Вдруг это иныжи, я же не знаю, – сказал он, посторонился и стал.

Стоял он, а мимо проехали два беспечно разговаривающих, вольно чувствующих себя всадника. Говорили они о девушке, сестре иныжей, к которой ехал Шабатныко. <Ну> Шабатныко хорошо прислушался к их <разговору>.

Слышит он , как всадники говорят:

– Всякий, кто хочет жениться на <той> девушке, должен взять с собой девять овечьих шкур, чтобы бросить их собакам и орлам, <стерегущим девушку>. Пока те разделаются с овечьими шкурами и головами, сам он уйдет оттуда и войдет в ограду облепиховую. Проникнув туда, он должен привязать своего коня к самой низкой коновязи во дворе. Затем он должен подкрасться к окну низенького домика, что стоит в глубине двора, и подслушать, что говорит девушка. Если она угадает подошедшего и, назвав его по имени, скажет, мол за такого бы я вышла замуж, то подошедший попал на тропу удачи; если он предложит, то девушка выйдет и выберет его. Если же так не случится и по какой-то причине она не назовет его

имени, ему нужно поскорее, пока собаки и орлы не расправились с овечьими шкурами, покинуть <этот двор>. Не будь так, он от них погибнет, – сказал один.

Другой заговорил и...:

– Вот в такую безлунную ночь, как ныне, хорошо ходить. И иныжей нет дома, да только мужчины <достойного> нет, – так сказал.

Как всадники проехали, Шабатныко засуетился. Он раньше приметил, что там в каком-то месте находились овцы иныжей, и в один день похитил девять овец. К вечеру он <забил их и> снял с них шкуры. Как наступила ночь, он захватил с собой девять туш и девять шкур и поехал.

Когда он достиг облепиховой ограды иныжей, сто собак набросились на него, сто орлов налетели на него. Туши он бросил собакам, овечьи шкуры бросил орлам. Когда собаки и орлы занялись ими, он взял и вошел <во двор>.

Как те двое мужчин и говорили, во дворе стояло несколько коновязей, и он привязал своего коня к самой низкой. Там Шабатныко подкрался к окошку низенького домика, стоявшего в углу за <большим>. Посмотрел – и увидел чудо из чудес: внутри дома без лампы и без чего-нибудь другого, что было бы зажжено, было так светло, что урони иголку – и ее поднимешь.

Когда нарт Шабатныко подошел туда, сестра иныжей заговорила и сказала бывшей там девушке-служанке:

– Явился нарт Шабатныко, и я за него пойду, а ты спи, – так она сказала.

Как только девушка-служанка заснула, сестра иныжей вышла <из дому>.

– Нарт Шабатнук, – сказала она, если можешь, унеси меня с этого двора, а остальное уже не важно, – сказала.

Нарт Шабатныко посадил девушку на коня и быстро покинул двор. Прибыл он туда, где его дожидался младший брат, и братья вернулись домой, привезя девушку. Устроили большой джегу. Семь дней-ночей нарты ели-пили.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 155–156. Исп. Тагир Богус: а. Ассоколай Адыгеи; бжедуг. Сведения о дате рождения исполнителя не указаны. Зап. 03.11.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

31. ШЭБАТЫНЫКЪО КУАНДЭ КЪЫЗЭРИЩАГЪЭР

Шэбатыныкъо нартыхэр зэригъэлъэгъун ыIуи, кIуагъэ адэжь. КIозэгъо Сэтэнэй-гуащэ иунэ IукIагъ. Куандэ, Сэтэнэй-гуащэм ипшъашъэ, дышъэ шъагъэр ышъэо щэндакъым тесыгъ.

Шэбатыныкъо зелъэгъум:

– Шъэо дахэуэ, шъэо гъэшIэгъонэуэ!... – ыIуи, дышъэр Iэпызыгъ.

– А тян, зы шыо къэкIошъи, фэдэ тихэгъэгу ыдж´э нэси къихьагъэп!

– Щхынэр мычыIэ-мыфабэуи шIыри, гъэуцу! Типэгъэгъокуи мы шъаоо къакIорэр къэтэгъэблагъ!

– Хъуныба, сигуащэ, – ыIуи, пэгъокIыгъэх.

– Еблагъ! – зыраIом,

Шэбатынокъо:

– Нартымэ адэжьы сэкIо, сылъэгъуныхэо, къэзгъэзэжьымэ, сыкъыдэхьан, – къариIуагъ.

ЯмыдэIоо кIуагъ.

Нартымэ яунэ къызынэсым, къагъэблагъи, щхыныхэр къыфащти, агъэхьэкIагъ. Ары шъхьакI´э, агъэлIэн аIуи, шъоным шэг´ыблэ сIыкIу халъхьагъ. ХьакIэм зэкI´э гу лъитагъ шъхьакI´э, къызыхигъэщыгъэп. Бжъэу ратыгъэр аIихи ешъуагъ, блэр пакIэкI´э хиIулIи.

Нартымэ агъэшIагъуи:

– Мыщ амалэу уфэхъун плъэкIыщтэп! – аIуагъ.

Ыгъащтэхи, а чIыпкъом агу щизыгъ.

Зязаом, Шэбатынокъо зэужэ ыукIыхи, ахэкI´ыжьи кIожьыгъэ. КIожьызэгъо зэриIогъагъэм фэдэо Куандэ-гуащэм дэжь дахьи, ыгъэразы, къыщи къэкIожьыгъ.

КАК ШАБАТЫНЫКО ЖЕНИЛСЯ НА КУАНДЕ

Шабатынико решил повидаться с нартами и отправился к ним. Едучи, он повстречал дом Сатанай-гуащи. Куанда, *девушка* Сатанай-гуащи, сидела на балконе и плела золотую тесьму. Как она увидела Шабатынико...:

– Прекрасный юноша, удивительный юноша!... – сказала она и уронила тесьму. – О мать наша, <сюда> один всадник едет – подобный ему до сих пор в наш край не ступал!

– Поставь <на стол> угощение не остывшее-не горячее! Давай мы выйдем навстречу и пригласим этого юношу, едущего сюда!

– Хорошо, моя гуаща, – сказала <Куанда>, и они вышли навстречу.

– Добро пожаловать! – когда так сказали...

Шабатынико ответил:

– Я направляюсь к нартам, чтобы повидаться с ними; на обратном пути (букв.: *когда буду возвращаться*) заверну к вам, – сказал он им.

Он уехал, не послушавшись их.

Когда он достиг дома нартов, его пригласили, встретили угощениями и оказали гостеприимство. Но при этом, чтобы его погубить, в напиток пустили маленькую ядовитую змею. Хоть гость и приметил это, он не выдал себя. Чашу, поданную ему, он принял и выпил, а змею пригвоздил усами<к стенке чаши>.

Нарты удивились:

– Против него невозможно найти средство, – сказали они.

Он их напугал, и они тотчас лишились мужества.

Когда начали биться, Шабатынико всех перебил, уехал от них и возвратился <к себе домой>. На обратном пути, как он и обещал, завернул он к *Куанде-гуаще*, понравился ей, забрал ее с собой и возвратился.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 214–215. Исп. «старуха из фамилии Бжихако» (более точных сведений не обозначено). Зап. в 1935 г. в Париже Ж. Дюмезиль на шапсугско-бжедугском смешанном диалекте. Перевод на русский язык А. Гутова.

Девушка – в зависимости от контекста слово может обозначать и дочь, и служанку, и воспитанницу. В данном случае более подходящее значение – *воспитанница.*

Куанда-гуаща – слово «*гуаща*» в данном случае указывает на высокий социальный статус девушки.

32. НАРТ ПЩЫБЭДЭНОКЪУЭ АГУАНДЭ ЛЪЫХЪУНУ ЗЭРЫКIУАР

Нарт Пщыбэдэнокъуэ ежьэри Агуандэ и деж псэлъыхъуу кIуащ. Унэм щIыхьэ пэткIэ, и сагъындакъыр унэбжэм и деж хитIэри унэм щIыхьащ.

ЗдэкIуэм игу иримыхьын гуэр зэхихри къежьэжыну къыщIэкIыжауэ, Джылахъстэну Агуандэ и адэм жиIащ:

– Мы сагъындакъыр къыхэзычым си пхъур изот, – жиIэри.

ЦIыху Iэджи щытхэти, еплъащ – къахухэчакъым.

Ар Сосырыкъуэ зэхихри, щIэгъутхьэри, игъэсысыри, еIэри, къыхичыри Пщыбэдэнокъуэ къыритыжащ. Пщыбэдэнокъуэм ар щилъагъум, къэгубжьыри, и данэ щIопщыр шы джабэм щигъабзэри къежьэжащ.

Ар къежьэжа иужькIэ, Сосырыкъуэр Джылахъстэным щыхьащ:

– Уи пхъур къызэт, сагъындакъыр къыхэсчащ, – жиIэри.

Джылахъстэным жиIащ:

– Уэстынукъым, ущIэгъутхьэри къыхэптхъащ, – жиIэри.

Сосырыкъуэм жиIащ:

– Пхуэхъу-пхуэмыхъуми, къызэптынщ, – жиIэри, къэшэсыри къыдэкIыжащ.

КъэущыIуэри Пшыбэдэнокъуэм щIыхьэжащ.

Сосырыкъуэрэ Пщыбэдэнокъуэрэ зэшыпхъуитIым къалъхуат.

Пщыбэдэнокъуэ жиIащ:

– Сосырыкъуэ, уэрэ сэрэ зэшыпхъуитIым дыкъалъхуащ. Джылахъстэн и деж и пхъум сылъыхъуну сыкIуати, си гум къеуащи, дэIэпыкъуэгъу къысхуэхъу, – жиIэри.

– СыбдэIэпыкъунщ, сэри бэуэ сигу ебгъащ абы, – жиIащ <Сосырыкъуэ>.

Ягъэзэжахэщ Джылахъстэн и къуажэм.

Джылахъстэн и къуажэр Рэзанскэ станцэм и пщэIуэкIэ верситкIэ дэдзэяуэ щысащ.

Сосырыкъуэм жиIащ:

– Сэ сынэхъ цIыкIущи бгыщхьэм сытеувэнщ, уэ унэхъ инщи къуэм дэт, былыми цIыхуи къыдэдгъэкIынкъым, – жиIэри, увахэщ.

Былым дэкIами, къаукIыу, цIыху дэкIами, къаукI щыхъум, Джылахъстэным хъыбар зэхихри, Лъэпщ и деж кIуэри елъэIуащ:

– ШитI схуэщI, зытехуэр иукIыну, щэмуэхъуну, – жиIэри.

ШитIыр иригъэщIауэ къэкIуэжу, Сосырыкъуэ ищIэри, гъуэгужь къызэрыкIуэжым пэтIысыри, Джылахъстэным и шыр игъащтэри, къехуэхыри, шитIым языр абдежым щыфIэкIуэдащ. Зы шэр ихьыжыри кIуэжащ.

Агуанди пелуант, Бэдэнокъуэри пелуанти, Агуандэ Бэдэнокъуэр нэхъыфIу илъагъут, дэкIуэнуи фIэфIт. Ар Джылахъстэным ищIэти и пхъум хузыгуэпт.

Джылахъстэныр Агуандэ еупщIащ:

– Дэтхэнэм сеуэн – Iуащхьэм тетым сеуэн хьэмэ къуэ кIуэцIым дэтым сеуэн? – жиIэри щеупщIым, Агуандэ жиIащ:

– Iуащхьэм тетым си уз ихь, къуэм дэтым еуэ, – жыриIащ.

Ар Джылахъстэн щызэхихым, «Сосырыкъуэр нэхъыфIу елъагъу», – жиIэри, Iуащхьэм тетым еуэри Сосырыкъуэр иуIащ. Сосырыкъуэм зигъэлIэпцIыри, и шыри езыри, мащэшхуэ щытти, абы зырагъэхуащ, тIумикI. Бэдэнокъуэри къыIукIыри къежьэжащ. Былымхэри цIыхухэри хуит хъужахэщ.

Зы мэлыхъуэ гуэрым мэл дихуауэ, Сосырыкъуэ сымэ зэрыхуа мащэм хуэзэри, Сосырыкъуэри и Тхъуэжьейри лIауэ илъхэу илъагъури, кIуэжыри Джылахъстэным щыжыриIэжым, къабыл ищIакъым:

– ЛIакъым, пцIыуэ зещI, – жиIэри.

Сэтэнейрэ Агуандэрэ жаIащ:

– ПцIыкъым, пэжу къыщIэкIынщ, – жаIэри.

Джылахъстэныр и фызымрэ и пхъумрэ зэрахуэ щыхъум, зыгуэрым унафэ хуищIащ, кIуэуэ быру Сосырыкъуэ и лъэкIампIэм хигъэджыразэу, лъэкIампIэ куцI къырихыу къихьыну. КIуэри Сосырыкъуэ и лъэдакъэмкIэ иубырури, куцI къихьыри къыритащ. Джылахъстэныр куцIым епэмыри:

– И лIыхъужьыщхьэ мэжьажьэри щылъщ, лIакъым, пцIыуэ зещI, – жиIащ.

Сэтэней и пхъур (Агуандэ) Сосырыкъуэ иритыну фIэфIт.

Агуандэ епэмыри жиIащ:

– Хьэдэмэщ мыбы къыкIэрихыр, – жиIэри.

Джылахъстэн гуэрыр къэгубжьыри кIуащ, бгъэдыхьэри щеплъым, Сосырыкъуэр хьэзыру щылът, и сэшхуэр бгъэдэлъуи, къыщылъэтри, Джылахъстэныр къырихужьэри къихуурэ и унэм щыщIэлъэдэжым, Сосырыкъуэр еуэри, унэм илъ гъущI бжыкъури зэпиупщIри Джылахъстэн и щхьэри зэгуиупщIыкIащ. Джылахъстэныр абы имыхъукIыжу лIащ.

Агуандэрэ Бэдэнокъуэрэ фIыуэ зэрылъэгъуа щхьэкIэ, Сосырыкъуэ дэкIуащ, «ЩIалэ щхьэкIэ, лIы хъунущ», – жиIэри.

КАК НАРТ ПШИБАДАНОКО ЕЗДИЛ СВАТАТЬСЯ К АГУАНДЕ

Нарт Пшибаданоко выехал и поехал свататься к Агуанде.

Войдя в дом, он воткнул свою стрелу <в землю> у входа и вошел в дом. Там он услышал неприятный для себя разговор и, когда, желая уехать, вышел он <из дома>, Джилахстан, отец Агуанды, сказал:

– Кто вырвет эту стрелу, за того я выдам свою дочь.

Там стояло много людей, и <хотя многие> пробовали, не смогли вырвать <стрелу>. Сосруко, услышав это, помочился <под нее>, расшатал, дернул, вырвал <стрелу> и отдал Пшибаданоко. Когда Пшибаданоко увидел это, <он> разгневался, ударил своей шелковой плетью по бокам <своего> коня и уехал.

После того, как он уехал, Сосруко пристал к Джилахстану:

– Отдай за меня свою дочь, я вырвал стрелу <Пшибаданоко>.

Джилахстан ответил:

– Не отдам. Ты помочился <под стрелу> и вытащил ее, – говоря.

Сосруко сказал:

– Волей или неволей, но ты ее мне отдашь! – сказал Сосруко, сел <на коня> и уехал.

Прибавил <он> ходу и настиг Пшибаданоко.

Сосруко и Пшибаданоко были двоюродными (букв.: – *сыновьями двух сестер*).

Пшибаданоко сказал:

– Сосруко, ты и я рождены от двух сестер. Я приехал к Джилахстану просить руки его дочери, но <он> оскорбил меня. Окажи мне помощь.

– Помогу, он мне тоже не по нраву, – ответил <Сосруко>.

Вернулись <они> в селение Джилахстана.

Селение Джилахстана находилось выше от станицы Рязанской на расстоянии двух верст.

Сосруко сказал:

– Я меньше тебя <ростом>, поэтому стану на вершине горы, а ты больше меня, поэтому останься в лощине. Мы ни скот, ни людей <из селения> не выпустим, – договорились они и стали <у входа в селение>.

Когда они стали уничтожать и скот, и людей – всех, кто находился за пределами селения, Джилахстан услышал хабар об этом, пришел к Тлепшу и попросил:

– Сделай мне две стрелы – в кого целишься, чтобы попадали и убивали, – сказав.

Когда <Джилахстан> возвращался <от Тлепша> со стрелами, Сосруко узнал об этом и устроил засаду на старой дороге, по которой ехал <Джилахстан>, вспугнул он коня Джилахстана, <Джилахстан> упал <с коня> и потерял там одну из двух стрел. Вернулся <он> с одной стрелой.

Агуанда была богатыршей, Баданоко тоже был богатырем, поэтому больше всех Агуанда любила Баданоко и хотела выйти <за него>. Об этом знал Джилахстан, поэтому не был доволен своей дочерью.

Джилахстан спросил Агуанду:

– В кого <мне> стрелять – выстрелить ли мне в того, кто на вершине или выстрелить в того, кто в лощине? – когда так спросил <Джилахстан>, Агуанда ответила:

– Пусть перенесет мою болезнь тот, кто на холме! Стреляй в того, кто в лощине.

Когда это услышал Джилахстан, «Она больше любит Сосруко», – подумал <он>, выстрелил в того, кто находился на холме и ранил Сосруко.

Сосруко прикинулся мертвым, там была глубокая яма, и конь <Сосруко>, и сам он упали <в яму>. А Бадиноко уехал. И скот, и люди стали свободными.

Один какой-то чабан, отправившийся пасти овец, заметил ту яму, в которую упали Сосруко <и его конь>, и увидел лежащих там мертвыми Сосруко и его Тхожея, и когда <чабан> вернулся и сообщил об этом Джилахстану, он не поверил:

– <Он> не умер, а <умершим> ложно прикинулся, – сказав.

Сатаней и Агуанда сказали:

– Не ложь, наверное, это правда.

Когда жена и дочь Джилахстана стали настаивать, <он> отправил кого-то пробуравить буравом голень Сосруко, достать костный мозг из <его> голени и доставить <его Джилахстану>. <Тот> пошел, пробуравил <голень> Сосруко через пятку, <достал> костный мозг, принес <его> и отдал <Джилахстану>. Джилахстан понюхал мозг и сказал:

– Он лежит, а его богатырское сердце (букв.: *богатырская голова*) пылает, <он> не умер, а <умершим> прикинулся.

Сатаней хотела отдать свою дочь (Агуанду) за Сосруко.

Агуанда понюхала <мозг из голени Сосруко> и сказала:

– <Его мозг> отдает мертвечиной.

Разгневался Джилахстан и сам отправился <посмотреть на тело Сосруко>, когда приблизился, чтобы посмотреть, Сосруко лежал наготове, рядом с ним находился его меч, вскочил <Сосруко>, погнал Джилахстана и, когда <Джилахстан> забегал в свой дом, Сосруко ударил <мечом>, перерубил надвое железную балку дома и рассек голову Джилахстану. От этого умер Джилахстан.

Хотя Агуанда и Баданоко любили друг друга, <Агуанда> вышла за Сосруко, «Хотя он и молод, из него выйдет достойный муж», – сказав.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 15. Исп. Адамей Ехутл: 1861 г.р., а. Понежукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 17.07.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст – один из вариантов сказания о сватовстве нарта Бадиноко. Примечательно, что, в отличие от большинства известных вариантов данного сюжета, герой не погибает от стрелы Тлепша:

она просто отскакивает от него, что более характерно для образов Сосруко и Батраза. Девушка же выходит замуж за Сосруко по своей воле, несмотря на то, что жених убил ее отца.

Имя главного героя варьируется в самом тексте, что мы оставили без изменения.

33. ШЭБАТНЫКЪО ІЭКУАНДЭ ДЭЖЬ ПСЭЛЪЫХЪО ЗЭРЫКІОГЪАГЪЭР

Нарт Шэбатныкъо Іэкуандэ дэжь псэлъыхъо зэкІом, унэ пчъэІупэм ипчышхо къычІиси, унэм ихьагъ. Зехьэм, шъхьакІо къехъулІи къикІыжьыгъ. Ар зэхъум:

– Мы пчышхор чІэзытхъырэм Іэкуандэ естынкІэ! – ыІуи, Джылэхъстэн тхьэ ыІуагъ.

Бэу цІыф пчым еІи шъхьай, къафычІэтхъыгъэп. А къэбарыр Саусырыкъо зызэхехым, кІуи егъутхьылІи, ыгъэсыси, къычІичишъ, къыритыжьыгъ.

Шэбатныкъо губжи, идэнэ кІэпщ шы чапэм щигъабзи, къежьэжьыгъ. Шэбатныкъо зежьэжьыхэ нэуж, Саусырыкъо лІыжъым щыхьэгъагъ:

– Іэкуандэ къысэт! – ыІуи.

– Іэкуандэ остына, тхьагъэпцІыжъ цІыкІу, уегъутхьылІи, пчыр къычІэпчыгъ, – Джылэхъстэн ыІуагъ.

– Е, фэхъу-фэмыхъуми, къысэптын! – ыІуи къыдэшэсыкІыжьыгъ.

Саусырыкъо къыдэшэсыкІи Шэбатныкъо къылъежьи къыкІэхьагъ.

Саусырыкъорэ Шэбатныкъорэ зэпхъурэлъфэгъугъэх. Саусырыкъо:

– Моу къэуцу! – ыІуи къыгъэуцугъ. – О Шэбатныкъу, орырэ сэрырэ зыны тыкъилъфыгъ, сыкъыпкІэхьагъэшъ, шъхькІо сит, Джылахъстэнэ Іэкуандэ къыситыжьырэпышъ, къыздэбгъэпыинкІэ сыолъэІу, – ыІуагъ.

– Саусырыкъо, къыбдэзгъэпыин, амии сэри сыгу ебгъэ, – нарт Шэбатныкъо ыІуи, къагъэзэжьи Джылэхъстэн икъуаджэ къекІолІагъэх. Джылэхъстэн джы Рязанскэ станицэр зыдэщысым ыпшъэкІэ верститІу фэдизкІэ дэдзыягъэу щысыгъ.

– О уинышъ, кІэим дэуцу, сэ сынахьы цІыкІушъ, бгым сытетын, былымэу яІэр хъуакІо къыдэдгъэкІыщтэп, яцІыфи къыдэдгъэкІыщтэп, – Саусырыкъо ыІуагъ.

Ащ тетэу ашІыхи зэуцухэм, къэбарэу щыІэр Джылэхъстэн дэжь кІохи раІуагъ:

– Былым дагъэкІырэп, цІыф дагъэкІырэп, – аІуи.

Джылэхъстэн Лъэпшъы дэжь кІуи:

– Сызаорэм щымыохъунэу бзитІу сфэшІ, – ыІуи, бзитІур ригъэшІи къежьэжьыгъагъ.

Саусырыкъо пэгъокІи, шыр ыгъащти, рыригъэдзыхыгъ. Зыредзыхым, бзитІум яз зэпикІыгъ. Зы бзэр къыхьыжьи, лІыжъыр къэкІожьыгъ. Іэкуандэ еупчІыгъ:

– КIэим дэтым сеона, бжъапэм тетым сеона? – ыIуи.

Iэкуандэ зыфиIорэм еонэу щытыгъэп, Джылэхъстэн еупчIыжьыгъагъэ шъхьай. Ар Iэкуандэ ышIэрэпти, Шэбатныкъо нахьышIу ылъэгъоу щытыти:

– КIэим дэтым сиузы ехь, бжъапэм тетым еу! – зеIом, еуий Шэбатныкъо ыукIыгъ.

Iэкуандэ Iохъуи шъхьакIэ, кIэхьажьыгъэп.

Шэбатныкъо укIыгъэ зэхъум, Саусырыкъо зигъэлIагъ. Мэлахъохэри дэкIыжьыгъэх, мэкъумэщышIэхэри дэкIыжьыгъэх. Ащ ыуж мэлахъо кIалэ горэ Саусырыкъо ихьадэ IукIагъ, и-Тхъожъые лIагъэу голъэу. КIалэм ащ тетэу зелъэгъум, гушIоу къежьэжьи, Джылэхъстэн нарт сэнашъом кIуагъэти, лъыкIуи риIуагъ. Джылэхъстэн:

– ШъукIуи, бырыу шъухьи, ылъэдый куцI щыщ бырыукIэ щиз къысфэшъухьи, сежъугъэпэм, – ыIуагъ. КIохи, бырыукIэ щиз къыфахьыгъ. Зепэмым:

– ИлIыхъужъыгу мэжъажъэ! – ыIуагъ.

Iэкуандэ ахэтыти:

– Щтэрэм зишIэжьырэба, сэIо, илIыхъугуи ащ жъажъэрэп, хьадэжъымэ ащ нахь пыурэр! – ыIуагъ.

– Хьабз уд джадэм ыIорэр олъэгъуа! – ыIуишъ, шэси кIуагъэ. Нэси, шъхьащыуцуи, ичатэ къырихи, еIабэхышъ:

– ТхьагъэпцIы цIыкIу, ущылъыщта мыщ! – ыIуи, чэтапэмкIэ къызкIаIэм, Саусырыкъо къызщылъэти, маитэ огъу къыщырихи, ышъхьэ чапэ къытырипхъуи, ышъхьа IакIэ ыIыгъэу Джылэхъстэн къэкIожьыгъ.

Ар аджалы фэхъугъ.

Мы пстэури къызэрыкIыгъэр Iэкуандэрэ Шэбатныкъорэ. Шэбатныкъо пелыуаныгъ, Iэкуанди пелыуаныгъ. ШIу зэрэлъэгъухэу зэIукIагъэхэп. Саусырыкъо лIы фэхъунэу щытыти, ащ къыфэнэжьыгъ. Ыджы щыIэ цIыфми къалъэгъужьы Джылэхъстэн ихапIэ, иунэ зыдэщытыгъэр. Къалъэгъужьыгъ, илъэгуцэ зыхэлъыгъэр нафэу щыт.

КАК ШАБАТНЫКО ЕЗДИЛ СВАТАТЬСЯ К АКУАНДЕ

Когда нарт Шабатныко поехал свататься к Акуанде, он воткнул свое большое копье напротив двери и вошел <внутрь>. Войдя, он потерпел неудачу и возвратился. А между тем…:

– Кто вырвет это большое копье, за того я выдам Акуанду! – поклялся Джилахстан.

Хотя многие подходили к копью, но никто не смог вырвать его. Когда этот хабар услышал Сосруко, он подошел, помочился <под копье>, расшатал и, вырвав, отдал <его хозяину>.

Шабатныко рассердился, ударил своей шелковой плетью по бокам коня (букв.: *заставил свою шелковую плеть звучать на боку коня*) и уехал. После того, как Шабатныко уехал, Сосруко пристал к старику:

– Отдай за меня Акуанду, – сказал.

– Как я выдам за тебя Акуанду, маленький плутишка, ты помочился <под копье> и вытащил его, – ответил Джилахстан.

– Ну тогда волей или неволей, а ты мне ее отдашь! – заявил <Сосруко и уехал>.

Сосруко уехал, пустился вслед за Шабатныко и догнал его.

Сосруко и Шабатныко были двоюродными (букв.: *сыновьями двух сестер*). Сосруко…:

– Остановись-ка, – сказав, остановил его. – О Шабатнук, и ты и я происходим от одной женщины (имеется в виду их бабушка по материнской линии – *перев.*), я за тобой поехал, <чтобы сказать, что> я озабочен: Джилахстан отказывается выдать за меня Акуанду, и я прошу тебя быть вместе со мной против него, – сказал он.

– Сосруко, буду вместе с тобой против него, да и без того он мне не по нраву, – ответил нарт Шабатныко, они повернули назад и приехали к селению Джилахстатна.

Джилахстан жил версты на две выше нынешней станицы Рязанской.

– Ты большой, поэтому стань в лощине, а я поменьше, и потому стану на вершине: мы ни их скота на пастьбу не выпустим, ни их людей не выпустим, – сказал Сосруко.

Когда так решили и принялись исполнять, люди явились к Джилахстану и рассказали ему эту новость:

– Скотину не выпускают, людей не выпускают, – сказали.

Джилахстан отправился к Тлепшу и…:

– Сделай мне две стрелы, чтобы они не пролетели мимо того, куда я выстрелю, – сказал, изготовил две стрелы и повернул назад.

Сосруко вышел ему навстречу, испугал коня и тот сбросил с себя седока. Когда он сбросил с себя <седока>, одна из двух стрел переломилась. Старик вернулся домой с одной стрелой. Он спросил Акуанду:

– Выстрелить ли мне в того, что в лощине, или выстрелить мне в того, что на вершине? – сказал.

Хоть Джилахстан и спросил ее, он был такой, что не выстрелил бы в того, на которого укажет Акуанда. Но Акуанда этого не знала, и, так как она больше полюбила Шабатныко…:

– На того, что в лощине, пусть мои болезни падут, стреляй в того, который на вершине! – сказала она, и Джилахстан выстрелил <в того, который стоял в лощине>, и убил Шабатныко.

Хотя Акуанда поняла оплошность, но уже было поздно.

Когда Шабатныко погиб, Сосруко тоже притворился мертвым. И чабаны вышли <на пастбища>, и люди вышли. После этого один молодой пастушок повстречал труп нарта Сосруко, а рядом лежал мертвый его <конь> Тхожий. Увидя это, юноша радостный повернул назад и…, а так как Джилахстан ушел на нартское санопитие, он явился прямо туда и сообщил ему. Джилахстан приказал:

– Пойдите с буравом, пробуравьте ему голенную кость, достаньте оттуда полный бурав костного мозгу, принесите и дайте мне понюхать, – сказал. Отправились и принесли <костного мозгу> полный бурав.

– Его богатырское сердце <еще> бьется, – сказал он.

Там была и Акуанда, и она…:

– Разве пуганный соображает трезво, и его богатырское сердце не бьется, и от него веет только запахом мертвечины, – сказала она.

– Что эта сука-ведьма говорит! – сказал <Джилахстан>, сел на коня и поехал туда. Прибыл он, вытащил меч и наклонился:

– Эй, маленький плутишка, так и будешь здесь лежать! – сказал он, и когда попытался тронуть кончиком меча, Сосруко вскочил, нанес один удар *маитой* по голове, разрубил ему голову и Джилахстан вернулся домой, придерживая рукой голову.

Это и стало для него причиной смерти.

Всё это произошло из-за Акуанды и Шабатныко. Шабатныко был богатырем, и Акуанда была богатыршей. Они любили друг друга, но так и не встретились. Ей суждено было быть супругой Сосруко, и она ему досталась. Ныне живущие люди и сейчас могут видеть, где была стоянка и где стоял дом Джилахстана. Теперь вновь обнаружили, потому что это очевидно.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 309–311. Исп. Саферби Бесиджев: 1884 г.р., а. Джамбечий Адыгеи; темиргоевец. Зап. 10.09.1946 г. Е. Бахов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Маита / маиса – здесь – меч особой закалки, меч с особыми свойствами.

34. НАРТ ШЭБАТЫНЭКЪО ІЭКОНДЭ-ДАХЭ ДЭЖЬ КЪЫЗЭРЭКІОГЪАГЪЭР

Нарт Шэбатынэкъо янэм чІыунэджэ ыпІугъ, хьэпаниитІурэ бгъэжъитІурэ дигъэсагъэх.

Ауштэу Шэбатынэкъо лІы къэхъугъ. ЛІы къызэхъум, Іалэджымэ яунэ Іэкуандэ-дахэр ыІоу пшъэшъэ дэгъу горэ исыгъэти, Чэлэхъсэтым ипшъашъэу, ащ дэжьы къэкІуагъ. Ипч пчъэІупэм щычІисишъ, ежь пшъэшъэ дахэм дэжь унэм ихьагъ. Ау къыдэмыкІонэу къыщыриІуишъы, зэ шъхьам къызыдэкІыжьым, ыгуджэ пшъашъэр шІу ылъэгъугъэу щытыти, Чэлэхъсэтым дэгущэІэн ыгу хэлъэу Шэбатынэкъо къыгъэзэжьи шъхьам, Іэкуандэ къыримытынэу Чэлэхъсэтым къыриІуагъ:

– Хэгъэгу чыжь уздэщыІэр, орыджэ къекІунэу щытэп, – ыІуишъ.

Шэбатынэкъомрэ Чэлэхъсэтымрэ агу зэбгъагъэ. Ащ ыуж илъэс горэ щышІагъэу къакІоешъ, ыщэмэ шІоигъоу дэгущэІагъ.

– Тятэ сыбдимыгъэкІонэу къысиІуагъ шъхьае, сыгуджэ шІу усэлъэгъу, – риІуагъ.

А чІыпІэм Іэкуандэм дэжь псэлъыхъо къэкІуагъэхэмэ къэлапчъэр фашІэу ылъэгъугъ Шэбатынэкъом. Зелъэгъум, ишы къешэсыжьи, къэлапчъэри къыІуиути, пэнэпцІэ сэраихэри къыкъути, Шэбатынэкъо къыдэкІыжьыгъ.

* * *

Пчэр пчъэIупэм чIэсагъэти:

– Пчэр чIэзытхъырэм Iэкуандэ естыт, – ыIуи Чэлэхъсэтым унашъо ышIыгъ.

Саусырыкъорэ Шэбатынэкъорэ зэпхъорэлъфэгъухэу, зэшыпхъуитIумэ къалъфыгъэу щытыгъ.

Пчэр зэрэчIисагъэр Саусэрыкъо зэхихыгъэ. Зызэхехым, Саусэрыкъо кIуишъ, егъутхьылIи, ыгъэсысызэ къычIитхъыгъ.

– Пчэр къычIэстхъыгъ, Iэкуандэ къысэт, – ыIуи, пщы Чэлэхъсэтым риIуагъ.

– Мыгъо цIыкIу, уегъутхьылIи пчэр къычIэптхъыгъэ нахь, тэрэзэу узекIуагъэп, остытэп, – къыриIуагъ.

Саусэрыкъо, ар шъхьакIо щыхъуешъ, къыдэкIыжьыгъ. Шэбатынэкъо зыIуигъакIишъ:

– ШъхьакIо къытщышIыгъ, орырэ сэрырэ тызэпхъорэлъфэгъоу, Чэлэхъсэтэр къыздэгъэпый, – риIуагъ. Чэлэхъсэт ыдэжьы кIохишъ, чылэр къауцуахьи, былыми цIыфи дамыгъэкIэу хэгъуашъхьэм Iугъолъхьагъэх.

Чэлэхъсэты Лъэпшъы дэжьы кIуишъы:

– Сызаорэм сыщымыохъунэу щитIу сфэшI, – риIуагъ.

Щэхэр къыфишIыгъэх. Къыритыжьи къежьэжьыгъэу къэкIожьэ, хэгъуашъхьэм къызынэсыжьым, Чэлэхъсэтым иш Саусэрыкъо ыгъащти, Чэлэхъсэтыр ридзыхи, щитIумэ язы зэпиутыгъ, зы щэр къэнагъ.

Чэлэхъсэтэр Iэкуандэм еупчIыгъ:

– ТIумэ язэу тащ сеот? – ыIуи.

– Бжъапэм тетым уемыу, кIэим дэтым еу, – риIуагъ.

Саусэрыкъо нахьи Шэбатынэкъо нахьшIу ылъэгъутыгъ Iэкуандэм. Саусэрыкъо нахь цIыкIоу, Шэбатынэкъо нахь инэу щытыгъ. Бжъапэм тетэр Шэбатынэкъоти, кIэим дэтым еу зыкIиIуагъэр арары.

Чэлэхъсэтым щэмрэ бзэмрэ зэIуилъхьишъ, бжъапэм тетым зеом, Шэбатынэкъо ащ щиукIыгъ.

* * *

Шэбатынэкъо зеукIым, Саусэрыкъо зигъалIи, хэгъуашъхьэм Iугъолъхьагъ. Чылэр шъхьартIупщэу хъужьыгъэ, чэмыхэри къыдагъэзыкIыгъ. Мэлахъомэ ащыщ горэм Саусэрыкъо иши, ежьыри лIагъэу хэгъуашъхьэм Iулъэу ылъэгъугъ. Мэлахъор кIожьи Чэлэхъсэтым риIуагъ:

– Саусэрыкъо иши, ежьыри лIагъэу моу Iулъ, – ыIуи.

– Удэ шъукIори, бырыу шъухьыри, ылъэдакъэ бырыу щиз къыхэшъухыри къэшъухьи сежъугъэплъ, – ыIуагъ.

КIуагъэх. Бырыужэм щиз ылъэдакъэ къыхахи, Чэлэхъсэтым ратыгъ. Зыратым, епэмыгъ:

– ТхьагъэпцIы цIыкIум ыгу мэжъажъэ, цIыфымэ щэуи джыри, – ыIуи, Чэлэхъсэтым къыIуагъ.

Нарт сэнашъохэри зэхэтэу, Iэкуандэри ахэтэу щытыти:

– Чэлэхъсэтэр щтэрэм зишIэжьрэба сэIо, – ыIуи, Iэкуандэм къыриIуагъ.

– А тхьагъэпцIым ышIэрэр сэ щызгъэгъупшэт, – ыIуишъ, Чэлэхъсэтым ишы уанэ траригъалъхьи, къэкIуагъ Саусэрыкъо ыдэжьы. Къызэрынэсыгъэм тетэу чатэмджэ еIэбэхи:

– ТхьагъэпцIы цIыкIу, узыпылъэр шъыд? – зеIом, къызщылъэти, шэр къыгъащти, Чэлэхъсэтыр ридзыхыгъ.

Саусэрыкъом маитэ ыIыгъэу щытыти, маитэмджэ къеуи, ишъхьэ къызэгуиупкIыгъ. Чэлэхъсэт ышъхьэ къыубытыжьи, ишы къешэси, Лъэпшъы ыдэжьы ыгъакIохи, Лъэпшъ къаригъэщагъ.

– Сшъхьэ зэбгырымызынэу гъучIы паIо сфэшI, – ыIуишъ, гъучI паIо аригъэшIыгъ.

ГъучIы паIор зыщилъи шъхьае, ишIуагъэ къэкIуагъэп. Чэлэхъсэтым аджалыщэ тефагъэу щытыти, жъуагъохэр къызыредзэм, ыпсэ хэкIыгъ.

IэкуандэмI:

– Тят, таужы икI осIогъагъэ. О зэпшIэжьыгъэ нахь, зыми къыуишIагъэп, – ыIуагъ. Хьадэри агъэIылъыгъ.

Чэлэхъсэтэр иунагъоджэ Рязанскэ хэгъуашъхьэм верстэ зытIуджэ пэчыжьэу щысыгъ. ПэIулъашъоу иунэ IулъыгъэрицIыфымэ къалъэгъужьыгъ. Ыдж, непэ щегъэжьагъэу, иунэ зыдэщытыгъэр уигъэлъэгъунэу цIыфыхэр щыIэх.

КАК НАРТ ШАБАТЫНЭКО ПРИЕЗЖАЛ К АКУАНДЕ КРАСАВИЦЕ

Мать растила нарта Шабатынэко в подземелье, вместе с ним выучила двух собак и двух орлов.

Так Шабатынэко и возмужал. Возмужавши, он приехал к красавице Акуанде, замечательной девушке, которая была дочерью Чалахсэта и жила в доме Аледжей. Он воткнул свое копье у двери, а сам вошел в дом к красавице.

Но когда она отказалась выйти за него, он ушел своим телом, но душой он ее полюбил, поэтому он собирался поговорить и с Чалахсэтом; однако и Чалахсэт, не желая выдавать ее за него, заявил:

– Ты живешь в дальнем краю, и поэтому ты не подходишь, – сказал.

Шабатыныко и Чалахсэт там повздорили. Спустя где-то год после этого, <Шабатыныко> снова явился и завел с ней разговор о женитьбе.

– Хоть наш отец и заявил, что не отдаст меня за тебя, сердцем своим я люблю тебя, – сказала она.

Шабатыныко увидел, что для женихов Акуанды там ставят крепостные ворота. Увидав, он сел на своего коня, разломал крепостные ворота, прорвал все колючие ограды и уехал.

* * *

Копье было воткнуто у входной двери, и…

– Кто сможет открыть дверь, за того и отдам Акуанду, – объявил свою волю Чалахсэт.

Сосруко и Шабатынэко были двоюродными, рожденными от двух сестер. Сосруко прослышал о том, что <Шабатынэко> заклинил дверь. Прослышав, он пришел, помочился под <копье>, расшатал и выдернул его.

– Я растворил дверь, отдавай Акуанду, сказав, он обратился к пщи Чалахсэту.

– Злосчастненький, ты помочился под него и этим растворил дверь, а не как положено ты поступил, не выдам! – ответил тот.

Сосруко воспринял это за оскорбление и уехал. Он встретился с Шабатынэко и сказал ему:

– Мы <оба> оскорблены. Мы с тобой двоюродные, давай вместе будем враждовать с Чалахсэтом.

Они вместе отправились к Чалахсэту, осадили его селение и устроились у дороги в селение, не выпуская ни животных, ни людей. Чалахсэт отправился к Тлепшу:

– Изготовь мне две стрелы, чтобы они непременно попадали в цель, – попросил он.

Тот ему изготовил стрелы, вручил их ему. Когда Чалахсэт на обратном пути достиг въезда в селение, Сосруко вспугнул его коня, Чалахсэт упал и одну из двух стрел поломал, осталась одна стрела.

Чалахсэт спросил у Акуанды:

– Из <этих> двоих в кого мне выстрелить? – сказал.

– В того, что на вершине, не стреляй, выстрели в того, что в лощине, – ответила она.

Акуанда больше любила Шабатынэко, чем Сосруко. Сосруко был меньше ростом, Шабатынэко побольше. На вершине стоял Шабатынэко, поэтому она и сказала, чтобы он стрелял в того, что в лощщине.

<Но> Чалахсэт положил стрелу на тетиву и, выстрелив в того, что стоял на вершине, таким образом убил Шабатынэко. Когда он убил Шабатынэко, Сосруко <тоже> притворился мертвым и улегся у въезда в селение. Селение стало свободным, и коров выгнали <на пастбище>. Кто-то из чабанов увидел у края дороги лежащих мертвыми и Сосруко, и его коня. Чабан вернулся в селение и рассказал Чалахсэту:

– И конь Сосруко и он сам мертвые лежат у дороги, – сказал.

– Отправляйтесь туда, захватите с собой бурав, пробурите его пятку и принесите мне полный бурав <костного мозга> посмотреть.

Отправились. Извлекли полную спираль (букв.: *рот бурава*) и вручили Чалахсэту. Когда вручили, он понюхал:

– У <этого> плутишки сердце еще горячее, от него еще несет человечьим духом, сказав, произнес Чалахсэт.

<Пришедшие на> нартское санопитие были здесь, Акуанда тоже была, и:

– Когда Чалахсэт дрогнет, теряется ли он, скажу я…

– Я заставлю этого плутишку забыть то, что он знает, – сказав, Чалахсэт велел седлать коня и поехал к Сосруко. Как только подъехал, он наклонился и с мечом в руке:

– <Эй,> плутишка, чего ты хочешь? – когда он так сказал, <Сосруко> вскочил, испугал коня и сбросил Чалахсэта наземь.

У Сосруко была *маита*, и он ударил маитой и раскроил голову. Чалахсэт схватился за голову, сел на коня и <, приехав домой,> велел привести Тлепша:

– Чтобы моя голова не рассыпалась, изготовь мне железный обруч, – сказал он и велел изготовить железную шапку.

Пусть он и надел железную шапку, но пользы от этого не проявилось. Было так, что его постигла смертельная рана, и когда появились звезды <на небе>, дух покинул его.

Акуанда <сказала>:

– Отец, я тебе говорила – оставь нас в покое. Ты сам себя погубил, но никто ничего тебе не причинил, – сказала. <С тем> и тело его похоронили.

Семьей Чалахсэт жил верстах в двух выше Рязанской. И ворота, стоявшие перед его домом, люди могли видеть. Теперь, прямо сейчас начиная, есть люди, которые могут показать место, где стоял его дом.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 313–315. Исп. Харох Доль: 1874 г.р., а. Шенджий Адыгеи; бжедуг. Зап. 28.05.1940 г. Р. Меркицкий. Перевод на русский язык А. Гутова.

Маита (*маитэ*) – здесь – секира.

35. ПЩЫ БАДИНОКЪУЭ ФЭЗЭХЪУЭКІ-ГУАЩЭР КЪЫЗЭРИШАР

Пщы БадинокъуэкІэ зэджэр зы махуэ гуэрым и закъуэ дыдэу ежьауэ Сосрыкъуэ и къуажэм кІуэрт. Сэтэней гуащэ и унэІутыр псыхьэ кІуэрэ пэт, ар илъэгъуащ. УнэІутым псыхьэ зэрыкІуэ пэгуныр игъэуври пхъэражэу гуащэм и деж кІуэжащ:

– Алыхь-алыхь, жан, мыбы зы шу къохри, абы и сурэтэгъу слъэгъуакъым.

– Бэлыхьыр зытихуэн къахьпэ, мы дунейм темыт шур дэнэ къипха? – жиІэри Сэтэней гуащэ щхьэгъубжэр къызэІуихри, щилъагъум…:

– МафІохъу апщий! – жиІащ пщы Бадинокъуэ.

– Упсэу, къеблагъэ, – жиІащ гуащэм.

– Сэ сылэгъунэлІкъым, лІыхъухэр здэщыІэр къызжепІэм, сыкІуэнщ.

– Моуэ уехым, зэдебауэ унэжьщ, алащэкІэ бжьэ щызэдырахьэ унагъуэм унэсым, абы щызэхэсщ.

Пщы Бадинокъуэр кІуэуэ, Сосрыкъуэ къыщІэплъри, пщы Бадинокъуэр къыщилъагъум, жиІащ:

– А къакІуэр Тэтэртуп и деж щыслъэгъуащ, ар лъыщІэжу къэзыкІухь лІыщ, ебгэн щІыхьэхущ, хьэхуншэ шущ, къедвгъэгъэ-

благъэ, и зэран къыдэкIынщ, – щыжиIэм, къыщIэкIхэри пщы Бадинокъуэр IэплIэкIэ ирахьэхащ.

– Си фадэбжьи къысхуефэ, си къафэ Iыхьи схуехьэкI, – жиIэри унагъуэр зей Беслъэныжьым бжьэ къритащ.

– ХьэщIэр фадэкIэ ягъэунэхукъым, сэ сыбгъэунэхунум, банэ гуибгъу къегъашэ, Беслъэныжьу мэхъаджэ жьакIэу зи къуэш зыукIыжауэ къанлыфэжь, – къыжыриIащ пщы Бадинокъуэм.

Беслъэныжьым игъакIуэри банэ гуибгъу къригъэшащ. Пщы Бадинокъуэм и псы вакъитIыр зыщитIагъэри, банэ гуибгъур зэхиутэри, епщэри зы къэмынэу зэбгригъэхащ, езыри къакIуэри унэм къыщIыхьэжащ.

Выбгъуэ къахьри Iэнэри къаузэдащ. Пщы Бадинокъуэр Iэнэм дэлъейри, къафэри къыщелъэжым, пхъэбгъу лъэгурыдзыр кIуэцIриудащ. Абы и Iэуэлъауэр щызэхахым, пщIантIэм дэт щIалэхэм къыхадзащ: «Елэ, елэри цопый», – жари.

Ар щыблэ макъыу ягугъэу арат; щыблэ уэм, жаIэ псалъэт ар.

Пщы Бадинокъуэм ахэр игу иримыхьауэ еуэри ежьэжащ. «Зы цIыху къэмынэу гупхъэтIэкIум фыщIэзгъэпщынщ», – жиIэри дэкIри ежьэжащ.

Унагъуэр зей Беслъэным ауэ жиIащ:

– Абы къезыгъэгъазэм си пхъуу Акуандэр изот, – жиIэри.

Сосрыкъуэ и Тхъуэжьейм тетIысхьэри, пщы Бадинокъуэм кIэлъыжэри бгъурыуващ.

– Тенджызым сызэрытехьэу кхъухь кIуэцIым сызэрыщыдыгъуэ си псы вакъитIыр узот, нэгъазэ, – жиIэри Сосрыкъуэр елъэIуащ.

– Уи псы вакъитIыр къуентхъкIэ пщаух, сэ сыкъуентхъ лъыхъуэкъым…

– Сэ сыщуIэгъэ лъыхъуэщ, сыхомыгъэныт, – жиIэри Сосрыкъуэр щелъэIум…

– АтIэ, ухэзгъэнынкъым, – жиIэри пщы Бадинокъуэм къигъэзащ.

– ХьэщхьэрыIуэм къигъэзащ, ирекIуэж, сэ абы щхьэкIэ си пхъур естын! – жиIэри Беслъэным и пхъур Сосрыкъуэ иритын идэжакъым.

– АтIэ, Сосрыкъуэ, сэ къэзгъэзэжынщи, къуажэр зэпэбашым щIэдгъэкIынщ. Сэ гуащэ ФэзэхъуэкIыр къэсшэнщ, уэ абы ипхъу Акуандэр уэстынщи, къуажэми пщыуэ уакъыхуэзгъэнэнщ, – жиIэри пщы Бадинокъуэр еуэри ежьэжащ.

Шу гуп щIыгъуу къакIуэри щIэкIыу зэтриукIащ. Беслъэныжьыр иукIщ, къуажэм дэс псори зэтриукIэри Сэтэней къигъэнащ. Гуащэ ФэзэхъуэкIыр езы пщы Бадинокъуэм къызыхуигъанэщ, Акуандэри Сосрыкъуэм иритщ, Сосрыкъуэри къуажэм унафэщIу яритри, езы тIури благъэу къызэхуэнэжри псэуащ.

КАК ПШИ БАДИНОКО ЖЕНИЛСЯ НА ФАЗАХОЧ-ГУАШЕ

Однажды тот, кого зовут пши Бадиноко, совсем один собрался и поехал в селение <нарта> Сосруко. Служанка Сатаней-гуаши,

идущая за водой, увидела его. Она поставила наземь свои ведра, с которыми шла, и поспешно (букв.: *подобно погоне*) возвратилась к гуаше:

– Аллах-аллах, *жан*, сверху сюда едет один всадник, подобного ему обликом я не видывала.

– Да падут на тебя муки, непотребная, где ты взяла всадника, какого нет на этом свете? – сказала Сатаней-гуаша, и когда она раскрыла окно…

– *Мафох апший!* – сказал пши Бадиноко.

– *Упсау,* будь гостем! – ответила гуаша.

– Я не женских комнат герой, если скажешь мне, где герои, я туда поехал бы.

– Если вот тут спустишься, достигнешь покосившегося старого дома, где, на меринах <сидя>, чаши разносят (настолько велик двор – *перев.*), вот там они и сидят.

Когда Сосруко выглянул и увидел едущего пши Бадиноко, так он сказал:

– Этого, что едет сюда, я видел возле *Татартупа.* Это муж, разъезжающий в поисках пролития крови, *он суровости заступник, он всадник, не одалживающий ничего,* давайте его призовем к нам, а не то от него мы неприятностей не оберемся, – когда он так сказал, <нарты> вышли из дому и на руки приняли его с коня.

– Отведай чашу моего напитка, спляши долю моего танца, – сказав, хозяин того дома, Беслан Могучий подал ему чашу.

– Гостя напитком не испытывают, если хочешь меня испытать, вели привезти девять возов колючек, о Беслан Могучий, жесткобородый, своего брата погубивший кровный преступник, – ответил ему пши Бадиноко.

Беслан Могучий отправил <людей> в лес и велел привезти девять возов колючек. Пши Бадиноко надел *пару* своей *водной обуви* и истоптал девять возов колючек, затем дунул и все до одной развеял по ветру, сам же пошел, вернулся в дом.

Принесли бычий бок и накрыли (букв.: *вооружили, снарядили*) стол.

Пши Бадиноко вспрыгнул на стол, сплясал, и когда он спрыгнул, проломил дощатые половицы. Услышав его шум, молодежь во дворе завела: «*Ела-Ела, Елари цопий*». Это они подумали, что то – звук удара молнии. А когда молния ударяла, эту песню заводили.

Это все не понравилось пши Бадиноко, и он уехал, недовольный. Хозяин дома, Беслан, сказал так:

– Кто сможет его вернуть назад, за того я выдаю свою дочь, – так сказал.

Сосруко вскочил на своего Тхожея, догнал пши Бадиноко и занял место рядом с ним.

– Дарю тебе пару моей водной обуви, в которой я хожу по морю и граблю корабли, только поверни назад, – попросил Сосруко.

– Твою пару водной обуви пусть с тебя снимут, как трофеи, а я не искатель трофеев.

– <Зато> я искатель невесты, не дай мне ее упустить, – когда Сосруко так попросил…

– Что-ж, не дам упустить, – сказал пши Бадиноко и повернул назад.

– Бешеный пес возвращается, пусть уезжает, ради него разве я отдам свою дочь <за неугодного>! – сказал Беслан и отказался выдать свою дочь за Сосруко.

– Тогда, Сосруко, я возвращусь и все это селение мы *заставим пройти под сошкой.* Я женюсь на Фазахоч, а за тебя выдам ее дочь Акунду и оставлю тебя князем этого селения, – сказал так пши Бадиноко взял и уехал.

Вернулся он с компанией всадников и всех <непокорных> перебил. Беслана тоже убил, всех в селении побил, только Сатаней не тронул.

Сам пши Бадиноко взял себе в жены княгиню *Фазахоч,* Акунду же отдал Сосруко, оставил его владетелем того селения; и так они вдвоем стали жить породненными.

Рукописный вариант данной записи не сохранился; источник – второй экземпляр машинописного текста из папки, представленной З.П. Кардангушевым; в ней хранились вторые экземпляры утерянного чернового варианта издания нартских сказаний, которое, согласно сообщению самого фольклориста, начали готовить в 60-е гг., но работа была прекращена, а многие подготовленные материалы утеряны. Запись не сопровождена никакими сведениями о времени и месте записи, об исполнителе и собирателе. Текстологический анализ подтверждает, что запись не подверглась литературной обработке: язык и стиль изложения, особенности сюжетостроения свидетельствуют в пользу ее аутентичности.

Перевод на русский язык А. Гутова

В тексте контаминированы сюжет о первом выезде нарта Бадиноко (выезд, встреча с пастухом, затем Сатаней-гуашей, прибытие на хасу и состязания в плясках) и о сватовстве к дочери нартского старейшины (отказ старейшины выполнить данное слово, осада нартами-сотоварищами его крепости или селения, гибель самого героя или же его отступление на второй сюжетный план и женитьба нарта Сосруко).

Жан (*жан*) – здесь: *дорогая, уважаемая.*

Мафох-апший (*мафIохъу апщий*) – традиционная формула приветствия лица, находящегося вблизи огня (в доме – жещина-держательница огня, т.е. старшая в доме; вне дома – человек, сидящий у разведенного костра).

Татартуп (*Тэтэртуп*) – башня и часовня на правом берегу реки Терек, место поклонения у восточных адыгов.

Суровости заступник / Всадник, не одалживающий ничего… – перевод фрагмента условный; смысл выражения трудно передается прямому толкованию на ином языке, поскольку

здесь важную роль играет не только семантика, но также и звуковая организация текста (аллитерация, ассонанс, ритмика).

Водная обувь (*псы вакъэ*) – сочетание встречается только в данной записи сказания. Судя по контексту, это обувь, позволяющая свободно ходить по поверхности воды.

«***Ела-Ела…***» – начальное слово ритуальной хороводной песни, исполняемой у пораженного молнией.

«***…заставим пройти под сошкой***» – пройти под сошкой (подставкой для стрельбы из старинного ружья) означает здесь признать власть над собой (воины перед началом боевых действий или рещающей битвой проходили под сошкой в знак единения против общего врага; в этом случае ритуал означает принятие присяги).

Фазахоч (*ФэзэхъуэкI*) – буквальное значение слова – *меняющая внешность, облик, цвет*.

36. ПЩЫ БЭРДЫНОКЪУЭ И ХЪЫБАР
(*Пщы Бэрдынокъуэрэ Малчыпхъурэ*)

Малыч жаIэри зы лIыжь щыIэт. ЛIыжь-фызыжь, бын ямыIэу Малыч жыхуаIэ лIыжьым хъыджэбз цIыкIу къыхуалъхури, Малычыпхъу фIащащ. Малычыпхъум и щхьэ щIылъэныкъуэр дэпым хуэду плъыжьу, дыщэплъу; <адрей> лъэныкъуэр уэсым хуэду хужьу, дыщэхуу щытауэ жеIэ хъыбарым, и набдзи, къинэмыщIи.

Бэрдынокъуэ ягъунэгъут ар, пщы Бэрдынокъуэм. Пщы Бэрдынокъуэр зекIуэ кIуауэ къэту, Малычыпхъу цIыкIур кIуащ абы я дей, пщы Бэрдынокъуэ и фызым дей, и анэм игъакIуэри: «Шыгъу тIэкIу къэхь кIуэи», – жери. ЩIыхьэри – лIитI щIэст, пщы Бэрдынокъуэ и фызым дей – и дэлъхурэ и анэ дэлъхурэ. ЛIитIым щхьэкIэ хъыджэбз цIыкIур укIытэри, сэлам ярихри, блын джабэм кIэрыувэжри, щыкIэрыувэм, жиIащ пщы Бэрдынокъуэ и фызым:

– Къипхъ, дыпхъэнкIыжынщ! – жиIэри.

Ар щыжиIэм щыгъуэ, хъыджэбз цIыкIур псалъэри жиIащ:

– IэфIыр зыгъэдыджу дыджыр зыгъэIэфI тIэкIу, жиIэри сыкъигъэкIуащ нанэ, – жери.

Ар щыжиIэм щыгъуэ:

– Алыхь, уэ Iейр лIыншу улъхуэным! – къыжриIащ пщы Бэрдынокъуэ и фызым.

Ар щыжиIэм, хъыджэбз цIыкIур мо цIыху щIэсхэм щхьэкIэ укIытэри – сыт жиIынт! – къыщIэкIыжри къэкIуэжащ. КъэкIуэжри, мо лIитIыр дэкIыжри, <зэрыдэкIыжыр> зыригъэлъагъури, кIуэри жыриIащ абы, пщы Бэрдынокъуэ и фызым:

– ПсыхьэсыкIуауэ сыкъэкIуэжрэ пэткIэ, мыбыкIэ шу зыщыплI моуэ псым ныдэхьэжауэ кIуэрти, къэувыIэжауэ, сыкъэсыри: «Нарт пщащэуэ щауэфIкIэ зи цIэ ираIуэн, пщы Бэрдынокъуэ и унэр пщIыхурэ?» – жаIащ. – «СоцIыху, ди гъунэгъущ». – «НтIэ, абы и фызым тхужепIыжынуращ, – жаIащ: – Пщы Бэрдынокъуэ дыкъиIуэхуащ, хьэщIэ сигъусу сынэкIуэжынущи, кIыти хэмылъу, щIэлъи имыIыу

фадэ пІащІэ схуэпщІауэ сынырегъэхьэлІэж, – жери сыкъиІуэхуащ, – жыІи ар схужеІыж; думыгъэгъэзэж, дыкъыблэкІащи», – жари си пщэ къыралъхьащ, – жери, хъыджэбз цІыкІур кІуэри, жыриІащ абы, пщы Бэрдинокъуэм и фызым. – «КІыти хэмылъу, щІэлъи имыІыу фадэ пІащІэ схуэпщІауэ сынырегъэхьэлІэж, хьэщІэ сигъусу сынэкІуэнущи», – жери къиІуэхуам си пщэ къыралхьащи, си пщэ илъыр бжызоІыжри щІы! – жери.

– Ан-на, кІыти хэмылъу, щІэлъи имыІыу дунейм тет фадэ зыщІ? Псыращи, мо чеижьым изу псы искІэнщи, къырихьэлІэжынщ, хуейм, – жиІащ.

– СщІэркъым сэ, араш къызжиІари бжызоІыж. Уигу ирихьым щІы, – жери хъыджэбз цІыкІур къыщІэкІыжащ.

КъыщІэкІыжри… пщы Бэрдынокъуэр къэсыжащ. Фызыр бампІу: «Мыр мыхуэду щІыжиІа щІыкІэр лІо? Мыр мыхуэду – кІыти хэмылъу, щІэлъи имыІыу дунейм тет фадэ зыщІ?» – жери. Пщы Бэрдынокъуэ къыщІэхьэжри, и фызым <абы> зыриупсеящ:

– ЕІ, ауан сыкъэпщІу! Дэнэ щыІэ уи хьэщІэхэр? «КІыти хэмылъу, щІэлъи имыІыу фадэ пІащІэ пщІауэ сынырегъэхьэлІэж», – жыпІу, къысхуэпІуэхур лІо? Ахуэду зыщІ плъэгъуа уэ? Ауан сыкъыщІэпщІыр лІо? – жери.

– Хэт ар къыбжезыІар уэ? – жиІащ.

– Малычыпхъу къызжиІащ, – жиІащ. – «Мыхуэду сыкъаІуэхуащ», – жери. – «Си пщэ къыралъхьащи, «ДыкъыблэкІащи, думыгъэгъэзэж», – жари, шу зыщыплІ моуэ сыкъикІыжу сыхуэзэрикъызжаІащ», – жиІэри, Малычыпхъу къакІуэрикъызжиІыжащ, – жиІащ.

– ЕІ, Малычыпхъу аргуэру сэр гуэрыр Іуэху сыкъищІауэ ара, мыдей сигъэІэпхъуэну? Алыджхэ мыдей иригъэІэпхъуэкІащ абы! КІуэи къашэ мыдэ Малычыпхъу! Уэлэһий, сэ ар пэжрэ пщІырэ зэхэзгъэкІыным! – жери, игъакІуэри Малычыпхъур къыригъэшащ.

Къыригъашэри зызэхузэкІэщІишащ абы:

– Ныбэ узым ихьын, мыбдежым Алыджхэ Іупхуащ псалъэкІэ. Иджы дэр гуэрыр дыбгъэІэпхъуэну ара? Сытым щыгъуэ сэ ар щыжысІар? Ахуэду зыщІ щыІэ? ЛІо ахуэду щІыжыпІэр? – жиІащ.

– Ар щІызысІар сэ къызгуроІуэж, – жиІащ. – Ар зыжесІам хьэ къыгурымыІуарэ? – жиІащ. – Мыбы сэ сыкъэкІуащ, – жиІащ, – дянэм сыкъигъакІуэри: «КІуэи Бэрдынокъуэ, пщы Бэрдынокъуэ дей Бэрдынокъуэ и фызым, пщы Бэрдынокъуэ и фызым шыгъу тІэкІу къеІыхи къэхь», – жери сыкъигъэкІуати, хьэщІитІ щІэсу сыкъырихьэлІащ мыбы – езбы и дэлъхурэ и анэдэлъхурэ. Хьэщ-Іэхэм щхьэкІэ сыукІытэри, сэлам ясхри, моуэ сыкІэрыувэри, «Къипхъ, дыпхъэнкІыжынщ!» – щыжиІым, «ІэфІыр зыгъэдыджу, дыджыр зыгъэІэфІ тІэкІу», – жиІэри нанэ сыкъигъэкІуащ» – щыжысІэм, «Алыхь, уэ Іейр лІыншу улъхуэным!» – жери ар щыжиІэм, сыукІытэри сыщІэкІыжащ, – жиІащ. – АитІур дэзгъэкІыжри, сыкъакІуэри ар жесІащ, – жиІащ, – мыбы. Мыбы фадэ пІащІэ, кІыти хэмылъу, щІэлъи имыІыу ищІыфауэ щытамэ, сэри лІыншэу сылъхуэныр пэжт, – жиІащ. – ЛІыншу лъхуэ щыІэ? – жиІащ. – ЛІы имыІэу хэт лъхуэр? ЛІыншу лъхуэ щыІэ? Ар <щ>хьэ имыщІарэ? Ар ищІамэ, сэри сылъхуэнт. Мис араш ар щІыжысІар! – жиІащ.

– ЕI, мо сабийм къыбжиIар къыбгурымыIуу уэ ар жыпIу! – жиIэщ аби, <пщы Бэрдынокъуэм> и фызыр иригъэкIыжащ.

Пщы Бэрдынокъуэ и фызыр иригъэкIыжащ. Малычыпхъур къишэну хуежьащ.

– Хьэуэ, сыбдэкIуэнукъым сэ уэ. Сэ лIы сиIыщ. ЛIы и фыз трахыркъым. Сэ щхьэкIэ уи фызи йумыгъэкIыж, уи быни зеиншэу къыумыгъанэ. Уи фызыри уи унэ щIэгъэсыж, къэшэж. Сэ уэ сыбдэкIуэнукъым, – жери, <Бэрдынокъуэ> и фызыри къишэжащ.

Къишэжри, пщы Бэрдынокъуэ и фызыр къишэжщ аби, абы иужькIэ Бэрдынокъуэрэ, пщы Бэрдынокъуэрэ, и фызымрэ зэдэпсэуурэ лIэжауэ жиIэращ.

Абдежым пщы Бэрдынокъуэ и хъыбарым аращ жиIыр. Сэ къызэрызгурыIуар ахуэдущ.

СКАЗАНИЕ О ПШИ БАРДЫНОКО

(*Пши Бардыноко и Мальчипх*)

Жил-был один старик по имени Малыч. Старик и старуха бездетные. Старику, которого зовут Малычем, родили девочку и назвали Мальчипх. Половина головы Мальчипх, как угли, красная, цвета червонного золота; <другая> половина, как снег, белая, серебристого цвета была, говорится в сказании, и брови, и все остальное.

Они были соседями Бардыноко, пши Бардыноко. Во время, когда пши Бардыноко был в набеге, маленькая Мальчипх пошла к ним домой, к жене Бардыноко, так как ее послала мать: «Пойди принеси немного соли», – сказав. Вошла – двое мужчин сидело у жены Бардыноко – ее брат и дядя по матери. Постеснявшись двух мужчин, девочка поздоровалась и <молча,> стала к стенке... Когда она стала, жена пши Бардыноко сказала:

– Высыпай, подметем потом! (иносказание, означающее, что девочка все равно несмышленая, и ее глупости потом можно исправить – *перев.*) – сказав.

Когда она это сказала, девочка говорит, заговорив:

– «Немного того, что горчит сладкое и подслащивает горькое, принеси», – сказав, меня послала мама, – говорит.

Когда она это сказала:

– Ты, противненькая, без мужа родишь! – ответила жена пши Бардыноко.

Когда она это сказала, маленькая девочка, смутившись из-за присутствующих чужих людей – что ей оставалось делать! – вышла и вернулась домой. Она вернулась, а те двое мужчин ушли. Убедившись в том, что они вышли, <девочка снова> пошла и сказала ей, жене пши Бардыноко:

– Когда я пошла за водой и возвращалась, в эту сторону три-четыре всадника к реке подъезжали. Они остановились, а я подошла. «Нартская девушка, чье имя хорошим парнем будет отмечено, знаешь ли ты дом пши Бардыноко?» – спросили они. – «Знаю, это наши соседи». – «Тогда его жене вот что ты скажешь от нас, – сказали. – Пши Бардыноко нас прислал с такой вестью: «Я вернусь

с гостями, и поэтому без солода и без гущи, остающейся на дне, приготовь прозрачное вино к моему приезду», – вот это сказал и прислал меня. Скажи и это ей передай; не заставляй нас возвращаться, так как мы и без того изрядно ездили», – сказали они и поручили мне… Девочка пошла и сказала ей, жене князя Бардыноко: «Без солода и без гущи прозрачное вино приготовивши, встреть меня, так как я вернусь с гостями» – сказав, присланные им <гонцы> мне поручили, я выполняю это поручение, так что делай! – говорит.

– Есть ли в этом мире такая, которая умеет приготовить вино и без солода, и без гущи? Вода же это, вон в ту старую бочку воды налью, этим встречу, если хочет, – говорит.

– Я не знаю: это мне сказали, а я тебе передаю. Если тебе не нравится, делай, что нравится, – сказав, девочка вышла.

Она вышла, а тут пши Бардыноко вернулся. Жена гневается: «Почему он так сказал? Так разве – без солода и гущи – кто-нибудь готовит вино» – говоря. Князь Бардыноко зашел, а жена набросилась на него:

– Как, ты насмехаешься надо мной! Где твои гости? «Без солода и гущи прозрачное вино приготовив, встречай меня», – сказав, почему передал мне это? Ты видел, чтобы кто-то так делал? Почему насмехаешься надо мной? – говорит.

– Кто это тебе сказал? – говорит.

– Мальчипх сказала мне, – говорит. – «Мне так сообщили», – говоря. – «Мне поручили, «мы уже проехали, не заставляй нас возвращаться» – сказав, три-четыре всадника, которых я встретила, возвращаясь с водой, сказали мне», – сообщила она. Мальчипх, пришла и сказала мне, – говорит.

– А, Мальчипх теперь за меня <принялась>, чтобы выселить меня отсюда? Алиджевых она отсюда переселила! Пойди, приведи сюда Мальчипх! Уаллаги, я разберусь, правда это или ложь! – сказал он и послал, чтобы привели Мальчипх.

Когда ее привели, он возмутился:

– Чтоб ты сгинула от болезни живота, ты Алиджевых отсюда прогнала разговорами. Ты и нас хочешь выселить? Когда я такое говорил? – Разве есть делающий такое? Почему ты так сказала? – говорит.

– Почему я это сказала, я сама понимаю, – отвечает Мальчипх. – Почему это не поняла та, которой я это сказала? – говорит. – Я пришла сюда, – говорит, – так как наша мать меня прислала: «Пойди к Бардыноко<вым> и у его жены немного соли возьми и принеси», – сказав, прислала меня. Двух гостей встретила здесь, ее брата и дядю по матери. Смутившись из-за гостей, я поздоровалась с ними, сюда стала <в сторонке>, «высыпь, подметем», – когда она сказала, я ответила: «то, что сладкое горчит, горькое подслащивает», – сказав, наша мать меня прислала». Когда я так сказала… «Да ты, противенькая, без мужчины родишь!» – заявила она на это. Я смутилась и ушла, – говорит. – Подождала, пока эти двое ушли, потом пришла и это сказала ей, – говорит. – Если бы она прозрачное вино без солода и гущи смогла бы приготовить, то было бы правдой и то, что я смогу родить без мужчины, – сказа-

ла. – Без мужчины рожающие есть? – говорит, – Без мужчины кто рожает? Без мужчины рожающие есть? Почему она этого не сделала? Если бы она это сделала, я бы тоже родила. Вот почему я это сказала! – говорит.

– Как, ты говоришь, что не понимаешь того, что тебе этот ребенок сказал! – рассердился Бардыноко и развелся с женой. Решил жениться на Мальчипх.

– Нет, я не выйду за тебя. У меня есть муж [нареченный]. Жену у мужа не отнимают. Из-за меня и свою жену не прогоняй, и своих детей сиротами не оставляй. Свою жену держи в своем доме, верни ее. Я за тебя не выйду, – сказала она, и <Бардыноко> свою жену вернул.

Вернул пши Бардыноко, вернул свою жену. Рассказывают, что после этого пши Бардыноко и его жена жили вместе до самой смерти. Вот что говорится в сказании о пши Бардыноко. Я так понял.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663 – ф/6. Исп. Салих Маиров: 1904 г.р., с. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 27.09.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Ципинова.

Текст представляет собой единственную запись сказания о нарте Бадиноко (здесь – Бардыноко) и остроумной девочке Малечипх, которой в эпосе посвящен отдельный небольшой цикл. Иносказательные реплики Малечипх типичны для сказания о ней, но в данном тексте они удачно сочетаются с суровым рыцарским нравом героя и несообразительностью его жены, которая представлена как недостойная столь славного мужа.

37. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО КЪЫЗЭРИЩАГЪЭР

Шэбатныкъо шакIо кIогъагъэ чIыжъ горэм, лэучыцIэр бэу хэтэу. Ау щэпэрышэу кIозэ дышъэчэт горэ цIыраум хэтэуылъэгъугъ.

– Мыр слъэгъугъэ сэIоджи цIыфмэ ашIошъ хъунэп, шъыдэу гъэшIэгъон! – ыIоу еплъы щытызэ чэтэр пэблагъэу къыIухьагъ.

– Сеони сыукIын! – ыIуи, щабзэр къызештэм, чэтэр шыпэзэ къыкIэкIэлъэдагъ. Еонэу зытрещаем, лъэрычъэджэ ечъэжьагъ. Зечъажьэм – лъежьагъ. Лъежьи, лIышыор чэтым кIэмыхьэ хъуна, ыубытыным фэдэу кIахьэмэ, еIэбыхымэ чэтэр кIэкIэхъушъутызэ, къушъхьэ лъэпэ горэм рифылIи, чэтэр гъуанэм чIэхьажьыгъ.

– Непэрэ зымафэм зыужы ситыгъэ дышъэ чэтым рыкIуагъэр сымышIэу згъэзэнэп! – ыIуи, чIэхьагъ къушъхьэ лъэпэ гъуанэм.

Щабзэр гъонэIум къыIуилъхьи, ехи, кIогозэ лъэгъо горэм тетэу къушъхьэ чIэгъ мэзым хэхьагъ. Мэзэу зыхэхьагъэм ыгузыгу шъоф гъэхъунэ хъурае горэ иIэу, ащ унэ фыжьышко итэу ылъэгъугъ. КIуи унэм ихьагъ. Зехьэм пшъэшъэ дэхэ дэдэ горэ медэ-

рым хэсэу щысэу, дышъэчэтым Iэ щифэу, «непэ узымыгъэшкагъэу, мырэу узыгъэпшъыгъэр хэт?» ыIоу еупчIэу, чэтэр джалхэу ихьагъ.

– Сичэт зыгъэмыгупсэфыгъэу непэ къезыфэкIыгъэр орыщтын? – ыIуи къеупчIыгъ пшъашъэр Шэбатныкъом.

Шэбатныкъо лIы пхъашэти, «сэрэп» ыIуагъэп. «Сэры!» зеIом, пшъашъэр тэджи, къамыщ шIуцIэ горэ пылъагъэти, къыпихишъ, «шыбзы охъу!» ыIуи къеуагъ.

Шэбатныкъо шыбзы хъугъэ.

КIо, унэм итыныя шыр, къикIи гъэхъунэм шэхъогъу итыти, ащ ахэхьагъ.

КIым ахэти, гъатхэ хъуи хакIохэр атIупщыгъ. ХэкIопкIэхэкIуапкIэу шыхэр агощытыгъэх а зэманым. Агощыхи, шымэ анахь хэкIо бэлахьым ратыгъэ хэкIуапкIэмэ ащыщы хъугъэ, ыIуагъ.

ХакIоу къелъагъэр тхъоу тхыцIэщтыгъ, щытхъо тхыцIэтыгъ, ыIуагъ.

ЕтIанэ илъэсым хъуи лъфагъэ. ШыкIэ къылъфыгъ, шыбзым шыкIэ къылъфы хабзэти. А илъэсым шыкIэр ыпIуи, итIонэрэ илъэсми а хэкIо дэдэм хэкIуапкIэджэ IэкIафи, елъишъ ыгъэлъыхъожьыгъ.

ИтIонэрэ илъэсым лъфи шыкIэ къылъфыгъ, ыIуагъ. «Хъунэп мыр щыIакIэ, унэм сихьанышъ, мы хьабз удым сешъутырыни сыукIын!» ыIуи зехьэм, ышъутыIу зыфегъазэм, а къамыщ пакор къыпихи «хьэджэшъо хьабзы охъу!» ыIуи къеуи, хьэджэшъо хьабзы хъугъэ, ыIуагъ.

ИIоф нахь дэи хъугъэ.

– Ыпэу уцы схъутыгъ, ыдж шъыд сшкын? – ыIуи тхьаусыхагъэ, ыIуагъ. Шахъомэ хьэхэр ягъусагъэти, шы ныбгъэшъу афаукIытыгъ, ыIуагъ.

– Лыр сшкынэп! – ыIуи шъхьае, лIэ хъуи, – зызгъэлIэнэп, мы ашкырэр сшкын, – ыIуи, ыIупшIэ нимыгъэсэу шкэу ыублагъ. Лым хэблахьи дэгъоу, хьэмэ зэрашкырэм фэдэу ышкы хъуи, пщэрэу хъугъэ, ыIуагъ. Пщэрэу хъуи, хьэмэ сагъэлъыхъожьи хьажъуитIу къэслъфыгъ, ыIуагъ.

– Мы хьажъуитIумэ саухэу, хьэми садашкэу хъунэп! – ыIуи, хэгъэгоу къыздикIыгъэм къэкIожьыгъ, ыIуагъ. КъэкIожьи, мэлахъохэр хэгъошъхьаIум Iутэу къябгъукIуагъ, ащыщынаIоу.

КIэлэ анахь IушыIоу ахэтым: «Мы хьэджашъор одыIо нахь, хьэджэшъо дах!» ыIуи еджагъ. Хьэри, еджи зэрищалIи, алъмэкъым къырихи хьалыгъу тIэкIуи, лый ритыгъ. КIалэм мафэм кIыгъуи ядэжьы ыщагъ. ИпIэлъапэ гъолъыпIэ щыфишIи чэщым щылъыгъ.

Дэгъоу ыгъашкэу ыIыгъызэ пщэри хъугъэ. Пщэры хъуи, мэлахъо дакIоу, тхьакIумкIахьи, лэучэцIи ылъэгъурэм лъэубэкъу римыгъэдзэу къыубытэу хъугъэ. Тыгъужъэри ыубытымэ зэшIуиутэу, пчэнэри нэм къызщилъэгъурэм ымыгъакIоу хьэр цIэрыIоу, хьэ дэгъоу хъугъэ.

Гъэм ай тетэу кIыгъуи бжыхьэ хъугъэ

– Бжыхьэ пщагъом тыгъужъышко горэ къакIошъ симэлыхэр ехьы нахь, симэл бэгъот, ыIуи мэлахъор хьэм дэгущыIагъ, риIорэр зэхишIыкIэу ешIэти.

– Джырэ фэдэ бжыхьэ чэщым ящанэрэм тыгъужъышкор къакIошъ симэлыхэр ешкы, – ыIуагъ. – Сихьэджэшъожъ, симэ-

лыхэмэ ахэзымыгъэхъорэ тыгъужъэр амал хэлъымэ лIы, – ыIуи къыриIуагъ.

Чэты кIыбым орзапIэ ыхьи ыгъэIылъи, хьэр хигъэгъолъхьагъ. Щылъызэ, тыгъужъышкор къакIоу ылъэгъугъ хьэм. Ылъэгъуи, хьампIэIоу ежьыри тIысыгъэ, тыгъужъэри ыжэ зэкIэкъыгъэу Iыстыгъэ. «Сыфилъымэ ыжэ сыдэфэни сишкын», – ыIуи, егупшысэу Iыстыгъэ. ЕбгъукIо фэдэу, щыщтэ фэдэу зишIи, къызэигъэзэкIи ыубыти, тыгъужъэр ылIыгъ.

Хьэджашъор къэкIожьи игъолъыпIэ гъолъыжьи чэщым щылъыгъ. Пчэдыжьым кIэлэ мэлахъор къэтэджи, мэлыхэр дигъэкIыгъэх чэтым. Хьэр ыгу къэмыкIыжьэу мэлыхэр рифыжьи, чэупчъэм нэсыгъ кIалэр. «Сихьэ къыщысэнэ» ыIуи къыгъази зэкIом, ихьи щылъэу, тыгъужъыри щылъэу ылъэгъугъ.

– Сыхьэтмафэ сежьагъ, сихьэ тыгъужъэр ылIыгъ, – ы-уи, кIалэр ишкончыджэ уй, цIыфхэр къырищэлIагъ. Тыгъужъэр хьэм зэрэфэлIыгъэр агъэшIэгъуагъ. КIалэр гушIуагъэ «тыгъужъышкор щымыIэжьымэ, симэл бэ хъут!» ыIуи. Хьэри нахь ыгъашIоу, нахьышIу ылъэгъоу хъугъэ.

Зы мафэ горэм мэлахъо кIуагъэу шыу куп къыIукIи:

– Пщы горэм уихьэ хьафэу къысэт ыIуагъ! – аIуи къыраIуагъ.

– Мэфищ хьаф шъо шъоIо, тятэ къэтэджыжьынэу ыIуагъэджи цIыф естынэп! – ыIуи ытIупщыжьыгъэх.

КIожьыхи, «къытитыгъэп» раIуагъ пщым.

– Олахьэ, къыситыным! – ыIуи пщэр губжи, пщэрахь горэ гъусэ къышIи, къэкIуагъ.

– СикIалэ, мэфитIу хьафэу уихьэ къысэт, – ыIуагъ.

– Сыхьат хьафэу естынэу цIыф щыIэп, – ыIуагъ.

– Ау умыIо, къысэт, кIал, – ыIуи шъхьае, «остыхэтэп» зеIом, кIалэм къеуи къыриути, хьэр ыщи кIожьыгъэ.

Пщым шъао ыгъоты къэси, къызыхъугъэ апэрэ чэщищым тыгъужъ горэ къакIоти, кIалэр ыхьытыгъ. «Хьэм тыгъужъ еубыты» аIоу зэхихыгъэти, ары зыфищагъэр.

Чэщым унэм ращи, шъхьантэр агъэIылъи тырагъэгъолъхьагъ, ыIуагъ.

– Пщым шъаоу ыгъотырэр тыгъужъ горэм ехьышъ, емыгъахь, – аIуишъ кIалэр къахьи ыкIыбыджэ дагъэгъолъхьагъ.

Къэси, жьыбгъэм фэдэу къилъади, кушъэпсэр зэпиути, кIалэр рихи рихьэжьагъ. Сэ сыхъыягъэп. ЛIы горэ къихьи:

– Уихьай регъаф укъэзыщагъэми! – ыIуи бэщымджэ окIаеу къеуагъ.

Унэм ихъушъути, хьэхэр, цIыфыхэр зыдэчъэрэ лъэныкъомджэ ежьагъ, ыIуагъ. А пстэуми ашIокIи, тыгъужъым кIахьи ыубытыгъ, ыIуагъ. ЫлыцI ыубыти, кIалэр къычIыригъэдзыгъ, ыIуагъ. ЫгъэлIэнджэ зыфежьэм:

– СымыгъалI, Шэбатныкъу, зымэфэ ягъэ горэм сыпшъхьапэжьын, ори уегъэзыгъ, сэри сыегъэзыгъ, – къыриIуагъ ыIуагъ.

УкIыти, тыгъужъэр ытIупщыжьыгъ, ыIуагъ. КIалэм сыпэсы сыщысызэ, апэрэ шыор къэсыгъ. Макъэ ыгъэIуи, цIыфхэр нэси, кIалэр къахьыжьи:

– О уи-уиу, кIалэр къыщыригъэнагъ! – аIуи гушIуагъэх.

А мэфэ зы-тIущым егугъухэу агъэтхъагъ, ыIуагъ. Ащ ыуж къинагъэм агъэшкэжьыгъэп, оды дэхъуахьыгъ, ыIуагъ. (Пщым хьэр сыдэу шIошIын! – еIо ТIахьирэ).

ЫIгу кIоди:

– СыкIони мы хьабз удэу мыр къысэзышIагъэр себэныни зэIыстхъын! – ыIуи ежьагъ, ыIуагъ. Гъуанэу зэрэчIэхьэгъагъэм зыIохьэм, зы лIы къопцIэ Iэпшъабгъо горэ Iутэу IукIагъ, ыIуагъ.

– Ыхьыыдж, Шэбатныкъу, зы мэфэ ягъэ горэм сышшъхьапэжьын зыфэсIогъагъэр – неп, а узыдежьагъэр сэ сэшIэ шъхьае, узэрэкIорэ шIыкIэр кIуакIэ хъутэпышъ, сэ зэрэсIоу зекIо, – къыриIуагъ а лIы къуапцIэм.

КъыриIорэр ешIэ шъхьае, къэгущэIэн ылъэкIырэп. ГушIуи, ыцэ къыIуигъэпси, ыкIэ диупкIи еуцолIагъ, ыIуагъ.

– А пшъэшъэ шхъуахьышIэр зымафэм щаум екIышъ фэдэ мафэ нэс кIорэп, ар зыщыкIорэм зытегъафи, ихьи къамыщэр къыпыхи «сызэрэ-Шэбатныкъоу сыгъэхъужь» Iори цапэджэ зэожьи, узэрэщытыгъэу ухъужьыт, – ыIуагъ.

Пшъашъэр унэм зекIым, ихьи къамыщэр цапэджэ къыпихи, «сызэрэ-Шэбатныкъоу сыгъэхъужь» ыIуи зызэожьым, хъужьыгъэ.

Къамыщэр ыIыгъэу пчъэкъуахэм къотызэ пшъашъэр къихьажьи, къамыщэр пымылъэгъэжьы зэхъум, мэхи джэхашъом тефагъ, ыIуагъ. Iаби пшъашъэр къыгъэтэджи:

– О ужъалым шъхьае, сэ сыжъалымэп. ДэогъуитIу остыни язырэ сштэн зыфапIорэм уфит, – ыIуагъ. – Мы къамыщымджэ сыуаомэ, осIуалIэрэр къызэрэздэхъутэр ошIэба? – ыIуагъ. – Ар ошIэмэ, «къохъусэкIако охъу» сIони, устIупщыжьынымрэ шъузыджэ укъыздэкIони, хьалэлэу укъыскIыгъунымрэ яхадэ, – зыреIом, – шъузы сыпфэхъун, къо сымышI, – ыIуи елъэIуи, зэзэгъыгъэх.

ИтIани къырищажьи, къушъхьэ лъэпэ горэм шэщ горэ чIэтIыкIыгъэу иIэу къырищэлIагъ. IукIыбзэр Iуихи зехьэм, коу итым фэдэ ныбжьи ымылъэгъугъэу ыгъэшIэгъуагъ, ыIуагъ. А кум кIэтынэу шыкъэритIу итыгъ, ыIуагъ.

– Дышъэ-тыжьынэу сиIэри икъут, – ыIуагъ пшъашъэм.

ЗэкIэ ригъэлъагъуи:

– Ыдж тыкIожьын пIомэ, сэщ пае къэнэнэп, – къыриIуагъ.

– ТыкIожьыт, ау мы гъуанэм нэмыкI иIахэп, мы кортри, шыхэри, мылъкори шъыдэущтэу итщыт? – зыреIом:

– Ар Iофэп, ащ тызэрыкIожьын гъогу иI, – ыIуи, къушъхьэр ыбгъуитIуджэ Iуигъэчъи, гъогу занкIэ дахэ дэкIэу дунаем къыхигъэплъагъ.

ШитIоу къылъфыгъэмэ яшIугъо хъугъэти, зым ежь теIыстагъ, ыIуагъ, адырэр Iэдэжьэу ышIи, зэужэ – пшъашъэри, имылъкуи – къырищажьи къежьэжьыгъ. ХьэджэшъуитIоу къылъфыгъэри ягъус!

КъакIохэзэ ячIыгу гъунэ къэсыжьыгъэх, ыIуагъ.

Ащ зэужэ къыгъэуцуи, ежь ежьишъ Шэбатныкъо хэгъуашъхьэм Iухьагъ. Шэбатныкъо зыдэсыгъэ къоджэ хэгъуашъхьэм къужъае горэ Iутыти, мэлахъо горэ чIэсэу IукIагъ.

– Тэдрэ чылэ укъыдэкIрэ? – ыIуи еупчIыгъ.

– Саусырыкъо ичылэ сыкъыдэкIы, – ыIуагъ.

– Адэ лIыжъэу дэсымэ шъыд аIорэ? – зысэIом,

– Шэбатныкъо тимыIэжьэу Саусырыкъо тыкъызыфанэм тичылагъо кIодыгъэ, аIо, – ыIуагъ.

– Ащыгъум, сэ мэлымэ сапэтын, о кIори «Шэбатныкъо къэкIожьы» Iори яIу, – ыIуи ыгъэкIуагъ.

КIалэр чъэзэ Саусырыкъо хэгъуашъхьэм Iутэу къыпэгъокIи:

– Шъыды уечъэрэ, кIал? – зеIом,

– Зы лIышко горэ къужъаем чIэсыти, «Шэбатныкъо къэкIожьы, Iори яIу» ыIуагъэшъ, сэчъэ, – ыIуагъ.

– КIо, кIо, – ыIуи, Саусырыкъор пэгъочъи Шэбатныкъом,

– ШIуфэсыжь, Шэбатныкъу, сэуагъэ! – къыриIуагъ.

– Ахад, – зыреIом, шытхъо Iэдэжьэр ыштагъ, зы хьэджашъор ыштагъ. Джы ежь зытесэр ежь къылъфыгъэ Тхъожъыер ары.

КIалэм «Шэбатныкъо къэкIожьы» зеIом, иунэ цIырау жъужьыгъэти, аукъэбзи, нартхэр дэкIыгъэх. ЦIыфэу дэкIыгъэм ишы зырыз къаритыгъ.

Иунагъо ращэлIэжьи, унагъоу Iыстыжьыгъэ.

Хэтхэзэ:

– ШакIуэ тыдэгъэкI, Саусырыкъу, – ыIуи Шэбатныкъо, шэкIо гъусэджэ зэгохьагъэх. ШакIо зэдакIохэмэ, хьитIумэ ячъэри, шитIумэ ячъэри зэфэдэ, чIыпIэм рагъэкIырэп. Аузэ зы пхъэкIэхъу горэм къыхэкIыжьыхэзэ баджэ горэ алъэгъугъ. «Хьайт!» ыIуи хьэхэр ритIупщыгъ Саусырыкъо.

– ПшIагъэр шъыд, Саусырыкъу, шъофымэ хьэмэ аубытытгъагъэу мэзым хэбгъэхьажьыгъ, – ыIуагъ Шэбатныкъо.

– Ар пхэнджэу умылъэгъу, Шэбатныкъу, пчэдыжьы тыкъакIомэ, а баджэр тыубытыгъахэ, ау мы шыхэр улэугъэхи зэрагъэпсэф, шыжъымэ такъытеIыстхьэни тыкъэкIон, – ыIуагъ Саусырыкъо.

Пчэдыжьым Шэбатныкъо шыжъы горэм теIыстхьи екIугъ баджэр зыхэхьажьыгъэм.

И Тхъожъые тесэу, лъэразэу Саусырыкъо Iухьагъ. Щытхэзэ баджэр къыхэкIыжьы пэтэу алъэгъуи, шыуитIор лъежьагъ. Лъежьэхи шъхьае, Тхъожъыер чъэр, мыдырэр шыку шыжъыти, Саусырыкъо текIи, мэз къогъум баджэр къуигъэзыхьагъ.

Шэбатныкъо зынэсым, хьэмэ баджэр аубытыгъэу, бэджашъор Саусырыкъо тырихы пэтэу Iухьагъ:

– Тхьэм егъэпсэуи, баджэр шъумыгъэкIожьыгъэмэ! – ыIуагъ Шэбатныкъо.

– Шъыд уиIоф хэлъых, баджэр сэры зыубытыгъэр! – ыIуагъ Саусырыкъо.

– Мафэ къэси тызэгъусэ, дгъотырэр тимызэфэдэтымэ, ащыгъум шъыд пае тызэгъусэн, сэ сишы сытесыгъэмэ, ячъэ зэфэдэ, о сапэ ухъутгъагъэп, – ыIуи Шэбатныкъо, лIыжъитIор зэфэгубжыгъэх.

– Ар пIон пIуишъ ары «шыку шыжъымэ такъытегъэIыстхь» зыкIэпIуагъэр, къэрар уиIэп, – ыIуагъ Шэбатныкъо.

Зэщыхьагъэхэу, шакIо горэ джау зэрэзэщыхьагъэхэр зызэхехым, къакIуи бэджашъом теуцуагъ.

– Джы шъузыфэкIуагъэу слъэгъурэмджэ, шъуитIу язи мы бэджашъор естытэп, – ыIуи нарт шакIор[м – ?], ишконч къыщэий бэ-

джашъом теуцуагъ. – ШъуитIу язэу нахь шIагъо къызэхъулIагъэм къерэIуи естыт.

– Бэджашъор зыгъотымэ зышIоигъор Саусырыкъошъ, къерэIу, – ыIуагъ Шэбатныкъо.

– Шэбатныкъу, о къаIо, итIанэ сэ къэсIон, – ыIуагъ Саусырыкъо.

– Бэджашъом ибылымыгъэп, ау шъузэу къэсщагъэм шъэо цIыкIу горэу ыгъотыгъэм джэдыгу горэ фаухыгъэу пшъапIэджэ къысэнэцIыхэти, фэсхьын сIогъагъэ нахь, – ыIуи, джы мы къэбарэр къехъулIагъэу бэджашъом къыриIотылIагъ. (Сыхэукъуагъэ нахь мы чIыпIэм – шакIо зыщыдэкIыгъэхэр – ары къэбарыр къызыщезгъэжьэны фэягъэр. Ар зыщымыгъэгъупщэу зэгъэфэжь, сишъау, бэджашъом къыриIотылIэу, ар икъегъэжьэпIэн фае, амырымэ, хъутэп, – еIо къэбарыIуатэу Бэгъушъэ ТIахьирым).

– Саусырыкъу, къаIо о къыохъулIагъэр, – заIом, –

– Хьэджэшъо дэгъухэр сиIэу шакIо сыдэкIыгъ, – ыIуагъ Саусырыкъо. – ТхьакIумкIахь горэ къыхэзгъэхъушъути, сылъежьагъ. ТхьакIумкIахьэр есфыжьагъэу хьэмэ афызэ, агъэпшъи, «ар зыми кIожьынэп» сIозэ, гъэпсэфыгъэу лъэкъуиплI ытхыцIэджэ къыхэкIи, зызэпыригъази, кIиIэжьи, хьэмэ аIэкIэкIыжьыгъ.

Гум Iошъхьэ зэкъо горэ итыти, ечъалIи, ащ чIэлъэдагъ. Пхъэ горэ къасшти гъуанэм сипыджи шъхьай, нэсыгъэп. Пчъэ къыхэзгъэщи, Iуашъхьэм сызычIахьэм, жьабгъумджэ цIыф хьадэ къупшъхьэр етэкъулIагъэу, лъэныкъомджэ шы къупшъхьэхэр етэкъулIагъэу, азыфагу гъогу псыгъо кIахь икIэу зысэлъэгъум, «мыщ тхьакIумкIахьэр рычъагъэщтын» сIуи сызежьэм, – зеIом Саусырыкъо…

– ПцIы, пцIы, къэмыIу, бэджашъом уиIоф хэлъэп, – ыIуи, шакIом бэджашъор Шэбатныкъо рити, зэбгырыкIыжьыгъэх.

КАК НАРТ ШАБАТЫНЫКО ЖЕНИЛСЯ

Однажды нарт Шабатынико отправился на охоту в дальнюю местность, где много было кабанчиков. Едучи с оглядкой, он приметил в кустах одного <необычайного> фазана.

– Если я стану рассказывать, что я видел его, люди не поверят, какой он замечательный! – сказал он, и пока он стоял, любуясь, фазан подошел к нему близко.

– Возьму-ка я и подстрелю его! – решил он, и когда приготовил свой лук, фазан подбежал под самые ноги коня. Когда он [Шабатынико] прицелился, чтобы выстрелить, тот юркнул в сторону. Когда тот побежал, Шабатынико пустился следом за ним. Пустился он следом, а разве может так быть, чтобы конный не догнал фазана; но только он наклонится, чтобы наверняка поймать, а фазан повернет в сторону, вот так он гнал его до подножия одной горы. Здесь фазан юркнул в какую-то нору.

– Не вернусь домой, пока не узнаю всего связанного с фазаном, на которого я убил весь нынешний день! – решил он и вошел в ту нору у подножия горы.

Оставил он свой лук у входа, сам спустился вниз и, идя прямо по тропинке, вошел в подгорный лес. На опушке того леса он увидел круглую поляну, посреди которой стоял большой белый дом. Направился он прямо туда и вошел в дом. В доме, куда он вошел, он увидел очень красивую девушку, которая восседала на перинах, поглаживая рукой фазана и приговаривая: «Кто это сегодня гонялся за тобой, не давая тебе спокойно поесть?». Фазан же тяжело дышал.

– Наверно, это ты гонялся сегодня за моим фазаном, не давая передыху? – спросила девушка у Шабатыныко.

Шабатыныко был муж суровый, и он не сказал «Не я». Когда же он сказал: «Я», девушка поднялась, на стене висела одна черная плеть, она сняла ее и со словами: «Стань кобылицей!» стегнула <Шабатыныко>.

Шабатыныко превратился в кобылицу.

Ну разве коню место в доме – он вышел и присоединился к лошадям, которые паслись на лугу. То было зимой, наступила весна, и в табун кобылиц запустили жеребцов. В те времена лошадей разделяли на табуны по количеству жеребцов. Разделили так, и <Шабатыныко> попал в табун лучшего из жеребцов, *сказал*.

Жеребец, что попал на него, был серый с черной спиной, сказал.

На следующий год <Шабатыныко> ожеребился. Он родил жеребенка, как кобыла обычно рожает жеребенка. В тот год он растил своего жеребенка, затем на следующий год он снова попал в табун того же жеребца, тот опять сошелся с ним, и <он> снова зачал.

Через год он родил <еще одного> жеребенка, сказал. «Такая жизнь не пойдет, отправлюсь-ка я в дом, лягну эту суку-ведьму!» – решил он. Когда он вошел и повернулся к ней задом, <чтобы лягнуть ее, девушка> сняла ту самую короткую плеть и, сказав: «Будь борзой сукой!», стегнула его. <Шабатыныко> стал борзой сукой, сказал.

Дела его стали еще хуже.

– Раньше я хоть траву щипал, а теперь что я буду есть? – Забеспокоился он, сказал.

Табунщики держали при себе собак и забивали для них жеребят- двухлеток, сказал.

– Не стану есть <сырое> мясо, – решил, было, он, но когда стал помирать с голоду, – не стану себя губить, буду есть то, что другие едят, – решил он и начал есть так, чтобы губами не прикасаться к мясу. <Потом> он привык к <сырому> мясу, стал есть, как и все, и нагулял жир, сказал. Нагулял я жиру, *попал на собачью свадьбу*, и родил двух щенков, сказал.

– Эти два щенка меня высасывают, сам я с собаками питаюсь, так не пойдет! – решил он и возвратился на родину, откуда он и ушел в свое время, сказал. Возвратился он и боком, побаиваясь, приблизился к чабанам, что расположились в своем краю.

Тот из парней, что был поумнее, сказал: «Эта борзая просто проголодалась, а так она прекрасная борзая!». Он подозвал <собаку> к себе, достал из сумы немного хлеба и немного мяса и покормил. Парень весь день держал ее возле себя, а вечером повел

к себе домой. Он приготовил место возле своих ног, и <Шабатыныко> переночевал там.

Парень его хорошо содержал и <со временем> откормил. <Шабатыныко> поправился и стал ходить вместе <с хозяином> и на пастьбу, и на охоту. Стал он таким, что не упускал на пядь ни зайца, ни кабанчика. Стал он ловить и расправляться с волками, а диким козам не давал и шагу лишнего ступить, – такой хорошей и знаменитой собакой он стал.

Так прошло лето и настала осень.

– В осенний туман приходит один огромный волк и похищает моих овец, – сказал чабан, – а то бы мои овцы умножились, – сказав так, он заговорил с собакой, зная, что она понимает его слова.

– Вот в такую осеннюю ночь, в первые три ночи, приходит огромный волк и поедает моих овец, – сказал он. – Моя добрая борзая, если есть какая возможность, загуби волка, который не дает умножиться моим овцам, – сказав, попросил он.

Он отнес охапку соломы за овчарню и уложил туда собаку. Лежала собака, и увидела, как приближается огромный волк. Увидела его, сама присела на задние ноги, и волк тоже присел с разинутой пастью. «Если я нападу <открыто>, то прямиком попаду ему в пасть, и он меня съест», – подумала собака. Она притворилась, будто боится его, стала двигаться бочком, затем развернулась, схватила его и загрызла волка.

Борзая вернулась на свое место, улеглась и всю ночь там пролежала. Наутро парень-чабан встал, выпустил овец из овчарни. Позабыв про собаку, он погнал овец и гнал их до самого выхода. «Позову-ка свою собаку», – решил чабан и, когда повернул назад, он увидел и лежащую собаку и рядом с ней волка.

– Счастье мне привалило, моя собака загрызла волка! – сказав так, парень выстрелил из ружья и созвал людей. Те удивились тому, что собака одолела волка. А парень обрадовался тому, что теперь, когда большого волка нет, его овцы будут множиться. Собаку же он стал еще больше холить и больше любить.

Однажды, когда он вышел пасти овец, ему встретились всадники:

– Один князь просит одолжить ему твою собаку! – сказали они.

– Вы говорите «на три дня», но даже если мой умерший отец пообещает воскреснуть, я и на день никому не смогу дать ее! – ответил он.

Уехали они и сообщили своему князю: «Не дает».

– Олаха, даст! – сказал князь сердито и, взяв с собой одного прислужника, приехал к нему.

– Сын мой, одолжи мне твою собаку на два дня, – попросил он.

– Нет человека, которому я ее на час мог бы одолжить, – ответил тот.

– Не говори так, одолжи, парень, – просил князь, но когда тот не согласился, князь сбил его с ног, взял с собой собаку и возвратился к себе.

Всякий раз, как у князя рождалось дитя, в одну из первых трех ночей приходил волк и похищал его. Князь прослышал, что эта собака ловит волков, и вот поэтому он пришел за ней.

Ночью собаку ввели в дом, положили для нее подушку и уложили на нее, сказали:

– Дитя, которое рождается у князя, похищает волк, ты же не дай ему этого сделать, – сказали так и уложили ребенка за спиной у собаки.

Явился <в урочный час волк>, ворвался, словно порыв ветра, разорвал ремни люльки, вытащил ребенка и унес. Я же и не пошевелился. Вошел какой-то мужчина и…:

– Пусть наестся твоим дерьмом тот, кто тебя привел! – сказал он и больно ударил меня палкой.

Выскочила собака из дому и пустилась туда, куда неслись наперегонки собаки, люди, сказал. Обогнала она их всех, настигла волка и поймала его, сказал. Схватила она волка за больное место и вынудила бросить ребенка, сказал. Когда волк понял, что она его убъет…:

– Не губи меня, Шабатынук, в один ненастный день я тебе пригожусь, ты тоже подневольный, и я подневольный, – сказал он, сказал.

Пожалела она и отпустила волка, сказал. Сижу я рядом с младенцем, и вот подъезжает ко мне тот самый всадник. Он дал знак всем, люди прибежали и забрали младенца.

– Ого-го, она спасла ребенка! – обрадовались все.

В эти два-три дня собаку кормили, холили. А после того больше не кормили, и она снова похудела, сказал. (Какое дело князю до собаки! – смеется Тагир. – *Примечание собирателя*).

Всполошилась она:

– Пойду и разорву на куски ту суку-ведьму, которая со мной все это сотворила! – решил <Шабатыныко>, сказал.

Возле норы, к которой он подошел, он повстречал какого-то смуглого мужчину с широкими кистями, сказал.

– Ну вот, теперь, Шабатынук, тот ненастный день, в который я тебе обещал пригодиться, это сегодня. Хоть я и знаю, куда ты направляешься, но не знаю, чтобы то, как ты хочешь явиться, было бы верным. Поступай так, как я тебе скажу, – сказал тот смуглый мужчина.

Хоть он и понимает, что тот ему говорит, а сам ответить не может. Обрадовался он, оскалился, поджал хвост и стал рядом, сказал.

– Не бывает, чтобы эта девушка-колдунья не выходила из дому. Улучи время, когда она выйдет, войди в дом, сними плеть и стегни себя, держа ее в зубах, со словами: «Преврати меня в Шабатыныко, каким я был». Тогда ты снова станешь самим собой, – сказал.

Когда девушка вышла из дому, он вошел, зубами снял плеть, сказал: «Преврати меня в Шабатыныко, каким я был!», и когда он себя стегнул, он вновь стал самим собой.

Став за дверью с плетью в руке, он дождался возвращения девушки; увидев, что плети нет на месте, она потеряла сознание и упала на пол, сказал. Он протянул руку, поднял девушку:

– Пусть ты и жестокая, но я не такой жестокий. Дам тебе волю выбрать из двух, а ты сама назови одно из них, – сказал он. – Ты же знаешь, что с тобой станет то, что я скажу, ударив тебя этой

плетью? – сказал. – А если ты это знаешь, то выбирай: или я скажу «Стань кастрированным кабаном» и отпущу тебя, или обещай выйти за меня замуж и верно жить со мной.

Когда он так ей сказал, она попросила: «Буду тебе женой, только не превращай меня в кабана». На том и порешили.

Затем она повела его и привела к подножию горы, где была вырытая <под землей> конюшня. Отомкнула она замок, и когда они вошли внутрь, там стояла повозка, краше которой он в жизни не видел, и он подивился на это, сказал. Там же стояли два вороных коня, чтобы запрячь их в эту повозку.

– Того злата-серебра, что у меня есть, хватит <нам на всю жизнь>, – сказала девушка.

Она все ему показала и молвила:

– Теперь, если ты скажешь ехать, то за мной дело не станет.

– Поехали бы, но как мы вывезем в этот лаз и эту повозку, и коней, и добро, если нет другого выхода? – сказал <Шабатынук>.

– Это не трудное дело, есть путь, по которому мы можем выбраться, сказала <девушка>, раздвинула скалы в две стороны, и открылась красивая дорога, по которой был виден белый свет.

Два коня, что он родил, <будучи кобылицей>, были в силе, и на одного из них сел он сам, сказал, другого взял под уздцы и всё, что было, – девушку, ее добро – взял с собою и тронулся в путь. С ними были и те две борзые, <которых он родил, будучи борзой сукой>.

Ехали они и прибыли к границе своей земли, сказал.

Шабатыныко остановил всех, а сам поехал вперед и прибыл к самой границе края. У селения, в котором жил Шабатыныко, росло грушевое дерево, и он повстречал там одного чабана.

– Из какого ты селения выходишь <на пастьбу>? – спросил он.

– Из селения Саусырыко, – ответил тот.

– А что рассказывают старики, живущие там? – когда он так спросил…

– Они говорят, что когда у нас не стало Шабатыныко и мы остались на попечении Саусырыко, селение пришло в упадок, – ответил <чабан>.

– Если так, то я останусь возле овец, а ты пойди и оповести, что Шабатыныко возвращается, сказал он и отправил <чабана в селение>.

Парень побежал, а навстречу ему попался Саусырыко, стоявший на его пути.

– Что ты так бежишь, парень? – когда он спросил…

– Какой-то огромный мужчина сидит под грушевым деревом, он сказал мне: «Иди и сообщи, что Шабатыныко возвращается». Вот я и бегу.

– Иди, иди, – сказал Саусырыко, а сам пошел навстречу Шабатыныко:

– С возвращением, Шабатынук! – приветствовал он.

– *Выбирай,* когда сказал <Шабатынук>, он выбрал себе серого, что был на поводу, выбрал также одну борзую. Теперь<так>: сам он сидит на коне, которого сам же и родил, это Тхожие.

Когда парень сообщил, что возвращается Шабатыныко, подворье его было заросшим, и собрались <всем селением>, привели

все в порядок, затем вышли к нему навстречу. Каждому он подарил по одной лошади.

Проводили его в свой дом, и он зажил своим хозяйством.

Однажды:

– Поехали на охоту, Саусырук, – сказав, Шабатыныко позвал, и они объединились для охоты. На охоте обе борзые бегают одинаково, оба коня бегают одинаково, ни одна добыча от них не уходит. Однажды, выехав из какого-то лесочка, приметили они одну лисицу. «Хайт!» – сказал Саусырыко и пустил борзых.

– Что ты наделал, Саусырыко, Если бы она ближе вышла на поляну, собаки бы ее поймали, а ты ее упустил, – сказал Шабатыныко.

– Не заблуждайся, Шабатыныко, если мы завтра сюда приедем, лисица будет наша. Только наши лошади приустали, пусть они отдохнут, а мы пересядем на обычных коней, – ответил Саусырыко.

Наутро Шабатыныко сел на какого-то обыкновенного коня и приехал к месту, где скрылась лисица.

Саусырыко <тоже> явился – на своем резвящемся Тхожие. Ожидая, они увидели, как лисица выскочила, и пустились за ней. Пустились они, да вот только Тхожие резвый, а этот – обычный коняга, и Саусырыко обогнал его, затем загнал лисицу в ловушку.

Шабатыныко прибыл к месту, когда собаки уже поймали лисицу, и Саусырыко уже снимал с нее шкуру.

– Спасибо, что не упустили лисицу! – сказал Шабатыныко.

– А какое тебе дело до того, лисицу я поймал! – заявил в ответ ему Саусырыко.

– Мы каждый день охотимся вместе, если мы не будем делить добычу поровну, то зачем же тогда быть вместе? Если бы я сидел на своем коне, то – оба коня по резвости равные, – ты бы меня не опередил, – сказал Шабатыныко, и тут два мужа повздорили. – Чтобы вот это сегодня мне сказать, ты и предложил вчера пересесть на обычных коней, нет у тебя чести, – добавил Шабатыныко.

Повздорили они, и их ссору услышал один охотник; он пришел, стал одной ногой на лисью шкуру:

– Теперь, как я понял, я эту лисью шкуру не уступлю ни одному из вас, – заявил он и, направив дуло своего ружья, поставил ногу на лисью шкуру. – С кем из вас случилось более удивительное, пусть тот расскажет, вот ему я отдам ее.

– Больше лисьей шкуры домогается Саусырыко, пусть он и начинает, – предложил Шабатыныко.

– Шабатынук, ты говори, потом я скажу, – сказал Саусырыко.

– Лисья шкура не богатство, но женщина, на которой я женился, обрела мальчика, ему сшили шубу, а на меня надеялись, что я к ней добуду воротник; вот для этого я и хотел заполучить шкуру, – начал Шабатыныко и рассказал возле той лисьей шкуры всё, что с ним произошло. (Тут я ошибся, а так надо было начинать с того, как они отправились на охоту. Ты не забудь, сын мой, это исправить: началом должно быть то, как он рассказывает это возле лисьей шкуры, и – так говорит рассказчик, Тагир Боус. – *Примечание собирателя*).

– Саусырыко, расскажи, что с тобой произошло, – когда так сказали…

– <Однажды> я вышел на охоту с прекрасными борзыми, – начал Саусырыко. – Выгнал я одного зайца и погнал его. Погнал я зайца, гонятся за ним собаки, и они уже утомили его. И когда я решил, что он уже никуда не денется, из его спины выросли четыре свежие ноги, он перекувыркнулся, побежал и ушел от собак.

На поляне стоял одинокий холм, он [заяц] подбежал к нему и скрылся в нем. Я взял какую-то палку, но как ни тыкался, не смог достать зайца. Я расковырял дверь, и когда вошел <в подземелье>, то увидел по одну сторону человеческие кости, по другую сторону лошадиные кости, а посередине длинную дорогу. «По ней, видно, и пробежал заяц», – решил я и направился… – когда Саусырыко так начал…

– Ложь, ложь, не рассказывай дальше, до лисьей шкуры тебе дела нет [лисья шкура не твоя], – сказал охотник, вручил ее Шабатыныку, и на том они разошлись.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7, Т. III, с. 148–155. Исп. Тагир Богус: а. Ассоколай Адыгеи; бжедуг. Сведения о дате рождения исполнителя не указаны. Зап. 03.11.1940 г.. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

«***…сказал***» – употребление данного глагола без выраженного указания на субъект говорения характерно для повествовательного стиля адыгского фольклора. Однако в данном случае оно имеет прямую связь с тем, что рассказчиком истории с метаморфозами (рамочная композиция) должен быть сам герой (см. предыдущий вариант сказания).

«***…попал на собачью свадьбу***» – перевод смысловой, он не соответствует дословному значению слов в тексте оригинала.

«***Выбирай!***» – у охотников был строго соблюдавшийся обычай – одаривать частью добычи любого встречного. Помимо того, наездники, имеющие подвластных, были обязаны делиться своей добычей со всеми жителями своего села – поэтому герой одаривает всех, кто вышел к нему навстречу, давая «каждому по одному коню».

38. НАРТ ПЩЫ БЭДЭНОКЪУЭ И ХЪЫБАР

Бэдэнокъуэр фочауэ Іэзэт, зэуэм щэмыуэхъуу щэкІуэрейт. Зы махуэ гуэрым щэкІуэну дэкІауэ, жэщ хъуху къикІухьри зыри къимыукІауэ къэкІуэжрэ пэткІэ, зы тхьэкІумэкІыхь хужь цІыкІу къыхэлъэтри, еуэри, тхьэкІумэкІыхьыр джэлащ. «КъэзукІащ», – жиІэри, шым епсыхри, и фочыр уанэ къуапэм фІидзэри фІигъэжыну екІуэлІащ. ЗэрекІуалІэу,

тхьэкIумэкIыхьыр щылъэтри, щIэпхъуэри ежьэжащ. Пщы Бэдэнокъуэри иш тетIысхьэжри, и ужь иувэри щIэпхъуащ: езыри жэм, тхьэкIумэкIыхьри жэуэрэ, жэщ хъури, тхьэкIумэкIыхьыр фIэкIуэдыжащ. Къигъэзэжри – гъуэгур ицIыхужакъым, зыдигъэзэнур имыщIэу губгъуэм къинащ. Ауэ щыту зиплъыхьри, жыжьэу зы къуажэ гуэр къилъагъури, тридзэри абы кIуащ. Къуажэм дыхьэри зыгъэхьэщIэн щхьэкIэ куэдрэ къикIухьауэ, зыщIыпIэ дыхьэри джэри, зы лIы фейцей, и Iэ лъэныкъуэри пымытыжу къыщIэкIри, фIэхъус къырихри, «Еблагъэ, зи хьэщIэгъуэ тхуэмыгъуэт», – жиIэри иригъэблэгъащ.

Шхын къыхуищтэри – Пщы Бэдэнокъуэр шхакъым, гъуэлъыжри – жеякъым, нэху щыху, мыжейуэ хэлъащ. Пщэдджыжь гуэрым шхын къыхуащтэри – шхакъым.

Пщы Бэдэнокъуэр къыщIэкIыжыну къэтэджыжащ. И бысымыр къэтэджри, и къамэ пылъыр къыпихри, къырихри бжэм и деж уващ, «ДызэрымыукIауэ ущIэзгъэкIыжынкъым», – жиIэри.

Пщы Бэдэнокъуэр еупщIащ:

– Сыт къэхъуар, уэсщIар? – жиIэри.

Бысымым:

– КъызжыIэ, сыт ущIэмышхар, ущIэмыжеяр, ди шхыныр зумыпэсу ара? – жиIэри <>…

– АтIэ, абы щхьэкIэ сумыукI, уи къамэри илъхьэж, зыпылъами пылъэж, тIысыжи бжесIэнщ, – жиIэри игъэтIысыжащ. Къыригъажьэри жыриIащ: – Сэ сы-Пщы Бэдэнокъуэщ, сыфочауэ Iэзэщ, сызэуэм сыфIэкIкъым. Дыгъуасэ жэщ хъухукIэ губгъуэм ситри, зыри сымылъэгъуауэ сыкIуэжрэ пэткIэ, зы тхьэкIумэкIыхь хужь цIыкIу къыхэлъэтри, сеуэри – джэлащ, фIэзгъэжыну сыщекIуалIэм, щылъэтри ежьэжащ. Абы и ужь сиувэри схууэрэ, жэщ хъури, сфIэкIуэдыжащ. «Абы сыщеуам, щхьэ сыуэщхъуа?» – жызоIэри, сызэгуэпри сышхакъым, сыжеякъым, – жиIащ.

– Абы щхьэкIэ щхьэ узэгуэпрэ? – жиIащ бысымым. – Сэ абы нэхърэ нэхъ бэлыхь къысщыщIащи, итIаникI сошхэри, сожейри, – жиIащ. – Дэ нарту зэшибл дыхъут, блыри дыщакIуэт. Зэгуэрым зэхэтхащ, зы щIыпIэ гуэрым хьэкIэкхъуэкIэ щыкуэду, ауэ цIыху кIуэну дзыхь ямыщIу, бзаджэнаджэ щыкуэдщ, жаIэри.

Зэшиблыр дызэрыгъэгушхуэри, «ДывгъакIуэ», – жытIэри дежьащ, дыкIуэну. ДыкIуэурэ, зы къуэшхуэ, и лъэныкъуитIымкIи бгыуэ, дыдыхьащ. Абы дыдэту дехыурэ, зы иныжь мэкъу еуэу хэту дырихьэлIащ, и натIэгум нэ закъуэ ису, шэмэдж иIыгъым и кIым и кIыхьагъыр метырих хъууэ, и шэмэджыщхьэм и кIыхьагъыр метыритху хъууэ.

– Шхошх апщий! – жытIэри дыбгъэдыхьащ.

– Упсэу апщий, феблагъэ, фэри пщыхьэщхьэ Iудз фыхъунщ, – жиIащ иныжьым. – ФынакIуэ пщыIэмкIи мафIэ фщIы, лэгъупыр къаф<щ>ти псы къэфхь, пыфлъи къэвгъавэ, мэлым фыхыхьи, нэхъ пшэру щы къэвубыди, фIэвгъэжи, хэфлъхьи вгъавэ, сэри, жэщ хъум, сынэкIуэжынщи, тшхынщ, – жиIащ.

Деблэгъащ. Пхъэ къута щыIэтэкъыми, «Пхъэ ткъутэнщ», – жытIэри – джыдэр къытхуэIэтакъым. «Псы къэтхьынщ», –

жытIэри – лэгъупыр къытхуэгъэхъеякъым. «Мэлыр фIэдгъэжынщи хьэзыр тщIынщ», – жытIэри, мэлыр къэдубыдыну дыкIуэри, ш[ч]этым и бжэм абырэмывэ Iулъти, тхуэгъэхъеякъым. Ауэрэ, езыр къэсыжащ. Зыри тхузыфIэмыкIауэ щилъагъум, гуфIащ. Дыкъиубыдхэри, мэлыр зыщIэт чэтым дихьри, мэлым дыхидзэри абырэмывэр Iуигъэ<у>кIуриежащ.

Езым мафIэ ищIри, лэгъупыр фIидзэри, фIыуэ къэва иужькIэ, къакIуэри, дэ тщыщу плIы ихьыри, лэгъупым хилъхьэри, игъавэри ишхащ. ЗигъэнщIатэкъыми, аргуэру къакIуэри, дэ тщыщ тIу гуэрыр ихьыри, арикI игъавэри, ишхыри, зигъэукIуриижыри жеящ. Сэ зи закъуэу къэнар сыгузавэу сыщытурэ, нэхущ нэблэгъауэ, къэзгупсысащ, зы баш кIыхь супэмцIу иныжьым и нэр исщIыну. Башыр згъэхьэзырри, мэлыр зыщIэтыр иныжьыр зыщIэлъым пытти, щхьэгъубжэмкIэ башыр дэзгъэжыри, и нэм хуэзгъазэри, сыщIэуэри и нэр исщIащ. Езыр къыщылъэтыри, чэтым къыщIыхьэри къиIэбэрэбыхьа щхьэкIэ, зезгъэгъуэтакъым. Сыщимыгъуэтым, мэлхэр къиIэбэрэбыхьурэ зырызурэ чэтым щIигъэкIыу щIидзащ. «Мэлыр иухым сыкъигъуэтынущ», – жысIэри нэхъри сыгузавэу щIэздзащ. Гузэвэгъуэм къыхэкIыу, къэзгупсысащ, ажэ ин гуэр яхэтти, абы и пщэм си Iэр есшэкIыу, и ныбэгум си лъакъуэр щIэлъу, сыкъыщIэкIыну.

А къызэрызгупсысам хуэдэу, ажэм зыкъыщIезгъэхащ. Ибжыныр иухыри сыщимыгъуэтым, жиIащ: «А, бетэмал, ажэм ирезгъэхщ, ажэр быдэу къэсIэбэрыбыхьын хуеящ», – жиIэри.

Иныжьым жиIащ:

– Уи насып къыстекIуащ, мэ, мы дыщэ Iэлъыныри уэ узот, сэ сыхуеижкъым, – жиIэри, и Iэхъуамбэ<м> Iэрылъ Iэлъыныр къызыIэрихыри къысхуидзащ.

Къасщтэри, си Iэхъуамбэхэм хуэхъутэкъыми, си Iэпщэм фIэслъхьащ. ЗэрыфIэслъхьэу, вууэ щIидзащ Iэлъыным. Къисхыжыну сыхуежьэри, сыт сымыщIами, къысхуихыжакъым. А Iэлъыным и ву макъымкIэ иныжьым сыкъырихуэкI хъуащ. «Сыкъеубыд!» – жысIэри сыкъигъэгузавэ щыхъум, джыдэ щылъыр къасщтэри, сеуэри, си Iэпщэр пызупщIыжыри, Iэлъыныри си Iэ пызупщIам дэщIыгъуу абы и дежым къанэри, абыкIэ иныжьым сыIэщIэкIащ.

Нарт Пщы Бэдэнокъуэм жиIащ:

– А иныжьым и щхьэр къыпхуэсхьым, пщIыхужын? – жиIэри.

– СцIыхужынт, – жиIащ.

– АтIэ, ар къэсхьырэ сыкъэкIуэжым, сыт нэхъ табууэ къысхуэпщIэнт? – жыриIащ.

– Си пхъум нэхъ дахэ нартхэм япхъухэм яхэткъыми, ар уэстынт.

Тридзэри Пщы Бэдынокъуэр кIуащ. Иныжьыр мэкъу еуэу ирихьэлIэри:

– Шхошх апщий, бзаджэжь! – жиIэри бгъэдыхьащ.

– Упсэу апщий, еблагъэ, уэри пщыхьэщхьэшхэ ухъунщ. Еблагъэ пщыIэмкIи мафIэ щIы, пщафIэ, мэлхэм ящыщу нэхъ ину, нэхъ пшэру щы укIи гъавэ, сэри пщыхьэщхьэ хъум сынэкIуэжынщи, дышхэнщ, – жиIащ.

Пщы Бэдынокъуэр пщыIэм кIуащ, мэлищыри иукIыри игъэвауэ хьэзыр хъууэ щыту, иныжьыр къэкIуэжащ. Хуабжьу

и жагъуэ хъуащ, <хьэщIэр> зэрыпщэфIар, «Къару хэлъщ, къыстекIуэнкIэ хъунущ», – жиIэри.

– Дыгъашхэ! – жиIэри иныжьыр Iэнэм бгъэдэтIысхьащ.

Пщы Бэдынокъуэм идакъым:

– Уэри пщафIэ-шхэж, сэ супщэфIар уэзгъэшхынукъым, – жиIэри.

Иныжьри тэджыри, кIуэри, мэл минищым щысхьри, нэхъ уэд дыдэу щы къиубыдри, игъавэри ишхащ. Абы хуэдэурэ, махуэ къэскIэ мэлих яукIыу, иныжьым мэл уэдищ ишхыу, Пщы Бэдынокъуэ мэл пшэрищ ишхыурэ, мэл минищыр яухащ.

ИтIанэ Пщы Бэдынокъуэ жиIащ:

– ХэтIэ-хэсэ дыгъэджэгу, – жиIэри.

Иныжьыр шынапэурэ:

– КъакIуэ, – жиIащ.

Иныжьыр хитIэри – и лъэгуажьэ къэгъэшыпIэм нэскIэ хитIащ. Къыхэпщыжри, Пщы Бэдынокъуэр хитIэри – и лъэтхьэпэр щIыригъэнэфа къудейщ. Иныжьыр хитIэри – и бгырыпхыпIэм нигъэсащ. Пщы Бэдынокъуэр хитIэри – и лъэгуажьэм нигъэсыфа къудейщ. Иныжьыр хитIэри – и пщэм нигъэсащ.

– КъеIэт, – жиIэри, иныжьыр къеIэри – къыхэкIыжыфакъым.

Пщы Бэдынокъуэм и шыр хьэзырт, илъэскIэ щытауэ, фIыуэ шхауэ. Уанэр тырилъхьэщ, шэсыри, фIыуэ игъэджэгури, и сэшхуэр къырихыри, и шым фIыуэ еуэри, иныжьым бгъэдэлъадэри, еуэри, и щхьэр пиупщIыри Пщы Бэдынокъуэр щIэпхъуащ. Иныжьым и щхьэ пиупщIар шум и ужь иувэри, кIэлъыщIэпхъуэри куэдырэ къырихуэкIауэ, щхьэр къыкIэрыхужащ. Пщы Бэдынокъуэм къигъазэри, шым зэрытесу сэшхуэпэкIэ еIэбыхри, иныжьым и щхьэр дырихьейри, шым кIэрипхэри, ихьыри кIуэжащ, и бысымым и деж. ЗдэкIуэжар гуфIащ, IэплIэ къыришэкIащ. И фызым еджэри жыриIащ:

– Мы щхьэр хьыи, гъави къысхуэхьыж, – жиIэри.

Ихьри, игъавэри, къыхуихьыжыри, къанэ щымыIэу ишхащ.

Ипхъури къыритыри къиутIыпщыжащ нарт Пщы Бэдэнокъуэр.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ПШИ БАДАНОКО

Пши Баданоко был искусным стрелком, не промахивающимся никогда, он любил охотиться. Однажды он выехал на охоту, до вечера ездил и ничего не подстрелил и, увидав на обратном пути одного беленького зайчика. выстрелил в него, и зайчик упал. Подстрелил, решил он, сошел с коня, повесил свое ружье на луку седла и подошел, чтобы зарезать. Как только он подошел, заяц вскочил, убежал и был таков. Пши Бадиноко тоже вскочил на своего коня и понесся за ним. И он бежит, и заяц бежит – так в беготне, свечерело, и заяц исчез. Повернул<Пши Баданоко> назад, но дороги не нашел, так он и остался в чистом поле, не зная, куда повернуть. Стоя на месте, он огляделся и увидел вдали какое-то селение и направился туда. Въехал он в селение и после того, как долго ездил в поисках того, кто бы его приютил, он въехал *в чей-то двор*. Клик-

нул хозяина, и к нему вышел один невзрачный мужчина с одной рукой, приветствовал его и принял со словами «Будь гостем, кого мы видеть своим гостем отчаялись».

Подали еду, но Пши Баданоко не стал есть, легли спать, но он не заснул – до утра провалялся, не засыпая. Наутро снова подали еду, но он не стал есть. Пши Баданоко встал, чтобы уйти. Его *бысым* <тоже> встал, снял со стены висевший кинжал, обнажил его и стал у двери, заявив, что не выпустит его, пока они один не убъет другого.

Пши Баданоко спросил:

– Что случилось, что я тебе дурного сделал?

Гость…:

– Скажи мне, почему ты не ел, не спал, неужто ты пренебрег нашим хлебом-солью (букв.: *нашей пищей*)? – так он сказал.

– Ну, из-за этого и меня не убивай, и кинжал свой спрячь и повесь туда, где он висел. Садись, и я тебе все расскажу, – сказал так <Пши Баданоко> и успокоил (букв.: *усадил*) бысыма. – Я – Пши Баданоко, отменный стрелок, не промахивающийся при стрельбе по цели. Вчера я, до вечера пробродив в поле и ничего не заприметив, возвращался домой, когда выскочил один беленький зайчик; я выстрелил и он упал, а когда я подошел, чтобы зарезать его, он вскочил и был таков. Я погнался за ним, гонялся до вечера, пока не потерял его совсем. Почему я промахнулся, когда выстрелил в него – вот это меня гложет, и поэтому я не ел, не спал, – так он рассказал.

– Что же ты из-за этого так раздражаешься! – сказал бысым. – Со мной случилось более серьезное, но все равно я и ем, и сплю, – заявил он.

…Нас было семеро братьев, и все семеро мы были охотники. Однажды мы прослышали, что в какой-то местности полно дичи (букв.: *зверей*), только люди не решаются туда ходить, потому что там много нечисти.

Семеро братьев, мы раззадорились, сказали «пошли» и отправились, чтобы поехать туда. Ехали мы, и оказались в каком-то большом ущелье, у которого по краям скалы. Спускались мы по нему вниз, и встретились с одним иныжем, который косил сено: на лбу у него одинокий глаз, ручка его косы длиной в шесть метров, сама коса длиной в пять метров.

– *Шхоших апший*! – сказав, мы подошли к нему.

– *Упсо апший*, будьте гостями, вы хотя бы *на коротание вечера* сгодитесь, – ответил он. Иныж сказал: – Пойдите к стану и разведите огонь, возьмите <медный> котел и принесите воды, поставьте на огонь и вскипятите, пойдите к овцам, поймайте трех пожирнее, зарежьте, положите в <котел> и сварите. Я тоже к вечеру вернусь, и мы это съедим.

Мы пошли в гости. Наколотых дров не было, мы решили наколоть дрова, но не смогли поднять топор. Решили принести воды, но не смогли пошевелить котел. Мы решили зарезать овец и приготовить и отправились ловить овец, но вход в овчарню был завален абра-камнем, мы его с места не смогли сдвинуть. Со временем он и сам возвратился. Увидев, что мы ничего не смогли сделать, он

обрадовался. Он поймал нас всех, отнес в овчарню, побросал нас туда и завалил абра-камнем <вход>.

Сам же он развел огонь, поставил на него котел, и когда <вода> хорошо закипела, потом пришел, отнес четверых из нас, погрузил туда, сварил и съел. Он не наелся, поэтому снова пришел, взял еще двоих, их тоже сварил, съел, повалился и заснул. Я, единственный оставшийся, переживал, переживал и ближе к рассвету придумал: заострить одну длинную палку и выколоть иныжу глаз. Я приготовил палку, а так как помещение, где были овцы, было смежным с помещением, где спал иныж, я просунул палку через окно, примерился в его глаз, ткнул и выколол глаз. Он вскочил, вошел в овчарню, но сколько ни ощупывал, я ему не попался. Когда так он не смог меня найти, он начал ощупывать каждую овцу и выпускать по одной. «Когда овцы закончатся, он поймает меня», – стал я бояться. Страх заставил меня придумать: там был один крупный козел, так вот, обвить руками его шею, под брюхо закрепиться ногами и так выбраться.

Как я придумал, так большой козел меня и вытащил. Когда <иныж> закончил перебирать (букв.: *пересчитывать*) и когда он не обнаружил меня, он сказал: «Жаль, я упустил его с козлом, надо было понадежнее ощупать козла». <Потом> иныж сказал:

– Ты оказался удачливее меня (букв.: *твое счастье победило меня*), на, отдаю тебе и это золотое кольцо, мне оно больше не нужно, – сказал так, снял со своего пальца кольцо и бросил мне.

Я поднял его, но так как оно не подходило ни к одному из моих пальцев, я надел его на руку. Как только надел, оно начало звенеть, это кольцо. Хотел я его снять, но что бы я ни делал, снять его я уже не смог. Начал иныж гоняться за мной по звуку этого кольца. Когда я уже стал бояться, что он меня вот-вот схватит, там, рядом, лежал топор, я схватил его и отрубил себе руку, и отрубленная рука вместе с кольцом осталась там, и вот так я ушел от иныжа.

Вот это рассказал ему [нарту Пши Бадиноко] бысым.

Нарт Пши Бадиноко спросил:

– Если я принесу тебе голову того иныжа, ты ее узнаешь?

– Узнал бы, – ответил <тот>.

– А если я принесу ее тебе, что самого лучшего ты мне сделаешь? – спросил <Пши Бадиноко>.

– Среди дочерей нартов нет прекраснее моей дочери – ее бы я за тебя выдал.

Собрался Пши Бадиноко и отправился <в путь>. Встретил он иныжа косящим сено.

– *Шхоих апший*, старый мерзавец, – сказал он и приблизился.

– *Упсо апший*, будь гостем, ты тоже достанешься на ужин. Проходи к стану, разведи огонь, приготовь еду, зарежь из овец трех побольше и пожирнее и свари, к вечеру и я вернусь, и мы поужинаем, – сказал иныж.

Пши Бадиноко отправился к стану, зарезал трех овец и сварил их, всё приготовил к возвращению иныжа. И очень не понравилось иныжу, что <Пши Бадиноко> все сделал: «Силен и может меня одолеть», – подумал он.

– Давай есть, – сказал иныж и сел за стол.

Пши Бадиноко на это не согласился:

– Сам приготовь – сам ешь. Того, что я приготовил, тебе не дам, – сказал он.

Иныж тоже пошел, поймал из трех тысяч своих овец трех самых тощих – потому что он пожадничал – сварил и поел. Вот так, каждый день забивая по шесть овец, – иныж съедал трех худых, а Пши Бадиноко трех жирных, – они покончили с тремя тысячами овец.

Потом Пши Бадиноко предложил:

– Давай поиграем в *хатэ-хасэ*, – так сказал.

Иныж робко молвил:

– Давай…

<Поднял Пши Бадиноко> иныжа и вогнал его в землю по коленные сгибы. Вылез тот и вогнал Пши Бадиноко только по щиколотки. Поднял он иныжа и вогнал его по пояс. Иныж поднял и только по колени смог вогнать Пши Бадиноко. <Пши Бадиноко> вогнал иныжа и по самую шею.

Конь у Пши Бадиноко был наготове, год он застаивался, отъедался. Оседлал его <нарт>, вскочил на него, дал ему порезвиться, обнажил свою саблю, стегнул своего коня, подскочил к иныжу, снес ему голову и понесся Пши Бадиноко прочь. Отрубленная голова иныжа покатилась следом за иныжем и после того, как долго гонялась за ним, она отстала от него. Пши Бадиноко повернулся, на скаку поддел концом сабли голову иныжа, пристегнул к седлу и с тем уехал, вернулся к своему бысыму. Тот, к кому он возвратился, обрадовался этому, обнял его. Позвал бысым свою жену и приказал:

– Отнеси эту голову, свари и принеси мне обратно.

Она отнесла, сварила и принесла, и он всё без остатка съел.

Он выдал свою дочь за нарта Пши Бадиноко и проводил его домой.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-д. Пасп. № 12. Исп. Аслангерий Кушхабиев: 1863 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.03.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский язык А. Гутова.

В основе сказания т. н. полифемовский мотив, популярный в адыгском архаическом эпосе, как и в фольклоре ряда соседних народов. В частности, в нартском эпосе данный мотив выступает сюжетообразующим и в других циклах. Примечательна творческая контаминация его с другим распространенным мотивом – о поисках героем человека, с которым произошло еще более удивительное. Он также представлен как в волшебных и богатырских сказках адыгов, так и в героическом эпосе. Третий мотив – это богатырское состязание героя с великаном-иныжем: вначале соперники испытывают друг друга в еде; затем следует поединок *хатэ-хасэ*, завершающийся победой героя, которому удается избежать

гибели и от головы противника. Наименее выражены, но все же представлены мотивы кровной мести (герой помогает слабому отомстить великану) и героического сватовства, которое выполняет функцию развязки действия.

…чей-то двор – здесь и в других случаях, когда фрагмент выделен в тексте курсивом, перевод условный.

Бысым (*бысым*) – хозяин, принимающий гостя.

Шхошх апши (*Шхошх апщий*) – формула приветствия, адресованная сидящему за трапезой или же человеку, который занят работой, связанной с пропитанием.

Упсо апши (*Упсэу апщий*) – стандартная формула ответа на приветствие.

Хатэ-хасэ (*хэтIэ-хэсэ*) – богатырская забава (поединок), в которой победитель вправе снять голову побежденного.

39. НАРТ ХЪЫЖЬЭ И ХЪЫБАРЫЖЬЫР

Нарт Хъыжьэ и хъыбарыр зэрыщытыращ: Хъыжьэ и лэжьыгъэу щытащ, еуэрэ, ежьэрэ илъэскIэ, илъэс ныкъуэкIэ къикIухьу – мис ахуэду щытащ. Ар зыфIэкIа нэужь, къекIуэлIэжрэ, къилэжьаIамэ къихьрэ къэкIуэжу – мис ахуэду Хъыжьэ ар и псэукIэу щытащ.

Апхуэду екIуэкIыурэ, и фызыр иныжьыпхъут, а иныжьыпхъур лъэщыджэшхуэ хъуауэ, Хъыжьэр ежьауэ къикIухьт. Хъыжьэр къемыкIуэлIэжурэ, иныжьыпхъур лъхуэри щIалэ къилъхуащ. «Хъыжьэ къуэ къыхуалъхуащ!» – жаIэри цIыхухэри хуэгуфIащ, цIыхухэрикI зэхуэсащ. Еуэри, екIуэкIыурэ, Хъыжьэр илъэскIэ къэтащ, къэмыкIуэжу.

ЩIалэм щхьэкIэ:

– ЦIэ фIэщын хуейщ, – жари щыжаIэм…

– Iэу, и адэр щымыIэу дауэ цIэ фIэтщын?! – жари ядакъым.

Нартым я нэхъыжьыр Насрэн ЖьакIэ жыхуаIэрати, Насрэн ЖьакIэ:

– И адэр щымыIэу цIэ фIэтщ хъунукъым, – жиIэщ аби, цIэншэу щIалэ цIыкIур къэнауэ псэууэ арат.

КъэмыкIуэж хъуащ Хъыжьэр. Щыхъумэ, жиIащ, и фызыр иныжьыпхъути:

– Хъыжьэ и шыр уанэгу нэщIу къэкIуэжащ, езым и хъыбар тщIэркъым, – жери.

– Iэу, а жыхуэпIэр нэхъыкIэщ! – жари, нартхэр зэхуэсри унафэ ящIащ:

– Хъыжьэ хуэдэлI, уэлэhий, ауэ кIуэд мыхъун! Фежьи фылъыхъуэ! – жари, Насрэн ЖьакIэм унафэ ищIри, нарт шууищэ зырагъэпэщщ аби, ежьэри илъэскIэ лъыхъуащ.

Илъэсым и хъыбар зыми къыхуамыгъуэту нарт шууищэр къекIуэлIэжри:

– Сыт хъыбар? – жари щыщIэупщIэм...

– Дунейм и хъыбар щыIэкъым, и кIуэдыпIэр дгъуэтыркъым.

– Ахуэду къанэ хъункъым, – жари унафэ ящIащ.

Илъэскlэ зыIуплъщ аргуэруи, къэмыкIуэж хъуащ.

– ЩIалэ цIыкIум цIэ фIэдывгъэщ, цIэншэу щыт хъункъым, – жари...

– И адэр къемыкIуэлIэжу дауэ фIэтщын?! – жари, аргуэру ямыдэу, я шууищэр зырагъэпэщри лъыхъуакIуэ ирагъэжьащ.

Я шууищэр къекIуэлIэжщ етIуанэуи, илъэскlэ къэтауи, ягъуэтакъым, и хъыбари зэхахакъым.

– Дгъуэтыркъым, и хъыбари зэхэтхыркъым, – жари къэкIуэжахэм а хъыбарыр къыщахьым…

– АтIэ, мыхуэду щIалэ цIыкIур цIэншэу игъащIэкIи щыдгъэт хъункъым, цIэ фIэщын хуейщ, – жаIэщ аби, унафэ ящIщ нартхэми, Хъыжьэ и къуэ Шужьей, жари щIалэ цIыкIум цIэ фIащащ.

Шужьейр псэуурэ бетэмалу нарт лIы къэхъури кIэн джэгухэм яхэхьащ, абыхэм ядэджэгуу. Псоми я кIэну хъуари къафIихь хъуащ. Аурэ, щIалэри и ныбжьэгъу цIыкIухэм яжьыхэуэрэ ириуду, хэт адкIэ щIихуэу, хэт мыдкIэ щIихуэхэу – ахуэду-щэ, хьэлэч яхилъхьэ хъуащ. И анэм дей къакIуэри хуэтхьэусыхащ цIыхухэр:

– Уи къуэр гъэущий, гъэIущ, мыхуэду щумыгъэт, хьэлэч къытхелъхьэ, ешхыдэ, – жыраIащ.

– Хъунщ, – жери, и анэр иныжьыпхъут, жыриIащ, зыришалIэри: – Си щIалэ, щыгъэт, уи адэр зэран хъууэ щытакъым, уи адэр цIыхум сэбэп яхуэхъуу щытащ. Мыхуэду ущымыт, мы цIыхухэр умыгъэтхьэусыхэ, уи ныбжьэгъу щIалэ цIыкIухэм Iисраф яхыумылъхьэ.

АрщхьэкIэ Шужьейр мыбыяуу и ныбжьэгъухэм ядэджэгуурэ хьэлэч яхилъхьэ хъуащ. И ныбжьэгъу зыгуэрым удын бэлыхь иридзати, къеуэну, езым къыхуещIэнIауэ къару иIэтэкъым, щымыхъум, къыжриIаращ абы:

– Щыгъэт, Шужьей, умыпсалъэ, уэ хуэдэкъым псалъэр! Уэ хьейм уи адэр дэнэ щыкIуэдам пщIэркъым, дэ ди адэр дэнэ щыкIуэдами дощIэ. Уэ хуэдэ псалъэ хъунукъым, уэ хуэдэ зэран хъунукъым, – жери и ныбжьэгъу щIалэ цIыкIу гуэр къещащ.

Шужьейри зыщIэгупсысыри: «Уэлэhий, пэжым мыбы къызжиIар! Си адэр лIами тщIэркъым, яукIами тщIэркъым, зыдэкIуар дэнэми тщIэркъым. Пэжщ мыбы къызжиIар!» – жери. КъэкIуэжри и анэм жыриIащ:

– Дянэ!

– ЛIо?

– Адэ сиIэу щытакъэ сэ? – жери.

– Щытащ. Уи адэм хуэдэ мы къуажэм дэсакъым, – къыжыриIащ. – Хэкум щыщIэрыIуэу щытащ.

– НтIэ, дэнэ кIуа?

– Мыхуэду-мыхуэду зекIуэ ежьэу къикIухьурэ щытащ, зекIуэ ежьати къекIуэлIэжакъым, и шыр уанэгу нэщIу къэкIуэжауэ щIыунэм щIэтщ, согъашхэри, – жиIащ.

– АтIэ, дянэ, алъандэрэ <щ>хьэ къызжумыIарэ сэ ар? Алъандэрэ схузыфIэмыкIамикI, сэ зылI ищIэфынур сщIэну сыхъуащ. Гъуэмылэ схуэщI, уэлэhэ, си адэр псэум псэуу е лIам лIау сэ ар къэзмыгъуэтыжауэ мыбы сыкъемыкIуэлIэн! – жери псалъэ быдэ жыриIащ Шужьей <и анэм>.

– АтIэ, аращ зэрыхъуар, – жери, и анэм нэгъуэщI ищIэтэкъым хъыбар. – АтIэ, си щIалэ, – жиIащ, – уежьэнум, гъуэмылэрикI хьэзырщ, – жиIащ. – Уи адэм къыщIэна шыр пщIэгъуалэщ, – жиIащ. – ПщIэгъуалэм и уанэрикI, псори щыIэщ, – жиIащ. – А уи адэм къыщIэна шым шэси а уи адэм къыщикIухьу щыта щIыпIэхэм уихьынщ, – жиIащ. – Ауэ а шыр езыр зытет гъуэгум къэпIуантIу къыдэбгъэхыу нэгъуэщI гъуэгу утемыувэ, – жиIащ. – А шыр зытет гъуэгумкIэ гъакIуэ, – жери и анэм унафэу къыхуищIаращ.

– Хъунщ, – жери шым шэсщ Щужьеи, и адэм и лъыхъуакIуэ ежьащ.

Аурэ а гъуэгум тету кIуэуэ шы пщIэгъуалэр иутIыпщауэ, а гъуэгум тету щхьэхьу кIуэу: «Мы шыр зытетыр гъуэгу нэпцI хуэдэщ, сыщигъауу къыщIэкIынщ», – жери щIалэм ар игу къэкI щхьэкIэ, и анэм унафэ къыхуищIати, гъуэгум тету кIуэрт. А гъуэгур кIуэурэ, куэдрэ кIуа, мащIэрэ кIуа, гъуэгу зытетыр нэхъ гъуэгу нэпцIу, мы лъэныкъуэмкIэ кIуэ гъуэгур пкIау – ахуэду къыщыхъуащ Шужьейм. «Уэлэhий, мы шыр щыуу арам, гъуэгур мыращ», – жери, къиIуантIэщ пщIэгъуалэри, теуващ ар гъуэгу нэхъыфIщ жыхуиIэм езыр. Теувэри кIуэурэ, мэзым хэхьэщ гъуэгури кIуэдыжащ. «Iа бетэмал, уэлэhий, мы шым ищIэтэм мы гъуэгур! Гъуэгур кIуэдыжащ, – жери... – Иджы, абы нэс сымыгъэзэжу моуэ занщIэу кIуэцIырыздзынщ мы мэзымкIи а гъуэгу и занщIэу сыкIуэцIырыкIыжынщи сытеувэжынщ», – жери, хэхьэщ абыи – банэу, чыцэу, Iуву укIуэцIырыкIынкIэ Iэмал имыIэу – апхуэду мэз, чыцэ хъуащ. АрщхьэкIэ мо илъэс-илъэситкIэ шхэуэ щыта шым кIуэцIыритхъащ зыщIыпIэкIэ. ХэкIри, гъуэгум теувэжри, <Шужьей> епсыхщ, и шым еплъыри, мо пщIэгъуалэр банэм къыритхъауэ лъыр дэндейкIи къежэхт. «Уэлэhий, лей есхам мы шым», – жери, мылыф сыт къищтэщ, ахэр иIуантIэщ-къиIуантIэри шыр игъэкъэбзэжащ, зыпилъэщIыхьыжащ Шужьейм. ЗыпилъэщIыхьыжщ аби, шэсыжри, гъуэгум теувэжри, кIуэурэ, я бзэгур къилэлу хьэ самыритI моуэ япэмкIэ блэжащ, жеIэ. «Уэлэhий, мы хьитIым зы гузэвэгъуэ гуэр яIэм. Мэ!» – жиIэ щхьэкIэ, къыхуагъэзакъым хьитIым. «Ярэбий, блэкIауэ пIэрэ хьэмэ къыблэкIыжу пIэрэ?» – жиIащ, фIэкIа зэхуаку имыIыу, хьэ самыритIым я жьэхэм тхьэмпэ жьдэлъу, удз жьдэлъхэу кIэщIу къагъэзэжауэ къыблэжыжырт, жеIэ. «Уэлэhий, мы хьитIым зы Iуэху гуэр яIым!» – жери, хьитIым яужьым къиувэри къакIуурэ, зы Iуащхьэ цIыкIу гуэрым нарт Бэдинокъуэ жыхуаIыр телът, жеIэ, уIэгъэ хъуауэ. А хьитIым абы и хущхъуэ къахьу къэкIуэжауэ арат, жеIэ.

Бгъэдэхьэщ Шужьеи:

– IуэхуфIохъу апщий! – жери щыбгъэдыхьэм...

– Упсэу апщий! Уи Iуэху фIы икIуэ, Хъыжьэ и къуэ Шужьей! – жиIащ, жеIэ.

«Iау, игъащIэм губгъуэм сыкъихьакъым, мыбы Хъыжьэ сызэрикъуэри, си цIэр зэры-Шужьейри дэнэ къыщищIа?» – жери:

– Сэ игъащIэм губгъуэм сыкъихьакъым, услъэгъуакъым, сыкъэплъагъужакъым, сэ Хъыжьэ сызэрикъуэри, сызэры-Шужьейри дэнэ къыщыпщIэрэ, – жиIащ – уэ?

– Мы шы узытесымкIэ сощIэ, – жиIащ. – Мис мыр Хъыжьэ ишщ, – жиIащ. – «Хъыжьэ и къуэ Шужьей жари, Шужьей къежьэнущ», – жаIати, мы шымкIэ укъэсцIыхуащ, – жиIащ.

– АтIэ, мыдей <щ>хьэ утес?

– СыщIытесыращ, мис а чынтыдзэм сезауурэ уIэгъэ сыкъэхъуащ, – жиIащ.

– АтIэ, а чынтыдзэр сэ сызыхуейуэ сымыгъуэтыращи, уэлэhий, сэ пхуэзгъэгъущыным ар! – жиIащ Шужьей.

– Хьэуэ, Шужьей, умыпIащIэ! Сэ уэ укъыздэIэпыкъуну щытмэ, мы хьитIым къахьа удзхэр, мы си уIэгъэр гъэкъабзи, къытелъхьэ, – жиIащ. – Си уIэгъэр абы игъэхъужынущ.

– Хъунщ, – жери зыкъригъэлъэтэхщ Шужьеи, Бэдинокъуэ и уIэгъэхэр игъэкъэбзащ, тхьэмпэ къахьахэри мыхуэду (IэгукIэ иупIэпI хуэдэ и Iэхэр зэтрегъауэ Хьэмырзэ) игъэхуалурэ трилъхьэурэ, Шужьей <Бэдинокъуэ и> уIэгъэр игъэкIыжащ. Шужьейкъэ-тIэ Бэдинокъуэ и уIэгъэр...

Бэдинокъуэм жиIащ:

– Шужьей, уэ зыщIыпIэ укIуу къыщIэкIынщи, гъуэгу махуэ! Сэ чынтыдзэм я дей сезэуэну сыкIуэжынущ, – жери.

– Iау, – жиIащ, – уэ укъэзгъану сэ гъуэгу сытеуву сежьэжын! – жиIащ Шужьей. – Ар хъункъым, сэри сынэкIуэнщ, – жиIащ.

– НтIэ, насыпыфIэ ухъу, накIуэ! – жери, зэбгъурыувэри, еуэри, ежьэжащ.

– Чынтыдзэр мис мораш, мыбдей щопсэу, – жери...

– АтIэ, Бэдинокъуэ, – жиIащ, – уэ моуэ наплъэ, сэ хуит сыхуэщIи сегъэзауэ, – жиIащ.

– Хьэуэ, уэ ущIалэщ, Шужьей, – жиIащ. – НакIуэ, тIури дыдэхьэнщи, сэ мыбыкIэ къысхуэгъэзар есхьэкIынщ, – жиIащ Бэдинокъуэ, – уэ мы лъэныкъуэмкIэ къыпхуэгъэзар епхьэкIынщ, – жиIащ.

– Захуэщ, – жаIэри, а зэрыкIуэм хуэду дэхьэри, чынтыдзэр тIууэ зэпаудри, Бэдинокъуэ къыхуэгъэзари ирихьэкIащ, Шужьей къыхуэгъэзари ирихьэкIащ. ТIури зэлъэIэсыжри я щхьэ уву цIыху къагъэнакъым. Я шы-уанэ зэтелъу хъуар къызэщIакъуэри, еуэри, яхури ежьэжащ.

ИтIанэ:

– Сэ си гъуэгу сытеувэжынщ, – жери Шужьей къыщыжыриIым...

– Шужьей, умыпIащIэ, сэ уи адэм сыхуэзауэ сызэрыщытар, уи адэм и хъыбар тIэкIухэри бжесIынщ, – жиIащ <Бэдинокъуэ>.

– АтIэ, алъандэрэ <щ>хьэ сыщыбгъэта, ар къызжумыIэу, сэ сызылъыхъуэр аращ, – жиIащ мобы.

– УмыпIащIэ, – жиIащ, – мы чынтыдзэм къапытхар лъэныкъуэ едгъэзынщ, ди дейкIэ декIуэлIэнщ тIурикIи, тIэкIуи зыдгъэпсэхунщи, итIанэ бжесIынщ, – жиIащ, – хъыбарыр.

– НакIуэ-тIэ!

Еуэри, Бэдинокъуэ дейкIэ, шыу<э> къахуар лъэныкъуэ ирагъэзри, Бэдинокъуэ дей щеблэгъащ Шужьей.

ЖэщкIэ щыIа, жэщиткIэ щыIа – Шужьейм жиIащ:

– Бэдинокъуэ, къызжепIынуIам къызжеIэ, хъыбару, – жери.

– Шужьей, умыпIащIэ, жысIакъэ, умыпIащIэ, – жиIащ.

Арти, быяури, етIуанэ жэщри кIуащ, ещанэ жэщри кIуащ.

– Шужьей, Хъыжьэ и хъыбару сэ бжесIынуращ, – жиIащ. – Хъыжьэ дэрэ зекIуэ дыздежьат, – жиIащ. – ЗекIуэ дыздежьати, шыбз зыбжанэ къызэщIэткъуауэ къэтхурт, – жиIащ. – Къэтхути, сэ сышуупэу, Хъыжьэ шуукIэу шыр къэтхуу дыкъэкIуэжырт, – жиIащ. – ДыкъыздэкIуэжым, ди гупэмкIэ зы шу цIыкIу къакIуэу япэу сэ къыскхуэзащ, – жиIащ, – сэ сышуупэти. Къэсщ шу цIыкIури: «ГъуэгуфIыж апщий, Бэдинокъуэ!» – къызжиIащ, жиIащ. – «Упсэу апщий! Уи Iуэху фIы икIуэ!» – жесIащ, жиIащ, – шу цIыкIум. «Хъер Тхьэм пхуищI, Бэдинокъуэ!» – къызжиIащ, жиIащ. – «Тхьэразы къыпхухъу! Хэдэ!» – жесIащ, жиIащ, – шу цIыкIум. «Берчэт бесын!» – жери, зблэкIри ежьэжащ, – жиIащ. – ШымкIэ сеплъэкIыурэ, зысплъыхьурэ, Хъыжьэ дей нэсри: «Ей, гъуэгуфIыж апщий, Хъыжьэ!» – жиIащ, жиIащ. – «Упсэу апщий! Еблагъэ, щIалэфI!» – жиIащ, жиIащ, – Хъыжьэм. «Хъер Тхьэм пхуищI, Хъыжьэ, къэпхухэри!» – къыжриIащ, жиIащ, – абыикI. «Тхьэразы къыпхухъу, щIалэфI! Хэдэ! – жиIащ, жиIащ. – «Алыхьым хъер пхуищI, сэ сыдакIуэкъым», – жери, зигъэдыхьэшх ныкъуэри блэкIащ, – жиIащ. – Зыкъигъазэри, зий дауэ хъуам сымыщIэу, къыжьэхэлъадэщ Хъыжьэми, и пыIэр щхьэричыри ирихьэжьащ, – жиIащ. – Хъыжьэр еплъэкIыу, плъэмэ – и пыIэр ехь, – жиIащ, – щIалэм. «Iа, пэжу ихьыпэну пIэрэ мыр?» – жери щыIэщIэхьэу зэрыхуежьэу, зыкъигъазэщ щIалэми, дыхьэшхыу къыбгъэдэлъэдащ, – жиIащ. – Дэхьэшхыу къыбгъэдэлъадэри, моуэ ищIщ аби, Хъыжьэр и пыIэр къыщхьэритIэгъэжащ, – жиIащ. – Арати, Хъыжьэри хуэбэлэрыгъа хуэду хъуа, <щIалэр> къауэщ аби, шым къытыричщ Хъыжьэри, шыплIэм дигъэтIысхьэщ, лъэрыгъэпсыфэм щIидзри, ирихьэжьэри ежьэжащ, – жиIащ. – ПщIэгъуалэр занщIу къыщIэпхъуэщ аби, шым къыхэлъадэри, шым къэсыри къысхуемыгъазу хэцIэфтщ аби, нэкIуэжащ, – жиIащ. – Шыбз къэсхур абдежым зэтезгъэувыIэщ аби, сыкIэлъыщIэпхъуащ, – жиIащ, – а шум. СыкIэлъыщIэпхъуэри, hайдэ, и шы лъэужьыр схуурэ, мы къурш плъагъум исхуащ, – жиIащ. – Мы къурш япэ узыхуэзэр зыпиупщIри, къуаем дэхьэжащ, – жиIащ. – А къуаем и лъэужьыр зесхуурэ, етIуанэ къуршыр зыпиупщIащ, – жиIащ. – ЕтIуанэ къуаем дэхьэри, псышхуэ ежэхти, шы лъэужьыр а псым хэхьэжащ, – жиIащ. – Псым сыхэхьэри, адкIэ шы лъэужь хэту къысхуэгъуэтыжакъым, – жиIащ. – Сыт сщIэнт? СыкъикIыжри, псым зэрыхэхьа лъэужьым дей зэметкIэ тесщIащ, – жиIащ. – ДяпэкIэ къигъазэм, лъэужь къытехьэм, къэзгъуэтынщ, жысIэри. ЗэметкIэ тесщIэщ аби, сыкъэкIуэжри, си шыри губгъуэм зырыз-тIурытIу ихьэжауэ итти, зыхуэсхусыжри, схури сыкIуэжащ, – жиIащ. – Ар лъэныкъуэ езгъэзщ аби, сыкIуэщ а псым деи – зэметкIэри хъеятэкъым, – жиIащ, – шы лъэужьри иIыт, – жиIащ. – «Зэ къикIынкъэ мыр мыбыкIэ», – жысIэри пщыIэ IусщIыхьщ абдеи, илъэскIэ сыIусащ, – жиIащ, – псы Iуфэм. А шум и лъэужь къикIыжауикI, езыр дунейм къытехьауи згъуэтыжакъым, – жиIащ. – Хъыжьэм мис ар и кIуэдыкIыу кIуэдащ, – жери Шужьейм къыжыриIащ.

– ЕI, Бэдинокъуэ-тIэ, – жиIащ, – уэ си адэр уэ бгъэкIуэда пэтрэ, – жиIащ, – сэ согъэлъыхъуэри! – жиIащ.

– Шужьей, – жиIащ, – сэ жысIэм уфIэмыкIыну тхьэ къысхуэпIуэмэ, а уи адэр псэуу дунейм тетым, къэдгъуэтынщ,– жиIащ.

Сыт ищIэнт – увыри Шужьей тхьэ иIуащ:

– Уэ жыпIэр тIу сымыщIын, сыфIэмыкIын! – жери.

Еуэщ аби, фIыуэ зызэрагъэпэщ аби, еуэри, ежьащ. А къуршитIыр зэпачри, а псы Iуфэм нэсри – Бэдинокъуэ зэметкIэ игъэувар мыхъеяуэ щытт, шум и лъэужьри иIыт. Шур, псым хэхьэжар, абыкIэ икIыжат.

– Мы псым адкIэ сикIа нэужь, лъэужь къысхуэгъуэтыжакъым, – жиIащ <Бэдинокъуэ>.

– АтIэ, Бэдинокъуэ, уэ гугъу уехьащ. Сэ мы лъэужьым сыкъыщытебгъэувакIэ, сэ сикIынщ а псыми, сэ ар къэзгъуэтынщ, – жиIащ Шужьейм.

– Хьэуэ, умыпIащIэ! Сэ жысIэм уфIэмыкIыну тхьэ къысхуэпIуащи, сэ япэ ситу сикIынщ, – жиIащ, – а псым. ИтIанэ уэри уникIынщ. Сэ мы псым адкIэ лъагъуэ иIыу къысхуэгъуэтакъым. Иджы, тIури дызыхэхьэнщи, щхьэпырыкIыпIэ мы къуршым иIыу щытмэ, къэдгъуэтынщ.

– НакIуэ, – жаIэщ аби, Бэдинокъуэр япэ иту, Шужьей яужь иту, еуэри, псым хэхьэри икIащ.

ЗыдикIам лъагъуэ иIытэкъым, нэпкъыурэ, нэпкъыурэ, нэпкъышхуэу фIэкIа. Мо нэпкъышхуэм яшхэр дэмылъыфу, шы IумпIэр яIыгъыу далъэфурэ, щхьэпрыкIащ. ЩхьэпрыкIри лъагъуэм техьахэщ. «ЫIhы, накIуэ, иджы!» – жари, шым шэсри, еуэри, ежьэжащ. Аузым кIуэрти, аузымкIэ кIуэурэ, хуэзащ зы унэ гуэр абы дэсу. Хуэзэри, Бэдинокъуэрэ Шужьейрэ шууэ щыдэхьэм, зы хъыджэбз къыщIэжщ унэми, гуфIэжыуи, къабгъэдэлъадэри, БэдинокъуикI Шужьеи IэплIэ къаришэкIащ. Бэдинокъуэ Шужьей дейкIэ зыхуигъазэри:

– Мыбы хъыбар къыщытIэрыхьэнущ, – жиIащ. – Зыри жумыIэ.

– ФынакIуэ, фынеблагъэ, Бэдинокъуэ! Куэдрэ дызыпэбгъэплъащ, – къыжыриIащ хъыджэбзым.

ХьэщIэщым ишэри щыригъэблэгъащ тIурикI. Ар иригъэблагъэри, хъыджэбзыр Iэуэлъэуэну къыщIэкIыжри унэм щыкIуэжым, и дэлъхур къыдыхьэжырт, жиIащ, лъэсу. КъыщIэжщ, хъыджэбзыр пежажьэри:

– Узыпэплъахэр къэкIуащ, иджы, – жери жыриIащ, жиIащ.

– Шужьей, мыбы щыIэщ Хъыжьэ и хъыбарыр, – жери Бэдинокъуэ къыжриIащ.

– АтIэ, щыIэм, – жиIащ, – мыбдей дыщумыгъэс, – жиIащ Шужьей. – Къэдгъэгъуэт.

– Хьэуэ, умыпIащIэ, Шужьей, – жиIащ. – Езым къыджаIынщ.

Арати, щIалэр занщIу ныщIэлъадэри, Бэдинокъуи Шужьеи IэплIэ къаришэкIащ, жиIащ.

– Сыту фIыт, ярыбин, фыкъызэрыкIуар, Бэдинокъуэ, куэдрэ сыныппэплъащ! – жери щIалэм ахуэду жиIащ, жиIащ. – Бэдинокъуэ, сэ мыр, мы къэхьыныр, къызыхэсхар бжесIынщ, – жиIыри, ахуэду къыригъэжьащ, жиIащ, щIалэм.

Ар къыщыригъэжьам, Шужьей къызыщIэнащ, жиIащ. КъыщызыщIэнэм, хъыджэбзым и IэлъэщIыр зытырихри, моуэ ищIщ аби, дякум къыдихащ, жиIащ.

Бэдинокъуэ:

– Зыри жумыIэ, мы цIыхубзым и IэлъэщIыр плъэгъуакъэ! – жери Шужьей игъэпсэлъэжакъым, жиIащ.

– Хъыжьэ и къэхьыныр къызыхэсхар лей есхыну араIым, ауэ Iэмалыншагъэт, сыт щхьэкIэ жыпIэм сэ къуэшищ сиIат, си къуэшищри иныжьищым яукIат. Зы анэжь къысхуэнауэ збгъэдэст, хъыджэбз закъуэмрэ абыри, си къуэшищым папщIэкIэ иныжьищым сапыхьэри – зыри схуещIакъым, зыдэсшахэри Iисраф дыкъащIащ. Сапэмылъэщыжу сыкъэнауэ сыщытти, «Мыр и къуэшхэм щхьэкIэ гузэвэнукъым», – жаIэщ аби, еуэщ аби, ди анэр яхьащ, – жиIащ. – Си анэр яхьауэ абы щыIэщ, – жиIащ, – ягъэпщылIри. Къаруую сиIыу хъуар естри, сапэлъэщакъым, – жиIащ. – «Мы дыгъэ къыщIэкIыпIэмкIэ Ан-акъкIэ еджэу фызыжь гуэр щыIэщи, къэхъункъэщIэныр ещIэ», – жаIыу хъыбару зыхэсхти, а Ан-акъкIэ зэджэ фызыжьым дей сыкIуащ, – жиIащ, – Iэмал сымыгъуэтыжу. «Мыращ, си къуэшищыр иныжьищым яукIащ, си анэр яхьауэ ягъэпщылI; къаруую сиIыр изотри сапэлъэщыркъым, абы сыробампIэ», – жысIэри Ан-акъкIэ зэджэ фызыжьым сыхуэтхьэусыхащ, – жиIащ, – сыкIуэри. Сыщыхуэтхьэусыхэмэ, «Уэ, си щIалэ, уапэлъэщынукъым, зыри пхуещIэнукъым. Ауэ Къэбэрдей хэкум щопсэу ХъыжьэкIэ еджэу зыгуэр. А Хъыжьэм и фызыр иныжьыпхъущ. Ар, и фызыр, уэндэгъушхуэщ. Ар лъхуэуэ щытым, щIалэ къилъхунущи, а щIалэр лIы хъуа нэужькIэ, къежьэнущ, и адэр къилъыхъуэнуи, мис а Хъыжьэр къэпхьыфрэ уубыдыфмэ, абы и къуэр къежьэу щытмэ, нарт Бэдинокъуэ жыхуаIэр игъусэу къэкIуэнурэ, уи лъыр абы къыбдащIэжынущ, ахъум уэ уилъ зыщIэжыфын щыIэкъым», – жери Ан-акъым мис ахуэду къызжиIащ, – жеIэ. – «Дауэ сщIынтIэ?» – жысIэщ аби, мис абы седаIуэщ аби, ди унэ сыкъэмыкIуэжу, хъыджэбзым и закъуэ унэ нэщIым къыщIэнауэ, «Хъыжьэ дэнэ къыщызгъуэтыну?» – жысIэу абы сещэу Къэбэрдей хэкум сыкъинащ, – жиIащ. – Сыкъинэри, абы сылъыхъуэу сыкъэкIуэжу, уэ ушуупэу, – жиIащ, – Бэдинокъуэ, Хъыжьэ шуукIэу, шыбз зыбжани къэфхуу сыныфхуэзащ, – жиIащ. – «Гъуэгуфl апщий!» – жысIэри, «Упсэу апщий! Уи Iуэху фIы икIуэ!» <– къызжефIыжащ>. «Хъер фхухъу къэфхухэри!» – вжесIауэ щытащ. «Тхьэразэ къыпхухъу, хэдэ!» – къызжепIащ. Абы сыкъикIри, Хъыжьэ дей сыкъэсри, Хъыжьэ згъэбэлэрыгъри, и шым къытесчщ аби, къэхьыныр къызыхэсхащ, – жиIащ, – гузэвэгъуэм. Си къуэшищыр яукIат, абы сырибампIэу, ар ди анэм сщигъэгъупщауэ гузэвэгъуэ стелъти, Хъыжьэ абы щхьэкIэ къэсхьащ, ахъум згъэпщылIыну, згъэлэжьэну яужь ситакъым, лей есхыну яужь ситакъым, – жиIащ.

Арати…

– Зэхэпхакъэ, Шужьей? – жери...

– Зэхэсхащ, фынакIуэ, дывгъэшэси дывгъакIуэ-тIэ, – жиIащ Шужьей, – а иныжьхэм дей.

– УмыпIащIэ, Шужьей, – жиIащ, – иджыри зы хъыбар гуэр зэхэтхынщ, – жери Шужьейр игъэбэяуащ Бэдинокъуэ.

Хъыджэбзыр щIыхьэжауэ шей игъавэрт, лэкъум игъажьэрт. Ти, сэнварыр зым иIыгъыу, зым Iэнэр иIыгъыу хьэщIэщым къахьри къэкIуащ, хъыджэбзымрэ щIалэмрэ. Iэнэр хуагъэуври, Шужьей къэтэджри ува фIэкI, Iэнэм бгъэдэтIысхьэн идакъым:

– Сэ ешхакIуэ-ефакIуэ сыкъэкIуакъым мыбы, – жери.

Моуэ хуабжь-хуабжьу, Шужьей губжьа-губжьауэ псэлъащ, жеIэ. Псалъэмэ, Бэдинокъуэ мыхуэду жиIащ, жеIэ, а щIалэм жыриIыри:

– Мы щIалэр модрей унэм шэи егъэлъагъу, – жери.

– НакIуэ, щIалэ, – жери, Шужьейр щIишри, адрей унэм щIишэри, унапхэ дыдэм щIэхьащ, жиIащ, Шужьейр.

ЩIишэри – и тас-къубгъаныр лынду щыту, и нэмэзлыкъыр къабзэу, и стIолым шхын щIыгъуэ темылъ щымыIэу телъу, и унэр къабзэ-лъабзэу – мис ахуэду, езыр, и щыгъыныр къабзу щыгъыу Хъыжьэ абы щIэст, жиIащ.

– Сэлам гьэлейкум! – жери Шужьейм...

– Уэгъэлейкум сэлам, еблагъэ щIалэфI! – къыжыриIащ, жиIащ.

Арати…

– TIыс, мы ирыскъым хэIэбэ, – жиIащ, жиIащ.

Шужьей бгъэдэтIысхьэри шхащ, жиIащ, стIолым телъ зыри къытримынэу. И адэр зэрыарар ищIащ, жиIащ. Арати…

– ЩIалэфI, ушхамэ, гъусэ уиIэ хъунщ уэ, – жери и адэм ахуэду къыжриIащ, жиIащ.

– СиIыщ.

– АтIэ, сэ сылIыжьщ, абыкIэ кIуэж, – жери къыщIигъэкIыжащ, жиIащ, и къуэр.

АпщIондэхукIи Бэдинокъуэ шей ефащ, жиIащ, лэкъумым едзэкъащ, жиIащ. Шужьей щIыхьэжри:

– НакIуэ, дывгъэкIуэнум, дыщывмыгъэс, – жиIащ, жиIащ.

– Шужьей, умыпIащIэ, – жиIащ, жиIащ. – TIэкIу зыдгъэпсэхунщ.

Еуэри, жэщиплI-махуиплI хуэдизкIэ абы зыщагъэпсэхуащ, жиIащ, Шужьейрэ Бэдинокъуэрэ абы щыхьэщIэу. Бэдинокъуэм жиIащ, жиIащ:

– Уа, щIалэ, иджы, дишхэм уанэ телъхьэ, дыкIуэнщ абы, – жери.

ЩIалэр щIэцIэфтщ псынщIэуи, Бэдинокъуэ ишри Шужьей ишри къигъанэри, езым я шы лъэпкъхэм хуэду шищым уанэ тырилъхьащ, жеIэ. КъыщIэхьэжщ щIалэри:

– Теслъхьащ уанэр, – жери щыжиIэм...

– НакIуэ, – жери, къыщIэкIри, Бэдинокъуэ ишми уанэ телътэкъым, Шужьей ишми уанэ телътэкъым. Уанэ зытелъ шищыр езы щIалэм я шы лъэпкът.

– Мыр лIо, си шыр дэнэ щыIэ? – жиIащ Бэдинокъуэ.

– Уи шыр, – жиIащ, – «Зигъэпсэхунщ», – жысIэри..., мы бом щIэтщ. Мы ди шы лъэпкъхэр къуршымкIэ фIыщ, – жиIащ, – къуалэбзум хуэду щызокIуэ. Ар<т>и, «Бэдинокъуэ ишмикI, Шужьей ишмикI зезгъэгъэпсэхунщ», – жысIэри дишхэм теслъхьащ уанэр, – жиIащ.

– Уэлэhий, а уи шым дызэрышэсу, мы пщIантIэм дызэрыдэкIыу, уи шэщыр къикъутэнщи – хыхых! – пшэм хэхьэжыным, – жиIащ, – а си шыр, – Бэдинокъуэ. – Си шыр къыщIэшыжи уанэ телъхьэ, – жиIащ. – Шужьей, ууейм тырырелъ а уи уанэр, – жиIащ.

– Iау! – жери, щIалэм и уанэр къытрилъэфыжри, и шы лъэпкъыр иутIыпщыжри, Бэдинокъуэ и шыр къыщIишщ аби, уанэр тырилъхьэжащ.

– НакIуэ, иджы! – жари, шэсри, еуэри, ежьэри кIуэурэ, ишащ щIалэм. – Мис мыбдежыращ иныжьищыр щыпсэур, я унэр, – жери.

– Ара?

– Аращ.

– АтIэ, – жиIащ Шужьейм, – фэитIур фыкъысхуэсакъыу моуу къуэгъынапIэ зыфщI, сэ сыкIуэнщ а унэм, – жиIащ. Къигъэгугъэт. – Ауэ сыпэмылъэщ хъумэ, Бэдинокъуэ, умыбэлэрыгъ! – къыжыриIащ.

– Хъунщ.

Еуэри, Шужьей а щIалэм я шы лъэпкъырат зытесри, пщIащхъуэм хуэду дэхьащ. Шы фIэдзапIэр пщIантIэкум итти, шы фIэдзапIэм фIидзэщ шыри, епсыхащ. Епсыхри занщIу нэкIуэпакIуу унэм щIэхьащ. ЩIэхьэри, щIалэм и анэм пщIэнтIэпсыр къыпыхуу пщафIэу щIэтт, фызыжьыр.

– Дауэ ущыт, нанэ? – жери фызыжьым IэплIэ иришэкIащ Шужьей.

– А щIалэ махуэ хъун мыгъуэ, [щ]хьэ мыгъуэ укъэкIуа? Сэ къыстекIуэда мыгъуэр ирикъунт! – жиIащ фызыжьым. – Я къэкIуэжыгъуэ хъуащ, уакъелын мыгъуэкъым, дэкIыж псынщIэуи лъэныкъуэ зегъэзыж, – къыжыриIащ.

– А дянэ, ар Iуэхукъым, пщIаIам сыгъэшх, – жиIащ, жеIэ.

– Ар уэзгъэшхыну сыхуит мыгъуэ, – жиIащ, жеIэ. – Абы яшхын схуэщIыркъым, абы, <шхыныр> уэ пшхым, ныкъуэ хъум, сэ саукIынущ, – жиIащ.

– Абы щхьэкIэ умыгузавэ уэ, – жиIэщ аби, и къамэрэ къырихщ аби, хэпыджэщ мо лэгъупышхуэми, вы кIэбдз къыхихащ.

Абы лэкъум ищIат, щIакхъуэ ищIат – ари зырилъэфалIэри, вы кIэбдзым зыл къыкIэримыну ишхри къупщхьэр хигъэтIысхьэжащ. Унэм щIыхьэщ, адрей унэ лейми – иныжьищым я пIэри щIэтт. Еплъри, нэхъ пIэ, нэхъ зэгъэпэща пIэм кIуэщ аби, хэгъуэлъхьащ Шужьей. Фызыжьыр мэгузавэ. Аурэ, Шужьей пIэм илъурэ, иныжьищри къыдэхьэжащ. Къыдэхьэжри мо шыр шы фIэдзапIэм фIэдзауэ щалъагъум:

– Уэлэhэ, хьэщIэ къытхуэкIуам, – жаIащ.

Иныжь курытыр къэпсалъэри:

– Уэлэhэ, абы хьэщIэ къэкIуар а уэ пщIэм я шы лъэпкъым мыр, – жиIащ, жеIэ.

– Уэлэhий, я шы лъэпкъыу щытымикI, мы щIалэ нэхъыщIэм гъуэгу иритыным абы! – жиIащ, жеIэ, нэхъыжьыр къэпсалъэри.

Арати, нэхъыщIэр щIэлъэдэжри – Шужьейр щIэлът, а пIэ ухуа дыдэм илъу.

– Мырелъ, мыбы къэкIуа цIыкIужьейм ищIар! – жиIащ, жеIэ.

– Сыт ищIар?

– Уэлэhий, нэхъ пIэфI дыдэм гъуэлъауэ хэлъым! – жиIащ, жеIэ.

А курытыр къэпсалъэри:

– Уэлэhий, абы зыгуэр имымураду ауэ мыгъуэлъа, – жиIащ, жеIэ.

Нэхъыжьыр къэпсалъэри:

– Уэлэhий, мы щIалэ нэхъыщIэм гъуэгу иритыным абы! – жиIащ, жеIэ.

Арати…

– Мырелъ мыбы ищIар! Алыхьыр зыгъэпцIащ, кIэбдзыр ишхри къупщхьэр химыгъэтIысхьэжам лэгъупым! – жиIащ, жеIэ.

Курытыр къэпсалъэри:

– Уэлэhий, ауэ имыщIа, абы зы мурад иIыщ, – жиIащ, жеIэ.

– Алыхьыр зыгъэпцIыным уи псэр Iуихаи, – жиIащ, жеIэ, – мы цIыкIужьейм уэ! Уэлэhэ, а щIалэ нэхъыщIэм иджыпсту гъуэгу иритыным абы! – жиIащ, жеIэ.

Шужьей къызэфIэтIысхьэри:

– Ей, – жиIащ, жеIэ, – куэдрэ фымыпсалъэ! ИужькIэ зыгуэр жыфIыжынщ, фытIыси фышхэт, итIанэ ди Iуэху яужь дихьэнщ, – жиIащ, жеIэ.

– Сыт мыбы жиIыр? Уэ уи унафэр ди дей къэса дэ, дэ дышхэнуми дымышхэнумикI? – жиIащ, жеIэ, нэхъыжьыр къэпсалъэри.

– Хьэуэ, «Дышхатэкъым, ахъумэ дышхауэ щытам, укъыттекIуэнукъым», – жыфIынщи щхьэусыгъуэ фщIыжынщ, – жиIащ. – Фышхэм яужь дихьэнщ, – щыжиIым, иныжьищым лэгъупым хэлъу хъуари къыхалъэфщ, <...> хэлъари къыхалъэфри яшхыу тIысащ.

Шхэуэ щысурэ, «Нагъэсащ шхэныр», – щыжиIым, къэтэджщ Шужьеи, къыщIэкIри, фызыжьым и блэр иубыдри къыщIишыжащ. Шым дей къэсыжауэ щIалэ нэхъыщIэр къэсри:

– ПщIэну уи гугъэр сыт, мы гъуамэ цIыкIум? – жери къыщыжьыхэлъадэм, Шужьей моуэ ищIщ аби, зыкъигъазэри, еуэщ а иныжь нэхъыщIэм и пэми, и пэ шыкъыр хикъутыхьащ. Лъыпсыр къыхихуащ.

– Е зинэкIэ къалъхуа цIыкIужьей, сиукIащ! – жери, и пэм лъы къижти, и пэр иубыдыжауэ щытыхукIэ, зыридзщ Шужьей шыми, къеIэбыхщ аби, фызыжьыр шыплIэм дигъэтIысхьэри, ирихьэжьэри, еуэри, ежьэжащ.

А щIалэ нэхъыщIэм и пэхэр тIэкIу игъэкъэбзэжщ аби, и шым уанэ телъу щытти, къакIэлъышэсщ аби, къакIэлъыщIэпхъуэри къажэурэ къэсу щыхуежьэм, фызыжьыр иригъэувэхщ аби, зыкъигъазэри, еуэри, иныжьым и щхьэр пиупщIащ Шужьей. «И шыр къэзубыдынщ», – жиIэ щхьэкIэ, <...> хуэмыхъуу, шыр IэщIэкIри лъыр къежэхыу фIэкIуэжащ.

Иныжь курытыр къэпсалъэри:

– ЖысIатэкъэ, – жиIащ, – абы зы мурад зыриIыр. ЩIалэм и шыр уанэгу нэщIу къыдэхьэжащ, – жиIащ, – лъыр къежэхыу.

– Уэлэhий, мы дунейр къутау жыпIыным уэ! Уи псэр Iуихай мы цIыкIужьейм! – жери нэхъыжьым ар щыжиIым, – КIуэи плъэ! – жиIыщ аби, курытыр къыщIэжри, и шым зыридзри къыкIэщIэпхъуащ, жиIащ.

Шужьей фызыжьыр къищтауэ <шым> тригъэтIысхьэжауэ ихьти, IэщIэхьэу щыхуежьэм, фызыжь гуэрыр зыригъэувэкIщ аби, зыкъигъазэри, еуэри, иныжь курытым и щхьэр пиупщIащ, жиIащ. И шыр къиубыдынкIэ еIэри, <...> хуэмыхъуу IэщIэкIыри лъыр къежэхыу кIуэжащ, жиIащ. Мо лъыр къежэхыу уанэгу нэщIыр щыдэлъэдэжым, нэхъыжьым къилъагъури:

– Мы Алыхьыр зыгъэпцIын мы цIыкIужьейм шыуэ дэкIыр уанэгу нэщIу къыдегъэхьэжри! – жери къыщIэкIщ псынщIэуи, шым зыкъыридзри къыкIэлъыщIэпхъуащ.

КъыкIэлъыщIэпхъуэри къэсу щыхуежьэм, фызыжьыр иригъэувэхри пэуващ Шужьей. Щыпэувым щыгъуэ, жиIащ:

– Пауэр узот, къауэ! – жери Шужьейм.

– Къызэпт-уэстыжу сыщытын сэ куэдрэ? Укъырезгъэхьэхынщ иджыпсту! – жиIыщ аби, зыкъыхуигъазэри, къауэри Шужьей уIэгъэ бзаджэ къищIащ. Шым ехуэхащ, мэхри.

МоитIур хьэзыру щытти, къэсщ аби, Бэдинокъуэр еуэри иныжь нэхъыжьым и щхьэр пиупщIащ. А щIалэ зышам жыриIащ:

– Мохуэдэ щIыпIэм кIуэи, мис мыхуэдэ удз къэхьи псынщIэу къэкIуэж, – жери.

Фызыжьым:

– Хущхъуэ сэ сIыгъщ, тIасэ, – жиIащ, – си жыпым илъу.

– Дэн щыIэ, къащтэ! – жери, къищтэщ, къыритщ фызыжьми, Шужьей и уIэгъэхэм тыралъхьэщ, езыми, мэхати, зыкъищIэжри къызыфIэувэжащ, и уIэгъэри игъэхъужащ.

– НэгъуэщI щыIэ, щIалэ, мыбы? – щыжиIым…

– Айщыращ, нэгъуэщI щыпсэу щыIэкъым, – къыжриIащ а зи анэ къахьыж щIалэм.

– НтIэ, дауэ тщIын?

– Уэлэhий, тщIэнурам, дыдыхьэжынщи, дгъэзэжынщи, иныжьищым я алъпищмикI уанэ телъщ хьэзыру, хьэпшыпу яIыу хъуар къызыщIэткъуэнщ зы къэмынэуи, абы тетлъхьэнщи, тхьынщи дыкIуэжынщ, уи анэри тхьыжынщи дыкIуэжынщ, – жиIащ Бэдинокъуэ.

– Захуэщ!

Ягъазэщ аби, а иныжьищым къэтмакъ зырызи яIэт аби, иныжьищым я шым къэтмакъхэр тыралъхьэщ, абы хъугъуэфIыгъуэу яIыу лъэпкъыр абы иралъхьэжщ, иныжьищым яшхэр Iэдэж къащIщ, я хьэпшыпхэри къахьщ, фызыжьри къахьыжри къэкIуэжащ.

КъэкIуэжри, мо зэш куэд хъу мо унэ хуэкъулеу щытар къулейсыз хъуа хъунтэкъым:

– Алыхь-алыхь, си анэри къысхуэфшэжащ, силъ къыс-хуэфщIэжащ, – жиIыщ аби, тхьэлъэIушхуэ ищIыжащ щIалэм.

Ар мазэ-мазитIкIэ Бэдинокъуи, ШужьеикI, ХъыжьикI къахэсу тхьэлъэIум хигъэсащ.

ЩIалэр гупсысэ хъуащ, зи анэр къахьыжа щIалэр: «Иджы, мы Бэдинокъуэ, Шужьей Хъыжьэ яшэжрэ кIуэжмэ, дызэмыблагъэжу дызэфIэкIуэдыжынщ, ауэ мы си шыпхъу закъуэр, си хьэтыр къалъагъурэ мы Шужьей ирагъашэтэм, зэблагъэ дыхъунти, игъащIэкIэ дызэблагъэнт», – жери. Ар игу къэкIщ щIалэми, Бэдинокъуэ щIишри къелъэIуащ:

– Бэдинокъуэ, сэ Iуэхутхьэбзу къысхуэфщIам хуэдиз мылъку дунейм теткъым. Ауэ мы си шыпхъу закъуэр дуней мылъкукIэ стынукъым, – жиIащ, жеIэ. – Дуней мылъку и уасэщ. Си шыпхъу закъуэр Шужьей и щхьэгъусэу сIебгъэхтэм! ДызыпыкIыу мыкIуэжу, зэблагъэ дыхъуауэ щыттэмэ, игъащIэкIэ дызэблагъэу, дызэныбжьэгъуу дыздэпсэунт! Си хьэтыр къэлъагъуи сIегъэх, – жиIащ, жеIэ.

– Хъунщ, – къигъэгугъащ Бэдинокъуэм.

Бэдинокъуэм тхьэ къыхуиIуат мобы, «Уэ жыпIэр сщIэным», – жери. «Уэ жыпIэм сыфIэмыкIын!» – жери тхьэ къыхуиIуати,

къежьэжын щыхъухэм щыгъуэ, Шужьей щIишщ аби, къыжыриIащ Бэдинокъуэм:

– Мы щIалэр щIалэ Iейкъым, езыр унагъуэ Iейкъым, хъыджэбзри цIыхубз хъарзынэ гуэрщ. Ауэ занщIу дыдэкIыжу дыкIуэж хъунукъым, сэ мы хъыджэбзыр нысэ сщIынущ, – къыжриIащ, – зыдэсшэнущ, укъызэмыдаIуу здэнукъым! – жери.

Шужьей тIысри гъащ, жиIащ:

– Бэдинокъуэ, сэ фыз лъыхъуэ сежьатэкъым. Сэ лIыгъэ щIапIэ къэскIухьыну арат си мурадыр. Иджыт лIыгъэ щызесхьэнур, цIыхугъэ щызесхьэну мурад щысщIар. Ари кIэщIу къысIурыпкъутащ! – жиIэщ аби, гъащ, жеIэ, Шужьей.

АрщхьэкIэ Iэмал иIытэкъым: мобы жиIыр имыщIэну Iэмал имыIыу тхьэ хуиIуат. ХъыжьикI игу илъ хъунт, «А хъыджэбзыр нысэ схуэхъуащэрэт!» – жиIыуи, Хъыжьэр акъылэгъу къыхуэхъури, хъыджэбзыр и шыплIэм къыдагъэтIысхьэщ, и дэлъхур ягъусэуи Хъыжьэр къашэжри къэкIуэжащ Бэдинокъуи ШужьеикI.

– Алыхь-алыхь, Хъыжьэ къишэжри къэкIуэжащ Шужьей, Бэдинокъуэ игъусэу! Ныси къашам! – жаIэщ аби, нарту хъуар къызыхуэсщ аби, хьэгъуэлIыгъуэ хуащIащ. Батэкъутэ-Iам хуагъэшщ аби, унэишэри щауэишэри хуащIыжри, Хъыжьэ ар и нысэу, и фызри псэууэ къекIуэлIэжауэ, мо щIалэм и шыпхъур Шужьей и фызу лъэбыдэ унагъуэу къызыхэнэжащ, жаIыу араш.

СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ХЫЖЕ

Вот каково сказание о нарте Хыже: занятием Хыжи было то, что он отправлялся в набег на год, полгода – вот так было. После этого он возвращался, доставив с собой то, что за это время успел добыть, – вот такова была жизнь Хыжи.

Так продолжалось, а жена его была дочерью великана, в то время как эта дочь великана беременной стала, Хыжа отправился в поход. Пока Хыжа был в отъезде, дочь великана разрешилась и родила сына. «У Хыжи сын родился», – говоря, люди порадовались этому, люди собрались <и порадовались>. Так продолжался год, а Хыжа отсутствовал, не возвращаясь.

– Мальчику имя надо дать, – когда сказали <одни>...

– В отсутствие отца как имя ему дать? – сказав, отказались <другие>.

Старшим у нартов был тот, кого называли Насрэн Бородатый.

– Его отца раз нет, имя давать ему нельзя, – сказал он, и так, без имени оставшись, мальчик жил.

Хыжа все не возвращался. Наконец его жена, что была дочерью великана, объявила:

– Конь Хыжи с пустым седлом вернулся, вестей же о нем не знаем, – сказав.

– Ау, это хуже! – сказали, нарты, собрались и приняли такое решение: – Такой мужчина, как Хыжа, уаллаги, просто так пропасть не должен! Поезжайте и поищите его! – сказав, Насрэн Бородатый скомандовал. Сотню всадников нартов снарядили, выехали и год искали.

В течение года вести о нем никто не нашел и сто всадников нартов домой вернулись.

– Какие новости? – сказав, когда спросили...

– В мире вестей о нем нет, не можем найти место его гибели.

– Так оставлять это нельзя, – сказав, приняли решение.

Год прождали опять, а он не возвращается.

– Мальчику имя давайте дадим, безымянным ему быть нельзя, – сказали...

– Пока его отец не вернулся, как мы его назовем! – сказав, опять возразили, и снова сто всадников снарядили и на поиски отправили.

Сто всадников вернулись второй раз, год отсутствовав, не нашли его и вестей о нем не слышали.

– Не находим <его>, вестей о нем не слышим, – сказав, когда вернувшиеся эту новость принесли...

– Тогда вот так, мальчику всю жизнь безымянным быть нельзя, надо имя ему дать, – сказав, приняли решение нарты: – сын Хыжи Шужей, сказав, такое имя мальчику дали.

Шужей рос и быстро стал нартским мужчиной, <вскоре> присоединился к играющим в кости и стал играть с ними. Он начал у всех выигрывать альчики. Он расшвыривал своих маленьких сверстников по сторонам, сбивал их с ног, сильно избивал – вот таким он стал. Люди пришли к его матери и пожаловались:

– Наставляй своего сына, поучай его, не позволяй быть таким, он наносит нам большой урон, поругай его, – сказали ей.

– Хорошо, – сказав, его мать, дочь великана, подозвала его к себе и сказала ему: – Сын мой, остепенись, твой отец не чинил насилия, твой отец приносил пользу людям. Не будь таким, не вынуждай этих людей жаловаться, не вреди своим сверстникам.

Однако Шужей, не одумавшись, продолжал, играя с друзьями, причинять им вред. Когда он однажды сильно избил одного своего сверстника, а у того ударить в ответ сил не доставало; мальчик, в конце концов, сказал ему:

– Хватит, Шужей, не общайся с нами, не такие, как ты, <с нами> разговаривают! Ты, сопляк, не ведаешь, где пропал твой отец, мы же знаем, где погибли наши отцы. У таких, как ты, нет права разговаривать с нами, у таких, как ты, нет права перечить нам, – сказав так, один его сверстник, маленький мальчик, упрекнул его.

Шужей призадумался: «Уаллаги, правда то, что он мне сказал. Умер ли мой отец, мы не знаем, убили ли его – не знаем, где он – не знаем. Правду он мне сказал», – решив, он вернулся домой и обратился к своей матери:

– Наша мать!

– Что?

– Разве у меня не было отца? – сказал.

– Был. Такого как твой отец в этом селе не было никого, – ответила она. – По всему краю он был славен.

– Так куда он делся?

– Он имел обыкновение ездить в набеги; вот так однажды отправился в набег и не вернулся. Его конь с пустым седлом вернувшийся, стоит в подвале, и я его содержу, – сказала.

– Так почему же, мать, до сих пор ты не говорила мне этого? Если до сих пор я бы не справился бы с этим, теперь я, могу сделать то, на что способен мужчина. Приготовь мне походную пищу на дорогу: уаллаги, своего отца, если он жив, то живого, если он мертв, то мертвого – пока я не отыщу, сюда не вернусь! – сказав, твердое слово дал Шужей своей матери.

– Ну, вот так это случилось... – сказала его мать, других сведений не знала. – Ну, сын мой, – сказала она, – если отправляешься, походная пища твоя готова, – сказала. – От твоего отца оставшийся конь серый, – сказала. – Серого и седло и все другое сохранилось, – сказала. – Оставшегося от твоего отца коня оседлай, и в места, где бывал твой отец, <он> тебя доставит, – сказала. – Но с дороги, по которой идет этот конь, не сворачивай, на другую дорогу не направляйся, – сказала. – По дороге, по которой этот конь идет, пусть идет, – сказав, его мать наказ такой дала ему.

– Хорошо, – сказав, вскочил на коня Шужей и отправился на поиски своего отца.

Так по той дороге едучи, серого коня пустив идти по своей воле, по этой дороге следуя, он вдруг подумал: «Похоже, этот конь идет по неверному пути, похоже, он вводит меня в заблуждение, сбивает с пути». Несмотря на то, что парню это приходило в голову, он ехал по той дороге, как его мать наказывала. Эта дорога тянулась, и долго ли он ехал, мало ли ехал, но дорога, по которой он ехал, неверной дорогой ему показалась. В эту сторону идущая дорога была более наезженная – так стало казаться Шужею. «Уаллаги, верно, что этот конь заплутал, а верная дорога – эта», – сказав, он повернул Серого, направил его на дорогу, которую он сам посчитал лучшей. Ступил, ехал-ехал, в лес привела дорога и пропала. «Уаллаги, этот конь знал нужную дорогу! Дорога исчезла, – сказав... – Теперь, до тех мест не возвращаясь, прямо по лесу к той дороге проеду и снова на нее встану», – сказав, въехал в него – заросли колючих растений, кустарники, сквозь которые невозможно проехать – таким непроходимым был этот лес, превратившийся в заросли. Однако этот конь, и год и два, набиравшийся сил смог пробиться в одном месте. Выбрался, стал снова на <верную> дорогу. Шужей соскочил, на своего коня посмотрел. С этого Серого, расцарапанного колючками, отовсюду текла кровь. «Уаллаги, я причинил зло этому коню», – сказав, взял он прошлогоднюю траву, перекрутив ее, вычистил коня, тщательно обтер его, вскочил на него, вновь на дорогу ступил, следуя далее – с высунутыми языками две гончие собаки, вперед пробежали, говорит. «Уаллаги, этих двух собак что-то беспокоит. Нате!» – позвал он, но двух собак не смог повернуть назад. «Интересно они пробежали мимо от <хозяина> или же возвращались?» – едва успел он так подумать, две гончие собаки с листьями во рту, с травой, быстро вернувшись, пробежали мимо, говорят. «Уаллаги, у этих двух собак какое-то дело есть!» – сказав, вслед за двумя собаками направился и, следуя за ними, на каком-то маленьком холме тот, кого называют нартом Бадиноко, лежал, говорит, раненый. Дело было в том, что эти две собаки возвращались к нему, неся целебное средство.

Шужей подошел к нему:

– Охуф апший (Добрых дел)! – говоря, когда подошел...

– Пребывай в здравии! Твои дела хорошо пусть сложатся, сын Хыжа Шужей! – ответил, говорит.

«Ого, я никогда в жизни в походах не бывал, откуда он узнал, что я сын Хыжа, что имя мое Шужей!» – подумал <Шужей> и спросил:

– Я никогда в походах не бывал, <никогда> тебя не видел, ты меня не видел, откуда знаешь, что я сын Хыжа, что я Шужей? – спросил он.

– По этому коню, на котором ты сидишь, знаю, – ответил <Бадиноко>. – Это конь Хыжи, – сказал. – Говорили: «Появится сын Хыжи Щужей», вот я тебя по этому коню и узнал, – ответил.

– А почему ты здесь сидишь?

– Сижу потому, что, воюя с войском чинтов, я был ранен, – сказал.

– Так это войско чинтов-то, что я ищу и не нахожу. Уаллаги, я его тебе так истреблю… – сказал Шужей.

– Нет, Шужей, не торопись! Если ты хочешь мне помочь, траву, что принесли эти две собаки, положи на мои раны, почистив их перед тем, – сказал. – Мои раны этим залечатся.

– Хорошо, – сказав, спрыгнул Шужей с коня, почистил раны Бадыноко, листья, которые принесли, вот так вот (ладонями сплющивая как будто, хлопает Хамирза), накладывая, Шужей вылечил раны Бадиноко.

Бадиноко сказал:

– Шужей, ты, наверное, куда-то едешь, так что счастливого пути! Я к войску чинтов вернусь воевать с ними, – сказал.

– Как, – сказал, – тебя оставив, я в путь отправлюсь! – сказал Шужей. – Так не пойдет, я тоже поеду, – сказал.

– Тогда, да будешь ты счастлив, поехали! – сказал <Бадиноко>, стали они рядом и поехали.

– Войско чинтов – вон оно, здесь располагается, – сказал <Бадиноко>...

– Тогда, Бадиноко, – сказал <Шужей>, – ты отсюда смотри, а мне разреши с ним повоевать, – сказал.

– Нет, ты молод, Шужей, – возразил <Бадиноко>. – Поедем, оба въедем: я займусь теми, кто с этой стороны, – сказал Бадиноко, – а ты – теми, кто с твоей стороны, ими займешься, – сказал.

– Верно, – сказав, прямиком въехали, войско чинтов надвое разделили, тех, кто ближе к Бадиноко, он сразил, к Шужею близких тот сразил. Оба соединились, ни одного с головой на плечах не оставили. Их всех оседланных коней согнали, взяли и угнали.

Затем:

– Я своей дорогой поеду, – сказав, когда Шужей так заявил...

– Шужей, не торопись: Я немного расскажу тебе о том, как встретился с твоим отцом, немного о твоем отце расскажу, – сказал Бадиноко.

– Что же ты до сих пор, заставил меня ждать, не говоря об этом, я этого только и ищу! – сказал тот.

– Не торопись, – сказал <Бадиноко>, – тому, что мы забрали у войска чинтов, определим свое место, поедем оба ко мне, немного отдохнем, а потом я тебе все расскажу, – сказал, – все вести.

– Так поехали!

Взяли да и, отогнав пригнанных лошадей, к Бадиноко поехали. К Бадиноко пожаловал в гости Шужей.

Ночь ли пробыл, две ночи ли пробыл, Шужей сказал:

– Бадиноко, расскажи мне то, что ты собирался рассказать, – сказал.

– Шужей, не торопись, сказал же я, не торопись! – ответил <Бадиноко>.

Так и вторая ночь прошла, и третья ночь прошла.

– Шужей, о Хыже вот какую весть я тебе скажу: – сказал. – Мы с Хыжей в набег вместе отправились, – сказал. – В набег вместе отправились, нескольких лошадей, согнав вместе, гнали, – сказал. – Мы их гнали – я в голове, Хыжа в конце, - вот мы возвращались. На обратном пути я первым повстречался с малым всадником, что впереди ехал, – сказал, – так как я был в голове. Подъехал маленький всадник и… «Гогуфыж апший, Бадыноко!» – сказал он мне, – сказал. «Спасибо! Удачи тебе в деле!» – ответил я, – сказал, – маленькому всаднику. «Да благословит бог то, что ты пригоняешь, Бадиноко!» – сказал он мне, сказал. – «Благодарю! Выбирай!» – сказал я ему, маленькому всаднику. «Спасибо!» – сказав, проехал мимо меня, сказал. Глядя в сторону лошади, оглядываясь, доехал до Хыжи. «Эй, гогуфыж апший, Хыжа!» – приветствовал он. «Спасибо! Кеблага, добрый парень!» – сказал Хыжа. «Да благословит бог то, что ты пригоняешь!» – сказал, сказал, он тоже. «Благодарю хороший парень! Выбирай!» – сказал, сказал. «Аллах да приумножит! Я не буду выбирать», – сказав, полуусмехнувшись, проехал, сказал. Обернулся, я не знаю, как это случилось, подъехал тот к Хыже, его папаху сорвал и унес, сказал. Хыжа, оглянувшись, посмотрел – его шапку уносит, сказал, тот парень. «Неужели и вправду он ее унесет?» – сказав, развернулся и пустился вслед за ним, сказал. Пустился вслед за ним, и как только <он> начал догонять <его>, парень развернулся, смеясь, подъехал, сказал. Смеясь, подъехал, вот так сделал и шапку Хыжи вновь надел, сказал. Потом, Хыжа как будто потерял бдительность, парень выбил Хыжу из седла, посадил на холку своего коня, привязал ремнем, которым прикрепляется стремя к седлу, и, забрав его, ускакал, сказал. Серый сразу побежал, вбежал в гущу лошадей и я не смог коня заставить повернуть, он выскочил и вернулся домой, сказал. Лошадей, которых я гнал, я там остановил, поскакал, сказал, – вслед за всадником. Поскакал и, преследуя его по следу коня, загнал на гору, которую ты видишь, сказал. Эту гору, которая первой встречается, он пересек и в овраг ускакал, сказал. Пока я искал этот овраг, он преодолел вторую гору, сказал. Вошел во второй овраг, там большая река текла, следы коня в эту воду вошли, сказал. В воду вошел, но дальше следов коня не нашел, сказал. Что поделаешь? Вернулся, на следах, которые вошли в воду, пометки сделал, сказал. «Впредь если вернется, следы оставшиеся найду», – сказал я. Сделав пометку, я вернулся, своих лошадей, которые по одной, по две разбежались, я согнал, погнал <их> и вернулся <домой>, сказал. Их в сторону отогнав, пошел к той реке, пометка сохранилась, сказал, и следы лошади были, сказал. «Когда-нибудь же выедет

сюда», – сказал я, соорудил шалаш там и год сидел, сказал, у берега реки. Ни следов лошади этого всадника, ни его самого я уже не нашел, сказал. – Вот так пропал Хыжа, – сказав, он рассказал Шужею.

– Эх, Бадиноко, – сказал, – оказывается, это ты моего отца потерял, – сказал, – а меня заставляешь искать его! – сказал.

– Шужей, – сказал <Бадиноко>, – если ты поклянешься, что будешь слушаться меня, если твой отец жив, мы его найдем, – сказал.

Что ему оставалось? Шужей встал и поклялся:

– То, что ты говоришь, выполню беспрекословно! – сказав.

Хорошо подготовившись, они пустились в путь. Проехав те две горы, доехали до берега реки. Пометка, которую сделал Бадиноко, стояла без изменений. И следы коня были. Всадник, вошедший в воду, там переправлялся, значит.

– После того, как я пересек эту реку, дальше следов я не смог найти, – сказал Бадиноко.

– Ну, Бадиноко, ты утомился. Раз уж ты меня на этот след навел, я через эту реку переправлюсь, и я его найду, – сказал Шужей.

– Нет, не торопись! Ты поклялся меня слушаться, я первым перейду, – сказал, – эту реку. А потом и ты перейдешь. Я у этой реки дальнейшего пути не смог найти. Теперь мы вдвоем объединимся и, если у этой горы есть переход, то найдем.

– Пойдем, – сказав, Бадиноко впереди, Шужей позади, в воду вошли и перешли <реку>.

Там, куда они вышли, дороги никакой не было, только откосы, откосы да большие откосы. Так как высокий откос их кони не смогли преодолеть, повод лошади, придерживая, вытаскивая их, переправились. Переправились и ступили на тропу. «Ага, теперь вперед!» – сказав, вскочили на коней и поехали. В сторону долины ехали, едучи по долине, повстречали один дом. Повстречали, и когда Бадиноко и Шужей въехали <во двор>, одна девушка выбежала из дома, радуясь, подбежала к ним и обняла и Бадиноко, и Шужея. Бадиноко, повернувшись к Шужею, молвил:

– Здесь мы узнаем новости, – сказал. – Ничего не говори.

– Проходите, будьте гостями, Бадиноко! Долго вы заставили нас себя ждать, – сказала ему девушка.

В хачеш пригласила и повела обоих. Когда разместив их, девушка вышла хлопотать и вернулась в большой дом, ее брат возвращался домой, говорит, пешим. Выбежала девушка ему навстречу:

– Кого ты ждешь, прибыли сейчас, – сказав, сказала, говорит.

– Шужей, здесь есть весть о Хыже – сказав, Бадиноко сказал <ему>.

– Ну тогда, если есть, – сказал, – здесь давай не будем сидеть, – сказал Шужей. – Давай найдем.

– Нет, не торопись, Шужей, – сказал. – Сами скажут.

Итак, парень сразу забежал, Бадиноко и Шужея обнял, сказал.

– Как хорошо, что вы приехали, Бадиноко, давно я вас жду! – сказав, парень так сказал, говорит. – Бадиноко, я это похищение

почему совершил, расскажу тебе, – сказав, так начал, говорит, парень.

Когда <он> это начал, Шужей вспыхнул, говорит. Когда он вспыхнул, девушка свой платок сняла, сделала вот так и между ними положила, говорит.

Бадиноко:

– Ничего не говори, разве этой женщины платок не видишь! – сказав, Шужею не дал говорить, говорит.

– Похищение Хыжи я затеял не для того, чтобы навредить ему, а потому, что это было неизбежным, по следующей причине. У меня было три брата; всех троих моих братьев убили иныжи. Одна старая мать осталась со мной и девушка одинокая; из-за своих трех братьев с тремя великанами я связался, но ничего не смог с ними поделать. И тех, кого я взял с собой, они истребили. Так как я не мог сам с ними справиться, так и остался. «Он из-за своих братьев беспокоиться не будет», – сказали <иныжи>и похитили нашу мать, – говорит. – Мою мать они похитили, и она там находится, – говорит, – в рабстве. Все свои силы потратил я <на это>, но не справился, – говорит. – «В стороне восхода солнца, – говорит, – по имени Анак какая-то старуха живет, и она знает все,что будет», – такие разговоры я слышал и к той старухе, которую зовут Анак, отправился, – говорит, – не видя выхода из положения. «Так и так, троих моих братьев великаны убили, мою мать похитили и держат в рабстве; все свои силы я на это кладу, но ничего поделать не могу, и это меня гнетет», – сказав, я старухе, которую зовут Анак, пожаловался, – говорит. – Когда я ей пожаловался, «Ах, сын мой, ты <сам их> не одолеешь, ничего не сможешь поделать. Но в Кабарде живет некто по имени Хыжа. У Хыжи жена – дочь великана. Она, его жена, беременна; если она родит, она родит сына, когда этот парень возмужает, отправится на поиски отца, этого Хыжу если ты сумеешь похитить и удержать. Если его сын отправится в путь, он приедет вместе с нартом Бадыноко, они вместе с тобой отомстят за тебя, и кроме них, за тебя некому отомстить», – сказала. Анак так мне сказала, – говорит. Как же мне быть, подумал я, послушав ее. Домой не возвращаясь, девушку одну оставив в пустом доме... Хыжу где бы мне найти – говоря, охотясь за ним, я остался в Кабарде, – говорит. – Остался, в поисках его, возвращаясь, тебя впереди, – говорит, – Бадыноко, Хыжу в конце, когда вы гнали нескольких лошадей, повстречал вас, – говорит. «В добрый путь!» – сказал я. «Спасибо! Удачи тебе в твоем деле!»... «Да будет вам в пользу то, что вы гоните!» – сказал я тогда вам. «Да будет бог довольным тобой, выбирай!» – ты мне сказал. Оттуда я поскакал к Хыже, Хыжу отвлек, с коня сорвал его, вот причина похищения, – говорит, – несчастье. Моих трех братьев убили, это я переживал, но и это забыл из-за матери, я беспокоился, поэтому похитил Хыжу, а не для того, чтобы заставить его рабствовать, я не собирался нанести ему вред, – говорит.

Таким образом:

– Ты слышал, Шужей? – говорит <Бадиноко>...

– Слышал, давайте тогда отправимся, – говорит Шужей, – к этим великанам.

– Не торопись, Шужей, – говорит. – Еще какую-нибудь новость услышим, – сказав, Бадиноко остановил Шужея.

Девушка же, уйдя <в дом>, готовила чай, жарила лакумы. Потом с самоваром в руках один, а другой – со столиком, принеся это в гостиную, пришли девушка и парень поставили ему стол, Шужей встал и только стоял, не захотев сесть за стол:

– Я сюда не есть-пить приехал, – говоря.

Так громко, сердито Шужей говорил, сказал. Когда он так сказал, Бадиноко так сказал, говорит, к тому парню обращаясь:

– Этого парня в другой дом отведи, покажи ему, <как ты содержишь его отца>, – говорит.

– Пойдем, парень, – говорит <юноша>, Шужея вывел, ввел в другой дом, вошел Шужей в самый конец [самую последнюю комнату] дома, говорит.

Ввел <он> его: <там старик сидит>, его кубган блестящий стоит, молитвенный коврик чистый <стоит>, на столе самая разнообразная пища лежит, дом чистый-пречистый – вот так, в чистой одежде Хыжа там жил, говорит.

– Салам алейкум! – приветствует Шужей.

– Алейкум салам, проходи, добрый парень! – отвечал ему <старик>, говорит.

Потом:

– Садись, отведай этой еды, – сказал, говорит.

Шужей сел и поел, говорит, ничего не оставив на столе. Что это его отец, понял он, говорит. И вот:

– Добрый парень, если ты уже поел, у тебя спутник, наверное, есть, – сказав, так его отец ему сказал, говорит.

– Есть.

– Тогда я старик, возвращайся туда, – сказав, сына своего выпроводил, говорит.

За это время Бадиноко попил чаю, говорит, поел лакумов, говорит. Шужей вошел и <сказал>:

– Поехали, если мы собираемся ехать, не будем сидеть, – сказал, говорит.

– Шужей, не торопись, – сказал, говорит. – Немного отдохнем.

Так ночи четыре – дней четыре они там отдохнули, говорит, Шужей и Бадиноко, будучи гостями. Бадиноко сказал, говорит:

– Ну, парень, теперь оседлай наших коней, поедем туда, – сказал.

Парень выскочил быстро, и коня Бадиноко, и коня Шужея не тронул, а из породы своих лошадей трех оседлал, говорит. Вернулся парень.

– Оседлал коней, – когда сказал...

– Пойдем, – сказав, вышел <Бадиноко>, – конь Бадиноко не был оседлан, конь Шужея не был оседлан. Оседланные три коня были из породы <лошадей>самого парня.

– Это что такое, где мой конь? – сказал Бадиноко.

– Твой конь, говорит, отдохнет, решил я, он стоит в той конюшне. Лошади нашей породы хороши для гор, – говорит, – <легко>, как дикие птицы, передвигаются там. Поэтому я решил, дам

отдохнуть и коню Бадиноко, и коню Шужея и оседлал наших коней, – сказал.

– Уаллаги, как только мы сядем верхом на твоих коней, как только из этого двора выедем, мой конь твою конюшню разнесет – и вмиг скроется в облаках, – сказал Бадиноко. – Выведи моего коня и оседлай, – сказал. Шужей, твоего коня тоже пусть оседлает твоим седлом, – сказал.

– Ну и ну! – сказав, парень снял седла, отпустил своих лошадей, вывел коня Бадиноко и оседлал.

– Теперь поехали! – сказав, вскочили на коней и поехали, <куда> их повел парень:

– Вот здесь живут великаны, здесь их жилище, – говорит.

– Да?

– Да.

– Тогда, – говорит Шужей, – вы вдвоем, спрятавшись, глядите в оба за мной, а я пойду в тот дом, – говорит. Он был уверен в себе. – Но, Бадиноко, если не буду справляться, не зевай! – говорит ему.

– Хорошо.

И вот Шужей, он был на коне из породы парня (?), как ласточка, въехал <во двор>. Коновязь стояла в середине двора, и он спешился и привязал коня к коновязи. Спешился и прямиком вошел в дом. Вошел и увидел – мать парня, вся в поту, стоит, готовит старуха.

– Добрый день, бабушка, – сказав, Шужей обнял старуху.

– Ах, парень, да будь ты счастлив, зачем ты, о горе, сюда приехал? Достаточно было тех, кто из-за меня тут погиб! – сказала старуха. – Приближается время их [иныжей] возвращения, тебе от них не спастись, <если они тебя увидят>, быстро выходи и скройся, – сказала она ему.

– Мать наша, это не беда, если ты что-нибудь приготовила, покорми меня, – сказал, говорит.

– Да разве же я смею кормить тебя этим, – сказала, говорит. – Сколько им хватит, я не могу приготовить, а если ты этого поешь и заполовинишь, они меня убьют – сказала.

– Ты за это не переживай, – сказав, <Шужей>вынул свой меч, воткнул его в котел и вытащил заднюю ногу быка.

Она уж нажарила лакумы, напекла хлеб – и это все <он> придвинул к себе, обглодал бедро быка, а кость бросил обратно. Зашел в комнату, в другую комнату – там стояли кровати великанов. Посмотрел Шужей и улегся на более прибранную кровать. Старуха переживает. Так, пока Шужей лежал в кровати, вернулись три великана. Вернулись, и когда увидели привязанного коня…:

– Уаллаги, гость к нам приехал, – сказали.

Средний великан заговорил и:

– Уаллаги, прибывший гость на известной нам породе лошадей, – сказал, говорит.

– Уаллаги, даже если это конь той породы, наш младший брат ему дорогу определит! – сказал, говорит, старший, заговорив.

Так вот, младший вбежал в дом, – Шужей лежал в той самой кровати.

– Ты смотри, что прибывший сюда карлик сделал! – сказал, говорит.

– Что сделал?

– Уаллаги, в самую лучшую кровать лег и лежит! – сказал, говорит.

Средний заговорил и:

– Уаллаги, он туда лег не без какого-либо намерения, не просто так, – сказал, говорит.

Старший заговорил и:

– Уаллаги, наш младший брат ему дорогу определит! – сказал, говорит.

И вот:

– Смотри, что он сделал! Аллахом клянусь, заднюю ногу съел и кость в котел воткнул! – сказал, говорит.

Средний заговорил:

– Уаллаги, он это не так просто сделал, у него есть какое-то намерение, – сказал, говорит.

– Как же он тебя напугал, – сказал, говорит, – этот карлик. Уаллаги, наш младший брат сейчас определит ему дорогу, – сказал, говорит.

Шужей привстал и говорит:

– Эй, – сказал, говорит, – много не болтайте! Потом причину чтобы не искали, сейчас садитесь, поешьте, затем мы займемся нашим делом, – сказал, говорит.

– Что он говорит! Теперь ты, что ли, будешь нам приказывать, есть нам или не есть! – сказал, говорит, старший, заговорив.

– Нет, потом вы можете сказать: «мы не поели, а то бы, если бы поели, ты бы нас не одолел», и сделаете это причиной, – говорит. – Поешьте и начнем, – когда сказал, три великана все вытащили из котла и сели есть.

Сидели, ели, и когда еда уже заканчивалась, Шужей встал, вышел, взял старуху под руки и вывел. Когда они дошли до коня, младший парень подбежал:

– Что ты собираешься делать, противненький карлик? – говоря, когда он наскочил, Шужей, сделав вот так, повернулся, ударил младшего великана и расквасил ему нос. Да так, что кровь хлынула.

– Ах ты, карлик незаконнорожденный, он побил меня! – сказал он. Пока, он стоял, держа нос, так как оттуда текла кровь, Шужей наклонился с коня, поднял старуху, посадил ее и ускакал.

Младший брат немного почистил нос, и так как его конь оседланный стоял, сел вослед, поскакал за ними и когда он стал догонять, Шужей старуху опустил <наземь>, развернулся, ударил его и снес голову великана. Хотел поймать его коня, но не успел, конь ускакал, вернулся, обливаясь кровью.

Средний великан заговорил и сказал:

– Я же говорил, что у него есть какая-то цель, <нашего> брата конь вернулся с пустым седлом, обливаясь кровью.

– Уаллаги, по твоим словам, конец света настал! Ну и напугал тебя этот карлик! – говоря, когда старший это сказал, – Пойди, посмотри! – приказал он. Средний выскочил, кинулся к коню и поскакал догонять, говорит.

Шужей ехал, снова посадив старуху на коня, когда же тот стал догонять, он опять опустил старуху наземь, развернулся, ударил, среднему великану голову снес, говорит. Его коня попытался поймать, но не успел, конь увернулся и, обливаясь кровью, ускакал, говорит. Когда обливающийся кровью с пустым седлом вернулся, старший увидел и…:

– Этот карлик всех лошадей с пустым седлом возвращает! – сказав, быстро вышел, кинулся к коню и помчался вслед за ним.

Когда он стал догонять, Шужей спустил старуху и стал против него. Став против него, он сказал:

– Уступаю тебе первый удар, бей!

– Долго мы будем друг другу уступать. Скину тебя сейчас, – сказал, повернулся к нему, ударил и сильно ранил Шужея. Тот упал с коня, потерял сознание. Так как те двое стояли наготове, они быстро подъехали. Бадиноко ударил и снес голову старшему великану. Парню, который его туда повел, сказал:

– Иди в такое-то место, вот такую траву принеси и быстро возвращайся, – говорит.

Старуха:

– Зелье у меня есть, милый, – говорит, – в моем кармане лежит.

– Где оно, давай его! – сказал, взяла старуха и дала ему. Положил <Бадиноко зелье> на раны Шужея, а тот сознание потерявший был, пришел в себя и встал, и его раны залечились.

– Другие есть здесь, парень? – когда он сказал...

– Только эти трое, других здесь нет, – ответил парень, чью мать возвращают.

– Так, что делать будем?

– Уаллаги, вот мы что сделаем, вернемся, войдем, великанов альпы оседланы, соберем все их добро без остатка, положим на них и вернемся, твою мать тоже возвратим и вернемся, – сказал Бадиноко.

– Правильно!

Вернулись, а у трех великанов было по одной переметной суме, на коней трех великанов все это положили, туда положили все, что приглянулось, взяли под уздцы коней трех великанов, их добро привезли и, старуху привезя, вернулись.

Возвратились, так как их <раньше> было много братьев, они были состоятельными, <за это время> они не обеднели, очевидно…

– Аллах-аллах, и мою мать вы мне вернули и за меня отомстили, – сказав, парень устроил пышное жертвоприношение.

Месяц-два и Бадиноко, и Шужей, и Хыжа участвовали в этом жертвоприношении.

Парень стал призадумываться, парень, чью мать вернули: «Теперь если Бадиноко и Шужей увезут Хыжу, перестанем быть близкими, потеряем друг друга, но если мою единственную сестру, из уважения ко мне за Шужея выдали бы, мы бы породнились на всю жизнь». Это пришло в голову парню, и он вывел Бадиноко и попросил его:

– Бадиноко, столько, сколько вы сделали для меня, – достойного тому богатства на свете нет. Но свою единственную сестру я

за все богатство мира не отдам, – сказал, говорит. – Она стоит всех богатств на свете. Вот бы ты мою единственную сестру женой Шужея смог бы уговорить взять! Чтобы не расставаться, чтоб он не уезжал, если мы породнились, всю жизнь, родственниками, друзьями жили бы! Из уважения, ко мне сделай, чтобы он взял ее в жены, – сказал, говорит.

– Хорошо, – пообещал Бадиноко.

Тот ведь поклялся Бадиноко: «То, что скажешь, сделаю», – говоря. «Тебе перечить не буду!» – говоря, он клялся ему, когда они собирались уезжать. Бадиноко вывел Шужея и сказал ему:

– Этот парень неплохой, и вся семья неплохая, и девушка хорошая женщина. Но сразу уезжать и возвращаться домой нельзя, я эту девушку сватаю, – говорит ему, – возьму ее с собой: я не позволю тебе не слушаться меня! – говорит.

Шужей сел и заплакал, говорит:

– Бадиноко, я выезжал не на поиски жены. Я искал случая, где бы проявить мужество, как раз сейчас я решил проявлять мужество, проявлять человечность. И это ты разрушаешь! – сказав, заплакал Шужей, говорит.

Но другого выхода не было: он клялся беспрекословно выполнять все, что тот ему скажет. Наверное, и у Хыжа была мысль: «Вот бы девушка стала мне снохой». Хыжа дал совет ему, и девушку посадили ему на коня вместе с ее братом, Хыжу привезли домой Бадиноко и Шужей.

– О, Аллах, Шужей вместе с Бадиноко вернулись, привезя с собой Хыжу! И невесту привезли! – сказали, все нарты собрались и сыграли ему свадьбу.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/31. Исп. Хамурза Жабоев: 1902 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 10.10.1984 г. З. Налоева. Выписка с магнитн. ленты З. Налоева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания, которое имеет широкое распространение как среди западных адыгов (бжедугов, темиргоевцев и др.), так и восточных кабардино-черкесов. Данная запись интересна и как свидетельство широкого ареала распространения сюжета, и как фиксация живого устного исполнения.

40. НАРТ ШЭБАРТЫНЫКЪОРЭ ЧЭЧАНЭКЪО ЧЭЧАНРЭ

Чэчанэ дэкIымэ зекIо кIоу, илъэсырэ къэтэу ишэныгъ. Зы шъуз иIагъ, ащ нэмыкI иунагъо цIыфышъхьэ исыгъэп. Илъэс зауләрэ, ар икIуакIэу зекIо кIоу, бэрэ къэтэу хэтыгъ.

Ащ ыужым ишъуз гъумы хъугъэу, кIалэ къымыгъотыгъэгоу, Чэчанэ зекIо кIуагъэ. Илъэсырэ къызэрэтырэм фэдэу къэтызэ, шъао къыфэхъугъ. КъэкIожьымэ аIоу, кIалэу къыфэхъугъэм цIэ

фамыусэу, илъэситIу фэдиз хъугъэ. Шъузым ыгу кIоди, лIыр щымыIэжьыджэ енэгуеу, гумэкIэу хъуи, иныбджэгъоу хэгъэгум исыхэм макъэ аригъэIугъ. Иныбджэгъухэр къэзэрэугъоигъэх.

– Чэчанэ чIым ынапэ тетымэ, псаоу гъэры хъугъэми, укIыгъэу хьадэу щытыми, зэтымыгъэгъотэу ыужы тикIынэп, – аIуи, иныбджэгъухэр зэкIэшасэхи ежьагъэх. Зыдыщынэсытым гъунэ имыIэу лъыхъуагъэх.

Амыгъоты зэхъум:

– Хэты щыщыми иныбджэгъоу, ихьалэлэу зы нэбгырэ зэкIодылIагъэр нахь, нэбгыритIумэ тшIэтыгъэ, – аIуи, ар телъхьапIэ ашIи, къагъэзэжьи шъузым дэжь къэкIожьыгъэх.

Шъхьашыгу ихыгъэу шъузым раIуагъ:

– Чэчанэ щыIэжьэп, щыIагъэемэ къэдгъотыжьытыгъэ, ихьэдагъэ ышъхьашыгу ихыгъэн фае. Чэчанэ фэдэ лIым пышIахьыпхъэр пыпшIахьыншъы, иIоф уухын фае, – аIуи тыраубытагъ.

Ащ тетэу Чэчанэ ихьадагъэ къаIэтыгъ. Хэгъэгум исэу хьэдагъэм къекIолIэтэр ымыухэу, илъэсырэ хьэдагъэм пылъыгъэх. Чэчанэ дэкIымэ былымэу къыхьырэр цIыфыхэмэ аритэу, ахигъэкIуадэу, цIыфыхэм IэпыIэгъу афэхъоу щытыгъ. Арыти, зэраIуагъэу щыIэр зэкIэ ихьэдагъэ къекIолIагъэх. Анахь ихьэлэлыхэу, ишъэогъу илъыхъуакIотыгъэхэр ащ фэдизыджэ щысыгъэх. Хьэдагъэр зауухым, шъузэр ахахьишъ, ахэмэ ариIуагъ:

– Сихьэдагъэ непэ зэрэзешъухьагъэу, ыужы шъузэритыгъэу, дахэу ешъуIуагъэр сщыгъупшэнэп. Шъузабэу сыкъэнагъэ шъхьаеджэ, хэгъэгум шъукъызихьэджэ, шъукъысэмыуалIэу, мы чэлыжъым шъукъемыуалIэмэ, сырырэзэнэп.

ЛIэу щысыгъэхэми мырэу къаIуагъ:

– Чэчанэ иIоф тыухыгъэ шъхьаеджэрэ, кIалэм ифэшъуашэр къэнагъ. Къызыхъугъэмрэ непэ къызыэнсыгъэмрэ къазыфагу цIэ фаусыгъэп. Iофышко унагъоми иIэ хъугъэти, ар ашIоIофыгъэп. Джы тэ цIэ фэтэжъугъэус. Ятэ тиныбджэгъугъ, тихьэлэлыгъэшъ, зэрэщымыгъупшэным пайджэрэ Чэчанэкъо Чэчан фэтэусыжьы. Зыщытлъэгъурэм ятэ ыцIэ къыхафэу, ежьыри тимыджагъоу, ащыджэрэ тыгу рэхьаты ехъулIэнэу а цIэр фэтэусы, – аIуи, зэдаштагъэ.

ЦIэ заусыджэрэ джанэ фашIынэр адыгэхэмэ яшэныгъ. Ащ ячIапIэджэ:

– Шыкъонтхъы екIунхэу Iэшэ-шъошэ пчъагъэр къытхэрэкI, – аIуишъ, зэфэмыдэджэ Iэшэ-шъуашэу щыIэм изырыз къагъэIылъыгъ. Зы ши а чIапIэм кIалэм къыщыратыгъ.

КIалэм цIэ фамыусыгозэгъо илъэсищ ыныбжь хъугъагъэ. Янэ кIалэр чылэм химыгъахьэу, димыгъэкIэу, ымыгъэхьачэраоу ыIыгъыгъ, къэхъумэ зыгорэ зэрэхъутым щыгугъэу щытыгъ. Шэпкълъэпкъыхэмрэ изекIуакIэ-иIэбакIэхэмрэ лIы зэрэхэкIытымджэ гугъапIэ къыратэу, шъхьагъырытышкоу фэхъоу, лъэшэу фэубзэу, ынаIэ тетэу ыпIугъ. Ащ тетызэ кIалэм илъэс пшIыкIущ ыныбжьэу хъугъэ.

Ащ ыужым, зы мафэ горэм, кIалэр къыдэкIишъ, кIэлэ джэгумэ ахэхьагъ. КIалэхэр зэрэгъэджэгухэу, ежьыри яплъэу зыкупрэ щытыгъ. Яхъуапси, ежьыри джэгунэу ахэхьагъ. Адэджэгунэу

фежьагъ, ау адрэхэр зэрэджэгухэрэм фэдэу захахьэм, джэгум хэтыгозрэ зэIагъэм ыIэпкъ-лъэпкъхэр зэхицIыщIагъэх.

Зы щэм къикIыгъэм фэдэу кIалэу зыхэхьагъэхэр лъэшэу къыфэгубжыгъэх:

– Уянэ укъигъэтхъагъэшъ, зыпшIэжьырэп... Мыщ фэдизэу кIуачIэ уиIэмэ, улъэшымэ, уятэ зыдыщыкIодыгъэр умышIэу, зыукIыгъэр умышIэу узпэсэр шъыда? – къыраIуагъ.

КъызэрэраIуагъэм лъыпытэу, зы гущаIэ афимышIэу, кIалэм къыгъэзэжьишъ, ядэжьы къэкIожьыгъ. Лъэшэу чэфынчъэу, сымаджэм фэдэу, епэзэзэхэу Iыстыгъэ. Янэ арэу къызелъэгъум:

– Шъыд, си-Чэчан, къыпщышIыгъэр? Усымаджа? КъыоолIагъэ щыIа? Шъыд пае удэкIыгъ, ащ сенэгуегъагъ, сыпкIырыплъызэпытын слъэкIына? Зыгорэ къыоолIагъэу къычIэкIын? – къыриIуагъ.

– Зыпари къысэолIагъэп, зыпарэми сыIукIагъэп, скIоцI тIэкIу мэузышъ, зэнтхъ бэджынэ стырырэ шъоу цIынэрэ зэхэлъэу сшкы сшIоигъоу сыгу къэкIыгъ, – ыIуагъ кIалэм.

– Ар Iофа, си-Чэчан, фэсшIынба, – ыIуагъ яни. ЗиIэм бэрэ пигъэтыния – къыфишIыгъ. Къыфихьи ыпашъхьэ къызрегъэуцом, кIалэр хэмыIэу Iыстыгъэ.

– Шъыда адэ, си-Чэчан, узыфэмышкэрэр? – янэ къеупчIыгъ.

– Тян, орырэ сэрырэ тызэдэмышкэу, мы ныбэ узым сигъэлIэтыджи, сыхэIэтэп, – риIуагъ.

– Орырэ сэрырэ тызэдэшкэгъуа? Непэ шъыд маф, угу къэкIыгъэхэри шъыда? IофшIэныхэри сиIэх. Ныбжьи, быдзым узыпыкIыжьыгъэмрэ иджырырэ къазыфагу, зы лагъэ тызэдиIагъэп. УиIахь шъхьафэу, уишкэнджэ сыпфэсакъыгъ. ХьакIэ зиIэм зэригъашкэрэм фэдэу узгъэшкагъ, усIыгъ. Сыуянэми, адыгэ хабзэм унагъомджэ бзылъфыгъэм IэнатIэу щыфигъэшъошагъэм, орыджэ семыбакъоу успIугъ. Джыри шъыд пае мыхабзэр тшIэна? Хьакъушыкъухэр зэIэсхыжьытыхэшъ, сызыпылъынхэри щыIэхэшъ, сэ укъысэмыжэу шкэ, — ыIуагъ янэ.

– Iухыжь, укъыздэмышкэу мы шкынэр сымышкынджэ тхьэ сэIо! – Чэчанэ щиIуагъ а чIапIэм.

– А кIэлэ мыгъу, сыхэмыIэ мыхъутымэ, кIо къыбдэсыублэн, – ыIуи, янэ, щытызэ хэIэбэнэу къызэIабэм, кIалэр еIи ыIашъхьэ бэджынэ стырым хиIугъ.

– Сызыфэбгъэстырэр шъыд, узэкIокIыгъа? – янэ къэкууагъ.

– СызэрэоупчIырэм шъыпкъэу хэлъэр къызсымэIоджэ, пызгъэзынджэ тхьэ щысэIо!

– СшIэрэ осIонджэ мы уашхъор тикъан!

Янэ ыIашъхьэ псынкIэу къыхихыжьи, къызыщылъэти пилъэкIыкIыжьыгъ, щхыу цIынэ къыщифэжьыгъ.

– Ащыгъум, тян, сызэрэоупчIытэр ары: непэ кIалэу сызыхэхьагъэмэ сыкъагъэущыгъ, ыджырэ нэсыджэ сыгуи къэкIыгъэп, сэри сыоупчIыгъэп, ори къысэпIуагъэп: «Тятэ хэт?» осIуагъэп, «Тятэ тэдэ щыIа?» осIуагъэп, ори «Уятэ мыр къехъулIагъ» пIоу къысэпIуагъэп. Ау мы кIалэхэу мыр къысэзыIуагъэмэ, дэгъоу къысаIуагъ, сыкъагъэущыгъ. Тятэ къехъулIагъэр – аукIыгъэми, атхьалагъэми хэпшIыкIырэр къысэпIот, адрэ къэнэжьырэмджэ тятэ папкIэджэрэ сфыхэшIахьышъурэм сэ

сеплъыт. Тхьэу озгъэIуагъэм къезгъэубытырэр ащ хэпшIыкIырэр къысэпIонэу ары.

– Е, кIэлэ мыгъу, – ыIуагъ янэ. – Уяти сетхъылIагъэп, ори сыбгъэтхъэнэп. Уятэ дэкIымэ илъэсырэ къэтэу, ащ къыригъэхъоу къыхэкIэу къэтытыгъэ. ГъэрыпIэм ситэу гъэшIэнэр ащ дэсхьыгъ. О укъэхъоу лIы узыхъуджэрэ, уятэ ылъ пшIэжьынэу, сэри зызгъэпсэфынэу, а хьисапэр фысиIагъ шъхьае, игъом унэсыеп! Сэ синасып зыхэлъэр, илъэсыбэ сэ згъэшIэтми, мэфэ тхъагъо симыIэнэу ар синэтIэрыIу. Иджы сэ уасIорэр: илъэс тIокIы горэ ныбжьымджэ нэбгъэсыгъэмэ, уиIофыхэри хьазырэу зэхэозгъэшIыкIын, уятэ къонтхъэу къыкIэныгъэу шы-Iашэу къыпфэнагъэхэри остыжьын, етIанэ къыпфэшъуашэр пшIэни! ЦIыф ышъхьашъо исымыгъаплъэу, цIыф къыздимышIэу уятэ ипкIэгъуалэ чIыунэм чIэтэу сэ сIыгъыгъ. Уятэ Iашэу иIагъэу, зэштэгъоу къыщинагъэр, цIыф зэрымыхьат унэм илъэу, непэ блэ згъэунэфэу, сызихьэджэ о фэслъэкIэу, зэзгъэзэкIымэ, къыпыслъэжьэу фэсIыгъыгъ. Игъом улъыкIэхьагъэпышъ, яфэшъуашэу зепхьашъунэп – укIалэу уежьэт. Амал сэ фысиIэп, ау ощ нэмыкIэу хэты естын, Iашэрэ шырэ къэзгъэнэжьымэ, хэт папкIэ сэ сIыгъын? Ахэр о пфэхьазыр.

– Шъыд тятэ иIагъ, – ыIуагъ Чэчанэ.

– ЗекIошитIу уятэ иIагъ, Iэшэ тIо штэгъу иIагъ. Зэ ехьыжьэгъор уятэ дэкIодыжьыгъ, къэнэжьыгъэр о остын. УасIорэм къедэIуи, уасIорэр бгъэцакIэу, зэрэсIорэм тетэу гъогум узырыкIоджэ, пкIэгъуалэр гъуазэ хъут. ПкIэгъуалэм уанэ теплъхьэу утеIыстэу узыдэкIыджэ, шкомлакIэм укIэмыI, тетIупщыхьагъэу ар гъакIо. Гъогу зэхэкI уIукIагъэджи, яхэзыбгъу емыщэкI, ежь зыдеблэрэм ар гъакIо. Гъутхьаным фэнацIэ хъумэ, ежь-ежьырэу къэуцу, – умытхъытхъэу зэ гъэланлэ, уанэри щэ тегъау, ынэкушъхьи кIэлъэкIахь. Чэщ уапэу къызыуцуджэ, уятэ иуцупIагъэм зынэсыджэ, къыщыуцут. Ащ щепсыхи, уиш онэ къопэ пхэдж шIыри, шым ептытэри хьазыр, ори гъомылапхъэ пIыгъымэ, ухэIэт. Аугозэрэ укIот. ГъогуитIор зыщызэхэкIырэм «нахьы благъэшъ, мыр рескIон» пIоу шкомлакIэр умыкъудый. ТетIупщхьагъэу орэкIо. Гъогум урыкIозэ, егъэзыгъэ ущыIукIэмэ, ушъхьащыкIэу уемыжьэжь, уятэ ар ихэбзагъэп, плъэпкъы хъоны къыфэмыхь, хьайнапи умышIэ.

Янэ игущаIэ зэпигъэуи тIэкIурэ плъызагъэ.

– Къэбгъэзэжьынышъ, сэ услъэгъужьын сIоу сыпщыгугъыжьырэп. Шъыда зыпIоджэ, укIэлащэу уежьагъэшъы, о ппкъырэ-лырэ уцугъэп. КIуачIэ уиI, гу уиIэмэ. Пэлыуанэ ухъугъэу ппкъы зэрэмыуцугъэм, игъом улъыкIэмыхьэу узэрежьагъэм ар къысегъаIо. Алахьэм сыхьатмафэ урегъажь! Мы пкIэгъуалэр зыдэхьатэр хэт щыщыми, уятэ ишъэогъу хьалэлэу изекIуапIэу щытыгъ. Уятэ зао IукIодагъэп, пчъэIуи IукIодагъэп. ЗэкIодылIэгъэн фаер ишъэогъу. НэбгыритIу ащ икIодыкIэ зэдашIэтыгъэмэ, лъыхъуакIо ежьагъэмэ къагъотытыгъэ. Шъыд иIэкIэкIодакIэми, мы пкIэгъуалэм бысым пфишIырэр ары уятэ кIодыпIэу фэхъугъэр. Арышъ, узынэсыджэ, епшIэтэр о къэпшIэн, епшIэшъурэри о плъэгъун, – къыриIуагъ янэ.

Къытыригъэпсахьи, игъомыли зепхьанджэ мыхьылъэу ишкынджэрэ федэу, зекIо гъомлапхъэм ишIыкIэ фэIазэти, къыфишIи, янэ кIалэр къыдитIупщыгъ.

Гъогум къытехьагъэу макIо джы. КIалэм зыдакIорэ ышIэрэп, пкIэгъуалэм ехьы. Еомэ кIозэгъо, чэщ зыщыхъурэм шэр къэуцумэ, мэIысты, нэфшъагъо охъуфэ зегъэпсэфы. Аугозэ чыжьэу кIуагъэ. Iуашъхьэ горэм зыщынэсыным, занкIэу зэпырыплъымэ, чылэ горэ кIэим исэу ылъэгъоу IукIагъ. Жьабгъумджэ зы гъогу кIоу, сэмэгум зы гъогу кIоу ылъэгъугъ. Ау гъогоу пкIэгъуалэр зэрыкIорэм Iуашъхьэр къыуахьэу, зэрилъэгъурэм нахь чыжьэу кIалэм шIошIыгъ. Сэмэгумджэ кIорэ гъогур нахь благъэу кIалэм шIошIыгъ. Сэмэгумджэ кIорэ гъогур благъэу кIалэр еплъи, пкIэгъуалэр жьабгъум техьи шъхьай, къыIуантIишъ, сэмэгу гъогум къытехьагъ. ПкIэгъуалэр жьабгъум енэцIэу, а лъэныкъом къыдиIонтIэхымэ къымыгъакIоу зыкупрэ кIуагъэ. Янэ ыIуагъэр ыгу къэкIыжьи: «ЕI, сшIэрэр!» ыIуи, пкIэгъуалэр къызетIупщым, гъогунчъэджэ къыгъэзагъ.

А Iуашъхьэу зыготым пэнэ шъхьадэхэр, уды панэджэ адыгэхэр заджэрэм фэдэу, ычIэгъыхэр кIэхъоу, ышъхьапэджэ зэуалIэу Iужъоу тетыгъ. Ащымэ къызахахьэм, пкIэгъуалэр зэхацутхъэу, панэхэр къызэпитхъузэ, жьабгъу гъогум къытехьажьыгъ. КIалэр зыдэплъыхыжьи, ипкIэгъуалэ лъэр къечъэхэу, панэм къызэхицунтхъагъэу, къызелъэгъум, а чIапIэм щепсыхыгъ. Шэбые IапIэхэр къыщыритхъи, пкIэгъуалэм телъэкIахьыгъ.

КIалэм лъэшэу ыгу хэкIыгъ.

– Тянэ къысиIуагъэм сызэрэдэхыгъэм пкIэгъуалэр хэсцутхъагъ. Хьэзаби щесхыгъ, – ыIуишъ, иныбэпхыхэри щигъэланли, ипкIэгъуали жьы къыригъащи, шыIупхъэ тIэкIу а чIыпIалъэм къыщыритыгъ. Ежьыри тIэкIу къызыIуилъхьагъ. Къэшэсыжьи, иIашэмэ ахэупхъуахьыжьи, пкIэгъуалэр ытIупщыгъ.

Гъогум занкIэу рыкIозэ, шыу жъонт макъэхэр зэхихыгъэх. КIалэр къэтхьэоягъ. Шъузыщэ орэдыIо фэдэхэри къызэхихэу, тхьэусыхэ макъэхэри къызэхихэу хъугъэ. А купым IукIагъ. Иныхэу драгунхэу, шыу тIокIитIу зэрэхьакъу-жъокъухэу кум ыпэ итых. Коу аужы итым шищ кIэшIагъ. Инэу, джадэу зы шао куплIэм дэс. А шаом нахьи нахь иныхэу кукIэм нэбгыритIуи исыхэу, ящанэу зы бзылъфыгъэ ащ аIыгъ. Бзылъфыгъэу ащ аIыгъым щыIъым щыгъын къыщымынагъэу, зэхэцунтхъагъэу, ышъхьацхэр зэIэхьагъэу нэбгыритIумэ зэпаIыгъ. Арэу щытэу кIалэр аIукIагъ.

КIалэр къаблэкIоти, тIэкIурэ къэкIотагъэу, чъыегъэ къэущыжьыгъэм фэдэу, зэкIэм къэлъэтагъ:

– ЫхьыI, тянэ къысиIуагъэр, апэрэу сызыщыIукIагъэм, блэсэгъэкIы, итIуанэ шъыд сшIэжьына? Тяти хъон къыфэсхьэу, тяни ыIуагъэр зысымышIэджэ, сэ шъыд сшIэшъунэу сыкъежьагъ? – ыIуи, пкIэгъуалэм къыIуIи, кIэпщы огъу къыщырихи, къыгъази къалъежьагъ.

Къызежьагъэмрэ джырэ къазфагу пкIэгъуалэм емыуагъэу а чIапIэм къызыхаом, пкIэгъуалэр зэкIоцIычэу, ыжэ зэкIэгъэзыгъэу, мэшIуащэр жэм къыдихэу, хьашхъурэIум фэдэу кIалэр къатефэрзагъ.

– ЫхьыI, куп, гъогу мафэ шъуежь апщи! – ыIуишъ, купмэ къариIуагъ.

– Тхьэуегъэпсэу, кIал! – къыраIуагъ кум исхэмэ. Бзылъфыгъэм зи къыIуагъэп.

– Адэ, ыджы шъузэфаеу шъокIожьымэ, мы бзылъфыгъэр нэтхъэпатхъи, шъыда къехъулIагъэр? Зыгорэм ыщэгъагъэу къэшъохьыжьымэ, шъузыщэ орэд къыфэшъоIо, къэшъощэу шъукъэкIожьыми, мы бзылъфыгъэр шъыдэу пщIана? – а чIапIэм къащеупчIыгъ.

– Шъыда о узыхэтэр, уигъогу шъыд пае утекIыра? УимыIофы шъыд пае ухахьэрэ? – къыраIуагъ дысы хьазырэу.

– Ар сэ сиIоф, сызыкIэупчIэн фаем сыкъырихьылIагъэшъы, ащ сэ сыблэкIытэп. УпчIэгъуи шъусшIыжьырэп, къэзыIотым ылъэныкъо зызгъэзэн. Мыщ фэдэу куп зызэрихьылIэджэрэ тхьакъуфагъэ зэратыжьырэ хабзэ сIуагъэ шъхьае, адыгагъэр къэжъугъотыжьытэп, цIыфыгъи къышъухэфэжьытэп шъо. ЫIхьы, ыджы сышъоупчIыжьырэп шъо, къаIо мыдэ, о – ыIуагъ Чэчаныкъо Чэчан бзылъфыгъэм зыфигъази. – О сызэрэпхаплъэрэмджэ, пшIомыигъоу мы купымэ уахьэу ары. Уахьымэ, сшъхьэрэ спсэрэ згъэIылъыт, умыщын, умыукIыт, Iофэр зытетэр къысаIу, – ыIуи, бзылъфыгъэм риIуагъ.

– А кIал, ТхьэмшIу къыпфешI, Алахьэм уеузэнкI – къыIуагъ бзылъфыгъэм. – УкIал о, уныбжьи уапэ къэт. Сэ папкIэджэ заIэкIэмыгъэкIуад, мыгъуагъэу сэрджи хъун. Мыщ якIодылIагъэм боу лIыхъужъ ахэтыгъ, ау амал афэхъугъэп нахь. Разэ сэ сыпшIытымэ, сапашъхьэ зырямыгъэукIахь, гугъоу сиIэм ори закъыхэмыгъахъу. Узщыщ сэ сымышIэу, шъыдэу хъумэ узгъэкIодын, къысфэпшIэгъахэджэ исэгъэкъу.

– УиIоф зытетэр сшIагъэмэ, ащ нахьыбэ сэ сыфэягъэп, – ыIуагъ кIалэм.

ЯтIуанэ купым зафигъэзэжьи, мырэущтэу ариIуагъ:

– ЛъэIор згъэIылъыгъэшъы, ыджы лIыгъэ-лIыгъэм тыхэхьагъ. Шъо шъулIымэ, ар шъущэн, сэ сылIымэ, шъозгъэщэнэп, – ыIуишъ, апэджэ къэуцугъ.

– Шъуащыщ горэм Iэ пытыба! — ыIуишъы, кум исымэ анахьыжъэу а Iофэр зэзгъэфагъэу, а бзылъфыгъэр язгъахьырэм, купым къариIуагъ. Мыщ тызфигъэгужъоу, Iофэу къыддыриIэр къежъугъаIомэ хъутыба?

Ар къызареIом, ащыщ горэ шкончыпэр къымыгъазэу, шкончы дакъэр къыфигъазэешъ, кIалэм къеуагъ.

– Ащ щышъуублагъ ыдж! – ыIуишъ, кIалэм ичатэ къырихи, къеуагъэм зи римыIоу, кор ежьэмэ мыкIожьынэу, ку зэкIэшIагъэу щытым постромкэу пылъыхэр еуи зэпиупкIыгъэх. Ащ къыщадиубли, кIалэр ашIокIалэу ышIэнджэрэ рамыпэсэу, а чIыпIалъэм къащыхахьишъ, шыу тIокIитIор щиукIыгъ.

КIалэр пелыуан гъэнэфагъэу щытыти, зэогъу къыфыримыкъухэу купэр хьэлэчы зэхишIахьыгъ. Зэоным ар зыфежьэм, пкIэгъуалэр хьашхъурэIоу, шкомылакIэм фэмыубытыжьэу, апэм зыIутыгъэ гъэзэуатэр ыгу къэкIыжьыгъэм фэдэу, кIалэм хишIахьыгъэм фэдиз пкIэгъуалэми шыбгъэджэ зэщиутызэ, хишIахьыгъ пIонэу щытыгъ. Укъаплъэмэ зэоным лъэшэу фэгъэпсыгъэу, пыим игохьэкIэ-гокIыжьыкIэджэ кIалэм нахьи нахь гъэсагъэ пIонэу пкIэгъуалэр щызекIуагъ. Кум ис нэбгырищэри а чIыпIалъэм къыщиукIыгъ. ЕIэбэхишъ, бзылъфыгъэр къыздиштагъ, икIакIо къырищэкIи, ыкIокIы ригъэIыстишъ, кIалэр къежьэжьыгъ.

ПкIэгъуалэр гъогум техьажьыгъ. Бзылъфыгъэм «Тэ сыпхьыт?» ыIуагъэп, кIалэми «Тэ усхьыт?» ыIуагъэп. Арэу къызынэсыхэм, кIалэр чылэм къыIуплъагъ. Чылэу къызыдэплъагъэм ыгузэгум щау горэм цIыфхэр Iуизэу, хэгъуашъхьэм къэсэу цIыфхэр урамым темыфэу тизэу ылъэгъугъ.

Ащ фэдиз цIыфэр зыдэт урамым къафиузэнкIи, пкIэгъуалэр ащ къекIугъ. ЗанкIэу гъогум тетэу цIыфымэ къахэхьагъ. Щыхъугъэри ымышIэу, кIалэр купмэ ахэплъахьэу къакIоцIырэкIы. ЦIыфэр зэрэIужъоу, икIахьыгъэджэрэ урамым дафэрэп, зы Iэгушко горэм дэмыфэу дэт. Унэми из, щызэблэкIыхэу, лъэшэу гумэкIыхэу фыжьыхэри зэрахьэу, щыуанхэри ащ рахьылIэу, хьакIэщым зэкIэ екIухэу щытыгъ.

Шэр кIуишъ занкIэу а цIыф гумэкIышкор зыдэт Iэгум дахьи, шышIоIум еуцолIагъ. Ащ лъыпытэу кIалэр къеIэбэхи бзылъфыгъэр зегъэуцум, цIыф ылъэгъунджэ пцIанэу щытыти, бзылъфыгъэм зиуфишъ, купэу ау дэтымэ ахэхъушъутишъ, унэшком илъэдэжьыгъ.

КIалэр ау щепсыхи, иши шышIоIум шIуидзишъ, исэшкуи ыухьазыри, ишкончи зэ еIэжьишъ:

– ЫIхьы, ыдж сыкъызынэсыгъэр тятэ икIодыпI. Мы зауляр зыфызэблэкIэу, мы зауляр зикъулыкъушIэр арын фае, ау зыхъуджэрэ сызэрихьагъэм лъыпытэу сеонышъы сыукIын, – ыIуишъ, кIалэм ыгу къихьагъ.

Адэ цIыфэу дэтыхэмэ, бырысырэу зыхэтыхэмджэрэ, ежьымэ ащыщ ашIошIэу гу лъамытэу, кIалэр унэм ихьагъ. Унэу зэрыхьагъэм джэхашъом инэу, джадэу зыгорэ телъ. Джэхашъом телъым сэшко тыкъо имыIэу, мыуIагъэу Iапэ зытефэн имыIэжьэу ау щытэу ылъэгъугъ. Iазэхэри зэкIэ ышъхьагъы итыхэу, фыжьыхэри щызэIатхъэу, сабыны тхъубэхэри щашIыхэу, анатIи пкIатIэ къехэу купымэ къазыхаплъэм:

– ЫхьыIыдж мы сыкъызэрихьылIагъэр лIы укIыгъах. Мыр сэукIыжьыджэрэ тятэ папкIэджэрэ укIыгъэджэ аштэнэп. ЛIэмэ, сиIоф сыухыгъэ, зыхъужьыджэ сыукIын, – ыIуагъ кIалэм ыгуджэ Ау щытэу ыIуи, хэгъэрэиным хэхьажьыгъ.

Ащ тетэу ежьыри Iутэу, еIазэхэри еIазэу, ежьыри а зэрэхэгъырэим тетэу илъэсырэ уIагъэм екIэпщагъ. ЛIэу зэIазэхэрэр Чэчанэкъо Чэчаным ышIэтыгъэп. Ау къызэраIуагъэмджэ – нарт Шэбартыныкъу.

ИуIагъэхэр нахьышIу хъуи, ыгуджи нахь псынкIэу къэхъуи, бэщ ыIыгъымэ, Iагум къикIын ылъэкIэу къызэхъум ыужы, зы мафэ фэдиз щышIагъэу, «Унэшком ылъэныкъо зэ сыкъэплъэн» ыIуишъ, Шэбартыныкъор кIуагъэ. КIуи, унэм зехьэм, ущ фэдиз Iофэр къызыфехъулIагъэу, хьэлэчы зытехъуахьыгъэ шъузэр исэу унэм рилъэгъуагъ.

– Шъыдэу хъумэ укъэкIожьыгъ, тэди укъикIыжьыгъа? – ыIуи, ыгъэшIагъоу шъузым еупчIыгъ Шэбартыныкъор.

– Ай нахьыджэрэ пшIэрэба? – къыIуагъ шъузым. – Сэрсэрэу сыкъэкIожьын слъэкIытыгъэмэ, зязгъахьыния! О плъэкIытыгъагъэмэ, шъыд папкIэ сябгъахьыгъа? Ай нахьыджэрэ хъугъэм зи хэмышIыкIэу, хьакIэу уиIэм гу лъымытэу, илъэсым къыдафэу блэбгъэкIыгъэ заулэр шъыдэу хъумэ пфэщэIагъ?

ХьакIэу уиIэр пшIэрэба? Чэчанэ зытесытыгъэ пкIэгъуалэр мы шэщым ит. Ай кIалэу тесэр къакIуишъ, уипыихэмэ алъэпкъ къымыгъанэу ыухи, хьэ сщитхъын къысщымынагъэу сакъыхихыжьи, икIакIо къысищэкIишъ, ишкомлакIэ къыкIэмыIэу занкIэу сыкъихьыжьыгъ. А кIалэу сыкъэзыхьыжьыгъэр, тэди къыпфэрэкI, Чэчанэ ымыкъомэ, ышIагъэм фэдэ цIыф ышIэн ылъэкIытэп. Ифэшъуашэджэ шIуфэси емыхыгъэу, сэлами емыхыгъэу, ащ фэдиз мэфэл щышIагъэмэ, узауIэм уаукIыгъэемэ, нахьышIугъ. Хьэнапэр тэ къэтхьыгъ. Шъыдэу хъумэ пфэщэIагъ! – къыриIуагъ шъузым.

– Мы къэпIуагъэр шъыдэу шIагъу! Мы унэм сыкъызехьэм, услъэгъун сихьисапэу, мыщ о узэрисэр сэ сшIагъэу сыкъакIоу сыкъихьагъэп. Тлъэпкъыджэ тэ тимыхабзэу «сишъузы шъыд къехъулIи?» сIоу хэты сеупчIыни? Сыкъэхъужьымэ, сэ сиIофы ыужыпкъэ сихьажьынэу, сымыхъужьымэ, сиIофы хэсшIахьын щымыIэжьэу ащ тетэу сыщытыгъ. Ыдж, сэ къызнэсырэмджэ, хъызымэтэу сэ спылъымрэ цIыфэу кьыспекIокIырэмэ гъомылапхъэу къакIэлъыкIорэр, афэшъуашэ къыщымыкIэу, зы щыкIагъи афэмыхъоу, мафэ къэсыми ащ тетэу, зэлъыпытэу къызэрэкIорэр згъэшIагъоу, ар къэзышIырэр зэзгъэлъэгъунэу, тхьэуегъэпсэу ащ есIонэу а унашъомджэ сыкъэкIуагъэ нахь, о уисми сэ сшIагъэп. Ау ыдж Чэчанэ ипкIэгъуалэ, пшIэжьыгъэр шъыпкъэу, мы шэщыжъым ислъэгъотымэ, ар сэрджэ гушIогъошку. Ащыгъум къинэу сиIэри стезыжьыгъэу хъун, гугъоу сиIэри сщыгъупшэн, ынэпашъуи Iэ щысфэн, – ыIуишъ, Орзэмэджыкъо Шэбартныкъо шэщым кIуагъэ.

ИшитIуи, ащ ягъусэу, пкIэгъуалэри ащ ящэу, ящыкIагъэ къыфэмытэу щэщым итэу зелъэгъухэм, къыIуиути ай щыгъыгъ. Шэбартныкъо пкIэгъуалэм зырищэкIишъ, къимыкIыжьэу гъыным фежьагъ. Гъы макъэ къэIу зэхъум хьакIэщым итымэ зэхахыгъэ, хэгъырэехэри къынэсыгъэх.

– Шъыд къэхъуи, Щэбартныкъу, шъыда угу къэзыкъутагъэри, къыпщышIыгъэри шъыды гукъау? – къеупчIыгъэх.

– Мы пкIэгъуалэу сэ слъэгъурэр Чэчанэм ишыгъ. Гъэзэуати бэу зыдэсшIагъэу, былымыби зыдэзгъотыгъэу, ныбджэгъоу сэ сиIагъэмэ бэджэ апэ итэу слъэгъоу щытыгъэ Чэчанэ иш мыр. Джы мы шэр зысэлъэгъум, Чэчанэ ихьадэ непэ сышъхьарыхьагъэм фэдэу, сыгухэр къэкъутагъ. Сызыфэгъырэр арары, – къариIуагъ.

Шэбатныкъо ыблыпкъ къаубытишъ, шэщым къыращыжьыгъ, хьакIэщым къащэжьыгъ.

– О фэсапщи, сишъао! – ыIуишъ, Шэбартныкъо хьакIэщым къызехьажьым, шIуфэс кIалэм къырихыгъ. – Непэ блэкIыгъэ Iофэу, шъхьакIэфагъэу о осымыхыгъэмджэ, шIуфэсэу осIожьытымджэ блэкIыгъэ мэфэ пчъагъэм сытемыгъэкIуад. Чэчанэ слъэгъужьыгъэм фэд, – ыIуишъ, кIалэм IаплI рищэкIыгъ.

– Ыхьы, нарт Шэбартныкъу, къебгъэжьагъэшъ, мы къэбарым икъуджэ тырыгущэIэн фае. Къэбарэр къызебгъэжьагъэджэ ыныкъо къэбгъэнэжьынэу, ятIуанэрэ къегъэжьэгъум сыгуджэ сыфэчэфэп. О къебгъэжьагъэшъ, Iофэу щыIэр къыосIон. Ыджыри сшIопэсаIоу, а Iофым зыфэсIажэу, нахьышIуIо узыхъужьэу, игъом лъыкIэзгъахьэу, а къэбарым ышъхьашыгу къыпфисхы сшIоигъуагъэ шъхьае, ыдж къэуублэгъахэшъ, моу къедэIу, –

ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэм. – ТIо уцугъоджэ сыоупчIыт. Сызэрэоупч Iытэр: тятэ зыщыкIодыгъэмрэ тятэ зэкIодылIагъэмрэ шъыпкъэджэ къысэпIонэу унашъо къыбдэсэшIы. Мы Iофымджэ шъыпкъэ къапIоми, ащыджи усыукIынэу сыгуджэ сиунашъо. А Iофым пцIы къепIуалIэми, ащыджи усыукIынэу ары. Ар шъыда пIомэ, шъыпкъэм тетэу къызысэпIуатэджэ, тятэ пIэкIэкIодагъэу а къэбарэр о къэпIот. Ау щытэу къызыпIуатэджэ сэ усыукIыт. ПцIы къызысфэуусыджи, ащыджи усыукIыт. Ар шъыда къызыпIоджэ, тятэ хэгъэгуитIу къызэпичэу ящанэрэм къызехьэм, о уриныбджэгъоу мыщ ущысэу, о щэхъу имыкIуапIэу зэрэщытыгъэмджэ, о нэмыкI кIодыпIэ фэхъугъэп. Тятэ зао Iутэу хэкIодагъэмэ, цIыфыбэмэ зэлъашIэтыгъагъэ. Тятэ о пIэкIэкIодагъэшъ, а Iофым сыфэщэчэп. Ой нэмыкIэу ар зышIэрэ дунаим тетыгъэмэ, ыджы нэсыфэ къэтшIэтыгъагъэ. А Iофым уеуцуалIэми, ащыджэ усыукIыт. А Iофым пцIы епIуалIэми, усIэкIэкIэу зыми укIотэп, – ыIуагъ.

– Чэчанэкъо Чэчан, бэу шъыпкъэ къыосIон, – ыIуагъ Шэбартныкъо, – сымысэмэ, сыукIыт, сыхыемэ, о уеплъын. Сихьакъэу къысфэплъэгъурэмджэ сэ сшъхьэджэ сырыраз. Чэчанэ пае сыкIодытымэ, лыузыгъо сэ фысиIэп. Бэу сыфэгоIагъ, бэу ыуж ситыгъ, амал сыфэхъугъэп нахь. Iофэр зэрэшытэр, зэрэхъугъэр къыосIонышъы, а къэбарым о къедэIу.

Чэчанэ сихьэлэлэу, Чэчанэ сизекIогъоу, къежьэмэ къысэкIуалIэу, хъункIэ тшIыми тызэгъусэу, пыи тиIэми тызэдеоу, ау щытэу тыхэтыгъ. Ау щытызэ, Чэчанэ сигъусэу альпым ишылъэпкъэу шыбэ чIапIэ горэм щыIэу тыутIэсхъи, амалы тыфэмыхъоу лъэшэу бэрэ тэ текIугъ. Ау щытэу текIуалIэгозэрэ, ыужыпкъэ уимыкIыхэмэ, итIэсхъапIэ пIэкIэмыхьэ хъуна, ащыщэу зэ екIолIэгъум шыхэр тэ къетфыжьагъ. Шыпэм сэ сыщыIэу, Чэчанэ шыужым щыIэу къэтфэу тыкъэкIожьызэ, шыу горэ сапэджэ къэкIишъ къысIукIагъ.

– Фэсыжь апщи, Шэбартыныкъу! – а чIапIэм къысиIуагъ.

– Ахад, сикIал! – зесэIом,

– Тхьэм шъушъхьапэ ешI! – къысиIуи къызблэкIыгъ.

Сэ къызблэкIи, Чэчанэ дэжь къызынэсым, шыужым ар гъэзагъэу къакIоти:

– Ахад, сикIал! – къыриIуагъ ащи.

– Тхьэуегъэпсэу, Чэчан! – ыIуишъ, ыIапэ къыубытын фэдэу къекIолIагъ. Ау ыIапэ къымыубытэу, къэIаби паIор щихишъ, кIэлэ шыор ежьэжьыгъ.

– Шъыд мыщ сэ къысишIэрэр! – ыIуи, Чэчанэ лъигъазишъ, кIэлэ шыум лъежьагъ. Сэ сыкъызэплъэкIи а шыум сэри сылъежьагъ. Сэри салъыкIэмыхьэу, Чэчани ащ кIэмыхьэу, кIалэм иш ымытIупщыпэу къыIуубытагъэу, Чэчанэ кIэхьаным щыгугъэу лъычъэзэ, Чэчанэ сIакIищи, чыжьащэ сфэхъугъэх. ШыуитIуми салъыплъэмэ ерагъэу слъэгъоу, аущтэу салъычъэзэ, кIэлэ шыор къэуцуишъ, Чэчанэ зыголъадэм, къеIи си-Чэчанэр онэгум къырипхъотишъ ышти, ежьэжьыгъ.

– АI, мыщ, къытишIагъэр! ПаIор Iофыжьа, лIэр тшIуехьы! – сIуи, бгъуитIу кIэпщэу сэри сылъежьагъ. Чэчанэ зыIэкIахьэм, кIалэр шэу зытесыгъэр ошъуапщэм къыхэмыщэу, нэрыплъэджи сымылъэгъуным фэдэу, ащ тетэу ежьэжьыгъ. Шы ужым сыры-

чъэу, ау нэмыкI сымылъэгъужьызэ, хы тIуалэ горэм сыдэхьагъ. Шы ужэр ай нэзгъэсыгъ. Ужэр ащ есфылIишъ, сыхэхьаным сыщыщынэу, сылъыхъомэ сымыгъотэу, икIыпIэ сымылъэгъоу сыкъыIунагъ.

Ужы закъоу хэхьажьыгъэр а чIапIэм щызгъэнафи, сыIукIымэ сыIухьажьэу, къыхэкIыпIи сымылъэгъоу, гъомылапхъэу сIыгъэр а чIапIэм щысыухи, шэу сэ сызытесыри щысшкыжьыгъ.

Амал сыфэмыхъоу гъаблэ сигъалIэу, джэуап симыIэжьэу хъуишъ, къэзгъэзэжьи губгъом сыкъихьажьишъ, сиуанэ кIыбырыхьэу, Алахьэр къысэуагъэу сыкъэкIожьыгъ. Шы кортэу къетфыжьагъэхэри шъофым итэкъуахьыгъэхэу, хэкIопкIэ-хэкIуапкIэу зэбгырызыгъэхэу сакъыIукIэжьыгъ. Зы шы щысыубыти, а чIапIэм щысыукIыгъ. ТIэкIури сыкъыщыIи, шылы корти къыщызгъэгъугъ. Зыш къэсыубытишъ, сыкъекIэси, шыл гъомылапхъэри дэсIыгъэу, шым сытесэу сыкъежьэжьи сыкъэкIожьыгъ.

Зы мазэрэ зызгъэпсэфи, гъомлапхъэхэри язгъэшIи, сиIашэджи сызэупхъужьи, етIуанэ Чэчанэ сырилъыхъуакIоу сежьагъ. А чIыпIалъэу, а хым шы ужэр зыщыIухьагъэ чIапIэр згъэнэфагъэти, секIужьыгъ. Шыу ужэу Iухьагъэр жьы хъотым зэрихьэрэ пшахъом ыгъэсэижьыгъагьэ шъхьае, шым ыуж зынэсыгъагъэм мыжъохэр щызгъэIылъыешъ, секIолIэжьын симорадти, згъэнэфэгъагъэ. КъыхэкIыгъэу е хэхьажьыгъэу шы уж иIэмэ зэрэсшIэным папкIэджэрэ згъэнэфагъэти, а чIапIэм секIужьыгъ. Зы шыу ужи, зы цIыф ужи а чIыпIалъэм къыхэкIыгъэуи, хэхьажьыгъэуи, апэрэ мафэм еслъэгъулIагъэм инэпэмыкI, есымылъэгъулIэу ай тетэу хъугъэ.

ЕтIуанэ, сэ къысфыхэмыгъэщыми, зы икIыгъо горэ мыщ иIэмэ, ыхэми ыпшъэми езгъотылIэмэ сIуишъ, чэщ хъумэ сыIыстэу, мафэ хъумэ ыуж ситэу, ау щытэу зы илъэсы охъуфэ ыужы ситыгъ. Хым сыхахьэу сызэпырыкIышъугъэп. КъикIыгъэу цIыф еслъэгъулIагъэп. НэбгыритIоу Чэчанэрэ сэрырэ тызэкIыгъоу зыщэтым, уахътэджэ а кIалэр загъорэ къытихьылIэу къыхэкIыгъагъ. Ау ыужыпкъэджи, ыпэджи, Чэчанэ зысшIокIодым ыуж, кIалэм сытеплъэжьыгъэп.

А сикIал, Чэчанэ папкIэджэ сыоукIыджэрэ сыл мыузыжьынэу сыгоIагъ. Къин теслъэгъуагъ. Мы къэсIуагъэр, шъыпкъэу зэрэщытыр арышъы, къыосэIо, ыджы къызынэсыгъэмджи, непэрэ лыузыгъоу къысэнэсыгъэми сщигъэгъупшэнэп ар. Ныбджэгъугъэу къысфыриIагъэм папкIэджэрэ, шъыпкъагъэджэ къызэрэсготыгъэмджэ, жьы къасщэмэ, сыгу къыхао. Ащ пае сыкIодыджэрэ сылы мыузынэу сыщыт. Ау Чэчанэ ыуж къызэрифэнэу, ощ фэдэ горэ къыкIэныгъэми сэри сарэукI, Чэчани орэкIоды еблэми. Ащ ылъ о пшIэжьын. ПшIошъы хъумэ, Чэчанэ къехъулIагъэр, сэ зыщызбгъодэкIыгъэмрэ ибгъодэкIыкIэ хъугъэмрэ джарары. ПшIошъы мыхъурэмэ, къысэпшIэн о зыфапIорэм уфит, – ыIуишъ, нарт Шэбартныкъо къэбарэр къыухыгъ.

– Адэ, Шэбартныкъу, чIапIэр сэбгъэлъэгъун плъэкIына? – Чэчанэкъо Чэчанэр еупчIыгъ.

– Бэу озгъэлъэгъун, сикIал. Ау ыдж дэдэм шым секIупэу, Iашэ сIыгъын слъэкIынэу сыщытэп. КIуачIэрэ гъэретырэ тIэкIу къэзгъотыжьыIомэ, тежьэн, Алахьэм сыхьатмафэ тырегъажь.

Мэзихы фэдизырэ ащ ыужым щысыгъэх. Шэбартныкъо узэу иІэмрэ уІагъэу тетхэмрэ хъужьишъы, ыкІуачІэ къихьажьи, шым теІыстэн ылъэкІы зэхъум, етІуанэ аущтэу кІалэм риІуагъ:

– Ыхьы, сикІал, ыджы скІуачІи къихьажьыгъ, сиузхэри схэкІыжьыгъэх, гъомылапхъэ ядгъэухьазырынышъ, тежьэн. Тишхэмэ шъыд яІыгъыкІагъ сІоу сыоупчІырэп, зэфэшІоу гъэпсыгъэу о пІыгъыгъэхэшъы, уанэ ателъхьи ухьазырых. Сэ сиІашэхэри дагъэ езгъэшъон, ситэхъутэи теслъхьан, сиашъуи зыщыслъэн, сикондэгъхэри къэсштэн.

Шымрэ уанэмрэ Чэчаныкъо Чэчанэр афежьагъ. Шэбартныкъо ягуащэ гъомылэпхъэ шІынэр арыти зэсагъэр, зепхьанджэ мыхьылъэу, пшкынджэ федэ хэлъэу, зекІолІымэ афашІэу гъомлапхъэ лъэпкъэу щыІэр афишІишъ, Іалъмэкъымэ къарилъхьагъ.

Яшыхэмэ уанэ атырилъхьагъэти, нэбгыритІори зэдэшэсыгъэх. Іэгум зыщыдэкІынхэм, Чэчанэкъо Чэчанэ сэмэгумджэ къэуцугъ.

– А сикІал, – ыІуагъ Шэбартныкъо, – непэ уятэ уричІапІ, тышэсэу тызэдежьэмэ, сижьабгъуджэ ар щытэу мы къэблачъэм тыдэкІытыгъ. Ащ ычІапІэ о уитэу, ащ тетэу джыри тыдэкІын.

– Ихьау, Шэбартныкъу, тятэ дахэ епІуагъэмэ, нахьыжъыгъэ епхыгъэмэ, ар ащ фэпшІагъ. Непэ сэ сызыдэщытэр сымышІэнэр емыкІу хъун. Къаплъэрэм тыкъилъэгъоу, ау щытэу тызыдэкІыджэрэ емыкІу сэ сыхъун, «шъхьаубат» къысаІон. Ари сэ фэсшІэтэп, сишІэни сытекІытэп, – ыІуи, Чэчанэкъо Чэчанэм ыдагъэп.

– Ащыгъум, сикІал, шъыд пае тыщызэнэкъокъун? Хъунба арэу оІоми, – ыІуишъ, Шэбартныкъо жьабгъум щытэу, Чэчаныкъо Чэчанэ исэмэгуджэ щытэу ежьагъэх.

Ежьи, кІохэзэгъо, мэзэ пчъагъа, мэфэ пчъагъа зэрэкІуагъэхэр – нэсыгъэх шъыдми, еуишъ хы тІуалэм дэхьагъэх. Гъогужъхэри хэкІокІагъэхэу, ерагъэу къыхигъэщыжьи, Шэбартныкъо шы ужэр зынигъэсыгъагъэм рищэлІэжьыгъ.

– Мо еплъ зэ, сикІал, – ыІуагъ Шэбартныкъо, – мыжъуитІор мыщ ычІэгъоу, мыдырэ мыжъор ащ ыкІыІоу зэблэсыдзи згъэІылъыгъэх. ЛІы кІочІаджэ къырихьылІэджэ еІэу зэщимыхынэу ащ фэдиз яинагъэу, хэмыкІуакІэ сшІоигъоджэ зэтеслъхьагъ. Ыджы, мы плъэгъурэ мыжъошком ичІынатІэу шыу ужэр хэкІодагъ. Етпэсытэр о къаІо ыдж. Ащ ыужым къехъулІагъэм хэшІыкІ сэ фысиІэп. Ау сэ, сымыгъотыхэ зэхъум, зэрэсшІошІыгъэр: мы хым хэфагъэу, ши лІи хэкІодагъэу сІуишъ, ау щытэу згъэІылъыжьыгъагъэ.

– Ыхьы, Шэбартныкъу, ыджы ащ еспэсырэр къыосІон, – ыІуагъ кІалэм, – тятэ птезыхыгъэр мы хым къикІыгъ, ар зытесыгъэр шы, зыхьыгъэри хъулъфыгъ – сеонышъы сыхэхьат. Сишы сызэпырихэу адырабгъу сэ сызыхъуджэ, щыІэхэмэ – къэзгъотын. Унашъоу сэ къыбдэсшІырэр: мы чІапІэм, гъомылапхъэу о пІыгъэр оухыфэджэ, ущысыт. Сэ сыкъэтызэ, уигъомылапхъэ зыуухыджэ, уиш укІыри мы чІыпІалъэм щышк. А заулэр оухыфэджэ, сыпсаумэ – сыкъэкІожьын. Е тятэ къэзгъотын, е зыукІыгъэр сыукІын.Ылъапсэ сэ къэсшІэн! Зыгорэджэ сыкъаукІыкъомэ, сэ укъысажэу ущысына, гъомылапхъэр зыу-

ухыджэ, сэщ паеджэ зыбгъалІэ хъутэп, пшъхьэ фэшІу о ихьажь. Сэ сынатІэ итхагъэр къысэхъулІэн.

– КъэпІогъаха, сикІал, а Іофым епшІылІэтэр? – ыІуишъ, нарт Шэбартныкъо кІалэм къеупчІыгъ.

– КъэсІогъах, – ыІуагъ адрэм.

– Мыщ уеоу узыхахьэджэ, мы чІыпІалъэм сыщысытэп, – ыІуагъ етІанэ нарт Шэбартныкъо.

– Адэ шъыд о пшІэтэр?

– Ай сэ хэсшІахьытэр, сикІал, мы хым узыхахьэджэ, сэри сыкъыхэхьат, уиш ыужы сыкъырыкІот. Шэу о узытесым хэр зэпкъигъэут. Шым псэр ау щытэу зикъутэджэ, сиш нахь кІочІаджэ шъхьай, гъэрет ришІылІэт. Ори, сыкъаплъэмэ укъэслъэгъоу, ухэкІуадэми къэслъэгъунэу ууж ситыт. Къаигъагъэджэ сыпэгъокІырэп, ау сыкъыхэмыгъэхьанэу зыподжэрэ, мы чІапІэм сыщыуукІыт, армырымэ сырыразэп, – ыІуи, нарт Шэбартныкъор уцугъэ.

– Хъун, Шэбартныкъу, – ыІуагъ кІалэм, – улІыгжъ, уузкІэзыжь, гъэрет еумышІылІакъомэ, ухэкІодакъомэ сэІо нахь, гъусэджэ усымыштэу арэп.

Хэхьаным тыраубытэхи, яныбэпхыхэри агъэпытагъ, ягъомылапхъэхэри аІатыгъ, якІакІохэри зыкІаупкІагъ. Якъамыщхэр аутІуакІи, яшыпшъэ хаохэзэ, пкІэгъуалэр ыпэ итэу, Шэбартныкъо ыуж итэу, еуишъ хым хэпкІагъэх. Хэу ахэр зыхэпкІагъэр, уплъэмэ ыгъунэ плъэгъоу, ау чыжьэу, ишъобгъуагъэ ай фэдизэу щытыгъ.

Еуишъ, шъыд фэдиз къин халъэгъуагъэми, хым зэпырыкІыгъэх. ЗыщызэпырыкІыгъэ чІапІэм унэ лъэгу щизы фэдиз, нэпкъым удэкІуаеу ущыуцун плъэкІынэу, чІыпІэ тІэкІу иІагъ. А чІапІэм икІэу ыбгъуитІуджэ урекІокІын умылъэкІынэу, къушъхьэр хым къыхэхьажьэу, дысыгъэ зэолІагъэхэр.

А чІапІэм зэфэдэ тІэкІоу иІэр зэфэдитІоу зыщыхъурэм лъэгъо цІыкІу горэ, удэплъыемэ ерагъэу хэплъагъоу, хэкІодэжьынджэ ежьагъэу а чІыпІалъэм рилъэгъулІагъ.

Яшыхэм зарагъэгъэпсэфыгъ, ежьыхэри тІэкІу зыпылъэкІахьыжьыгъэх, якІакІохэри, яшыкІэлъхэри афызхи, тыгъэм къырадзыхи, тІэкІу агъэчъэпхъыгъэх. ЕтІуанэ яуанэхэр тралъхьэжьи, ушыоу удэкІын умылъэкІынэу щытыти, яшыхэр ІупІащэу, ежьхэр лъэсэу къушъхьэм дэкІынджэ ежьагъэх. Къушъхьэу зыдэкІхэрэр зандэу, дэкІуаехэмэ, къецохъожьыхэу, шитІоу аІыгъыхэм къазщыр уц лъапсэу къушъхьэ мыжъо лъапсэхэмэ арытэр ашкІынджэ емыцакъэхэу ацэпкъыджэ еІэмэ аубытэу, лъэгонджэмышъхьэджэ тІысыхэзэрэ, ІэпэІэгъунчъэу къушъхьэм дэкІыгъэх.

Къушъхьэ кІыІу зэхъум, лъэшэу загъэпсэфыгъ, анэгу жьыбгъэ тІэкІу кІагъэугъ. Шэсыжьыхишъ, къушъхьэ кІыІум ущызекІон плъэкІынэу щытыти, тІэкІурэ кІуагъэх.

ЧІапІэу зынэсыгъэхэм цІыф къызэрынэсырэ пшІэнэу щытыгъ. Къушъхьэ мыІэрысэхэр, къужъІарысэхэр итхэу, къалъ-къулъ зэхэт зыфаІорэм фэдэу уц зэхэт дэгъухэри итэу шъоф гъэхъунэ дахэ горэм ихьагъэх.

– ЫхЬы, нарт Шэбартныкъу, мы чIапIэу тызэрытэр, хэты исми, зы цIыф горэм ыIэ илъ. Хэти щэрэщ еблэми, мыр зыIэ илъэу, мыщ къэсырэ цIыфэр, тэ щыIэми, чыжьэп. Мыщ тыкъызикIыгъэджэ, тишыхэмэ замыгъэпсэфэу ащ тетэу тежьэжьынэп, – ыIуи, а чIыпIалъэм Чэчанэкъо Чэчанэ къыщиIуагъ.

– Хъун, сикIал, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъум.

– ЫджЫ, Шэбартныкъу, непэ сызэрихьылIэрэм хъу исыми сыукIыт, бзы исыми сыукIыт. Тятэ икIодыпIэ ыдж тыкъэсыгъэн фае.

– Ащыгъум, сикIал, уасIорэм моу къедэIу: оным уфэмытхъыхъ, умыукIыпхъэ зыукIыджэрэ къыпфэгъэхъужьытэп. УукIыным нэужыпкъэджэ укIэхьажьыт, зыукIыхэрэм укIэхьажьытэп. Ар къызэрэпшIэтэр: тадыжьы укъызэрэсэу укъысаоу сэ сыукIыгъэмэ, Чэчанэ ылъапсэ ыдж къычIэдгъэщынэу тэ тызыпылъэр хэты къыуиIони? Лъэшэу укIэлэ хъыжъ, угуджэри осты, гукъэошкуи уиI, шъхьакIуи пшIыгъэ, лIыгъэми уенэкъокъу. Ау ыдж уасIорэр: оным удэмыхъыжъ, уоны зыхъуджэри, узэрэошъутэр сэшIэ. Умыомэ мыхъунэу зыхъуджэ, сэри сыот, ары нахьыджэ сыкъызыфежьагъэр, ай нэмыкI Iоф сэри сиIэп. Тызыдэхьатым тынэсэу, дэтлъагъорэмрэ дэдгъуатэрэмрэ тлъэгъумэ – етшIэфытэр къэтшIэн. Ащ нэсыфэджэ ай зыфэпщэIэн фае.

– Хъунба. КъызыфэпIуагъэр шъыпкъэ. Сэ сыгу къэзгъэплъэу, апэ дэди тиIагу сыкъызыдэкIым кIалэмэ хъонэу къысфашIыгъэр непэ къысаIуагъэм фэдэу сыгу хэлъ. Ащ рыгъунэрэ джырэрэ азыфагу къинэу ислъэгъуагъэмрэ тятэ къехъулIагъэмрэ яшъхьакIу сыкъызэкIэзгъанэрэр нахь, сыомыдэIунэу сыгу хэлъэп, – къеуцолIагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

– ЫхЬы ыджы, тишыхэмэ загъэпсэфыгъ, тэри гъомылапхъэм тыхэIагъ. Тежьэжьын ыдж, – ыIуи нарт Шэбартныкъо къызеIом, кIалэм шыхэр къыубыти нэбгыритIори шэсыжьыгъэх.

Ежьи кIохэзэ, къушъхьэм ехыхи хьазырэу кIотагъэх. Зэплъэхэм, адыгэмэ пэнэпцIэ сэрай зыфаIотыгъэм фэдэ къешIэкIыгъэу, унэ закъорэ шэщ-хьакIэщ зэпытрэ дэтэу, ишышIоIуи чъыгым фэдэу къыдэщэу ащ тетэу алъэгъугъ.

– ЫхЬы, Шэбартныкъу, тыкъэсыгъ ыдж. Шъыд хъутыми, а Iофым хъукIэу иIэр ащ щытшIэныджи хъун, – Чэчанэкъо Чэчанэ къыIуагъ, ышIуабэ шIэу гумэкIэу.

Еуи, кIохэгозэ, Iэгум дэхьагъэх. Къэлапчъэм зыщынэсынхэм, шъхьэшъокIапхэ шIыгъэу щыкIагъэ имыIэу бзылъфыгъэ горэ, пшъашъэу, къихъушъути, къэлапчъэр къафыIуихышъ, лъэшэу къафэчэфэу дигъэхьагъэх.

КъапэгъокIыгъэ пшъашъэм, шым къызэрепсыхыгъэм тетэу, IаплIыджэ зыкъыридзыным фэдэу, къэIабишъ, Чэчанэкъом икъамыщ Iихыгъ.

– О фэсапщи, Чэчанэкъо Чэчан! Тхьэм уегъэпсауи, зэ укъэсыгъэмэ, гужьыдэкIыгъуи дгъотын, гъэпсэфыгъуи къытэкIун! Тхьэм шIу къыфешI нарт Шэбартныкъуи, ари гъусэ къызэрэпфэхъугъэмджэ. Мы чIапIэм укъызэрэкIуагъэр нахь былым кIасэ тыфэмыенэу тэрыджэ гушIогъошкоу тыфалIэтыгъ, – пшъашъэм къыIуагъ. – Шъуеблагъэх! – ыIуишъ, хьакIэщым рищагъэх. Шъхьантэ-пIуаблэ къафихьи, хьакIэщым афигъэIылъыгъ.

– Зыжъугъэпсэф, шъупшъыгъ, шъууляугъ, гъогу шъукъырыкIуагъ, – къариIуагъ.

Пшъашъэм ыгъазишъ, унэу ежь къызэрыкIыгъэм кIожьыгъэ. Пшъашъэм инэпэмыкI зи Iэгушком щызекIоу алъэгъурэп, нэбгыритIум ащ раIолIэн ашIэрэп.

– Мыщ шъыдэу щытэу сыкъишIагъ, хэты сцIэ риIуагъ? О унахьыжъ, уныбжь хэкIотагъ, хэгъэгухэри къэпкIуахьыгъэх, мы хым ыкIыбы укъэкIуагъэп шъхьае, о пцIэ аIоу зэхихыгъэнджи хъун нахьыбэ бгъэшIагъэшъ, ау сэ шъыдым сыригъашIэра? Шъыд епIуалIэрэр о ащ, Шэбартныкъу? – ыIуишъ, еупчIыгъ кIалэр.

– А сикIал, ащ есIуалIэрэр: къэбар къыхэкIыт. Ай тэ къэтымышIэрэ Iофэу тызэолIэн къыхэкIыт. Ау зыхъуджэ, умыпсынкI, умыхъыжъ, мыхъуным тызыфакIоджэ, Iэпшъэлъапшъэм тызыхахьэджэ, сэри зыгорэ сшIэн сыгу хэлъ. УасIорэм къедэIу, сIорэм ублэмыкI, – ыIуи, джэуап къыритыгъ нарт Шэбартныкъо.

– Хъун, Шэбартныкъу, сымыдэIотмэ, ащ фэдиз къин къыздэплъэгъоу гъогу тызэдырыкIона, сыодэIун, – ыIуагъ кIалэм.

А заулэр зэраIофэ, пшъашъэм Iанэхэри къыухьазырихи, унэм къызщырихыным, къэблачъэм ылъэныкъоджэрэ пшъашъэр зэплъэм, ыш къэкIожьэу ылъэгъугъ. Iанэхэмэ зи аримыIоу пшъашъэр унэу ежь зэрысым къихъушъутишъ хьакIэщым къэкIуагъ. Къызэрихьагъэм лъыпытэу ишъхьатехъо зытырихи, Чэчанэкъо Чэчанрэ ежь пшъашъэмрэ азфагу рилъэшъугъ. Чэчанэкъо Чэчанэм зи къырымыIуалIэгоу, нарт Шэбартныкъо къэгущаIишъ:

– Хъун, пшъашъ, хъун уилъэгъун дгъэцэкIэн, узыфаер фезгъэшIэн, угуджэ рэхьат зышI, уаим щыIэп, – ыIуишъ, пшъашъэм риIуагъ.

Ар къызреIуахэ ужым пшъашъэр къикIыжьыгъ. Ащ нэсы ыши къыдэхьажьыгъ. КIалэу къыдэхьажьыгъэр шэу зытесым пкIэтIэ тхъурбэр тизэу, лъэрыгъынэм иплъэгъуным фэдэу псыгъо хъугъэу, кIалэри гъогу къызэрэрыкIожьыгъэр пшIэнэу, уляугъэу къепсыхыгъ.

ЫшыпхъУ къэкIожьыгъэм гуахьи гушIоу риIуагъ:

– О сыхьатымафэ тежьи, Чэчанэкъо Чэчанэу тхьэм ынэшIу зыщыфэнэр къытфэсыгъ! Iофэу тиIэр ыдж зэгорэу хъунджи къэнэнэп, – риIуагъ.

– Тхьэм уегъэпсэуи, сыбгъэгушIуи, арарымэ къэбарэу къысэпIуагъэр! Шы ужитIу мы къушъхьэ кIыIум зы чIыпIалъэ горэмджэ щыслъэгъугъэти, сигъэпагъ. СичIыгу гъунэхэри къэскIуахьыгъэх, зыфэсхьыни сымышIэу лъэшэу сызэгуигъэутыгъэу сыкъэсыжьыгъагъэ шъхьае, сыгу бгъэрэхьатыжьыгъэ ащыгъум, – ыIуишъ, кIалэр гушIуагъэ.

ЫшыпхъУ ижьабгъуджэ щытэу, кIалэр сэмэгумджэ щытэу хьакIэщым къызэдихьажьыгъэх. Бысымым шIуфэс къарихи, Чэчанэкъо Чэчанэ къекIуалIишъ, ыIапэ къыубытыгъ.

– Фэсапщи, Чэчанэкъо Чэчан! Тхьэм уегъэпсэуи, зэ укъытэнэсыгъэмэ, – ыIуагъ.

ЕтIуанэ нарт Шэбартныкъо екIуалIишъ, ыIапи ыубытыгъ, лъэшэу IаплIи рищэкIыгъ.

– Орзэмэджыкъо Шэбартныкъу, сэ услъэгъумэ усшIэу, о сыкъэмышIэу а зы илъэсым къыкIоцIы чIыпIабэрэ сыоолIагъ. Узысымылъэгъужьыгъэри бэ машIэ. Ыджыриуслъэгъугъэшъ, гузэжъогъоу узэрытымрэ, къинэу плъэгъугъэмрэ апкIэ Алахьэм ыгъэкIодынэп, – къыриIуагъ.

ЯгущаIи зэблагъэкIи, «шъуIыст», – ыIуишъ, Шэбартныкъо ыгъэIыстыгъэх.

– Адэ, шъыд афэпшIагъ, мыхэр хьакIэх, гъогум къырыкIуагъэх? – ыIуи еупчIыгъ бысым кIалэр ышыпхъу зыфигъазишъ.

– АфэсшIэтэри хьазыр тшIыгъахэшъы щыт. УкъэкIожьы зэхъум, Iанэм ихьынрэ о уикъихьажьыгъорэ зэтезгъэфэнджэрэ къысфегъэкIугъэп. ЯшIуфэс зебгъэкIуахэмэ сIуишъ, ащ папкIэджэ сыбыяугъэ нахь, – ыIуагъ пшъашъэми.

– Ащыгъум, некIо, Iанэхэр къэтхьын аIуи, – ышырэ ышыпхъурэ пытым зэдэкIуагъэх.

Iанэ[р] къахьи, джэхашъом къагъэуцугъ. Шэбартныкъо зырагъэтхьакIыгъ, Чэчанэ зырагъэтхьакIынджэ зыфежьэхэм, тIэкIу дэдэ зэшIонагъэ.

– Шъыда зызыфэмытхьакIырэр? – ыIуишъ, пшъашъэр къеупчIыгъ.

– ЗызыфэсмытхьакIырэр, Шэбартныкъо сэ сишкэгъоп, сыдэмышкэн сиунашъо. Сымышкахи сэ сшIоигъу, – къыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

Пшъашъэмрэ ышырэ къызеплъыджэрэ, Чэчанэкъо Чэчанэ ышъохэр къызэокIэу, зэ плъыжьыбзэу къызэкIанэу, зэ фыжьыбзэу чъэкIэу зэхъум, пшъашъэр къэгущаIишъы, мырэу щытэу къыIуагъ:

– Шэбартныкъу, силъэIу хэсэгъэты: мы кIалэр мы унэшком зэ нэзгъэсынэу Iизын къысэота?

– Боу осэты, сипшъашъ, – ыIуагъ Шэбартныкъо. ЕтIани Чэчанэкъо Чэчанэ зыфигъази, – АдакIу, сикIал, мыщ зыфаIорэм, – риIуагъ.

– Шъыдэу сшIын, садэкIон, имыгъомэ о къэпIонэп, – ыIуи, Чэчанэкъо Чэчанэ адежьагъ.

Унэшком нагъэси апэрэ пчъэм зыIохьэм, IункIыбзэр Iуахишъ, кIалэр ращагъ. IункIыбзэр къырагъэтыжьыгъ. Аугозэгъо, IункIыбзэр Iуахымэ, къырагъэтыжьызэгъо, унищымэ аращагъ. ЯплIэнэрэр Iуахишъ, «Мыщ о ихь», аIуи кIалэр унэм рагъахьи, ежьыхэр пчъэм ыкIыбы къэуцугъэх.

Чэчанэкъо Чэчанэ зэрыхьэгъэ унэм IэшIумэхэр къырихэу, унэр зэгъэфагъэу щытыгъ. ЫжакIэ фыжьыбзэу, пIо шIыгъэм хэсэу, инэмазыкъ щылъэу, икъумгъан ыпашъхьэ итэу, сшкын зыфиIорэ гъомылапхъэр зэфэшъхьафэу иIанэ тетэу зы лIыжъы горэ ай фэдэу зэтегъэпсахьыгъэу исэу, Чэчанэкъо Чэчанэр ихьагъ.

Зэрихьэрэм тетэу Чэчанэкъо Чэчанэр къэгущаIишъ:

– Уимафэ шIу охъу апщи, тхьамэтэ маф! – лIыжъым риIуагъ.

– Тхьауегъэпсэу, сикIал! Хэты ущыщыми лIы ухъун! «Сэлам алейкум» пIоу укъызэримыхьагъэмджэ, улIыхэкIэу къычIэкIын, – къыриIуагъ лIыжъым.

– Iыст, кIал, – ыIуагъ итIуанэ лIыжъым.

– СыIыстынэп, тхьамэтэ маф, сыщытыми хъун, сэ сыкIалэ ныIэп, о улIыжъ, – ыIуишъ, Чэчанэкъо Чэчанэм Iыстын ыдагъэп.

– ЫIхьы, кIалэ, адэ шъыдэу щытэу укъихьагъ, шъыди уикъэкIуакIэ хъугъа? Хэти ущыщ? Мы сызэрысым псэ пытэу зы нэбгырэ горэ, зы пшъашъэрэ зы кIаларэ нэпэмыкI, ышъхьэ уашъо фэгъэзагъэу цIыфы къыслъихьагъэп, Iэгуми дэслъэгъуагъэп. Тэджэ укъэкIыгъ? – къеупчIыгъ лIыжъэр.

– Мы унэу узэрысэр цIыф кIуапIэуи сшIэрэп, лIыжъы IыстыпIэми сшIэрэп, о къыохъулIагъэмрэ къыпщышIыгъэмрэ сэ зи ахэсшIыкIырэп. Ау сэ сятэ къэсIонкIэрэ сыщыукIытахьырэпышъ, о пшIэнымэ, къыосIон, тхьамэтэ маф: сятэ ыщIэ Чэчан, Чэчанэ сырикъу.

ЛIыжъыр кIалэм къыдэплъыишъ, къэщхыпцIыгъ.

– КIалэ, ащыгъум о мыщ ущыIыстынэп... О гъусэ уиIэни фае. ХьакIэщым екIолIэжь, ар орджэ нахьышIу, нахь рэхьатыпIэуи фэхъун, – ыIуагъ.

– Ащыгъум, Iизын къысэотымэ, уимафэ шIу охъу, – ыIуишъ, кIалэр унэм къикIыжьыгъ.

КъызекIыжьым, унэу къызэрыхьажьыгъэм кIалэмрэ пшъашъэмрэ итхэти, «некIо» аIуишъ, IункIыбзэхэр къызэIуахымэ, рагъэтыжьыхэзэрэ, кIалэр къыращыжьыгъ. ХьакIэщым къащэжьи къызехьажьым, нарт Шэбартныкъо кIалэм къеупчIыгъ:

– Шъыд къэплъэгъугъ, кIал?

– Къэслъэгъугъэр осIон: сыздащэгъэгъэ унэм еспэсын сэ сшIагъэп, зы лIыжъ закъо ис. А унэу ар зэрысэр плIэу зэкIоцIыт, IункIыбзиплIи егъэтыгъ. ЗэIуахымэ, саужыджэ къагъэпытэжьызэ, сыращагъ. ЛIыжъэу ащ исэр инэмазыкъ ыпашъхьэ илъэу, икъумгъан кIэлъырытэу, ишкынхэр зэфэшъхьафэу, забляэрэм хэIэн фитэу слъэгъугъэ, ыжакIэ осым фэд, ышъомэ уакъырэщы, ай фэдэу тегъэпсахьыгъ, – Чэчанэкъо Чэчанэ къэбарэр къыIотэжьыгъ.

– Уятэ Чэчанэр ай нахьышIоу пIыгъыныя? ИIыгъыкIэ тэу щытэу уеплъыгъа? – нарт Шэбартныкъо етIуани кIалэм къеупчIыгъ.

– Ай фэдэу сIыгъымэ, тятэ ежьыри езэгъын, сэри сезэгъын. Зи щыкIагъэ иIэу слъэгъугъэп.

– Ащыгъум, сикIал, ТхьэмурихьакI, уилъэгъун бгъэцэкIагъэ: а лIыжъэр о уят, уинасып къыубытыгъ, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

КIалэу къызэриIуагъэм ынэкIушъхьэмэ къахихэу лъэшэу гушIуагъэ.

– Ар сэ сятэмэ, икъупшъхьэрэ ихьадэрэ нахь сэ сызылъыхъутыгъэр, ышъхьэджэ псаоу къэзгъотыжьын сIоу ай сыщыгугъыгъэп. Ихьадэ згъотыми, ыкъупшъхьэ згъотыми, зэрэтятэм пае, сшIомыIэенэу, къайнэт езыхыгъэм ифэшъуашэ слъэгъунэу сиунашъоу тыкъежьэгъагъ. Ыдж, непэ зэрэслъэгъурэмджэ, къинэу сиIэри стезыжьыгъэу а Iофэр сэ сэлъэгъу.

Бысым кIалэр къэгущаIишъ:

– Нарт Шэбартныкъу, Чэчанэкъо Чэчан, гущаIэу къезгъэжьэтым Iофэу къыпыкIытымрэ къэбарэу къесIолIэтымрэ къэсэIофэ мы IэнитIор щытынэу зыхъуджэрэ, мыхьэмелэмджэрэ жъалымагъэу сэлъэгъу. Гъомылапхъэм иIоф ищыкIагъэ хэжъугъэкIыри, Iофэу щыIэр шъоосIот. Къины шъори шъухэхьагъ, инэу шъуулэугъ, – ыIуишъ, бысым кIалэм къариIуагъ.

– ИIотэгъу ори уифэн, гъомылапхъэм иIоф хэдгъэкIыхэмэ, – ыIуи, Шэбартныкъуи диштагъ.

Къумгъан-лэджэнхэр къашти, Чэчанэкъо Чэчани зырагъэтхьакIи, Iанэр агъэуцугъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ а Iанэм пэмыIыстэу, Iэнэ шъхьафыджэ а чIыпIалъэм щышкагъ, Iанэхэри рахыжьыгъ.

Iанэхэри зырахыжьы ыужы, бысым кIалэм Чэчанэ икъахьыкIэ хъугъэу къариIуагъэр мары:

– Нарт Шэбартныкъу, ори, Чэчанэкъо Чэчан, ыджы непэ сыкъызытегущы Iахьыт Iофым сэрыджэ укIытагъохэр къыхэфэт. Шэбартныкъо ыпашъхьэ къызэрэщысIотымджэрэ сэукIытэ шъхьае, Iоф уиIэ зыхъуджэрэ оукIытэджэ хэты пфиIотэн? Ащамал фысиIэп. Чэчанэкъо Чэчанэ, мы Iофэу сыкъызытегущы Iахьытым ежь къинэу хилъэгъуагъэмрэ улэоу ащ фыриIэмрэ къагъэпсынкIэу, къэIотэгъу сыримыгъафэу къэмыхъыжъэнджэрэ селъэIу. Ифэшъуашэджэ Шэбартныкъуи а Iофым шъхьакIуи гукъауи фыриIэр щыгъупшагъ сIоу ар къесIуалIэрэп. Ау ыдж мы лIым иIофы сызыфынэсыгъэмрэ сшIагъэр зытесшIахьыгъэмрэ къышъосIон, – ыIуишъ, къыригъэжьагъ бысым кIалэм.

– Зэшиблы тыхъоу, мы пшъашъэу ыдж мыщ къихьэрэр сэщ нахьыжъэу, сэ зэкIэмэ санахьыкIэу, пшъашъэр тяеу тиунагъоджэ ащ фэдизы тыхъутыгъэ. А зэшиблымджэ шырэ уанэрэ зэфэтхьынэу тызыхъугъэм щыублагъэу, тыдэкIымэ – хъункIэ тшIэу, пелыуанхэр едгъэпсыхэу, пчъэIу еIэнджи тыбэлахьэу тыхэтыгъ. Афэдэу тыщытызэ, хэгъэгоу тызэрысым щыхьагъу къыфэхъун, къытпешIэн къахэмыкIыжьэу, зэпстэури тэ тIэ илъэу хъугъэ. Ащ ыужы:

– Ыхьы ыджы, мы хэгъэгоу тызэрысым цIыфэу исэр тэ тIэ илъ, зэрэтIоу къытфэхъун тIоу ай тяплъэу тыщэсыджэ, лIыгъэ тшIагъэу тэ тлъэгъурэп! – ыIуи, тапэ ит тшынахьыжъхэмэ а унашъор къаIатыгъ.

Хэгъэгу шъхьаф горэм шыбзыхэу, зигъэсэгъоу шы шъитф ахэтэу, къунаными шъыдыми шы минитIу фэдиз фарэ шы лъэпкъыхэу яIэу зы лIыхъужъы куп щыIагъ.

– А купэр къэтымы, фэу а лIы купри тымыукIымэ, ащыгъум шъыд тищыIэжь, – аIуишъ, тшынахьыжъхэр апыхьагъэх. Апыхьахишъ, купэр къялъэшэкIынэу хъуи, якIу къэси зы къаукIэу, тIу къаукIызэгъо, шы купым щыщи къафын амылъэкIэу, тшынахьыжъэу нэбгырих а купымэ къаукIыгъ. А инхэу ащ къязаохэрэмэ ащыщэу, нэбгырихы хъущтыгъэти, нэбгырищыр тшынахьыжъымэ аукIыгъ.

ЕтIанэ, сэри зэонэр къысэнэмысэу, санахь кIалэти, сапэгъокIын сымылъэкIынэу ау щытэу сыщытызэ, илъэс пчъагъэ зэпичыгъ. Ащ ыужы сэри кIуачIэ къэзгъоти, нахь лIыгъэхэмэ сянэкъокъоу, сэри сызышIошIыжьэу ау щытэу сызэхъум, зэтIо горэм, сшынахьыжъхэмэ алъ сшIэжьын сIуишъ, сэри ащ секIугъ. Зыгорэм ехьыщырэу хэгъэгум изгъотагъэр гъусэ сшIызэрэ, нэбгырабэ щязгъэукIыгъ. Амалэ сафэмыхъу хъуи, сыкъызэкIакIуи, тиунэ сыкъиIыстэжьыгъэу ау щытэу сыхэтыгозэ, мы тшыпхъоу мыщ щысым «къэмыщэ хъутэп» ыIуи зы бзылъфыгъэ горэм Iапэ фишIи, а бзылъфыгъэу ай зыфиIуагъэр къэсщагъ.

Мэзищэ фэдизрэ бзылъфыгъэр сиунэ исыгъэу а инэу а батырхэр къысэкIугъэх. Ахэр морэдэу зэгупшысагъэхэр ары:

– Теоуи тыукIынэп, ащыгъом зигъэпсэфыжьыт. Гукъаоу мыщ фэхъутэр ишъуз тхьынэр ары. Ышыпхъу зытхьыджэ, ар хэт щыщыми зыгорэм ыхьыт е дэкIот, згъотыжьыгъэп, ыIон, ыужы икIыжьыт. Ишъуз зытхьыджэ, егъашIэм щыгъупшэтэп. Шъузэр тэ зытхьыджэрэ шъузыджэ тэ тенэцIырэп, тыукIынэуи тыфаеп, дгъэпщэрахьэу тэ тиIэн. КъыIухьэмэ, ылъэгъоу, ар лIым фэщэIэнэпышъы, ау щытэу ыгу узэу гъэшIэнэр едгъахьын, – аIуи, шъузэр ахьыгъ.

Шъузэр захьым ыужы, тэу хъумэ сфэщэIэни, гъусэхэр зэзгъэгъотэу сякIумэ сязаоу адэсыублагъ. Сигъусэхэр къаукIыхэти, къэзгъазэти сыкъыIукIыжьытыгъэ, саукIын аIомэ алъэкIытэу, саукIын адэтыгъэп.

– Тшынахьыжъмэ алъ уасэу бгъэшIэтэр а гугъум ухэтэу одгъахьыт. О узытыукIыджэрэ зыбгъэпсэфыжьын угу хэлъ. Ар тэ пфэтшIэхэнэп, – аIоти, саукIын адэтыгъэп. ЦIыфыбэ езгъэкIодылIагъ. «НекIо!» сIомэ, хэт къыздэкIожьын нэрылъэгъоу къаукIытэу, хэгъэгум цIыф исымыгъотэжьэу сихъуахьыгъ.

Сегупшысишъы, хэсшIахьын сымышIэу хъуи, «Шъыд амал сеусэн?» – сIуи, усэрэжъ зыфаIорэм фэдэу зыгорэ тиIэти, сеупчIыгъ:

– Мы Iофымджэ шъыд амал, шъыдэу зысшIын, шъыд амал къыхэпхыра?

КъысиIуагъэр ары:

– Зи джэуап хэбгъотэнэп, ау зы амал сэ осIони, а Iофэр зыбгъэцакIэджэ уиIоф зыгорэу хъун. ПфэмыгъэцэкIэшъумэ, а гугъум ухэтын.

– КъаIо, сиусэрэжъ, – а чIыпIалъэм сэ щесIуагъ.

– Хым ыкIыбы о уикIынышъ, – ыIуагъ, – зылIы щыIэшъ, а лIэр къэбгъотыт. А лIэр къэпхьыт. А лIэу къэпхьытэр Чэчан зыфаIорэ лIэр ары. А Чэчанэу къэпхьытэм ишъуз гъумы. Чэчанэр пелыуан, ишъузи пелыуан, ыйтIумэ ахэкIыгъэм Чэчанэкъо Чэчанэр фаусыт. ПелыуанитIумэ ахэкIыгъэм кIуачIэджэ зи епшIэн плъэкIытэп, упешIэтэп. Илъэс пшIыкIуий зыщыхъуным ар зынэсыджэ, аджалыщэ инэпэмыкI зи фэшIу хъутэп. КIуачIэджэ зи пфемышIэнэу, зэоным фэкъулаеу ащ тетэу ар къэхъут. Чэчанэр о къызыпхьыджэ, бэ шIэн-макIэ шIэн, а кIалэр илъыхъуакIоу мафэ горэм къежьэт. Дунаер къыкIуахьыгъэми Чэчанэр ымыгъотэу Чэчанэкъо уцунэп. Чэчанэ о уадэжьы щыIэ зыхъуджэрэ, ымыгъотэу зымыуцуджэрэ, ар о къыоолIэт. А чIыпIалъэм а кIалэр зыщыбгъотыджэрэ, бгъэукIытэу о пфеIошъутымэ, Iофэу уиIэр зэшIуихыт. Ай нэмыкI зи амал а Iофым сэ хэслъагъорэп, – къысиIуагъ усэрэжъы.

– Тхьэ къысауи, усэрэжъ! Ыдж ныбэ илъ кIалэм сиIоф езгъэжэна! Тау хъумэ сфэщэIэн! Ащ фэдиз илъэс пчъагъэмэ азыфагу сэ сызэгоутынба! ШъхьакIошкоба! КъытщышIыгъэр тхьамыкIагъоба! – усэрэжъы сэ есIуагъ.

– Адэ, кIэлэ бетэмал, сэ шъыд фэсшIэхэн. О кIочIэгъу уафырикъунэп. Хэгъэгум цIыф къиунагъэп. Пфэхъу-пфэмыхъуми а пIалъэм унэсын, – къысиIуагъ усэрэжъы.

–Ыхьыыджы, амалсиIэп, IофуиIэзыхъуджэрэзэрэхъунымыужы уимыхьэ хъутэп. Чэчанэ сылъыхъоу хэгъэгум сыкъикIи, Чэчанэ ыуж

сыкъихьагъ. Нарт Шэбартныкъо ихэгъэгу язекIуапIэу, а нэбгыритIор зэгъусэу а къэбарэр къысаIуагъ. ЧIыпIэлъабэри саIукIагъ. Ежьыхэми гу къыслъамытэу, саIукIэмэ, саблэкIэу а Iофымджэ сэ сяшэу адэсыублагъ. СызфыблэкIытыгъэр: нарт Шэбартныкъуи зы пелыуан, Чэчанэу сызыфаер ай нахь бэлахьыжь, нэбгыритIор зы чIапIэу сэ сызыщаIукIэрэм, сяIэнджэ сашыщтэу саблэкIытыгъ. Яхазы изакъомэ, зэуи сшIомышIэу къэсхьыт, ау нэбгыритIор къызэдеIэмэ сэ сафыримыкъунэу, сыгуджэрэ сыкъагъащтэу, саблэкIэу сыхэхьажьэу ащ тетэу гъэр сшIокIуагъ. Ау зыужы уимыкIыхэрэм итIасхъэ утемыфэ хъуна: зы мафэ горэм альп шы лъэпкъэу, ибагъэ зи хэсшIыкIырэп, шы Iэхъогъу къафэу къэкIожьыхэу сакъыIукIагъ. Нарт Шэбартныкъо шыпэм щыIэу, ар ягъуазэу, Чэчанэу мыщ исэри шыкIэ къалэу пыим ар фэгъэзагъэу ащ тетэу къэкIожьызэ, апэ зыкъэсшIишъ: «ШIуфэсыжь апщи!» къесIуагъ.

Нарт Шэбартныкъо:

– Ахад, сикIал! – къысиIуагъ.

– Тхьэм шъушъхьапэ ешI! – сIуи, нарт Шэбартныкъо сыкъебгъукIуагъ. Шы ужым сыкъызэсым, Чэчанэм сыкъыбгъухьишъ, «Фэсыжь апщи!» ащи къесIуагъ.

– Тхьэуегъэпсэу, сикIал, ахад! – ыIуи, ащи къызысеIом,

– Гъогу мафэх, Тхьэм шъушъхьапэ ешI! – сIуи, ыIапэ сыубытыт фэдэу, сеуи зыбгъуезгъахьишъ, ипаIо къыщысхишъ сыкъежьэжьыгъ.

Сэмэркъэу къыфэсэшIы шIошIэу, Чэчанэ къыскIэлъыплъэу зытIэкIурэ щыти, етIуанэ къыслъежьагъ. Сэ сишы къыIускъудыеу, Чэчанэ зэрилъэкIэу къеоу сэ къыслъычъэу зэхъум, нарт Шэбартныкъуи къытыригъэзагъ.

Чэчанэ шэу зытесэр бырулэу, ежь ишылъэпкъыджэрэ нахь пхъашэу шы щымыIэу щытти, ар хьазырэу къыIусщыгъ, етIанэ нарт Шэбартныкъо къыкIэмыхьанэу, чыжьэу зэхъум, зэкIэм къытезгъази, Шэбартныкъо къаплъэмэ, есшIэрэ щыIэмэ къылъэгъунэу, ай нахьэу сыпэмыблагъэу, Чэчанэм сыкъыгуахьишъ, онэгум исхи сежьэжьыгъ.

Шэу сэ сызытесэр естIупщэу сыкъызежьэджэрэ бзыор къытемыкIонэу ащ фэдизэу чъэрыгъэти, лIым сызыщеIагъэмрэ тыкъызыщежьагъэмрэ азыфагу, нарт Шэбартныкъо къызэрэстеплъагъэм нэмыкIыджэрэ, «моу кIуагъэ» ыIонэу сызэхимышIыкIыжьынэу псынкIэу сыкъыIукIыжьыгъ. Шэу сэ сызытесэр чIылъэм сызэрэтеуцорэмджэ ыуж къэмынэтымэ, ай нэмыкI химылъэгъожьынэу ащ тетэу сыкъэсыжьи, хэу мы шъукъызэрыкIыгъэм къазым фэдэу сыкъызэпырысыкIыжьыгъ.

ЫджэсыгъэрыкIыгъэр о плъэгъугъэ. СызэрешъхьэкIафэрэм слъэкIытымджэ гъунэ иIэп. Ау мы Чэчанэм къин ылъэгъурэп, ыгуджэ матхъэ сIоу ар есIуалIэрэп. Ар зыкIесымыIуалIэрэр: IункIыбзиплIым акIоцIэу Чэчанэр сэ сIыгъ. Гъомылапхъэу шъыд ышкыгъэджи, тэу хъумэ ар тхъэн. IункIыбзэр зыкIезгъэтырэр: Чэчанэ пелыуан ышъхьэ, фитэу къэстIупщынджэ, тIасхъэ имыIэу цIыф щыIэп, сэ сшъхьэджэ сэщыни ары. ЛIыхъужьыгъэу ежь хэлъымрэ шъхьакIоу сэ есшIагъэмрэ – ыйтIор щыгъупшэнышъ, Чэчанэр рэхьатын сIоу зи фетэу естыгъэп.

Ыхьы ыджы, Чэчанэкъо Чэчан, а Іофым есымыІуалІэрэ, уятэ къин ылъэгъугъэп сІорэп. Джы о пшІэным о уфит. «О шъыд гукъао уиІэми, тятэ шъыд илэжьагъ, сэри шъыд хьакъ сиІ!» пІоу сыуукІын пІоми, орыджэ сыІарылъхь. Ау сызэрэпщыгугъугъэр: «Чэчанэ цІыфымэ, ай цІыф хэкІын, ау зыхъуджэ шъхьакІоу сэ сиІэмрэ гухэкІэу къысэхъулІагъэмрэ яІотэжьыгъо сыригъэфэн, сиІофы гуапэу хэлъэр къысфыхихын, сІуи, ары сызэрэпщыгугъугъэр», – ыІуи, ау щытэу бысым кІалэм къыухыгъ.

Ащ ыужы пшъашъэр къэгущаІишъы:

– Ыдж, непэ гущаІэу сшы къежъугъэшІыгъэмрэ Іофэр къызэрежъугъэІотагъэмрэ, итІуанэ ащ ыпкъы къикІэу Чэчанэкъо Чэчанэ а Іофым икъуджэрэ шъхьакІо зэрэфыриІэм къыхэкІыджэ, азыфагу губгъэн къыдэхьанджэ щынагъоу зэрэщытэр ары сишъхьатехъо къызтесхишъ, тазыфагу зыфислъэшъугъэр. Іофым Іотэгъу фижъугъэфэнэу, тиІоф зэхэшъушІыкІынышъ, акъылэу шъо фышъуиІэмджэрэ гузэжъогъоу тызэрытым шъукъыдеплъынэу арары а сшІагъэр зытесшІахьыгъэр. ИІофымэ арыкІуагъэри псаоу къежъугъэІуагъ, тхьамыкІагъоу къехъулІагъэхэри икъуджэрэ зэхэшъухыгъэшъ, сэ сызэрэшъолъэІугъэмджэ сыкъэшъумыгъэукІытэжьэу къыстефэрэр къысфэшъушІагъ. ХэшъушІахьыным шъо шъуфит, бэрэчэт босын шъосэІо, – ыІуагъ бысым пшъашъэм.

Нарт Шэбартныкъо а чІыпІалъэм къэгущаІи, Чэчанэкъо Чэчанэм къыриІуагъ:

– О сикІал, непэ Іофэу тызэрихьылІагъэм къин къыхэкІытыми, псынкІэу къытфэхъутыми сымышІэгозэ, мы бзылъфыгъэр къызысэлъэІум шъыд къыриІолІэтыми, «пшІоигъор фэтшІэн, удгъэукІытэжьынэп» есІуагъэшъ, а Іофым зи хэтІуахьыжьытэп. ТызэрэпэгъокІытэу, амалы тызэрэфэхъутымрэ чІапІэу зыдэщыІэр тэзгъэлъэгъунрэ нэмыкІ Іофым гущаІэ хэмылъыжьэу сэ сэІо.

– Ыхьы, Шэбартныкъу, – ыІуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ, – мы Іофым къин къыхэкІытыми, псынкІагъо къыхэкІытыми унаеу сэ сипшъэрылъ. Ар шъыд зыпІоджэ, тянэ ыныбэ силъэу тибысым кІалэм слъапсэ къызэрифи, икъуджэрэ къысщыгугъэу къин рилъэгъулІагъ. Тятэ къинэу ригъэлъэгъугъэмрэ хьазабэу ыщэчыгъэмрэ зэхэсымышІыкІыджэ ау щытэу ар есІуалІэрэп. Ау Іофым сызэреплъырэр, цІыфым Іоф иІэ зыхъуджэ, къызыпщыгугъыджэ, къини уигъэлъэгъут, къызэрэпщыгугъыгъэмджэ феди уфэхъужьын фае. Ай нахьыбэ къесІуалІэрэп. Сишы уанэ тырилъхьэу зыдэщыІэр «мыры» къызысиІоджэ, сежьэнэу сыхьазыр, – ыІуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

– Хьау, ащ тет дэдэуи хъунэп. А Іофым о узфежьэджэ уизакъоу удгъэкІонэп. Ыджы нэсы тызэгъусагъэу ыдж гум уисынэжьэу, къыохъулІэрэ сымышІэу устІупщышъутэп, – ыІуагъ нарт Шэбартныкъо. – Мы кІалэр гъусэ къытфэмыхъумэ, чІапІэу зыдэщыІэр тэ къэтшІэнэу хъурэп. Ау зыхъуджэрэ нэбгырищэри тызэдэмыкІомэ мыхъунэу а Іофым къесэІуалІэ.

Чэчанэкъо Чэчанэ а Іофым къыриІолІагъэр:

– Мы бысым кІалэм чІапІэр сигъэлъэгъуны, а Іофым хэсшІахьырэ щыІэмэ, сизакъоу хэсшІахьынэу, сфешІэшъутэр а чІыпІалъэм сэ щесшІэнэу ары зэдытиунэшъон фаер.

КъысэхъулIэрэ щыIэмэ къэшьулъэгъунэу, ау нахьыбэджэ шъукъысэмыкIолIэнэу, шъыд къысэхъулIагъэджи IэпэIэгъу тыфэхъун шъо шъумыIонэу, а унашъор къыззыдэшъушIыджэрэ, тызэгъусэу тыкIон. Ау фитыгъуаджэ сэ сызыхъуджэрэ, сыкъаукIыгъэми, сыкъауIагъэми ащыджэрэ тыдеIэн, мы Iофым тыриIэпэIэгъун, шъуIоу шъукъызежьэджэрэ, сызэзэотэу, пыеу сызыпэгъокIытым ясшIэтэр шъосшIэнджэрэ тхьарыIо инэу сэ сэшIы, – ыIуи, Чэчанэкъо Чэчанэм нэбгыритIумэ ариIуагъ. Ащыджэ унэшъо пытагъэ адишIыгъ.

– Хъун, зэрэпIоу тыхъун. Ау тыкъыбдэкIонэу, къыохъулIэрэ тлъэгъунэу ыджай тыкъыкIэлъэIу. Ау нэмыкIырэ Iофыджэ зыфапIорэм тыблэкIынэп, – къаIуагъ нэбгыритIумэ.

– Ащыгъум, тишымэ уанэ ятэжъугъэгъэкIу, лъэшэу тшIуабэ фашIэ, тибысымы къысиIуагъэм лъэшэу шъхьакIо сигъэшIыгъ ХэтшIахьышъунэу щыIэр шIэхэу къысфэнафэу, сэри зыщысыушэтыжьынэу а чIыпIалъэм сызэрэнэсытым сыфэтхъытхъы, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэм.

Бысым кIалэр икIи зэфэдэу шищ шэщым къычIищыгъ, зекIо уанэхэри атырилъхьагъэх, шышIоIум къырипхыгъэх. Гъомылапхъэр рызэрахьэхэу онэкIэ Iалъымэкъыхэу яIэхэр рихыхишъ, гъомылапхъэхэр къарилъхьагъэх. Ахэри шыхэмэ апипхагъэх.

КIалэр къихьажьишъ:

– НекIо ыджы, шъухьазырмэ, – къариIуагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэм зыкъигъазишъ, пчъэм къызеплъым, ипкIэгъуалэ ахэмытэу къылъэгъугъ.

– Шъыд сэ сипкIэгъуалэ уанэ зыфытемылъхьагъэр? – ыIуишъ, къеупчIыгъ бысым кIалэм.

– Ар зыкIытесымылъхьагъэр осIопэн, Чэчанэкъо Чэчан. Непэ гъогоу тызытехьатым уипкIэгъуалэ ифэшъуашэджэрэ гъэрет ришIылIэтэп. Мы шищэр шы лъэпкъэу ахэр зытесымэ афэд. Ежьыхэр зытесы шымэ афэдэ утемысэу узапэгъокIыджэрэ, лые къыуахыт. Хьэлэчы уяхъулIэт. Уишы уанэ зыфытесымылъхьагъэр арары нахь, сэ сыошхъуагьоу, а гуцафэр къысфэмышI, Iофэу узыIухьатэр унаеу сэ сиIофы. Къинэу ай хэплъэгъотэр зэхэсымышIыкIыджэ сыкъанэрэп, – ыIуагъ бысым кIалэм.

– Хъун, арэу оIомэ, ащыгъум тыхьазыр, тежьэн, – аIуишъ, нэбгырищэри зэдежьагъэх.

Хэгъуашъхьэм зыщыIухьатхэм пэмычыжьэу мэзы пырыпыцу горэ иIэти, ащ дэжьы зынэсыхэм, нэбгырищэри къэуцугъэх. Зишъуз ахьыгъэ кIалэр а чIыпIалъэм къыщыгущаIишъ:

– Мы пэнэпцIэ сэрэешко зэшIэкIыгъэу щытэр ары сишъуз зыдэсэр. Инэу зыхьыгъэхэр дэсэу уаIукIэнджи хъун, дэмысэу утефэнджи хъун. ДэкIымэ къакIуахьэу, зы тхьамафэмафэ пшIыкIутфы горэджэ къагъазэу къеолIэжьыхэу яхабз. Ахэр зыщыдэкIырэмрэ къызыщыдэхьажьырэмрэ азыфагу етIупщыгъэу сишъузы гъомылапхъэ афегъажъэ. Цу псау ащ къаукIы, ео дэкIых, къызагъэзэжьырэм, ар мыфэбэ-мычъыIэу къызыIумыкIэжьыхэджэ, укIыкIаеу шъузэр аукIы. Ащ фэдизэу ащыщынэу, егъзэзыгъэу ащ ехьы. Къызыдэхьажьыхэджэ а мэфэ пшIыкIутфым гъомылапхъэу ащ ышIыгъэр зэIыстыгъом

ашхы, зышхахэджэрэ, затIэкIыны гъолъынхэшъ къэмыущыхэу тхьамафэрэ чъыетых, шъыда зыпIоджэ апырикъун цIыф щымыIэжьэу ащ фэдизыджэ рэхьатых. Сэ къысщыщынэжьыхэрэп, зыщыщынэри щыIэп. Ау шыу мыгъо уафишIынджэрэ Алахьэм селъэIу. Iофыр зэрэщытыр ыджарары, – къыриIуагъ.

– Ащыгъум, сэ сыкIот. Мы чIапIэм шъо шъущыт. А купэр дэсэу сытефэмэ, сямыжэжьынэу синасыпы къыубытыгъ. Дэмысэу сытефэми, къашIостыгъужьэу къэсхьыжьытэп. КъэкIожьыфэхэ сэ сяжэт. КъысэхъулIэрэ щыIэмэ, шъукъаплъэмэ, къэшъулъэгъун. Мы чIыпIалъэм шъо шъущыс, сэ сежьагъ, – ыIуишъ, Чэчанэкъо Чэчанэ изакъоу къахэкIишъ ежьагъ.

КIуи, Iэгум зыдахьэм, зыригъэлъэтэхишъ, иш шышIоIум шIуидзагъ. Унэм факIоу ежьагъэу бзылъфыгъэу ащ исэр къаплъи къылъэгъугъ.

– Тхьэ къысауи, мы кIалэри шъыдым къыхьыгъ! ЫмышIэу къяолIагъа, ышIэу къыдэхьагъа? КIэлэ мэлэкIалIэмэ, мы тхьамыкIэм шъыд есIон, сыхэIаны сэ сыфитэп, сыхаIэмэ ашIэжьыт. Шъыдэу зысшIыхэн, – ыIуагъ бзылъфыгъэм.

ШъхьэшъокIапхэ шIыгъэу, ыIэлджанэхэри дэфыежьыгъэу, зэрилъэкIытымджэрэ машIом кIигъэстэу, ау щытэу пщэрахьызэгъо, Чэчанэкъо Чэчанэр кIуишъ, унэм ихьагъ.

– Е-о-о-й, сикIал, шъыд пае укъэкIуагъ? Тэди укъэкIыгъ? Шъыдыми укъихьыгъ? – къыIуагъ шъузым. – ПшIэу укъэкIуагъа? УмышIэу укъэкIуагъа? Мы унэм исыхэр пелыуанэу, бэлахьэу, жъалымыхэу зэрэщытхэр зэхэпхыгъэба? Шъыд уилъэгъун? УмэлэкIалIэджи зы хьалыжъо тыкъыр фэдиз къыхэсхэу озгъэшкыным сэ сыфитэп. Мэфэ пчъагъэу къызэрэтырэм гъомылапхъэу сэ сшIырэр телъытагъэу ежьымэ ашIэ. Шъыд озгъэшкыхэн, – ыIуишъ, бзылъфыгъэр ау щытэу тхьаусыхагъэ.

– ЫхьыI, сшыпхъу, сэ сыкъызыфэкIуагъэр оры. А инэу бэлахьыхэр тэдэ щыIэу къысэпIот? Ахэмэ сэ салъэхъу. Синасыпы къыубытымэ, ахэри сыукIынышъ, ори усхьыжьынэу, а унашъор сэ сиI. Арары сикъэкIуакIэ. СымышIэуи сыкъэкIуагъэп, сшIэзэгъо сыкъэкIуагъэ нахь, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

– А сшынахьыкI, сшыпхъу къысэпIуагъэшъ, сшышъоджэ сызэбгъэплъыгъ. Ау укъысэдэIунымэ, зыкъямыгъашIэу, зямыгъэлъэгъоу гъазэри дэкIыжь. Зэогъу уафэхъутэп, бэлахьэр атефагъ. Ау зыхъуджэрэ, мы Iэгум удэкIыжьымэ, гъогунчъэджэрэ занкIэу кIожь. Мыщ укъезыщэлIагъэм Тхьэм шIу ферэмышI. Мы чIыпIалъэм къинэу сэ сызыхэтым нахьи нахьы къины кIысфэхъурэр хэгъэгоу тызэрысым зыгорэм яхьыщырэу шырэ Iашэрэ зэдыриIэу исэр къыIуищэзэрэ, цIыфы къызэраримыгъэнагъэр ары. Сэщ фэдэу зыхьабзыуд зыщымыкIодырэ щыIа! ЦIыфэу къыстыригъэкIодагъэр икъуджэрэ сигукъау, ай нэмыкI къин симыIэми, узы сфэхъуным фэдизэу сщымыгъупшэу непи нычэпи сыгу хэкIы. Мы илъэсы зау къеолIэжьыгъэпти, лъэшэу сшIоигъуагъ: «сыщыгъупшэжьыгъэу, рэхьаты зэ хъужьыгъэмэ, о Тхьэм егъэпсэуи!» сIотыгъ. ЫджыриоукъыIуищагъ! Щэ цIынэр къыпIучъэу усабый цIыкIу, сапашъхьэ о ураукIахьыны нахьи сэ саукIымэ сэрыджэ нахь псынкI. Ау зыхъуджэрэ, къысэдэIуи, гъазэри кIожь, – ыIуишъ, бзылъфыгъэм къыриIуагъ.

– А сшыпхъу, мы къэпIуагъэхэр зэкIэ зэхэсхыгъэ, ау зи зэхасшIэрэ ахэтэп. Ащымэ сэ сафырикъушъумэ сеплъыт. Ау зашIозгъэбылъэу мы Iагум сыдэкIыжьытэп. Илъэсырэ къэтыхэми, сяжэу сыщысыт. Ащ ягъомылапхъи, сащымыщынахэу, сфэшкырэр хэсшкыкIыт. Ар сэ зэрэсшкырэм пае, а купэр къызыпщыхьэджэ, ай нэмыкIы Iоф адысиIэми, ащ езгъэкIодылIэных.

– СшIэрэп, сшынахьыкI, къыхэсхэу сэ остыным сыфимытэу тхьэ сагъэIуагъэ. Хэзыхырэ щыIэми, ясымыIотэжьымэ мыхъунэу сиунашъоу ары мы унэм сызэрисэр. Нэбгырищми зэфэдэджэ яунашъоу, бзылъфыгъэ Iофыджэрэ къысэнэмысыныхэу, гъомылапхъэу ашкырэр афэсшIынэу, а унашъор зэдашIыгъ. А унашъор ау щытэу зыкIашIыгъэр, къысэнэцIыхэу кIалэ сшъо хафэмэ, гъомылапхъэу афэсшIытэм щыкIагъэ фэхъунджэ енэгуехэшъ ары. Сымысымаджэмэ, къыщызгъакIэрэм ифэшъуаджэрэ утын къысахынэу ар сэ сихьазабэу арары сызэрэщытэр. Ау зыхъуджэ, сэ саукIытыми, сэщ папкIэджэрэ зябгъэукIын угу хэлъэу о укъэкIуагъэшъ, о хэпхын зыфапIорэм уфит нахь, сэ къыхэсхэу остын слъэкIытэп, – къыриIуагъ бзылъфыгъэм.

– Сэ хэсхыт, ыджыри сшкыт. ЫджыриI сащыщынэрэп. МэлакIэ сымылIахэми, ащ фэдэ ныбэшкохэр къызэрэнэсыжьэу щыуаным дэбэнэтхэшъ, ар ублапIэу афэсшIыт, – ыIуишъ, Чэчанэкъо Чэчанэ, ицые IапэкIитIор еуи къыдищаий, къашыкъэр къышти, лэу ыжъо пэтырэр икъыпэхыжьыгъом IукIагъэу щытыти, еуи къызэIишIи, кIэпцэр къызыхэщым, еIи къыхилъэшъугъ.

Iанэм тырилъхьи, еIыстылIишъ, цу кIэпцэу къыхихыгъэмрэ хьалыжъоу ышIыгъэмрэ фэшкытым фэдизджэ щышкагъ. Лэр зыпехыхэм, цу кIэпцы къупшъхьэшкор шыуанэм хигъэцохъожьыгъ.

– Ащ аIо ашIоигъор арэIу, мыдэ псы тIэкIу сегъашъу, – ыIуишъ, кIалэр къызэкIакIуишъ Iыстыжьыгъэ.

А мафэр япIуалъэу адырэхэр къэсыжьынхэу щытыти, апаплъэу щысызэрэ, инэу, шъэджашъэу, хьашхъурэIум фэдэхэу, шэу зытесыхэмэ ажэ зэкIэгъэзыгъэу къэкIожьыхишъы, Iэгум къыдэхьажьыгъэх.

Чэчанэкъо Чэчанэ иш шышIоIум епхыгъэу алъэгъугъ. Залъэгъум:

– Мы шы лъэпкъэр тэшIэжьы, тесэр тшIэрэп нахь. ЫджыриI зытхьамыкIэ горэ къыгъэделишъ къыгъэкIогъэнджэ хъун мый. Зишъуз къэтхьыгъэм ыджыри щымыгъупшагъэу щытымэ, гъэшIэгъоны! – аIуагъ.

– Шым зи ешъумыIу, зэтэжъугъэгъашIэ, – ариIуагъ анахьыжъым ышынахьыкIитIу.

Еуишъ унэм ихьажьыгъэх. Шъхьае, кIалэр мыгумэкIэу IэпIорэу яIэм анахь зэгъэфагъэм хэсэу щыс, «чорт обэри, шъыд хъутыми!» еIошъ.

– ЫхьыI, цIыфы цIыкIу, тиIэпIори утес, тишышIоIуи уубытыгъэ, тиуни зэбгъэфэжьэу, упчIэгъу зыми емыхэу, тищынагъуи къыптемыхьэу ущыс, шъыда уихьисапэр? Тигугъу ашIэу зэхэпхыгъэба? Уделэу зэхэумышIыкIа, шъыд узыхэтэр? – ыIуагъ иныжъымэ анахьыжъым.

Ащ ар къыреIофэ, нэбгырищымэ анахьыкIэр, гъомылапхъэр зыщашIырэм кIуишъ, гъомылапхъэм къыхэплъагъ. Щэламэм зы куп пигъэугъэу, лэпсыми зы цу кIэпци хишкыкIыгъэу а къэбарэр къафихьыгъ.

– Мы шъхьаубатэу мы щысым гъэшIэгъоны къытишIагъэр! – ыIуагъ.

– Шъыда къытишIагъэр? – ыIуи, анахьыжъэр къеупчIыгъ.

– Мый тэ къытишIагъэр! Щэламэу тфагъэжъагъэм зыкупышко хигъэкIыгъ; цоу тэ тыукIыгъэм ыкIэпци къыхилъэшъуишъ, лэупылъэр къыпигъэкIи, къупшъхьэ нэкIэр хилъхьажьыгъ. Ау бзылъфыгъэу унэм исым сэ сызыщэхьэм:

– Шъыдыджэ сэ сиIоф? – ыIуагъ. – Хъулъфыгъэм себэныныя, есымыIоу ышкыгъэп, шъуикъэбари етIуагъ, шъуилIыгъэхэри есIотагъ. Сэ сызэрэфимытыми бэу иунашъо фэсшIыгъ, ау сэ къысэмыдэIоу ежь зэреблэу щышкагъэшъ, фэжъугъэгъуни, фэшъумыгъэгъуни шъуфит, – къысиIуагъ.

– Ара къэбарэр? Шъыда къытфыуихьысапэр? О утикIэнэгъоп, утишъхьагъырытэп. Тигъомылапхъэ шIыгъэ узэреблэу зэIэпшIэнэу, тэ типIошIыгъи зыбгъэпщэу ухэсынэу, тэ тишышIоIуи уишыжъ еупхынэу, къытфиухьысапэр шъыда? ТишышIоIу лъапсэ уишы цоеу къыринагъэр Iэбжыбыдээ дэпхыжьын! – ыIуишъ, анахьыжъэр пхъашэу къытехъупкIагъ Чэчанэкъо Чэчанэм.

Ащ фэдизэр къыраIофэджэ, Чэчанэкъо Чэчанэм нэпшIэтхьапшIэу зэхишIагъэп, ынитIуи ущэкуагъэп, къызехьажьыхэм афэтэджыгъэп.

– Ыхьы, инэу батырых! ЛIэкъо лъэшыхэу шъузыщыгугъыжьыхэу, шъуипыихэр шъуухыгъэу, шъуигубгъуи шъуиунаеу, дунаери къышъуфэнагъэу ащ тетэу шьузэплъыжьэу, тэу хъумэ шъукъыздэгущаIэра? – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчан. – Шъощ фэдэу губгъэнынчъэхэу, зыныбэ зекIотэхыджэрэ изы хъун зыгъотыжьынэу цахь зымышIыхэрэмэ ясшIэтымджэ сэ сыIэ жьабгъу. Мый шъукъызэрэкIожьытым икъэбар сымышIэу, мы чIапIэм сэ сыщысэп, щынагъо зи шъуфисиIэп. ШъуиIоф ешъуIолIэтымрэ, хэшъушIахьытымрэджэ шъузэджэнджэшыжь. Лъэгъунэу сэ жъудысиIэр, шъо шъумэлэкIалIэшъ, шъуасIоджэ гу лъышъутэтэп. ШкышIэщым шъо шъукIори, шъуихьаныбэ къэшъуушъэри, етIуанэ шъосIотэн.

Нэбгырищэри къыгъэгубжыгъ.

– Шкэгъу-Iогъуи тэ тифэтэп, уилъэгъун моу къэIуат!

– Ащ пае сыжъугъэтхъытхъэуи шIэхэу къэсIотэп, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ. – Мыдэ зызыжъугъэшкэкIыджэ, лъэгъунэу сиIэр а чIыпIалъэм щышъосIот. ШъосIот гущыIэм губжыныгъэрэ зэо IофырэкъикIыт. Тэ тызэзэоным Iофэр зыфакIоджэ, «зыдгъэшкэкIыгъэмэ, ащ Iаджи тэ етшIэни!» шъуIоу а гукъанэри дэшъозгъахьыжьытэп, шъуигъашIэри шъуухыт. Непэрэ мафэр мэфэ мыгъо шъо шъуфэхъут!

Зэшищым агу ифэрэр къэгущаIишъ:

– Непэ шъузыдэгущаIэрэм Iофэу къыжъудыриIэр зэхышъуигъэшIыкIышъут. Мы зынэгу сэ сыкIаплъэрэм хъяры шIагъо къыпымыкIынджэ сыгуджэ сенэгуе, – ыIуагъ ай.

– О-о-й, делэшку! – ыIуагъ анахьыжъэр къэгущаIишъ, – бэу укъагъэщынагъ. Шъыдэу шIэхэу уеуцолIагъ!

– Шъощ нахьи сынахь къэрабгъэп, – къыпигъодзыжьыгъ гурытым, – лIэбланэри, къэрабгъэри къычIэзэрэгъэщыт, мыдэ тIэкIу тэжъугъэшки.

ШкынышIэщым чIэзэрэщэхи, гъомылэпхъэ шIыгъэр зыIулъхьэ къамыгъанэу нэбгырищымэ ашкыгъ. ЗатхьакIи къычIэкIыжьыхи, мыдырэ унэм къихьажьыгъэх.

– ЫIхьы, зыжъугъэшкэкIыгъаха? – къариIуагъ купымэ Чэчанэкъо Чэчанэ.

– ЗыдгъэшкэкIыгъахэми, зытымыгъэшкэкIыгъахэми тыкъычIэкIыжьыгъ, лъэгъунэу уиIэр къаIо! – аIуагъ адрэмэ.

– ЫджыриIэ гукъанэ тIэкIу шъуиIэн фае. Цу кIэпцэу сэ хэсхыгъэр жъугъотыжьыгъэмэ, тешъушкахьыжьыни сшIошIы. Лъэгъунэу сиIэри ыджы шъосIон. Мы бзылъфыгъэу мыщ исэр сщэжьынэу сыкъэкIуагъ. Ар зэрэсщэжьытэр мышъэфэу сэ шъосэIо. Ар зыщэжьынэу хъурэр шъуемызаоу шъо жъугъэкIожьытэп, ау зыхъуджэрэ зэрэшъумыдэтым шIыкIэу шъо фышъуиIэмджэрэ шъукъызэрэспэгъокIын! – ариIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

Иныхэр лъэшэу щхыгъэх.

– Шъыда шъуздэхьащхырэр, непэрэ мафэм шъуигъашIэ зэрэшъуухытэр ара?

– Тэ тыздэхьащхыгъэр, – ыIуагъ анахьыжъым, – укIал, усабый, укъэзгъэделагъэу мы IофымджэукъэзгъэкIуагъэм узэредэIугъэр ары.

– Ар шъо шъуиIофэп. Делэри, Iушэри непэ къычIэкIыт!

– КIо, тэ отэтыжьы тIоу оттыжьынэп, о пщэжьын пIомэ, щэжь, бэу ощ фэмыдэу лIы къекIолIагъ ай, фэшэжьышъугъэп нахьыджэрэ. Ащ паеджэ зэшищэ тыкъэбанэу мы унэм тиуцонэп. КIо, мы кIалэм уигъэщэжьымэ щэжь. Зи етIуалIэрэп, – ыIуишъ, анахьыжъым анахьыкIэ дэдэм Iапэ фишIыгъ.

– А къэпIуагъэ гущаIэм къикIырэр сэ къэсэшIэ, ау зыхъуджэрэ нахьыбэу къесIолIэжьырэп, сэ сежьэжьын хьакIэшъ, сежьэжьыт. АнахьыкIэр зыдэкIуагъэр ымышIэу ай нахьыжъэр къылъыдэкIэу а хэгъуашъхьэм шъусшIын, – ыIуишъ, кIалэр къэтэджишъ, шкыншIэщым къэкIуагъ.

– ЫIхьы, сшыпхъу, мы инэу бзаджэмэ гъомылапхъэу афэпшIыгъэр икъун, непэрэ мафэм ощ папкIэджэрэ ахэмэ сэ лъымрэ екъумрэ зэхэтэу къакIоцIысхыжьыт. Орырэ сэрырэ тызэкъош, ау зыхъуджэрэ пытагъэу уасIорэр: сыуаIэу сызежьэжьыджэ, о зыдэбгъазэрэм ылъэныкъоджэ нахь кIуачIэ щыIэтышъ, гъусагъэ къысфэпшIыт. Сызэрэомынэ цIырэр: Iашэджэ усфэонэу, пчыджэ усфепыджынэу а унашъор сэ пфысиIэп. Ау сызэрэпщыгугъырэр: сызыуаIэджэрэ, сэ зыдасIорэм илъэныкъоджэрэ Iупэщае зымышI, – шъузым риIуагъ.

– Хъун, сшынахьыкI, къэпIуагъэр сэрыджэ дэгъу. Синасыпи къыубытынэу мыхэмэ сахэкIыжьытымэ, ай нахьышIу сырылъаIорэп. Ау мыхэр иных, кIочIэшкох, пелыуаных. А зэрэпIоу Iофэр мыхъоу, текIоныгъэ къыпфыряIэ зыхъуджэ, ори уаукIын, сэри саукIын. Ау сызыщыщ о умышIэу сэщ пае зябгъэукIынэу угу хэлъэу узыфежьэджэрэ, ащ сыщаукIыжьыджэрэ, сэри сылы узынэп, – къыриIуагъ шъузым.

А фэдизэр зэраІофэджэ, зэшищымэ анахьыкІэу а Іофым фэгъззагъэр а унэм адитыгъ. Шъэф азыфагу имылъыжьэу ыпашъхьэ щаІотагъ.

– Ыхьы ыджы, нэбгыритІо шъузэзэгъишъ, сэ шъукъысщымыщтэу шъузэдежьэжьыгъа? – ыІуишъ, лъэшэу къадэхьащхыгъ а инэр.

– УблапІэ ар тфэхъун, – ыІуи, Чэчанэкъо Чэчанэ итэхъутэй тыримыхэу шконч лъэбымджэрэ дысэу къытыриубытишъ, пэбг фаоу къеуагъ.

– АІ, цІыф цІыкІу, шъыдэу шхъо къысэпшІагъ сымышІахэу! – ыІуи, а инэр къэкууагъ. ЫпэлъэркъикІутэу джэхэшъуакІэм тырикІагъ. – ЫдждоуздэкІожьытым папкІэджэ сищыгъын сыупцІэпІэу, лъэр скІэчъэу сыплъыбанэу сиуцонэп, – ыІуишъ, унэм ар къинагъ. Шъузым ыблыпкъ къыубытишъ, Чэчанэкъо Чэчанэ унэм къикІыжьыгъ. Ишы къекІолІэжьишъ къешэсыжьыгъ. ЕІэбэхи, шъузэр къышти, къежьэжьыгъ.

КъехъулІагъэр адырэ зэшитІумэ амышІэу, анахьыкІэр къэгужъуагъ.

– Шъыда мыщ ихьисапэр? Мы кІожьырэм мыр ыщэжьынэу шІошІымэ, гъэшІэгъоны! Мы кІалэри тэдэ кІуагъэ? – ыІуагъ анахьыжъым.

Унэм къыранагъэм ынэкІухэри къытхьакІи, иІашэхэри къызыгуилъхьи, ишы дэжьы къекІуалІи, ышнахьыжъитІу ынэгу къафэгъэзагъэу, шым къытеІыстхьагъ. Адрэхэр къаплъишъ, ашнахьыкІэ ынэкІушъхьэ щизэу ыпэ хэуплІэкІагъэу, нэкъэ-пакъэу къалъэгъугъ.

– АІ, мыщ къытишІагъэр гъэшІэгъон! Мыр ыпэбгы къезышІагъэм мы кІалэр ІэкІэкІынэп. ДакІу, кІал, гъусэ фэхъу! – ыІуишъ, анахьыжъым гурытым риІуагъ.

– Олахьэ, сымыкІон, апэу сыкъызэгущаІэм, къэсІуагъэм шъурыщхыгъ шъо! Ори къыонэсын ар, сэри къысшъхьарыкІын! А кІалэу сэ слъэгъугъэм игущаІэ машІо хэлъ. Ар къызыщыгущэ-Іагъэм жьэу къыІукІыгъэр, ызынык ъо мэшІотхъуабзэу, счыишъхьэ къырилъэсагъ. Пелыуанэу къэхъупэмэ, ай фэдэ ахэмытэу а шъомджэ сэ сеплъыгъ. ЫнэгусызыкІаплъэм, кІалэ къодыеу зэрэщымытэр а чІапІэм сэ щысшІагъ. Ори уІэкІэкІынэп, сэри къыслъынэсын ар, – ыІуи, гурытым ыдагъэп.

ИтІуанэ, ар ахэмэ зэраІофэджэ, Чэчанэкъо Чэчанэ Іэгум къыдэкІыжьи къежьэжьыгъ. КІожьыным ар фэягъэмэ, цІыфы кІэмыхьэу зыдэкІотым нэсыжьыни, ау хэгъуашъхьэм къыІухьажьи, нарт Шэбартныкъорэ ибысым кІалэмрэ къаплъэмэ алъэгъунэу, ыужыджэ къэкІырэри къакІомэ къыкІэхьанэу, а чІыпІэм щыуцугъ.

ЕІэбэхишъ, бзылъфыгъэр ыгъэуцуи, иш онэкъопэ пхэнджы ышІыгъ. ЫІу къэгъэзагъэу шыор къыздэкІытым ылъэныкъ плъэу уцугъэ. А зыпэ пиутыгъэм иІашэджэ ІэкІо-лъакІоу, ишы машІор Іуихэу, ежь губжыгъаеу къэсыгъ.

– Ыхьы, цІыф цІыкІу, шъыда уихьисапэр? КІэлэцІыкІумэ арашІэрэр непэ къысэпшІагъ. Ау узэремычъэжьэжьыгъэр синасыпы къыубытыгъ, псэу уиІэр сэ хэсхыт! – къыІуагъ иным.

– Мыщ о укъэзэрэкIотэр сымышIэу сыщытыгъэп! – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ, – сычъэзэ укъэсыгъэп, сыщытэу укъэсыгъ нахь. Ау зыхъуджэ, укъызэрэкIуагъэр зыджи изгъэкъурэп. Шъуанахьыжъэу Iорыжъорэу а унэм къинагъэм а Iофэр нэзгъэсыт. Мыщ ыпэджэ къыIухьагъэу зэогъу къышъуфэхъугъэмэ ялыягъэу непэ гъэшIэгъон сэ шъосшIэт! Шъощ фэдэу жъалымэу, чIэу зэрыкIорэм фэмыIатэу, зи гукIэгъу зыхэмылъэу щыт цIыфымэ сапэгъокIынджэ сыхьазырэу сыщыс сэ. Ау зыхъуджэ, зэуакIэу о уиIэм ахад, сэ къысаIу. ПшIоигъом тетэу сыкъежьэт.

– ЗэуакIэу тэ тиIэтэр, – ыIуагъ иным, – узышIолIэу о уцIыфышъ, тикIакIохэр тыубгъун, щэ блырыбл дгъэIылъынышъ, тызэзэот. А купэр зэфидгъэкIымэ, тишымэ тяшэсынышъ, шыбгъэджэ тызэот, тяхазэу ефэхырэм ришIэтым фит, къанэрэр орэкIожь. А Iофым ар къесэIуалIэ.

– Боу хъун, боу дэгъу!

КIакIохэри зэфаубгъуи, шкончы огъуджэ зэкIакIохишъ, зэонэр аублагъ. Чэчанэкъо Чэчанэм зыпэ пиутыгъэ кIалэм Iизын ритыгъ:

– Зэогъу сэ осхыгъахэ, ублэгъур о уиеу сэшIы!

– КъыокIу, ащыгъум! – ыIуишъ, Чэчанэкъо Чэчанэм къытыригъэпсахьишъ къеуагъ адрэр.

Къытыригъэфагъ, щызэбгыриутыгъ ыджыри. ЕтIуанэ, Чэчанэкъо Чэчанэм тыриубытишъ, иным еуагъ. Чэтыу щыр кIоцIыпшыным фэдэу хиутыгъ иным. Ащ тетэу зэзаохэзэ, щэ блырыблэр рагъэкIыгъ. Аужыпкъэрэ щэр изгъэкIыгъэр Чэчанэкъо Чэчан. Аужыпкъэрэ щэу зэреожьыгъэм лъэшэу инэр зэридзагъ. Щэ блырыблэр заухыджэрэ яшыхэмэ яшэсыжьынхэшъ шыбгъэджэ зэзэонхэу аIогъагъэти, шъхьаджы ишы екIужьыгъ. Чэчанэкъо Чэчанэ, зи темыфагъэм фэдэу, псынкIэу шэсыжьыгъэ. Адрэ инэр ерагъэу дэкIоежьыгъ.

ТIори шэу зытесыхэр аслъаным фэдэхэти, зишы нахь зыгъэIорышIэтэу гъэрет езышIылIэтэр нахь текIонэу щытыгъ. Чэчанэкъо Чэчанэ зэрэшэсыгъэм лъыпытэу, шкомылакIэм иугъоижьыгъо римыгъафэу, адырэ иным телъадишъ, фигъэпси шыбгъэмджэ еуагъ. Тесыгъа, темысыгъа пIоу зэщиутыгъ. Ичатэ къырихи, ай лъыпытэу тыриубытишъ, еуи ышъхьэ шIуихыгъ.

Тесыгъэр зэрефэхыгъэм тетэу шым ыгъази, Iэгум дэхьажьыгъ. Анахьыжъым къылъэгъугъ шэр зэрэдэхьажьыгъэр. Нахьы кIалэу къэнагъэм еджагъ:

– КIалэ, мы шэу къэкIожьыгъэр сшIотэрэзэп. Мы кIалэр псаумэ, мы шэр къэкIожьытыгъэп. Ау зыхъуджэ, уиуанэ телъхьи, уиIашэхэри зыгуалъхьи ыужы ихь.

– ЫхьыI, ыджы ащ ыужы сэри сихьан, сэ саужы ори укъихьан, о уаужы къихьажьын о бгъотыжьынэп. А кIалэу тызылъыкIорэр а къэкIуагъэм ыукIыгъ. А шэу къэкIожьыгъэри фэягъэмэ, къытIупщыжьытыгъэп. Ау зыхъуджэрэ, амал сэ сиIэп, сежьэн, – ыIуишъ, гурытым иIашэхэри къызыгуилъхьи, ишы къешэси къежьагъ.

– Шъыдэу фэмыф мы кIуагъэр! КъыукIыгъэми, мо слъэгъугъэр арыба къэзыукIыгъэр. Ай зыкъезыгъэукIыгъэу, ар

зымыукIышъугъэм угу фэмыгъупхъ. Ай сэ сыгу фэгъужьырэп, – ыIуагъ нахьыжъым.

– Хъурэр тлъэгъун, – ыIуишъ, гурытэр къыдэкIыгъ. КъакIозэгъо апэу хьадэм къыIукIагъ. ЫшъхьиншIоупкIыгъэу, ыбгъэхэри щэхэмджэрэ пхыутыгъэхэу ащ тетэу зелъэгъум, ышъхьагъы иуцуишъ:

– Адэ, шъыдэу гъэшIэгъона, уиIашэхэри зэрэпIыгъ, уичати зэрэбголъ... лъэшэу гъакъ ебгъэIогъагъ! Мыщ фэдизэр къызыуешIэм, уапхыгъэу ущысыгъа? Ежь зэтесэу сэлъэгъу. Ежь нэмыкI къыоуагъа? Ар шъыдэу гъэшIэгъона! – ыIуишъ, псаумэ зэрэдэгущэIэнэу ышнахьыкIэ риIуагъ. Ар зыфыриIуагъэр, «мы кIалэр мыгъо тфэхъун» зеIом, зэрэдэхьащхыгъэр ары нахьыджэрэ, аукIыгъэр ыгу хэмыкIыгъэджэрэ арэп.

Еуи, хьадэм блэкIишъ, Чэчанэкъо Чэчанэм дэжьы Iухьагъ.

– ЫIхьы ыджы, сшынахьыкIэ къэуукIи, типщэрахьи епхьыжьэжьыгъэу укIожьынэу о ущыт? – ыIуагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ къэгущаIишъ:

– Ащ нахьыжъ згъотыми, сыукIынэу сэ сыщыт нахь, сыкIожьын сIогъагъэмэ, хэт къыскIэхьажьыныя. Сэ сызышыу, сышъуукIыджэрэ саужыджэ шыу къэкIэу, сэщ паеджэ къышъущыхьатэп, сэ шъо шъузысыукIыджэрэ, мы Iофэу сызыпылъымджэрэ сыгу рэхьатэу згъэзэни сыкIожьыт. Ащ сэ сыпаплъэ нахь, сечъэжьэжьышъуни, – риIуагъ.

– Адэ, ащыгъум, цIыфы цIыкIу, «сшынахьыкIэ мыр къехъулIагъэшъы» **сIоу икъэбар сшынахьыжъы фэсхьыжьы**нэу сылIыкIоу сыкъэкIуагъэп. Сэ сызэонышъ усыукIынэу, сшынахьыкIэ ылъ сшIэжьынэу ар сиунашъоу ары сыкъызыфыдэкIыгъэр.

– ИкIахь итщыжьынэп ай, сэ сыфэхьазыр, хэт къысэзэон сэIошъ мы чIапIэм сэ сыщыт. Къэубл! – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ ащ дэжьым. – ЗэуакIэу къыфэбгъотырэмджэ о къэуублэнэу Iизын осэты, уянэ къылъфыгъэр пэмыIапчъэу гъолъыпIэ сэ фэсшIыт. Шъощ фэдэу утэшъуагъэмэ яфэшъуашэ лъыкIэхьанэу, непэрэ мафэр мэфэ мыгъо шъо шъуфэхъут!

– Ащыгъум, – ыIуагъ иным, – лыузыгъо сиIэу сылIы губжыгъахэу сэ сыкъыдэкIыгъэшъ, тишыхэмэ татесэу тисэшкохэмджэрэ тызэзэонэу а унашъор сэ сэшIы.

– Бэу сшIоигъу! — ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

Чэчанэкъо Чэчанэ шэси, зэфилъэдэкъыкIихишъ, ячатэхэр къырахи, зэзэонхэм фежьагъэх. Чэчанэкъо Чэчанэ шэу зытесэр нахьы дэгъути, адрэ инэр къеоны хъумэ, къылъыкIэмыхьэу, мыдрэм зыригъэдыдажьэджэ, IэкIэмыкIэу арэу щытэу къупшъхьэр къахэзэрэгъэтэкъоу нэбгыритIор щызэзэуагъ. Инэр къеуи, Чэчанэкъо Чэчанэ лъэшэу Iаеу къыуIагъ. ЕтIанэ тыригъази, Чэчанэкъо Чэчанэ телъадишъ, ежь къызыхъугъэмрэ а чIыпIалъэмрэ азыфагу зэрэмыгубжыгъэу а чIыпIалъэм щыгубжыгъэу кIуачIэу иIэр зыдимышIэжьэу еуишъ, зэфэдитIоу инэр зэпигъэзыгъ. Инэр шэу зытесыгъэр ежьэжьи кIожьыгъэ. Iэгум дэмыхьажьызэ, анахьыжъэу къэнагъэм шэр онэгу нэкIэу зэрэкIожьырэр къылъэгъугъ. Лъэшэу гумэкIыгъэ.

– Мы огъурцызым зы мыгъуагъэ горэ къысишIэгъэн фае! Мы сшынахьыкIитIу къызыфезгъэукIыгъэр шъыд, сэ сылъы-

дэмыкIэу? Ар сэ сыдэкIыгъэемэ ыпсэ Iусхыныешъ, сшынахьыкIитIуи къысфэнэжьытгъагъэ, – инэр лъэшэу зэгыижьи, къеуи къыдэкIыгъ.

– Мыр къэсыукIыжьыджэрэ сшынахьыкIэхэр къэзгъэхъужьын слъэкIына? Шъыдэу Iофы къысишIагъэр, шъыдэу тхьамыкIагъу! – ыIозэ инэр къыдэкIыгъ. КъакIозэ, анахьыкIэ дэдэм ихьадэ къыIукIагъ.

– ЫхьыI, сшынахьыкI! – ыIуагъ, – ПкIэнчъэу узгъэкIоди зы мыгъо тыIукIишъ, пхъатэ пэсымыхьызэ. О укъэхъумэ, лIы ухъутыгъагъэ, игъом уIузгъэкIагъэп. Ау сэ сыфэраз, хэти епшIэтымджи, епIотымджи ущыщынагъэп. О уилъ сэ сшIэжьын, ащ сэ сыфырикъун, – ыIуишъ, ащ къыблэкIыгъ.

Адырэ ышы гурытым ихьадэ къызынэсым:

– Узэнэгуягъэ шъыпкъэр о къыохъулIагъ. Сэ укъысщыщынишъ, мыщ укъылъыдэкIыгъ нахь, гурэ кIуачIэрэ къепхьылIэу мыщ укъекIолIагъэп. Ау ишIуагъэ къышъокIыжьынэп нахь, шъуихьадэхэр мыучъыIызэ, ар сэ къыжъугозгъэфэн. Нэ гъонитIоу ащ иIэр щытэу къебгъукIуагъ. Чэчанэкъо Чэчанэ дэжь къэсыгъ.

– ЫхьыI, мыгъожъ! УцIыфы шхъохьышIэщтын о, непэ пшIагъэу слъэгъурэмджэ. О сэ непэ усIэкIэкIытэп. Ау иджы сэ сыозэоны зыхъуджэрэ, бэу езгъэкъудыитэп. Iофэу зэдытиIэр сэ къэозгъэIот. ИкIахь итщынзп, заом тыфежьэн, – ыIуи, иным къыIуагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ ай къыриIолIагъэр:

– УкъэзэрэкIотым сыпаплъэу сэ сыщытыгъ. Сызэрэожагъэр сшIуабэ нахь, укъызэрэсэотэр сымышIэу сыщытэп. ПшынахьыкIитIу уиджэгъуагъэпщтын о, зы мафэм шъукъэхъугъэп шъхьае, зы мафэм шъулIэжьыт, – непэ шъуипIалъэ. Зэоным узэрэфежьэнэу къолае узэрэхъутым, пшынахьыкIэмэ алъ зэрэпшIэжьытым амалы узэрэфэхъутым къыпыгущаIэ нахь, ай нэмыкI ащ ищыкIагъэп.

Инэр къэгущаIишъ, зэуакIэу къыIуагъэр ары:

– Сагъындакъыщэ щэкI сэ къыпфыздэсщагъ. Аужыпкъэрэ мафэм зепхьажьыты щэу узгъэгушIонэу а заулэр къыпфэсхьыгъ. Щэ щэкIэр сымыухызэ псэ зыIусхыджэ, Iоф бдысиIэжьэп. УсымыукIэу а щэкIэр зизгъэкIыхэджэ, сичатэджэрэ пшъхьэ шIосхыжьыт, – ыIуагъ иным.

– СызыкIзмыупчIэрэр, – ыIуагъ ащ ипэгъокIэу Чэчанэкъо Чэчанэ, – сыукIын зыхъуджэрэ къысэпшIэтэр ары. Ау сэ осшIэ тэр – ар къыхапIорэп, о пшIоигъор ары нахь. О пшынахьыкIитIуи сыукIыгъэ. Ори усыукIыт, синасып къызиубытыджэ. ЗэуапIэм тызэрихьатым зыфэухьазыр.

– Шкончы огъуджэ тызэкIэкIонышъ, тызэпэуцут, заор ащ щытыублэт, – ыIуишъ, иным ау щытэу къыIуагъ.

– Хъунба, уилъэгъун гъэцакIэ, хэпшIахьырэр слъэгъун, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчани.

НэбгыритIор зэпэIапчъэу зэоным фэуцугъэх. Нарт Шэбартныкъомрэ ябысымымрэ хъугъэ пстэури къалъэгъунэу, лъэшэу рыгумэкIыхэу, къылъыкIотагъэх мэзы Iушъом.

Ябысым кIалэр, а инэу къыдэкIыгъэм, адрэ нэбгыритIумэ зэуакIэм хашIыкIырэмрэ кIуачIэу яIэмрэ ялыеу бэу хэлъэу

ешIэти, лъэшэу гумэкIыгъэ. КъыхэмыкIын яунашъоу Чэчанэкъо Чэчанэм тхьэу ыIуагъэм папкIэджэрэ щэщынэх нахьыджэрэ, къыхэкIыныхэшъы, зэуапIэм къихьаныхэу агуджэ зэгозых ахэри.

Ахэр ау щыт.

ЫджыI мыдырэ нзбгыритIум зэоным даублагъ. Инэу къыдэкIыгъэр Чэчанэкъо Чэчанэм апэу къеуагъ. Заори къыублагъ., Ащ тетызэгъо щэ щэкI-щэкIэр зэтыраунэкIагъэ. Чэчанэкъо Чэчанэм ищэмэ ащыщэу къытемыфагъэ къыхэкIыгъ. Щэу аIыгъэр аухи, ячатэхэр къырахишъ, лъэсэу зэфэкIоныхэшъы зэонэу ай хэхьагъэх. Чэчанэкъо Чэчанэр, ащ ыпэджэ къытращэгъэ уIэгъэ зауләри, ыужым къытехъуагъэри къехьылъэкIишъ, зыдежьагъэр зэфэдитIу ымышIэу мэхыгъэ. Ар зэрэмэхыгъэр ибысым кIалэм къызэрилъэгъугъэм лъыпытэу, мэзым къыхэхъушъутишъ, къечъэжьагъ. Шымэ ялыети зытесыгъэр, мы инэу къекIуалIэ пэтырэр, ари уIагъэу щытыти, къэмысызэгъо кIалэр къэсишъ, еуи инэр ыукIыгъ.

ЗеукIыжьым ыуж нарт Шэбартныкъо къэсишъ:

– Елыбэт! Мы кIалэр о къаштэ, шъузэр сэ къэсштэнышъ, шIэхэу кIалэр нэтэгъэгъэсыжь, къэмынэхъэжьызэгъо. Мы чIапIэм къыщынэхъэжьэу, мы лIэр о зэрэуукIыгъэр зишIэджэрэ, ыгу хэкIыт, елыбэт! – ыIуишъ, кIаләри шъузэри нэбгыритIумэ зырызэу къаштишъ, къэкIожьыгъэх.

Къызынэсыжьым бысым пшъашъэр елыбэтэу къапэгъокIыгъ, кIакIом кIоцIыщахьыгъэ кIэлэ мэхыгъэм къеIишъ, псынкIэу хьакIэщым рихьагъ. Нарт Шэбартныкъо ыIыгъыгъэ бзылъфыгъэри шым ригъэуцохишъ, ари шкыншIэщым ихьажьыгъ. Елыбэтэу пшъашъэр адрэ унэм кIуишъ:

– ШIэхэу псы къэухьазыр, кIалэм уIагъэу тетыхэр стхьакIытыхэшъ, – шъузым риIуагъ.

ЗэриIуагъэм тетэу, псынкIэу псэу екIутэри, сабынэу екIутэри къыухьазыришъ, елыбэтэу къыхьыгъэх. А кIалэу ябысымымрэ а пшъашъэмрэ Iэзэ Iофымджэрэ анахь Iазэ умыгъотыжьынэу, ащ фэдизэу Iэзагъэх. Уцы дэгъоу яIэхэр къырахьылIи, ышырэ ышыпхъурэ еIыстылIэхишъ, дэгъоу атхьакIыгъ. IэплъэкIэр къашти алъэкIишъ, уцы дагъэу екIутэр щафи, зэрэмэхыгъэм тетэу апхи агъэгъолъыгъ.

ЕдэIухэмэ, ижь зэрэхэтэр ашIэу, ау нэпэмыкIыджэрэ къэмыхъыеу чэщ-мэфищэ щылъыгъ. ЯплIэнэрэ мафэм зыщынэсыным тIэкIу къэпIэтIэрауи зыкъигъэсысыгъ. Аугозэрэ иакъыл къыгъоти, къэгущэIагъ:

– Шъыда къысэхъулIагъэри, къысщышIыгъэри? КъысашъуIу... Аужыпкъэм къыдэкIыжьыгъэ шыум икъуджэрэ шъобж зэресшIагъэр сшIэтыгъ. Ыужыпкъэм ежьыри сэ садэжь къакIоу къысфежьагъ, сэри ежь дэжь секIолIэнышъ, сеонэу сиунашъоу сежьэгъагъ ау нэбгырищымэ уIагъэу къысфашIыгъэм къыхэкIыджэ лъы бэу скIэкIыгъэу щытыти, сыгу къэчэрэгъоу, сшъхьэ къэуназэу, ар къыздасшIэу ащ тетэу сыхъугъ. Ащ ыужы къысэхъулIагъэм зи хэсшIыкIырэп. Сэ сызэрэхъугъэм фэдэу ежьыри хъугъэу лIагъэмэ, сшIэрэп, IукIыжьыгъэу кIожьыгъэмэ сшIэрэп, къехъулIагъэр къысашъуIу, – ариIуагъ.

Нарт Шэбартныкъо къэгущаIишъ, къыриIуагъэр ары:

– О узыщебэджыгъэм псынкIэу тибысым кIалэри къежьагъ, сэри сыкъежьагъ. Шъхьаджэрэ титIу язи къэмысэу, инэу узэзаотыгъэр, о уаужым хьэлъэбэкъу заулэ нахь къымыдзэу ебэджыгъ. Ай лъыпытэу ащ ыпсэ хэзыгъ. Ар щымыIэжьэу иIоф ау щытэу зыхэкIым, ащ ыужы Iофэу тиIэр орыти, о уижьы хэтыджи тымыгугъэу, улIагъэджи тенэгуеу, тыкъыпшъхьарыхьагъ. Сигъусэ кIалэр зэкIэм пшъхьашъо къытеIагъ:

– Илъынтфэхэмэ ыджыри Iоф ашIэ, – ыIуишъ, елыбэтэу икъамэ къырихи укъитхахьыгъ. ИкIакIо къыптыриубгъуи укъыкIоцIищахьи, псынкIэу шэсыжьыгъэ – Мо къыкIаIэри, мыр сэ къысэт. ПсынкIэу нэдгъэсыжьэу, ыпсэ хэтэу тызынэсыжьыджэрэ, Iазэ тылъыхъутэп ащ игъэхъужьын, тэ тшIэрэм къыубытыт, – ыIуагъ. Ащ лъыпытэу сыкъыпкIаIишъ, укъестыгъ. УкъыIуихи, ар къыIукIыжьыгъ. Сэри сиш сыкъекIэсыжьи, сыкъеIэбэхи, адрэ бзылъфыгъэр къасштишъ, сыкъежьэжьыгъ.

Унэм тыкъызынэсыжьым тибысым пшъашъэр къытпэгъокIишъ, елыбэтэу утIихишъ, хьакIэщым урихьылIагъ. Бзылъфыгъэу къэтхьыжьыгъэр, зэрезгъэуцохыгъэм тетэу иунэ ихьажьыгъ. Пшъашъэр псынкIэу лъынэси:

– Псэу екIутымрэ, сабынэу екIутымрэ къэухьазыр! – ай риIуагъ. Елыбэтэу къаухьазырыешъ, псэр къынагъэси, сабынэри къахьишъ, ышырэ ышыпхъурэ къыоIыстылIэхишъ, уIагъэу птелъхэр зэкIэ атхьакIыхи, IэплъэкIэр къаштишъ, уалъэкIыжьыгъ. Уцы дагъэр къыпщафишъ, уапхишъ, уагъэгъолъыгъ. Уижь зэрэхэтэр тIэкIу хашIыкIэу, ай нахьыджэ къэсыс уимыIэу чэщ-мэфищэ ущылъыгъ. ЯплIэнэрэ мафэм тIэкIу укъэсысыгъ. Ащыужы тIэкIу-тIэкIузэгъо ыджы укъызынэсыгъэр о олъэгъу. НахьышIуIо ухъугъ, – ау щытэу къыфиIотэжьыгъ нарт Шэбартныкъо.

Чэчанэкъо Чэчанэ къэгущаIи къыIуагъ:

– Шъыд къин слъэгъугъэми, шъыд уIагъэ стелъыми сыраз, иныхэу, жъалымэхэу сашъхьагъы къихьагъэхэмэ гущаIэу къысаIуагъэмрэ ясIожьыгъэмрэджэ синасып атекIуагъэмэ. Ялэпсы жъуагъэ щыщэу сшкыгъэр ашIоIофэу, лъэшэу емыкIу сшIагъэу къыстегущэIэгъагъэх, ау чIыгуджэрэ загъэшкэкIыгъ джы.

Ащ тетэу еIазэхэзэ, мэзищэ аIыгъыгъ. ЫшыджИ, ышыпхъуджи ай нахьыбэу емыгугъунхэу, алъэкI къэмынэу, бысым пшъашъэмрэ бысым кIалэмрэ лъэшэу ешъхьэкIэфагъэх.

Ащ фэдиз Iофэр а купмэ зэрахьэу, а кIалэм ихъызымэт а купэр хэтыфэджэрэ, Чэчанэ къакIоу а унэм къихьэу «КIалэр шъыдэу хъура?» ыIоу къэупчIагъэп. Ау нарт Шэбартныкъо Чэчанэ дэжь кIоу, тIэкIурэ къыщысэу, къехъулIагъэхэмрэ Iофымэ къарыкIуагъэмрэ атегущаIэу ащ тетэу щысэу къыхэкIыгъ.

Бгъэшэсымэ, шым екIунэу, иIашэхэр зэрихьан ылъэкIынэу зэхъужьым ыужы, Чэчанэкъо Чэчанэ къыIуагъ:

– ЫхьыджыгъэкIыгъэр! Ау зыхъуджэрэ, а тхьамыкIэм Чэчанэ аукIыгъэу сэри сыкIодыжьыгъэу шIошIышъ, а гугъум хэт. Тятэ ыпашъхьэ сэ сисы шъхьае, тянэ иIоф дэи. Ау зыхъуджэрэ, тежьэжьын фае. Тигъогу тытегъэхьажь.

– Хъун, сикIал, о нахьышIуIо укъэхъоу, уиIофыхэмэ тIэкIу заузэнкIымэ сIотыгъэ нахь, а Iофэр сэри сщыгъупшагъэп, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

Нарт Шэбартныкъо бысым кIалэм Iофым ышъхьашыгу фырихыгъ:

– Чэчанэкъо Чэчанэ нахьышIуIо хъужьыгъэ, ежьэжьыным ылъэныкъо ыгу ыдзыжьыгъ. О узэрэщыгугъытыгъэр фигъэцакIи, уинасып къыубытыгъ, уипыихэри пфиухыгъ, уишъузи къыхьыжьыгъ. Ау зыхъуджэрэ, рэзаджэ урымыхъоу тыптIупщыжьымэ, тыкIожьынэу ары, – риIуагъ.

– Боу игъу, боу дахэ! – ыIуагъ бысым кIалэм. – Iофэу сиIэр сфэшъуухыгъ, къинэу стелъэри стежъугъэзыгъ, ау зыджэ сыолъэIутышъ, а зэр сфэгъэцакI, нарт Шэбартныкъу. СызэрэолъэIутэр: мы кIалэу уигъусэр былымджи тхьамыкIэп, ыкIуачIэджи фэмыфэп, «зы шы купы горэ остын, зы ахъчэ куп горэ остын» сIоджэ, сIихынэп. Непэ къызыфэсIот Iофэри Чэчанэкъо Чэчанэ епIоны зыхъуджэ, ежьыри тIэкIу укIытэн, сэрыджи укIытэгъо тIэкIу къыхафэ, ау ар сэ сымыIомэ, хэты къысфиIон, о ар еосымыгъаIомэ, хэты резгъэIотэн? КъыосIотэр ары: тлъэпкъджэ тыпелыуан. Сшыпхъу нахьыжъи сэщ фэдэу пелыуан, ежь фэдэу мыпелыуанэ дэпсэун ылъэкIытэп. Ау зыхъуджэрэ, шIомыIаеу сшыпхъу шъузыджэрэ ыщэу зыкIожьыджэрэ, блэгъагъэу зэфытиIэр рытшIомыкIодыжьынджэрэ нахь къолаеу сэ сшIошIы. О хэпIуахьытэри къаIо.

– Мы Iофэу къызыфэпIуагъэр, – ыIуагъ нарт Шэ-бартныкъо, – Чэчанэкъо Чэчанэ ымыштэмэ мыхъунэу сыуцун, а бзылъфыгъэм нахь дэгъу Чэчанэкъо Чэчанэ къымыгъотынэу сэ къэсыушыхьатын. ИзекIуакIэрэ иIофырэ зэрэщытым лъэшэу сыгу еIугъэу сыщыт. Ежьыри зыгорэ хишIыкIын ай, ау зыхъуджэрэ, сэ пфесIон, къысиIорэр осIожьын.

Шэбартныкъо унэм къихьажьи, Чэчанэкъо Чэчанэу щытым риIуагъ.

– Чэчанэкъо Чэчан, лъэгъун бдысиIэшъ, Iизын къысэптымэ, осIотэт. Лъэгъунэу осIотым, урыукIытэнэуи къыхэфэтэр лъэныкъуитIумджи хэдгъэкIынышъ, шъыпкъэджэрэ тытегущэIахьыны фае. Къэбарэу сэ осIотэр сэ сштэгъахэ, осIожьынэу ары ныIэп. Ау зыхъуджэ, ащ епIолIэтэр о пшIэн. УасIорэ пштэнэу сыпщэгугъы. Iизын къысэптымэ къэсIот.

– КъаIо, Шэбартныкъу, шъыд къэпIотыми, о пштагъэр сэри мыштэу сшIытэп. Сымыштэнэу къыхафэрэ щыIэмэ, шъхьакIо умышIынэу шъхьашыгу ихыгъэу тызэдэгущэIэн. Сштэнэу къыхафэрэри ари осIотэн, – ыIуишъ Чэчанэкъо Чэчанэм ау щытэу къыриIожьыгъ.

Ащ тетэу пшъашъэм иIофджэрэ бысым к!алэм гущаIэу къыриIуагъэр зэкIэ риIотагъ. Ар зыреIуатэм, Чэчанэкъо Чэчанэ лъэшэу укIытагъэ.

– Мы гущаIэу ыдж къэпшIыгъэр пкIыхьаджи сыгу къэкIыгъэп. НэпэмыкIырэ Iоф горэм укъытегущэIэт сшIошIыгъэ нахь, а гушаIэу остыгъэр остыныеп. КъэпIогъах, Iофэри сэбгъэштагъэ, сштэгъахэуи сэ осIуагъэ, мыштэ сшIыжьынэп. Сштэнэу Iофым хэлъэр осIон, сымыштэтэу хэлъэри осIонышъ, етIуанэ Iофэр зэрэхъурэм теплъын, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэм. – Тятэ сырилъыхъуакIоу илъэс пшIыкIущ сыныбжьэу тади сыкъыдэкIыгъ. Купэу сыкъызыхэкIыгъэхэмэ шъхьакIоу

сэ сагъэшIыгъэмрэ тянэ къинэу ылъэгъугъэмрэ азыфагу «къыздэкIон згъотыгъэ» сэIоджэ, тятэ урилэгъоу ори усигъусэу, тяти сигъусэу, шъо шъусишъузыщэу сщэу сыкIожьытэп. Ау тятэ нэзгъэсыжьэу, иныбджэгъоу къэнагъэхэмрэ цIыфэу къыфэгушIотхэмрэ яIоф хэзгъэкIэу ар зысыухыджэ, етIуанэ сыкъежьэнышъ, ышIуабэ мышIэрэмэ, сэ сыкъекIолIэжьынышъ, Iофэу сэжъугъэштагъэр ай щызгъэцэкIэжьын. ЫджэУ щытэу зымыхъуджэ, дышъэр ынэкIапэджи, тятэ ар игъусэу сщэу сыкIожьытэп.

– Хъун, сикIал, ар къызэрэпIотым сыгуджэрэ семынэгуеу сыщытыгъэп, ау уижэдэкI зэхэсымыхэу, мощтэу мыр хъут, сIоу сэрсэрэу есIо хъутыгъагъэп нахь. Тэрэзэу къэпIуагъ, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

Ябысым кIалэ ар зреIожьым:

– Хъунба, шъыдэу щытми, мыштэ тимышIыгъэу зэ къытэолIэтымэ, нахьыбэ сыфаеп, – ыIуишъ, кIалэм ыштагъ.

– А Iофэр хэкIыгъэмэ, ыджы тызэрежьэжьытым тетэу тиIоф ухьазыр, тишыхэр арыми, тигъомылапхъэми тищыкIагъэр о пшIэнышъ, ухьазырыжь, – нарт Шэбартныкъо бысым кIалэм риIуагъ.

Шэбартныкъо унэм къихьажьишъ:

– Iофым пIуалъэу фэпшIыгъэр ипIуалъ, укъызыщеуалIэрэм хьазыр. Ау зыхъуджэрэ, тежьэжьынэу ары джы Iофэр зыIукIагъэр – ыIуишъ, Чэчанэкъо Чэчанэм риIожьыгъ.

Шъыды илIэужыгъоми, гъомылапхъэу купымэ якIутэр бысым кIалэм къыухьазырыгъ. Ежь ишы лъэпкъы щыщэу шиплI къыдищыгъ. ЗекIо уанэу яIэхэри атырилъхьажьи, ахэр шышIоIум къырипхыгъэх. Чэчанэкъо Чэчанэрэ нарт Шэбартныкъорэ шэу зытесыгъэхэри, ахэри къыдищыжьыгъэх, ахэри шыхэм ахипха гъэх. Унэм къихьажьишъ, къыриIуагъ.

– Нарт Шэбартныкъу, Чэчанэкъо Чэчанэ нахьи о унахьыжъ, ятэ урилэгъу, ау зыхъуджэрэ, сигущаIэ о нахь къыфэсэгъазэ. Чэчанэкъо Чэчанэ естыджэрэ былым сIихытэп, шъыд фэсшIэнзу сIуагъэджи ыштэтэпышъ, а Iофым пае зи хэсIуахьыжьырэп. Ау мы шищэу къеспхыгъэр мы хэу тызэрыкIыжьытымрэджэ лъэмыджым фэдэу, ащ нахь къин ащымыхъоу икIынхэу, ай фэгъэсагъэх. Непэ шъорырэ сэрырэ тызэблагъ. Уиблагъэ плъэгъу пшIоигъо зыхъуджэрэ мэфэ пIуалъэ иIэп узэрэкIотым. Мы шы-лъэпкъэу шъо шъузытесыхэр шъо шъуихэгъэгуджэрэ шы дэихэп, ау сэ сишы лъэпкъ ахэр къыкIэхьанхэу щытэпышъ, зышIомыгъэIаеу а шищымэ шъуякIэсэу шъуарыкIожьымэ сшIоигъу, ары къызфеспхыгъэхэр. Шъо шъуишыхэмэ чэщ-мэфиблым акIутэр сэ сишы лъэпкъы зы чэщ-мафэджэ ыкIут. Ащ фэдизэу гъэрет ахэлъ, – ыIуагъ.

– Хъунба, сикIал, шырэ Iашэрэ Чэчанэкъо Чэчанэ, ыджы непэ зытетымджэ, бэу ищыкIагъ. Тэ лIыжъ тыхъугъэ шъхьае, ащ икъежьэгъу, ау зыхъуджэ, бэу игъоу сэлъэгъу, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

– ЫджЫ, шъухьазырэу шъуежьэжьытымэ, Чэчани къисщыжьыт, – ыIуишъ, бысым кIалэр Чэчанэ дэжь кIуагъэ.

– Чэчан, – ыIуагъ кIалэм, – къин озгъэлъэгъугъэ, укъысэзэщылIагъ. Шъыд пшкыгъэми, шъыд пщыгъыгъэми утхъа-

гъэп. Ау Іофэу бдысиІагъэр икъуджэрэ Чэчанэкъо Чэчанэ сфигъэцэкІагъ. Сэ къинэу сиІагъэр икъуджэрэ стырихыгъ, сипыихэри сфиухыгъ, сишъхьакІуи стыригъэзыжьыгъ. Ау зыхъуджэрэ, непэ ежьэжьытхэу, а унашъор яІэшъ, ори уадежьэжьыт, Алахьэм шІу къыпфешІ, гъогумаф, осэІо. О къоу уиІэм шъыд илІэужыгъорэ Іоф уиІэми, ай зэшІуихынэу, илІыгъэрэ игъэретырэджэ нахь дэгъуджэ умыхъопсэжьынэу ар ащ тет, ихъяр олъэгъу! Гъогумаф, осэІо. Рэзаджэ укъысфэмыхъу.

– А сикІал, Іофэу уиІэри уухыгъэу, уипыихэми угу атепщэхагъэу зэрэхъугъэр сигуапэ. Чыжьэджэрэ уапэджэ уплъэзэгъо, укъысщыгугъэу саужы уитыгъэшъ, укъызэрэсэнэцІытыгъэу Іофэу къыздыуиІагъэр гъэцэкІагъэ хъугъэмэ, сэ къинэу слъэгъугъэмджэ гукъао пфысиІэп. А кІэлэжъым ыпашъхьэ сисыгъэджи ай нахьышІоу симыІыгъынэу сыпІыгъыгъ. Ау зыхъуджэрэ сыпфэраз, – ыІуагъ Чэчанэ.

– Ащыгъум, о уиІофи хьазырышъ, ори уадежьэжьын, – ыІуишъ, кІалэр ІапІохэр зэрылъ унэм къакІуишъ, танышъо джэдыгу Чэчанэ къыщилъагъ, дышъэ бэщ къыритыгъ. Зы нэгъунджэ дышъэу къыритишъ, Чэчанэр унэм къырищыжьыгъ. Ибысым пшъашъэр Чэчанэ къыпэгъокІишъ, лъэгонджэмышъхьэджэ къэІыстыгъ, ылъэкІыны къебэугъ.

– Бэрэчэт босын, тхьэуегъэпсэу! Къини къыддэплъэгъугъ, ыджыри уезэщыгъ, гъогумаф, сыхьатмаф! – къыриІуагъ.

Шыхэмэ якІолІэжьи, шэсыжьыгъэх. Ятэ ипкІэгъуалэу Чэчанэкъо Чэчанэ зытесыгъэр ябысым кІалэм къызыгуиубытагъ. Нарт Шэбартныкъо ишэу зытесыгъэр Чэчанэкъо Чэчанэ къызыгуиубытишъ, къеуи къежьэжьыгъэх.

Хым къикІыжьыгъэхэу къэкІожьызэгъо, ябысым кІалэри къадикІыгъэу зыкупрэ къэкІуагъэхэу, «гъэзэжь» риІуагъ кІалэм.

– Тау хъумэ ар шъуфаІорэ, мы Іофэу ыдж непэ тызыхэтымрэ шъо къинэу къыздэшъулъэгъугъэмрэ анахь къины ар хъуна! Ау зыхъуджэ, Чэчанэ иунэ егъотыжьыфэджэрэ а гущаІэр къысэшъумыІу, къэзгъэзэтэп, – ыІуишъ, бысым кІалэм ыгъэзэн ыдагъэп.

– Хъунба, ай нахьыбэрэ ай тытегущэІэжьынэп, – аІуи, еомэ кІожьыхэзэгъо, нарт Шэбартныкъо ичылэ нэсыжьыгъэх. Шэбартныкъо дэжьы дэхьажъыхишъ, ешкэ-ешъомрэ джэгумрэ зэхэтэу ай щаублагъ. Мэзишэ охъуфэджэрэ нарт Шэбартныкъо дигъэкІыжьыгъэхэп.

Мэзищы зэхъум ыужы, заухьазырыжьи, купэр ежьэжьыгъ. Нарт Шэбартныкъуи адакІуи, Чэчанэкъо Чэчанэм ихэгъэгу ихьажьыгъэх. Зехьажьхэм, Чэчанэ ипкІэгъуалэ нэмыкІ ашІэжьын къахэкІыгъэп.

ПкІэгъуалэр зылъэгъугъэм зэрэшІошІыгъэр, Чэчанэкъо Чэчанэр тесэу зыдэкІым алъэгъугъэти, Чэчанэкъо Чэчанэ зычІапІэ горэм щаукІыгъэу е щыкІодыгъэу, иши зыгорэм ІэкІэфагъэу ары.

Ащ тетэу пкІэгъуалэр зышІэжьыгъэ горэм:

– Чэчанэ ягуащэу къэнэгъэ тхьамыкІэм макъэ езгъэІун мы шэр зэрахэтэр. Мы купэр блэкІытымэ, шэр къырамытыжьышъуми, къыдэкІынышъ, тхьамыкІэм, мы шэр зэригъэлъэгъу-

жьын! – ыIуишъ, ныом дэжьы къэбарэр къыхьыгъ. – О тян! къэбар гъэшIэгъон къыфэсхьыгъ, – ыIуагъ.

– Шъыд къысфэпхьыгъэр, сикIал, сыбгъэгушIомэ гушIуапкIэ остын, – ыIуагъ ныом.

– УзгъэгушIонэу щытэп, тян, тхьамыкIагъо къэбар къыпфэсхьыгъэр. СымышIахэу сеолIагъ. Чэчанэ ипкIэгъуалэу Чэчанэкъо Чэчанэ зытесыгъэр ыджыдэдэм къэслъэгъугъ. Саужыджэрэ бэрэ пэмытэу, мы чылэм къыдэмыхьатымэ, блэкIытхэшъ, пкIэгъуалэр зэбгъэлъэгъужьынэу ары сызыфэгуаIэу сыкъызыфэчъагъэр. Чэчанэ зыдэкIыгъэр илъэс пшIыкIуий хъугъэ. Чэчанэкъо Чэчанэ ай зылъыдэкIыжьыгъэр илъэситфы хъугъэ. Ау зыхъуджэрэ, а нэбгыритIуми уяплъыгъэ фэдэу пфэхъоу а пкIэгъуалэр збгъэлъэгъужьынымэ арары сыкъызыфэкIуагъэр.

– Боу хъяр, сикIал, къысэпIуагъэр, боу дэгъу! Гу лъыптагъэмэ, сыоупчIытышъ, тэрэзэу къысаIу, – ыIуагъ.

– КъаIо, тян!

Шыу пчъагъэу зэрэхъурэр къысаIуи, есIолIэтэр сэ сшIэн, – ыIуагъ.

– ЛIыжъэу нэбгыритIу, кIалэу нэбгыритIу – нэбгыриплIы мэхъух. Мы хэгъэгум исымылъэгъуагъэ шы лъэпкъэу шиплIымэ нэбгыриплIэр атесэу Чэчанэ ипкIэгъуалэ яIэдэжьэу къакIох.

– Ащыгъум, сикIал, сипкIэгъуали, си-Чэчани, сикIали зэужмэ якъэбар къысфэпхьыгъ. Ау зыхъуджэрэ, фэрэ шыбзэу сишхэмэ ахэтым къылъфыгъэ фарэр игъэсэгъушъы, фэсакъызэгъо убыт. ГушIуапкIэджэрэ ар осэты, – ыIуишъ, ныом кIалэм шэр ритыгъ.

А заулэр зэраIофэджэрэ, адрэ купэри къэсыжьыгъ. Къэблачъэм къыдэхьажьыхи, зэфэдэджэрэ зырагъэтэкъохишъ епсыхыгъэх.

Чэчанэкъо Чэчанэрэ адрэ кIалэу ябысымыгъэмрэ яхэгъырэихэу, нахь хьакIэщы инэу, нэжъ-Iужъыхэр зэкIуалIэхэу, Чэчанэ илэгъухэу къыдахьэтыгъэхэр зэрыхьэтыгъэ хьакIэщым екIолIагъэх.

ЕтIуанэ Чэчанэ иныбджэгъоу хэгъэгум исэр, илъыхъуакIохэу къин дэзылъэгъугъэхэри, шъузым ариIуишъ, зэфэдэджэрэ къекIолIагъэх. Шъхьаджы икъурмэн икукIэ ишIагъэхэу, игъомылапхъэу ащ декIутэри игъусэу къекIолIагъэх, джэгор рагъажьи, ешкэхэу, ешъохэу мэзищэ зэхэтыгъэх.

Нарт Шэбартныкъуи, кIалэу къэкIуагъэри ащ фэдизымджэрэ ахэтыгъ. Шэбартныкъо нэжъ-Iужъэу къекIолIагъэхэмэ афэгъэзагъэу ахэтыгъ. Нахьы кIалэу къекIолIагъэхэмэ зишъуз къахьыжьыгъэ кIалэр хэгъырэеу, яшъхьэкIафэу, икъутым фэдизыджэрэ ахэтыгъ ари.

Мэзищэр зэхъум, Чэчанэкъо Чэчанэ янэ, нэжъ-Iужъыхэу Чэчанэ илэгъухэу ахэтыхэр къахищи, ариIуагъ:

– Непэрэ джэгори, ешкэ-ешъори мы чIапIэм щысэухы. ЩIыфэу къырихьылIагъэу, хэуляуагъэмэ бэрэчэт босын ясэIошъ сфяшъуIотэжь. ХьэкIитIуи сиI. Нарт Шэбартныкъо Чэчанэ иныбджэгъоу хэгъэгу шъхьаф къекIы. Ай анахь кIалэу, ау анахьы чыжьэу къикIэу, ари хьакIэу сиIэхэм итIупщыжьыгъуи хъугъэшъ, ахэри стIупщыжьытых. Ау зыхъуджэ, мы хэгъэгум щыщэу хьакIэу къекIолIагъэр зэбгырыкIыжьынэу, шъхьаджы иунэ ихьажьынэу, «Тхьэ шъуегъэпсэу къышъуеIо!» шъуIуи сфяшъуIу.

ЛIыжъы купэр ежьи пчэгум ихьи, джэгуакIор агъэуцуи, кууакIоу ахэтым къэбарэр раIотагъ. КууакIоми:

– Непэрэ мафэм ешкэ-ешъом иIоф щытэухы, ыджы къэнэжьыгъэм нычэпэ шъхьадж ибысым екIолIэжьынхэшъ, неущы зэрежьэжьытым тетэу зэрагъэхьазэрыжь. «Сихъяры къекIолIагъэу, къин хэзылъэгъуагъэу, хэулэуагъэхэджэ «Бэрэчэт босын!» шъосэIо, къышъуиIуагъ Чэчанэ ягуащэ, – аIуишъ, купым араIожьыгъ.

– Боу хъяр, боу шIу, хъярыгъо яIэу щэрэIэх, къин ямыIэу къызэхэрэнэжьых! – аIуишъ, купэр шъхьаджы ибысым екIолIэжьыгъэх.

ЯтIонэрэ мафэм ахэр кIожьыгъэх, ащ ыужы зы тхьэмафэрэ нарт Шэбартныкъорэ адрэ кIалэмрэ щагъэсишъ, «Гъогумаф, сыхьатмаф!» араIуишъ, ахэри рагъэжьэжьыгъэх.

Ащ ыужы зы илъэсы фэдиз щышIагъэу, Чэчанэкъо Чэчанэ:

– ПIалъэу къысфашIыгъэм секIолIэжьын, – ыIуишъ, зызэтыригъэпсахьишъ, шэу къыратыгъагъэм теIыстишъ, зекIон хъумэ гъомылапхъэу зыдиштэтымрэ Iашэу зыдиштэтымрэ зэфэдэджэ зызэтригъэпсахьишъ, ежьагъ.

Еомэ кIоз', нарт Шэбартныкъо дэжь дэхьагъ.

– ЫIхьы, сишъау, укьэкIуагъа? – ыIуишъ, гушIоу къыпэгъокIыгъ нарт Шэбартныкъо.

– Нарт Шэбартныкъу, сыбгъэукIытагъэмэ, сыпщыукIытэни, ау сэ силажьэп, гущаIэу сэбгъэIуагъэм сыкъекIолIэжьыгъ, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчанэ.

– Боу шIу, сикIал! – ыIуагъ, – тIэкIу сыпаплъэтыгъ ай, ау зыхъуджэрэ, неущы тежьэн, сэри сыкъыбдэкIон. Тызэгъусэу титIуи тыкIонышъ, къызэдэгъэцэкIэн, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

ШкыншIэщым къэбар ыгъэIугъ нарт Шэбартныкъо:

– Тежьэн хъумэ гъомылапхъэу тфэбгъэхьазырытыгъэм фэдэу, нэбгыритIум фикъунэу тфэгъэхьазыр, – ыIуишъ, ягуащэ раригъэIуагъ.

– Боу дэгъу, боу игъу, боу сыухьазырын! Чэчанэкъо Чэчанэ а Iофымджэ къызэрэгужъорэр лъэшэу шIоигъуаджэтыгъэшъ, Шэбартныкъо ащыгъум рэхьаты хъун, – ыIуишъ, Шэбартныкъо ягуащэ гушIуагъэ.

Ягъомылапхъи къыухьазыри, пчэдыжьы шыу шэсыгъом язекIо уанэхэри тырариггъалъхьи, яонэкIо Iалъмэкъыхэри къыушъишъ, Шэбартныкъо ягуащэ шыхэр къычIаригъэщыгъэх.

Ежьэхишъ, етIуанэ кIуагъэх. Хыми икIыгъэх, еуи нэсыгъэх. Iэгум, къэблачъэм дэмыхьэхэзэ, кIалэр къапэгъокIыгъ, лъэшэуи гушIоу. Пшъашъэр нарт Шэбартныкъо зэрэлIыжъымджэ щыукIытишъ, унэм къикIыгъэп. А Iофэр ялъэгъунэу ахэр къызэрэкIуагъэр ышIэти, пшъашъэр къызыфимыкIыгъэр арары.

Чэщищ-мэфищэ щысыгъэх.

Чэшищэ зэхъум:

– Тилъэгъун хьазырымэ, тежьэжьыт, – ыIуишъ, нарт Шэбартныкъо бысым кIалэм риIуагъ.

– Боу хьазыр, Шэбартныкъу, сэ шъузэрэслъэгъурэр сшIофедэ нахь, апэдэдэ зыосэIо рыгъуни тэщ папкIэджэрэ къэнагъэп, – ыIуагъ бысымыми.

Къежьэжьынхэу хъуи, пшъашъэри унэм къыращыгъ. Пшъашъэр нахьыжъэу, ышы кIалэр нахьыкIэти, есэмэркъэузэ, пшъашъэм ыIапэ къыубытишъ къырищыгъ, адрэхэр хьазырти, къэшэсыгъэх. КIалэри къэшэси, еIэбэхишъ ышыпхъу ежь кIалэм къыштагъ.

– Сэ мыр зэрэсшыпхъум пае къэсымыгъанэу, хэгърыягъэ шъуфызесхьат, – ыIуагъ.

– Хъунба, боу дэгъу! – ыIуагъ нарт Шэбартныкъом.

Къежьэхишъ, къакIохэзэгъо, хым къикIыжьыгъэх. КъызекIыжьхэм, кIалэм а чIыпIалъэм къыщырагъэгъэзагъ.

– Гъэзэжь, сикIал, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо, – икъун хэгъырэигъэу къытфызепхьагъэр. Тхьэ уегъэпсэу! Чэчанэ сэ сыриблагъ, ау зыхъуджэрэ, пшыпхъу дэжьы укIо пшIоигъоу укъызежьэджэрэ, сэ садэжьы укъыдэхьат, зы чэщы-мафэ горэм тыщызэхэсэу зызыбгъэпсэфыджэ, Чэчанэ дэжьы сэри сыкъыбдежьэу тызэдакIоу тшIын. ТыкъызыкIожьыджэрэ, зыщыбгъэпсэфымэ уежьэжьынэу, шъуазыфагумджэрэ бысымэу сэ сышъуиIэт. ШъуитIу яхазы горэм иIэми, сэ слъэкIытымджэрэ шъусизэфэдэнэу ары, – ыIуишъ, нарт Шэбартныкъо кIалэм къыригъэгъэзагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ къеIэбэхи, пшъашъэр къыштишъ, ежьыхэри ежьэжьи кIожьыгъэх. Нарт Шэбартныкъо дэжьы нэсыгъэх.

Зы мазэрэ нарт Шэбартныкъо дэжьы ригъэсыгъ. ТещэрыпIэм къыращыжьымэ, фишIэтэр игъусэу, шъузыщэу, игъусапхъэр хэтэу, рищэжьэжьишъ, Чэчанэкъо Чэчанэр ядэжьы ыщэжьыгъ.

Зынэсыжьхэм, джэгоу фашIытым шъыд лIэужыгъоджи хэкIодэтэр нарт Шэбартныкъо ежь иIофэу, мэфиблэ фигъэджэгугъэх.

– Шъузэпэш! – ыджы сэри сыкIожьын, къыстефэрэм кIэсымыгъэхьапагъэми, шъугу къысэшъумыгъабгъ, – ыIуагъ нарт Шэбартныкъо.

– Мы Iофым хэпшIахьыгъэр икъуджэрэ тэ тэштэ, – къыриIуагъ ныом.

– КъыщыкIэрэп хэпшIахьыгъэми, ащ фэдиз улэушъхьаубатэм тефэтыгъэп. Ау орырэ сэрырэ ныбджэгъугъэу зэфытиIэр икIахьыджи умыгъэкIодыжьынэу угуджэ уубытыгъэшъы, арары зытепшIахьырэр. А фэмыфым щымыгъупшэу уифэшъуашэ тетэу къыбдэзекIомэ, сыфэраз, ау узэхимышIыкIымэ, разэ сыхъунэп, – ыIуагъ Чэчанэ.

А чIыпIалъэм ишы уанэ къытыралъхьи, гъомылапхъэр къыфаухьазырыгъэти, нарт Шэбартныкъо къыдэкIи къэкIожьыгъ.

Чэчанэкъо Чэчанэр шъэошIэу а чылэмджэ зэкIолIэжьыгъагъэхэмэ джэгухэр къыфашIи, хэгъашъохэри къыфашIишъ, къыщагъэри ращыжьыгъ, иджэгуи ай щаухи, яунэ къинэжьыгъ.

Еомэ, зекIо кIоу, дэкIымэ, илъэсырэ къэтэу, нарт Шэбартныкъо дэжь екIуалIэмэ, «Шъыдэу ущыт?» ащи риIоу, зыгорэджэ ишIупщ дэжь кIо шIоигъоу хъуми, нарт Шэбартныкъо дэжь екIуалIэу, ай зыщигъэпсэфымэ, ежьэмэ адырэм кIоу, ишIупщ къежьэмэ, Шэбартныкъо дэжь къекIуалIэу, Шэбартныкъо

къыдежьэмэ, Чэчанэ дэжьы къызэдакIохэу, нэплъэгъуджэ зэзэщифэхэджэрэ зэхэсыхэу, ешкэу, ешъоу, зэблагъэу, а заулэр къяхъулIагъэу а купэр къэнэжьыгъ.

НАРТ ШАБАРТНЫКО И ЧАЧАНЫКО ЧАЧАН

Когда Чачана выезжал, у него в обычае было отправляться в зеко на целый год. Была у него одна жена, и больше в их доме ни души человеческой не было. Много лет он держался своей привычки отправляться в зеко и пребывать там долго.

<Однажды> Чачана отправился в зеко, когда его жена была беременна, но еще не разрешилась. Пока он по обыкновению отсутствовал в течение года, у него родился сын. Рассчитывая дождаться его возвращения, <домашние> прождали до двух лет, не давая мальчику имя. Жена пала духом, подозревая, что мужа нет в живых, и оповестила его друзей со всего края. Друзья дружно собрались.

– Пока мы не узнаем, – ходит ли Чачана <свободно> по лику земли, жив ли он, но попал в плен, или же погиб и стал трупом, – мы не оставим этого дела, – решили его друзья, повскакали на коней и разъехались.

Они искали, не ведая границ того, что можно достичь [не считаясь ни с чем].

Когда не удалось найти...

– Какого бы рода-племени они ни были, но всех, кто был его другом, кому он доверял, <если узнаем>, чем один, двое больше знают, как он мог пропасть, – решили они и полагаясь на это, возвратились к его жене.

Они откровенно сказали женщине:

– Чачаны в живых нет, будь он жив, мы бы его нашли. Надо справить все положенное по его душе. Ты справишь по нему то, что положено такому как Чачана, и на этом дело должно быть кончено.

На том решив, затеяли поминки по Чачане.

Прошел год, а люди, долгом которых было явиться на поминовение, все шли. Когда Чачана выезжал <в зеко>, он добычу раздавал людям, на них все тратил, становился подмогой им. Потому-то и все, кого известили, пришли на это оплакивание. Те, кто был ему ближе по дружбе и походам, сидели там до конца. Когда <наконец> поминальные дела (букв.: *оплакивание*) завершились, жена пришла к ним и сказала:

– То, как вы достойно провели обряд, как вы постарались, какие красивые слова сказали, я не забуду. Если вы впредь, не считаясь с тем, что я вдова, оказавшись в этих краях не завернете ко мне в это селение, я не буду довольна.

Мужчины, сидевшие там, заявили так:

– Мы покончили с долгом перед Чачаной, но у нас осталось дело, касающееся мальчика. От его рождения по сей день он живет без имени. Так как в доме появились более важные дела, это никого не озаботило. Теперь давайте мы придумаем ему имя. Его

отец был нашим товарищем, был нам близок, и чтобы его имя не забылось, давайте назовем «Чачана сын Чачаны». <Каждый раз, как мы его будем видеть,> вспомнится его имя, да и самого мы через это полюбим, и душе нашей будет приятно, поэтому даем ему такое имя, – решили они и на том сошлись.

Когда давали имя, у адыгов было в правилах дарить и рубашку. По этой причине решили вместо этого:

– Пусть из нашей добычи ему наберется соответственно ему <по одному>из всех видов оружия-снаряжения.

Сказали так и выложили по одному из всех видов оружия-снаряжения там же подарили мальчику и одного коня.

Пока мальчику дали имя, ему исполнилось три года. Мать держала его, не выпуская к людям, не отпуская со двора, не позволяя ему проявить себя. Она надеялась, что, выросши, он <сам> в чем-то проявит себя. По его виду, по походке и манере делать что-то он обещал стать достойным мужчиной, поэтому мать чутко заботилась о нем, лелеяла его, не спускала с него глаз.

Вот так мальчик достиг возраста тринадцати лет. После этого однажды мальчик вышел <со двора> и пришел к играющим детям. Дети играли между собой, а он смотрел на них, и так было некоторое время. Ему тоже захотелось играть и он вошел к ним <в их круг>. Попытался он играть с ними, но когда он стал делать то же, что и другие, но у тех, кого он хватал в игре, он стал ломать кости.

Мальчики, к которым он пришел, как один рассердились на него:

– Мать тебя перекормила, и ты меры себе не знаешь… Если в тебе столько мощи, если ты такой сильный, чем же ты озабочен, не ведая, где пропал твой отец и кто его убил, – так ему сказали.

Как только так ему сказали, мальчик, ни слова не говоря более, повернулся и пришел домой. Очень опечаленный, подобно больному, он сел, опустивши голову. Мать увидя это…:

– Что, мой Чачан, случилось с тобой? Почему ты вышел со двора? Я это предвидела <что с тобой может что-то произойти>, но разве я смогла бы за тобой непрестанно уследить. Наверно, какая-то <болезнь> в тебя вселилась? – сказала она.

– Ничего в меня не вселилось и ничего я не повстречал, просто внутри у меня немного побаливает, и мне захотелось овсяной *баджины* с молодым медом, – ответил мальчик.

– Разве это трудно, мой Чачан, приготовлю-ка! – сказала мать. Долго ли это – приготовила <тут же>. Когда она принесла и поставила <блюдо> перед ним, мальчик сел <к столу, но> не притрагиваясь <к еде>.

– Почему же, мой Чачан, ты не ешь? – спросила мать.

– Мать наша, пока мы с тобой не отведаем вместе, я не притронусь к еде, даже если эта болезнь моего живота погубит меня.

– Разве же мы с тобой ровня, чтобы есть вместе? Что сегодня за день и что ты задумал? У меня и дел много. И с той поры, как ты перестал пить грудное молоко, мы с тобой за один стол не садились и с одной тарелки не ели. Твоя пища была отдельной, и я следила всегда за тобой. Я тебя кормила, как хозяин угощает своего гостя [подбирая самое лучшее и стараясь накормить вдоволь]. Хоть я и мать тебе, но я тебя воспитывала, не преступая правил *адыгэ хабзэ*

в отношениях между мужчинами и женщинами в семье. Почему же теперь мы должны поступать не по хабзэ? Я разберу посуду, займусь своими делами, а ты ешь, не дожидаясь меня, – сказала ему мать.

– Убирай, я богом клянусь не есть это блюдо, если ты не сядешь есть со мной! – поклялся там Чачана.

– О несчастный парень, если уж совсем нельзя без такого, то я хотя бы почну вместе с тобой, – когда она, стоя, протянула руку к еде, мальчик схватил и окунул ее руку в горячую баджину.

– За что ты меня обжигаешь, ты <умом> переменился, что ли? – воскликнула мать.

– Если правду мне не скажешь о том, что спрошу, клянусь богом, обожгу <твои руки>!

– Если знаю, то скажу, клянусь этим *Уашхо*, которого я почитаю!

<Мальчик> быстро выхватил руку матери, вскочил и старательно вытер ее, смазал свежей простоквашей:

– Тогда, мать наша, вот о чем я хочу тебя спросить: сегодня мальчики, к которым я вышел, разбудили меня. До сих пор я и сам о том не задумывался, и тебя не спрашивал, и ты мне не рассказывала. «Кто мой отец?» я не говорил, «Где мой отец?» я тебя не спрашивал. Ты тоже не говорила мне «С твоим отцом то-то случилось». Но мальчики, которые мне это сказали, хорошо сказали, разбудили меня. То, что случилось с моим отцом – убили его, задушили его – все, что знаешь, ты расскажешь мне, а что я, оставшийся, смогу сделать ради своего отца, я посмотрю. Я заставил тебя дать клятву, чтобы ты мне рассказала все, что знаешь.

– О несчастный мальчик, – сказала мать, – я и с твоим отцом не успела испытать счастья, и ты меня не осчастливишь. Твой отец, если он выезжал, целый год отсутствовал, больше этого отсутствовал. Свою жизнь я прожила как в плену. Когда ты явился на свет, я понадеялась, что ты возмужаешь и отомстишь за своего отца и этим я успокоюсь; хоть я на это надеялась, но до срока не дошло [ты еще не дорос]. Судьба моя, <видно,> такая, как бы много лет я не прожила, не ведать мне покоя. Теперь вот что я тебе скажу: если бы ты достиг лет двадцати, я бы тебе поведала о твоих делах [о гибели твоего отца и твоем сыновнем долге перед ним], я бы тебе и снаряжения, оставшиеся от отца – коня, оружие – вручила, потом бы ты сделал то, что тебя достойно! Не показывая ни одному человеку, в тайне от всех людей я держала в подземелье для тебя отцовского белого коня. Оружие, что было у твоего отца, полный набор, который остался после него, в комнате, куда ни один человек не заходит, я храню, семикратно испытывая, протирая и поворачивая, для тебя я хранила. Ты еще не достиг зрелости, не сможешь обращаться с ним достойным образом, слишком юным ты выйдешь. У меня нет силы, другому – кому ли я это отдам; если не для тебя, то для кого мне оружие и коня держать? Всё это готово для тебя.

– Что же было у нашего отца? – спросил Чачана.

– У твоего отца было два походных коня, было два набора оружия. Один набор пропал вместе с твоим отцом, оставшийся я отдам тебе. Послушай, что я тебе скажу, и если ты будешь сле-

довать тому, что я говорю тебе, если будешь следовать моим словам, белый конь станет тебе поводырем. Когда положишь седло на белого коня, сядешь на него и поедешь, не дергай его за узду, дай ему вольно идти. Если встретишь развилку дороги, <ты сам> ни в какую сторону не правь, пусти его туда, куда он сам захочет. Если ему понадобится облегчиться, он сам остановится, ты же не понукай, а <подпруги> отпусти, седло трижды приподними, глазницы ему вытри. Когда на ночлег надо остановиться, он остановится там, где обычно останавливался твой отец. Там ты сойди с коня, <отпусти его>, *косо привязав поводок к седлу*; у тебя с собой наготове и то, чем коня покормить, да и сам перекуси тем, что есть. Вот так и будешь ехать. На развилке дорог не дергай поводок, правя в какую-либо сторону, решив, что тот путь короче. Дай волю <коню>. Если в пути встретишь трудности, не избегай их, такое было не в обычае твоего отца, на свой род позора не навлекай и дурной славы себе не обрети.

Мать прервала свою речь, немного помолчала.

– Я не надеюсь на то, что ты возвратишься и я тебя увижу. Почему, если спросишь, ты слишком юным выезжаешь, твои кости и плоть еще достаточно не укрепились. Сила в тебе есть, если достанет мужества… Так меня побуждает говорить то, что ты выезжаешь, обладающим богатырской силой, но не окрепшим еще телом. Пусть Аллах направит тебя в добрый час! К кому бы ни завернул этот белый конь, это будет товарищ, добрый спутник твоего отца. Твой отец не пропал в сражении, не пропал на видном месте. Где он мог пропасть, так это у своего товарища. Если бы правду о его исчезновении знали двое (указание на поговорку: что знают двое, то не тайна – *перев.*), его бы нашли те, которые отправились на его поиски. Каким бы образом это ни было, но твой отец пропал там, куда конь приведет тебя гостем. Вот так, когда прибудешь, сам будешь знать, как с ним быть, и что сможешь тоже узнаешь.

<Так она> его наставила, приготовила ему дорожные припасы – легкие весом и сытные в еде, поскольку была посвящена в то, как готовить походные припасы, – снарядила его и проводила в путь.

Теперь он выехал на дорогу и едет. Юноша не знает, куда направляется, белый конь несет его <по своей воле>. Так он едет, когда вечером конь останавливается, располагается и до утра отдыхает. Так он уехал далеко. Достигнув одного кургана, он увидел прямо напротив себя в долине какое-то селение. Увидел он одну дорогу, уходящую вправо, одну дорогу, уходящую влево. Но парню показалось, что дорога в объезд кургана, которую выбрал белый конь, более длинная. Парню показалось, будто дорога вправо короче. Посчитал парень дорогу влево более короткой, и хотя белый конь свернул на правую дорогу, он завернул его налево и поехал по левой дороге. Некоторое время двигались так, что белый конь все посматривал направо, но, когда он сворачивал туда, тот его не пускал. <Затем> он вспомнил, что ему наказывала мать: «Да что я делаю!» – воскликнул он и когда отпустил белого коня, тот пустился по бездорожью.

Колючий кустарник, росший на том кургане, был, как адыги называют, ведьмин колючий кустарник – внизу с пролазом, а

вверху густо сросшимся. Когда вошли в него, белый конь пошел напрямик, разрывая колючки, и вышел на правую дорогу. Парень оглянулся и, увидев, что его конь весь в крови, колючками изодран, остановился в том месте. Он нарвал горстями *шабия* и вытер белого коня. Парень сильно опечалился:

– Из-за того, что я ослушался слов матери, я исцарапал белого коня, подверг его страданию, – сказал он и ослабил подпруги, дал ему передохнуть и там же дал немного корму. <Потом он> сел на коня, поправил свое снаряжение и пустил белого коня идти свободно.

Едучи прямо по дороге, он услыхал голоса всадников. Парень насторожился. Ему то стало казаться, что это свадебные песни, то казалось, что это сетования. Повстречался он с той компанией. <А это были> *великаны-драгуны*, которые числом около двадцати шумно ехали впереди повозки. Повозка, ехавшая за ними, была запряжена тремя лошадьми. Впереди восседал один юноша-великан. Еще больше того юноши двое едут позади него, а третью, женщину, они поддерживают. Женщина, которую они поддерживают, была обнажена, оборвана, волосы на голове были клоками – вот так ее двое мужчин вели. И так с ними повстречался парень.

Он миновал их, проехал немного и словно пробудившись ото сна, вмиг встрепенулся:

– Ага, первое наставление нашей матери я миновал, а что со вторым делать? Если я и отцу позор принесу, и материнского наставления не выполню, то для чего же я выехал? – сказал он, развернул белого коня, нанес ему один удар плетью и поскакал следом за ними.

С той поры, как они выехали <со двора>, он не касался коня плетью, и когда теперь ударил, конь громом загремел, пасть свою раскрыл, и из нее посыпались искры, словно бешеный волк, налетел на них парень.

– Ага, компания <добрая>, доброго вам пути! – приветствовал он компанию.

– Спасибо, парень, – ответили с повозки. <А> женщина ничего не ответила.

– Если вы возвращаетесь, так, как вам хочется, то почему эта женщина так оборвана, что с ней случилось? Если вы возвращаете ее похищенную кем-то, почему поете свадебную песню, если вы везете ее как невесту, почему эта женщина такая обнаженная? – спросил он тут.

– Чего ты хочешь, почему сходишь со своей дороги? Что ты лезешь не в свое дело? – ответили ему сидящие в повозке, готовые вспылить.

– Это мое дело, я повстречался с вами и спросил о том, о чем должен был спросить, мимо я не проеду. Я вам не навязываюсь, но кто мне расскажет <правду>, на стороне того я и буду. Хоть я и сказал, что в таких случаях люди расходятся по этикету, вы не соблюли *адыгства*. Теперь я к вам не обращаюсь более, а ты скажи мне, – обратился Чачанэко Чачан к женщине. – Как я понимаю, эта компания увозит тебя против твоей воли. Если это так (букв.: *если увозит*), то я положу и свою голову, и свою душу, ты только не

боясь и не стесняясь, скажи как дело есть, – сказав, он обратился к женщине.

– О юноша, пусть Тха сделает тебе добро. Пусть Аллах тебя направит на верную дорогу, – ответила женщина. – Ты юн и твоя жизнь еще впереди тебя. Не губи себя ради меня, это для меня будет тяжело. Среди погибших в этом деле было много героев, только и они ничего не смогли поделать. Если хочешь мне добра, не дай себя погубить на виду у меня, не умножай мои мучения. Я не знаю, какого ты роду, так как же я тебя обреку на погибель, я буду считать, что ты сделал что мог.

– Знать бы, в чем твоя забота, и большего мне не надо, – заявил юноша.

Снова он обратился к компании и так сказал:

– С просьбами я покончил, теперь мы начинаем выяснять, кто мужественнее. Если вы мужчины, вы ее увезете, если я мужчина, то я не дам вам ее увезти, – сказал и стал впереди них.

– Неужто ни у кого из вас нет рук! – воскликнул старший из сидящих в повозке, тот, который всё это дело затеял. – Чтобы нам не задерживаться, выведайте-ка у него, что ему от нас надобно?

Как только он это сказал, один из них повернул не дулом ружья, а прикладом и ударил парня.

– Этим вы начали! – сказал юноша, обнажил меч, ударил и перерубил все постромки, чтобы повозка не могла дальше двигаться. Там он затеял сражение с ними и, пока те полагали, что он слишком юн и нечего его принимать всерьез, он всех сорок всадников там перебил.

Юноша был настоящий богатырь, и, не дав никому опомниться и развернуться, он их разбил. Когда он затеял сражение, белый конь стал таким, словно бешеный волк, перестал слушаться узды, он, словно припомнив былые битвы, совершил чуть ли не столько же сколько сам юноша, грудью сбивая противников с коней. Если посмотреть <со стороны>, то белый конь был обучен воевать, он знал как приблизиться к врагу и как от него отдалиться, и в этом, можно сказать, он превосходил юношу. И тех троих, что сидели в повозке, он перебил там, затем наклонился, поднял женщину, обернул ее своей буркой, посадил к себе вперед и поехал дальше. Женщина не спросила: «Куда ты меня повезешь?», и юноша ее не спросил: «Куда тебя везти?». В середине селения, которое он еще издали увидал, в одном дворе он заметил множество народу, люди не умещались там и заполнили всю улицу.

Белый конь направился прямо в сторону той улицы, где было столько народу. Прямо, не сходя с пути, он вошел в гущу людей. Юноша, не ведая, что там произошло, едет напрямик. Хотя люди так плотно стоят, но даже в улице не помещаются, а в одном большом дворе еще плотнее стоят. В доме тоже людей полно: снуют, озабоченные чем-то, белые <материи> носят, котлы следом несут, все движутся в хачещ.

Конь направился и прямо вошел в тот самый двор, где были встревоженные люди, и стал возле коновязи. Между тем, когда юноша наклонился и поставил женщину наземь, женщина, чтобы

не показать своей наготы, укуталась <в бурку> и, скрываясь от стоящих во дворе, убежала в дом.

Юноша там спешился, пристроил коня к коновязи, приготовил свою саблю, еще раз коснулся ружья и…:

– Ага, теперь я достиг места пропажи моего отца. Все эти люди бегают, все эти люди прислуживают, верно, ему. А раз так, то я сразу же как войду, ударю и убью его, – сказав, так решил юноша.

Пока люди, толпившиеся во дворе, стоявшие там озабоченными, не замечали его, думая, что он один из них, юноша вошел в дом. Внутри, куда он вошел, посреди комнаты лежит кто-то большой, неподвижный. Юноша увидел, что на том, кто лежал, не было живого места (букв.: *палец приложить было некуда*), – все исполосовано саблями. Когда он увидел эту всю компанию – лекари стоят над ним [телом], белые <материи> рвут на лоскуты, взбивают мыльную пену, с их лбов пот течет…

– Так, то, куда я попал, это убитый человек. Оттого, что я его добью, мне это местью за моего отца не зачтется. Если он сам умрет, я буду избавлен от долга мести, если выживет, тогда я его убью, – сказал так юноша про себя. С этим он присоединился к тем, кто суетился.

На том порешив, он в течение года ухаживал за раненым, а лекари лечили того. Муж, которого лечили, был незнаком Чачанэко Чачану. Но, как его называли, это был нарт Шабартныко.

Когда раны его затянулись, и сам он тоже телом окреп настолько, что с палкой мог бы и во двор выходить, где-то через день после такого Шабартныко решил посмотреть, что там в большом доме, и пошел туда. Вошел и видит: жена его, из-за которой все эти бедствия случились, сидит себе в доме.

– Как ты возвратилась и откуда ты вернулась? – удивленно спросил жену Шабартныко.

– Больше ты ничего не знаешь? – отвечала жена. – Если бы я могла сама возвратиться, разве бы позволила себя похитить! Если бы ты мог, разве бы ты позволил меня увезти? Как же ты мог больше года выдержать, не ведая обо всем этом и не замечая того, кто у тебя гостит? Ты не знаешь, кто у тебя в гостях? В этой конюшне стоит белый конь Чачаны. Парень сидевший на нем, явился, перебил всех твоих врагов, забрал меня такую нагую, что <злой> собаке нечего было бы с меня сорвать, обернул меня буркой и, ни разу не дернув за поводок узды, привез меня обратно. Тот юноша, откуда бы он ни явился к тебе, если он не сын Чачаны, то никто другой такого не смог бы совершить, что он совершил. Чем ты столько времени не оказал ему достойного внимания, не приветствовал его как положено, лучше бы ты погиб от тех ранений. Мы опозорились. Как ты это упустил! – сказала ему жена.

– Как удивительно то, что ты рассказала! Я пришел в этот дом, не ведая о том, здесь ли ты. В нарушение обычаев нашего рода кого бы я спросил, что случилось с моей женой? Я рассчитывал, что если поправлюсь, то сам же и приступлю к исполнению своего долга, а если не выживу, то и делать мне будет нечего. Я сюда вошел, не зная о том, что ты здесь, а для того, чтобы по-

видать и поблагодарить того, кто столько времени безупречно содержит всех, которые за мной ухаживают и обо мне беспокоятся, кто принимает их и всем нужным обеспечивает. Но теперь увидеть мне белого коня Чачаны, которого ты узнала, это было бы для меня большой радостью. Тогда это станет для меня тем, что снимет с меня все беды, я забуду обо всех трудностях, поглажу рукой по его лицу, – сказал так Орзамаджыко Шабартныко и направился в конюшню.

Увидев невредимыми своих двух коней и стоящего рядом белого коня, он там не выдержал и разрыдался. Шабартныко обнял белого коня и зарыдал, не в силах остановиться. Раздавшиеся звуки плача услыхали люди в хачеще, ухаживавшие тоже сбежались.

– Что случилось, Шабартнук, что разбило твое сердце, что за беда с тобой случилась? – спросили его.

– Этот белый конь, которого я вижу, был конем Чачаны. Это конь Чачаны, с которым я бывал во многих сражениях, добыл много добра, которого я считал намного ближе всех своих друзей. Теперь, увидев этого коня, я вдруг представил, будто стою над телом самого Чачаны, и сердце мое надорвалось. Вот почему я плачу, – сказал он им.

Шабартнука взяли под плечи, вывели из конюшни и привели в хачещ.

– О *фасапщи*, сын мой! – сказав, Шабартныко приветствовал парня, войдя в хачещ. – То, что до сегодня я не оказал тебе должного почтения, этим моим приветствием прими за возмещение. Я будто заново увидал Чачану, – сказал он и обнял парня.

– Ну, нарт Шабартнук, ты <сам> начал, и этот разговор нам надо довести до конца. Коли ты завел разговор, половину его оставлять и дожидаться пока вторая половина услышится, я не собираюсь. Ты начал, а я тебе скажу, как дело обстоит. Я посчитал, что еще рановато, поэтому я и сдерживался, но, дождавшись, когда ты достаточно окрепнешь, я хотел этот разговор продолжить, но ты начал его раньше, и теперь послушай сюда, – сказал Чачанэко Чачан. – Дважды я тебя хочу спросить. О чем хочу спросить: о том, где пропал мой отец и с чем его исчезновение связано, – ты должен мне сказать. Если ты правду об этом деле расскажешь, я намерен тебя убить. Если ты не расскажешь правды, тоже я тебя убью. Спросишь, почему, – если ты скажешь правду, то расскажешь, как ты его убил. И если ты так расскажешь, я должен тебя убить. Если же ты солжешь, и тогда я тебя убью. Почему – потому что если мой отец миновал две страны и прибыл в третью, то здесь кроме тебя у него друзей не было, остановиться ему было негде. Если бы мой отец погиб в сражении, об этом узнали бы все люди. Он погиб от твоей руки, и в этом я не сомневаюсь. Если бы в мире кто-то кроме тебя знал об этом, мы бы тоже об этом узнали. Решишься сказать про то правду, – и я тебя убью. Захочешь солгать про то – от меня ты никуда не уйдешь, – сказал.

– Чачанэко Чачан, расскажу тебе много и правдиво, – ответил Шабартныко, – если я повинен, убьешь меня, если я не виноват, сам решишь. Я буду согласен с тем, что ты на меня возложишь. У меня нет возражений, если я погибну во имя Чачаны.

Я много переживал, много этим занимался, да только ничего поделать не смог. Расскажу тебе всё, как было, а ты эту историю послушай.

С Чачаной мы были близки, Чачана был моим спутником в наездах, когда он выезжал, он приезжал ко мне, когда мы нападали, то нападали вместе, если у нас были противники, мы с ними бились вместе, вот такими мы были. Так мы с Чачаной однажды разведали, что в одной местности есть табун лошадей породы *альп*, но долго мучались, не находя удачного пути к ним. Так, если совсем не отставать, то разве в конце концов не найдешь слабого места, в один из случаев мы все же угнали тех лошадей. Когда мы возвращались – я впереди, Чачана позади табуна – впереди мне повстречался какой-то всадник.

– С возвращением, Шабартнук! – приветствовал он меня там.

– *Выбирай*, сын мой, – когда я ответил...

– Пусть бог обернет на добро для вас! – сказал он и проскакал мимо.

Когда миновав меня, он доехал до Чачаны, который был позади лошадей...

– Выбирай, сын мой! – ответил он тоже.

– Спасибо, Чачан! – сказал всадник и будто чтобы поздороваться за руку, приблизился к нему. Но за руку он не поздоровался, а потянулся, сорвал <с головы> папаху и был таков.

– Что он со мной вытворяет! – воскликнул Чачана и пустился за ним, пустился вслед за тем парнем всадником. Я оглянулся и тоже пустился вслед за тем всадником. И я его не догнал, и Чачана его не догнал, а парень своего коня чуть сдерживал, не давая воли, чтобы Чачана не потерял надежды догнать его – вот так он увел от меня Чачану слишком далеко, чтобы я мог догнать. Если посмотреть, то обоих всадников я еле различал, и вот тогда парень остановился, а когда Чачана подскакал к нему, он собрался и выхватил моего Чачану из седла, взял и ускакал.

– Ах, что он с нами сотворил! Папаха уже не забота, он мужа уносит! – сказав, я тоже понесся во всю прыть. Как он захватил Чачану, конь под парнем понесся так, что его в небе было еле видно – так, что я его и в подзорную трубу не увидел бы. Скача по следу коня, но больше ничего уже не видя, я въехал в какую-то морскую косу. До того места я гнал след коня. Подогнал я след к тому месту и там остановился – войти в воду боюсь, искать ищу, но не нахожу, а переправы не вижу.

Я отыскал одинокий след, там его пометил, и, то отходя оттуда, то возвращаясь и выхода не находя, я закончил там все свои припасы и съел своего коня, на котором ездил.

Не видя выхода и умирая с голоду, не находя ответа, я вернулся в степь, неся свое седло на спине, и, проклятый Аллахом, возвратился домой. Табун лошадей, который мы увели, я застал разделившимся на косяки, которые разбрелись кто куда. Я поймал одну лошадь, забил ее. Немного там отдохнув, я навялил лошадиного мяса, поймал еще одного коня, оседлал его и, везя с собой <сушеное> лошадиное мясо, сидя на том коне, я двинулся назад и возвратился домой.

Передохнув один месяц, велев приготовить мне дорожные припасы, отладив свое оружие <и снаряжение>, я вновь отправился на поиски Чачаны. Так как я пометил на морском берегу место, куда вел след коня, я вернулся туда. И хотя ведущий туда след замело песком, поднимаемым ветром, я по камням, <еще тогда> оставленным в надежде когда-нибудь вернуться, нашел это место. Я также поставил приметы, по которым можно было определить, если кто-либо войдет здесь в воду или выйдет из нее. Оказалось, что ни лошадиных следов, ни человеческих следов, в том месте уходящих в воду или выходящих из нее, кроме тех, что я в первый день видел, не было.

Затем я решил, если есть какая-либо переправа, которую я <пока> не нашел сразу, все же существует, ее надо найти – вверху ли это по течению или внизу. С наступлением ночи отдыхая, а днем принимаясь за дело, – вот так я был этим занят до одного года. Войти в воду и переправиться – я бы не смог. Оттуда чтобы кто-нибудь переходил, я ни одного человека не видал. Когда мы были вдвоем с Чачаной, бывало, тот парень иногда встречался нам. Но ни до этого, ни после я того парня больше не видел.

Эх, сын мой, я исстрадался так, что если ты меня убьешь из-за Чачаны, мое тело уже не почувствует боли. Я перенес мучения, и рассказанное мной настолько правдиво, что по сей день никакая нынешняя боль не сможет заглушить их. Та дружба, которая была между нами, та надежность, с которой он ее поддерживал во мне, иглой впиваются при каждом моем вздохе. Вот поэтому моя плоть не почувствует боли (букв.: *не заболит*) от моей собственной гибели. Но если, как после Чачаны, может явиться кто-нибудь наподобие тебя, то пусть и меня убьют, и Чачана пусть погибнет. Ты отомстишь за его кровь. Если ты поверишь, вот таково то, что случилось с Чачаной – и где мы разминулись, и как разминулись. Если не веришь, ты волен поступить со мной так, как захочешь, – сказал Шабартныко и закончил свой рассказ.

– Ну, Шабартнук, сможешь мне показать то место? – спросил его Чачанэко Чачан.

– Легко покажу, сын мой. Только прямо сейчас я не в состоянии подходить к коню, держать оружие. Как наберусь силы и настроения, отправимся в путь. Пусть Аллах направит нас в счастливый час.

Примерно шесть месяцев после этого они еще сидели <на месте>. Когда у Шабартныко боли прошли, раны заросли и силы к нему вернулись, потом он сказал юноше:

– Ну вот, сын мой, теперь и силы ко мне вернулись, и болезни мои вышли из меня, велим приготовить дорожные припасы и тронемся. Как содержались наши кони – про то я не спрашиваю, потому что ты их держал в нужной форме: положи на них седла – и ты уж готов! Я свое оружие смажу (букв.: *пропитаю*) маслом, футляры свои закреплю, кольчугу свою надену, вещи свои заберу.

Чачанэко Чачана взялся за коня и седло. Для Шабартныковской гуащи привычным делом было приготовление дорожной провизии, и она приготовила все разновидности провизии для наездников, которые были весом легкими, при приеме сытными, и

уложила это в сумы. Кони были уже оседланы, и оба наездника одновременно сели на коней. Когда выехали со двора, Чачанэко Чачана *занял левую сторону*.

– О сын мой, – сказал Шабартныко, – сегодня ты замещаешь своего отца. Когда мы вместе садились на коней и выезжали из селения, мы ехали так, чтобы он был справа от меня. Мы выедем так, чтобы ты занимал его место.

– Нет, Шабартнук, ты моему отцу говорил красные слова; если оказывал почести как старшему, это ты ему оказывал. Если я не буду знать свое место, это станет позором. Если всякий, кто смотрит, будет нас видеть, как мы <мы, держась по-твоему>, я заслужу попреки, обо мне скажут: «невежа». Этого я не сделаю и занятого места не поменяю, – возразил Чачанэко Чачана.

– Тогда, сын мой, что нам спорить? Пусть же будет так, как ты говоришь, – сказал Шабартныко, и он справа, а Чачанэко Чачана слева – так они тронулись в путь.

Тронулись, – месяцы ли они ехали, дни ли они ехали, – добрались в конце концов, выехали на морскую косу. Старые пути заросли, и с трудом восстановив их, Шабартныко привел к тому месту, куда вел след коня.

– Посмотри сюда, сын мой, – сказал Шабартныко, – вот здесь: два камня снизу, а этот камень сверху и поперек – вот так я в свое время положил их. Я их положил так, что если слабый подойдет, то не сможет поднатужиться и разрушить, – такой величины, надеясь, что они не затеряются, я их положил. Так вот, напротив этого большого камня исчез след всадника. Что мы можем придумать, ты теперь сам скажи. О том, что случилось после, я не ведаю. Но когда я ничего не смог отыскать, я решил, что они упали в море и все – конь, и мужи – утонули; на том я и порешил.

– Хорошо, Шабартныко, теперь я скажу, что я думаю, – сказал юноша. – Тот, кто похитил у тебя моего отца, явился сюда из-за моря, сидел он на коне, и был он мужчина, – возьму и войду <в море>. Если мой конь переправит меня, и если я окажусь на том берегу, если они там, я разыщу. Тебе я наказываю: будешь сидеть здесь, пока не закончатся твои дорожные припасы. Если до моего возвращения закончишь свои припасы, забей своего коня и съешь здесь [питаясь этим, жди моего возвращения]. Пока истечет это время, я, если буду жив, возвращусь. Или я разыщу отца, или же убью того, кто его убил. Я разузнаю всю правду! Если вдруг меня убьют, ты же не будешь <вечно> меня ждать, когда ты закончишь припасы, то незачем будет тебе погибать из-за меня, что ты посчитаешь нужным, то и делай. Мне же достанется то, что мне на роду написано (букв.: *что на лбу моем написано*).

– Ты всё сказал, сын мой, что собираешься сделать? – спросил нарт Шабартныко у юноши.

– <Всё> сказал, – ответил тот.

– Когда ты возьмешь и войдешь сюда, я на этом месте сидеть не буду, – заявил тогда нарт Шабартныко.

– А что ты собираешься делать?

– Что я здесь <смогу> сделать, сын мой, это вот что: когда ты войдешь в море, я пойду за тобой и буду следовать за твоим конем.

Конь, что под тобой, разбивает море <надвое>. Когда твой конь так разбивает воду, мой конь, хоть он и послабее, но все же сделает усилие. Я буду следовать за тобой так, чтобы ты был у меня на виду, буду видеть, если что с тобой случится. Не указываю тебе, но если скажешь, что не пустишь меня, то ты меня здесь же и убей, по-иному я не согласен, – сказав, на том стоял нарт Шабартнико.

– Хорошо, Шабартнук, – согласился парень, – ты старик, я просто боюсь того, что ты слишком натужишься и погибнешь, а в спутники брать тебя я не отказываюсь.

Решились войти в воду и затянули подпруги, повыше подняли дорожные припасы <чтобы их не замочить>, подобрали полы бурок. *Сдвоили свои камчи* и, тыча ими по шее коня, прыгнули в море – белый конь впереди, Шабартнико позади. Море, в которое они прыгнули, было такое, что если посмотришь, другой берег был виден, но он все же очень далеко расстилался – вот таким оно было.

Все же как бы это трудно ни было, но они переправились через море. Там, где они вышли, было гладкое место, величиною как пол одной комнаты. Там гора так подошла к морю, что оттуда ни в одну из сторон невозможно было проехать. <Но> прямо посередине той площадки, если хорошо присмотреться, с трудом они увидели одну тропинку, которая уже начала зарастать.

Они дали своим коням передохнуть сами чуть привели себя в порядок, выжали свои бурки и подседельники, повесили их на солнце и чуть подсушили. Затем они оседлали коней и, так как верхом проехать там было невозможно, ведя коней под уздцы, сами же идя пешком, тронулись подниматься в гору. Гора, на которую поднимались, была крутая, <часто> при подъеме соскальзывали, кони не могли отщипнуть травку *казщир уц*, а только цеплялись за нее зубами и приседая на колени; так без посторонней помощи они взобрались на гору.

Когда оказались на вершине горы, они хорошо отдохнули, проветрились. <Потом они> сели на коней и, поскольку там уже можно было передвигаться, немного проехали. В местности, которой они достигли, были видны приметы того, что сюда приходил человек. Они попали на прекрасную равнину, где росли рукой посаженные горные яблони, груши, густая скашиваемая трава *катль-гутль*.

– Ну, нарт Шабартнук, земля, на которой мы стоим, чья бы она ни была, но ее касаются человеческие руки. Чьих бы он ни был, человек, которому это принадлежит и руки которого сюда достают, он где-то недалеко. Коли уж мы сюда переправились, не двинемся дальше, пока наши кони <хорошо> не отдохнут, – сказал в том месте Чачанэко Чачан.

– Добро, сын мой, – сказал нарт Шабартнико.

– Теперь, Шабартнук, всех, кого я сегодня повстречаю, – мужчина ли тут будет, женщина ли тут будет, – я убью. Надо полагать, мы достигли местности, где пропал мой отец.

– Если так, сын мой, послушай теперь, что я скажу: не торопись убивать, если убьешь того, кого бы не следовало, потом не воскресишь. Убить ты всегда успеешь, но того, кого убьешь, <спро-

сить> не успеешь. Чем прояснить это: если бы ты ударил и убил меня сразу, как только достиг моего дома, то кто бы тебе рассказал о пути, которым мы прошли в поисках следов Чачаны? Ты очень суровый юноша, и сердцем ты храбр, и забота у тебя большая, и обиду большую ты держишь, и мужество тебя подогревает. Но сейчас я тебе говорю, не горячись насчет боя, знаю, что и бить ты сможешь. Если битва неизбежна, то и я буду сражаться, потому я и выехал с тобой, других дел у меня нет. Когда достигнем <дома>, куда нам нужно прибыть, когда увидим и что делать, и что посмотреть, тогда и узнаем, что мы можем сделать. До этого нам нужно сдерживать себя.

– Хорошо же. То, что ты мне сказал, верно. Слова, которыми упрекнули меня, когда я впервые вышел со двора, до сих пор жгут мое сердце, словно я их только что услышал. Дело в том, что с той поры и до сих пор меня распаляют и переживания, испытанные с того времени, и судьба моего отца, но нежелание ослушаться твоего слова, – заявил Чачана.

– Ну, наши кони передохнули, и мы тоже немного притронулись к припасам. Теперь поедем, – когда так сказал нарт Шабартныко, юноша поймал коней, и оба сели и поехали.

Тронувшись, они спустились с горы и проехали некоторое расстояние. Смотрят они и видят – <строение>, окруженное тем, что адыги называют оградой из черной облепихи, а внутри один дом с конюшней и хачещем, с коновязью, которая выделяется, словно дерево.

– Ну вот, Шабартнук, вот теперь мы прибыли. Что бы дальше ни случилось, мы здесь узнаем о том, как и что дальше будет, – сказал Чачанэко Чачана сильно волнуясь.

Так едучи, они вошли во двор. Когда они <еще только что> достигли крепостных ворот, выскочила одна девушка, с завязанной платком головой, безупречно выглядящая, она открыла им ворота и с большой радостью их приняла. Только они спешились, как эта вышедшая навстречу девушка, словно готовая его обнять, подбежала к Чачанэко и взяла у него камчу.

– О добро пожаловать, Чачанэко Чачан! Спасибо, что наконец-то ты прибыл, <теперь> мы и сердечный покой обретем, и отдохновение к нам придет! Пусть бог добром одарит и нарта Шабардныко – за то, что он стал тебе спутником. То, что ты явился в этот край, для нас такая радость, что дороже всякого добра, – сказала девушка. – Добро пожаловать! – сказав, она повела их в хачещ, принесла им *подушки-цыновки* и разложила:

– Отдохните, вы устали, вы утомились, преодолели <такой тяжелый> путь, – сказала она им.

Девушка повернулась и ушла в дом, из которого она вышла. Кроме той девушки во всем большом дворе никого не увидели, и двое гостей не знали, что по этому случаю сказать.

– Откуда она меня узнала, и кто ей назвал мое имя? Ты старше, много прожил, а потому много местностей изъездил, хотя за этим морем ты и не бывал, быть может она и слышала твое имя от кого-нибудь, но что ей помогло узнать меня? Что ты на это скажешь, Шабартнук? – сказав, спросил юноша.

– О сын мой, вот что я скажу: < это все> чревато событиями. Из этого родится дело, о котором мы еще не ведаем. Поэтому ты не будь скорым, не горячись, если придется применить силу, я тоже надеюсь что-нибудь суметь. Слушай, что я тебе скажу, и не преступай того, что я скажу, – ответил ему нарт Шабартныко.

– Хорошо, Шабартнук, если я не буду слушаться, то разве стоило нам пережить столько и преодолеть весь этот путь, – сказал юноша.

Пока они обо всем этом говорили, девушка приготовила *столы* и когда она хотела их вынести из дому <в хачещ>, она посмотрела в сторону полудня и увидела, что возвращается ее брат. Не трогая столы, она вышла из дому и пришла в хачещ. Как только она вошла, то сразу же сняла с головы платок и провела им <по полу> между Чачанэко Чачаной и ею самой. Не успел Чачанэко Чачана ничего сказать, а Шабартныко заговорил и сказал:

– Хорошо, девушка, хорошо, мы выполним твое желание, я обещаю, что он сделает то, что ты хочешь, успокойся, незачем тревожиться, – сказал он.

После того, как он это сказал, девушка вышла. К тому времени и ее брат возвратился. Конь, на котором ехал парень, был весь в потной пене и так истощал, что, кажется, мог бы пройти в отверстие стремени, и сам юноша был такой утомленный, что видно было – он преодолел <долгую> дорогу.

Сестра его подошла к прибывшему и радостно сообщила:

– Счастливый час настал, и к нам приехал Чачанэко Чачана, которого бог да одарит своим добрым вниманием.

– Спасибо тебе, если это та новость, которую ты хочешь мне рассказать, то ты меня обрадовала. Я приметил на этом взгорье двух всадников и это меня обеспокоило. Я объездил все границы моей земли, но не узнал, к чему бы это, но хотя я возвратился сильно встревоженный, ты очень успокоила мое сердце, – сказав, парень обрадовался.

Они вместе вошли в хачещ – *сестра – справа, парень – слева*. Бысым приветствовал их, подошел к Чачанэко Чачане и поздоровался за руку:

– Добро пожаловать, Чачанэко Чачан! Спасибо, что наконец-то добрался до нас, – сказал он.

Затем он подошел к нарту Шабартныко, поздоровался с ним за руку и обнял его:

– Шабартныко Орзамаджыко, я тебя видел и понимал, а ты меня не замечал, — вот так в течение года я много раз с тобой встречался. Не так много прошло с той поры, как я тебя перестал встречать. Теперь, когда я снова тебя увидел, пусть Аллах не сделает напрасными все твои беды и переживания, – сказал он.

Обменялись словами и «садитесь», сказав, Шабартныко их усадил.

– Ну, что ты для них приготовила, это ведь гости, они с дороги? – спросил парень-бысым, обращаясь к сестре.

– Приготовленное для них стоит наготове. Когда ты вернулся, я посчитала неудобным сочетать подачу столиков и твое возвращение. Лучше, если ты их приветствуешь, решила я и поэтому задержалась, – ответила девушка.

– Тогда пойдем, принесем столики, – сказали и брат с сестрой ушли на кухню (букв.: *в пристройку*).

Принесли столики и поставили посреди комнаты. Дали умыться Шабартныку. Когда хотели дать умыться Чачане, чуть-чуть замешкались.

– Почему ты не умываешься? – спросила его девушка.

– Не умываюсь потому, что Шабартныко *мне не партнер по столу*, я решил не садиться с ним за один стол, – ответил Чачанэко Чачана.

Когда девушка и ее брат смотрели на него, Чачанэко Чачана менялся в лице – то он загорался и совсем краснел, то становился совсем белым; видя это, девушка заговорила и сказала так:

– Шабартнук, у меня одна просьба: дай дозволение мне повести этого юношу в большой дом.

– Охотно даю, дочь моя, – сказал Шабартныко. Потом обратившись к Чачанэко Чачане: – пойди, сын мой, куда они говорят, – сказал.

– Что делать, пойду с ними, будь это не к месту, ты бы не велел, – сказал Чачанэко Чачана и пошел с ними.

Они довели его до большого дома и у первой двери открыли замок, ввели юношу и <следом изнутри> замкнули. Вот так, открывая дверь и следом замыкая, провели его через три комнаты. Открыли <дверь в> четвертую комнату и «Туда ты сам войди!», – сказав, впустили юношу в комнату, а сами остались за дверью.

Комната, в которую вошел Чачанэко Чачана, была полна ароматами, комната была прибрана. С белоснежной бородой, восседающий на прибранной кровати, – а рядом лежал его *намазлык*, впереди стоял *кумган*, на столике в многообразии всяческие яства – вот таким застал там Чачанэко Чачана одного старца.

Только войдя, Чачанэко Чачана заговорил:

– Доброго тебе дня, счастливый тхамата! – обратился он к старцу.

– Спасибо, сын мой! Чьих бы ты ни был, будешь <настоящим> мужчиной! *Если ты не вошел со словами* «*Салам алейкум!*», видно, что ты достойного происхождения, – ответил старец.

– Садись, юноша, – предложил затем старец.

– Нет, тхамата счастливый, я могу и постоять, хотя я и молод, ты же старик, – сказав, Чачанэко Чачана не захотел садиться.

– Ну, парень, в таком случае <расскажи,> какими путями ты явился, с чем ты пришел? Чей ты будешь? Здесь, где я нахожусь, кроме одного парень и одной девушки я не видел ни одного человека, никто, у кого голова была бы обращена к небу [ни один человек], ко мне не заявлялся, и во двор не входил. Откуда же ты явился? – спросил старец.

– Я не знаю, – дом, где ты находишься, место ли это, куда ходят люди, не знаю, место ли это, где держат стариков, ничего не ведаю о том, что с тобою произошло. Но я, преступая приличия, назову имя своего отца, если ты можешь его знать, счастливый тхамата: имя моего отца – Чачан, я сын Чачаны.

– Старец посмотрел на него снизу вверх и усмехнулся:

– Юноша, в таком случае ты здесь садиться не будешь... С тобой должен быть спутник. Возвращайся в хачещ, так для тебя будет лучше, там тебе больше будет свободы, – сказал <старец>.

– Тогда, если ты мне это позволишь, хорошего тебе дня, – сказал юноша и вышел из комнаты.

Когда он вышел, в комнате, куда он вернулся, были парень и девушка, они сказали «пошли» и, отпирая двери и следом их запирая, вывели юношу из дому. Привели его обратно в хачещ, и нарт Шабартныко спросил юношу:

– Что ты видал, юноша?

– Расскажу тебе, что я видел: о доме, куда меня водили, <плохого> сказать не могу, там живет одинокий старец. Дом этот, где он живет, состоит из четырех комнат, и на четыре замка он замыкается. Их отворяли, а за мной следом замыкали, вот так меня ввели. Старик, что там сидит, – его намазлык лежит перед ним, напротив стоит его кумган, <на столе> разнообразные кушанья, что захочет, то он и волен взять, его борода белая, как снег, его вид ухоженный, – вот такое я там увидел, – рассказал Чачанэко Чачана.

– Своего отца, Чачану, ты мог бы содержать лучше? Как тебе показалось его содержание? – спросил затем нарт Шабартныко.

– Если бы я мог так содержать своего отца, то и он был бы доволен, и я был бы доволен. Ни в чем нужды я не увидел.

– В таком случае, сын мой, пусть бог будет к тебе милостив, ты исполнил свое намерение: тот старец – твой отец, ты обрел счастье, – заявил нарт Шабартныко.

От сказанного щеки у юноши загорелись, и он несказанно обрадовался.

– Если это мой отец, то я искал <не более чем> его кости, найти его живым я и не надеялся. Я полагал бы удачей, если бы нашел или его тело, или его кости, чтобы потом воздать должное тому, кто учинил над ним расправу – вот с каким намерением мы выехали. Теперь получается, что задача моя пала с моих плеч.

Парень-бысым заговорил и...:

– Нарт Шабартнук, Чачанэко Чачан, я думаю, пока я расскажу свою историю и свои дела, эти два стола не должны стоять накрытыми. Вы сначала отведайте пищи, а потом я расскажу о том деле, которое есть <у меня>. Вы тоже испытали трудности, вы утомились, – сказал им парень.

– Если мы заполовиним еду, ты тоже сможешь рассказать о деле, – сказав, согласился Шабартныко.

Принесли кумганы-полотенца, дали Чачанэко Чачане умыться и поставили столы. Чачанэко Чачана не сел за тот стол и поел отдельно, затем и столы убрали.

Когда столы убрали, парень-бысым вот такое рассказал о похищении Чачаны:

– Нарт Шабартнук, и ты, Чачанэко Чачан, в моем рассказе сегодня попадется и такое, что для меня тоже не очень лестно. Но хотя мне и неприлично такое рассказывать в присутствии Шабартныко (то есть, старшего возрастом), но, когда у тебя есть забота, кто за тебя слово скажет, если ты сам стесняешься! Здесь у меня выхода нет. Я прошу Чачанэко Чачану, чтобы он сдерживал свой

гнев по поводу неприятностей, доставленных ему, пока я не доведу свою речь до конца. Не говорю, что и Шабартныко забыл о переживаниях и обидах по этому поводу. Но теперь я расскажу, что я понял и почему я так поступил, – вот так начал парень-бысым.

– Нас было семеро братьев, и девушка, которая здесь ходит, старше меня, я же младше всех – вот такой семьей мы жили. С той поры, как все семеро братьев выросли и стали выезжать (букв.: *стали соединять коня и седло*), мы выезжали и грабили, убивали великанов (букв.: *богатырей*), да и во владении копьем были мощными. Вот таким образом мы стали в нашем крае такими, что соперничать с нами было некому, всё оказалось в наших руках. После этого «ага, теперь оттого, что все люди, живущие в этом крае, в наших руках, как мы скажем, так они и будут <делать>, никакого мужества в этом нет», – сказав так, завели такое наши старшие, направляющие нас. В одном отдаленном краю жила компания героев, владевших пятьюстами кобылицами возрастом с поры начала выездки, и еще у них двухлетками и прочими было всего до двух тысяч. «Если мы те табуны (в тексте – ту компанию – *перев.*) не пригоним, ту компанию мужей не перебьем, чего стоит наша жизнь!» – сказав, приступили к делу наши старшие братья. Приступили, и та компания оказалась мощнее, и по одному да по двое погибая, не сумев и лошадей пригнать, погибли шестеро наших братьев. Тех великанов, что с ними сражались, было шестеро, и троих наши братья старшие убили.

Я был самый младший, и несколько лет прошло так, что я еще не достиг возраста, когда можно было выезжать на битву. После этого и я обрел силу, и когда стал соперничать с самыми сильными и обрел уверенность в себе, я взялся мстить за своих старших братьев. Я брал себе в спутники всяких, кто в краю выделялся мужеством, и так многих загубил. Не сумев одолеть <великанов>, я отступился и сел мирно дома; вот эта наша сестра, что здесь сидит, заявила мне: «ты должен жениться», указала на одну женщину, и я женился на той, которую указала мне сестра.

Когда где-то месяца три эта женщина жила в моем доме, напали на меня те самые великаны, те батыры. Они рассчитали так: мы его и не убьем. Потому что тогда он обретет покой; болезненным для него будет, если мы похитим у него жену. Если мы похитим его сестру, то сестру все равно или кто-то должен похитить или же она сама должна за кого-то выйти. Поэтому он ее долго искать не станет. Если же мы похитим его жену, он этого всю жизнь не забудет. От того, что мы жену уведем, мы ее не как жену хотим держать, и убивать мы ее не хотим, а будем держать ее стряпухой. Пусть он приблизившись, видит ее, это будет для мужа невыносимо, и всю жизнь у него за это будет сердце болеть», – сказали так и увели мою жену.

После того, как увели мою жену, я не мог этого долго выдержать, стал собирать сообщников, нападать на них и сражаться. Моих спутников убивали, а я вынужден бывал отступить, хотя они [великаны] и могли меня убить, но не хотели убивать меня: «Как плату за кровь наших братьев мы заставим тебя жить в муках. Ты надеешься, что когда мы тебя убьем, ты обретешь покой. Этого

мы тебе не сделаем», – говорили они и не желали меня убивать. Многих людей я там загубил. Кто бы более поехал со мной на призыв «Пошли!», если на глазах люди гибли! Я остался таким, что в краю я уже не могу найти никого, <кто бы пошел со мной против великанов>.

Я поразмышлял и, не находя выхода, взял и – а у нас был такой, которого называют *усареж*, – и я к нему обратился: «К какому способу мне прибегнуть? В этом деле какой способ есть, как мне поступить, что ты мне выберешь?», – спросил я его.

Вот что он мне ответил: «Не найдешь никакого ответа, но подскажу тебе один способ, и если ты это исполнишь, дело твое решится. Не сможешь исполнить – всю жизнь будешь вот так страдать».

«Говори, мой усареж!» – сказал я тогда. «Ты переправишься за море, – сказал он, – есть там один муж, ты этого мужа похитишь. Тот муж, которого ты похитишь, это тот, кого именуют Чачана. У того Чачаны жена тяжелая. Чачана сам богатырь, и жена его тоже богатырша, отпрыска их [этой пары] назовут Чачанэко Чачана. Отпрыска двух богатырских людей одолеть силой никто не сможет, противостоять ему будет невозможно. Когда он достигнет возраста восемнадцати лет, кроме *смертоносной стрелы* его ничто не возьмет. Он вырастет таким, что силой его не одолеешь, в сражении он будет успешным. Раз уж ты похитишь Чачану, рано или поздно, но однажды этот парень отправится на его поиски. Если даже обойдет весь мир, Чачанэко не успокоится, пока не отыщет Чачану. Раз уж Чачана у тебя, и раз уж парень не успокоится, он придет к тебе. Если тогда ты, найдя этого парня, сумеешь его уговорить, чтобы он услужил тебе, он решит твое дело. Кроме этого пути ничего другого я в твоем положении не вижу», – сказал мне усареж.

«Бог меня поразил, усареж! Как я буду дожидаться решения моего дела, пока ныне лежащий в утробе родится и вырастет! Как я это буду терпеть! За столько лет я не лопну?! Не слишком ли это большой груз! То, что с нами случилось, не большая ли беда!» – сказал я усарежу.

«Ну что, добрый парень, я могу поделать. Ты сам их не одолеешь, в краю других воинов не осталось. Хочешь-не хочешь, а до того сроку дотерпишь», – ответил мне усареж.

Вот, теперь у меня нет другого выхода: когда у тебя беда, приходится позаботиться о том, как ее решить. В поисках Чачаны я покинул свой край и стал выслеживать Чачану. Рассказали мне, что местом его частых разъездов является край нарта Шабартныко, и что они вдвоем ездят вместе. Иногда я их и встречал. Начал я присматриваться к ним, только проезжал мимо них так, чтобы они меня не заметили. Почему я проезжал мимо: нарт Шабартныко – это один богатырь, Чачана, который мне был нужен, еще страшнее его, напасть сразу на двоих я боялся, поэтому и проезжал мимо. Будь кто-либо один из них, я бы без труда его принес, но я, боясь, что не смогу одолеть, если два человека вместе пойдут против, целый год проезжал мимо. Но если не отступаться, то разве бывает так, чтобы однажды ты не попал на слабое место того, за кем крадешься: однажды я повстречался с

ними, когда они гнали лошадей породы альп, только как много их было, я не знаю. Шабартныко ехал впереди, он был ведущим, а Чачана, который здесь сидит, был позади, тыльным, он больше обращен к врагу – вот так они возвращались, и тогда я завернул спереди их и приветствовал: «Доброго возвращения!» Нарт Шабартныко ответил мне:

– Выбирай, сын мой!

– Пусть бог вам это дарует на добро! – ответил я и проскочил мимо Шабартныко. Доехав до конца табуна, я приблизился к Чачане и сказал: «Доброго возвращения!»

Когда он тоже мне предложил: «Выбирай, сын мой!», я ответил:

– Доброго пути, пусть бог вам это дарует на добро!

Затем я подъехал поближе к нему, будто желая попрощаться с ним за руку, сорвал с него шапку и ускакал.

Чачана немного времени смотрел мне вслед, думая, что я шучу, затем пустился следом за мной. Увидев, что я припустил своего коня и что Чачана во весь опор гонится за мной, нарт Шабартныко тоже развернулся.

Конь, что под Чачаной, был чалый, породой он был таков, что против него ни одна лошадь не устояла бы, поэтому я его далеко выманил, и когда он так отдалился от нарта Шабартныко, что тот не мог бы его быстро настигнуть, я развернулся, подъехал к Чачане так, чтобы Шабартныко видел то, что я делаю, но не ближе того, вынес Чачану из седла и был таков.

Конь подо мной, если его пустить свободно, был настолько быстр, что птица не могла бы его опередить, и между тем мигом, когда я вырвал мужа из седла и тем, когда я понесся, Шабартныко мог только видеть, куда я повернул, так быстро я ускакал. А мой конь оставил за собой только след на земле, которой касались его ноги, и больше ничего нельзя было бы видеть, а через море, которое вы одолели, я переплыл словно лебедь.

Теперь ты сам увидел, как я содержу похищенного мною Чачану, как я стараюсь угодить ему во всем, чем могу, это желание не имеет границ. Но я не могу сказать, что у Чачаны нет никаких переживаний и что он всем доволен. Почему я не могу так сказать – потому что держу его за четырьмя замками. Насчет еды, что только он захочет, он найдет. <Но> я его запираю на замки, и это вот почему: Чачана богатырь, поэтому выпустить его на свободу <я опасаюсь>. Нет человека без слабостей, и я тоже боюсь. Я не могу поверить, что Чачана при его мужестве и суровости забудет все то, что я ему причинил, и просто так успокоится.

Ну вот, теперь, Чачанэко Чачан, из мною рассказанного <ты видишь, что> я не скажу, будто твой отец не претерпел переживаний. И теперь ты волен делать то, что хочешь. Можешь сказать: «Какие бы у тебя бедствия ни были, причем здесь мой отец и почему наказание ложится на меня!», – и убить меня, я в твоих руках. Но я полагаюсь на тебя вот в чем: если Чачана человек, то от него тоже произойдет человек, а значит он поймет мое положение и поможет мне разрешить пережитые мною беды, – вот в этом я на тебя полагаюсь, – сказал так парень и отошел в сторону.

После него заговорила девушка:

– По тому, как вы услышали от моего брата и как вы побудили его рассказать о сути дела, а кроме того, судя по тому, как Чачанэко Чачана, отпрыск <Чачаны>, принял всё очень болезненно, я видела, какая неприязнь возникнет между ними [между моим братом и Чачанэко Чачаной], и поэтому я сняла с себя платок и провела им между нами <по полу>. Я так поступила для того, чтобы вы дали нам время рассказать о своем положении, чтобы вы могли понять нашу заботу, чтобы вы своим сознанием проникнулись нашей бедой и представили себя на нашем месте. Вы сами услышали от него [моего брата], что с ним случилось, и обо всех перенесенных страданиях вы от него услышали, и то, о чем я вас просила, вы сполна исполнили. Что предпринять в этом деле – вы в том вольны сами, я же говорю вам спасибо, – сказала девушка-бысым.

Тогда заговорил нарт Шабартныко и обратился к Чачанэко Чачане:

– О сын мой, не ведая о том, тяжелой ли будет наша задача, легко ли мы справимся, я, еще не зная о том, чего она попросит, когда эта девушка обратилась ко мне, обещал: «Исполним то, что тебе будет по душе, не посрамим тебя», и поэтому мы не можем свое слово переиначить. Я считаю, что здесь уже не нужно ничего иного, кроме как решить, каким образом нам приступить к делу и кто нам укажет место, где <жена парня> находится.

– Тогда, Шабартнук, всё, что будет с этим делом связано – и трудное, и легко решаемое, – это мои заботы. Почему, если спросишь, то потому что с той поры, как я еще был в материнской утробе, наш парень-бысым в надежде на меня претерпевает лишения. Я так говорю не потому, что не чувствую всех невзгод, которые перенес мой отец. Но, как я думаю, если у человека беда и если в этой беде он надеется на тебя, то он и тебе может доставить неприятности, но ты все равно должен оправдать его надежды. Большего я про это не говорю. Если он оседлает мне моего коня и укажет – она вот там-то, я готов отпраиться в путь, – сказал Чачанэко Чачана.

– Нет, прямо вот так не пойдет. Пусть ты к делу приступаешь, но одного тебя мы отпустить не можем. До сих пор мы были вместе, а теперь чтобы ты остался одиноким, а я бы и не знал, что с тобой происходит, так я тебя не отпущу, – сказал нарт Шабартныко. – Если этот юноша не будет нашим спутником, мы не отыщем, где она находится. Поэтому я говорю, что нельзя будет нам троим не быть вместе.

Чачанэко Чачана по этому поводу сказал так:

– Нам нужно уговориться, что этот парень-бысым покажет мне место, а что я один смогу, я сделаю сам, что в моих силах я в том месте проявлю. Что я смогу, вы там увидите, но сами вы близко не подходите, что бы со мной ни случилось, вы мне в помощь не приходите – если вот такое вы поддерживаете, то мы едем вместе. Но если я окажусь в самом тяжелом положении, если меня убьют или изранят, и вы, сказав «мы станем опорой ему, поможем ему», тронетесь с места, я с вами поступлю точно так, как с противниками, с которыми буду сражаться, и в этом я крепкую клят-

ву даю, – сказал Чачанэко Чачана тем двоим. В этом он крепкое слово с них взял.

– Хорошо, сделаем, как ты говоришь. Только просим тебя позволить нам быть рядом с тобой и видеть то, что с тобой происходит, – сказали двое.

– Тогда давайте приладим седла к нашим коням, рассказанное нашим бысымом очень разволновало меня. Я уже тороплюсь достичь того места прояснить то, что надо сделать и испытать себя самого, – сказал Чачанэко Чачана.

Парень-бысым вышел <во двор> и вывел из конюшни трех одинаковых коней, положил на них походные седла и привязал их к коновязи. Он достал сумы, в которых позади седла носят дорожные припасы и уложил в них провизию. Всё это он приладил к коням.

Парень вошел в комнату и сказал: «Пошли, если вы готовы».

Чачанэко Чачана повернулся, посмотрел через открытую дверь и не увидел белого коня.

– Почему ты не оседлал моего белого коня? – спросил он парня-бысыма.

– Я тебе прямо скажу, почему я его не оседлал, Чачанэко Чачана. Путь который нам предстоит сегодня одолеть, не под силу будет твоему белому коню. Эти три коня одной породы с теми, на которых ездят они [великаны]. Если выступишь против них не на таких конях, на которых они сами, они тебя победят. Тебя постигнет неудача. Вот поэтому я не оседлал твоего коня, а не потому что я заблуждаюсь, не подозревай меня в этом. Дело, которое ты делаешь, – моя забота, и я не таков, чтобы не понимать твоих переживаний, – заявил парень.

– Хорошо, если ты так говоришь, значит, мы готовы, поехали, – сказали, и все втроем вместе отправились в путь.

Когда они достигли границы страны, там невдалеке был густой непроходимый лес, и добравшись туда, все трое остановились. Парень, у которого похитили жену, тут заговорил:

– Вот за этой большой колючей оградой и находится моя жена. Ты можешь застать великанов, похитивших ее, дома, можешь и не застать. Когда они уезжают, у них в обычае возвращаться через неделю – через дней пятнадцать. Между временем их отъезда и возвращения моя супруга неотрывно готовит для них припасы. Они забивают целого быка, <затем> уезжают; если ко времени, когда они вернутся, он не будет приготовлен не очень горячим и неостывшим, они нещадно избивают женщину. Вот в таком страхе и принуждении она живет. Как возвратятся, так все, что она приготовила за все пятнадцать дней, съедают в один присест; после еды они разденутся, улягутся и непробудно спят неделю; почему, если спросишь, потому что людей, которые могли бы их одолеть, нет, и они спокойны. Меня они более не боятся, и других, кого бы они боялись, нет. Но я прошу Аллаха, чтобы он сделал тебя проклятием для них. Вот так обстоит дело, – сказал <парень>.

– Раз так, я пойду. Вы оставайтесь на этом месте. Если попаду так, что эта компания будет дома, мне повезло – не придется их дожидаться. Если попаду когда их нет дома, я не стану ее у них похи-

щать. Буду их дожидаться, вы будете смотреть и увидите. Сидите на этом месте, а я пошел, – сказал Чачанэко Чачана, отделился от них и поехал.

Прибыл он, и когда въехал во двор, соскочил с коня и привязал его к коновязи. Когда он повернул в сторону дома, женщина, которая там была, посмотрела и увидела его.

– Бог меня поразил, что принесло сюда еще этого юношу – то ли по незнанию приблудился, то ли зная пришел? Проголодавшемуся юноше, этому бедняге, что я скажу? Притронуться <к приготовленному> я не вольна, если притронусь, они узнают. Как мне быть? – подумала женщина.

Накрытую платком, с закатанными рукавами, изо всех своих сил поддерживающую огонь и вот так готовящую пищу, ее застал в доме войдя туда, Чачанэко Чачана.

– Ой-ей, сын мой, почему ты сюда пришел? И откуда ты явился? И что тебя принесло? – сказала женщина. – Зная ли ты явился? Не ведая ли ты пришел? Не слыхал ли ты, что живущие в этом доме – богатыри-<великаны>, очень жестокие? Что у тебя за заботы? Если ты проголодался, я не вольна достать и дать тебе хотя бы кусок, величиною с один вареник. Ту пищу, что я приготовлю, они, подневно вычисляя, знают, чем же мне тебя покормить, – пожаловалась тут женщина.

– Так, сестра моя, я явился за тобой. Скажешь ли мне, где сейчас эти грозные великаны? Я их разыскиваю. Если счастье будет на моей стороне, я и их побью, и тебя заберу – вот такое у меня дело. Это и цель моего появления. Не по неведению я пришел, а зная, куда иду, – сказал Чачанэко Чачана.

– О братец мой младший, ты меня назвал сестрой и позволил мне достойно взглянуть на себя. Но если ты послушаешься меня, повернись и уходи отсюда, пока тебя не приметили и не увидели. Тебя им на один хлопок не хватит, такие они мощные. А потом, выйдя со двора, уезжай, не разбирая дороги. Пусть бог не сделает добра тому, кто тебя сюда направил. Кроме того, что я здесь испытываю, еще больше меня мучает то, что <мой муж> приводит сюда всех достойных мужей края, способных носить оружие, и они здесь гибнут так, что и людей не осталось. Разве же есть такие места, где бы не погибали такие недостойные женщины, как я. Душа моя болит по тем людям, которые из-за меня гибнут, и этого, кроме всего иного, мне достаточно, чтобы день и ночь переживать. В эти последние годы он [муж] не появлялся, и я было обрадовалась тому: «если он позабыл обо мне и успокоился, пусть бог дарует ему жизни» – говорила я. А теперь он и тебя сюда привел! Ты такой ребенок, что сырое молоко еще на губах не обсохло (букв.: *еще с губ твоих сочится*), чем тебя на моих глазах здесь убьют, мне легче самой быть убитой. А коли так, послушайся меня, поверни назад и уходи! – сказав, женщина так попросила.

– О моя сестра, все, что ты мне сказала, я слышал, но ничему из этого я не внял. Я испытаю, смогу ли я их одолеть. Но прятаться и бегать от них с этого двора я не буду. Если они год будут отсутствовать, я все равно их дождусь. И, не страшась их, я из их еды съем столько,

сколько смогу. Пусть у меня к ним и другие дела, но из-за одного того, что они по этому поводу набросятся на тебя, я их истреблю.

– Не знаю, брат мой младший, они заставили меня поклясться, чтобы я своими руками ничего не брала и не давала тебе. И если кто что возьмет, я обязана рассказать об этом – вот при таком условии я живу в этом доме. Все трое согласно решили, что как к женщине никто из них не будет иметь ко мне дела, а я должна готовить им еду и провизию. Так они решили, потому что если вдруг они мною соблазнятся и я рожу ребенка, то им может не хватить еды. Если я не заболею, а вовремя не приготовлю, они меня могут поколотить, вот на таких условиях я живу. Ну а ты явился ради спасения меня, если даже из-за этого я погибну, ты сам волен посмотреть и выбрать тот кусок, который тебе по душе. Но я сама не могу тебе подать, – сказала женщина.

– Я сам выберу, сам и съем. И не боюсь их. Если даже не голоден, то ради того, чтобы эти чревоугодники заглянули в котел, и это будет причиной ссоры с ними, – сказал Чачанэко Чачана, взял и завернул рукава своей черкески, взял половник и мясо, которое как раз было на подходе, он пошуровал и вытащил целиком выглянувшую заднюю ногу.

Положил он это на стол, сел и съел всю бычью ногу вместе с хлебом, который она приготовила – сколько смог, все съел. Очистив от мяса, он большую кость ноги бросил обратно в котел.

– Теперь пусть они скажут что захотят, а ты мне дай воды напиться, – сказав, юноша отодвинулся и сел <поодаль>.

Тот день был сроком возвращения тех, и они сидели, ожидая, в это время с грохотом и криками, подобно бешеным псам, а у их коней пасти развернутые, вот так они возвратились и въехали во двор. Увидели они привязанного у коновязи коня Чачанэко Чачаны. Увидав, сказали: «Эта порода коней нам знакома, незнаком тот, кто на коне. Видно, еще одного несчастного он сподвигнул и прислал к нам. Удивительно, что тот, у кого мы похитили жену, до сих пор не забыл об этом!» – сказали они. «Коню ничего не делайте, давайте сначала все узнаем», – сказал старший двум своим младшим.

Взяли и вошли в дом. Но юноша, нисколько не волнуясь, расселся в самых нарядных покоях и сидит себе, <будто> говоря: «*Чорт обери.* Что бы ни случилось!»

– Ага, *маленький человек,* ты и на наших покоях сидишь, и нашу коновязь занял, и дом наш к себе примеряешь, ни у кого ничего не спрашиваешь, и страха перед нами не испытывая сидишь, что у тебя на уме? Не слыхал ли ты рассказов про нас? Ты по глупости не понимаешь что ли, или же чего-то хочешь? – спросил старший из иныжей.

Пока он все это говорил, младший из братьев вошел туда, где готовят еду, заглянул в приготовленное. Он принес братьям известие о том, что <гость> и лепешки сильно заполовинил, и из варева одну бычью ногу съел.

– Что за удивительное дело натворил нам этот сидящий тут болван! – сказал он.

– Что он натворил? – спросил старший.

– Вот что он натворил нам! Из лепешек, напеченных для нас, он большую долю умял; из мяса забитого нами быка он вытащил заднюю ногу, мясо съел, а голые кости бросил обратно. А когда я рассердился на живущую в доме женщину, она мне заявила: «В чем моя вина? – ответила она. – Разве я могу справиться с мужчиной, без моего предупреждения он это не съел, я и о вас ему рассказала, и о вашем мужестве рассказала, и о том, что я не вольна давать ему пищу я много говорила. Но он, не послушавшись меня, по-своему покушал; простить его или не простить – это ваша воля», – так она мне сказала.

– Таковы новости? <Так> что у тебя за замыслы про нас? Ты нам не напарник, ты не прислуга. Чтобы ты нашу готовую [приготовленную для нас] пищу по своему переиначивал, чтобы ты на наших прибранных постелях нежился подобно князю, чтобы ты к нашей коновязи привязывал своего недостойного коня, что ты к нам такого имеешь? Помет твоего коня, который скопился под нашей коновязью, ты пригоршнями сам со двора вынесешь! – вот так сурово налетел старший <из иныжей> на Чачанэко Чачану.

Когда ему всё это говорили, Чачнэко Чачана бровью не повел (букв.: *не почувствовал как дрожание век*), глазом не моргнул, <и> когда они вошли, он не встал им навстречу.

– Ну, великаны-богатыри, вы возомнили себя, будто вы высокородные, будто всех своих противников вы извели, будто и равнина ваша собственность, что и мир весь вам достался – вот такими вы себя посчитали и, так считая, со мной разговариваете! – сказал Чачанэко Чачан. – Как поступать с такими, как вы, самоуверенными, озабоченными только тем, как заполнить опустевшее брюхо, у меня рука всегда твердая (букв.: *всегда правая*). Не ведая о том, что вы сюда вернетесь, я тут не сидел, и страха никакого перед вами у меня нет. Посоветуйтесь сами между собой о том, что вам сказать и что вы можете сделать. А дело, которое у меня к вам есть, – вы сейчас голодны и мои слова до вас не дойдут. Пойдите на кухню, набейте свои собачьи утробы, а потом я вам скажу, чего хочу.

Он разозлил всех троих.

– Нам некогда есть-пить (букв.: *есть-говорить / есть-болтать*), говори прямо о своем деле!

– Из-за этого вы меня не заставите торопиться и наспех высказать то, что я хочу, – сказал Чачанэко Чачана. – Вот когда вы наедитесь, тогда я и расскажу о своем деле. То, что я скажу, вызовет и гнев, и схватку. Когда дело дойдет до схватки, вы скажете: «Если бы мы наелись, мы бы многое с ним сделали!»; для этого я не дам вам повода, и там же вы окончите свои жизни. Сегодняшний день станет для вас несчастливым!

Средний из троих братьев заговорил:

– Тот, с кем вы сегодня говорите, дал понять о нашем деле. Сердцем своим чувствую, что от человека, в глаза которому я заглянул, много благ мы не увидим, – сказал он.

– Ой-ёй, большой ты дуралей! – заговорив, сказал старший из них, – сильно же тебя напугали. Как же быстро ты переметнулся!

– Я не трусливее вас, – возразил средний брат. – Кто мужествен, а кто труслив, прояснится, только давайте немного перекусим.

Понеслись трое братьев в кухню и съели всю еду, что была приготовлена, ни кусочка не оставили.

– Ну как, теперь вы насытились? – спросил их Чачанэко Чачана.

– Насытились мы, не насытились, а уже вышли, теперь говори, что у тебя за дело! – сказали те.

– У вас должна быть еще одна причина. Мне представляется, если бы вы получили назад ту бычью заднюю ногу, вы бы и ею закусили. Но я вам расскажу, что у меня за дело. Я явился забрать вот эту женщину, которая живет в вашем доме. Что я ее заберу, я обещаю вам открыто. Того, кто захочет ее увести, вы мирно (букв.: *не сразившись с ним*) не отпустите, а раз так, то по вашему усмотрению выбирайте сами, чем вы будете со мной состязаться! – заявил им Чачанэко Чачана.

Великаны громко рассмеялись.

– Что вы смеетесь, не тому ли, что сегодняшний день будет последним в вашей жизни?

– Мы рассмеялись потому, – ответил старший из них, – что ты так юн, ты ребенок, послушался того, кто тебя обдурил и толкнул на это дело.

– Это не вашего ума дело. Кто умный, а кто дурак – сегодня станет ясно!

– Иди, мы не скажем, что сами отдаем, но, если ты говоришь, что уведешь ее, уводи; много мужей, не таких, как ты, приходило сюда за нею, только никто не смог ее увести. Из-за этого [Из-за такой мелочи] мы все трое братьев не станем выходить против тебя. Давай иди, если вот этот парень тебя пустит, тогда уводи, ничего против не говорим, – сказав, старший из них указал пальцем на самого младшего.

– Я понимаю, что за твоими словами, а коли так, то больше ничего не скажу, я гость ненадолго, поэтому уберусь. Но в том же дворе, <куда вы меня отправляете,> я сделаю так, что старший не будет ведать того, куда делся младший, и будет выходить на его поиски, – заявил парень [Чачанэко Чачана], встал и направился в кухню.

– Ну, сестра, хватит, сколько ты стряпала на этих свирепых великанов, сегодня я в отместку за тебя вышибу из них и их кровь и содержимое утробы. Мы с тобой родные (букв.: *братья*), поэтому говорю тебе твердо: когда я тебя схвачу <и понесу>, в той стороне, куда ты повернешься [где ты будешь], окажется опаснее, и тогда ты мне поможешь. Я не надеюсь на то, что ты будешь сражаться оружием или будешь колоть копьем, этого я тебе не говорю. Но вот в чем я на тебя надеюсь: когда я тебя подхвачу, не противься тому, куда я тебя буду передвигать, – сказал он женщине.

– Хорошо, младший брат мой, сказанное тобой мне по душе. Я <бога> о большем не прошу, кроме как о том, чтобы уйти от этих <великанов>. Но это – великаны, очень сильные, богатыри. Если не получится так, как ты говоришь, если они победят, они и тебя убьют, и меня убьют. Но из-за того, что ты, не зная, откуда я, ради меня решился погибнуть, когда они станут убивать меня, я не почувствую боли, – ответила ему женщина.

Пока это все говорили, младший из троих братьев, которого это касалось, стоял там же, и они говорили, ничего от него не утаивая.

– Ага, теперь вы вдвоем уговорились и двинулись, не страшась меня? – рассмеялся великан.

– Вот это и будет нам причиной, – сказал Чачанэко Чачана и, не доставая ружья из чехла, ружейным прикладом примерился и стукнул его по переносице.

– Ах, маленький человек, как ты коварно поступил со мной неожиданно для меня! – вскричал тот великан. Кровь из его носу хлынула на пол. – Теперь я не стану пачкать свою одежду из-за того, куда ты уйдешь, не стану, обливаясь кровью за тобой гнаться, – сказал он и остался в комнате. А Чачанэко Чачана взял женщину за предплечье и покинул дом, подошел к своему коню и сел верхом. <Затем он> наклонился, поднял женщину и поехал.

Младший из братьев задерживается, а почему – те двое не знают.

– Что это с ним? Удивительно будет, если этот ушедший надеется увезти ее! И куда это делся наш парень? – сказал старший.

Тот, что остался в доме [младший из иныжей], умылся, облачился в свое снаряжение, подошел к своему коню и, *повернувшись лицом в сторону двоих старших братьев,* сел на коня. Те же глянули и увидели – у их младшего брата во все лицо нос расквашен и лицо разбитое.

– Ого, интересно, что он с нами сделал! От того, который такое сделал с его [нашего брата] переносицей, этот парень [наш брат] <живым> не уйдет. Иди, брат (букв.: *парень*), будь ему подмогой! – сказав, старший велел среднему.

– *Оллага,* не пойду, вы посмеялись над тем, что я прежде сказал! Он и до тебя доберется, и меня пройдет! У этого парня, как я увидал, слова огнем начинены. Когда он говорил, мне почудилось, что из его раскрытого рта полыхает огненное пламя. Я понял, что и среди богатырей, явившихся на свет, подобного ему нет. Как я взглянул на его лицо, я почувствовал – он не простой паренек. Ни ты от него не уйдешь, и меня он достанет, – сказал средний и не согласился <со своим братом>.

Ну а пока они все это друг другу говорили, Чачанэко Чачана выехал со двора и пустился в путь. Если бы он захотел уехать, он бы мог достичь своей цели так, что никто бы за ним не угнался, но он выехал в окрестность – так, чтобы нарт Шабартныко и парень-бысым могли его видеть, а тот, кто преследует его, мог его настичь, и там остановился.

Он наклонился и поставил женщину наземь, коня пустил, косо привязав поводок к седлу, а сам стал, передом своим повернувшись, чтобы видеть, откуда появится всадник. Тот, которому он расквасил нос, явился, хорошо вооруженный, на коне, огнем пышущем, а сам распаленный гневом.

– Ага, маленький человек, что у тебя на уме? Ты сегодня поступил со мной, как поступают с мальчишками. Но на мое счастье ты не уехал, и я выну душу, которая в тебе есть! – сказал великан.

– Я стоял не потому, что не знал, что ты явишься! – ответил Чачанэко Чачана, – ты меня не бегущего настиг, а прибыл, когда я стоял <в ожидании>. Поэтому я не считаю за доблесть то, что ты прибыл. Я доведу дело и до вашего старшего <брата>, болтающего и сидящего дома. Я сделаю с вами такое, чего не смогли те, которые явились сюда раньше и стали вашими соперниками в поединке. Я здесь сижу, готовый выступить против таких, как вы, жестоких <созданий>, которых земля не держит и которые жалости не имеют. А потому выбирай, какой способ поединка тебе по душе, и скажи мне. Я выйду <против тебя>, настроенный так, как тебе больше по нраву.

– Способ нашего ведения поединка такой, – отвечал великан, – что мы расстелем свои бурки, положим на них по семь зарядов и будем ими драться. Когда с ними покончим, сядем на своих коней и будем биться грудь в грудь, кто из нас упадет, пусть оставшийся поступит с ним как хочет и уходит восвояси. Вот что я на это скажу.

– Очень удачно, очень хорошо.

Расстелили бурки, разойдясь на расстояние выстрела, и начали поединок. Чачанэко Чачана дал свободу парню, которому он расквасил нос:

– Я один удар тебе нанес, теперь начало предоставляю тебе!

– Ну тогда летит к тебе! – сказал тот, прицелился и выстрелил в Чачанэко Чачану.

Он попал и еще насквозь пробил. Потом Чачанэко Чачана прицелился и выстрелил в великана. Он пробил <тело> великана так, что <в отверстие> мог бы пролезть котенок. Вот так сражаясь, они закончили те семь зарядов. Последний выстрел выпустил Чачанэко Чачана. Выпущенный им последний заряд сильно потряс великана. После окончания стрельбы (букв.: *выпуска по семи зарядов*) был уговор сесть на своих коней и состязаться их ударами грудь в грудь, поэтому каждый подошел к своему коню. Чачанэко Чачана легко вспрыгнул на коня, будто в него ничего не попало. Другой, великан, с трудом вскарабкался на своего. Под обоими были <кони,> подобные львам, поэтому дело обстояло так, что кто из них больше имеет силы, чтобы подчинить себе своего коня, тот и победит. Как только Чачанэко Чачана сел на коня, не дав тому даже подобрать повод уздечки, налетел на великана, приноровился и ударил его грудью своего коня. Он сшиб <противника> так, что – сидел тот там или не сидел! Тут он достал свой меч, тут же примерился и, ударив, снес голову.

Как только всадник упал, конь повернул назад и убежал во двор. Старший <из братьев> увидел, как конь вбежал во двор. Оставшегося младшим он кликнул:

– Парень, не по душе мне то, как этот конь возвратился. Будь парень [наш младший брат] жив, этот конь не вернулся бы. Поэтому положи седло на своего коня, облачись в оружие и берись за дело.

– Ага, теперь я тоже за ним пойду, следом за мной пойдешь и ты, а кто за тобой последует, ты уж не найдешь. Того парня [нашего брата], вслед за которым мы идем, убил пришелец. Если бы он хотел, он бы и коня этого не отпустил. Раз так, у меня выхода

нет, я поеду, – сказал средний, облачился в свое снаряжение, сел на коня и выехал.

– Какой слабак этот, что выехал. Пусть и убил <тот пришелец нашего брата>, так всего-то ведь он [вот тот неказистый], которого я видал! Не достоин сочувствия тот, кто не убил его, а позволил ему себя погубить. Такого мне нечего жалеть, – сказал старший.

– Что будет, увидим, – сказав, средний выехал со двора.

Едучи, первым он повстречал труп. И голова у него отрублена, и грудь прострелена – когда так он увидел, он стал в изголовье и сказал:

– Что это за диво: и оружие твое в руках у тебя, и меч твой на боку у тебя, сильно же ты оплошал! Неужто ты связанный сидел, пока над тобой столько совершалось? Сам он, я вижу, в порядке. Может, кто-то кроме него тебя бил? Как это удивительно! – говоря так, он сказал это своему младшему брату, будто разговаривал с живым. А почему он так сделал, это не потому, что ему брата было не жалко, а потому, что когда он сказал, мол, этот парень нам беду принесет, <младший> над ним посмеялся.

Взял он, проехал мимо тела и подъехал к Чачанэко Чачане.

– Значит, ты и нашего брата убил, и нашу стряпуху увозишь – на том ты стоишь? – сказал он.

Чачанэко Чачана заговорил и:

– Я стою, чтобы убить и старших, если найду, а так захотел бы я уехать, то кто бы меня догнал! Чем мне дожидаться, когда следом за одним убитым мною всадником ко мне отправится другой, вам это из-за меня хлопотно не будет; лучше уж когда я покончу с вами со всеми, потом успокоенный вернусь домой. Вот чего я дожидаюсь, а то бы мог и уехать, – ответил он.

– Если так, маленький человек, я сюда прибыл не для того, чтобы своему старшему брату принести весть, мол вот что с нашим моим младшим братом случилось. Я выехал с намерением сражаться, убить тебя и отомстить за кровь нашего младшего брата.

– Что же, не будем тянуть с этим, я готов, стою здесь в ожидании, кто бы со мной сразился. Начинай! – призвал тогда Чачанэко Чачана. – Способ борьбы я тебе позволяю выбирать по своему желанию, я обещаю устроить тебе место не хуже, чем у твоего единоутробного брата. Сегодняшний день станет таким несчастливым, когда таких бесящихся с жиру, как вы, настигает достойная <кара>.

– Ну тогда, – сказал великан, – я выехал возбужденным, разгневанным, <а поэтому> я решаю, что мы будем сражаться конными на саблях.

– Очень это мне по душе! – сказал Чачанэко Чачана.

Чачанэко Чачана сел верхом, пришпорил коня; обнажили сабли и начали поединок. Конь под Чачанэко Чачаной был резвее, и когда великан собирался ударить, он не мог догнать, но когда этот гнался <чтобы ударить, великан> не мог от него уйти, и так эти двое сражались, переламывая кости. Великан ударил и сильно ранил Чачанэко Чачану. Потом Чачанэко Чачана развернулся, настиг великана и разъяренный так, как не гневался со своего рождения до того самого случая, так ударил, не помня о всей своей силе [не помня сам себя], что рассек великана надвое.

Конь, на котором сидел великан, ускакал и вернулся домой. Еще не успел он войти во двор, как оставшийся старший из великанов увидел, что конь возвращается без седока (букв.: *с пустым седлом*). Сильно он огорчился.

– Как видно, этот злосчастный что-то со мной натворил! Ради чего я послал на гибель двух своих младших братьев, вместо того, чтобы поехать самому? Если бы я поехал, я бы и его душу вынул, и мои братья остались бы живы, – так великан сильно упрекнул себя и взял да выехал.

– Оттого, что я его погублю, смогу ли я воскресить моих братьев! Какую же заботу он мне навязал, какое же это несчастье! – говоря так, великан выехал <со двора>. Едучи, он повстречал труп самого младшего. – «Ну, брат мой младший! – сказал, – я тебя ни за что погубил и ни с чем не посчитался. Если бы ты возмужал, стал бы <достойным> мужем, да не успел ты дорасти. Но все же я тобой доволен, потому что ты не боялся всякому сказать и сделать то, что ты хотел. За твою кровь я отомщу, я ему покажу», – сказал он так и проехал дальше.

Когда он доехал до трупа другого, среднего брата... «То самое, что ты предвидел, с тобой и случилось. Ты выехал сюда только потому, что убоялся меня, но не прибыл сюда, собравшись с силами и настроем. Но пусть вам от этого уже пользы не будет, а его труп рядом с вашими я положу раньше, чем ваши тела окоченеют». – Там у него в глазах потемнело. Между тем он доехал до Чачанэко Чачаны.

– Ага, несчастный! Ты, видимо, человек делающий яды, судя по тому, что я вижу сотворенным тобой сегодня. Ты сегодня от меня не уйдешь. Но теперь наш поединок я не стану оттягивать. Наши с тобой отношения я позволю тебе сказать. <Но> тянуть не будем, приступим к поединку! – сказал великан.

– Я стоял, ожидая, что ты явишься. Мне тяжелым показалось то, что я тебя долго ждал, но не стало неожиданным то, что ты приехал. Из-за двух своих младших братьев тебе не надо расстраиваться: пусть вы не в один день родились, но в один день все погибнете, сегодня – ваш срок <пришел>. Говори о том, как приступишь к поединку, каким путем тебе удобнее будет мстить за своих младших братьев, а все другое лишнее.

Великан заговорил и вот какой способ он сказал:

– *Я тебе привез тридцать стрел для лука.* Это тебе последнюю радость я доставляю этими стрелами. <У меня тоже будет столько же>. Если я лишу тебя души [убью тебя] раньше, чем я закончу свои тридцать стрел, тогда у меня к тебе и спросу нет. Если же я выпущу все тридцать стрел, а ты будешь живой, я своим мечом сниму твою голову, – сказал великан.

– О чем я не спрашиваю, – отвечал Чачанэко Чачана, – это о том, что ты со мной сделаешь, если победишь меня. Но о том, что я с тобой сделаю, ты не говоришь, потому что тебе по душе другое. Я убил обоих твоих младших братьев. Я и тебя убью, если счастье повернется ко мне. Готовься к тому, чтобы мы вышли к месту поединка.

– На расстояние выстрела отступим друг от друга, станем друг против друга и так начнем поединок, – сказав, великан так предложил.

– Хорошо, приступай к выполнению своего дела, посмотрю, что ты сумеешь, – предложил Чачанэко Чачана.

Двое стали друг против друга, готовые сражаться. А нарт Шабартныко и их бысым вышли на край леса, чтобы видеть всё происходящее, что их сильно беспокоило.

Парень-бысым хорошо знал умение воевать и силу как того, который вышел, так и тех двоих <великанов>, поэтому он сильно волновался; и если бы не клятва, которую дал Чачанэко Чачана не выходить им и не вступать в поединок; не будь так, сердцем они были готовы выйти из укрытия и вступить в битву.

Вот так они там стоят.

А здесь эти двое уже затеяли поединок. Великан, который прибыл, ударил Чачанэко Чачану первым, <этим> он и начал сражение. Таким образом они исчерпали по тридцать стрел. Оказались и такие из стрел у Чачанэко Чачаны, которые не попали в цель. Закончились у них стрелы (букв.: *исчерпали они все стрелы, которые у них были*), и они обнажили свои мечи и стали, пешие, сближаться – начали такой поединок. Полученные раньше и свежие раны ослабили Чачанэко Чачану, и он, не пройдя и половины пути, потерял сознание. Лишь увидев, как он потерял сознание, парень-бысым выскочил из лесу и понесся туда. Конь под ним был необыкновенный, и он подскочил к месту прежде, чем успел дойти великан, тоже израненный, ударил и убил его.

Следом прискакал нарт Шабартныко и...: «Быстро! Подними этого парня, я заберу женщину и давай поскорее доставим парня, пока он не пришел в себя. Если он сейчас очнется и узнает, что это ты убил великана, он опечалится, скорее!» – сказал он, подняли они женщину и парня, один – одно, другой – другое, и возвратились к себе.

По их возвращении девушка-бысым быстро вышла к ним навстречу и завернутого в бурку потерявшего сознание юношу отнесла в хачещ. Нарт Шабартныко тоже поставил наземь женщину, которую он вез, и она ушла к себе в кухню. Девушка быстро вбежала в то же помещение и сказала женщине: «Скорее приготовь воды, я буду обмывать раны на теле юноши», – сказала она женщине.

Как она и сказала, женщина быстро приготовила и должное количество воды, и должное количество мыла. А тот парень-бысым и девушка-бысым были по части знахарства такие умелые, что лучше них не сыскать. Брат с сестрой взялись за дело (букв.: *сели возле*) попользовали они его всеми лечебными травами, которые у них были, начисто обмыли, взяли полотенце и вытерли, натерли его маслами из трав, перевязали, пока он еще был без сознания, и уложили.

Он три дня и три ночи лежал так, что, когда они прислушивались, узнавали только, что он дышит, но он не шевелился. Когда наступил четвертый день, он чуть вздрогнул и пошевелился. Со временем он пришел в себя и заговорил:

– Что мне удалось и что случилось? Расскажите мне. Я помнил, что всаднику, выехавшему последним, я нанес ранения. Потом он пошел мне навстречу, я тоже двинулся навстречу ему с намерением подойти и сразить его; но из-за ран, которые нанесли мне все трое, я потерял слишком много крови, поэтому я почувствовал, как сердце у меня забилось часто, голова закружилась. Что после этого случилось, я ничего не помню. Не знаю, случилось ли с ним то же, что и со мной и он умер, или же он ушел и возвратился к себе домой. Расскажите мне, что с ним случилось, – вот так он сказал.

Нарт Шабартныко заговорил, и вот что он сказал:

– Когда ты упал, тут же и наш парень-бысым, выскочил, и я следом выскочил. Но не успел ни один из нас доскакать, как великан, с которым ты сражался, сделав после тебя несколько шагов, упал. Там его и покинула его душа. После того, как его не стало, когда тревога по его поводу ушла, всего важнее был ты, и мы, не надеясь, что ты еще дышишь, думая, что ты умер, подошли к тебе. Парень, что был со мной, положил руку тебе на голову и заявил: «У него жилы еще работают!», а затем быстро *достал свой кинжал и очертил тебя*. Потом он накрыл тебя своей буркой, обернул тебя ею, сразу же сел на коня и сказал: «Подними и подай его мне, если только мы донесем его домой живым, мы не будем искать для него лекаря, чтобы его вылечить, хватит и того, что мы знаем», – сказал он. Вот так я поднял тебя и подал ему. Он тебя оттуда вынес и поехал. Я тоже сел на своего коня, наклонился, поднял к себе женщину и двинулся следом.

По нашем прибытии домой, девушка-бысым вышла навстречу, мгновенно взяла тебя и принесла в хачещ. Женщина, которую я привез, как только стала на землю, ушла к себе в дом. Девушка быстро прибежала к ней и сказала: «Приготовь воды, сколько нужно и мыла, сколько нужно!» – вот так она сказала. Быстренько все приготовили – и воды принесли, и мыла принесли, потом брат с сестрой сели подле тебя, все твои раны промыли, полотенцем вытерли тебя, травные масла в тебя втерли, перевязали и уложили. Три дня и три ночи ты лежал такой, что чувствовалось, что дыхание в тебе есть, но ты нисколько не шевелился. На четвертый день ты немножко вздрогнул. После этого, понемножку <прибавляя,> теперь сам видишь, каким ты стал. Тебе стало получше, – вот так рассказал ему нарт Шабартныко.

Чачанэко Чачана заговорил и сказал так:

– Какая бы беда со мной ни приключилась, какие бы раны на мне ни были, я доволен, если моя доля оказалась счастливее, чем доля тех жестоких великанов, которые говорили мне такие грубые слова и которым и я так же отвечал. Когда я отведал их бульона и поел варева <из их котла>, они попрекнули меня этим, что постыдно; но теперь они достаточно насытились землей.

Вот так ухаживая за ним, держали его три месяца. Ни его брат, ни его сестра не смогли бы лучше, так, не жалея себя (букв.: *не оставляя ничего, что в их силах*), ухаживать, как ухаживали за ним девушка-бысым и парень-бысым.

Пока та компания была всем этим занята, Чачана ни разу не вошел туда и не спросил: «Как у юноши дела?». Но нарт Ша-

бартныко ходил к Чачане, немного сидел возле него, вместе они говорили о том, что им удалось, что из этого дела последовало, вот такое бывало.

Когда он поправился настолько, что если посадить его на коня, было бы впору, да и оружием он мог бы владеть, Чачанэко Чачана заявил:

– Ну, нарт Шабартнук, мы <все же> в пути. Прошли годы с той поры, как я выехал со двора своей матери! И с той поры она, бедная, думает, что Чачана погиб и я пропал, и в таких муках живет. Пусть я и нахожусь возле своего отца, но дела матери плохи. Значит, надо нам отправляться домой. Давай отправимся <дальше> по нашей дороге.

– Хорошо, сын мой, я дожидался того, чтобы тебе стало получше и чтобы твои дела немного наладились, а так я об этом не забывал, – ответил нарт Шабартныко.

Нарт Шабартныко раскрыл парню-бысыму суть дела:

– Чачанэко Чачане стало лучше, он настроился на то, чтобы уезжать. Он исполнил то, в чем ты на него полагался, и доставил тебе радость – и с врагами твоими покончил, и жену тебе вернул. А теперь если ты нас без обиды отпустишь, мы бы уехали, – сказал.

– Очень кстати, очень прекрасно, – ответил парень-бысым. – Вы и дело мое решили, и заботу мою с меня сняли, но, нарт Шабартнук, я еще об одном тебя попрошу, и исполни ее мне. О чем попрошу: этот юноша, что с тобой, он и на добро не бедный, и силой не слабый, если я скажу «один табун лошадей подарю», он у меня не возьмет. Когда ты расскажешь Чачанэко Чачане то, что я тебе сейчас скажу, он и сам засмущается, да и сам я немного смущаюсь, но если я этого не скажу, то кто же скажет, и если тебя не попрошу рассказать, то кто расскажет? Скажу тебе вот что: мы родом богатыри. Моя старшая сестра такой же богатырь, как и я, и с не богатырем, достойным ее, она не сможет жить. И если, уезжая, он не сочтет ее дурной и возьмет мою сестру в жены, я думаю, это укрепит нашу сложившуюся дружбу. Что ты на это скажешь, говори!

– То, что ты мне поведал, – сказал нарт Шабартныко, – я сделаю так, что Чачанэко Чачана не сможет не принять, я засвидетельствую, что лучшей, чем эта девушка, Чачанэко Чачана не найдет. Мне очень по душе стали ее манеры и ее поведение. Сам он тоже должен было что-то заметить такое, а раз уж так, я ему <прямо> все скажу и что он ответит, передам тебе.

Шабартныко вернулся в дом и обратился к Чачанэко Чачане:

– Чачанэко Чачана, есть у меня один разговор к тебе, если позволишь мне, скажу. Смущение, которое может вызвать у тебя мой разговор, оставим оба в стороне, потому что нам нужно поговорить по сути. Разговор, с которым я пришел, я уже сам одобрил, теперь надо сказать тебе. Значит, что ответить, ты сам знаешь. Надеюсь, что ты одобришь то, что я тебе скажу. Если позволишь, то я скажу.

– Говори, Шабартнук, я не отклоню того, что ты одобрил. Если вдруг что и не приму, давай откровенно договоримся, что ты на это не обидишься. А то, что мне будет по душе, я тут же скажу, – сказав так, тут же ответил Чачанэко Чачана.

На том <нарт Шабартнико> рассказал о том, что ему сказал парень-бысым насчет девушки. Когда он это рассказал, Чачанэко Чачана очень сильно смутился.

– Слово, которое ты мне сказал, мне и во сне мне на ум не приходило. Я думал, что ты скажешь о чем-то ином, а не то не дал бы тебе такого слова. Ты мне уже сказал, ты же подвигнул меня принять это, про то я тебе заранее дал [ты с меня взял] слово, и теперь я не отступлюсь. Я тебе расскажу, что я принимаю, расскажу и что не приму, а потом поглядим, как дело будет, – сказал Чачанэко Чачана. – Я выехал <со двора> на поиски своего отца в тринадцатилетнем возрасте. Между теми обидами, которые я терпел от компании <сверстников>, и переживаниями моей матери я не войду со словами «Я нашел такую, которая согласна выйти за меня замуж», чтобы и ты, друг моего отца, был рядом со мной, и сам отец был рядом со мной, чтобы вы составляли мою свадебную процессию, так я не вернусь. Но когда я доставлю отца домой, устрою дела с оставшимися его друзьями и приходящими порадоваться людьми, после того, как я это завершу, тогда я возвращусь и если ничего не случится, я исполню обещание, которое вы с меня взяли. Если не будет так, будь она с золотыми ресницами, я не вернусь домой, привезя отца вместе с ней.

– Хорошо, сын мой, не скажу, будто я не предполагал, что ты так можешь сказать, но я не мог говорить, что вот это вот так, а это – так, пока не услышу слово из твоих уст. Ты правильно сказал, – молвил нарт Шабартнико.

Когда он это передал парню-бысыму…:

– Хорошо, мне большего не надо, только бы он, не отрекаясь от нас, однажды к нам возвратился, – сказав так, согласился парень.

– Раз уж это дело улажено, теперь позаботься о том, как нам отправиться домой; что до наших коней, что до наших дорожных припасов – ты сам знаешь, что нам будет нужно, приготовь <все>, – сказал Шабартнико парню-бысыму.

<Затем> Шабартнико вошел в дом и…:

– То, что ты поставил условием (букв.: *назначил срок*), то и условие, когда бы ты ни возвратился, <будет> готово. А раз так, остается нам только отправиться в обратный путь, – сказав, он сообщил Чачанэко Чачане.

Парень-бысым приготовил им разнообразные дорожные припасы, каковые были достойными для такой компании. Он <также> вывел четырех коней собственной породы, положил на них походные седла и привязал к коновязи. Он вывел и коней, на которых приехали нарт Шабартнико и Чачанэко Чачана и их тоже присоединил к другим коням. <После этого он> вошел в дом и сообщил:

– Нарт Шабартнук, ты старше Чачанэко Чачаны, ты ровесник его отца, поэтому обращаю мое слово больше к тебе. Если я предложу Чачанэко Чачане добро, он у меня не возьмет, что бы я ему ни предложил, он не согласится с этим, про это я больше ничего не скажу. Но чтобы вам легче одолеть переправу через море, что вам предстоит, они приучены так, будто они идут по мосту. Сегодня [с этого дня] вы и я друзья. Эти кони, на которых вы сидите,

для ваших краев неплохие, но так как они не могут сравниться с конями моей породы, мне было бы приятно, если бы вы не отказались сесть на них и на них поехать домой; поэтому я их и привязал [приготовил вам]. <Расстояние>, которое ваши кони пройдут за семь ночей-семь дней, мой конь одолеет за ночь-день. Вот такой резвостью они обладают, – сказал он.

– Хорошо, сын мой, судя по его состоянию, для Чачанэко Чачаны будет очень кстати иметь <доброго> коня и оружие. Пусть мы уже состарились, для него только пора выезжать, а если так, то думаю, <твой дар> очень ко времени, – заявил нарт Шабартныко.

– Теперь, если вы готовы отправляться, я выведу и Чачану, – сказав, парень-бысым вошел к Чачане.

– Чачан, – обратился к нему парень, – я вынудил тебя переживать, ты у нас мучился. Что бы ты ни ел, во что бы ты ни одевался, но ты не был счастлив. Однако дело, которое было у меня к тебе, успешно выполнил ради меня Чачанэко Чачана. От тех забот, что были у меня, он меня избавил, с врагами моими он покончил, и боль с моей души он снял. Теперь они решили сегодня отправиться домой, ты тоже с ними отправляешься, пусть Аллах тебе дарует добро, счастливой дороги, я тебе говорю. Сын твой таков, что мужеством и благородством ни в чем тебе <другим> завидовать нечего, пусть ты увидишь много его удач! Счастливой дороги, говорю! Не поминай меня лихом (букв.: *не окажись не довольным мною*).

– О сын мой, мне радостно, что ты покончил со своими делами, что ты одержал верх над своими врагами. Ты искал меня, далеко заглядывая вперед и на меня полагаясь, и если твое дело завершилось так, как ты рассчитывал на меня, у меня нет недовольства к тебе. Если бы я был при моем сыне (букв.: *при том пареньке*), он бы меня не смог содержать меня лучше, чем ты. А раз так, я тобою доволен, – ответил Чачана.

– Тогда твое дело тоже завершено, ты тоже едешь с ними, – сказал парень, пошел в ту комнату, где хранились вещи и вынес и надел на Чачану шубу из дубленой кожи, подарил ему золотой посох, подарил золотые очки и <с почетом> вывел Чачану из дому. Девушка-бысым пошла навстречу Чачане, стала перед ним на колени и поцеловала ему ноги.

– Спасибо, да продлит бог твои годы! Ты у нас и помучился, и тосковал, теперь счастливой дороги! – сказала она.

Подошли к коням, сели верхом. Белого отцовского коня, на котором приехал Чачанэко Чачана, поставил рядом с собой парень-бысым, коня, на котором сидел нарт Шабартныко, поставил рядом с собой Чачанэко Чачана, и они тронулись в путь.

Когда они переправились через море и некоторое время еще проехали, с ними был и парень-бысым, парню сказали: «Возвращайся».

– Как вы могли такое сказать, видя сегодняшнее состояние и те невзгоды, которые вы из-за меня претерпели, разве так можно! До тех пор, пока Чачана не окажется в своем доме, этого слова вы мне не говорите, я назад не поверну, – ответил парень и не захотел возвращаться.

– Хорошо, больше об этом не будем говорить, – сказали, и вот, едучи, достигли селения, где жил нарт Шабартныко. Въехали они <во двор> нарта Шабартныко и затеяли там <праздновать>, есть-пить, веселиться. Месяца три нарт Шабартныко не отпускал их.

Спустя три месяца компания собралась и отправилась дальше в путь. Нарт Шабартныко тоже поехал с ними, и прибыли они в края Чачанэко Чачаны. Когда они прибыли, никого из них там не могли признать, кроме как белого коня Чачаны.

Те, кто увидел белого коня, помнили, что на нем уезжал Чачанэко Чачана, и теперь только подумали, будто Чачанэко Чачану где-то убили или же он сам погиб, а конь его кому-то <чужому> достался.

Думая так, один из тех, кто помнил белого коня…:

– Пойду-ка к бедной гуаще Чачаны и расскажу ей, что <в компании проезжающих> тот белый конь. Если эта компания и не сможет вернуть ей белого коня, то хотя бы она, бедная, повидает коня, – сказал он и принес эту весть старухе: – О, мать, я тебе принес одну весть, – сказал.

– Что ты мне принес, сын мой? Если радостную весть принес, *награжу,* – сказала старуха.

– Не порадовать я весть принес, а о бедствии весть. Я нежданно встретил, я увидел прямо накануне белого коня Чачаны, на котором уехал Чачанэко Чачана. Если прямо следом за мной не въехали в это селение, то они проехали мимо. Я прибежал, чтобы ты хотя бы посмотрела на белого коня. С тех пор, как уехал Чачана, прошло восемнадцать лет, а как следом за ним уехал Чачанэко Чачана, – пять лет. А раз так, ты, увидев белого коня, будто бы их обоих увидишь, вот за этим я и пришел.

– Очень добрая весть, сын мой, очень хорошо то, что ты мне рассказал! Если ты что-то заметил, я буду тебя спрашивать, а ты отвечай, – сказала она.

– Говори, мать!

– Ты расскажи, сколько всадников было, и тогда я буду знать, что говорить, – сказала она.

– Два старика, два молодых, всего четыре человека. Едут они на конях нездешней породы и белого коня Чачаны ведут за повод.

– Если так, сын мой, ты мне принес весть и о моем белом коне, и о моем Чачане, и о сыне. Осторожно поймай чистокровного жеребчика, которого родила чистокровная кобылица, – это подарок тебе за добрую весть, – сказав, женщина подарила коня.

Пока все это говорилось, прибыла и компания. Въехали в ворота и спешились, попрыгав со своих коней.

Чачанэко Чачана и другой парень, который был их бысымом, стали как хозяева и прошли в дальний хачещ, тот, который больше и куда заходили прибывающие в гости ровесники Чачаны. Затем женщина оповестила и созвала всех в краю друзей Чачаны, которые переживали и приложили свои силы в его поисках. Каждый явился снаряженным, привез с собой и жертвенное животное и всё подобающее к нему, затеяли *джегу* и веселились три месяца. Все это время и нарт Шабартныко, и парень, приехавший с ними, находились вместе со всеми. Шабартныко был среди гостей как

свой <и представлял сторону хозяина>. А среди собравшейся молодежи был своим, принимающим и обслуживающим парень, жену которого выручили <из плена у великанов>.

Когда прошло три месяца, мать Чачанэко Чачаны вызвала Чачану из компании его друзей и сказала им:

– Нынешний джегу и застолье на этом я завершаю. Передайте всем людям, которые не сочли за труд прийти и разделить нашу радость. У меня еще два гостя. Нарт Шабартныко друг Чачаны, он приехал из дальней страны. Кто помоложе его, тот приехал из еще более дальнего края, его тоже уже вместе с другими гостями я отпускаю. На этом передайте всем, кто пришел из нашего края, что они свободны и передайте им от меня «Спасибо».

Компания старейших стала у ее порога, поставили рядом джегуако и оповестили глашатая о том, что было сказано. Глашатай…

– Сегодня завершаем застолье, теперь оставшиеся *гости на ночь расходятся каждый по своим бысымам,* пусть назавтра готовятся к отъезду. Чачановская гуаща сказала вам: «Всем, кто явился разделить мою радость, кто испытывал неудобства, кто устал от пребывания, я говорю «Спасибо!» – вот так было сказано всем собравшимся.

– Очень достойно, очень хорошо, пусть живут в радости, да остаются они <после нашего отъезда> без забот и хлопот! – сказавши, люди разошлись – каждый к своему бысыму.

На следующий день они разъехались, а еще неделю после этого держали у себя нарта Шабартныко и того парня и затем им тоже сказали «Счачстливой дороги!» и отправили домой.

Спустя около года после этого, Чачанэко Чачана сказал:

– Я поеду к тому сроку, который мне был дан, – сказав так, он приготовился, сел на дареного коня, запасся должными припасами, снарядился сполна должным оружием и отправился в дорогу.

Ехал он ехал и прибыл к нарту Шабартныко.

– Ага, сын мой, ты прибыл!? – встретил его радостно нарт Шабартныко.

– Нарт Шабартнук, ты меня засмущал, и я смущаюсь. Но в том моей вины нет, я прибыл, верный слову, которое ты с меня взял, – ответил Чачанэко Чачана.

– Очень хорошо, сын мой! – сказал <тот>, – я тебя чуть заждался, но завтра поедем. Я тоже поеду вместе с тобой. Поедем вдвоем вместе и исполним это дело, – сказал нарт Шабартныко.

<Потом> нарт Шабартныко дал знать на кухню:

– Приготовь нам на двоих дорожных припасов таких, которые ты обычно готовишь, шабартныковская гуаща, – сказав, он велел передать гуаще.

– Очень замечательно, очень хорошо, с радостью приготовлю! Шабартныко беспокоился оттого, что Чачанэко Чачана по этому поводу не едет, теперь он будет доволен, – сказав, свою радость выразила шабартныковская гуаща.

Шабартныковская гуаща им и припасы приготовила, и наутро велела седлать коней походными седлами, и их седельные сумы заполнила, и велела коней вывести.

Затем они выехали и направились <к своей цели>. Переправились через море и прибыли куда надо. Не успели они подъехать к воротам двора, как парень уж вышел к ним навстречу очень обрадованный. Девушка, <за которой приехали,> смущаясь возраста нарта Шабартныко, из дому не вышла. Она знала, по какому делу те приехали, и вот поэтому она не вышла.

Сидели там три ночи и три дня.

Когда настала третья ночь…:

– Если наше дело готово, мы бы отправились домой просто мне было радостно вас видеть, а так и с первого дня за нами задержки не было бы, – отвечал бысым.

Настала пора уезжать, и девушку вывели из дому. Девушка была старше, а ее брат младше, и подшучивая по этому поводу, он взял ее за руку и вывел; те уже были готовы и сели на коней. Парень тоже сел верхом, потом наклонился, поднял сестру к себе на седло.

– Несмотря на то, что она мне сестра, я выполню обязанности сопровождающего, – сказал он.

– Ладно, очень хорошо! – одобрил нарт Шабартныко.

Двинулись и, едучи, миновали море. Когда они переправились, в том месте сказали парню поворачивать назад.

– Возвращайся, сын мой, – сказал нарт Шабартныко, – достаточно того гостеприимства, которое ты нам оказал. Спасибо! Я друг Чачаны, а раз так, если ты захочешь повидать свою сестру и отправишься к ней, сделаем так: ты заедешь ко мне, одну ночь-один день у меня побудешь, отдохнешь, а потом мы вместе отправимся к Чачане. И на обратном пути ты у меня передохнёшь, а потом поедешь домой; вот так я буду между вами бысымом. Между вами не делая различия, я буду считать вас одинаковыми для меня, – сказав так, нарт Шабартныко велел парню возвращаться.

Чачанэко Чачана наклонился <с седла>, поднял девушку, и они тоже двинулись дальше. Доехали они до <селения> нарта Шабартныко.

Один месяц нарт Шабартныко их держал у себя. Потом с подарками, положенными, когда невесту везут из временного места в дом жениха, он со всем положенным сопровождением, свадебным поездом, он привез Чачанэко Чачану с невестой в их дом.

По прибытии нарт Шабартныко взял на себя все расходы по торжествам и на семь дней он устроил джегу.

– Успеха! Теперь я тоже поеду домой, если я и не сумел сделать всё, что мне положено, не осудите меня, – сказал нарт Шабартныко.

– То, что ты в этом деле преуспел, мы с благодарностью принимаем, – заверила его старуха [Чачановская гуаща].

– В том, что ты сделал, нет ничего ущербного, этот парнишка и не заслуживал такого. Просто ты сам взял на себя труд не ронять ни в чем достоинства нашей с тобой дружбы. Если этот недостойный не забудет этого, если должным образом будет поддерживать отношения с тобой, я буду доволен, если же не оценит, то я не буду им доволен, – добавил Чачана.

На том оседлали ему коня, а дорожные припасы были уже заготовлены, и нарт Шабартныко выехал и уехал к себе.

Чачанэко Чачане как молодожену в селении, куда он возвратился, устроили джегу, устроили обряд возвращения жениха домой, невесту (букв.: *привезенную им*) ввели в дом [устроили обряд ввода невесты в дом жениха], на том завершили джегу, и они остались жить в своем доме.

Вот так, выезжая в зеко и пропадая там по году, заезжая к нарту Шабартныко и приветствуя его, если случалось поехать к шурину, также заезжая и к нарту Шабартныко, там устраивая передышку и затем отправляясь к шурину. А когда и его шурин выезжал, то тоже навещая Шабартныко, а потом вместе приезжая к Чачане, радуясь друг другу, вместе застольничая, поддерживая дружбу, – вот всего этого они достигли и такими остались.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 262–309. Исп. Аюб Хамтоху: 1881 г.р., а. Пчегатлукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 06–08.01.1934 г. И. Цей. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – один из самых пространных из всех записей адыгского нартского эпоса. Как характерно для нартских сказаний относительно позднего этапа продуктивной жизни эпоса, оно по форме испытало сильное влияние богатырской сказки и набирающего силы младшего, историко-героического эпоса. Вместе с тем, устойчивая локализация действий в пределах эпического мира нартских сказаний и присутствие нарта Бадиноко / Шабартныко как одного из ключевых персонажей позволяет признать, что данное сказание правомерно относить к стадии завершения эпосотворчества в системе условностей архаического жанра.

Баджина (*бэджын*) – традиционное адыгское блюдо, разновидность каши.

Адыгэ хабзэ (*адыгэ хабз*) – свод традиционных правил этикета и других коммуникативных установлений, регламентирующий стандарты общения и основные атрибуты ритуалов, связанных с различными ситуациями жизни традиционного общества.

Уашхо (*Уашхъо / Уащхъуэ*) – космическое божество в языческом пантеоне адыгов.

«***…Косо привязав поводок к седлу***» – перед тем, как отпустить коня пастись, поводок прочно привязывали к седлу так, что голова коня всегда была бы повернута в одну сторону. При этом он мог свободно щипать траву, но был вынужден ходить по кругу и не имел возможности далеко уйти.

Шабий (*шабий*) – травянистое растение *коротконожка перистая*; мягкая трава, которую адыги использовали для подстилки.

Великаны-драгуны – со времен Кавказской войны драгуны воспринимались негативно, что и стало причиной образной ассо-

циации грабителей, мифических существ с этим родом войск императорской армии.

Адыгство (*адыгагъэ*) – синоним понятий этикетность, приличие, человечность.

Фасапщи – формула приветствия гостя по адыгскому этикету.

Альп (*алп*) – порода легендарных лошадей, обладающих фантастическими свойствами.

«***Выбирай***» – у наездников и охотников был обычай делиться добычей с первым встречным, независимо от того, кто он.

«***Занял левую сторону***» – согласно этикету, младший из двух спутников должен был находиться слева, уступая старшему почетную и престижную правую сторону.

Сдвоить камчу – подобрать лепесток плети к ручке – так, чтобы не ударять плеткой, а просто черенком касаться шеи или боков коня.

Казщир уц (*къазщыруц*) – трава *горец птичий, спорыш*, низкорослая трава семейства клеверовых, на крутых горных склонах стелется низко, плотно укореняясь отростками на стебле.

Катль-гутль (*къэлъ-гулъ*) – *донник желтый, донник лекарственный*, трава, произрастающая на сенокосах, считается лекарственной и для животных высококалорийной, иногда возделывается искусственно.

Подушки-цыновки – изделия из рогоза, удобные для дневного отдыха; плетения из этого вида растений весьма популярны в традиционной материальной культуре адыгов, они используются и как подстилка на кровати, и как украшение на стене, и как молельные коврики, и пр.

Столы – как у некоторых других кавказских народов, столы у адыгов были переносные, обычно на трех ножках, на каждом столе приносили очередное блюдо.

Сестра стоя справа, юноша – слева – согласно адыгскому этикету, когда рядом идут мужчина и женщина, слева от мужчины может стоять только жена. Все остальные, независимо от возраста и степени родства, становятся справа, что означает отсутствие и невозможность брачных отношений между ними.

Намазлык (*нэмазлыкъ*) – молельный коврик у мусульман.

Кумган (*къубгъан*) – водолей, сосуд для омовения.

«***... не партнер по столу***» – согласно обычаю, за один стол могли садиться только равные по возрасту и социальному статусу.

Если ты не вошел со словами «Салам алейкум!» – имеется в виду, что вошедший соблюдает старые традиции, а не подчинился стандартам новых, мусульманских норм общения.

Усареж (*усэрэжъ*) – ведун, предсказатель. Часто *усарежами* оказываются старухи, но по нашему контексту разобрать пол данного персонажа невозможно, так как в адыгских языках категория рода отсутствует.

Смертоносная стрела – судя по контексту это специальное орудие или снаряд, но ни в мифологии, ни в фольклорных текстах адыгов особый предмет с такой заданной функцией не отмечен.

«***Чорт обери***» – в тексте как сказанное по-русски.

«***Маленький человек», «человечек***» – прозвание обычных людей в речи великанов иныжей в нартских сказаниях и сказках адыгов.

«***...Повернувшись лицом в сторону двоих старших братьев***» – у адыгов было в обычае садиться на коня, повернувшись лицом к дому: если гость, покидая двор, где он был принят, садился на коня, повернув его не головой, а задом к дому, это было знаком того, что он остался недоволен хозяевами.

Оллага – вариант речевой формулы упоминания Аллаха, употребляется для подтверждения истинности высказанного или серьезности намерений.

«***Я тебе привез тридцать стрел для лука***» – эпизод со стрелами, которые приносит противник для героя, – эпическая универсалия, она более разработана в сказании об Ашамезе: противник отдает герою незакаленные стрелы, а сам выпускает в него закаленные, в результате чего герой ослабевает и становится добычей противника. В настоящем тексте на месте этого стрелы, которые не попадают в цель, однако следствие одно – герой попадает в ловушку.

«***Достал свой кинжал и очертил тебя»: «очерчивание» контуров упавшего наземь*** – часто используемое магическое действие, связанное, видимо, с культом железа и призванное предотвратить ухудшение состояние человека, попавшего в состояние, близкое к грани жизни и смерти. При отсутствии холодного оружия могли очертить любым заостренным железным предметом – гвоздем, шилом, шурупом и пр.

«***...Награжу***» – как у многих народов, у адыгов до настоящего времени существует обычай одаривать человека, который приносит радостную весть.

Джегу (*джэгу*) – игрище с застольем, пением, плясками и другими развлечениями.

«***Гости на ночь расходятся – каждый по своим бысымам***» – в случаях, когда в селении у одной семьи собиралось много гостей, для большего удобства их распределяли по соседям. Там содержались их кони, хранились вещи, туда же гости могли приходить на ночь или просто отдохнуть, большее же время проводили на игрищах в доме и во дворе виновников торжества.

41. НАРТ ШЭБАТНЫКЪОРЭ ЧЭЧАНЭРЭ

Бзылъфыгъэр къызэрагъэнэжьыгъэр

Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ зэшъэогъугъэх, зэдэшэсытыгъэх. Зышэсыхэджэ илъэсипшIы мыхъоу къыдэхьажьытыгъэхэп, къепсыхыжьтыгъэхэп. Шэсынхэ зэхъум Чэчанмэ ягуащэ гъумэу, зи ымыгъотыгъэу дэкIыгъагъэх.

Ахэр шэси дэкIыхи зы хэку горэм ихьагъэх. Зызэхахым а чылэм екъэрэгъулэнхэу къэхалъэм дэIыстагъэх. КIакIохэр агъэIылъи, ашъхьэ къэ горэм тыралъхьи еIыстылIагъэх. ГумэкI макъэ тIэкIу къэм къычIэIукIэу зэхахыгъэ. Къэри гъэIылъыгъакIэ. Къэр

атIэкIынэу агу къихьагъ, чIэхъуахьыгъэр зэрагъэшIэнэу. Къэр затIэкIым, бзылъфыгъэ къэнэхъыжьыгъэ чIэлъэу къычIэкIыгъ. Бзылъфыгъэр зэкуом:

– Умыщт! – раIуагъ адыгэ бзэгуджэ.

– Сымыкуо хъуна, сыпцIан, сышъущыщынэжьырэп! – ыIуагъ бзылъфыгъэм.

Щыгъын лыеу ащыгъыхэр зыщахи бзылъфыгъэм ратыгъэх. Зыкъызефапэм, бзылъфыгъэм ыблыпкъ къаубыти, бэным къыдащыжьыгъ.

– Хэтмэ уащыщ, сигуащ? – аIуи зеупчIыхэм, зыщыщэр къариIуагъ.

– УкIожьышъуна уизакъоу? – раIуагъ.

– ШъунэшIу къычэф, – ыIуагъ бзылъфыгъэм, – шъукъызэрыздэуляугъэм нахьыбэ хъунэп, тадый шъукъыздынэс!

– Тыкъыбдынэсын! – раIуагъ. Iэгум нэсыхи, бзылъфыгъэр аужы итэу дэхьажьыгъэх.

– Тян, пчъэр Iух! – ыIуишъ, бзылъфыгъэп пчъэм еуагъ.

– «Тян» къысиIонэу сэ сиIэжьэп, нынэ! – къыIуагъ. – Зыпхъу сиIэти, дунаер зихъожьыгъэр тхьэмафэ хъугъэ.

– Ау умыIо, тян, Iух! Зэ уадый сыкъигъахь! – ыIуагъ бзылъфыгъэм, янэ ыцIэ риIуи.

Пчъэр фыIуихыгъ. «Тянэ гуащ!» ыIуи бзылъфыгъэм янэ зыжэхидзагъ, хъулъфыгъэ шъуашэджэ зэрэфэпагъэу. Янэ щти мэхыгъэ. А чIапIэм бырсыры хъугъэ унэгъо кIоцIэр. ЦIыфхэр къырагъэолIагъэх ахэгущэIэнхэу. Ягъунэгъоу екIолIагъэмэ а бзылъфыгъэу лIагъэр къэкIожьыгъэу алъэгъугъ. АгъэшIэгъуагъ.

– ШъунэшIу къычэф, – ыIуагъ бзылъфыгъэм, сыкъэзыщэжьыгъэ хьакIэхэр мы Iэгум дэшъумыгъэкIыхэу къежъугъэблэгъэнджэ.

Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ унэм къырагъэблэгъагъэх. ЦIыфэу рихьылIагъэхэр хьакIэхэм яупчIыгъэх. Зэрэхъугъэу зэреолIагъэхэр Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къаIотагъ. ЦIыфымэ ашIошъы хъуIотыгъэп. ИтIуанэ ашIошъы а чIыпIэм щыхъугъ, цIыфымэ янэрылъэгъоу. ХьакIэхэр къыдамыгъэкIыхэу зы тхьэмафэ ахьэкIагъэх, чылэр къягугъугъ.

– Къинэу къыдэшъулъэгъугъэмджэ тыпфэраз, тхьаугъэпсэу! – аIуи Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къыдэкIыжьыхи гъогум къытехьажьыгъэх.

Чэчанэ икIодыкI

Хы Iушъо горэм къынэсыжьыгъэхэу Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ къырекIокIыжьыхэзэ, къызызэплъэкIыхэм аужыпкъэджэ зы шыу горэ къакIоу алъэгъугъ.

КъэуцуаIэхи, къызкIагъэхьагъ. КъакIэхьагъэр шы къэрэ шIуцабзэ тесэу, цыепхъэ цые щыгъэу, ыбгы щэрэч къекIокIынэу псыгъоу щытыгъ. Къагохьагъэу къаготэу къадакIо, шыуищэри зэготхэу гъогум къырэкIох, хы Iушъом къырекIокIыжьых.

Зы нахь пэIо къабзэ зыщыгъэу мыхъужьытгъагъэр Чэчан. КъахэIаби, азфагу ит Чэчанэм ипаIо щихыгъ. Къыгъэчэрэгъуи, къыздэкIыгъэм ылъэныкъоджэ ежьэжьыгъ. Шым зэрэтесэу зигъэлъати, хым хапкIи ежьэжьыгъ.

– Шъыдэума, сипаІо ехьымэ, сшъхьэ ехьыба? – ыІуи Чэчанэ бырулэ къабзэм тесэу лъежьагъ. Чэчани хым лъыхэпкІагъ, кІахьэрэп. Адрэри макІо, мыдрэри макІо.

Шэбатныкъо хыІум къыІунагъ. А шыор адрабгъурэ хы Іушъом нэси дэкІыгъ. Чэчанэ зытесышым псэр кІоцІыуцуагъэу бэгыгъэшъ, нэпкъым фыдэкІырэп.

А паІор зыхьырэр къыфэсакъыти, къыІухьи, Іэлъэныкъоджэ къэІаби шэри Чэчани дилъэшъугъэх. Дилъэшъуи зыпсэ хэмыкІыгъэ шэр нэпкъышъхьэм тыригъэгъолъхьагъ, псэр къыхэчъэу. Шэр къэтэджыжьи зиутхыпкІыгъ. Чэчанэ паІор щызыхыгъэм къыгъэшэси:

– Еблагъ, Чэчан! – ыІуагъ.

Чэчанэ хьакІэщым ригъэблэгъагъ.

Чэщищэ Шэбатныкъо Чэчанэ ежагъ, хы Іушъом Іутэу. ЫшкЫн ымыгъотыжьы хъуи, Шэбатныкъо гъомлэпхъаджэ хъугъэ.

– Хъунэп, мы лІым къехъулІагъэр сымышІэу сыІукІыжьынэп, – ыІуи Шэбатныкъо егупшысагъ. Шэу зытесым епсыхи, шым ышъо тырихыгъ. Къэбзэ-лъабзэу зэбгырихи, чъыг горэ Іутыти, зэдыпилъагъ. Непэ фикъутэр къыгуигъэчъымэ ыжъозэ, шэр ыухыгъ.

– Хъунэп, ыдж къызынэсыгъэм, сыамэлыжьэп, – зэриІожьыгъэ ежь.

Шэбатныкъо къежьэжьи къэкІожьыгъ. Чэчанэ шъао къыфэхъугъэу Шэбатныкъо чылэм дэхьажьыгъ. Шы рити, шъаом Чэчанэкъо Чэчан цІэу фиусыгъ.

Чэчаныкъо Чэчанэ ятэ къызэригъотыжьыгъэр

Хэтыхэзэ, ыды Чэчанэ ягуащэ Шэбатныкъо еупчІыгъ лІэр зыдэщыІэмджэ.

– Зыгорэ илъэгъунэу кІуагъэ, ари бэрэ пэмытэу къэкІожьыт, – ыІуагъ Шэбатныкъо.

Чэчанэ псым зыращыгъэр илъэсипшІы хъугъэ. КІалэри кІэлэ Іэхтахъо хъугъэ. КъэІо-Іожьхэр зэхихэу, гу алъитэу кІалэр хъугъэ. «Уятэ Шэбатныкъо екІодылІагъ» раІомэ, кІалэм зэхишІыкІэу хъугъэ. КІалэр Шэбатныкъо дэй кІомэ, ІуупчІахьэу фежьагъ, ятэ иІоф зэригъашІэмэ шІоигъэу ыужы ихьагъ.

КІалэм хьазырэу Шэбатныкъо хигъажъэу фежьагъ. Фимыгъэгъухэ зэхъум, Чэчанэ къехъулІагъэри, ежь шэр зэришкыгъэри, псэури Шэбатныкъо кІалэм риІотагъ.

– ПшІошъ мыхъурэмэ, сыкъыбдэкІонышъ, шым икъупшъхьэхэр зэхэмызыгъэу озгъэлъэгъун, – ыІуагъ Шэбатныкъо.

КІалэм шІошъыпкъэ хъугъэпти, къежьэхи хы Іушъом къэкІуагъэх. КъызэкІохэм, шы къупшъхьэхэм зи ахэмызыгъэу, зэтеусэягъэу кІалэм ригъэлъэгъугъ.

– КІо, идж сыкІожьын пІомэ, о кІожь, сэ Іофым рыкІорэм сеплъын, ыуж зесфэн! – ыІуагъ Чэчанэкъо Чэчан. – ЫджыриІофыр ухыгъапэп, сэ укъэзгъотыт сызщыпфаем.

Шэбатныкъо къэкІожьыгъ. КІалэр хы Іушъом къыІууцуагъ зыщиплъахьынэу, щыкІэупчІэнэу. КІалэр Іашэджи зэтегъэпсахьыгъэ, ау лъэсы. ЛІыжъы горэ хы ныджэм къырекІокІыти:

– Мыщ узэпырыкІымэ унагъо щыса, чылагъо иса? – ыІуи Чэчанэкъо Чэчан еупчІыгъ.

– УзызэпырыкIыджэ мыбащэу унэгъо заулэ ис, – ыIуагъ лIыжъым.

– Шъыд иикIыкIэ хъут, шъыд амал къыфэдгъотын? – кIалэм ыIуагъ.

– ОсIон, сишъау, Iофэр зэрэщытыр, – лIыжъым къыIуагъ. – Адрабгъу узызэпырыкIыджэ хы ныджэ иIэп, зэфэдэу куу нахь нэпкъхэр. Зы пкIэгъуалэ ящэу шищ ащ къызэпырэкIы, мыщ хэгъуалъхьэхэшъ щэчъые. Ащымэ ячъыегъум зытебгъафэу, шым ымышIэу утебанэу узытеIыстэджэ, а шы лъэпкъым щэхъу узэпырихынэу бгъотытэп. Зыдыдзиет, ыкIыIу узыхъуджэ, шъыдэу зишIыгъэджи зыIэкIэмыгъэзы.

– Хъун арымэ! – ыIуи щэджагъор тегъэфагъэу кIалэр апэIыстагъ.

Щэджагъо зыщыхъуным шыхэр къызэпырыкIыгъэх хыныджэм. ЗагъэукIорэи пшахъом хэгъолъхьагъэх. Шыхэр зэчъыехэм, кIалэр афэсакъэу фежьагъ.

МытIыркIаеу къунан горэ ахэтыти, ащ екIошъагъ, зыIэкIигъэфагъ. Къунанэр шIуигъэ,зыдидзыягъ, лъэбжъэуагъэ, зызэримышIыгъэ щыIэп. Ау кIалэм къытIупщыгъэп. Шыхэр зэхэлъэдэжьыхи, кIалэр дырахи псым зэпырышъутыжьыгъэх. Чачанэ зыхьыгъэ лIым шыхэр иехэу къычIэкIыешъ, ащ иIэгу дэлъэдэжьыгъэх.

– ХьакIэшко тиI! – аIуи кIалэр рагъэблэгъагъ. ШкIэхъужъ гъэрищ горэ фаукIынэу агу къихьагъ. Бысымым ышыпхъу дэхэдэдэ горэ Iэщым дэхьагъ. Ар зэрэдэхьагъэр кIалэм шъхьаныгъупчъэмджэ елъэгъу. А бзылъфыгъэ дахэр Iаби, шкIэхъужъым ыIкэм еIишъ, къыубыти, къыIэти, чэум къышъхьадыридзыгъ. КIалэм ыгъэшIэгъуагъ, шкIэхъужъэр фаукIыгъ. КIалэр зэрэкIэлакIэр, ар хым къызэрикIыгъэр агъэшIагъоу афикъугъ.

КIалэр хьакIэщым ис. Бысымым пчъаблэр зэIуихи, акIыб дэдэрэ унэу Чэчанэ зэрысым ихьагъ.

– Чэчан, непэ ой нахьи сынахь лIэбланэджэ мы Iофэр сшIагъэп, – ыIуагъ, – ТхьэмунэшIу къычегъаф, Чэчан, сыолъэIунэу щыт, къинышко сиI, Чэчан, кIуачIэ сыфырикъурэп. Мы укъыздэкIыгъэ лъэныкъом цIыф къэкIыт, ай цIыфикыгъэкIот. Джэнчым къызэригъэлъагъорэмджэ, ар уилъэгъунджэ джэуапы къыпфэхъут къысаIо.

Чэчанэ къэтэджыгъ:

– Укъызэрысэлъэ Iутэр шъыд, сишъау? – ыIуи.

– Чэчан, Iофэу сиIэр – мы унэм сишъуз рахи иныжъмэ ахьыгъэу гъочIэгъым чIэсых. Амал сафэхъурэп кэсхьыжьынэу, – ыIуагъ.

– Шъыд анахь сшIэмэ пшIоигъор, сикIал? – ыIуагъ Чэчанэ.

– УкъыздакIоу, лъэкIэу тиIэмджэ теплъы сшIоигъу къахэтхыжьышъумэ, – ыIуагъ. – Тэ зэщищы тэхъу, амал тафэхъурэп.

– Бэу тыкъыбдэкIон, тишIуагъэ къэкIонмэ, – ыIуагъ Чэчанэ.

Зызэрагъафэхи, ежьэхи кIуагъэх. Амал афэмыхъухэу къэкIожьыгъэх.

ИтIуани кIуагъэх. ИтIуани амал афэхъугъэхэп.

Iофэр зызэхешIыкIым, зыкъаримыгъашIэу адэкIонэр кIалэм ыгу риубытагъ. КIалэм иIашэджэ зиухьазырыгъ. Ежьагъэх. Бысы-

мым ышнахьыкIэр Чэчанэкъо Чэчанэрэ адрэхэм ауж итхэу кIуагъэх. Еуи Чэчанэмдэхэр дэхьагъэх, иныжъхэр дэсэу къычIэкIыгъ. Заор рагъэжьагъ. Бзылъфыгъэр зэрысым римыгъахьэхэу – кIуачIэ фырикъугъэхэп. Ахэр къызыIокIыжьыхэм, Чэчанэкъо Чэчанэ зиухьазыри Iухьагъ. Бысымым ягуащэ зэрыс унэм ихьагъ, къэбарэу щыIэр къыригъэIонэу. Шыхэр игъусэ кIалэм ыIыгъых.

– Шъы пай гущэ укъакIуи, кIал? – ыIуагъ бзылъфыгъэм, – шъы пай зыдябгъэупкIэтахьырэ, сабый цIыкIу. Анахьыжъэр сыхьат горэджэ къэкIожьыт.

Анахьыжъ иныжъэр къыдэхьажьыгъ. Арырэ Чэчанэм ыкъо Чэчанрэ заор рагъэжьагъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ иныжъым иIоф ышIагъ. Ар Чэчанэ елъэгъу шъхьае кIалэр зыкъор, зыщыщэр ашIэрэп. ИтIуанэ агу ифэрэ иныжъэр къыдэхьажьыгъ, зырыз къыдэхьажьыгъоу къыдэхьажьыгъэхэти.

– Хэты яхьамэ къылъфыгъ тиIэгу зыупщIэпIырэр? – ыIоу хъуанэу къыдэхьажьыгъ.

Чэчанэкъо Чэчанэ ащ иIофи ышIагъ. Ящэнэрэри къыдэхьажьи, ащи ай фэдэ къабзэу иIоф ыIуагъ. Ари кIалэм ыукIыгъ. ИзэуакIэ зылъэгъурэ Чэчанэм:

– Хэты ихьакIэми, хэты икIалэми, ар къэхъумэ – лIы хъун! – ыIуагъ.

Бзылъфыгъэр къыращэжьэжьи къащэжьыгъ. Бысымэр Чэчанэ дэй ихьи:

– Чэчан, непэрэ кIалэр пкъонымрэ пшынахьыкIэнымрэ язэу тар къэпштэн? – ыIуи еупчIыгъ.

– ЧъынахьыкIэми хъун, ау скъонджэ къэсэштэ, – ыIуагъ Чэчанэ.

– Ащыгъум, о пкъо ар. Ощ пай, Чэчан, ыгъэгумэкIэу къэкIуагъ, лые отшIагъэмэ, къытэупчIын ыгу хэлъэу, – ыIуагъ.

– Губгъэны хъуна, мыукIытэу садый къихьанджэ, – ыIуагъ Чэчанэ.

КIалэм ригъэупчIыгъэх:

– Шэбатныкъо шъыд илIыIо-лIышъу?

– Бэу псау, бэу ишIугъу, – ыIуагъ Чэчанэкъо Чэчан.

– Ащыгъум пшъхьэ Iуегъэхыжь, ащ нахьыбэу сыоупчIытэпышъ, сишъэогъу псаумэ, икъут, – ыIуагъ Чэчанэ.

ИтуIанэ бысымым иунагъо зэхэIысти, ашыпхъу а кIалэм къыратынэу рахъуахьыгъ. КIалэми раIуагъ.

– А фэдэ Iоф лъэгъун сиIэу сыкъикIыгъэп, – ыIуагъ кIалэм. Ай фэдэ Iоф хъуны хъумэ, ыужыпкъэджэ тызэдэгущыIэжьын. Непэ сыкъызфэкIогъэ тятэ чэжьыт, ай фэшъхьаф Iоф мы чIапIэм щысиIэп, – ыIуагъ кIалэм.

Къаухьазырыхишъ, кIожьыкIэу щыIэмджэ къырагъэжьэжьыгъэх ятэрэ ыкъорэ.

ЫджэрикъэщэжьыкIэу Чэчанэкъо Чэчанэ ятэ къыщэжьыгъ.

НАРТ ШАБАТНЫКО И ЧАЧАНА

Как женщину спасли

Нарт Шабатныко и Чачана были друзьями, вместе выезжали верхом. Когда они выезжали, они раньше, чем через десять лет не возвращались, не спешивались. Когда им <однажды> настала пора выезжать, случилось, что гуаща Чачаны была беременная, но пока не разрешилась.

Они сели на коней и уехали и приехали в какую-то местность. Засели они в каком-то могильнике, чтобы оттуда следить за селением. Они расстелили свои бурки на одной могиле и расселись вокруг. Из какой-то могилы они услышали слабые просящие призывы. Могила эта была свежей.

Решились они раскопать ту могилу и узнать, в чем тут дело. Раскопали могилу, и оказалось, что в ней находится ожившая женщина. Когда женщина стала кричать…

– Не пугайся! – сказали ей по-адыгски.

– Как мне не кричать, я голая, а вас я уже не боюсь! – ответила женщина.

Сняли с себя лишнюю одежду и отдали женщине. Когда она оделась, взяли ее за плечи и извлекли из могилы.

– Из чьих ты будешь, моя гуаща? – когда ее так спросили, она рассказала им, кто она и откуда.

– Сможешь ли ты добраться домой сама? – спросили ее.

– Пусть выпадет мне ваше доброе отношение, – ответила женщина, – не станет для вас это большей заботой, чем то, что вы уже сделали для меня, пойдите со мной до моего дома!

– Пойдем! – ответили ей.

Дошли до ее двора, и женщина вошла следом за ними.

– Мать наша, отвори дверь! – сказав, женщина постучалась в дверь.

– Милая, у меня больше нет той, которая сказала бы мне «Мать наша» – отвечала <ее мать>. – Была у меня одна дочь, но прошла неделя, как она поменяла свет [этот свет на тот].

– Не говори так, мать наша, отвори! Я вернулась к тебе! – сказала женщина, назвав мать по имени.

Та отворила дверь. «Мать наша, гуаща!» – сказав, женщина бросилась к матери, одетая, как была, в мужскую одежду. Мать ее испугалась и потеряла сознание. Тут в доме начался переполох. Созвали людей, чтобы им рассказать, <как было>. Соседи, собравшиеся, увидели ту умершую женщину возвратившейся и подивились этому.

– Пусть выпадет ваше доброе отношение, – сказала женщина. – Прошу вас не отпустить и принять гостями тех, которые привели меня обратно.

Нарта Шабатныко и Чачану пригласили в дом. Люди, случившиеся тут, расспросили гостей. Шабатныко и Чачана рассказали, как было и как они оказались там. Люди в это не поверили. Потом, увидев все в том месте воочью, они убедились, что так оно и было. Гостей не отпускали в течение <целой> недели, все селение ухаживало за ними.

– То зло, которое вы хотели нам причинить, мы забываем. Пусть Бог дарует вам жизнь! – сказав, <они проводили гостей>, и Шабатныко с Чачаной вернулись на свою дорогу.

Исчезновение Чачаны

Доехав на обратном пути до берега моря, едучи по этому берегу, Шабатныко и Чачана, оглянувшись, заметили едущего следом за ними одного всадника.

Они остановились и позволили ему их догнать. Догнавший их сидел на черном-черном коне, был одет в груботканую черкеску, а сам был такой тонкостанный, что пальцы рук могли бы обхватить ее. Присоединился он к ним и с ними едет; все вместе, трое всадников, по побережью возвращаются.

На Чачане была лучшая папаха. <Незнакомец> потянулся, сорвал папаху с Чачаны, что ехал посередине. Развернулся он туда, откуда приехал, и был таков. Как был на коне, так прыгнул в воду и поплыл.

– Отчего это он мою папаху уносит, мою голову уносит? – сказав, Чачана, сидевший на чистом чалом <жеребце>, пустился следом. Чачана тоже следом бросился в воду, но догнать не может. И тот двигается, и этот двигается.

Шабатныко остался на берегу моря. Тот всадник добрался до другого берега и выбрался из воды. Конь под Чачаной нахлебался воды, раздулся, не может выбраться по круче. Тот, что уносил папаху, следил за ним, и он подошел, протянул одну руку и вытащил вместе и коня, и всадника. Поднял он их и коня, который еще не избавился от воды, положил на круче, истекающего водой. Конь поднялся и отряхнулся. Похититель папахи помог Чачане сесть на коня и:

– Еблаг, Чачан! – сказал он.

Пригласил он Чачану в свой хачещ.

Три ночи дожидался Шабатныко, стоя у берега моря. <Наконец> он остался без припасов и стал голодать.

– Так не пойдет, пока я не узнаю, что произошло с этим мужчиной, я отсюда не уйду, – сказавши, так подумал Шабатныко. Он слез со своего коня, <зарезал его>, снял с коня шкуру. Аккуратно разделал тушу и развесил на дереве, стоявшем невдалеке. Отрезая и готовя столько, сколько хватит на сегодня, он так покончил с целым конем.

– Не пойдет <так>, до сих пор я не нашел никакого выхода, – сказал он сам себе.

Шабатныко ушел оттуда и возвратился домой. Он возвратился, когда у Чачаны родился сын. Он подарил ему коня и дал имя – Чачана сын Чачаны.

Как Чачанэко Чачана, разыскал своего отца

Так, однажды гуаща Чачаны спросила у Шабатныко, где ее муж.

– Поехал кого-то проведать, скоро вернется, – ответил Шабатныко.

Исполнилось десять лет, как Чачану увели за море. Сын его тоже стал мальчиком сообразительным. Он слышал суды-пере-

суды, стал понимать. Когда ему говорили: «твой отец пропал по вине Шабатныко», – он это понимал. Стал мальчик ходить к Шабатныко и расспрашивать, предпочитая побольше узнать о своем отце.

Начал юноша прямо упрекать Шабатныко. Когда он совсем уже стал не давать проходу, Шабатныко рассказал юноше и о том, что случилось с Чачаной, и то, как он съел своего коня, – все он рассказал.

– Если не веришь, поеду с тобой вместе и покажу еще не рассыпавшиеся кости коня, – сказал Шабатныко.

Юноша не верил, поэтому они поехали и прибыли к берегу моря. Там <Шабатныко> показал парню кости коня, которые были еще целы и лежали кучей.

– Теперь, если хочешь, поезжай домой, а я тут посмотрю, что за дело будет! – сказал Чачанэко Чачана. – Дело еще не кончено, и когда ты будешь нужен, я тебя найду.

Шабатныко возвратился. Парень же остался у берега моря, чтобы осмотреться там, порасспрашивать кого. Он был хорошо снаряжен оружием, но был пешим. По кромке берега шел какой-то старик, и…:

– Если переправиться здесь, то <на другой стороне> есть ли семья, есть ли селение? – спросил его Чачанэко Чачана.

– Если переправишься, то там не очень много, но несколько семей живет, – ответил старик.

– А каким образом можно туда переправиться, какой способ мы можем найти? – сказал юноша.

– Расскажу тебе, сын мой, как дело обстоит, сказал старик. – Если окажешься на той стороне, там мели нет, все побережье глубокое. Вместе с одним белым конем оттуда три коня переправляются, здесь они ложатся и спят. Если ты сумеешь улучить время их сна и неприметно броситься и оказаться на коне, то только кони этой породы могут тебя туда перенести. Он будет прыгать, когда ты на нем окажешься, как бы он ни делал, не упускай его.

– Хорошо же, если так! – сказал парень и к обеденному времени притаился в засаде.

Как наступило обеденное время, кони переправились на прибрежье.

Был среди них один двухлеток приметный, его приметил и подстерег <юноша>. Двухлеток поскакал, подпрыгнул, бил копытами, чего только он не делал. Но юноша его не упустил. Кони сгрудились, унесли юношу и переправились на другую сторону. Оказалось, что кони эти принадлежали тому мужу, который похитил Чачану, и вбежали к нему во двор.

– У нас дорогой гость! – сказав, приветили парня. Решили они забить в его честь трехгодовалого бычка. Сестра бысыма, очень красивая девушка, отправилась к скоту. Что она туда вошла, парень видит в окно. Та женщина протянула руку, схватила бычка за хвост, поймала его, подняла и перебросила через плетень. Парень этому удивился, между тем ему зарезали того бычка. <Домашние> удивлялись и тому, что парень такой молодой, и тому, как он сумел переправиться через море.

Парень сидит в хачеще. А бысым отворил дверь и вошел в последнюю комнату, где сидел Чачана.

– Чачан, я это сделал не потому, что я сильнее тебя, – сказал он. – Пусть Бог повелит тебе чтобы ты добром ко мне отнесся, Чачан, я вынужден просить тебя, потому, что у меня большая забота, Чачан, а сил моих не хватает. С той стороны, откуда ты явился, человек должен явиться, он еще человека приведет. Как фасоль предсказывает, это будет тот, который за тебя ответчиком станет.

Чачана встал:

– О чем ты хочешь меня попросить, сын мой? – сказал.

– Чачан, дело у меня такое: из этого дома иныжи похитили мою жену, и живут они в пещере. Я не могу найти средства, чтобы ее вернуть назад, – сказал он.

– Что бы ты хотел, чтобы я сделал, сын мой? – спросил Чачана.

– Хочу, чтобы ты поехал со мной, и чтобы мы испытали свои силы, – сказал. – Нас трое братьев, но мы ничего поделать не можем.

– Охотно поедем, если от нас прок будет! – сказал Чачана.

Приготовились, сами поехали. Ничего не сумев поделать, вернулись.

Второй раз поехали. И во второй раз ничего поделать не смогли.

Когда юноша понял в чем дело, он про себя решил в следующий раз отправиться вместе с ними. Юноша снарядился оружием. Тронулись. Младший брат бысыма и Чачанэко Чачана поехали следом за ними. Взяли спутники Чачаны и въехали во двор, иныжи оказались дома. Началось сражение. Не пускали их туда, где женщина сидит, на это <у нападающих> сил не хватало. Когда они отступились, Чачанэко Чачана приготовился и выступил. Вошел он в дом, где сидела гуаща бысыма, чтобы расспросить ее о хабарах. Коней же держал его юный спутник.

– Почему ты прибыл сюда, юноша? – сказала женщина. – Почему ты под меч жертвой лезешь, такой юный. Старший из них [иныжей] через часок будет здесь.

Старший из иныжей возвратился. Он и Чачанэко Чачана затеяли битву. Чачанэко Чачана расправился с иныжем. Чачана все происходящее сам видит, но кто такой этот юноша, никто не знает. Второй из тех иныжей возвратился, так как они возвращались по одному.

– Чьей собаки выродок попортил наш двор!? – говоря так, ругаясь, вошел он во двор.

Чачанэко Чачана и с ним расправился. Возвратился третий, и с ним получилось точно так, как и с теми. Юноша и его победил. Чачана, который видел, как тот сражается, сказал:

– Чей бы это гость ни был, чей бы сын ни был, но когда он вырастет, он будет мужчиной <достойным>.

Увезли женщину и вернули ее домой. Бысым вошел к Чачане и:

– Чачан, сегодняшнего юношу кем бы ты предпочел иметь – сыном или младшим братом? – сказав, так спросил.

– Хорошо, бы и братом, но сыном иметь лучше, – ответил Чачана.

– Так вот, это твой сын. Он приехал, обеспокоенный твоей судьбой, чтобы расспросить нас, не сделали мы тебе чего дурного, – сказал <бысым>.

– *Неприлично будет, если он, не стесняясь, ко мне запросто войдет*, – сказал Чачана.

<Затем> он велел спросить у юноши:

– Как дела у Шабатныко?

– Хорошо живет, в хорошей силе, – ответил Чачанэко Чачана.

– Тогда уходи с глаз моих, больше ни о чем спрашивать не хочу. Для меня достаточно, что мой товарищ жив, сказал Чачана.

Затем семья бысыма села и решила свою девушку выдать за юношу и юноше об этом сказали.

– Я не по этой заботе выехал <со своего двора>, – ответил юноша. – Если такие дела заводятся, об этом мы поговорим после. Сегодня же увезем с собой отца, за которым я приехал, а другого дела у меня в этой местности нет, – ответил юноша.

Приготовились и отправили домой отца с сыном так, как это положено.

Вот таким образом Чачанэко Чачана возвратил своего отца домой.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 253–259. Исп. Исмаил Кушу: 1884 г.р., а. Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 19.05.1959 г. Х. Водождоков. Перевод на русский язык А. Гутова.

«*Неприлично будет…*» – согласно обычаю, сын знатного человека воспитывался в доме аталыка (воспитателя) и не смел до поры показываться на глаза родному отцу. Здесь реминисценция этого обычая.

42. НАТ ЩЭБАТЫНЭКЪОРЭ ЧЭЧАН ЫКЪО ЧЭЧАНРЭ

Чэчанэ лIыжъы хъугъэу тIысыжьыгъэу щытыгъ. Зы мафэ горэм Чэчанэ Щэбатынэкъо дэжь рэкIуагъэ.

– НэкIо, Щэбатынэкъу, тыдэгъэкI'и зыкъэтплъахьын, тикIэлэгъуи тыгу къэдгъэкIыжьын, – риIуагъ.

Чэчанэрэ Щэбатынэкъорэ къагъотыгъэ шIыгъуи щымыIэу къэкIожьхэзэ кIалэ горэ къаIукIагъ. А кIалэр къабгъодахьи шIуфэс къарихыгъ:

– Шъуеблагъ, шъухьакI! – къариIуагъ.

– Тхьэ уегъэун, сикIал, теблэгъэщтэп, – аIуи феблэгъагъэхэп.

ТIэкIурэ аготэу къадэкIуагъ.

Чэчанэ ипаIо шъхьарихи, кIалэр ечэжьэжьыгъ.

– Мы къыслышыгъэр шъыд гъэшIэгъона? – ыIуи кIалэм ыужь Чэчанэ ихьагъ. Щэбатынэкъуи ахэмэ алъежьагъ. КIалэм

Чэчанэ зыкIигъахьи, Чэчанэ щым тырихи рихьэжьагъ. Щэбатынэкъо ахэмэ алъычэ фежьагъ, ау акIэмыхьэзэ кIалэр псы горэм зэпыкI'ыжьыгъ.

Щэбатынэкъо ащ хэхьандж'э щыни, къыгъэзэжьи къэкIожьыгъ.

Чэчанэ ищи яунэ къэкIожьыгъ.

Щым изакъоу къызэкIожьым, Чэчанэ ыужь афынэу, къагъотыжьынэу бэрэ лъыхъугъэх.

Чэчанэ дэкIыны зэхъум ащ ишъуз кIалэ ышъо хэфагъэу щытыгъ. Чэчанэ ежь дэмысэу кIалэ къыфэхъугъ, ащ Чэчан ыкъо Чэчан фаусыгъ.

А кIалэр къэхъуи, илъэс пщыкIутф-пщыкIухым зехьэм, ятэ кIэупкIэнэу ыгу къэкIыгъ. КIалэр янэ еупкIыгъ:

– Тян, тятэ шъыд икIодыкI'? ЛIагъа, аукIыгъа? – ыIуи.

– Уятэ зэрэхъугъэр сшIэрэп, – ыIуагъ янэ. – Уятэ бэрэ цIыфыхэр лъыхъугъэх, ау зи икIодыпIэ къафэгъотыгъэп. Щэбатынэкъо дэжь сыкIо ыIуи дэкI'и къыгъэзэжьыгъэп. Ащ ымышIэмэ, сшIэрэп.

– Ащыгъум, тян, гъомылапхъэ сфэгъэхьазыри Щэбатынэкъо дэжь сыкIощт, – ыIуагъ кIалэм.

КIалэм Iащэхэмдж'э зызэригъафи Щэбатынэкъо дэжь рэкIуагъэ. Чэщым кIалэм зи ымыIоу ешъомэ-ещхэхэу щысыгъэх. Пчэдыжьым кIалэр Щэбатынэкъо еупкIыгъ:

– Сятэ икIодыкI'э шъыд хэпшIыкIыра? – ыIуи.

– Уятэ зэрэкIодыгъэр сэшIэ, ау икIодыкI'э сшIэрэп….

Щэбатынэкъо къыригъажьи, зэужьэ зэрэхъугъэр кIалэм къыфиIотагъ.

– Адэ, Щэбатынэкъу, а псэу зызэпыкI'ыжьыгъэр пшIэжьына? – кIалэр еупкIыгъ.

– Боу сшIэжьын, нэфагъэ фэсшIыгъагъ. Мыжъофо Iуслъхьэгъагъ, – ыIуагъ Щэбатынэкъо. Чэчан ыкъо Чэчанрэ Щэбатынэкъорэ загъэхьазыри, а кIыпIэу ыгъэнэфагъэм рэкIуагъэх.

КIыпIэу ыгъэнэфагъэм зынэсыхэм, псы хахьэхи зэпырыкI'ыгъэх. Псым зекI'ыхэхэм, зы унэ горэ шъофым итэу алъагъуи, ащ еIколIагъэх.

Унэм пшъашъэ горэ къикI'и къэлапчэр афыIуихи, лIитIур щагум дищагъ. Пшъашъэр щыуитIумэ гушIозэ къапэгъокI'ыгъ:

– Тхьэм тигъэунэжьи! Шъоры дж'ырэ нэс тызыпаплъэщтыгъэр!

Мыхэр ригъэпсыхыхи унэм рищагъэх, щыхэми уцупIэ афишIыгъ.

А щаоу щыухэу зыдэхьагъэр Чэчанэ зыхьыгъэ кIалэм ищаугъ. КIалэр унэм исыгъэп. Ар къэкIожьэу зелъэгъум, пшъашъэр пэгъокI'и кIалэм риIуагъ:

– Тызажьэу тызыпаплъэщтыгъэр къэсыгъ, – ыIуи.

КIалэр ятэ дэжь ыщэнэу рищэжьагъ. А кIалэм Чэчан ыкъо Чэчанэ зэкIэри къыфиIотагъ:

– Уятэ сэ мыхъун горэ есшIэ сшIоигъоу къэсхьыгъэп. Зи зэужьэмэ анахь дэгъоу сэIыгъы, сызфаещтыгъэр оры ныIэр, – ыIуагъ кIалэм.

– Тэ тянэ иныжъ зэщищмэ ахьыгъэу къэт. Бэрэ къатэтхыжьы тшIоигъоу тыпылъыгъ, ау зи ятшIэн тлъэкIыгъэп. О щэхъу ащ

зи зэрыримышIэшъущтыр къытаIуагъэти, уятэ къэсхьыгъ. Ащ укъызэрылъыкIощтыр сшIэти… – ыIуагъ калэм.

Чэчанэ зыхьыгъэ кIалэмрэ Чэчанэ ыкъо Чэчанэмрэ иныжъмэ адэжь рэкIонхэу загъэхьазырыгъэх. Щэбатынэкъуи ахэмэ адэкIонэу фежьагъ.

Щыуищыр иныжъмэ адэжь ежьагъэх. Иныжъ хэгъуашъхьэм нэсхэу зыфежьэхэм Чэчан ыкъо Чэчан мырэущтэу ыIуагъ:

– Сэ мы иныжъмэ адэжь сыкIощт. Шъо мы кIыпIэм шъыд хъугъэджи шъуIумыкI'.

Чэчан ыкъо Чэчан иныжъмэ яунэ нэсыгъ. Щагум кIалэр дэхьагъ. ПщэрахьыпIэм зы шъуз горэ пщэрахъэу итыгъ. Чэчан ыкъо Чэчан ащ къызелъэгъум, лъэшэу ыгу хэкIыгъ.

– Шъыд гущ мыщ укъээзыхьыгъэр? Мыщ удэкIодэщт. Зыгори псаоу дэкI'ыжьырэп, – ыIуагъ шъузым.

– Ар Iофэп, тян. Мыдэ тIэкIу сыгъашх.

Шъузым къыIуагъ:

– А сикIал, мыр сэ иныжъ зэщищмэ афэсэшIы. Ащ сэ зыдж'и сыхэIэн сыфитэп. СшIырэр афикъущт къодый ныIэп.

Шъузым лы такъыр къыхихи кIалэм къыритыгъ. КIалэм ащ зи къыфишIагъэп. Ежь Iаби ли лэпси зэдж'э зыбгъэдигъэкIуати ыщхыгъ. Зигъэпсэфынэуи адрэ унэм рэкIуи гъолъи чыягъэ.

Шъузэр икIэрыкIэу пщэрахьыкIо ежьэжьыгъ. Пщэрахьынэр ымыухызэ иныжъхэр къэсыжьыгъэх. Иныжъхэр шъузым тэбэнагъэх:

– Упщэрахьыгъэба? – аIуи.

– Сыпщэрахьыгъ, ау зы кIалэ горэ къихьи зэдж'э ыщхыжьыгъ.

– Тэ щыI а кIалэр?

– Унэм ихьагъэу илъ, мэчые. Иныжъхэр губжьыгъэхэу унэу кIалэр зэрылъым ихьагъэх.

– Тигъомылапхъи пщхэу, типIэкIори ухэлъэу, тэдэ укъэкI'ыгъ о?

Иныжъ нахьыжъым нахьыкIэм зыфигъази риIуагъ:

– Мы кIалэр дэщи уищаум укI'ы.

ДэкI'ыхи, зэзаохэзэ кIалэм иныжъэр ыукI'ыгъ. КъэмыкIожьыхэ зэхъум, иныжъ гурытэр етIуани ыгъэкIуагъ. Хъугъэр зелъэгъум, иныжъым еIо:

– Ощ нахь зыхэмылъым сщынахькIэ ыукI'ыгъэу сыдэхэнэп!

НэбгыритIор зэзэонхэу уцугъэх. Зэзаохэзэ кIалэм иныжъэр ыукI'ыгъ. Хъурэр зэужьэ Щэбатынэкъорэ кIалэу игъусагъэмрэ хэгъуашъхьэм Iутхэу алъэгъутыгъэ.

ЫщнахьыкIитIу якъэмыкIожьыдж'э ыгъэгумэкI'ы зэхъум, иныжъ нахьыжъэр къалъыкIуагъ.

КъыздэкIуагъэм щилъэгъугъэр гъэшIэгъоны: ыщнахьыкIитIуи укI'ыгъэу щылъ, кIалэр ахэмэ ашъхьащыт.

– Хъухэнэп ар! КъакIо, дж'ыдэдэм тызэбэныщт. КIалэм икъарыухэр хьазэрэу макI'э хъугъэу щытыгъ.

Бэрэ Чэчан ыкъо Чэчанэрэ иныжъымрэ зэбэныгъэх. ТIуми афэшIэжь хъатэ щымыIэу пшъыгъэх, тIори тэфагъэх. Ар зэлъэгъум, Чэчан ыкъо Чэчан кIалэм къелъэIугъ иныжъым ик'атэ Iапызыгъэу кIыгум тэлъыгъэти, къыIэкIигъэхьанэу.

К'атэр кIалэм IэкIигъэхьагъ. Чэчан ыкъо Чэчан иныжъым еуи ыукI'ыгъ. Чэчан ыкъо Чэчан пшъыгъэу, уIэгъэхэри тэлъэу щытыгъ. КIалэр унэу ятэ зэрылъыгъэм къахьыжьыгъ.

Чэчанэ зыхьыгъэ кIалэмрэ Щэбатынэкъорэ иныжъмэ яунэ рэкIохи, шъузэри, егъашIи иныжъмэ аугъоигъэ мылъкухэри къащи къэкIожьыгъэх.

КIалэу зянэ шъхьафит ышIыжьыгъэм Чэчанэ ыкъо Чэчанэ къыфишIэщтыр ышIагъэп. ЫIщыпхъу къыфигъэшъуащи къыритыгъ. Ау Чэчанэ ыкъо Чэчан пшъашъэр шъузэу къыздищэу къэкIожьынэу фэягъэп, «Ятэ лъыхъоу дэкI'ыгъэти, шъуз къыщи къэкIожьыгъ» язгъэIонэп, ыIуи.

Чэчани, ыкъуи, Щэбатынэкъуи зэгъусэхэу къежьэжьыгъэх. КIалэм ахэр Щэбатынэкъо адэжь нэс къыгъэкIотэжьыгъэх. Щэбатынэкъо джэгуфо Чэчанэ фишIыгъ. КIалэм ыгъэзэжьи рэкIожьыгъэ. Ащ ыужьым Щэбатынэкъуи ягъусэу Чэчанэ яунэ къэкIожьыгъ.

Тхьэмэфэ джэгу фашIыгъ. Ащ ыужь бэ тэмышIэу Чэчан ыкъо Чэчан рэкIуи, пшъашъэр къыщагъ. Псаоу тхъэжьэу къызэхэнэжьыгъэх.

НАТ ЩАБАТЫНОКО И ЧАЧАНА СЫН ЧАЧАНЫ

Было так, что Чачана состарился и отошел от дел (букв.: ...*осел*). Однажды он отправился к Щабатыноко.

– Пойдем, Щабатынук, выйдем, осмотримся, молодость нашу вспомним, – сказал он.

Возвращаясь без особо большой добычи, Чачана и Щабатыноко повстречали одного парня. Этот парень приблизился к ним и приветствовал:

– Добро пожаловать, будьте гостями! – сказал он им.

– Спасибо (букв.: *пусть бог дарует тебе благо*), добрый юноша, не станем гостями, сказали они и отказались.

Некоторое время он ехал рядом с ними. <Потом> парень сорвал папаху <с головы> Чачаны и поскакал.

– Что это такое? – воскликнул Чачана и погнался за парнем. Щабатыноко тоже пустился вслед за ними. Парень подпустил Чачану близко к себе, сорвал его <самого> с коня и понес. Щабатыноко гнался за ними, но не успел он догнать, как парень прыгнул в какую-то реку и переправился через нее. Щабатыноко не решился прыгнуть туда, повернул и возвратился.

Конь Чачаны тоже возвратился к себе домой.

Когда конь вернулся один <без седока, домашние> долго искали его следов и его самого.

Ко времени, когда Чачана собрался уезжать, жена его была беременной. <Вот так> в отсутствие Чачаны у него родился сын, и ему дали имя Чачана сын Чачаны. Этот мальчик вырос, и когда достиг лет пятнадцати-шестнадцати, решился он разузнать о своем отце. Парень спросил у своей матери:

– Мать наша, как *пропал* наш отец? Умер он или его убили? – спросил он.

– Я не знаю, что с твоим отцом случилось, – ответила мать. – Люди долго искали твоего отца, но так и не смогли найти следа его

исчезновения. Он уехал, сказав «Еду к Щабатыноко», и не вернулся. Если он не знает, то я не знаю <ничего>.

– В таком случае, мать наша, приготовь мне дорожные припасы, и я поеду к Щабатыноко, сказал юноша.

Парень снарядился оружием и отправился к Щабатыноко. В ночь юноша ничего не говорил, провел время в еде-питье. Утром он спросил у Щабатыноко:

– Что ты знаешь о пропаже [о том, как пропал] моего отца?

– Знаю, что твой отец пропал, но как пропал – не знаю...

Щабатыноко начал рассказ и поведал парню всё, как это было.

– А не сможешь ли, Щабатынук, припомнить ту реку, через которую он [похититель] переправился?

– Еще как смогу, я там примету оставил. Я положил там большой камень, – ответил Щабатыноко.

Чачана сын Чачаны и Щабатыноко приготовились и приехали к тому месту, которое было помечено.

Достигнув помеченного места, они вошли в реку и переправились через нее. Когда они переправились через реку, они увидели в долине один дом и подъехали к нему. Из дому вышла одна девушка, открыла им двери крепости и ввела двоих мужчин во двор. Девушка встретила всадников радостно:

– Бог нас одарил! Это вас мы до сих пор дожидались!

Она дала им спешиться и повела в дом, коням тоже нашла пристанище.

Тот двор, в который въехали всадники, был двором парня, похитившего Чачану. Самого парня дома не оказалось. Когда девушка увидела его возвращающимся, она вышла ему навстречу и сообщила:

– Те, кого мы ждали и дожидались, прибыли, – сказала она.

Парень, похитивший Чачану, обратился к Щабатыноко:

– Мне думается, этого юношу надо отвести к его отцу.

Он повел юношу к отцу. <По пути> тот парень рассказал всё Чачане сыну Чачаны:

– Я похитил твоего отца не за тем, чтобы сделать ему что-то недостойное. Я его содержу лучше любого другого. Мне нужен был ты, – сказал парень. – Наша мать похищена тремя братьями-иныжами и находится у них. Много раз мы пытались отобрать ее у них, но ничего не смогли поделать. Нам было предсказано, что кроме тебя никому их не одолеть, поэтому я и похитил твоего отца. Потому что я знал, что ты за ним приедешь, – сказал парень.

Парень, похитивший Чачану, и Чачана сын Чачаны приготовились, чтобы отправиться к иныжам. Щабатыноко тоже собрался ехать вместе с ними.

Трое всадников отправились к иныжам. Когда они приблизились к Стране иныжей, Чачана сын Чачаны вот так сказал:

– Я отправлюсь к этим иныжам. А вы, что бы ни случилось, с этого места не сходите.

Чачана сын Чачаны достиг жилища иныжей. Он въехал во двор. В *пщарахыпа* находилась одна женщина, которая стряпала. Увидев Чачану сына Чачаны, она сильно встревожилась:

– Какая беда тебя привела сюда? Ты здесь погибнешь (букв.: *пропадешь*). Отсюда живым никто не уходит, – сказала женщина.

– Это не беда, мать наша. Ты меня немного покорми.

Женщина ответила:

– О сын мой, я это готовлю для трех братьев-иныжей Я не вольна брать оттуда ничего. То, что я приготовила, еле хватит им.

<Все же> женщина достала кусок мяса и дала его юноше. Парня это нисколько не насытило. Он сам потянулся, придвинул к себе и мясо и бульон и <всё> съел. Он отправился в другую комнату, чтобы отдохнуть, разлегся и заснул.

Женщина заново принялась за стряпню. Она еще не успела приготовить, как иныжи возвратились. Они набросились на женщину:

– Ты приготовила? – спросили.

– Я приготовила, но явился какой-то юноша и всё съел.

– Где этот юноша?

– Вошел в дом и там лежит, спит.

Иныжи, разгневанные, вошли в дом, где спал юноша.

– Откуда ты явился такой, чтобы и нашу еду съесть, и на нашей постели спать?

Старший из иныжей обратился к младшему:

– Выведи этого юношу и за двором убей!

Вышли они, стали драться, и юноша убил иныжа. Когда <младший брат> стал задерживаться, <старший> отправил за ним среднего. Увидав то, что случилось, иныж [средний брат иныжей] говорит:

– Чтобы ты, такой <невзрачный>, убил моего младшего брата, я тебе этого не прощу!

Двое стали друг против друга для поединка. Дрались, и юноша <этого> иныжа <тоже> убил. Всё происходящее видят Щабатыноко и его спутник-парень, стоящие поодаль.

Младшие братья долго не возвращаются, поэтому старший из братьев-иныжей встревожился и отправился за ними. То, что он увидел, когда явился, было поразительно: оба его младших брата лежат убитые, а юноша стоит над ними.

– Это совсем не пойдет! Иди сюда, мы сейчас же будем бороться.

Юноша потерял много сил и был несколько ослаблен. Долго боролись Чачана сын Чачаны и иныж. Оба обессилели настолько, что ничего значительного поделать не могли, оба упали без сил. Видя это, Чачана сын Чачаны попросил парня <, похитившего Чачану,> подать ему меч иныжа, выпавший из рук того и лежащий в стороне. Парень подал меч. Чачана сын Чачаны ударил и убил иныжа. Юноша был уставший и весь израненный. Его подняли и принесли в тот дом, где находился его отец.

Парень, похитивший Чачану, и Щабатынуко вошли в жилище иныжей, забрали оттуда женщину, все добро, которое иныжи накопили за свою жизнь, и возвратились домой. Парень, мать которого вызволил Чачана сын Чачаны, не знал, как отблагодарить его. Посчитав <ее> достойной того, он выдал за него свою сестру.

Но Чачана сын Чачаны не захотел возвращаться с невестой: «Проехал на поиски отца, а возвратился, привезя жену, – не хочу, чтобы так обо мне говорили», – заявил он.

Чачана, его сын, Щабатыноко – все вместе поехали назад. Парень их проводил до дома Щабатыноко.

Щабатыноко устроил Чачане большой *джегу*. А парень возвратился к себе. После этого все вместе с Щабатыноко приехали к Чачане.

<Там> устроили недельный джегу. Немного времени спустя после этого Чачана сын Чачаны поехал и привез девушку. Остались они жить поживать.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 259–262. Исп. Шаофиж Хагур: 1879 г.р., а. Натухай Адыгеи; шапсуг. Зап. 21.05.1959 г. в Майкопе Н. Шишева. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания о вызволении героем своего отца из плена у чудовищ великанов-иныжей. Главным героем выступает не центральный персонаж цикла, а сын его товарища по воинским походам, сам же он представлен здесь и в других известных вариантах как помощник героя. Примечательна многоступеньчатость активных действий в повествовании: иныжи похищают жертву (женщину) – сын похищенной, в свою очередь, похищает славного наездника (Чачану), у которого должен родиться еще более славный сын (Чачана сын Чачаны), – сын находит пропавшего отца, расправляется с вредителями-иныжами и женится.

...пропал – слово *кIодын / кIуэдын* (букв.: *пропасть*) вторым своим значением имеет смысл *погибнуть*.

Пщарахыпа (*пщэрахъыпIэ*) – помещение (кухня), крытое место или открытое пространство, предназначенное для приготовления пищи.

Джегу (*джэгу*) – игрища с застольем, музыкой и состязаниями.

43. ПЩЫБЭДЭНОКЪУЭРЭ ЧАУШЫРЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Пщыбэдэнокъуэрэ Чаушырэ зэныбжьэгъуфIу, зы къуажэм дэмысу, жылэ зэпэжыжьитIым дэсхэу щытащ. Чаушыр щIалэ закъуэу и закъуэ къикIухьу зэрыщытым къыхэкIкIэ, Пщыбэдэнокъуэ ныбжьэгъу ищIауэ дэнэ кIуэми зыдэкIуэ<у> щытт.

Зэгуэрым Чаушы и деж Пщыбэдынокъуэр кIуэри, унэ дэгъуэ, псэуалъэ хуригъэщIыри, пхъурылъху дэгъуэ иIэт Бэдэнокъуэми, къыхуишэри, «Фыпсэу», – жиIэри къэкIуэжащ.

Мазэ зыхыбл дэкIауэ, Чаушыр къежьащ, «ПщыбэдынокъуэсигукъэкIащи, сыкIуэнщи слъагъунщ», – жиIэри. КъыздэкIуам, гъуэгум щырихьэлIащ, зы нысащIэ гъуэгыу иныжьитIым яхьу. Чаушым къигъэувыIэри елъэIуащ:

– ДахэкIэ мы бзылъхугъэр къэвутIыпщ! – жиIэри.

Ядакъым:

– Дэ зы шу хьэулей къыдихьэлIэрэ «КъэвутIыпщ!» – жиIэкIэ, дыутIыпщыну ахуэдэу къетхьэжьакъым, – жаIэри.

– АтIэ, хъунщ, – жиIэри, и сэшхуэр къырихыри, тIурикI иукIыри, нысащIэр зе<й>м яхуишэжыри иритыжащ.

НысащIэр зехэм «афэрым» къыжыраIэри, ирагъэблагъэри, ефэ-ешхэшхуэ къыхуащIыри, <Чаушыр> къежьэжащ. КIуэурэ Пщыбэдэнокъуэиджэнэсыри, быдэу загъэпсэхури, зекIуэкIуэнхэу загъэхьэзырыри ежьахэщ. ЗыдэкIуэнум нэсхэри, шы гуп къырахужьэри шыкIэм Пщыбэдэнокъуэ щыту, шыпэм Чаушыр щыту къахурэ пэт, зы шу, пщIэгъуалэ кIэщI тесу, цей джэху Iэщхьэ кIэщI щыгъыу, Чаушым екIуэлIащ, еупщIащ:

– Ухэт? – жиIэри.

– Сынарт Чаушщ, – жыриIащ.

– АтIэ, армэ, хъунущ, – жиIэри, бгъэдэкIыжыри кIуэри Пщыбэдынокъуэм бгъэдэхьащ. АбикI еупщIащ:

– Ухэт уэ? – жиIэри.

– Сы-Пщыбэдэнокъуэщ, – щыжиIэм, пхъуэри, шым тыричыри, и блэгущIэм щIилъхьэри, щIэIэри ежьэжащ.

Чаушыр зэплъэкIыри Пщыбэдэнокъуэр яхьу щилъагъум, и ужь иувэри щIэпхъуащ. Шур жэуэрэ хы фIыцIэм и нэси и хэпкIи зэуэ хэпкIэри ежьэжащ. Чаушыри псы Iуфэм нэсыри, сыт ищIэнт, хэмыхьэфу къигъэзэжыри, шыр къихури къэкIуэжащ.

Чаушыр зыдэкIуэ щымыIэу, зекIуи мыкIуэжу, цIыхухэми гу къылъатауэ, Пщыбэдэнокъуэ щхьэкIэ щыгъуэу зы зэман заулыр щысауэ, шэсыри, Пщыбэдэнокъуэ и фызым и деж кIуэри жыриIащ:

– Сэ сызэрыпсэужыным сыхуеижкъыми, Пщыбэдэнокъуэзыраха хым сыхэлъэнщи, ситхьэлэнщ, е сызыпырыкIынщи Пщыбэдэнокъуэ къэзгъуэтыжынщ, – жиIэри, еуэри, ежьащ.

КIуэурэ хым и Iуфэм нэсыри, хэпкIэри и лъэрыгъым къэмысу зэпырысыкIащ. ЩIылъэм теувэри, зиплъыхьыри зыри илъэгъуакъым. Ежьэри зыбжанэрэ кIуауэ, жыжьэу плъэри зы унэ закъуэ илъэгъуащ. Абы кIуэри, дыхьэри унэм еблэгъащ. Ирагъэфащ, ирагъэшхащ. «Сыт щхьэкIэ укъэкIуа?» – жаIэу къемыупщIу махуипщIкIэ щыIащ.

А унэр зейр зы нарт пелуан гуэрт, Пщыбэдэнокъуэ зыхьари арат. Пщыбэдэнокъуэ а пщIантIэм дэт унэхэм ящыщым щаIыгът, ягъашхэу, ягъатхъэу. Пщыбэдэнокъуэм зэхихащ: «Зы щIалэ къэкIуауэ зыбжанэ хъуауэ дэтщ», – жаIэри. Пщыбэдэнокъуэ щIэупщIащ:

– Сыт и шыфэ-лIыфэ?

– И шыр алъпщ, и фэр шы къарэ лъакъуэхущ, натIэ фэкъущ, зэ бакъуэм тIэу малъэр, къакIуэу уеплъам, нэр тепыIэкъым, щIэпхъуам, напIэр дэпхьейуэ къепхьэхыжыхукIэ, плъагъуж-къым. Езыр щIалэ къуданщ, уеплъынкIэ зыщыбгъэнщIкъым,

къоплъам, узыфIегъалIэр, лIэн хуейр абы пыреув, аращ и шыфэлIыфэр, – щыжыраIэм, къицIыхуащ, «Ар Чаушырщ», – жиIэри.

– АтIэ, Iэмал иIэу щытым, а щIалэр къысхущIэвгъыхьэ си деж, – жиIэри елъэIуащ.

ЩIагъыхьащ щIалэр. TIури зэрыцIыхужыри IэплIэ зырашэкIащ.

Чаушым жиIащ:

– СыщIэкIынщи пщIантIэр зери зымери зэтезукIэнщ,– жиIэри.

Пщыбэдэнокъуэм идакъым:

– Сэ мыбы зы мурад гуэркIэ сыкъахьащи, ар зэхэдгъэкIыххэнщ, армырым, мыхуэду сагъэтыншынкъым, сагъэтхъэнтэкъым, – жиIэри.

Чаушыри Пщыбэдэнокъуэри зэдэщIыгъуу унэм къыщIэкIхэри хозяным и унэмкIэ кIуахэщ. Хозяныр ягъэтIысыри, Чаушым къыригъажьэри жиIащ:

– Мы Пщыбэдэнокъуэ щхьэ къэпхьат, сытыри хуимурада? – жиIэри.

Хозяным къыригъажьэри жиIащ:

– Сэ зыбжанэ щIауэ мы щIыпIэм сисщ. Сэ пелуаныгъэкIэ къыстекIуэри, мащIэу, цIыхукIи сымымащIэу, зыгуэрым дезэуэн хъуами, дытекIуэфу дыщытурэ, зэгуэрым, сэри сыщымыIэу, Купсэ зэшищыр къакIуэри си фызыр яхьауэ сыкъырихьэлIэжащ. «Къатесхыжынщ», – жысIэм, дзэ есшалIэрэ секIуалIэм, дзэр къаухыурэ си цIыхур сыухыри сытIысыжауэ сыщысу, зы жэщ гуэрым пщIыхьу слъэгъуащ: «Мы уи щхьэгъусэр уэ къэпхьыжыфынукъым, ауэ мохуэдэ хэгъогум щыIэщ Пщыбэдэнокъуэрэ Чаушырэ жаIэу зэныбжьэгъуитIи, ай тIум, къыпхуахьыжынщ», – жаIэу. Сынежьэри илъэсищкIэ фи хэгъуэгум ситащ, фызмыгъуэту, фэ щхьэкIэ сылъыхъуэу. Фызмыгъуэтыххэ хъури, сыкъэкIуэжыну сыкъежьэжауэ, шы гуп къахуу щыслъагъум, къэсщIащ: «Мыбы нэскIэ къэкIуауэ шы зыхуфхэр митIурщ», – жысIэри. Сывбгъэдыхьэри, сывэупщIыри, шыпэм щытыр къесхьэжьэм, шыкIэм щытым сигъэкIуэнукъыми, шыкIэм щытыр Пщыбэдэнокъуэти, ар къесхьэжьэри къэсхьащ. Уэ абы укъызэрыкIэлъыкIуэнур сщIэти сыппэплъэу сыщысу арат, – жиIащ.

Пщыбэдэнокъуэ унафэ ищIыри ежьахэщ. КIуэм-лъеуэрэ зыбжанэрэ кIуахэу, бысымым жиIащ:

– Модэ мо унэ закъуэр аращ си фызыр зыдахьар, – жиIэри.

– АтIэ, фетIур мо мэз кIапэм фыхыхьи фыхэт, фыкъыхэмыкIыу, сэ «ФыкъыхэкI!» – жысIэхукIэ, – жиIэри Чаушыр ежьащ.

КIуэурэ нэсащ, пщIантIэм дыхьэри, пщIантIэр ятIэ илъхьагъащIэу щытти, шыр щигъэджэгури хьэлэчу шы лъабжьэкIэ къыриудащ. И шым епсыхыри, пхъэлъатхъуэм фIидзэри, унэлейм Iугъуэ къырихути, абыкIэ щIыхьащ. Абы зы бзылъхугъэ щIэсти, нэхъ дахэ набдзэ зытелъым я нэхъ дахэт. ПщафIэу щIэтт унэлейм.

Чаушым жиIащ:

– Сыкъэгъашхэ, мэжалIэ солIэр, – жиIэри.

Бзылъхугъэм жиIащ:

– Сыт уэзгъэшхын, мы супщэфIыр зэшыщим яхурикъун къудейщ, абы щыщ уэстырэ уэзгъэшхым, сэри уэри даукIынщ, – жиIэри.

Чаушыр Iэбэри, къищтэри зыхуем хуэдизыр ишхащ.

Фызым жиIащ:

– Куэпсэ зэшищыр къэкIуэжхэм, уэри сэри даукIынщ, гъази кIуэж, – жиIэри.

Чаушым жиIащ:

– Мыхэр дэтхэнэм я унэ? – жиIэри.

Иригъэлъэгъуащ, зэхэхауэ. НэхъыщIэ дыдэм и унэм щIыхьэри гъуэлъыпIэм гъуэлъащ. Абы илъу, Куэпсэ зэшищыр къыдыхьэжащ. Я пщIантIэр хьэлэчу къитIыкIауэ, шыри епхауэ щалъагъум, жаIащ: «Мыр хэт, мы ди пщIантIэм къыдыхьэу хьэлэч зыщIар?» – жаIэри. «Ди деж цIыху къыдыхьэ зэрымыхъур имыщIэу, хэт мыбы къыдыхьар?!» – жаIэри, кIуэхэри, унэ лейм щIыхьэхэри бзылъхугъэм еупщIахэщ:

– Хэт мыбы къыдыхьар? – жаIэри.

Бзылъхугъэм жиIащ:

– Сэри сцIыхукъым, зы щIалэ къыщIыхьэри къызжиIащ, «Сыкъэгъашхэ», – жиIэри. Естын щызмыдэм, езыр Iэбэри, къищтэри, зигъэнщIыхукIэ шхэри, унэм кIуэри гъуэлъауэ хэлъщ.

Унэ зыщIэлъымкIэ щIыхьэхэри, хуилъыну нэхъыщIитIыр щыхуежьэм, нэхъыжьым жиIащ:

– И Iуэху зытетыр жедгъэIэнщи итIанэ сыт етщIэнумикI етщIэнщ, – жиIэри.

Чаушыр къэпсалъэри жиIащ:

– Си Iуэху зытетыр бзылъхугъэ фи дей щыIэр схьыжыну сыкъэкIуауэ аращ, фыхуем фыдэлъей! – жиIэри.

Зэшхэр къызэрыщIэшхэри зэрыгъэчэнджэщахэщ, иныкъуэм «Еттыжынкъым, димыукIауэ!» – жаIащ. Нэхъыжь гуэрым жиIащ:

– Ахуэдэу къыдикуу ди деж къэкIуам, зы гугъэ бэлыхь имыIэу къэкIуакъым, абы фытемыгушхуэ, абы нэхъырэ нэхъыфIщ, фызыр хэдгъэдэнщи, ар нэхъ къищтэрэ – еттыжынщ, дэ нэхъ дыкъищтэрэ Чаушым къигъэнэн имыдэм, абы щыгъуэм дезэуэнщ, – жиIэри.

ЩIыхьэжхэри Чаушым жыраIащ:

– Бзылъхугъэм деупщIынщи, нэкIуэжын нэхъ къищтэм – ууещ, нэхъ къимыщтэм – абы щыгъуэ дыдещ, – жаIэри.

Чаушыр абыкIэ аразы хъури, бзылъхугъэм и деж зэрыхуахэщ. ЩеупщIым, бзылъхугъэм жиIащ:

– Уэ къыптехэну бэлыхьырщ схуэмыхьыр, армырым сынэкIуэжынущ, – щыжиIэм, Чаушым жиIащ:

– Абы щхьэкIэ умыгузавэ, накIуэ, – жиIэри, бзылъхугъэр къыщIишыжыри и уанэгум тыригъэтIысхьащ, езыр кIэсыжыри къежьэжауэ къэкIуэжурэ, мо зэшищыр зэрыгъэгубжьыжыри иужь къихьэжахэщ.

Чаушыр зэплъэкIыри мохэр къэсауэ щилъагъум, шым къепсыхыри, бзылъхугъэри къыригъэпсыхыри, шыр абы иритыри Iуригъэшащ. Езбы и щIакIуэр идзыри, «Фыкъытеувэ!» – жиIэри езыр щIакIуэ кIапэм теуващ. Куэпсэ зэшищыри нэсхэри, яшхэм епсыххэри, зэшхэм я нэхъыжьыр кIуэри теуващ.

– Къауэ! – жиIащ Куэпсэ.

Чаушым идакъым:

– Фи дей сыкъэкIууэ, фи фыз къэфхьари схьыжу, ар хъункъэ, къауэ уэ! – жиIэри.

Куэпсэр еуэри Чаушым зыхыригъэсащ, Чаушыр еуэри иукIащ. Адырей тIури иукIащ. ПщыбэдэнокъуэмрэбысымылIымрэ къалъагъу, ауэ «ФыкъыхэмыкI», – жиIащи къыхэкIхэкъым.

Щыри иукIыри, мобыхэми «ФыкъыхэкIыжхэ», – яжыриIэри, ахэри къыхэкIыжхэри, «ФынакIуэ», – жиIэри, Куэпсэхэ я деж кIуэхэри, я мылъкур къызэщIакъуэри, бысым щIалэм и деж кIуэжхэри, быдэу загъэпсэхури къежьэжын щыхъум, бысымым и пхъур фыз етIуанэу Чаушым къыритыри, ари къашэри къэкIуэжахэщ.

СКАЗАНИЕ О ПШИБАДАНОКО И ЧАУШЕ

Нарт Пшибаданоко и Чауш были добрыми друзьями, жили они не в одном селении, а в удаленных друг от друга местностях. Чауш был одинок, и разъезжал он всегда один, поэтому Пшибаданоко и подружился с ним, и они везде ездили вместе.

Однажды Пшибаданоко приехал к Чаушу, отстроил ему добротный дом, добротное подворье; у него была прекрасная племянница, и он выдал ее за Чауша и, сказавши: «живите», сам уехал.

Спустя месяцев шесть-семь, Чауш выехал, сказав: «Я соскучился по Пшибаданоко, поеду повидаю его». Едучи, он повстречал в пути одну плачущую невестку, которую увозили два иныжа. Чауш остановил их и попросил:

– Отпустите эту женщину по-хорошему! – сказал он.

Не согласились <иныжи>:

– Мы не для того ее умыкаем, чтобы отпустить по требованию первого бродячего всадника.

– Ну что же, – сказал Чауш, вытащил свою шашку, убил обоих иныжей, освободил женщину и отвел ее к своим.

Родня невестки поблагодарила его, устроили пир-застолье, а затем он отправился своим путем. Ехал он, прибыл к Пшибаданоко, оба хорошо там отдохнули, затем подготовились к зеко и выехали. Прибыли они туда, куда направлялись, угнали табун лошадей, и когда они гнали табун – Пшибаданоко в хвосте ехал, а Чауш в голове табуна, – повстречался Чаушу один всадник – на белом короткоспинном коне и в светлой черкеске с короткими рукавами.

– Кто ты? – спросил он.

– Я нарт Чауш, – ответил тот.

– Что ж, хорошо, коли так, – сказал всадник, повернул и подъехал к Пшибаданоко. Его тоже он спросил:

– Кто ты?

Когда тот ответил:

– Я Пшибаданоко, – он схватил его, вышиб из седла, уложил его себе под предплечье и, пришпорив <коня>, ускакал.

Чауш оглянулся назад и, увидев, что Пшибаданоко уносят, направился вслед и поскакал. Всадник на скаку прыгнул сходу в Черное море и был таков. Чауш тоже достиг морского берега и, что поделать, не смог прыгнуть в воду, повернул он назад и возвратился, пригнав лошадей.

Чауш <после этого> некоторое время сидел, никуда не выезжая, не участвуя в наездах и переживая за Пшибаданоко, что и люди заметили, а затем сел на коня, отправился к жене нарта Пшибаданоко и сказал ей:

– Я не хочу больше жить, а потому прыгну в море, через которое унесли Пшибаданоко: или утону, или переправлюсь и отыщу Пшибаданоко, – так он сказал, взял и поехал.

Ехал он, достиг моря, прыгнул – и переправился, не омочив стремена. Вышел он на твердь, осмотрелся и никого не увидел. Двинулся он в путь и, проехав некоторый путь, глянул в даль и увидел одинокий дом. Направился он туда, въехал <во двор> и вошел в дом гостем. Его накормили, напоили. Десять дней его держали, не спрашивая о причине его приезда.

Это был дом одного нартского пелюана, он-то и похитил Пшибаданоко. Держали Пшибаданоко в одном из домов, стоящих во дворе, содержали его в довольстве насчет еды и питья. Прослышал он, что явился какой-то наездник и некоторое время пребывает в гостях.

– Как он выглядит? – спросил он.

– Конь его альп, масти черный, белоногий и белолобый, на один шаг делает два прыжка, на ход он таков, что глаза не уследят, если он поскачет, в мгновение ока исчезает из виду. Сам <наездник> стройный, солько на него ни смотришь, не устаешь любоваться, а сам посмотрит – обмираешь, кто хочет умереть, пусть тот против него выступает, вот он каков, – когда так ему ответили, <Пшибаданоко> узнал и молвил: «Это Чауш».

– Ну тогда, если только это можно, пусть он зайдет ко мне», – попросил он.

Пустили парня к нему, и они узнав друг друга, обнялись.

– Выйду и перебью всех, кто в этом дворе хозяин и не хозяин! – воскликнул Чауш.

Пшибаданоко не согласился с этим:

– Меня сюда привезли с какой-то целью, а не то бы за мной так внимательно не ухаживали. Надо сначала с этим разобраться, – сказал он.

Чауш вместе с Пшибаданоко вышли из дому и направились в дом хозяина. Усадили они хозяина и Чауш начал:

– Почему ты похитил этого Пшибадиноко, и какие у тебя намерения?

Хозяин начал и сказал так:

– Я давно живу в этой местности. Мало кто мог потягаться со мной в силе, и немало у нас было людей, если случалось с кемнибудь воевать, мы могли победить; и вот однажды в мое отсутствие напали трое братьев Копса и похитили мою жену – вот такое я застал по возвращении. Я собирал войско, надеясь отобрать <свою жену> у них, но они уничтожали войско, так я исчерпал

своих людей и, не зная что бы поделать, я однажды ночью увидел сон, будто мне говорят: «Свою жену ты сам возвратить не сможешь, но вот в таком-то краю живут два друга, которых зовут Пшибаданоко и Чауш. Вот они вернут ее тебе». Выехал я к вам и три года ездил по вашему краю, разыскивая вас и не находя. Уже не надеясь вас найти и поворотив назад, я увидел табун лошадей, угоняемых вами, и понял, что только вы двое могли посметь явиться сюда и отсюда угнать лошадей. Подъехал я к вам, расспросил и понял, что если похищу того, который впереди, мне не даст уйти тот, который позади. Поэтому я похитил Пшибаданоко, который ехал позади.. Я знал, что ты <рано или поздно> приедешь за ним, вот я тебя и дожидался.

Пшибаданоко отдал распоряжение, и они выехали. Ехали-скакали, ехали-скакали, когда уже долго ехали, бысым молвил:

– Вон в тот одинокий дом унесли мою жену.

– Если так, вы оба войдите в окраину вон того леса, будьте там, не выходите, пока я не скажу «выходить», – сказал Чауш и двинулся.

Ехал он и прибыл, въехал во двор, а <тот> двор был только что <наново> вымазан глиной, он стал гарцевать на коне и безобразно вытоптал весь двор. Сошел он с коня, привязал его к коновязи и, поскольку из пристройки струился дымок, вошел туда. Там находилась одна женщина – прекраснее нет на белом свете среди тех, у кого есть брови. Она готовила еду.

Чауш сказал <ей>:

– Покорми меня, я голоден.

Женщина ответила:

– Чем же я тебя угощу – вот этого, что я готовлю, едва хватит троим братьям. Если я дам тебе из этого и угощу, они убьют и меня, и тебя.

Чауш потянулся, взял сам и съел, сколько ему хотелось. На это женщина сказала:

– Когда трое братьев Копса вернутся, они убъют и тебя и меня. Лучше развернись и уходи.

Чауш на это сам спросил:

– Какая тут комната чья?

Она показала, поясняя. <Он> вошел в комнату самого младшего и улегся на кровати. Когда он там лежал, въехали в свой двор и братья Копса. Увидев, что так безобразно перепахан их двор и что привязан <чужой > конь, они воскликнули: «Кто это въехал в наш двор и так набезобразничал!» – так они сказали. «Кто это прибыл к нам, не ведая, что к нам приезжать нельзя!?» – так сказали они, пошли, вошли в пристройку и спросили женщину:

– Кто сюда приезжал?

Женщина рассказала:

– Я тоже его не знаю, какой-то юноша вошел и сказал мне «покорми». Когда я не согласилась, он сам взял, поел досыта и, уйдя в комнату, там разлегся и лежит.

Вошли в комнату, где он лежит, и когда собирались его проучить, старший <из братьев> сказал:

– Сначала дадим ему высказаться о своем деле, потом сделаем с ним то, что решим, – так он сказал.

Чауш заговорил и сказал так:

– Дело мое такое: я приехал увезти назад ту женщину, которая у вас находится, хотите – прыгайте [нравится вам или не нравится].

Братья вышли и засовещались, кто-то предложил «не отдадим, пусть хоть убъет нас». Снова старший заговорил:

– Кто так без страха к нам прибыл, тот имеет крепкую надежду на что-то. Не относитесь к нему опрометчиво. Лучше будет, если мы самой женщине предложим выбирать: предпочтет его – отдадим, предпочтет нас, а это будет не по душе Чаушу – тогда будем биться.

Вошли они в комнату и сообщили Чаушу:

– Спросим у женщины, и если она выберет тебя, будет твоя, не выберет – тогда она наша, – сказали.

Чауш согласился на это, и все гурьбой двинулись к женщине. Когда ее спросили, она ответила так:

– Мне тяжко за то, что выпадет тебе, а так ухожу с тобой.

– Об этом не беспокойся, пошли, – сказал Чауш, вывел ее из дому, усадил в свое седло, сам устроился сзади и когда он так выехал, те трое братьев сами собой распалились и пустились следом за ним.

Чауш оглянулся, и когда увидел, что они приблизились, он слез с коня, опустил наземь женщину, отдал ей повод и велел отвести коня в сторону. Сам же он расстелил бурку и сказав: «Становитесь!» – стал на один край бурки. Братья Копса прибыли, сошли с коней, и старший из них подошел и стал на другой край.

– Бей! – сказал Копса.

Чауш не согласился:

– Как это – я к вам приехал, добытую вами женщину увожу, и я буду первым бить, – нет, ты бей!

Копса ударил и ранил Чауша, Чауш ударил и убил Копсу. Он так же убил и двоих других. Пшибаданоко и мужчина-бысым видят это, но он им велел не выходить, и они не выходят.

Расправился он со всеми троими, кликнул своим: «выходите», и они вышли. «Поехали», – сказал он, и они направились в дом Копса, собрали все их добро, возвратились к юноше-бысыму, хорошо отдохнули, и когда настала пора уезжать, бысым выдал за Чауша свою дочь второй женой, и с этим они уехали.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 4. Исп. Асланжерий Патук: 1860 г.р., а. Мамхег Адыгеи; мамхегтемиргоевец. Зап. 10.07.1949 г. М. Киримов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант сказания о нарте Бадиноко и его походном друге, имя которого варьируется у разных сказителей. Имя Чауш и клановое наименование Копса встречаются только в данной записи. Остальные компоненты сюжета и типы персонажей характерны для вариантов данного сказания. Основное существенное отличие заключается в области поэтики.

44. НАРТ СОСРЫКЪУЭ, ЕРЫХЪШУ, ЩАБАТЫНЫКЪУЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Щабатынык ъуэкlэ зэджэр зы щlыпlэ щыlащ, нарт Сосрыкъуэкlэ зэджэр нэгъуэщI щlыпlэ щыlащ. ЩIыпIэхэр Iэнэщlу, нартхэр зэрымыщlэу, зэрымыцIыхуу щытащ.

А зэманым нарт Щабатынык ъуэ и хъыбар Сосрыкъуэ зэхихыу, Сосрыкъуэ и хъыбар Щабатынык ъуэ зэхихыу щытащ. «Нарт СосрыкъуэкIэ зэджэр зэзгъэцIыхунщ, зэзгъэлъагъунщ», – жиIэри нарт Щабатынык ъуэр къежьащ. Нарт Щабатынык ъуэ къакIуэурэ Сосрыкъуэ щыпсэу хэкум къэсауэ, Iэхъуэм хуэзэри еупщIащ:

– Уэ, бохъу апщий, Iэхъуэ цIыкIу, нарт хъыбар къызжыIэ, нарт щыхабзэ къызжыIэ.

– Сыт мыгъуэр бжесIэн сэ? Махуэм сыIэхъуэщ, жэщым сыхьэдэ хъурейщ.

Ар щыжиIэм щыгъуэ, <Щабатынык ъуэ> губжьри къеуащ Iэхъуэм зэ:

– Хъыбарыр пэжу къызжепIэркъым, – жери.

Нарт Щабатынык ъуэ къежьэжри зы теуэгъуэ икIуауэ, Iэхъуэр кIэлъыплъри... «Сык ъуэншащ, сыщыуащ, къызэуами, нарт хъыбар жесIэн хуеящ»:

– Уэ, зи уз кIуэдын, къэбгъазэтэм, «Фыз хъыбарщ», – жумыIэмэ, зы хъыбари бжесIэнт.

– Сэ фыз хъыбари содаIуэ, си Iэхъуэ цIыкIу, къызжыIэ, – жиIащ Щабатынык ъуэ.

– АтIэ, нартхэ я санэхуафэщ,
Фадэ фIыцIэр я куэдщ,
Къан хъыджэбзу дахэр я теуэ-тетхэщ,
Гъэлъэхъу пшэрхэри я Iэпэшыпсщ,
Сэтэней гуащэр щхъухьпсыхьыщIэщ,
Жыжьэу укъилъагъумэ,
Щхъухьпсыхь зэхилъхьэнщ,
УигъэкIуэнкъым зыщIыпIэ.
Сэ ныбжесIэ мы хъыбарыр хъыбар пэжщ.
Си лыри тIэкIу къысхуэбгъэузащ,
СыпкIэлъыплъыжри узэрымыхэку шури къэсщIащ,
Уи фэм сынеплъри – усфIэбжьыфIэт.

«Мыр мыбы хэзгъэкIуэдэнкъым, хъыбар пэж жесIэнщ», – жысIэри къозгъэгъэзащ. Сэтэней гуащэр щхъухьпсыхьыщIэшхуэщ. Сосрыкъуэ утекIуэу укъидэнукъым. УщыкIуэкIэ, укъилъагъунущ. Укъызэрилъагъуу, щхъухьпсыхьри зэхилъхьэнущ. Сыт хуэдиз жиIэми, ухуемыблагъэ. И унэIутыр къригъэжьэнщ: «Нарт Щабатынык ъуэ, зумыусыгъуэдж эмэ, си фадэбжьэм къефэ», – къыбжиIэнщ Сэтэней гуащэ. А и унэIутри дахэщ. УщыхуемыплъэкIым, уи япэкIэ къэкIуэнщ. Хьэзыр зык ъищIынщи гъуэгум къытегъуэлъхьэнщ. Айдэ, гъуэгу махуэ, фIым ухуэзэ! – жиIэри нартхэ я деж къиутIыпщауэ, къокIуэ.

Сэтэней гуащэ и унэIутыр псыхьэ кIуауэ шу закъуэ кIуэр илъагъури, и пэгуныр псым къыдинэри езыр Сэтэней гуащэ деж къэкIуэжащ:

– Уэ, Сэтэней гуащэ,

Уэ плъэгъуами ящымыщ,
Сэ слъэгъуами ящымыщ,
Хэтхэ щыщми, сымыщIэ,
Мыбы зы шу бэлыхь къокIуэ.
– Ар сытгуэ, сытгуэ,
Хьэдэрэт хъун?!
– И пэр пшагъуэ мащIэщ,
И щыгум къуанщIэр щохуарзэ,
Ибгъухэм самырыр щоджэгу,
И пхэщIми шэтыр щыухуащ.
– ЩIэхыу си пхъэ вакъэр къызэт!
Пхъэ вакъэм хуэму кърокIуэ,
А пхъэ вакъэмкIэ къакIуэ мыхъуу,
– ЩIэхыу си саур бэщмакъыр къызэт! – жеIэри
Сэтэнейр талаймэ къыщож,
Шу къакIуэр щилъагъум,
И унэIутым хуегъэзэж:
– А шу къакIуэр
Нарт Щабатыныкъуэщ,
Чынтхэр зи ныкъуэкъуэгъущ,
Хьэгъуэ хьэкъукъуэгъу бащэщ,
Емызыр зыхьэхущ,
Хьэхуншэ шущ.
Зи щхьэр дымылъагъуу
Зи гугъум димыкI
Нарт Щабатыныкъуэ къэсащ.
Абы и пэ пшагъуэ мащIэр
И шы пэщхъын бахъэрщ.
И щхьэщыгум къуанщIэу итыр
И шы лъэгум къыщIэху
Шы лъэгу вабдзэрщ.
И бгъуитIым самыру щыджэгур
И лъэрыгъитIырщ.
И пхэщIым шэтыр щыухуар
И шы пхэщI тхъурымбэрщ.
ЩIэхыу щхъухь зэхэфлъхьэ.
Уэ, куэпэчыжь, занщIэу кIуэ,
ЕкIуалIи мыпхуэдэу жеIэ:
«Сэтэней гуащэ фIохъус къыуихащ,
Си фадэбжьи къефэ, зумыусыгъуэджэм», –
ЖеIи къегъэблагъэ, –
ЖиIэу унэм къыщIегъэкI,
УнэIут дахэр къыпрегъажьэ.

– Уэ нарт Щабатыныкъуэу зиусхьэн, ди Сэтэней гуащэм фIохъус къыуихыжащ. «Зумыусыгъуэджэу си фадэбжьэм къефэ», – жиIащ.

Нарт Щабатыныкъуэр къемыплъэкI щыхъум, Iэхъуэжь цIыкIум зэрыжиIам хуэдэу, япэм зыкъригъахуэри хуит зыкъыхуищIащ. ХуеплъэкIакъым, пу нэлат ирихри блэкIащ.

КъуажэбгъумкIэ йох. «Хэт дей сыдыхьэн?» – жыхуиIэщ. Ауэ псори къыщошынэри, зыри къыбгъэдыхьэфыркъым. КъуажэкIэм

нэблэгъауэ, унэ хужь кIыхь щытт. Дыхьащ. Щыдыхьэм, Ерыхъшу къыщIож. ФIохъус зэрахри, иригъэблэгъащ. И шыр шы фIэдзапIэм фIидзащ. Шым зиудэри шы фIэдзапIэр хиудащ.

– Си шым и фIэдзапIэр уэ бгъуэтынкъым, – жиIэри и сагъындакъышэр хитIэщ Щабатыныкъуи, абы и шыр фIидзащ. Шыр еIэри хухэчакъым.

Унэм щIашэри – Сосрыкъуэ нартым я пщу жьантIэм дэст. Сосрыкъуэ къыщылъэтри фIохъус кърихащ. <Щабатыныкъуэ> и къамышыр фIэдзапIэм щыфIидзэм, фIэдзапIэм ишэчакъым. Къамышыр къиIэтыжри, и къамэ Iэпщэм фIидзэри тIысащ езыри. Нартым я пщыр япэ дыдэм тIысащ. Абы къыкIэлъыкIуэу нарт Щабатыныкъуэ, хьэщIэр, тIысащ. Нарт Сосрыкъуэ мыдэкIэ бгъэдэтIысхьащ. Ерыхъшу мыдэкIэ тIысыжащ. Ехъу яукIауэ пылът, ягъавэу. Зэбгъэдэсу хъыбар жаIэурэ лыр вэхукIэ щысащ. Лыр вэщ, хьэзыр хъури, Iэнэм тралъхьащ. Iэнэм тралъхьэри дахэу хьэщIэм щыбгъэдагъэувэм, Сосрыкъуэ дэлъейри Iэнэр имыгъэсысу, шыпсыр иримыкIуту Iэнэгум къыщыфэри къелъэжащ. Щабатыныкъуэ къицIыхуащ, ар зэры-Сосрыкъуэр. Шхахэщ, ефахэщ, затхьэщIыжахэщ. Iэнэр Iуахыжащ. Сосрыкъуэ и джатэр кърихри хьэщIэм и пащхьэм дей джатэдзэр къыдэгъэзеяуэ игъэтIылъащ, дэлъейри, джатэдзэм щызыхитIэри къелъэжащ. И джатэр къищтэжри ирилъхьэжащ.

– Уэ, Сосрыкъуэ,
Сосрыкъуэ напцIэ,
ЛIыпцIэ гъущIынэ,
Жэмыхъуэрылъху,
Укъэзылъхуа хьэбзыжьым
Пу налат есхри сыкъыблэкIащ.
ЛIыгъэр апхуэдэукъым,
ЛIыгъэр мис мыпхуэдэущ зэрагъэлъагъуэр, –

жери, нарт Щабатыныкъуэ и джатэр кърихри джатэ Iэпщэр егъэзыхауэ, джатэпэр дэгъэзеяуэ щIым хисащ. Джатэпэм дэлъейри, щызыхитIэри елъэжащ. ЕIэу джатэр къыщыхичыжым, щтэхэри Сосрыкъуи, Ерыхъшуи, нартым я пщыри къыщIэжахэщ. Еуэри лэгъупыр зыфIэлъа лъахъшищыр пиупщIащ. «Абыхэм леи лIыгъэ зимыIэ хьейхэм я деж щхьэ сыкъэкIуа?» – жери зыри щимыгъуэтыжым, къэшэсри къыдэкIыжащ.

Къызэхуэсыжащ щыри, зэупщIыжхэри – псоми зыми имыщIэу къыщIэкIащ.

– Хэт ар зригъэцIыхуми, си пхъуищым языхэзыр изот, – жиIащ нартхэ я пщым.

Сосрыкъуэ щIэхыу и Тхъуэжьейр къыщIишри:

– Сэ зэзгъэцIыхунщ, – жиIэри кIэлъыщIэIащ. Япэм къыпикIухьри курмыщ хуищIащ. Ижьырабгъур иритри езыр сэмэгурабгьумкIэ бгъурыуващ.

– Уэ, ди хьэщIэ, зи уз кIуэдын, сынолъэIу, зумыусыгъуэджэм, узыщыщ къызжепIэну.

– Ехьей, бжесIэн. Сызыщыщыр пщIэну, узыщыщыр сщIэну аращ сыкъыщIэкIуар. АфIэкI Iуэху сиIэкъым. Зэ щтэгъуэ ущтами, укъызэрызбгъэдыхьам щхьэкIэ фIыщIэ пхузощI, ныбжьэгъу лъыхъуэ сыкъежьащ. Узгъэныбжьэгъунщ.

Абдейм зэгурыIуэри зэныбжьэгъуу зэбгъэдэуващ. Ахэр зэбгъэдэува щхьэкIэ, Сэтэней гуащэкIэ зэджэр тхьэгурымагъуэт. «Си къуэм къытекIуэнущ, – жери мэгузавэ, – Iэмалу сыт есщIэн?» – жеIэ.

Зэныбжьэгъуурэ къыздакIухьурэ, нартыпщым къызэригъэгугъа и пхъури къримыту, Сэтэней гуащэ деж къекIуэлIэжахэщ. «Си фадэбжьэм къефэ», – жиIэу блащхъуэжьей хэсу абы щыгъуэщ къыщритар. Нарт Щабатыныкъуэ и пащIэр жырт. ПащIитIым щIэгуфIыкIри, блащхъуэжьейр пащIэкIэ иукIри, махъсымэр щIифыкIри фалъэр Сэтэней иритыжащ.

– Абы уэ зыри къыузэримыщIэфынур сщIэрт, уи лIыгъэр згъэунэхунути, апхуэдэу щIэсщIар аращ, – жиIащ Сэтэней.

Иджы, Сосрыкъуэрэ Щабатыныкъуэрэ, Ерыхъшу ещанэу, нартым я пщым дей макIуэ.

– Къызэт уи пхъур, къызэптыну жыпIащ, – жриIащ Сосрыкъуэ нартхэ я пщым.

– Уэстынщ, пщэдей пщыхьэщхьэ, – жери къигъэкIуэжахэщ.

Сосрыкъуэ, Щабатыныкъуэ, Ерыхъшу сымэ щыри зэгъусэщ. Абыхэм ящышынэри, «Мыбы ялъэкIынущ, къытпэлъэщын», – жиIэри нартхэ я пщыр хэщIапIэ лъыхъуат. Я хьэпи-шыпи зэщIакъуэри, кIуасэри, къуршым жэщым кIуэри бгъуэнщIагъым щIэтIысхьахэщ. Я бжэм абрэмывэ IуагъэукIуриежащ.

– ЛъыхъуакIуэ сежьэнущ, мыр къэзмыгъуэту хъунукъым, – жери <Сосрыкъуэ> нартхэр зэхуигъэсащ. – Си гъусэу хэт къызбгъэдэувэн? – щыжиIэм, Щабатыныкъуэ зыуэ уващ.

– Нарт щэ гуоугъуэщ, иджыри согуо! – <Сосрыкъуэ> щыжиIэм, абы ябгъэдэуващ Ерыхъшу. Аргуэру щыгуом, бгъэдэувэн игъуэтакъым. ЛъыхъуакIуэ ежьащ, а щыр зэгъусэу. БгъуэнщIагъым щIэсу къагъуэтащ нартыпщыр.

– Иджы, мыбы сыт етщIэн? – жаIащ.

– ЩIэмысыфу къыщIихуу уае зытесщIэнщ, – жиIащ Сосрыкъуэ.

Ерыхъшу жиIащ:

– ЗэIэбыни зэIусэни имыщIэу сымыгъэзагъэу хъумпIэцIэджыбэ зысщIынщи щIэсшхыхьынщ.

– Сэ къыщIэкIри къыщIэзгъэкIынкъым, щIыхьэри щIэзгъэхьэнкъым. Си сагъындакъыр зэIудзауэ сIыгъуу бжэм сыщысынщ, семызэшу, – жиIащ Щабатыныкъуэ.

Iусщ мо лIы хахуэхэр апхуэдэу. Уае зищIащ Сосрыкъуэ. БгъуэнщIагъым щIэсхэр уаем щIесхьэ. ХъумпIэцIэджыбэ зищIащи Ерыхъшу <ахэр> щIешхыхь. Щабатыныкъуэ и сагъындакъыр зэIуидзащи Iусщ. БгъуэнщIагъым щIэсхэр шхын щхьэкIэ щIолIыхь.

– ДылIэми зыдгъэлIэнщ, ауэ жэмыхъуэрылъхум дипхъу еттынкъым. Лъэпщ и дей кIуэи зыхуэбдзым техуэу, зытехуэр иукIыу, елъэIу, шищ ищIыну, ар къэхьи къэкIуэж, – <нартхэ я пщым> и фызым жриIащ.

Фызыр удти, щIэкIуэсыкIри кIуащ, Лъэпщ дей. Лъэпщ яхуищIащ. Шищыр къихьу къыздэкIуэжым, нарт Щабатыныкъуэ <къ>илъэгъуащ. И сагъындакъымкIэ уэри зыр IэщIиудащ. ТIур иIыгъыу <фызыр бгъуэнщIагъым> щIэлъэдэжащ.

– Иджы, шитIщ къэпхьар. Мы шитIыр хэт ейуэ дэздзеин? Хэт нэхъ бзаджэ? – жери и адэр щеупщIым, фызым жиIащ:

– ХъумпІэцІэджыбэр бзаджэщ, – жери, Ерыхъшу и шэу дрaдзеящ. Шэм Ерыхъшу зэхуэдитІу зэгуиудащ.

– Иджы, нарт Щабатыныкъуэ и шэу дэдвгъэдзей, – жари дрaдзеящ, къехуэхыжри имыукІыу лъеящ. Сосрыкъуэ щхьэкІэ шэ яІакъым.

Мохэри щІэсщ, мо тІури Іутщ. Сосрыкъуэ къыІунэри, Щабатыныкъуэ хуит ищІри къыІуигъэкІыжащ:

– Куэдщ уэ къысхуэпщІар, сэ си закъуэ сыІутынщ, – жери.

– Иджы, мыбы дыщІолІыхь, Сосрыкъуи къэхъейркъым, лІауэ къыщІэкІынщ. Щабатыныкъуэ псэути, мэкІуэж, Ерыхъшу дукІащ, – жиІащ фызым.

– Сосрыкъуэ тхьэгъэпцІщ, хъуагъэщагъэ и куэдщ, лІауэ къыщІэкІынкъым, – <жиІащ нартхэ я пщым>.

<Фызыр> къыщІокІри йоплъ, Сосрыкъуи зигъэлІауэ щылъщ. Ерыхъшу и хьэпІацІэхэм щыщ и жьэмкІэ къыжьэдопщ.

– ЛІыжь делэ! БгъуэнщІагъым дыщІэбгъэлІыхьыну? Хъей иІэкъым, лІащ Сосрыкъуэ! – жиІащ фызым.

– Хьэуэ, лІакъым. Лъэпщ дей кІуэи, бру егъэщІи къэхь, – жери, игъакІуэри къригъэхьащ.

– И лъэгур брукІэ угъуэни, и лъэдий куцІым щыщ къэхьи, лІарэ мылІарэ къэсщІэнщ.

Фызыр къэкІуащ, Сосрыкъуэ дей, и лъэгумкІэ иугъуэнри и лъэдий куцІым щыщ хуихьащ. Епэмащ <нартхэ я пщыр> лъэдий куцІым.

– ЛІакъым, къыщалъхуа махуэм хуэдэщ, – жиІащ лІым.

– УлІыжь делэщ, пцІы уоупс. Абы и лъэгур яугъуэнри – хъеякъым. Уэ уи лъэгур сыгъэугъуэни еплъыт, узрэ мыузрэ, – жери идакъым.

– АтІэ, къеплъ угъуэни, – жери и лъэгур иригъэугъуэныну хуежьащ.

Щримыгъэугъуэныфым, «ЛІагъэнщ», – жери, и мыжурэр къищтэри къэкІуащ, Сосрыкъуэ дей.

– Уей, СосрыкъуапцІэ, лІыпцІэ гъущІынэ! ЛІы хъарзынэри бгъэунэхъури уэри зыбгъэунэхъужщ. Дэнэ мыгъуэм иджы укъисхыжын? – жиІащ. И афэр игъэсысащ и мыжурэпэмкІэ.

– «Сосрыкъуэ лІащ», – жыпІэу, Сосрыкъуэ и афэмрэ и тажымрэ пхьыну укъагъэкІуащ, – жери, къыщылъэтри нартхэм я пщыр абдейм щитхьэлащ.

ИтІанэ къримыта пхъуищым ещанэри къихьри къэкІуэжащ.

СКАЗАНИЕ О НАРТАХ СОСРУКО, ЕРЫХШУ И ШАБАТНУКО

Тот, кого звали нарт Шабатнуко, жил в одной местности, а кого звали нарт Сосруко, – в другой. Места эти были пустынные, и нарты друг друга не знали, никогда не встречались.

В те времена Сосруко слышал хабары о нарте Шабатнуко, а Шабатнуко слышал хабары о Сосруко. «Познакомлюсь с тем, кого зовут Сосруко, повидаюсь <с ним>», – решил нарт Шабатнуко и от-

правился <в путь>. Ехал нарт Шабатнуко и, когда достиг края, где живет Сосруко, встретил пастуха и спросил <его>:

– О, бох апший [да умножится твое стадо], пастушок! Расскажи хабар о нартах, об их обычаях поведай!

– Что же я, бедный, тебе расскажу? Днем я <живой> пастух, а ночью – скорчившийся мертвец.

Когда пастух сказал так, разгневался Шабатнуко и ударил его:

– Ты не рассказываешь мне хабар правдиво, – говоря.

Нарт Шабатнуко поехал <дальше> и, когда он одолел одно теого [один переход], пастух посмотрел ему вслед... «Я виноват, я неправ, хоть он и ударил <меня>, я должен был рассказать ему хабар о нартах», <– подумал он и сказал>:

– Эй, ты, пусть исчезнут твои болезни, сюда если поворотишься, бабскими хабарами если не назовешь, то один хабар я тебе поведаю.

– Расскажи, пастушок, я слушаю и бабские хабары, – сказал Шабатнуко.

– Так вот, у нартов – санопитие,
Черного напитка у них много,
Красивые кан-девушки с ними пляшут,
Жирный валух – соус у них,
Сатаней-гуаша всякие зелья готовит,
Если увидит тебя издалека,
Сделает зелье <и приворожит>,
Никуда не отпустит тебя.
Хабар, что рассказываю тебе я – правдивый хабар.
Ты причинил мне боль,
Но я посмотрел тебе вслед и понял:
Ты – всадник не из нашего края.
Пригляделся к тебе и увидел, что ты – статный <муж>.

«Не дам я ему здесь погибнуть, расскажу правдивый хабар», – подумал я, поэтому вернул тебя. Сатаней-гуаша – большая мастерица готовить ядовитые зелья. Она не позволит тебе победить Сосруко. Когда будешь ехать, она увидит тебя. Как только увидит, начнет составлять ядовитые зелья. Что бы она ни говорила, не заходи к ней в гости. Вышлет она навстречу тебе свою служанку. «Нарт Шабатнуко, если не побрезгуешь, выпей рог моего напитка», – скажет тебе Сатаней-гуаша. Ее служанка тоже красивая. Если не станешь смотреть на нее, то <она> встанет перед тобою. Ляжет на дорогу, соблазняя тебя. А теперь поезжай, счастливого тебе пути, повстречаться тебе с добром! – сказав, <пастух> направил его к нартам, и <он> едет <к ним>.

Служанка Сатаней-гуаши, отправившись за водой, увидела ехавшего одинокого всадника и, бросив у реки ведра, вернулась к Сатаней-гуаше:

– Уа, Сатаней-гуаша,
И не из тех, кого ты видела,
И не из тех, кого я видела,
Из какого он рода – не знаю,
Сюда едет один могучий всадник.
– Какой он, какой,

Помереть бы тебе!
– Впереди него небольшой туман <клубится>,
Над ним грачи кружатся,
По бокам собаки-самыры резвятся,
На крупе его <коня> шатер возвышается.
– Дай скорей мои ходули!
Медленно идет она на ходулях.
На ходулях невозможно быстро идти.
– Подай скорее мои сауровые башмаки! – говорит
Сатаней и выбегает мигом.
Увидев едущего всадника,
Возвращается к своей служанке:
– Этот всадник, что приближается, –
Нарт Шабатнуко,
Чинты чьи соперники,
Много свершающий,
Зло преследующий,
Ничего в долг не берущий всадник –
Прибыл нарт Шабатнуко,
Лица которого мы не видим,
<Но> слухи о котором мы слышим.
Небольшой туман перед ним –
Это пар из ноздрей его коня.
Грачи над его головой –
<Это> комья земли,
Летящие из-под копыт его коня.
Резвящиеся по бокам самыры –
Это два стремени <его коня>,
Раскинутый на крупе <коня> шатер –
Это пена с его коня.
Скорее приготовьте ядовитые зелья,
А ты, опытная блудница, прямо <к нему> иди,
Подойди <к нему> и скажи так:
«Сатаней-гуаша приветствует тебя,
Рог моего напитка испей, не побрезгуй», –
Скажи так и пригласи <его>.
С этими словами <Сатаней> отправляет из дому
Красивую служанку <гостю> навстречу.
– Уа, нарт Шабатнуко, зиусхан,
Наша Сатаней-гуаша приветствует тебя:
«Не побрезгуй, выпей рог моего напитка».

Когда нарт Шабатнуко не оглянулся, тогда, как и говорил пастушок, она перед ним расстелилась, готовая поддаться его воле. Он и не оглянулся – плюнул и проехал мимо.

По окраине села едет. «К кому бы заехать?» – раздумывает. Но все боятся его, и никто не решается подойти. Так доехал до конца села, а там стоял длинный белый дом. Въехал <во двор>. Когда въехал <он во двор>, <из дома> выбежал Ерыхшу. Приветствовали друг друга, и <Ерыхшу> пригласил <Шабатнуко в дом>. <Шабатнуко> привязал своего коня к коновязи. Конь дернулся и выворотил коновязь.

– Тебе не найти подходящей коновязи для моего коня, – сказав, Шабатнуко воткнул свою стрелу в землю и к ней привязал коня. Конь дернулся, но не смог вырвать <стрелу>.

Ввели <Шабатнуко> в дом, а там на почетном месте, <рядом с предводителем нартов>, сидел Сосруко.

Сосруко вскочил и приветствовал гостя. Когда <Шабатнуко> повесил свою плеть на крюк, крюк не выдержал ее. Поднял он свою плеть, повесил ее на рукоять своего кинжала и сел. На почетном месте сел предводитель нартов. Рядом с ним сел гость – нарт Шабатнуко. Рядом <с Шабатнуко> сел нарт Сосруко, а потом – Ерыхшу. Откормленный бык был зарезан и уже варился. <Нарты> сидели, рассказывая хабары, пока варилось мясо.

Мясо сварилось, приготовили его и на стол положили. Когда положили мясо на стол и, как положено, поставили перед гостем, Сосруко вскочил на стол, станцевал, не пошатнув его и не разлив подливу, и спрыгнул.

Шабатнуко понял, что это и есть Сосруко. Поели, попили, умылись. Убрали стол. Сосруко вынул свой меч, положил его перед гостем лезвием вверх, вскочил, сплясал на острие лезвия и спрыгнул обратно. <Затем> поднял свой меч и вложил <обратно в ножны>.

– Уа, Сосруко,
Сосруко смуглый,
Муж статный, железноокий,
От пастуха коров рожденный!
На старую блудницу, что родила тебя,
И глядеть я не стал,
Проехал мимо нее.
Мужество не так показывают,

А вот как, – сказал нарт Шабатнуко, вынул свой меч и воткнул его в землю рукоятью, а острием вверх. Вскочил он на кончик меча, сплясал и спрыгнул. Когда <он> вытащил меч <из земли>, Сосруко, Ерыхшу и предводитель нартов испугались и выбежали. Ударил <Шабатнуко мечом> и рассек три цепи, на которых висел котел. «Стоило ли мне приезжать к таким ничтожествам?» – сказал он и, не найдя никого <достойного>, сел на коня и уехал.

Собрались те трое, стали спрашивать друг у друга, но оказалось, что никто его не знал.

– Кто познакомится с ним, за того я выдам одну из трех моих дочерей, – сказал предводитель нартов.

Сосруко быстро вывел своего Тхожея:

– Я это сделаю, – сказал он и пустился за <Шабатнуко>. Обогнал его <другой дорогой, встретил> и поклонился. Уступил ему правую сторону, а сам поехал рядом, слева.

– Уа, наш гость, пусть исчезнут твои болезни, прошу тебя, не сочти недостойным, расскажи мне, откуда ты?

– Конечно, расскажу. Я и приехал для того, чтобы поведать, откуда я, и узнать, откуда ты. Другого дела у меня нет. Хоть ты однажды испугался, но за то, что теперь бесстрашно подъехал ко мне, хвалю тебя. Я отправился искать друга. Станем друзьями.

Решили они так и стали друзьями.

Стали они друзьями... но Сатаней-гуаша была колдуньей. «Он <однажды> победит моего сына, – переживает она. – Какую бы хитрость придумать?»

<Сосруко и Шабатнуко> были друзьями, вместе разъезжали; предводитель нартов не отдал за <Сосруко> свою дочь, как обещал, и вместе так вернулись они к Сатаней-гуаше. «Выпей моего напитка», – сказав, вот тогда она и поднесла Шабатнуко напиток, в который посадила змею.

У нарта Шабатнуко были стальные усы. Улыбнулся он из-под усов, змею убил усами, выпил махсыму и вернул чашу Сатаней.

– Я знала, что змея ничего не сможет тебе сделать, но хотела испытать твое мужество, потому поступила так, – сказала Сатаней.

Теперь Сосруко, Шабатнуко и Ерыхшу – третий с ними – едут к предводителю нартов.

– Ты сказал, что отдашь за меня свою дочь, вот и отдавай, – сказал Сосруко предводителю нартов.

– Отдам завтра вечером, – обещал <он>.

Сосруко, Шабатнуко и Ерыхшу были вместе. Предводитель нартов испугался их. «Им под силу одолеть нас», – сказал он и стал искать убежища. Забрали они все свое имущество, ушли ночью в горы и укрылись в пещере. Вход в <пещеру> завалили абра-камнем.

Сосруко собрал нартов и сказал:

– Отправлюсь на поиски <предводителя нартов>, я должен отыскать его. Кто поедет со мной? – когда спросил он, рядом с ним стал Шабатнуко.

– Нарт кличет трижды, и я зову еще раз, – сказал он, и рядом с ними стал Ерыхшу. Когда он позвал <нартов> в третий раз – не нашлось <никого>, кто стал бы рядом <с ним>.

Отправились они втроем на поиски <предводителя>. Нашли предводителя нартов, сидящего в пещере.

– Что теперь делать с ним? – сказали <они>.

– Обернусь над ними морозом, чтобы невозможно было здесь усидеть, – сказал Сосруко.

Ерыхшу сказал:

– Я превращусь во множество муравьев – не дам им покоя, чтобы они не знали, за что взяться, к чему притронуться, заем их <в пещере>.

– А я не выпущу выходящих и не впущу входящих. Буду сидеть у входа со стрелой наготове, – сказал Шабатнуко.

Так и сидят эти храбрецы. Сосруко обернулся морозом; обжигает мороз тех, кто сидит в пещере. Ерыхшу превратился во множество муравьев и заедает <сидящих в пещере>. Шабатнуко со стрелой наготове сидит <у выхода>. Те, что в пещере, с голоду умирают.

– Умрем, но не отдадим нашу дочь за сына пастуха коров. Пойди к Тлепшу, попроси его изготовить три стрелы – в кого бросишь, чтобы попадали, а в кого попадут, чтобы убивали, и принеси их, – сказал <предводитель> своей жене.

Женщина была колдуньей; прокралась она незаметно <мимо богатырей> и пошла к Тлепшу. Тлепш сделал <стрелы>. Когда она возвращалась со стрелами, увидел ее нарт Шабатнуко. Пустил он <свою> стрелу и выбил у нее из рук одну. С двумя другими стрелами она скрылась в пещере.

– Ты принесла две стрелы: в кого пустить эти стрелы? Кто из них страшнее? – когда спросил отец...

– Множество муравьев страшнее всего, – ответила жена, и пустили стрелу именем Ерыхшу. Рассекла стрела Ерыхшу пополам.

– Теперь пустим стрелу именем нарта Шабатнуко, – сказали и пустили <стрелу>, но упала она вниз и отскочила – не убила <Шабатнуко>. Для Сосруко не осталось стрелы.

И те сидят <в пещере>, и эти двое стоят <у входа>.

Сосруко отпустил Шабатнуко домой, а сам остался:

– Хватит того, какую услугу ты мне оказал, я один постою, – сказал <Сосруко>.

– Мы уже здесь умираем, и Сосруко не шевелится – умер, наверное. Шабатнуко жив, и он уезжает, Ерыхшу мы убили, – сказала жена <предводителя нартов>.

– Сосруко очень хитрый и коварный, наверное, он не умер.

Выходит <жена предводителя нартов> <из пещеры> и смотрит: Сосруко лежит, притворившись мертвым, а один из червей, <что завелись> на Ерыхшу, выползает изо рта Сосруко.

– Глупый старик! Ты хочешь, чтобы мы умерли в пещере? Он не шевелится, Сосруко умер, – сказала жена.

– Нет, не умер. Пойди к Тлепшу, пусть он сделает бурав, принеси его, – сказал <предводитель нартов>, отправил ее, и она принесла <бурав>.

– Просверли-ка буравом ступню и принеси мозг из его голени, тогда я узнаю, жив он или умер.

Подошла жена <предводителя нартов> к Сосруко, просверлила ему ступню, достала мозг из голени и доставила <мужу>. Понюхал предводитель мозг из голени.

– Не умер он, жив, как в первый день своего появления, – сказал муж.

– Глупый старик, ты лжешь. Я пробуравила ему ступню, а он даже не шевельнулся. Дай пробуравить тебе ступню и увидишь, больно или не больно, – не согласилась <его жена>.

– Ладно, попробуй, – сказал <он> и разрешил пробуравить себе подошву. Не вытерпев <боли>, «Наверное, умер Сосруко», – подумал <он>, взял свою *мыжуру* и подошел к Сосруко.

– Уа, Сосруко статный, муж железноокий! Ты погубил настоящего мужа, ты погубил и себя самого. Где, о горе, найду я теперь тебя? – сказал <предводитель нартов>. Поддел он его кольчугу кончиком своей мыжуры.

– «Сосруко умер», – говоря, тебя прислали добыть его шлем и кольчугу! – сказав, <Сосруко> вскочил и задушил предводителя нартов.

Потом взял себе в жены одну из трех его дочерей и вернулся домой.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-о. Пасп. № 6. Исп. Гузер Хасанов: 1860 г.р., с. Псыгансу Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 26.11.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст контаминированный: сюжеты о первом выезде нарта Пшибадиноко и испытаниях, о его сватовстве к дочери старого нарта, о богатырском побратимстве с нартом Сосруко и женитьбе Сосруко на дочери старого нарта.

…Много свершающий, Зло преследующий, Ничего в долг не берущий всадник – переведено условно, т. к. формула в тексте не поддается семантической реконструкции.

…И глядеть я не стал – в тексте оригинала: *пу нэлат* – букв.: *плевок-проклятие*. Здесь – не столько проклятие, сколько презрение.

Мыжура (*мыжурэ*) – колющее оружие в ранних текстах, позже, с появлением огнестрельного оружия, – штык.

45. БЭДЫНОКЪУЭ БАЖАФЭР СОСРЫКЪУЭ КЪЫЗЭРЫФIИХЬАР

Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щауэгъу зэхуэхъуа иужькIэ, зэдэщэкIуэну гъусэ зызыхуащIауэ сыт щыгъуи зэщэкIуэгъухэт. Я шитIу зытесхэри, я хьитIу я гъусэхэри зэхуэдэхэт. Мэз бжэну ялъагъури и пIэм ирагъэкIыртэкъым.

«Сосрыкъуэ, щакIуэ дыгъакIуэ», – жиIэри, зы махуэ гуэрым Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щакIуэ зэдыдэкIахэщ. Мэз лъэщIэхум къыщIэкIыжахэу зы бажэ гуэрэ щалъагъум, Сосрыкъуэ «хьит» жиIэри хьэхэр бажэм ириутIыпщащ. Бэдынокъуэ и хьэри Сосрыкъуэ и хьэм щIыгъуу илъахэщ.

<…–?>

– ПщIэр сыт, Сосрыкъуэ, "Фэхум бажэр къихьэмэ, хьэхэм яубыдынщ», – жыхуэпIэу мэзым щхьэ щIэбгъэлъэдэжа? – жиIащ Бэдынокъуэ.

– Ар пхэнжу умылъытэ, Бэдынокъуэ, – жиIащ Сосрыкъуэ, – пщэдей дыкъакIуэмэ, а бажэр шэч хэмылъу къэдубыдынщ. Нобэ дишхэр езэшахэщ, зедгъэгъэпсэхунщ. Дэ нэгъуэщIышхэм дакъытетIысхьэнщи дыкъыдэкIынщ.

Пщэдджыжьым *Щэбэтыныкъуэ* зы шыжь гуэрым шэсри бажэр зыхыхьэжа банэм екIуэлIащ. Сосрыкъуи и Тхъуэжьейм тесу, лъэразэу къэсащ. Абдежым щытхэу, бажэр мэз лъащIэхум къыхэжауэ ялъагъури шыуитIыр кIэлъежьахэщ. КIэлъежэжьа щхьэкIэ, Тхъуэжьейр жэрт, Бэдынокъуэ зытесыр езым и шыр аратэкъым, нэгъуэщI шыжь гуэрт. Сосрыкъуэ тежри бажэр мэз къуагъым къуигъэзыхьащ. Хьэхэм бажэр яубыдри, Сосрыкъуи бажафэр трих пэтрэ, Бэдынокъуэ нэсри бгъэдыхьащ:

– Тхьэм уигъэпсэуи, бажэр бгъэкIуэжакъыми, – жиIащ Бэдынокъуэ.

– ЗыкIи уи Iуэху хэлъкъым, бажэр сэрщ зыубыдар, – къыжыриIащ Сосрыкъуэ.

– Махуэ къэси дызэдощакIуэ, димызэхуэдэнумэ, абы щыгъуэ сыт папщIэ дызэгъусэн? Дишхэм я фIагъи зэхуэдэщ, ди хьэхэм я фIагъи зэхуэдэщ, сэ сиш сытесатэмэ, уэ си япэ укъищын-

тэкъым. Ар жыпIэнути, аращ «НэгъуэщI шыжь гуэрхэмкIэ дыкъыдэкIынщ, дишхэм зедгъэгъэпсэхунщ», – щIыжыпIар. Нарт хабзэкъым <ар>, Сосрыкъуэ, – жиIащ Бэдынокъуэ.

Нарт лIыхъуитIыр зэхуэгубжьахэщ. ЩакIуэ гуэр япэмыжыжьэу щытти, нартитIыр зэрызэщыхьар щызэхихым, къакIуэри, бажафэм теувэри жиIащ:

– Иджы, фызыхуэкIуауэ слъагъумкIэ, фэ тIум фи язми мы бажафэр естынкъым, нэхъ щIагъуэ къехъулIауэ къэзыIуатэм естынщ, – жиIащ нарт щакIуэм, и шабзэр зэIуидзэри.

– Бажафэр Iэрыхьэмэ зыфIэигъуэр Сосрыкъуэщи, япэ <абы> къыжырыреIэ, – жиIащ Бэдинокъуэ.

– Бэдынокъуэ, уэ япэ къызжыIэххи, итIанэ сэ бжесIэнщ, – жиIащ Сосрыкъуэ.

– Бажафэм себлэу аркъым сэ, ауэ щауэ цIыкIу къалъхуам джэдыгу цIыкIу хуащIауэ пщампIапхъэкIэ къысщыгугъхэм яхуэсхьыну къэзгъэгугъати арщ, – жиIэри къыригъэжьащ Бэдынокъуэ… – Зы махуэ гуэрым мэз бжэныр бэуэ хэсу мэз гуэрым щакIуэ сыкIуэрт. Ауэ шыпэрышэу сыздэкIуэм, дыщэ джэд гуэр пабжьэм хэту слъэгъуащ. ««Мыр слъэгъуащ», – жысIэкIэ, нартхэм я фIэщ хъункъым, мыр сыту джэд гъэщIэгъуэн!» – жысIэу сыздэщытым, джэдыр нэхъ спэблагъэу къызэкIуэлIащ. «Сеуэнщи сыукIынщ», – жысIэу шабзэр щызэIуздзэм, джэдыр си пащхьэ дыдэм къилъэдащ. Къэзубыдыну сыщыкIэлъыIэбэм, лъэрыкIуэкIэ ежьэжри, сэри сыкIэлъежьащ. Сэ лIышхуэр джэдым сылъэщIэмыхьэу хъунт – къэзубыдыным хуэдэу сыщIыхьэрт, сеIэбыхмэ, джэдыр сIэщIэлъэтыжырт. Апхуэдэу сызыкIэлъиш<э>урэ, къурш лъапэ гуэрым есхулIэри, джэдыр къурш лъапэ гъуанэм ихьэжащ. «Нобэрей махуэм зи ужь сита дыщэ джэдым къырикIуэр сымылъагъуу згъэзэжынкъым», – жысIэри сэри сыкIэлъыщIыхьащ а къурш лъапэ гъуанэм. Си шабзэр гъунэ нэIум къыIузнэри сэ сехащ. Лъагъуэ гуэрым сытету сыкIуэурэ, Iуащхьэ щIагъым мэз щыслъэгъуащ. Мэзу щыслъэгъуам игузэгум фэху хъурей гуэр иIэу, абы унэ хужьышхуэ иту слъэгъуащ. СыкIуэри унэм сыщIыхьащ. Пщащэ дахэ дыдэ гуэр медэрым хэсу щысти, дыщэ джэд щIэлъэдэжам Iэ дилъэри еупщIащ:

– Нобэ узымыгъашхэу укъезыхуэкIыурэ уезыгъэшар хэт? Си джэдыр нобэ зымыгъашхэу къезыхуэкIар уэрауэ къыщIэкIынщ, – жиIэри сыкъыщилъагъум, къызэупщIащ пщащэр.

«Сэркъым», – схужыIакъым. «Сэрщ», – щыжысIэм, пщащэр тэджри, щIопщ фIыцIэ кIагуэ гуэр пылъти, къыпихащ. «Шыбз ухъу!» – жиIэри къыщызэуэм, шыбз сыхъуащ. КIуэ иджы, унэм щIэтынт шыр, унэм сыкъыщIэкIри, фэхум шы гуартэ итти, сахыхьащ.

Шым сахэтурэ гъатхэр къыщысым, хакIуэхэр яутIыпщащ. ХакIуэпщIэ-хакIуэпщIэурэ шы гуартэр щагуэшым, я нэхъ хакIуэ бэлыхьым ирата хакIуэпщIэм сыхэхуащ. СызэрыцIыхури сощIэж, си акъылри сиIэ щхьэкIэ, сышыбзщ. ХакIуэу сызыхуагъэзар тхъуэ тхыф[п]цIэт. Илъэс щырикъум, шым шыщIэ къилъху хабзэти, шыщIэ къэслъхуащ. А илъэсым шыщIэр спIащ. ЕтIэнэрей илъэсми а хакIуэ дыдэм и хакIуэпщIэм сыхэхуэри етIуанэуи шыщIэ къэслъхуащ.

«Хъункъым мыр, унэм сыщIыхьэнщи, мы хьэбз удым сеуэнщи сыукIынщ», – жысIэри сыщыкIуэм, а къамышы кIагуэр къищтэри, «Хьэджафэ хьэбз ухъу!» – жиIэри къызэуащ.

ЗэрыжиIам хуэдэу, хьэджафэ хьэбз сыхъуащ. Си Iуэхур нэхъыкIэ хъуащ. Ипэу[м] удз схъуэкIурт, иджы хьэхэм садэшхэн хъуащ. Шыхъуэм хьэхэр я гъусэти, зы ны[э]бгъэф хуаукIащ. «Шылыр сшхынкъым, хьэхэм садэшхэнкъым», – жысIа щхьэкIэ, гъаблэм сигъалIэ хъури… «ЗызгъэлIэнкъым, мы хьэхэм яшхыр сшхынщ», – жысIэри, си Iупэр нэзмыгъэсу сышхэ хъуащ. Лы цIынэм сесэри, хьэхэм зэрашхым хуэдэу дэгъуэу сшхы щыхъум, пшэр сыхъуащ. Ауэрэ хьэхэм сахэтурэ, хьэпшыритIи къэслъхуащ. ХьэвитIыр спIыуэрэ уэд сащIащ.

«Мы хьэвитIми саухыу, хьэми садэшхэу хъункъым», – жысIэри хэку сыкъыздикIам сыкъэкIуэжащ. Мэлыхъуэхэр гъуэгущхьэIум Iутхэу, тIэкIуи сащышынэу сакъыбгъэдыхьащ.

«Мы хьэджафэр уэдыIуэщ, армыхъумэ хьэджафэ дахэт», – жиIэри я нэхъ щIалэ Iущу хэтым сызыришэлIащ. Алътмакъым къырихри, хьэлыгъу тIэкIуи лы гъэжьа тIэкIуи къызитри сигъэшхащ. Пщыхьэщхьэ щыхъум, щIалэм и пIэ лъапэм гъуэлъыпIэ щысхуищIри, жэщым сыщылъащ.

Мэлыхъуэ щIалэм дэгъуэу сигъашхэу сиIыгъыурэ, пшэр сыхъуащ – фIы сыхъужащ. МахуэкIэ мэлыхъуэм сыщIыгъуу, мэз бжэну слъагъум лъэбакъуэ езмыгъэкIуу къэзубыду сыхъуащ. Бжэнри нэм къызыщилъагъум изгъэкIыртэкъым, щыслъэгъуа щIыпэм къыщызубыдырт. Дыгъужь слъагъуми, сIэщIэкIыртэкъым – субыдырт. Апхуэдэу мэлыхъуэм сыригъусэурэ, цIэрыIуэ сыхъуащ. Гъэр апхуэдэурэ икIри, бжьыхьэри къэсащ.

– Иджырэ хуэдэ бжьыхьэ пшагъуэм жэщитIым и ещанэм дыгъужьышхуэ гуэр къокIуэри си мэлхэр ехь, ешх, ар мыхъуатэмэ, си мэлхэр бэгъуэнут. Аращ, си хьэ джафэжь, си мэлхэм яхэзымыгъахъуэр. Iэмал иIэмэ, дыгъужьыр схуэтхьэлэ! – жиIэри мэлыхъуэ щIалэр къызэлъэIуащ, жиIэр зэрызэхэсщIыкIыр ищIэрти.

Чэт щIыбым хьэуазапIэ щысхуищIри сигъэгъуэлъащ. Абдеж сыздэщылъым сыплъэри дыгъужьышхуэр пшагъуэм къыхэкIауэ къакIуэу слъэгъуащ. Къэсри и жьэр ущIауэ хьэмбыIуу къэтIысащ. Сыкъыхуилъмэ, и жьэм сыжьэдэхуэу сишхынкIэ сышынэри, сыщышынэ хуэдэу си кIэр дэзупщIауэ сыбгъэдыхьэри, уащхъуэдамащхъуэу зыкъездзэкIри дыгъужьым сыкъыжьэхэлъащ. И къурмакъейр субыдри стхьэлащ. Си гъуэлъыпIэ сыгъуэлъыжри жэщым сыщылъащ.

Пщэдджыжьым мэлыхъуэр къыщысым, мэлхэри псэууэ, дыгъужьышхуэри лIауэ щылъу илъэгъуащ.

«Си насып тебгъакIуи, хьэджафэжь!» – жиIэри щIалэр гуфIащ. И шабзэ дридзейри къуажэр къришэлIащ. Дыгъужьыр хьэм зэритхьэлар зэхуэсахэм ягъэщIэгъуащ.

«Дыгъужь щыщымыIэжкIэ, иджы ди апэкIэ си мэлыр бэгъуэнщ», – жиIэри мэлыхъуэ щIалэм сигъэфIащ – мэл пшэр схуиукIащ, и деж сытхъэжу сыщыIэ хъуащ. Апхуэдэурэ, мэлыхъуэ щIалэм и деж сытхъэжу сыщыIэу, зэгуэрым… «Уи хьэр хьэхуу

ептыну къолъэIу къуажэ тхьэмадэр», – жаIэри зи деж сыщыIэ мэлыхъуэ щIалэм къыхуэкIуащ.

«Сэ тхьэ соIуэ, а си хьэм езым хуэдиз дыщэ къызатми, зы махуэ пIалъэкIэ цIыхум езмытын!» – яжриIэри иутIыпщыжахэщ.

КIуэжхэри: «Къыдитакъым», – жыраIащ къуажэ тхьэмадэм.

«Тхьэ соIуэ, фIэфI-фIэмыфIми, къызитыным!» – жиIэри, къуажэ тхьэмадэр губжьри, и пшэрыхь и гъусэу, мэлыхъуэ щIалэм и деж къэкIуащ.

– Си щIалэ, уи хьэр махуитIкIэ хьэхуу къызэт! – жиIащ къуажэ тхьэмадэм.

– МахуитI пIалъэ дэнэ къэна, махуэ ныкъуэ и пIалъэкIэ естыну цIыху щыIэкъым.

– Апхуэдэу жумыIэ, щIалэ, къызэт! – жиIэ щхьэкIэ, сыщыримытым, къуажэ тхьэмадэр щIалэм къеуэри, къыриудри, сишэри кIуэжащ.

Къуажэ тхьэмадэм щIалэ игъуэтыху къэс, къыщалъхуа япэрей жэщ дыдэм дыгъужь къакIуэрти щIалэ цIыкIур ишхырт. «Мопхуэдэ мэлыхъуэ щIалэм и хьэм дыгъужь къеубыд», – жаIэу къуажэ тхьэмадэ<м> зэхихати, арат сыщIишар.

Жэщым унэм сыщIашэри, щхьэнтэ ягъэтIылъри сытрагъэгъуэлъхьащ.

«Къуажэ тхьэмадэм къуэуэ игъуэтыр дыгъужь гуэрым ехь, иумыгъэхь», – жаIэри, щIалэ цIыкIур къахьри си щIыбагъ къыдалъхьащ.

Дыгъужьыр къэсри, жьыбгъэм хуэдэу, унэм къыщIэлъэдащ. Гущэпсыр зэпиудри, щIалэр ипхъуатэри ирихьэжьащ. Сыхъеякъым. ЛIыжь гуэр къыщIыхьэри… «Уи бзаджэр ишх укъэзышам!» – башкIэ уэкIейуэ къызэуащ.

Унэм сыкъыщIэжри цIыхухэр, хьэхэр зыдэжэ лъэныкъуэмкIэ сежэжьащ. А псоми сатежри сыжэурэ, дыгъужьым сыщIыхьэри субыдащ. И къурмакъейм зыщIэздзэри щIалэр къыхыфIезгъэдзащ. Счэтхъэну сыщыхуежьэм…

– Сумытхьэлэ, Бэдынокъуэ, зы махуэ ягъуэ гуэрым сыкъыпщхьэпэжынщ, уэри удэхуэхащ, сэри сыдэхуэхащ, – жиIэри къызэлъэIуащ.

СигъэукIытэри, дыгъужьыр сутIыпщыжащ. ЩIалэ къезгъэлам сыбгъэдэсу сыщысу, къэпхъэрахэм япэ ит шур къэсащ. Къэсри, и шабзэр дыридзейри къуажэр къызэхуигъэсащ. «Сыту гъэщIэгъуэн, сыту гъэщIэгъуэн, щIалэр къыригъэгъэнащ», – жаIэри гуфIахэщ. А махуэ зытIущым сагъэтхъащ. Абы иужькIэ сагъэшхэжакъым, уэд сыдэхъухьащ. КIуэ, къуажэ тхьэмадэм хьэр сыткIэ къыфIэIуэхунт – зыкIи сыкъилъытэжакъым.

Шхын щхьэкIэ гугъуехь къыщыслъысым, сигурэ си щхьэрэ зэбгъэжри, губжьыгъэ къыстехьэри, зыжесIэжащ:

– СыкIуэнщи мы хьэбз уд мыр къызэзыщIар стхьэлэнщ.

Сежьащ. Къурш лъапэ гъуанэу сызэрыхьэгъам сыщыIухьэм, зы лIы къуапцIэ Iэпщагъуэ гуэр Iуту сыIущIащ.

– Ихь, Бэдынокъуэ, «Зы махуэ ягъуэ гуэрым сыкъыпщхьэпэжынщ», – жыхуэсIар иджы нобэр арщ. А уздэкIуэр сэ сощIэ, арщхьэкIэ узэрыкIуэ щIыкIэр кIуэкIэ пхуэхъуну щыткъым. Сэ зэрыжысIэм хуэдэу зекIуэ! – къызжиIащ а лIы къуапцIэм.

Сыкъэпсэлъэн слъэмыкIа щхьэкIэ, къызжиIар зэхэсщIыкI-ри сыгуфIащ. Си дзэр къыIузгъэпсри, си кIэр дэзупщIэри сеувэлIащ.

– А пщащэ щхъухьыщIэр махуэ къэс ежьэу, дэкIыу щыткъым. Ар щыдэкI махуэр бэрэжьей махуэщ. А махуэм зыхуэгъази унэм щIыхьэ, щIопщыр къыпыхи: «Сызэры-Бэдынокъуэ сыхъуж!» – жыIи, дзапэкIэ убыди зэуэж, – къызжиIащ.

А махуэ пIалъэ къызжиIам зыкъыхуэзгъазэри сыкIуащ. Пщащэр унэм зэрикIыу, сыщIыхьэри щIопщыр къыпысхащ. Си дзапэ дэзгъанэри: «Сызэры-Бэдынокъуэу сыгъэхъу!» – жысIэри сызэуэжащ. Сыхъужащ. «Уэху-уэху!» – жысIэри тыншу сыбэуэжащ.

ЩIопщыр сIыгъыу бжэкъуагъым сыкъуэту, пщащэр къыщIыхьэжащ. ЩIопщыр пымылъыжу щилъагъум, мэхри жэхафэм техуащ. СыIэбэри пщащэр къэзгъэтэджыжащ:

– Уэ узалым щхьэкIэ, сэ сызалымкъым, IуэхугъуитI пхуэзгъэувынущи, яхэдэ: мы щIопщымкIэ соуэмэ, птесIуэр къызэрыпщыщIынур пщIэжмэ, «Кхъуэхъу сэкIа ухъу!» – жысIэу узутIыпщыжрэ фызу укъыздэкIуэу хьэлэлу укъысщIыгъунрэ – язу узыхуейр къыхэх! – жысIащ.

– Фыз сыпхуэхъунщ, – жиIэри къызэлъэIуащ. – Сэ жын хужь пащтыхьым сырипхъущ, жыным сырапащтыхьщ, ди адэр лIэри, сэ пащтыхьыгъуэр къысхуэнащ.

ИтIанэ сыришажьэри, къурш лъапэм зы шэщ гуэр щIэтIыкIауэ, сыришэлIащ. Бжэр Iутхыу дыщыщIыхьэм, гу щIэтым хуэди, а гум щIащIэ хакIуэ къаритI щIэтым хуэди си ныбжьым сымылъэгъуауэ гъэщIэгъуэнт. ЗгъэщIэгъуащ.

– Дыщэ-дыжьыну сиIэри ирикъунщ, «Иджы дыкIуэжынщ», – жыпIэмэ, сэр щхьэкIэ къэнэнкъым, – жиIащ, и мылъку-фIыгъуэхэр псори зэкIэлъыкIуэу къызигъэлъэгъуа иужь.

– ДыкIуэжынт, ауэ мы зы бжэ закъуэм и нэмыщI щIэкIыжыпIэ иIэкъым. Мы гури, мы шыхэри, мы фIыгъуэ куэдри дауэ мыбы щIэтшын? – жысIэри сеупщIащ.

– Ар Iуэхукъым, абы дызэрыдэкIыжын гъуэгу иIэщ, – жиIэри, къуршхэр лъэныкъуитIу зэIуигъэкIри, гъуэгу занщIэ дахэ дэкIыу ищIри дуней нэхум дыхигъэплъащ.

НыбгъэфитI къэслъхуауэ щытыгъар я шыпIэ иувати, зым сэ сыкъэшэсщ, адрейр Iэдэжу къызыбгъурызубыдэщ, хьэ джафитI къэслъхугъари си гъусэу, зэужьу пщащэри и мылъкури къесшажьэри сыкъежьэжащ.

ДыкъакIуэурэ дунейми дыкъытехьэжащ. Апхуэдэурэ дыкъакIуэурэ ди щIы гъунэм дыкъыщысым, зэужьу псори къэзгъэувыIэри, сэ ди хэкум сыкъихьэжащ. Арыххэти, ди къуажэ гъуэгу щхьэIум Iут кхъужьей жыгыжьым и щIагъым мэлыхъуэ гуэр щIэсу сыIущIащ.

– Дэнэ къуажэ укъикIа? – жысIэри сеупщIащ.

– Сосрыкъуэ и къуажэ сыкъикIащ, – къызжиIащ.

– АтIэ, нэхъыжьу дэсхэм сыт къапсэлърэ, сыт яIуатэрэ? – жысIэри сеупщIащ аргуэру.

– «Бэдынокъуэ димыIэжу Сосрыкъуэ дыкъыщыхуэнакIэ, ди къуажэгъэр къуэтлъхьэжащ», – жаIэ, – къызжиIащ мэлыхъуэм.

– Абы щыгъуэм, сэ мэлым сыпэрытынщ, уэ кIуэжи: «Бэдынокъуэ къокIуэж», – яжеIэ, – жысIэри згъэкIуэжащ.

ЩIалэр кIуэжрэ пэт, Сосрыкъуэ гъуэгу щхьэIум къыщыхуэзэри: «Сыт зэхэпха, сыт плъэгъуауэ пщIэрэ жыпIэну, щIалэ?» – къеупщIащ.

– Зы лIыхъу гуэр кхъужьеижь щIагъым къыщIыхьэри: ««Бэдынокъуэ къокIуэж», – жыIи Iуатэ», – къызжиIэри сыкъигъэкIуэжа, – жиIащ щIалэм.

ЩIалэр нэсыжри нартхэм щахуиIуатэм, си щIапIэр пабжьэу зэщIэкIэжати, еувалIэхэри ягъэкъэбзащ, зэлъыIуахащ. Нартхэр къыспежьэри си унэ сырашэлIэжри, унагъуэу сытIысыжащ. Нарт<у> къыспежьам я шы зырыз естащ. Япэу си деж къэсу къыспежьар Сосрыкъуэщ.

«ФIохъусыж, Бэдынокъуэ!» – жиIэу Сосрыкъуэ къыщысым, «Яхэдэ, Сосрыкъуэ», – щыжысIэм, шытхъуэ Iэдэжыр хихащ, зы хьэ джафэри естащ. Иджыри мы Сосрыкъуэ зытес Тхъуэжьейр сэ къэслъхуауэ щыта, шыпIэ иувэу къыз<э>дэсшагъитIым языр арщ. Мы хьэ джафэри сэ къэслъхугъа хьитIым язырщ. Щауэ цIыкIу зыхуэзгъуэта фызри жын хужь пащтыхьым и пхъур арщ, – жиIэри Бэдынокъуэ и таурыхъыр иухащ.

– Сосрыкъуэ, иджы уэ къыжыIэ, – жиIащ бажафэм тет щакIуэм.

– Хьэ джафэ дэгъуэхэр си гъусэу щакIуэ сыкIуат, – жиIэри къыщIидзащ Сосрыкъуэ. – ТхьэкIумэкIыхь гуэр къыхэсхури сыкIэлъежьащ. ТхьэкIумэкIыхьыр хьэхэм ирахужьэри ягъэпщащ. «Ар зыщIыпIи кIуэжынкъым», – жысIэу сыщыту, гъэпсэхуауэ лъакъуиплI и тхыщIэмкIэ къыпхыкIыкIри, зыкъызэридзэкIри щIэпхъуэжащ, хьэхэми яхуэмыубыду яIэщIэкIащ. Фэхум Iуащхьэ закъуэ гуэр итти, ежалIэри щIэлъэдэжащ. Пхъэ гуэр къасщтэри гъуанэм сипыджа щхьэкIэ, <сы>нэсакъым.

Бжэ иIэу къэзгъуэтри Iуащхьэ щIагъым сыщIыхьащ. Ижырабгъумкlэ хьэдэ къупщхьэ куэд етхъулIауэ, я зэхуакумкIэ гъуэгу псыгъуэ кIыхь дэкIыу слъэгъуащ. «МыбыкIэ тхьэкIумэкIыхьыр ирикIуауэ къыщIэкIынщ», – жысIэу сыщыкIэлъежьэм…

– ПцIыщ, пцIыщ, Сосрыкъуэ, жумыIэ абы фIэкIа. Бажафэм уи Iуэху хэлъкъым, – жиIэри, нарт щакIуэм бажафэр къищтэри Бэдынокъуэ иритащ.

Арыххэти, Бэдынокъуэ Сосрыкъуэм бажафэр къыфIихьащ.

КАК БАДИНОКО В СПОРЕ ОТОБРАЛ У СОСРУКО ЛИСЬЮ ШКУРУ

После того, как Бадиноко и Сосруко стали *шаогами*, они стали вместе охотиться, всегда охотились только вместе. И кони, на которых они сидели, и собаки, которые были с ними, – все они были равными <во всем>. И косули, которых они заприметят, с места, где их увидели, не могли сойти.

Однажды по призыву Сосруко они выехали вдвоем на охоту. Когда, миновав светлый беззарослевый лес, они приметили одну лисицу, Сосруко произнес: «хит!», и выпустил на лисицу двух собак. Собаки Бадиноко тоже понеслись вместе с собаками Сосруко. <…–?>

– Что ты делаешь, Сосруко, почему ты дал лисице убежать в лес, зная, что собаки на открытом месте смогут ее поймать? – воскликнул <возмущенно> Бадиноко.

– Не считай, что это вопреки, Бадиноко, – ответил Сосруко, – как мы завтра приедем, мы эту лисицу наверняка поймаем. Сегодня эти наши кони притомились, дадим им отдохнуть. Завтра пересядем на других коней и приедем снова сюда.

Наутро Шабатыныко (*так в тексте* – перев.) сел на другого невзрачного коня и приехал к колючим зарослям, в которые вчера убежала лисица.

Сосруко тоже явился – на своем Тхожее, гарцуя.

Стоя там, всадники увидели, как лисица выскочила из светлого беззарослевого леса, и пустились следом за ней. Пустились-то они пустились, но Тхожей был быстрый, А Бадиноко сидел не на своем коне, а на каком-то другом, невзрачном. Сосруко обогнал его и загнал лисицу в ловушку. <Борзые> собаки поймали лисицу, и Бадиноко подъехал, когда Сосруко уже снимал лисью шкуру.

– Дай Бог тебе жизни, ты не позволил лисе убежать, – сказал Бадиноко.

– Никакого тебе дела до этого нет, лисицу добыл я, – ответил ему Сосруко.

– Мы каждый день охотимся вместе, и если добытое нами не будем делить поровну, тогда зачем нам вместе ездить? Кони наши по силе равны, собаки наши по силе равны: сидел бы я на своем коне, ты бы меня не опередил. Чтобы сказать это, что ты сказал <сейчас>, ты вчера предложил: «приедем на других конях, нашим же дадим отдохнуть». Не по-нартски это, Сосруко, – упрекнул Бадиноко.

Нартские герои тут распалились друг против друга. Неподалеку был один нартский охотник, и он, услышав, как два нарта бранятся, подошел и наступил ногой на лисью шкуру:

– Как я вижу ваши отношения, я ни одному из вас <просто так> не отдам эту лисью шкуру. А отдам я ее тому, кто расскажет о более удивительном, что с ним произошло, – сказал так нартский охотник и приготовил свой лук со стрелой.

– Получить лисью шкуру больше желает Сосруко, пусть он и начинает, – предложил Бадиноко.

– Бадиноко, лучше сперва ты расскажи, а потом я тебе расскажу, – сказал Сосруко.

– Не потому, что мне нужна лисья шкура, но я обещал, что я раздобуду добрый воротник к шубке, которую сшили новорожденному мальчику, и в этом на меня надеются, – начал свой рассказ Бадиноко. – Однажды я ехал на охоту в сторону леса, где было полно косуль. Но когда я шел, ведя коня на поводу, я приметил в кустарнике чудную золотистую курицу. «Если я расскажу, что такое видел, нарты мне не поверят, какая это чудесная курица!» – пока я так думал, она подошла ко мне ближе.

«Возьму и пристрелю ее», – когда я с этой мыслью положил стрелу на лук, курица подбежала прямо ко мне. Когда я потянулся, чтобы ее поймать, она побежала от меня по земле, и я двинулся за ней. Я, здоровый мужчина, разве не должен был ее догнать, я ее

настигал так, что можно бы и поймать ее, но стоило мне нагнуться, как она упархивала от меня. Вот так ведя меня за собой, <она бежала>; я гнал ее до какого-то подножья горы, и она <там> юркнула в лаз у подножья горы. «Не поверну домой, пока не узнаю всего, что стоит за этой золотой курицей, за которой я гонялся сегодня весь день», – решил я и спустился следом за ней в тот проход. Оставил свой лук возле входа и спустился вниз. Идя по какой-то тропе, я увидел под курганом лес. На опушке того леса, я увидел круглую поляну, а посередине ее – большой белый дом. Направился я туда и вошел в дом. Там сидела прекрасная девушка, посреди обрезков золотой ткани, она погладила вбежавшую к ней золотую курочку и спросила ее:

– Кто это за тобой весь день гонялся и не дал тебе поесть? Не ты ли это тот, кто сегодня гонялся за моей курочкой, не давая ей поесть спокойно? – спросила она увидев меня.

Я не посмел сказать «Не я». Когда я сказал, что это я, девушка встала, сняла висевшую на стене черную короткую плетку. «Будь кобылицей!» – когда она так сказавши, ударила меня, я превратился в кобылицу. Ну вот, должна ли лошадь находиться в комнате? Я вышел из дому и присоединился к табуну, который пасся на лугу.

Так, я находился с лошадьми до весны, и с ее наступлением в табуны пустили жеребцов. Когда табун стали делить на косяки во главе с одним жеребцом каждый, я попал в косяк лучшего из жеребцов. Я сознаю, что я человек, но в то же время я кобылица. Жеребец, к которому я попал, был масти серой с темной спиной. Как водится, через год лошадь должна ожеребиться, и у меня родился жеребенок. Год я выкармливал жеребенка. На следующий год я снова попал в косяк того же жеребца, и у меня родился второй жеребенок.

«Так дело не пойдет, пойду я в этот дом и убью суку-ведьму», – решил я и направился к дому. Она же взяла ту самую плетку и стегнула меня, сказав: «Будь борзой сукой!».

Как она сказала, так я и стал борзой сукой. Дела мои стали еще хуже. Раньше я щипал траву, а теперь надо было есть вместе с собаками. Собаки сопровождали табунщиков, и <однажды> им забили одного годовалого жеребенка. «Не стану я есть конину, не стану есть вместе с собаками», – решил, было, я. Однако голод стал одолевать, и я подумал: «не уморю себя голодом, буду есть, что собаки едят». И начал я есть, но так, чтобы не замарать губы. Я привык к сырому мясу, и когда начал есть так же, как другие собаки, я поправился. Так, находясь в среде собак, я ощенился двумя щенками. Пока я их вскармливал, я снова исхудал.

«Так не пойдет, чтобы эти щенки меня доконали, да чтобы я с собаками питался», – решил я и возвратился в тот край, из которого я <в свое время> уехал. На обочине дороги я встретил там чабанов и с опаской приблизился к ним.

«Эта борзая слишком исхудала, а так она прекрасная борзая», – сказал один наиболее сметливый парень и подозвал меня к себе. Он достал из котомки немного хлеба и немного жареного

мяса и покормил меня. Вечером парень устроил мне место у своих ног, и я там переночевал.

Молодой чабан хорошо меня кормил, хорошо содержал, и я набрал тело, стал хорошей собакой. Днем я был рядом с чабаном, а стоило мне увидать косулю, я ее ловил, не дав ей и шагу ступить. И козы не могли покинуть места, где я их увидал – я их ловил прямо на том месте. И волки не могли уйти от меня, я их тоже ловил. Так, находясь у того чабана, я стал известным.

Вот так прошло лето, и наступила осень. <И однажды мой хозяин сказал мне:>

– Вот в такой осенний туман, через две ночи на третью приходит сюда один огромный волк и уносит моих овец, поедает их. Не будь этого, мои овцы бы умножились. Вот кто, моя добрая борзая, не дает умножиться моей отаре. Если только можешь, придуши мне этого волка! – попросил меня молодой чабан, зная, что я понимаю человеческую речь.

Он принес соломы и постелил ее мне за оградой кошары. Лежа там, я присмотрелся и увидел, как огромный волк вышел из тумана и направляется сюда. Подошел он и, разинув пасть, присел на задние лапы. Я побоялся, что выступив открыто, я попаду ему в пасть, и он меня сожрет. Поэтому я притворился, что я его боюсь, поджал хвост и робко стал рядом, а затем неожиданно развернулся и набросился на него. Я ухватил его за глотку и придушил. Улегся я на свою лежанку и всю ночь там пролежал. Наутро, когда чабан пришел, он увидел, что и овцы его целы, и волк лежит мертвый.

«Ты, добрая борзая, осчастливила меня!» – воскликнул он, радостный. Пустил он свою стрелу вверх и собрал все село. Собравшиеся подивились тому, что собака одолела <такого огромного> волка. «Раз уж того волка больше нет, мои овцы умножатся», – решил молодой чабан и в награду зарезал мне жирного барана, стал с тех пор еще лучше ко мне относиться. Так я благоденствовал у того молодого чабана, но однажды приходят к нему и говорят: «*Тхамада* нашего *села* просит у тебя одолжить на время твою собаку».

– Я клянусь, что если даже мне дадут столько золота, сколько эта собака, **[…золота велечиной с эту собаку] я ее и на день не отдам никому**, – сказал он, так и проводил их.

Возвратились они и передали *тхамаде села*: «Не дал», – сказали.

«Богом клянусь, нравится это ему или не нравится, а отдаст!» – сказал тхамада села, рассердился и в сопровождении своего подручного приехал к молодому чабану.

– Сын мой, одолжи мне твою собаку на два дня! – попросил он молодого чабана.

– Не то что на два дня, нет человека, которому я бы отдал ее сроком на полдня.

– Не говори так, парень, отдай, – хотя так просил <тхамада села>, но видя, что тот не отдаст, он ударил парня, сбил его с ног, забрал меня и ушел.

Всякий раз, как у тхамады села рождался ребенок, в первую же ночь после его рождения являлся волк и съедал младенца. Вот

тогда и прослышал тхамада села: «Собака такого-то может ловить волков». Вот поэтому он и забрал меня к себе.

На ночь меня ввели в дом, положили подушку и позволили мне улечься на ней.

– Всех мальчиков, которые рождаются у тхамады села, похищает какой-то волк, не дай ему этого сделать, – сказали мне, принесли младенца и положили позади меня.

Явился волк, словно ветер в комнату ворвался. Разорвал он лямки на колыбели, схватил младенца и унес. Я с места не сдвинулся. Вошел какой-то старик и, сказав: «Кто тебя сюда привел, тот пусть съест твоего помета», – больно ударил меня палкой. Я выскочил из дому и понесся в ту сторону, куда бежали люди и собаки. Обогнав их всех, я несся за волком, пока не настиг его. Я вцепился ему в горло и заставил бросить младенца. Когда я решил растерзать его…: «Не души меня, Бадиноко, в трудный день я тебе пригожусь, ведь и ты в трудном положении, я тоже в трудном положении», – сказав, попросил меня он.

Смутил он меня, и я отпустил волка. Первый всадник из преследующих подскакал, когда я сидел спокойно возле спасенного младенца. Подскакал он, пустил стрелу вверх и созвал все село.

– Какое чудо, какое чудо, он принудил <волка> бросить младенца! – говорили радостно все.

В эти два-три дня меня кормили до отвала. Ну а после меня уже не так кормили, и я <со временем> исхудал.

Когда голод стал меня одолевать, я пал духом, разобрало меня зло, и я сам себе сказал: «Отправлюсь я к той суке-ведьме, которая со мной такое сотворила, и задушу ее». Отправился я <в дорогу>. Когда я подошел к лазу у подножья горы, я встретил там какого-то смуглого мужчину с *желтым [широким-–?] запястьем*.

– Ага, Бадиноко, тот день, про который я говорил «в трудный день», это нынче, сегодня. Я знаю, куда ты направляешься, но как ты идешь – это не то, что надо. Поступи так, как я тебе скажу! – сказал мне этот смуглый мужчина. Заговорить я не мог, но сказанное им я понял и тому обрадовался. Я оскалился и стал с ним рядом, поджавши хвост.

– Та девушка-кудесница не каждый день выходит и ходит по свету. Она выходит из дому только по средам. Вот на тот день ты попади, проберись в дом, сними <со стены> плетку, возьми ее зубами и хлестни себя со словами: «Оберни меня в того Бадиноко, каков я и есть!» – вот так он сказал.

Я выбрал время, чтобы попасть на тот день, который мне был назван, и отправился туда. Как только девушка ушла из дому, я проник в дом и снял плетку. Я закрепил ее в зубах и, сказав: «Сделай меня тем Бадиноко, каков я и есть!», стегнул себя. И я обернулся [принял свой прежний облик]. «Ох-ох», – сказав, я свободно вздохнул.

Девушка вернулась в дом, когда я с плеткой в руке стоял за дверью. Увидев, что плетки нет на месте, она потеряла сознание и упала посреди комнаты. Я поднял ее, поставил на ноги.

– Хотя ты и жестокая, я не такой жестокий. Я тебе назову два выхода, и ты выбери сама: если ты веришь в то, что могу сделать с

тобой, ударив этой плетью, назови, что лучше – стегнуть мне тебя со словами «будь ты выхолощенным кабаном», или выйти за меня замуж с условием, что будешь мне предана, – так я ей сказал.

– Стану тебе женой, – попросила она. – Я была дочерью царя белых джиннов, я царица джиннов. Отец умер, и царствование досталось мне.

Затем она вывела меня и привела к вырытой под горой какой-то конюшне. Когда мы, открыв дверь, вошли внутрь, я увидел там такую удивительную повозку и такую пару черных упряжных коней, каких не видывал. Я подивился этому.

– Золота и серебра, что у меня есть, нам хватит. Теперь если ты захочешь, чтобы мы отправились к тебе, за мной дело не станет, – сказала она после того, как показала мне все свои богатства и драгоценности.

– Отправились бы, – сказал я, – но здесь нет другого выхода, кроме этой единственной двери. Как мы выведем и вывезем эту повозку, эту пару лошадей, все это множество добра? – спросил я.

– Это несложно. Есть путь, по которому мы можем выйти, – ответила она и, раздвинув скалы в две стороны, проложила прямой прекрасный путь и позволила нам увидеть белый свет.

– Два жеребенка, которых я в свое время родил, достигли зрелости, и я сел на одного из них, другого взял на повод рядом с собой, двух борзых, что я когда-то родил, я тоже прихватил и тронулся, забрав всё.

Двигаясь, мы выбрались на свет. Двигаясь далее, когда мы подъехали к границам нашей земли, я всех остановил там, а сам въехал в пределы края. Так, повстречал я какого-то чабана, сидящего под старым грушевым деревом на обочине дороги в наше село.

– Из какого ты села? – спросил я его.

– Я из села Сосруко, – ответил он.

– А о чем толкуют старейшины вашего села, о чем рассказывают? – снова спросил я у него.

– «Раз уж у нас нет больше Бадиноко и раз мы остались под рукой у Сосруко, то мы уже не село» – вот так говорят, – ответил мне чабан.

– Ну тогда я присмотрю пока за овцами, а ты отправляйся домой и сообщи, что Бадиноко возвращается, сказал я и отправил его <в село>.

Едучи в село, парень повстречал по дороге Сосруко, и тот его спросил: «Что ты слыхал, что ты видел и знаешь, парень, чтобы рассказать?»

– Некий муж доблестный вошел под тень старой груши и велел мне сообщить, что Бадиноко возвращается, – ответил парень.

Парень добрался до села, и когда он рассказал нартам <новость>, – мой двор зарос бурьяном, – они принялись дружно и очистили всё, прибрали. Нарты вышли навстречу мне, отвели в мой дом и оставили жить семейной жизнью. Нартам, что вышли меня встречать, я подарил по одному коню. Первым мне вышел навстречу и встретил меня Сосруко.

Когда он прибыл с приветствием «*Фохусыж*, Бадиноко!», и когда я предложил ему: «Выбирай, Сосруко», он выбрал <коня>,

бывшего у меня на поводу; я отдал ему и одну борзую. Тхожей, на котором и теперь сидит Сосруко, это один из тех двух жеребят, которых я когда-то родил, которые выросли и я привел сюда. И вот эта борзая тоже одна из тех двух собак, которых я родил. И жена, с которой я обрел младенца, это та дочь царя белых джиннов, – сказал Бадиноко и закончил свою историю.

– Сосруко, теперь ты рассказывай, – предложил охотник, поставивший ногу на лисью шкуру.

– Я отправился на охоту, имея с собой хороших борзых, – начал Сосруко. – Выгнал я одного зайца и пустился следом. Собаки загоняли зайца так, что он выдохся. «Теперь он никуда не денется», – решил, было, я, но у него из спины выросли четыре свежие ноги, он перевернулся и понесся дальше. Собаки не смогли его догнать, так он и убежал от них. Посреди луга стоял один курган, он туда подбежал и скрылся. Я достал какую-то палку, потыкался в норе, но достать не смог. Отыскал дверь и вошел под курган. Справа грудой лежали во множестве кости, <…?> между ними, я увидал, проходила узкая длинная тропа. «Видимо, по ней и пробежал заяц», – подумал я, и когда пустился следом…

– Неправда, неправда, Сосруко, не рассказывай дальше, лисья шкура не твоя, – сказал нартский охотник, поднял лисью шкуру и вручил ее Бадиноко. Вот так Бадиноко выиграл у Сосруко лисью шкуру.

Запись не числится в рукописном фонде ИГИ КБНЦ РАН. Имеется лишь второй экземпляр машинописной версии, не сопровожденный паспортными сведениями. Судя по стилю изложения и некоторым характерным особенностям (*отдельные характерные слова и обороты*), *запись произведена в Адыгее не позднее, чем в 50-х гг. XX в.* (*именно тогда было наибольшее число экспедиций в Адыгею и Карачаево-Черкесию из Кабарды*). *Видимо, одно и то же исполнение записывали два собирателя – кабардинец, владеющий лишь разговорным адыгейским, и адыгеец* (*известный писатель и фольклорист-собиратель Юсуф Тлюстен*). *Ниже дается текст, весьма близкий к данному в деталях, что дает основания относить обе записи к одному и тому же исполнителю. Тексты даются для сравнения точности записи. Мы не располагаем сведениями о временной дистанции между двумя записями. Но при целом ряде весьма близких текстуальных схождениях налицо и различия. Так, например, в записи Ю. Тлюстена естественная композиция разрушена, о чем вспоминает сам сказитель в тексте записи. В ней также отсутствует упоминание о демонической природе невесты. Есть и ряд других различий, которые не воздействуют на общий ход повествования.*

Судя по всему, данный текст относится к числу тех, которые, согласно сведениям З.П. Кардангушева, предназначались для несостоявшегося издания, а впоследствии были отправлены для напечатания в Майкоп и Москву, но и там по какой-то причине не попали в сборники. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст характеризуется близостью к жанру сказки, что очевидно по характеру персонажей и авантюрном характере сюжета, построенного на метаморфозах сугубо сказочного характера, а также ведущей функции волшебства (в частности – девушки-колдуньи, дочери белых духов, и ее волшебной плети), а также композиционным приемом словесного состязания (наиболее популярный вариант такого состязания встречается в бытовой сказке, где победителем объявляется тот, кто более складно соврет. Вместе с тем, в сказании налицо как некоторые формальные признаки эпоса (имена героев, отнесение описываемых событий к условному эпическому миру нартиады, употребление в тексте самого слова «нарт»), так и сюжетные связи с системой мифоэпических представлений. Это, например, своего рода этиологические мотивы, объясняющие происхождение богатырских коней самого Бадиноко и Сосруко и борзых собак, которые упоминаются в главном пшинатле о Бадиноко и других сказаниях посвященного ему цикла. Заслуживает особого внимания мотив девушки-колдуньи, повинной в многих злоключениях героя. Примечательно, что она впоследствии становится верной супругой героя. Данное обстоятельство можно объяснить только с учетом логики мифологического мышления, адаптированного эпосом. Как мы полагаем, в данном случае мы имеем дело с одной из конкретных форм выражения мотива демонической одержимости невесты, которая утрачивает злое начало только после того, как жених побеждает и покоряет ее. В этой связи неслучайно упоминание о том, что девушка является дочерью повелителя белых джиннов. Видимо, само слово «джинн», пришедшее из арабского языка, здесь инновация, за которой резонно предполагать местное демоническое существо.

Шаог, шаоги (*щауэгъу, щауэгъухэр*) – друг, друзья, принявшие на себя обязательства в верности друг другу.

Тхамада села (*къуажэ тхьэмадэ*) – владелец села или же предводитель, которому подчинено село, независимо от социального статуса его населения.

«***Желтым [широким] запястьем***» – перевод фразы условный, она не имеет важного значения для повествования, но варианты данного сочетания устойчиво сохраняются в поэтических текстах пшинатлей как один из постоянных эпитетов, употребляемых или в отношении нарта Бадиноко, или в формуле-характеристике нарта Тотреша (пшинатль о поединке нарта Сосруко и Тотреша).

Фохусыж (*ФIохъусыж*) – традиционная форма приветствия человека, возвратившегося домой.

<…?**>** – здесь, как мы полагаем, налицо лакуна, она же отмечается и в последующей записи данного сказания.

46. БЭДЫНОКЪУЭРЭ СОСРЫКЪУЭРЭ

Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щауэгъу зэхуэхъуа иужькIэ, зэдэщэкIуэну гъусэ зызэхущIауэ сыт щыгъуи зэщэкIуэгъухэт. Я шитIу зытесхэри, я хьитIу ягъусэхэри зэхуэдэхэт. Мэз бжэну ялъагъухэри и пIэм ирагъэкIыртэкъым.

– Сосрыкъуэ, щакIуэ дыгъакIуэ, – жиIэри, зы махуэ гуэрым Бэдынокъуэрэ Сосрыкъуэрэ щакIуэ зэдыдэкIащ. Мэз лъэщIэхум къыхэкIыжахэу зы бажэ гуэр щалъагъум, Сосрыкъуэ «Хьайт!» – жиIэри хьэхэр бажэм ириутIыпщащ. Бэдынокъуэ и хьэхэри Сосрыкъуэ и хьэхэм щIыгъуу илъащ. Сосрыкъуэ и хьэхэр сэмэгурабгъумкIэ къыщыту, Бэдынокъуэ и хьэхэр ижьырабгъумкIэ къыщыту бажапцIэр къахури, нартитIым я шабзэ зэIуадзэри зэуэ бажэм зэдеуащ.

Сосрыкъуэ и шабзэр бажэм и нэ сэмэгу лъэныкъуэм техуащ. Бэдынокъуэ и шабзэр бажэм и нэ ижь лъэныкъуэм техуащ. Арти, бажэр дэнэ кIуэжынт?! Бажэр нартитIым зэуэ къызэдраудащ. ТIури зэуэ бажэр зыдэщылъым нэсри бажэр зэпаубыдащ, и плIэ лъакъуитIыр Сосрыкъуэ иубыдащ, и пхэ лъакъуитIыр Бэдынокъуэ иубыдащ.

– Бажэр сысейщ! – жиIащ Сосрыкъуэ.

– Хьэуэ, сысейщ! – жиIэри идакъым Бэдынокъуэ.

– Си шабзэр мис, бажэм и нэ сэмэгум техуащ. Бажэр сысеин хуейщ, – жиIэри дауэу щIидзащ Сосрыкъуэ.

– Сэ си шабзэри мис, и нэ ижьым щIэхуащ. Сэращ бажэр зейр, – жиIащ Бэдынокъуэ.

Арти, Сосрыкъуэмрэ Бэдынокъуэмрэ бажафэр зэпаубыдри зэхуилъащ.

Сосрыкъуэрэ Бэдынокъуэрэ щызэхуилъам, Мэзытхьэ жыгыщхьэм тести, къаплъэри мо нартитIыр щилъагъум, къабгъэдыхьащ.

– Пшэрыхь апщий, щакIуэлIхэ! – жиIащ Мэзытхьэ.

– Уи пшэрыхьыр тхубагъуэ! – жаIащ нартитIым.

– СлIожь фызыщIыщыхьэжар? – жиIэри Мэзытхьэр еупщIащ Сосрыкъуэрэ Бэдынокъуэрэ.

– Мы бажафэр тхузэрымыгъэгуэшу арщ, – жиIащ Сосрыкъуэ. – Бажэр къэзыукIар сэращ, Бэдынокъуи езым къиукIауэ жеIэ, – жиIащ Сосрыкъуэ.

Мэзытхьэ бажэр и пащхьэм ирилъхьэри:

– Бажафэм и унафэр сэ сщIынщ, бажафэр зэрыфщIынур къызжэфIи, зыхуэфащэми естынщ, – жиIащ Мэзытхьэм.

– Захуэщ! – жаIащ нартитIым. АтIэ, сыт ящIэжынт?! Мэзытхьэ упэрыуэ хъунутэкъым.

– Сыт уэ, Сосрыкъуэ, мы бажафэр зэрыпщIынур? – жиIэри еупщIащ Мэзытхьэр Сосрыкъуэм.

– Сэ ар зэрысщIынур мыращ: Сэ сиIэт зы нарт пщащэ гуэр, щIасэу. А си щIасэм IэджэрэкIэлъыкIуэти, сыкIуэхункIэ, зыгуэр хуэзмыхьу идэртэкъым. Ауэ зэгуэрым зекIуэ сыкъикIыжу, къызэхъулIаи щымыIэу, сыдыхьащ си щIасэ гуащэм деж.

– СлIожь ар, Сосрыкъуэ, къысхуумыхьIауэ укъысхуэкIуаи? Сэ уэ укъысхуеймэ, Сэтэней и тен джэдыгум телъ бажафэ

фIыцIэм хуэдэ пщампIапхъэ къыскхуэгъуэт. Ар къыскхуумыгъуэтауэ укъыскIэлъымыкIуэ, – жиIэри къызэщащ.

Сыт сщIэжынт?! Сежьащ бажэ фIыцIафэ лъыхъуэ. Куэдри сыщэкIуаи, Тэн губгъуи зыщысплъыхьаи, ТеманыкIэми сыщызекIуаи, Индыл Iуфэхэри къэзущыхьаи. Сытми, сыт сымыщIэми, бажэ фIыцIэ згъуэтакъым. Ауэрэ сыкъакIуэурэ зы бажащхъуэ банэм къыхэжауэ щыслъагъум, «Бажэ фIыцIэри бажащхъуэри бажэщ, зэхуэдэщ», – жысIэри, сеуэри къэзукIащ. Бажащхъуэр сIыгъыу си щIасэм деж сыкIуэжри бажафэр щестым…

– Сэ бажафэ фIыцIэщ жыхуэсIар, Сэтэней и джэдыгум и пщампIэм телъым хуэдэщ, уэ бажащхъуафэщ къыскхуэпхьар, – жиIэри, си щIасэр къэгубжьри, жэз къамышыр къищтэри, «Хьэжь ухъу!» – жиIэри, къызэуэри, хьэжь сыхъуащ.

А си щIасэм сэ сыкъиужэгъуауэ нэгъуэщI нарт щауэм ехъуэпсати, арат хьэ сыщIищIар. Сыт сщIэжынт? Сыхьэжьти пщIантIэм сыкъыдэнащ. Соплъэри солъагъу: си щIасэ гуащэм деж Къанж и къуэ Щауей, Хъымыщыжь, Имыс, Уэзырмэс сымэ щопсыхри нэху щагъэщ. Бэдынокъуи мызэ-мытIэу щыслъэгъуащ, а гуащэм деж щепсыхыу.

Ахэр щыслъагъум, схуэшэчынт?! Си щхьэр къесхьэжьэри щIасэ гуащэм и пщIантIэм сыкъыдэкIащ. Дунейр къэзджэдыхьурэ, губгъуэм зы мэлыхъуэ пщыIэ сыхуэзэри сытехьащ. Мэлыхъуэхэм гущIэгъу къысхуащIри сагъэшхащ. Мэлхэр жылэм къыщыдахуэжым, сэри зы мэлыхъуэ гуэрым игъусэу жылэм сыдыхьащ.

А сэ сызыша мэлыхъуэм и фызыр сымаджэ лъэрымыхьт. Дунейм абы ирамыхьэлIа хущхъуэгъуэ щыIэтэкъым. ИтIаникI ар хъужыртэкъым. А жылэм дэст КъуийцIыкIуи, ари къэкIуащ, мэлыхъуэм деж къызэплъыну. КъуийцIыкIу мэлыхъуэм жыриIащ, жэщкIэрэ и фыз сымаджэм деж сыкъыщIанэну. Арати, КъуийцIыкIу зэрыжиIам хуэдэу, жэщым фыз сымаджэр зыщIэлъ пэшым сыщIаубыдащ. ГъуэлъыпIэ щIагъым сыщIэгъуэлъхьауэ сыщIэлъу, жэщыбгым зы удыжь цIыкIу гуэр уэнжакъымкIэ къихьэри фыз сымаджэм и лъыр къыщIифыкIыу хуежьащ. Ар сэ сигу техуэнт?! СыкъыщIэлъщ гъуэлъыпIэ щIагъми, удыр дзапэкIэ субыдащ.

– СыутIыпщыж, Сосрыкъуэ, сэри сэбэп сыпхуэхъужынщ, – жиIэри къызэлъэIуащ удыжь цIыкIур.

– Хьэуэ, узутIыпщынукъым, мы сымаджэр умыгъэхъужауэ! – жесIащ удым.

Ар щыжысIэм, удым фалъэр къищтэри фыз сымаджэм лъыуэ къыщIифыкIауэ щытар къырикIутыжащ. Фалъэм лъыр из хъуа нэужь, удым жиIащ:

– Пщэдей мы лъымкIэ вгъэпскI фыз сымаджэр.

Апхуэдэу къыщызжиIэм, удыр сутIыпщыжащ.

Пщэдджыжьым мэлыхъуэр унэм къызэрыщIыхьэу, фалъэм сыбгъэдэлъадэри, си лъапэр лъым хэсщIэри фыз сымаджэм щысхуащ. ЛIым ар щилъагъум, гу лъитэри и фыз сымаджэр а лъымкIэ игъэпскIащ. ЛъымкIэ фызыр зэригъэпскIыу, къызэфIэувэжащ, лажьэ лъэпкъ имыIэуи хъужащ.

Мэлыхъуэм ар игъэхъыбарынтэкъэ?! Жылэм жьыуи щIэуи дэсыр къызэхуэсащ, сэ къызэплъыну. Ар сигу темыхуэу жылэм сыдэжри си щIасэ гуащэм и къуажэм сыдэлъэдэжащ. Си щIасэ гуащэм и пщIантIэм сызэрыдэлъадэу, сыплъэри – шы фIэдзапIэм Хъымыщ, Уэзырмэс, Нэсрэн, Жьынду ЖьакIэ сымэ яшхэр бгъэдэтт. Езыхэр си щIасэ гуащэм и унэм щIэсу хъуэхъухэр яIэту щефэхэрт.

– Ееуей, тхьэмыщкIэ, Сосрыкъуэ дыкъищIэркъым, армыхъумэ зэгуэудынт, – жаIэу абыхэм я псалъэ макъыр щызэхэсхым, сызэгуэпыщэри, слъэкIыр арати, бжэщхьэIум сытету сыбэнащ. АтIэ, сыхьэти, нэгъуэщI зыри слъэкIыртэкъым. Сыщыбанэм, си щIасэ гуащэм си банэ макъымкIэ сыкъищIэри, нартхэм гурыщхъуэ яримыгъэщIын щхьэкIэ къыщIэкIри, «Адакъэ ухъу!» – къызжиIэри жэз щIопщымкIэ къызэуащ. Жэз щIопщыр къызэрыслъэIусу, адакъэ сыхъуащ.

– Мыхэр си щIасэ гуащэм деж щефэу, сэ сыадакъэу..! – жысIэри си щхьэ мыгъуагъэ хуэсхьыжауэ бжыхьым сыдэлъейри адакъэу сыIуэу щIэздзащ. Бжыхьым сыдэлъеяуэ сыщыIуэм, сыплъэри, а си щIасэ гуащэм я гъунэгъу фызым ху щIигъэпщу слъагъури абы сыбгъэдэлъэтащ. А фызым щIигъэпщ хур къэсщыпыну сыщыхуежьэм, фызыр къэпсалъэри къызжиIащ:

– Умыгузавэ, Сосрыкъуэ, иджы зы жэщ закъуэ адакъэу ехьэкIыф. Сэ си псэр пытмэ, а уи щIасэм къыуиха лейр хуэзгъэгъункъым, – жиIэри.

А фызыр мэлыхъуэм и унэм щызубыда удырат. А жэщым удыр си щIасэ гуащэм и унэм уэнжакъымкIэ ихьэри жэз щIопщыр къидыгъуащ. Джэдэщым накIуэри, жэз щIопщымкIэ къызэуэри, аргуэру Сосрыкъуэ сыхъужащ.

– Мы уэ къысхуэпщIар игъащIэкIэ сигу ихункъым, – щыжысIэм…

– Уэ къысхуэпщIар пхуэсщIэжащ. Сыщыбубыда жэщым сыбутIыпщыжати, жэз щIопщыр уи щIасэм къыфIэздыгъуащи, мэ иджы, сыт ухуейми ещIэ уи щIасэ гуащэм, – жиIэри жэз щIопщыр къысIэщIилъхьащ.

Жэз щIопщыр къызэрысIэрыхьэу, си щIасэ гуащэм и унэм сыщIыхьэри сыплъэмэ – си щIасэ гуащэр Арыкъшу и гупэ хэлъу мэжей.

– Шыд фыхъу! – жысIэри жэз щIопщымкIэ сеуащ, жейуэ хэлъхэм.

Арати си щIасэ гуащэр шыдыбз хъуащ, Арыкъшу шыдыхъу хъуащ. Иджы махуэ къэс а тIур зэпэщIызощIэри совэ, мэш къырызошэ, хьэхуу хэт хуейми изот.

Иджы, Мэзытхьэ, а бэлыхь къомыр си щIасэ гуащэм къыщIыстрилъхьар мыпхуэдэ бажафэ фIыщIэщи, мыр си пщэм едзэкIауэ сыдэхьэжынурэ си щIасэ гуащэу щыта шыдым езгъэлъагъунут, езгъэхъуэпсэнут. «Сосрыкъуэ бажафэ фIыщIи къегъуэтыф, щыхуейм деж», – жысIэну арат мы бажафэр зэрысщIынур, – жиIэри Сосрыкъуэ псысэр иухащ.

Сосрыкъуэ щиухым, Мэзытхьэ Бэдынокъуэ еупщIащ:

– Уэ сыт зэрыпщIынур мы бажафэр? – жиIэри.

– Ди жылэм си гъунэгъууэ щопсэу зы фыз тхьэмыщкIэ гуэр. Абы иIэщ щIалищ. Ахэр цIыкIу-цIыкIухэщ, зеиншэхэщ. Нартхэм

къыхуахьIамэ, абы иропсэухэр. Сэ мы бажафэр абыхэм яхуэсхьу щIымахуэ пыIэ зырыз яхуезгъэщIыну арат си мурадыр, – жиIащ Бэдынокъуэ.

– Уэ жыпIэр, Сосрыкъуэ, зы къэмынэу псысэщ. Пэжыр жызыIам бажафэр лъос. Мэ, Бэдынокъуэ, бажафэр уэращ зыхуэфащэр. Нарт сабий зеиншэхэм пыIэ яхуегъэщI, – жиIэри Мэзытхьэм бажафэр Бэдынокъуэ къыритащ.

БАДИНОКО И СОСРУКО

После того, как Бадиноко и Сосруко стали *шаогами,* они сделались и товарищами по охоте, всегда вместе выезжали на охоту. И кони, на которых они ездили, и собаки, которые ходили с ними, были во всем равными друг другу. И косулям, которых они замечали, не давали с места сойти.

– Сосруко, пошли на охоту! – сказав, однажды Бадиноко вместе с Сосруко выехали охотиться. Когда они, миновав один редкий лесочек, приметили лису, Сосруко сказал: «Хайт!» и напустил собак на нее. Собаки Бадиноко тоже рванулись вместе с собаками Сосруко. Собаки Сосруко бегут слева, собаки Бадиноко – справа, так гнали они чернобурую лису, и оба нарта одновременно натянули свои луки и одновременно выстрелили.

Стрела Сосруко попала в левый глаз, стрела Бадиноко попала в правый глаз. Ну куда было деться лисе! Два нарта поразили ее одновременно. Оба подбежали одновременно к месту, где лежит лиса и вместе ее подняли: Сосруко ухватился за ее передние лапы, Бадиноко ухватился за ее задние лапы.

– Лиса моя! – заявил Сосруко.

– Нет, моя! – сказав, возразил Бадиноко.

– Вот моя стрела, она попала в левый глаз лисы. Она должна быть моей, – заспорил Сосруко.

– Моя стрела тоже вот она, попала в правый глаз. Лиса принадлежит мне, – заявил Бадиноко.

Вот так Сосруко и Бадиноко заспорили из-за лисы и повздорили. Когда Сосруко и Бадиноко повздорили, *Мазытха* сидел на верхушке дерева; он глянул и, увидев тех двух Нартов, подошел к ним:

– *Пшарых апший*, мужи-охотники! – приветствовал он их.

– *Да умножатся для нас твои пшарыхи!* – ответили нарты.

– Что это вы ссоритесь? – спросил Мазытха у Сосруко и Бадиноко.

– Не можем поделить эту лисью шкуру, – ответил Сосруко. – Лису подстрелил я, а Бадиноко тоже настаивает, что это он ее убил, – так пояснил Сосруко.

Мазытха положил лису перед собой и...:

– Как быть с лисьей шкурой – я сам решу. <Только> скажите мне, на что вам она нужна, и я вручу ее тому, кто больше достоин, – решил Мазытха.

– Согласны, – сказали оба нарта. А что они могли поделать – возражать Мазытхе было нельзя.

– Сосруко, что ты хочешь делать с этой лисьей шкурой? – спросил Мазытха у Сосруко.

– Я с ней хочу сделать вот что … У меня была <когда-то> одна нартская девушка-возлюбленная. Много раз я посещал эту свою возлюбленную, и каждый раз она требовала с меня какого-нибудь подарка. Но однажды я заехал к ней по пути из *зеко*, где мне ничего не удалось добыть.

– Что это ты, Сосруко, явился ко мне с пустыми руками (букв.: *ничего не принеся*)? Если я тебе нужна, то добудь мне такую же чернобурку, какая на меховой шубе у Сатаней. Пока этого не достанешь, ко мне и не появляйся! – так она мне сказала.

Что мне оставалось делать? Отправился я на поиски шкуры чернобурой лисы. Много же я охотился – по степям Тэна искал, по Тамани ходил, по берегу Индыла рыскал. Но как бы я ни старался, чернобурую лису я так и не нашел. Однажды, когда я приметил одну серую лису, я решил: «Что серая, что черная – все равно обе они лисицы». Взял я и подстрелил ее. Прибыл я с серой лисой в руках к своей возлюбленной и протянул ей лисью шкуру.

– Я же сказала, шкуру чернобурой лисы, такую, как ворот на шубе у Сатаней, а ты мне принес шкуру серой лисы, – сказав так, моя возлюбленная рассердилась, достала бронзовую плеть и, сказав: «Стань собакой!», ударила меня – и я превратился в собаку.

Это она превратила меня в собаку потому, что я ей надоел, и она увлеклась другими нартскими парнями. Что я мог поделать – я был собакой, и потому остался жить <у нее> во дворе. Гляжу я и вижу: к моей возлюбленной гуаше заезжают Канжа сын Шауей, Хымыш Могучий, Имыс, Озырмес. Они спешиваются здесь, проводят ночи. Не раз я видел и Бадиноко, спешивающимся у этой гуаши.

Мог я стерпеть, видя это? Унес я ноги со двора своей возлюбленной гуаши. Бродя по свету, я пришел на одну кошару в степи. Чабаны пожалели и покормили меня. А когда пришла пора гнать овец в селение, я прибился к одному чабану и с ним пришел в село.

У того чабана, что взял меня с собой, жена тяжело болела. На свете не осталось средства, которого бы не испробовали, чтобы ее вылечить. Но все равно она не поправлялась. В том селении жил Куйцук (букв.: *Маленький Плешивец*), и он явился посмотреть меня. Тот Куйцук подсказал чабану, чтобы меня на ночь оставляли у больной женщины. Итак, как сказал Куйцук, меня на ночь заперли в комнате, где лежала больная. Залез я под кровать и в полночь вижу, как по дымоходу спускается одна маленькая *уд* – ведьма и принимается высасывать кровь у больной женщины. Мог я это стерпеть? Я выскочил из-под кровати, поймал пастью эту уд.

– Отпусти меня, Сосруко, я тоже тебе помогу, – попросила маленькая уд.

– Не отпущу, пока не излечишь эту больную! – возразил я.

Когда я так сказал, уд взяла чашу и вылила [отрыгнула] в нее всю высосанную из больной женщины кровь. Когда чаша наполнилась, уд сказала:

– Завтра обмойте женщину этой кровью.

Когда она так сказала, я ее отпустил.

Как только утром чабан вошел в комнату, я подбежал к чаше, обмакнул свою лапу в кровь и стал мазать больную. Мужчина, увидев это, догадался, что делать, и обмыл свою жену той кровью. Как только он закончил ее обмывать, женщина встала, здоровая, как ни в чем не бывало.

Разве чабан не рассказал бы об этом! В селении и стар и млад собрались посмотреть на меня. Я не выдержал этого и убежал из <того> селения, явился в селение, где жила моя возлюбленная гуаша.

Вбежал я во двор моей возлюбленной гуаши и вижу – у коновязи стоят лошади Хымыша, Озырмеса, Насырена, Жинду-Жаке. Сами же они сидели в доме моей возлюбленной гуаши и пировали, произнося хохи.

– Ай, бедный Сосруко, он не ведает о нас, а не то бы лопнул с досады, – <смеются они>.

Когда я услышал такие их слова, я так рассердился, что сделал единственное, что был в силах сделать: стал на пороге и громко залаял. Ведь я был собакой и поэтому больше ничего не мог поделать. Когда я залаял, моя возлюбленная гуаша узнала меня по голосу и, пока нарты чего-либо не заподозрили, вышла, «Стань петухом!» – сказала и стегнула меня бронзовой плетью. Только бронзовая плеть коснулась меня, я превратился в петуха.

– Вот дела – они тут пируют у моей возлюбленной гуаши, а я петух! – возмутился я, взлетел на плетень и начал громко кукарекать.

Когда я кукарекал, взлетевши на плетень, я глянул в соседний двор и увидел, что там женщина провеивает просо. Я спрыгнул к ней. Как только я принялся клевать просо, провеиваемое той женщиной, она тут же заговорила со мной и вот что сказала:

– Не беспокойся, Сосруко, потерпи всего одну ночь в образе петуха. Если только душа моя будет в моей плоти, я не прощу твоей возлюбленной того, что она с тобой сделала.

Та женщина – это та самая уд, которую я поймал в доме чабана <и отпустил>. Ночью она пролезла по дымоходу в дом моей возлюбленной гуаши и похитила бронзовую плеть. Пришла она в курятник и стегнула меня той бронзовой плетью – и я вновь стал <прежним> Сосруко.

– Услугу, что ты мне оказала, я в жизни не забуду, – когда я так сказал…

– Я оказала тебе то же, что и ты мне. В ту ночь, когда ты меня поймал, ты отпустил меня, и вот теперь я для тебя похитила бронзовую плеть. На, бери и делай с возлюбленной гуашей все, что хочешь, – сказав так, она вложила мне в руку бронзовую плеть.

Как только бронзовая плеть оказалась у меня в руках, я вошел в дом к своей возлюбленной гуаше и – что я вижу: моя возлюбленная гуаша спит в объятиях Арыкшу!

– Станьте ослами! – сказал я и стегнул спящих. Итак, моя возлюбленная гуаша стала ослицей, Арыкшу стал ослом. Теперь я каждый день запрягаю их и на них пашу, вывожу урожай, отдаю внаем всем, кто ни попросит.

Вот, Мазытха, какие муки моя возлюбленная гуаша навлекла на меня из-за вот такой чернобурой лисьей шкуры. И теперь

я хотел бы войти в свой двор с этой шкурой на плечах, чтобы моя бывшая возлюбленная гуаша, а ныне ослица, увидела это. Хотел я этим сказать: когда надо, Сосруко может и шкуру чернобурой лисы добыть. Вот для чего мне она нужна, – закончил свою сказку Сосруко.

Когда Сосруко кончил <говорить>, Мазытха спросил у Бадиноко:

– А тебе на что эта лисья шкура? – сказал.

– В нашем селении, пососедству со мной, живет одна бедная женщина. У нее трое сыновей. Мал мала меньше, сироты <без отца>. Пробавляются они тем, что им принесут нарты. Я хотел подарить им эту лисью шкуру, чтобы на зиму каждому из них сшили по одной шапке, – ответил Бадиноко.

– Сосруко, все, что ты рассказал, это сказка. Лисья шкура достается тому, кто сказал правду. Возьми, Бадиноко, лисья шкура твоя по праву. Закажи шапки для нартских мальчиков-сирот, – сказал Мазытха и отдал лисью шкуру Бадиноко.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 195–199. В комментариях к изданию сведения о месте, времени записи и других данных не указаны. Дана пометка: «Оригинал хранится в архиве КБНИИ (ныне – ИГИ КБНЦ РАН). Однако в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН данную запись обнаружить не удалось. Наши наблюдения позволяют признать, что текст близок к аутентичному, и сомнений в его подлинности нет, несмотря на отсутствие паспортных данных. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой вариант распространенного сказания о споре между двумя нартскими богатырями из-за охотничьей добычи. В отличие от большинства других вариантов, здесь метаморфозы происходят не с главным героем, а с его соперником. Тем не менее, победа присуждается нарту Бадиноко – благодаря акценту на правдивость повествования и элемент сочувствия немощным. Примечательно участие языческого персонажа Мазытхи в роли судьи, разрешающего спор, касающийся именно его прерогативы охотничьей добычи.

Шаоги, шаог (*щауэгъухэр, щауэгъу*) – друзья, скрепившие свои отношения словесной формулой или ритуалом.

Мазытха (*Мэзытхьэ, Пщымэзытхьэ*) – языческий персонаж, покровитель лесов и охоты в адыгской мифологической системе.

Пшарых апший (*Пшэрыхь апщий*) – традиционная формула, которой принято приветствовать охотников. Здесь слово *пшэрыхь* употребляется в значении *добыча, охотничий трофей.*

Зеко (*зекIуэ*) – поход, род занятий богатырей, которые разъезжали в поисках добычи.

Да умножится твой пшарых (*Уи пшэрыхьыр убагъуэ*) – традиционная формула ответа на приветствие, мотивированная тем, что Мазытха ведал всеми благами леса, и дичь была также под его покровительством.

Уд (*уд*) – ведьма.

47. ПЩЫ БАДИНОКЪУЭ И КІУЭДЫЖЫКІАР

Пщы Бадинокъуэ Чылъахъстэн ипхъу Ахуандэ-гуащэ лъыхъуну къэкІуащ. Къэсри, шым епсыхри, бжэІупэм бжыр хисэри унэм щІыхьащ.

Чылъахъстэн жиІащ:

– ПсыкІи сыткІи имыгъэпсыфу мы бжыр къыхэзычыфым Ахуандэ-гуащэ естынущ, – жери.

Зыми къыхичын хулъэкІакъым.

Сосрыкъуэ къыдыхьащ. Сосрыкъуэ Іуэхур зытетыр жраІащ. Сосрыкъуэ мащІэ-мащІэу игъэсыс ищІурэ щІэгъутхьэри къыхичащ. ИтІанэ Чылъахъстэным Сосрыкъуэ бжыр къызэрыхичар жраІащ.

– Къыхичыфынутэкъым хьэм къилъхуам, ауэ щІэгъутхьэри къыхича хъунщ, – жиІащ Чылъахъстэн.

Пщы Бадинокъуэ Ахуандэ дэгушыІэри шым шэсыжыну къыщІэкІыжащ. Бжы хисам къыщыбгъэдыхьэжым, пщы Бадинокъуэ къищІащ, Сосрыкъуэ щІэгъутхьэу къызэрыхичар. Бадинокъуэ губжьащ.

Губжьауэ шэсри дэкІыжащ. Абы и ужьым Сосрыкъуэ ихьащ. ЩІэхьащ.

– Сыт укъыщІэгубжьар, нарт пщы Бадинокъуэ? Уэ уи щхьэкІуэр сэри си щхьэкІуэщ, зэшыпхъуитІым дыкъалъхуащ, дгъэзэнщи къуажэ Іэхъуи, бжэныхъуи, зыри дэдгъэкІынкъым, – Сосрыкъуэ къыщыжриІэм, тІуми ягъэзэжащ.

Сосрыкъуэ жеІэ:

– Уэ унэхъ инщи, лъэгум дэувэ, сэ сынэхъ цІыкІущи, бжьэпэм сытеувэнщ.

Апхуэдэу ящІащ.

Іэхъуи, бжэныхъуи, ІуэхущІи къуажэм зыри дагъэкІыркъым. Чылъахъстэныр дэкІри Лъэпщ дей кІуащ.

– Зыхуэпшийм техуэу, зытехуар мыхъужыну сагъындакъышитІ схуэщІ! – жриІащ Чылъахъстэн Лъэпщым.

Лъэпщым шабзитІ хуищІри, Чылъахъстэныр къэкІуэжащ.

КъыздэкІуэжам хьилагъэкІэ Сосрыкъуэ къыпежьащ. Сосрыкъуэ гъуэгу напщІэм Чылъахъстэн имылъагъуну зы хъырц гуэрым къыкъуэтІысхьэри, Чылъахъстэныр шым тесу абы къыщысым, Сосрыкъуэ къыхэжри шыр къигъэщтащ, шым зыщІидзри, Чылъахъстэным зы шабзэр икъутащ. Къэна зы шэр къихьри къэкІуэжащ.

Чылъахъстэныр къэсыжри, зы шабзэт иІыгъыжри, Ахуандэгуащэм еупщІащ:

– Бжьэпэм тетым сеуэн хьэмэрэ къуэм дэтым сеуэн? – жери.

Чылъахъстэным и гум ирилъхьащ, Ахуандэ еуэ жыхуиIэм емыуэну. Ахуандэ ар къищIати, «Бжьэпэм тетым еуэ», – щыжиIэм, Чылъахъстэн къуэм дэтым еуэри пщы Бадинокъуэ иукIащ.

Сосрыкъуэ и закъуэт къэнари, итIаникI къуажэр лэжьакIуэ дэкIын шынэрт.

Зы мэлыхъуэжь къахэжанык Iри дэкIати, Сосрыкъуэ лIауэ щылъу илъэгъуащ. КъэкIуэжри Чылъахъстэным къыжриIащ, Сосрыкъуэ лIауэ зэрыщылъыр.

Чылъахъстэным:

– ЛIакъым, – жери и фIэщ хъуакъым. – Мыдэ пхъуантэм дэлъ брур къафщти, и лъэдийр фугъуэни, и куцIым сепэмынщи къэсщIэнщ, – жери.

КIуэри, лъэдийр яугъуэнри куцIыр къыхуахьащ.

Ахуандэ дахэ Чылъахъстэн дей щIэст. Къыщахьым, Чылъахъстэн епэмащ.

– Ай, хьэмэ къилъхуа, и лIыхъугу мэжьэражьэри щылъщ! – жиIащ.

Абы щыгъуэ Ахуандэ къелъэIуащ:

– Сэ къызэти зэ сегъэпэмыт, – жери.

Иритри иригъэпэмащ.

– Мыбы и куцIым хьэдэмэ щоу, мыр псэужкъым, – жери Ахуандэ Чылъахъстэным жриIащ.

Чылъахъстэн тIэкIу Iэнкун хъури:

– ФыкIуи псэурэ мыпсэурэ феплъыт! – жери игъэкIуащ.

ЗдэкIуам Сосрыкъуэ щыIэжтэкъым: и Тхъуэжьейм шэсри ежьэжат.

Сосрыкъуэ фIэкIа Ахуандэ зыми дэкIуэнутэкъым, арщхьэкIэ Сосрыкъуэ абы и ужь къимыхьэжу нартхэм яукIыжащ, цIыхухэм яукIын яхулъэмыкIыжу.

ГИБЕЛЬ ПШИ БАДИНОКО

Пши Бадиноко приехал к дочери Чилахстана Ахуанда-гуаше свататься. Прибыл <он>, спешился с коня и, воткнув <свое> копье в землю у входа, вошел в дом.

Чилахстан сказал:

– Я отдам Ахуанда-гуашу за того, кто вырвет это копье, не увлажняя <землю> ни водой и ни чем другим.

Никто не смог вырвать <копье>.

<В это время> въехал <во двор> Сосруко. <Нарты> рассказали Сосруко в чем дело. Сосруко, медленно раскачивая <копье>, помочился <под ним> и вырвал. После этого <нарты> сообщили Чилахстану, что Сосруко вырвал копье <пши Бадиноко>.

– Не смог бы он, собачье отродье, вытащить <копье>, но, наверное, помочился <под ним> и выдернул, – сказал Чилахстан.

Пши Бадиноко поговорил с Ахуандой и вышел <из дома>, чтобы сесть на коня <и уехать>. Когда подошел к копью, которое <он> воткнул <в землю>, пши Бадиноко понял, что Сосруко помочился <под ним> и вырвал. Разгневался Бадиноко. <Он>, разгне-

вавшись, сел <на коня> и выехал <со двора>. За ним вслед поехал Сосруко. Догнал <его>.

– Зачем гневаешься, нарт пши Бадиноко? Твое несчастье должно быть несчастьем и для меня, <нас> родили две сестры, вернемся <к Чилахстану> и не выпустим <из селения> ни сельских пастухов, ни козопасов – никого, – когда <так> сказал Сосруко, оба возвратились <к Чилахстану>.

Сосруко говорит:

– Ты выше меня <ростом>, поэтому располагайся в лощине, а я ниже тебя, поэтому стану на вершине.

Так и сделали. Не выпускают <они> из селения ни пастухов, ни козопасов, ни слуг – никого.

Чилахстан поехал к Тлепшу.

– Сделай мне две стрелы – в кого целишься, чтобы попадали, а в кого попадут, чтобы убивали! – сказал Чилахстан Тлепшу.

Когда <Чилахстан> возвращался, Сосруко поехал ему навстречу, чтобы <погубить его> хитростью. Сосруко спрятался за каким-то кустом у обочины дороги, чтобы его не заметил Чилахстан, и, когда Чилахстан доехал до этого места, Сосруко выскочил из-за куста и испугал коня <Чилахстана>. Конь шарахнулся, и Чилахстан сломал одну стрелу. Вернулся <он> с одной оставшейся стрелой.

Вернулся Чилахстан, у него осталась только одна стрела, поэтому спросил Ахуанда-гуашу:

– В кого из них стрелять – в того, кто стоит на вершине или в того, кто в лощине?

Чилахстан решил не пускать стрелу в того, на кого укажет Ахуанда. Ахуанда знала об этом и, «Стреляй в того, кто находится на вершине», – когда она так сказала, Чилахстан пустил стрелу в того, кто был в лощине, и убил пши Бадиноко.

Остался Сосруко один. Но жители <селения> еще боялись выйти в поле работать. Но какой-то старый чабан отличился, поднялся <на вершину> и увидел там мертвого Сосруко. Вернулся <он> и сообщил Чилахстану, что <на горе> лежит мертвый Сосруко.

– Не умер он, – не поверил Чилахстан. – Достаньте из сундука бурав и просверлите ему голень, я понюхаю мозг <из голени> и узнаю, < жив он или умер>, – сказал <он>.

Подошли <к Сосруко>, просверлили <ему> голень, <достали> мозг и доставили <Чилахстану>.

Красавица Ахуанда сидела <в комнате> Чилахстана. Когда <те> доставили < мозг>, Чилахстан понюхал:

– Эх, собачье отродье, лежит он, и его геройское сердце пылает! – сказал <он>.

Тогда Ахуанда попросила:

– Дай мне один раз понюхать.

<Чилахстан> отдал, и она понюхала.

– Его мозг уже отдает мертвечиной, он умер, – сказала Ахуанда Чилахстану.

Чилахстан задумался.

– Идите и проверьте, умер ли он или нет, – сказал <он> и отправил < к нему нартов >.

Прибыли они, но там не оказалось Сосруко: сел он на своего Тхожея и уехал. Ахуанда хотела выйти только за Сосруко, но Сосруко не стал вновь свататься к ней. <Обычные> люди не смогли <его> одолеть, и нарты убили <его>.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-е. Пасп. № 14. Исп. Едыдж Семен: 1873 г.р., а. Пчегатлукай Адыгеи; бжедуг. Зап. в 1949 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой вариант распространенного сказания о богатырском сватовстве и гибели нарта Бадиноко, и женитьбе нарта Сосруко на дочери нартского старейшины. В данном варианте, однако, нарт Бадиноко погибает, не успев жениться. Текст отнесен нами к циклу нарта Бадиноко, несмотря на то, что варианты данного сюжета публикуются в цикле сказаний о нарте Сосруко. Достаточным основанием для этого явилось то, что имя героя настоящего цикла вынесено собирателем и исполнителем в название, а в самом повествовании роли двух богатырей примерно равнозначны. Отдельного сюжета о кончине нарта Бадиноко / Шабатыныко в адыгском эпосе не зафиксировано. Однако почти во всех версиях, в которых присутствует данный мотив, гибель героя связана прямо или же косвенно с именем нарта Сосруко, часто – с его кознями.

48. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКІОДЫКІ

<Шэбатныкъо> нарт япшъашъэ ыхьи Чынты зэркІожьыгъэм пае, Саусэрыкъо губж фишІи, Іошъхьэ пІалъэ ритыгъ. Арыти, къякІуалІи, Шэбатныкъо зигъэчэрэзэу тетзэрэ, къолэжъымэ «къуагъ» аІозэрэ, хьишъэ быузэрэ, ишы одыджынхэр пышІагъэхэу Саусэрыкъо къыІохьэ. Шэбатныкъо иш ащ къагъащти, Шэбатныкъор рихьэжьэжьыгъ. КопкъыкІэ зефызым, шы цэгэ нэлъищыр хикІыкІыгъ; къызежэдаІэм, шы жэпкъэр къыхитхъыгъ.

Саусэрыкъор екІуалІи ышъхьэ пихыгъ. Ышъхьэпихиянэдыйыхьыгъ. Янэ зыфехьым, Шэбатныкъо ышъхьэ ышІэжьыгъ.

– А иман зыкІоцІымылъ, мы къэпхьыгъэр тэ тикІали, о уипхъорэлъфэгъуи! – ыІуагъ.

Чъырэ лэныстэшхо къышти, пчъэмкІэ къызылъедзым, пчъэ пхъобгъум пхырыкІи, чІыгум щэрэчищэу хэхьагъ.

ГИБЕЛЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

Сосруко рассердился на <нарта Шабатныко> за то, что тот похитил девушку из нартов и увез ее в Чиртию, и назначил ему поединок (букв.: *встречу на кургане*). Ну и явился он, нарт Шабатны-

ко, подъезжает к нему Сосруко; <над ним> вороны кричат «куаг!», свора (букв.: *сотня*) собак воет, конь его колокольчиками обвешен. Они вспугнули коня Шабатныко, и он понес <нарта> Шабатныко. Как он [Шабатныко] сдавил коня своими бедрами, он сломал ему три ребра, как дернул за узду, вывороти л челюсть коня.

Сосруко подъехал и снес ему голову. Снес он голову и доставил ее к своей матери. Когда он принес это матери, она узнала голову Шабатныко.

– Ах ты, не носящий в себе веры, Это же ты принес <голову> парня нашего <племени>, он твой двоюродный! – сказала она.

Она взяла большие стальные ножницы и, когда бросила их ему вслед в сторону двери, они пронзили дощатую дверь и вошли в замлю на три пласта.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 315. Исп. Пщимаф Оситлов: 1887 г.р., а. Урупский (Шхащефиж) Успенского р-на Краснодарского края; абадзех. Зап. 20.12.1959 г. Н. Набокова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Сюжет совпадает в основных деталях с сюжетом пшинатля о бое нарта Сосруко с Тотрешем: назначение поединка (встреча на кургане), колдовские приемы, используемые нартом Сосруко (неожиданное появление, волшебные колокольчики), испуг коня противника и легкая расправа с ним нарта Сосруко, доставление головы противника своей матери и узнавание ею своего племянника, гнев матери (метание ножниц). Вместе с тем, исходная мотивировка оригинальна – похищение нартом Шабатныко девушки из нартского племени. Повествование лаконично до того, что не тяготеет к художественному повествованию, а сводится к изложению самой сути события. Однако при этом сюжет излагается достаточно последовательно.

49. НАРТ ШЭБАТНЫКЪО ИКІОДЫКІ

Шэбатныкъо нарт хасэм кІуишъ ятэ къызегъэнэжьым, илъэс зауляpэ хэтыгъ.

ИтІанэ «Іэкуандэ дэжь псэлъыхъо сыкІот!» ыІуи, къыщэн ыгу хэлъэу кІуагъэ. Шэбатныкъо лІышко хъугъагъэ, пелыуанышко хъугъагъэ.

Шэбатныкъом пчышко ыІыгъыгъ.

Іалэджы яунэ къэкІуагъ, Іэкуандэ дэжьы. Пшъашъэр зипшъэшъагъэр Чэлэхъстэн ары. Шэбатныкъо къэсишъ, Іалэдж ящау щепсыхыгъ. Пчэр унэм рихьагъэп, иныти, пчъэІупэм чІисагъ. Унэм зехьэм, зыгорэм ибзэкуалъэ зыІехым, ылъэкІапІэ ыгъэкІэзэзыгъ, ынэбзыцхэр ыгъэупІэпІагъ, ичати пкъэужъыем

ыIатыгъэп. Чэлэхъстэнэу пшъашъэм ятэр къаплъи къылъэгъугъ пчэр зэрэчIэсагъэр.

Нарт шъэуабэ епсэлъыхъотыгъэ Iэкуандэ дахэм. Ахэмэ къариIуагъ Чэлэхъстэным:

– Шъуащыщэу Шэбатныкъо ипч чIэзычырэм Iэкуандэ есэты, – къариIуагъ.

ЕIагъэх зэужэри, чIачын агу хэлъэу, зыми фычIэчыгъэп. Афэгъэхъыягъэп.

Саусырыкъо къыдэхьагъ. Нарт шъаомэ раIуагъ къэбар Саусырыкъо.

– Шэбатныкъо ипч чIэзычырэм Iэкуандэ ритынэу Чэлэхъстэны ыIуагъ, тэ теплъыгъ шъхьае, къытфычIэчырэп, – аIуагъ.

Саусырыкъо пчым кIэлъырыуцуи, амышIахэу кIэлъырыгъутхьагъ. Ыгъэсыси къычIичыгъ пчыр.

– Саусырыкъо пчэр къычIичыгъ, – ыIуи Чэлэхъстэным раIуагъ.

– А тхьагъэпцI удым ар къычIичын ылъэкIытыгъэп, ылъапсэ чIэгъутхьи къычIичыгъэ нахь! – ыIуи, къышIагъ. Пшъашъэр ритыгъэп.

Ащыгъум Шэбатныкъор унэм исыгъ Iэкуандэ епсэлъыхъоу.

Шэбатныкъо къежьэжьыгъ. Пчым къекIолIэжьыгъ. Пчым къызеIэм, зэреIагъэхэр ышIагъ, ылъапсэ зэрэчIэгъутхьагъэхэр [ышIагъ].

– Сэ Чырты сыкъикIыгъ, – Нарты хьакIэджэ сыкъэкIуагъ, шъукъысэрыджэгоу! Шъузэрэхъурэр шъулъэгъун, пый зэрышъуиIэр зэжъугъашIэ, – ыIуи, Шэбатныкъо шэсыжьи дэкIыжьыгъ.

Саусырыкъу зыфаIорэ тхьагъэпцI цIыкIор хъор-шэрыти, Шэбатныкъом лъежьагъ. КIэхьагь Шэбатныкъом Саусырыкъор.

– Орырэ сэрырэ зыны тыкъилъфыгъ, Шэбатныкъу, о уишъхьакIо сишъхьакIо сэри, – ыIуагъ, – ау зыхъуджэ, пIалъэ етымыгъэтэу тягъэпый мыхэмэ, – ыIуагъ.

– Шъыд япыикIэу тяпыинэу пIорэ, Саусырыкъу? – ыIуи Шэбатныкъор еупчIыгъ.

– ЯмэщакIуи къыдэдгъэкIытэп, яжъонакIуи къыдэдгъэкIытэп, ябылым хъуакIо дгъэкIотэп, – ыIуагъ Саусырыкъо.

Къагъэзэжьыгъ. Къагъэзэжьи, къакIохи яхэгъуашъхьэ Дэджыу бжъапэ къызэсыхэм:

– Сэ сынахь цIыкIушъ – бжъапэм сытетыт, о унахь инышъ – кIэим иуцу, – ыIуагъ Саусырыкъо.

Саусырыкъо бжъапэм теуцуагъ, Шэбатныкъор кIэм иуцуагъ.

ЯжъонакIуи дагъэкIыгъэп, ямэщакIуи дагъэкIыгъэп, ябылыми дагъэкIыгъэп. Чэщ-мэфищэ аущтэу акъудыигъ.

Iэкуандэ ятэу Чэлэхъстэнэр дэкIи, адыджэ апшъэджэ ыуахьи, Лъэпшъ дэжь кIуагъэ. Лъэпшъы риIуагъ:

– Лъэпшъ, сызаорэм щымыохъоу тефэнэу, зытефэрэр мыхъужьынэу щитIу сфэшI, – риIуагъ.

ЩитIор къыфишIыгъ. ЩитIор къыщти къежьэжьыгъ Чэлэхъстэнэр. КъэкIожьы пэтзэ гъогум Саусырыкъор щыпэгъокIыгъ. Гъогум Iут мыстхъэ къогъум къогъолъхьагъ Саусырыкъо. Гъогум къырыкIозэ Чэлэхъстэнэр мыстхъэм къэсыгъ.

– Хьэйт! – ыIуи, Саусырыкъо шэр ыгъащти, Чэлэхъстэнэр рыригъэдзыхыгъ. Сагъындакъыщэу Iэджэ ыIыгъэр къанишъ, исагъындакъэ дэлъыщэр зэпиутыгъ.

– ТхьагъэпцI удыжъ, сеогъэукIыри! – ыIуагъ Чэлэхъстэным.

Саусырыкъо зигъэбылъыжьыгъ. Чэлэхъстэн къэшэсыжьи, ядэжьы къэкIожьыгъ.

– Тэ укIогъагъ, тят? – ыIуагъ ипшъашъэ.

– Лъэпшъ дэжь сыкIогъагъ, – ыIуагъ, – сипшъашъ. Мы чылэр дэзымыгъэкIыжьырэ тхьагъэпцIитIумэ сяон сыгу хэлъэу, Лъэпшъы щитIу къезгъэшIыгъагъ, ау Саусырыкъо сиш къыгъащти, сыригъэдзыхи, яхэзэрыщэр зэпиутыгъ. Зыщэу къысфэнагъэмджэ сызаорэр сыукIыт. КIэим дэтым еу пIомэ, сеот, бжъапэм тетым еу пIомэ, сеот, тIумэ язэу узабляэрэм сеот.

Iэкуандэ «еу» зыфиIорэм емыонэу ары иморадыгъэр Чэлэхъстэным.

– КIэим дэтым уемыу, бжъапэм тетым еу, – ыIуагъ Iэкуандэ.

КIэм дэтэр Шэбатныкъу, бжъапэм тетэр Саусырыкъу.

Iэкуандэ ышIэщтыгъ «еу» зыфиIорэм ятэ зэремыотэр. Ары шъхьае, Шэбатныкъом фэгумэкIыти, къэгуаIи, къыIуагъэр къыIэкIэIуагъ.

Чэлэхъстэнэр кIэим дэтым еуи, Шэбатныкъор арыти, ыукIыгъ.

Чылэмэ ариIуагъ:

– Шэбатныкъо сыукIыгъэ, Саусырыкъо хъэтэжьэп.

Чылэри губгъэм ихьажьыгъ.

Саусырыкъо хьадэу бгым телъэу, Тхъожъыер шъхьащытэу алъэгъугъ.

Чэлэхъстэным дэжь къакIохи къыраIуагъ:

– Саусырыкъо хьадэ хъугъэ, – аIуи.

КъызыраIом:

– А тхьагъэпцIым сеуагъэп, шъыдэущтэу укIыгъэ хъун, ар тэрэзыхэп, – ыIуагъ. – Ащыгъум, Iэкуандэ, удэ пхъуатэм сибырыу къыдэх, – бырыу горэ къыдаригъэхыгъ. – Мы бырыор шъухьыри, Саусырыкъо ылъэдакъэ хэжъугъаIи, ылъэтх куцIы щыщэ мы бырыужэм диз къэшъухь, лIагъэмэ – ар сэ къычIэзгъэкIыт, – ыIуи ыгъэкIуагъэх.

КIохи, Саусырыкъо ылъэдакъэ хагъаIи, ылъэтх куцI щыщэ бырыужэм диз къахьыгъ. Къахьи Чэлэхъстэнэм ратыгъ. Зыратым, куцIым епэмыгъ:

– ЛIэна мо тхьагъэпцIыр! ИлIыхъугу мэжъажъ щылъ, зигъэлIагъэу щылъ, – ыIуагъ.

Шэбатныкъо щымыIэжьы зэхъум, Iэкуандэр тIэкIу Саусырыкъо лIыджэ енэцIыжьыгъ.

– Тят, а куцIэр къысэти, сэри сегъэплъ, – ыIуагъ Iэкуандэ.

Бырыужэм зэрэдэлъэу ритыгъ. Епэмыгъ Iэкуандэ куцIым.

– Хъуна, тят, мыр? – ыIуагъ. – ИлIыхъугу жъэжъэна, хьадэмэ щэу мыщ, – ыIуагъ пшъашъэм, ыукIынджэ енэгуии, ежь енэцIыти.

– ШъукIори шъукъаплъ, – ыIуи Чэлэхъстэнэм ыгъэкIуагъэх.

ЗегъакIохэм, Саусырыкъор Тхъожъыем ешэси, IукIыжьыгъэу къычIэкIыгъ.

КъакIожьыхи, «Iутыжьэп» къыраIуагъ.

– А тхьагъэпцI цIыкIор зэрэмылIагъэр сэ сшIагъэба! – ыIуагъ Чэлэхъстэнэм.

Джарэу ыныбжь кIакоу Шэбатныкъо кIодыгъэ.

Шэбатныкъорэ Саусырыкъорэ зэшыпхъуитIумэ къалъфыгъ. ТIуми Сэтэнай ацI.

ГИБЕЛЬ НАРТА ШАБАТНЫКО

После того, как нарт Шабатныко ездил на нартскую хасу и избавил отца от гибели, он еще несколько лет оставался там.

Затем он решил: «Поеду-ка я свататься к Акуанде!», – сказал он так и поехал, рассчитывая жениться на ней (букв.: *привезти ее*). <К тому времени> Шабатныко возмужал, вырос и стал большим, стал большим силачом.

Шабатныко держал большое копье.

Явился он в дом Аледжей, к Акуанде. Девушка была дочерью Чалахстана. Шабатныко прибыл и спешился во дворе Аледжей. Копье было большое, и он не стал заносить его в дом, а воткнул возле двери. Когда он вошел в дом, кто-то принял у него колчан с луком, и у того ноги подкосились, глаза заморгали; меча его тоже опорный столб не смог выдержать. Чалахстэн, отец девушки, выглянул и увидел, что копье воткнуто в землю.

Много нартских юношей сваталось к Акуанде-красавице. Чалахстэн сказал им:

– Кто из вас вырвет копье Шабатныко, тому я отдам Акуанду, – так он обещал.

Многие пробовали, надеясь вырвать, никто не смог этого сделать. Даже расшатать не смогли.

Приехал Сосруко. Нартские юноши сообщили Сосруко <суть того, что они делают>:

– Чалахстэн обещал отдать Акуанду тому, кто вырвет из земли копье <нарта> Шабатныко; хоть мы и пробовали, но никто не может вырвать его, рассказали они.

Сосруко подошел к копью вплотную, незаметно для других помочился под него, расшатал и вытащил копье.

– Сосруко вырвал копье из земли! – сообщили Чалахстэну.

– Этому плутишке-ведьмаку не под силу вырвать это, просто он помочился под копье и вытащил, – догадался он. И не отдал девушку.

В это время Шабатныко находился в доме и сватался к Акуанде.

Шабатныко собрался уезжать. Он подошел к своему копью. Дернув копье, он понял, что к нему подходили, понял и то, что под него мочились.

– Я из Чиртии приехал, нартским гостем явился, а вы надо мной шутите! Увидите сами, что с вами случится; помните, что у вас есть противник, – заявил Шабатныко и выехал со двора.

Тот плутишка, которого звали Сосруко, был хитрецом, и он пустился вслед за Шабатныко. Догнал Сосруко <нарта> Шабатныко:

– Ты и я произошли от одной женщины (букв.: *старухи*), твоя обида и моя обида, – сказал, – а раз так, давай, не откладывая, станем с ними враждовать, – сказал.

– Каким видом вражды будем враждовать, говоришь, Сосруко? – спросил Шабатныко.

– Ни их сборщиков урожая (букв.: *выходящих на просяное поле*) не выпустим, ни их пахарей не выпустим, ни их скот на пастбище не пустим, – предложил Сосруко.

Повернули назад. Повернули назад, и когда доехали на их земле до горы Даджыу…

– Я меньше ростом, поэтому стану на горе, ты покрупнее – стань в лощине, – предложил Сосруко.

Сосруко стал на горе, Шабатныко спустился в лощину.

Ни их пахарей не выпускают, ни сборщиков проса не выпускают, ни скотину не выпускают. Три ночи-три дня так держали.

Чалахстэн, отец Акуанды, выбрался, прокрался сверху и пришел к Тлепшу. Он заявил Тлепшу:

– Тлепш, сделай мне две стрелы, чтобы в кого я выстрелю они попали, в кого попадут, чтобы тот не выжил.

Изготовил тот ему две такие стрелы. Забрал Чалахстэн те две стрелы и направился домой. На обратном пути Сосруко вышел к нему навстречу. Он подстерег его, спрятавшись в засаде у дороги. Чалахстэн, едучи, достиг места засады.

– Хайт! – крикнув, Сосруко вспугнул его коня и тот сбросил Чалахстэна наземь. Стрела, что он держал в руке, осталась, а та, что была на тетиве, поломалась.

– Ах, плут-ведьмак недобрый, чуть меня не погубил, – сказал Чалахстэн.

Сосруко исчез. Чалахстэн взобрался на коня и возвратился домой.

– Ты куда ходил, отец? – спросила дочь.

– К Тлепшу ходил, – ответил, – дочь моя. Собираясь празить этих двоих плутов, которые не выпускают все селение, я попросил Тлепша изготовить мне две стрелы, но Сосруко вспугнул моего коня, я с него упал, и одна стрела переломилась. В кого я выпущу оставшуюся стрелу, того убью. Если скажешь «Выстрели в стоящего в лощине», выстрелю, скажешь – в стоящего на вершине, в кого ты скажешь, в того и выстрелю.

Чалахстэн задумал, что не будет стрелять в того, на кого укажет Акуанда. Однако она больше питала слабость к Шабатныко, и она не смогла этого скрыть.

Чалахстэн выстрелил в того, который стоял в лощине, а это был Шабатныко, и он его убил.

Селению он объявил:

– Шабатныко я убил, теперь Сосруко не опасен.

Народ вышел на равнину.

Увидели, что Сосруко лежит мертвый на горе, а его Тхожей стоит над ним. Пришли к Чалахстэну и рассказали ему –

– Сосруко трупом стал, – сказали.

Когда так ему сказали…

– Я в этого плута не стрелял, отчего ему быть убитым, это не то, – сказал. – В таком случае, Акуанда, достань из сундука мой бурав. – Велел он достать бурав. – Пойдите с этим буравом, проникните через пятку Сосруко и достаньте костного мозга полный шаг этого бурава. Если он умер, я это выясню, сказал и с этим отправил людей.

Отправились, вонзили в пятку Сосруко и полный шаг костного мозга достали. Принесли это и вручили Чалахстэну. Когда вручили, Чалахстан понюхал мозги:

– Да разве умрет этот плут! Его геройское сердце стучит, сам он притворившийся лежит, – сказал.

Когда не стало Шабатныко, Акуанда понадеялась на Сосруко как мужа.

– Отец, дай-ка и мне посмотреть эти мозги, – попросила она.

Он передал ей это прямо в шаге бурава. Понюхала Акуанда мозги…

– Что за дело, отец? Как может его геройское сердце стучать, от него только запахом мертвечины несет, – сказала девушка, полагая, что он убьет (?), сама на него надеясь (фраза не очень разборчива – *перев.*).

– Пойдите-ка и посмотрите, – велев, Чалахстэн отправил людей.

А там, куда он их отправил, оказалось, что Сосруко сел на своего Тхожея и уехал. Возвратились посланные и сообщили: «Его уже там нет».

– Разве я не знал, что он не умер! – сказал Чалахстэн.

Вот так в юном возрасте погиб Шабатныко.

Сосруко и Шабатныко сыновья двух сестер. Обеих имя было Сатанай.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 316–319. Исп. Едидж Семен: 1866 г.р., а. Пчегатлукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 23.10.1940 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык А. Гутова.

50. ЩЭБАТЫНЫКЪО ИЛІАКІ

Щэбатыныкъо лІэу зэхъум, зыпІугъэм еупкІыгъ къыздэкІырэмрэ ылъэпкъымрэ, ятэ-янэхэмдж'э. Къэзыгъоти зыпІужьыгъэм къыриІуагъ псым къыхьэу къызэригъотыгъэр. Пхъатэу зыдэлъэу къыгъотыгъэр натымэ яІашІагъэу зэрэщытыгъэри риІуагъ.

– Адэ, сэ натымэ адэжьы сыкІожьыни, сэ слъэпкъ къэзгъотыжьынэу сыкІощти, щы сыфай, Іащэ-шъуащэрэ сафай, – риІуагъ зыпІужьыгъэм. ЗыпІужьыгъэр къолайти, зэужьэри иІагъ.

– Къахэх сищымэ узыфае щэр, сиІэщэ-шъуащэмэ узыфаер къахэх, – риІуагъ зыпІужьыгъэм.

ЗыпIужьыгъэм щыхэр зырызэу къыубытыгохэу нат Щэбатыныкъо щыкIэмэ къатэIагъ.

Зы хакIо нахь къыхэмыкIэу адэрэхэр зэужьэмэ акIэ къаIэгъо зэгъу пхэкIэ зэхигъэтIысхьагъэх. ХэкIожъэри IапыкIи ежьэжьыгъэщти, къыригъэгъази, бгым кIифи, ежьыри бжъакъом къыдэкIуаи къыготIысхьажьыгъ. ХакIом анахь готIысхьэгъагъэхэп. Къыридзыхымэ фаеу къыкIэчи къычахьыгъ, дэчэягъ, зыдидзыягъ, ау къыфемыдзыхэу уцужыгъэ.

Щэбатыныкъо къепсыхыжьи, уанэу тырилъхьагъэр пытэу ыгъэпытагъ. Iэщэ-шъуащэхэмдж'э зыкъыфапи, зыпIужьыгъэм ыIапэ къыубытыжьи, къыдэкIыжьыгъ.

Тен псыхъо гъунэ Iутэу зыуцогъурэ къэкIуагъ.

Тены къэкIи, Псыжъы къэкIуагъ. Псыжъы гъунэ Iутэу къакIого зэгъу, натымэ яхэгъэгъу къызэсым, натымэ ешхэ-ешъо яIэу зэхэсыхэти, натымэ якIэлэ горэ щаум дэтэу къылъэгъуи, ихьажьи ариIуагъ. Натымэ Саусэрыкъоти ятхьэматэу зэдэIухэу яIагъэр, раIуи, къагъаплъи, Щэбатыныкъо къакIоу зелъэгъум, емыплъышъоу ынэ зэтрипкъожьи, Iанэм зытыригъэкIагъ, ынэхэр ыупIыцIыгъэу.

– КъысашъуIуи шыур зыхэтыр? – къеIо шъхьакIэ, Саусэрыкъо къафеплъырэп. Зи рашIэн замылъэкIым, Лъэпшъы ыдэжьы агъакIуи, Iадэ къырагъахьи, Iадэмдж'э Саусэрыкъо ынапIэ зэтыратхъи къагъэплъагъ.

– Ашъыу, къэкIуагъэр шIу фэшIыдж'э къэкIуагъэп. Натымэ хьалачэр къахилъхьащт. ШъуипаIо шъхьарыхыгъэу лъэкоджэмышъхьэдж'э шъуфэтIыси, къышъозэгъымэ, шъуинасып. Къышъомызэгъымэ – шъуунэхъугъ.

– Къышъозэгъымэ, къыжъугъахьэ, жъугъэтIыси, санэ блэ хэсэу ежъугъашъуи, шъуинасыпымэ, ащ ыукIыщт, – ыIуи, Саусэрыкъо къикIи, щэси, ежьэжьыгъ.

Нат Щэбатыныкъо къызэсым, натыхэр пэгъокIыхи лъэкоджэмышъхьэдж'э рэтIысыхи, япаIохэр ашъхьарыхыгъэу «Къытфеблагъ!» раIуагъ.

Нат Щэбатыныкъо къепсыхи, натымэ къахэхьагъ. Натымэ ясэнабжъэ Щэбатыныкъо къыIакIагъэуцуагъ. Нат Щэбатыныкъо къамыщымдж'э блашхъо къыхидзи, икъамыщыкIэдж'э ыукIыгъ, сэнабжъэр ришъуи аритыжьыгъ.

Саусэрыкъо къыкIуахьызэ Щэбатыныкъо зэриукIыщтэ амалэр къыгъотыгъ. Натымэ яхэгъэгу къихьажьи, натымэ яIэхъожъ игъунэгъоу зыкъыщигъалIи зыкъыригъэгъотыгъ. Саусэрыкъо уIэгъэ Iаеу, иуIагъэми хьацIэ-пIацIэхэр къариуэлъэу, ежь шъумэр къыпырихэу щылъэу Iэхъожъым зелъэгъум, къэкIожьи Щэбатыныкъо риIуагъ:

– Ар лIагъэми мылIагъэми къэсшIэн. Бырыу шъухьи, ылъэдакъи шъуугъони, ылъэпшъэ куцIы щыщэ къысфэшъухь, – ыIуагъ.

Натымэ бырыу ахьи Саусэрыкъо ылъэдакъэ аубырыуи, ылъэпшъэ куцIы щыщэ къыфахьыгъ. Щэбатыныкъо Саусэрыкъо ылъэпшъэ куцIэ епэмыгъ:

– Псэу! ЗигъэлIэгъэ нэпцI! – ыIуагъ.

– Тэущтэу псэона? ХьацIэ-пIацIэхэр уIагъэмэ къадэкIых, шъумэ пэу, – аIуи, Щэбатыныко ышIошъ агъэхъугъ. Щэбатыныкъу ахэтэу нартыхэр кIуагъэх Саусэрыкъо ихьадэ еплъынхэу.

Саусэрыкъо хьазэрэу щылъыти, Щэбатынык ъо зыбгъодахьэм, Саусэрыкъо къызэшъхьылъэти, к'атэмдж'э къеуи, Щэбатынык ъо ышъхьэ зэфэдитIо къызэгуиупкIи кIитхъужьыгъ. Натымэ Щэбатынык ъо ышъхьэ зэгоутыгъэ Лъэпшъ ыдэжьы ахьи, Лъэпшъ гъоплъэ идэжьын фишIи ыдыжьыгъ. Щэбатынык ъо хъужьи ыпэрэм фэдэу Саусэрыкъо хэгъэгум къырымыгъахьэу ыублэжьыгъ.

Саусэрыкъо фабэуи чыIэуи къышIын ылъэкIынэу щытыгъ. Саусэрыкъо зэ фабэ къышIымэ, нат Щэбатынык ъо ышъхьэ гъуаплъэр къэплъымэ, ышъхьэ куцIэр къыгъажъоу, зэ чыIэ уае къышIымэ, гъуаплъэр къэучыIэмэ, шъхьэ куцIэр ыгъэцыкъэу гугъу-мыгъудж'э ыгъэлIагъ. Нат Щэбатынык ъо лIагъэ нахь мышIэми, натымэ Саусэрыкъо къызыхагъахьэжьындж'э фэмыехэу аукIынэу раупхъэщэжьагъ.

Нат Саусэрыкъо къаубытыни зэраукIыщтым иунашъо рахъуахьэу зэхэтIысхьагъэх.

УнэшъошI ахэмытэу, ежьыхэмэ язакъоу, зэмыдэIужьыхэу, нат Саусэрыкъуи къыкIуахьыго зэгъу натымэ яхъокIожъы зыкъыIуигъакIи, натымэ якъэбарыдж'э къеупкIыгъ.

– Натыхэр зэIукIагъэхэу мэфэ заулэ хъугъэу зэхэсых, ау якъэбар зыми ышIэрэп, – ыIуагъ хъокIожъым.

– Адэ, ныпчыхьэ узыкIожьыдж'э акIэдэIуи, унашъоу ашIыгъэр къысфахьыщ нэущы, – ыIуи, чэмахъожъыр къытIупщыжьыгъ.

ЯтIонэрэ мафэм хъокIожъым зыкъыIуигъакIи къеупкIыгъ:

– Натымэ уиунашъу ашIырэр, ау унэшъошI ахэтыжьэпи, зэдэIужьыхэрэп, – ыIуагъ хъокIожъым.

– Ащыгъум, натыхэр зэрэзэIукIагъэхэм ипчагъэ къысфзэгъашIэй, нэущ къысэIожь, – ыIуи, Саусэрыкъо IукIыжьыгъ.

ХъокIожъэр пчыхьашъхьэм къыдэхьажьи, натыхэр зэрэзэIукIагъэхэм ипчагъэ зэригъэшIагъэ. Пчэдыжьым зыдэкIым, Саусэрыкъо зыIуигъакIи, ылъытэгъэ пчагъэр риIуагъ. Саусэрыкъо натыхэр зэрэхъурэ пчагъэр къызешIэм, хъокIожъэр зыIэпигъаIи, натымэ япчагъэ фэдиз куахъо ышIи, апэхэр папцIэхэу, джашъоу, чантэу палъыкIыжьыгъ.

– Ыдж, узыкIожьырэм, мы кохъо котэр зыдахьи, натыхэр зэрыс унэм ипчэкъохъурэ ичэтыкухэмрэ сфакъогъэуцох, ори ахахьи мыщ фэдэ къэбар ахахь. Сыдж'эр, Iадэр, уатэр – ахэмэ ащыщэу тары апэу къежьагъэр Iуй, ор-орэу яIу, – къыриIуи Саусэрыкъо IукIыжьыгъ.

Натыхэр зызэIукIэхэдж'э зэнэкъокъуныхэу Iащэ къихьэрэм къыIамыхэу унэм ралъхьэщтыгъэп, зызэрэгъэгубжьыхэрэм зэрэмыукIыжьыным фэшIыдж'э, натыхэм яхъокIожъы пчыхьэм куахъохэр къыздихьи натыхэр зэрыс унэм ичэтыкухэм акIигъэуцохи, ежьыри ахэтIысхьажыгъ. Зы уцугъо горэ ахэсыгъэу, хъокIожъым къыIуагъ:

– Сэ, натыхэр, зыгорэмыдж'э сышъоупкIыщт. Непэрэ зымафэм хашъом ситэу сегупщысагъ шъхьае, зи къысфэшIагъэп, зышIэрэм къысерэIу. Сыдж'эр, Iадэр, уатэр – апэу тэрары къежьагъэр? – ыIуи.

Зы наты горэм «сыдж'эр ары» къыIуагъ.

– Адэ, а сыдж'эр Iадэ имыIэу шъыдыдж'э ыубытыщтыгъэ? – ыIуагъ адэрэм.

– К'атэр имыIэу сыдж'эри, Iадэри шъыдыдж'э ышIыгъа? – къыIуагъ ящэнэрэ натым.

Зэнэкъокъухэго зэгъу зэщыхьажьыгъэх. Зэзэоныхэм Іофэр зынэсым, хъокІожъэр къыкІэкІыжьи къэкІожьыгъ. Ащ къыхьыгъэ куахъохэр къащти, натыхэр зэзаомэ зэхэутфэжьыхэго зэгъу, зэрэукІыжьыгъэх. Натымэ анахьыбэ а заом хэкІодагъ. Саусэрыкъо шъхьафит хъуи къыдэхьажьыгъ. Ау едэІунэу ыгъотыжьыгъэр натымэ анахь макІэр ары. Ахэри зи зымылъэкІырэ тІэкІур ары. Джащтэу хъокІожъэр къыІапыІагъ.

ГИБЕЛЬ ШАБАТЫНЫКО

Когда Шабатыныко возмужал, он спросил своего воспитателя о том, откуда он, какого он роду-племени, кто его родители. Тот, кто его нашел и воспитал, рассказал о том, что нашел его, когда его несла река. Также он рассказал, что сундук, в котором он был найден, изделие натов.

– Тогда я вернусь к натам, и так как я поеду искать свой род, мне нужен конь, оружие-снаряжение нужно, – сказал он своему воспитателю. Воспитатель его был богатый человек, и у него всё <это> было.

– Выбирай из моих лошадей нужного тебе коня, из моего оружия-снаряжения то, что тебе нужно, – предложил воспитатель.

Воспитатель ловил всех лошадей по одному, и нат Шабатыныко дергал каждую за хвост. За исключением одного жеребца все остальные при этом приседали <до земли>. А могучий жеребец вырвался и убежал, поэтому <Шабатыныко> развернул его, загнал в теснину, сам поднялся на верхотуру и оседлал его. Кроме него никто не сумел оседлать жеребца. Желая сбросить его с себя, конь выбежал и побегал, поскакал вверх, попрыгал [становился на дыбы], но не сумев его сбросить, остановился [утихомирился].

Шабатыныко спрыгнул и еще больше укрепил седло, положенное на коня, облачился в оружие-снаряжение, попрощался за руку с воспитателем и уехал.

Он ехал один переход по берегу в пойме Тена. Свернул от Тена и повернул к Псыжу. Когда он, едучи по берегу Псыжа, достиг края натов, у натов было застолье, и они сидели; один парень из натов, находившийся во дворе, увидел его, вошел в дом и сообщил о том <натам>. У натов <к тому времени> тхаматой, которого все слушались, был Сосруко, и когда ему рассказали и он посмотрел; увидав, что едет Шабатыныко, он не в силах видеть, закрыл глаза и оперся на стол, с закрытыми глазами.

– Скажите, кто этот всадник! – хотя так говорили, Сосруко не смотрит (букв.: *не могут заставить, чтобы посмотрел*). Когда не смогли ничего с ним поделать, отправили <человека> к Тлепшу, попросили у него клещи и клещами разъяли веки у Сосруко.

– Тот всадник, который прибыл, он не на добро прибыл. Он принесет беду натам. Сняв свои шапки, на коленях встретьте его, и если он с вами примирится, – ваше счастье. Не примирится, тогда вам несдобровать. Если примирится, пригласите его в дом, усадите его и поднесите сано со змеей, и если счастье будет на вашей стороне, она его убьет, – сказал Сосруко, вышел и уехал.

Когда нат Шабатынико явился, наты вышли ему навстречу, стали на колени и со снятыми шапками сказали ему: «Добро пожаловать к нам!».

Нат Шабатынико спешился и вошел в среду натов. Наты вручили ему свою чашу сано. Нат Шабатынико плеткой выбросил ядовитую змею, рукоятью плети убил ее, выпил чашу сано и вернул ее <натам>.

Сосруко, разъезжая, придумал (букв.: *нашел*) способ, которым можно убить Шабатынико. Он вернулся в край натов, неподалеку от старого натского пастуха притворился мертвым и попался на глаза ему [пастуху]. Увидев, что Сосруко лежит сильно израненный, а из ран еще черви сыпятся, сам же источает трупный запах, <пастух> возвратился в селение и сказал Шабатынико.

– Я узнаю, умер он или не умер: принесите бурав, продырявьте его пяту и принесите мне мозг из его голени, – велел <Шабатынико>.

Наты взяли бурав, продырявили пятку Сосруко и принесли мозг из его голени. Шабатынико понюхал мозг из голени нарта Сосруко:

– Он жив! Притворился мертвым! – сказал.

– Как он может быть живым? Из его ран черви вылезают, сам запах мертвечины источает, – сказали наты и заверили в том Шабатынико. Наты вместе с Шабатынико направились посмотреть на труп Сосруко.

Сосруко лежал наготове, и когда Шабатынико приблизился к нему, он вскочил, раскроил мечом надвое голову Шабатынико и убежал. Наты отнесли Шабатынико к Тлепшу, и Тлепш изготовил ему бронзовую заплату и наложил ее на голову Шабатынико. Шабатынико выздоровел и стал, как и прежде, препятствовать возвращению Сосруко в край.

Сосруко обладал способностью наводить жару и холод. Когда он наводил тепло, бронзовая голова у Шабатынико нагревалась, мозги расплавлялись, а то он наводил холодную стужу, бронза остывала и мозги застывали – вот так в муках он его умертвил. Хоть нат Шабатынико и умер, наты не захотели его [ната Сосруко] принимать в свою среду, а решили его убить.

Сели они, чтобы решить, каким образом им поймать Сосруко и как его убить. Среди них не было одного, которого бы все слушались, они были сами по себе, не слушались друг друга <и поэтому не могли прийти к согласию>; а Сосруко разъезжал и однажды он вышел на натского доброго пастуха и расспросил его о том, что у натов нового.

– Наты несколько дней как сидят и совещаются, но никто не знает, что они решают, – ответил старый пастух.

– Тогда, как ты сегодня возвратишься, подслушай их, расскажи мне о том, что они там решили, – сказал Сосруко и отпустил пастуха.

На следующий день он вышел навстречу и спросил…

– Наты решают дело о тебе, но так как среди них нет предводителя, они друг другу не подчиняются, – ответил старый пастух.

– Если так, то узнай число натов на встрече и завтра сообщи мне, – сказал Сосруко и уехал.

Старый пастух вечером вернулся в селение и узнал число натов на встрече. Когда наутро он вышел <на пастбище>, он встре-

тился с Сосруко и сообщил ему установленное им число. Когда Сосруко узнал число натов, он с помощью старого пастуха изготовил такое же число вил, заострил их кончики, отшлифовал и до остроты заточил.

– Теперь, когда вернешься в селение, эту охапку вил отнеси и расставь по задверьям и по углам помещения, где собираются наты, потом сам войди к ним и спроси вот что: «Наковальня, клещи, молот – что из этих трех появилось раньше?» – вот так скажи от себя, – сказал так Сосруко и уехал.

Когда наты собирались, чтобы спорить, их не впускали в дом, пока не заберут у них оружие – чтобы в случае, когда они распалятся, не поубивали друг друга. Старый пастух натов вечером принес охапку вил и разложил их по задверьям и укромным местам, затем и сам уселся между ними. Посидев некоторое время, старый пастух сказал:

– Я хочу у вас, натов, об одном деле спросить. Сегодня весь день я на пастбище об этом размышлял, но так ничего и не решил; кто знает, пусть скажет мне. Наковальня, клещи, молот – из них что появилось первым? – спросил.

– Это наковальня, – сказал один из натов.

– А как за эту наковальню брались, если не было клещей? – возразил другой нат.

– Без молота как могли изготовить и наковальню, и клещи? – сказал третий нат.

Заспорили, и в один час переругались. Когда дело дошло до драки, старый пастух вышел и ушел домой. <А наты> похватали принесенные им вилы и, все более раззадориваясь, дошли до того, что поубивали друг друга.

В той драке погибло большинство натов. Сосруко стал волен и вернулся в селение. Но чтобы править ими, он уже нашел малое число натов. Да и те были из таких, кто мало чего мог совершить. Вот так старый пастух ему помог.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. III. С. 319–322. Исп. Али Ачегу: 1876 г.р., а. Псибе Туапсинского р-на Краснодарского края; шапсуг. Зап. 13.09.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет контаминацию сюжета о сватовстве к дочери своенравного нартского старейшины, отказывавшегося выдать дочь за нарта Сосруко или Бадиноко / Шабатыныко с сюжетом о кознях нарта Сосруко против данного героя или всего общества. В других версиях сюжета о сватовстве повествуется, что ранение в голову наносится не Бадиноко / Шабатыныко, а отцу невесты, герой же погибает от стрелы, изготовленной Тлепшем. Оригинален мотив неразрешимого вопроса о первичности одного из трех называемых предметов, встречающийся в адыгском эпосе только в данном варианте.

ЕтIуанэ Iыхьэ

ЩАУЕЙ

Часть вторая

ШАУЕЙ

1. ДЭБЭЧ, ДЭБЭЧ И КЪУЭ КЪУАГУЭ, КЪУАГУЭ И КЪУЭ КЪЭРЭШЫУЕЙ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Нартхэм я гъукIэжь Дэбэч къуэ пщыкIуий иIащ. Зэш пщыкIуийм я нэхъыжьыр Къуагуэт. Зэш пщыкIуийри зэуэ къыздэхъуахэщ. Зэшхэм фыз къашэн хуей щыхъум, тIысри тхьэ зэхуаIуахэщ:

– Дэ псори зы адэ-анэм дыкъалъхуащ, зы адэ-анэм къилъхуауэ зэшыпхъу пщыкIуий къэдгъуэту къэдмышауэ нэгъуэщI къэдмышэн, – жаIэри.

Зэкъуэшхэм я шы-уанэ тралъхьэри ежьахэщ. КъакIухьащ абыхэм куэдрэ, къухьэпIи къуэкIыпIи къагъэнакъым, я шы лъабжьэ здынамыхуса, ауэ зэшыпхъу пщыкIуий ягъуэтакъым.

Псоми я гугъэр хахыжауэ къыздэкIуэжым, къагъуэтащ зэшыпхъу пщыкIубл хъууэ, епщыкIуиянэр щIалэу.

– Дэ нэгъуэщI дгъуэтынукъым, зэшыпхъу пщыкIублыр къэдывгъашэ, – жиIащ зым.

– Къэтшэнт, ауэ хэт фызыншэу къэнэнур, мыхэр пщыкIублщ зэрыхъур? – жиIащ адрейм.

– Пхъэидзэ тщIынщи, зи пхъэ къикIым къишэурэ къэтшэнщ, – жиIащ ещанэм.

– Хьэуэ, – жиIащ нэхъыщIэ дыдэм, – зэшыпхъу пщыкIублым епщыкIуиянэр щIалэщ, нэхъыжьри араш. Къатшэм къызэрытшэнури нэхъыжь-нэхъыщIэкIэщ. НэхъыщIэ дыдэр щIалэу щытам, насып зимыIэр сэрати, зыри жысIэнтэкъым. Сэ сынэхъыщIэщ. НэхъыщIэу къалъхуар сысейщи, зыми естынукъым, – жери.

– Араш, сэ насып сиIамэ, зэшыпхъухэм я нэхъыжьыр хъыджэбзынт. Сэраш фызыншэу къэнэн хуейр, фэ къафшэ. Фэ фи насып зыхэлъыр мыхэраш, – жиIащ нэхъыжь Къуагуэ.

Зэш пщыкIублым зэшыпхъу пщыкIублыр къашэри, нэхъыжь дыдэ епщыкIуиянэр фызыншэу къэнащ. Фызыншэу къэнар Къуагуэти, зигъэгусэри къуршым кIуэжащ. Зэкъуэшхэр тхъэрэ шхэуэ мэпсэу, Къуагуэ и закъуэ къыдэмыхьэжу къуршым щопсэу.

Апхуэдэу зэрыхъуар Къуагуэ и дэгызэ Сэтэней къыщищIэм, хьэблэм щIалэ цIыкIуу дэсыр къызэхуишэсри яжриIащ:

– ФыкIуи, Къуагуэ зыщIэс бгъуэнщIагъыр къэвгъуэти ауан фщIы, – жери иутIыпщахэщ.

ЩIалэ цIыкIухэр къуршым кIуэри Къуагуэ и тIысыпIэр къагъуэтащ. Абы и гъунэгъууи кIэн щыджэгууи хуежьащ. Зыкъомрэ джэгуа нэужь, зым жиIащ:

– Хэт хьэрэмыгъэ ишхми, Къуагуэ и махуэр къыхукIуэ, Къуагуэ хуэдэу насыпыншэу къэунэ, – жери.

Ар Къуагуэ зэрызэхихар ару, игукIэ жиIащ: «Сэ си гугъэр гугъэкъым. Мыхэр «ин жыIэ цIыкIу Iуатэщ». ЦIыхухэм Iуэхуфэу къахуэнар сэращ», – жиIэри къэкIуэжащ. И адэм и шым хыхьэри къунан шы джэмыдэ цIыкIу къиубыдащ. Шыджэмыдэ цIыкIу фIищыжащ.

– Сэ фыз схуэхъун къэзгъуэту къэзмышауэ къекIуалIэ сиIэкъым, – жыхуиIэу, и Шыджэмыдэ цIыкIур зэщIикъузэри и лъакъуэр щIым нэсу ежьащ.

Куэдрэ къикIухьащ Къуагуэ, и шы лъабжьэр куэдми нихусащ. Езэшащ, ауэ игъуэтыркъым. ИкIэм-икIэжым псы икIыгъуэм щыIухьэм, хуэзащ зы иныжь фыз, зигъэпскIыу дэту, и быдзитIыр и щIыбагъымкIэ щхьэдэдзыхыжауэ. Къуагуэ иныжь фызым имылъагъуу и щIыбагъымкIэ бгъэдыхьэри и быдзым щIэфащ. Иныжь фызыр къеплъэкIри жиIащ:

– Хьэфиз ухъу, си нитIу уэ узмылъэгъуар, зэ дзэкъэгъуэкIэ сыту фIыт уэ щынэ хуэдэ укъысIурыпIытIэу усшхыну, – жиIэри.

– Ей дянэ, уи нэри фIыкIэ уиуIэ, сэ сумышхми, пшхын бгъуэтынщ. Сэри сыгъуэгурыкIуэщ, Iуэхушхуэ сиIэу къызокIухь, – жиIащ Къуагуэ.

– Сыт Iуэху, си щIалэ, къыщIэпкIухьыр? КъызжыIэ, уэ си ныбэ укъикIа хуэдэ ухъуащ, слъэкIынум, пхуэсщIэнщ, – жиIащ иныжь фызым.

– Фыз сыхуейщ, – жиIащ Къуагуэ.

– АтIэ, сэ си пхъур уэстынщ. Нэхъ дахэ уафэмрэ щIылъэмрэ я кум дэткъым, теплъаи щыIэкъым, ауэ япэ щIыкIэ къэпшэну тхьэ къысхуэIуэ, – жиIащ иныжь фызым.

Къуагуэ тхьэ иIуащ, абы и пхъур къишэну.

– Ауэ зы лэгъуп цIыкIу сиIэщи, абы лыкIэ из къысхуэпщIын хуейщ, – жиIащ, – ар сытылми содэ.

– Хъунщ, – жиIэри Къуагуэ иныжь фызым и ужь иту кIуащ. Унэм щынэсым…

– Мораш къозгъэшэнур! – жери къригъэлъэгъуащ, щхьэгъубжэмкIэ къыдэплъу зы Iей дыдэ гуэр, нэхъ Iей псэущхьэми яхэмыту. Ауэ Къуагуэ тхьэ иIуат, къимышэу хъужынутэкъым.

Иныжь фызыр унэм щIыхьэжри «лэгъуп цIыкIу» жыхуиIар къыщыщIихым, Къуагуэ гузэващ, апхуэдизкIэ лэгъупышхуэти: «Мыбы из лы дэнэ къисхыну?» – жиIэри.

Къуагуэ щэ щIыхьэгъуэ мэзым щIыхьэурэ, мэзым псэущхьэу щIэтыр къыщIихуурэ, иукIыурэ ерагъкIэ лэгъупым из ищIащ. Лэгъупым из зэрыхъуу, иныжь фызми и пхъур къритри Къуагуэр къиутIыпщыжащ.

Къуагуи, адрей и къуэшхэм яхуэдэти, унагъуэу тIысыжащ.

Къуагуэ и фызыр илъэс къэсыхукIэ малъхуэ, къилъхур къызэрилъхуар ару ешхыж. Апхуэдэу щыхъум, Къуагуэ и дэгызэ Сэтэней деж кIуэри и фызым и щытыкIэр жриIащ.

– Хъунщ, – жиIащ Сэтэней, – уи фызым и лъхуэгъуэ зэрыхъуу, и хъыбар сыгъащIи, сэ сынэкIуэнщ.

Аурэ екIуэкIыурэ, Къуагуэ и фызым и лъхуэгъуэ зэрыхъуу, Сэтэней хъыбар иригъэщIащ. Сэтэнейм зы хьэпшыр цIыкIу Къуагуэ къригъэгъуэтри, и Iэлъэщ кIапэмкIэ щIэуфауэ къихьри Къуагуэ и фызым деж къэкIуащ. Иныжь фызри лъхуэну къытелъадэу щыст.

– Уэ гугъу уемыхьу узэрылъхуэн бжесIэнщ, – жиIащ Сэтэней. – ДэкIуей уэнжакъыщхьэми, уэнжакъ кIуэцIым укъилъхухьым, тынш хъунущ, – жиIэри иныжь фызыр уэнжакъыщхьэм дригъэкIуеящ. Езы Сэтэней уэнжакъ лъабжьэм щIэувэжащ, сабийр къиубыдыну. Сабийр уэнжакъ кIуэцIым къыщихуэм, Сэтэней и бохуцей куэщIым къригъэхуащ. Хьэпшырыр сабийм и пIэкIэ жьэгукум къыдинэри езым сабийр иIыгъыу къыщIэпхъуэжащ.

Иныжь фызыр къежэхыжри хьэпшырым епхъуащ, ишхыну, икIи едзэкъащ. Зэримейр къызэрищIэу, кIэлъыщIэпхъуащ, аращхьэкIэ Сэтэнейр игъуэтыжакъым.

Сэтэней сабийр ихьри къуршым кIуэжащ. Мыл гущэ ящIри, абы илъу сабийр ипIащ. А щIалэми Къэрэшыуей цIэуэ фIищащ.

Къэрэшыуей ин щыхъуу щыхуежьам щыгъуэ, къуршым къыдишу игъэбанэурэ, дишэжым игъашхэурэ, пелуан ищIащ. И анэ къэзылъхуам къарукIэ текIуэн хъухункIэ, Сэтэнейм Къэрэшыуейр къуршым щигъашхэу щиIыгъащ. Къэрэшыуей пелуан хъуа нэужь, Сэтэнейм Къэрэшыуей и анэм деж къыхуишэжащ.

Иныжь фызыр плъэри Сэтэнейрэ Къэрэшыуейрэ къэкIуэжу щилъагъум, щIэпхъуащ, и къуэр ишхыжын мурад иIэу. Къэрэшыуей и анэр къиубыдри, иутхыныпщIри къаруушэ ищIащ. Зэримышхыфынур и фIэщ щыхъум, иныжь фызым зыри жиIэжакъым.

Сэтэней Къэрэшыуейр и адэм иритыжри езыр кIуэжащ. Къэрэшыуей и адэм и деж щыIэу зыхихащ, и адэ къуэш Уэзырмэс шыгъажэ зэриIэр. Ядэм и Шыджэмыдэжьыр щIыунэм зэрыщIэтыр Къэрэшыуей къызэрищIэу, абрэмывэр къыIуигъэукIуриикIри къыщIишащ. И уанэр трилъхьэщ, зэщIикъузэри шыгъажэм кIуэну ежьащ.

Уэзырмэс и шыгъажэм кIуэурэ псы икIыгъуэ закъуэ Iухьэри, и Шыджэмыдэжьыр къэувыIащ. Еуэри – хъуакъым, ебгри – хъуакъым.

Шыджэмыдэжьым и джабитIыр лъы защIэ хъухукIэ щриудым, Шыджэмыдэжьыр къэпсэлъащ:

– Сыт сыщIэбукIыр? – жиIэри.

– Хыхьи, никIи сыноуэнкъым, – жиIащ Къэрэшыуей.

– ДыздэкIуэр къызжеIи, сикIынщ, – жиIащ Шыджэмыдэжьым.

– Сэ сыздэкIуэр сиш жесIэну мурад сиIэкъым, – жиIащ Къэрэшыуей.

– КъызжумыIэм, сыкIуэнукъым, – жиIащ Шыджэмыдэжьым.

– УкIуэнщ, – жиIэри аргуэру иукIащ Къэрэшыуей Шыджэмыдэжьыр.

АрщхьэкIэ Шыджэмыдэжьыр псым хыхьакъым. Щымыхъум, Къэрэшыуей жиIащ:

– Шыгъажэ Уэзырмэс иIэу абы докIуэ, – жери.

– Ар сощIэри аращ сэри сыщIэмыкIуэр, – жиIащ Шыджэмыдэжьым. – Шыгъажэм дыбгъакIуэу абыхэм я шым сакъытебгъэжынумэ, нэгъази Дэбэч и деж дыгъакIуэ. Дэбэч гъущI шыныбэпх егъэщI. Армырмэ сэ сыкъыщыжэкIэ, сылъэтэнущ. Си шыныбэпхыр зэпычым, жьым укърихьэхынщ. Дэбэч пхуищI шыныбэпхыр Сэтэней и гъутхьэпсымкIэ псыхьыжауэ щытын хуейщ, ахъумэ ари зэпызудынкIи хъунущ.

Къэрэшыуей къигъазэри Дэбэч и кIыщым Iухьащ.

– МафIохъу апщий, Дэбэч дадэ! – жиIащ Къэрэшыуей. – ЩымыIэуэ пIэрэ сызыгъэлIыщIэн?

– Шэдыбжьапщэ ухъунум, сэ лIыщIэу укъэсщтэнщ, – къыжриIэжащ Дэбэчи.

– Сегъэплъыт, шэдыбжьапщэ сыхъунум, – жиIэри, Къэрэшыуей шэдыбжьым епщэу щIидзэри Дэбэч и гъущIхэр жьым иригъэхьащ.

– Куэдщ, куэдщ, абфIэкIа уемыпщэ, узыхуей псори пхуэсщIынщ, – жиIащ Дэбэч дадэжь.

– КъысхуэпщIэнум, гъущI защIэу шыныбэпх схуэщI, Сэтэней и гъутхьэпсымкIэ псыхьыжауэ. Шыгъажэм сыкIуэнущ, – жиIащ Къэрэшыуей.

– Пщэдей уи шыныбэпхыр хьэзыр хъунущ, – жиIэри къиутIыпщыжащ.

А махуэм Дэбэч ищIащ, гъущI защIэу шыныбэпхищ. Сэтэней деж кIуэри, тасибгъу зэтригъэувэри абы Сэтэней иригъэгъутхьащ. Тасийм пхырыкIыу ебгъуанэм къинамкIэ Дэбэч шыныбэпхищыр ипсыхьыжащ.

ЕтIуанэ махуэм Къэрэшыуей кIий-гуоуэ нэсащ, Дэбэч и кIыщым. Дэбэч щтэри сыдж щIагъым щIэпщхьащ. Къэрэшыуей Дэбэч щимыгъуэтым, къэгубжьри, и джатэмкIэ сыджым еуэри сыдж къуапэр пиупщIащ. Дэбэч и тхьэкIумэри дигъэкIуащ. Дэбэч сыдж щIагъым къыщIэкIыжри къриташ шыныбэпхыр.

– Мис, зи уз кIуэдын, уи гъущI шыныбэпхыр, жыхуэпIам хуэдэ дыдэу сщIащ, – жиIэри.

Къэрэшыуей шыныбэпхищыр Шыджэмыдэжьым щIикъузэри, нафIэр къыIурихыу Уэзырмэс деж нэсащ.

Уэзырмэс и шыгъажэр IукIауэ ирихьэлIащ.

– СакIэлъыгъакIуэ сэри сыкъэжэнущи, – жиIэри елъэIуащ Уэзырмэсым.

АрщхьэкIэ Уэзырмэсым идакъым:

– Ахэр дыгъуасэ IукIащ, махуищкIэ къэжэнущи, пщэдей къэсыжынущ, – жиIэри. – Уэ дапщэщ абыхэм уащыщIыхьэнур? Уэ унэмысурэ ахэр къэсыжынущ, – жиIэри.

Щымыхъум, Уэзырмэсым и ныбжьэгъухэри иригъэлъэIури, Къэрэшыуейр хуит ящIащ, якIэлъыкIуэну.

Къэрэшыуей хуит зэрыхъуу, и Шыджэмыдэжьым елъэдэкъауэри, лъатэри ежьэжащ. Шыгъажэм кIуахэр махуэрэ ныкъуэрэ жауэ, якIэщIыхьащ, здэжэнум ахэр нэмысу, езыр ящхьэщыкIри япэ нэсащ. Мыдрейхэр нэсыхукIэ, гъуэлъри жеящ. Шыгъажэхэр нэсу къыщаIуэнтIэжым, къахэувэри къыщIэпхъуэжащ.

МыдэкIэ Уэзырмэсыр маплъэ.

– Си Шыкъуэлэныжьыр япэ иту къожэ, – жиIэурэ, Къэрэшыуей къэсыжащ.

Игъазэри, Уэзырмэсым и Шыкъуэлэныжьым тесыр иридзыхри, Шыкъуэлэныжьыр и шыплIэм къыдилъхьэри къихьыжащ.

Пщыхьэщхьэр хъури, Уэзырмэсым санэхуафэр ину къызэIуихащ. ХьэщIэхэм яшхэр ирапххэри езыхэр псори санэхуафэм щIыхьахэщ. Къэрэшыуей и Шыджэмыдэжьыр абыхэм яхэту ирипхри езыри санэхуафэм щIыхьащ.

Нартхэр ефэу зэхэсу, Уэзырмэс и фызыр къыщIыхьэри жиIащ:

– ХьэщIэм и шым адрей шыхэр ешх, – жиIэри.

Уэзырмэс къыщIэкIри, еплъри – Шыджэмыдэжьым шыхэр зэхишхыхьат, лъыр къаижэхыу. Къиубыду нэгъуэщIыпIэ деж

ирипхыну хуежьати, Шыджэмыдэжьым зыбгъэдигъэхьакъым. КъыщIыхьэжри Къэрэшыуейм елъэIуащ:

– Уи шыр нэгъуэщIыпIэ деж щепх, – жиIэри.

Къэрэшыуей къыщIэкIри, и шыр нэгъуэщIыпIэ деж щрипхри щIыхьэжащ.

Шыгъажэм саугъэту ящIауэ хъуар Къэрэшыуей и пащхьэм къралъхьащ.

– Сыхуейкъым сэ зыри, сэ саугъэт щхьэкIэ сыкъэкIуакъым. Ахэр си цIэкIэ фызхэм яхуэвгуэш. Сэ сыкъыщIэжар зэкъуэш пщыкIуийм дишхэр згъэунэхуну арат, – жиIэри, Къэрэшыуей къэшэсри къыдэкIыжащ.

СКАЗАНИЕ О ДАБЕЧЕ, СЫНЕ ДАБЕЧА КУАГО, СЫНЕ КУАГО КАРАШАУЕЕ

У старого нартского кузнеца Дабеча было восемнадцать сыновей. Старшим из восемнадцати братьев был Куаго. Все восемнадцать братьев выросли вместе. Когда пришла пора братьям жениться, сели они и поклялись:

– Все мы родились от одних отца-матери, и пока не найдем восемнадцать сестер, рожденных от одних отца-матери, на других мы не женимся, – так сказав.

Братья оседлали своих коней и поехали. Долго они странствовали, не оставили ни в закатной стороне, ни в восходной стороне места, которого бы не достигли копыта их коней, но восемнадцати сестер не нашли.

Уже разуверившись в своих надеждах, на обратном пути они встретили семнадцать сестер, а восемнадцатым был у них брат.

– Мы не найдем другого, давайте женимся на семнадцати сестрах, – предложил один из братьев.

– Мы бы женились, но кто тогда останется неженатым, их всего семнадцать? – сказал другой.

– Бросим жребий, и кому выпадет, тот и будет жениться, – предложил третий.

– Нет, возразил самый младший, – восемнадцатый у семнадцати сестер – это юноша, он и есть из них старший. Если жениться, то мы женимся по старшинству. Если бы юноша был между ними младшим, несчастливым был бы я, и я бы ничего не возразил. Я младший, и поэтому родившаяся младшей моя, и я ее никому не отдам, – заявил он.

– Это верно, будь счастье на моей стороне, старшая между сестрами была бы девушкой. Оставаться неженатым суждено мне, так что вы женитесь. Это ваша судьба, – согласился Куаго, который был старшим <из восемнадцати братьев>.

Семнадцать братьев женились на семнадцати сестрах, а восемнадцатый, самый старший, остался неженатым. Неженатым остался Куаго, и он, обидевшись, ушел в горы. Братья припеваючи живут, Куаго же, не возвращаясь домой, в горах живет.

Когда Сатаней, кормилица Куаго, узнала как это случилось, она созвала мльчишек из всей округи и наказала им:

– Отправляйтесь, найдите пещеру, в которой скрывается Куаго, и посмейтесь над ним, – сказала так и напустила их на него.

Мальчишки отправились в горы и разыскали, где скрывается Куаго. Затеяли они неподалеку от него игру в альчики. После того, как некоторое время поиграли, один из них воскликнул:

– Кто захочет жульничать, пусть того постигнет участь Куаго, пусть останется таким несчастливым, как Куаго, – так сказал.

Как услышал это Куаго, про себя подумал: «Мои думы не думы (т.е. я сильно заблуждаюсь – *перев.*). Эти дети – о чем взрослые тихо говорят, о том малые громко рассуждают, как говорится. Я остался притчей во языцех», – так он сказал и вернулся домой. Отправился он в табун своего отца, выбрал жеребчика-трехлетку бурой масти и дал ему кличку Шыджамыда (букв.: *Конь Бурый*).

– Пока я не найду себе жену и пока не женюсь, нет мне возвращения, – сказав нечто такое, он оседлал своего маленького Шыджамыду, затянул подпруги и, доставая ногами до земли, отправился в путь.

Долго странствовал Куаго, многих мест достигли копыта его коня. Утомился он, но не находит <того, что ищет>. В конце концов, <однажды,> приближаясь к броду, он повстречал некую иныжевскую женщину, которая купалась в реке, груди же ее были переброшены через плечи. Куаго незаметно подкрался сзади к женщине и приложился к ее грудям. Она оглянулась и воскликнула:

– Да ослепнут мои глаза, что не увидели тебя, какой ты был бы вкусный на один прикус, подобно мясу ягненка, я бы тебя проглотила, – так она сказала.

– Э-э, мать наша, пусть твои глаза тебе останутся на радость, без меня ты найдешь, чем прокормиться. Я тоже путник, хожу большой заботой гонимый, – ответил Куаго.

– По какому же делу ты ходишь? Скажи мне, ты теперь для меня равен вышедшему из моей утробы, если я в силах, то помогу тебе, сказала иныжевская женщина.

– Нужна мне жена, – ответил Куаго.

– Тогда я выдам за тебя мою дочь. Прекраснее ее нет между небом и землей, и нет <мужчины>, который бы ее видел. Но сначала поклянись, что женишься на ней, – сказала иныжевская женщина.

Куаго поклялся, что женится на ее дочери.

– Но есть у меня один казанок, и ты его должен наполнить мясом, – сказала она, – неважно, каким мясом.

– Хорошо, – согласился Куаго и пошел следом за иныжевской женщиной. Когда дошли до дома…:

– Вон та, которую я выдаю за тебя! – сказав, показала она выглядывающую из окна какую-то уродину, уродливее которой даже среди животных было бы не сыскать. Но Куаго дал клятву, и не жениться теперь было уже нельзя.

Иныжевская женщина вошла в дом, и когда она вынесла оттуда то, что она назвала «маленький казанок», Куаго остолбенел от того, какой это был большой казан: «Где я найду столько мяса, чтобы наполнить его!» – в отчаянии подумал он.

Трижды ходил Куаго в лес, выгонял оттуда зверье, чтобы отстрелить, и наконец с большим трудом сумел наполнить тот казан. Как только казан наполнился, женщина отдала Куаго свою дочь и отпустила его. И вот, Куаго, как и другие его братья, зажил своей семьей.

Каждый год жена Куаго рожает, и как только родит, тут же поедает своего ребенка. Когда так стало, Куаго отправился к своей воспитательнице Сатаней и поведал ей о нравах своей жены.

– Хорошо, – сказала Сатаней, – как настанет срок родов у твоей жены, дай мне знать, и я приду.

Так шло время, и когда подошел срок родов у жены Куаго, он известил Сатаней. Сатаней велела Куаго отыскать одного щенка, завернула его в конец своего платка и, принеся его, пришла к жене Куаго. Иныжевская женщина тоже сидела, готовясь разродиться.

– Я тебе подскажу, как родить без большого труда, – сказала Сатаней. – Поднимись на верхушку очажной трубы, и если родишь внутрь трубы, все пройдет легко, – сказала она так и заставила иныжевскую женщину залезть на очажную трубу. Сама же Сатаней стала под дымоходом, чтобы поймать младенца. Когда младенец упал в дымоход, Сатаней подставила свой подол, и он туда упал. Она оставила посреди очага щенка вместо младенца, а сама с младенцем убежала. Иныжевская женщина бегом спустилась сверху и схватила щенка, чтобы съесть его, и укусила. Как только поняла, что это не ее <младенец>, она пустилась в погоню, но уже не нашла Сатаней.

Сатаней же ушла и унесла младенца в горы. Изготовили ледяную люльку и в нем вырастили ребенка. И назвала она малыша Карашауеем.

Когда Карашауей стал крепнуть, она стала выводить его из расщелин и пускать бороться, а потом уводить назад и подкреплять едой, пока не сделала из него пелюана. Сатаней держала его в горах и подкрепляла едой, пока он не набрался достаточных сил, чтобы одолеть родную мать. Когда Карашауей превратился в пелюана, Сатаней привела его к матери.

Иныжевская женщина посмотрела и, завидев возвращающихся Сатаней и Карашауея, побежала навстречу, намереваясь сожрать своего сына. Карашауей схватил свою мать, встряхнул ее и лишил сил. Поняв, что она не сможет его съесть, иныжевская женщина более ничего не сказала.

Сатаней вручила Карашауея его отцу, а сама ушла восвояси. Будучи у своего отца, Карашауей прослышал, что его дядя Озырмес устраивает скачки. Как только он узнал, что отцовский Шыджамыдеж содержится в подземелье, он отодвинул абра-камень и вывел коня. Положил он на него седло, подтянул подпруги и отправился на скачки. По пути на скачки Озырмеса Шыджамыдеж, дойдя до единственного брода через реку, остановился. <Карашауей> ударил его – ни с места, стал ругать его – ни с места. Когда он разбил бока Шыджамыдежа до крови, конь заговорил:

– Что ты меня бьешь? – сказав.

– Войди в воду, переправься, и я тебя не стану бить, – сказал Карашауей.

– Скажи, куда мы едем, и тогда я переправлюсь, – заявил Шыджамыдеж.

– У меня нет желания говорить своему коню, куда я направляюсь, – возразил Карашауей.

– Не скажешь – не пойду! – сказал Шыджамыдеж.

– Пойдешь! – сказал Карашауей и еще пуще стал бить Шыджамыдежа.

Но Шыджамыдеж не пошел в воду. Когда у него ничего не получилось, Карашауей сообщил:

– У Озырмеса скачки, вот туда мы едем, – так сказал.

– Я это знаю, потому и не иду, – сказал на это Шыджамыдеж. – Если ты хочешь, чтобы мы попали на скачки и я бы там опередил их коней, поверни назад, к Дабечу. Закажи Дабечу железные подпруги. Потому что я в бегах полечу, а если при этом подпруги лопнут, тебя унесет ветром. Подпруги, что изготовит Дабеч, должны быть закалены в моче Сатаней, а не то я и их могу разорвать.

Карашауей повернул назад и приехал к кузнице Дабеча.

– Мафох апший [доброго огня], дед Дабеч! – сказал Карашауей. – Нет ли кого, кто бы меня взял в работники?

– Если сможешь справиться с мехами, я возьму тебя в работники, – ответил ему Дабеч.

– Давай-ка посмотрим, смогу ли я справиться с мехами, – сказал Карашауей, взялся раздувать меха и от поднятого им ветра даже железные вещи Дабеча унесло.

– Довольно, довольно, больше не дуй, все, что тебе нужно, я изготовлю! – сказал могучий дед Дабеч.

– Если сделаешь, то сделай мне подпруги – целиком из железа, закаленные в моче Сатаней. Я поеду на скачки, – сказал Карашауей.

– Завтра твои подпруги будут готовы, – пообещал Дабеч и выпроводил его.

В тот день Дабеч изготовил три железные подпруги. Отправился он к Сатаней, составил один над другим девять тазов, и Сатаней помочилась в них. В том, что просочилось сквозь восемь тазов и осталось в девятом, Дабеч закалил три подпруги.

На следующий день Карашауей, громко крича, явился в кузницу Дабеча, Дабеч же с перепугу залез под наковальню. Рассердившись на то, что он не может найти Дабеча, Карашауей ударил <мечом> по наковальне и отсек его часть, а вместе с нею прихватил и кончик уха Дабеча. Тогда Дабеч вылез из-под наковальни и вручил подпруги...

– Вот, да исчезнут твои болезни, тебе твои подпруги, – сказав.

Карашауей приладил три подпруги Шыджамыдежу и, извергая огонь, прибыл к Озырмесу. Попал он, когда всадники Озырмеса уже пустились в дорогу.

– Позволь мне последовать за ними, я тоже хочу бежать, – попросил он Озырмеса.

Но Озырмес не согласился:

– Они уехали еще вчера, бежать им три дня, и завтра они уже будут здесь, – возразил он. – А когда ты их догонишь? Ты не успеешь добраться туда, как они уже будут здесь, – так он сказал.

Когда ничего не получилось, <Карашауей> попросил друзей Озырмеса быть за него ходатаями, и ему все же позволили ехать вдогонку. Как только Карашауей получил добро, Карашауей пришпорил своего Шыджамыдежа и полетел. Он догнал тех, кто ускакал раньше, когда они проскакали полтора дня, те еще не достигли цели, когда он их обошел и добрался туда первым. Пока эти туда доехали, он прилег и поспал. Когда наездники разворачивались в обратный путь, он стал с ними рядом и вместе с ними поскакал.

А тут Озырмес смотрит:

– Мой Шыколаныж (букв.: *Конь пегий могучий*) впереди скачет, – говорил он, а первым прискакал Карашауей. <Затем> он развернулся, сбросил с коня того, кто сидел на Шыколаныже Озырмеса, самого Шыколанышжа положил на холку своего коня и принес.

Свечерело, и Озырмес открыл большое санопитие. Гости привязали своих коней а сами все вошли на санопитие. И Карашауей привязал своего Шыджемыдежа вместе с другими, а сам вошел на санопитие.

Когда нарты сидели пировали, вошла жена Озырмеса и сказала:

– Конь гостя кусает других коней, – сказала.

Озырмес вышел, посмотрел – Шыджамыдеж перекусал всех других коней так, что с них кровь ручьем текла. Хотел он поймать его и привязать в другом месте, но тот не подпустил его к себе. Вернулся он в дом и попросил Карашауея:

– Привяжи своего коня в другом месте, – сказал.

Карашауей вышел, привязал своего коня в другом месте и возвратился.

Все подарки, которые приготовили для скачек, выложили перед Карашауеем.

– Мне ничего не надо, не за подарками я прибыл сюда. Раздайте их женщинам от моего имени. Я скакал для того, чтобы испытать коней восемнадцати братьев, – сказал так Карашауей, сел на коня и уехал.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 3. Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию сюжетов сказаний о рождении героя, его богатырском детстве и первом подвиге. Из всех записей сказаний о рождении Шауея и о времени его детства настоящий вариант является одним из наиболее полных по содержанию и совершенных в художественном отношении.

2. НАРТ КЪАНДЖ ІАЛЫГУДЖЭ-ГУАЩЭ КЪЫЗЭРИЩАГЪЭР

Нарт Къандж ылъэпкъыджэ Инымыкъохэм ащыщыгъ. ЗекІоныри шэкІоныри зикІэсэ лІы пхъашэхэм ащыщыгъ.

Зы мафэ горэм: «КъыспэкІафэрэ щыІэмэ къэсхьын», – ыІуи Къушъхьэплъ тІуакІэ дэхьагъ. КъыІэкІахьи щымыІэу, лэучэцІ гори инэплъэгъу къимыфэу, ау ищэрэ ибзэрэ зэІудзагъэу бэрэ а чІыпІэм щышэкІуагъ. Аузэ, гу лъимытэу, зы чыцІ цІыкІу нахьи ищэбзапэ къымыхьыгъэу, чэщ хъугъэ. «Чэл гори сшІын, мы пчэн цІыкІури згъэжъэн, тІэкІу сызыІуупхъуахьыжьымэ, чэщыпэ чъые мыщ щисхын», – ыІуи гъочІэгъ Іупэ горэм дэжь къыщыуцугъ. ГъочІэгъыжъ шІункІым чІэхьанэу рикугъэп.

ЕгъашІэм зекІоу, шакІоу хэтызэ есагъэм сыд ригъэІони, дэжъыеку дэчъаеу чы кІахь ІаплІ къыриупкІи, Іэужь-лъэужьти, хиІу-къыхиІужьи чэлыр ыгъаІи енэб пкІашъэр къытырихъожьыгъ. Чэлыр шІыкІэ иІэу ыгъэуцугъ: ыІу фэІэтыгъашъоу, машІо ІупшІахьымэ, фэбамэр чэлым къычІэхьанэу. Сыд фэдэу мафэрэ фабэми, чэщырэ къушъхьэр къэучъыІышъ, ар хэти ешІэ, фэбагъэр гум икІасэу мэхъу.

МашІор зэгуригъаІуи, пчэн цІыкІор зэІихыгъ. Зэрэпсаоу ыщыуи, пхъэ цэцэшхом пиІуи ыгъажъэу тІысыгъэ. Мэфэренэм ылъэ тетэу шэкІуагъэти, фэбамэри къызеум, нарт Къандж къэбэлэрэгъи шъхьаукъагъэ, чъые пырхъи аужыпкъэм ео хъугъэ.

Арэущтэу мо шэкІолІэр щысызэ, къыкІэщтагъ: зыгорэм лэу ыгъажъэрэр ыкъудыигъэ фэдэу гуцафэ ышІыгъ. Зиплъахь-зыкъиплъыхьыжьи шъхьае, зи ылъэгъугъэп. «Сытхьауягъэу къычІэкІын!» – ыгуджэ зэриІожьи, ащ ыуж икІыжьыгъ. Ил жъэгъахэмэ еплъыгъ, ау ащ игъо кІэмыхьэгъаІоу щытыти, тІэкІу зэригъэзэкІи, сакъэу тІысыжьыгъэ. Сыдигъоджи шакІохэр сакъых, арэущтэу ахэр шэкІон Іофым ышІыгъэх!

Арэущтэу, чъыери теужьыгъэу, лым лъыплъэу машІом пэсызэ, мо гъочІэгъым зы шІуцІагъэ горэ къычІэкІошъэу гуцафэ ышІыгъ.

«Ыхьы, сытхьауегъэгъэн фаеп», – ы1уагъ. ШІуцІагъэр нэфынэм къызеблэгъым, цІыф сурэт иІэу къычІэкІыгъ. «Сэщ фэдэ шакІощтын», – ыІоу ау фэсакъэу щысызэ, мо цІыфэр машІом къекІуашъи, лым къылъыІэбагъ.

ЫлъэгъурэР ыгъэшІагъоу, хъурэм тІэкІуи нарт Къандж фыІущхыпцІыкІыгъ. КъэІэбагъэм лыр зыІэкІэригъэхи, ежь ищабзэ иІагъоти, еІи шъхьаридзи къыубытыгъ. Ау къыубытыгъэр ежь нахьи бэджэ нахь зэрэлъэшэр къыригъашІэу лъэбэкъу заулэ зыдищагъэу, щабзэри къызышъхьарихыжьи, мытхъытхъ дэдэу, ыкІуачІэджэ зэрэзыщыгугъыжьырэр къыбгурыІон фэдэу, цэцэшхоу рихьыжьагъэри къыфищэий къыритыжьи, ежь гъочІэгъыжъым чІэхьажьыгъ.

МашІори упэбжьагъэу, мэшІо быбэу щытыгъэпти, мо чІэхьажьыгъэр тэрэзэу ылъэгъун ылъэкІыгъэп, ау мэлышъо джэнэ убгъу, Іэгъуапэ пымытэу, зэрэщыгъым, хъулъфыгъэ нэгу зэримыІэм гу лъитагъ...

«Хэтына мыр?» – ыIуи, къехъулIагъэр шIогъэшIэгъонэу, ау рипэсыни ымышIэу, зэриIони щымыIэу зауляэрэ щытыгъ. ЕтIанэ имашIо зэкIигъэуIужьи тIысыжьыгъэ.

«Мыр – цIыфы, ау гу бзаджэ зиIэ цIыфэп. Фэягъэмэ, мыжъоджэ къао нэмыIэми сиукIын ылъэкIыщтагъэ, ау сиукIыгъэп... Мыр зэкъон фае, арымырмэ ятIонэрэ къэкIогъум гъусэ къышIын ылъэкIытагъэ... Мыр лъэш, ау бзылъфыгъэн фае, – ынэгуи ежь иIэбакIи шъэбагъэ горэ ахэлъ... Ау зыхъуджэ, мыр благъэ сымышIэу мы чIапIэм сыIукIыжьынэп».

А пстэумэ ягупшысэ нарт Къандж хэтызэ нэфи къэшъыгъ.

«Мы гъочIэгъым сычIахьэу згъэщтэуIунэп», – ыIуи, ичэл зэригъэфэжьи, ижъоку машIо яжьэм къыпищахьи, иIалъмэкъи, иджанэ гори чэлым къыIуини, илы гъэжъагъи, зэрэхэIэгъэ шIагъо щымыIэу, ишъо Iанэ къытырини, адэ мафэрэ зэришIы хабзэу, ежь шакIо псыхъо тIуакIэм дэхьагъ.

Мо нычэпэрэ хьакIэр къылъэплъэу гуцафэ ышIи, Iэмэкъэлъэмакъэхэр ыгъэIузэ IукIыгъ. Тыгъэр къэплъыфэ къэти, къыушэкIугъэхэри къыздихьыхи къэкIожьыгъ.

Нарт Къандж ичэлы къызыIохьажьым, гуфаплъэу ыплъахьыгъ: лым ызыныкъо пхъэ цэцэшхом пыхыгъ, иIалъмэкъ зэрэпылъагъ, иджанэ пылъэгъэжьэп.

«ЫIхьы, орырэ сэрырэ, тихьакIэ, Iоф зэдытиIэ хъугъэ!» – ыIуи, ыгуджэ лIыр гушIуагъэ.

ТIэкIу ышхи иIэшэ хьап-щыпымэ яупхъужьи, чэцI горэ зэIихи ыщыугъ. Тыгъэ нэстырэр екIыфэ адырэ къыушэкIугъэхэри зэIихыхи, ыукъэбзыгъэх, шъо горэм кIоцIищахьыжьхи, псыхъом рихьыхи, псым чIиутыгъэ мыжъобгъу Iанэ горэм, чъыIэтагъэм щигъэIылъыгъ. МашIор зэкIигъэуIужьи, пхъэ гъугъэ IаплI зытIуи къыритэкъулIи, лыри Iагъоу къыгъэIылъи нарт Къандж шакIоу къушъхьэ мэзым чIэхьажьыгъ.

Чыжьэ мыкIоу, укъаплъэмэ чэлы пашъхьэм щыхъурэр къэплъэгъунэу, чъыгэе чъыг лъагэ горэм дэкIуаий ышъхьагъы иIыстагъ.

Арэущтэу зауляэрэ щысыгъэу, чэлы пашъхьэм цIыфы горэ къыIухьагъ. Зыгорэхэр ешIэшъ, мэхьэкIо-бгъуакIошъ Iут. Пхъэ зэпыкI макъи къэIугъ, машIоми иIугьо къыхэхъуагъ.

«Хъунэп, мыр зэзгъэшIэпэн!» – ыIуи, нарт Къандж чъыгышъхьэм къехи, мэкIэ-макIэу чэлым къекIошъэжьыгъ.

ЦIыфым шъхьац кIахь телъыгъ, ыбгъэхэмджэ зэрэбзылъфыгъэр нафэ къыфэхъугъ. Лыр пхъэ цэцэшхом пыIугъэу ыгъажъэщтыгъэ. ЦIыф IэшIагъэ горэ щыгъыгъэп, лъапцIэ, Iашъхьэ пымытэу шъо джэнэ быхъум ыпкъи ылъэгуанджи егъэбылъых.

«Мы мэзылI горэм, цIыф Iэл горэм ыпхъун фае, – ыIуагъ нартым. – Ау сыдэу нэпкъ-пэпкъ дах... Амал зэриIэджэ мыр благъэ къызфэсшIын!»

Нарт Къандж чэлым екIошъэжьи, чэл къогъум къокIи мо бзылъфыгъэм гоIыстагъ. Зэ къызщылъэтынэу зыкъыпхъотэнэу фежьи шъхьае ытэмэкъупшъхьэ зытыригъауи ыгъэхъыягъэп, – ежь нартэри зэрэмыкIочIаджэр, кIуачIэкIэ къызэрэтемыкIощтэр гуригъэIогъэн фае.

– Щыс, щыс! – риIуагъ. Iасэу дэзекIоу, ыIэлджани шъабэу ыIыгъэу ыплIэIуи, ыблыпкъи Iэ ащифагъ. ЕупчIыгъ-

къеупчIыжьыгъ, ау адырэм зи къыриIуагъэп. «Мыщ гущэIакIэ ымышIэнкIи мэхъу!» – ыгуджэ ыIуагъ нартым.

Пчыхьэ нэс пшъэшъэ Iэлым дыщысыгъ. «Лы», «псы», «Iыст», «шхэ» зыфэпIоным фэдэу гущыIэ заулэ риIуагъ. Нарт Къандж пшъашъэр ыгу рихьыгъ. Ежь лIы зикъэмыщэу щытыти, быныджэ ехъопсагъ. Пчыхьэ зэхъум, пшъашъэр тэджи, нэшIуджэ лIым къеплъи IукIыжьыгъ. Къандж ыуж ихьагъэп.

Ичэл къеупхъужьи, илыхэри чэлым къычIилъхьи, ихьап-щып заули къыIуини, нарт Къандж къежьи ядэжь къэкIожьыгъ. Пшъашъэм блэгъагъэ дишIынэу, зэрэфэгумэкIырэр зэхыригъэшIэнышъ ыгу къыщэфынэу, арэущтэу ыгу къыпэблагъэ ыгъэхъунэу тыриубытагъ.

Унэм къызэсыжьым щыгъыни-техъони зэраIоу ищыкIэгъэн шIошIырэхэр кIакIом кIоцIигъэчэрази, пIэстапхъи, шъоуи, хьахъушыкъу тIэкIуи, шъхьамажьи иIалъмэкъ зэпедзэкI риугъуаий, а пстэуор ишыбгы рилъхьи, къеуи къыдэкIыжьыгъ. Чэщыгу хьазыр хъугъэу ичэл къэсыжьыгъ. Зэрэщытыгъэ къабзэу ипщыпIэ къыIукIэжьыгъ. Арыти, ишы фэIо-фашIэхэр хигъэкIи, икIакIо чэлым чIиубгъуи гъолъыгъэ. Пшъыгъэти чъыягъэ.

Бэрэ чъыегъэн фае: машIор зэгурыIожьыгъэу, пшъэшъэ Iэлым лы ыгъэжъэнэу пхъэ тIаркъомэ апилъагъэу, ежь ынапэ Iэ къыщифэу къэущыгъ. Нарт Къандж гушIуагъэ. Къэтэджи псыхъом дахьи зитхьакIыгъ, зилъэкIыгъ. Зэдэшхагъэх.

Аузэ мо нэбгыритIор зэнэIуасэ хъугъэ. Пшъэшъэ Iэлым зыригъэфэпагъ, ыIорэр гурыIоу, зыфаер ригъэшIэн ылъэкIэу хъугъэ. Аузэ бэкIаерэ зэдэпсэугъэх, щыгъынми кIакIоми нэIуасэ афишIыгъ. Гъомлапхъэр аухы зыхъуджэ, нартэр ядэжь шыоу къэкIожьыти, ящыкIагъэхэр чэлпщыпIэм къынигъэсыщтыгъэх. Ащ фэдэу къызыIукIыджэ, пшъашъэр къыдежьэу, къыдэкIуатэу ыублагъ, къызэрэтырэри шIуабэу, паплъэу хъугъэ.

Арэущтэу мо пшъашъэм ыгу къызещэфым, нарт Къанджы ыгъэразИ, ядэжьы къыщагъ.

Яунэ къыщэжьы зэхъум, цIыфхэр нысэм къыпэгъокIыгъэхэти, ащ ахэт кIэлэцIыкIу горэ зечъалIэм, тхьам ешI, цIыфмэ ахэтызэ емысагъэу мэзым хэсыгъэ бзылъфыгъэ Iэлым къызэрэщыхъугъэр, мо кIэлэцIыкIор къыубыти къызэхицIыцIи къычIидзыгъ.

Ар зылъэгъугъэхэм лъэшэу ашIоигъуаджэ хъугъэ. ЫзыныкъомэI: «нэбгырые мыр!» аIуагъ, ызыныкъомэ: «гукIэгъу хэлъэп, Iэлыгуджэ!» аIуагъ. Арыти, аущтэу а цIэхэр нарт Къандж ягуащэ къытенагъ, ызыныкъомэ «Нэбгырые» раIо, адырэмэ «Iэлыгуджэ-гуащ» раIо.

Джаущтэу нарт Къанджы Iэлыгуджэ-гуащэ къыщагъэу къаIотэжьы.

КАК НАРТ КАНДЖ ЖЕНИЛСЯ НА АЛЕГУДЖЕ-ГУАЩЕ

Нарт Кандж происходил из рода Инымов. Был одним из тех суровых наездников, кто любил ездить в походы и выезжать на охоту.

Однажды у него возникла мысль: «Поеду-ка я <на охоту>, <может, что-нибудь> да попадется!», – и с такими намерениями

ушел в междуречье Кушхапля. Так ничего и не добыв, так и не напав на след ни одной дичи, но с натянутой на готовый лук тетивой, он долго бродил в том месте. Незаметно для него стало темно, так и не выстрелив ни в кого, кроме одного козленка.

«Построю-ка я <небольшой> шалаш, зажарю этого козленка, немного утолю свой голод и вздремну (отдохну) я здесь», – решил он, и остановился <недалеко> от входа в какую-то пещеру. Но войти в темную пещеру он не решился.

Всю жизнь в седле, охотник, он по привычке <быстро> принес с собой срубленную охапку длинных ореховых шестов, а так как был сноровист, еще быстрее построил себе шалаш и накрыл его папоротниковыми листьями. Построил он шалаш таким образом: вход в него был несколько высоковат, чтобы в случае, если придется зажечь костер, жар от него доносился до шалаша. Как бы тепло ни было днем, ночью в горах становится прохладно. Это все знают, <потому> и тепло <от огня> становится особенно приятным.

Как только костер был зажжен, он разделал козленка. Засолив его целиком, он насадил его на большой кол (вертел) и стал жарить. Как только тепло от огня коснулось уставшего от дневного хождения нарта Канджа, его стало клонить ко сну, а вскоре он задремал, при этом даже стал немного храпеть.

Но <дремавший> охотник как-то вдруг всполошился: ему почудилось, что дичь, которую он жарил, кто-то съел. Он осмотрелся по сторонам, но никого не увидел. «Наверное, мне показалось!» – подумал он про себя и забыл об этом. Он проверил мясо, но так как оно было еще немного недожарено, легонько повернув его, вновь сел на свое место с некоторой осторожностью. Охотники всегда настороже, их этому сама охотничья жизнь учит!

Вскоре и сон ушел от него, сидя у огня и присматривая за мясом, он почувствовал, что из пещеры выползает что-то темное.

«Ы-хы, стало быть, мне не чудилось ничего!» – сказал он. Как только это темное приблизилось к огню, стало ясно, что у него облик человеческого существа. – «Наверное, такой же охотник, как и я!» – говорил он себе, хоть и сидел настороже, пока это существо не приблизилось к костру и не притронулось к мясу.

Удивляясь тому, что видит, нарт Кандж немного улыбнулся происходящему. Протянувший свои руки <к огню> взял <вертел> с мясом, а так как он держал с собой стрелу, сорвал ею с подброшенного вверх <вертела мясо>.

Но охотник, чтобы показать, что он намного сильнее <нарта Канджа>, сделал несколько шагов вперед, отпустил стрелу, и, как бы неспешно, показывая, что он рассчитывает на свои силы, протянул назад <нарту> большой вертел и вернулся назад к себе в пещеру.

Оттого, что костер немног потух, и огонь в нем совсем не пылал, <нарт Кандж> не смог толком разглядеть уходящего <в пещеру>, но заметил, что на нем была овчиная шуба без рукавов, и что взгляд у него был немужским.

«Кто он такой?» – спрашивал он себя, удивляясь увиденному, но так и ответа не нашел, и кого-то, с кем мог бы поделиться, не имел. После этого он поправил свой костер и сел на свое место.

«Кто бы он ни был – он человек, но, видно, не жестокий человек. Если бы захотел, убил бы, пусть даже одним броском камня, но не убил… Он, видно, живет один, иначе во время второго прихода пришел бы с кем-нибудь другим…. Он силен, но, чувствую, женщина, – и на лице, и в манерах есть что-то мягкое… Я не уйду отсюда пока не познакомлюсь с ним!»

Пока нарт Кандж находился в раздумьях обо всем этом, рассвело.

«Не буду тревожить его, заходя в эту пещеру», – подумал <Кандж>, стал приводить в порядок шалаш, разгреб огонь в костре, но оставил у шалаша свою <охотничью> сумку, что-то из одежды, жареное мясо, к чему так и не притронулся он, и ушел, как обычно он это делал, на охоту в междуречье. Решив, что ночной гость следит за ним, <Кандж> ушел на охоту, устраивая шумные движения.

Он отсутствовал до поры, пока солнце не стало припекать, и вскоре вернулся с добытой дичью. Вернувшись к своему шалашу, нарт Кандж внимательно осмотрелся: часть мяса была снята с большого деревянного вертела, сумка висела на своем месте, а одежды уже не было.

«Ы-хы, теперь между тобой и мной, гость ты наш, есть дело!» – сказал мужчина и обрадовался в глубине души.

Немного поев и приведя в порядок свои вещи, он разделал одну дичь и стал солить. До заката солнца он разделал всю добычу, промыл, завернул в шкуру, и, спустившись к реке, положил на дно под одним большим камнем, охлаждаемым водой. <Вернувшись>, нарт Кандж вновь разжег костер, подбросил туда две-три охапки сухого хвороста, положил рядом <немного> мяса и ушел на охоту в дикий лес.

Не отходя далеко, чтобы можно было видеть то, что происходит у шалаша, он взобрался на верхушку большого дубового дерева и устроился там.

Просидев так некоторое время, <он увидел, что> к шалашу подошел какой-то человек. Что-то делает, что-то выискивает. Послышался хруст дерева, <вскоре> увеличился и дым от огня.

«Нет, так нельзя, <пойду> и разузнаю что к чему!» – решил нарт Кандж, спустился с дерева и потихоньку стал подкрадываться к шалашу.

У человека <этого> были длинные волосы, что <это существо> – женщина, стало ясно по грудям. Она жарила мясо на большом деревянном вертеле. На ней не было никакой одежды, обуви, только широкая рубаха без рукавов прикрывала тело и колени.

«Наверное, она дочь какого-то мазытля, какого-то дикого человека, – сказал нарт. – Но как же красива она из себя… Нужно во что бы то ни было познакомиться с ней поближе!»

Нарт Кандж незаметно подкрался, вышел из-за шалаша и присел рядом с той женщиной. Хотя она попыталась было вскочить, он схватил ее за плечи и не позволил сдвинуться с места; тем самым, наверное, нарт дал ей понять, что он далеко не простак, что она его не одолеет.

– Сиди, сиди! – сказал <нарт Кандж>. Будучи обходительным с ней, придерживая ее мягко за предплечья, он ласково про-

шелся рукой по ее плечу. Стал расспрашивать ее так и сяк, но она не проронила ни одного слова. «Верно, она и разговаривать не умеет!» – подумал нарт.

До вечера он просидел вместе с дикаркой. Научил ее <нарт Кандж> нескольким <простым> словам вроде «мясо», «вода», «садись», «поешь». А так как он был неженатым мужчиной, у него возникло желание взять ее в жены. Как только стемнело, девушка встала, посмотрела на мужчину добрыми глазами, и ушла. Кандж не пошел вслед за ней.

Приведя в порядок свой шалаш, он внес все мясо внутрь, и, оставив кое-что из своих вещей, отправился к себе домой. Он твердо про себя решил, что познакомится с девушкой поближе, даст ей почувствовать, что она ему небезразлична и овладеет ее душой.

Возвратившись, он собрал одежду, покрывало, все, что казалось будет полезным и завернул их в бурку. А в дорожную сумку он собрал немного пшена для пасты, меда, кухонную утварь и гребень, поместил их кое-как на спину своего коня, сел сам и выехал. Ровно в полночь он был уже у шалаша. К своей стоянке он вернулся так же, как и ушел. Поухаживав за своим конем, он разостлал в шалаше свою бурку и прилег. А так как был уставшим, заснул.

Наверное, долго спал: к тому времени огонь разгорался вовсю, и дикарка жарила на костре мясо, а он проснулся оттого, что она ласкала его лицо. Нарт Кандж был несказанно рад. Встал, пошел к реке, умылся, вытерся. Поели вместе.

Вскоре эти двое стали близки. <Нарт Кандж> одел дикарку, сумел сделать так, что она стала понимать его, делать, что он хочет. Так они прожили довольно долго, он приручил ее к одежде и бурке. Как только у них заканчивалась провизия, нарт скакал к себе домой и привозил с собой к их стоянке все необходимое. Теперь, когда он уезжал, девушка стала его провожать, и то время, что он отсутствовал, начинало казаться ей долгим, стала дожидаться его.

Как только он пленил душу девушки, уговорив, нарт Кандж привез ее к себе.

Когда <нарт Кандж> приводил ее к себе в дом, люди вышли навстречу невесте. Но когда к ней подбежал один из ребятишек, Бог его знает, как это показалось той дикой женщине, что всю жизнь жившей в лесу вдали от людей, поймала того ребенка, разорвала на части и отбросила от себя.

Те, кто видел это, были сильно потрясены. Одни сказали: «Да это же дикарь!» Другие сказали: «В ней нет жалости, необузданная она и бессердечная!» Так это прозвище осталось за ней: одни называют ее «Набгырые», другие зовут ее «Алегудже-гуаща».

Вот такую историю рассказывают о том, как нарт Кандж женился на Алегудже-гуаще.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 13–17. Исп. Махамод Хапай: 1887 г.р., а. Хатукай Адыгеи; хатукай. Зап. 18.10.1952 г. А. Гадагатль. Перевод на русский язык М. Табишева.

Текст представляет собой оригинальную версию женитьбы отца нарта Шауея. Характерно, что во всех версиях рождения нарта Шауея мать его представлена с демоническими чертами (чаще всего она великанша) и диким норовом (здесь она побивает мальчишку, в других версиях убивает или пожирает собственных новорожденных младенцев). В представленном тексте выраженно проявляется охотничий мотив – встреча героя с диким «лесным человеком». Но если в мифологических сказаниях герой-охотник убивает чудовище и вызволяет плененную им женщину (мотив Георгия, который побеждает дракона), то здесь само дикое существо оказывается девушкой, которую герой вводит в человеческую среду.

3. КЪАНЖЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ НЭРЫБГЕЙМ И КЪУЭ ЗАКЪУЭ

Зы къуажэ гуэрым зы нэрыбгей гуэр дэст. Абы, лъхуэрти, къилъхуар итхьэлэжырт. А къуажэм зы бынжэпыупщI гуэр дэсти, «Сэ пызывгъэупщI абы и бынжэр», – жиIащ. Фызыр лъхуэри щIалэ цIыкIу къилъхуащ. БынжэпыупщIым хьэ шыр цIыкIу здихьат.

Фызым:

– Мыдэ къызэфти сэ алъандэрэ гугъу сезыгъэхьар сывгъэтхьэлэ, – жиIащ.

– Мэ, мыращ къэплъхуар, – жиIэри бынжэпыупщIым хьэ шырыр фызым иритащ.

Фызым хьэ шырыр къищтэри итхьэлэжащ. БынжэпыупщIым щIалэ цIыкIур я деж къихьри къэкIуэжащ. ЩIалэ цIыкIур тIэкIу тыкъыр хъуа нэужь, шхын ишхыф хъуа нэужь, «Мыр зи къуэм сыкъелынкъым», – жиIэри, яшыч, псы дэмыхьэну, иригъэщIри, щIалэ цIыкIум ишхын IэфIыкIэ дилъхьэри, псым ихьри хидзащ.

Яшычыр псым ирихьэхыурэ зы щIыпIэ гуэрым нэсауэ, зы фыз гуэр жьыщIэу псым дэсти, яшычыр псым къихьу щилъагъум, и кIэр дырихьейри яшычыр псым къыхихащ. Яшычыр икъутэри, щIалэ цIыкIу къыдэкIащ. «Алыхь-алыхь, мыр сыту сыунэхъу, уи гуэныхьи уи бэлыхьи къыстехуэу», – жиIэри фызым Iейуэ и жагъуэ хъуащ. АрщхьэкIэ щIалэ цIыкIур хыфIимыдзэу я деж къихьащ. А фызым лIыикI быникI иIэтэкъым. И лIыр зы хъаныжь гуэру щытати, лIат. Зыкъомрэ щIалэ цIыкIур ипIа нэужьым, лIы хъуащ. ЩIалэ цIыкIур и анэм еупщIащ:

– Си адэм сыту зыри къыщIэмынарэт – Iэщэ, шы; лIыфIу щытауэ жыбоIэ, – жиIащ.

– Хьэуэ, си къуэ, уи адэм къыщIэнащ шыи Iэщэ-фащи, – жиIащ и анэм.

– НтIэ, дэнэ щыIэ? – жиIэри щIэупщIащ щIалэ цIыкIур.

– Модэ бом щIэтщ, <щIыхьэпIэм> амбырэ мывэ IугъэкIурияуэ, алъпыжьыр къалъ-кулъкIэ машхэри. Уи адэм мо жэз щIопщыр къищтэрти, амбырэ мывэр къыIуихырти шыр къыщIишырт, – жиIащ и анэм.

ЩIалэм жэз щIопщыр къищтэри, кIуэри амбырэ мывэр къыIуигъэукIуриикIащ. Шыр къыщIишри, фIыуэ иIуэтри, уанэ тырилъхьэри шэсащ. ЩIалэм и анэм: «Еуэт, си щIалэ», – жиIащ. ЩIалэр шым еуэри, шыр щыщIэцIэфтым, шыпхэмкIэ къыпыхужащ. «Алыхь, умыхъуа, си щIалэ, иджыри», – жиIэри щIалэр зыкъомрэ нэхъ къару къезытын шхынкIэ игъэшхащ. Абы иужькIэ аргуэру игъэшэсри, щIалэр шым щеуэу шыр щыщIэцIэфтым, лъэныкъуабэ хъуащ. «Алыхь, умыхъуа иджыри, си щIалэ», – жиIащ. Аргуэру щIалэр нэхъ къару къезытын шхынкIэ игъэшхащ. Ещанэу щIалэр шым тыригъэтIысхьэри: «Еуэт, си щIалэ», – жиIащ. ЩIалэр еуащ шым, пщIантIэм дэлъри, къызэхижыхь-нызэхижыхьри къыдэхьэжащ. Епсыхри, шым уанэр тырихыжри, фIыуэ илъэщIри щIиубыдэжащ. Пщэдджыжьым нэху къекIри, фызым щIалэм жыриIащ:

– Иджы, си щIалэ, сэ алъандэрэ успIащ, иджы лIы ухъуащ, уи лъэпкъыр къэбгъуэтыжым нэхъыфIщ, лIы ухъуащ, ныбжьэгъу бубыдми, зекIуэ укIуэми хъунущ, – жиIащ.

– Сыт а жыпIэр, нанэ, уэращ сэ сызейр, – жиIащ щIалэм.

– Хьэуэ, сэркъым. Сэ мыбы хуэдэущ укъызэрызгъуэтар, – жиIащ. – Мэ мы хъыданри, мыбы уэ укIуэцIылъащ. Мы хъыданыр зейм урейщи, къэгъуэтыж. ПхуэсщIари Тхьэм хьэлэл пхуищI, – жыриIащ.

ЩIалэр шым къэшэсри къежьэжащ. Зыкъомрэ къэкIуа нэужь, шыуитI къыхуэзащ. ШыуитIым еупщIащ:

– ЕмыкIу сыкъэвмыщI, Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ жыхуаIэр фэра? – жиIэри.

– Сыт абыхэм абы хуэдэу занщIэу уащIыщIэупщIэр? ФIыкIэ уащIэупщIэрэ хьэмрэ IейкIэ уащIэупщIэрэ? – жаIащ, щIалэр абыхэм занщIэу щащIэупщIэм, «Зы лIыгъэ гуэр хэлъщ, мыр гушхуа гуэрщ», – жаIэри.

Къанжэ и къуэ Щауейми:

– Хьэуэ, сэ фIыкIэщ сазэрыщIэупщIэр. Ahэр лIыфIу, лIыгъэ зэрахьэу зэхэсхати, арщ. КхъыIэ сызивгъэгъусэ, фепсыхмэ, фи шы IумпIэ сыубыдынщ, – жиIэри ялъэIуащ.

– Алыхь-алыхь, узидгъэгъусэн, Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ жыхуаIэри дэрщ, – жаIащ.

Къанжэ и къуэ Щауейри я гъусэу къежьэжащ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ зекIуэ щыIауэ я деж кIуэжырт. Я къуажэм къызэрысыжари Къанжэ и къуэ Щауейми щабзыщIащ, «Абы и лIыгъэр зэдгъэщIэнщ», – жаIэри. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ Къанжэ и къуэ Щауейм жыраIащ:

– Дэри мы къуажэм дыдэхьэнщи гъуэмылэ тIэкIу къыдэтхынщ, уэ мыбы дежым епсыхи тIэкIу зыгъэпсэху, – жаIэри.

Къанжэ и къуэ Щауейр епсыхащ. ЩIымахуэти, и шыр и Iэм фIидзэри, щIакIуэм зыкIуэцIишыхьри зигъэкIуриящ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ я унэт, къыздэкIуэжар я анэ дежти, ефащ, ешхащ, загъэпсэхужащ.

А Уэзырмэсыр зыщIэгуауэр лIэрт, Уэзырмэджыр тхьэ зэрелъэIуар къыхуищIэрти, Уэзырмэджыр тхьэ елъэIуащ:

– Ялыхь, уэсри уэшхри зэщIэту къегъэшхи, ар, жьы къегъапщи, къызэщIэгъэщтыхьэж! – жиIэри.

А сыхьэту уэсри уэшхри зэщIэту къешхащ, ар щигъэтыжри, жьапщэ къэхъуащ, «ЩIыху губгъуэм итыр псэууэ къелынкъым», – жаIэу. Пщэдджыжьым Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ къежьэжащ, гъуэмылэу зы блэгъу гъур гъэжьарэ зы махъсымэ фэндрэ, щтарэ мылыр къыхэлъэлъу, яIыгъыу. «Мы щIалэр псэууэ мы борэным къеламэ, сэ сыщIэгуэуэнщ, абы къелу щытмэ, ар дэ лIыгъэкIэ къыттекIуащ», – жаIащ. Къэсри, щIалэр щылът. «Уэй!» – жиIэри <Уэзырмэсыр> щIэгуэуащ, къэушакъым. ЕтIуанэу щIэгуэуащ, арщхьэкIэ къэушакъым. НтIанэ бгъэдыхьэри, и щIакIуэ кIапэр къиубыдри нэхъ ину щIэгуэуащ. ЩIалэр къыщылъэтащ:

– Мыр сыт, «Уэзырмэс зыщIэгуауэр малIэ», – зэрыжаIар уи фIэщ хъуа? – жиIэри.

– Хьэуэ-хьэуэ, «Мы щIыIэ бзаджэм зыгуэр ирищIа?» – жысIэри арт, укъыщымытэджым, – жиIащ Уэзырмэсым.

– Хьэуэ, зыри къысщыщIакъым, уэлэхьи, икIи сыпщIэнтIатэм, – жиIэри, къэтэджри зызэпилъэщIыхьащ. Уэсыр щилъагъум, – Iэу, уэс тIэкIуи къесати, – жиIащ.

Уэзырмэсрэ Уэзырмэджри:

– Уэлэхьи, дыздэкIуари мыбысым щIагъуэт, – жаIэри блэгъу гъурымрэ махъсымэ фэндымрэ къыратащ.

Блэгъури IэдакъэкIэ зэхигъэщащэри, лыр къыкIэрихри ишхащ, махъсымэ фэндри игъэщIейри ирифащ, мылыр къызэрыхэлъэлъу. «Уэлэхьи, сытхъам», – жиIэри, и шы-уанэ зэщIикъуэзэри, къежьэжахэщ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ я хэщIапIэм и деж къэсахэщ.

Къанжэ и къуэ Щауейр пщыIэм къытыранэри зэкъуэшитIыр зекIуэ текIащ. Къанжэ и къуэм пщыIэр зэлъыIуихащ, бланэ, кIуэри, къиукIащ, ар хилъхьэри игъэващ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ къэсыжащ. Къанжэ и къуэм пщыIэр абы хуэдизу фIыуэ зэлъыIуихати, зэкъуэшитIым ямыщIыхужу блэкIырти, Къанжэ и къуэр егуэуащ:

– Дэнэ фыкIуэрэ? – жиIэри.

– Дыкъэпщ Iыхужым деплъынути арат, – жаIэри къытехьэжащ.

ФIыуэ игъэшхащ, игъэтхъащ. Аурэ зыкъомрэ тесауэ, зы махуэ гуэрым Къанжэ и къуэр елъэIуащ зэкъуэшитIым:

– КхъыIэ, сэри тIэкIу сытевгъэкI, си лIыгъэ севгъэплъыж, – жиIэри.

– Хьэуэ, сыт уи закъуэ пщIэнур? Мыдэ дышхэм, тIэкIу зыдгъэпсэхум, дызэгъусэу дежьэнщ, – жаIэри ядакъым.

Къанжэ и къуэми:

– Хьэуэ, фэ зывгъэпсэхуху, сыкъэсыжынщ, сывгъакIуэ, – жиIащ.

– КIуэ, нтIэ, – жаIэри хуит ящIащ.

Къанжэ и къуэр, мэзыр гъунэгъути, хэлъэдащ. Мэзым здыхэжым, Къанжэ и къуэм зыгуэр къегуэуащ:

– А уи шым и лъэгум къыщIэху ятIэр къапщтэми, ущIогъуэж, къомыщтэми, ущIогъуэж, – жиIэри.

Къанжэ и къуэр зы лъэныкъуэкIэ еIэбэкIри ятIих, адрей лъэныкъуэмкIи ятIих къищтэри и жыпым ирилъхьащ.

Къанжэ и къуэм шы къуэлэнибгъу зы щIыпIэ щыIэу и хъыбар зэхихат, абы кIуэрт. А шибгъум иужь Уэзырмэсрэ Уэзырмэ-

джрэ итт, арщхьэкIэ къехъулIэртэкъым. Къанжэ и къуэр шыхэр псым къыздыдыхьэм и деж кIуащ. Шыхэр псым къыдыхьащ, Къанжэ и къуэр жыгым къуэтIысхьащ, аркъэныр иIыгъыу. Шы къуэлэнибгъур къыдэхьащ, зы хакIуэ цIыкIу, лъакъуищ щIэту <я гъусэу>. Къанжэ и къуэм аркъэныр идзри, шы лъакъуищым фIэхуащ. Шы лъакъуищым и уанэр тырилъхьэри, и алъпыжьыр шыхэм яхиутIыпщхьэри къырихужьащ. Аурэ мэзым къэсыжри, абы къегуэуар игу къэкIыжри и жыпым иIэбащ. И жыпитIым иIэбэри – ятIэу ирилъхьар дыщэт. «Алыхь-алыхь, сыту нэхъыбэIуэ къэзмыщтарэт», – жиIэри щIегъуэжащ. ПщыIэм къэсыжащ, Къанжэ и къуэ Щауейр. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ шы къуэлэнибгъур щалъагъум, я щхьэфэцым зырисэри, я пыIэр къыщхьэрыхуащ, арщхьэкIэ ар я жагъуэ зэрыхъуари зыкъырагъэщIакъым. Къанжэ и къуэми:

– Къэсхуа щIагъуи щыIэтэкъым, – жиIэри <пщыIэм> къытехьэжащ.

– Сыт жыпIэр? Хъарзынэу къэпхуащ, – жаIащ зэкъуэшитIми.

– Иджы, къэсхуар дыугуэшынщ, – жиIэри шийр плIырыплIу зэкъуэшитIым яритащ, дыщэри зэхуэдэу игуэшащ. Абы иужькIэ, – Иджы, сэ си лъэпкъ къэзгъуэтыжынщ, – жиIэри къежьэжащ.

Къанжэ и къуэм зыкъом къикIужауэ, Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ жаIащ: «Мы щIалэр щхьэ зэдмыгъэцIыхуарэ, ди анэм мы шыр дэ къызэрыдмыхуар къищIэнщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ – шы лъакъуищыр зэрыхэмытымкIэ. «Мыбы къыдитащ», – жытIэми, «НтIэ, щхьэ къевмыгъэблэгъарэ, хэт зыщыщыр?» – жиIынщ, – жаIащ. – НтIэ, абы «Еблагъэ» жетIэкIэ къытхуэувыIэжынкъым, ауэ «Дэ шыпхъу закъуэ диIэти, мыр малъхъэ тщIынщ», – жытIэнщ», – жаIащ.

КъыщIэцIывэри къыкIэлъысащ. Къанжэ и къуэм:

– Сыт фызыхуейр? – жиIащ.

– Дызыхуейр арщ. Дэ шыпхъу закъуэ диIэщ, малъхъэ утщIыну арщ, фыз уимыIэмэ, – жаIащ Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ.

– Алыхь-алыхь, куэду сыарэзыщ. Уэлэхьи, фызи симыIэ, – жиIащ.

Къанжэ и къуэр я гъусэу зэкъуэшитIыр къэкIуэжащ. Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэ я анэр, шы къуэлэнибгъур щилъагъум, лъэхъстэн вакъэр лэжьэхукIэ, къэфащ. И къуитIыр къыщIэхьэжри жыраIащ, шыхэр езыхэм къызэрамыхуар, арщхьэкIэ:

– Хэт къихуами, Iуэхукъым, шыр фэ фиIэм арщ, – жиIащ, – ауэ Iэмал иIэм, шы лъакъуищыр зыIэрывгъэхьэ, – жиIащ.

– Хъунщ, – жаIащ, – абы ди шыпхъур еттыну къэдгъэгугъащ.

Къанжэ и къуэм зэкъуэшитIым я шыпхъур щыратым, шы лъакъуищыр уасэу яритащ, «Си анэ къызита шыр фэстыфыну къыщIэкIынкъым», – жиIэри.

Къанжэ и къуэм хъыджэбзыр къыдихри, къыдэкIыжри зыкъом къикIужауэ, зы щIыпIэ деж зигъэпсэхуну къэувыIащ. Абы дежым щхьэукъуати, пщIыхьэпIэ хуэдэу илъэгъуащ: «Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, сыту уэ уделэ, уэ уи пщIэнтIэпст, уэ уи гуащIэдэкIт а шы лъакъуищыр, щхьэ зыIэщIэбгъэкIа, ар абы яIыгъыу уи насыпи уи лIыгъи ятекIуэнкъым», – жиIэу. Къанжэ и къуэр къыщылъэтри, и фызым зы увыIэпIэ иритри щIэхыу къигъэзэжащ.

– Мыр сыт, щхьэ къэбгъэзэжа? – щыжаIэм,

– Мыбы хуэдэу зыщIыпIэ сокIуэри, си алъпыжьым сихьыркъым, щIэхыу шы лъакъуищым уанэ схутефлъхьэ, – жиIащ.

Уанэр тыралъхьэри къыратащ. ПщIантIэм къыдэжри губгъуэм къызэрихьэу, шым и джабитIымкIи дзажэналъэ щырыщ хикъутыхьри яхуишэжащ. ЗэкъуэшитIым я анэу Сэтэней ар щилъагъум, шы зэрымыхъужынур къищIэри, Уэзырмэсым шыр щIишэжауэ къыщыкIуэжым, «Шы лъакъуищым и лъакъуэр и <...>», – жиIэри, жыр лэныстэкIэ къеуэри и лъэдакъэхуэр зэпиупщIащ.

Къанжэ и къуэр лъыхъуэурэ къуажэр къигъуэтыжащ. «Мы хъыданыр зейм сырейщ», – жиIэурэ бынжэпыупщIым и деж нэсащ. Бынжэпыупщым хъыданыр къицIыхужри жыриIащ: «Узейр сэркъым, мыращ узейр, ауэ сэ укъезгъэлауэ щытащ», – жиIэри.

ЩIалэм фызыр зыщIыпIэ щигъэбэяури и анэм деж кIуащ. И анэр хьэфиз хъууэ, илIри лIауэ, и пщIантIэр шыпсанэ зэщIэкIэжауэ щытт.

– Нанэ, бжэр ныIух, – жиIащ.

– А къурмэн сызыхуэхъун, сэ нанэ зызыIэн сиIэ? – жиIащ.

– Сэ сурИэщ, ныIух, – жиIэри Iуригъэхащ. – Сэ мыбы хуэдэу сыкъелат, сомытхьэлэу, – жиIэри жыриIащ.

И фызри къишэжщ, и пщIантIэри зэлъыIуихыри и анэм бгъэдэсу тхъэуэ-шхэуэ <къэнэжащ>.

ШАУЕЙ, СЫН КАНЖА, ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН НАРИБГЕИ

В одном селении жила Наribгея (букв.: *Злюка*). Она рожала, и <всякий раз> душила своих новорожденных. В этом селении жила одна бабка-повитуха. «Позвольте мне обрезать пуповину новорожденного <у этой женщины>», – сказала она. Женщина родила мальчика. Бабка-повитуха пришла к ней со щенком. Женщина сказала:

– Дайте, я задушу того, кто меня так мучил.

– Возьми, вот кого ты родила, – сказала бабка-повитуха и отдала щенка женщине.

Женщина взяла и задушила <щенка>. Бабка-повитуха взяла мальчика и принесла его домой. После того как мальчик немного окреп и научился есть, бабка-повитуха, опасаясь, что мать ребенка не простит ее, приготовила ящик, в который не просачивалась бы вода, положила туда различные сладости для мальчика, <посадив туда мальчика>, отнесла и бросила в реку. Река несла ящик, и <ящик> достиг какой-то местности, где на берегу сидела и стирала какая-то женщина, которая, увидев плывущий по реке ящик, подняв подол платья, <вошла в реку> и достала ящик. <Она> разбила этот ящик, и оттуда вышел мальчик.

«Аллах-аллах, горе мне, падут на меня и грехи и беды твои», – сказала женщина, сильно огорчившись. Но все-таки она взяла мальчика и принесла его домой. У этой женщины не было ни мужа, ни детей. Муж ее, который был ханом, умер.

Она воспитывала мальчика много лет, пока он не повзрослел. Мальчик спросил у <приемной> матери:

– Почему мне ничего не досталось от отца: оружия, коня? Ты же говорила, что он был смелый муж.

– Нет, сын мой, твой отец оставил <после себя> и коня и оружие, – сказала <приемная> мать.

– Тогда где они? – спросил мальчик.

– Его могучий альп, питаясь *калькулем*, стоит в той конюшне, вход в который перегорожен абра-камнем. Твой отец брал ту плеть, убирал <ею> абра-камень и выводил коня.

Юноша взял плеть, пошел и отодвинул абра-камень. Вывел коня, хорошо погладил, накинул седло и сел на него. Мать юноши сказала: «Ударь-ка, сын мой». Юноша ударил <плетью> коня, и, когда тот рванулся с места, он соскользнул назад и упал. «Аллах, ты еще не созрел, сын мой», – сказала <мать> и еще долгое время кормила его пищей, которая должна была придать ему сил. После этого она опять посадила его на коня. И когда юноша ударил коня, и тот рванулся, он накренился на бок. «Аллах, ты еще не готов, сын мой», – сказала <приемная> мать. И еще она продолжила кормить его. В третий раз посадив юношу на коня: «Давай, мой сын», – сказала женщина. Юноша ударил коня, выскочил со двора, проскакал туда-сюда и вернулся во двор. Спешился, снял с коня седло, хорошо протер его и завел обратно в конюшню. На следующее утро женщина сказала юноше:

– Сын мой, я растила тебя все это время, теперь ты стал мужчиной, будет лучше, если ты найдешь свой род. Ты стал мужчиной, теперь можешь обрести друзей и отправиться в поход.

– Что ты такое говоришь, нана? Я твой сын, – сказал юноша.

– Нет, ты не мой сын, я нашла тебя так..., – сказала, – возьми этот лоскут ткани, ты был укутан в него, ты принадлежишь тому, кому принадлежит этот лоскут ткани, найди его [этого человека]. То, что я сделала для тебя, прими на здоровье, – сказала она ему.

Юноша сел на коня и отправился в путь. Пройдя долгий путь, он встретил двух всадников. Он спросил у всадников:

– Не примите за наглость, не вас ли зовут Озырмес и Озырмедж?

– Зачем так прямо спрашиваешь про них, с добрыми или плохими намерениями интересуешься? – сказали они, подумав, что юноша храбр и смел после того, как парень спросил прямо.

Сын Канжа Шауей сказал:

– Нет, я с добрыми намерениями спрашиваю, я слышал, что они храбрые мужи, поэтому и спрашиваю про них, возьмите меня с собой. Я буду придерживать вам поводья, когда вы будете сходить со своих коней, – попросил.

– Аллах-аллах, возьмем, конечно, и это нас зовут Озырмес и Озырмедж, – ответили они.

Они продолжили путь вместе с сыном Канжа Шауеем. Путь Озырмеса и Озырмеджа лежал домой, после похода. Задумав испытать, насколько храбр Шауей, они скрыли от него то, что прибыли в свое селение.

Озырмес и Озырмедж сказали сыну Канжа Шауею:

– Мы зайдем в это селение пополнить запасы еды, а ты пока спешься здесь и отдохни немного, – говоря.

Сын Канжа Шауей спешился. Была зима, <Шауей> привязал <повод> своего коня к руке, завернулся в бурку и прилег. Дом, в который вернулись Озырмес и Озырмедж, был их дом, где жила их мать. Они поели, попили и отдохнули.

Того, на кого кричал Озырмес, постигала смерть, а Озырмедж получал все то, о чем просил у Тха. Озырмедж попросил у Тха:

– О, Аллах, пусть начнется дождь со снегом, пусть подует такой ветер, от которого все замерзнет!

В этот миг пошел дождь со снегом, после этого подул холодный ветер, так сильно, что говорили: «Человек в поле не выживет». Утром Озырмес и Озырмедж собрались обратно, взяв с собой сушеную жареную <баранью> лопатку и бурдюк с ледяной махсымой. «Если этот юноша выжил после этого бурана, я закричу на него, если он и после этого выживет, то он превзошел нас в мужестве», – <так решил Озырмес>. Приехали они, а там лежал юноша. «Уий!» – сказал <Озырмес>, крича на юношу, тот не проснулся, второй раз крикнул, но тот опять не проснулся, тогда подошел ближе, взял за конец бурки и крикнул еще сильнее. Юноша вскочил.

– Ты что, действительно поверил в то, что люди умирают от крика Озырмеса? – так сказал Шауей.

– Нет, нет. Я просто подумал, не случилось ли с тобой чего-нибудь после такого сурового холода, так как ты не вставал, – сказал Озырмес.

– Нет, со мной ничего не случилось. Уаллаги, даже вспотел немного, – сказав, встал и обтер себя. Потом, увидев снег, сказал: – Оу, я смотрю, и снег выпал.

Озырмес и Озырмедж сказали:

– Уаллаги, бысым, к которому мы пошли, негостеприимный был, – и отдали <ему> сушеную лопатку и бурдюк с махсымой.

Раздробив кулаком лопатку, <Шауей> отделил мясо и съел, потом, опрокинув бурдюк, выпил всю махсыму вместе со льдом. «Уаллаги, это было роскошно», – сказав, оседлал коня, и они пустились в путь. Дошли до того места, где жили Озырмес и Озырмедж. Оставив сына Канжа Шауея у пастушьего стана, братья отправились в поход. Сын Канжа прибрался в пастушьем стане, приволок с охоты лося и сварил его. <К этому времени> Озырмес и Озырмедж вернулись. Сын Канжа так хорошо прибрался в пастушьем стане, что братья, было, проехали мимо, не узнав стана, и сын Канжа окликнул их:

– Куда направляетесь?!

– Хотели проверить, узнаешь ли ты нас, – сказав, они вернулись <в стан>, <и Шауей> хорошо накормил их.

В одинь день сын Канжа попросил у братьев:

– Пожалуйста, дайте и мне отправиться в поход, проверить свою силу.

– Нет, что ты один будешь делать? Вот сейчас поедим, отдохнем и все вместе отправимся, – сказав, не разрешили они.

Тогда сын Канжа сказал:

– Нет, вы отдыхайте, <я> скоро вернусь, пустите <меня>.

– Тогда иди, – разрешили <братья>.

Неподалеку был лес, и сын Канжа въехал туда. Когда он скакал через лес, его кто-то окликнул:

– Если подберешь с собой грязь, которую выбивает твой конь, то пожалеешь, если не подберешь, тоже пожалеешь.

Сын Канжа нагнулся в одну сторону, взял шесть комков грязи, нагнулся в другую сторону и опять взял шесть комков грязи.

Сын Канжа слышал весть о том, что где-то находятся девять пегих лошадей, и направился туда. Озырмес и Озырмедж несколько раз пытались пригнать этих лошадей, но им это никак не удавалось.

Сын Канжа направился к месту, куда лошади приходили на водопой. Лошади спустились к реке. Сын Канжа притаился за деревом, приготовив аркан. Девять пегих лошадей, среди которых был маленький трехногий жеребец, подошли к реке. Сын Канжа бросил аркан и схватил за шею трехногого жеребца. Положив свое седло на него, запустив своего могучего альпа к лошадям, погнал их. Так доехал он до леса и, вспомнив того, кто окликнул его, засунул руку в карман. В обоих карманах вместо грязи оказалось золото. «Аллах-аллах, почему я не взял больше», – сказав, пожалел он. Вернулся в стан. При виде сына Канжа Шауея с девятью пегими лошадьми, у Озырмеса и Озырмеджа волосы так на дыбы встали, что аж папахи с их голов свалились. Несмотря на это, они не подали виду, что это обидело их. Сын Канжа со словами: «Моя добыча не так уж и велика», – вернулся в стан.

– Что ты говоришь, твоя добыча довольно хороша, – сказали братья.

– Теперь разделим добычу, – сказал <Шауей> и отдал каждому из братьев по четыре лошади. Золото он тоже разделил поровну. После этого он сказал: – Теперь я пойду и найду свой род, – и отправился в путь.

После того, как сын Канжа проделал долгий путь, Озырмес и Озырмедж сказали: «Почему мы не узнали, кто этот юноша. Наша мать догадается, что этих лошадей пригнали не мы, так как среди них нет трехногого жеребца. Если мы скажем, что кто-то пригнал нам их, то она спросит, почему мы не пригласили его в дом, откуда он родом, – поговорили братья. – Если мы пригласим его сейчас, он все равно не остановится, но у нас есть единственная сестра, и мы предложим ему взять ее в жены». Братья пустились в погоню и настигли Шауея. Сын Канжа спросил:

– Чего вы хотите?

– Вот чего мы хотим: у нас есть единственная сестра, возьми ее в жены, если у тебя нет жены, – ответили Озырмес и Озырмедж.

– Аллах-аллах, я, конечно, согласен. Уаллаги, и жены у меня нет, – ответил сын Канжа.

Вместе с сыном Канжа братья вернулись домой. Мать Озырмеса и Озырмеджа, увидев пегих лошадей, танцевала <от радости>, пока не износилась сафьяновая обувь. Сыновья зашли и рассказали, что это не они пригнали лошадей, но мать ответила:

– Неважно, кто их пригнал, главное, что они ваши. Но вы должны заполучить и трехногого жеребца, чего бы это ни стоило.

– Хорошо, – сказали <братья>, – только мы обещали выдать за него нашу сестру.

После того, как братья выдали свою сестру замуж за сына Канжа, тот в качестве платы за невесту отдал им трехногого жеребца, со словами: «Я не могу отдать вам коня, которого подарила мне мать».

Сын Канжа уехал, взяв с собой девушку, и, преодолев долгий путь, остановился в каком-то месте, чтобы отдохнуть. Он прилег там и во сне ему привидилось: «Сын Канжа Шауей, единственный сын Нарибгеи, какой же ты глупый! Ты своим потом и трудом пригнал этого трехногого жеребца, зачем же ты его отдал, пока они владеют им, ты не в силах их одолеть». Сын Канжа вскочил, нашел для жены укромное место и быстро вернулся обратно.

– Зачем это ты вернулся?

Когда так спросили <братья>, тот ответил:

– Я отправляюсь в дальний путь, и мой альп не в силах его преодолеть, быстрее оседлайте мне трехногого жеребца.

Оседлав, они дали ему коня. Как только он выскочил со двора на поле, с обоих боков сломал коню по три ребра и возвратил жеребца братьям. Мать братьев, Сатаней, увидев это, поняла, что конь уже ни на что не пригоден, и когда Озырмес возвращался, поставив коня в конюшню, Сатаней со словами: <...>, – ударила ножницами и перерезала сухожилия на пяте <Шауея>.

Сын Канжа нашел свое селение. Со словами: «Я сын того, кому принадлежит эта ткань», – дошел до бабки-повитухи. Бабка-повитуха узнала ткань и сказала: «Ты не мой сын, а сын <Нарибгеи>, но я когда-то спасла тебя от нее». Юноша, найдя для своей жены укромное место, отправился к своей матери. Его мать <к тому времени> ослепла, потеряля мужа, а ее двор весь зарос крапивой.

– Нана, открой дверь, – сказал <Шауей>.

– О, тот, кому я благодарна, разве есть у меня тот, кто бы называл меня «Нана», – сказала она.

– Я есть у тебя, – сказал <Шауей>, и она открыла дверь. – Я таким образом остался жив... – <начал он> и рассказал ей все. Потом привез свою жену, привел в порядок двор, остались они жить у матери и жили счастливо и в довольствии.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 7. Сведения о собирателе и исполнителе отсутствуют. В «паспорте» к тексту имеется пометка: «*Иуан Пакъэ и Іэрытхым ещхьщ*» – «*Похоже на письмо рукой Паки Иуан*». *В числе известных собирателей данное имя не встречалось; возможно, он увлекался собиранием фольклора, но сведения о нем до нас не дошли* (*адыгское фамильное имя* Иуан *имеет в русской транскрипции в разных населенных пунктах три варианта – Иванов, Юанов или Ионов*). *Перевод на русский язык М. Бухурова.*

Текст представляет собой контаминацию нескольких сюжетов, связываемых обычно с образом нарта Шауея: рождение от матери, которая убивала своих новорожденных детей, спасение при помощи подмены, воспитание «на чужбине», богатырское испытание, устроенное встречными братьями-нартами, наездническ ие подвиги и женитьба.

Калькуль – разновидность травы, которая, по мнению сказителей, обладает чудесными свойствами. Научное название – *донник лекарственный.*

4. КЪАНЖ И КЪУЭ ЩАУЕЙ И ХЪЫБАР
(*Щауей и къэхъукIэр, Щауейрэ и хьэщIэмрэ*)

Зэш пщыкIуий хъурт Къанж <сыми>, «Зы анэ къилъхуауэ зэшыпхъу пщыкIуий къэдмыгъуэтауэ фыз къэдмышэн», – жари унафэ ящIа. Унафэ ящIыри, еуэри, ежьа пщыкIуийри. Ежьэри зэшыпхъу пщыкIубл хъууэ къагъуэтащ зы гуп. «Уэлэhи, пщыкIуий дымыгъуэтын <пщыкIубл> фIэкI», – жари… «ДауэтIэ зэрытщIынур?» – щыжаIэм щыгъуэ, «НэхъыжьнэхъыщIэкIэ къыщIэддзэнщи къэтшэнщ», – жари, унафэ ящIыри, Къанж нэхъыжьт, модрehэрикI епщыкIуиянэр, иджы, нэхъыжьын хуейти, Къанж къанэри, нэхъыщIэ пщыкIублым къаша, зэшыпхъу пщыкIублыр. Къанжыр къэна. Къанжыр къанэри, еуэри, ежьэжа, «Тхьэр зыгъэпцIа, сэ мы хэкум сисым!» – жери. КъикIухьурэ, къижыхьурэ къуршым итурэ, цIыхуhэм ауан ящI хъуа. Зыгуэрым зыгуэр жиIам, «Мы сэ жысIэр мыпэжым, Къанж хуэду Алыхьым сыкъигъанэ!» – жаIэу-щэ нартым ахуэду жаIэ хъуа.

Арати, еуэри, «Мыр Iуоху мыхъуну, сыдыхьэжыным», – жери къежьэжауэ къэкIуэжу, гъущI гъуогум тет шыпалыр и мастэу, Iуданэ фIэщIауэ дыжэу зы нарт цIыхубз ин гуэр ирихьэлIа. ИрихьэлIэри, цIыхубзым дей дэмыхьу мыхъуу хъури, дыхьащ Къанж. Дыхьэри, Къанж и хъыбарыр ищIэрт а цIыхубзыми, пхъу иIыт абы, цIыхубз а дэми, «Си пхъур уэстынщ», – жиIа, Къанжым къыжыреIэ. КъыжыриIыри <…> къиша. Къишари нэхъ Iеижщ, иг'и, ари <…> зы нарт цIыхубз мыхъумыщIэ гуэрт. «Уэлэhи, сыкIуэжыным, иг'ы», – жери, мурад ещIыри цIыхубзыр щIыгъуу къокIуэж Къанжыр.

Арати къыздэкIуэжым, ««Къанж хэкум къихьэжащ», – жыфIи…», – яжреIэри, бжэныхъуэ гуэр ирихьэлIати, <къуажэм> дигъэлъадэри, <жылэр> докI, докIри мо цIыхубзыр зэралъагъум хуэду, я щIыб къагъазэри къыдыхьэжащ къуажэр. Къыдыхьэжыри, Къанжыми яжриIынтэкъэ <Iуэхур зыIутыр>, яжыриIэри.., <…> цIыхубзыр и фызурэ, <фызыр> малъхуэ, лъхуэхункIэ уэнжакъым докIуейри <абы щолъхуэ>, мафIэр ин ещIыри, уэнжакъымкIэ <сабий> къехуэхар мафIэм ес. Арати, Сэтэней дей кIуа Къанжыр, «Мыращ си Iуохур зэрыщытыр», – жери.

Арати, Сэтэней дей кIуэри, «Хъыбар къэзыгъащIэ <абы и лъхуэгъуэр къыщыскIэ>», – жери, **<…> къригъащIэщ, лъхуэуэ щы-**

суи къакIуэщ Сэтэнеи, <фызыр> лъхуэри, <къилъхуар> нафIэм къыхэхуэри, **<…> Сэтэней щIыхьэри, <сабийр мафIэм> къыха**хыри, Сэтэней къыхихыри ипIа. Фызым фIэкI, а къэзылъхуам **<хищIыкIыркъым>. Мобы ихьыри <…> ипIа. Сэтэней ипIурэ, ба**лигъ хъури, къыжыриIа:

– Иджы, уи янэр мыпхуэдэущ зэрыщытыр, къарукI'э къыптекIуэм, тхьэ соIуэ, уиукIынымкI'э, – Щауейм къыжыреIэ Сэтэнейм. – УтекIуэм...

Арати къокIуэж Щауейри, а Къанж и фыз а Iейр езы Къанж [Щауей] зыкъыридзыри, текIуащ Щауейр. ТекIуэри, <…> фызыри къанэри, псоурэ, Щауей лIы хъуа, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ фIаща.

Щауейр, еуэри, зекIуэ кIуауэ, шу гуп щIыгъуу, ирихьэлIа <зы шу>. ИрихьэлIэри, ирихьэлIа иужькIэ, шу гупыр ауэ къигъанэри, «Сэ моуэ сыхоущыкI», – жери хэущыкIщ мори, ирихьэлIа зыгуэрым [шум]. ЩырихьэлIэм щыгъуэ, къыжыриIа:

– Сэ мыпхуэдэм сокIуэри, мы къуажэм ущыщу жоIэ уэри, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм сыхуейщ. Зы илъэскIэ сигъэхьэщIэну <хузэфIэкIынумэ>, сокIуэ.

– Хъунщ, ди къуажэщ ар, жесIынщ, – жери <Щауей> Къанж дей къэкIуэжри жыриIа: – Мыпхуэдэ сырихьэлIащи, къокIуэ. Дауэ зэрысщIынур? Махуэ къэсыхункI'э и шым авосу зы центнеррэ зы мэкъу Iэтэрэ ишхынущ, езым махуэ къэс зы гъэлъэхъу ишхынущ, – ауэду къыжыриIати, ядэ Къанжым щыжыриIэм щыгъуэ, Къанж жиIа:

– Дэ диIыр духыхункI'э едгъэшхынщ, диIыр духа нэужькIэ, ныбжьэгъу-жэрэгъу <…>, къегъэблагъэ, – жери, иригъэблэгъа.

Иригъэблагъэри, шхэурэ, игъашхэурэ шырикI' езырикI', «НакIуэ, си шым хуэдэ <къэдгъуэтынщ>», – жери <хьэщIэм>, мобы и шыр алъпти, алъпыжьикI иIыт Къанжи, и шыри шыбз пщыIэм тетти: «Уэлэhи, мыбы [Щауей] шы хуэхъун хэмыт», – <хьэщIэм> жиIыурэ, <Щауей хьэщIэр> алъпыжьым дей ишэри, «Мис мыр хъунщ», – <хьэщIэм> жиIэри, <…> адрей [хьэщIэм] и шым дагъашхэ арикI. Илъэс ирикъуным щIагъуэ имыIыжу, абы **[хьэщIэм] и шым къыринэ хъуа, Щауей и шым зыри къырим**ыну ишх хъуа.

– НакIуэ, иджы, дежьэнущ, – жари, еуэри, шэсри ежьэжа тIурикI.

Ежьэжри, зы псышхуэ гуэрым дыхьэри, а и гъусэр и гъусэуи, абы жиIа:

– Иг'ы, сэ сыжеинущ, – жиIа, – мазэкI'э. Уэ умыбэлэрыгъыу мазэкI'э мэкъу еуи, – жиIа, – мыдей Iэтэ щыщIыж, – жери къэгъуэлъащ а и гъусэр, къэкIуар.

Гъуэлъыри жейурэ, жейурэ, жейурэ, Щауеи мэкъу еуэм, <Iэтэ ищIыжурэ>, псы Iуфэм, тенджыз Iуфэм <…> ахуэду ищIурэ, <хьэщIэм> и жеиныр зэфIэкIыху, мазэр ирикъущ, къэушыри, морикI' ищIауэ, морикI' ищIауэ къэушыри жыриIа:

– Иджы, сэ мы псым сикI'ынущ. Мы псым сикI'а иужькI'э, мыпхуэдэ гупым сахыхьэнущи, жэщым мо <Iэтэм> мафIэ едзи, мы псым тхъурымбэ, лъы тхъурымбэ, тету къихьу щытым, лъэрымыхь сыхъуащи, лIы ищIэн Тхьэм уигъащIэ, Щауей. Аращ си Iуохур, – жери, псым икIри, еуэри, ежьэжа мор.

Псым икI'ри, ежьэжыри, зыхыхьа гупыр и бийт мобыи, къытекIуэ щыхъум щыгъуэ, гузэвэгъуэр къылъысауэ, къурш зэхуакум дахуауэ, <Щауей мафIэ щIидзэщ> мэкъуми, лъыр псы щIыIум тету, тхъурымбэ хъууэ къихьу Щауейм елъагъу. И шым шэсщ аби, икI'щ псыми, и цIэр ищIэртэкъыми, «Си хьэщIэ!» – жери кIия Щауейр. «Си хьэщIэ!» – жери кIийуэ щыщIидзэм щыгъуэ, зыкъригъэщIащ модрейм. КъуршитIым мыуэду зэгуэуэзэгухьу щытти, щызэгухьэм, увщ мыпхуэдэуи, IэдакъэкIэ жьэхэуэщ Щауеи, къуршиплI зэгухьэр зэгуимыгъыхьэу къигъэувыIэри мор къыдишыжа.

Къыдишыжыри, яхуэщIэр ящIэри, къырахури къежьэжащ я шыр.

Къырахури къежьэжыри, иныжьт, иджы, ахэр <зейри>, зы къэмыну псорикIи къахуурэ къэкIуэжурэ, <хьэщIэм Щауей> жыриIа:

– Иг'ы, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, – жиIа, – уэ шыпэм кIуэ, – жиIа, – сэ шыкIэм сыкIуэнущ. Иг'ы, «Шыр **<зыхуу> хьэмэ къилъхуар хэт?» – щыжаIэкIэ, «Къанж и къуэ Щ**ауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм еху», – жысIынщ, – жиIащ, – сэ. Уи декIэ нэкIуэнущ, сэ си гугъу къимыщIуи, уи дей нэмысу, сэ кIэ естынщ, – жиIащ, – абы.

Арати, къыбгъэдыхьэщ <иныжьыр> хакIуэм тесуи, щхьибл фIэтуи…:

– Хьэмэ къилъхуам си шыр зыхур хэт? – щыжиIэм…

– Къанж и къуэ Щауейм, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм еху, – жиIа.

– Къанж и къуэ Щауейм, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм и фтыр яжьэм хэлъщ, – жиIащ <иныжьым>, – иджырикI, иджы дэ къытщIидзаура, сабийуэ? – жери… – Уэлэhи-тIэ, уэ сыпхуэмей, Къанж и къуэ Щауей шыр зыхум дей сыкIуэным, – жери абы щиIуантIэм, еуэри иукIа <…>.

Шыр къыхуэна, шы <иныжьыр> къызэрихьар. ИтIанэ **<иныжь> зи чэзур къэкIуа нэужькIэ, ахуэду хъуа, ахуэду ящIа ар**гуэру. ИтIанэ жыриIа:

– Иг'ы, икI'э дыдэращ къакIуэнур мыбыи, нэхъ Iейри, уэ шыкI'эм къанэ, – жиIа <хьэщIэм>, – сэ шыпэм сыкIуэнщ, – жиIа. – «Мыр зыхур хэт, мы шыр?» – жиIа нэужькIэ, (и цIэр хьэ сщыгъупщэжа, иг'ы, абы?)… сэ си дей нэкIуа нэужькIэ, сэ абы увыIапIэ къестынщ, – жери, унафэ ящIщ аби, а зэрыжиIам уэду къэсщ мори [иныжьри], абы декIэ щиIуантIэм, къеуэри абы къиукIа.

КъиукIыри, къэкIуэжурэ къэсыжhэщ щызэхуэзами:

– Къанж и къуэ Щауей, мохуэдэ щIыпIэм щопсо мыр, абы я шыпхъу закъуэращ уэ фыз пхуэхъунур, – жери, – мобыкIэ щыIэр сыту пIэрэ? – жери, игъаплъэри и гъусэр кIуэдыжа, Къанж и къуэ Щауей къэна.

Къанэри, шыр къихури къэкIуэжа. Арати, еуэри, ар здэщыIэр къыхуэмыгъуэт хъури, Сэтэней дей кIуащ Щауей.

– Мыращ, мыращ… – жери Сэтэнейм ар жреIэ.

– Мы къуршиблыр зэпыбупщIа нэужькIэ, мыпхуэдэу цIыхубзыр къарэгъулу иIыщ, мыпхуэдиз цIыхухъур къарэгъулу иIыщ, **<УакъкIэ> зэджэ бгъэжьыми а хэкурикI дыгъэ къыще**мыпсу жьауэ ещIыф, езыр мыпхуэдэ щIыпIэм дей щысщ, дыгъэ

къыщIэкIыпIэмкIэ, – жери, – упэлъэщынуми, сщIэркъым, упэлъэщынуми, аращ, – жери къыжриIа.

КъыжриIыри, абы кIуэри къигъуэтащ ар, Сэтэней и унафэм теухуауэ. Къигъуэтыри, кърихьэжьэри, къеуэри, къежьэжа. Кърихьэжьэри, къеуэри, къежьэжыри зы тэлай къикIуа иужькIэ:

– Зыдгъэпсэхунщ, – жери зыщIыпIэ дей иригъэпсыхщ цIыхубзыри, Щауейри щхьэукъуэри, а УакъкIэ зэджэ бгъэр къуршыщхьэм итти, къеуэри цIыхубзыр ихьщ аби, ихьри, еуэри, ежьэжа.

Мыдрей къэнари къэтэджыри, – <…> [щыIэкъым].

– Уэлэhи, зыIызгъэхьэтэм, – жери <…> къуршыщхьэм ихьэри, еуэри бгъэр иукIа, цIыхубзыр къихьри къэкIуэжа Къанж и къуэ Щауейр.

Иг'ы, Бэдынокъуэ, Хъыжьэ зекIуэ къикIыжу, Щауей я гъусу Хъыжьэрэ Бэдынокъуэрэ къыздэкIуэжым, зы шу къыкъуэкIщ аби, Хъыжьэ ищтэщ аби, ихьри, еуэри, ежьэжа, шу гъусэм. Мор [Бэдынокъуэ] кIуэфынутэIыми, дамыгъэ тырищIащ <…> тенг'ызым <здыхыхьэжам деж>. Дамыгъэ тырищIэри, зы зэман дэкIыри, абы кIуэн хуей хъуа. Абы дей кIуэн хуей хъури, Бэдынокъуэ абы деи, зейри ицIыхутэкъым. Дамыгъэ тырищIар къигъуэтыжщ аби, еуэри, <Бэдынокъуэ> хэпкIэри, зэпрыкIри ежьэжа. Ежьэжщ аби, зэпрыкIри, къэщIыхьауэ хъурейуэ, къигъуэтщ ари, ишэри иригъэлъэгъуа.

– Мыращ, мыращ, мыра...

– НтIэ, сэ си анэр мыпхуэдэ иныжьиблым яхьауэ мыпхуэдэу илъэс хъууэ сапэмылъэщу, ауэ Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэм къызэрихьыжыфынур сщIэрт, мыр къызэрихьыжыфынур. Аращ сэ мыр къыщIэсхьар, мы шур, Хъыжьэ, къыщIэсхьар, – жери…

– НакIуэ-тIэ, – жари, еуэри, кIуэри, иныжьиблыр зекIуэ кIуауэ, <и анэр> мобы щIэсу ирихьэлIа.

– Хьэ укъэкIуа мыбы?

– Уэлэhи, мырам… Алыхьыр согъэпцI, сымытIысын!

– Хьэуэ, умыгузавэ, уэлэhэ, ар щымыIэм… – жери…

Арати, еуэри, къежьэжа янэр <кърашэжьэжри>, <…> къежьэжhэри, мыуэ щыхъум щыгъуэ, <иныжьхэр> къыкIэлъыщIэпхъуэри, къыкIэлъыщIэпхъуар иукIащ Бэдынокъуэм. Модрейр, Хъыжьэ, лъэрымыхь хъуати, уIэгъэ телъти, хъуаIым.

– Дауэ хъуа? – жери зыкъищIэжа нэужькIэ Бэдынокъуэ щеупщIым…

– Зыри къэдгъэнакъым, дукIащ, – жиIащ Бэдынокъуэ.

Арати, я пхъур <Щауей> кърагри, Хъыжьэ къашэжри къэкIуэжа псорикI. Аращ.

СКАЗАНИЕ О ШАУЕЕ, СЫНЕ КАНЖА

(*Рождение Шауея, Шауей и его гость*)

Канжева семья состояла из восемнадцати братьев, и они решили: «Пока не найдем восемнадцать сестер, рожденных одной матерью, не будем жениться». Решили они так и, взяли, отправи-

лись все восемнадцать <на поиски>. Отправились они и разыскали семнадцать сестер одной семьей. «Уаллаги, мы восемнадцать не найдем, <а нашли вот семнадцать>», – сказали они. «Ну а как тут поступить?» – когда так сказали… «Начнем по старшинству – по младшинству и женимся», – решили так; поскольку Канж был самый старший, а у тех [сестер] старшей должна была оказаться восемнадцатая, Канж остался ни с чем, а младшие семнадцать женились на семнадцати сестрах. Канж остался один. Остался Канж один, взял и уехал: «Богом клянусь, что не буду жить в этом краю!» – сказав. Ездил он ездил, скитался среди гор, и люди стали над ним посмеиваться. Кто-то что-то говорил и при этом добавлял: «Если сказанное мною неправда, пусть Аллах оставит меня таким, как Канж». Вот так нарты стали говорить.

Так вот, однажды… «Это не дело, лучше я возвращусь», – сказал Канж, и, возвращаясь домой, встретил одну нартскую женщину, которая шпалу на железной дороге <и рельс> как иголку с нитью держала и шила. Встретил он, получилось так, что не зайти к ней в дом он не мог, и поэтому пошел в гости Канж. Пошел он, а женщина знала о заботах Канжа, и у нее была дочь…, и она ему предлагает: «Выдам я за тебя мою дочь». <Канж> побоялся и со страху женился. Женился он, а она еще безобразнее <своей матери>, такая недостойная нартская женщина она была. «Уаллаги, теперь поеду домой», – решает он, и возвращается Канж вместе с женщиной.

<…>

Итак, там, куда он возвращается, «Пойдите и сообщите, что Канж возвратился в свой край…», – поручает он встречным пастухам коз… отправляет он их бегом <в селение>, и народ выходит <навстречу>. Выходит, и как только завидели ту женщину, спиной повернулся и вернулся домой весь народ. Вернулись, ну а <разве> Канж им не сказал бы в чем дело, он им рассказал… И женщина, жена его, рожает, а каждый раз, когда рожать, она, разведя в очаге большой огонь, взбирается на трубу, и <младенец>, попавший в огонь, сгорает. Поэтому Канж отправился к Сатаней, чтобы рассказать, – так и так дело обстоит. Вот так он пошел к Сатаней, и она сказала: «Извести меня, <когда настанет срок>», – сказала она… Он известил ее, и Сатаней явилась… <Женщина разродилась>, <ребенок> упал в огонь… А Сатаней вошла в дом, вытащила ребенка из огня, принесла к себе и вырастила его. Женщина, та, что родила, и не знает о том, думает, что тот сгорел в огне. Растила его Сатаней, и когда он возмужал, она ему сказала:

– Теперь дело такое, мать твоя такова, что если она осилит тебя, то, вот бог, она тебя убъет, – так Сатаней наставляет Шауея. – А если ты победишь…

Итак возвращается Шауей в родной дом, и та жена Канжа, та скверная женщина, набросилась на Канжа (видимо, здесь оговорка: *на Шауея* – перев.) и победила Шауея (еще одна оговорка: победил *Шауей*, будь иначе – мать убила бы его – перев.). Победил, и женщина осталась в живых, так, живя вместе, Шауей достиг зрелости, и стали его называть Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей.

Однажды Шауей в зеко повстречал вместе с компанией наездников <одного всадника>. Повстречал он и, покидая компанию, говорит: «Я немного рысью проедусь». Проехался он рысью, и когда встретился с тем всадником, тот ему говорит:

– Я еду туда-то, ты же говоришь, что из этого селения, а мне нужен Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей. Еду к нему… гостить один год.

– Хорошо, он из нашего селения, я ему передам, – сказал <Шауей>, возвратился к Канжу и сообщил ему: – Вот такого-то я повстречал, он едет к нам. Как мне быть? Каждый день его конь будет съедать по центнеру овса и стогу сена, сам он будет съедать по одному валуху, – так тот ему сказал, и когда Шауей сообщил это своему отцу Канжу, Канж дал такой ответ:

– Пока не закончится то, что у нас есть, будем содержать, а как закончится то, что у нас есть, скажем друзьям-приятелям… принимай, – сказал так и велел принимать гостя.

Принял <Шауей гостя>… и вот едят они, угощают и коня, и его самого… «Пошли, <поищем> коня тебе…», – сказал <гость>, а у него самого конь был альп, и у Канжа был один старый альп… Выехали они, прибыли на стан табунщиков, что пасли кобылиц. «Уаллаги, тут для нас лошадей нет», – так говоря, когда они шли, довел Шауей его до старого альпа и … «Вот этот подойдет», – сказал гость. И стали они кормить его с тем, другим, конем. Когда до сроку в год оставалось немного, конь гостя стал оставлять недоеденное, Шауея же конь стал доедать, ничего не оставляя.

– Давай, теперь поедем, – решили, оседлали коней и поехали оба.

Отправились они, доехали до одной большой реки, Шауей вместе со спутником, и тот сказал:

– Теперь я буду спать, – сказал, – месяц. Ты же, не отвлекаясь на другое, в течение месяца коси сено и, – сказал, – вот здесь поставь стог, – сказал так и улегся этот его спутник, что с ним был.

Улегся он, и спит, спит, спит, а Шауей тоже косит, косит… у берега воды, у берега моря <стог складывая>, вот так закончилось время сна, да и этот и то сделал, и это сделал… Проснулся тот и сказал:

– Теперь я переправлюсь через эту реку. Когда я через эту реку переправлюсь, я попаду к таким-то, а поэтому ночью ты этот… <стог> подожги: если по воде будет плыть пена, кровавая пена, тогда дела мои плохи, и тогда, Шауей, пусть бог поможет тебе совершить то, что положено совершить мужчине. Вот каково мое дело, – сказал, переправился через реку и скрылся.

Переправился он через реку и скрылся, а те, к кому он попал, были врагами его, и когда они стали его одолевать, когда беда нависла над ним и он сорвался и упал между скал, <к этому времени Шауей> поджег сено и увидел, как по воде несет кровь, ставшую пеной над водой. Сел он на своего коня, переправился через реку и, так как он не знал имени того, стал его звать: «Мой гость!». Как он начал кричать «Мой гость!», тот дал о себе знать. Две скалы вот так сходились-расходились, и когда они начали сходиться, стал он вот так, ладонями толкнул Шауей, четыре скалы, что сходились,

остановил и гостя своего вызволил. Вывел он его, затем они сделали <врагам вреда> столько, сколько могли, угнали их лошадей и переправились обратно через реку.

Перегнали они лошадей…, уехали оттуда, а те, все они [враги] это были иныжи…, и когда гнали лошадей, <гость> сказал:

– А теперь, Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей, – так он сказал, – ты поезжай вперед, а я поеду подгонять лошадей. Таперь, когда скажут: «Кто это за собачье отродье, что угоняет наших лошадей?», я отвечу: «Это Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей», – так он сказал. – Они направятся в твою сторону, но я не дам им доехать до тебя и всех перебью, – сказал гость.

Итак, подъезжает к нему <иныж> на жеребце, сам с семью головами:

– Кто это за собачье отродье, что угоняет моих лошадей? – когда он так спросил…

– Это – Канжа сын Шауей, единственный сын Нарыбгей угоняет, – ответил <погонщик>.

– У Канжа сына Шауея, единственного сына Нарыбгей еще срамное место в золе вываляно, – возразил <иныж>. – Что же, он ребенком с нас начал, что ли? – Уаллаги, в таком случае ты мне не нужен. Я пойду к Канжа сыну Шауею, который угоняет лошадей, – сказал он, но когда поворачивал туда, этот ударил и убил его…

Конь же остался, тот конь, который его принес. Затем прибыл следующий <иныж>, и с ним случилось то же самое, с ним поступили точно так же. Затем <гость> сказал <Шауею>:

– Теперь приедет сюда самый худший из всех, самый плохой. Поэтому ты останься погонять, – сказал, – я же пойду впереди табуна, – сказал. – Когда спросит: «Кто это угоняет лошадей?», – (почему я забыл его имя! – *реплика исполнителя*)… – так он сказал. – Когда он поедет в мою сторону, я ему найду пристанище, – сказав, так решили они, и, как сказано, так он и прибыл, а когда тот поворачивался, ударил его <Шауей> и убил.

Убил он его, и уже на обратном пути, когда доехали до места, где они встретились…:

– Канжа сын Шауей, <вот такие-то> живут в такой-то местности, и только их единственная сестра станет тебе достойной женой, – сказал <гость>. – А что это там такое? – спросил он, заставил Шауея оглянуться и сам исчез; Канжа сын Шауей остался <ни с чем>.

Остался он, и возвратился домой, пригнав лошадей. Вот так, стал он искать и не мог найти, где она [эта девушка] живет, и поэтому отправился Шауей <за советом> к Сатаней:

– Так и так, – говорит и Сатаней<-гуаше> об этом рассказывает.

– Как пересечешь эти семь гор, вот так, [столько-то] женщин караульных там есть, столько-то мужчин караульных есть, и могучий орел по имени <Уак> может весь тот край закрыть от солнца, сама же она в таком-то месте обосновалась, ближе к выходу, – сказала <Сатаней>. – Не знаю одолеешь ли, не одолеешь ли, так тому и быть, – так она ему сказала.

Сказала она так, и он отправился туда и разыскал ее, по указаниям Сатаней. Разыскал похитил ее и пустился обратно. Похитил он, взял и пустился обратно, и когда проехал прилично…:

– Отдохнем – решил и в одном месте опустил женщину наземь, а сам Шауей чуть задремал, а тот орел по имени Уак сидел на вершине горы, взял он да и унес женщину, унес и был таков.

А этот, который ни с чем остается, спохватился – <а женщины> нету (слово *нету* сказано по-русски – *перев.*).

– Уаллаги, <сам> было испортил <дело>, – сказав, поднялся на вершину, ударил и убил орла. Женщину же, привезя к себе, возвратился домой Канжа сын Шауей.

А тут <однажды>, когда Бадиноко, Хыжа и с ними Шауей возвращались с зеко, откуда-то появился один наездник, схватил Хыжу, унес его и ускакал тот наездник. Тот [Бадиноко–?] не мог преследовать, и поэтому сделал мету… на море. Сделал мету, а некоторое время спустя ему довелось туда отправиться. Довелось ему туда отправиться, но Бадиноко ни места, ни владельца (?) не знал… Разыскал он сделанную мету, прыгнул <в воду> переправился и поехал дальше. Поехал он дальше, и вокруг огороженное <место> разыскал, повел туда и показал ему (судя по смыслу, повел и показал тот всадник, который и похитил Хыжу – *перев.*):

– Вот, так и так и так… мою мать вот тут семь иныжей похитили, и я вот так целый год не могу их осилить. Но только Канжа сын Шауей способен ее возвратить, вот почему я и похитил этого всадника, Хыжу, – объяснил им <наездник>.

– Ну что же, поехали, – сказали они, взяли и поехали, … и оказалось, что семеро иныжей ушли в зеко… <а она> там сидит, – такое они застали.

– Почему ты прибыл сюда?

– Уаллаги, дело такое, и я не стану садиться.

<…>

– Да нет, не переживай, уаллаги, если их и нет…

Итак, взяли они и тронулись в обратный путь (*мать, иныжей мать…* – слова, не проясняемые повествованием – *перев.*). Отправились они, и когда так дело стало, <иныжи> пустились в преследование, а преследователей Бадиноко перебил. А Хыжа ослабший был, и он не смог <воевать>.

– Как было? – когда спросил он, очнувшись, у Бадиноко…

– Никого мы не оставили, всех перебили, – ответил Бадиноко.

Итак, выдали свою дочь за <Шауея> и все возвратились домой. Вот и всё.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 690-ф/10. Исп. Карамурза Шоров: 1902 г.р., с. Урух Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. в 1985 г. З. Налоев. Выписка с магнитн. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Сюжет со своими основными мотивами встречается в сказании из цикла о нарте Бадиноко / Шабатыныко. Запись с магнит-

ной ленты публикуется как образец бытования эпоса в период угасания эпической традиции как таковой. Характерно, что изложение сбивчиво, не все фрагменты повествования логически связаны между собой, что может быть результатом утраты исполнителем соответствующих навыков вследствие забвения. Это может быть показателем того, что в обществе упал интерес к эпосу как жанру, поэтому сказание исполняется весьма редко. Нельзя исключать и особенностей памяти исполнителя, который находится в преклонном возрасте. Контаминация фрагментов налицо, причем она порою не мотивирована логикой основной линии повествования.

5. НАРТ ЩАУЕЙ И ХЪЫБАР
(*Щауейрэ и хьэщIэмрэ*)

Нартһэ ящыщ щыIащ, Щауей жари – Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, жари щыIащ. А нарт Щауей нартһэр зекIуэ иришажьэрт, жаIэ, абы. ЩыришажьэкIэ, нартһэм унафэ яхуищIт, жи:

– Фэ зыщIыпIэ фыкIуауэ фежьэмэ, «Шу гуп сыхуэзащ», – жыфIэу зевмыт, – жиIыт, жеIэ. – Абы къиаткI'э: «Мор шу закъуэщ» – жыфIэу, фытегушхуэу зевмыпщыт, – жиIыт, жеIэ. Ар нартһэм яжриIэрт, жеIэ, щежьэкIэ, ежьэгъуэ къэсыхукIэ.

Арати, ар я унафэу зэхэтурэ, нарт шууищэ гъусэ ищIщ Щауеи, ежьащ, жеIэ. Ежьэри, нарт шууищэри, езыр япэ иту, шу тIурытIу зэбгъурыту кIуэурэ, зы шу цIыкIу аткI'э къакIуэу къахуэзащ. Шу цIыкIур къэсри:

– Гъуэгуфыж апщий! – къажриIащ.

– Уи Iуоху фIы ирикIуэ, щIалэфI! – жиIащ Щауейм.

Арати, шу цIыкIур блэкI'ри, еуэри, ежьэжа. Аурэ нартһэр кIуэурэ зы псыхъуэ гуэрым дыхьэри, Щауейм жиIащ, жеIэ:

– Мо девгъэпсыхи дишһэм жьы Iуредгъэхьэнщ, дэри тIэкIу зытплъыхьынщ, – жиIащ, жеIэ.

– Захуэщ, – жари, епсыхри затхьэщIащ, шыһэри псы ирагъэфащ. – КъэтыIауэ пIэрэ? – жари, <…> [зыкъапщытэжри] – шууий къэтт, жеIэ.

– Уэлэхьи, мы шу цIыкIум яужь ихьам мыһэр, дауэ хъуауэ щытми. Мо фыщыт, сэ сыкъэкIуэжыхукI'э, сэ аһэр къэзгъуэтыжынщ, – жиIыщ Щауеи, и шым шэсщ аби, игъэзэжащ, жеIэ.

Аурэ ежэхыурэ, кIуэурэ, шууийрикI' щхьэж и шым трипхэжауэ шу цIыкIум я пэм иригъэувауэ ихут, жеIэ. Нэсыри:

– Гъуэгуфыж апщий, щIалэфI! – жери еупщIащ, жи.

– Уи Iуэху фIы ирикIуэ!

– Ярэби, мы шухэр си цIыхущ, – жери Щауейм апхуэдэу жиIащ, жеIэ.

Еуэщ-еуэщ <шу цIыкIур> и шыми, шууийм я шыри къыригъэгъэзэжыри:

– Мэ, уи цIыхум, – жери къыритыжри, еуэри, ежьэжащ, жеIэ.

Шууийр яшһэм къытритIэтыкI'ыжыри:

– ВжесIатэкъэ: ««Шу закъуэщ», – жыфIэу зевмыпщыт, «Шу гупщ», – жыфIэу зевмыт», – вжесIати. А шу закъуэм зы лIыгъэ гуэр имыIэу ауэ къежьакъым ар. Абы зыгуэр евмыщIауэ ахуэду

фищIакъым, фхуэфащэр къывищIащ, – яжриIащ. – Ар вгъэбэяуhэ, – яжриIащ. – ФынакIуэ, – жери къырихужьэжащ шуhэр.

Еуэри, Щауейм игу къэкIаращ: «Ярэби, «Мы шууийр сысейщ», – жысIа фIэкI зыри жызмыIауэ, фIэкI хэмылъу, мы цIыхуийр къызитыжащ мы шум, дэнэ къуажэми тщIэркъым, хэт ящыщыми тщIэркъым, хьэ зэзымыгъэцIыхуарэ», – жери.

– Иг'ы, – жиIащ, шууийм яжыриIащ, – адрейхэр мохуэдэ щIыпIэм щыIэщи, абы фынэкIуэж, сэ сыфIэщIыхьэжынщ, ныщхьэбэ. Ныщхьэбэ сыфIэщIымыхьэжу щ[ы]тым, нытIанэ пщэдеи сынэкIуэнукъыми, фыздежьам фыкIуэ, сэ итIанэ сынэкIуэжынущ, – къажыриIащ шууийм.

– Захуэщ, – жари шууийр, еуэри, ежьэжащ, модрейм къигъэзэжщ аби, шу цIыкIум къыIэщIыхьэжыри:

– ГъуэгуфIыж апщий! ЕтIуанэ сэламыр узох, – жыриIащ.

– Упсо апщий, уи Iуоху фIы ирикIуэ! – жиIащ.

– Ярэбин, – жиIащ Щауейм, – мы шууийм зыгуэр къыуамыщIауэ щытамэ, лей гуэр къыуамыхам, апхуэдэу пщIынтэкъым, ауэ хуэфащэу епщIауэ къыщIэкIынщ, ауэ лей гуэр къыуахауэ щытымикI', «Мыри си цIыхум щыщщ», – жысIа фIэкIа жызмыIэу, фIэкI хэмылъу къызэптыжащ. Уэ ахуэдиз фIы къысхуэпщIащ. «Е уи цIэр сымыщIэуэ, е уи унэцIэр сымыщIэу, е дэнэ къуажэми сымыщIэу, хьэ сыкIуэу сеуэу сежьэжа?!» – жысIэри сыноупщIыну къэзгъэзэжащ, – жиIащ.

– Сызикъуажэри бжесIынкъым, – жиIащ, – си унэцIэри бжесIынкъым, си цIэри бжесIынкъым, – жиIащ. – Ауэ «УздэкIуэр дэнэ?» – жыпIэмэ, Къанжэ и къуэ Щауей дей сокIуэ, – жиIащ. – УнэкIуэнумэ, уздэсшэнщ, – къыжыриIащ шу цIыкIум.

– Iэу, Къанжэ и къуэ Щауейр ди къуажэщ, ди хьэблэщ, уэй, сынэкIуэным, – жиIащ. Езым дейт здэкIуэр, дэнэ кIуэнт-тIэ? – СынэкIуэнщ, – жиIащ.

– НакIуэ-тIэ, – жери, еуэри, хьэщIэмрэ Щауеймрэ зэбгъурыувэри ежьэжащ.

КIуэурэ Щауей и къуажэм нэсыри епсыхащ хьэщIэр.

– НтIэ, хьэ уепсыха? – жери Щауейр щеупщIым…

– СыщIепсыхаращ, Къанжэ и къуэ Щауей сигъэхьэщIэнрэ симыгъэхьэщIэнрэ кIуэй хъыбар егъащIи къысхуэщIэ, – жиIа. – Симыгъэхьэщ Iэну щтым, сыкIуэнукъым, – жиIащ, – сигъэхьэщIэфынум, сыкIуэнущ, – жиIащ.

– Iэу, Щауейм уэ хуэдэ куэд егъэхьэщIэ, уигъэхьэщIэфынщ, накIуэ, – жиIащ Щауейм.

– Хьэуэ, сыкIуэ хъунукъым, сэ ахуэдукъым сызэрыхьэщIэнур.

– НтIэ?

– ИлъэскIэ сыхьэщIэнущ. Илъэсым и кIуэцIкI'э жэщ къэскI'э сэ зы хьэщIэныш сыхуейщ, – жиIащ, – сэ къыздэшхэну зылI сыхуейщи, а зылIми зы хьэщIэныш хуейщ, – жиIащ. – Абы къиаткI'э, си шым мэкъу Iэтэ ишхынущ, – жиIащ, – а си шым шхэгъу гуэр иIэн хуейщ, абыи мэкъу Iэтэ яшхынущи, суткI'э къэсыхункI'э хьэщIэнышитIрэ мэкъу IэтитIрэ, мэкъу IэтитIыр шитIым яшхыу, дэи тIум хьэщIэнышитIыр тшхыуэ илъэскI'э ахуэду дигъэхьэщIэфынумэ, сынэкIуэнущ, димыгъэхьэщIэфынумэ, сынэкIуэнукъым, – жиIащ. – Мис ар кIуэй Щауей жеIэ, – жиIащ.

Щауейр абы игъэгупсысащ: «Уэлэhи, мыр <…> [Іуэхушхуэм]», – жери, игъэгупсысэри:

– Хъунщ, – жери, еуэри, кІуэжащ ядэ Къанжэ дей.

– Мыр лІо, щІалэ, хьэ къэбгъэзэжа, уздэкІуэм унэмысу? – жери ядэр къеупщІа.

– Іуоху сыхэхуат, ди адэ, – жиІащ.

– Сыт?

– Мыхуэдэ зыгуэрым сыхуэзати, «Щауей дей сокІуэ, сыхьэщІэну», – жери щыжиІэм, къэзгъэзэжащ, – жиІащ. – «Иг'ы, Щауей дей кІуэи хъыбар схуегъащІэ», – жиІати, къэзгъэзэжащ, – жиІащ. – ИлъэскІ'э хьэщІэнущ хьэщІэр, хьэщІэнышитІрэ мэкъу ІэтитІрэ хуейщ, – жиІащ, – суткІ'э къэс.

Къанжэри абы иригъэплъыхащ.

– Иг'ы, дауэ тщІыну-тІэ, ди адэ, – жиІащ.

– Щауей, – жиІащ, – мы нарт къуажэм дэскъым, – жиІащ, – мэл гуартэрэ, шыбз гуартэрэ былым гуартэрэ зыдумыхуа унагъуэ. Дэ тхузэфІэкІ'ыхукІ'э, дгъэшхэнщ, – жиІащ, – тхузэфІэмыкІ'ыжым, нартhэр къыддэІэпыкъунщ, – жиІащ ядэм. – «Щауей зы хьэщІэ хуэгъэхьэщІакъым», – жаІыу, уэлэhи, бгъэкІуэж мыхъуну, къашэ, – жиІащ.

Еуэщ аби, Щауей кІуэжыри, Щауейр езырат абы…

– НакІуэ, неблагъэ, уигъэхьэщІэнущ Щауей, – жиІа.

– АтІэ, япэ кІ'ыщІ'э, демыблагъэ кІ'ыщІ'э, си шым шхэгъу къэгъуэтын хуейщ, – жиІащ.

– Сызытесыр хъунукъэ? – щыжиІэм…

– Хъунукъым, – жиІащ.

– АнтІэ, – жиІащ, Щауей къэпсалъэри, – шыбз сиІэhэщи, накІуи хэплъэ, – жиІащ.

– НакІуэ, – жери ишэри, пщІэгъуалэ гуп иІэти хэплъэри:

– Уэлэhи, си шым и шхэгъу хъун хэмыт, – жиІащ, жеІэ. Щауей шыбзу иІыу хъуам къыхигъуэтакъым а хьэщІэм и шым шхэгъу хуэхъун шы.

– Уэлэhи-тІэ, нэгъуэщІ симыІэ – жиІащ, жеІэ, – сэ. НакІуэ, адэ къуажэм зыгуэр къыщыдгъуэтынщ, – жери, хьэщІэмрэ Щауеймрэ къежьэжри къуажэм къэсыжауэ, щхьэл псы Іуфэм дей хъуакІуэу щытт, жеІэ, Щауей Г'эмыдэжькі'э ег'эу г'эмыдэжь гуэр иІыти. Плъэщ хьэщІэри, ар илъагъури:

– Уэлэhи, мис мор си шым шхэгъу хуэхъунутэм, – жиІащ, жеІэ.

– АтІэ, уэлэhи, ар си шым, – жиІащ, жеІэ.

– НтІэ, ар си шым шхэгъу хуэхъунущ.

– Ей, Г'эмыдэжь, мыдэ къакІуэ! – жери, и шыр зыришалІэри ишэжащ Г'эмыдэжьыр.

Щауей и Г'эмыдэжьым къупщхьэм хуэду лы темылъыжу ахуэду фэкъырэ зищІт, жи. И щІыфэм лыр имыхуэжу ахуэду лей хъуауэ пшэру ахуэдуи зищІыфт, жаІэ. Уэлбанэ зыкъищІыфт, уае зыкъищІыфт, жаІэрт, абы, а Щауей и Г'эмыдэжьым.

Г'эмыдэжьрикІ ишэжри, еуэри, хьэщІэнышитІи яукІащ. «Сэ сыбдэшхэнщ», – жери, шитІым мэкъу ІэтитІыр иратщ аби, хьэщІэныш зэрызри яшхащ, шитІми мэкъу Іэтэ зэрызри яшхащ. СуткІэ къэсыхункІэ ахуэду яшх. Нартhэр къыдоІэпыкъу, мэкъу къыхуашэурэ, хьэщІэныш къыхуашэурэ. Щауей и мылъкур иу-

хащ. ИлъэскIэ щыIыну жызыIам илъэс ныкъуэ ирикъуа къудейуэ, хьэщIэм и шым мэкъу Iэтэ хуэмышхыж хъуащ, Щауей иш Г'эмыдэжьым мэкъу Iэтэр хуримыкъуж хъуащ. ХьэщIэм хьэщIэныш имышхыжыф хъуащ, Щауей хьэщIэнышыр хуримыкъуж хъуащ, илъэс ныкъуэ фIэкI' мыхъуауэ. ХьэщIэм:

– «ИлъэскI'э сыхьэщIэнщ», – жысIа щхьэкI'э, сыщыIэ хъужынукъым, си Iуохур зэфIэкI'ащ, – жиIащ, – сыкIуэжынущ. «УныздэкIуэнщ», – жыпIэмэ, накIуэ, – жиIащ.

– Iэу, уэлэhи, хьэщIэр уи закъуэ узмыгъэкIуэжын, сынэкIуэнщ, – жиIащ.

– НтIэ, хъунщ, – жаIэри, еуэри, хьэщIэмрэ Щауеймрэ я шым уанэ тыралъхьэри, еуэри, йожьэ.

Нобэ мазэ мэхъу**<ри>, <…> хьэщIэмрэ Щауеймрэ емып**сыхыу макIуэ. КIуащ, «Нобэ мазэ ирокъу», – щыжаIэм, зы псыхъуэ гуэрым бгъуэщIагъышхуэ гуэр иIыу абы нэсыри, епсыхщ хьэщIэри, ЩауеикI' епсыхыри, <хьэщIэм> бгъуэщIагъым шэмэдж къыщIихащ, гуахъуэ къыщIихащ, сыг'-уадэ къыщIихащ, лъэпсылъэ къыщIихащ, лэпIанкI'э къыщIихащ.

– Щауей!

– ЛIоу?

– Иг'ы, сэ сыгъуэлъынурэ, – жиIащ, – мазэкI'э сыжеинущ, сыкъэмыушу, – жиIащ хьэщIэм. – Уэ мор уи шэмэг'щ, мор уи гуахъуэщ, мор уи сыг'-уадэщ, мор уи лэпIанкI'эщ, мор уи лъэпсылъэщ, абы къиаткI'э, мор лэгъупышхуэщ. Еуи, – жиIащ, – мы мэкъум хыхьэ аби, мэкъу еуэ, – жиIащ, – мазэкI'э. Мэкъу пыпхъуищ щIы, – жиIащ. – Мэкъу пыпхъуищым мэкъущIэщу къыщIэлъэлъу хъуар мо лэгъупым иплъхьурэ къэбгъавурэ, бдзамцIэм хуэду зэхэгъавэ, бдзамцIэ [бдзатхьэ] щIы, – жиIащ, – бдзатхьэ. Мазэ иримыкъуу щытымикI', ahэр хьэзыр хъуа нэужькI'э, <сыкъэгъэуш>.

НтIэ, а унафэр къыхуищIщ хьэщIэми, <езыр> гъуэлъыри жеящ. Мо Щауейм шэмэджыр игъэжанщ, мэкъум хыхьэщ аби, еуащ мэкъу. Iэнэ хъуар зэтырилъхьэжыри мэкъу пыпхъуищ ищIа. Пыпхъуищым мэкъущIэщу къыщIэщэщауэ хъуар лэгъупым ирилъхьурэ игъэвэжа. Баш хэпIуам къыпхухэмычыжу бдзатхьэ ищIа, мазэ иримыкъум, махуэ пщыкIутху нэхъыбэ мыхъуауэ. ХьэщIэм еджэри къигъэушыри:

– Хьэзыр хъуащ, – щыжиIымэ, <хьэщIэр> къэтэджщ аби, еуэщ аби, и шыр къишэжыри, сакъ-сакъыу **<пыпхъуэхэр> хузэты**рилъхьат, псыхъуэм дей. Лэгъупым илъ бдзатхьэри абдей яшэри, и шыр пшахъуэм хигъэукIурием, бдзатхьэм хигъэукIуриежурэ мэкъу пыпхъуищым мэкъущIэщу къыщIэкI'ар и шым тырилъхьащ хьэщIэм. Пшахъуэмрэ бдзатхьэмрэ тырилъхьэри и шым уанэ тырилъхьэжщ аби…:

– Щауей!

– ЛIоу?

– Иг'ы, сэ мы псым сикI'ынущ. СикI'рэ жэщ хъумэ, зы мэкъу пыпхъуэм мафIэ щIэдзи, мы псым тхъурымбэ хужьурэ къехыу щтымэ, умыгузавэ, сэр щхьа, – жиIа. – Ауэ тхъурымбэр плъыжьу къехыу щтым, итIанэ сэ, уэлэhи, Иныжьыкъуэ сыдэхуам. Уэ пщIэнуIам Тхьэм уигъащIэ итIанэ, – жиIащ, – умыщIэнум, гъуогу махуэ, кIуэж, – жиIащ хьэщIэм.

– Хъунщ, сыхьэтыфI Тхьэм ухуишэ! – <Щауейм> жери, хьэщIэр и шым шэсри, еуэри, ежьэжащ, псым икI'ащ.

Жэщ хъущ аби, <Щауей> мэкъу пыпхъуэм мафIэ щIидзэри хэплъэщ псыми – тхъурымбэр хужьурэ къехт. «ХьэщIэм зэран иIэкъым», – жери гъуэлъыжащ Щауей. ЕтIуанэ жэщыр къэсыри, мэкъу пыпхъуэ етIуанэм мафIэ щIидза. Псым хэплъэри, «Ярэби, хужьу пIэрэ, хьэмэрэ плъыжьу пIэрэ?» – жиIыурэ къыхуэмыщIэу нэху ща, Щауейм. Ещанэ жэщыр къэсщ аби, мэкъу ещанэ пыпхъуэм щIидзэри, хэплъэщ псыми, лъыпсу къехт, жеIэ. «Уэлэhи, ди хьэщIэр Иныжьыкъуэ дэхуам, – жери, – уэхьэхьей, Г'эмыдэжь!» – жери еджащ, жеIэ.

– ЛIоу къэхъуар? – жери…

– Къэхъуращ, ди хьэщIэр Иныжьыкъуэ дэхуащ, – жиIащ.

– Щауей, а хьэщIэм дэ дыдэмыIэпыкъуу зэрымыхъунур зэрыслъагъуу сщIащ, – жиIащ и шым. – ПсынщIэу уанэр къыстелъхьэ, – жери, уанэр тырилъхьэщ аби, шэсыри а псым, и лъакъуэр псыф мыхъуу, икI'ащ, жиIащ, Г'эмыдэжьыр. Хьайдэ, мыбыкI'э къуршыщхьэм илъащ, жиIащ, къуаем дэлъащ, жиIащ, къежыхь, жиIащ, уае зыкъещI, жиIащ, уэфI зыкъещIыж, жиIащ, Г'эмыдэжьым. Ахуэду къижыхьурэ, зы къуршыщхьэ гуэрым иувэщ аби, абы щыдаIуэри, Iэуэлъауэшхуэ щыIэт, жиIащ. Еуэри, абы дэлъэщ Щауеи, хьэщIэр япхауэ щылът, жиIащ, фIагъэжыну. Нэсщ Щауеи, иныжьу къеувэлIауэ зэхэту хъуам я щхьэр пиупщIащ, жиIащ.

– Дауэ ущыт, хьэщIэр? – жери...

– Щауей, сыту фIыт укъызэрысар, – жери къыщыгуфIыкI'ащ, жиIащ, хьэщIэр. – Сыпсощ, – жиIащ, жиIащ.

ХьэщIэр къитIэтэжщ, и шым игъэшэсыжыри…

– Иг'ы, накIуэ, Щауей, мыр <…> зэший хъурти, зэшиблыр мыбдей щыбукIащ, – жиIащ, – иг'ы, еянэр къэнауэ унэм щыIэщ, – жиIащ. – Иг'ы, мы зэшибл<ым> шыбз куэд яIэщ жиIащ, мис абы я шыбзыр тхунщи дыкIуэжынщ, – жиIащ.

– НакIуэ.

Еуэщ аби, шыбзым кIуэщ хьэщIэмрэ Щауеймри, кI'эрахъуэр къырахым, ягъауэм <ягъауэурэ> шыр къыз<э>хуахус, кI'эрахъуэр ягъауэм, шы къызхуахусурэ, хакIуэр яхэту-щэ къырахужьа.

ХакIуэр яхэту къырахужьэщ аби, псым къэсыри, шыр псым яхухэмыхьэу зэрызехьэу щIадзэри, шыбз къомыр псым къыхихуа. ХакIуэр Щауей декI'э къежэкI'ым, еуэурэ иригъэгъазэу, хьэщIэм декI'э къакIуэмэ, хьэщIэр къеуэурэ къыригъэгъазэу къаху хъуащ. АрщхьэкIэ зырибгъэгъуылъэкI'щ аби, хьэщIэм декI'э хэцIэфтри, макIуэ-мэлъей, еуэри, ежьэжащ хакIуэр.

Псым къикI'ыри – хакIуэр хэткъым.

– Уэлэhэ, хэбгъэкI'ам, – жиIащ Щауейм, – дауэ хъуми, – илъэгъуа пэтми.

– Щауей, – жиIащ, – мис иг'ыщ, – жиIащ, – лIыгъэ щIапIэ дыщихуар. А зэшиблым я къарум хуэдиз иIыщ, – жиIащ, – а зым. Ауэ, хьэдэр зейр кхъаблэпэщ, жыхуаIэращи, сэ мобдей мащэ сщIынщи абы ситIысхьэнщ, – жиIащ, – уэ мы шым пэрыту щыт, – жиIащ, – къыскхуэсакъ, – жиIащ, – къыстекIуэ хъумэ, къыскхуэсакъ, – жиIащ.

– Хъунщ.

Арати, хьэщIэм мащэ къитIри итIысхьащ. Абы исурэ, хакIуэр япэм иту, езыр пщIэгъуалэ кIэщIым тесу, щхьибл фIэту зы иныжь гуэр къакIуэрт, жи. А иныжьым и шым и пэбдзиплIым къырихуа мафIэм гъуэгу напщIитIыр илыгъуэу мис ахуэду къакIуэт, жеIэ. Ти, хьэщIэр къикI'ыри, хакIуэр къэсщ аби, блэцIэфтыри, щыблэцIэфтым, иныжьыр къэсщ аби:

– Мыр лIоу, мы гъуамэ цIыкIур, шыр зыхум щыщу пIэрэ? – жери къепсэлъащ, жиIащ, иныжьыр.

– Зыхур сэращ, – жыриIащ хьэщIэм.

– АтIэ, шыбгъэкI'э дызэдэджэгун? – жери <иныжьым> щыжиIым…

– <Абы щыгъуэм зиш нэхъ> бланэр текIуэнщ, – жиIащ хьэщIэм.

– АтIэ, IэпщэкIэ дыбэнэн? – <иныжьым> щыжиIэм…

– Мыщэ дыхъуакъым, дыбанэу, – жиIащ <хьэщIэм>.

– АтIэ, хэтIэ-хэсэ дызэдэджэгун? – <иныжьым> щыжиIэм щыгъуэ…

– ХэтIэ-хэсэращ лIыгъэр, – жиIащ хьэщIэм.

– АтIэ, къакIуэ, пауэр узот, – жери иныжьыми, хьэщIэр къакIуэщ аби, иныжьыр иIэтыри, хисэри лъэгуажьэ**hэм къэ**су хихуащ щIым. Иныжьыр къыхэпщыжри еIэщ хьэщIэми, и лъэгуажьэ**hэм къыфIэкIыу хихуащ хьэщIэр. ХьэщIэр къыхэпщы**жыри иныжь гуэрыр щIым хихуащ, и лъэгуажьэhэм къыфIэкIыу. Иныжьыр къыхэпщыжщ аби, еуэри, хьэщIэ гуэрыр и блэгущIэhэм нэсыху щIым хихуащ.

Щауейр къыхуэсакъыу щытти, къыбгъэдыхьэри:

– Ей!

– ЛIоу?

– Абы сыригъусэщ, сэри зэ къызэплъ, – жыриIа.

– Сыноплъ-укъызэплъыжу сыщытыну, – жиIащ, – узIурыслъэфынщ, – жиIащ, – уэ гъуамэ цIыкIур.

– КъакIуэ-тIэ, – жиIащ, – пауэр узот, – жиIащ Щауейм.

КъакIуэщ иныжьыри, еIэри Щауейри и лъэгуажьэhэм фIихуу хихуащ. Щауейр къыхэпщыжыри и ф...пэhэр щIым хэуэу хихуащ иныжьыр. Иныжь гуэрыр къыхэпщыжыри и бгырыпхыпэhэм къэсу Щауей хихуащ. Щауейр къыхэпщыжыри иныжьыр къиIэтщ аби, и IитIыр мыпхуэдэу шияуэ мыбы къэсыхукI'э хихуащ иныжьыр.

– КъеIэ, – жери, къеIэри хъуакъым иныжьыр, – къэтэг', – жери иныжьым и блэр гуитхъа. – Къауэ-тIэ, – жиIащ, – пауэр узот, – щыжиIэм…

– СыткI'э сынэуэн, си блэр пытыжкъым, – жиIащ.

– АтIэ, уи хъарзынэр здэщыIэ хъуар къызжеIэ, уи щхьэр уэ узэрыфIэфIым хуэду пызупщIынщ, – жиIащ.

Иныжьым я щхьэр зэрызу пыбупщIым иукIт, тIо уеуам, къэхъужырт, жаIэ.

– Зэрызурэ пызупщIынщ, – жиIащ, – уи хъарзынэр здэщыIэр къызжепIэм, – щыжиIэм…

– Си хъарзынэр, шыуэ сиIэр мис мыдей къэт[ф]хуауэ итщ, – жиIащ. – Къуэшибл сиIэти, фукI'ащ, – жиIащ. – НэгъуэщI хъарзынэ сиIыкъым сэ, – жиIа.

– НтIэ, хъунщ, – жиIэри, еуэри иныжьым и щхьэр бзуущхьэу пиупщIащ Щауей.

КъеIэри щхьэр зэрызыххыу… (адэкIэ зэхэщIыкIыгъуэкъым – *Б.М.*)

– Ыхьы, си Iуохур хъуащ, – жиIащ хьэщIэм. – Сэ сыкIуэжынущ.

– АтIэ, мис мы шы къэдлэжьар ди зэхуэдитIу гуэш аби, уэри укIуэжынщ, сэри сыкIуэжынщ, <шыр> тхунщи, – жиIащ Щауейм.

– Хьэуэ, – жиIащ, – сэ мылъку лъыхъуэ сыкъежьакъым, – жиIащ хьэщIэм. – Сэ къуэших сыIыти, си къуэшихыр мы иныжьhэм яукI'ащ, – жиIащ. – Силъ сщIэжыну сыкъежьат, си закъуэ сапэлъэщтэкъыми, уэ Алыхьым укъызитащ. Сэ мылъку сыхуейкъым, мылъкур ууейщ, – къыжриIащ.

– Хьэуэ, узгъэкIуэнIым, зэхуэдитIу дугуэшынщ.

Еуэри, а иныжьым, щаукIам щыгъуэ, лъы къыщIэжам щыщ сулыкъуищ и жыпым иригъыува а щIалэми, зыр езым ирифамэ, тIур, зы анэрэ зы шыпхъурэ иIэти, абы хуихьыну арат. СулыкъуитIыр къырихри иригъэлъэгъуащ.

– Сэ зым сефащ, мис мыр си анэ хуэсхьынущ, сэ араш си Iыхьэнур, – жери <…> – Щауей, зыкъызумыгъэцIыхуами, у-Щауейуэ къыщIэкI'ынт уэ, – жриIащ.

– Уэлэhи, сы-Щауейм.

Арати…

– УкъыстекIуащ, – жери IихынIауэ имыдэу щежьэжым хьэщIэр…

– Уи цIэр къызжеIэ, – жиIащ, – уи унэцIэр къызжеIэ.

– Си унэцIэр бжесIынкъым, – жиIащ, – си цIэр ЩхьэцфIыцIэщ, – жиIащ.

ЦIыхубзт ар. И щхьэцыр къыщIихри – мо щхьэц фIыцIэр-щэ вындым хуэду фIыцIэу цIууэ ахуэдэт, цIыхубзт.

Щауейм абы зырипщытыжыну щыхуежьэм, ЩхьэцфIыцIэр щIэпхъуэри, ежьэжыри, Щауей кI'элъыжэу щыхуежьэм, и щхьэцыр моуэ ищIщ аби, и гупэмкI'э къыридзэри – нур имыдзыжу мазэхэ хъуащ. Аргуэру зыкъомрэ жа нэужь, и щхьэцыр мыхуэду ищIымэ – къидзыжам нур хидзэу хъуащ. Абы кI'элъыжурэ зэрыхуэзу, аргуэру и гупэмкI'э къыридзыхыурэ, ЩхьэцфIыцIэ IэщIэкI'ащ Щауейм. Сыт ищIэнт, къэкIуэжыри, шыбзыри къызэщIикъуэщ аби, иныжьым и шы-уанэ зэтелъри телъу къихури къэкIуэжа.

Щауей зекIуэ кIуэм яхэмыхьэжу, Щауей цIыхуhэм яхэмыхьэжу, щыгъуэ щыгъын щитIэгъауэ, ахуэду уэрамым къыдэнауэ хъуа. И анэри и адэрикI' епсалъу – жэуап къаримыту.

Еуэри Сэтэней-гуащэ дей кIуэщ аби, хуэтхьэусыхащ Къанжэ. Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ, жаIырат, Щауей щхьэкIэ.

Къанжэ кIуэщ аби, Сэтэней-Гуащэ хуэтхьэусыхащ:

– ЩIалэр мыхуэду цIыхум яхэмыхьэжу къэнащ, къыщыщIар дымыщIэу, къыщыщIар къыджиIэркъым.

Сэтэней-гуащэ нартhэм **къэхъун-къэщIын яжриIэу мис ахуэ**ду щытащ, жаIэ.

Щауейр къыригъашэри еупщIащ:

– А си щIалэ, къыпщыщIар сыт, мыхуэду ущIэхъуар сыт? Нартhэр бгъэгулэзу щытащ, дуней псор уэ бгъэгулэзу щытащ. Иг'ы, умыпсэлъэжу шы <умышэсыжу>, щыгъуэ щыгъын щыптIэгъауэ хьэ укъэна?

– Си янэу Сэтэней-гуащэ! – жиIащ. – Сэ къысщыщIам хуэдэ зыщыщIа щыIэкъым, – жиIащ. – Мыхуэду-мыхуэду сыхъуащ, мыхуэдэ цIыхубзыр къесхуэкI'ыурэ сIэщIэкI'ащ, – жиIащ. – Солъыхъуэри щыпсо щIыпIэр згъуэтыжыркъым, абы и бампIэм сехь, – жиIащ.

– А-а уей-уей, си щIалэ! – жиIащ. – Ар здэщыIэ щIыпIэм къуалэбзу щылъатэркъым, – жиIащ, – ар уэ къыпхуэгъуэтынкI'э Iэмал иIэкъым, ар уигу хьэ иплъхьа, – жери Сэтэней-гуащэм къыжыриIар аращ.

– Уэлэhи, сыпсэужыну сыхуэмей, – жиIащ, – ар здэщыIэр къэсщIам, фIэкI' сыхуейтэкъым.

– АтIэ, – жиIащ, – мы щIыпIэмкI'э укIуэнщ, мы дыгъэ къыщIэкI'ыпIэмкI'и, къуршибл зэпыпчынущ, – жиIащ, – абы. Къуршиблыр зэпыпча нэужькI'э, зы ауз гуэрым удыхьэнурэ, мис а аузым дэсщ, – жиIащ, – ар. Ихъуреягъыр тенджызщ, – жиIащ, – абы. Абы кIуэф щыIэкъым, – жиIащ.

– Къуалэбзу кIуэуэ щтым, сыкIуэнщ, – жиIащ.

– НтIэ, укIуэну щтым, щыпсор мыхуэдэ щIыпIэращ, – жери…

Зызригъэпэщщ Щауейми, ежьащ ЩхьэцфIыщIэ и лъыхъуакIуэ.

hойдэ кIуэм, къуршhэр зэпичым, hойдэ къуршhэр зэпичурэ, Сэтэней-гуащэ жыхуиIа щIыпIэhэм къыщикIухьурэ аузым дыхьэри, лъагъуэ иIэтэкъым, жеIэ, лъагъуэ. Къуршт, бгыт, мывэт. Г'эмыдэжьыр IумпIашэу иIыгъыу къыришэкIыурэ, абы дишащ. Зыдишам, нэсыри – псыт, ухыхьэнуи ухэкI'ынуи Iэмал имыIэу, къуэ зэхуакур.

– Дауэ тщIыну иг'ы? – жери Г'эмыдэжьым щек'энг'эщым...

– Мо къамылым щыщ, – жиIащ, – пхыритI зэкIуэцIыпхи си джабитIым къытепхэ, – жиIащ шым. – ИтIанэ уэ къэшэс, сэ сыщIэмытIысыкI'ыу сикI'ынщ, – жиIащ.

Щауей зригъэпэщынтэкъэ къамыл пхыритI?! ЗыкIуэцIипхэщ аби, Г'эмыдэжьым и джабитIым кI'эрипхэри, езыр тетIысхьэжщ аби, кхъуафэжьейм хуэду икI'ащ, щIэмытIысыкI'ыу. ЩIэмытIысыкI'ыу икI'щ аби, нэсыри занщIэу дыхьащ.

Дыхьэри, хъыджэбзыр къыщIэжащ:

– Гугъу уезгъэхьащ, Щауей, – жери.

– Уэлэhи, гугъу сехьами содэм, укъыщызгъуэтакIэ, – жери…

Янэр псот хъыджэбзым. Дэлъхуих иIати, дэлъхуихри а иныжьhэм яукIауэ янэм бгъэдэсу и закъуэ къэнауэ щытурат.

– Уэ уи IэмыщIэм сэ сызэримыкI'ынур къэсщIат, – жиIащ, – ауэ гугъу уезгъэхьащ, ахъум, – жери.

Сыт ищIэнт, аращ, здэщыIэр къищIати, зэлIзэфызу айтIур къызэхуэна. Еуэри, абы щыпсоуурэ къэкIуэжын хъуащ Щауей. КъэкIуэжын хуей хъущ аби, хъыджэбзри къищтэщ, фызыжьыри къищтэщ аби, еуэри, Щауей къэкIуэжа. ЩхьэцфIыщIэр къиша.

«Алыхь-алыхь, Щауей фыз къишэри къэкIуэжащ», – жаIэщ аби, нартhэр зэхуэсщ аби, хьэгъуэлIыгъуэ хуащIащ, унешэщауэишэжhэр хуащIыри, Щауейми ЩхьэцфIыщIэр къыхуэнэжауэ псэуат, жаIэ.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ ШАУЕЕ

(*Шауей и его гость*)

Среди нартов был один по имени Шауей, звали его Шауей, единственный сын Нарыбгей <жестокой>. Этот нарт Шауей, говорят, водил нартов в зеко, и он ими предводительствовал, говорит.

– Когда вы где-либо повстречаете всадников, не отступайтесь из-за того, что их целая компания, – говорил он, говорит. А еще он говорил: – Решив, что это всадник одинокий, не связывайтесь с ним необдуманно, – так он их наставлял, говорит. Вот что он говорил нартам каждый раз перед дорогой, когда они отправлялись в зеко.

Вот так, следуя этим словам, они жили, и однажды взял Шауей с собой сотню всадников и отправился в путь, говорят. Отправились они, едут сто всадников, впереди он сам, а остальные по двое рядом, и навстречу им с той стороны один малый всадник едет. Приблизился малый всадник и …

– Гогуж апший (Доброй дороги)! – приветствовал их.

– Упсо апший (Пусть добром станет твое дело), добрый наездник! – ответил Шауей.

Так всадник малый проехал мимо и был таков. Едучи дальше, нарты оказались в одном ущелье, и Шауей сказал тут:

– Давайте-ка здесь спешимся, дадим нашим коням надышаться вольно, да и сами немного поосмотримся, – так сказал, говорит.

– Добро, – сказали, спешились, освежились, дали коням напиться. – Не отстал ли кто? – сказав, проверили, и оказалось, что восьмерых всадников недостает, говорит.

– Уаллаги, как бы оно ни было, они увязались за тем малым всадником. Подождите здесь, пока я не вернусь, а я их разыщу, – сказал Шауей, сел на своего коня и повернул назад, говорит.

Скачет он так, едет, и видит: <тот малый всадник> всех восьмерых связал, повязал каждого на коня и погоняет, говорит. Догнал Шауей и…

– Доброго пути, добрый юноша! – приветствовал он, говорит.

– Пусть добром станет твое дело!

– Яраби, эти всадники – мои люди, – сказав, так начал Шауей, говорит.

Стегнул-стегнул всадник малый своего коня, поворотил коней всех восьмерых всадников:

– Если твои, то забирай! – сказал и уехал, говорит.

Развязал он всех восьмерых и…

– Я же вам говорил опрометчиво не связываться с всадником только потому, что он одинок, и не пугаться того, что всадников окажется целая компания. Этот одинокий всадник один, не надеясь на свои силы, в путь не отправился. Если он поступил с вами так, значит, вы что-то против него сделали, поэтому вы заслужили то, как он с вами обошелся, – так он сказал, – такие дела прекратите, – сказал он и погнал их назад.

Вот пришло на ум Шауею такое: «Я ему только сказал, что эти всадники мои, и он тут же всех восьмерых мне вернул. А мы не

знаем, из какого селения этот всадник, чьих он будет, почему же я не узнал это!»

– Теперь, – сказал он, сказал тем восьмерым, – остальные находятся в таком-то месте, поезжайте туда, а я вас догоню этим вечером. Если вечером вас не догоню, то не вернусь и назавтра, так что поезжайте без меня, куда направились. А я возвращусь позднее, – так он сказал восьми всадникам.

– Добро, – сказали восемь всадников и уехали, а тот повернул назад и догнал всадника малого…

– Доброго пути, еще раз приветствую тебя, – сказал.

– Да живешь ты долго, пусть добром станет твое дело, – ответил тот.

– Яраби, – сказал он, – если бы эти восемь всадников не сделали тебе чего дурного, если бы не причинили тебе вреда, ты бы с ними так не поступил. Но наверное ты по заслугам им отплатил. Но как только я сказал, что эти восьмеро из моих людей, ты тут же, не говоря ни слова, вернул их мне. Ты оказал мне такую услугу. Я возвратился, подумав: как же я так уехал, не разузнав ни твоего имени, ни твоего рода, ни твоего селения.

– Ни того, из какого я селения, не скажу, ни того, чей я родом, не скажу, ни своего имени не скажу, – ответил. – Но если спросишь, куда я направляюсь, то я еду к сыну Канжа Шауею, – ответил. – Если хочешь, возьму с собой, – сказал всадник малый.

– Ну! Сын Канжа Шауей одного с нами селения, одного околотка, оллаги, поеду с тобой, – ответил Шауей. К нему же тот и направлялся, куда ему было деться? – Поеду с тобой, – сказал он.

– Что же, поехали, – сказал тот, и Шауей вместе с гостем стали рядом и двинулись в путь.

Ехали, и когда достигли селения Шауея, гость спешился.

– Что же ты спешился? – когда Шауей так спросил…

– Спешился я вот почему: отправься, извести Канжа сына Шауея и узнай, примет ли он меня гостем или не примет, – сказал он. – Если он не сможет меня принять, я не поеду дальше, если сможет – поеду, – сказал.

– О, Шауей принимает многих таких, как ты, сможет и тебя принять, поехали, – настаивал Шауей.

– Нет, нельзя, я не таким гостем должен буду быть.

– Ну?

– Я буду гостить год. В течение года на каждую ночь мне нужно подавать одного гостевого ныша (барана), – сказал, – со мной за стол должен садиться один сотоварищ, и ему тоже нужно подать одного гостевого ныша, – сказал. – Кроме этого, мой конь будет съедать по стогу сена <каждую ночь>, с моим конем тоже надо поставить одного коня, который будет съедать по стогу сена. Значит, если он готов принять меня на условиях, что каждые сутки будет уходить по два гостевых ныша и по два стога сена – два стога сена наши кони будут съедать, два гостевых ныша мы вдвоем будем съедать, – если он готов нас содержать в течение года, я поеду, если не сможет – не поеду, – так он сказал. – Поезжай и вот это ему передай, – сказал.

Шауея это повергло в раздумья. «Оллаги, это крупный», – подумал он. Подумал, сказал «Хорошо» и отправился к своему отцу Канжу.

– Что это ты, парень, с полдороги возвратился? – спросил отец.

– Дело случилось, отец, – ответил он.

– Что?

– Так и так, повстречал я такого-то, который сказал, мол, направляюсь к Шауею в гости, и я повернул назад, – ответил он. – А теперь он попросил, мол, езжай к Шауею и извести его, сказал он, и я вернулся, сказал. – Год он будет гостить, на каждые сутки ему нужны два гостевых ныша и два стога сена, – так сказал.

Это заставило и Канжа опустить взгляд.

– Как теперь решаешь сделать, отец? – спросил Шауей.

– Шауей, – ответил отец, – в этом нартском селении нет двора, в который ты бы не пригнал отару овец, табун лошадей, стадо скота. Сколько нам будет под силу, мы будем содержать, – сказал, – когда станет не по силам, нарты нам помогут, – сказал отец. – Отказать, чтобы потом говорили, мол, Шауей не сумел содержать одного гостя, – такого не должно быть, зови его, – сказал.

Взял Шауей, повернул назад, так как сам он и был Шауеем…

– Пошли, Шауей примет тебя, – сказал.

– В таком случае сначала, прежде, чем мы войдем в гости, надо подыскать моему коню напарника по корму, – сказал гость.

– А мой конь не подойдет?

Не подойдет, – сказал тот.

<…>.

– Ну тогда, – сказал Шауей, – у меня есть табуны кобылиц, поехали, посмотришь, – сказал.

– Поехали, – сказал тот. Прибыли, а у Шауея был табун белых лошадей; посмотрел гость и сказал:

– Оллаги, здесь нет такого, который стал бы равным моему коню в еде, – сказал, говорит.

Среди всех кобылиц Шауея он не нашел никого, кто был достоин стать рядом с конем гостя в стойле.

– Уаллаги, у меня больше ничего нет, – сказал, говорит. – Поехали, поищем что-нибудь в селении. – Поехали Гость и Шауей, и уже возле селения пасся у канала для мельницы один конь бурой масти, которого Шауей называл Гемыдеж (Старый Бурко). Глянул Гость, увидел его и сказал, говорит:

– Уаллаги, вот тот бы мог составить компанию моему коню, – сказал, говорит, гость.

– Ну, уаллаги, это мой конь, – сказал, говорит, Шауей.

– Так вот, он может составить компанию моему коню.

– Эй, Гемыдеж, иди-ка сюда, – позвал Шауей, подвел к себе своего коня и привел домой.

Шауеевский Гемыдеж мог притвориться таким доходягой, что кожа да кости, говорят. Мог сделаться таким, что плоть его в шкуре не умещалась, говорят. Он мог превратиться в ненастье, мог превратиться в мороз тот шауеевский Гемыдеж.

Привел он домой Гемыдежа, а тем временем забили два гостевых ныша, «Я сяду с тобой за стол», – сказал Шауей; лошадям по одному стогу сена дали; сами по одному гостевому нышу съели, и кони их по стогу сена съели. Каждые сутки так едят. Нарты им помогают, привозят сено, привозят гостевых нышей. Шауей исчерпал свое добро. Гость обещал быть целый год, но прошло всего полгода, а его конь уже не может съесть свой стог сена, а шауеевскому коню Гемыдежу одного стога стало не хватать; Гостю стало невмочь съесть одного гостевого ныша, а Шауею стало одного гостевого ныша мало. И это всего за полгода. Гость сказал:

– Хоть я и сказал, что буду гостить целый год, больше мне задерживаться нельзя, дело мое решилось, – сказал он, – я уезжаю. Если хочешь поехать со мной, поехали, – сказал.

– Ну конечно, я гостя не отпущу одного, поеду с тобой, – заявил Шауей.

– Что ж, добро, – сказали, собрались; и Гость вместе с Шауеем оседлали своих коней и взяли да поехали. «Сегодня месяц как …» Гость и Шауей едут, не сходя с коней, ехали они <…> и, когда можно было сказать: «Сегодня исполняется месяц», – достигли они пещеры в долине одной реки, Гость сошел с коня, Шауей тоже сошел со своего коня. Гость извлек из пещеры косу, извлек вилы, извлек молоток с отбойником для отбивки косы, извлек корытце с камнем для заточки косы, извлек лопатку для правки косы.

– Шауей!

– Что?

– Сейчас я улягусь, и месяц буду спать беспробудно, – сказал Гость. – А тебе – вот это коса, это – вилы, это – молоток с отбойником, это – лопатка для правки косы, это – корытце, а кроме того это тебе большой казан. Возьми, – сказал, – начни косить и коси весь месяц. Заготовь три скирды сена, – сказал. – Всю труху, что получится от трех скирд сена, засыпай в казан, вари, пока не получится вязкая, как свинец, масса, сделай массу как свинец, – сказал. – Приготовь вязкий деготь. Если и не будет полного месяца, после того, как все это будет готово, <разбуди меня>.

Ну отдал Гость такие распоряжения, лег и заснул. А этот Шауей навострил косу принялся за косьбу и начал косить. Все высушенное собирая вовремя, он заготовил три скирды сена. Всю труху с трех скирд он засыпал в казан и сварил. Так густо заварил, что палкой ткнешь – не проткнешь, и это он сделал меньше, чем за месяц, дней за пятнадцать сделал. Окликнул он Гостя, разбудил его:

– Все готово, – когда он так сказал, Гость поднялся, поймал своего коня, – а Шауей аккуратно сложил деготь в одном месте у реки, – повели коня туда и сначала валяли его в песке, затем в дегте, и так делал Гость, пока все варево из трех скирд сена слоями не налипло на коне. Покрыл он песком и дегтем своего коня, положил седло и…:

– Шауей!

– Что?

– Теперь я переправлюсь через эту реку. Я переправлюсь, а как стемнеет, ты подожги одну скирду и смотри в воду: если по воде будет идти белая пена, ты за меня будь спокоен, – сказал. –

Но если пена пойдет красная, тогда я попался в Иныжевское ущелье. Что ты тогда сможешь – пусть Бог тебе будет в помощь, – сказал. – А не станешь ничего делать – счастливой дороги, езжай домой, – сказал Гость.

– Хорошо, в добрый час тебе, – сказал Шауей.

Гость сел на своего коня и поехал, переправился через реку. Наступил вечер, и Шауей поджег скирду, посмотрел в воду, – по ней неслась белая пена. «С Гостем ничего не случилось», – решил он и улегся. Наступила вторая ночь, и он поджег вторую скирду. Посмотрелся он в воду: «Яраби, белая ли пена или красная?» – так и не разобравшись, провел Шауей ночь до рассвета. Наступила третья ночь, и когда он поджег третью скирду и посмотрел в воду, пена на ней плыла кровавая, говорит. «Уаллаги, наш Гость попал в Иныжевское ущелье [в беду] – решил он, – Охахай, Гемыдеж! – кликнул он, говорит.

– Что случилось? – сказав…

– Случилось то, что наш Гость угодил в Иныжевское ущелье, – ответил Шауей.

– Шауей, – сказал конь, – я с первого взгляда понял, что этому гостю без нашей помощи не обойтись. Скорее оседлай меня, – сказал он.

Оседлал он коня, сел верхом, и Гемыдеж перенес всадника через реку, не омочив ног, говорит. Айда, туда на гору поскакал, говорит, сюда в теснину поскакал, говорит. «Сойди», – сказал Гемыдеж, то он стужу наводит, говорит, то тепло наводит, говорит. Так он скакал, пока не взбежал на вершину одной горы, оттуда прислушался и услышал большой шум-гам, говорит. Понесся туда Шауей, и видит: Гость связанный лежит, готовый к тому, что его прирежут. Подскочил Шауей и мигом отсек головы всем сгрудившимся иныжам.

– Как себя чувствуешь, Гость? – спросил…

– Как ты вовремя, Шауей! – обрадовался, говорит, Гость. – Я жив, – сказал, говорит.

Развязал он Гостя и посадил на коня…

– Теперь, Шауей, поехали. Их было восемь братьев, семерых ты убил здесь. Восьмой остался в доме, – сказал. – Теперь, у этих братьев было много кобылиц, мы этих кобылиц угоним и уедем, – сказал.

– Поехали!

Взяли они, отправились к табунам Гость и Шауей, достают они пистолеты, выстрелами сгоняют лошадей, стреляют и сгоняют лошадей, – так собрали сотню и вместе с жеребцом погнали вон.

Погнали их вместе с жеребцом, прибыли к реке, а он не хочет в воду идти, стал носиться туда-сюда; уже всех кобылиц в воду загнали… А жеребец то в сторону Шауея поскачет, а тот его завернет, то в сторону Гостя поскачет, и тот его завернет. Только он извернулся в сторону гостя, ускользнул – и только его и видели, ускакал.

Через реку переправились, – а жеребца нет!

– Уаллаги, это ты упустил, – заявил Шауей, – как бы оно ни было, хотя на виду все было…

– Шауей, – говорит, – вот теперь, – говорит, – мы попали в серьезную переделку. В нем одном, – говорит, – столько силы, сколько было во всех семерых братьях. Но, как говорится, чей мертвец, тому и нести первым кхабле (носилки для усопших), я выкопаю вон там яму и там устроюсь, – сказал. – Ты же будь впереди табуна, – сказал, – но меня из виду не выпускай, – сказал. – Смотри, как бы он меня не одолел, – сказал.

– Хорошо.

Вот так, Гость вырыл яму и там разместился. Сидит он там, а едет вот кто: впереди тот жеребец, за ним на коротком белом коне – один иныж о семи головах несется, говорит. Пламя, пышущее из ноздрей того коня, обе стороны дороги опаляет – вот как он едет, говорит. Ну, Гость выходит из своей ямы…, жеребец проносится мимо, как он пронесся, прискакал иныж и…

– Что это за вонючка такая, может, из тех, кто угоняет лошадей? – заговорил, говорит, иныж.

– Это я угоняю, – заявил Гость.

– Так что же, будем конями грудь в грудь состязаться? – когда иныж так сказал…

– Победит тот, у кого конь сильнее, – ответил Гость.

– Ну тогда будем бороться руками? – когда так сказал иныж…

– Мы не медведи, чтобы бороться, – ответил тот.

– Может тогда в хета-хеса посостязаемся, – когда так сказал…

– В хета-хеса и есть мужество, – заявил Гость.

– Ну тогда уступаю тебе первый удар, – сказал иныж, и Гость подошел, поднял иныжа, вогнал его в землю по колена.

Иныж вылез, схватил Гостя и вогнал его в землю выше колен. Гость вылез, вновь поднял иныжа и вогнал его в землю выше колен. Снова иныж вылез и вновь вогнал Гостя до подмышек.

Шауей внимательно следил за всем, и он подошел:

– Эй!

– Что?

– Я тоже с ним, помотри-ка [померяйся силой] и со мной один раз.

– Что мне на тебя смотреть, тебе на меня смотреть, – ответил, – я тебя проглочу, – сказал, – такого вонючку.

– Ну тогда давай, – сказал Шауей, – уступаю тебе первый удар.

Подошел иныж, схватил Шауея и вогнал его <в землю> выше колен. Шауей вылез и вогнал иныжа так, что у того кончик (мужская плоть) доставал до земли. Снова иныж вылез и вогнал Шауея по пояс. Вылез Шауей, поднял иныжа и вогнал его, вот так, – только руки вытянутыми остались, – до сих пор вогнал его.

– Потужься, – сказал он, <иныж> потужился, но ничего не получилось. – Вставай! – сказал Шауей и, <дернув,> оторвал иныжу руки. – Ну тогда бей, даю тебе право удара! – когда он так сказал…

– Чем же я ударю, рук у меня нет, – ответил <иныж>.

– Ну тогда скажи мне, где все твое добро, и я тебе отсеку голову так, как ты сам пожелаешь, – сказал <Шауей>.

А у иныжей если головы отсекать по одному удару, они погибали, но если два удара затрачивать, они оживали, – так говорят.

– Буду отсекать <головы> по одной, – сказал, – если <не > скажешь мне, где твое добро, – когда он так сказал…

– Все мое добро – это лошади, и всех их вы пригнали вот сюда, – ответил <иныж>. – Было у меня семь братьев, вы их убили, – ответил. – Больше у меня никакого добра нет, – ответил.

– Ну хорошо, – сказал Шауей и отсек головы иныжа, как воробьиные.

Взял он и все головы по одной… (Далее неразборчиво – *перев*.).

– Ага, мое дело решилось, – сказал Гость. – Я поеду домой.

– В таком случае, – заявил Шауей, – вот лошади, которых мы добыли, разделишь их поровну между нами, затем и ты поедешь к себе, и я поеду к себе, <и лошадей> угоним.

– Нет, – сказал Гость, – я не за добычей отправился в путь, – сказал. – Было у меня шестеро братьев, и всех шестерых эти иныжи убили, – сказал. – Я отправился мстить за кровь, но в одиночку мне было не справиться, вот тебя мне Аллах и послал. Мне добра не нужно, добро – твое, – заявил он ему.

– Нет, так я тебя не отпущу, поделим поровну.

Взял тот юноша и наполнил три бурдюка кровью того убитого иныжа, положил себе в карманы: один он выпил сам, а два – у него были мать и сестра, – он хотел им отнести… – принес и показал <Шауею>.

– Один я выпил сам, вот это я несу моей матери, – это и есть моя доля добычи, – сказал так, свою долю <забрал>… – Хоть ты и не назвал мне своего имени, ты и есть Шауей, – сказал.

– Да, я Шауей…

Вот так… «ты оказался выше», сказал <Шауей>. И когда Гость уезжал, не желая ничего брать…

– Назови свое имя, – сказал <Шауей>, – назови свою фамилию.

– Фамилии своей я не назову, – ответил, – а имя мое – Шхацфица (Черные волосы), – ответил.

Это была женщина! Выпростала она свои волосы: волосы ее были черные, как ворон, и переливались, – вот такая она была женщина. Шауей решился броситься к ней, но Шхацфица увернулась и убежала; когда Шауей стал ее преследовать, она сделала волосы свои вот так, опустила их вперед, и свет перестал струиться, настала безлунная ночь. Пробежав некоторое расстояние, она снова сделала волосы вот так, перекинула их, и стало светло. Преследуя ее, <он бежал>, и когда он догонял, она перебрасывала волосы вперед себя, – вот так Шхацфица и ушла от Шауея. Что было делать, возвратился он назад, согнал кобылиц, прибавил к ним еще и иныжевского коня под седлом и вернулся домой, пригнав их всех к себе.

<С той поры> Шауей перестал ездить в зеко со всеми, Шауей перестал показываться на людях, он надел траурные одежды и так ходил по улице. Его мать и его отец заговаривали с ним, но он ответа не давал.

Взял Канжа, отправился к Сатаней-гуаше и пожаловался ей. Его полное же имя было – Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарыбгей.

Вот Канжа отправился к Сатаней-гуаше и пожаловался, мол, вот таким стал наш сын, с людьми не общается, что с ним случилось – не знаем, что случилось – он нам не говорит.

А Сатаней-гуаша, говорят, предсказывала нартам будущее. Попросила она привести к себе Шауея и спросила его:

– Сын мой, что с тобой случилось, почему ты стал таким? Ты же был грозой всех нартов, грозой всего мира. А теперь почему это ты облачился в траурные одежды и пребываешь в таком состоянии?

– Мать моя Сатаней-гуаша, – ответил он, – нет другого, с кем бы случилось такое, как со мной, – отвечает. – Вот то-то и то-то со мной случилось, вот такую-то женщину я, преследуя, упустил, – сказал. – Я ее ищу, но где она живет, разыскать не могу. Вот эта печаль меня и мучает, – сказал.

– Ай- яй, сын мой, – сказала <Сатаней-гуаша>, – туда, где она живет, птицы не долетают, – сказала, – разыскать ее ты не сумеешь, и чего ты взял это на ум, – вот что сказала ему Сатаней-гуаша.

– Уаллаги, жить больше не хочу, – сказал он, – мне бы только узнать, где она находится, и больше бы мне ничего не надо.

– Ну, тогда, – сказала, – вот в ту сторону поедешь, откуда солнце встает, пересечешь семь гор, – сказала, – там. Как пересечешь семь гор, въедешь в одно ущелье, и в том ущелье она и живет, – сказала. – Нет человека, который может туда добраться, – сказала.

– Если птица туда долетает, я тоже доберусь, – сказал он.

– Так вот, если поедешь, то там она и находится, – сказала <Сатаней-гуаша>, и…

Приготовился Шауей и отправился на поиски Шхацфицы.

Гойда, едет он, горы преодолевает, гойда, горы преодолевает, – так он, едучи по местам, которые ему подсказала Сатаней-гуаша, достиг ущелья, а там, говорит, тропы нет, тропы. <Одни> горы, обрывы, камни. Держа Гемыдежа под уздцы, он его ввел туда. Там, куда он ввел его, была река – ни войти в нее, ни выйти из нее, только пропасти по сторонам.

– Как теперь быть? – когда он так спросил Гемыдежа…

– Вон того камыша, – ответил, – две вязанки свяжи и по бокам моим привяжи, – сказал конь. – Затем садись на меня, и я переправлюсь, не уходя на дно, – сказал.

Разве бы Шауей не сумел приготовить две вязанки камыша: он их связал, привязал по бокам Гемыдежа, сам сел сверху и, как на лодке, переправились они, не пойдя ко дну. Не идя ко дну, переправился он, достиг цели и прямиком въехал <во двор>.

Въехал, и девушка тут же выбежала навстречу:

– Я доставила тебе много труда, Шауей, – так говоря.

– Уаллаги, если и труд, я принимаю, раз уж тебя разыскал, – говоря…

Мать девушки была жива. Было у нее еще шесть братьев, но всех шестерых те иныжи истребили, и девушка жила одиноко, вместе с матерью.

– Я сразу же поняла, что от тебя мне не уйти, сказала она, – только трудностей я тебе доставила, – так говоря…

Что было делать, вот так он нашел, где она живет, и они стали мужем и женой. Жили они там, и пристало Шауею возвратить-

ся домой. Пристало, и взял Шауей с собой и девушку, взял с собой и старушку, взял да и вернулся домой. Привез себе жену, Шхацфицу.

«Аллах-аллах, Шауей вернулся и жену привез!» – так говоря, нарты собрались, устроили свадьбу, устроили унаишу и шаоишыж, – вот так Шхацфица досталась Шауею, и они так жили, говорят.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/29, 30. Исп. Хамурза Жабоев: 1900 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.10.1984 г. З. Налоев. Выписка с магнит. ленты М. Бухурова. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой запись сказания о нарте Шауее и его госте, с которым он отправляется в поход, помогает победить великанов-иныжей, а впоследствии, узнав, что его гость – это девушка, сватается к ней, преодолевая для этого трудные испытания. Далее сюжет контаминирован с другим сюжетом шауеевского цикла – о борьбе с орлом-похитителем.

6. НАРТ КЪЭРЭШЫУЕЙ БГЪЭЖЬ АН-АКЪ ИУКIЫУ ЩХЬЭЦЫФIЭ ДАХЭР КЪЫЗЭРИШАМ И ХЪЫБАР

Нартhэ Къэрэшыуей лIы хъууэ шэса нэужь, нарт шу хахуэ хъуащ. Япэ нарт шу къимыувэу ежьащ. Къэрэшыуей шэсу ежьа нэужь, зы нарти шэсыртэкъым, Къэрэшыуей щышынэрти. Нартhэр дэнэ къэна, Къэрэшыуей мэзым хьэкIэкхъуэкIэ щызэригъакIуэртэкъым, уафэм къуалэбзурэ бгъэрэ щызэригъэлъатэртэкъым. Апхуэдурэ Къэрэшыуей къикIухьащ, зэман зыбжанэкIэ. Бгъэжь Ан-акъкIэ зэджэр апхуэдэ дыдэу уафэм щыхахуэт. Уафэм иту хъуар къыщышынэрт. Бгъэжь Ан-акъ лъэтауэ уафэм зыри щылъэтэжыртэкъым. Бгъэжь Ан-акъ щIылъэм зыри щызэригъакIуэртэкъым. Къеухыурэ нарт шу зекIуэхэр иукIырт. И лъэбжьанэмкIэ и пщэм зыхиукIэрт, и пэ жанымкIэ и нэр къыриуIукIырт. И дамэ лъэщхэмкIэ еу<э>урэ иукIырт. Нартhэр куэдрэ ещащ, бгъэжь Ан-акъыр къаукIыну, ауэ къахуэукIакъым. Зы лъагапIэшхуэ гуэрым жыг тетти, абы абгъуэ трищIыхьауэ бгъэжь Ан-акъыр абы щыпсэурт. Къиубыдхэр абы ихьурэ, щишхыурэ, къупщхьэхэр къыридзыжурэ, бгым и лъабжьэм щIэз хъуат. Бгыуэ зытесыр лъагэт, и джабэри и щхьэри псори мылти, зыри дэкIыфыртэкъым.

Зы махуэ гуэрым Къэрэшыуей и шы джэмыдэ цIыкIум тесу къэкIуэжу, бгъэжь Ан-акъыр къаплъэри къилъэгъуащ.

– Хэт сэ къысщымышынэу, зызигъэшхыну мыбы къэкIуэфар, – жиIэри, къелъэтэхри Къэрэшыуейм къеуэну къыщытелъатэм, Къэрэшыуей джатэ кIэщIыр къырихри езауэу щIидзащ. Бгъэжь

Ан-акъ Къэрэшыуейр къыхуэмыщтэу куэдрэ зэзэуахэщ. Бгъэжь Ан-акъым и дамэр уIэгъэу кIуэжащ. Къэрэшыуей къигъэзэжри и адэм и фыз Сэтэней дей кIуэри илъэгъуа гъэщIэгъуэныр хуиIуэтэжащ.

– Ар хьэри-кхъуэри, нарти зыпэмылъэщ бгъэжь Ан-акъщ, – жиIащ Сэтэней, – абы псори ешх, насып уиIэщ, абы уимышхыу укъыщыIэщIэкIакIэ.

Къэрэшыуей мурад ищIащ а бгъэжьыр иукIыну. Бгъэжь Ан-акъи Къэрэшыуейр ишхын мурад иIэу зигъэхъужу абгъуэм ист. Къэрэшыуейм илъэгъуаhэр Сэтэнейм жыриIауэ щышэсыжым, Сэтэнейм жиIащ:

– И зэман хъуащ, зыгуэр къэпшэну, зи закъу<э>у дунейр зыхьа щыIэкъым, – жери. АпщIэндэхукIэ Къэрэшыуейм игу къэкIатэкъым фыз къэшэн. Сэтэнейм ар къыщыжыриIэм, Къэрэшыуейр къэшэныгу хъуауэ къыдэкIыжащ. Къэрэшыуейм и шы джэмыдэ цIыкIур зэщIикъузэри ежьащ, къишэн мурад иIэу фыз лъыхъуэ.

Дыгъэ къухьэпIэми дыгъэ къыщIэкIыпIэми и шы лъабжьэ зытемыува Къэрэшыуейм къигъэнакъым. МазиблкIэ шы уанэ зэтемыхыу къикIухьащ. Щымыхъум, и щхьэр фIэлэлу къигъэзэжащ Сэтэней дей.

– Бгъуэтыркъэ? – жиIащ Сэтэней.

– Сэ фыз схуэхъун згъуэтыркъым, – жиIащ Къэрэшыуей.

– Умыгъуэтми, щыIэщ, ауэ зы закъуэщ щыIэр. Ари здэщыIэр дыгъэ къыщIэкIыпIэмкIэщ. И цIэри ЩхьэцыфIэщ. И нэкIум нур къырихым мазэм хуэд<э>у жэщ кIыфIыр къегъэнэхур. И щхьэц фIыцIэр и напэм къыIуипхъуэм, махуэр жэщым хуэду кIыфI ещIыр, ауэ ар уэ къэпшэфынрэ къыумышэфынрэ сщIэркъым. Уэ иджыри ущIалэщ. Абы укIуэфыни-умыкIуэфыни, – жиIащ Сэтэней.

Къэрэшыуей губжьри, зыри жимыIэу къыщIэкIри, и шы джэмыдэ цIыкIум шэсри щэ зэкIэлъыкIуэу еуащ. Ежьащ, Къэрэшыуейр дыгъэ къыщIэкIыпIэ лъэныкъуэмкIэ кIуэну, ЩхьэцыфIэ и лъыхъуакIуэ. Къэрэшыуейр мазищкIэ гъуогу тетауэ, ЩхьэцыфIэ здэщыIэ щIыпIэм нэблагъэу хуежьащ. Къэрэшыуейр щIэупщIурэ кIуэрти, Iэхъуэ-шыхъуэхэм щеупщIым, жаIащ:

– Укъэсащ ЩхьэцыфIэ и щIапIэм, ауэ укъыкIэлъымыкIуэгъащэрэт. Абы мащIэ текIуэдакъым. Уэри уикIуэдэнущ абы и кIэм, – жари, – ЩхьэцыфIэ зыщIэс унэм и хъуреягъыр псыпцIэщ, хыхьэри хэкIыри щымыIэу, абы иджыри къэс дыхьэфа щымыIэу. Езы и псэлъыхъухэр псыпцIэм зэрыхыхьэу, и щхьэц фIыцIэр къыредзыхри, дунейр кIыфI ещIри и псэлъыхъухэр псыпцIэм хегъэкIуадэ. ПсыпцIэм уекIуэлIэхукIи, ухыхьэхукIи, нуру и напэм къырихым гъуогур къыпхуигъэнэхуурэ уигъэкIуэнущ. ПсыпцIэм узэрыхыхьэу, и щхьэцыр къигъэзэнурэ псыпцIэм ухигъэкIуэдэнущ. Абы хыхьар зэпырыкIакъым икIи къыхэкIыжакъым. УмыкIуи нэхъыфIщ, – жари къелъэIуащ Iэхъуэ-шыхъуэхэр.

АрщхьэкIэ Къэрэшыуейм къэгъазэ иIэтэкъым. Iэхъуэ-шыхъуэхэм я дей щышхэщ, щыжейщ, и шы джэмыдэ цIыкIум зыщыригъэгъэпсэхури шэсыжащ, Iэхъуэ-шыхъуэхэм я Iэр иубыдыж-

ри ежьэжащ. Къэрэшыуейр махуэ гъуогукIэ ЩхьэцыфIэ и унэм и гъунэгъу щыхъум, дунейр нуру блэуэрэ кIуащ. Махуэ ныкъуэ гъуогу иIэжу, псыпцIэм хуэзащ. Хъурейуэ къикIухьри – хыхьэпIэ иIэтэкъым.

– Дауэ тщIыну? – жиIэри Къэрэшыуей и шы джэмыдэ цIыкIум еупщIащ.

– Дыхыхьэнщи дисыкIынщ, ауэ япэ щIыкIэ къамыл пхыритI щIыи си джабэ зэрызым къыкIэрыпхэ, – жиIащ шы джэмыдэ цIыкIум.

Къэрэшыуей къамыл пхыритI ищIри шы джэмыдэ цIыкIум и джабитIым кIэрипхащ. Шэсри, псыпцIэм хэпкIэри исыкIыу щIидзащ. ПсыпцIэм и бгым нэсауэ, ЩхьэцыфIэ къилъагъури, и щхьэцыр къигъазэри дунейр кIыфI ищIащ. Нэм къыщIэIэбэр имылъагъуу Къэрэшыуей махуищрэ жэщищкIэ псыпцIэм еныкъуэкъууэ Iуфэм нэсри техьащ. Къамыл пхырхэри хыфIидзэжри, пщIантIэм дыхьэри, и шым уанэ трихри иутIыпщащ. Езыр хьэщIэщым щIыхьэри гъуэлъащ.

ПсыпцIэм къикIыфу пщIантIэм къыдыхьэфым ЩхьэцыфIэр дэкIуэну арати, «Си лIыр къэкIуащ», – жиIэри Iэнэр ину иухуащ. Жэщибл-махуиблкIэ къыщхьэщымыкIыу Къэрэшыуейм щхьэщытащ. Къэрэшыуей жэщибл-махуиблкIэ жея нэужь, къэуши ЩхьэцыфIэм и гупэмкIэ нуру нэхуу, и щIыбагъ и щхьэцыр здэщыIэмкIэ жэщым хуэду кIыфIу къыщхьэщытт. Къэрэшыуей къэтэджри ешхащ, ефащ. МазэкIэ зигъэпсэхури, ЩхьэцыфIэр и шыплIэ дэсу, къамыл пхыритIыр <шым> къыкIэрипхэри къикIыжащ псыпцIэм. Къамыл пхыритIыр хыфIадзэжри къежьэжахэщ. МыдкIэ бгъэжь Ан-акъ къищIэщ, Къэрэшыуей ЩхьэцыфIэр къихьыну зэрыкIуари, гъуогур ихъумэу уэгум къиуващ. ЩхьэцыфIи и гупэмкIэ нуру, махуэу, и щIыбагъымкIэ кIыфIрэ жэщу къихьу къэкIуэжу бгъэжь Ан-акъым къилъэгъуащ. Бгъэжь Ан-акъыр кIыфI лъэныкъуэмкIэ къыхэту къыщхьэщыту, Къэрэшыуейм ар имыщIэу, къэкIуащ жэщ куэдрэ махуэ куэдкIэ. ИкIэм, зигъэпсэхун хуей хъури, Къэрэшыуейм и щIакIуэр иубгъури ЩхьэцыфIэ тригъэтIысхьащ. И шы джэмыдэ цIыкIум уанэр трихри иутIыпщащ, игъэхъуэкIуэну. Къэрэшыуей зиплъыхьу и хъуреягъкIи зыри щимылъагъум, шынагъуэ имыIэу тIысащ, зигъэпсэхуну. Жэщ куэдрэ махуэ куэдкIэ мыжея ЩхьэцыфIэ щIакIуэм зэрытетIысхьэу, Iурихри жеящ. Къэрэшыуей и нысащIэ ЩхьэцыфIэ бгъэдэсурэ, Iэдакъэ гъумылъэ зыригъэууэ Iурихри щхьэукъуащ. Бгъэжь Ан-акъ зыхуеиххэр арати, къеухри ЩхьэцыфIэр дрихьеящ, уэгум, и абгъуэ бгыщхьэм итым ихьри кIуэжащ. Къэрэшыуей къызэщури и ЩхьэцыфIэр игъуэтыжакъым. И шы джэмыдэ цIыкIум уанэ трилъхьэжщ, зэщIикъузэжри ежьэжащ, и ЩхьэцыфIэм и лъыхъуакIуэ. Лъыхъуащ Къэрэшыуей и ЩхьэцыфIэм куэдрэ. КъухьэпIи къуэкIыпIи и шы лъабжьэр зытемыува къигъэнакъым, ауэ игъуэтакъым. И ЩхьэцыфIэр къигъуэтыжыным и гугъэр хихыжри къигъэзэжащ, Сэтэней гуащэ дей. Къэрэшыуей езэшауэ и щхьэр фIэлэлу, нэщхъейуэ, и шы джэмыдэ цIыкIури тхьэкIумэ лалэ хъууэ къыщыкIуэжым, Сэтэней гуащэ зигъэкIэрахъуэу куэбжэпэм щыту къырихьэлIэжащ. Сэтэней ищIэрт къэхъуну-къэщIэнур.

– Уи ЩхьэцыфIэр бгъэжь Ан-акъ ихьащ, – жиIащ Сэтэней. Ар Къэрэшыуей щызэхихым, игъэкIэрэхъуат бгъэжь Ан-акъыр игу къэкIыжри абы кIуэну, ауэ Сэтэней идакъым: – Абы уэ узэрыпэлъэщын щыIэкъым, Дэбэч деж укIуэу Iэщэ-фащэ йумыгъэщIауэ, – жиIэри, – Дэбэч афэ джанэрэ афэ гъуэншэджрэ гъущI защIэу ебгъэщIынщи, гъущI пыIи ебгъэщIынщи, бгъэжь Ан-акъ и пэр пхымыкIыфын хуэдэуи. Уишми афэ джанэ хуебгъэщIынщи, атIанэ укIуэнщ, ахъумэ... – жиIэри.

Къэрэшыуей Дэбэч дей кIуэри гъущI защIэу афэ джанэрэ, афэ гъуэншэджрэ гъущI пыIэрэ иригъэщIащ. И шы джэмыдэ цIыкIуми афэ джанэ хуригъэщIри бгъэжь Ан-акъ дей ежьащ. Бгъэжь Ан-акъ ЩхьэцыфIэ ихъумэу тест. ЩхьэцыфIи Къэрэшыуей зыкъригъэлъэгъуну, Къэрэшыуей здэщыIа лъэныкъуэмкIэ зэ и напэр къигъазэрти къигъэнэхурт, зэ и щхьэц фIыщIэр къигъазэрти кIыфI ищIырт. Къэрэшыуей ар илъагъури, кIыфI къыщищIым зыхуигъазэри и гъуэнэгъуу бгъэдыхьащ. И шы джэмыдэ цIыкIур къуэ кIуэцIым дишэри дигъэуващ. Езыр бгы щхьэщыгум дэкIри, жейнэпцI зищIри тегъуэлъхьащ. ЩхьэцыфIэм нур къыщищIыжым, бгъэжь Ан-акъ къилъэгъуащ, бгыщхьэм жейуэ телъыр. Бгъэжь Ан-акъ къеухри Къэрэшыуейр дрихьеящ. ЩхьэцыфIэм Къэрэшыуейр къицIыхужри гъащ, лIа игугъэу, арщхьэкIэ жейнэпцI зищIауэ арат. Бгъэжь Ан-акъ Къэрэшыуейр ишхыну хуежьэри – езэгъакъым. Дэнэ дей емыIами, и пэр хиукIэфакъым. Къэрэшыуей зимыгъэхъейуэ бгъэжь Ан-акъ ешу къыкIэрыхужыху, зригъэдзэкъащ. Бгъэжь Ан-акъ зэрешу, Къэрэшыуей и джатэр кърипхъуэтри езауэу щIидзащ. Мылъэтэжыфыну япэ щIыкIэ и дамитIыр къыпиупщIащ, атIанэ езыр иукIыпащ. Къэрэшыуей бгъэжь Ан-акъ и дамитIыр зытригъэувэри, и ЩхьэцыфIэр къищтэри къелъэтэхыжащ. И шы джэмыдэ цIыкIум къэшэсыжри и анэшхуэ Сэтэней деж къигъэзэжащ, и ЩхьэцыфIэм нур къыщхьэщихыу къихьри. Апхуэдэу Къэрэшыуей ЩхьэцыфIэр къишэгъащ.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАРТ КАРАШАУЕЙ УБИЛ МОГУЧЕГО ОРЛА АН-АКА И ЖЕНИЛСЯ НА КРАСАВИЦЕ ШХАЦИФЕ

Когда нарт Карашауей возмужал и стал способным сесть <на коня>, из него вышел смелый нартский витязь. <Он стал таким, что>, ни один нартский всадник не мог превзойти его <мужеством>. Пока Карашауей разъезжал верхом <на коне>, никто из нартов не осмеливался сесть <на коня>, так как боялись Карашауея. <Его боялись> не только нарты, даже зверям Карашауей не позволял ходить по лесу, а птицам <, да и самим> орлам – летать в небе. Так Карашауей разъезжал некоторое время.

Таким же смелым, только на небе, был могучий орел Ан-ак. Все, кто в небе, боялись его. Когда летал орел Ан-ак, ни одна <птица> не могла появиться в небе. Могучий орел Ан-ак никому не позволял ходить и по земле. <Он> нападал на нартских всадни-

ков и убивал их. Он вонзал свои когти в их шеи, а острым клювом выклевывал глаза. Своими сильными крыльями он забивал <нартов> до смерти. Нарты долгое время охотились за Ан-аком, чтобы убить его, но им это не удалось. На одной из высоких вершин росло дерево, и на нем орел Ан-ак свил себе гнездо и жил там. Пойманную добычу он относил туда и съедал, а кости сбрасывал вниз, и они заполнили все подножие горы. Гора, на которой обосновался <орел>, была высока, а склоны и вершина были покрыты льдом, поэтому никто не мог взобраться на нее.

В один день Карашауей, сидя на своем маленьком гнедом коне, возвращался <с похода>, и орел Ан-ак посмотрел и увидел его.

– Кто, не боясь меня, осмелился прийти прямо ко мне на съедение? – воскликнул <Ан-ак>, и когда он налетел на Карашауея, думая его убить, Карашауей обнажил свой короткий меч и вступил в поединок <с ним>. Орлу Ан-ак никак не удавалось поднять Карашуея, и они долго боролись.

Ан-ак вернулся <в свое гнездо> с раненым крылом. А Карашауей вернулся к жене своего отца, Сатаней<-гуаше>, и поведал ей о том удивительном, что он видел.

– Это орел Ан-ак, которого не в силах победить ни один зверь и ни один нарт, – сказала Сатаней, – он всех съедает, твое счастье, что ты смог уйти от него живым.

Карашауей задумал убить этого орла. И сам Ан-ак с намерением съесть Карашуея, залечивал рану, сидя у себя в гнезде.

После того, как Карашауей поведал все Сатаней <-гуаше> и сел на коня, Сатаней сказала:

– Настало время жениться тебе на ком-нибудь. Нет человека, который бы прожил жизнь в одиночку.

До этого разговора Карашауей ни разу не задумывался о женитьбе. И после слов Сатаней <-гуаши> Карашауей уехал <со двора> с желанием найти себе невесту. Карашауей подтянул ремни своего маленького гнедого коня и отправился на поиски невесты. И там, где солнце садилось, и там, где оно вставало, не было места, где бы не оставил свой след конь Карашауея. Семь месяцев не сходя с коня, он пребывал в поисках, но не смог найти <невесту> и вернулся к Сатаней с поникшей головой.

– Не можешь найти? – спросила Сатаней.

– Не могу найти себе достойную жену, – ответил Карашауей.

– Хоть ты и не можешь найти, все же есть такая, но всего одна. И живет она в тех краях, где восходит солнце. Зовут ее Шхацифа (букв.: *Густоволосая*). Сияние, исходящее от ее лица, словно месяц, озаряет темную ночь. Если она закроет своими черными волосами лицо, день, словно ночь, делается темным. Но я не знаю, сможешь ли ты на ней жениться или не сможешь. Ты еще юн. Сможешь ли ты добраться туда или нет? – сказала Сатаней.

Карашауей разгневался и, ничего не говоря, вышел, сел на своего маленького гнедого коня и ударил его три раза плетью. Отправился Карашауей туда, откуда восходит солнце, в поисках Шхацифы. Проведя три месяца в пути, он стал приближаться к тем местам, где жила Шхацифа. Карашауей ехал, расспрашивал всех по пути, и, когда он <однажды> спросил у встречных пастухов, те ответили:

– Ты уже прибыл к местам владения Шхацифы, но лучше бы ты не приехал. Немало <людей> погибло из-за нее, и ты тоже, увязавшись за ней, погибнешь, – сказали <они>. – Дом, в котором живет Шхацифа, окружен трясиной, в которую никто не может войти и из которой никто не может выйти. До сих пор ни один человек не смог туда добраться. Как только ее женихи входят в трясину, она [Шхацифа] сбрасывает вперед свои черные волосы, и день делается темным, как ночь, так она губит своих женихов в трясине. Пока ты не войдешь в трясину, она будет озарять тебе путь сиянием своего лица. Но, как только ты войдешь в трясину, она тут же повернется своими черными волосами и погубит тебя в трясине. Ни один из тех, кто вошел в эту трясину, не смог переправиться через нее или вернуться обратно. Лучше не ходи <туда>, – попросили пастухи.

Но у Карашауея не было пути назад. Он поел, поспал у пастухов, дал отдохнуть своему маленькому гнедому коню, сел на него, попрощался с пастухами и пустился в путь. Когда он был на расстоянии в один день езды от дома Шхацифы, вокруг было светло. Когда оставалось полдня пути, он доехал до трясины, обошел ее по кругу, но переправы не было.

– Что будем делать? – спросил он у своего маленького гнедого коня.

– Зайдем и переплывем, но сначала приготовь два снопа из камышей и привяжи их по обоим моим бокам, – сказал конь.

Карашауей приготовил два снопа из камышей и привязал по обоим бокам своего маленького гнедого коня, сел на него, прыгнул в трясину и стал переправляться через нее. Когда он достиг середины, Шхацифа увидела его, повернулась к нему черными волосами, и вокруг стало темно. В такой темноте, что хоть глаза выколи, Карашуей провел три дня и три ночи, борясь с трясиной, и, наконец, достиг берега. Он выбросил снопы и вошел во двор, снял седло с коня и отпустил его. Сам зашел в хачеш и прилег.

Условием было, что Шхацифа выйдет замуж <только> за того, кто сможет перейти трясину и выбраться <из нее> во двор, и поэтому со словами «Мой будущий муж пришел» она накрыла богатый стол. Семь дней и семь ночей без устали она стояла над <спящим> Карашауеем. После того, как Карашуей проспал семь дней и семь ночей, он проснулся и увидел стоящую над ним Шхацифу, у которой лицо излучало свет, а все, что было со стороны волос за спиной, было покрыто мраком. Карашауей поднялся, поел, попил. Он отдохнул месяц, посадил Шхацифу на коня, привязал два снопа по бокам коня, и они переправились через трясину. Потом выбросили два снопа и отправились дальше в путь.

Ну а тут орел Ан-ак узнал, что Карашауей отправился за Шхацифой, и стал парить в небе над дорогой, дожидаясь их. Орел Ан-ак увидел, как Карашауей вез Шхацифу, которая лицом озаряла все перед собой, а черными волосами погружала во мрак все, что было за ее спиной. Много дней и много ночей Карашауей был в пути, не зная, что Ан-ак преследует их, находясь <за ними> во мраке. Потом, решив отдохнуть, Карашауей расстелил свою бурку и посадил на нее Шхацифу. Сняв со своего маленького гнедого

коня седло, он отпустил его пастись. Когда Карашауей оглядевшись вокруг, никого не увидел, он присел отдохнуть, не испытывая причин для тревоги. Шхацифа, которая не спала много дней и много ночей, уснула, как только опустилась на бурку. Карашауей сидел рядом со своей невестой Шхацифой, потом прилег на бок, подперев голову рукой, и задремал. Вот этого и ждал Ан-ак: он устремился вниз, поднял Шхацифу в небо и унес ее в свое гнездо, которое находилось на вершине горы.

Карашауей проснулся – и не увидел Шхацифу. Оседлал он своего маленького гнедого коня, подтянул <подпруги> и отправился на поиски Шхацифы. Долго он искал Шхацифу. И там, где солнце восходит, и там, где оно заходит, везде оставил свой след его конь, но так и не нашел <Карашауей ее>. Потеряв надежду найти Шхацифу, он вернулся к Сатаней-гуаше. Когда Карашауей уставший, угрюмый, с опущенной головой, и маленький гнедой конь его с опущенными <от усталости> ушами вернулись <к Сатаней>, они встретили Сатаней-гуашу, вертящуюся у ворот.

Сатаней умела предугадывать будущее:

– Твою Шхацифу унес орел Ан-ак, – сказала она.

Когда Карашауей услышал это, он вспомнил орла Ан-ака и развернулся, решив тотчас отправиться к нему, но Сатаней не позволила.

– Ты не сможешь одолеть его, пока не пойдешь к Дабечу, и пока он не изготовит тебе доспехи, – сказала <она>. – Дабеч сделает тебе из чистого железа кольчугу-рубаху, кольчугу-штаны и железный шлем, так, чтобы клюв Ан-ака не смог пробить их. Он сделает кольчугу и для твоего коня, тогда и отправишься, иначе... – сказала <Сатаней>.

Карашауей отправился к Дабечу, и тот сделал ему кольчугу-рубаху, кольчугу-штаны, железный шлем. Для маленького гнедого коня он тоже сделал кольчугу, и <Карашауей> отправился к орлу Ан-ак. Орел Ан-ак сидел, охраняя Шхацифу. Шхацифа, пытаясь показаться Карашауею, поворачивалась в ту сторону, откуда он ехал, то лицом, излучая свет, то спиной, погружая своими черными волосами все во мрак. Карашауей, увидев это, подождав, когда все покроется мраком, подошел поближе.

Своего маленького гнедого коня он завел в овраг и оставил там. Сам, взобравшись на вершину горы, лег там, притворившись спящим. Когда Шхацифа осветила все вокруг, орел Ан-ак увидел спящего на вершине горы. Бросившись вниз, орел Ан-ак поднял Карашауея. Шхацифа узнала Карашауея и заплакала, подумав, что он мертв, но тот просто притворялся спящим. Орел Ан-ак попытался съесть Карашауея, но не смог. Где бы он ни пытался клюнуть, он никуда не смог вонзить свой клюв. Карашауей лежал неподвижно, позволяя Ан-аку клевать себя, до тех пор, пока тот не устал и не оставил его. Как только орел Ан-ак устал, Карашауей выхватил свой меч и начал сражаться с ним.

Сначала он отрубил ему крылья, чтобы тот не улетел, потом <и совсем> убил его. Карашауей, надев на себя крылья Ан-ака, взял с собой Шхацифу и слетел <вместе с нею> вниз. Сев на маленького гнедого коня, вместе с Шхацифой, которая излучала свет, он вернулся к своей бабушке Сатаней. Так Карашауей женился на Шхацифе.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 9. Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 18.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Данное сказание примечательно тем, что главным поводом выезда героя представлен мотив поисков невесты. В других версиях сватовства и женитьбы нарта Шауея данный мотив является «вторичным». Выезд на поиски невесты и связанные с этим эпизоды более характерны для сказания о женитьбе отца этого героя. Женщина, обладающая волшебными волосами, которые могут превращать ночь в день, а день – в ночь, устойчиво связывается с циклом о Шауее, и в этом данное сказание сближается со сказанием о госте нарта Шауея. В тексте есть одна неточность, характерная для устного повествования: Сатаней-гуаша называется то «женой отца» (т.е., неродной матерью) героя, то бабушкой героя. Примечательно, что герой совершает свой подвиг в одиночку, а не вместе с компанией нартских богатырей, как часто встречается в других вариантах мотива борьбы с орлом-похитителем.

7. ШУ ЛЪАГЪУЭ. КЪЭРЭШЫУЕЙ И ЛЪАГЪУЭ

<...>, мы Шу лъагъуэкIэ <зэджэр>, дунейр щыбзыгъэ дыдэу щыщытым дей, уафэм-щэ мо пшэ пIащIэ тIэкIу пхышауэ-щэ къонэ, пшэ пIащIэ, мо мыуэду дыкъуакъуэу-щэ, мо мыуэду дыкъуакъуэу мэхъури, мыбыкIэ, а нэхъ кIэщI лъэныкъуэмкIэ-щэ <Къэрэшыуей> здэкIуам, «Дыщыуащ», – жери, къегъэзэжри мыдрей шу лъагъуэм теувэжу ирикIуэу аращ Шу лъагъуэр. Ар КъэрэшыуейкIэ еджэу аращ. Мис ахуэду пшэм иту къикIухьащ. Къущхьэhэм Къэрэщауей жаIэ абы щхьа. Аращ.

ПУТЬ ВСАДНИКА. ПУТЬ КАРАШУУЕЯ

<...>, «Путь всадника» – <так говорят>, когда небо ясное, и на нем виднеется тонкий продольный слой облака, конец которого образует развилину. Туда, где ветвь облака короче, отправился <Карашууей>, <а потом> вернулся: «Мы ошиблись», – сказав, пошел по другому пути. Поэтому и говорят «Путь всадника». Это путь Карашууея. Так он ходил по облаку. Балкарцы называют его Карашауей. Все.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, материалы фольклорной экспедиции 1984 г. Исп. Тлостанбек Бадзев: 1900 г.р., с. Аушигер Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.10.1984 г. А. Гутов. Выписка с магнит. ленты М. Бухурова. Публикуется только фрагмент записи. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Запись произведена на весьма некачественную магнитофонную пленку, поэтому из записанного более обширного текста удалось сохранить и расшифровать только небольшой фрагмент.

Информация примечательна тем, что она представляет собой единственное указание связи данного героя с космологическими представлениями носителей эпоса. Путь всадника – это адыгское название Млечного пути, соседние народы называют его посвоему, отлично от адыгского, поэтому можно полагать, что, скорее всего, данное поверье должно считаться адыгским. Упоминание о балкарцах в сообщении неслучайно: мать информанта – балкарка, и вполне возможно, что он когда-то слышал сказания о нарте Карашауее не только от своих соплеменников, но и от родственников по материнской линии.

8. СОСРЫКЪУЭ, НАСРЭН, КЪАНЖЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ НЭРЫБГЕЙМ И КЪУЭ ЗАКЪУЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Нарт Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ зэшт, зы анэ къилъхууэ. А тIуми я анэр Сэтэней гуащэт.

А тIур зэдежьащ, санэхуафэ кIуэну. Гъуэгум зыдэкIуэм, гъуэгу зэхэхьэм и дей Къанжэ и къуэ Щауейр къакIуэу щызэхуэзащ. Къанжэ и къуэ Щауейр шу фейцейт, мо санэхуафэ кIуэ зэшитIым я щхьэм хуагъэфэщакъым, бэлэбанэр ягъусэну, ауэ шур яцIыхуртэкъыми зыри жырамыIэу кIуэхэрт.

ЗыдэкIуэм зэшитIыр гупсысэурэ мыр къагупсысащ: «Иджы, гъуэгу зэхэкI дынэсымэ, жетIэнщ: «Дэ IуэхукIэ докIуэри махуий хуэдизкIэ дыкъэтынущ, удигъусэн уфIэфIымэ, къыдэжьэ, укъыдэмыжьэми, гъуэгу махуэ»».

Гъуэгу зэхэкIым нэсри ар жыраIащ Къанжэ и къуэ Щауейм.

– Iэу, махуийр куэд хъурэ, ар пIалъэ кIыхькъым, сынывэжьэнщ, – жери Къанжэ и къуэ Щауейр епсыхащ, мо тIур санэхуафэм кIуащ, санэхубжьэ къефэну.

Сосрыкъуэм: «Мы шу фейцейм дыхуейкъым, жэщий-махуий уей зесщIэкIынщи, дыкъэкIуэжыху, ар лIэнщ», – жери уей зэрищIэкIащ.

Къанжэ и къуэ Щауейм шы щIагъ щIэдзыр и дзажэ щIэдзу, уанэр и пIащхьэгъыу, щIакIуэр зытырипIэри щылъащ, и алъпыжьым фIалъэкIэ ефIэлъауэрэ, уэсыр тыриудрэ ар ихъуэкIуу щытащ.

Мо Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ жэщий-махуийкIэ санэхуафэм щефэри къагъэзэжауэ къыздэкIуэжым, Къанжэ и къуэ Щауейр къыздагъэнам дей къэсыжахэщ. Еплъыри, и шыжьырикI кIэрыутIыпщу щыхъуакIуэм, езыри щIакIуэр тепIауэ щыщылъым, «Мыр лIащ, псэужкъым», – жари бгъэдыхьащ. «Уей!» – жари щеджэм, «УитI!» – жери Къанжэ и къуэр, щIакIуэр псынщIэу зытыридзыри, къыщылъэтащ. И уанэжьыр къищтэщ, и шым тырипIэри, къэшэсри: «НартIэ Сосрыкъуэ, зызумыгъэцIыхуами, сэ усцIыхуащ, уэ бзаджэм уи уей-псейм сэ сихьынтэкъым, накIуэ», – жери, шууищым къагъэзэжащ. КъакIуэурэ, зы гъуэгу зэхэкI гуэрым къэсри, Къанжэ и къуэ Щауей Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ яжыриIащ:

– Сэ сышу закъуэу, сыпсэлъэгъуншэу жэщий-махуийкIэ сывэжьащ, фэ тIу фохъу, фызэшмэ, фызэпсалъэ хъунущ, сэ къэзгъэзэжынщ, фэ къызэфта пIалъэм нэс-нэмысми, зы тхьэмахуэкIэ фыкъызэжьэ, – жери.

– Алыхь-алыхь, дыножьэнщ, – жари зэшитIыр епсыхащ, я шыр ялъахъэри яутIыпщащ.

Къанжэ икъуэ Щауейр тэнджыз Iуфэ гуэрым Iухьэри, алъпитI зэкIэрищIэри, къишэри, махуих фIэкI къэмыту къэсыжащ. ЗэшитIыр зэплъыжри: «Алыхь-алыхь, мыр дэ ди гугъам хуэдэлIкъым, демыжьами, зэIыдгъэхьат, зыгуэркIэ дыхуэгъэупсэ», – щыжаIэм, Сосрыкъуэм жиIащ, Насрэн пхъу дэгъуэ иIэти, Къанжэ и къуэм ар иратыну.

(Насрэным и пхъум и цIэр сщIэркъым)

КIуэхэурэ гъуэгу зэхэкIым нэсащ. Къанжэ и къуэ Щауей Нэрыбгей и къуэ закъуэр къэпсалъэри къажыриIащ:

– Сэ сызэрывэжьам хуэдизрэ фыкъыIэжьэжащ, гугъу фыкъыздехьащ, зывмусыгъуэджэмэ, сэ нобэ къэсша алъпитIым языр фызот.

– Дэ пхуэтщIа щыIэкъым, дэри дигу итлъхьащ, зыгуэркIэ дыпхуэупсэнуи, зумысэгъуэджэмэ, благъэ утщIынущ, Насрэн и пхъур уэттынущ, пIалъэ къыдэптым дей некIуалIэ, – къыщыжыраIэм…

– НтIэ, уасэу алъп етIыуанэри фызот, – жери Къанжэ и къуэм алъпитIыри къаритри, зэбгырыкIыжащ.

Зы мазэ дигъэкIщ, зызэригъэпэщри Къанжэ и къуэ Щауейр, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр, нарт Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ я дей къэкIуащ. ЗдэкIуам Насрэнри Сосрыкъуэри щымыIэу пщIантIэм дэхьащ.

ПщIантIэм дэсыр езыр зыхуэкIуа хъыджэбз закъуэрати, шу къыдэхьар щилъагъум, къыщIэкIри: «Еблагъэ, хьэщIэщым», – къыжыриIащ.

Еблэгъащ. Къанжэ и къуэм, пасэрей пшынэжь шэтжьейм илъти, къищтэри мыр къыригъэкIащ:

– Насрэныр имысымикI, Сосрыкъуэр сыту щымыIэрэт, – жери пшынэмкIэ хъыджэбзым епсэлъащ. Пхъэ пшынэр щигъэтIылъыжым, хъыджэбзым къищтэри къыригъэкIащ:

– КъэкIуэжынущ, умыпIащIэ,

Пщэдей я пIалъэщ,

ПIащIэрэ пIыщIарэ я Iуэху фIыкъым, – жери къыригъэкIащ.

Хъыджэбзым и анэр щыIэтэкъым, гъунэгъумкIэ екIуэкIати, къишэжыну хъыджэбзыр щIэкIащ. Къанжэ и къуэ Щауейр хъыджэбз щIэкIам кIэлъыплъыри, пшынэр къищтэри мыр къыригъэкIащ:

– Сыту Iэпкълъэпкъ зэкIэлъыкIуэ иIэт,

Ауэ щIакъуэ мащIэщ, щIакъуэ нэпцIщ.

(ИпэкIэ зэпылъыр, пцIы хэмылъу, пхъэ пшынэкIэ зэпсалъу щытащ) Къанжэ и къуэ Щауей пшынэм къыригъэкIар хъыджэбзым зэхихащ, икIи къыгурыIуащ.

И анэм дей щIыхьэри хъыджэбзыр зэплъыжащ, куэдрэ лъыхъуащ, «ИгъащIэм щIакъуэ сэ къыскужызыIа дунейм теткъым, мыр дауэ?» – жери зыкъиплъыхьащ. ИкIэм и вакъэр щихри еплъымэ, зы вакъэ лъэныкъуэм лъэгурыдзитIыр илът. ЛъэгурыдзитIыр зэрызу и вакъэм иридзыри, и анэр къишэжри къэкIуэжащ.

Хъыджэбзыр къыщIэхьэжри, пхъэ пшынэжьыр къищтэри мыр къыригъэкIащ:

– Сэ щIакъуэ къысхужызыIа дунейм теткъым, си лъэгурыдзитIыр зым илъти, щIакъуэу сыкъыщIэплъэгъуар аращ, – жери, пшынэр игъэтIылъри хъыджэбзыр къыщIэкIыжащ.

Къанжэ и къуэ Щауейм пшынэр къищтэри мыр къыригъэкIащ:

– Сэ абы фIэкIа бдэзгъуа щыIэтэкъым, укъэсщтащ, – жери пшынэр игъэтIылъыжащ.

Нарт Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ пщыхьэщхьэм къэсыжри: «Ди благъэр укъэкIуа?» – жари къыщыгуфIыкIахэщ, Насрэным и пхъур къыратри Къанжэ Щауей Нэрыбгейм и къуэ закъуэр къаутIыпщыжащ.

СКАЗАНИЕ О СОСРУКО, НАСЫРАНЕ, ШАУЕЕ СЫНЕ КАНЖА, ЕДИНСТВЕННОМ СЫНЕ НАРЫБГЕИ

Нарт Насыран и Сосруко были братья, рожденные одной матерью. Их мать была Сатаней-гуаша.

<Однажды> они отправились на санопитие. В пути, на развилке дорог, они встретили Шауея, сына Канжа, ехавшего им навстречу. Шауей, сын Канжа выглядел убогим, поэтому братья посчитали ниже своего достоинства брать такого невзрачного всадника с собой на санопитие, но они не знали, кто он такой и ехали, ничего не говоря ему. По дороге братья думали, <как бы им избавиться от нежеланного спутника> и придумали следующее: «Теперь, когда мы доберемся до развилки дорог, скажем ему так: «Мы едем по делам, и нас не будет около восьми дней, если ты хочешь продолжить путь с нами, то подожди, а если нет, то счастливого пути»».

Доехали они до развилки и сказали это Шауею, сыну Канжа.

– Разве восемь дней это много?! Это не так уж и много, я подожду, – сказал Шауей, сын Канжа и спешился, а те двое отправились на санопитие отведать чашу санэ.

Сосруко сказал так: «Этот убогий всадник нам не нужен, я наведу на него холод на восемь дней и восемь ночей, и он умрет к нашему приезду», – и навел холод.

Шауей, сын Канжа положил потник под ребра, седло – под голову, а сам завернулся в бурку – так и лежал, его же могучий альп разрывал снег копытами и щипал сухую траву. Сосруко и Насырен пробыв на санопитии восемь дней и восемь ночей, вернулись к тому месту, где оставили Шауея, сына Канжа. Посмотрели и, увидев, что конь его свободно пасется, а сам он лежит, накрытый буркой, решили: «Он мертв» – и подошли.

– Уей! – когда позвали <братья…>

– Уит! – ответил Шауей, сын Канжа и вскочил, сбросив бурку.

Взял <он> свое старое седло и накинул на своего коня. «Нарт Сосруко, хоть ты и не представился, но я узнал тебя, ты коварен, но твои холода мне не навредили. Поехали», – сказал <Шауей>, и все три всадника продолжили путь. Ехали они и, достигнув развилки, Шауей, сын Канжа обратился к Сосруко и Насырену:

– Я один без собеседника ждал вас восемь дней и ночей, а вас двое, если заскучаете, можете поговорить друг с другом, я вернусь быстрее срока, в течение которого вы отсутствовали, ждите неделю.

– Аллах-аллах, подождем, – сказали так и спешились братья. Спутали лошадям ноги и отпустили их <пастись>.

Сын Канжа Шауей поехал к берегу моря, поймал двух <коней->альпов, привязал их друг к другу и вернулся, пригнав их, пробыв в пути шесть дней. Увидев это, братья переглянулись: «Аллах-аллах, это не такой муж, каким мы себе его представляли, мы бы сильно просчитались, если бы не стали его дожидаться; давай как-нибудь задобрим его», – решили они, и Сосруко предложил отдать Шауею дочь Насырена. (Имя дочки Насырена мне неизвестно – *исполнитель*).

Ехали и достигли развилки дорог. Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи заговорил:

– Вы ждали меня столько, сколько и я вас, вы разделили мои тяготы, и если позволите, то я отдам вам одного из пригнанных мной альпов.

– Мы ничем особым тебе не помогли, мы тоже решили как-то отблагодарить тебя. Если позволишь, хотим сродниться с тобой, выдав за тебя дочь Насырена. Назначь время, когда ты приедешь, – когда так сказали <братья>...

– Тогда, в качестве платы за невесту, я отдаю вам и второго альпа, – сказал сын Канжа, отдал альпов, и они разъехались.

Подождав месяц, Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи собрался и отправился к нартам Насырену и Сосруко. Когда он прибыл и въехал во двор, Насырена и Сосруко дома не оказалось. Во дворе была только та самая девушка, <свататься> к которой приехал Шауей. Увидев всадника, она вышла и пригласила его в дом: «Еблага в хачеш», – говоря. Он зашел. На топчане лежала старинная пшина, сын Канжа взял и сыграл следующее:

– Пускай Насырена нет дома, но жалко, что Сосруко тоже нет, – сказал он с помощью пшины девушке.

Когда Шауей положил пхапшину, девушка взяла ее и сыграла:

– Они вернутся, не торопись,

На завтра назначен срок <их возвращения>,

– Дела плохи у торопящегося и замерзающего <...>.

Матери девушки <тоже> не было дома. Она пошла к соседям, и дочь отправилась за ней. Сын Канжа Шауей проследил за тем, как девушка вышла, взял пшину и сыграл:

– Как красиво сложена эта девушка,

Но чуть прихрамывает, будто понарошку.

(В старину влюбленные действительно общались пхапшиной – *М. Мазанов*).

Девушка услышала, что сыграл Шауей, и поняла его. Она зашла к матери и посмотрела на себя, долго оглядывала себя: «Как так, ведь никто никогда не называл меня хромой». Потом сняла обувь и увидела, – в одной из них находились две стельки. Она разложила стельки по одной в обувь, взяла с собой мать и вернулась. Девушка зашла, взяла пхапшину и сыграла:

– На свете нет того, кто бы называл меня хромой. Обе стельки мои находились в одной обуви, поэтому я показалась тебе хромой, – положила она пшину и вышла.

Сын Канжа Шауей взял пшину и сыграл:

– Это единственное, что плохого я в тебе увидел. Я беру тебя <в жены>, – сказал и положил пшину.

Нарты Насырен и Сосруко вернулись вечером: «Пришел, наш <будущий> зять (букв.: *свойственник*)» – сказали и обрадовались ему. Отдали дочь Насырена и отпустили восвояси Шауея, сына Канжа, единственного сына Нарибгеи.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 8. Исп. Мудар Мазанов: 1884 г.р., с. Нартан Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 31.03.1950 г. А. Алибеков. Перевод на русский язык М. Бухурова.

Текст представляет собой контаминацию оригинальных сюжетов о встрече богатырей и своеобразном испытании героя на этикетность (дожидаться спутников в течение длительного времени) и на твердость духа (испытание холодом), о наездниических достоинствах (добывание коней, обладающих фантастическими достоинствами, и щедрость при расставании с ними), о сватовстве героя к незнакомой девушке. Испытания героя, по всей вероятности, восходят к разряду инициальных, которые превратились в испытания будущего жениха, а еще позднее – в испытания героя на этикетность, мужество и тонкое обращение с девушкой. Первое встречается в циклах о героях исторического эпоса (сказания о Жабаги Казаноко: см.: «Сказания о Жабаги Казаноко». – Нальчик: Эль-фа, 2000. – С. 91–92 и др.) и, по всей вероятности, данный мотив вошел в нартский эпос на довольно поздней стадии, соответствующей позднему средневековью. Этим же временем можно датировать и вхождение в эпос мотива невербального диалога жениха и невесты: упоминания о «говорящих» музыкальных инструментах, которые могли без слов донести мысли героя до слушателя, характерны для лирических песен и сопровождающих их преданий.

9. ЩАУЕЙ, СОСРЫКЪУЭ, НАСРЭН ЖЬАКIЭ СЫМЭ Я ХЪЫБАР

Сосрыкъуэ нартӀэм я санэхуефэр къилъыхъуэну ежьащ. КIуэм-лъейуэрэ, нэсу хуежьауэ, здэщыIэр ицIыхутэкъыми, щIалэ цIыкIухэм щеупщIым, къыжыраIащ: «Модэ модейщ», – жаIэри. Пщыдадэри я пашэу нарт унагъуэм санэхуефэ щащIу, Пщыдадэри яхэсу, здэщыIэр къыщыжыраIэм, абы зригъашэри Сосрыкъуэр кIуащ. Дыхьэри, къыщалъагъум, Пщыдадэр къыпежьэри:

«Зи хьэщIэгъуэ тхуэмыгъуэту къэдгъуэта нарт Сосрыкъуэ, еблагъэ!» – жиIэри сэлам кърихащ. Сосрыкъуэр епсыхри щIыхьащ. Блащхъуэжьейр хэсу фадэбжьэр къратащ. Пщыдадэри къоплъри щытщ. Сосрыкъуэр фадэбжьэм ефэри фалъэр Пщыдадэм и щхьэм щхьэриIубащ.

АбыкIэ щымыхъум, зэдэджэгуу щIадзащ. Езы гупым ящыщ дэлъейри Iэнэм къыщыфащ. Ар къызэрехыжу, Сосрыкъуэр дэлъейри, шыпсылъэ IупщIакIэм къыщыфэри шыпсыр иримыкIуту, Iэнэри имыгъэуфэрэкIыу къехыжащ.

– Блащхъуэжьейм и хъыбарыр иужькIэ фщIэнщ, – жиIэри, Сосрыкъуэр дэкIри хыхьэжащ.

Пщыдадэр гузэващэри къыкIэлъыдэкIащ, «Мы Iуэхум и кIэр дауэ хъуну пIэрэ?» – жиIэри, <ар> зригъэщIэну.

Сосрыкъуэрэ Насрэн ЖьакIэрэ нарт санэхуефэ щыIэу хъыбар кърагъэщIауэ кIуэт. Гъуэгу напщIэ ижьырабгъур яIыгъыу кIуэрт. Гъуэгум, зы тэлайрэ кIуауэ, зы шу щIэхьащ. Шум и щIакIуэр гъущIыфэт, и уанэр кIыгът, и шыр уэдт. «Мы хьэм хуэдэр дэ тщIыгъуу накIуэм, ди напэр къытрихакъэ», – жиIащ Сосрыкъуэ. Аурэ здэкIуэм Сосрыкъуэм къигупщысащ: «Сэ мыбы зы кIуэдыпIэ къыхуэзгъуэтынщ», – жиIэри. Зы IуащхьэпIалъэ гуэр ищIри, абы щынэсым, Сосрыкъуэм жиIащ: «Насрэн ЖьакIэ, ауэ къэувыIэ, мыбы унафэ хуэтщIынщ», – жиIэри. Махуэр уейт, борэнт.

Шур зыбгъэдашэри жраIащ:

– Дэ моуэ зы щIыпIэ гуэрым дынэсынущ, нартhэм къыдагъэджауэ. Абы махуий хуэдизкIэ дыкъэтынущи, мы Iуащхьэм ущысынщ, дэ дыкъэсыжыху», – жаIэри.

– Гъуэгу махуэ, фыкъэкIуэжыху, сыщысынщ, – жиIэри къэнащ.

Зыкъом якIуа нэужь: «Абыи ар кIуэдыжыпIэ хуэхъунщ», – жиIащ Сосрыкъуэ.

ЗдэкIуэм нэсхэри нарт хабзэкIэ ирагъэблэгъащ.

– Армыраи хабзэр! – жаIэри къыщыгуфIыкIахэщ, здынэсар.

Санэхуефэр зэфIэкIащ. Шэсыжыбжьэр къахьри Сосрыкъуэ къратащ.

– Сэ къызэфтами, Насрэн ЖьакIэ нэхъыжьыгъуэр иIыгъщ, – жиIэри игъэхъуэхъуэну фадэбжьэр <Насрэн ЖьакIэ> иритащ. Хъуахъуэщ, ефэхэри:

– Иджы, дежьэжынщ, Сосрыкъуэ, – жиIащ <Насрэн ЖьакIэ>.

– Дылъэхъунщ, къэдгъэнам дыхуэпIэщIэнщ, – жаIэри, къеуэри, къыхыхьэжащ. Къэлъэхъущ, къэущри Iуащхьэм къэсыжахэщ.

– Сыт ухуэдэ, дауэ нэху укъекIа, угъуэмыладжэкъэ? – жаIэри еупщIащ.

– Сэ ирыскъыкIэ сыныбаблэкъым, лIыгъэ щIэным нэхъ сыпылъщ, – жиIащ.

– НакIуэ, атIэ, нэшэс, гъуэгуанэ тщIэлъщ, – жаIащ. КъыIушэсыкIри къежьэжахэщ.

КIуэм-лъейм, кIуэм-лъейуэрэ зыбжанэрэ кIуахэ нэужь, я гъусэ Iуащхьэм тесам къигъэувыIэри яжриIащ:

– Насрэн ЖьакIэ, сэ къызэфта пIалъэм хуэдиз фэстынкъым, ауэ жэщитI-махуитI мыбдеж фыщымысыну амал иIэкъым, – жиIэри унафэ яхуищIащ. – Хьэм яшхыжын Шыпэхужь, накIуэ иджы, – жиIэри, еуэри, ежьащ.

Тенджыз тIыуащIэм дыхьэри, къарэкъуэлэн къыхишри жэщитIрэ зы махуэрэ дэкIауэ етIуанэ махуэм къэсыжащ.

– Сэ си щысыныгъэм пщIэ хуэвмыщIами, накIуэ, иджы дывгъэкIуэж, – жиIэри, къежьэжахэщ. – Насрэн ЖьакIэ, уэ улIыжьщ, дауэ IэнэщIу удэзгъэхьэжын. Мыр си шы пшэрыхьщи, зомусыгъуэджэу сIых, – жиIэри къарэкъуэлэныр иритащ. СосрыкъуапцIэм ар щызэхихым, хуабжьу гуапэ щыхъуащ: «Псалъэхъуэррикъыдидзришыпщэрыдзэнрикъыдитщ», – жиIэри.

– Насрэн ЖьакIэ, емыкIуу щымытым еупщIыт, щуIэгъэ иIэрэ имыIэрэ, абы и тэмэмыр къысхуэщIэт, – жиIащ Сосрыкъуэ.

Ар щыжиIэм:

– Гъуэгуанэр жыжьэщ, емыкIу къысхуомыщIым, хъыбаркIэ сыноупщIынут, – жиIащ Насрэн ЖьакIэ.

Абы къарихьэлIа шур Къанжокъуэм и къуэкIэ Щауейт.

– ЖыIэ, упщIэ емыкIу иIэкъым, жыхуаIэр арщ, – жиIащ. И мурадыр къыщищIэм, – УкъысщIэупщIэм, сыщхьэгъусэншэщ, – жиIащ.

– АтIэ, си шыпхъур зупэсрэ пшэнум, уэстынт, – жиIащ Сосрыкъуэ.

– Алыхь-алыхь, куэду дэгъуэщ. АтIэ, дызэблагъэщ, – жиIащ Къанжокъуэм.

– Ди гуапэщ, удиблэгъэну.

– АтIэ, абы щыгъуэм алъп етIуанэр уасэу узот.

– Дарэзыщ, къыдощтэ уи малъхъагъэр, си шыпхъур пшэну сфIэдахэщ.

Арати, Насрэн ЖьакIэр щыхьэтщ. Алъпыр и уасэти, къаритщ, Iэ зэрыубыдыр къыхалъхьэщ, «Гъуэгуанэ тщIэлъщи, дежьэжынщ», – жаIэри хъеящ.

ЗыбжанэкIэ кIуэри гъуэгу зэхэкIым нэсащ.

– ДызэщIэупщIэнщи дызэбгъэдэкIынщ, – жиIащ Насрэн ЖьакIэм. – Малъхъэ <…> утщIащ, уэ узыщыщыр къыджыIэ.

– Сэ сызыщыщыр Къанжокъуэщ, Нэрыбгейм сырикъуэщ, сырикъуэ закъуэщ, къызэрызэджэр Щауейщ.

– АтIэ, аращ, Къанжокъуэ, фызышэмкIэ мэрем махуэр зэхудипIалъэщ, – жиIэри Сосрыкъуэ унафэ ищIащ.

* * *

«СосэрыкъуапцIэр лIыпцIэ гъущIынэщ, ем хуагъэIущри фIым хуаущыер… сыкъагъэпцIами, сщIэркъыми сежьэнщ», – жиIэри <Щауей> мурад ищIащ. Абы хэту къыдошэсыкIри Сосэрыкъуэиджэжьэхьэ. Шыпэхужьым епсыхри шэщыбжэр зэIуихщ, Шыпэхужьыр ныщIишэщ, бжэ Iух макъыр зэхихри алъпыжьыр къеплъэкIщ, Шыпэхужьым къыхуилъщ, <Щауей> жэз къамышыр къыдихри алъпыжьым неуащ. «Уэ Шыпэхужьым урипшэрыхьщ, щхьэ укъыхуилърэ?» – жиIэри зыхуэзэкIэщIишащ. Къамышыр тIуащIэ къысхуищIри хъыджэбзым имыщIэу <унэм> ныщIыхьэщ.

– Алыхь-алыхь, ухьэщIэ лъапIэ дыдэщ, къеблагъэ, – жиIащ хъыджэбзым.

– Сыкъеблэгъащ. СосэрыкъуапцIэу лIыпцIэ гъущIынэу ем хуагъэIущу фIым хуаущийр дэнэ щыIэ? – жиIэри еупщIащ.

– УзыщIэупщIэр махуищ лъандэрэ щыIэкъым, – къыжриIащ хъыджэбзым.

– Сэри солъагъу ар зэрыщIэмысыр, атIэ унэм исыр дэнэ щыIэ? – жиIэри щIэупщIащ, и анэм щхьэкIэ.

– Гъунэгъур къеджэри щIишащ, сэ сыкIуэнщи къыпхуезджэжынщ, – жиIащ.

ЦIыхубзыр щтыIэщтаблэу гъуэлъыпIэ щIагъым щIоIэбэри вакъитI къыщIех. Арыххэти, хъыджэбзым и щIыбагъ къегъазэри ныщIокI. Къанжокъуэм и къуэр нэбгъузкIэ ноплъэкI, «ЦIыхубз щIэкIар хуэщIакъуэ нэпцIщ», – хужеIэ. Арати, пшыналъэжьыр къыпех, дэусэным ныщIедзэ:

– Нарт Сосэрыкъуэ,
Уи унэр нэщIщ,
Уи анэр здэщыIэр сэ сымыщIэ,
Махуэ пIалъэ къызэптри
ПцIы бупсауэ къыщIэкIщ,
Уи шыпхъу щIэкIар
Уи щIакъуэ нэпцIщ,

Сосэрыкъуэ сыкъигъэпцIащ, – жиIэу щысурэ хъыджэбзым и анэр къокIуэжри ныщIохьэ, зыщIыхьэжа унэм ахъырзэманыр щIэсщ.

– Си хъыбар умыщIэнкIэ хъунщ, си анэ, сэ сыкъыщIэкIуар уи пхъур арщ, – жеIэр. – Куэд дэмыкIыу зегъэхуапэ. Нобэ си махуэ пIалъэщ, си Iуэху гъэзэщIа хъуауэ сыдэкIыжыну арщ.

Арати, и анэр къысхуогъ, хъыджэбзым гъуэгуыу зехуапэ. Хъыджэбзым и Iэпэр иубыдри къыщIишщ, шэщыбжэм къишэри игъэувщ, Шыпэхужьым къэшэсщ, хъыджэбзыр къищтэри, къыдэкIри къежьэжащ.

Куэд дэмыкIыу Сосэрыкъуэр къэсыжащ. И анэр гъуэгуыу къыщIэжри:

– Уи шыпхъур уиIэжкъым, – жиIащ.

– Умыгъ, ди анэ, щуIэгъэр зем ихьыжащ.

– Ар сыт на, ар жыхуэпIэр? Мыр мэл жьагъэ хъуа?

– Хьэуэ, си анэ, ар сэ ауэ естакъым абы. Абы алъп щхьэ дыкъуакъуэр и уасэщ. Езыр хэтхэ ящыщ жыпIэм, си анэ, нарт лъэпкъкъым, сэ зэрысцIыхумкIэ, и лъэпкъыр Къанжокъуэщ, езым зэреджэр Щауейщ, Нэрыбгейм и къуэ закъуэщ. Си анэ, куэдрэ укIэлъымыгъ, лъэдакъэ махуэ Тхьэм къыпхущыригъанэ, дэ зэблагъитIым фIы тхуэхъун Тхьэм ищI уи пхъур! – жиIэри, псори абдеж щаухащ.

СКАЗАНИЕ О ШАУЕЕ, СОСРУКО И НАСЫРЕН-ЖАКЕ

Сосруко отправился на поиски нартского санопития. Ехал-скакал, сам он не знал той местности, и, когда спросил у мальчишек, те ему указали: «Вон там». Узнав, где устроили в нартском семействе санопитие во главе с нартом Пшидадой, он попросил отвести его туда и поехал. Въехал он <во двор>, и, когда его увидели, <сам> Пшидада двинулся ему навстречу и приветствовал:

«Сосруко, чьего появления гостем мы тщетно искали и вдруг обрели, будь гостем!».

Сосруко спешился и вошел <в дом>. Подали ему чашу с хмельным напитком, где сидела серая <ядовитая> змейка[1]. А Пшидада стоит и смотрит на него. Сосруко выпил хмельной напиток, а чашу нахлобучил на голову самого Пшидады.

Когда таким способом ничего не получилось [не смогли нарты одолеть Сосруко], затеяли игры. Один из компании вспрыгнул на стол и сплясал на нем. Только он спустился, Сосруко вспрыгнул и сплясал на краешке чашки для подливы – и подливы не пролил, и стол не опрокинул[2].

– Насчет серой змейки еще услышите! – сказал он, покинул их и уехал восвояси.

Пшидада так перепугался, что вышел вслед за ним, чтобы удостовериться в том, чем это может кончиться.

<Однажды> Сосруко и Насырен-Жаке ехали, извещенные о санопитии. Ехали они по правой кромке дороги. После некоторого времени в пути они догнали какого-то всадника. Бурка на нем была цвета <ржавого> железа, седло его скрипело, конь его был тощий. «Если этот, собакой рожденный, будет нашим спутником, стыда не оберешься ведь», – сказал Сосруко. Едучи, в дороге, Сосруко подумал: «Поищу-ка я ему какую-нибудь погибель». Он приметил один курган, и когда его достигли, он сказал: «Насырен-Жаке, погоди-ка, сейчас решим что-то на его счет».

А день был морозный, ветреный. Подозвали они всадника к себе и сказали ему:

– Мы тут поедем в одно место, куда нас нарты позвали. Там мы дней на восемь задержимся, а ты будешь сидеть на кургане, пока мы не вернемся, – так ему сказали.

– Доброго пути, буду сидеть, пока вы не вернетесь, – ответив так, он там и остался.

Когда проехали приличное расстояние, Сосруко сказал:

– Вот, это место и станет для него гибельным[3].

Прибыли они туда, куда ехали, там их встретили, как полагается.

– Вот это нам по душе! – порадовались им те, к кому они прибыли.

Закончилось санопитие. Принесли на прощание стременной кубок и вручили его Сосруко.

– Хоть вы и вручили его мне, старшинство принадлежит Насырен-Жаке, – сказал Сосруко и передал кубок Насырен-Жаке.

Сказал тот хох, выпили…

– Теперь мы поедем, Сосруко, – предложил Насырен-Жаке.

– Поторопимся навстречу тому, кого мы оставили, – решили они и с тем двинулись в путь.

Ехали они иноходью, ехали рысью, доехали до того кургана.

– Как ты, как ночевал, не проголодался ли? – спрашивали они.

– Насчет еды я не очень, больше увлекаюсь подвигами, – ответил тот.

– Ну что же, тогда тронулись, нам предстоит путь, – сказали они. Оседлали лошадей и поехали.

Ехали-скакали, ехали-скакали. И когда немало проехали, тот спутник, что оставался на кургане, остановил их и сказал:

– Насырен-Жаке, я вам не назначу такого долгого сроку, как вы мне, но обязательно нужно, чтобы вы просидели здесь два дня и две ночи, – так он распорядился. – Трогай теперь вперед, Беломордый могучий, чтоб тебя волки съели! – сказал он так и поехал.

Отправился он <за добычей> на морской остров, вывел оттуда <альпов> каракуланов, а на следующий день успел возвратиться.

– Хоть вы и не удостоили чести мое ожидание, теперь поехали домой, сказал он, и так они тронулись в обратный путь. – Насырен-Жаке, ты старейшина, как мы позволим тебе возвратиться домой с пустыми руками! Эта добыча досталась при посредстве моего коня, не побрезгуй этим и возьми мой подарок, – сказал он и отдал ему каракулана.

Услышав это, Сосруко Смуглый очень обрадовался и одобрительно сказал про себя: «И слово упрека нам бросил, и конем добытым одарил».

– Насырен-Жаке, если это прилично, спроси-ка его, разузнай, есть ли у него супруга, – попросил он.

Когда тот сказал это, Насырен-Жаке спросил <у спутника>:

– Путь наш долгий, если не посчитаешь неприличным, хотел бы я спросить тебя о кое-каких хабарах.

Тот всадник, встреченный в пути, был Шауей, сын Канжоко.

– Говори, как говорится, в вопрошании нет неприличия, – ответил он. А когда узнал о намерении того, добавил: – Если про это спрашиваешь, то я не имею супруги.

– В таком случае, если посчитаешь ее достойной себя, я бы выдал за тебя свою сестру, – предложил Сосруко.

– Аллах-аллах, очень хорошо. Тогда мы породнимся! – воскликнул Канжоко.

– Мы рады иметь тебя родственником.

– В таком случае в качестве платы я отдаю второго альпа.

– Мы согласны, берем тебя в зятья, выдать за тебя мою сестру считаю прекрасным.

Итак, Насырен-Жаке <оказался> в свидетелях. Платой стал альп, и Шауей отдал его. Затем ударили по рукам и, сказав, «Дорога предстоит дальняя», двинулись в обратный путь.

Добрый путь проехали и достигли развилки дорог.

– <Теперь> расспросим друг друга и разъедемся, – сказал Насырен-Жаке. – Мы тебя взяли в приемные зятья, теперь скажи нам, откуда и чей ты будешь?

– Я из рода Канжоко, сын <свирепой> Нарыбгей, единственный ее сын, зовут меня Шауеем.

– Ну что ж, Канжоко, насчет дня увоза невесты наш с вами день – пятница, – так решил Сосруко.

* * *

– Сосруко Смуглый, муж черный, железноокий, он злу научен и добру наставлен, может быть, они меня и обманули, а поэтому отправлюсь-ка <туда>, – решил Шауей.

С этим он садится на коня и едет к Сосруко. Слез он со своего Беломордого могучего, открыл дверь конюшни, завел его туда. Услышав звук открываемой двери, альп могучий оглянулся и грозно двинулся на Беломордого. Шауей достал бронзовую плеть и ударил ею альпа могучего: «Ты добыча Беломордого могучего, что же ты ему грозишься!», – прикрикнул он. <Потом> он сложил плетку вдвое и тайком, незаметно для девушки, вошел в дом.

– Аллах-аллах, ты по-настоящему дорогой гость, добро пожаловать, – приветствовала его девушка.

– Я уж вошел. А где же Сосруко Смуглый, муж черный железноокий, злу наученный и добру наставленный? – сказав, так спросил вошедший.

– Того, о ком ты спрашиваешь, три дня как нет дома, – ответила она.

– Я и так вижу, что его нет дома, ну а где та, что дома сидит? – спросил он, намекая на мать.

– Соседи позвали к себе, сейчас схожу за ней, – сказала <девушка>.

Женщина робко шарит под кроватью и достает пару обуви. Затем она поворачивается к гостю спиной и выходит. Канжоков сын краем глаза следит за ней: «Женщина, что вышла, чуть прихрамывает»,[4] – говорит ей вслед. С этим он снимает <игральный> инструмент и начинает сочинять:

Нарт Сосруко,
Дом твой пуст,
Где мать твоя, мне неизвестно,
Ты мне срок назначил,
И, оказалось, соврал,
Сестра твоя, что вышла,
Чуть прихрамывает,
А сам Сосруко привирает, –

вот так, напевая, он сидел, а тем временем мать девушки возвращается и входит, а в доме, куда она вернулась, интересный человек сидит.

– Мать, ты можешь обо мне и не знать, я приехал за твоей дочерью, говорит он. – Пусть она, долго не задерживаясь, наряжается. Сегодня – день, назначенный мне, и я должен уехать с исполненным долгом.

Тут мать плачет, девушка, плача, наряжается. Взял он девушку за руку, вывел из дому, подвел к двери конюшни и там поставил, затем на своего Беломордого могучего сел, поднял девушку, выехал – и был таков.

Немного времени спустя возвратился Сосруко. Мать в слезах выбежала навстречу:

– У тебя больше нет сестры, – сказала она.

– Не плачь, мать, женщина досталась тому, кому она принадлежит.

– Что это ты говоришь, что, она дарственная овечка, что ли?

– Нет, мать моя, я ее неспроста за него выдал, ей цена тот альп с раздвоенной головой. А спросишь, мать моя, чей он сам, он не из нартского племени; как я понял, он из рода Канжоко,

зовут его Шауеем, это единственный сын <свирепой> Нарыбгей. Мать моя, не плачь много по ней, пусть богу будет угодно, чтобы она оставила тебе здесь счастливую пяту [добрый след], пусть твоя дочь станет залогом доброго породнения двух наших сторон, – сказал он так, и на том все закончилось.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 5. Исп. Хажбара Казиев: 1881 г.р., с. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 20.03.1949 г. Х. Шогенов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов, из которых первый относится к циклу нарта Сосруко, второй – к циклу Шауея. Достойно внимания, что в целом смешение двух сюжетов носит органический характер, чему способствует сквозной образ нарта Сосруко и связь с таким характерным явлением, как нартская хаса с санопитием.

1. Конкретная форма реализации мотива испытания героя; часто встречается в вариантах сказания о первом появлении героя (Сосруко, Бадиноко / Шабатыныко на хасе нартов).
2. Мотив более типичен для вариантов пшинатля о первом появлении нарта Бадиноко на хасе нартов.
3. Мотив оставления героя на морозе (иногда «забывания» о нем) характерен в адыгском фольклоре для циклов преданий историко-героического плана. Здесь он используется как прием испытания.
4. В некоторых вариантах рассказывается, что девушка от волнения забыла один подследник, что наблюдательный герой не преминул подметить и отразить в своих куплетах.

10. НАРТ ШЪЭУАЕ ИКІЭЛЭГЪУМ КЪЕХЪУЛІЭГЪЭ КЪЭБАР

Нартхэм зы кІэлэ чан горэ Шъэуай ыцІэу яІагъ. Мо кІалэр тэ кІощтми, сыд ышІэщтми изакъоу зэшІуихэу, изакъоу шакІо кІоу, ыкІуачІэкІэ зыщыгугъыжьэу хъугъэ, ищытхъуи дэхэкІаеу Нартые щыІугъ. Ар зышІоигъуи зышІоигъуаджи нартхэм къахэкІыгъ. Арыти:

– Нарт Шъэуае илІыгъэ зэдгъэшІэн фае, – аІуагъ.

Нарт Ерыщэкъо-хафэ къахэкІи:

– Мы Іофым сэ сыфэжъугъаз, – ыІуагъ.

– Сыдэущтэу илІыгъэ зэбгъэшІэщта? – аІуи еупчІыгъэх.

– ЫІуж сихьанышъ зыдакІорэм сыдэкІощт, ышІэхэрэр зэзгъэлъэгъущтых, – ыІуагъ Ерыщэкъо-хафэ.

– Хьау, арэущтэу уизакъоу ыуж уихьэ хъущтэп, – аІуагъ нартмэ. – Укъилъэгъумэ, ыуж зэрэзепфэрэм пае, пыигъэ къыуиплъы-

нышъ, лажьэ къыуихыщт. Зэрэкупэу тылъыплъэщт. Нафэу ыуж титыщт нахь, шъэфэу ыуж тихьащтэп. Зы нэплъэгъукIэ пэчыжьэу тылъыкIощт.

Ерыщэкъо-хафэ ащ зи къыхиIухьагъэп, ау игопэ шIэгъуагъэп.

– Ау, Ерыщэкъо-хаф, – ыIуагъ куп тхьэматэм, – о ыдэжь уехьэ-уекIышъ. Шъэуае зIугъакIи тиунашъо лъыгъэIэсыжь. ШIу зышIэрэм шIу фагъэшъуашэ. Ау зыщыткIэ изытет тшIэмэ, етпэсыщтри тшIэн.

Нартхэм яIо-заIоу щытыгъэти Ерыщэкъо-хафэ ащи зи къыхиIухьагъэп. Ежьи нарт Шъэуае дэжь кIуи унашъоу щыIэр риIуагъ.

– Тижъымэ аIуагъэм сэ зи къесIолIэжьырэп. Ахэмэ игъокIэ зэдаштагъэр сэрыкIи игъу, – ыIуагъ нарт Шъэуае. – Пчэдыжьы, бгъэшхъо огъум дэжь, тиIэгу сыдэкIы. Лабэ Iут къамылым сыготэу мокIэ сыкIощт, – ыIуи IапэкIэ къыригъэлъэгъугъ.

ЗэриIуагъэм тетэу нарт Шъэуае иIэгу къыдэкIи, мытхъытхъыхэу къамыл рекIокIым гуиубыти ежьагъ. Мыдырэ нарт шыу купыри лъыдэкIыгъ, плъэмэ алъэгъоу кIэкIэу ыуж аубытыгъ. Арэущтэу бэрэ-бэрэ кIуагъэх. Игъэпсэфыгъо къемэкIэкIэу икIо къебэкIэу, ащ тетэу нарт Шъэуае макIо, мыдырэ шыу купыри лъэкIо. Аузэ купым зишы пшъыгъэхэр къахэкIыгъ.

Тхьэмэфэ зы-тIу кIуагъэхэу, къамыл Iушъо горэм нарт Шъэуае нэсыгъ. Ащ дэжь къамылым пхырыкIыкIыгъэу, шы лъэужышхо гори иIэу ылъэгъугъэти, ишы епсыхи, шы лъэужыр къамыщыкIымкIэ зешым, ащ къамыщыкIыр иуцуагъ.

Ахэмэ апылъыфэ нэс, нарт шыу купыри къынэсыгъ.

– Хэта джы мы къамылым хахьэу мы ужыр зи ужышыр къызэригъэлъэгъоу къыхэкIыжьыщтыр? – ыIуи джащтэу яупчIыгъ.

Купыр зэплъи-къызэплъыжьыгъэ нахь, зыми зи къыIуагъэп. ЕтIани къафигъази къяупчIыгъ:

– Джащ изакъоу хахьау а шы иныр къызэригъэлъэгъоу къыхэкIыжьырэр лIым ыкIоцI лIы ит, – ыIуагъ.

– Ащыгъум сэ сыхэхьащт, ау джы мы чIыпIэм шъуимыкIэу къэсэгъэзэжьыфэ шъукъысэжэщт. Непэ мэфэ щэкI хъугъэ зыщыщъуIоным къэзгъэзэжьыщт. Мэфэ щэкIым зехъукIэ, шъукъызэрэкIуагъэр шъушIэжьыщтмэ, жъугъази шъукIожь. Ащ нэс мы къамылым пщыпIэхэр хэшъушIыхьи шъухэс, ащ шъо шъушхын икъун хэжъугъотэщт. ХъяркIэ! – ыIуи Шъэуае иш ешэси, еуи къамылым хэхьагъ.

Еомэ зыригъэхьэу, шы ужым итэу кIозэ, чэщищэ мэфищэ кIуагъэу зэплъэм, къамылым ыгузэгу упкIагъэу, ащ зы унэ къэлэчэукIэ къэшIыхьагъэу ылъэгъугъ. «Тхьам симыукIи, мы унэр къамыл гузэгум зыкIитыр сыда? Хэта ащ исри?!» – ыIуи нарт Шъэуае инэу ыгъэшIэгъуагъ. Еуи къэлэчэум нэси щагум дахьи шыр шышIоум рипхыгъ. ХьакIэщым ежьыри ихьагъ, тIэкIурэ щысыгъэу нэрэ Iапэрэ пIэпихэу нахь дахэ дунаим къытемыхъуагъэу пшъашъэ горэ къихьагъ, къихьи:

– Фэсапщ! – ыIуи Шъэуае ыIапэ къыубыти, зэкIакIуи уцужьыгъэ.

– Сыда адэ мыр? О уиунэ къамыл гузэгум хэтэу, о уизакъоу уисэу сыд ар зытехъухьарэр? – ыIуи еупчIыгъ.

– Боу къыосIон, – ыIуи пшъашъэм къыригъэжьагъ: – Сэ илъэсипшl нахь сыныбжьыгъэп мы унэу сызэрысыр сятэ сфишIи, сыкъищи сызыригъэтIысхьагьэр. Ар аущтэу зыкIишIыгъэр сятэ иш уж ымыгъэщынэу къыхахьарэм, хэти щэрэщ, сыритыщт. Ары сипIэлъагъэр. Арышъ, о укъыхэхьагъ джы сятэ ишы уж уимыгъэщынэу. Джы къыуасIорэм тетэу узекIощт, – ыIуагъ пшъашъэм, – къамыл гъунэм къыщебгъажьи садыжь укъэсыфэ къэпкIугъэм фэдиз джыри укIощт. Унэшхо горэм уIукIэщт. Уинасыпмэ, сятэ имысэу уIукIэн, сянэ а унэм исышъ, занкIэу сянэ дэжь уихьащт. ЕтIанэ узэрэзекIощтыр зэкIэ сянэ къыуиIощт. Джащ къызэриIоу зекIо. Джы сыкIон пIомэ гъогумаф! – ыIуи гъогу гъомыли къыритыгъ.

Нарт Шъэуае къэшэси къежьагъ, къеомэ-къакIозэ чэщищэмэфищэ къэкIуагъэу ящэнэрэ мафэм унэшхо горэ къамыл гъунэм Iутэу къынэсыгъ. ЗанкIэу щагум дахьи, иш шышIоум рипхи мо пшъашъэм янэ зэрысым занкIэу ихьагъ. Ныор къыфэтэджи ыгъэтIысыгъ, тIэкIуи ыгъэшхагъ. ЕтIанэ ныом къыригъэжьагъ:

– А укъэзгъэкIуагъэр сэ спхъу. Джа зыр ары бынэуи тхэкIыгъэр. Мо пшъашъэм ышъхьа къэIэтыгъуи римыгъафэу лIыжъым ыщи ридзагъэу ис а унэм. Ышхыни щыгъыни щигъакIэрэп, ау джащтэу изакъоу ис. Ащ фэшI сэ сыгу лъыр пэзы, кIо джы ежьми ыIотэжьын, тэри зыдгъэпсэфыжьын. Арышъ, джы узэрэзекIощтым къедэIу. Мары лIыжъым икъэкIожьыгъу, ащи узилъэгъукIэ укъишIэщт, унэм къызихьажькIэ шъузэдэщхэщт. Ар ежьым ишэн. ЕтIанэ шъузышхэрэ ужым къыуиIощт: «НекIо, тихьакIэ, тIэкIу зыкъэтплъыхьащт», – ыIонышъ урищэжьэщт. ЕтIанэ былымэу иIэр къуигъэлъэгъущт. «Ахад», – ыIонышъ къыуиIощт, ау уахэмыд. Зыпари къыIымых. «Сыда адэ ар зытепшIыхьарэр? Мощ нэсэ укъикIыгъэу былым умыфэу укIожьыщта?»–ыIонышъ уригъэзыщт. Ау о ащтэу еIу: «Уишы нэмыкI зыми сыфаеп». Джары епIощтыр. ЕтIанэ зэкIэри къыуигъэплъыхьахэу тIэкIу зызыжъугъэпсэфыкIэ: «Джы некIо, тыкIожьыщт», – ыIонышъ къыиIощт. Ар къыуиIоу шъукъызежьэжькIэ, ыуж зыкъигъани уиш къамыщ щэ огъу къехи къыбгъодэлъади ащтэу еупчI укъачъэ тетэ: «Шыубадзэ ыкъо Темэншыу, упэ пакъэ зышIыгъэр сыда?» – Iуи. Уинасыпмэ, уиубытынэп! УзиубыткIэ, псаоу уIэкIэкIыжьыщтэп. Джащтэу къепIоу къызкIэптхъукIэ: «Къэуцу зэ спэ пакъэ зышIыгъэр осIощт», – ыIоу къызыпкIэлъыджэкIэ, о къэуцу, ау пари зимыIокIэ занкIэу садыжь къэкIожь.

Мо ныом гущыIэр къыухыгъэ къодыеу унэу зэрысхэр къэгырзыгъ.

– Мыр сыда? – ыIуи нарт Шъэуае ныом еупчIыгъ.

– Темэншыу къэсыжьыгъ, – ыIуагъ.

Ар къыIогъэ къодыеу тхьам ынае щыфагъэу нахь ин шы къэмыхъугъэу джарэу тесыри шъэджашъэу нарт лIыжъыр къыдэхьажьыгъ. Иш шышIоум зырепхым, щыдыр махъушэм гобгъэуцомэ сыд фэдэна, хьакIэм иш джащ фэдагъ! ЕтIанэ лIыжъыр унэм къихьажьи хьакIэм шIуфэс къырихыгъ, мыдрэми фэтэджи, иджэуап рихыжьыгъ. ТIэкIурэ гущыIэхэу щысыгъэхэу, ныом Iанэ къыхьыгъ. Мэлыр зэрэпсаоу гъэжъуагъэу, пIастэу ащ дэхъужьыщтыри игъусэу Iанэм телъ. Бахъсымэ кIэдэ цIыкIуи къыхьи къыгъэуцуи, ныор адрэ унэм чIэхьажьыгъ.

– Джы тIэкIу тыгъашх, – Темэншыу ыIуи, шхэныр рагъэжьагъ. Шъэуае фэшхыщтыр ышхи пэкIыжьыгъ, адрэм къупшъхьэ-лъашъхьэмэ ягъузэ къыгъэнэ шIагъо щымыIэу мэлыр ышхыгъ. Ащ бахъсымэ бжъэ зы-тIу тырикIэжьи къэтIысыжьыгъ.

ТIэкIурэ щысыгъэхэу етIанэ лIыжъым къыIуагъ: «НекIо, тихьакIэ, тIэкIу зыкъэтплъыхьан», – ыIуи. Арти нэбгыритIур шэсыхи къыдэкIыгъэх. Шъофым ихьагъэхэу кIохэзэ мэл Iахъогъушхом IукIагъэх. Арти, мо лIыжъ шъэджашъэр онэгум зандэу къиуцуишъ ыIэджадэхэр ыукъудый (къэзыIуатэрэм къегъэлъагъо) мощтэу ышIи:

– Джы мы мэлэу плъэгъурэр зэкIэри сэры зыер. Арышъ, узыфаем фэдиз пыфи фы, – къыриIуагъ.

Мыдырэм зи ыIуагъэп.

ЕтIани джащ фэдиз хъоу чэмхэр къыригъэлъэгъугъ. Ахэми аблэкIыхи шымэ адэжь нэсыгъэх. Нэм къылъэгъурэр – шы. Джарэу шыбэрэ былымыбэрэ иIагъ. ЕтIанэ мо лIитIумэ тIэкIу зызагъэпсэфым:

– НекIо, тихьакIэ, джы тыгъэкIожь, – ыIуи къежьэжьыгъэх.

КъакIохэзэ мо нарт лIыжъым гу лъыримыгъатэу, ежь Шъэуае ыуж зыкъыригъани иш къамыщ щэ огъу рихи, лIыжъым бгъодэлъади ащтэу еупчIыгъ:

– Шыубадзэ ыкъо Темэншыу, сыда упэ пакъэ зышIыгъэр? – ыIуи.

– АI анасын, сыкъэуукIи! – ыIуагъ. Ардэдэм исэшхо къызгуихи нарт Шъэуае къызлъедзым, лIым темыфэу, шым тефи, ыкIэпц къыгуиупкIыгъ.

ЕтIанэ лIыжъыр кIэлъыджагъ:

– Къэуцу спэ пакъэ зышIыгъэр осIощт, – ыIуи.

Арти, нарт Шъэуае къэуцуи лIыжъыр зыкIигъэхьажьыгъ. Шым ыко лъыр къечъэхэу лIыжъым зелъэгъум, уц дэгъу ыIыгъти щифи, шыр ыгъэхъужьыгъ.

Зэготхэу шыуитIур къэкIожьхэзэ, лIыжъым хъэбарыр къыригъэжьагъ:

– СыкIалэу апэ къэсщагъэм зы чэщы нахь сыдимысыгъэу иныжъ зэшищыр къакIуи сишъуз ахьыгъ. А иныжъ зэшищыри моу мычыжьэу щысых. Арти, шъузэу ахьыгъэр къатесхыжьынэу цIыфэу бэ есщэлIагъэр. ЗэкIэри къаукIи сэ зи къысамыIоу сыкъагъэкIожьыгъ. Сэ сизакъоу нэбгырэ зырызэу згъотхэмэ сапырикъущт, ау ар ежьхэми ашIэшъ зырызэу зысагъэгъотырэп. Аузэ цIыфэу язгъэкIодылIагъэр бэ. Ары хъу къэсми, нэпс гуаор къыкIэкIзэ джары спэ пызыхыгъэр. Джы ныоу унэм исыр ятIонэрэ шъуз, адрэ сищыпэ шъуз джыри иныжъмэ аIыгъ. Арышъ, нычэпэ зыдгъэпсэфын, пчэдыжь иныжъымэ адэжь тыкIощт.

Унэм икъэсыжьыгъом къэбарыри къыухыгъ. Чэщым дэгъоу загъэпсэфи, пчэдыжьым ежьэхи иныжъымэ адэжь кIуагъэх. Джау нэмыспагъэхэу куандэ горэм дэжь къыщыуцухи, лIыжъым нарт Шъэуае ащтэу къыриIуагъ:

– Сэ моу сыщытыщт, о кIо. КIуи иныжъмэ адэжь: «ШъулIымэ шъукъыдэкI!» – яIуи, етIанэ о къэкIожь. Ау, сыд фэдизкIи укъыздемыI, ахэр зырызэу къызыкIохэкIэ, сэ сапырикъущт.

Ар къызыреІом нарт Шъэуае ежьи иныжъмэ адэжь кІуагъэ. Къэблачъэм зыІуахьэм, иныжъ зэшищымэ чэм горэ аукІыгъэу зэІахы пэтэу ылъэгъугъ. ЕтІанэ нарт Шъэуае иныжъмэ яджагъ:

– Тыгъужъ нэкІыгъэу чэмым шъутебэнагъэу ышъо тешъотхъы. Непэ шъуихьадэгъу къызэрэсыгъэр шъумышІэрэм фэд! Арэу шъулІы дэгъумэ моу шъукъыдэкІ!

Ар ыІуи ежь лІыжъым дэжь къэкІожьыгъ. КъэкІожьи куандэм зыхигъэбылъыхьагъ. Адрэ иныжъмэ анахьыжъым ащтэу ыІуагъ: «А лІыжъ делэм джыри зыгорэ къыгъэдели къыгъэкІуагъ. Модэ кІуи ышъхьа къахь», – ыІуи анахьыкІэм риІуагъ. АнахьыкІэр къэшэси къыдэкІыгъ. КъакІозэ Темэншыу зыхэт куандэм къызэсым, мыдрэр арти зыфаер, къыхэкІи нэбгыритІумэ зызэраусэии зэзаохэзэ иныжъыр ыукІыгъ. Ет1анэ лІыжъым иныжъыр куандэм хилъашъуи къэкІощтым ежэу Іыстыгъэ. Аузэ адрэ кІэлъыкІорэр нахьыкІэм къылъежьагъ: «Тхьам симыукІи, сыдэу мыр бэрэ къэтра?» – ыІуи. Ари а куандэм къызэсым, лІыжъыр къыхэкІи, еуи ыпсэ хигъэзыгъ, ишы тырипхыхьажьи ыутІупщыжьыгъ, адрэ анахьыжъыр къызэрэкІонэу. Иныжъмэ анахьыжъыр къаплъи ышнахьыкІэ гурытыр шым телъэу къызелъэгъум, ишыпэбзыджынитІу машІоу къарихырэмэ уцхэр алыгъозэ къежьагъ. ЕтІанэ лІыжъым ащтэу къыІуагъ:

– Джы къакІорэр ары узшІомыкІыщтыр. Мы иныжъитІоу сыукІыгъэмэ кІуачІэу ахэлъыр джы мы къакІорэм изакъоу хэлъ. Арышъ, о укъэмыхъый, сэ сизакъоу сезэощт.

Дунаир ыгъахъэзэ къызэсым мо лІыжъыр къышІэжьи:

– АІ, сыхэукъуи, уинасып къыстекІуагъ! Зырызэу тыуубытыгъ джы, – ыІуагъ.

Зэзэоныр рагъажьи, сэшхокІэ зэзаохэзэ лІыжъыри хьазырэу къыгъэпшъыгъ. Иныжъыми пкІантІэр зэрикІыхэу, кІэраоу хъугъэ. Нарт Шъэуае зэкІэри елъэгъу. Аузэ етІанэ иныжъым Темэншыу къыриути, исэшхо зышъхьащехьэм, Шъэуае а дэдэм куандэм къыхэлъэти иныжъым къеуи къызэхигъэфагъ.

ЛІыжъыр къэтэджыжьыгъ. «Джы слъы сшІэжьыгъэ», – ыІуи. Иныжъмэ ящагу кІохи кур къызэкІашІи, ишъузэу иныжъмэ агъэпщэрыхьау аІыгъыгъэр кум къырагъэтІысхьи, къеохи лІыжъым дэжь къэкІожьыгъэх.

КъызэкІожьхэм, адрэ ныори гушІуагъэ:

– Дэгъоу Дэнэф-гуащэ янэ къэшъущэжьыгъ, тызэфэкІэщыгъоу тызэдэпщэрыхьазэ тшІын! – ыІуагъ.

Еуи Шыубадзэ ыкъо Темэншыу тхьамэфэ ешхэ-ешъо ышІыгъ. ЕтІанэ лІыжъым ащтэу нарт Шъэуае къыриІуагъ:

– Ы-хьы, джы спхъу Дэнэф-гуащэ осэты, усимахъулъ, ускъу. СыкъэкІожьын пІомэ уфит, сэ жъы сыхъугъ, сиши осэтыжьы.

Ежьым къыфэфыщт былымыр къырити, ахэри къырифыжьи пшъашъэм дэжь къекІуалІи, ари ишыплІэ къыдигъэтІысхьи къежьэжьыгъэх.

– Непэ мазэ хъугъэ! – аІозэ, нарт Шъэуае къамылым къыхэкІыжьи мыдрэ нарт плъэкІо купмэ адэжь къэсыжьыгъ. Еуи купри къыздырищэжьэжьи къежьэжьыгъэх. Къеомэ къакІохэзэ яхэгъуашъхьэ къызэсыжьхэм мэз чапэм былымхэр рифылІагъэх.

КъэбаргъэIу горэ чылэм ыгъэкIуагъ: шы фаер, чэм фаер къыдэрэкI, – ыIуи. Чылэм дэсыр цIыкIуи, ини, хъулъфыгъи, бзылъфыгъи къыдэзэрэхыгъ. ЩIыфэу къыдэкIыгъэ пэпчъ шы зырыз, чэм тIурытIу, мэлэу тфырытф аритыгъ. Мыдрэ купэу игъусагъэми дэгъоу былымкIи мылъгукIи дэгъоу яти, шъхьадж иунэ екIужьыгъ. ЛIыжъым ыпхъу дахэу Дэнэф-гуащэр нарт Шъэуае игъусэу унагъо ышIэнэу ригъэжьагъ.

Ар нарт Шъэуае икIэлэгъум къехъулIэгъагъэу къаIотэжьы.

Ащ фэдэу лIыгъэу хэлъыр нартхэм загъэунэфым къынэужы, хасэр зэхэтIысхьан хъумэ, зы лIы фэдэу Къанджэкъо Шъэуае къеджэхэу, куп хахьэмэ лIыхъужъыбжъэр къырапэсэу хъугъэ.

КАБАР О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С НАРТОМ ШАУАЕМ В МОЛОДОСТИ

Был среди нартов один смелый юноша по имени Щауай. Куда бы он ни ходил, что бы он ни делал, он научился делать один: ходил на охоту один, рассчитывал только на свои силы, – и слава (молва) о нем разошлась по всей Нартии. Были среди нартов такие, кого это радовало, были и такие, кому это не нравилось. Тогда сказали нарты:

– Мы должны испытать нарта Щауая на храбрость!

Вышел тогда суровый нарт Ерыщыко и предложил:

– Предоставьте это дело мне!

– Каким образом ты испытаешь его на храбрость? – спросили его <нарты>.

– Буду ходить за ним по пятам всюду, куда бы он ни пошел, буду высматривать все, что он будет делать, – ответил суровый нарт Ерыщыко.

– Нет, один ты не сумеешь ходить за ним, – сказали нарты. – Увидит, догадается, что ты ходишь за ним по пятам, сочтет тебя врагом, несдобровать тебе потом. Будем ходить за ним вместе. Ходить мы будем за ним открыто, втайне от него не будем <этого делать>. Смотреть будем, не упуская его из поля зрения.

Суровый Ерыщыко ничего не сказал, но ему стало неприятно.

– Но, суровый Ерыщыко, – сказал тхамата <нартов>, – ты больше общаешься с ним. Встреться с Щауаем и передай ему наше решение. Тому, кто делает добро, добром отвечают. А раз так, если мы его будем знать лучше, будем знать и то, как с ним вести (держать) себя.

Пока нарты говорили, суровый Ерыщыко и тут не проронил ни одного слова. Сам же он отправился к нарту Щауаю и передал ему принятое <нартами> решение.

– Я не смею что-либо добавить к тому, что сказали старшие. То, что они сочли нужным, нужно и мне, – сказал нарт Щауай. – К утру, когда только орел соберется взлететь, я выйду с нашего двора. Поеду вдоль камышовых зарослей, <что растут> у Лабы, – и показал их руками.

Как и было сказано нартом Щауаем, он вышел со своего двора, неспешно направился к камышовым зарослям и взял <свой>

путь. Эти нарты тоже пошли вслед за ним, держа за ним поле видимости. Так они долго-долго шли. Мало отдыхая, скача много, нарт Щауай едет своей дорогой, и эти нарты не отстают от него. Но вскоре у некоторых нартов лошади стали отставать.

Спустя одну-две недели, нарт Щауай достиг какого-то предела камышовых зарослей. И тут он увидел огромный конский след, что исчезал в камышах. Он <быстро> спешился, измерил конский след своим кнутовищем, и он оказался ему впору.

Пока он присматривал все это, нартский отряд вскоре настиг его.

– Кто теперь войдет в эти камышовые заросли и разузнает о коне, кому принадлежит этот след и вернется назад? – спросил их <Щауай>.

В отряде все посмотрели друг на друга, но никто ничего не сказал. Тогда <Щауай> снова обратился к ним и сказал:

– Тот, кто войдет туда, увидит того коня и вернется, тот настоящий мужчина.

– В таком случае, я войду туда. Но вы, пока я не вернусь, должны будете ожидать меня на этом месте. Ровно на тридцатый день <моего отсутствия> я вернусь. Если по прошествии тридцать дней <я не вернусь>, возвращайтесь обратно, если только вспомните дорогу назад. Но до тех пор сделайте в этих камышах место стоянки и ожидайте меня, там вы найдете достаточно еды. До встречи! – с тем сел Щауай <на своего коня> и скрылся в зарослях.

Долго ли ходил, но идя по конскому следу три ночи и три дня, он присмотрелся и увидел скошенную <поляну> в камышах, и дом, огражденный каменным забором. «Да накажет меня Бог, почему этот дом стоит посреди камышовых зарослей? И кто в нем живет?» – сказал Щауай и очень удивился. Дойдя до каменного забора, он вошел во двор и привязал своего коня к коновязи. Сам вошел в хачещ, куда, прождав совсем немного, вошла какая-та девушка неописуемой красоты.

– Фэсапщ! – приветствовала она его за руки, и, сделав шаг назад, стала <перед ним>.

– Что это значит? Как это получилось так, что твой дом стоит одиноко посреди камышовых зарослей, а ты живешь в нем одна? – спросил <Щауай> ее.

– Охотно расскажу, – ответила девушка, и начала <свой рассказ>. – Мне было всего десять лет, когда дом, в котором я <сейчас> живу, построил для меня мой отец. Сделано это было потому, что он решил отдать меня тому, кто, не побоявшись следа коня моего отца, придет сюда, независимо от того, кем он будет. Теперь ты дальше будешь поступать так, как я скажу, – сказала девушка, – начиная с <этого> конца камышовых зарослей, ты проедешь дальше столько же, сколь и прошел, едучи сюда. <На пути> тебе встретится большой дом. Если повезет, не застанешь моего отца дома, но там находится моя мать, к ней ты прямо и войдешь. Как тебе дальше поступать, скажет мать. Сделай так, как она тебе скажет. А теперь, если думаешь пойти дальше, счастливого пути тебе! – приготовив гомылу, с тем и проводила она его.

Нарт Щауай сел на коня и поехал дальше. Долго ли шел, пройдя дорогу в три ночи и три дня, на третий день он увидел одинокий большой дом, что стоял у камышовых зарослей. <Щауай> сразу зашел во двор, привязал своего коня к коновязи и вошел в ту половину дома, где сидела мать девушки. Старая женщина встретила его, пригласила сесть, и немного накормила. Потом женщина сказала:

– Та, что послала тебя ко мне, моя дочь. Она единственный наш ребенок. Не успела она посмотреть толком на этот мир, как старик заточил ее в том доме. И еды и одежды у нее вдоволь, но она живет так одна. Болит за нее мое сердце, но теперь она обязательно заживет хорошо, и мы успокоимся. А теперь послушай как тебе нужно дальше поступить. Настает час, когда должен вернуться старик, увидев тебя, он поймет, кто ты такой. Зайдя в дом, вы сядете вместе за стол. После того как покушаете, он скажет: «Пошли, гость наш, осмотримся немного», и выведет тебя. Потом покажет тебе всю скотину. «Выбирай!» – скажет он тебе, но ты ничего не выбирай. Ничего не бери у него. «Тогда, что ты намерен делать? Придя в такую даль, ты уйдешь назад, не угнав никакой скотины?» – скажет он, и начнет настаивать. Но ты скажи ему: «Кроме твоего коня мне ничего не надо!» Только это и скажешь. После того как вы осмотритесь и <присядете> отдохнуть, он скажет: «Теперь пошли, вернемся в дом».

Собираясь в обратную дорогу, ты отстань от него немного, ударь кнутом своего коня трижды, подскачи к нему и спроси его на скаку: «Теманшу сын Шубадза, кто это тебя тупоносым сделал?» Если повезет, он не схватит тебя. Если схватит, живым не уйдешь от него. Как только ты ускользнешь от него, он прокричит тебе вслед: «Стой, я скажу тебе, кто сделал меня тупоносым!» Ты остановись, но если он ничего не скажет, возвращайся сразу ко мне.

Не успела она закончить свои слова, как дом, в котором они находились, стал трястись.

– Что это? – спросил старуху нарт Щауай.

– Теманшу вернулся! – ответила она.

Как только она произнесла эти слова, если только не разгневался на него Бог, на огромном коне, какого свет не видывал, возвратился такой же могучий нарт-старик. Привязал он своего коня к коновязи. Как будет выглядеть ишак, если его поставишь рядом с верблюдом, так и выглядел конь гостя! Старик вошел в дом и поприветствовал гостя, тот тоже встал и ответил на приветствие. Они посидели немного, разговаривая, когда вошла старуха и внесла ана. На нем лежала сваренная целиком баранина и паста, достойная ее. Внесла она бочонок бахсымы и поставила рядом, а сама старуха ушла в другую комнату.

– Теперь давай немного поедим, – сказал Теманшу и начал есть. Щауай съел столько, сколько смог, а другой, обглодав рожки с ножками, съел всю баранину. К нему он добавил два-три рога бахсымы и снова сел.

Посидев немного, старик предложил: «Пошли, гость ты наш, осмотримся немного!» С тем они оседлали коней и выехали. Прохаживаясь по полю, они встретили огромные отары овец. И тут

могучий старец, привстав с седла, раскинул руки (сказитель показывает руками) и сказал:

– Все эти отары, что ты видишь, принадлежат мне. Бери, сколько хочешь, и погоняй!

<Щауай> ничего не ответил.

Затем он показал <Щауаю> большие стада коров. Прошли и мимо них. Достигли табунов лошадей. Куда ни посмотришь – всюду лошади. Вот такими богатствами он обладал. Отдохнув немного, старик сказал <Щауаю>:

– Пошли, гость, вернемся в дом.

Незаметно для нарта-старика Щауай чуть отстал, и, ударив трижды своего коня кнутом, подскакал к старику и спросил:

– Теманшу сын Шубадза, что за случай оставил тебя тупоносым?

– Анасын, убил же ты меня! – сказал <в сердцах старик>. Выхватив шашку, бросил в нарта Щауая, но не попал в него, задел ляжку коня и ранил его.

Затем старик окликнул его:

– Стой, я скажу тебе, кто сделал меня тупоносым.

Щауай остановился и подождал, пока старик его не достигнет. Старик, увидев ляжку коня в крови, взял лекарство, что было при нем, и излечил коня.

Возвращаясь вместе назад, старик начал свой хабар:

– В молодости, когда я не проводил больше одной ночи со своей первой женой, напали на нас трое братьев-иныжей и унесли ее. Эти трое братьев-иныжей живут тут недалеко. С намерением отобрать у них свою жену, я повел против них много людей. Перебив всех, меня отпустили, ничего не объяснив. Я сумею их одолеть по одному, но они это знают, потому и не попадаются порознь. Так от их руки погибло множество людей. Не в состоянии сдерживать горестные слезы каждый раз, мой нос <…-?>. Та женщина, что сидит в доме, моя вторая жена, та, другая, <о которой я говорил>, моя первая жена, до сих пор она находится в плену у иныжей. Отдохнем сегодня ночью, а завтра утром пойдем к иныжам.

К приходу домой <старик> закончил свой хабар. Отдохнув хорошенько ночью, собрались утром и поехали к иныжам. Не доходя до их <жилища>, они остановились у какого-то куста, и старик сказал нарту Щауаю:

– Я буду ждать тебя здесь, а ты иди. Иди и скажи иныжам: «Если вы мужчины – выйдете!», – а сам возвращайся. Но, если они выйдут по одному, ни в коем случае не смей помогать мне, я одолею их.

Выслушав эти слова, нарт Щауай пошел к иныжам. Подойдя к воротам, <Щауай> увидел как трое братьев-иныжей разделывали только что зарезанную корову. Позвал тогда нарт Щауай иныжей:

– Подобно голодному волку вы срываете с него кожу. Как будто не чувствуете, что сегодня вы умрете! Если вы такие храбрые мужчины выходите сюда!

Сказав это, сам вернулся к старику. Вернулся и спрятался в кустах. А старший из иныжей сказал: «Видимо, тот глупый старик кого-то опять надоумил и направил к нам. Пойди-ка, принеси его

голову!» – и послал младшего. Младший сел на коня и вышел. <Иныж>, доехав до куста, где они сидели, а те только этого и ждали, выскочили и в драке убили иныжа. Затащил старик иныжа за кусты и стал ждать следующего. Немного погодя, средний вышел на поиски младшего: «Да не убьет нас Бог, как долго же он отсутствует?» И он только успел дойти до куста, как выскочил старик и убил его. Бросил его на седло коня и отпустил обратно. Старший из иныжей, увидев лежащего на седле среднего брата, вышел <со двора> с сыплющимися из ноздрей искрами, от которых травы воспламенялись. Тогда старик сказал:

– Тот, который сейчас идет, очень силен. Силы тех двоих, что я сейчас убил, есть в нем одном. Но ты не двигайся, я один буду бороться с ним.

Иныж прибыл в страшном гневе, узнав старика, сказал:

– А, ошибся я, ты победил меня! По одному одолел ты нас!

Начали биться, бились шашками, и вскоре старик стал подавать признаки усталости. Иныж, весь в поту, стал биться сильнее. Нарт Щауай все видит. Вскоре иныж повалил с ног Теманшу, только занес он над ним шашку, как выскочил из-за куста Щауай и убил иныжа.

Старик снова встал. «Теперь я отомстил!» – только и сказал он. Войдя во двор иныжей, они запрягли арбу, посадили туда его жену, что иныжи держали у себя как кухарку, и возвратились домой к старику.

Старуха, встретив радостно вернувшихся мужчин, сказала:

– Как хорошо, что вы вернули мать Данаф-гуащи, теперь вместе будем готовить еду!

Теманшу сын Шубадза устроил пир на целую неделю. Сказал потом старик нарту Щауаю:

– Ы-хы, теперь отдаю тебе <в жены> Данаф-гуащу, теперь ты мне зять, стал сыном. Ты волен поступить так, как хочешь, я уже состарился, и коня своего отдаю тебе.

Отдав ему столько скотины, сколько мог угнать, <Щауай> прибыл к девушке, посадил ее на круп коня и возвратился назад.

– Сегодня ровно месяц <с тех пор как он уехал>! – говорили уже, когда Щауай вышел из камышовых зарослей и вернулся к ожидающим его нартам. Собрались они в обратный путь. Вскоре <нарты> приблизились к родным землям. <Щауай> погнал всю скотину к лесу.

Послали вестника в аул: пускай выходят те, кому нужен конь, нужна корова! И стар и млад, и мужчины и женщины понеслись из аула. Каждому <Щауай> отдал по одной лошади, по две коровы и по пять овец. И всех нартов, что были с ним в походе, он одарил щедро и отпустил по домам. А дочь старика – красавицу Данаф-гуащу – он повел к себе в дом, чтобы зажить с ней семьей.

Вот что рассказывают о нарте Щауае, и о том, что приключилось с ним в молодости.

Нарты, испытав таким образом его на храбрость, стали звать на Хасу Щауая сына Канджа, и каждый раз, когда он посещал компанию, ему подавали кубок храбреца.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 59–65. Исп. Харун Курыжев: 1919 г.р., а. Хачемзий Адыгеи; чемгуй. Зап. 10.10.1968 г. Р. Унарокова. Перевод на русский язык М. Табишева.

Текст представляет собой вариант сказания о сватовстве и женитьбе нарта Шауея. Стиль повествования и многие другие его особенности типологически сближают цикл о данном герое с богатырской сказкой.

11. НАТ ШЪЭУАЕ ШЫКЪЭФЫЖЬ ЗЭРАДЭКIОГЪАГЪЭР

Нат Быщэжъый, нат Орзэмэс, нат ЛIыхъур аIоу гъогу тэхьанхэу ежьэнхэу агу къэкIи, нат Сэджьэмыкъо Шъэуай нэмыкIырэ кIыпIэ горэм, кIо хэгъэгу шъхьаф горэм щыIэти, макъэ къырагъэIуи, къылъаIопщыгъ: «ЗекIо тежьэщти, къежь», – аIуи Iошъхьэ пIуалъэ къыфашIыгъэти, Iошъхьэ пIуалъэм екIугъ нат Сэджьэмыкъо Шъэуаер.

Шъэуаер Iуашъхьэм къекIолIагъэу тэлъызэ, чэщым къесыгъ. Шъэуае кIэкIо кIэгъым кIэгъуалъхьи, зэрэчыягъэм тэтэу осым кIигъэсыягъ. Щыпэфыжъ – щы пелыуаныжъыфом ышъхьэрэ ытхысIэрэ осым къыхэпс къодыеу, арэу лъэщэу къесыгъ.

Нат Быщэжъый, нат Орзэмэс, нат ЛIыхъур аIоу Iуашъхьэм къызэсыхэм, Щыпэфыжъым ытхысIэ къыхэпсы къодыеу, Iуашъхьэм тэтэу алъэгъугъ. Залъэгъум, щым тэс Саджьэмыкъо Шъэуаер осым кIигъэсэегъапэу хьисап ашIыгъ. Арыти, (еплъ ащ агу къэкIыгъэми!) Шъэуае ищыпэфыжъ къатыгъунэу зэхалъхьагъэ. (ЛIыкIо зыфашIи, къащэгъэ гъусэм етыгъожьыщтых! – еIо къэзыIотэжьырэ АкIэгъу Ибрахьимэм).

Нат Быщэжъый сIыкIоу, псыкIьэу, кIошъакIэми фэкъолаеу щытыти, щэр къыIуищынэу ар агъэкIуагъ.

Быщэжъые осышъхьэшъо кIыIум тэтэу щыпэфыжъым екIошъагъ. Щым дэжь зыIохьэм, щыпэфыжъым къышIи, къэпэщхьагъ. Щыр къызэпащхъэм, Сэджьэмыкъо Шъэуай къэущыгъ.

Шъэуай, осы кIэгъым къыкIэтэджыикIи, кIакIоу техъуагъэр къызеутхыпкIым, нат Быщэжъыер кIиухъумагъ.

Нат Шъэуае къэщэси, адэ къеджьэрэ щыухэу, джьау Iошъхьэ лъапсэм пэмычыжьэу къежьэхэрэмэ адэжь, къылъэгъухи, къэкIуагъ. Къахыхьагъ:

– Ярэби, – къыраIуагъ, – нат Быщэжъые уадэжьы къэтIофытэгъагъ, тыкъызэрэсыгъэр къыуиIонэу, ау къыгъэзэжьыгъэп, къехъулIагъэр тшIэрэп нахь. (ЫгъэщтагъэхИ: «Уищы къедгъэтыгъунэу дгъэкIуагъэ» аIорэп, «къэтIофтагъ» аIо нахь, – еIо къэзыIожьырэм).

– Ар сшIэгъахэп, ащыгъум ар чыжьэу щыIэп, – ыIуи, нат Саджьэмыкъо Шъэуае псыкIьэу къыгъэзэжьи, Щыпэфыжъым

ыбгъэгуджьэ осэр зэIифызэ Iуашъхьэм къекIолIэжьи, джьа ежь Шъэуае зыдэщылъыгъэ кIыпIэм, кIакIор зеутхыпкIым осIатэу щызэтыриухъумагъэм екIуалIи, еIи, щым зэрэтесэу еIэбэхи, мо Шъэуаер осы кIэгъым кIэIаби, нат Быщэжъые ижь макIэ хъугъэу къыкIилъэшъужьи, игъусэмэ адэжь къыхьыжьыгъ.

ЕтIуанэ, ащ нэужьым зэдэщэсыхи, иныжъымэ адэжь кIуагъэх. Нат ящы отэрэу иныжъ зэщиблымэ афыгъагъэри къатырахыжьи, къафыжьыгъ. Иныжъымэ яхэкIошхоу щыбз Iэхъогъум ахэтIупщхьагъэу ахэтыгъэри къыдафыгъ. Щэу къафыжьыгъэхэр загощыжьым, Саджьэмыкъо Iахьыджьэ къаIихыгъэр иныжъы яхэкIо закъу ныIэп.

Ащ фэдэу гъэхъагъэ яIэу, иныжъхэмэ атакIохи, къызагъэзэжьым ыужь кIо зэбгырыкIынхэ фаеу рэхъугъэх.

Саджьэмыкъо Шъэуаер лIы лъэщ-лIыхъужъти, ар нат Орзэмэсы благъэ ышIы шIоигъоу, ипшъашъэ ритынэу риIуагъ. Пшъашъэр пшъэшъэ дэхэ пшъэшъэ дэгъути, Шъэуае фэмычэф дэдэ нахь мышIэми, куп щытэу пшъашъэр зыфагъэшъуашэм, «сыфаеп» фэIуагъэп.

– Шъыдыгъо укъэкIона? – ыIуи Орзэмэс къызеупкIым...

– Тхьаумафэр, е блыпэр, е щэмбэтэр, е бэрэскэжъыер, бэрэскэфор е мэфэкур, е гъубджэр. А мэфиблымэ ащыщ горэм тефэу сыкъэкIон, – риIуагьэ нахь, мыщ фэдэ мафэр ыIоу тэубытагъэу пIуалъэ фишIыгъэп.

Пшъашъэр къыратынэу къызыраIом, ащ, ипэгъокIэу иныжъ яхакIоу Iахьджьэ къыIукIагъэр, нат Орзэмэсы рити, ытIупщыжьыгъ. Ежь нат Шъэуай, Щыпэфыжъым тэсэу рэкIожьыгъэ.

Нат Орзэмэс къызэкIожьым, хъэбарэу щыIэр ыпхъу риIуагъ, Сэджьэмыкъо Шъэуай къызыкIощт мафэр ашIэрэпти, зыгорэджэ амышIэу къыдахьэмэ, емыкIу къамыхьыным фэш, хэтыми къыдахьэрэр дэгъоу ахьэкIэнэу, егугъунхэу нат Орзэмэсы афигъэпытагъ.

Къыдахьэрэр, ежьхэр зэжьэрэ Саджьэмыкъор арэу ашIошIызэрэ, лъэщэу егугъухэзэ мэфиблыри блэкIьи, етIуани мафэмэ къыкIагъэзахьыжьыгъ, Къыдахьэрэм ешIушIэхэзэ езэщхи, нахь къагъэлэлагъ: хъатэу апымылъыжьыхэзэ, мафэ горэм, тхьаумафэм, щыу горэ къыдахьи, щышIоIу лъапсэм щэр рипхыгъ. Ежь щым тесэр шъое-цыеу фэпагъэу, кIо тэплъаджьэу зишIи, пшъашъэм дэжь ихьагъ.

– Тян, пIэстэкIьэ Iанэрэ къупшъхьэ-лъапшъхьэрэ къэнэжьыгъэмэ мы тхьамыкIьэм къетыри, егъэщх, – ыIуагъ пшъашъэм.

ПIэстэкIьэ Iанэрэ къупшъхьэ-лъапшъхьэрэ къызыфехьым, зыгорэ кIимыгъэзэу, къупшъхьэ-лъапшъхьэмэ ямыгъоу, зэтыригъэпхъапхъэу ыщхи, Iанэр зэкIигъэкIожьыгъэ.

Дэпкъым пылъэгъэ щыкIэпщынэр нат Саджьэмыкъо Шъэуае къыпихи, дахэу орэд къыригъаIоу зэхъум, пшъашъэм янэ ыпхъу къеджьи къыриIуагъ:

– Мы щыкIэпщынэм къыригъаIорэр ощIа, сипшъашъ?

– СшIэрэп, орэд къеIо, – ыIуагъ пшъашъэм.

– Орэд къодыеп:

Сэ сыпIэстэкIьэ Iэнэщхэп,
Сыкъупшъхьэ-лъэшъхьэщхэп,
Ау Iэнэ хэмыIэ сиIэп,

Шъуимы Іэмэ шъуилажьэп, – еІо.

Мы лІэр арын фае тызыпаплъэрэр, – еІо ныом.

КъызэрашІагъэр зешІэм Шъэуае къэтэджьи, къикІыжьыгъ. Щыпэфыжъым дэжь зыІохьэжьым, Нат Саджьэмыкъор губжьыгъэти, «ЩышІоІоу узэпхыгъэр къыхэч», – ыІуи, Щыпэфыжъым зыхаом, къыкІырыуи, щкомлакІэу щышІоІу лъапсэм зэрепхыгъэмджьэ натмэ ящышІоІу пытэу егъашІэм афэмыгъэхъыеу хэтыгъэр къыхичыгъ.

– ЩышІоІуэр натмэ Іуарэхыжь, – ыІуи Шъэуае, шаум дидзи, къэщэсыжьыгъэ къодыеу, Орзэмэс къыдэхьажьыгъ.

Феблэгъэжьынэу земыдэм:

– Ащыгъум, нат Саджьэмыкъо Шъэуай, хакІоу къытэптыгъэм тытетІысхьан тлъэкІырэпи, тфэгъэІас, – ыІуи Орзэмэс нат Шъэуае къелъэІугъ.

– Ар шъуфэсшІэн, – ыІуи Саджьэмыкъор щэщым Іухьи, сэхибл зытетэр Іуигъэчи, иныжъы яхакІо зиукІыжьэ ещэси дэкІыгъ. Дунаер къызэхъуи, сІыфи хьэйуани хэмыхьагъэу, хьэкІэкъуакІи хэмыхьагъэу, хэхьани амылъэкІынэу темэныжъ горэ натмэ яІэти, иныжъы яхакІоу зытесэр ащ хигъэзыхьи, пхырыкІи къыпхырыкІыжьыгъ. Копкъышъхьэмэ адифызи, иныжъы яхакІо ыцэгэнэлъищ зэпикІи, щэр аритыжьыгъ.

А щым нахь дэгъу нат Саджьэмыкъо Шъэуае ІэкІэхьэгъэн, ау пшъашъэм пае натымэ аритыгъахэти, къаІихыжьынэу, кІэлъэІужьынэу зэрипэсыжьыгъэп.

Пшъашъэр щытыми, щэр нахь илъапІэу ары зэрэщытыгъэр. Ау щэр ымыгъотыжьынэу зэхъум, натымэ амышъхьапэнэу ышІи, аритыжьыгъ.

– Шъыдэу щыт, щы хъущта? – ыІуи къызеупкІыхэм:

– Шъорыджьэ лыеу цэгэнэлъищ хэлъыти, ищэр хэсхыгъ, къэнагъэр натхэмджьэ икъущт. Щы шъо шъуфэхъун, ау сэ сшІокІодыгъ, – къариІуи пшъашъэр ыщи, рэкІожьыгъэ.

КАК НАТ ЩАУАЙ ПОЕХАЛ ВОЗВРАЩАТЬ ПОХИЩЕННЫХ ЛОШАДЕЙ

Задумали как-то нат Быщажый, нат Орзамес и нат Тлиху идти в поход, а так как нат Саджамко Щауай находился в дальних краях, разъезжал по чужим землям, известили и его, сообщили: «Мы собираемся в поход, поезжай с нами!» и назначили ему встречу у <одного> кургана. Нат Саджамко Щауай явился к сроку.

Щауай, прибыв к кургану, улегся на нем, <ожидая натов>; ночью пошел <снег>. Щауай улегся под бурку и заснул, <вскоре> его вовсю замело снегом. Щипафижа – богатырского коня – тоже покрыл снег, только видны были его голова и спина, так много выпало его.

Прибывшие к кургану нат Быщажый, нат Орзамес и нат Тлиху смогли увидеть Щипафижа, занесенного снегом по голову и спину. Увидев его, они решили, что Саджамко Щауая полностью накрыл снег. Тогда (смотри, до чего они додумались!) они решили

увести Щипафижа Щауая. (Решили обокрасть того, кого позвали <в путь-дорогу>! – *замечает сказитель Ачегу Ибрагим*).

Так как нат Быщажый отличался небольшим ростом, был более ловким, мог подкрасться незаметно, послали его увести коня.

Быщажый, ползая по поверхности снега, подполз к Щипафижу. Как только он подобрался, Щипафиж, почуяв его, заржал. От ржания коня проснулся и Саджамко Щауай.

Щауай, приподнимаясь из-под снега, встряхнул накинутую на себя бурку, отчего ната Быщажыя полностью занесло снегом.

Щауай, увидев тех, кто ожидал его у подножья кургана, сел на коня и направился к ним. Подошел.

– Яраби, – сказали ему <наты>, – мы направили к тебе ната Быщажыя, чтобы он сообщил о нашем прибытии, но он до сих пор не вернулся, так и не знаем, что с ним случилось. (Те, испугавшись его, не смогли признаться, что хотели увести его коня, говорят, что направили его известить <об их прибытии>, – *говорит сказитель*).

– Я этого не знал, в таком случае, он не может находиться далеко, – сказал нат Саджамко Щауай, и, развернувшись в обратную сторону, стал добираться до кургана, разгребая снег грудью Щипафижа. Добравшись до того места, где лежал сам Щауай, он подошел к снежной горке, что образовалась от встряхивания бурки, и, не слезая с коня, сунул руку под снег, вытащил еле дышащего ната Быщажыя и привез его с собой к спутникам.

После этого, все сели на своих коней и отправились к иныжам. Они отобрали у семерых братьев-иныжей весь табун лошадей, что были похищены у натов, и погнали назад. Погнали они и породистого жеребца иныжей, что находился в табуне кобылиц. Когда они делили меж собой пригнанных лошадей, Саджамко взял себе только одного жеребца иныжей.

После возвращения из удачного <похода>, одолев иныжей, пришло время расходиться натам.

Так как Саджамко Щауай был храбрым и отважным мужчиной, а нат Орзамес хотел завязать с ним более тесные связи, тот и решил выдать за него замуж свою дочь. Девушка слыла красавицей, и хотя Щауай не совсем был рад этому, в присутствии людей он счел неприличным отказываться и не смог сказать «нет, не хочу».

– Когда придешь к нам? – спросил его Орзамес.

– В воскресенье, или в понедельник, или в субботу, или в среду, в пятницу или в четверг, а может и во вторник. Приеду в один из этих семи дней, – только и ответил он, конкретного срока так и не назначил ему.

На предложение руки девушки, он, в свою очередь, отдал нату Орзамесу жеребца иныжей, который достался ему в качестве трофея, и отпустил его. Сам нат Щауай поехал <домой> на своем Щипафиже.

Вернувшись, нат Орзамес рассказал дочери хабар о Саджамко Щауае. А так как никто не знал в какой день он придет, нат Орзамес строго-настрого наказал, чтобы все были наготове к его неожиданному появлению, и, чтобы не опозориться, приказал быть внимательными ко всем гостям, быть обходительными с ними.

Кто бы не приходил <к ним в дом>, в надежде, что он есть ожидаемый Саджамко, принимался с большим почетом, и так прошли все семь дней, начались дни второй <недели>. Однажды, к уставшим обходиться <со всеми гостями> полюбовно, и несколько ослабившим бдительность, заехал какой-то всадник и привязал своего коня к коновязи. Сам всадник, одетый в лохмотья, ну притворился он неприглядным, вошел к девушке.

– Тян, если остались крошки от пасты и рожки да ножки, принеси этому бедняку и накорми его, – сказала девушка.

Как только принесли ему немного пасты и рожки с ножками, он не отказываясь, не глодая рожки с ножками, кое-как дотрагиваясь до них, поел и отодвинул от себя стол.

Сняв висевшую на стене шичепщину, Саджамко Щауай стал издавать из него красивую музыку. Мать девушки позвала свою дочь и сказала ей:

– Ты знаешь, что эта за музыка?

– Нет, <просто> играет музыка, – ответила девушка.

– Не просто играет. Она говорит:

Я не из тех, кому подают крошки от пасты,
Не из тех, кто глодает рожки да ножки,
Но и не из тех, кто не притрагивается к <поданному> столу,
Если <нечем> накормить, вины вашей нет!

– Видимо, его мы и ожидаем! – заметила старая женщина.

Щауай, догадавшись, что его узнали, встал и вышел.

Подойдя к Щипафижу, рассерженный нат Саджамко ударил коня и приказал: «Вырви коновязь, к которому ты привязан!» Щипафиж дернул свои удила, что были привязаны к древней коновязи натов, и вырвал его из земли, ту самую коновязь, что не могли даже пошевелить.

– Пускай <эту> коновязь сами наты убирают! – сказал Щауай и бросил ее во двор. Не успел он сесть на коня, как вернулся Орзамес.

Он пригласил его <в дом>. <Щауай> отказался от приглашения.

– В таком случае, нарт Саджамко Щауай, укроти коня, что ты нам дал, а то никак не можем сесть на него, – попросил Орзамес ната Щауая.

– <Согласен>, я сделаю это! – сказал Саджамко. Он подошел к конюшне, отворил все семь засовов, и, оседлав разбушевавшегося жеребца иныжей, ускакал.

<На земле> натов было одно болото, куда со дня сотворения мира ни одна земная тварь, ни одно животное не появлялось, вот туда и погнал <Щауай> жеребца иныжей, заставил пересечь его вдоль и поперек. Сжав бедра, <Щауай> сломал три ребра у жеребца иныжей и вернул его <хозяину>.

Нату Саджамко Щауаю попадались кони и получше, но так как он его отдал ради девушки, не захотел он вернуть его себе обратно, посчитав это поступком недостойным себя.

Какая бы ни была девушка, но конь был для него дороже. Но когда получилось так, что <Щауай> теряет коня <навсегда>, он

сделал так, что он стал бесполезным для натов и вернул его им <без трех ребер>.

– Ну как, выйдет из него конь? – спросили его.

– У него было три ребра, лишние для вас, я их удалил, а то, что осталось – хватит натам. Вам он послужит, но для меня потерян, – ответил <Щауай>, взял девушку и уехал.

Архив АРИГИ, Фонд нартского эпоса. Печатается по: Н7. Т. V. С. 86–89. Исп. Ибрагим Ачегу: 1875 г.р., а. Панахес Адыгеи; шапсуг. Зап. в а. Афипсип 14.07.1949 г. Ю. Тлюстен. Перевод на русский язык М. Табишева.

Основные мотивы данного текста типичны для цикла сказаний о нарте Шауее. Таковы испытание холодом, сватовство, добывание богатырского коня. Основное отличие в конкретной форме воплощения мотива. Так, при объективации мотива испытания использована гиперболизация: герой настолько занесен снегом, что его вовсе не видно, но когда он стряхивает снег со своей бурки, то как бы ненароком заносит одного из нартов вместе с конем. Этот прием использован и при описании пребывания героя в доме невесты. Примечательно пренебрежительное отношение нартов к герою и его ответное вызывающее поведение после того, как обнаруживается его превосходство над ними.

12. НАРТ КЪЭРЭШЫУЕЙ ФЫЗ КЪЫЗЭРИШАМ И ХЪЫБАР

Къэрэшыуей гупышхуэ зэришэрт. Ежьэну и гупыр зэхуишэсыхукIи, яжыриIэрт:

– Шу закъуэ фыхуэзэкIэ, «И закъуэщ», – жыфIэу фытемыгушхуэ, шу гупышхуэ фахуэзэкIи, «Куэд мэхъу», – жыфIэуи фащымышынэ, – жиIэрти.

Арати, зэгуэрым Къэрэшыуейр а хабзэм тету и шу гупыр и гъусэу ежьащ. Ар мащIэрэ кIуа, куэдрэ кIуа, зы шу закъуэ ялъэгъуащ. Шу закъуэр Къэрэшыуей и гупым щалъагъум, шууипщI хуэдиз хъууэ яужь зыкърагъэнащ, шу закъуэр яхъунщIэн мурад яIэу.

Къэрэшыуей и гупыр и гъусэу шу закъуэм фIэхъус ирахри, зэблэкIахэщ. Куэд ямыкIууи, Къэрэшыуей и гупри зэхэпсыхащ.

ШууипщI зыкъыкIэрызыгъэхуам я деж шу закъуэр зэрынэсу, яубыдащ, яхъунщIэну.

– Фи гугъу сщIыркъым, си гугъу къэвмыщI. СыныволъэIу, си гъуэгу сривгъакIуэ, – жери лъэIуащ шу закъуэр.

– ЖиIэр сыт? – жаIэри и шы IумпIэр щаубыдым, заIэщIиудри яхэлъэщыхьу щIидзащ. ШууипщIыр зырызыххэу зэтриудри, шыми трипхэжри, япэ иригъэувэжри ирихужьащ, здэкIуэм здихуну.

Къэрэшыуей и гупыр щышэсыжым, зэплъыжхэри – шууипщI къэтт.

– ЗыщIыпIэкIэ щыдгъэкIуэдащи, сэ къэзгъуэтыжынщ, къэзмыгъэзэжым, фэри нэвгъэзэжи фынэкIуэж! – жиIэри, унафэ яхуищIри Къэрэшыуей къиIуэнтIэжащ. Куэд къимыкIуу, шу закъуэм шууипщIыр къихуу къыкIэщыхьащ.

– ГъуэгуфIыжь апщий! – жиIащ Къэрэшыуей.

– Упсэу апщий! – къыжриIэжащ шу закъуэм.

– Ярыби, мыхьэр си гъусэщ, дауэ хъуа? – жери еупщIащ.

– СахъунщIэну хуежьати, къайхъулIакъым, – жиIащ шу закъуэм.

– Мы зэм яхуэгъэгъу, къызэтыж, иужькIэ сэ апхуэдэ абыхэм езгъэщIэжынкъым, – жиIащ Къэрэшыуей.

– Уи хьэтыркIэ хуит сщIыжынщ, ахъумэ тхьэ сIуат сыздэкIуэм здэсхуну, – жиIэщ шу закъуэми, къритыжащ.

Къэрэшыуей шууипщIыр къитIэтэжри къиутIыпщыжащ, унэм къэкIуэжынхэу. Езыр шу закъуэм зыкъыбгъэдигъанэри еупщIащ, здэкIуэмкIэ.

– Къэрэшыуей и къуажэм сокIуэри, умыщхьэхым, ныздэкIуэ, – жиIащ шу закъуэм.

– Ар пхуэзмыщIэм, сыт пхуэсщIэн, – жиIэри Къэрэшыуей шу закъуэр къришэжьащ.

Къуажэм и гъунэгъу зэрыхъуу шум жиIащ:

– КIуэ, Къэрэшыуей деж дыхьи еупщI, зы илъэскIэ сигъэхьэщIэфынрэ симыгъэхьэщIэфынрэ. Илъэсым и кIуэцIкIэ жэщ къэсыхукIэ си шым зы мэкъу Iэтэрэ зы нартыху путрэ ишхын хуейщ. Сэ жэщ къэсыхукIэ зы мэлрэ абы хуэфэщэн пIастэрэ сшхын хуейщ. Апхуэдэу сигъэхьэщIэфынумэ, себлэгъэнущ. СимыгъэхьэщIэфынумэ, себлэгъэнукъыми, схуеупщI, – жери шу закъуэм Къэрэшыуейр къыдигъыхьэжащ.

Къэрэшыуей зыри жимыIэу къыдыхьэжри и адэжь Къуагуэ ечэнджэщащ:

– Мыращ, зы хьэщIэ къысхуэкIуащи, жиIэр, схуэгъэхьэщIэн, хьэмэрэ емыкIу къэсхьыну пIэрэ? – жиIэри.

Къуагуэ гупсысэри жиIащ:

– Къегъэблагъэ, уэ мы къуажэм мэл Iэхъушэрэ, шыбз хакIуапщIэрэ былымрэ зумыта дэскъым. Дэ диIэр тхуримыкъум, абыхэм къыуатыжынщ зыгуэр, – жери.

Къэрэшыуей дэжри и хьэщIэр къригъэблэгъащ. ХьэщIэр хьэщIэщымкIэ игъэкIуащ. Езыри и дежкIэ щIыхьэжри, нэгъуэщI щыгъынкIэ зихуапэри хьэщIэм и деж щIыхьащ.

– Си хьэщIэр еблагъэ! – жиIэри.

ХьэщIэми къыхуэмыщIыхужу къегиящ:

– Хьэщ1э узэриIэр щыпщIэкIэ, нелъандэрэ щхьэ укъыщIэмыхьэрэ? – жиIэри.

– Къысхуэгъэгъу, нэхъыжь хьэщIэ сиIати, абыкIэ сыщыIащ, – жиIащ Къэрэшыуей.

– Иджы, Къэрэшыуей, сэ сызыхуейр уощIэ уэ, – жиIащ хьэщIэм.

– СощIэ, – жиIащ Къэрэшыуей.

– АтIэ, зэманыр дымыгъэкIуэдын папщIэ, нобэ щыщIэдзауэ си шым жыхуэсIар етын хуейщ. Сэри жыхуэсIар згъуэтын хуейщ.

Си шым езым хуэдэ шхэгъу иIэн хуейщ, сэри шхэгъу сиIэн хуейщ, – жиIащ хьэщIэм.

– Сэ уэ шхэгъу сыпхуэхъунщ, уи шым шхэгъу хуэхъуни ухуейм, накIуэ, къахэтхынщ сишхэм, – жиIэри, Къэрэшыуей и хьэщIэр игъэшэсри дэкIащ.

Шы гъуабжэ кIэхухэм яхыхьэри, яхигъаплъэри – шы хъун яхигъуэтакъым. ПщIэгъуалэ гупым яхишэри, абыи яхигъуэтакъым. Шы къарэ гупым яхишэри, аргуэрым яхигъуэтакъым. Къагъэзэжауэ къыщыкIуэжым, Шыджэмыдэжьыр и закъуэу хъуакIуэу джабэм кIэрыту щалъагъум, хьэщIэм жиIащ:

– Мис мор хъунущ шы, си шым ар иIэн хуейщ, шхэгъуу, жиIэ и уасэр ети къэщэху ар, – жери.

– Ар сишщ, уи шым шхэгъу хуэхъунумэ, содэ, – жиIэри, Шыджэмыдэжьыр къишэжри бгъэдигъэуващ хьэщIэм и шым.

Мэкъу Iэтэ зырызрэ нартыху пут зырызрэ ябгъэдилъхьащ. Езыри, хьэщIэм зы мэл хуиукIщ, езыми зы мэл иукIри, хьэщIэм дэшхэу бгъэдэтIысхьэжащ.

Мазих щрикъум, Шыджэмыдэжьым и Iыхьэр ишхыу хуежьащ. Къэрэшыуеи и Iыхьэр ишх хъуащ. ХьэщIэми, хьэщIэм ишми зы жэщи иратам щыщ зыри зэй къелатэкъым. Мазих нэужьым Шыджэмыдэжьым мэкъу Iэтэмрэ нартыху путымрэ хуримыкъу хъуащ. Къэрэшыуей мэлыр зы жэщым хуримыкъу хъуащ.

Апхуэдурэ Къэрэшыуей и хьэщIэмрэ и шымрэ игъэшхащ. Илъэс щрикъум, шэсахэщ. МазэкIэ я шыхэр зыхуэфI ящIахэщ, дэкI-къыдыхьэжурэ.

– Иджы, дежьэнщ, Къэрэшыуей, – жиIащ хьэщIэм.

– Дежьэнщ, – жиIэщ Къэрэшыуеи, зыщIакъузэри дэкIахэщ.

МазэкIэ кIуа нэужьым, тенджыз тIуащIэм дыхьахэщ. ЗыщIыпIэ увыIэпIэ ящIри щепсыхахэщ. ХьэщIэр бгъуэнщIагъ гуэрым щIыхьэри зы шэмэдж, зы гуахъуэ кIыхь, зы гуахъуэ кIэщI, уадэ, сыдж, пхъэ сэмпар, зы лэгъупыжь къыщIихащ.

– Иджы, Къэрэшыуей, сэ мазэкIэ сымыжейуэ хъунукъым. Уэ бэлэрыгъ уимыIэу мэкъу еуэ. Мазэм и кIуэцIкIэ мэкъу пыпхъуищ ину гъэув. Сыкъэтэджыным мэхуищ иIэу щIэдзи мы лэгъупыжьымкIэ махуищкIэ мэкъущIэщ зэхэгъавэ. МэкъущIэщыр бдзантхьэу зэхэва нэужь, сэ сыкъэгъэуш, – жиIэри хьэщIэр гъуэлъащ.

Къэрэшыуей мазэм и кIуэцIкIэ, дэплъеям, и пыIэр щхьэрыхуу, мэкъу пыпхъуищ игъэуващ. Къэтэджыным мэхуищ иIэжу лэгъупыжьыр фIидзэри мэкъущIэщ зэхигъэващ. А мазэм и кIуэцIкIэ хьэщIэм зимыгъазэу жеящ. МэкъущIэщыр хьэзыр щыхъум, бдзантхьэм хуэдэу зэпыш щыхъум, хьэщIэр къигъэушащ.

– Хьэзыр? – жиIэри къызэфIэтIысхьащ хьэщIэр.

– Псори хьэзырщ, – жиIащ Къэрэшыуей.

ХьэщIэм и шыр къиубыдри бдзантхьэ хъуа мэкъу щIэщыр щихуэм, иутIыпщыжрэ шыжьым пшахъуэм зыхигъэукIуриеурэ, пшахъуэр къыкIэрыпщIэурэ, апхуэдэурэ лэгъупым илъу хъуар иухыху, щихуащ. Уанэ трилъхьэщ, зэщIикъузэри жиIащ:

– Иджы, сэ мы псым сикIынущ. ПщыхьэщхьэкIыфI зэрыхъуу, зы пыпхъуэм мафIэ едз. Жэщ ныкъуэ щыхъум и деж, етIуанэми едз. Жэщыбг фIэкIа нэужь, псым хэплъи, тхъурым-

бэ хужь къищIмэ, сыкъокIуэж, тхъурымбэ хужь къимыщIмэ, сыкъэкIуэжыркъыми, укъысщымыгугъыу кIуэж. Ауэ тхъурымбэ хужь къищIмэ, аркъэныр къащти псы Iуфэм хьэзыру щыт. Япэ къикI хакIуэр аркъэнымкIэ убыди, сэ сыкъэсыхукIэ, Iыгъ, – жиIэри псым хэпкIэри зэпрысыкIащ.

КIыфI зэрыхъуар ару, Къэрэшыуей зы пыпхъуэм мафIэ иридзащ. Жэщыбг зэрыхъуу, етIуанэми иридзащ. Псым еплъри, тхъурымбэ хужь къищIырти, ещанэ пыпхъуэми мафIэ иридзри, Шыджэмыдэжьым шэсри, аркъэныр игъэхьэзырри псы Iуфэм Iууващ.

Псом япэ иту зы хакIуэ къарэ, и пэ бзийм мафIэр крихыу, къижащ. Къэрэшыуей хакIуэр ирихужьэщ, бгъурылъадэри аркъэнымкIэ къиубыдащ. Шыхэр хакIуэм и ужь иту крихури хьэщIэр къикIыжащ.

– ХакIуэр бубыда? – жиIащ, къызэрикIыжу.

– СIыгъщ, – жиIащ Къэрэшыуей.

– УмутIыпщу накIуэ, – жиIэри, хьэщIэм шыр къызэщIиугъуаери, къежьэжахэщ.

АрщхьэкIэ Къэрэшыуейм хакIуэ къарэр IэщIэцIэфтри щIэпхъуэжащ. ХьэщIэр хакIуэм кIэлъыщIэпхъуэри и кIэр кIэ дакъэм деж щыхуэзэу, и тхьэкIумитIыр пиупщIри иутIыпщыжащ. Куэд дэмыкIыу, хакIуэ къарэм зы иныжь тесу къигъэзэжащ, иныжьыр хъуанэ-цIанэу.

– Куэдрэ умыхъуанэ-умыцIанэу дызэгъэзауэ! Япэ уэгъуэр узотри къауэ! – жиIащ хьэщIэм.

Иныжьым и сагъындакъыр зэIуидзэри къэуащ. ХьэщIэр дэлъейри сагъындакъышэр и бэкъу зэхуакумкIэ дигъэкIащ. ХьэщIэм и сагъындакъыр зэIуидзэри иныжьым и натIэгум зыхригъэупцIащ. Иныжьыр зэрехуэхыу, хакIуэ къарэр аргуэру щIэпхъуэжащ. Куэд дэмыкIыу, хакIуэ къарэр къэсыжащ, аргуэру нэгъуэщI зы иныжь тесу, ари нэхъ Iеижу шхыдэу.

– Фыз нэхъей умышхыдэу къауэ! – жиIащ хьэщIэм.

Иныжьыр къыщыуэм, хьэщIэр дэлъейри и бэкъу зэхуакумкIэ дигъэкIащ. Езым и сагъындакъыр зэIуидзэри, иныжьым и натIэгум зыхригъэупцIэри ириудыхащ.

ХакIуэ къарэжьыр ещанэрейуэ яIэщIэкIри кIуэжащ.

– Иджы, зы закъуэ щыIэжщ, абы и хабзэр хэтIэ-хэсэ джэгуну аращи, абы сыкъелым, дыкIуэжынщ, – жиIащ хьэщIэм.

Абы хэту къэсащ пщIэгъуалэ тесу Иныжьыр, мафIэ бзийр къыIурихыу, дэпыр зэуэ-зэуэу къыIурихыу:

– Дэ ди шыр яхун я гугъэу къакIуэурэ щыта нарт зэшиблыр дукIащ. Шыпхъу закъуэ яIэщи, къэкIуэфынукъым. Ядэ-янэр жьы хъуащ, гъуэгыури нэф хъуащ. Къэрэшыуей жыхуаIэу зи гугъу зэхэтхыр уэрмырауэ пIэрэ? – жиIэурэ.

– Къэрэшыуейр сэракъым, Къэрэшыуей ухуейми, ари си гъусэщ. Куэд жумыIэу, дызэгъэзауэ! – жиIащ хьэщIэм.

– Сэ си зэуэкIэр хэтIэ-хэсэщи, япэ щIыкIэ дишхэр зэдгъэзэуэнщ, атIанэ хэтIэ-хэсэ дыздэджэгунщ, – жиIащ иныжьым.

Я шитIыр зэраутIыпщри зэрагъэшхащ. Иныжьым и пщIэгъуалэр къепхъуэхукIэ, пшахъуэр къыгуичу, хьэщIэм и шыр епхъуэхукIэ, пщIэгъуалэм и лыр къыгуичурэ пщIэгъуалэр ишхащ.

– КъакIуэ иджы уэ дэрэ хэтIэ-хэсэ дыздэджэгунщ, – жиIэщ иныжьми, зэрыубыдахэщ.

Иныжьыр къэIэбэри хьэщIэр щIым къыхутеIэтыкIакъым. ХьэщIэр Iэбэри, иныжьыр къищтэри и лъэгуажьэм нэс щIым хитIащ. Иныжьыр къэIэбэри, хьэщIэр къищтэри и лъэтхьэпэм къэс щIым хитIащ. ХьэщIэм иныжьыр къищтэри и бгырыпхыпIэм нэс хитIащ. Иныжьым хьэщIэр и лъэгуажьэм нэс хитIащ. Ещанэ Iэбэгъуэм хьэщIэр Iэбэри иныжьыр и блэгущIэм нэс хитIащ.

– Къащтэ уи хьэдзэсэр, – жиIащ хьэщIэм.

Къэрэшыуей и хьэдзэсэр хьэщIэм иритащ. ХьэщIэм иныжьыр фIигъэжри IэмыщIибл иныжьылъу ирифащ.

– Иджы, бийуэ диIэр дыухащ. НакIуэ, – жери, шыр къызэщIагъэхъаери къежьэжахэщ.

Къыщежьэжым, сулыкъум изу иныжьылъым щыщи къыздрахьэжьащ. ХьэщIэм я къуажэм и гъунэгъуу къэсыжри шыхэр къуажэбгъум къыщанахэщ. Езыхэр унэм къыдыхьэжри, и адэ-анэр гъуэгыурэ я нэхэр нэф хъуати, сулыкъур абы яритри, лъыр я нэхэм зэрыщахуэу, хъужахэщ. ХьэщIэщым Къэрэшыуей щигъэгъуэлъри езыр и унэмкIэ кIуэжащ. Къуажэр псори къызэхуэсати, Къэрэшыуей щэхуу къэтэджри кIуащ, еплъэкIуэну. ЦIыхухъу щыгъыныр зыщихри цIыхубз щыгъынкIэ зихуэпэжауэ, и дэлъхуиблым я лъыр Къэрэшыуей и фIыгъэкIэ зэрищIэжар яжриIэу щхьэгъубжэмкIэ дэплъри щилъагъум, зыри жимыIэу Къэрэшыуей къэкIуэжри гъуэлъыжащ. Пщэдджыжьым бысымыр къыщIыхьэри къеупщIащ Къэрэшыуейм:

– Дауэ нэху укъекIа? – жиIэри.

– Зызмыгъазэу нэху згъэщащ, – жиIащ Къэрэшыуей, илъэгъуахэм щхьэкIэ зыри жимыIэу.

– АтIэ, уемызэшу, умышынэу зыгъэпсэху. Уи деж сызэрыщыIам хуэдизрэ си деж ущыIэм, атIанэ усшэжынщ, – жиIэу щыщIэкIыжым, Къэрэшыуей Iэбэри, бысымым и пыIэр къыщхьэрихри и щхьэцышхуэр къыщIигъэхуащ. И щхьэцыкIэр иубыдри щIопщымкIэ еуэн иригъэжьащ. «Уащхъуэ мыващхъуэ кIанэ, уэ улIмэ, сэ сыфызщ!» – жиIэхукIэ иукIащ.

Хъыджэбзыр щIэкIыжри, цIыхубз щыгъынкIэ зихуапэри щхьэнтэм тетIысхьэжащ.

Къэрэшыуей хъыджэбзыр фызышэшхуэу, и къуажэр и ужь иту, къишэри къэкIуэжащ.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАРТ КАРАШАУЕЙ ЖЕНИЛСЯ

Карашауей предводительствовал большой компанией. И каждый раз, как он собирал свою компанию, он твердил:

– Если повстречаетесь с одиноким наездником, не покушайтесь на него, полагаясь, что он одинокий, но и большую компанию наездников встретив, не пугайтесь того, что их много, – так он наставлял.

Вот однажды Карашауей, верный этому правилу, отправился в путь вместе со своей компанией. Мало ли они ехали, долго ли ехали, увидели они одинокого наездника. Когда люди Карашауея

увидели одинокого наездника, около десятка всадников отстали от компании, намереваясь пограбить одинокого наездника.

Карашауей же и его спутники обменялись приветствиями с одиноким наездником и разминулись с ним. Немного проехав, компания Карашауея спешилась <отдохнуть>.

А десять отставших наездников, как только одинокий наездник поравнялся с ними, окружили его, чтобы ограбить.

– Я вас не трогаю, не трогайте и вы меня. Пожалуйста, позвольте мне ехать своим путем, – попросил одинокий наездник.

– Что он там болтает! – сказали те, и когда они схватили его коня под уздцы, он вырвался и начал сам на них наступать. Десятерых наездников он по одному сбил с коней, связал их [привязал каждого к своему коню], поставил впереди себя и погнал, чтобы пригнать туда, куда сам ехал.

А когда компания Карашауея садилась на коней, они поглядели друг на друга – и десятерых наездников недостает.

– Где-то мы их потеряли, и я их отыщу, а если не вернусь, то вы тоже поворачивайте и возвращайтесь! – распорядился Карашауей и повернул коня.

Немного проехав, он настиг одинокого наездника, который гнал впереди себя десятерых наездников.

– Гогуж апший (Доброго пути)! – приветствовал Карашауей.

– Упсо апший (Доброй жизни тебе)! – отвечал одинокий наездник.

– Яраби, это мои спутники, как дело было? – спросил <Карашауей>.

– Они попытались меня ограбить, но у них не получилось, – ответил одинокий наездник.

– На этот раз прости их, верни мне, впоследствии я им не позволю такого делать, – попросил Карашауей.

– Ради тебя я освобожу их, хотя я и поклялся, было, пригнать их туда, куда я направляюсь, – сказал одинокий наездник и отдал их ему. Карашауей развязал десятерых наездников и отпустил, чтобы они возвратились домой. Сам же он остался рядом с одиноким наездником и спросил, куда он направляется.

– Еду я в селение Карашауея, и если тебе не в тягость, поезжай со мной, – попросил одинокий наездник.

– Если я хотя бы на это не гожусь, то на что я тебе пригожусь, – сказал Карашауей и повел одинокого наездника.

Когда они приблизились к селению, всадник сказал:

– Поезжай к Карашауею и спроси его, сможет ли он содержать меня один год или нет. В течение года мой конь должен каждую ночь съедать по стогу сена и пуду кукурузы. Я должен съедать каждую ночь одного барана и соответственное количество пасты. Если он может меня так содержать, я пойду в гости. Если не может содержать, не пойду, и поэтому ты отправляйся к нему и спроси, – сказал так одинокий наездник и отправил Карашауея в селение. Карашауей, ничего не говоря, вернулся домой и посоветовался со своим старым отцом Куаго:

– Вот что говорит некий гость, приехавший ко мне, смогу ли я его содержать как гостя или опозорюсь, может быть? – сказал он.

Куаго подумал и сказал:

– Приглашай, в этом селении нет такого, кому бы ты не пригнал отару ли овец, табун ли кобылиц стадо ли скота. Если того, что у нас есть, не хватит, они чем-нибудь да поделятся, – сказал.

Карашауей побежал и пригласил своего гостя. Гостя он направил в кунацкую, сам же зашел к себе, переоделся в другое платье и вошел к гостю…

– Гость мой, добро пожаловать! – говоря.

Гость не опознал его и упрекнул:

– Зная, что у тебя есть гость, что же ты с тех пор не заходил? – сказав.

– Прости меня, у меня были старшие гости, и я с ними задержался, – ответил Карашауей.

– Ну вот, Карашауей, ты знаешь мои условия, – начал гость.

– Знаю, – ответил Карашауей.

– Тогда, чтобы не терять время зря, надо с сегодняшнего дня давать моему коню то, что я сказал, да и мне нужен сотрапезник, – заявил гость.

– Я стану твоим сотрапезником, а если и твоему коню нужен будет напарник, то поехали, выберем из моих лошадей, – сказал Карашауей, посадил гостя на коня, и они выехали <со двора>.

Приехали они в <табун> серых белохвостых лошадей, показал их <Карашауей гостю>, но достойного не нашлось. В <табун> белых коней привел <гостя>, но и среди них не нашлось достойного. В <табун> черных лошадей он привел <гостя>, и там тоже он не нашел. На обратном пути увидели они Шиджемыдежа, одиноко пасущегося на склоне, и гость сказал:

– Вон тот будет достойным конем, он должен стоять рядом с моим конем, заплати любую цену и купи его, – сказав.

– Это мой конь, и если он будет достоин кормиться вместе с твоим конем, я согласен, – сказав, <Карашауей> привел домой своего Шиджамыдежа и поставил его рядом с конем гостя.

Он положил им по стогу сена и по пуду кукурузы. Сам же он зарезал одного барана для гостя и одного барана для себя и уселся <за трапезу>.

К шести месяцам конь Шиджамыдеж стал съедать всю свою долю, и Карашауей тоже стал съедать свою долю. Так же и гость и его конь не оставляли ничего из того, что им на ночь давалось. После шести месяцев Шиджамыдежу стало мало одного стога сена и одного пуда кукурузы, и Карашауею одного барана на ночь стало мало. Вот так содержал Карашауей своего гостя и его коня.

Когда исполнился год, они стали садиться на коней. Месяц они приводили своих коней в нужную форму, выезжая в поле, возвращаясь домой.

– Теперь <пора>, Карашауей, поедем, – сказал гость.

– Поедем, – согласился Карашауей, и они приготовились и выехали.

После того, как ехали они месяц, въехали они на полуостров морской. Нашли место для стана и спешились. Гость вошел в какую-то пещеру и достал оттуда одну косу, одни длинные вилы,

одни короткие вилы, молоток, отбойник для косы, деревянную лопатку для правки косы, один старый, большой казан.

– Теперь, Карашауей, я должен буду спать месяц. Ты, не переставая, коси сено. В течение месяца поставь три большие скирды сена. За три дня до моего пробуждения поставь этот большой казан на огонь и три дня разваривай труху из-под сена. Когда труха сварится до густоты, разбуди меня, – сказал так гость, лег и заснул.

За месяц Карашауей поставил три такие скирды, что посмотришь на их вершины – и папаха с головы падает. За три дня до пробуждения <гостя> он поставил на огонь большой казан и заварил труху от сена. Весь этот месяц гость спал, не поворачиваясь <с одного боку на другой>. Когда варево из трухи было готово, когда оно стало густым, как клей, он разбудил гостя.

– Готово? – сел гость.

– Все готово, – ответил Карашаей.

Гость поймал своего коня и – то он обмазывает его клеем из сенной трухи, то отпустит, и могучий конь вываляется в песке, и песок налипал на него, – вот так он намазывал до тех пор, пока не исчерпалось все, что было в казане. Оседлал он коня, подтянул подпруги и сказал:

– Теперь я переправлюсь через это море. Вечером, как только станет темно, подожги одну скирду. В полночь подожги вторую. Когда будет заполночь, посмотрись в воду, и если покажется белая пена, то я возвращаюсь, если не будет белой пены, значит я не возвращаюсь, и ты, более не полагаясь на меня, езжай домой. Но если пена будет белой, возьми аркан в руки и стой у берега наготове. Поймай арканом впереди плывущего жеребца и удерживай его, пока я не подоспею, – сказал так, прыгнул в воду и поплыл.

Как только стемнело, Карашауей поджег одну скирду. Как наступила полночь, зажег вторую. Всмотрелся в воду, и там белая пена образовывалась, тогда он поджег и третью скирду, затем сел на своего коня Джамыдежа, приготовил аркан и стал у берега.

Впереди всех выскочил один черный жеребец, из ноздрей которого полыхало пламя. Карашауей погнался за жеребцом, поравнялся с ним и поймал его арканом. Гость выгнал других лошадей следом за жеребцом и вышел из воды.

– Жеребца поймал? – спросил он, как только вышел.

– Держу, – ответил Карашауей.

– Не отпуская его, поехали, – сказал гость, согнал лошадей в кучу, и они тронулись в обратную дорогу. Но черный жеребец выскользнул из рук Карашауея и ускакал. Гость погнался за жеребцом, отрубил ему хвост прямо у основания, отсек уши и отпустил.

Немного времени спустя черный жеребец вернулся, неся на себе одного иныжа, и иныж сквернословил последними словами.

– Много не сквернословь, а давай драться. Уступаю тебе первый удар, бей! – сказал гость.

Иныж наладил свой лук и выстрелил. Гость подскочил и пропустил стрелу из лука у себя между ног. Гость наладил свой лук и вонзил <стрелу> в лоб иныжу. Как только иныж упал, чер-

ный жеребец снова ускакал. Немного времени спустя черный жеребец вернулся с еще одним иныжем на себе, и тот ругался еще хлеще.

– Не ругайся, подобно бабе, а бей! – сказал гость.

Когда иныж выстрелил, гость подскочил и пропустил стрелу между своих ног. Сам же он наладил свой лук, вонзил иныжу стрелу в лоб и свалил его.

Черный жеребец в третий раз ускользнул от них и убежал.

– Теперь остался один единственный, в его обычае игра в хатэ-хасэ. Если я останусь жив после него, то поедем домой, – сказал гость.

Между тем явился и иныж – на белом коне, из ноздрей пламя пышет, искры изо рта хлопьями сыплются.

– Семерых братьев-нартов, которые приезжали угнать наших лошадей, мы перебили. Есть у них единственная сестра, но она не сможет приехать. Их отец-мать уже старые, от слез они ослепли, не ты ли тот, кого называют Карашауей и о котором мы слышим? – так говоря…

– Я не Карашауей, но если тебе нужен Карашауей, он тоже со мной. Много не говори, а давай драться, – сказал гость.

– Мой обычай драться – хатэ-хасэ, поэтому сначала пустим наших коней друг с другом драться, потом и сами позабавимся, – сказал иныж.

Стравили своих коней и дали им грызть друг друга. Иныжевский белый конь каждый раз как кусает, отрывает песок, гостя конь каждый раз как кусает, отрывает мясо белого коня, так он загрыз белого коня.

– Ну давай, теперь мы с тобой поиграем в хатэ-хасэ, – сказал иныж, и они схватились.

Иныж потянулся – и не смог оторвать гостя от земли. Гость потянулся – и вогнал иныжа в землю по колена. Иныж потянулся и – вогнал гостя в землю по щиколотку. Гость поднял иныжа и вогнал в землю по пояс. Иныж гостя вогнал в землю по колена. На третий раз гость вогнал иныжа до подмышек.

– Давай твою хадзасу! – сказал гость.

Карашауей подал свою хадзасу гостю. Гость зарезал иныжа и выпил семь пригоршней его крови.

– Теперь мы покончили со всеми врагами, которые у нас есть. Поехали, – сказал он, тронули с места они всех коней и поехали.

Когда они уезжали, они захватили с собой полный бурдюк иныжевской крови. Доехали они до околицы селения гостя и оставили лошадей на краю селения. Сами они проехали домой, а дома мать и отец гостя ослепли от плача, он подал им бурдюк, и как только они помазали глаза кровью, тут же прозрели. Гость уложил Карашауея в хачеше, а сам ушел к себе домой. Все селение собралось там, и Карашауей тайком поднялся и отправился подсмотреть. Заглянул он в окно и увидел, как <гость>, сняв себя мужское платье и одевшись в женское, рассказывает о том, как благодаря Карашауею она отомстила за семерых своих братьев; ничего не говоря, Карашауей возвратился к себе и лег спать. Наутро бысым, войдя, спросил Карашауея:

– Как ночевал? – так сказал.

– Не повернувшись с боку на бок, проспал до утра, – ответил Карашауей, не напоминая о том, что он видел.

– Ну, тогда спокойно, ни о чем не беспокоясь, отдыхай. Когда погостишь у меня столько, сколько я у тебя, тогда я тебя провожу домой, – когда так сказав, тот выходил, Карашауей потянулся, сорвал с головы бысыма шапку, и обнажил густые <девичьи> волосы. Схватил он <девушку> за косы, начал хлестать ее плетью, и хлестал, пока она не сказала: «Уашхо-серым камнем клянусь, что если ты муж, то я жена».

Девушка вышла, переоделась в женское платье и уселась на подушки. Карашауей привез ее большим свадебным поездом, в сопровождении всего селения, и возвратился к себе.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 3. Исп. Жамурза Дзыгулов: 1862 г.р., с. Жемтала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.04.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой один из наиболее полных вариантов версии о женитьбе героя, называемой сказителями «Сказание о госте нарта Шауея».

13. КІАНЩІЭ И КЪУЭ ЩАУЕЙ И ХЪЫБАР

КІанщІэ и къуэ Щауей нартхэм ящыщу щытащ. ХьелэкІэ яукІыжыну Насрэнрэ Сосрыкъуэрэ яужь итт. Зы щІыпІэ гуэрым ешхэ-ефэ щыІэу, КІанщІэ и къуэ Щауейр Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ здырашэжьэну мурад ящІащ. ЕфакІуэ здэкІуэхэм зы щІыпІэ гуэрым нэсахэу: «Мыбы деж къыщынэ уэ, дэ зыдмыгъэгувэу къэдгъэзэжынщ, зыдгъэгувэнкъым», – жаІэхэри, а щІыпІэм КІанщІэ и къуэ Щауей къыщанэри езыхэр ежьахэщ.

КІанщІэ и къуэ Щауей шым уанэр трихащ, щІакІуэр зыришэкІри гъуэлъащ. Зэрыгъуэлъу, дунейр уей-псей хъуащ, Сосрыкъуэ и уаети. Зэрыуаем хуэдэу, махуэ-махуитІ къэтауэ, Сосрыкъуэрэ Насрэнрэ къагъэзэжащ. Лажьэ имыІэу, и шыжьми жущэн гъур тІэкІу ифыщІу щыту, КІанщІэ и къуэ Щауейм зекІуэлІхэри къырихьэлІэжащ.

– Дэнэ фыщыІахэ? – жиІэу мобыхэм щеупщІым, жэуапу къыратащ:

– Нарт Цырхъужьей ишхэр къэтхуну дыкІуати, дезэгъакъым, – жаІэри жэуапу ар къыратыжащ.

– АтІэ, сэ сыкІуэнщ абы, – жиІэри КІанщІэ и къуэ Щауейм шым уанэр трилъхьэри ежьащ. ЗдэкІуэнур нарт Цырхъужьей и дежт. ЗдэкІуэнум нэсри, и Шыпэху Іушэжьым шхуэмылакІэр тридзэри нартхэ яшхэр здыщІэт боубжэмкІэ иутІыпщащ. Шыпэхужьым боубжэр икъутащ.

Сосрыкъуэрэ Насрокъуэрэ суткIитI зэману трагъэкIуадэмэ, КIанщIэ и къуэ Щауей сыхьэтищкIэ фIэкIа пымыту шыхэр къыщIихури къежьэжащ. Зэман куэд дэмыкIыу, мо тIур къыздигъэнам и деж щысу къырихьэлIэжащ.

– Дауэ хъуа? – жаIэу Сосрыкъуэрэ Насрокъуэрэ къыщеупщIым, жэуапу яритыжащ:

– СыхьэтищкIэ иужь ситащ, абы хуэдиз зэман тезмыгъэкIуэдэн хуейуи сыхьэулеящ, – жиIэри жэуапу къаритащ.

Iуэхугъуэ зяужь ихьар зэфIэкIати, къежьэжхэри къэкIуэжахэщ.

ПсорикI здэщIыгъуу къыздэкIуэжым, Сосрыкъуэрэ Насрокъуэрэ зэчэнджэщащ:

– Сыт и гъэкIуэдыкIэ хъуну мы КIанщIэ и къуэ Щауейм? – жаIэхэри. – ХьилэкIэ мыхъумэ, лIыгъэкIэ зырикI тхуещIэну къыщIэкIынкъым мыбы, – жаIэри Iэмал лъыхъуэхэу здыхуежьахэщ.

Ар псорикI къызыхэкIар КIанщIэ и къуэ Щауей лIыгъэкIэ абыхэм ефIакIуэт, шыщхьэмыгъазэт, зытриубыдам фIигъэкIыртэкъым, и зекIуэгъухэми бэлыхьу ятелът.

КIанщIэ и къуэ Щауей лIыгъэ ин зэрыхэлъыр къегъэлъагъуэ нарт Хьэтыкъуей ипхъу Дыгулыпхъу и хэдэныгъэм. Дыгулыпхъу лъыхъукуэдуи Iэта зэманым. Псэлъыхъуукъыхущытхэт Сосрыкъуэ, Хъымыщ и къуэ Батрэз, КIанщIэ и къуэ Щауей, Чылъахъстэнышхуэ, Нэгурыкъуэ лIыхъу сымэ.

Дыгулыпхъу нарт хъыджэбз хахуэр абыхэм хэдэрт, икIи къыхихауэ щытарикI Ашамокъуэ щIалэрщ. КъыщIыхихауэ щытар ар адрейхэм нэхърэ нэхъ лIыгъэ хэлъу артэкъым, атIэ укIыгъэ мыхъуу нэхъ къызытенэнкIэ хъунути араш, лIы пхъашэ гупу дзы зыфIищахэм нэхърэ Ашэмокъуэм и щэбагъым къыкъуэнэным щыгугъырти араш.

ЛIы пхъашэ гупым Дыгулыпхъу щыхэдэм, КIанщIэ и къуэ Щауей дзыуэ къыхуигъуэтыфауэ щытар мыраш:

Уи шы пэхужь мыгъуэр хуэIушэщ,
Шыбз къуэлэн щищри уи зэ <къэ>хугъуэщ,
КIанщIэ и къуэ Щауейри ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуми, уи анэ ябгэр уиIэу,
СыбдэмыкIуэн, – жиIэри.

Ар апхуэдэу зэрыщытым къегъэлъагъуэр, КIанщIэ и къуэ Щауей хахуэу зэрыщытар. Дыгулыпхъу лIыхъужь псомикI усэ яхуиусауэ щытщ, а усэр мы къэкIуэнухэрщ:

Афэ гъуэншэджибл мыгъуэри зэтырелъхьэ,
Нартхэ я къалэ бжиблым зауэ ныщещI,
Хъымыщ и къуэ Батэрэзыр ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуамикI, сыбдэкIуэнукъым.

Е, уи шы пэхужь мыгъуэр Iушэщ,
Шыбз къуэлэн щищри уэ уи зэ хугъуэщ,
КIанщIэ и къуэ Щауейри ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуми,
Уи анэ ябгэр уиIэу, сэ сыбдэмыкIуэн.

Сэуэ пкIэрыщIа мыгъуэри бжьиз ирокъу,
Куэпкъыр къытырегъэжри – и зэ Iулъхьэгъуэщ,
Чылахъстэнышхуэри ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуамикI,
Зи щхьэр гъущIынэкIэ ядыжам сыбдэмыкIуэн.

Хьищэмрэ уищэмрэ хегъэпазэ,
Язхэ я пщIэгъуалэри къакIэщIощ.
Нэгурыкъуэ лIыхъур ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуами, сыбдэкIуэнкъым,
Уи анэшым я пщIэгъуалэр къэбдыгъумэ,
Ара лIыгъэ хъур?

Е, уи Тхъуэжьейр бзуупщIафэщ,
Уи афэ псыгъуэ мыгъуэри щIым нос,
Нартхэ СосрыкъуапщIэ мыгъуэр ди псэлъыхъущ,
Бэрэ сэ укъыслъыхъуми, сыбдэкIуэнкъым,
Уэ цIыху укъилъхуакъым – нывэм укъыхэкIащи.

А шы узытес мыгъуэр нэсэ-пасэщ,
Езыр щIалэ ес щхьэкIэ, Iэщэ хуэфIщ,
Ашэмокъуэ щIалэр ди псэлъыхъущ,
УкъыслъымыхъумикI, сыныбдэкIуэнущ.

Уэ уи джэмыдитIыр къыщIэпщIэрэ
УнэIутыпхъуу укъысхуэкIуамэ,
Сэ уэ укъэзмышэну тхьэ пхузоIуэ,
Уэ нартхэ лIы бланэ къибнэжакъым,
А къомыр бийуэ къасщтэу, уэ сыту укъасшэрэт.

Уи теджэлейр дыщэ мыIущ,
Джатэр пкIэрыIуа щхьэкIэ улIыгъэншэщ,
«СыбдокIуэ», – жысIами, сыбдэкIуэжкъым.
Мис абы хуэдэ щIыкIэм тету КIанщIэ и къуэ Щауей лIыгъэ зыхэлъ зекIуэлIу щытащ, щтапIэ лъэпкъ мыкIуэжу, жэрыгъэ зекIуэу къэгъуэгурыкIуащ.

СКАЗАНИЕ О СЫНЕ КЯНЧА ШАУЕЕ

Сын Кянча Шауей был из нартов. Насырен и Сосруко хотели погубить его хитростью. Решили Сосруко и Насырен взять с собой сына Кянча Шауея на одно пиршество. Когда по пути на пиршество они достигли какой-то местности, они сказали ему: «Ты оставайся здесь, а мы скоро вернемся, надолго не задержимся», – сказали так, оставили на том месте сына Кянча Шауея, а сами уехали.

Сын Кянча Шауей расседлал коня, обернулся буркой и прилег. Как только он прилег, наступило ненастье, и это было ненастье от Сосруко. В такое ненастье Сосруко и Насырен отсутствовали день-другой и <только потом> вернулись. <По своем возвраще-

нии> уезжавшие застали Кянчева сына Шауея невредимым, а его коня могучего – щиплющим жухлую траву.

– Где вы были?

Когда он так их спросил, те ответили:

– Ездили мы угнать лошадей нарта Цырхужея, но не смогли подступиться, – вот так они ему ответили.

– Тогда я туда поеду, – сказав так, Кянчев сын Шауей оседлал коня и отправился <в путь>. Ехать он должен был к Нарту Цырхужею, и, прибыв туда, он забросил поводок на своего кривого Шыпоха могучего (букв.: *Коня беломордого*) и пустил его в сторону конюшни. Шипох могучий разломал двери конюшни.

Если Сосруко и Насыроко [Насырен] <впустую> потратили на это двое суток, Кянчев сын Шауей всего за три часа вывел лошадей и уехал. Спустя немного времени, он застал тех двоих на том месте, где их оставил.

– Как дела?

Когда Сосруко и Насыроко так спросили, он им ответил:

– Три часа я провозился, понапрасну много времени впустую потратил, – вот такой ответ он им дал.

Дело было сделано, и они повернули назад и направились домой.

На обратном пути, когда они ехали вместе, Сосруко и Насыроко стали советоваться друг с другом:

– Как бы нам погубить этого Кянчева сына Шауея? Видно, мы только хитростью что-то сумеем, а богатырством ничего поделать с ним не сможем, – решили они и стали искать <каких-либо> способов.

Всему этому причиной то, что Кянчев сын Шауей превосходил их всех богатырством, он был шишхамыгаза (букв.: *не поворачивающий коня назад*), если он что задумал, то не отступался, поэтому был в тягость (бельмом на глазу – *перев.*) у своих соратников.

Каким могуществом обладал Кянчев сын Шауей, видно и по выбору <девушки> Дугулипх, дочери нарта Хатукая. В те времена Дугулипх имела много женихов. В числе соискателей ее руки были Сосруко, Хымыша сын Батраз, Кянча сын Шауей, Килахстан Большой, Нэгурыко Мужественный.

Дугулипх, достойная нартская девица, выбирала из их числа, и было так, что она предпочла юного Ашамоко. И выбрала она его не потому, что в нем было больше мужества, чем в других, а потому, что она надеялась – со своей мягкостью он более других, суровых и наделенных прозвищами, имеет возможность остаться в живых.

А когда Дыгулипх выбирала между суровыми мужами, вот прозвища, которые она нашла для Кянчева сына Шауея:

Твой конь беломордый могучий чуть перекошен,
Триста пегих кобылиц ты в один наезд пригоняешь,
Кянча сын Шауей тоже – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, пока есть у тебя мать суровая,
За тебя не выйду, – так сказала и …

Вот оттуда и понятно, каким мужественным был Кянча сын Шауей. А Дыгулипх обо всех героях сочиняла <куплеты>; и они вот такие:

Семь кольчужных штанов разом надевает,
У семи ворот нартской крепости битву затевает, –
Хымыша сын Батраз – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, я за тебя не выйду.

Эй, твой конь беломордый могучий чуть перекошен,
Триста пегих кобылиц ты в один наезд пригоняешь,
Кянча сын Шауей – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ко мне ни сватался,
Пока есть у тебя твоя суровая мать, за тебя я не выйду.

Сабля, что привешена к тебе, длиной в пядь,
Ляжку отрежет – это ему на один прикус,
Чилахстан Большой – тоже нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался,
За тебя, которому голову железными клепками латали, не выйду.

Сотню собак и сотню орлов он поражает,
Язовский белый конь его добычей остается.
Нагуруко Мужественный – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, я за тебя не пойду, -
Если уведешь белого коня у материнской родни,
Разве же в этом заключается мужество?

Эй, твой Тхожей мастью похож на дрозда,
Твоя кольчуга тонкая достает до земли,
Нартский Сосруко смуглый – нашей руки соискатель,
Сколько бы ты ни сватался, не выйду,
Потому что ты не человеком рожден, а из камня вышел.

О, конь, на котором сидишь, тонкий и юный,
Сам же юноша тонкий, оружием ловко владеющий.
Ашамоко юный моей руки соискатель,
Если ты и не посватаешься, я за тебя пойду.

Если ты своих пегих быков запряжешь
И с ними в служанки ко мне пойдешь,
Клянусь тебе, и тогда я тебя не возьму:
Ты в краю нартов доблестных мужей не оставила
<чтобы не сочинить про них куплеты>,
Как бы я женился на тебе, пойдя против них всех!
Твой тегелей с фальшивым золотом,
Хоть и болтается на тебе меч, но ты не мужественный,
Хоть я и сказала, что иду за тебя, я не пойду.

Вот таким неизменно был Кянча сын Шауей, мужественным и любящим зеко был, никогда <ни от кого> не прятался, а всегда был в разъездах <не боялся опасностей>.

Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. № 32-н. Пасп. № 1. Исп. Хабаша Гоов: 1836 г.р., с. Ст. Крепость (Баксан) Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. в 1950 г. С. Штымов. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст представляет собой контаминацию сказания об испытаниях нарта Шауея и смеховых «куплетов», относимых к имени нартской девушки Лашин. Как и в некоторых других случаях, правомерно видеть одним из вероятных источников зарождения сюжета инициальные испытания юноши. Мотив идеального наездника, более характерный для позднего эпоса (похищение лошадей, которых не смогли угнать именитые богатыри), разработан поверхностно. Далее же изложение непоследовательно, что, по-видимому связано с преклонным возрастом исполнителя.

14. НАРТ ТIОТIРЭШРЭ ЩАУЕЙРЭ ЗЭРЫЗЭХУЭЗАР

Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр зыри къыпэмылъэщыжу лIы хъуат. Абы и Джэмыдэжьым и кIуэр къудейм нартхэм я зыши щIыхьэнутэкъым, и пэ гъуанитIым къыриху нафIэ бзийм гъуэгу набдзэхэр илыгъуэрт, езыр цIыхум хуэдэу псалъэрт, Iущт. Езы Щауей нафIэми щIыIэми щышынэртэкъым, лIыгъэкIэ къыпэлъэщыни щыIэтэкъым, бэлэбанэжьу хуэпауэ, цIыхуфэ къырамыплъу къикIухьырт, щыжейкIи и шыжьым къемыпсыхыу жейрт, здэкIуэм.

Абы хуэдэу къикIухьурэ, Щауей Албэч и къуэ ТIотIрэш хуэзащ. Мо фэншэ бэлэбанэжьым, зишыри нэхъ Iеижым, щырихьэлIэм, ТIотIрэш ауан ищIу и шыр Щауей ирихулIащ. Албэч и къуэ ТIотIрэш ицIыхуртэкъым Къанж и къуэ Щауейр, и хъыбари зэхихатэкъым. Неуэщ-къеуэри ТIотIрэш ебгъэрыкIуащ Щауей, чэнэгунэ иригъэщIыну шыбгъэкIэ зырипщытащ, неIащ-къеIащ, Щауей шым здытесым епхъуэри, къытыричын и мураду, ауэ къыхуэгъэхъеякъым. ТIотIрэш ахуэдэу щебгъэрыкIуэм, Джэмыдэжьым небэ-къебэ зищIащ, хуэмыхуфэ дыдэ зытыригъауэри. ТIотIрэш зэпымычу ебгъэрыкIуэ пэтми, адэкIэ IукIуэта фIэкIа, Щауеи Джэмыдэжьыми зыкъомрэ зыри жаIакъым. ИтIанэ, ТIотIрэшым щимыгъэтыжыххэ щыхъум, Щауей къэпсалъэри жиIащ:

– Си гугъу къомыщIу сыутIыпщ, сэ гъуэгу сытетщ, си щхьэ Iуэху тIэкIуи сиIэщ, сомыгъэгувэ. Сэ уи гугъу сщIыркъым, си гугъу къомыщI, – жиIэри.

АрщхьэкIэ ТIотIрэш щигъэтыртэкъым, шы зытесым къытыричын и мураду Щауей къепщэфыIэрт итIани. Щауей аргуэру елъэIуащ ТIотIрэш:

– КхъыIэ, си гугъу къомыщI, уи гугъу сщIыркъым, кхъыIэ сыутIыпщ! – жиIэурэ, ауэ ТIотIрэш нэхъри тегушхуауэ адэкIи мыдэкIи игъакIуэртэкъым, Щауей жиIахэр зэхихыхэртэкъым.

– АтIэ, уэ пхуэдэ щыкIахьэм яхуэфащэр мыращ, – жиIэщ аби, зэ Iэбэгъуэу Iэбэри ТIотIрэшыр шы зытесым къытыричащ Щауей икIи и лъэрыгъыпсыфэм щIидзыри, къеуэри, къежьэжащ, ТIотIрэш и шыжьри Iэдэж ищIри.

Апхуэдэу зыкъомрэ ихьа нэужьым, Щауей и лъакъуэр иIэтри ТIотIрэшыр упIэщIауэ къыщIидзыжащ, икIи гъуэгум къытыринэри езыр ежьэжащ.

ЩIыхуфэ темытыжу, пхъэмбгъум хуэдэу пIащIэ хъуауэ ТIотIрэш къыщылъэтыжри Щауей кIэлъыщIэпхъуащ.

– Къысхуэгъэгъу, хуабжьу сынолъэIур, къысхуэбгъэгъуну, зи мычэзу уэсщIащ, лей уэсхащ! – жиIащ ТIотIрэш, Щауей кIэщIыхьэри. – Сэ хуабжьу си гуапэт уи цIэ, узыщыщыр къызжепIэм, благъэ усщIынут, зомусыгъуэджэм.

– Сэ сызыщыщым уэ хуиIуоху щыIэкъым, узутIыпщыжамэ, кIуэж, куэд къомыбжу! – къыжыриIащ Щауей абы кIэщIу.

АрщхьэкIэ ТIотIрэш аргуэру Щауей кIэлъыщIэпхъуэри елъэIуащ:

– Уэ сэ лей уэсхащ, уэсха пэтми, къызумыщIэIэуэ сыкъэбутIыпщыжащ, зы лIы захуэ, лIыфI гуэру уэ ущыту къыщIэкIынщ, ныбжьэгъу, благъэ усхуэхъумэ, сфIэфIщ, зомысыгъуэджэу дызэрыгъэцIыху, сэ зи мыхъуми сынэхъыжьщ, хуабжьу сынолъэIу, – жиIэри.

Абы хуэдэу ТIотIрэш щылъаIуэм, Щауей къэувыIэри:

– Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэкIэ зэджэр сэращ. Уэ ухэт?

– Сэри Албэч и къуэ ТIотIрэш жыхуаIэр арщ. Неблагъэ си деж, зэхьэзэхуэу Бедыхуэ псыгъуэкIэ еджэу зыпхъу сиIэщи, зомусыгъуэджэм, фызу уэстынщ, икIи абыкIэ уэрэ дэрэ благъэ дызэхуэхъунщ, икъукIэ си гуапэщ унеблагъэу си шыгъу-пIастэ пшхымэ, – жиIащ ТIотIрэш.

– Хъунщ, фIы зыщIэр мэупщIэж, жыхуаIэр арщ, сынэкIуэнщ уи деж, – къигъэгугъащ Щауей ТIотIрэшыр.

– Дапщэщ унэкIуэфын, сытым щыгъуэ сыппэплъэну? – жиIэу ТIотIрэш къыщеупщIым…

– «СынэкIуэнщ», – щыжысIакIэ, сытым щыгъуэ сынакIуэми, сынэкIуэнщ, – жиIэри абы фIэкIа жэуап къыримыту Щауей, еуэри, ежьэжащ.

ТIотIрэш абы аргуэру кIэлъыкIиящ:

– Ди унэр здэщыIэр мо лъэныкъуэмкIэщ, – жиIэу иригъэлъагъуу здэкIуэн хуей щIыпIэр.

ПщыхьэщхьэхуегъэзэкI хъуауэ Албэч и къуэ ТIотIрэшыр, и фэр шэхум хуэдэу фагъуэу, езыр цIыху сурэтым имытыжу зэхэупIэщIауэ и унэм нэсыжащ. Ахуэдэу щыдыхьэжым, ар зы бэлыхь гуэрым зэрыхуэзар къищIэри Сэтэней къеупщIащ:

– Мыр сыт, сыту Iузэ ухъуа, сыт къыпщыущI, сытым ухуэзэ, мыбы хуэдэу хэт узэхэзыупIэщIар, уи фэр пызыхуар? Уэ зы мыгъуэ гуэрым ухуэза хъунщ, къызжеIэ псынщIэу! – жиIэри.

– Узижэгъуэныр сэ сызыхуэзам биигъэкIэ хуэзэ, къарукIэ пэув. Абы уэ Iуэху хуиIэкъым, ущIэмыупщIэххи нэхъыфIщ, ауэ умыбэлэрыгъыу фадэрэ ерыскъырэ гъэхьэзыр, хьэщIэщыр зэлъыIух, Бедыхуэ-дахэми зегъэгъэщIэращIэ, псори хьэзыру щыгъэт, – жиIащ ТIотIрэш, ткIийуэ.

А махуэм щыщIэдзауэ Сэтэней фадэрэ ерыскъырэ лъэкI къимыгъанэу ищIащ, икIи, ахэр хьэзыр щыхъум, ТIотIрэш аргуэру жиIащ:

– Иджы, мы ди пщIантIэм къыдыхьи, блэкIи къомыгъанэу къебгъэблагъыурэ гъэхьэщIэ, я хуэшхым хуэдиз егъэшх, ирафыфым хуэдиз фадэу иregъэф. Ар хэту щытми, фейцейми, факъырэми къомыгъанэу, абы щхьэкIэ нэмыплъ йомыту къыщIэшэурэ гъэхьэщIэ. Мыбы зыгуэр къэкIуэнущи, хуабжьу бэлэбанэщ, фейцейщ, езыр хэтми къыбжиIэнукъым. Абы ди Бедыхуэ-дахэр естынущ.

Абы дежым щыщIэдзауэ Сэтэней ТIотIрэш жиIар игъэзащIэу блэкIи къыдыхьи къимыгъанэу къыригъэблагъэурэ иригъэшхащ, иригъэфащ куэдрэ, ауэ Къанж и къуэ Щауейр къэкIуакъым, Сэтэнейри ахуэдэурэ езэшри тIысыжауэ, ТIотIрэши зекIуэ ежьауэ, Щауей нэсащ. ПщIантIэм дэлъадэри и Джэмыдэжьыр шы фIэдзапIэм фIидзэри езыр: «Iуэху фIохъу, апщий!» – жиIэри хьэщIэщым мыкIуэу занщIэу унэм щIыхьащ. Ауэ Сэтэней «къеблагъи», «тIыси» къыжыриIакъым, Щауей зэрыфейцей Iейм щхьэкIэ. Я щIыбагъ къахуэгъэзауэ Сэтэнеикl, Бедыхуэ-дахэрикl къэмытэджу зэрыщысым хуэдэу щысахэщ, Бедыхуэ-дахэм зыгуэр хидыкIыу гъуэлъыпIэм исти, и щхьэр къиIэтыххакъым, мо бэлэбанэжьым щхьэкIэ. Ахуэдэу зыри къыщемыгугъум, Щауей къэтэджыжри, блын джабэм ТIотIрэш и пхъэ пшынэ фIэлъыр къыфIихри еуэу щIидзащ, мыбы хуэдэу къыригъэкIыу:

– Албэч и къуэ ТIотIрэш ябгэ,
Бгым хуэдэр уи унэм щIэсу фыз
ПщIaIауи слъагъуркъыми.

Ар щызэхихым, Сэтэней фыз Iущ бзаджэти, занщIэу зэхищIыкIащ, ар зэры-Щауейр, ТIотIрэш къэкIуэну жыхуиIа щIалэр зэрыарар, икIи къыщылъэтри фадэ, ерыскъы къытыригъэуващ, ипхъу Бедыхуэ-дахэм еIущащэри: «Мыр уи адэм узырита щIалэр арщ, щIэхыу щIэкIи зызэгъэпэщ», – жыриIащ. Бедыхуэ-псыгъуэр гъуэлъыпIэм къехыу щыщIэкIым, пIащIэуи папыщитIыр щитIэгъати, тIэкIу хуэщIакъуэ хъуащ, абы Щауей гу лъитэри мыбы хуэдэу ТIотIрэш и пшынэм къыригъэкIащ:

– Зэхьэзэхуэу Бедыхуэ-псыгъуэр,
Сэ тыгъэ къысхуащIар,
Зыхуэныкъуэм хуэдзикIэ хуэщIакъуэщ,
ЛъапэкIэрыхъыу жэмыхъуэрылъхущ,
Зыгуэри фиIэу жиIат,
Си закъуэ дыдэу севмыгъафэу,
Ефэгъу гуэр сиIами, си жагъуэтэкъым.

Бедыхуэ-дахэр тIэкIу хуэщIакъуэ щIэхъуар пIащIэу щитIэгъа папыщхэм язым лъэгурыдзэ лей илъти арат, абы хуэдизкIэ хуэщIакъуэ адрей лъакъуэ лъэныкъуэмкIэ хъууэ арат. Ар Сэтэней къыгурыIуэри Бедыхуэ щэхуу жыриIащ икIи лъэгурыдз лейр ирахыжри щIакъуэу щытыжакъым. Лъэгурыдз лейр ирахыжу аргуэру Бедыхуэ-псыгъуэр къыщыщIыхьэм, еплъыри аргуэру Щауей и пшынэм къыригъэкIащ:

Мы унэр дахэт, гъуэзэджэт,
Ауэ уэнжакъыр тIэкIу къуаншэщ, – жиIэу.

Ар щызэхихым, Сэтэней мыбы хуэдэ жэуап иритащ:
– Уэнжакъыр къуаншэми,
Іугъуэр захуэу йокІ.
Щауей ар щІыжиІар Бедыхуэ и нэ лъэныкъуэр тІэкІу мащІэу хуэназэ щІыкІэти арт. Абы жиІам къикІыр «Бедыхуэ дахэт, ауэ и нэр тІэкІу назэщ» – жиІэу **<арати>, Сэтэней ахуэдэ жэуап иритыжащ.**
Ахуэдэу щысурэ, нартхэм ящыщ къыщымыкІуэжым, Щауей ежьэжыну мурад ищІащ.
– Щауэр пІащІэу къохуэх,
Сэ сыщехуэх щІыпІэм
Куэдрэ сыщыс си хабзэкъым.
Сэ ТІотІрэш щыщымыІэкІэ,
Сосрыкъуи щыщымыІэкІэ,
Зэхьэзэхуэу Бедыхуэ-псыгъуэр
Дэсхыу сежьэжынуи
Си щхьэм сэ теслъхьэнкъым,
Къэзгъэзэжынщи ди Іуэху длэжьынщ.
ИтІани махуэщ, зэгуэрым
Фи нартхэр къэсыжым, яжефІэж:
«Губгъуэм дыщызэрихьэлІэм,
Зэрытхуэфащэу фІохъус зэтхынщ,
ДызэрыцІыхууи дыщытынщ.
Абы хуэдэу жиІэри, зы бжьэ фІэкІа яхуемыфэу, щысыни имыдэу и Джэмыдэжьым ешэсыжри, еуэри, ежьэжащ. Нартхэр къэсыжу яужь иува щхьэкІи, ягъуэтыжакъым. ТІотІрэши Сэтэнеи абы дежым я гугъэр хахыжащ, Къанж и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэр малъхъэу яІэным.

КАК ПОВСТРЕЧАЛИСЬ НАРТ ТОТРЕШ И ШАУЕЙ

Шауей, сын Канжа и единственный сын Нарыбгей, так возмужал, что никто его не мог одолеть. Когда его конь Джамыдеж, Джамыда Могучий шел всего лишь иноходью, ни один конь нартов не мог за ним угнаться, а пламя, пышущее из его ноздрей, опаляло края дороги; сам же он был умен и умел говорить, как человек. Ну а Шауей не боялся ни огня, ни мороза, и не было никого, кто мог бы превзойти его в мужестве; <но при этом > он разъезжал одетый, как оборванец, выглядел так, что его за человека не считали; и спал он на ходу, не слезая со своего коня.

Вот так разъезжая, Шауей <однажды> повстречал Тотреша, сына Альбекова. Встретив этого невзрачного оборванца, у которого и конь выглядел еще хуже, Тотреш в издевку направил своего коня грудью на Шауея. Тотреш, сын Альбеков, не был знаком с Шауеем, сыном Канжа и не слыхал о нем. Толкнул-подтолкнул он Шауея, ударил его грудью своего коня, надеясь смять его, схватил того руками, силясь оторвать и выбить из седла, однако не смог даже пошевелить. Когда Тотреш так делал, Джамыдеж притворился совсем беспомощным и стал будто покачиваться. Сколько Тотреш ни напирал, Шауей и Джамыдеж долго ничего не гово-

рили [не предпринимали]. Затем, видя, что Тотреш уж совсем не унимается, Шауей заговорил:

– Не трогай меня, отпусти, я в дороге, у меня кое-какие свои дела, не задерживай меня. Я тебя не трогаю, и ты не трогай меня.

Однако Тотреш не унимался, а всё теребил его, намереваясь выбить из седла. И даже тогда Шауей еще раз попросил Тотреша:

– Пожалуйста, не трогай меня, я тебя не трогаю, пожалуйста, отпусти! – вот так говоря, <он просил>, но Тотреш еще больше напирал, не давая Шауею пути ни туда, ни сюда, не слыша его слов.

– Ну, тогда такие зарвавшиеся, как ты, вот чего достойны, – сказал Шауей, одним движением он схватил Тотреша, стащил его с коня, приладил под стремянный ремень и двинулся дальше, прихватив за уздцы и тотрешева коня.

Долго он его так нес, наконец приподнял Шауей свою ногу, и Тотреш упал, расплющенный; оставил Шауей его на дороге, а сам двинулся дальше. На человека не похожий, расплющенный, как плоская доска, Тотреш вскочил и побежал следом за Шауеем:

– Прости меня, очень тебя прошу простить, я сделал тебе недостойное, провинился перед тобой! – сказал Тотреш, догнав Шауея. – Мне было бы приятно, если бы ты назвал, кто ты и какого ты роду-племени, я бы хотел породниться с тобой, если ты не побрезгуешь этим.

– Какого я роду-племени тебе дела нет, если я тебя освободил, уходи, много не болтая! – ответил ему Шауей кратко.

Однако Тотреш снова побежал вслед за Шауеем и попросил:

– Я с тобой поступил несправедливо. Хоть я и поступил несправедливо, ты меня отпустил, не сделав мне ничего дурного, а значит, ты, наверное, справедливый и добрый человек. Поэтому я хотел бы подружиться, породниться с тобой. Не пренебрегай, давай познакомимся, я прошу тебя очень, хотя бы ради того, что я старше.

Когда Тотреш стал так просить, Шауей остановился:

– Я тот, кого зовут Шауеем, сыном Канжа, единственным сыном Нарыбгей. А ты кто?

– А я тот, кого зовут Тотреш, Альбеков сын. Добро пожаловать ко мне: есть у меня одна дочь по имени Бедух, к которой сваты, соперничая друг с другом, приходят. Если ты не побрезгуешь <родством>, то выдам ее за тебя замуж и этим мы породнимся с тобой. Мне будет очень приятно, если ты станешь моим гостем и отведаешь у меня хлеб-соль (букв.: *соль-пасту*), – ответил Тотреш.

– Хорошо, как говорится, кто творит добро, тот и спрашивать может, – согласился с ним Шауей.

Когда Тотреш спросил его:

– Когда ты сможешь приехать, когда тебя ожидать?...

– Сказал «приеду», значит, когда бы ни было приеду. – Не дав другого ответа, Шауей взял и уехал.

Тотреш снова кликнул ему вслед: «Наш дом вон в той стороне», – сказал он, указывая, в какую сторону ему ехать.

Под вечер добрался домой Тотреш, Альбеков сын, весь бледный, обличьем на <обычного> человека не похожий, сплющенный.

Когда он таким возвратился, Сатаней тут же поняла, что с ним произошло что-то нешуточное, и она спросила его:

– Что это, почему ты стал таким плоским, кто это тебя так сплющил и кто такую бледность на тебя нагнал? Никак ты повстречался с какой-то бедой, расскажи-ка мне поскорее!

– Пусть твой ненавистник повстречается во вражде с тем, кого я встретил, пусть он с ним в силе потягается. Тебе до этого дела нет, лучше уж совсем не спрашивай об этом. Но, не откладывая, заготовь <побольше> питья и еды, приберись в хачеше, вели Бедух-красавице принарядиться, держи все наготове, – распорядился Тотреш строго.

С того дня Сатаней, не жалея сил, готовила питье и еду, и когда все это было готово, Тотреш сказал еще:

– Теперь не пропускай мимо никого, ни тех, кто в наш двор заходит, ни тех, кто мимо проезжает – приглашай всех и угощай: сколько могут съесть, столько еды давай, сколько могут выпить, столько напитков давай. Кто бы ни был – оборванец ли, нищий ли, не презирая никого, приглашай и угощай. Сюда должен явиться один человек, так он <с виду> очень жалкий оборванец, невзрачный, и он тебе сам не скажет, кто он. Вот за него-то я выдам нашу Бедух-красавицу.

С той поры Сатаней, выполняя наказ Тотреша, долгое время приглашала и угощала щедро всех проходящих и приезжающих, но Шауей, сын Канжа так и не приезжал. Со временем, когда Сатаней уже приустала и уже сложила руки, а Тотреш был в разъездах, явился и Шауей. Он въехал во двор, привязал своего Джамыду Могучего к коновязи, а сам, сказав: «*Уохфох апши!*» – вошел прямо не в кунацкую, а в жилой дом. Только вот, Сатаней не сказала ему ни «заходи», ни «садись», так как он был очень уж жалким оборванцем. И Сатаней, и Бедух-красавица сидели к нему спиной и <даже> не повернулись, а как сидели, так и продолжали сидеть, занятые тем, что Бедух-красавица сидела на кровати и что-то вышивала. Она даже головы не подняла из-за этого жалкого оборванца.

Когда вот так никто его вниманием не удостоил, Шауей поднялся, снял *пхапшину* Тотреша, высевшую на стене, и стал на ней играть, выражая такое содержание:

Сын Альбека Тотреш свирепый,
Подобно скале, чтобы в твоем доме сидела,
Такую жену у тебя я не вижу.

Услышав это, Сатаней, женщина до ушлости умная, сразу поняла, что это и есть Шауей, что это тот самый наездник, о будущем явлении которого говорил Тотреш. Тут же она вскочила и принесла питье и еду, а своей дочери Бедух-красавице шепнула: «Это тот парень, за которого твой отец тебя выдает, скорее выйди и принарядись». Когда Бедух-тонкостанная слезала с <высокой> кровати и выходила из комнаты, она надевала свои *папыши* второпях и чуть захромала. Это приметил Шауей и вот так наиграл на своей пшине:

Бедух-тонкостанная, из-за которой <женихи> соперничают,
И которую мне подарили,

Прихрамывает настолько, насколько недостает,
Она в чарыхи (обувь простонародья) обута, пастухом рождена…
Говорили, что кто-то у вас есть,
Чтобы мне не пить в одиночестве,
Недурно бы мне иметь сотрапезника…

Почему Бедух-красавица захромала – это потому, что в одном из пары папышей оказались две стельки – ровно настолько она и прихрамывала на другую ногу. Сатаней это смекнула, тихо шепнула Бедух-<красавице>. И когда Бедух-тонкостанная убрала стельку и вошла в комнату, Шауей посмотрел на нее и наиграл на своей пшине:

Этот дом был красив и замечателен,
Да только труба у него чуть скошена.
Услышав это, Сатаней дала такой ответ:
Пусть труба чуть и скошена,
Да дым из нее прямо поднимается.

Шауей так спел потому, что у Бедух один глаз был чуточку скошенный. Это означало: «Бедух прекрасна, только глаза чуть раскосые». Вот на это и давала свой ответ Сатаней.

Так они сидели, но так как никто из нартов не возвращался, Шауей решил уезжать.

Жених спешит с коня спрыгнуть,
Там, где я спрыгиваю,
Я не привык долго задерживаться,
Раз уж Тотреша нет дома,
И Сосруко нет дома,
Бедух-тонкостанную, из-за которой соперничают,
Увезти и уехать восвояси
Я не могу признать достойным,
Как возвращусь, тогда и дело наше решим.
И то, что потом будет, это тоже день, и если когда-то
Ваши нарты вернутся, сообщите им:
«Если в поле <чистом> повстречаемся,
По достоинству будем приветствовать друг друга,
Знаться друг с другом будем».

Сказал он так и, не выпив больше одного бокала, не согласившись долго сидеть, сел на своего Джамыдежа, взял да уехал. Нарты вернулись, помчались за ним вслед, но найти его не смогли. И Тотреш, и Сатаней здесь распростились с надеждой, что Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарыбгей, когда-нибудь станет их зятем.

Печатается по: Н7. Т. V. С. 101–105. Литературно обработанный вариант был опубликован в издании «*Нартхэр. Къэбэрдей эпос*» (*Нарты. Кабардинский эпос*). *Налшык, 1951. Н. 502–506. Оригинал текста утерян, поэтому* «*паспортные*» *данные установить не удалось. Текст сохранился благодаря тому, что в канун подготовки Н7 из архива ИГИ КБНЦ РАН* (*тогда – КБНИИ*) *мно-*

гие материалы были переданы в Майкоп, в сектор фольклора и литературы Адыгейского НИИ для публикации в данном издании. Перевод на русский язык А. Гутова.

Текст – один из наиболее полных и в художественном отношении совершенных вариантов сказания о сватовстве нарта Шауея. Оригинальна контаминация сюжетов о встрече в открытом поле с незнакомым богатырем (здесь это Тотреш, который впоследствии предлагает герою стать его зятем) и о сватовстве с детально разработанным эпизодом игры на пхапшине; также необычно то, что герой уезжает, оставляя нареченную невесту в неведении.

Уохфох апши! (*ІуэхуфІохъу апщий!*) – букв.: «*Да будет твое дело добрым!*» – традиционная формула приветствия человека, занятого каким-либо делом.

Пхапшина (*пхъэ пшынэ*) – смычковый музыкальный инструмент, непременный атрибут хачеша, кунацкой.

Папыши (*пэпыщ*) – легкая домашняя обувь женщин аристократического происхождения, у которой не было носок; разновидность современных босоножек.

15. ЩАУЕЙ ЩАКІУЭ ТХЬЭМАДЭ ЗЭРЫХЪУАР

Кхъуэ Лъакъуэ ХужьыжькІэ еджэу зы кхъуэпІащэ ин, икъукІэ лъэщу, нарт хэкум щхьэрыутІыпщу итт.

Кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр къаукІыу яшхыну нарт щакІуэ гуп, Шужьей я тхьэмадэу, мурад ящІри ещакІуэу хуежьащ. Нартхэр кхъуэпІащэжьым куэдрэ ещэкІуауэ, псыпцІэ къамылым къыщаувыхьри еуэу щыщІадзэм, кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр губжьщ, фийри, зигъэкІэрахъуэри, щакІуэхэр лъэныкъуитІу зэкІэщІихури, я кумкІэ яфІыдэжри ежьэжащ, яхуэмыукІыу.

Нартхэр кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьым и ужь къиувэри, къыкІэлъыуэм, къахум, къыкІэлъыуэм, къахуурэ, дыгъэ къыщІэкІыгъуэм Ибгъу къыщырахужьар, пщэдджыжь уэсэпсыр темыкІыу, Щхьэгуащэ къырахулІащ. КхъуэпІащэжьым ТІопкІэ къуэладжэр жьэдитхъури псыми яфІикІащ. Нартхэр кІэщІу кхъуэм и ужь иту, кІэлъыуэу, кІэлъыуэхукІи, техуэу, техуэ щхьэкІэ, яхуэмыукІыурэ Щхьэгуащэ кІэлъыкІхэри, Щхьэгуащапщэкіэ дырагъэзеяуэ, нартхэм яшхэр увыІэри, кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр яІэщІэкІащ.

Абы адэкІэ яшхэм ямыхьыжу, абдежым щызэхэпсыхэхэри тІысыгъэ щащІащ. АтІанэ щакІуэ тхьэмадэу Шужьейм Къанжэ и къуэ Щауей ириджэри: «Уи Джэмыдэжьым шэси кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр тІэщІумыгъэкІыу кІэщІыхьи къытхуэукІ! Сэ лІыжь сыхъури, си нэр набгъэ хъуащи аращ, ахъумэ сэ ар зэрысІэщІэкІын щыІэтэкъым», – жиІэри унафэ къыхуищІащ.

Джэмыдэжьыр нэхъ мыувыІэу къызэтенат, Къанжэ и къуэ Щауейри лІы хъункІэ нэхъ зыщыгугъти, кхъуэпІащэжьым щІыхьэнкІэ абы нэхъ хуагъэфэщат.

Къанжэ и къуэ Щауей и шы Джэмыдэжьым къэшэсри кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьым и ужь иуващ. Лъэужьым тету кIуэуэрэ, Щхьэгуащэ къызэпырыкIыжри, Мейкъуапэ жьэгъукIэ къыдэкIри УлэкIэ иунэтIащ, лъэужьым. Улэ лъэужьыр къэсри, Улэ зыщиIуантIэм деж кхъуэпIащэжьыр мэзым къыщигъуэтащ, зигъэпсэхуу къуэм дэлъу.

Щауейр хуэкIуэу щилъагъум, кхъуэри къэтэджри къыпежьащ, къепэщIэуэну. Щауей къэмыскIэу кхъуэр гъуэнэгъу зыхуищIри, и шабзэмкIэ и натIэгум ихуэу еуэри абдежым щиукIащ. И натIэм техуа шабзэшэр и натIэми и пщэми пхыкIри и ныбэгумкIэ щыпхыкIыжу зэфIэту щIым триIулIащ.

Щауей кхъуэпIащэм и лъакъуиплIыр зэрипхыри, и шым кIэрыпхауэ къырихьэжьэри Мейкъуапэ жьэгъу деж бгым къыщехыжым, Хьэджэужь бжьэпэ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зиплъыхьу тетти, къаплъэри джабэм къехыж шур къилъэгъуащ.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ пщIэгъуалэм тесу, хьэджафитIыр и гъусэу къежэхри, зы напIэ дэхьеигъуэм Щауейм къыщIыхьэри и сэмэгурабгъумкIэ къыбгъурыуващ, Щауейр нэхъыжьти, ижьырабгъур къыритри.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зыбгъурыува Щауейм елъытауэ бадзэ цIыкIу хуэдэт. И пщIэгъуалэри Джэмыдэжьым елъытауэ бадзэ цIыкIу хуэдэт.

ШууитIыр зэрыкIуэ гъуэгур мывалъэт. Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ зытес пщIэгъуалэр мывэм щытеувэкIэ, мафIэ хъуаскIэр и шы лъэгум къыщIихыу, Щауей зытес Джэмыдэжьыр апхуэдизкIэ хьэлъэти, теувэхукIэ, и лъэгуажьэ къэгъэщIеипIэм нэс мывалъэм пхыхуурэ зэгъуэсэу кIуэхэрт. Шы Джэмыдэжьыр апхуэдизкIэ инти, и тхьэкIумэм IэфракIэ пщыкIуз и кIыхьагът.

Ауэрэ Щхьэгуащэ щынэсым, Джэмыдэжьыр псы ефэну къэувыIащ.

Псыр къыздижымкIэ Щауей зытес шы Джэмыдэжьыр къыщытт, псыр зыдэжэмкIэ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэ и пщIэгъуалэр къыщытт. ШитIыр псы ефэну къыщыхэувыIэм, шы Джэмыдэжьым апхуэдизкIэ <псы> хуэлIати, псыкIэмкIэ къежэхари псыщхьэмкIэ дыришеижу ефэурэ, зигъэнщIыхукIэ, пщIэгъуалэм ирифыну зы псы ткIуэпс блигъэжакъым.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэми ар игъэщIагъуэу еплъырт. Шы Джэмыдэжьыр щырикъум, пщIэгъуалэри хуит хъури псым ефащ.

АтIанэ Щауейр нэбгъузкIэ къыхуеплъэкIащ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэм.

– А си щIалэ! Хэт ущыщ, хэти лIакъуэу уиIэ? – жиIэри Щауейр къеупщIащ Пагуэ и къуэ Нарт Щауэм.

– Пагуэ и къуэ Нарт Щауэр сэращ. Си анэжь закъуэм нэмыщIи зыри сиIэкъым, – къыритащ жэуап.

– АтIэ, укIуэжым, «Нарт гуэрым и шым кхъуэшхуэ кIэрыпхауэ ихьу сыIущIат», – жепIэнущ уи анэ. «Ар хэтыт?» – жиIэрэ къоупщIмэ, Къанжэ и къуэ Щауейр сэращ, уигу игъэлъ. Мы кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр нышэдибэ Ибгъу къыщетхужьэри Щхьэгуащапщэ къэтхусауэ, нарт щакIуэхэм дишхэр увыIэри, абдеж тIысыгъэ щытщIауэ, си гъусэхэр къыщызожьэ. Сэ мы си Джэмыдэжьыр нэхъ лъэрыхьу къызэтенати, сыкъыкIэлъыкIуауэ, кхъуэ-

жьыр къахуэзукIауэ яхузохьыж. «Сыт къыуита?» – жиIэрэ уи анэ къоупщIмэ, «Мыр къызитащ», – жыIи уи анэ егъэшх, – жиIэри, Щауей хьэджэсэр къырихри, зэIэбэкIри, кхъуэ блантхьэр зэрызэфIэту къыщIиупщIыкIри хьэджэсэпэм фIэлъу къыхуишиящ.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэр Iэбэу къыщыIихым, шыри лIыри псым хигъэтIысхьащ, яхуэмыIыгъыу.

– А си щIалэ, уи къару пэлъэщынукъым, – жиIэри, Iэбэри хьэджэсэпэмкIэ къыдрихьеижащ.

Псым щызэпырыкIым, адрыщIымкIэ жыгей ин къыщытти, къыришэхри, жыг щхьэкIэр фIиухъуэнщIыкIри кхъуэ блантхьэр абы пиIуащ. ИутIыпщыжри, жыгей иныр къызэрешэхауэ къэнащ.

– МащIэ-мащIэурэ зэрыпхуэхькIэ пхьыуэрэ пхуэгъэIэпхъуэнщ. Илъэс зыхыблкIи уи анэ фэрэ фырикъунщ, фшхыну, – къыжыриIэри, езы Щауей кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр ихьри нартхэм я деж кIуэжащ.

Щауей кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр ихьу нартхэм щахыхьэжым, щакIуэ тхьэмадэ Шужьейр къехъуэхъуащ:

– Тхьэм уигъэпсэу, кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр тIэщIэбгъэкIакъым. Мыр уэ къыщыбукIыфакIэ, ди япэкIэ уэ щакIуэ тхьэмадэ ухъунущ. Сэ си нэр набгъэ хъуащи, щэкIуэным си Iуэху хэлъыжкъым. ЩэкIуэнымкIэ си тхьэмадагъэр хабзэкIэ уэ сIэщIэпхащи, щакIуэ тхьэмадэ махуэ ухъу! – къыжыриIащ.

Нарт щакIуэ гупым кхъуэ Лъакъуэ Хужьыжьыр яхьри кIуэжахэщ.

Къанжэ и къуэ Щауей а нарт гупым щакIуэ тхьэмадэ яхуэхъуащ.

Пагуэ и къуэ Нарт Щауэми кхъуэ блантхьэ зэфIэтыр мащIэмащIэурэ къигъэIэпхъуэри и анэм иригъэшхащ, илъэс зыхыблкIи ирикъуащ.

КАК ШАУЕЙ СТАЛ ТХАМАДОЙ ОХОТНИКОВ

В краю нартов обретался один огромный дикий кабан по прозвищу Белоногий Могучий.

Компания нартских охотников с тхамадой Шужеем решилась добыть и съесть этого Белоногого Могучего кабана и стала на него охотиться. Нарты, долго охотились за огромным кабаном, и когда они <однажды> окружили его в камышах на болоте и стали в него стрелять, Белоногий Могучий рассвирепел, засвистел, развернулся, разделил охотников надвое и проскочил между ними, оставшись неуязвимым.

Нарты пустились вслед за Белоногим Могучим, стреляя вслед ему и преследуя, стреляя и преследуя; так, они его, которого начали преследовать на восходе солнца у <местности> Ибгу (букв.: *Сбоку*), ко времени, когда утренняя роса еще не сошла, подогнали к <реке> Шхагуаше. Могучий кабан прорыл лощину Топче (букв.: *В два прыжка*) и ушел от них через реку. Нарты по пятам преследовали кабана, стреляли в него, стрелы их попадали в него, но хоть и попадали, а убить его они не могли. Так они вслед за ним переправились через Шхагуашу, и когда они направились в сто-

рону верховий Шхагуаши, тут кони их утомились, и кабан Белоногий Могучий от них ушел.

Так как лошади уже дальше не могли нести их, нарты спешились и на том месте расположились <привалом>. Тогда тхамада охоты Шужей подозвал к себе Шауея, сына Канжи, и приказал ему:

– Садись на своего Джамыдежа и, не дав уйти Белоногому Могучему кабану, догони и убей его! Я уже старик и глаза у меня слабые стали, а не то ни за что бы ему от меня было не уйти.

Случилось так, что Джамыдеж меньше других утомился, да и сам Канжа сын Шауей был из тех, на кого больше могли положиться, вот поэтому выбор и пал на него, чтобы он настиг кабана могучего.

Шауей, сын Канжи сел на своего коня Джамыдежа и пустился по следу кабана Белоногого Могучего. Едучи по следу, он вновь пересек Шхагуашу, вышел по подножию Майкопской кручи и направился в сторону Ули. Шел след до Ули и там, где Уля круто поворачивает, <Канжа сын Шауей> обнаружил могучего кабана отдыхающим в балке.

Увидев едущего в его сторону Шауея, кабан тоже встал и двинулся ему навстречу, грозя поразить клыками. Шауей, не дрогнув, дал ему приблизиться и, выстрелив из своего лука прямо в лоб, там его и убил. Стрела, угодившая ему [кабану] в лоб, пронзила и лоб, и шею, вышла через брюхо и пригвоздила кабана к земле стоя.

Шауей связал все четыре ноги кабана и понес, <взвалив> на своего коня и пристегнув его; когда он спускался по склону Майкопской кручи, его увидел Нарт Шао, сын Паго, который стоял на вершине Хаджауж и осматривал окрестности.

Нарт Шао, Сын Паго, сидящий на белом коне и сопровождаемый двумя своими борзыми, в мгновение ока догнал Шауея и занял место с левой стороны, уступив ему правую сторону, так как Шауей был старше, чем он. В сравнении с Шауеем, рядом с которым он стал, Нарт Шао, сын Паго, был подобен маленькой мухе. И его белый конь по сравнению с Джамыдежем тоже был подобен маленькой мухе.

Дорога, по которой ехали всадники, была каменистой. Ехали они так: из-под копыт белого коня Нарта Шао, сына Паго, искры разлетались, а Джамыдеж, на котором ехал Шауей, был такой тяжелый, что с каждым шагом ноги его проваливались в камни по самые коленные суставы. Конь Джамыдеж был такой величины, что ухо его было длиною в одиннадцать локтей.

Когда так они доехали до Шхагуаши, Джамыдеж остановился попить воды. Джамыдеж, на котором ехал Шауей, стоял выше по течению реки, белый конь нарта Шао, сына Паго, стоял ниже по течению. Когда так два коня стали рядом, чтобы попить воды, Джамыдежа такая одолела жажда, что он всосал в себя и ту воду, что ушла вниз по течению, и пока он не напился, белому коню не досталось ни капли.

Нарт Шао, сын Паго, дивился, глядя на это. Когда конь Джамыдеж напился, досталось и белому коню, и он тоже попил. Тогда Шауей краем глаза посмотрел на Нарта Шао, сына Паго.

– Сынок, чей ты будешь? Кто тебе роднёй приходится? – спросил он Нарта Шао, сына Паго.

– Нарт Шао, сын Паго – это я. И кроме одной матери у меня никого нет, – дал он ответ.

– Так, когда ты возвратишься, ты расскажешь матери: «Я встретил одного нарта, который нес привязанного на коне большого кабана». Когда же она спросит: «А кто это был?» <знай, что> Шауей, сын Канжи, – это я, запомни это. Этого кабана, Белоногого Могучего, мы сегодня утром погнали от Ибгу и гнали до верховьев Шхагуаши, там нартских охотников кони притомились, и там расположившиеся нарты меня дожидаются. Мой Джамыдеж оказался менее уставшим, поэтому я продолжил преследовать и убил кабана могучего и вот несу его <нартам>. Если мать спросит у тебя: «Что же он тебе дал?» ответь ей: «Вот это он дал» и угости этим мать, – сказал Шауей, <с этими словами он> достал свою хаджасу, повернулся и, отрезав целую переднюю ногу вместе с лопаткой, протянул ее на кончике хаджасы.

Когда Нарт Шао, сын Паго, потянулся и взял это, <ноги у его коня подкосились, и> конь вместе с седоком сели в воду, не будучи в силах удержать ношу.

– О, сынок, ты этого не осилишь, – сказал Шауей, протянул кончик хаджасы и вытащил их из трясины.

Когда они переправились через реку, а на той стороне рос большой дуб, Шауей пригнул его верхушку, остриг ее и насадил на нее кабанью лопатку. Отпустил он, и огромный дуб так и остался наклоненным.

– Будешь понемногу носить <домой>, беря по столько, сколько осилишь, так <понемногу> все и перетаскаешь. Этого вам с матерью лет на шесть-семь хватит, – сказал Шауей и сам уехал к нартам, неся кабана Белоногого Могучего.

Когда Шауей возвратился к нартам и принес им кабана Белоногого Могучего, тхамада охоты Шужей сказал ему хох:

– Пусть Бог дарует тебе жизнь [спасибо тебе], ты не дал нам упустить кабана Белоногого Могучего. Раз ты сумел его убить, наперед из тебя выйдет тхамада охотников. А у меня глаза слабые стали, и отныне мне в охотничьем промысле проку нет. Предводительство на охоте ты забрал у меня согласно обычаю, и да будешь ты удачливым тхамадой охотников! – так ему сказал.

Компания нартских охотников забрала кабана Белоногого Могучего и возвратилась домой. Вот так Канжа сын Шауей стал у этой компании тхамадой охотников.

А Нарт Шао, сын Паго, помаленьку перетаскал кабанью лопатку с ногой и угощал <этим мясом> свою мать. Лет на шесть-семь этого им хватило.

Печатается по: Н7. Т. V. С. 98–101. Исп. Амирхан Хавпачев: 1882 г.р., с. Кахун Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 15.06.1949 г. З. Кардангушев. Перевод на русский язык А. Гутова.

Данное сказание известно в единственном варианте, в то же время сам мотив исполинского роста животных или персонажей весьма типичен для адыгского нартского эпоса. По представлениям носителей традиционного «эпического сознания», богатыри-нарты были по сравнению с обычными людьми такими же гигантами, как великаны-иныжи в сравнении с ними самими. Соответственным представлен и окружающий их мир, с деревьями, животными, строениями.

Герой отдает солидную часть своей добычи, следуя обычаю, строго соблюдавшемуся у охотников: у адыгов было непреложным правилом, чтобы охотник делился с любым, кого он повстречает по пути домой с охоты.

ГУЭДЗЭНХЭР

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СКАЗИТЕЛЕЙ

Акушев Асланчери (*Акъушъ Аслъанчэрый*) – I: 17.
Ачегу Али (*АкIэгъу Алый*) – I: 50.
Ачегу Ибрагим (*АкIэгъу Ибрахьим*) – II: 11.
Бадзев Тлостанбек (*Бадзэ Лъостэнбэч*) – II: 7.
Бевов Хамид (*Бэв Хьэмид*) – I: 9.
Беретарь Хабидат (*Бэрэтэрэ Хьабидэт*) – I: 29.
Бесиджев Саферби (*Бэсыдж Сэфэрбый*) – I: 33.
Бжихако (*Бжыхьакъо*) (*более точных сведений не обозначено*) – I: 31.
Бжунаев Мухамед (*Бжьунай Мухьэмэд*) – I: 5.
Богус Тагир (*Бэгъушъэ ТIахьир*) – I: 30, 37.
Гоов Хабаша (*Гъуо Хьэбашэ*) – II: 13.
Дзыгулов Жамурза (*Зыгул Жэмырзэ*) – II: 1, 6, 12.
Харох Доль (*Хьарэхъу Дол*) – I: 34.
Ехутл Адамей (*ЕхъулI Iэдэмей*) – I: 32.
Жабоев Хамурза (*Жабо Хьэмырзэ*) – I: 39; II: 5.
Казиев Хажбара (*Къазий Хьэжбарэ*) – II: 9.
Карданов Хажисмель (*Къардэн Хьэжысмел*) – I: 4, 14.
Куваев Зафес (*КIуай Зэфэс*) – I: 13.
Куваев Исмаил (*КIуай Исмахьил*) – I: 2, 18.
Курыжев Харун (*Курыжъо Хьарун*) – II: 10.
Кушу Исмаил (*Кушъу Исмахьил*) – I: 20, 41.
Кушу Муслимет (*Кушъу Муслъимэт*) – I: 6.
Кушхабиев Аслангерий (*Къущхьэбий Аслъэнджэрий*) – I: 27, 38.
Мазанов Мудар (*Мэзан Мудар*) – II: 8.
Маиров Салих (*Мер Сэлихь*) – I: 22, 36.
Мугу Нух (*Мыгу Нухь*) – I: 19.
Патук Аслангерий (*ПIатIэкъу Аслъэнджэрий*) – I: 43.
Начоев Камаца (*Нэчо КIэмацэ*) – I: № 1.
Огурлов Заубэч (*Огъурл Заубэч*) – I: 15.
Оситлов Пщимаф (*ОсылI Пщымаф*) – I: 28, 48.
Пщидаток Мадин (*Пщыдатэкъо Мадин*) – I: 3.
Пщидаток Сагид (*Пщыдатэкъо Сахьид*) – I: 11.
Сеинов Хачим (*Сеин Хьэчим*) – I: 23.
Семен Едидж (*Сэмэн Едыдж*) – I: 8, 47, 49.
Тарашев Багиль (*ТIэрэш Бахьил*) – I: 26.
Утижев Ильяс (*IутIыж Ильяс*) – I: 21.
Хавпачев Амирхан (*ХьэхъупащIэ Амырхъан*) – II: 15.
Хагур Шаофиж (*Хьагъур Шъэофыжь*) – I: 42.
Хажоков Адам (*Хьажъэукъо Адэм*) – I: 12.
Хамтоху Аюб (*Хьамтэхъу Аюб*) – I: 40.
Хамуков Миша (*Хьэмыкъуэ Мышэ*) – I: 24.
Хапай Махамод (*Хьэпэе Мыхьамод*) – II: 2.
Хасанов Гузер (*Хьэсанэ Гъузер*) – I: 44.
Хахо Мустафа (*Хьахъо Мостаф*) – I: 16.
Хашханок Махамод (*Хьашъхьанэкъо Мыхьамод*) – I: 7.
Хутыз Тугуруг (*ХъутIыжъ Тыгъурыгъу*) – I: 19.
Чужев Мурат (*Цужъ Морат*) – I: 25.
Шоров Карамурза (*Шорэ Къарэмырзэ*) – II: 4.

Нет данных – I: 10, 35, 45, 46; II: 3, 14.

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ

Абитов М. (*АбытІэ Мухьэб*) – I: 12.
Алибеков А. (*Албэч Іэуес*) – I: 9, 47; II: 8.
Атажукин К. (*ХьэтІохъущокъуэ Къазий*) – I: 10.
Аутлева С. (*Аулъэ Сарет*) – I: 17.
Ашинов А. (*Іэшъынэ Абубэчыр*) – I: 15.
Ашхамаф Д. (*Іашъхьэмэфэ Дауд*) – I: 13.
Багов Н. (*Багъ Нурбий*) – I: 29.
Бахов Е. (*Бахъукъо Ерэджыб*) – I: 33.
Бичоев А. (*БищІо Аслъэн*) – I: 1, 5, 14.
Водождокова Х. (*Одэжьдэкъо Хьаджэмэт*) – I: 20, 41.
Гадагатль А. (*ХьэдэгъэлІэ Аскэр*) – II: 2.
Гутов А. (*Гъут Іэдэм*) – II: 7.
Дахужева Л. (*Дэхъужъ Л.*) – I: 28.
Джамурзаев С. (*Жамырзей Суфян*) – I: 21.
Дюмезиль Ж. (*Дюмезиль Жорж*) – I: 31.
Кардангушев З. (*КъардэнгъущІ Зырамыку*) – I: 4, 44, 50; II: 1, 6, 12, 15.
Керашева З. (*КІэрэщэ Зэйнаб*) – I: 7.
Киримов М. (*Чэрим Мухьэз*) – I: 27, 32, 38, 43.
Меркицкий Р. (*Меркицкэ Рэшыд*) – I: 34.
Набокова Н. (*Набэкъо Н.*) – I: 48.
Налоев З. (*Нало Заур*) – I: 22, 23, 24, 26, 36, 39; II: 4, 5.
Пщидаток М. (*Пщыдатэкъо Мадин*) – I: 3.
Схаляхо А. (*Шъхьэлэхъо Абубэчыр*) – I: 11.
Схаляхо Щ. (*Шъхьалэхъо Щамсэт*) – I: 6.
Тлюстен Ю. (*Лъэустэн Юсыф*) – I: 8, 30, 37, 49; II: 11.
Унарокова Р. (*Унэрэкъо Рай*) – II: 10.
Хуажев М. (*Хъуажъ Мыхьамод*) – I: 2.
Хут Ш. (*Хъут Щамсудин*) – I: 19.
Цей И. (*Цэй Ибрахьим*) – I: 18, 40.
Шишева Н. (*Щышэ Н.*) – I: 42.
Шогенов Х. (*Щоджэн Хьэзешэ*) – II: 9.
Штымов С. (*Щтым Сэрэбий*) – II: 13.
Щеуджен Я. (*Щэуджэн Яхья*) – I: 16.

Нет данных – I: 25, 35, 45, 46; II: 3, 14.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

Ассоколай (*Аскъэлае*) – I: 30, 37.
Аушигер (*Аушыджэр / Дыгъужьыкъуей*) – I: 39; II: 5, 7.
Афипсип (*Афыпсып*) – II: 11.
Бесленей (*Беслъэней / Тхьэстыкъуей*) – I: 4, 5, 14.
Вочепший (*Очэпщый*) – I: 3, 6, 7, 11, 20, 41.
Дейское (*Дейскэ / Мэртэзей*) – I: 9.
Джамбечий (*Джамбэчые*) – I: 33.
Джиджихабль (*Джэджэхьаблэ*) – I: 19.
Егерухай (*Еджэркъуае*) – I: 17, 25.

Жемтала (*Жэмтхьэлэ*) – II: 1, 6, 12.
Кахун (*Къэхъун*) – II: 15.
Кошехабль (*Куэшхьэблэ*) – I: 12.
Кфар-Кама (Израиль) – I: 16.
Майкоп (*Мыекъуапэ*) – I: 42.
Малка (*Малкэ / Ашэбей-Хьэжыхьэблэ*) – I: 1.
Мамхег (*Мамхыгъ*) – I: 43.
Нартан (*Нартан / Къылышбийхьэблэ*) – I: 23, 24; II: 8.
Нечерезий (*Нэчэрэзые*) – I: 29.
Париж (Франция) – I: 31.
Плановское (*Плановскэ / Ботэщей*) – I: 27, 38; II: 9.
Понежукай (*Пэнэжьыкъуае*) – I: 32.
Псибе (*Псыбэ*) – I: 50.
Псыгансу (*Псыгуэнсу / Жанхъуэтхьэблэ*) – I: 26, 44.
Пчегатлукай (*ПчыхьэлIыкъуай*) – I: 8, 40, 47, 49.
Старая Крепость (Баксан) (*Бахъсэн*) – II: 13.
Старый Урух (*Старэ Урыху / Хьэтуей*) – I: 21.
Старый Черек (*Старэ Шэрэдж / Дохъушыкъуей*) – I: 22, 36.
Урупский (Шхащефиж) (*Шъхьащэфыжь*) – I: 15, 28, 48.
Урух (*Урыху / Къуэгъулъыкъуей*) – II: 4.
Хакуринохабль (*Хьакурынэхьаблэ*) – I: 2, 13, 18.
Хатукай (*Хьатикъуае*) – II: 2.
Хачемзий (*ХьакIэмызые*) – II: 10.
Шенджий (*Щынджые*) – I: 34.

Нет данных – I: 10, 35, 45, 46; II: 3, 14.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ

Альп (*алъп / алп*) – порода легендарных лошадей, обладающих фантастическими свойствами.

Ау (*Iэу*) – междометие со значением удивления.

Ахират (*ахърэт*) – потусторонний мир.

Ахратуко (*ахърэтыкъуэ / ахърэтыкъу / ахърэтыкъо*) – букв.: *ахърэт – загробный мир, -къо – сын* – приемный сын, который был призван в загробном мире стать заступником за мужчину, не породившего своего сына.

Баджина (*бэджынэ / бэджын*) – традиционное адыгское блюдо, разновидность каши.

Бысым (*бысым*) – хозяин, принимающий гостя.

Гомыла (*гъуэмылэ / гъомыл / гъомылэ*) – съестные припасы, собираемые на дорогу или на любой случай временного отсутствия дома.

Гуаша (*гуащэ / гуащ*) – 1) покровительница, богиня; 2) княгиня; 3) старшая женщина в доме; 4) чучело, кукла.

Джегу (*джэгу*) – игрище с застольем, пением, плясками, состязаниями и другими развлечениями.

Джин-Джин (*Джын-Джын*) – значение слова однозначно не объясняется. Возможно, это мифический топоним, обозначающий некую местность, почитаемую как сакральная.

Джирщ (*Джырщ*) – эпический топоним.

Еблага / еблаг (*еблагъэ, къеблагъэ / еблагъ, къеблагъ*) – букв.: *будь близким / будь гостем* – традиционная этикетная формула приглашения гостя в дом.

«***Еле***» («*Елэ*») – ритуальная песня, исполняемая хороводом вокруг пораженного молнией или у места, куда угодил удар молнии.

Зеко (*зекIуэ / зекIо*) – поход, наезд, путешествие.

Зиусхан (*зиусхьэн / зиусхьан*) – букв.: *господин*. Во многих текстах используется в исходном значении слова: *Зи уз схьын – Чьи болезни я на себя возьму*.

Казщир уц (*къазшырудз / къазщыруц*) – низкорослая трава семейства клеверовых: «*горец птичий*», «*спорыш*».

Катль-гутль (*къалъкъулъ / къэлъ-гулъ*) – трава, произрастающая на сенокосах: «*донник желтый*», «*донник лекарственный*». Считается лекарственной и для животных высококалорийной.

Кумган (*къубгъан*) – водолей, сосуд для омовения.

Лагуна (*лэгъунэ / лэгъун*) – 1) комната новобрачных; 2) женская половина дома.

Мазытха (*Мэзытхьэ* (*Пщымэзытхьэ*) / *Мэзытхь*) – языческий персонаж, покровитель лесов и охоты в адыгской мифологической системе.

Маиса / маита (*маисэ / маис / маитэ*) – меч особой закалки, с особыми свойствами; секира.

Маржэ / мардж (*маржэ / мардж*) – междометие со значением призыва.

Мыжура (*мыжурэ*) – колющее оружие в ранних текстах, позже, с появлением огнестрельного оружия, – *штык*.

Намазлык (*нэмэзлыкъ / нэмазлыкъ*) – молельный коврик у мусульман.

Ныш / ныщ (*ныш / ныщ / ныщы*) – жертвенное животное в честь гостя.

Папыщ (*папыщ*) – нарядная обувь знатных дам, по стилю напоминающая босоножки.

Пхаваки / пхацуаки (*пхъэ вакъэ / пхъэцуакъэ*) – подчеркнуто высокая деревянная обувь, подобие древнегреческих котурн, ношение их было прерогативой знатных особ.

Пхапшина (*пхъэ пшынэ / пхъэпщын*) – смычковый музыкальный инструмент, род скрипки со специально приделанной ножкой, что делает инструмент более звучным.

Пшарых (*пшэрыхь / пщэрыхь*) – 1) оруженосец при рыцаре-наезднике; 2) меткий охотник; 3) дичь; 4) повар.

Псыж / Пшиза (*Псыжь / Пшызэ*) – адыгское название реки Кубань.

Пшина / пщина / (*пшынэ / пщынэ*) – общее собирательное название группы музыкальных инструментов, включая гармошку, а также струнные смычковые и щипковые хордофоны.

Пщарахыпа (*пщэрыхьапIэ*) – кухня.

Пщищана (*Пщыщанэ*) – видимо, один из притоков Кубани.

Самыр (*самыр*) – порода охотничьих собак, борзая.

Сано (*санэ*) – хмельной напиток, приготавливаемый и выдержи-

ваемый длительное время в большом сосуде. При созревании он образует несколько слоев, каждый из которых имеет свое название – «*светлое сано*», «*красное сано*», «*темное сано*» и пр. Первые три считаются престижными, причем из них самое почитаемое – это «*светлое сано*».

Талай (*тэлай*) – мера времени, соответствует словосочетанию «некоторое время».

Татартуп (*Тэтэртуп*) – башня и часовня на правом берегу реки Терек, место поклонения у восточных адыгов.

Тен (*Тэн / Тенэ*) – адыгское название реки Дон.

Теого (*теуэгъуэ / теогъо*) – мера длины, равная одному переходу, то есть расстоянию между двумя привалами всадника в пути.

Тха (*Тхьэ*) – 1) букв.: *бог:* общее нарицательное имя бога, а также одно из собственных имен верховного божества в адыгской мифологии; 2) мера длины.

Уашхо (*Уащхъуэ / Уашхъо*) – космическое божество в языческом пантеоне адыгов.

Уд (*уд / уды*) – колдун, колдунья, ведьма.

Усареж (*Уэрсэрыжь / Уэсэрэжъ*) – ведун, предсказатель.

Фазахоч (*ФэзэхъуэкI*) – букв.: *меняющая внешность, облик, цвет.*

Хабар (*хъыбар / къэбар*) – известия, вести, предания.

Хагирей (*хэгъэрей / хэгъырэй*) – принимающий гостя, хозяин.

Хантхупс (*хьэнтхъупс / хьантхъупс*) – суп, похлебка.

Хатэ-хасэ (*хэтIэ-хэсэ / хэч-хас*) – богатырская забава (поединок), при которой соперники поочередно поднимают друг друга и вгоняют в землю.

Хачеш (*хьэщIэщ / хьакIэщ*) – комната или отдельный дом для гостей.

Хеу (*Хъыу*) – название речушки, которая впадает в р. Черек. Чаще всего упоминается в цикле об Андемиркане.

Хомух / фамыф (*хуэмыху / фэмыф*) – ленивый, нерасторопный, неловкий, несообразительный.

Хох (*хъуэхъу / хъохъу*) – благопожелание, один из популярных жанров адыгского фольклора.

Хуабашыпс (*хуабэщIыпс*) – архаизм, *похлебка*, специально приготавливаемая для тех, у кого случился перелом реберных костей.

Хуара / фара (*хуарэ / фарэ*) – лошадь чистокровной породы.

Чинтия / Чиртия (*Чынт / Чырты*) – эпическая страна племени *чинт / чирт,* которое в адыгской версии нартского эпоса чаще представлено как враждебное племени нартов.

Шабий (*шабий*) – травянистое растение «*коротконожка перистая*»*;* мягкая трава, которую адыги использовали для подстилки.

Шаог (*щауэгъу*) – друг, друзья, принявшие на себя обязательства в верности друг другу.

Шишхамыгаза (*шыщхьэмыгъазэ*) – букв.: «*не поворачивающий коня назад*» – лихой, храбрый.

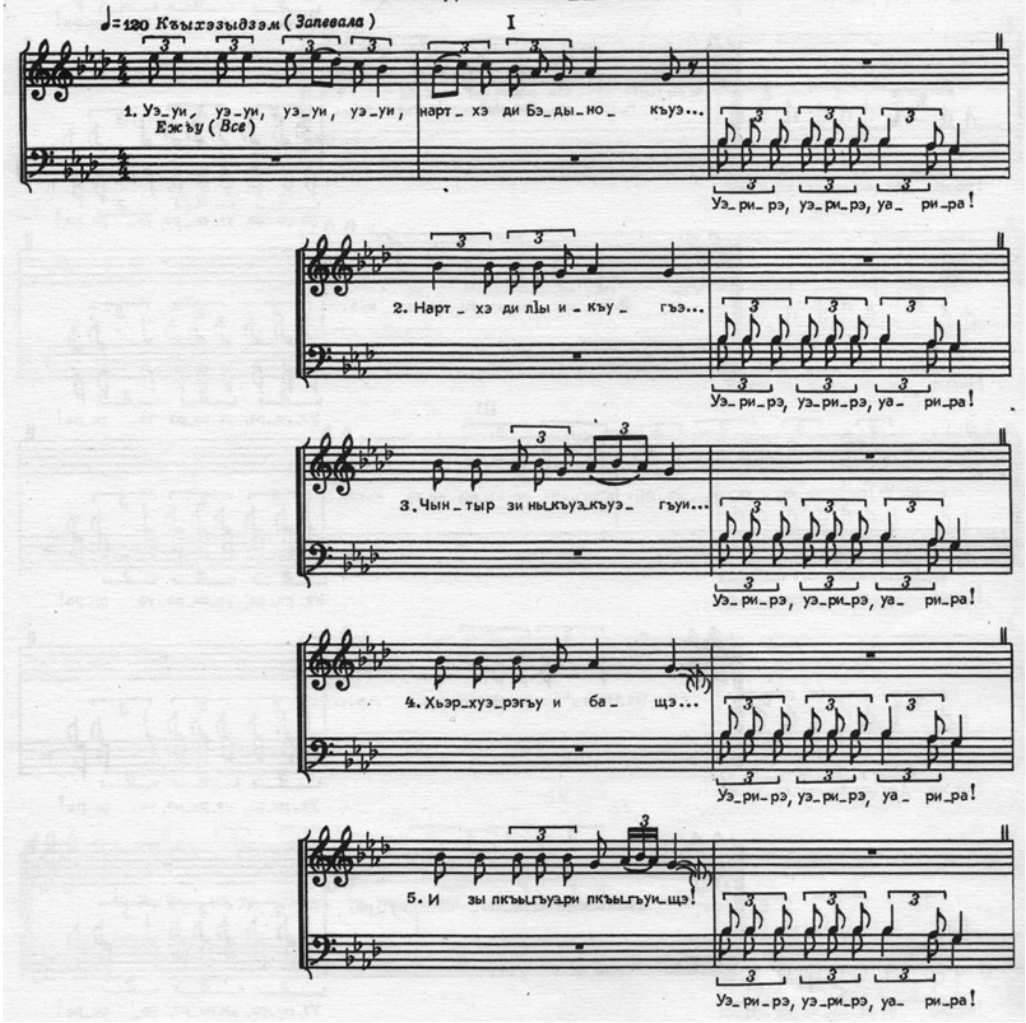
Яраби (*ярэби*) – междометие со значением удивления (сомнения).

НОТЭ ГУЭДЗЭНХЭР

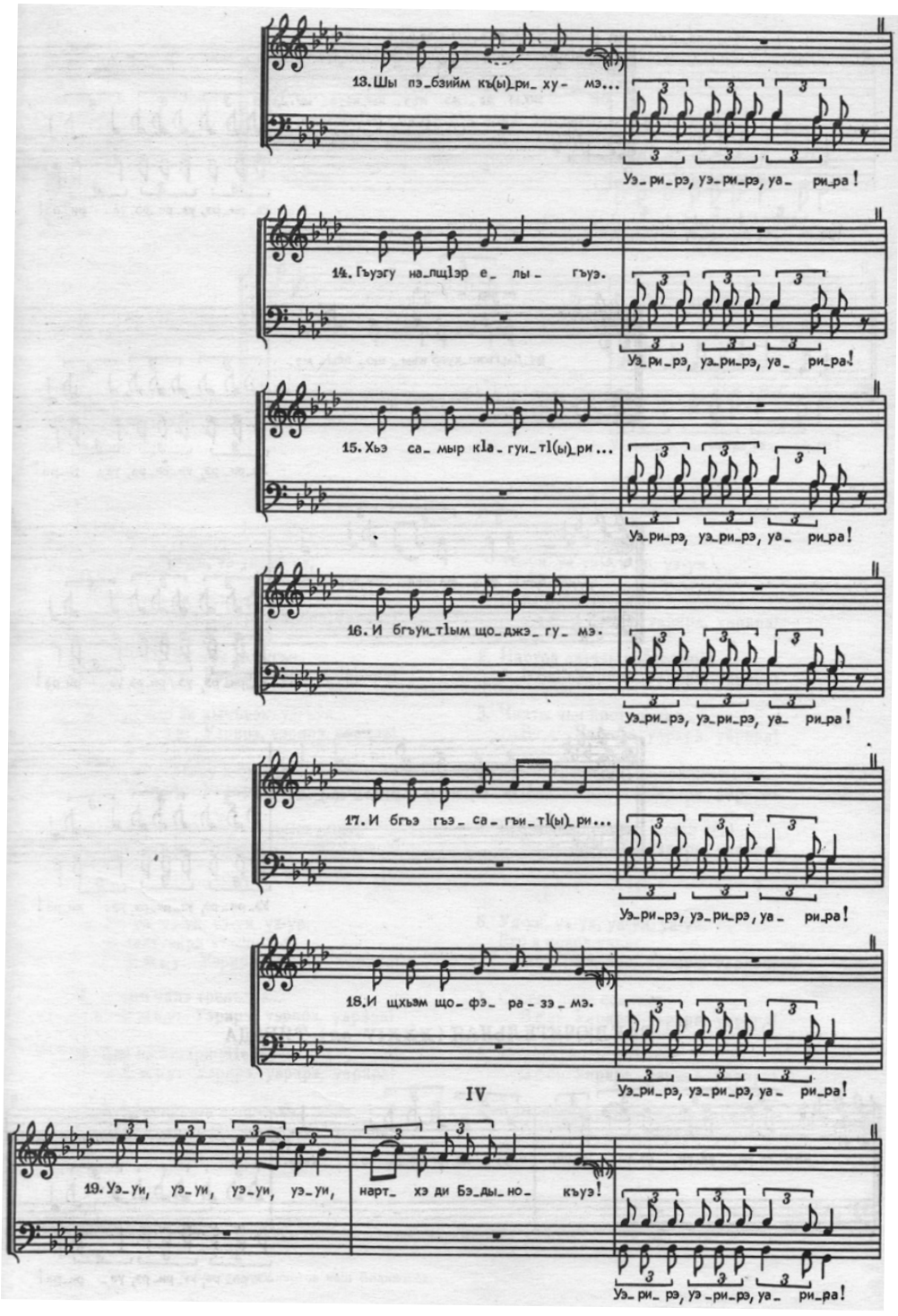
НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

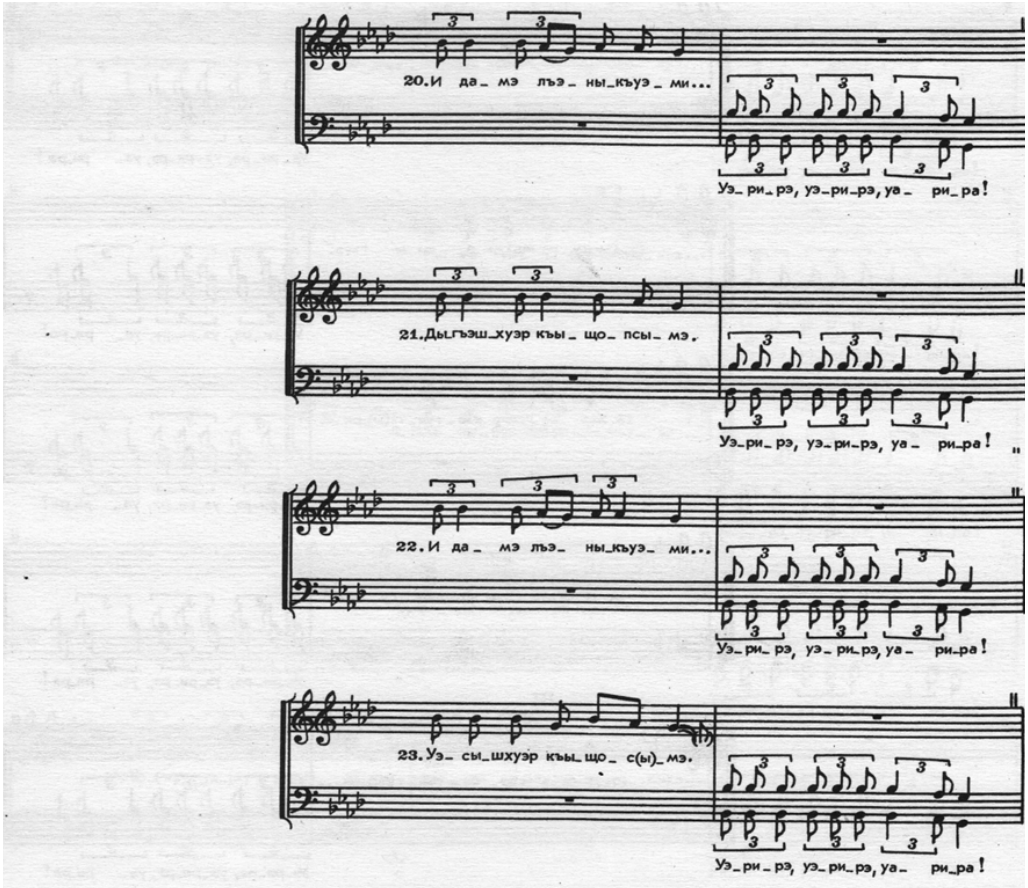
БЭДЫНОКЪУЭ НАРТ 20. БАДИНОКО ПРИЕЗЖАЕТ ХАСЭМ КЪОКІУЭ НА ХАСУ НАРТОВ

КАБАРДИНСКАЯ ВЕРСИЯ

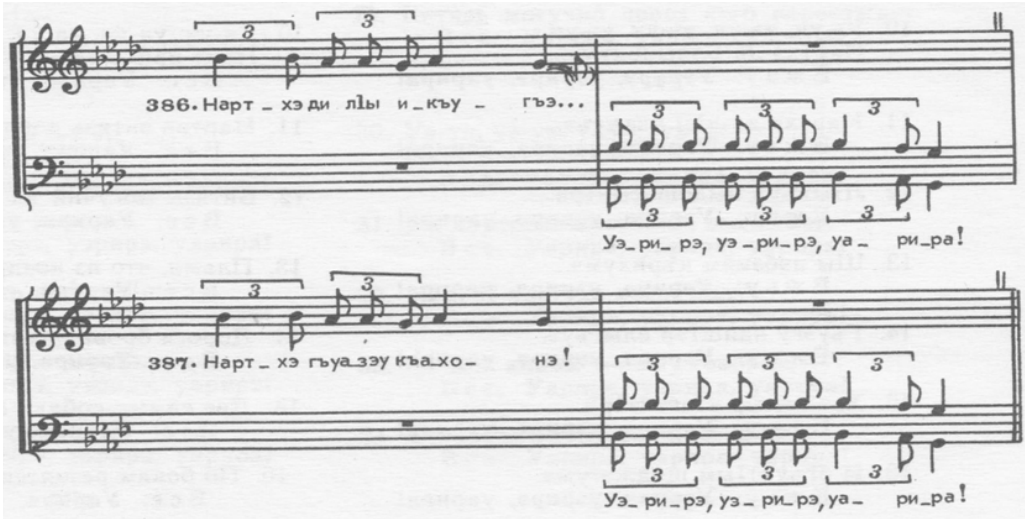


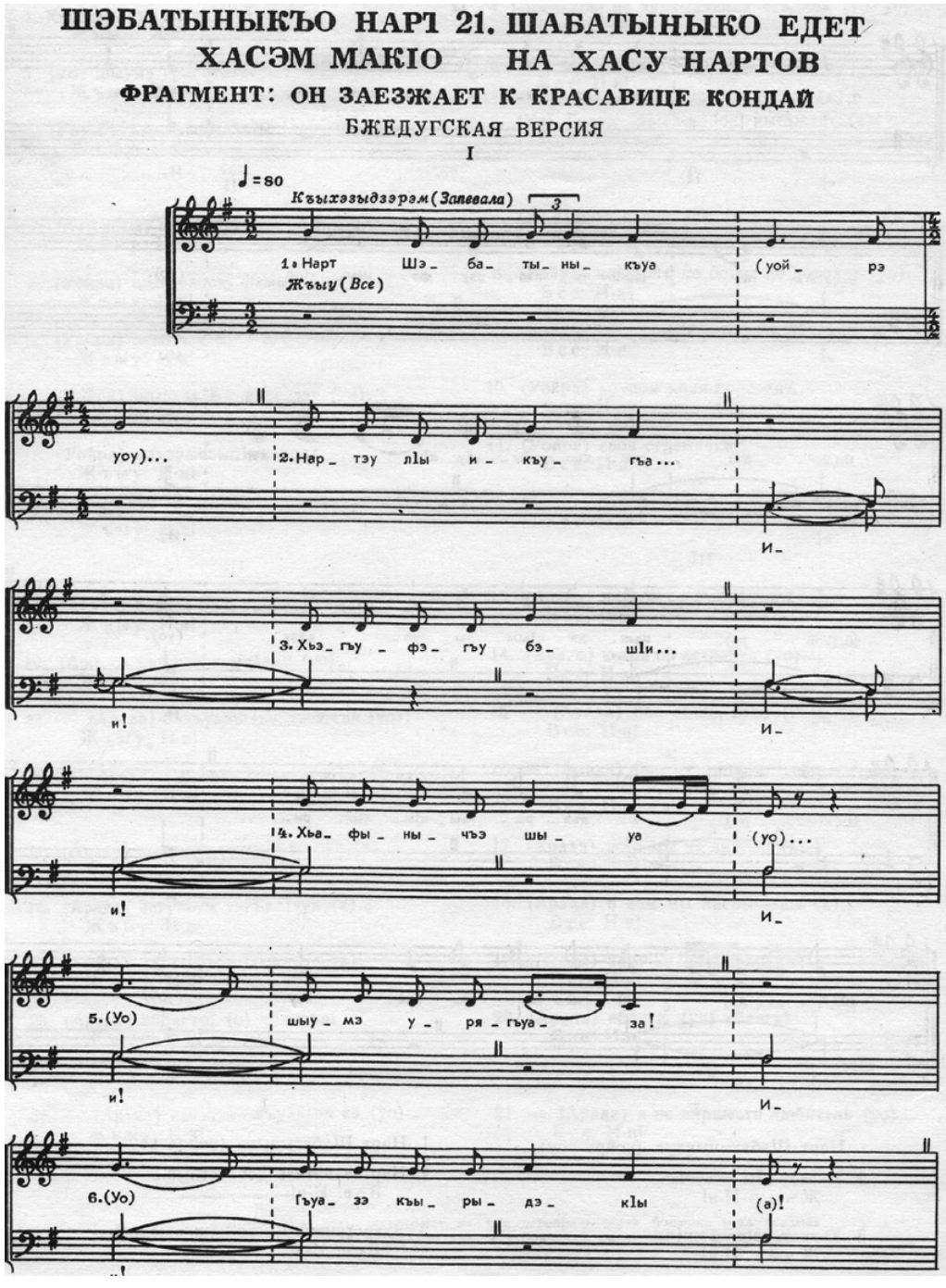
II
6. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, и зе_кlуэ.н(ы)_ри къыщо_хьэ.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
7. Иш_ми уа_нэ т(ы)_релъ_хьэ...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
8. Шы ны_бэп_х(ы)_ри щlе_къу_зэ...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
9. Зэ_щlе_къу_зэ_ри но_шэс_къэ.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
III
10. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, нарт_хэ ди Бэ_ды_но_къуэ...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
11. Нарт_хэ ди лlы и_къу_гъэ...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!
12. Лlы_хъур ны_до_шэ_сы_кl(ы)_ри.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ри_ра!


13. Шы пэ_бзийм къ(ы)_ри_ ху- мэ...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
14. Гъуэгу на_лщlэр е_ лы_ гъуэ.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
15. Хьэ са_ мыр кlа_ гуи_ тl(ы)_ри...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
16. И бгъуи_тlым що_ джэ_ гу_ мэ.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
17. И бгъэ гъэ_ са_ гъи_ тl(ы)_ри...
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
18. И щхьэм що_ фэ_ ра- зэ_ мэ.
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!
IV
19. Уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, уэ_уи, нарт_ хэ ди Бэ_ды_но_ къуэ!
Уэ_ри_рэ, уэ_ри_рэ, уа_ ри_ра!



ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ (XXXIV-ая) ТИРАДА


386. Нарт _ хэ ди лIы и _ къу _ гъэ...
Уэ_ри_ рэ, уэ _ ри _ рэ, уа _ ри _ ра!
387. Нарт _ хэ гъуа_зэу къа_хо _ нэ!
Уэ_ ри _ рэ, уэ _ ри _ рэ, уа _ ри _ ра!


ШЭБАТЫНЫКЪО НАРІ 21. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ЗАЕЗЖАЕТ К КРАСАВИЦЕ КОНДАЙ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ
I
♩=80
Къыхэзыдзэрэм (Запевала)
3
1. Нарт Шэ - ба - ты - ны - къуа (уой - рэ
Жъыу (Все)
уоу)...
2. Нар - тэу лІы и - къу - гъа...
И-
3. Хьэ - гъу - фэ - гъу бэ - шІи...
и!
И-
4. Хьа - фы - ны - чъэ шы - уа (уо)...
и!
И-
5. (Уо) шыу - мэ у - ря - гъуа - за!
и!
И-
6. (Уо) Гъуа - зэ къы - ры - дэ - кІы (а)!

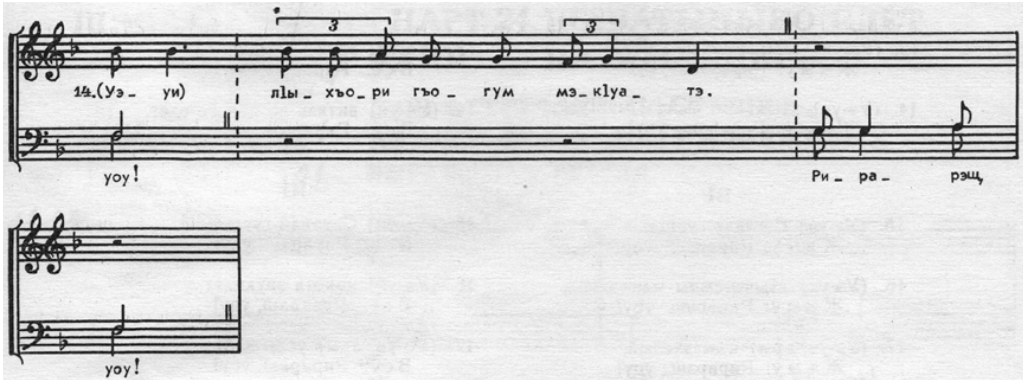
II
7. (А) Пшы_ зэ и_ и_ кIы_ гъо_ хэ_ ри (уо)...
и! И_
8. (Уой_ ра) шы_ чэ_ пэп_ сэу фэ_ мы_ хъуи (уо).
и! И_
9. (Уой_ ра) лсы_ хъо_ цIы_ кIу кIы_ Iу_ хэр...
и! И_
10. (Уой ра) шып_ хэ_ кIым зы_ ре_ дзэу (уо).
и! И_
11. (Уой_ ра) и_ лъэ_ ры_ гъы_ цIы_ кIо_ ри...
и! И_
12. (А_ рэ_ да, ра) къы_ щы_ зэ_ бле_ хъу (уо).
и! И_ [и!]

ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 22. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ЗАЕЗЖАЕТ К КРАСАВИЦЕ АГУАНДЕ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ
♩=60-80
Къыхэзыдзэрэм (Залевала)
1. Нар_ ты Шэ_ ба_ ты_ ны_ къуа...
Жъыу (Все)
Удары в ладоши
А_ рэ, а_ рэ, уо_ рэ_до!
Шэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ пщы_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_дэ!
2. Пщы_ мэ я_ лы_ я_ гъэ_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_ до!
Хьа_ гъу-шъу_ гъу бэ_ шІэ_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_да!
3. Яб_ гэр и_ шІы_ хьа_ фы_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_дэ!

Хьа_ фы_ны_ чъэ шы_ у_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_до!
4. Шыу_ мэ я_ лы_ я_ гъэ_ ри...
Уо_ рэ, уо_ рэ_да!
Те_ нэ къы_ рэ_гъуа_ зэ_ ри...
Уо_ рэ_дэ!
Гъуа_ зэ къы_ ры_ дэ_ кIы_ ри.
Уо_ рэ, уо_ рэ_до!

ЩЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 23. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ В ПУТИ САТАНАЙ,
И ОНА ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕБЕ
ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ
♩=102 Къыхэзыдзэрэм (Залевала)
I
1. Нар_ тэ_ о Щэ_ ба_ ты_ ны_ къуай...
Жъыу (Все)
Ри_ ра_ рэщ,
2. Нар_ тэо лІы и_ къу_ гъэшъ о...
уоу!
Ри_ ра_ рэщ,
3. Хьа_ гъу-фэгъу_хэ_ ри зи_ бэ_ шІа...
уоу!
Ри_ ра_ рэщ,
4. Е_ бга_ шІэ_хэ_ри зи_ хьа_ фы!
уоу!
Ри_ ра_ рэщ,
5. (Уэ_ уи) мэ_ къу_ фэ_ ри зи_ пчышъ_ хьа...
уоу!
Ри_ ра_ рэщ,
6. (Уэ_ уи) я_ лы_ е_ хэр зи_ Іа_ ща...

II
7.(Уэ – уи) тхьа – щэ – рып – хэр зи – гъу – са!
уоу!
Ри – ра – рэщ,
8.(Уэ – уи) и – мы – гъу – сэ – хэ – ри е – хъуап – са.
уоу!
Ри – ра – рэщ,
9.(Уэ – уи) лIы хъоп – са – гъо – уи мэ – зе – кIо...
уоу!
Ри – ра – рэщ,
10.(Уэ – уи) нарт – мэй а – пэ – зе – кIо – жьа.
уоу!
Ри – ра – рэщ,
11.(Уэ – уи) щыб – гэ – мэ те – гъэ – кIы – кIый.
уоу!
Ри – ра – рэщ,
12.(Уэ – уи) кIы – чы – сы – чы ма – къы – хэр...
уоу!
Ри – ра – рэщ,
13.(Уэ – уи) лIы – хъу – мэ хи – гъэ – ly – кIэ – о...
уоу!
Ри – ра – рэщ,
с 5403 т


14.(Уэ_ уи)
лIы_ хъо_ри гъо_ гум мэ_кIуа_ тэ.
уоу!
Ри_ ра_ рэщ
уоу!

ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 24. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ

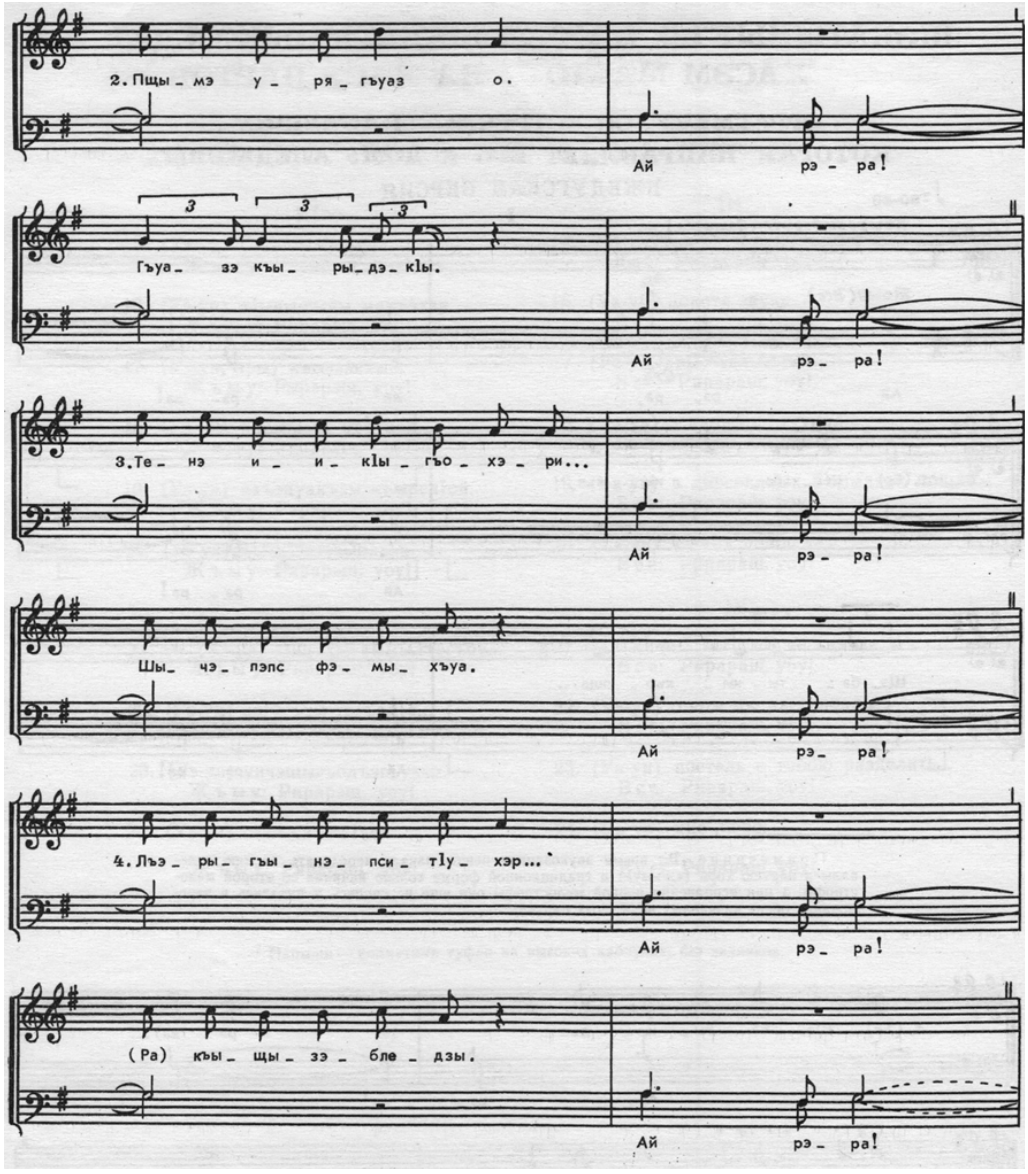
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУШКУ, КОТОРАЯ НАПРАВЛЯЕТ ЕГО К ДОМУ АЛЕДЖЕВЫХ

БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ

I

Примечание. Во время звукозаписи певцы начали чередовать партию запевалы и партию хора («жъыу») в традиционной форме только начиная со второй мелострофы, а при исполнении первой мелострофы они еще не спелись и путались в чередовании обеих названных вокальных партий:

В связи с этим в 3, 4 и 5-й такты публикуемой выше аналитической нотации внесены необходимые коррективы в квадратных скобках.

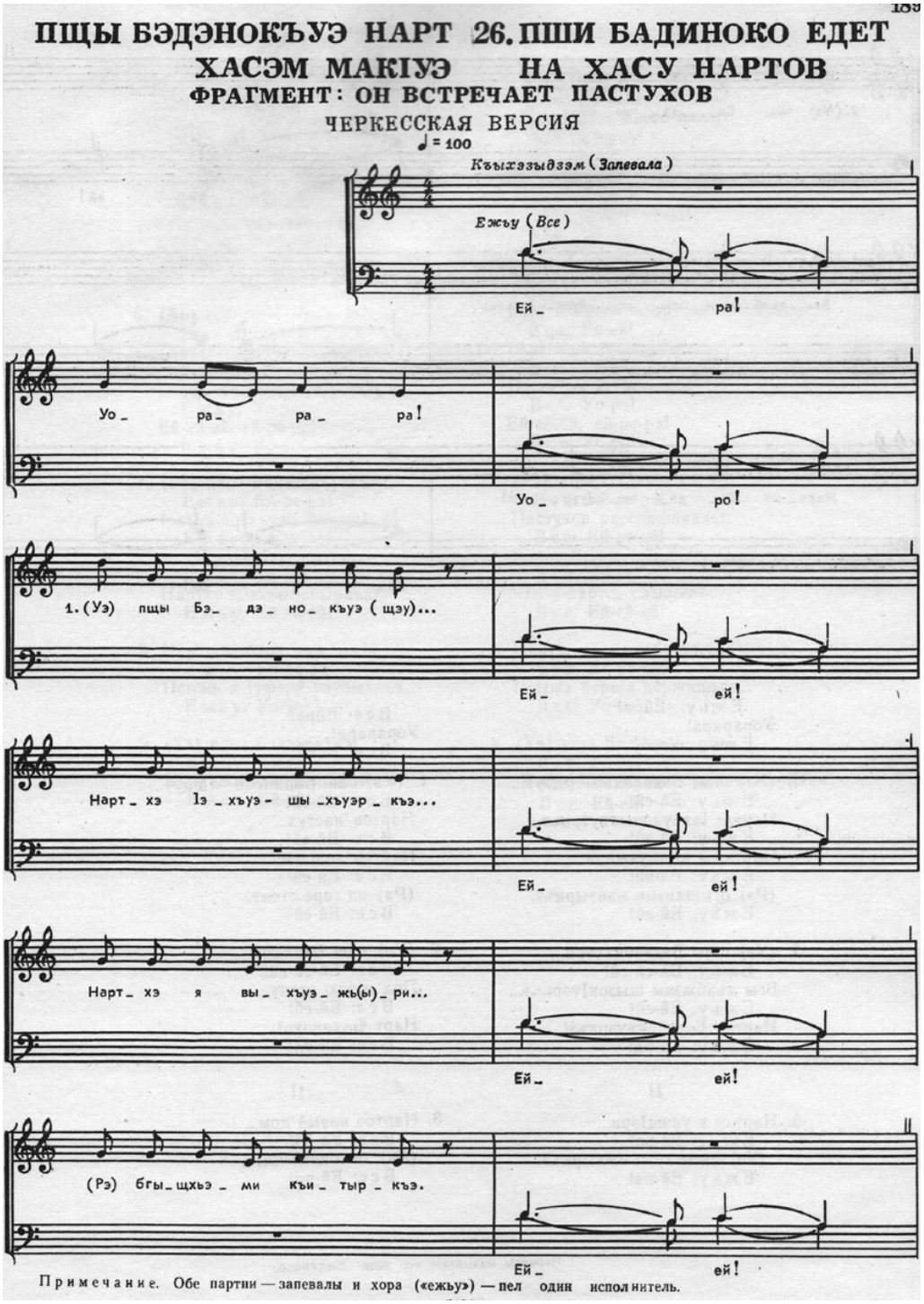

2. Пщы - мэ у - ря - гъуаз о.
Ай рэ - ра!
Гъуа - зэ къы - ры - дэ - кlы.
Ай рэ - ра!
3. Те - нэ и - и - кlы - гъо - хэ - ри...
Ай рэ - ра!
Шы - чэ - пэпс фэ - мы - хъуа.
Ай рэ - ра!
4. Лъэ - ры - гъы - нэ - пси - тlу - хэр...
Ай рэ - ра!
(Ра) къы - щы - зэ - бле - дзы.
Ай рэ - ра!

ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 25. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЕМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ
I
♩=72
Къыхэзыдзэрэм (Запевала)
1. Нарт Шэ - ба - ты - ны - къо - ба...
Жъыу (Все)
Уа - ри - ра!
2. Ер зи - нэ - къо - къо - гъу - ба...
Уа - ри - ра!
3. Хьа - гъуэ - шъу - гъу бэ - шІы - ба...
Уа - ри - ра!
4. Шу зы - па - мы - шІы - жьы - рэ!
Уа - ри - ра!
♩=80
15-19 МЕЛОСТРОФЫ II-ой ТИРАДЫ
15. Дул - Ду - лым къы - ре - хы - ба.
Уа, уа - ри - рау, рау!
16. И хьэ - са - мы - ри - тІу - ри...
Уа, уа - ри - рэу, рэу!

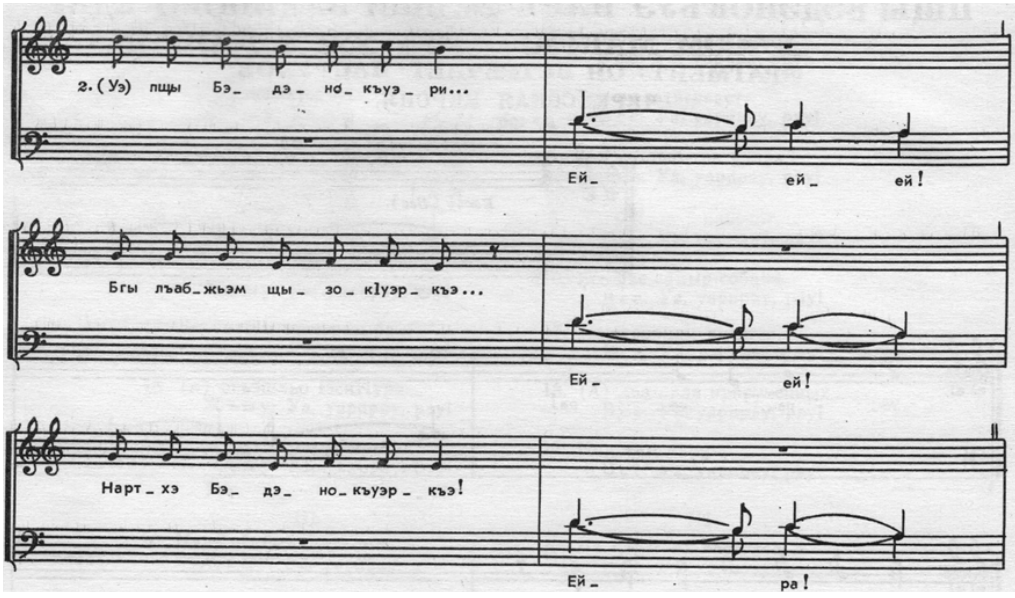
17. Бгъуи_тlум щэ_ чэ_ рэ_ зы_ ба...
Уа, уа_ ри_ рэу, рэу!
18.(А) бгъаш_ хъо lэ_ си_ тlу_ ри...
Уа, уа_ ри_ рэу, рэу!
19. Ышъ_ хьа_ гъым щэ_ фар_ зэ_ ба!
Уа, уа_ ри_ рэу, рэу!

ПЩЫ БЭДЭНОКЪУЭ НАРТ 26. ПШИ БАДИНОКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІУЭ НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ

ЧЕРКЕССКАЯ ВЕРСИЯ



Примечание. Обе партии — запевалы и хора («ежьу») — пел один исполнитель.


2. (Уэ) пщы Бэ_ дэ_ но_ къуэ_ ри...
Ей_ ей_ ей!
Бгы лъаб_жьэм щы_ зо_ кIуэр_ къэ...
Ей_ ей!
Нарт_хэ Бэ_ дэ_ но_ къуэр_ къэ!
Ей_ ра!

ЩЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 27. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ

ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХОВ

ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

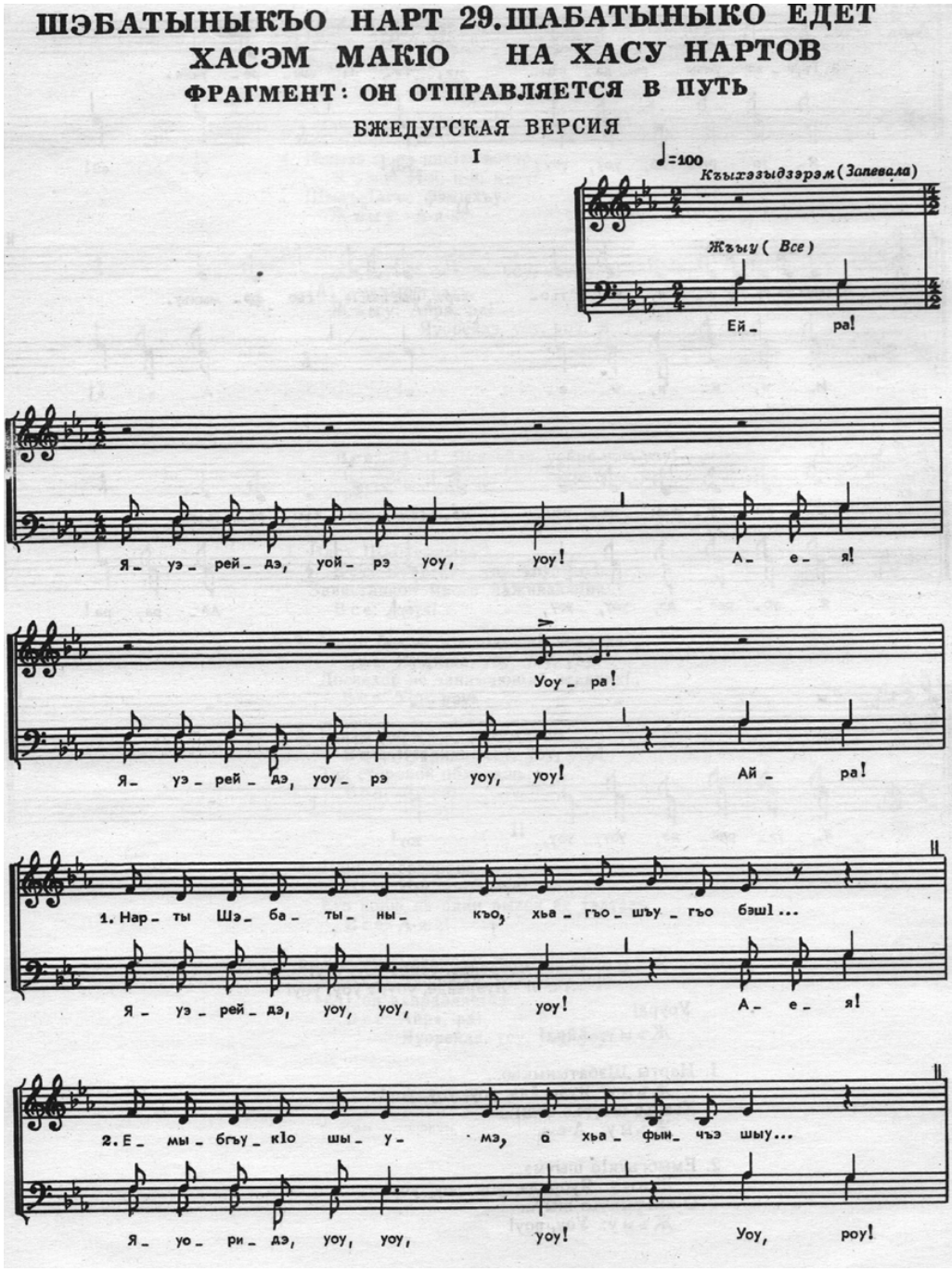
ЩЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 28. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ

ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ

I

(Уэ_ рэ_ дау_ рэ) Щэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ пщэ_ уи (уо_ уи)...
ай!
Уо_ уи,
(Уа_ рай_ да_ рэ) пщы гъ_щэу хьа_ гъу-шъу_ гъуо_ уи (уо_ уи)...
ай!
Уо_ уи,
(Уэ_ рэ_ дау_ рэ) хьа_ гъу-шъу_ гъу бэ_ шIэ_ уи (уо_ уи)...
ай!
Уо_ уи,
(Уэ_ рэй_ дэ_ рэ) яб_ гэ_шIэр зи_ хьа_ фы_ я (уо уи)...
ай!
Уо_ уи,
(Уа_ рай_ да_ рэ) хьа_ фын_ чэ_ ри щэ_ уи_ я (уо уи)!
ай!
Уо_ уи, ай!


ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ 29. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ
I
♩=100
Къыхэзыдзэрэм (Запевала)
Жъыу (Все)
Ей- ра!
Я- уэ- рей- дэ, уой- рэ уоу, уоу! А- е- я!
Уоу- ра!
Я- уэ- рей- дэ, уоу- рэ уоу, уоу! Ай- ра!
1. Нар- ты Шэ- ба- ты- ны- къо, хьа- гъо- шъу- гъо бэшІ...
Я- уэ- рей- дэ, уоу, уоу, уоу! А- е- я!
2. Е- мы- бгъу- кІо шы- у- мэ, а хьа- фын- чъэ шыу...
Я- уо- ри- дэ, уоу, уоу, уоу! Уоу, роу!

3. Гъуа_зэ укъы_ры_дэ_кІы_ мэ, Тэ_ нэ щы_ре_уахь.
Я_ уо_ри_дэ, уоу, уоу, уоу! Ей_ ей!
II
4. Пщы_зэ гу_щэ и_ и_ кІы_ гъо_ хэр... шы_лъа_Іа_ гъо фэ_мыхъу.
И_ и, и_ и, и_ е_ е! А_ я_ я!
5. Е_ зы_ гу_жьы нэ_кІы_ мэ... (а) зы_ къы_ре_гъахь.
Я_ уо_рей_дэ, уоу, уоу, уоу! Ай_ ра, ра!
Я_ уэ_рей_дэ, уоу, уоу, уоу!

ЩЭБАТЫНЫКЪУЭ НАРТ 30.ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІУЭ НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ
КАБАРДИНСКАЯ ВЕРСИЯ
I
♩=84
Къыхэзыдзэм (Запевала)
Уей, уей, уей, уей, уей!
Жъыу (Все)
Уэ_ рай_ дэ, рай_ дэ, уа_ ре_ да!
Уа_ ре_ да!
1. Нарт Щэ_ ба_ ты_ ны_ къуэ_ ри, уа_ ре_ да...
Уа_ ре_ да!
2. Чын_ тэр ны_ къуэ_ къуэ_ гъу_ тэ_ къэ, уа_ ре_ да...
Уа_ ре_ да!
3. Хьэ_ гъу_ фы_ гъуэ бэщІ_ ти, уа_ ре_ да...
Уа_ ре_ да!
4. Яб_ гэн щІы_ хьэху_ ти, уа_ ре_ да...
Уа_ ре_ да!
5. Хьэ_ хун_ чэ шу_ ти, уа_ ре_ да!
Уа_ ре_ да!

II
6.-(Уэ) хьэ - мэ къилъ - хуа - ти, уа - ре - да...
Уа - ре - да!
7. Шы тхъуэ - жьыр щIэфш - къэ, уа - ре - да!
Уа - ре - да!
8. Уа - нэ къыс - ху - теф - лъхьэ - тэ - къэ, уа - ре - да!
Уа - ре - да!
III
9. Шы тхъуэ - жьыр щIа - ш(ы) - ри, уа - ре - да...
Уа - ре - да!
10. Уа - нэ ху - т(ы) - ра - лъхьэ - тэ - къэ, уа - ре - да!
Уа - ре - да!
11. Нар - ты - шхуэ шу - ти, уа - ре - да...
Уа - ре - да!
12. А - ри мэ - шэ - с(ы) - ри, уа - ре - да!
Уа - ре - да!

ЩЭБАТЫНЫКЪО ЯТЭ ЗЫУКIЫГЪЭМ ЫЦIЭ КЪЫШIЭНЭУ ЫУЖ ИТ
А. ШАБАТЫНЫКО ПЫТАЕТСЯ УЗНАТЬ ИМЯ УБИЙЦЫ ОТЦА
ШАПСУГСКАЯ ВЕРСИЯ
♩=96 Къыхэзыдзэрэм (Запевала)
I
1.(Уэ_ рэ_ дэ_ рэ) нарт Щэ_ ба_ ты_ ны_ къо_ я...
Жъыу (Все)
Уа_ рэ, уэ_ рэ_дэ!
2.(Уэ_ рэ_ дэ_ рэ) нарт лIы и_ къу_ гъэ_ я...
Уа_ рэ, уэ_ рэ_дэ!
3.(Уэ_ рэ_ дэ_ рэ) лIы и_ къу_ гъэ ба_ шIэ_ я...
Уа_ рэ, уэ_ рэ_дэ!
4.(Уэ_ рэ_ дэ_ рэ) е_ бга_ шIэр зи_ хьа_ фы_ я!
Уа_ рэ, уэ_ рэ_дэ!

ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ
ХАСЭМ МАКІО
б. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
НА ХАСУ НАРТОВ
БЖЕДУГСКАЯ ВЕРСИЯ
I
♩=80
1. (А) нарт Шэ_ ба_ ты_ны_ къо_ я (уо)...
(Ай, ай) нар_ т(ы)_мэ я яъэ_ къо_ гъуа (а)...
2. (А) хъа_ гъу_ фэ_ гъу бэ_ шІа (а)...
(Ай) яб_ гэ_ хэр зи_ шІы_ хьа_ фа (а)...
(А) ар хьа_ фы_ чъэ шы_ уа (а).

ШЭБАТЫНЫКЪО НАРТ в. ШАБАТЫНЫКО ЕДЕТ
ХАСЭМ МАКІО НА ХАСУ НАРТОВ
ФРАГМЕНТ: ОН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХА
АБАДЗЕХСКАЯ ВЕРСИЯ

ПСАЛЪАЩХЬЭХЭР
СОДЕРЖАНИЕ

Быхъурэ М.Ф., Гъут І.М. Бэдынокъуэрэ Щауейрэ ехьэлІа хъыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ 7
А.М. Гутов, М.Ф. Бухуров. Нартские сказания о Бадиноко и Шауее в фольклоре адыгов 17

Япэ Іыхьэ
Бэдынокъуэ (Пщыбадинокъуэ, Шэбатынокъо)

Часть первая
Бадиноко (Пшибадиноко, Шабатыныко)

1. Бэдынокъуэ къызэралъхуар 28
Рождение Бадиноко 31
2. Шэбатнокъо икъэхъуІ'эр 35
Рождение Шабатныко 37
3. Нарт Шэбатнокъо икІэлэгъор 39
Юность нарта Шабатныко 45
4. Бэдынокъуэ зэрагъэжейуэ щыта гущэ уэрэд 52
Колыбельная, которой укачивали Бадиноко 53
5. Бэдынокъуэ чынтым зэрезэуар 55
Как Бадиноко сражался с чинтами 56
6. Нарт Шэбатнокъо икъэхъукІ 59
Рождение нарта Шабатыныко 62
7. Нарт Шэбатнокъо икъэхъукІ. Орзэмэдж къызэригъэнэжьыгъэр .. 67
Рождение нарта Шабатыныко. Как он спас Орзамеджа 70
8. Нарт Шэбатнокъо икъэхъукІ. Ятэ къызэригъэнэжьыгъэр 74
Рождение нарта Шабатныко. Как он оставил отца в живых 77
9. Нарт Пщы Бадинокъуэ и япэ ежьэ 81
Первый выезд нарта Пши Бадиноко 83
10. <Пщыбадинокъо> 87
<Пшибадиноко> 102
11. Нарт Шэбатнокъо ипщыналъ 110
Пщинатль о нарте Шабатныко 113
12. Щэбатынокъуэ и уэрэд 117
Песнь о Шабатыноко 121
13. Шэбатынокъо ипщыналъ 125
Пщинатль о Шабатыныко 132
14. Нарт Пщы Бэдэнокъуэ 139
Нарт Пши-Баданоко 141
15. Нарт Шэбатынокъо ипщыналъ 143
Пщинатль о нарте Шабатыныко 145
16. Нат Шэбатынокъу 147
Нат Шабатынук 149
17. Нарт Шэбатынокъо иорэд 151
Песнь о нарте Шабатынуке 153
18. Нарт Шэбатынокъу 155
Нарт Шабатынук 157

19. Нарт Шэбатныкъо Іалэдж яунэжъ къызэрэкІуагъэр 161
Как Шабатныко приезжал в старый дом Аледжей 162
20. Шэбатныкъо Нарты къэзэрэкІуагъэмрэ Саусырыкъо
къызэрэригъэщагъэмрэ 163
Как Шабатыныко приезжал в Нартию и как он женил <нарта>
Саусырыко 166
21. Нарт Сосрыкъуэрэ Пщы Бадинокъуэрэ
зэрызэныкъуэкъуам и хъыбар 169
Сказание о том, как спорили нарт Сосруко и Пши-Бадиноко 171
22. Бэрдынокъуэ и хъыбар
(*Жьы хъуар бгым щыдзын хабзэр зэригъэкІуэдар*) 174
Сказание о Бардыноко
(*Как был упразднен обычай сбрасывания старцев со скалы*) 178
23. Бэдын и къуэ Бэдынокъуэ и хъыбарыжь
(*И адэр ЖьыукІ хасэм къызэрыришыжамрэ
бгым щыдзын хабзэр зэригъэкІуэдамрэ*) 183
Старинное сказание о Бадыноко, сыне Бадына
(*Как он спас отца от Хасы убиения стариков
и как отменил обычай сбрасывания стариков со скалы*) 186
24. Бэдынрэ Бэдын и къуэмрэ я хъыбар 190
Сказание о Бадыне и сыне Бадына 192
25. Нарт Шэбатыныкъо ипщыналъ 195
Пщинатль о нарте Шабатыныко 196
26. Нарт Пщы Бэдинокъуэ и хъыбар
(*Хасэм зэрыкІуамрэ Лъэпщ и пхъур къызэрашамрэ*) 198
Хабар о нарте Пши Бадиноко
(*Как он на хасу ездил и как у Тлепша дочь отбирали*) 201
27. Нарт Пщы Бэдэнокъуэ и хъыбар
(*Псэлъыхъу зэрыкІуамрэ нарт Сосырыкъуэр зэрыІэщІэкІуэдамрэ*) ... 204
Хабар о нарте Пши Баданоко
(*Сватовство Баданоко и гибель нарта Сосруко от его руки*) 207
28. Шэбатныкъо нартымэ ашыпхъу къызэрищагъэр 210
Как Шабатныко женился на сестре нартов 212
29. Шэбатыныкъо Іэкуандэ дэжь къызэрэкІуагъэр 214
Как Шабатыныко к Акуанде приехал 219
30. Нарт Шэбатныкъо къызэрищагъэр 224
Как женился нарт Шабатныко 226
31. Шэбатыныкъо Куандэ къызэрищагъэр 227
Как Шабатыныко женился на Куанде 228
32. Нарт Пщыбэдынокъуэ Агуандэ лъыхъуну зэрыкІуар 229
Как нарт Пшибадиноко ездил свататься к Агуанде 231
33. Шэбатныкъо Іэкуандэ дэжь псэлъыхъо зэрыкІогъагъэр 232
Как Шабатныко ездил свататься к Акуанде 234
34. Нарт Шэбатынэкъо Іэкондэ-дахэ дэжь къызэрэкІогъагъэр 236
Как нарт Шабатынэко приезжал к Акуанде красавице 238
35. Пщыбадинокъуэ ФэзэхъуэкІ-гуащэр къызэришар 240
Как Пши Бадиноко женился на Фазахоч-гуаше 241
36. Пщы Бэрдынокъуэ и хъыбар
(*Пщы Бэрдынокъуэрэ Малчыпхъурэ*) 244
Сказание о Пши Бардыноко
(*Пши Барданоко и Мальчипх*) 246

37. Нарт Шэбатныкъо къызэрищагъэр 248
Как нарт Шабатыныко женился 253
38. Нарт Пщы Бэдэнокъуэ и хъыбар 259
Сказание о нарте Пши Баданоко 262
39. Нарт Хъыжьэ и хъыбарыжьыр 266
Старинное сказание о нарте Хыже 277
40. Нарт Шэбартыныкъорэ Чэчанэкъо Чэчанрэ 288
Нарт Шабартныко и Чачаныко Чачан 325
41. Нарт Шэбатныкъорэ Чэчанэрэ 364
Нарт Шабатныко и Чачана 369
42. Нат Щэбатынэкъорэ Чэчан ыкъо Чэчанрэ 373
Нат Щабатыноко и Чачана сын Чачаны 376
43. Пщы Бэдэнокъуэрэ Чаушырэ я хъыбар 379
Сказание о Пшибаданоко и Чауше 383
44. Нарт Сосрыкъуэ, Ерыхъшу, Щабатыныкъуэ сымэ я хъыбар 387
Сказание о нартах Сосруко, Ерыхшу и Шабатнуко 391
45. Бэдынокъуэ бажафэр Сосрыкъуэ къызэрыфIихьар 397
Как Бадиноко в споре отобрал у Сосруко лисью шкуру 403
46. Бэдэнокъуэрэ Сосрыкъуэрэ 410
Баданоко и Сосруко 413
47. Пщы Бадинокъуэ и кIуэдыжыкIар 417
Гибель Пши Бадиноко 418
48. Нарт Шэбатныкъо икIодыкI 420
Гибель нарта Шабатныко 420
49. Нарт Шэбатныкъо икIодыкI 421
Гибель нарта Шабатныко 424
50. Щэбатыныкъо илIакI 426
Гибель Шабатыныко 429

ЕтIуанэ Iыхьэ
Щауей

Часть вторая
Шауей

1. Дэбэч, Дэбэч и къуэ Къуагуэ, Къуагуэ и къуэ Къэрэшыуей сымэ я хъыбар 433
Сказание о Дабече, сыне Дабеча Куаго, сыне Куаго Карашауее 437
2. Нарт Къандж Iалыгуджэ-гуащэ къызэрищагъэр 442
Как нарт Кандж женился на Алегудже-гуаще 444
3. Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ 448
Шауей, сын Канжа, единственный сын Нарибгеи 452
4. Къанж и къуэ Щауей и хъыбар (*Щауей и къэхъукIэр, Щауейрэ и хьэщIэмрэ*) 457
Сказание о Шауее, сыне Канжа (*Рождение Шауея, Шауей и его гость*) 460
5. Нарт Щауей и хъыбар (*Щауейрэ и хьэщIэмрэ*) 465
Сказание о нарте Шауее (*Шауей и его гость*) 473
6. Нарт Къэрэшыуей бгъэжь Ан-акъ иукIыу ЩхьэцыфIэ дахэр къызэришам и хъыбар 481

Сказание о том, как нарт Карашауей убил могучего орла Ан-ака и женился на красавице Шхацифе 484
7. Шу лъагъуэ. Къэрэшыуей и лъагъуэ 488
Путь всадника. Путь Карашууея 488
8. Сосрыкъуэ, Насрэн, Къанжэ и къуэ Щауей, Нэрыбгейм и къуэ закъуэ сымэ я хъыбар 489
Сказание о Сосруко, Насыране, Шауее сыне Канжа, единственном сыне Нарыбгеи 491
9. Щауей, Сосрыкъуэ, Насрэн ЖьакIэ сымэ я хъыбар 493
Сказание о Шауее, Сосруко и Насырен-Жаке 496
10. Нарт Шъэуае икIэлэгъум къехъулIэгъэ къэбар 500
Кабар о том, что приключилось с нартом Шауаем в молодости 505
11. Нат Шъэуае шыкъэфыжь зэрадэкIогъагъэр 510
Как нат Щауай поехал возвращать похищенных лошадей 512
12. Нарт Къэрэшыуей фыз къызэришам и хъыбар 515
Сказание о том, как нарт Карашауей женился 519
13. КIанщIэ и къуэ Щауей и хъыбар 524
Сказание о сыне Кянча Шауее 526
14. Нарт ТIотIрэшрэ Щауейрэ зэрызэхуэзар 529
Как повстречались нарт Тотреш и Шауей 532
15. Щауей щакIуэ тхьэмадэ зэрыхъуар 536
Как Шауей стал тхамадой охотников 538
Гуэдзэнхэр 542
Приложения 542
Указатель сказителей 543
Указатель собирателей 544
Указатель мест записи текстов 544
Словарь непереводимых слов 545
Нотэ гуэдзэнхэр 548
Нотные приложения 548

Научное издание

АНТОЛОГИЧЕСКИЙ СВОД АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА

НАРТЫ. АДЫГСКИЙ ЭПОС

Том 3

БАДИНОКО. ШАУЕЙ

На адыгском и русском языках

Научные редакторы:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (главный редактор), *Табишев М.А.*

Составление, перевод, комментарии тома:
Бухуров М.Ф., Гутов А.М. (руководитель группы),
Налоев З.М., *Табишев М.А.*, *Ципинов А.А.*

Компьютерная верстка *Гоновой А.Х.*
Техническое редактирование *Гоновой А.Х.*

Подписано к размещению 1.09.2020 г.
Формат 70x108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Century Schoolbook
Усл. печ. л. 51. Заказ № 258.

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 424697
E-mail: kbigi@mail.ru
Подготовлено к размещению Редакционно-издательским отделом ИГИ КБНЦ РАН